

ЧТЕНІЯ
ВЪ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
ОБЩЕСТВѢ
ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ
ПРИ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

1861

ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

1861

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

П Р И

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

1861.

ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва. Января 21-го дня, 1862 года.

Цензоръ Гиларовъ-Платоновъ.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

РУССКИХЪ ШКОЛЬНЫХЪ КНИГАХЪ

ХVII ВѢКА.

Въ послѣднее время въ Русской литературѣ появилось нѣсколько трактатовъ относительно обученія юношества въ до-Петровской Руси. Но такъ какъ почти до настоящей поры предметъ этотъ мало обращалъ на себя вниманіе нашихъ археологовъ, и отъ того мало подвергался ихъ изслѣдованію, то и эти послѣдніе трактаты, не имѣя возможности опереться на какіе либо выводы, полученныя прежними изыскателями Русскихъ древностей и исторіи нашего образованія, имѣютъ интересъ только, какъ попытки къ объясненію того, что такъ важно для исторіи нашего развитія. Это происходитъ отъ того, что ученые воспользовались далеко не всѣмъ, что предлагается намъ наша древняя письменность и что хранится еще по разнымъ библіотекамъ въ ненаданныхъ, но почти всѣмъ доступныхъ, рукописяхъ, ожидающихъ нашей разработки. Конечно, матеріалы эти не такъ богаты, чтобы по нимъ можно было надѣяться отчетливо уяснить и способы нашего обученія и методъ, и даже объемъ его; однако, если бы мы по возможности воспользовались всѣмъ, что намъ доступно, то свѣдѣнія наши относительно образованія до-Петровской Руси были бы не такъ скудны, какъ въ настоящую пору. Основываясь болышею частію на однихъ догадкахъ, тогда какъ, съ небольшими усиліями, можно было бы найти и положительные факты касательно тогдашняго обученія юношества, одни изъ изыскателей ограничиваютъ объемъ этого обученія чтеніемъ Часословца

и Псалтыри, другіе, напротивъ, мало-мало не заставляють дѣтей до-Монгольской Руси изучать философію во всѣхъ ея метафизическихъ тонкостяхъ. Разумѣется, и то и другое — крайность, происходящая отъ того, что изыскатели упустили изъ виду одно обстоятельство, именно: они не хотѣли обратить должнаго вниманія на памятники нашей древней письменности, которая одна въ состояніи рѣшить недоумѣнія и привести насъ, хотя немного ближе, къ истинѣ, чѣмъ всѣ простыя догадки.

Въ настоящее время я имѣю возможность пользоваться нѣсколькими драгоценными памятниками нашей письменности XVII-го вѣка, которые еще нигдѣ не были ни напечатаны, ни упомянуты, и которые могутъ служить къ объясненію многихъ интересныхъ сторонъ древней Русской педагогики. Матеріалы эти заключаются въ пространной рукописи, носящей названіе «Азбуковникъ а» и вмѣщающей въ себѣ нѣсколько разныхъ учебниковъ того времени, сочиненныхъ какими-то «первоостранникомъ», и отчасти списанныхъ имъ съ другимъ тогдашнимъ изданіемъ, которыя всѣ озаглавлены тѣмъ же именемъ, хотя и различны по содержанію и имѣютъ особенный счетъ листовъ.¹ Въ нихъ нѣтъ собственно азбукъ, букварей, тѣхъ первоначальныхъ учебниковъ, въ которыхъ помѣщались — весь алфавитъ, потомъ склады и слова поучительныя съ чтеніемъ нѣкоторыхъ молитвъ; но Азбуковники эти заключаютъ въ себѣ, по видимому, руководства къ чтенію для дѣтей, уже отчасти грамотныхъ, и руководства для самихъ учителей. Въ нихъ находятся даже правила для учащихъ и учащихся, что въ наше время обыкновенно входитъ въ кругъ «Уставовъ объ училищахъ»; за тѣмъ въ нихъ помѣщены въ образцы сочиненія писемъ, посланій къ высшимъ лицамъ и благодѣтелямъ, что теперь мы можемъ найти въ нашихъ образцовыхъ письмовникахъ.

Одна половина этого Азбуковника, имѣющая особенный счетъ листовъ, имѣетъ и свое предисловіе и оглавленіе статей, въ ней помѣщенныхъ. Предисловіе это довольно оригинально и заключаетъ въ себѣ отъ первой до послѣдней строки панегирикъ розгѣ, которою будто бы самъ Духъ Святой велитъ бить дѣтище; въ немъ есть

¹ Рукопись эту довѣрилъ мнѣ Преосвященнѣйшій Аванасій, Епископъ Саратовскій, которому считаю долгомъ свидѣтельствовать глубокую признательность за его великодушное снисхожденіе. Я пользуюсь этими матеріалами, на сколько они могутъ служить поясненіемъ предмета, взятаго цѣлюю моею статьи.

даже призываніе благословенія Божія на тѣ дѣса, которые родятъ добрыя розги, и, по мнѣнію сочинителя Азбуковника, самая лучшая розга «черемховая двоюдѣтная» для малыхъ дѣтей, а для болѣе взрослыхъ березовая; по его же словамъ, одна розга ведетъ дѣтей прямымъ путемъ до неба. Впрочемъ, для интересующихся предметомъ, мы позволимъ себѣ выписать все это обращеніе къ розгѣ, написанное стихами. Вотъ оно:

«Въ предисловіи мѣсто сіе полагаемъ.
 Розгою Духъ Святый дѣтище быти велитъ,
 Розга убо ниже мало здравія вредитъ.
 Розга разумъ во главу дѣтемъ вгоняетъ,
 Учить молитвъ и злыхъ всѣхъ встѣгаетъ.
 Розга родителемъ послушны дѣти творитъ,
 Розга Божественнаго писанія учитъ.
 Розга еще и бьетъ, но не ломитъ, кости,
 А дѣтище оставляетъ отъ всякія злости.
 Розгою еще отецъ и мати часто бьютъ дѣтище свое,
 Избавляютъ душу его отъ всякаго грѣха.
 Розга учить дѣлати вся присно ради хлѣба,
 Розга дѣти ведетъ правымъ путемъ до неба.
 Розга убо всякимъ добротамъ научаеъ,
 Розга и злыхъ дѣтей въ преблагія претворяетъ.
 Розгою отецъ и мати еже дѣтище не бьютъ,
 Удаву на выю его скоро увіютъ.
 Вразуми, Боже; матери и учителя,
 Розгою малыхъ дѣтей быти раители.
 Благослови, Боже, оныя дѣса,
 Иже розги добрыя родятъ на долгиа времена.
 Малымъ дѣтемъ розга черемховая двоюдѣтная,
 Сверхъстнымъ же березовая къ воумленію,
 Черемховая же къ страхованію ученія,
 Старымъ же дубовый жезлъ къ подкрѣпленію.
 Младъ бо безъ розги не можетъ ся воумити,
 Старый же безъ жезла не можетъ ходити.
 Аще ли же безъ розги изъ млада возрастется,
 Старости не достигъ, удобъ скончится.»

Подобное обращеніе къ розгѣ очень обыкновенно въ нашихъ старинныхъ учебникахъ. Въ печатной азбукѣ 1679 года находится такое же увѣщаніе о пользѣ наказанія, гдѣ говорится, что розга умъ остритъ, возбуждаетъ память и вообще исправляетъ «глупыхъ» и лѣнивыхъ дѣтей; между прочимъ увѣщаніе это говоритъ къ дѣтямъ:

«Цѣлуйте розгу, бить и жезлъ любайте:

Та суть безвинна, тѣхъ не проклиняйте!» ¹

Вообще надо замѣтить, что наша древняя педагогія считала необходимымъ на первой разъ показывать себя дѣтямъ съ тако стороны, которая и пріохотила бы ихъ къ ученику и въ то же время вложила бы въ сердце ихъ страхъ наказанія за лѣность и нерадѣніе и рѣдкое предисловіе учебной книги оставалось безъ этой обыкновенной угрозы, хотя самое обученіе не было такъ сурово и жестоко какъ нѣкоторые предполагаютъ, основываясь на однихъ этихъ увѣщаніяхъ. А увѣщанія были дѣйствительно суровы. Такъ, этотъ же самый Азбуковникъ, предисловіе котораго приведено нами выше, въ самомъ первомъ отдѣлѣ, передъ началомъ алфавита, озаглавивается слѣдующими словами: «Школьное благочиніе, всеспасительное ученіе»

«Хотящимъ Божественныхъ книгъ навикати,

Умомъ в сердцежь прилѣжно внимати,

Должно есть всѣмъ сіе сохраняти,

Учителево приказаніе опасно соблюдати.

Не покаяющимся полагаемъ клейпотъ —

Учителевъ ремень плѣтной.»

Послѣ этого заглавія, которое все написано кинноварью, слѣдуетъ стихотворное наставленіе, обращающее къ дѣтямъ слѣдующую рѣчь:

«Младоумный и маловозрастный отроча,

Въ дѣтскихъ глумленіихъ борзо скача:

Въ сердца своемъ скрый словеса сія,

Да насладится сердце твое бесецы сѣя;

Еще азъ тебѣ хошу сказати,

Тебе младаго отрока во благое наказати:

Малая моя словеса присно внимай,

Ты же ими ко исправленію ся взимай,

И добръ сохраняй.»

Содержаніе самихъ Азбуковниковъ соответствуетъ характеру тогдашняго образованія, нося на себѣ печать нравственно религіознаго направленія ума нашихъ предковъ. Но это содержаніе само по себѣ драгоцѣнно для насъ многими указаніями на способъ обученія юно-

¹ Статья г. Забѣлина: «Домашній бытъ Русскихъ Царей». VII, От. Зап. за 1684 г. N. 12, Отд. II, стр. 99, 100.

шества, школьную дисциплину, на порядки, какіе были заведены въ тогдашнихъ Русскихъ училищахъ; въ немъ мы находимъ, хотя безъ системы и разбросанными по разнымъ учебникамъ, правила для учащихся, наставленія, какъ вести себя дома, въ училищѣ, въ церкви и на улицѣ, и, наконецъ, указанія на тѣ школьные обычаи, которые существовали у нашихъ предковъ, нѣкоторые сохранились еще и до настоящаго времени.

Прежде всего я постараюсь собрать, сколько могу, разбѣянные въ этихъ Азбуковникахъ указанія на тотъ порядокъ, которому слѣдовали педагоги тогдашняго времени въ наученіи дѣтей книжному разумѣнію, и на правила, которыми руководствовались они, слѣдуя больше принятому обычаю и примѣру своихъ предшественниковъ и не имѣя законныхъ постановленій (какъ это существуетъ теперь), на которыхъ бы могли основать школьную дисциплину.

Самое первое, что мы видимъ при чтеніи Азбуковниковъ, это существованіе отдѣльныхъ училищъ, особыхъ домовъ, гдѣ собиралось Русское юношество для наученія «книжному дѣлу.» Были ли для этого устроены особенныя зданія на общественный счетъ, или на частномъ иждивеніи, или мѣстомъ обученія были дома и квартиры самихъ наставниковъ, положительно этого мы рѣшить не смѣемъ; но что дѣти собирались въ известномъ домѣ, въ училищѣ, и занимались тамъ ученіемъ до вечера или до вечеренъ, потомъ расходились по домамъ, это достоверно и доказывается очень многими мѣстами Азбуковниковъ. Впрочемъ, въ опредѣленіи Стоглава постановлено быть училищамъ при домахъ духовныхъ лицъ. Не рѣшаемся утверждать также и того, чтобы дѣти, во все время своего обученія, находились безотлучно въ самыхъ зданіяхъ училищъ¹; можетъ быть, это было прежде, но въ XVII вѣкѣ этого не было, или, по крайней мѣрѣ, существовали и такія училища, въ которыхъ дѣти не жили постоянно, какъ въ пансіонахъ, а приходили изъ дому утромъ и послѣ обѣда, находясь въ остальное время при родителяхъ. Этому мы найдемъ нѣсколько подтвержденій въ нашихъ же Азбуковникахъ. Важное свидѣтельство читаемъ мы въ нихъ относительно того, въ какихъ слояхъ Русскаго общества было распространено, если не образованіе, приличное тому времени, то, по крайней мѣрѣ, гра-

¹ О древне-Русскихъ училищахъ, Н. Лавровскаго. Харьковъ, 1854, стр. 105, 107.

мость. Въ одномъ азбуковникѣ, сама мудрость, поучая юношество и совѣтуя родителямъ всѣхъ состояній и званій, даже земледѣльцамъ, отдавать своихъ дѣтей въ наученіе къ ней, «прехитрой словесницѣ», говоритъ между прочимъ: «сего ради присно глаголю и глаголю непрестану людямъ благочестивымъ во слышаніе, всякаго чина же и сана, славнымъ и худороднымъ, богатымъ и убогимъ, даже и до послѣднихъ земледѣльцевъ, да своя немскусозлюбныя дѣти на таковое славословіе всеильнаго Бога и благоразумное ученіе вдаютъ; не оскорбляйтесь убо, ниже печаль си имѣютъ о невѣжествующихъ и грубородныхъ отроковъ, но и сихъ удобъ отдавайте.» Конечно, по этимъ словамъ мы не можемъ еще судить и дѣлать приговоръ о распространеніи грамотности между поселянами (этимъ нельзя еще и теперь похвалиться); но что такое явленіе считалось уже возможнымъ въ то время, въ нашей старой Руси, это неоспоримо. Впрочемъ, намъ довольно и того, если мы знаемъ, что въ школахъ до-Петровской Руси могло обучаться юношество всякаго состоянія и всѣхъ сословій, начиная отъ знати до самыхъ послѣднихъ земледѣльцевъ.

Весь день, по правиламъ Азбуковниковъ, распределенъ былъ для дѣтей слѣдующимъ образомъ. (Не надо забывать, что правила эти были въ самихъ учебникахъ и выучивались дѣтьми при упражненіяхъ въ чтеніи):

«Въ дому своемъ, отъ сна воставъ, умыйся,
 Прилучившагося плата краемъ добръ утрися,
 Въ поклоненіи святымъ образомъ продолжися,
 Отцу и матери визко поклонися.
 Въ школу тщательно иди,
 И товарища своего веди,
 Въ школу съ молитвою входи,
 Тако же и вонъ исходи.»

Въ другомъ Азбуковникѣ эти же самыя правила выражены нѣсколько иначе, съ указаніемъ на то, что въ заграничныхъ училищахъ приняты другіе школьные обычаи, но что у насъ, «въ Словенороссіи сіе заворно мнится.» Все же остальное почти дословно сходно съ правилами перваго Азбуковника, только написано не стихами, а прозой, какъ весь этотъ Азбуковникъ. «Прилѣпляющійся мнѣ, глаголетъ мудрость, и ищущій отъ мене благаго разума, въ домѣхъ своихъ рано встаютъ, и умылся, образу Божию низжай-

шимъ поклоненіемъ съ продолженіемъ да поклонится, и у рождшихъ благословеніе испросивъ, утренюетъ ко мнѣ, си есть порану ко учителю приходитъ... Въ храмъ учителей, си есть въ школу, съ молитвою благоуксусно да входиши и, по нижайшихъ образу Божию поклоненіихъ, учителю достодолжнымъ нижайшимъ поклоненіемъ и дружинѣ твоей обычно да поклонишися, и за мя любезную тобою мудрость приимися, и изученное проглаголати не спѣшно потщися. Аще нѣцыи и въ навечерій во время вечерняго цѣнія говорити повѣлвають и тако расходитися и о семъ писаніе повѣствуетъ, яко во иностранныхъ мѣстахъ тако творится, у насъ же въ Словеноросіи сіе зазорно мнится».

Это значить, что уроки прослушивались въ обычное время утромъ, такъ что; сказавъ старій урокъ ученикъ принимался за изученіе «новаго стиха» до самаго «вечерняго цѣсноцѣнія», съ тѣмъ, чтобъ назавтра знать выученное и утромъ сказать его учителю. Все это расположено было такъ, съ той цѣлью, чтобъ вечеромъ можно было ученикамъ итти къ вечерни, чего въ иностранныхъ школахъ не соблюдали. Далѣе продолжаетъ: «Егда же дойдеши, его же учиши стиха, подобаетъ тебѣ, любезный мой, прежде, предъ образомъ Божиимъ ставъ, помолитися молитвою сею: «Господи Исусе Христе Боже нашъ, содѣтелю всея твари, вразуми мя и научи книжнаго писанія, и симъ увѣмъ хотѣнія твоя, яко да славлю тя во вѣки вѣковъ аминь.» И поклонився трижды съ молитвою Исусовою, начинай стихъ тихо, а не борзая.»

Собравшись въ школу и сказавъ учителю прежде выученные уроки, юношество начинало учиться. При этомъ, конечно, произносилась всѣмъ классомъ общія молитвы за успѣхъ ученія, съ соблюденіемъ тѣхъ требованій, которыя помѣщены въ Азбуковникахъ:

«Молитвы ваши со умѣреннымъ гласомъ купно да бываютъ,
Кричаніе же и вересканіе ползы и умиленія отнюдь не подавають.»

Каждый ученикъ потомъ занималъ назначенное ему мѣсто, при чемъ, какъ видно, садились по достоинству, т. е., каждый занималъ мѣсто, указанное ему дидаскаломъ. Относительно поведенія во время классовъ, въ Азбуковникахъ находимъ слѣдующія правила и увѣщанія:

«Маліи въ васъ и велицыи вси равни;
Ученіи же ради вѣщшихъ мѣстохъ да будутъ знатни.»

Далѣ, въ другомъ мѣстѣ:

«Не потѣсний мѣстомъ ближняго твоего,
И не называй прозвищемъ товарища своего.»

Или:

«Тѣсною другъ ко другу не согнѣтайся,
Колѣнами и лядвіями не присволяйся.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Давное тебѣ учителемъ кое мѣсто,
Ту житіе твое да будетъ вмѣстно;
Дружняго мѣста не восквщай,
И товарищевъ своихъ не утѣслай.»

Тѣ же самыя совѣты даетъ «Мудрость» юношеству въ другомъ Азбуковникѣ. Сказавши учителю свой урокъ и прочитавъ молитву, которую мы видѣли выше, ученикъ долженъ былъ сѣсть на свое мѣсто и поступать такъ, какъ совѣтуетъ «Мудрость»: «Во дружинѣ твоей и братіи смиренъ буди и благоискусенъ во всемъ, не праздно-слови, не смѣйся, очима не намизай, ниже озирайся сѣмо и овамо, яко изумленный; ближняго не уничижи и не утѣсни; полумименемъ, паче же прозваніемъ, никого не называй.»

По нѣкоторымъ отрывкамъ, разсѣяннымъ безъ всякой связи въ этихъ учебникахъ, можно видѣть, какъ строго наблюдалось, чтобъ ученики вели себя благопристойно и въ школѣ и внѣ школы; правила благопристойности и простаго приличія мѣшались здѣсь съ правилами нравственными. Хотя трудно привести въ систему эти отрывки, однако мы постараемся выписать ихъ въ возможномъ порядкѣ. Касательно поведенія учениковъ въ школѣ и вообще наблюденія за ихъ поступками и нравственностью, находимъ слѣдующія увѣщанія:

«Въ школу съ молитвою входи,
Тако же и вонъ исходи;
Въ школу добрую рѣчь вноси,
Изъ нея же словеснаго сору не возноси.
Въ домъ отходя, школьныхъ бытностей не кажи,
Сему и всякаго товарища своего накажи.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Доброты ближняго страствѣ не зри,
И башъ единъ другаго не спи.»

Духомъ смраднымъ никто же изъ васъ да зловонитъ,
 Таковая отъ того страсть бѣниемъ ся да отгонитъ.
 Данный урокъ кѣждо васъ изучивъ,
 И, изъ школы исходя, отъ учителя прощеніе получивъ,
 Двери школы, входяи и исходяи,
 Тихо и благоискусно отворяи и затворяи.
 Деннаго ли урока кто не изучитъ,
 Таковой отъ бѣніа свободы не получитъ.»

Надо замѣтить, что два Азбуковника, совершенно различныя, и по содержанию и по формѣ, въ отношеніи правилъ о нравственности и наставленій къ учащимся, совершенно сходны между собою. Въ самомъ дѣлѣ, что въ одномъ изъ нихъ говорилось касательно поведения учащихся дома, то же самое сказано и въ другомъ; потому, какъ въ прозаическомъ Азбуковникѣ учащіеся предостерегаются отъ разныхъ неприличныхъ поступковъ, именно, чтобъ не тѣснить-ся къ товарищамъ; глазами «не намизать», не давать товарищамъ глеть, такъ точно и въ риёмованномъ Азбуковникѣ находимъ это же самое, только выраженное другими словами:

«Егда кто ближняго будетъ назирати
 И очима своими страстиѣ намизати,
 Ему же бѣніе будетъ нещадно,
 Да выимъ къ тому будетъ не повадно.»

Или:

«Не потѣсний мѣстомъ ближняго твоего,
 И не называй прозвищемъ товарища своего.»

На счетъ обращенія съ книгами, въ риёмованномъ Азбуковникѣ говорится къ ученикамъ, чтобы они, «замкнувъ» книгу, всегда клали ее печатью кверху и не оставляли бы въ ней указки, которая называется здѣсь «указательнымъ древцомъ»; чтобъ книгъ не бросали на скамейкахъ, а отдавали бы ихъ «старостѣ» (старшій въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ), который долженъ класть ихъ въ назначенное мѣсто; чтобъ ученики не очень разгибали книги и безъ дѣла не перелистывали бы ихъ; чтобъ не забавлялись книжными украшеніями, «паволоками», а старались бы понять написанное въ нихъ.

«Книги ваши добре храните
 И опасно на мѣсто свое кладите;
 Книгу, замянувъ, печатью къ высотѣ полагай.

Указательнаго же древца въ ню отнюдь не влагай;
 Книги къ старостѣ въ соблюденіе съ молитвою приносите,
 Тако же и заутро пріимая съ поклоненіемъ относите;
 Книги своя не вельми разгибайте,
 И листовъ въ нихъ туне не пребирайте;
 Книгъ на сѣдалищкомъ мѣстѣ не оставляйте,
 Но на уготованномъ столѣ добръ поставляйте.
 Книгъ аще кто не брежетъ,
 Таковѣй души своя не стрежетъ.
 Книжными паволонами не забавляйтеся,
 Но написанными въ нихъ вразумляйтеся.»

То же самое выражено въ другомъ Азбуковникѣ, чѣмъ еще больше доказывается, что эти школьные обычаи были во всеобщемъ употребленіи и вошли въ правила школьной дисциплины, выражаясь въ разныхъ учебникахъ одними и тѣми же фразами, какъ видимъ изъ слѣдующихъ отрывковъ: «Аще гдѣ пойдеши, книгу твою вышшею страною, внизъ не клади, ниже горнею, си есть вышшею страною, яко бы стремоглавно доставивши, но долнею страною во обонхъ и ставляй и полагай: оно бо есть незнающихъ и невѣжествующихъ дѣло. Древца указательнаго въ книгу не клади, но тако просто, или чимъ тончайшимъ преложивъ, замкни, и на уготованномъ мѣстѣ честно полагай.»¹

Самая одинаковость выраженія этихъ мѣстъ въ томъ и другомъ Азбуковникѣ, тожество фразъ и повтореніе ихъ въ разныхъ мѣстахъ одинаковымъ образомъ, все доказываетъ, что фразы эти имѣли полное гражданство въ правилахъ нашей древней школьной дисциплины и, по всей вѣроятности, составляли часть, если можно такъ сказать, цѣлаго уложенія объ училищахъ до-Петровской Руси, которое, если и не было писано, то, по крайней мѣрѣ, въ полномъ составѣ сохранялось въ памяти самихъ наставниковъ, и частью изустно, частью въ рукописныхъ учебникахъ, передавалось юношамъ въ назиданіе. Такъ, строжайшее приказаніе ученикамъ не пересказывать внѣ школы того, что говорилось имъ семейнымъ образомъ, или вообще не выносить за порогъ школы словеснаго сору повторяется одинаковымъ образомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и не въ одномъ Азбуковникѣ, а въ разныхъ, на примѣръ, въ одномъ мѣстѣ сказано:

¹ Въ другомъ мѣстѣ велѣно передавать книги книгохранителю.

«Въ школу добрую рѣчь внеси,
Изъ нея же словеснаго сору не вноси.
Въ домъ отхода, школьныхъ бытностей не кажи,
Сему и всякаго товарища своего накажи.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Словесъ смѣхотворныхъ и подраженіе въ школу не вноси,
Дѣлъ же бываемыхъ въ ней отнюдь не вноси.»

Въ третьемъ:

«Школьный соръ вонъ вносите,
Бытностей же в рѣчей отнюдь не вносите.»

Не останавливаясь долго на каждомъ изъ такихъ мѣстъ, отдѣльно взятыхъ, я буду продолжать указывать на тѣ правила учебниковъ, которыя сами приведутъ насъ, хотя отчасти, къ результатамъ, которыхъ мы ищемъ и которыхъ въ правѣ ожидать. Азбукники велѣютъ ученикамъ бережно обращаться съ школьной посудой; на ихъ обязанности возложено было попеченіе, чтобы приносить въ школу свѣжую воду и выносить вонъ лаханъ съ водою настоялою; они должны были мыть столъ и лавки своей школы и пр., что выражено въ слѣдующихъ восьми стихахъ:

«Сосуды прилучающіяся въ школѣ ставляйте и кладите тихо,
Да вебреженія ради прилучится вамъ малое лихо;
Сосудъ воды свѣжія въ школу приносить,
Лаканъ же съ настоялою водою вонъ вносите;
Столъ и лавки часто вами да мыются,
Да приходящимъ въ школу не гнусно видятся,
Симъ бо познается ваша личная глѣпота,
Аще у васъ будетъ школьная чистота.»

О значеніи этой обязанности—мыть и выносить лаканы и пр., которая въ наше время кажется такою странною, мы не будемъ теперь разсуждать, а лучше взглянемъ на другія, подобныя же правила и обязанности, возлагаемыя на учениковъ до-Петровской Руси, и увидимъ, что онѣ были, по тогдашней порѣ, своевременны, и нисколько не странны, какъ не странны, слѣдующія, на призывъ, требованія:

«Храканія и иныя волглости вонъ да исплюещи,
Предъ ближнимъ в средѣ школы да не повержеши;
Хрипленія горлянаго и сопѣнія носоваго не имѣйте,
Но асорѣчво учимое и всякое реченіе имѣйте.»

Или эти правила:

«Отнюдъ не обнажай при товарищахъ рукъ и ногъ твоихъ,
Тако же и самъ не зри страстиѣ ваготы своея.

.

Отнюдъ не прикасайтесь къ чесому любострастиѣ,
И доброты ближняго не зрите любострастиѣ.»

Строго запрещается шумъ и крикъ, чтобы, де, сосѣди не подумали о насъ дурно; шапки велѣно класть на грядку; велѣно мести школу и выносить «сорь», только не «словесный»; на обязанности учениковъ лежало поочередно топить школу, и «школу кто нагрѣваетъ, той и все въ ней пристроивать». Впрочемъ; приведемъ и это мѣсто:

«Школьнымъ ученикомъ всѣмъ приказъ,
Ослушникомъ же и огурикомъ будетъ указъ:
Шумъ и крикъ не полезный здѣ да не явится,
Любая сіе, съ нами таковой не водворится,
Шутка и глумленіе въ васъ отнюдъ да не услышится,
Да не ближними нѣконми зло о насъ помыслится.
Шапки и одежды на грядку да полагаете,
И оттуду паки бережено вимаете;
Школа всегда у васъ чиста да пребываетъ,
Подметена же и безпорошна и почищена да бываетъ;
Школьный соръ вонъ износите,
Бытностей же и рѣчей отнюдъ не износите.
Школьные недостатки третій староста ¹ да знаетъ
И вся потребности прилѣжно да сматриваетъ;
Школу нагрѣвайте и метите повсядневно,
Староста же сему нарежаетъ поочередно;
Школу кто нагрѣваетъ,
Той и все въ ней пристроиваетъ;
Школу кто хошетъ нагрѣвати,
Всякое дѣло съ молитвою начинати;
Школы двери и окна напрасно не отворяйте,
Но паче тепло въ ней зберегайте.»

За тѣмъ ученики предостерегаются отъ воровства, отъ неприличнаго обращенія съ «дружинной», т. е., съ товарищами; запрещается класть руки на книгу; ради нужды гдѣ кому отходить—

¹ О «старостахъ» въ нашихъ древнихъ училищахъ будетъ сказано ниже: сколько ихъ было, изъ кого выбирались они, и ихъ обязанности.

возвояено только четырежды на день, и не иначе какъ съ позволенія старосты; за тѣмъ велѣно вымыть руки и садиться за ученье:

«Руки своя храните отъ краденія
И на книги ваша владенія;
Рукою ближняго отнюдь не ухващай
И лъстивымъ словомъ отнюдь не увѣщай.

.

Ради нужды кому отходить,
Къ старостѣ для отпущу съ молитвою приходити;
Ради того четырежды днемъ ходите,
Немедленно же пакн оттуду приходите;
Руки для чистоты да отмываете,
Егда тамо когда бываете.»

То же самое есть и въ нерисомованномъ Азбуковникѣ: «аще како ходиши, не долго медли, но скоро возвращайся, и измывь ругѣ, на-стоящему ученію касайся.»

Пить позволялось три раза на день и позволеніе это зависѣло также отъ старосты:

«Жажда ради по трижды днемъ да испиваете,
И сяхъ ради у старосты съ молитвою бываете.»

Наковецъ, относительно наказанія лѣнливыхъ, въ древнихъ учебникахъ находимъ довольно много указаній, потому что дѣза, рѣсга и жезлъ были любимыми темами, надъ которыми наощряли свое остроуміе словоохотливые въ этомъ случаѣ предки; ни одна статья школьныхъ уставовъ до-Петровской Россіи не развита такъ подробно и не изукрашена всѣми хитрословесными вымыслами, какъ статья о наказаніяхъ. Но изъ этого мы не въ правѣ заключать, что въ древне-Русскомъ обученіи преобладала жестокость и неумѣренно-суровое обращеніе съ учениками: суровость, съ необходимыми спутниками жезломъ, ремнемъ, плетью, лозою и розгой, и, вдобавокъ, съ ужасающимъ школьнымъ козломъ, выражалась искусно сплетенными виршами, и каждый «списатель» учебника фантазировалъ на эту тему, сколько его душѣ было угодно; это было простое словесное устрашеніе, которое, конечно, не всегда и не во всей мѣрѣ выполнялось, но все таки выполнялось, хотя и не такъ часто, какъ оно встрѣчается въ учебникахъ при всякомъ удобномъ случаѣ и почти на каждой страницѣ; не говорю уже о томъ, что предисловія

и послѣсловія рѣдко забывали эту словесную угрозу, и всегда почти были исполнены указаніями на страхъ жезла и учителя. Но какъ бы то ни было, г. Забѣлинъ гораздо прямѣе взглянулъ на способъ обученія нашего юношества въ древней Руси, чѣмъ гг. Купріяновъ и Лавровскій, по мнѣнію которыхъ, въ обращеніи съ дѣтьми, у нашихъ предковъ господствовали въ высшей степени гуманныя начала: первый изъ нихъ опирается на выраженіе Стоглава, что велѣно, де, учить дѣтей «не яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ, и любовнымъ обычаемъ, и сладкимъ поученіемъ и ласковымъ утѣшеніемъ»¹, а больше никакъ; по мнѣнію втораго, педагогъ древней Руси никогда не былъ суровъ, а чрезвычайно ласковъ и всегда младенцы сладостно кутіею кормляше.² Можетъ быть, дѣтей и кормили кутьей, но за то и сѣкли такъ же, какъ предполагаетъ г. Забѣлинъ, особенно въ той Руси, въ которой необходимы были правожы и батоги,³ и гдѣ и въ наше еще время воспитаніе дѣтей, какъ домашнее, такъ и общественное, по большей части, не обходится безъ розогъ.

Выше мы видѣли уже предисловіе, гдѣ говорится, что будто бы самъ Духъ Святый велитъ бить дѣтище розгою, что только розга ведетъ дѣтей прямымъ путемъ до неба, и тому подобные доводы; видѣли также и другія указанія на то, что юношеству нашему часто повторялось увѣщаніе о розгѣ и ремнѣ, о уваженіи къ бычу и жезлу. Это въ предисловіяхъ. Но и въ самихъ учебникахъ, между серьезнымъ содержаніемъ, посвящалось довольно много страницъ предмету о наказаніяхъ, и всѣ такія разглагольствованія очень забавны, тѣмъ болѣе, что въ нихъ мы видимъ нашихъ предковъ, съ ихъ взглядами на вещи и привычками, съ ихъ понятіями о воспитаніи и обученіи. На примѣръ, въ одномъ мѣстѣ рѣмованнаго Азбуковника говорится, что лѣвивыхъ писаніе велитъ бить лозами, и въ слѣдъ за тѣмъ самой лозѣ посвящается почти такое же похвальное слово, какъ и розгѣ въ приведенномъ выше предисловіи:

«Лѣвивыхъ писаніе велитъ бити лозами,
Отъ нихъ же то изводятся бываемыми слезами;

¹ Купріяновъ: «Замѣтки для исторіи просвѣщенія въ Россіи», въ Сиб. Вѣд. N. 163 (изъ «Степен. книги»).

² Лавровскій: «О древне-Русск. училищахъ», стр. 103 (тоже изъ «Степен. книги»).

³ Забѣлинъ: «Характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи», въ Отечеств. Записк. 1856 г., N. 3, Отд. II, стр. 6.

Лѣнвивымъ здѣ является Лоза,
Его же налагается имъ гроза.
Лѣнвива винмайте,
Наказаніе мое пріимайте.
Лоза дѣтемъ разумъ во главу вгоняеть.
И отъ злыхъ на добрая дѣла возоставляеть,
Лоза родителемъ дѣти послушными сотворяеть,
Божественнаго разума премудрѣ научаеть;
Лоза дѣтей всякимъ добротамъ научаеть
И злый обычай удобъ отлучаеть;
Лозою кая мати дѣтище не бьетъ,
Удаву на шію скоро ему свѣеть.»

Изъ этого отрывка всякій можетъ видѣть, что даже правила о наказаніяхъ такъ дословно сходны въ разныхъ мѣстахъ учебниковъ, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ прочности тѣхъ положеній касательно училищной дисциплины, которыя разсѣяны по тогдашнимъ учебникамъ и которыя мы отчасти привели въ возможномъ порядкѣ: выраженія какъ въ тѣхъ, такъ и въ этихъ послѣднихъ правилахъ о наказаніи, ясно говорятъ, что они переходили изъ устъ въ уста, какъ пословицы, какъ нравственныя сентенціи, не чуждыя для всякаго Русскаго. Выпишемъ еще нѣсколько такихъ правилъ о наказаніи учащихся.

Въ одномъ мѣстѣ говорится:

«Естьли кто ученіемъ облынится,
Таковій ранъ терпѣти не постыдится.»

Въ другомъ:

«Внямайте словамъ моимъ учительскимъ,
Да не будете повинни ранамъ мучительскимъ.»

Сами ученики говорятъ учителю:

«Бываемъ всегда страшни тебе,
И тѣмъ отъ побой соблюдаемъ себе.
Безъ наказанія ли твоего пребудемъ,
Вовстину честна внигдѣ не будемъ.»

Учитель говорить ученикамъ:

«Аще въ наказаніяхъ моихъ пребудеши,
То вездѣ честенъ будеши;
Аще въ дапныхъ тебѣ урокахъ облыниши,

¹ Опять то же самое выраженіе, которое ученики говорятъ учителю.

То и равъ терпѣти не постыдишися.

.

Аще хочещи ранъ избѣгти,

Всегда надобно учдиву быти;

Аще въ написаныхъ сихъ словесѣхъ не пребудеши,

Вѣстно буди, яко безъ добой не пробудеши.»

Въ Азбуковникѣ перипованномъ нѣтъ такихъ обильныхъ разглагольствованій о наказаніяхъ, и о нерадивыхъ «Мудрость» говоритъ очень немного, именно: «посѣтити имамъ таковаго жезломъ наказанія и ранами смирити имамъ даже до плача и слезъ» и пугаетъ лѣнливыхъ тѣмъ, что они не только «въ настоящемъ семъ ученіи множицею біени будутъ», но «и вся дни живота своего въ злостраданіи и убожествѣ поживутъ и, злѣ дни своя скончавъ, вѣчно мучени будутъ.»

Въ числѣ наказаній, бывшихъ въ употребленіи у нашихъ предковъ, упоминается и обыкновенный въ настоящее время способъ оставлять лѣнливаго безъ обѣда:

«Егда кто урока даннаго не изучитъ,

Таковый изъ школы свободаго отпуста не получитъ.»

Не забыта также и скамейка, этотъ «школьный козель», на которомъ «посѣщали лѣнливыхъ жезломъ наказанія и ранами смиряли даже до плача и слезъ», какъ сказано:

«Егда кто другъ друга злѣ уничижитъ,

Таковый съ терпѣніемъ на школьномъ козлѣ полежитъ.»

Упоминается еще одно наказаніе, но признаться, мы его рѣшительно не можемъ понять:

«Школьныхъ всѣхъ жителей утробное испражненіе

Вступающимъ на лавку ученикомъ будетъ утрашеніе.»

Догадываться можно, однако, что извѣстное мѣсто, въ то время, исправляло должность карцера.

Въ Азбуковникахъ нѣтъ никакихъ доказательствъ на то, чтобы школьные фискалы пользовались почетомъ: но если товарищамъ и приходилось выдавать проступокъ одного какого либо шалуна, то это дѣлалось съобща и такъ, что самъ учитель находилъ виновнаго. На примѣръ, ученики такъ говорятъ своему наставнику:

Въ нѣкоторыхъ изъ насъ есть вина,
 Которая не вродѣ многими деньми была;
 Виновнии, слышавъ сіе, дцемъ рдятся,
 Попеже они нами смиренными гордятся.

И дѣйствительно, по нѣкоторымъ отрывкамъ Азбуковниковъ, можно видѣть что между юношествомъ училищъ до-Петровской Руси, товарищество считалось дѣломъ похвальнымъ и благороднымъ, и возстановить противъ себя товарищей наущничествомъ и подлостью никто не осмѣливался. За то, изъ числа самихъ учениковъ, учитель избиралъ надсмотрщиковъ за нравственностью и поведеніемъ товарищей: надсмотрщики эти назывались старостами, что, кажется, вполне соответствуетъ школьному выраженію нынѣшнихъ средне-учебныхъ заведеній, именно слову старшій. Старосты избирались изъ воспитанниковъ прилежныхъ и самой безукоризненной нравственности; правила требовали, чтобъ старосты «не были къ яденію любосластны: такови бывають и къ возрѣнію любострастни.» По словамъ одного Азбуковника, избирались они на томъ основаніи, что такъ какъ пастыри безсловесныхъ скотовъ сзываютъ свое стадо голосомъ и словомъ устрашаютъ его и «отвращають отъ пути, амо же не лѣбо имъ ходити», да кромѣ того имѣють и «псовъ добрѣйшихъ, могущихъ омайти стадо, да гласъ его нѣцьи отъ звѣрей слышавъ, не внидутъ во стадо, во еже восхитити что и стадо разнудити;» такъ какъ еще «иножицею и пастырь отъ труда усыпаетъ, или отходитъ,» а «бодрый песъ единъ стережетъ добрѣ,» то тѣмъ болѣе пастырю словесныхъ овецъ, учителю, подобаетъ бности учениковъ и «хранити ихъ, яко зѣвицу ока» (много бо несмыслства и всякого неразумія привязано суть къ души отрочати), и для этого, говорить къ учителю мудрость: «ижиѣ у себе, въ остереганіе ихъ, добрѣйшихъ и искусныхъ учениковъ, могущихъ и безъ тебе оглашати ихъ пастырскимъ твоимъ словомъ... Аще суть добри пристави, да не по твоємъ отшествіи, или снѣ, ученицы твои уклонятся въ развращенія и бесѣды пустошныя, и не точію ученіе оставятъ, но и на ина нѣкая злая діаволь научить.»

О количествѣ старость можно предполагать различно. Есть указанія на то, что староста былъ одинъ, по словамъ Азбуковника: «единого изъ васъ въ старосты изберу.» Но вѣроятнѣе всего, что ихъ избиралось трое, какъ говорятъ многія мѣста Азбуковниковъ: «тріехъ старость вамъ устраю, коему коемуждо особое приказаніе уставляю.»

Касательно обязанности старость есть много указаний въ Азбуковникахъ. Прежде всего и главнѣе обязанность ихъ была наблюдать за нравственностью товарищей во время отсутствія учителя, по чему они имѣли право даже наказывать виновныхъ, по своему усмотрѣнiю; старосты должны были прослушивать уроки прочихъ учениковъ, слѣдовательно, исполняли должность нынѣшнихъ аудиторовъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ; они должны были смотрѣть за книгами учащихя, отпускать учениковъ пить и для другихъ нуждъ, должны были наблюдать, есть ли въ школѣ вода для питья, вытоплена ли печь, подметена ли комната, для чего назначался отъ старосты одинъ изъ учениковъ поочередно; наконецъ, на одного старосту возложена была обязанность, ради нуждъ, учениковъ на дворъ отпущати и зловоннаго духа ощущати. Но я постараюсь всѣ обязанности старость передать, сколько возможно, словами самихъ Азбуковниковъ. Главное мѣсто слѣдующее:

Триехъ старость вамъ устраю,
 Коемуждо особое приказанiе уставляю:
 Тѣмъ вся бывающая въ васъ да смотряють,
 Виноватыхъ, по винѣ смотря, безъ мене да смвряють;
 Тѣмъ должны суть: единяъ книги прiнматн и отдавати,
 Другiй недостаткн воды досмотрати и пить отпускати;
 Третiй нуждн ради на дворъ отпущати
 И зловоннаго духа должень есть ощущати.
 Тѣмъ должны быть безпристрастн,
 Да не, на нихъ зря, вини будутъ страстн.

Нѣсколько ниже, въ этомъ же Азбуковникѣ, учитель, обращаясь къ одному изъ старость, говоритъ ему о надсмотрѣ за книгами и велитъ чаще прослушивать учениковъ:

Часто тебѣ, староста, приказываю,
 И всѣмъ вамъ прилѣжно наказываю:
 Честно книги всегда прiнмай,
 И на уготованное мѣсто благоискусно полагай,
 Честно же и за утро взмай
 И съ молитвою всѣмъ отдавай;
 Часто безъ мене учениковъ прослушай,
 И всякому благоискуству ихъ поучай.
 Чинно въ приказанiяхъ моихъ пребудете,
 То явкогда отъ мене бiевн будете.

Еще ниже:

Школьные недостатки третій староста да знаетъ,
И вся потребности прилѣжно да сматрѣть;
Школу нагрѣвайте и метите повседневно,
Староста же сему нарежаетъ поочередно, и т. д.

Слѣдующее мѣсто говорить въ пользу того, что могъ быть и олимпій староста въ школѣ, и тогда онъ или исполнялъ, вѣроятно, свою обязанность за троихъ старость и былъ представителемъ учителя, или, можетъ быть, онъ уже не исполнялъ вовсе обязанностей трехъ старость, а былъ просто только представителемъ учителя:

Единаго изъ васъ въ старосты изберу,
Ему же васъ въ повиновеніе приведу,
Ему же вси вы покоряйтесь
И ученіи своими у него прослушайтесь;
Егла же самъ азъ буду въ дому,
Не лѣнивъ буду и азъ къ тому. ¹

Наконецъ, послѣднее мѣсто:

Жажки ради по трижды днемъ да испиваете,
И сяхъ ради у старосты съ любовію бываетъ, и т. д.

Таковыми правилами руководствовались педагоги до-Петровской Руси, въ отношеніи нравственнаго наставленія своихъ питомцевъ и въ отношеніи школьныхъ обычаевъ, которые отчасти высказались въ приведенныхъ нами отрывкахъ. Изъ нихъ мы нѣсколько знаемъ, какіе обычаи приняты были въ тогдашнихъ школахъ, какъ должны были вести себя ученики въ школѣ и дома, какія лица наблюдали за нравственностію юношества и проч. Еще надо прибавить къ этому, что правила тогдашнихъ училищъ строго слѣдили за религіознымъ направленіемъ учащихся и училищная дисциплина тѣсно была связана съ ученіемъ о вѣрѣ, съ уваженіемъ догматовъ Православной религіи; хожденіе въ церковь для слушанія божественной литургіи виѣнено было въ непремѣнную обязанность обучающемуся юношеству, и нерадѣніе къ догматамъ вѣры наказывалось въ юношахъ гораздо строже, чѣмъ въ другихъ возрастахъ. ² Можно

¹ Не вѣрнѣ ли будетъ предположить, что это былъ особенный, такъ сказать, экстраординарный староста, наряжавшійся собственно замѣнять отсутствующаго учителя?

² О хоженіи въ церковь сказано: «Се бо есть ваше дѣтское въ школѣ учащихся дѣло, паче же совершенныхъ въ возрастѣ.»

думать, что ученики обязаны были непременно ходить въ церковь, не только въ воскресенье и въ праздничные дни, но и въ простые дни слушать вечернюю службу: благовѣсть къ вечерни возвѣщала имъ окончаніе классовъ. Передъ этимъ окончаніемъ ученія, воспитанники прослушавались старостами и учителемъ. За тѣмъ, говорятъ мудрость, «егда отпущени будете, вси кушно воставше и книги свои книгохранителю вдавше, умѣреннымъ возгласеніемъ вси кушно и единогласно воссѣвайте всегда молитву Преподобнаго Симеона Богопріимца: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко», и пр.,² и Пресвятѣй Богородицѣ о пріятіи ученія и молитвъ вашихъ глаголите: «Преславная присно Дѣво» и пр.

Вспомнимъ, что эту же самую молитву: «Нынѣ отпущаеши», еще до сихъ поръ продолжаютъ читать въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ гимназіяхъ и другихъ казенныхъ училищахъ этотъ обычай вывелся и, вмѣсто древней молитвы, читаютъ сочиненную въ повѣйшее время: «Преплагій Господи», при началѣ классовъ, и: «Благодарю Тебя, Создателяю», въ концѣ; въ Университетахъ же ни то, ни другое; но «Нынѣ отпущаеши» еще и теперь читаютъ въ нашихъ сельскихъ, домашнихъ школахъ, гдѣ старина, конечно,шла собѣ пріютъ на долгое время. Какъ бы то ни было, но мы знаемъ, какъ въ школахъ XVII вѣка начиналось и оканчивалось ученіе, и какъ должны были вести себя дѣти въ самихъ училищахъ. Нѣтъ въ этихъ Азбуковникахъ ясныхъ указаній, въ какое время распускали учащихся къ обѣду; впрочемъ, это не важно для исторіи образованія въ Россіи, если бы мы даже и знали точно этотъ часъ; но насъ приводитъ въ сомнѣніе одно мѣсто Азбуковника, гдѣ говорится, между прочимъ, что учитель долженъ читать часто своимъ ученикамъ «полезная писанія», относящіяся къ ихъ настоящему положенію, или о мудрости, для поощренія къ ученію, или о школьной дисциплинѣ, или о праздникахъ, и это онъ обязанъ прочитывать имъ каждый день, преимущественно же во время хлѣбожденія и полуденнаго отъ ученія престанія. Но какъ могли слушать эти правила ученики, когда они распускались по домамъ и обѣдали каждый съ своими родителями? Для того, чтобы ученики

² Въ римованномъ Азбуковникѣ:

Хощете ли при вечерѣ въ дому своя отходити,
Молитву: «Нынѣ отпущаеши» львогласно проговорити.

имѣли возможность за обѣдомъ слушать эти учительскія чтенія, остается предположить, что къ обѣду ихъ не распускали. Тогда явится необходимость дѣлать заключенія о томъ, что они обѣдали въ школѣ; а это предположеніе ведетъ за собой новую догадку, что они имѣли въ школѣ общій столъ. Тамъ, на чей счетъ готовился этотъ столъ? На общественныя деньги? Но эти догадки заведутъ насъ сляшкомъ далеко и поднимутъ такіе вопросы, на рѣшеніе которыхъ мы не надѣемся при настоящихъ средствахъ. Остается допустить, что эти непонятныя выраженія Азбуковника сказаны только относительно тѣхъ немногихъ учениковъ, которые постоянно находились при учителѣ, особенно когда многія школы существовали при монастыряхъ, и тогда для насъ сдѣлается еще одно выраженіе изъ другаго Азбуковника, гдѣ слагатель дѣлаетъ такое предостереженіе учителю: «Лагутъ ли гдѣ ученицы твоя когда спати, дивися, аще не на тѣхъ же мѣстахъ имутъ востати.» Какимъ образомъ учитель могъ видѣть спящихъ учениковъ и наблюдать за ихъ нравственностью во время сна, если они не жили при самихъ школахъ? Но не беремся рѣшать этихъ недоумѣній съ помощью однихъ Азбуковниковъ, находящихся въ нашихъ рукахъ; а предполагать, вѣроятно, можетъ всякій болѣе или менѣе правдоподобно, и потому мы не утверждаемъ своихъ предположеній. Можетъ быть, послѣ сами собой разрѣшатся эти недоумѣнія.

Мы остановились на томъ, что звонъ къ церковной службѣ былъ знакомъ окончанія классовъ; ученики должны были идти къ вечерни, и учитель въ этомъ случаѣ предостерегаетъ ихъ, чтобъ они стояли въ церкви благопристойно. «потому что, прибавляетъ онъ, всѣ знаютъ, что вы учитесь въ школѣ!»¹ Не только въ церкви ученики должны были вести себя пристойно своему званію, но училищныя правила требовали, чтобъ и по улицамъ они ходили тихо и прилично, какъ говоритъ премудрость: «Егда же учитель опуститъ васъ въ подобное время, со вслкимъ смиреніемъ до дому своего идите; шутокъ и кощунствъ, пханія же другъ друга и бѣнія, и рѣзваго бѣганія, и каменOVERженія, и всякихъ не подобныхъ дѣт-

¹ Звонъ къ церковному шнію егда слышите,
Ученіе оставше, усердно тамо поспѣшите;
Знаеми всѣмъ тамо кроткимъ стояніемъ бывайте,
Повеже вся знаютъ, яко въ школѣ пребываете.

спихъ глумленій да не водворится въ васъ: творяи бо таковая 'шбствъ отъ овецъ моихъ, но отъ непотребныхъ и сирадныхъ козляцъ, лубящихъ стропотное хожденіе, отъ нихъ имъ бываесть поуденіе и сокрушеніе.... И егда минуете святую церковь и узрять кто образъ Христовъ, не мина, еже не помолитися со изреченіемъ свѣмъ: «Пречистому Твоему образу покланяемса, Благій», и ту стоя, или идя, точію скончай. Аще ли не умѣеши первое, довольно ти есть, дождеже изучиши. Такожде и Пресвятая Богородицы образу помолитиса со изреченіемъ: «Подъ Твое благоутробіе прибѣгаемъ, Богородице Дѣво», и прочее. Вѣдній буди, яко скорая на помощь всѣхъ насъ умолишь Сына своего, Христа Бога нашего, еже дати тебѣ истинное познаніе во святыхъ писаніихъ.» Запрещено было также ученикамъ ходить безъ надобности по улицамъ, въ особенности же бѣгать туда, гдѣ по какому либо случаю собирается народъ.

На обрѣтающееся позорище отнюдъ не ходите,
Но паче въ дома своя со смирненіемъ ходите.

Оканчивая объясненіе школьныхъ обычаевъ, какими находимъ ихъ въ Азбуковникахъ, мы должны еще прибавить, что въ воскресные и праздничные дни ученики собирались утромъ въ школу, по уже не учились, а должны были точію выученное изговорить и настоящій стихъ трижды,» и до начатіа литургіа слушали разныя поученія и объясненія праздниковъ, за тѣмъ отходили въ церковь. Этотъ обычай сходенъ съ существующимъ еще въ настоящее время обыкновеніемъ въ окружныхъ (т. е., уѣздныхъ) училищахъ Войска Донскаго, гдѣ воспитанники по воскресеньямъ обязаны собираться въ заведеніе и слушать чтеніе Евангелія, которое должно читаться въ тотъ день въ церкви; а учитель объясняетъ имъ значеніе и смыслъ сказаннаго въ Евангеліи. Послѣ того всѣ учащіеся и наставники идутъ въ церковь.

Училищныя правила въ до-Петровской Россіи требовали непремѣннаго исполненія еще нѣкоторыхъ обычаевъ, которые въ наше время сохранились не вездѣ. Мудрость, совѣтуя учителю не возноситься борзоучающимися учениками и не оскорбляться грубоучающимися, велить ему заставлятъ тѣхъ и другихъ ежедневно прославлятъ мудрость, призывать на помощь Бога и «любезный много стихъ купно глаголати: «Премудрости наставниче и смыслу Давче», и прочее до конца. Потомъ ученики должны читать слѣдующую ученическую молитву: «Господи помози, Господи посиѣши, Господи вразуми рабъ

слонгъ грацотѣ учившея и: добръ писати. Даруй намъ, Господи Боже, разумъ истинный, очима придежнвое зрѣніе, помыслъ не маетежешъ и умъ достаточешъ; всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.» Если же который нибудь изъ учениковъ лѣнится, или, какъ говоритъ Азбуковникъ, «болитъ грубоученіемъ и невниманіемъ учимаго», то учитель долженъ призвать священника и прочесть молитвы, какія обыкновенно читаются надъ неудобобучающимися грамотѣ; но кромѣ молитвы онъ долженъ читать ему разныя полезныя наставленія «отъ писаній», или рассказывать «просторѣчнымъ сказаніемъ» о тѣхъ лѣнливыхъ, о которыхъ говорится въ житіяхъ Святыхъ, какъ на примѣръ, у Сергія Радонежскаго, Александра Свирскаго и другихъ; преимущественно же онъ долженъ рассказывать ему о томъ отрокѣ, который каждый день читалъ молитву Пресвятой Богородицѣ, прося ее о дарованіи ему памяти, вниманія и способностей къ учению, и которому она явилась и сказала: «Не точію грамотѣ отсюду будеши умѣти, но и главу твою скорбную углѣчу.» Также точно учитель долженъ передавать лѣнливымъ ученикамъ рассказъ о нѣкоемъ Удонѣ, которому тоже Богородица въ видѣніи сказала: «Отоселе будеши грамоте умѣти.» Цѣлью этихъ рассказовъ, конечно, было пріохотить нерадиваго къ учению и возбудить въ немъ ревность и охоту къ наукамъ, и, намъ кажется, въ этихъ рассказахъ гораздо больше смысла, чѣмъ въ тѣхъ выдуманныхъ смязкахъ, которыми наполнены нынѣшнія дѣтскія книжки, или еще болѣе—въ подаркахъ и игрушкахъ, которыми нынѣшняя педагогика обыкновенно возбуждаетъ въ дѣтяхъ желаніе учиться, и учиться больше изъ за того, что въ перспективѣ ожидаетъ ихъ, за каждую выученную букву алфавита, или пушка, или барабанъ.

Святые, покровительствующіе книжному наученію, считались у насъ Косма и Даміанъ, Пророкъ Наумъ и тотъ Святой, въ честь котораго дано имя учащемуся при крещеніи. Относительно двухъ первыхъ покровителей ученія у насъ достовѣрно до сихъ поръ не было извѣстно; по крайней мѣрѣ г. Лавровскій, въ разсужденіи своемъ: «О Древне-Русскихъ училищахъ», говоритъ, что письменнаго свидѣтельства о призываніи учащихся этихъ Святыхъ онъ не находитъ нигдѣ, а по аналогіи съ Греческими школьными обычаями заключаетъ, что, вѣроятно, и у насъ почитались эти святые, какъ патроны учащихся. Предположеніе г. Лавровскаго оправдывается нашими Азбуковниками, въ которыхъ прямо сказано, что «естъ обычай

многимъ (учащимся) совершали любезная святыхъ Безребренникомъ Космѣ и Даміану, и святому Пророку Науму, и ангелу своему, его жъ святаго тезоименитство имать.»¹ Относительно Пророка Наума даже Азбуковникъ открываетъ новый фактъ, именно то, что и въ древней Россіи учащіеся призывали на помощь этого Святаго, какъ покровителя наукъ, чѣмъ и объясняется существующее даже до сихъ поръ обыкновеніе у нашего простонародія и въ среднихъ сословіяхъ передъ началомъ ученія молиться Пророку Науму, такъ же какъ объ успѣшномъ ученіи молятся Іоанну Богослову (въ Азбуковникахъ о немъ же упомянуто, какъ о покровителѣ собственно письма); въ Семинаріяхъ же въ день сего Святаго всѣ богословы отъ ученія свободны.

Наконецъ, самый послѣдній школьный обычай, изъ котораго мы можемъ отчасти усмотрѣть состояніе тогдашняго ученаго сословія, т. е., класса учащихся и его отношенія къ другимъ классамъ, это—обычай кормить учителя, показывающій зависимость его въ матеріальномъ отношеніи отъ тѣхъ сословіи, которыя вручали ему дѣтей своихъ для наученія книжному разумѣнію. Такъ, изъ Азбуковниковъ мы видимъ, что учителя нуждались иногда въ самыхъ необходимыхъ предметахъ жизни, и ученики должны были по праздникамъ приносить своему надаскалу съѣстныхъ припасовъ, кто что могъ, какъ говорить къ нимъ самъ учитель:

Ко учителю въ день недѣльный на поклонъ приходите,
И отъ снѣданныхъ брашенъ я питія ему припасите.

Или:

Честь достойную учителю воздавайте,
И отъ домовъ своихъ брашна и питія ему приношайте.

¹ Г. Лавровскій приводитъ даже изъ Дюканжа (Constantinopolis Christiana. Lib. III, p. 122) стихи Іоанна Евхантакаго ко храму Космы и Даміана:

*Καθ' ἣν ὁμοῦ σύνεσιν οἱ γεγραμένοι
Ἀνάργυροι μὲν ὁ τρόπος τοῖς θεογούνοισ.
Τέχνη διατροῶν, θαυματουργοῶν τε πλέον.
Ἦν οὖν θείαις, ἀμείβων ἑαυτοῦ χάριν,
Θεῖα γὰρ ἐγγύς, εὐτυχίς δὲ καὶ τέχνη.*

«О Древле-Русскихъ учаншахъ», стр. 119. Значитъ, у Грековъ Косма и Даміанъ считались покровителями учащихся. Но съ какого времени и по какому случаю сдѣлались они покровителями наукъ, намъ неизвѣстно.

Эти приношенія натурой, впрочемъ, очень естественны въ такомъ обществѣ, которое еще не имѣло низшихъ учебныхъ заведеній, устроенныхъ на общественный счетъ, и потому между учителемъ и учениками, по необходимости, должны были дѣлаться договоры относительно платы за ученіе, и эта плата была отчасти натурой, отчасти деньгами; приношеніе же съѣстныхъ припасовъ въ праздничные дни было, вѣроятно, школьнымъ обычаемъ, который и записанъ въ правилахъ училищъ. Что эти приношенія были добровольныя, какъ приношенія, освященные обычаемъ и временемъ, видно изъ нѣкоторыхъ образцовыхъ писемъ, въ которыхъ педагоги обращаются за помощію къ родителямъ своихъ воспитанниковъ. Эти письма также помѣщены въ Азбуковникахъ. Въ одномъ изъ нихъ, которое начинается словами: Государю такому-то (т. е., имя рекъ) бьетъ челомъ и плачется работничшко твой такой-то и пр., говорится, между прочимъ: «Помяни благоутробіе свое ко мнѣ, работничшку, Господа ради и благоцвѣтуція отрасли благонаслажденнаго древа, едиnorodнаго своего и любезнѣйшаго сына, и пресладкаго ради божественнаго ученія, благоцвѣтуція ради отрасли твоей наученія, а тебѣ, Государю, на душевное утѣшеніе: пожалуй мнѣ, работничшку твоему, на школьное строеніе, мнѣ же съ домашними на пропитаніе, благоутробне смилуйся!» Мы не выписали всѣхъ любезностей, которыми наполнено письмо отъ первой до послѣдней строчки: всѣ его высокія выраженія клонятся единственно къ тому, чтобы, въ концѣ письма, попросить на пропитаніе и на «школьное строеніе.» Въ чемъ состояло это «школьное строеніе,» мы не знаемъ. Еще одно изъ такихъ писемъ до того оригинально, что мы никакъ не можемъ удержаться, чтобы не выписать изъ него нѣсколько любопытныхъ выраженій. Послѣ великолѣпнаго предисловія, прититель говоритъ такими словами:

Прикажи, Государь, намъ отъ класорасленыхъ плодовъ запасцу дати,
И отъ пресвѣтлыя твоея трапезы говядъ и тинолюбіа свинія преподати;
Со всѣми же сими желаемъ и птахъ водоплавныхъ,
Иже обрѣтаются въ домѣхъ вашихъ преславныхъ,
Отъ млекъ агущеннаго и отъ семенъ изгнетеннаго масла,
Да въ приходяцій праздникъ усладятъ наша брашна.
Возьдари происходящимъ сквозь огонь и воду,
Да благопотребно будетъ нашему дому.
Высокорасленнымъ огорченнаго пива добрѣйшаго,

Пчелодѣльнаго меду сладчайшаго.

Молимъ Бога, дабы о сихъ всѣхъ тебѣ, Государю, извѣстна,

Насъ же, богомолцовъ своихъ, всѣми свми посѣтила. ¹

Я не буду вдаваться въ разысканіе подробностей качества опредѣленія возраста, въ который начиналось у насъ обученіе грамотѣ; не стану также объяснять методъ и способъ, принятые нами въ древнія педагогами въ наученіи дѣтей азбукъ, начиная от алфавита и складовъ до чтенія по верхамъ, не зная, какой былъ составъ древнихъ букварей. Незнаніе это не наноситъ, впрочемъ большого вреда наукѣ и, вѣроятно, не для многихъ любопытнымъ эти подробности, не важныя для исторіи педагогій вообще и для исторіи образованія Россіи въ особенности, и мы оставляемъ ихъ тѣмъ болѣе что не могли почерпнуть ихъ изъ нашихъ Азбуковниковъ, да и въ другихъ историческихъ памятникахъ древней Руси ихъ не много. Напротивъ того, о школьной дисциплинѣ, о школьныхъ обычаяхъ мы сочли необходимою сказать, сколько могли. До-Петровская Русь была такъ своеобразна, жила такой своеобразной жизнью, что для разгадки ея, намъ мало аналогіи нашего отечества со всѣми остальнымъ Западомъ; уясненію древней Россіи не поможетъ вся полная исторія обычаевъ и жизни Западныхъ народовъ: для этого безсилна даже, такъ близкая намъ по всему, исторія Византіи. До Петра Россія стояла и развивалась, если только можно назвать развитіемъ ея медленный ростъ, слишкомъ отдѣльно отъ всего, ее окружающаго, и этого постепеннаго, едва замѣтнаго, перехода отъ Руси до-Монгольской къ Руси времянь Іоанновъ, отъ Руси времянь Годунова къ Руси, воспавшей Петра, этого нравственнаго окрѣпленія Руси мы не знаемъ, а видимъ только, — и то слишкомъ слабо, — что до Монголовъ Россія была такою-то, при Іоаннахъ такою-то, въ XVII-мъ вѣкѣ такою-то. И семнадцатый вѣкъ мы знаемъ всего менѣе, а еще менѣе оцѣнили его. Движеніе впередъ (и при томъ энергическое движеніе), какое сдѣлала Россія въ этомъ вѣкѣ, и котораго мы еще не поняли и, кажется, не хотимъ понять, одно это движеніе объясняетъ намъ появленіе Петра: личностъ его не выросла сама изъ себя, отдѣльно

¹ О крѣпкихъ напиткахъ просили еще болѣе вычурно и замысловато, такъ что и догадаться трудно, о чемъ идетъ рѣчь: «Прикажи, Государь, сосудъ наполнить питія именитаго, званіемъ втораго и осмага и пятьдесятъ—перваго! Это—вина (в=2, с=и §, в=30, а—1!).»

и самобытно, какъ у насъ принято понимать, а явленіе ея вполне подготовлено XVII-мъ вѣкомъ, и такая личность необходимо должна была явиться, если не съ державой, то, по крайней мѣрѣ, съ перомъ въ рукахъ. И не эта одна личность начала преобразование Россіи: его началъ XVII-й вѣкъ, хотя не такъ быстро и дружно, какъ Петръ, не разрушая вѣковыхъ «забобонъ», какъ ломалъ ихъ Петръ, и не отнимая у народа того, что ему дорого — народности. Если бы событія шли своимъ чередомъ, то, безъ потрясенія основныхъ началъ народности, Россія едва ли бы скоро достигла тѣхъ итоговъ, къ которымъ она приведена была насильно. Къ сожалѣнію, это правда и, можетъ быть, своего, національнаго, утратила бы меньше. Повторяемъ: въ исторіи развитія нравственныхъ силъ нашего отечества XVII-й вѣкъ занимаетъ едва ли не первое мѣсто.

Отъ того такъ важно для насъ все, что сколько нибудь обясняетъ это, едва замѣчаемое теперь нами, броженіе умственныхъ силъ Россіи въ періодъ, предшествовавшій явленію Петра Великаго. Потому болѣе это важно, что еще и теперь мы смотримъ на свою старину съ высоты величія XIX-го вѣка: изъ снисхожденія мы, пожалуй, не отказываемъ ей въ грамотности, даже болѣе, говоримъ, что предки наши очень любили читать и слушать Священное Писаніе. Но это снисходительное признаніе грамотности нашихъ предковъ слишкомъ недостаточно: хотя мы и не видимъ въ немъ упрека и обвиненія до-Петровской Руси въ варварствѣ, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить въ этихъ отзывахъ того покровительственнаго тона, съ какимъ молодой студентъ хвалитъ мальчика, читающаго бойко по складамъ, не болѣе. Жалко только, что мы не хотимъ безпристрастно оцѣнить того, что въ самомъ дѣлѣ было у насъ на Руси хорошаго, что принадлежало ей по праву, добыто ея силами: то ставимъ ее въ уровень съ Востокомъ, съ неподвижнымъ Китаемъ, то ужъ, напротивъ, даемъ ей мѣсто превыше всѣхъ странъ земнаго шара, выше всего образованнаго Запада. Одни говорятъ, что до самаго Петра у насъ не было даже школъ, другіе едва ли не находятъ у насъ существованіе Университетовъ во время Монгольскаго владычества. Настоящей же оцѣнки хоть бы и XVII-го вѣка мы почти не находимъ ни у кого, хотя этому времени давно бы пора отдать должное. Если мы высоко ставимъ заслуги Петра Великаго, то тѣмъ скорѣе обязаны почтить еще болѣе доброй памятью XVII-й вѣкъ который приготовилъ насъ къ переходу въ вѣкъ осьмнадцатый и

въ отношеніи котораго Петръ былъ не что иное, какъ итогъ, какъ явленіе, необходимо вытекавшее изъ переходнаго настроенія умственной дѣятельности Россіи.

Въ слѣдствіе этихъ причинъ, мы должны дорожить каждымъ проявленіемъ дѣятельности въ XVII-мъ вѣкѣ, особенно такимъ, въ которомъ хоть сколько нибудь высказалось самобытное развитіе нашихъ нравственныхъ силъ. Все, что касается движенія образованія въ нашемъ отечествѣ, въ эту важную эпоху, имѣетъ не меньшее значеніе въ глазахъ людей, занимающихся Русскою старпной: съ этой точки зрѣнія, наши Азбуковники становятся довольно важными документами въ лѣтописяхъ нашей образованности, и довольно сильными опроверженіями тѣхъ несправедливостей, которыя мы сами сочиняемъ про нашу до-Петровскую Русь.

Прежде всего Азбуковники очень ясно говорятъ о существованіи у насъ въ XVII-мъ вѣкѣ училищъ для первоначальнаго обученія, въ чемъ, кажется, еще и теперь не перестали сомнѣваться наши ученые, и при томъ такіе, которые, по всей видимости, знаютъ древнюю Русь и любятъ ее безъ всякаго невыгоднаго для нея преувеличенія и излишняго пристрастія ко всему до-Петровскому. Въ одной недавно выпедшей небольшой статейкѣ: «О воспитаніи въ древней Россіи» прямо говорится, что будто бы у насъ училищъ, даже и для самаго начальнаго обученія, почти вовсе не было.¹ И это говорится о XVII-мъ вѣкѣ, о томъ времени, когда существовала уже въ Москвѣ Славено-Греко-Латинская Академія. Можетъ быть, почтенный авторъ не досказалъ своей мысли, или хотѣлъ сказать иначе, какъ мы и ожидали отъ него, при его знаніяхъ и, кажется, добросовѣстномъ изученіи нашей исторіи и нашего образованія; но сказано именно такъ, какъ мы привели адѣсь, сказано такъ послѣ тѣхъ дѣльныхъ замѣчаній, которыя мы прочитали у него на первыхъ двухъ страничкахъ. Послѣ этого мы еще больше дорожимъ каждымъ новымъ фактомъ, каждымъ новымъ свидѣтельствомъ, которыми сама древняя Россія, чрезъ уцѣлѣвшіе памятники своей умственной жизни, разрушаетъ наши, ни на чемъ не основанныя, догадки.

Чему и въ какой мѣрѣ обучали въ нашихъ древнихъ училищахъ, мы все такъ и теперь еще не можемъ сказать положительно; но уже

¹ «О воспитаніи въ Россіи въ XVI—XVII-мъ вѣкѣ», А. Рудневъ (Библ. для чт., 1855 г., N. 8, Смѣль, стр. 136).

не такъ вѣдь темень для насъ неразгаданный XVII-й вѣкъ, чтобъ объ немъ ровно ничего нельзя было сказать, кромѣ того, что у насъ вовсе не было училищъ; училища были, и мы даже знаемъ отчасти обычай этихъ училищъ, ихъ уставы о учащихъ и учащихся. Согласенъ, что по Азбуковникамъ мы не можемъ судить объ объѣмѣ тогдашняго обученія. Пожалуй, въ одномъ Азбуковникѣ намечается на то, какое широкое поле постоянного ученія открывается обучающимся грамотѣ; но говорить, что все то, что перечисляетъ «мудрость», входило въ объѣмъ преподаванія, мы не въ правѣ, пока другіе факты не рѣшатъ нашего сомнѣнія. Объ изученіи азбуки «мудрость» говоритъ дѣтямъ, что какихъ бы они ни были родителей, богатыхъ ли матерей, или дѣти «тысячна отца», она не требуетъ отъ богатствъ «родичовъ» ихъ почти ничего, «кольми же паче отъ нища,» но отъ всѣхъ вмѣстѣ, богатыхъ и убогихъ, славныхъ и худородныхъ, просить одинъ только пѣнязь, «имъ же могу,» говорить, «малѣйшую и, мнится, ничто же имущую разума азбуку купяти, и тебѣ съ любовію, яко бы главу умащая, вручяти, и показовати тебѣ тамо написанныя литеры, або слова, едино по единому, дондеже мало по малу внимати будещи, и яко по лѣствицѣ на высоту, слово по слову, и строка по строкѣ, поступовая, изучаещи.» Вотъ все, что говорится здѣсь о способѣ преподаванія азбуки; этого очень недостаточно. Но «мудрость» продолжаетъ говорить ученику, что, когда онъ выучитъ эту азбуку и будетъ ужъ знать ее въ совершенствѣ, долженъ выучитъ потомъ Часословъ и Псалтырь, и относительно этихъ двухъ послѣднихъ выражается такъ, что безъ нихъ и ученія никогда не бываетъ, что это самыя необходимыя первоначальныя книги, что объ нихъ ужъ и упоминать не слѣдуетъ, потому что всякій это знаетъ: «ктому не глаголю ти о Часословѣ и Псалтыри, безъ нихъ же сіе не бываетъ.» «Но се тебѣ едино реку,» продолжаетъ она, т. е., вотъ на что обрати вниманіе, вотъ что еще нужно тебѣ, кромѣ Часослова и Псалтыри: «вниди умомъ внутрь себе и всею сердечною мыслию обноси вся книги тисненныя и писменныя, великія и малыя, славныя и не славныя, и еже пристойно царской власти, во всѣхъ судебныхъ полатахъ, тако же и во всемъ духовенствѣ чинахъ, и во всенародномъ множествѣ, и до поселянъ, всякія дѣла и крѣпости откуда вразумляются и вчиняются; въ чимъ устроятся.»

Преподавалось ли все это въ тогдашнихъ школахъ, хотя поверхностно, изъ Азбуковниковъ рѣшить невозможно, и мы не беремъ на свою отвѣтственность рѣшенія ни за, ни противъ. Довольно того, что въ школахъ нашихъ упоминали о томъ, что еще предстоитъ узнать обучающему грамотѣ, что еще есть важнѣе знанія Часословца и Псалтыри. (Странно было бы послѣ этого утверждать, что цѣль наученія юношей книжному разумѣнiю была единственно та, чтобы приготовить изъ нихъ церковно-служителей, могшихъ свободно читать въ церкви часы и ирмосы съ тропарями—и только). Дѣйствительно, Часословецъ и Псалтырь были необходимыми книгами въ начальномъ обученiи; но умѣнье читать ихъ не было единственною цѣлю и итогомъ ученiя: эти книги были ни больше, ни меньше, какъ первоначальныя руководства, служившiя и для упражненiя въ чтенiи, и для внушенiя юношеству тѣхъ нравственныхъ правилъ, которыя въ нихъ заключаются. Религиозно-нравственное направленiе умовъ нашихъ предковъ необходимо требовало отъ юношества знанiя молитвъ, приличныхъ доброму Христiанину,—и, естественно, молитвы этѣ находились въ тѣхъ книгахъ, которыя были необходимыми книгами въ богослуженiи. Вотъ почему первыми учебниками нашими явились Часословъ и Псалтырь, какъ собранiе и догматовъ вѣры, и правилъ объ обязанностяхъ человѣка и гражданина.

Но, кромѣ Часослова и Псалтыри, входили въ объемъ изученiя и прочiя «Божественныя книги», малыя и великiя, рукописныя и тѣ немногiя печатныя, которыя мы уже имѣли въ то время.

Какъ бы то ни было, обученiе въ до-Петровской Руси не ограничивалось кругомъ однихъ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ. Я это говорю о школахъ для первоначальнаго обученiя, но не о Московской Академiи: въ этой послѣдней, — всякiй знаетъ, — требованiя были выше и обширнѣе; но и въ училищахъ, для начальнаго обученiя, въ училищахъ, которыхъ, вѣроятно, было у насъ не такъ мало, какъ принято думать, ученiе не ограничивалось умѣньемъ читать Часословъ и Псалтырь, а распространялось на другiя знанiя, бывшiя внѣ круга церковныхъ книгъ. Не знаю положительно, учили ли наше юношество философи Дамаскина, преподавались ли ему тѣ знанiя, которыя уже были усвоены нашими предками и остались въ нашихъ древнихъ памятникахъ, но то вѣрно, что часть познанiй нашихъ предковъ сообщалась уже юношеству и въ школахъ, въ чемъ мы можемъ удостовѣриться, читая тѣ

трактаты о ходѣ образованія въ древней Руси и о воспитаніи нашего юношества, которые вышли въ последнее время. ¹ Разумѣется, въ этихъ трактатахъ многое основано на догадкахъ, еще больше выведено, по законамъ аналогіи, изъ какихъ нибудь намековъ; но есть и нѣсколько фактовъ, имѣющихъ историческую важность.

Но Азбуковниками, которые мы имѣемъ теперь въ рукахъ, еще никто не воспользовался должнымъ образомъ, да и немногіе, кажется, знаютъ о ихъ существованіи, между тѣмъ какъ содержаніе ихъ очень разнообразно и имѣетъ интересъ не только педагогическій, но и литературный; главное же достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что они, хотя въ малой мѣрѣ, объясняютъ намъ, какими знаніями обогатилось Русское юношество, прежде чѣмъ вступало въ общество и начинало гражданскую жизнь, пополняя опытомъ и чтеніемъ тѣ свѣдѣнія, которыя пріобрѣтены имъ въ школахъ.

Прежде всего надо замѣтить, что значеніе Азбуковника для насъ теперь не совсѣмъ понятно, но видно, что этимъ словомъ обозначали не букварь, не азбуку и не Алфавиты, замѣнявшіе у насъ Словари, какъ можно бы ожидать по названію, но подъ этимъ именемъ предки понимали, кажется, всякій учебникъ, всякое руководство, предназначенныя для обученія юношества, тѣмъ болѣе, что и содержаніе ихъ ни сколько не соответствовало названіямъ, и каждый Азбуковникъ былъ отчасти отдѣльнымъ учебникомъ, не имѣвшимъ въ себѣ ничего общаго съ прочими. Первый Азбуковникъ нашего сборника, озаглавленный словами: «Школьное благочиніе» и пр., въ общемъ оглавленіи стоитъ какъ бы отдѣльнымъ учебникомъ, содержаніе котораго главнымъ образомъ состоитъ изъ собранія школьныхъ правилъ и учительскихъ наставленій, какъ сказано: «въ первомъ азбуковникѣ учителиво ученикомъ наказаніе, да въ школѣ о всемъ благочинствуютъ.» И дѣйствительно, изъ всего Азбуковника вы видите, что правила благопристойности учащихся, школьные порядки и объявленія вообще вся училищная дисциплина стоятъ здѣсь на первомъ планѣ, и только изрѣдка Азбуковникъ уклоняется отъ своего содержанія и передаетъ ученикамъ нѣкоторыя постороннія свѣдѣнія. Впрочемъ, по тому, можетъ быть, эти учебники называются Азбуковниками, что содержаніе ихъ располагается большею

¹ См. Разсужденіе г. Лавровскаго (Николая): «О Древне-Русскихъ училищахъ.» Харьковъ, 1854.

частью въ алфавитномъ порядкѣ: такъ: первый изъ нихъ, состоящій изъ правилъ касательно школьныхъ порядковъ, располагаетъ эти правила по счету буквъ алфавита, и какъ всѣ его изреченія очень кратки и состоятъ больше изъ двустиній, или четверостишій, то прежде, подъ буквою *а*, помѣщены изреченія, начинающіяся съ этой буквы; подъ буквою *б*, тѣ, которыя начинаются съ этой буквы и т. д.; и такъ какъ этихъ изреченій очень много, то каждая буква въ началѣ такихъ изреченій повторяется довольно часто. Въ другомъ Азбуковникѣ эта форма еще страннѣе: тамъ только первая буква цѣлой главы принадлежитъ къ алфавиту; въ прочихъ жѣ Азбуковникахъ нѣтъ даже и этого.

Постараюсь показать, въ чемъ состоитъ первый изъ Азбуковниковъ, содержаніемъ котораго взяты правила касательно школьной дисциплины.

Послѣ предисловія, которое я выписалъ выше, и которое начинается словами: «Школьное благочиніе, всеспасительное ученіе,» потомъ стихами: «Младоумный и маловозрастный отроча» и пр., слѣдуетъ самый Азбуковникъ. На полѣ рукописи изображено книоварью большое *А*, а противъ него помѣщено начало изреченій на 'ѳту же букву:

Азь есмь начало премудрости,
И податель есмь всякой благодсти.
Азь славящаго мя прославлю,
И предъ челоуѣки честна его поставлю.
Азь есмь Богъ кающихся,
Пристанище и спасеніе ко мнѣ тщащихся.
Азь есмь начало и конецъ,
Ищущимъ мене слава и вѣнецъ.

Это—введеніе къ тѣмъ изреченіямъ, которыя разсѣяны по всему Азбуковнику. Какъ всякій можетъ видѣть, это только общія выраженія, которыми должно начаться скучное и томительное дѣло ученія школьныхъ правилъ. За тѣмъ книоварью написано: Учитель, Это значить, что слѣдующія за этимъ изреченія влагаются въ уста учителя, который яко бы говорить:

Азь ко онѣмъ вышеписаннымъ тя направляю,
Книжному разумѣнію прилежно ты наставляю.
Азь въ книжномъ разумѣніи даю тебѣ смель,
Дабы ты во благомъ ученіи былъ быстръ.

И такъ далѣе. Подобныхъ двустипій, начинающихся непременно буквою *а*, говоритъ отъ себя учитель много, и всѣ они отчасти сходны между собою и не что иное, какъ разглагольствованіе на одну тему. За тѣмъ киноварью снова написано: ученицы. Это значить, что слѣдующія за симъ сентенціи говорятъ къ учителю сами воспитанники; всѣ они въ родѣ слѣдующихъ:

Аще благимъ ученіемъ насъ наслаждаешя,
 Страхъ Божій въ сердца наша всаждаешя,

 Аще пѣюгда и біеніе отъ тебя терпамъ,
 Но мы тѣмъ ужы свои крѣпимъ.
 Аще нынѣ намъ и не мнятся радость,
 Послѣднѣе уразумѣемъ въ себѣ душевную сладость.

И далѣе въ подобномъ же родѣ. И все это упражненія на букву *а*, которая стоитъ въ главѣ наждаго двустипія. Потомъ; наконецъ, написано киноварью: здѣсь слагатель имя свое являетъ. Что значить эта фраза? Какой слагатель объявляетъ о своемъ имени? Какъ видно, это лице не должно быть смѣшиваемо ни съ учителемъ, ни съ учениками: его назначеніе какое-то совершенно отдѣльное. Здѣсь, при буквѣ *а*, послѣ сентенцій, сказанныхъ учителемъ, и послѣ отвѣта на нихъ со стороны учащихся, этотъ слагатель, объявивъ свое имя, говоритъ къ ученикамъ такими словами, которыя ясно показываютъ, что самъ онъ не принадлежитъ къ средѣ ихъ.

Твое отроческое что о семъ написаннѣе разсужденіе,
 Речепное мною благое къ тебѣ любезнѣе умышленіе.

Изъ другихъ мѣстъ Азбуковника также нельзя понять значеніе этого лица. Послѣ послѣдняго двустипія, сказаннаго отъ лица слагателя, начинаются сентенціи на букву *б*, противъ которыхъ опять на полѣ выставлена эта же буква. Надо замѣтить, что первыя сентенціи на каждую букву говоритъ яко бы слагатель отъ себя; такъ и здѣсь, при буквѣ *б*, сначала обращаетъ къ ученикамъ рѣчь свою слагатель; за нимъ говоритъ учитель; потомъ опять этому послѣднему отвѣчаютъ ученики приличными двустипіями. Послѣ всего этого, при переходѣ къ буквѣ *в*, снова является слагатель. Изъ всего, что говоритъ онъ въ цѣломъ Азбуковникѣ (а говоритъ онъ большею частію общими выраженіями) и изъ того, что онъ и къ учителю обращается иногда наставительнымъ тономъ, видно, что слагатель былъ не кто иной, какъ

составитель или писатель самого Азбуковника, сочинитель, потому что ему одному прилично говорить къ учителю наставленіями и родѣ слѣдующихъ:

Учи дѣти благоразумно все говорить,
Тебе бо сіе прилично есть творити.

Или:

Лгутъ ли гдѣ ученицы твоя когда спати,
Дивися, аще не на тѣхъ мѣстахъ имуть возстати.

Непонятно только, къ чему въ Азбуковникахъ прилетать имъ отчество и даже чинъ слагателя. Такъ послѣ буквы *а* написано киноварью: здѣ слагатель имя свое являетъ, хотя онъ и не дѣлаетъ этого, и мы не знаемъ его имени.

Послѣ двустипіи на букву *ж*, которыя всѣ состоятъ въ наставленіи юношества приличнымъ поступкамъ и благонравію, слагатель говорить:

Радостно сіе завѣщаніе, о учениче, прими,
Ко учителю святыхъ ради писаній усердно прииди,
Въ первой строкѣ слагателево имя совершися,
Во второй начальное слово отечеству положися.

О какой это строкѣ говорится, понять нельзя: о первомъ ли двустипіи, или о второмъ, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, мы не можемъ догадаться о его имени и отчествѣ. Послѣ же буквы *л*, въ рукописи отставлено нѣсколько строкъ и на нихъ ничего не написано; но тутъ же сказано далѣе:

«Въ вышеупомянутомъ убо словеси слагателево имя, чинъ и отчество
совершися,
Здѣ, его же ради писася, о имени и чинѣ вѣдомость положися.»

Надо полагать, въ этомъ-то пропускѣ послѣ буквы *л* и должно было находиться имя слагателя; но оно не написано, по той, вѣроятно, причинѣ, что должно было писаться киноварью; а киноварныя слова въ рукописяхъ иногда пропускаются, потому что они писались не вѣстѣ съ другими словами, а вписывались послѣ другимъ перомъ, особенно заглавныя киноварныя буквы. И такъ мы не знаемъ, зачѣмъ оно требовалось въ Азбуковникѣ? Развѣ какъ имя автора предыдущихъ сентенцій?

Всѣ рифмованныя наставленія ученикамъ касательно поведенія ихъ въ школѣ, дома и на улицѣ, касательно нравственности и наружнаго приличія, приведены мною при разборѣ училищной дисциплины въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ. Кромѣ этого первый Азбуковникъ не представляетъ ничего занимательнаго. Относительно же формы его замѣчу, что только: при первыхъ трехъ литерахъ алфавита, ученики говорятъ отъ себя къ учителю нѣсколько двустихій; при прочихъ же литерахъ говорятъ только слагатель и учитель. Назначеніе этого Азбуковника было, кажется, такое, чтобы юношество, читая его, затверживало тѣ правила, соблюденіе которыхъ требовалось очень строго; можетъ быть, ученикамъ вмѣнялось въ обязанность выучивать его наизусть, и никто не могъ тогда отзываться незнаніемъ школьныхъ требованій, тѣмъ болѣе, что въ этихъ требованіяхъ, между правилами о благопристойности, объ умѣнн обходиться съ книгами, объ обязанностяхъ учащихъ и учащихся, разсѣяны приличныя нравственныя наставленія и поученія общечеловѣческія.

И такъ, видимъ, что назначеніе этого Азбуковника спеціальное, какъ можно было предполагать по самому его названію—«Школьное благочиніе.»

За тѣмъ въ нашемъ сборникѣ слѣдуетъ другой Азбуковникъ съ надписью: «Азбуковникъ второй». Но это только отрывокъ Азбуковника, потому что содержаніе его очень бѣдно; да и въ общемъ оглавленіи сборника значится: «Азбуковника полъ.» Какъ и въ первомъ, здѣсь нѣтъ ничего, относящагося до науки; а составъ этого отрывка слѣдующій: въ первой главѣ помѣщено наставленіе, какими словами ученики должны привѣтствовать всякаго посѣтителя. Когда входитъ въ школу новое, постороннее лице, всѣ должны встать при его появленіи, и одинъ изъ прилежнѣйшихъ учениковъ, поклонившись посѣтителю, говоритъ рѣчь, приличную мѣсту и времени:

Азъ, мнѣи рабъ учителя моего,
Зрю тя, благодѣтеля своего,
Пришедша, посѣщенія ради, въ школу къ намъ,
Сего ради простираю слово къ вамъ.
Благоволи у насъ, смиренныхъ, сѣсть.
И повѣждь намъ благія вѣсти, и т. д.

Въ Азбуковникѣ этомъ помѣщено нѣсколько такихъ рѣчей, въ которыхъ, конечно, на первомъ мѣстѣ наборъ словъ и разглагольствованіе на одну и ту же тему. Каждая рѣчь оканчивается словами:

«Нынѣ и приено.» Когда ученики садутъ на мѣста, ораторъ продолжаетъ:

Гряди, всесчастный отче, гряди,
Настоящаго ученія нашего погляди, и проч.

Такія рѣчи называются «предусрѣтательными словами» или «предусрѣтательными привѣтствіями.» Ихъ предоставлялось выучивати только первымъ ученикамъ, «острѣйшимъ и ключимѣйшимъ,» чтобъ приходящій легко могъ самъ видѣть, что это лучше ученики; относительно же «грубыхъ и неключимыхъ во ученіихъ», говорится, чтобъ они не печалились и не приходили въ отчаяніе отъ такого предпочтенія другихъ, да и родителей таковыхъ дѣтей Азбуковникъ утѣшаетъ и совѣтуетъ заставляя дѣтей прилежиѣ молиться. При этомъ написана и молитва для грубоучащихся.

Кромѣ всего этого, въ Азбуковникѣ сказано, что и «приходящій глаголють къ таковымъ (т. е., къ прилежнымъ ученикамъ) удобопристойная нѣкая рѣченія, въ вѣщнее ума ихъ къ настоящему ученію возставленіе.» Рѣченій этихъ въ Азбуковникѣ помѣщено нѣсколько, но всѣ они сходны между собою и имѣють характеръ слѣдующій:

Отъ устъ твоихъ слышу слово приносимое,
Моей нищетѣ отъ любви твоя приносимое;
Сіе слыша, яко нѣкое сладчайшее питіе пью,
За любовь твою отроческую премоного челомъ бью, и т. д.

Или:

Глаголю вамъ, благочестивымъ отрокомъ,
И всѣмъ, иже суть здѣ, ученикомъ:
Хотяи кто въ сихъ быти мудръ,
Въ дѣтскихъ глумленіихъ да будетъ глупъ.
Чистотою тѣлесною сіе стяжите,
Юже, яко гривну злату, на ся возложите, п т. д.

До сихъ поръ мы видѣли въ Азбуковникахъ почти одни школьныя правила и постановленія, относящіяся до тогдашней педагогики: но объ ученіи, о передачѣ знаній учащимся, не сказано еще почти ни слова. Виною этому самое содержаніе нѣкоторыхъ Азбуковниковъ, на которые я и обратилъ прежде всего вниманіе по той причинѣ, что мнѣ хотѣлось показать прежде по этимъ Азбуковникамъ тѣ пріемы и обычаи, которые существовали въ нашихъ школахъ до Петра. Въ Азбуковникѣ же, который въ сборникѣ слѣдуетъ за вторымъ, есть статьи, относящіяся до обученія юношества каллиграфіи, что

у насъ принято теперь называть Прописями и что въ Азбуковникѣ названо Надписями.

Въ то время, конечно, прописи существовали рукописныя, за немѣнѣемъ литографированныхъ, и состояли изъ краткихъ двустишіи нравственно-религіознаго содержанія. Изъ нашего руководства видно, что учитель долженъ былъ прежде самъ писать эти прописи, а ученики уже списывали съ нихъ, примѣняясь къ его почерку. Это руководство каллиграфіи носитъ особое названіе «Азбуковника наказательнаго», и состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ или «наказаній»; въ каждомъ такомъ наказаніи заключается по четырнадцати сентенцій или двустишіи, по два двустишія на каждую букву алфавита. Наказаніе первое о чести родителей и о воспоминаніи добра своихъ благодѣтелей вмѣщаетъ въ себя двустишія на первыхъ семь лѣтеръ азбуки, т. е., до ж включительно. Наказаніе второе о непочитающихъ своихъ родители въ настоящемъ семъ житіи, и о небрежущихъ благословеніе ихъ въ своемъ зломъ бытіи, заключаетъ въ себя двустишія на слѣдующія семь буквъ; въ остальныхъ двухъ наказаніяхъ остается тоже по семи буквъ, чѣмъ и оканчивается руководство каллиграфіи. Но передъ началомъ этого алфавита помѣщенъ родъ предисловія, которое, вѣроятно, также служило ученикамъ образцомъ для списыванія, и изъ этого-то предисловія можно видѣть, что прописи писались, для образца, учителями, и что располагались онѣ въ алфавитномъ порядкѣ, и даже очень часто состояли изъ стихотворныхъ сентенцій (писались виршею).

Написи по азбукѣ виршею положены,
И строки правоучительныхъ главизмама расположены.

Прибавимъ къ этому, что патронами каллиграфіи, или какъ въ Азбуковникѣ сказано, руководствія, были Іоаннъ Богословъ и Пророкъ Наумъ: первый изъ нихъ, какъ видно, признавался патрономъ письма, на основаніи преданія, а послѣдній уже и по тому, что былъ главнымъ покровителемъ всѣхъ учащихся. Въ прописяхъ къ этимъ двумъ лицамъ относятся такъ:

Святый Апостолъ и Евангелисте Іоанне Богослове,
На Тайной Вечери возлегій на перси Христовѣ,
Вразуми мя и научи добръ писати,
Яко же онаго Гусаря на песцѣ образъ твой изображати.
Святый Пророче Божій, Науме, вразуми мя и накажи своею
Милостию и благоутію, добръ руководство написати.

Теперь я не буду долго останавливаться надъ значеніемъ каждаго Азбуковника, и не стану дѣлать окончательныхъ выводовъ на основаніи ихъ содержанія. Я намѣренъ впрочемъ познакомить читателя съ тѣмъ, что имѣютъ эти памятники до-Петровской Руси; я разберу ихъ такъ, какъ будто бы они составляли отдѣльное явленіе въ литературѣ того времени, безъ всякаго отношенія къ прочимъ тогдашнимъ памятникамъ, не дѣлая никакихъ заключеній относительно того, какое мѣсто они занимаютъ въ исторіи нашего развитія. Согласенъ, что такой перечень главъ и содержаній Азбуковниковъ будетъ довольно сухою работой: но я этимъ не кончу. Значеніе этихъ памятниковъ, ихъ важность въ связи со всѣмъ тѣмъ, что у насъ уже сдѣлано для объясненія древней Руси, все это намѣренъ я показать уже тогда, когда намъ будетъ извѣстно содержаніе самихъ Азбуковниковъ. Тогда мы увидимъ, что они заключаютъ въ себѣ новаго и что прибавляютъ къ исторіи нашего образованія, неразлучнаго съ исторіей педагогики. До сихъ поръ покуда мы познакомились нѣсколько съ содержаніемъ трехъ только Азбуковниковъ, а ихъ въ нашемъ сборникѣ находится еще нѣсколько, и содержаніе этихъ послѣднихъ гораздо богаче и разнообразнѣе, чѣмъ Азбуковниковъ, уже извѣстныхъ намъ. Такъ въ сборникѣ нашемъ есть одинъ полный Азбуковникъ, довольно разнообразный и занимательный по содержанію. Этотъ Азбуковникъ нѣсколько болѣе проясняетъ нашъ взглядъ на объемъ и способъ обученія въ до-Петровскихъ школахъ.

Въ общемъ оглавленіи сборника упомянутый Азбуковникъ носитъ названіе: «Азбуковникъ полный, имущій въ себѣ увѣщанія ученія, наказанія ученикомъ отъ многихъ книгъ, множае же отъ грамматики.» Самое названіе даетъ знать, что здѣсь содержаніе выходитъ уже изъ круга обыкновенныхъ Азбуковниковъ, какіе мы до сихъ поръ видѣли; что здѣсь говорится о другихъ предметахъ, кромѣ наставленій, касающихся нравственности и приличій, именно здѣсь содержаніе касается уже положительныхъ знаній. Просмотримъ же содержаніе этого Азбуковника.

Кромѣ заглавія въ общемъ оглавленіи сборника, самый Азбуковникъ называется еще иначе. На первомъ листѣ его значится: Азбуковникъ, его же должно есть добрымъ учителямъ повседневно прочитовати въ наказаніе ученикомъ. Значитъ, учитель обязанъ былъ ежедневно читать этотъ Азбуковникъ для своихъ учениковъ. Положимъ, этому дословно нельзя вѣрить: Азбуков-

никъ слишкомъ великъ, чтобъ его можно было прочитывать отъ начала до конца, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, дѣти учились въ школѣ еще чему нибудь другому, кромѣ этого Азбуковника; но вѣрно то, что хотя по частямъ, онъ читался въ школѣ, и содержаніе его было извѣстнымъ учащимся и, какъ кажется, они знали его наизусть. Да иначе и предполагать трудно: въ этомъ же Азбуковникѣ говорится, что если учитель и не можетъ читать самъ для учениковъ, во всякое свободное отъ ученія время, то долженъ имѣть у себя помощниковъ изъ своихъ же воспитанниковъ, и они въ этомъ случаѣ должны замѣнять, для товарищей своихъ, учителя и читать имъ этотъ Азбуковникъ, или что велитъ учитель. И все это сказано такъ, что если въ школѣ найдутся и невнимательные мальчики, которые нерадиво будутъ слушать читаемое, или даже ничего не услышать, то все таки учителю вѣнено въ обязанность не обращать на это никакого вниманія, а читать, потому что дѣти несмысленны, не понимаютъ своихъ пользъ, и учителя это не должно печалить: если иные воспитанники, сказано, «отъ грубости разума, и не сладостно слушаютъ, ниже внемлютъ,» то учитель не долженъ отчаиваться въ ихъ исправленіи и въ пользѣ для нихъ своего ученія: «прочитайвай, сказано, твое бо есть точію еже сѣяти», и что, какъ бы они ни были невнимательны къ нему слушатели, все же когда нибудь, хоть навывкомъ, они узнаютъ то, что имъ читаютъ, и даже безъ желанія учиться, выучатся тому, что имъ будутъ повторять изъ Азбуковника каждый день.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ методѣ обученія, даже съ самымъ малымъ прилежаніемъ и самыми ограниченными, воспитанники должны были знать, хотя отчасти, то, что отъ нихъ требовалось. Естественное, что этотъ Азбуковникъ, отъ частаго повторенія, они выучивали довольно твердо и отчетливо знали его содержаніе. А вотъ о содержаніи-то именно мы и хотимъ поговорить нѣсколько подробнѣе.

Весь Азбуковникъ состоитъ изъ главъ, которыхъ число соответствуетъ числу буквъ Славянскаго алфавита, кромѣ тѣхъ, кои не можетъ начинаться слово, какъ ѿ, ѿ, и др. Надъ каждой главой выставлена большая киноварская буква алфавита: надъ первой а, надъ второй б и т. д.; но, кромѣ того, какая буква выставлена надъ главой, той же самой буквой и глава начипается. Сверхъ этого каждая глава снабжена тѣмъ-то въ родѣ стихотворнаго предид-

словія, состоящаго изъ четырехъ двустихій, въ которыхъ сокращенно излагается содержаніе главы; самыя же главы писаны прозою, изукрашенною всѣми риторическими хитростями и вычурною до крайности. Только передъ нѣкоторыми главами недостаетъ стихотворнаго предувѣдомленія; но для нихъ оставлено мѣсто, какъ будто бы авторъ, или переписчикъ, намѣревался добавить ихъ послѣ. Азбуковникъ написанъ такъ, что въ немъ говорить отъ своего лица сама мудрость, называя себя Софією и Словесницею: «Софія же азъ есмь премудрость: тако бо нарицаюся Греческимъ языкомъ, Словенскимъ же, въ немъ же вы нынѣ живете (говорятъ она къ Русскимъ ученикамъ), нарицаюся мудрость»: въ другомъ мѣстѣ она говоритъ о своей особѣ такими словами: «Се азъ прехитрая словесница мудрость». Именуясь мудрой, словесница эта старается оправдывать свое названіе, и въ самомъ дѣлѣ говоритъ очень хитро и затѣйливо: отъ этого много теряетъ содержаніе Азбуковника, потому что мудрость, прежде чѣмъ скажетъ дѣльное слово, поговоритъ столько пустыхъ фразъ, такъ разбавитъ водою свои поученія, что за фразами съ трудомъ можно понять, что дѣйствительно она желаетъ сказать. Въ этомъ, конечно, виновато отчасти общее направленіе того времени, когда фраза, распространенная приличными словесы и достойно украшенная, дѣлала честь своему творцу; но главная причина такого явленія въ языкѣ — бѣдность идей, недостаточность знаній: потому что нищету мысли мы всегда стараемся прикрыть фразой, и если ничего не имѣемъ сказать положительнаго, хоть, на примѣръ, объ Ариметикѣ, то говоримъ о ней такъ, какъ говорить мудрость: «Еллинскимъ языкомъ Ариметика нарицаюся, сладчайшимъ же мнѣ, рекше Русскимъ языкомъ, Числительница, пошеже многочисленныя науки разумѣти научаю..... на высоту небесную воспаряю, и тамо превысиренная исчисляю; въ широту земли сія простираю и заочная дѣла исправляю, во глубину моря спусхожду и водныя пучины прямо измѣряю, и путь къ шестаяю кораблемъ безъ претыканія излагаю» и пр. Конечно, такими словами она не научила учениковъ сложенію и вычитанію, а поговорила много.

Азбуковникъ начинается стихотворнымъ предисловіемъ къ тому содержанію, которое находится въ главѣ подъ буквою а. Рѣчь обращена здѣсь къ ученикамъ, собравшимся въ школу для ученія. Для образца выпишемъ это первое предисловіе:

Духовнии мои о Господѣ и любезная брата,
 Собранииши адѣ духовнаго ради приказанія,
 Умеса ваша усердно во мнѣ приклоните,
 О мудрости слову прилѣжно внемлите,
 Которая означала двѣи съ Богомъ бѣ и есть и будетъ,
 Сія къ чистыхъ душею и тѣломъ человекѣхъ пребудеть;
 Сія хоцетъ въ наша благочестивыя сердца вселитися,
 Въ вѣчное селеніе со Отцемъ и Сыномъ и Духомъ Святымъ водворитися.

За тѣмъ изображено большое А, а подъ нимъ начинается самый Азбуковникъ: «Дѣзъ есмь альфа и (Ω), начатокъ и конецъ, глаголетъ Господь, сынъ, и бѣ, и градый, Вседержитель. Всяка Премудрость отъ Господа и съ нимъ есть во вѣки. Прежде всѣхъ созданъ разумъ мудрости отъ вѣка; самъ Богъ превѣчный созда ю, и видѣ, и почте ю, и проліа ю на вся дѣла своя со всякою плотію по данію Его и дарова ю любящимъ Его.» Въ такомъ духѣ написана вся глава—великолѣпный панегирикъ мудрости. Мудрость здѣсь на первомъ планѣ, и нѣтъ ничего больше, какъ желаніе видѣть учениковъ мудрыми. Всѣ похвалы мудрости, конечно, ваяты больше изъ Священнаго Писанія и какъ нарочно подобраны мѣста, самыя лестныя для мудрости и преимущественно для мудрыхъ: «Премудрому глава въ народѣхъ и честь предъ старцы, юноща острѣ обряцетъ въ судѣ и вѣщающему внимають; сею Царіе царствують» и проч.

Кто не захочетъ послѣ этого быть мудрымъ? Все это въ одномъ тонѣ повторяется и въ другихъ главахъ, и отъ того теряетъ свою силу, становится натянутымъ, скучнымъ и, естественно, не всякій могъ рѣшиться искать мудрости такой утомительной, дорогой. Свѣдѣній здѣсь не передаю никакихъ; въ слѣдующихъ трехъ главахъ опять то же, опять похвала мудрости, но уже похвала, какъ видно, сочиненная у насъ, на Руси, нашими учеными предками; здѣсь вызываютъ къ дѣтямъ, чтобъ они звали къ себѣ мудрость, какъ госпожу и любезную невесту, чтобъ любили ее выше всего. Во второй главѣ приложена и молитва, которую ученики должны были почаще прочитывать, прося у Бога мудрости. Это молитва Соломона, въ которой онъ молилъ Бога о дарованіи ему мудрости

Въ четвертой главѣ, подъ буквою Г, ученики якобы обращаются къ мудрости и просятъ ее объяснить имъ свое начало. Она любезно объясняетъ имъ свое начало и источникъ въ Вѣрѣ, Надеждѣ

и Любви; за тѣмъ развивается эту мысль подробнѣе. Для XVII-го вѣка, и притомъ для дѣтей, подобныя объясненія мудрости и ея началъ очень удовлетворительны: по крайней мѣрѣ, мы видимъ желаніе заохотить дѣтей къ слушанію и пониманію того, что имъ будутъ объяснять въ слѣдующихъ главахъ. Здѣсь мы имѣаемъ что-то въ родѣ системы; здѣсь есть переходъ отъ легчайшаго къ труднѣйшему, отъ общихъ мѣстъ къ знаніямъ положительнымъ. Этотъ Азбуконикъ, какъ дѣтская книга, или вообще какъ учебникъ, для Русскаго юношества XVII-го вѣка не безъ достоинствъ, какъ мы увидимъ, разбирая постепенно его содержаніе.

Послѣ объясненія началъ мудрости и того источника, изъ котораго она происускаетъ, вниманіе дѣтей обращали къ другому предмету, передавая имъ важность первоначальнаго обученія и послѣдствія, могущія произойти отъ приобрѣтенія тѣхъ или другихъ знаній. Все это пока можно назвать нѣкоторымъ образомъ введеніемъ въ науку, по крайней мѣрѣ, къ томъ ограниченномъ смыслѣ, какъ понимали ее наши предки въ общей массѣ, исключая тѣ немногія личности, которыя ярко свѣтятъ въ Руси XVIII-го вѣка, т. е., въ Русь, не видѣвшей еще Петра Великаго; повторю, это ни больше, ни меньше, какъ введеніе, приспособленное притомъ къ понятіямъ дѣтей и, не забудемъ, писанное лицомъ духовнаго сана. И такъ въ этомъ введеніи мало помалу развивали взглядъ дѣтей на предстоящее ученіе. Потомъ уже давали имъ понятъ значеніе и важность науки (объятъ такъ какъ понимали ее предки). Здѣсь-то давали имъ знать, что наука — общее достояніе, и какъ пріятно знаніе само по себѣ, такъ же точно полезно и необходимо примѣненіе знаній въ практической жизни и на службѣ государственной; здѣсь-то именно говорится, что ученіе необходимо для всѣхъ, какъ для дѣтей богатыхъ родителей и даже тысящна отца, такъ для бѣдныхъ и самыхъ нищихъ, для дѣтей изъ хорошихъ фамилій и для дѣтей послѣдняго мужика (земледѣльцевъ, какъ мы уже видѣли выше въ этой статьѣ), и что единственный расходъ для этихъ бѣдняковъ будетъ цѣна азбуки—пѣнязь, на который можно было бы мальчику приобрѣсти себѣ учебникъ; здѣсь же говорится, что за изученіемъ азбуки слѣдуетъ изученіе часослова и псалтыри, безъ знанія которыхъ и ученія не бываетъ; потомъ взору учащагося представляется все богатство свѣдѣній и книгъ тишменныхъ и тишменныхъ, великихъ и малыхъ, славныхъ и неславныхъ; за тѣмъ, все, отно-

еще до царской власти, все что касается службы гражданской и судебных дѣлъ «во всѣхъ судебныхъ полатахъ»: все, что относится до дѣлъ духовнаго вѣдомства, до народа и «до поселянъ»; къ «дѣла в крѣпости,» ихъ порядокъ и производство, ко всему этому ведетъ азбука, «уже ты единѣмъ пѣняземъ купить еси», какъ преддверіе къ тѣмъ обширнымъ знаціямъ, которыя предстоитъ познать обучающемуся юношеству

Повторю снова, что изъ всего этого нельзя заключать, |чтобы въ до-Петровской Руси цѣлью обученія дѣтей было желаніе сдѣлать изъ нихъ церковнослужителей, могущихъ свободно читать службу и каноны, и только. Достоинно замѣчанія, что въ это же самое время, когда открывали передъ глазами юношества то широкое поле дѣятельности, которое предстоитъ имъ въ общественной жизни, если они будутъ образованы, въ это же самое время ихъ предостерегали различать въ ученіи и во всѣхъ книгахъ пшеницу отъ плевелъ, истину отъ лжи и раскола. «Есть,» сказано въ Азбуковникѣ, «во всѣхъ книгахъ и въ писаніи, кромѣ тисненіемъ издаваемыхъ, (?) посреди доброй духовной пшеницы насѣянъ непотребный плевелъ, какъ куколь въ пшеницѣ; не плевелъ, глаголю, Римскій,» т. е., отступленіе отъ Православно-Каѳолическія вѣры. «но другой, внесенный къ намъ еще мудренными, безумными людьми. иже во многихъ градѣхъ и всесехъ, паче же рещи въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, елико за таковая плевелія двояко, си есть, душевнѣ и тѣлеснѣ страждутъ.» И вотъ, во избѣжаніе всего этого, дѣтямъ совѣтовали убѣгать отъ такихъ неблагонамѣренныхъ людей. Если, продолжаетъ мудрость, и скажетъ кто нибудь тебѣ, что ютъ это для юноши хорошо и полезно, то ты отвѣтъ тому совѣтнику, что я, де, еще глупенькое дитя, ничего не смыслю и не знаю, полезно ли для меня, или вредно то, что ты предлагаешь; «но аще ющеша, да дася миѣ сіе, и азъ шедъ, покажу моему учителю», и онъ миѣ объяснитъ все.

Въ самомъ дѣлѣ, для обучающейся молодежи это было необходимымъ предостереженіе, особенно въ то смутное время, когда дѣло исправленія священныхъ книгъ, начатое Никономъ, произвело такой разладъ между мнѣніями приверженцевъ старыхъ книгъ и книгъ исправленныхъ; обличительныя воззванія противныхъ партій находили себѣ ревностныхъ защитниковъ, и юношество, особенно пѣ-
сильно развившееся, могло быть увлечено всѣмъ, потому что и тогда

молодость не ждала безъ увлеченій. Вотъ почему необходимо было учителю предостеречь воспитанниковъ, начинавшихъ свое образованіе подъ его присмотромъ.

Знаніе своихъ обязанностей и школьныхъ уставовъ считалось также необходимою принадлежностью первоначальнаго образованія. Хотя въ подлежащемъ Азбуковникѣ все это изображено очень кратко; однако, сличая его съ другими учебниками того времени, намъ удалось собрать довольно фактовъ относительно этого предмета; другіе Азбуковники пополняютъ то, чего недостаетъ въ разбираемомъ нами учебникѣ. Мы разобрали выше все, относящееся до школьной дисциплины, такъ что изъ всѣхъ выписокъ составилъ довольно полный уставъ, которымъ руководствовались наши до-Петровскіе педагоги. Въ настоящемъ Азбуковникѣ училищныя правила помѣщены послѣ разсмотрѣннаго нами введенія и слѣдуютъ какъ разъ за объясненіемъ важности и обширности знаній, какія предлагала тогдашняя письменность, и за предостереженіемъ юношества не вѣрять всему и не увлекаться всѣмъ, что есть въ книгахъ. Я считаю излишнимъ передавать читателю всѣ правила, которыя преподавались нашему юношеству, тѣмъ болѣе, что они уже отчасти извѣстны изъ тѣхъ отрывковъ, которые приведены въ началѣ статьи. Въ настоящее время, въ нашъ XIX-й вѣкъ, училищныя правила входятъ въ особенное руководство, преподаваемое дѣтямъ, или по крайней мѣрѣ преподававшееся лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ нашихъ уѣздныхъ училищахъ, подъ названіемъ «Правила для учащихся»; въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ, на пр., въ Университетахъ, правила другія, и суть не что иное, какъ извлечения изъ Свода Росс. Законовъ, изъ Устава объ училищахъ; въ XVII-й же вѣкъ Правительство еще не касалось въ своихъ законоположеніяхъ этой отрасли народнаго образованія (въ 1682 только дана была привиллегія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, но больше ничего), и потому народъ самъ, а особенно духовенство, понимая необходимость образованія, каково бы оно ни было, сами о себѣ заботились и въ своихъ школахъ руководствовались своими правилами, семейнымъ или домашнимъ образомъ, и правила эти были—простой обычай, руководимый здравымъ смысломъ нашихъ доморощенныхъ педагоговъ. Спасибо имъ и за это.

Выучивъ школьныя правила, дѣти переходили постепенно къ принятію другихъ свѣдѣній. Ихъ начинали знакомить, хотя энци-

книжечески съ тѣмъ, что вообще отличаетъ образованнаго человѣка отъ неуча. Такъ какъ, конечно, ученіе распредѣлялось по днямъ недѣли, а воскресные и праздничные дни посвящались отдохновенію, то естественнѣе всего было объяснить имъ происхожденіе и значеніе недѣли. Здѣсь ученики узнавали, что седмица установлена еще издавна философами (т. е., вообще учеными), сообразно съ естественнымъ и луннымъ теченіемъ: что ею мѣряются мѣсяцы, мѣсяцными годами, а годами вѣка; что у разныхъ народовъ и названія дней различны. Здѣсь же истолковано было дѣтлѣмъ, что значило у Евреевъ «во едину отъ субботы», что значило у нихъ «предсубботіе», и какъ назывались остальные дни недѣли. Такимъ образомъ ученики знакомились уже съ предметами, которые были внѣ ихъ понятій. За тѣмъ, послѣ объясненія субботы и дня успокоенія, имъ опять напоминали о дисциплинѣ и о томъ, что они должны были дѣлать въ праздничные дни.

Съ объясненіемъ значенія дней недѣли, натурально связаны были первыя начала Священной исторіи: дѣтямъ рассказывалось изъ книги Бытія, сотвореніе міра и человѣка. Надо думать, что на знаніе Священной исторіи обращали у насъ преимущественное вниманіе, потому что значеніе Священнаго Писанія было непосредственной цѣлью, образованія до-Петровской Руси. Но посмотримъ лучше, какими путемъ шли наши педагоги въ послѣдующемъ обученіи своихъ воспитанниковъ, и на что еще обращали вниманіе учащихся.

Объясненіе дней недѣльныхъ влекло за собою знакомство съ происхожденіемъ календаря и исторіей лѣтосчисленія. Впрочемъ, знакомство было очень не важное. Дѣти узнавали только, что съ воскресеніемъ Христа отложено празднованіе субботы, а принятъ день воскресный, какъ память искупленія: что все это сдѣлано Сильвестромъ, Папою Римскимъ, «украшеннымъ всякою премудростію Еллинскою и Римскою»;¹ что онъ назвалъ дни Греческими именами: киіакниъ, воскресенье, деветаранъ, тритинъ и т. д. Но очень

¹ Это событіе обозначено въ Абуковникѣ годомъ «5843, инде 5856,» а отъ Р. Х. въ 343 или 356 году. Странно, какъ это здѣсь сосчитано. Если, положимъ, 5843 г., отъ Сотв. міра, то это будетъ 335 по Р. Х.; а если 5856, то 348. Въ Абуковникѣ же сказано, что эта перемена произошла при Константинѣ Великомъ; но онъ царствовалъ до 337 года. Уже вѣрнѣе 5843 г., отъ Сотвор. міра, по въ 343 по Р. Х. За чѣмъ всадъ вѣсте по осыма лѣты?

занимательно здѣсь обращеніе къ ученикамъ. Разсказывая исторію перемены названій, какія имѣли прежде дни недѣли, учитель убедительно проситъ воспитанниковъ слушать его съ любовью и усердно внимать, «да добръ навикнуть, доволни будете; и въ домѣхъ вашихъ рождашимъ васъ и прочимъ всѣмъ знаемымъ и незнаемымъ разумно сказати,» потому что, если вы «отъ сицевыхъ юннѣи и дѣтскія версты превеликія сія таинства остроумне, начасте слытавши навикнете и въ домѣхъ вашихъ и индѣ гдѣ прилично сказовати будете, кто васъ не похвалитъ или кто не ублажитъ, таковая любо мудрая таинства отъ тебе малаго дѣтища слышавъ: мнози бо отъ чловѣкъ и совершеннѣи возрастомъ и сѣдинами цвѣтущія не вѣдятъ сего, еже вамъ, любимицы мои, днесъ туне даруется. Хотѣлъ быхъ азъ къ сицевому любомудрію до толика себе по вся дни взнурити, еже бы и хлѣбъ мой снѣсти забывати» и пр. Конечно, эти «превеликія таинства» переданныя ученикамъ, не такъ велики, но и то хорошо, что ихъ передавали дѣтямъ; желаніе же прунести пользу своихъ питомцамъ истинно похвальное.

Пропуская нѣсколько главъ Азбуковника, въ которыхъ объясняются ученикамъ разные предметы относительно мудрости и знаній, но въ которыхъ все это разсѣяно безъ всякой системы, и обращаюсь прямо къ тому, что необходимо для всякого грамотнаго и тѣмъ болѣе для ищущаго образованія, именно къ тому, въ какой степени являются намъ изъ Азбуковниковъ успѣхи въ обученіи юности грамматикѣ роднаго языка или, вѣрнѣе, церковнаго, то есть, если у насъ до Петра были училища, то преподавалась ли въ нихъ грамматика и въ какой мѣрѣ, и преподавались ли, кромѣ нея, еще и другіе предметы? Вопросъ этотъ естественно возникаетъ самъ по себѣ, когда мы обращаемся къ рѣшенію того, на какой степени развитія стояли нашія училища до Петра.

Существованіе въ Россіи грамматикъ съ самыхъ древнихъ временъ не подвержено никакому сомнѣнію; но это еще не даетъ права заключать, что у насъ были свои грамматикѣ, тѣмъ менѣе можно предполагать, что если въ XI-мъ вѣкѣ была у насъ въ переводѣ грамматика Дамаскина, то и въ училищахъ она преподавалась. Но если мы находимъ толкованіе грамматикѣ въ дѣтскомъ учебникѣ, который учили въ школахъ наизусть, то само собою надо догадываться, что въ нашихъ училищахъ преподавалась и грамматика. Да и изъ самаго Азбуковника видно, что ее учили дѣти въ немъ прямо и

положительно говорится объ этомъ. Намъ только остается разсчитать, какова была эта грамматика, что узнавали изъ нея воспитанники, однимъ словомъ, какъ преподавалась она въ Россіи до преобразованій Петровыхъ. Само собою разумѣется, что мы не коснемся здѣсь ни грамматикки Смотрицкаго, ни Зваанія, хоть, можетъ быть, ими отчасти и руководствовались наши педагоги; но то были не учебники, не для школы; а намъ нужно знать, что именно узнавали дѣти на школьныхъ скамьяхъ, хотя послѣ они могли знать прекрасно и грамматику Зваанія и Смотрицкаго, и даже Греческую грамматику братьевъ Лихудіевъ.

Прежде всего надо замѣтить, что системы въ преподаваніи грамматики почти не было, или очень мало; правила излагались такъ, какъ казалось удобнѣе для учителя, и потому объясненіе значенія и важности грамматики помѣщалось послѣ правилъ правописанія; склоненія и падежи очень сбивчивы; прочія части рѣчи почти вовсе не принимались въ соображеніе. За то вѣдь этого Азбуковника есть довольно большой трактатъ о силлогизмахъ, потомъ о правописаніи, гдѣ разобраны подробно всѣ буквы алфавита и употребленіе каждой изъ нихъ; затѣмъ большой отрывокъ о стихосложеніи съ объясненіемъ стохъ, метровъ, родовъ стихотворныхъ, начиная отъ ирмическаго и ирозлегійскаго, до ямійскаго и сафійскаго съ приведеніемъ примѣровъ изъ тогдашнихъ Русскихъ поэтовъ.

Но обратимся къ грамматикѣ Азбуковника.

Сначала, въ главѣ подъ буквою м, находится фонетическія объясненія Славянской азбуки, объяснено значеніе буквъ, письменъ и ихъ назначеніе. Число буквъ въ Славянскомъ языкѣ принято сорокъ два. Вся эта глава состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ: ученикъ спрашиваетъ, а учитель объясняетъ. На вопросъ ученика, всѣ ли буквы алфавита имѣютъ равную силу, учитель говоритъ, что не всѣ, «по разньству каждая въ своемъ изложеніи пребываетъ,» и объ изложеніи говоритъ, что это — особая часть слогиня; а слогиня толкуется имъ: «отъ вса буквы составленіе писменъ по ащаніямъ всякаго речанія,» — и это толкованіе не совсѣмъ понятно. На вопросъ ученика, сколько, «изложеній въ слогинѣ,» отвѣчаетъ, что четыре: звательство, полузвательство, возразительство и закончаніе, и объясняетъ смыслъ этихъ четырехъ названій. Но это не что иное, какъ раздѣленіе буквъ на гласныя, согласныя и полугласныя; но въ Азбуковникѣ очень мудреное объясненіе зватель-

ства и полузвательства, т. е., гласныхъ и согласныхъ. и имъ не переданы его, какъ не важно. Звательныхъ буквъ считается четырнадцать: а, е, и, ѣ, оу, ѿ, ѹ, ѻ, ѣ, ю, ж, ш, ѿ, и три изъ нихъ прикладныя, и ихъ собственно нѣтъ въ азбукѣ, а узнать ихъ можно въ книгахъ по связи съ другими: это суть: а, оу и ю. Здѣсь же прибавлено, что слогомъ называется то, когда послѣ одного, или двухъ, или трехъ полузвательныхъ стоитъ звательное «пшмя»; а если звательное стоитъ предъ полузвательнымъ, то будетъ предложеніе; если звательное послѣ звательнаго, то это значитъ приложеніе; если же полузвательное послѣ полузвательнаго, то это утѣшеніе.

Полузвательныхъ насчитано двадцать четыре: в, в, г, д, ж, з, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ, ѣ, ѣ, ѿ; изъ нихъ грубыя: в, в, г, д; шепетливы: ж, ч, ш; сишавы: з, з, п, с; шты: л, м, н; громны: к, р, т, ц; натужливы: ф, х, ѿ; ясны: щ, ѣ, ѣ.

Возразительныхъ и накончателныхъ двѣ: ѣ-толстое и ѣ тонкое.

Потомъ ученикъ спрашиваетъ о количествѣ гласныхъ, и получаетъ въ отвѣтъ, что ихъ одиннадцать; оказывается, что это тѣ самыя гласныя, которыя на предыдущей страницѣ онъ называлъ звательными, именно: а, е, и, ѣ, о, оу, а, ж, ѿ. ч. и раздѣляетъ ихъ на долгія: и, а, ѿ, ѹ; краткія: е о, у, и двовременныя: а, ѣ, ж, ч. Замѣтно, что здѣсь многое перепутано, потому что между гласными не поименованы всѣ, а потомъ оказались лишнія буквы. Видно, что у писавшаго были сбивчивыя понятія о фонетикѣ и особенно о раздѣленіи буквъ. Кромѣ того кстати или не кстати замѣчено, что если въ концѣ слова встрѣтится да, то надо писать да съ вариєю (т. е., съ тяжелымъ удареніемъ), или безъ нея: такіе лишніи да, жо, а послѣ ѣ всегда ставъ а.

И такъ, это были первыя знанія, какія пріобрѣтало наше юношество въ школахъ, и первое его знакомство съ грамматикою роднаго языка. Можетъ быть, эта сбивчивость въ изложеніи зависить отъ писца, который самъ не былъ силенъ въ филологіи; но это все таки не мѣшало дѣтямъ знать по возможности грамматику языка, на которомъ они должны были излагать свои мысли. Впрочемъ, мы увидимъ дальше, что филологическія свѣдѣнія въ до-Петровскихъ училищяхъ были очень хороши для того времени, особенно

для дѣтей, имѣвшихъ возможность развить свои знанія и внѣ школьныхъ стѣнъ. Только системой и стройностью въ своихъ изложеніяхъ не могли похвалиться наши педагоги.

Послѣ правилъ фонетики слѣдуетъ передача дѣтямъ свѣдѣній касательно исторіи изобрѣтенія письменъ, какъ и вездѣ. Передъ этой главой то же есть стихотворное предувѣдомленіе, въ которомъ, между прочимъ, говорится:

О первобытной азбуцѣ отъ Сноа, сына Адамля, сложенной,
Отдревле и до нынѣ извѣстiemъ нигдѣ же ей явленной,
Истинною жъ отъ Моисея пророка зачало ей приемлемъ,
Подобья и о Латинстѣи и Еллиноречестѣи начало вземлемъ,
О Словенстѣи Святимъ Квириломъ сложенной вѣщати починаемъ,
И отъ Святаго Стефана Епископа сложенной Пермскою азбукою совершаемъ.

Сказавъ, что первобытная азбука была изобрѣтена Сноомъ, но что объ этомъ событіи не упомянуто ни въ какихъ достовѣрныхъ книгахъ, Азбуковникъ переходитъ къ сказанію объ изобрѣтеніи Римской азбуки нѣкоею царевною Арфаксадою, которая царствовала «во странахъ западныхъ» съ своимъ братомъ, убившимъ отца; за отцеубійство они были прогнаны своимъ народомъ и поселились на Тигрѣ (не Тибрѣ ли?), основавъ тамъ городъ. Азбука изобрѣтена Арфаксадою въ 4735 году отъ Сотворенія міра, или въ 773 году до Рождества Христова. Греческая азбука изобрѣтена семидесятью двумя философами. «Нашу же Христіанскую и Словенороссійскую азбуку сочини и сложи.... Константинъ» и т. д.,—повторяется извѣстное всѣмъ мѣсто, записанное и въ лѣтописяхъ и въ житіяхъ. Событіе это означено годомъ 7366 или 866 по Р. Х. ¹

Кромѣ всего этого, дѣтямъ рассказывали объ изобрѣтеніи у насъ, у Славянъ, другой азбуки—Пермской, для Пермскаго языка, «иже

¹ Опять невѣрность хронологическая (ср. предыдущую сноску). О Константинѣ сказано: «иже научи Моравлячъ, и Болгаръ, и Славянъ, си есть насъ, вѣръ Христовъ и преложи грамоту Греческую на Россійскій языкъ прежде крещенія Россійскія земли за 130 лѣтъ, и преставися въ лѣто 6377.... и погребенъ бысть въ Каталонѣ (?) градѣ лѣта 131. — Царь Михаилъ, по прошенію Болгаровъ и Славянъ, даде имъ архіерея, еже крестити Русы; они же унывъ, рекоша: «Кое знаменіе твориши ты, да крестимся?» И рече имъ: «просите, что хотите.» И рекоша: «да ввержеши Евангеліе во огонь, имъ же пы учяши.» Се же и бысть и не згорѣ. И тако вси крестисаша съ радостію.»

бѣ грубѣйше еще отъ насъ рѣчию»; что изобрѣлъ ее Стефанъ, Епископъ Пермскій, начавъ отъ перваго слова *a*, какъ у Римлянъ; вторую же букву, вмѣсто Латинскаго *be*, назвалъ буръ¹ и т. д. Всѣхъ буквъ Пермской азбуки двадцать четыре. Книгъ же, писанныхъ на этомъ языкѣ, въ Россіи не обрѣтается, «равнѣ точию въ Пермской странѣ.»

Конечно, всѣ эти свѣдѣнія имѣли свое достоинство, особенно будучи переданы дѣтямъ въ ихъ обыденномъ руководствѣ, которое, какъ кажется, было ихъ настольною книгою. Подобные матеріалы, помѣщенные и въ нынѣшнемъ учебникѣ, не повредили бы его достоинству. Но мы посмотримъ далѣе, что еще передавалось дѣтямъ относительно грамматики.

Въ слѣдующей главѣ рѣчь снова идетъ о правописаніи, объ удареніяхъ и пр. Особенно требовалось знаніе, какъ «ятъ съ естемъ различати», чтобы никакъ не писать вмѣсто *пѣніе*—*пеніе*, *сѣсти*—*сести* и пр. «Сіе бо, прибавлено, вельми зазорно и укорно, еже ятъ вмѣсто ести глаголати, такоже и естъ вмѣсто яти. Отъ сего бываетъ велие несмысльство ученію.» Потомъ отъ учителя требовалось, чтобы научалъ своихъ воспитанниковъ, гдѣ и какія ставить ударенія: гдѣ оксія или острая, гдѣ варія или тяжкая, а гдѣ камора облеченная; за тѣмъ еще два знака: краткая и *исо*. Кто учился грамотѣ по Церковнославянскому букварю, тотъ, вѣроятно, помнитъ эти знаки въ концѣ букваря, употребляющагося и теперь у простонародія: тамъ есть и оксія, и *исо*, и варія. Въ Азбуковникѣ истолковано, когда употребляется каждый изъ этихъ знаковъ, и приведены примѣры, но тутъ же прибавлено, что объ этомъ говорится и въ грамматикѣ. Значитъ, кромѣ грамматическихъ правилъ, помѣщенныхъ въ Азбуковникѣ, ученикамъ были извѣстны, хотя отчасти, самыя грамматики, отдѣльныя сочиненія, изъ которыхъ заимствовались, или которыми руководствовались, преподаватели, и съ которыми, вѣроятно, знакомили своихъ воспитанниковъ.

Между этими грамматическими толкованіями опять вставлена цѣлая глава, которой содержаніе нисколько не соотвѣтствуетъ ни предыдущей, ни послѣдующей. Глава эта, по какому-то случаю, обращается къ Русской исторіи и передаетъ дѣтямъ свѣдѣнія о томъ, что до крещенія Руси имена давались у насъ по произволу, т. е.,

¹ См. Описаніе рукописей Румянц. Музея, подъ № ССCLIX-мъ, гдѣ вся Пермская азбука и гдѣ вторая буква не буръ, а бувъ, и т. д., стр. 314.

какъ хотѣли родители назвать свое дитя, такъ и называли; отъ того у насъ существовали имена: Богданъ, Бажѣнъ, Жданъ, Второй, Третьякъ, Мѣсоѣдъ, Подрогъ и другія,¹ которыя въ настоящее время обратились въ прозвища. Но потомъ В. К. Владимиръ, «который всю страну, въ ней же мы нынѣ жительствоуемъ, владѣлъ,» принявъ Христіанскую вѣру и крестилъ свой народъ, и съ тѣхъ поръ имена у насъ давались въ честь угодниковъ. За тѣмъ слѣдуетъ объясненіе многихъ собственныхъ именъ, взятыхъ съ Греческаго и съ Еврейскаго языковъ. Конечно, всѣ подобныя свѣдѣнія очень поверхностны и лишены ученой формы, даже такое изложеніе несколько не систематично; но все же, хоть разбѣнно и не въ порядкѣ, а передавались юношеству понятія о самыхъ необходимыхъ вещахъ, и того довольно. Этотъ Азбуковникъ вообще представляетъ что-то въ родѣ энциклопедіи, сообразной съ понятіями нашихъ предковъ и не лишенной интереса для дѣтей, только начинающихъ свое образованіе; такъ, послѣ этой главы, вниманіе учащихся снова переносили къ грамматикѣ и снова объясняли имъ особенности языка Славянскаго.

О верхней просодіи и строчномъ препинаніи,
 Приглашаю всѣхъ васъ со умными вниманіи,
 Въ тисненой азбуцѣ любомудро положенныхъ,
 Многими книжными реченіи разведенныхъ,
 Вся же со извѣстіемъ разумно явлено,
 Краткимъ сведеніемъ вельми удивленно.
 Должны суть учителя сами сія знати
 И всѣхъ учимыхъ у себе добрѣ научати.

Здѣсь прежде всего останавливаетъ наше вниманіе то, что содержаніе послѣдующей главы взято изъ печатной азбуки, въ которой все это, какъ видно, разведено многими книжными реченіями; а здѣсь, въ Азбуковникѣ, какъ сказывается, это же самое «краткимъ сведеніемъ вельми удивленно,» т. е., сокращено и упрощено. О существованіи печатныхъ азбукъ въ XVII-мъ вѣкѣ мы знаемъ.² Но здѣсь, оказывается, старались примѣняться къ дѣтскимъ понятіямъ, и эта обязанность лежала на учителяхъ. Такимъ образомъ, изъ всего, что находилось въ печатныхъ азбукахъ и другихъ «тисненыхъ» книгахъ, на примѣръ, относительно знаковъ строч-

¹ См. подобное мѣсто у Востокова: Опис. рукоп. Румянц. Музея, стр. 2, 6—7.

² См. Домаш. бытъ Русск. Цар., Забѣлина.

ныхъ и надстрочныхъ, изъ всего этого дѣлался краткій сводъ, и имъ-то руководствовались воспитанники, при помощи учителя. Замѣтно, что на знаки, и вообще на правописаніе, было обращено большое вниманіе, и потому дѣтямъ пояснялись всѣ знаки надстрочные и строчные, не только Славянскаго письма, но и книгъ иностранныхъ и языческихъ (вѣроятно, Греческихъ?). Достаточно написать одни названія этихъ знаковъ, чтобы видѣть, сколько труда стоило мальчику понять значеніе каждаго изъ нихъ, особенно когда объясненія этихъ значеній такъ темны и сбивчивы. Вотъ знаки, которые были тогда приняты «во Словенороссійстѣй азбуцѣ печатно», и сохранились еще до сихъ поръ въ нашей церковной печати и въ букваряхъ: оксія, исо, варія, камора, краткая, звательцо, титла, словотитла, апострофъ, кавыка, ерокъ, запятая, двоеточіе, точка, вопросительная, удивительная, вмѣстительная. Не стану выписывать толкованій, гдѣ каждый изъ знаковъ ставится; но замѣчу, что касательно титла сказано: «титло сіе есть покрытие или взметъ: пишется надъ святыми рѣчьми, величества ради, славы и святбы» и т. д., ерокъ иначе называется ертица; вопросительная или подіостолія (вѣроятно, иподіастола?); удивительная иначе называется прибыльца, а вмѣстительная «въ Кіевскихъ переводѣхъ» именуется клямра. Но это еще не все: эти знаки приняты были въ печатныхъ Славянскихъ книгахъ; но сколько еще было такихъ знаковъ (взятыхъ изъ древнихъ, изъ иностранныхъ и изъ языческихъ книгъ, — слова Азбуковника), которыхъ «еще и не цужно кому мнится угодно быти, но обаче вѣдомости ради должно есть вѣдети и знати». И вотъ, вѣдомости ради, ученики должны были знакомиться съ этимъ безконечнымъ рядомъ надстрочныхъ и междустрочныхъ знаковъ; однако, со стороны учителя въ этомъ видна хорошая цѣль: знать эти подробности необходимо всѣмъ «хотящимъ преписовати святыя книги,» и потому онъ совѣтуетъ своимъ воспитанникамъ на всякій случай помнить ихъ значеніе и употребленіе. Эти знаки суть: раздвижка (не буду передавать ихъ начертаній, потому что для напечатанія они не удобны), атрик аль, слогія, вторая, стяга или кекдима, чашка, дасія, статія и сквады. Употребленіе ихъ тоже не считаю нужнымъ объяснять, потому что статья моя удлиннилась бы много, не много выигравъ отъ поясненія мелочей, которыя важны, можетъ быть, въ специально-филологическомъ трудѣ, но не въ объясненіи состоянія нашихъ

школь. Далѣ, учитель передаетъ дѣтямъ значеніе просодій, ваятъ ихъ изъ осмочастной книги, т. е., изъ грамматики. Просодія были слѣдующія: оксид, варія, периспоменн, макра, бракія, дасія, псили, апострофосъ, ѿфенъ, умодіастоли. Относительно макра, бракія, апострофосъ и ѿфенъ замѣчено, что они «у насъ Русовъ никакже потребны;» у Грековъ же «потребны вѣло, подобіи и у Латинъ;» но иподіастола «у Русовъ потребна.» Кромѣ этихъ просодій, учитель прибавлялъ еще отъ себя о нововводимомъ знакѣ, котораго въ прежнихъ Славянскихъ рукописяхъ не было. Кто знакомъ съ рукописными памятниками древней Руси, тотъ, вѣроятно, помнитъ, что наши писцы не употребляли переноснаго знака (—, или =, или нѣмец. -) и переносили часть слова въ другую строку, не означая ничѣмъ переноса. Такъ вотъ относительно этого предмета и говорить Азбуковникъ: «недотяга или недоступна =, которая ставится въ концѣ строки, недокончаной ради рѣчи, которая во второй строкѣ сплывчати ся имать: се же ижежде Словяне, или вѣденіемъ или невѣденіемъ, точю отнюдь не молагаху въ строкѣхъ; нынѣ же благодатию Хрстовою радостно приемлютъ и исправляють, навывше зрѣніемъ въ иновѣчныхъ, ся есть во Еллингреческихъ и Латинскихъ, паче же Киевскихъ книгѣхъ.»

Но довольно о правописаніи и строчныхъ знакахъ. Кстати замѣчу, что многіе изъ этихъ знаменъ имѣють общее названіе и подобное же начертаніе съ нашими кривковыми нотами, какъ это можно видѣть у Востокова, въ Опис. рукоп. Руминц. муз., на стр. 650, 651, 652, 653, 654:

Есть также общее и съ кривковыми нотами Грековъ, какъ это видно изъ Греческаго нотнаго стихираря XIV в., который также доверилъ мнѣ Пресвященнѣйшій Асснасіи.

Что касается другихъ частей грамматики, то, какъ оказывается изъ Азбуковника, ихъ преподавали довольно кратко, больше практически объясняя грамматическія особенности, нежели уча грамматикѣ теоретически. Такъ въ Азбуковникѣ дѣлали разборъ фразъ, и по этому разбору воспитанники навывали въ грамматическихъ правилахъ. Паденія назывались паденіями; которыхъ были: именовательное, родственное, дательное, виновное, звательное и отрицательное, употреблявшисся съ предлогомъ *омъ* и *е*. Средній родъ назывался посреднимъ, вѣстоименія назывались проименіями,

къ которымъ, кажется, причислялись и прилагательныя; спряженія поименованы супружествами. Склоненія въ Азбуковникѣ состоятъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, и на каждый родъ приведены особые примѣры. Я не намѣренъ разбирать достоинства и недостатки грамматики, преподававшейся въ нашихъ древнихъ школахъ: тогдашнія руководства, конечно, были хуже нынѣшнихъ. Но для насъ довольно одной увѣренности въ то, что эти руководства—были, что грамматику въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ знали, и что ученикамъ ставилось въ непреложную обязанность—знать составъ и строй своего языка, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ смотрѣли на него въ свое время. Свѣдѣнiami этими обязаны мы Азбуковнику, который разбираемъ въ настоящее время. Эти свѣдѣнiя очень утѣшительны и бросають новый свѣтъ на исторiю нашего развитiя до начала Петровскихъ преобразованiй.

Не вдаваясь въ болѣе подробное обзорѣнiе Азбуковника, я умолчу о содержанiи прочихъ его главъ, изъ боязни, чтобъ статья моя не показалась единственно разборомъ содержанiя учебниковъ, которыми руководствовались воспитанники въ нашихъ школахъ XVIII-го вѣка; для насъ довольно знать, чему и въ какой степени обучалось наше юношество въ частныхъ школахъ. Но я не могу не сказать нѣсколько словъ о томъ, что передавалось въ школахъ ученикамъ относительно личности извѣстнаго Максима Грека, и добавлю еще извѣстiемъ о томъ, что въ этихъ же школахъ давалось дѣтямъ понятiе о семи мудростяхъ, о такъ называемыхъ *Septem artes liberales*, которыя въ школахъ западной Европы и въ ея Университетахъ входили въ кругъ ихъ знаменитыхъ наукъ *Trivium* и *Quadrivium*.

Въ главѣ подъ буквою X, учитель обращается къ ученикамъ и говоритъ, что намѣренъ показать имъ истиннаго и совершеннаго философа, именно Максима Грека, «иже бѣ у насъ въ Россiи пресловущiй философъ и изыщный переводникъ Божественнымъ книгамъ.» «Этотъ Максимъ Грекъ, — продолжаетъ, — оставилъ по себѣ память Словенороссiйскому роду; какиимъ способомъ можно узнать настоящаго философа.» Онъ говоритъ: «мнози убо обкодятъ грады и земли, овы убо куплю, овы же художествомъ всякимъ, ремесствомъ и книжнымъ искусствомъ, Греческимъ или Латинскимъ; есть же и Бруславскiй (значитъ и тогда тоже было, что теперь дѣлается); изъ этихъ-то гостей, одни совершенны оуть, другiе отчасти, атии же отнюдь не вкусныи художества виденiя анииваго, речеи грамматиийскаго

и риторскаго, и прочих чюдныхъ учительствъ, Еллинскихъ, обаче хвалятся вѣдети вся, користоватися желающе и кормитися.» И потому Максимъ Грекъ оставилъ по себѣ «мало строкъ списанныхъ Еллинскимъ образомъ мудрымъ на искушеніе всякаго хвалящагося.» Этими строками онъ завѣщалъ испытывать всѣхъ иностранцевъ, всѣхъ chevaliers d'industrie, которыхъ и тогда уже можно было встрѣтить на Руси, хотя, вѣроятно, не такъ много, какъ теперь; испытаніе это должно было состоять въ слѣдующемъ, какъ говорить самъ Максимъ Грекъ въ нашемъ Азбуковникѣ: «Аще нѣкто по моему умертвіи придетъ къ вамъ въ Афетороссію.... первѣе вопросите его: коею мѣрою сложени суть строки тѣ: и аще речеть иройскою и елигійскою мѣрою, истиненъ есть и льсти въ немъ нѣсть. Еще рцйте ему: коликкими ногами обоя мѣра совершается. И аще отвѣщаетъ, яко иройская убо шестію, а елигійска пятію, ничто же прочее сумнитесь о немъ: предобръ естъ! Пріимите его съ любовію и честію, и елико у васъ живетъ, жалуйте его нащадно. И егда хоцетъ возвратися во свое, отпустите его съ миромъ, силою не держите у себе таковыхъ: нѣсть бо похвально.... яко же и Омиръ глаголетъ премудрый, законополагаа страннолюбію: лѣпо есть любяти гостя у насъ живущаго, и хотящаго отъйти пустите. Простая же рѣчь глаголется: «то естъ гостю почестъ, что воля; аще неволя гостю, то естъ плѣнникъ, а не грсть». Еще потому можно было узнать совершеннаго философа, если кто къ нашей азбуцѣ могъ прибавить хоть одну еще новую букву, какъ Кириллъ прибавилъ ихъ четырнадцать противъ Греческаго алфавита. Дѣйствительно, не трудно доставался и тогда пришельцами дипломъ совершеннаго философа. А это доказываетъ только скудость нашихъ познаній въ то время, съ одной стороны, а съ другой, можетъ быть, наше всегдашнее гостепрїимство.

Толкованіе семи свободныхъ мудростей помѣщено въ концѣ Азбуковника, въ семи отдѣльныхъ главахъ. Это не что иное, какъ предисловія къ каждой мудрости, но предословія тація, въ которыхъ кратко излагается сущность и значеніе самаго предмета. По обыкновенію, все это написано въ высшей степени высокопарно, потому что каждая изъ семи мудростей старается выказать ученикамъ свои достоинства и хвалить обширность своихъ примѣненій, т. е., гдѣ, и какъ, и почему каждая мудрость полезна и необходима.

Г. Востоковъ отчасти познакомилъ уже свѣтъ съ каждымъ изъ такихъ предисловіи, выписавъ начало ихъ въ своемъ «Описаніи рукописей Румянцевскаго Музея;» но выписки его заключаютъ только первыя слова предисловіи, первыя фразы каждой мудрости; сущности же предисловіи нельзя узнать изъ такихъ коротенькихъ отрывковъ. Потому я намѣренъ показать здѣсь, что именно находится въ предисловіи каждой мудрости, что именно приобретаѣли ученики, выучивъ всѣ семь главъ о мудростяхъ и ихъ приименіи. Само собою разумѣется, что на содержаніе ихъ я буду смотрѣть глазами того вѣка, приимняясь къ понятіямъ, которыми уже теперь для насъ чужды и кажутся слишкомъ ограниченными. О семи мудростяхъ начинали бесѣдовать въ школахъ уже тогда, когда понятія юношей были къ тому, по мнѣнію учителя, достаточно подготовлены: «сію нынѣ совершеннѣйшѣ самъ въ любомудромъ разумѣ являю премудрую въ философіи грамматику.» И этимъ начинается изложеніе этой первой мудрости.

1. Первая изъ семи свободныхъ мудростей—грамматика. Такъ какъ мы уже отчасти познакомились и съ содержаніемъ и съ способомъ преподаванія грамматики, то здѣсь и не будемъ останавливаться долго на этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе еще, что все предисловіе исполнено общихъ мѣстъ и витіеватыхъ фразъ, которыхъ содержаніе, однако же, клонится къ одной мысли, что грамматика полезна сама по себѣ и важна для учащихся. «Много вси мудрыи витіи,—говоритъ она,—ритори же, реку, и философи, достойныя славы и великіе почести себѣ достигаютъ, яко же в древній Панамидъ и мудрый Промефусъ, съ ними же и Комодъ: сіи бо мя начертаніемъ во Еллинѣхъ составиша» и пр. Вотъ потому-то всякій, желающій быть мудрымъ и ученымъ, долженъ знать грамматику: «кто книжная писмена устряетъ, или стихи соплетаетъ, или повѣсти изъясняетъ, или посланія посылаетъ, или что таковыхъ составляетъ: то все мною, грамматикою, снискаетъ. Понеже на времена развожду и на числа разочту, и на лицо роскажу, и на паденія уклоню (т. е. просклоняю), и на супружества сведу (т. е., проспргаю), степени разсужду и роды разберу» и пр. 2. Вторая изъ семи мудростей—Діалектика, которая обращается къ юношеству съ такими словами: «Что чюдитесь и на мя зряще помышляете, и ко мнѣ мнимаго ради строптивства не приступаете? Не ѣсмь такова, еже вы мните мнительствомъ, но ѣсмь мудрая зрительствомъ, есмь бо велика и честна и естествомъ свободна, една отъ седми мудростей Діале-

тика по Еллиниъ, по сладчайшему же и Словенскому языку Словосища нарицаюся, селеніе же имаю и союзъ общаго разчтлства со премудрою грамматикою и со красовитною риторикою: одесную мене мервал и ошуюю другая. Егда убо согласимся уставы, тогда чинно всяку стиханъ красоту полагаемъ, реченіе же и ученіе приличныхъ подобіемъ и явнійскою мѣрою украшаемъ» и пр. Вообще назначеніе Діалектики, по ея собственнымъ словамъ, очень важное; ни одна высокая мысль, ни убѣжденіе, ни совѣтъ, ничто не можетъ имѣть настоящей силы безъ участія Діалектики. Она во всемъ: «Мудрїи отъ Еллинъ Омиръ, и Платонъ, и похвалный во врагѣхъ (ἐν στασίς) Аристотель и прочїи вси о мнѣ Діалектицѣ познашася въ мїрѣ.» Въ жизни практической, и преимущественно въ кругу общественной дѣятельности, Діалектика едвали не важнѣе всѣхъ прочихъ семи мудростей: она необходима въ народныхъ собранїяхъ «на соборѣхъ людскихъ»; если на нихъ приметъ участіе Діалектика, всѣ ей внимаютъ, и жалѣютъ, если замолчитъ она; если кто имѣетъ тяжбу въ судѣ, то съ помощью Діалектики ни правый не обвинится, ни виноватый не потянется, ниже судяи погрѣшати въ чесомъ можетъ; спорщикъ и суесловъ откажутся отъ своей привычки спорить и туне глаголати, потому что Діалектика научаетъ истинѣ. Вотъ почти такого содержанія всѣ фразы, влагаемая въ уста второй изъ семи мудростей. Дѣти узнавали только, что есть какая-то Діалектика, и что учить она такимъ-то и такимъ-то хитростямъ, но какъ учить, какъ приобрѣтается знаніе этой мудрости, того они не вѣдали.

3. Риторика объясняетъ свое значеніе еще болѣе высокими словами: «Есмь бо отъ седми честная и великая свободная мудрость, Риторика нарицаюся, сирѣчь хитрорѣчія источникъ. Тѣмъ примите ни съ любовнымъ вожделѣніемъ, азъ же дамъ вамъ съ быстрымъ свѣтлорѣчіемъ: азъ бо есмь мудрость сладкогласнаго рѣченія, азъ сладость дивнаго сказанія, азъ доброта неоскудѣваемаго богатства, азъ сокровище некрадомаго стяжательства, азъ велерѣчіе не отягчающее утѣса» и пр. и пр. Конечно, эти фразы кажутся до того высокопарными, что какъ будто въ нихъ нельзя подозрѣвать и смысла, кромя разглагольствованій; но смыслъ есть, и очень понятный, хотя толкъ самаго объясненія и напоминаетъ что-то въ родѣ анакоста. Но въ этомъ опять таки виновато общее риторическое направленіе въ письменности того времени, направленіе, надъ кото-

рыи не всегда возвышаются в самые великие умы, тѣмъ болѣе; что для каждаго вѣка существуетъ своя высокопарность, своего рода реторика, которая рѣдко замѣчается самими современниками, а черезъ десятки лѣтъ всплываетъ наверхъ и дѣлается замѣтною для послѣдующихъ поколѣній: такъ для насъ уже кажется анахронизмомъ многое въ Реторикѣ Кошанскаго, которую мы же, 5—10 лѣтъ назадъ, обязывались считать нормою и образцомъ ученія о стихѣ; у самихъ же у насъ, стыдящихся всякой реторики, есть своя реторика, своя вычурность, изысканность и натяжка, отъ которыхъ откажутся наши потомки, какъ отъ чего-то ложнаго и даже смѣшнаго. Естественно же, что въ XVII-мъ вѣкѣ, Реторика говоритъ о себѣ такъ: «селеніе и удобное совокупленіе имать съ Діалектикою; похвалная же и златострунная Грамматика съ нами же и начало намъ.» Этимъ, разумѣется, хотѣли выразить связь и взаимную между собою зависимость этихъ мудростей, и выразились свысока: тѣмъ не менѣе были поняты учениками, привыкшими и къ тому языку и къ способу тогдашняго выраженія. Ученикамъ давали знать, что Риторика, по понятіямъ того вѣка, была необходима во всякомъ писаніи, и въ стихахъ, и въ посланіяхъ, и въ бесѣдахъ, и въ сочиненіяхъ, имѣющихъ разговорную форму, что ее изучали всѣ знаменитые люди и ученые. «Мною, говоритъ Риторика, и Демостенъ, древній оный честный философъ, славенъ ся учини, той бо мя исперва поиска, и обрѣте, и по немъ прочіи Риторик, которіи чудни разумомъ въ челоуѣцѣхъ явишася и хитрорѣчію начальницы быша и Риторику мя нарекоша» и пр. Но это только объясненіе Реторики, собственно ея предисловіе; а какъ она преподавалась и въ какомъ объемѣ, да и преподавалась ли даже, въ Абукивника рѣшить невозможно. Конечно, въ нашихъ сборникѣхъ есть и риторическіе отдѣлы, есть довольно пространная метрика Славянскаго, или Русскаго, стихосложенія, есть образцовыя письма и посланія, для составленія по нимъ какихъ угодно сочиненій въ стихахъ и прозѣ; но какъ положительнаго нельзя рѣшить, преподавалось ли все это въ нашихъ школахъ для начальнаго обученія, то и не смѣю сказать, что преподавалось; основываться же на однихъ предположеніяхъ не слѣдуетъ, хотя и можно бы предположить, что бесполезно было бы говорить о значеніи предмета, не имѣя въ виду объяснить послѣ и его сущность. Но оставимъ предположенія и воспользуемся пока тѣми немногими матеріалами относительно препода-

даванія въ нашихъ школахъ свѣдѣній о семи свободныхъ художествахъ, которыхъ мы находимъ въ Азбуковникахъ, и обратимся къ изъясненію слѣдующаго свободнаго художества.

4. Четвертое свободное художество — музыка. Надо замѣтить, что предисловія семи свободныхъ художествъ, упомянутыя у Востокова, всѣ находятся въ нашемъ Азбуковникѣ, съ тою значительною разницею, что предисловія, помѣщенные въ Азбуковникѣ, имѣютъ свои собственные вступленія и предуведомленія, которыхъ недостаетъ въ предисловіяхъ Востокова, извѣстныхъ по начальнымъ фразамъ. Предисловія Азбуковника, по этому, лучше и полнѣе дружить. Такъ къ предисловію о Музыкѣ прибавлено почти двѣ страницы объясненій о значеніи и происхожденіи Музыки, что, вѣроятно, считали необходимымъ пояснить юношеству. Это вступленіе начинается такъ: «Щедраго и Преплагаго Бога, давшего намъ разумъ, познаніе своея истинны, восхвалимъ вси не въ варганы, и тимпаны, и мусикии, въ нихъ же беззаконный отъ Папа Петра Гугнивый повелѣ въ церкви играти и естъ начальника богомерзкому сему гуденію и игранію; мусику же и азъ предлагаю, но не руками человѣческими, ниже теслы и ножами устроенны (у?), но гласомъ изъ гортани нерукотворенныя происходящимъ восхвалимъ Господа, и поемъ Ему разумно во исалихъ и пѣніихъ и пѣсняхъ духовныхъ, не отъ Петра онаго начинаемую, но отъ Іовава, бывшаго въ первыхъ родѣхъ, изобрѣтеную и составленную, яко же бытійскія книги повѣдуютъ, во дни же Іисуса, сына Навина, паки Елишифеусомъ, философомъ Еллинскимъ, обрѣтеную. Сіа мудрость, или муза, или мусикиа имя естъ нарицательное, рода женска, числа единственнаго, образа единороднаго, еже естъ простаго, паденія именователнаго и звательнаго, и отрицательнаго. И по философіи девять музы, си естъ девять угодій, или девять сосудовъ или органововъ ко глагоманію, еже естъ двѣ губы или устнѣ, четыре зубы малыя, послѣдныя, си естъ конечная часть языка, горло дыкательное, гортани тишина и наочи, и сіи девять угодія глаголются музы, амонь, еже естъ вода, зане безъ волготы оубѣ, еже естъ безъ мокротъ, не можетъ родитися гласъ, паки мусикиа праволется иѣкогда иѣтіе, и иѣкогда мудрость, и отъ музы глаголется мусика, си естъ убогость тая хитрости.» И вотъ, только послѣ этого предварительнаго вступленія, начинается предисловіе, которое естъ и у Востокова: «Утверждайте очи, отверзите слухи,

ускоряйте духи, когда убо возшумлю, тогда вся умма возбужду» и т. д. Предисловіе это довольно пространно и занимательно по тѣмъ понятіямъ о музыкѣ, какія господствовали между нашими предками. хоть бы, на примѣръ, о пѣніи неуставнымъ гласомъ невѣждъ и поселянъ; но мы не рѣшаемся обременять своей статьи еще большими выписками, въ надеждѣ, что все это будетъ въ послѣдствіи извѣстно всѣмъ желающимъ, если Русская наука, обращающая теперь вниманіе на наши древности, приметъ участіе въ этомъ дѣлѣ.

5. Ариѳметика имѣетъ такое же пространное предисловіе, въ которомъ перечислены случаи, гдѣ знаніе Ариѳметики необходимо, и чему собственно научаетъ эта мудрость. О своемъ имени она говоритъ, что «Еллинскимъ языкомъ Ариѳметика нарицаюся, сладчайшимъ же мѣ, рекши Русскимъ языкомъ, Числительница.» Она исчисляетъ широту земли и высоту небесъ, измѣряетъ пучины моря, назначаетъ вѣрный и безопасный путь кораблямъ, управляетъ всѣми дѣлами, царскими и боярскими, устанавливаетъ всему правильную мѣру и всѣ чиновныя числа, и мѣры, и вѣсы соединяетъ и раздѣляетъ, слагаетъ, вычитаетъ, на доли рѣдѣляетъ, долю къ долямъ прилагаетъ, и все въ дроби раздробляетъ; она имѣетъ неразрывную связь съ Геометріей и Астрономіей, а въ музыкѣ устанавливаетъ степени, стоянія, стоны и движенія; она необходима для Грамматики, Риторики и Діалектики. Изобрѣлъ ее отъ Еллинъ мудрый Пифагоръ. Цѣль ея—счисленіе всѣхъ возможныхъ величинъ и измѣреній: пространства она считаетъ локтями, пшеницу мѣрами, вино чашами, полки тысячами и сотнями. Важность Ариѳметики очень хорошо понимали наши предки, знали ее довольно основательно и дѣлали вычисленія, почти невозможныя для того времени. Это подтверждаютъ громадные вычисленія Кирика еще въ XII-мъ вѣкѣ.¹ Послѣ того странно думать, чтобъ въ нашихъ школахъ не преподавалась Ариѳметика въ XVII-мъ вѣкѣ, когда въ XII-мъ мы могли похвалиться знатоками этого предмета, и когда знаемъ, что уже въ XVI-мъ вѣкѣ были у насъ свои руководства по этому предмету.²

6. Геометрія, шестое изъ свободныхъ художествъ, имѣетъ въ нашемъ Азбуковникѣ то значеніе, какого уже въ настоящее время не имѣетъ: въ объясненіи ея сбиваются то на Космографію, то на

¹ Чтенія въ Общ. ист. и древн. Росс., 1847, N 6. Смѣсь, стр. 25—40.

² Энцикл. Лекс. т. III, стр. 101; Карамз. т. X, стр. 259.

Математическую Географію, то на Географію Политическую, однимъ словомъ, здѣсь понимаютъ буквально, что Геометрія есть землемѣріе во всѣхъ отношеніяхъ. Отъ того вступленіе въ предисловіе къ Геометріи начинается такъ: «Юне видѣши землю, отъ нея же и ты создамъ еси, по писанному, яко земля еси и въ землю саки пойдеши, амо же вси тѣлнннн отходивъ, помысли, кто сію измѣри и предѣлы положки, точно одинъ Богъ, Той бо измѣривый нядію небо и дланію землю, намъ же создавію Своему—человѣкомъ тѣлнннмъ, даде сѣя широту, и далготу, и толстоту доброумѣренною вервію любомудрыя Геометріи измѣряти и тѣмъ комуждо данныя предѣлы познавати, ей же нынѣ предисловіе полагаю, на видѣніе доброты ея вѣсь призываю.» И послѣ этого предварительнаго вступленія раскрывалось самое значеніе Геометріи, ея важность и предметъ, т. е., польза и цѣль ея знанія. Знаніе этой мудрости свойственно одному человѣку; хотя и, между животными есть владѣтельные породы, какъ орелъ между птицами и левъ между звѣрями, но они безсловесны и не землемѣрительны; одинъ человѣкъ, хотя такое же животное, но разумное и словесное, а потому онъ животное землемѣрительное и не отъ того, что можетъ все измѣрить ногами и руками, но по существу своему человѣкъ есть животное геометрическое, или землемѣрительное: голова и сердце его изображаютъ востокъ, нижняя часть тѣла западъ, правая рука—югъ, лѣвая—сѣверъ; середина земли есть середина тѣла человеческого: «высока бо есть и плоска, и на все случившееся пріятельна и отвсюду помыслами населяема, аки водами обливается и наводняется.» Высказавъ нѣсколько мыслей относительно физическихъ явленій на землѣ, относительно явленія цѣтвовъ и относительно стикій, предисловіе входитъ въ область Математической и Политической Географіи; оно говоритъ, что Греческіе ученые, по обращенію солнца и луны, измѣрили кругъ земли, который равенъ 20,601 Итальянской милѣ; что царь Едема ислодити источникъ въ четыре страны и отсюда Грѣки раздѣлили землю на четверо. Впрочемъ, гораздо лучше будетъ выписать остальную часть предисловія, какъ она есть въ Азбуковникѣ, и тогда всякій будетъ въ правѣ вывести заключеніе о познаніяхъ нашихъ предковъ въ Географіи, если только можно на свидѣтельствѣ одного дѣтскаго руководства, дѣлать заключеніе о невѣжествѣ нашемъ по этой части. Вотъ конецъ предисловія: «Ова отъ сихъ Африка, ова же Асія, и ина Евроца, каждая бо отъ дѣйства своего вину аванія пріять. Асія бо первая часть

земли студености ради тако именуема, отъ Европы бо къ Северному морю рѣкою Дономъ отдѣляется, а къ Среднему морю рѣкою Истымомъ; къ ней прилего великій кругъ Акіана-моря. Въ той убо части: Асія великаго благочестія свѣтлосіятельное государство: Россійскаго царства ¹, пресвѣтлая и Богомъ снабдимая великая держава; ея же кто и Востокомъ облякнувши нарицати не шоуришитъ; солнца бо праведное Христось Богъ нашъ не толю на земли день еже чювственное, но присмо всѣхъ вършылъ сердца теплотою Духа Божія просвѣщаетъ всѣхъ; край же царства того въ Европѣйской части, еже къ западу и полунощию достираше, ижеже Студенымъ моремъ, отъ Странскихъ Королей предѣлъ, рекше рубежъ, шлагается; и пакы отъ другихъ странъ еже къ востоку и полудни, вливъ Катаянскія рѣки и Хвалижюкимъ моремъ до Истымы рѣки, въ той же части обону страну тоя же Катаянскія рѣки, рекше Волги ², прилетли рубежи Татарскихъ царей, а къ тѣмъ Татарскимъ рубежамъ прилегло Арапское море, что Семфанъ и ташанъ обладалъ и Казылбашемъ назвался, оттого же и донынѣ государство Кизылбаское именовася; пятая доля Асіи; что осталося за четвертымя государствами и тою долею владѣтъ Шпанской Король, а по потопѣ та часть была Сима, сына Ноева, юже наричуть Асія; Африка же теплоты ради великія прозвася, предѣлъ же развѣру ея сказуется Среднимъ моремъ и Аглинскимъ, и Еоіонскимъ, и рѣкою Ниломъ; въ той части Африкѣ государство Палестинское, идѣже Авраимовы наслѣдницы быша, и Египеть и Еоіонія и Пустыня великая, которая пошла отъ рѣки Нубы къ восточнѣй странѣ, оттуда къ Атланскому морю, еже противу запада и мало погнувшись къ сѣверу; а по потопѣ та часть земли Африка была Хама, сына Ноева, юже нынѣ Африку наричуть. Европа же третія часть земли отъ дщери Агенаря царя именовася, юже Юпитерь вохвъ, Зевесовъ сынъ, въ Критѣ на поля восхити. Сія Европа мѣстомъ своимъ по развѣренію моему, рекше Геометріи, и по числу степенемъ потескотнѣвши Асіи, людьми же и всякими плоды зѣло изъобилна есть; в та Европа отдалася къ полунощи и зѣвду; отъ полунощи же обшло Акіанъ-море; и отъ

¹ Россія, значить, считалась Азіатскимъ государствомъ?

² Мы не знаемъ, почему Волга называлась Катаянскою рѣкою. Развѣ потому, что въ вѣдѣхъ рукоп. она еще смѣшивается съ Танаисомъ? Танаисъ или Волга; см. Опис. рѣк. Р. М., стр. 7627 ...

западъ Среднимъ моремъ Африки отдѣлена, а отъ Востока: Прикаспійскія моря и рѣкою Дономъ и Истиною, которая, въ то же, Донскимъ море вошла. Въ сей Европѣ, великія государства: допримемъ, въ древнѣхъ лѣтахъ всюю землею владѣли: Римское, реку, въ Македонское и преславное Седмохотміе: еже есть великій градъ Константинъ, и прочая мѣста государствъ, и въ же опишутъ Космографія. А по потопѣ та Европа часть земли была Афта: сына Ноева. . . . Море глаголетъ всѣмъ водамъ общеимя: его же Латини Фретумъ (fratum) нарицають, Греки же морт-омоль; а гдѣ разливаются: малымъ, тогда иная имена приемятъ, якоже убо и первая узина отъ истока ника Елассмонтъ именуема; гдѣ же паки во другія уявля. Тратибосфоръ именуется, а гдѣ во другія мѣста въ ширину разливается: Понтъ Эксинонъ именуется. Егда же ко озеру приидеть, Америкъ (?) Босфоръ (Босфоръ ?) именуется, само же то озеро Местись зовется и двѣма великими рѣками Дономъ и Ниломъ во всѣ тридцати десятинныя раздѣляется; Донъ убо отъ полунощи къ полудню течеть, впереди Меодета озера вливаетъ; супротивъ же тому Нилъ отъ полудни къ полунощи въ море вливается. А что земли земли: отъ моря къ тѣмъ рѣкамъ, отъ единыхъ страны Африка именуется; а отъ другія Европа къ Нилу, прочее же что ни есть Асія именуется. а Америка въ Асія же и во Европѣ. Таковыми раздѣленіемъ мѣстъ геометриннымъ: по всему лицу земли вся мѣста и предѣлы Государствъ раздѣляемы и раздѣляемы и се все мною могутъ разумѣти: чѣмъ которое Государство больше или меньше, такое и градусомъ всѣмъ разстояніе, и смѣть основаніе, и домовное до межахъ огражденіе, и всякихъ нивъ и полей, горъ же и долы, и вслвинградъ и вертограды, и всѣ пути, и дубравы, и все что ни есть: и даже до послѣднія хлѣбныя согражденія и премѣренія, все мѣстѣ, геометринскимъ допуществомъ и наукою совершается. Такоже есть въ шестомъ мѣстѣ учивяема мудрость свободная,» На этомъ предисловіи нельзя основывать предположенія, что въ древней Россіи геометрия принимала значеніе Геометрии: такъ понимала ее тогда и вся Европа. Геометрия отъ начала, прежде то, что въ настоящее время называется Геодезією, или просто Землемѣрствомъ; до наивѣстнаго времени и Землемѣрство и отвлеченная Геометрія сближались въ понятіяхъ ученыхъ, потому что послѣдняя, казалось, не имѣла другой цѣли, кромѣ измѣренія земли; когда же открыты были многія неизмѣнныя правила или истины, на которыхъ утверждается всякое измѣреніе,

то Геометрія стала достойнѣмъ отвлеченнаго разума, кинь в Чистая Математика, а то, что прежде считали Геометріей, перешло въ вѣдѣніе отдѣльной науки — Геодезіи. Въ XVII-мъ вѣкѣ у насъ на Геометрію смотрѣли еще съ старой точки зрѣнія и потому сближивали ее съ Геодезіей и съ Географіей, свѣдѣнія географическія вертѣлись все еще около Меридиана, переводы котораго были въ большинствѣ холу въ до-Петровской Руси: тутъ иънались в Географія и Космографія, орбиты терранумъ и чертежи свѣта ¹. Дѣтямъ, конечно, преподавались только начальныя понятія объ этой мудрости, какъ мы и видимъ изъ Азбуковника.

7. «Послѣдняя мѣстомъ, первая же дѣйствомъ» свободная мудрость есть Астрономія «ю Влигнѣхъ, Звѣдозаконіе же по: Словянехъ.» Предисловіе ея интересно въ такой же степени, какъ и предисловія прочихъ мудростей, т. е., въ немъ поверхностно и съ своей точки зрѣнія показана цѣль Астрономіи и опредѣлена ея важность. Конечно, все это очень недостаточно и поверхностно, но для дѣтской книги, для школьнаго учебника XVII-го вѣка, и этого довольно: Азбуковникъ не преподаетъ дѣтямъ Астрономіи, а только говоритъ о ней и возбуждаетъ желаніе заняться этой высокой мудростью; Астрономія сама сознается, что не здѣсь, не въ Азбуковникѣ, можно найти ея содержаніе, но гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. въ какой-то «въ книзѣ своей шестыиѣмъ и дѣйствомъ явлюся всяко.» Что это за книга, рѣшить трудно; можетъ быть, адѣсь намеряють о какой-ни будь Астрономіи, о руководствѣ, или просто объ астрономическомъ сочиненіи, изъ котораго взято содержаніе предисловія.» Можетъ быть, и тѣмъ болѣе достовѣрно это предположеніе, что сей часъ же, за этимъ упоминаніемъ о какой-то своей книгѣ, Астрономія какъ будто замѣстуетъ содержаніе въ этой книгѣ, говоря о знакахъ зодіака: «Овенъ мой крѣбомъ на полноцѣ, глывою же на востокъ; къ солнцу вобходитъ и Левъ, да восходитъ и заходитъ обращающа; Стрѣлець же восходитъ право и заходитъ стрѣмглавъ, яко низверженный,» и прочія... Содержаніе этой науки, разумѣется, солнце, луна, планеты и звѣзды (какъ видно, понималось различіе между звѣздами и планетами); за тѣмъ, предметы ея — счисленіе времени

¹ См. Описаніе рукоп. Графа Толстова, Отд. II, 287; Отд. I, 67, 117, 191, 210; Отд. II, 368; Отд. III, 68. — Опис. рукоп. Румянц. Музея, стр. 542, 567, 724, 658, 762 и пр.

по солнечному и лунному обращенію. Періодъ обращенія луны въ Азбуковникѣ опредѣленъ въ 29 дней и въ полъ дня и въ пять часовъ, и еще съ получасомъ и съ пятой частью часа (т. е., 29 дн. 17 час. и 42 $\frac{3}{4}$ мин.). Въ предисловіи, кромѣ того, есть ссылка на известнаго древняго Астронома Атланта («премудрый Атланъ, иже въ небо біеть»).¹

Здѣсь оканчиваются объясненія семи свободнымъ художествъ и, послѣ небольшой главы, въ которой находится обращеніе къ дѣтямъ и желаніе пользы отъ пріобрѣтенныхъ ими свѣдѣній, оканчивается самый Азбуковникъ.

Какъ видимъ, содержаніе этого учебника довольно разнообразно и имѣетъ свои достоинства, которыя выигрываютъ въ нашихъ глазахъ еще больше, когда мы примемъ во вниманіе, что Азбуковникъ этотъ служилъ только вспомогательной книгой при другихъ руководствахъ, преподававшихся въ школахъ; что свѣдѣнія, собираемая въ немъ, не были окончательными итогами обученія юношества, а оно пріобрѣтало познанія болѣе обширныя, училось еще многому, чего нѣтъ въ Азбуковникѣ, какъ это доказываютъ нѣкоторыя мѣста его. Азбуковникъ этотъ читался ученикамъ, что называется, между дѣломъ, какъ читались и другія книги разнообразнаго содержанія, и читались во всякое свободное отъ ученія время (во время, на пр. «хлѣбодѣнія и отъ ученія престатія»), читались и учителями, и старостами, за отсутствіемъ учителя. А ученіе шло своимъ чередомъ, и юношество въ урочные часы училось письму, Славянской Грамматикѣ, Риторикѣ и стихотворному искусству; занималось силлогизмами со всѣми хитростями тогдашняго обученія; изучало целѣбы, знаніе которыхъ считалось необходимымъ для виршеслагательства; знакомилось съ нововведеннымъ тогда риемомъ, находя его у досконалаго казнодѣя Симеона Полоцкаго;² узнавало «степени стихотворныхъ мѣръ» и «единъ на десять родовъ стиха» и иройскій, и ямвійскій, и сафійскій, и гликонскій и пр.;³ наконецъ, какъ надо полагать, училось сочинять.

¹ Атлантъ, въ честь своихъ астрономическихъ открытій, изображался упирающимъ въ небо, или поддерживающимъ небо на своихъ плечахъ.

² Изъ Азбуковника, изданнаго въ Соловецкой обители; Азбуковникъ этотъ тоже находится въ нашей сборникѣ.

³ Изъ другой статьи сборника, которую я разберу послѣ.

сначала свѣтшій и двустѣпнй, потомъ «привѣтствъ» преимущественно же посланія въ стихахъ (по краегранесію) и въ прозѣ, что все подтверждается разнообразными статьями нашего сборника и находящимися въ немъ Азбуковниками, которыхъ можно насчитать до десяти.

Въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ преимущественное вниманіе обращалось, по всѣмъ вѣроятіямъ, на изученіе правилъ и свойствъ Славянскаго языка, и вообще на то, что мы называемъ Словесностью въ обширномъ смыслѣ, т. е., собственно какъ понимали это слово въ нашей старой Руси; конечно, на первомъ планѣ были божественныя книги; но и знаніе Грамматики сильно занимало умы. Не надо забывать при этомъ, что объемъ Грамматики былъ гораздо обширнѣе того, въ какомъ принято понимать ее въ настоящее время: известно, что чѣмъ больше развивается какая либо наука, тѣмъ болѣе дробится она на отдѣльныя части, и каждая часть, въ свою очередь, становится почти самостоятельной наукой. Изъ семи свободныхъ искусствъ, изъ семи, если можно такъ выразиться, наукъ, которыя были въ древности достояніемъ человѣческаго разума, развилось теперь столько отдѣльныхъ отраслей, столько независимыхъ наукъ, что число ихъ становится даже невѣроятнымъ. Наши отцы, подъ словомъ «Грамматика» разумѣли очень многое и требовали отъ Грамматики всего, чему учить теперь вся теорія Словесныхъ наукъ; и потому съ изученіемъ Грамматики соединили они и Риторику, и Стилистику, и даже Пѣстику. Я сказалъ, что, по всей вѣроятности, на Грамматику обращали преимущественное вниманіе,—и это очень естественно, отъ того въ нашемъ сборникѣ, между разными Азбуковниками и руководствами, попадаетса очень много грамматическихъ отдѣловъ, и притомъ очень различнаго содержанія. Въ числѣ ихъ видимъ мы большія выписки изъ Грамматики Смотрицкаго, съ означеніемъ, на поляхъ, листовъ ея изданія. Хотя имя автора и не названо здѣсь, но по содержанію можно удостовѣриться, что это отрывки изъ Смотрицкаго. Такъ, между прочимъ, въ отдѣлѣ стихосложенія находится его знаменитый гекзамеръ:

Сарматски новораствыя Мусы стопу первую,

Тшашуюся Парнасъ въ обитель вѣчну заяти, и пр.

На основаніи этихъ выписокъ, можно полагать, что руководство Грамматики Смотрицкаго не было чуждо и нашимъ школамъ. Я говорю о школахъ Великороссійскихъ. Что же касается до училищъ

Югозападной Россіи, то въ нимъ нельзя признать того, что говорится о Великорусскихъ школахъ; въ Югозападной Россіи образованіе шло инымъ путемъ, и училища ея стояли на высшей степени развитія: тамъ, конечно, Грамматика Смотрицкаго была на своемъ мѣстѣ, потому что тамъ ея и родина. Но я говорю относительно того, что она не была чужда и для школъ Великой Россіи, особенно если примемъ во вниманіе то, что собраніе Азбуковниковъ, которыми я теперь пользуюсь, сдѣлано въ Соловецкой обители, на самомъ дальнемъ сѣверѣ Великороссіи.

Кромѣ Смотрицкаго, въ Азбуковникахъ находятся отдѣлы изъ Грамматикъ неизвѣстныхъ сочинителей. Такъ, на примѣръ, здѣсь есть еще цѣлый Азбуковникъ однозвучныхъ словъ и синонимовъ, которые всѣ истолкованы помощью грамматическихъ правилъ и объяснены примѣрами въ родѣ слѣдующихъ: рака имѣеть три значенія, и какъ Сирское рака значитъ ты, плюю на тя, а ранъ—животное, какъ говорится, поймалъ рака, и рака въ означеніи гроба; шила тоже: «шила жена портница,» или «шила сажожнаго дѣла»; «шилъ сапоги» и «шилъ подшивальныхъ или начальныхъ кузнецъ». Есть здѣсь Азбуковникъ неудоборазумѣваемымъ рѣчемъ, которые въ другихъ рукописяхъ носятъ названіе «Алфавитовъ» и замѣняютъ наши Словари. Этотъ Азбуковникъ довольно пространнѣй и вмѣщаетъ въ себѣ слова не только стараго Славянскаго языка, но Греческаго, Латинскаго, слова Южнорусскія и Польскія (по Памѣ Бериндѣ, какъ кажется), Чешскія, Сербскія, Болгарскія и другія. Въ особенности для учащихся эти Словари были необходимыми руководствами. Есть, наконецъ, правила и толкованія силлабическаго стихосложенія, сочиненныя, какъ видно, нашимъ составителемъ и писателемъ сборника.

И такъ нѣтъ сомнѣнія, что объемъ преподаванія въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ очень достаточенъ для того времени. По Азбуковникамъ нельзя рѣшить положительно, преподавались ли еще какіе либо другіе предметы; но для школъ, имѣвшихъ цѣлю первоначальное обученіе юношества, довольно очень и того, что преподавалось, т. е., что отыскали мы въ Азбуковникахъ. Наше юношество возвращалось изъ школъ въ домъ родительскій съ такими познаніями, которыя дѣлаютъ честь имъ самимъ, ихъ педагогамъ и школамъ, въ которыхъ они воспитывались; а это лучшее мѣрило степени нашего развитія въ періодъ, предшествовавшій Петровымъ преобразованіямъ. Такимъ образомъ XVII-й вѣкъ еще

нѣсколько выигрываетъ въ нашихъ глазахъ и приобретаетъ новыя права на вниманіе.

Достоинно замѣчанія, что въ Азбуковникахъ есть образцовыя посланія въ стихахъ и прозѣ и разныя привѣтственныя двустилия, которыя можно было и говорить наизусть, и писать кому либо. Съ какой цѣлью прилагалось это къ Азбуковникамъ? И надо прибавить, что самыя «привѣтства» и посланія носятъ тоже названіе Азбуковниковъ. Еще бы оно было понятно въ какомъ нибудь сборникѣ разнообразнаго содержанія, и притомъ въ особенномъ отдѣлѣ, а то, напротивъ, эти посланія составляютъ какъ бы часть школьных учебниковъ, необходимую принадлежность этихъ руководствъ; и сверхъ всего, этихъ образцовыхъ сочиненій въ нашемъ сборникѣ нѣсколько: письма занимаютъ больше ста листовъ и «привѣтства» столько же. Не были ли эти сочиненія образцами для учащихся? Не учились ли по нимъ само юношество сочинять подобныя посланія и «привѣтства»? Положимъ, «привѣтства» учились воспитанниками наизусть, тогда остается неразгаданною цѣль, съ которой помѣщались въ Азбуковникахъ образцовыя письма. Развѣ съ такой, съ какой издаются въ настоящее время «Письмовники» и «Опытные Секретари»? Можетъ быть. Тогда дѣйствительно воспитанники могли учиться по нимъ сами сочинять. Намъ кажется, что это предположеніе не лишено вѣроятія.

Образцовыя «привѣтства» разсыяны по разнымъ отдѣламъ нашего сборника. Многія изъ нихъ чрезвычайно наивны и характеризуютъ эпоху, въ которую мы еще нуждались въ такихъ вспомогательныхъ средствахъ; большая часть «привѣтствъ» есть не что иное, какъ комплименты и *bons-mots* тогдашняго Русскаго общества. Такъ, на примѣръ, если я хочу сказать комплиментъ имени моего знакомаго, или благодѣтеля, то Азбуковникъ совѣтуетъ писать рѣшмы: «Прохору: во отвѣтѣхъ тихому говору;» или: «любящему житіемъ пустынную гору;» «Данилу: не любящему весьма рѣчь гшлу;» «Давиду: на неправыхъ жестокому виду;» «Марку: готвящемуся къ небесному браку,» или: «разрушающему зловную драку», и проч. Знакомыхъ же свѣтскаго званія учили привѣтствовать рѣшмой «на отеческое имя»; на примѣръ: Сидору Павловичу: «небснаго и нерукотвореннаго Іерусалима написанному гражданичю!» Конечно, это очень забавно, но въ свое время считалось остроумнымъ и деликатнымъ, а главное необходимымъ для всякаго свѣтскаго и образо-

ваннаго человѣка, а съ тѣмъ вмѣстѣ, вѣроятно, и для всякаго обучающагося книжной мудрости. Въ нашихъ Азбуковникахъ есть «привѣтства» на всѣ возможные случаи въ жизни. Для примѣра приведу изъ одного Азбуковника образцовыя фразы, которыя говорятъ къ гостямъ:

Хлѣбомъ и сему подобными Бога ради кормитесь,
 Отъ прилучившихся говядъ и баранъ, или водолавныхъ посплитесь,
 Цѣжденнымъ двоякимъ или троякимъ питіемъ прохладитесь,
 Ради утренняго похмѣлья не скорбите,
 Скоро порану до адъ приходите,
 Тѣмъ же избытки заутро мы уготовимся,
 Утро съ приходящими во славу Божию опохмелѣмъ.
 Хотѣи кто пресѣкати чужія рѣчи,
 Отсылаемъ такового къ тешой печи,
 Цѣбы мѣсто грѣть плечи,
 Чтобъ не пресѣкала чужія рѣчи;
 Рядовое же питіе всѣмъ въ подносѣ,
 Стоящій тамо не будетъ въ обносѣ;
 Тамо ему егда прискучитъ,
 Узававъ себе, не будетъ ниѣмъ докучитъ.

Въ подобныхъ произведеніяхъ всего живѣе рисуется характеръ времени, удаленнаго отъ насъ двумя, или болѣе, столѣтіями. Всѣ эти фразы сами по себѣ очень забавны. Изъ образцовыхъ привѣтствій мы видимъ, что когда наши предки собирались къ кому на пиръ и послѣ пира приходили опохмеляться, то соблюдали должную благопристойность: перебивающаго чужія слова, въ наказаніе, лишали мѣста и ставили къ печи, чтобъ онъ, говоря иронически, грѣлъ тамъ плечи; впрочемъ, угощеніемъ его не обносили, а потчивали наравнѣ съ другими гостями. Притомъ надо сказать, что всѣ «привѣтства» Азбуковниковъ имѣютъ свой интересъ, и нѣсія изъ нихъ не глупы, нѣсныя же очень поучительны. Надо думать, что на подобныхъ фразахъ юношество въ первый разъ упражнялось въ сочиненіяхъ, переходя отъ легкаго къ болѣе трудному и важному.

Особенно замѣчательнъ одинъ Азбуковникъ этого содержанія. Онъ написанъ по слѣдующему случаю: Псково-Печерскія обители Келарь, Іеродіаконъ Θεодосій, повелѣлъ какому-то Іеромонаху, называющему себя «убогимъ первостранникомъ», приписать къ однострочному Азбуковнику свой собственный, т. е., къ Азбуковнику, состоящему изъ одностишій и писанному на оборотахъ листовъ, присо-

чинить на другихъ половинахъ листовъ рюмованныя двустипія, чтобъ они имѣли съ первыми одностипіями и общую мысль и рюму. Кто писалъ начальній, однострочный, Азбуковникъ, неизвѣстно: кажется, что писалъ его самъ Келарь Θεодосій, находясь, вѣроятно, прежде келарства своего, въ Соловецкой обители, потому что въ Азбуковникѣ однострочномъ такъ и сказано, что изданъ въ Соловецкой обители въ 1660 году. ¹ Къ этому-то своему Азбуковнику

¹ Сборникъ нашъ, какъ сказано, состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ: въ первомъ помѣщено нѣсколько Азбуковниковъ съ особеннымъ счетомъ тетрадокъ; вторая половина сборника состоитъ изъ двухъ большихъ отдѣловъ: въ первомъ заключается 26 тетрадокъ, или 208 листовъ, во второмъ 171 листъ. Эти оба отдѣла второй половины писаны однимъ лицомъ, именно «убогимъ первостранникомъ;» да и все остальное, кажется, его же трудъ; при первомъ отдѣлѣ второй половины авторъ помѣстилъ предисловіе, въ которомъ объясняетъ цѣль своего труда и тутъ-то говоритъ, что Келарь Θεодосій велѣлъ ему приписать къ однострочному Азбуковнику рюмованныя двустипія. Предисловіе довольно интересное и очень пространное. Въ концѣ онъ обращается «до повелителя,» т. е., до Келаря, и оканчиваетъ свое предисловіе словами: «повелителево же и имя, и чинъ, и граду, и обители, и имя же (т. е., «убогимъ первостранникомъ») ко единстрочному Азбуковнику вторая строка приложися, въ четвероконечнѣи надписи имена явленія, яко же самая и истинная очевидность на обороте сего листа объявить.» И дѣйствительно, на оборотѣ листа четвероконечной тайнописью написано: «Пѣсковопечерскія обители Келаря Іеродакона Θεодосія повелѣніемъ въновонаписася убогимъ первостранникомъ.» За тѣмъ, послѣ оглавленія статей этого отдѣла, кинюварью написанъ заглавный листъ: «Азбуковникъ, имѣий въ себѣ слоги единстрочнїи до великославныхъ предъ скиптродержавнымъ Царемъ близостоятелей и коимъ же яличинныхъ въ пишемыхъ грамоткахъ писати годствуетъ. Въ Соловецкой честнѣи обители, что въ Окіанскомъ отоцѣ, въ лѣтѣ отъ Созданія міра 7168-мъ (т. е., въ 1660 г.) слова Божія любительми изданный.» И на этомъ же листѣ, этой же руки другое заглавіе: «Азбуковникъ пристойный оному до опылъ же великославныхъ чиновъ и коимъ же годствуетъ вршными слоги писати. Въ лѣтѣ отъ Созданія міра 7192-е (т. е., 1684 г.), грубымъ нѣкомъ Іеромонахомъ ново (ко оному) приписася.» Потомъ одной рукой, и одними чернилами, исписанъ весь этотъ отдѣлъ, состоящій изъ Азбуковниковъ, Письмованковъ, «Школьныхъ благочинїи» и пр., — до 208-го листа. Отсюда, этой же рукой, но другими чернилами и мельче, начинается другая половина Сборника съ своимъ предисловіемъ и оканчивается опять хитрой четвероконечной тайнописью на 171-мъ листѣ: «Начато въ Соловецкой пустынѣ. Тожде совершено на Костромѣ, что въ Морчюкахъ подъ Москвою во Ипатской честнѣи обители тѣмъ же первостранникомъ въ лѣтѣ міробытіа 7191-е (т. е., 1683).» Все это, какъ видно, подлинное писаніе «первостранника.»

онъ и велѣлъ «убоному первоостраннику» присочинить приличные двустипіи, что тотъ и сдѣлалъ добросовѣстно, написавъ до шести сотъ одностипій. Впрочемъ, какъ видно, съ нѣкоторыми онъ не могъ совладѣть, не имѣя возможности подобрать рѣмы, и оставилъ пустыя мѣста для этого: кто можетъ — пусть пишетъ. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вѣрно позднѣйшими читателями, сдѣланы прибавки. Двустипіи, какъ я сказалъ, рѣмованныя и, какъ эпиграфы, пригодны во всѣхъ случаяхъ жизни; рѣмы очень оригинальны, какъ, на примѣръ, пастырѣ рѣмуесть постоянно съ словомъ пластырѣ и пр. Но такъ какъ содержаніе двустипій очень разнообразно, то къ этому Азбуковнику приложенъ родъ таблицы, по которой можно отыскать, въ какомъ случаѣ, при какихъ обстоятельствахъ, можно говорить то, или другое, двустипіе, и что по образцу ихъ можно самому писать подобныя вещи и приучаться къ сочиненію всего, что можетъ сочинить и написать человѣкъ ученый и «въ писаніи искусный.»

Такимъ образомъ, Азбуковники эти служили руководствомъ для желающихъ сочинять.

Тутъ же приложено и наставленіе, какъ писать эти двустипіи, т. е., какимъ метромъ и размѣромъ. Размѣръ былъ принятъ силлабическій.

Я уже говорилъ прежде, что въ нашемъ сборникѣ находятся и образцовые Письмовники. Самый большой изъ нихъ помѣщенъ вслѣдъ за этимъ двустрочнымъ Азбуковникомъ и имѣетъ слѣдующее названіе: «Посланія или написанія отъ разностранныхъ за вины своя отсланцовъ, которіи по долговременномъ тамо терпѣніи, о избавленіи своемъ ко знаемымъ и могущимъ десницу помощи имъ подати, писали», и за тѣмъ прибавлено, что можно эти письма «и о иныхъ нуждахъ писати.» Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ очень замѣчательны и напоминаютъ собой умное «Посланіе Даніила Заточника,» который былъ точно въ такихъ же обстоятельствахъ, какъ и сочинители этихъ писемъ. Писаны они различно: и стихами, и прозой. Выищу два изъ нихъ: одно, писанное къ частному лицу, другое къ Государю. Первое исполнено неподдѣльныхъ красотъ и очень умно, хотя и скучновато по началу.

1.

Именованіе твое, Государь мой, нынѣ преміну,
Да не поставши намъ нищимъ сего въ вину,

Зане не у время нынѣ вѣростъ сего изъяснати,
 Но токмо подобаетъ намъ у тебе милости просити:
 Молимъ, Государь, твое честное преподобіе, или достояніе,
 Тезоименито бо есть во твое званіе:
 Многогрѣшный нѣкто въ монахехъ ниско метапіе творить,
 Тебѣ, Государю, припадая и Бога моля, много челомъ бьетъ.
 Обидаежася, Государь, на твою великую милость,
 Сего ради дерзнулъ явити свою бѣдность,
 Къ твоей честности сіе написать,
 Чтобы тебѣ, Государь мой, на насъ нищихъ милость свою изліати,
 Въ нынѣшней нашей въ настоящей скорби и печали.
 И самъ, Государь мой, зриши, что тяжки времена настали,
 Къ тому же по грѣхомъ моимъ постигла конечная бѣдность (или —
 немощь),
 Не имѣю, кто бы показалъ ко мнѣ сердечную (или — отческую) свою
 милость,
 Напиталъ бы насъ умягченною своею браздою,
 И наполнилъ бы, аки въ знойный день, студеню водою,
 И подалъ бы намъ нынѣ пове малу отъ скорбей нашихъ отраду,
 Негли бы и самъ сподобленъ былъ отъ Бога небесному винограду;
 Ничто же бо вно тако пріятно Спасу нашему и Богу,
 Иже кто творить къ нему добродѣтели свою премногу,
 Паче же въ скорби и печали бѣднаго не презираеть,
 И елико мощно по силѣ своей, тако ему и помогаетъ.
 И что намъ о томъ нынѣ многая словеса продолжати
 И твоя, Государь, честная слуха отягчати?
 Время нынѣ, Государь, о настоящей нашей скорби къ тебѣ рещи
 И доброразудіе твое на милость къ себѣ привлещи,
 Негли милостивый твой оцалъ на насъ изліется
 И яко благодатною водою душа наша напѣется.
 Мнози, Государь мой, твоимъ благодѣяніемъ хвалятся,
 Повеже въ добрыхъ путехъ отъ тебе ставятся,
 И того ради похваляютъ твой благодатный нравъ,
 Аки вѣкій цвѣтъ отъ различныхъ травъ.
 И много ми писати, Государь, къ тебѣ нынѣ не у время;
 Богъ челоуколюбець да исправитъ твое душевное бремя,
 Восстану, Государь, всю тебѣ истину вѣрцемъ,
 Яко въ многобурной суетѣ всегда течеть,
 И яко же вѣкій корабль носимъ многими волнами,
 Тако и мы многими своими скорбми и бѣдами,
 Потому и довол (?) намъ побити челомъ вамъ не доходить,
 Что все убогое житіе наше въ суетѣ исходитъ.
 Нынѣ же мы нищіе молимъ, Государь, твое челоуколюбіе (или пре-
 подобіе),

И во всемъ приступное душевное благородіе:
 Прости намъ, нищимъ, руку своего поможенія,
 И отеческаго твоего великаго милосердія;
 Прязри на насъ нынѣ своею великою милостію
 И благоправною и разумною тихостію.
 Вся тебѣ, Государь мой, возможно сія сотворити,
 И бѣдности моеи съ Богомъ пособити;
 И аще мы недостойни и не имамы что тебѣ водати,
 И ты, Государь, отъ Бога многу мзду за то имаша воспріяти;
 Богъ бо любитъ таковыхъ благодатныхъ нравы,
 Которыя ищутъ небесныя и вѣчныя славы
 И бѣднымъ и безпомощнымъ помогаютъ,
 И никогда же ихъ въ скорбѣхъ и печалѣхъ презираютъ;
 И что имамъ вѣще того къ тебѣ, Государь, писати
 И многими словесы воздухъ наполнати;
 Аще сердечная твоя нива добродѣлиемъ умягчѣтся,
 Тогда и малыи словесы благодать твоя намъ явится,
 И аще в аеръ наполнати многихъ словесъ.
 А къ немилостивому сердцу не достанетъ въ превѣсъ.
 Милостиви и малыи словесы услаждаются
 И къ нищимъ и къ бѣднымъ простираются;
 И пакы милостиви помиловани будутъ,
 А немилостиви въ тѣхъ обителехъ не будутъ.
 Того ради на землю предъ тобою себя пометаю
 И моленіе къ тебѣ, Государь мой, отъ сердца простираю:
 Були, Государь, помощникъ и заступникъ въ таковой мнѣ тузѣ,
 Не обрѣтаю бо иного никого такова помощника себѣ;
 Тѣмъ и припадаю ко общей матери нашей земли,
 Вѣмъ бо ты пакы, яко многимъ ты людямъ помогаешь вельми.
 Сего ради и азъ нищій, не престая слезами землю моча,
 Скорбь, Государь, сердечная и скудость потребности тѣлесныя уязвляеть
 мя не менѣе меча;
 Уныніемъ и печалію и иною болѣзнію до зѣла нищій инаемогою.
 А помощника крѣпкаго себѣ, кромѣ Бога, никого не обрѣтаю,
 Яко рабъ ненотребный отъ всѣхъ помираемъ,
 И яко извергъ бездушный повераемъ,
 И яко трость увыннымъ вѣтромъ колеблема,
 Или яко лоза, стоящая при лугу, объемлема,
 И совершеннѣи рещи, отъ человекъ ни отъ кого небрегомъ,
 Токмо смѣхъ и поношеніе бываю своимъ врагомъ,
 Во дни, аки въ нощи, во уныніи и въ печали пребываю
 И разумѣншишка своего до конца отбываю,
 Всегда хожу въ велицемъ своемъ забвѣніи.

Яко вѣкоемъ зѣло темною помраченіи;
 Того ради нынѣ хѣпляся твоихъ честныхъ стопъ,
 Услыши, Государь, сердечный и богобоянный мой вопль,
 Аще и не въ слухъ тебѣ, Государю моему, вопію,
 Но отъ болѣзни сердца и горести души, аки пельнь со оцтомъ пію.
 Тридесать лѣтъ, Государь, уже и большіи въ монастырѣ пожихъ
 И владимирско по силѣ и трудашка свои положихъ.
 И нынѣ, яко птица худая, по чужой странѣ превитаю
 И ни гдѣ своей бѣдности покоя не обрѣтаю,
 Понеже любовнаго душа всегда въ душѣ любимаго,
 А вѣрнаго друга подобаетъ всегда имѣти, аки столпа непоколебимаго.
 Писано есть: другу вѣрну измѣны нѣсть,
 А сердца наша и мысли Богъ единъ вѣсть;
 Другъ вѣренъ — кровь крѣпокъ,
 А не вѣренъ — аки оплотъ лѣпокъ;
 Другъ лестенъ, аки ножъ помазанъ медомъ,
 Приводитъ бо всегда къ душевнымъ вредомъ.
 Такова друга подобаетъ отъ себе отсѣвати
 И якого отъ него совѣта не примати;
 О добрыхъ же друзѣхъ лѣпо пишется,
 Яко же пѣксе оружіе бисеромъ пишется;
 Другъ вѣренъ подобенъ противу злата и сребра мѣрити,
 А льстивымъ и лукавымъ другомъ не подобаетъ вѣрити;
 Яко же земныя плоды отъ лѣта до лѣта рождаются,
 А добріи друзи по вся дни пригождаются;
 Истинніи друзи познаваются во время напасти,
 Льстивіи же и лютіи во своей суетнѣи власти;
 И мы были ниции прежде сего времени не въ лишке,
 Тѣже были Соловецкія, а стали яко Кузовецкія,¹ покоя себѣ добиваяся.
 Аще убо молю, Государь, твое во всемъ благоразуміе,
 Да не позаариши на наше неискusstное грубоуміе;
 Обнадежася, Государь, на твою милость, тако плетемъ:
 Вѣмъ бо ты разумна суща и изыщна во всемъ.
 Буди, Государь, намъ помощникъ и присвой насъ къ себѣ;
 Иного бо заступника такова не обрѣтаемъ себѣ;
 Яко же твое благоутробіе прежде сего къ намъ бывало,
 А нынѣ не вѣмъ, почему милосердіе твое отъ насъ поотстало.
 Судитъ Богъ нѣкоторому человѣку лиходѣю,
 Чтoby ему то смыслити своему добродѣю,
 Чѣмъ тебѣ, Государь, неправедно мене огласилъ
 И добродѣяніе твое прѣжнее отъ мене отщелылъ;

¹ Не совсѣмъ понятныя выраженія.

Богъ ему по дѣломъ его судіа и Пречистая Богомати,
 А ума его суетнаго и устенъ неправедныхъ не унати;
 Что хочеть по ненависти своей, то и глаголетъ,
 Понеже въ сердце его всегда зависть колетъ.
 И ты, Государь мой, не имя вѣры живу слову,
 По великому Апостолу святому Іоанну Богослову:
 Не всякому духу вѣрити онъ повелѣваетъ,
 Но паче духа вслушати съ разсмотреніемъ подобаетъ,
 Яма убо истинѣ всегда сопротивляется
 И имѣий ю, едва въ рай вселяется.
 Богъ такому судіа и по дѣломъ его воздатель;
 Злый доброму никогда же не бываетъ пріятель,
 Всегда поощряетъ алая творити,
 Чѣмъ бы ему брата своего погубити;
 Обаче не брату своему ало сотворяетъ,
 Но свою душу злодѣйствомъ во адъ посылаетъ.
 Писано есть: злаго зло и постигнетъ,
 А избранныхъ и добродѣтельныхъ мужей въ мѣсто не постигнетъ.
 И вицши того ино что недоумѣюся тебѣ, Государю, рещи,
 И како бы милосердіе твое къ себѣ привлещи.
 Писано есть: отъ самыхъ Христовыхъ божественныхъ устъ,
 Томужде послѣдуя и великій Іоаннъ Златоустъ,
 И инимъ мнози божественнии и святини наши отцы,
 На нихъ же нынѣ сіяють нетлѣннїа и свѣтлїи вѣнцы,
 Ищете, рекоша, прежде всего царства небснаго,
 А не любите свѣта сего и міра прелеснаго,
 И сіа вся ватъ приложатся
 И во ономъ вѣцѣ мзды воздадятся.
 И да не положиши, Государь, въ забвеніе нашего къ тебѣ моленїа
 И самъ да сподобишися отъ Бога вѣчнаго веселїа,
 Да воздасть ти Господь за то вся благая многими краты
 И непреборимъ будещи никоторыми своими супостаты.
 И сему писанейцу мы ницши сотворимъ конецъ,
 А всѣмъ намъ всещедрый Богъ Создатель и Творецъ,
 Ему же нынѣ отъ Ангелъ и человѣкъ непремѣнная слава,
 А намъ буди отъ всѣхъ злыхъ конечная избава.
 Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

2.

Великихъ превысочайшихъ Государей превосходящему Властодержцу,
 Елика въ Европѣ и Азіи и многихъ государствъ Самодержцу,
 Любителю и хранителю заряду заповѣдей богословныхъ
 И доброопасному Правителю законъ православныхъ,

Которое такому нынѣ принесу многое благодареніе,
Иже древнихъ во благочестіи Сіятельныхъ Царей превосходитъ мнѣ
сердце,

Имъ же Россійскій Скипетръ преславно украшается,
Государямъ пограничнымъ выну страшень именуется;
О немъ же велегѣпная хвала въ ковцы вселенныя истекаетъ,
Славна, и богомудра, и милостива всяка страна того нарицается,
Предивна и храбра, и всякими благостынями цѣлуща,
Основаніе неизблемо въ вѣрѣ Христовѣ по премногу имуща:
Доброю бо цѣломудріа чистоты выну украшается,
Аще и Царскою багряницею преславно облачается;
Россійскаго царствія народомъ богоданный пастыръ,
Благочестія державнымъ цѣломудріа пластырь;
Любовію жъ къ Богу всякими добродѣтелями наипаче превосходитъ,
Аще и земаго царствія скиптроправленія повсюду проходитъ,
Готова себѣ тѣмъ Бога въ помощехъ выну обрѣтаеть,
О немъ же вездѣ упованіе наше со усердіемъ полагаетъ.
Честно убо во звѣздахъ пресвѣтлое солнце,
Его же ко всѣмъ милосердіемъ наполнено сердце.
Свѣтло же и преславно на тверди озареніе лунное,
Того же милосердіе сіяетъ ко всѣмъ намъ непремѣнное,
Имъ же власти и саны благороднымъ даруются,
Вышней же чести достойны отъ него сподобляются;
И всѣхъ, подъ властію сущихъ, всякія благости наслаждая,
Царское же свое благосердіе въ нихъ умножая,
Аще и многія ему отъ враговъ приключаются кручины,
Рѣки проливаетъ молитвъ къ Богу отъ сердечныя пучины.
Проситъ царствій своей державѣ быти нематожнѣй,
Отъ вражнѣхъ прилогъ сохранитися невредимѣй.
Щадитъ же многія враги свои вездѣ и повинны,
Аще нѣщны являютя и смерти достойны,
Даруя имъ свою Царскую милосердную милость.
И свою огненную уставляетъ отъ нихъ ярость.
Хочетъ бо враги на любовь мирну обратити,
О ней же и впредь вѣрнымъ въ соединеніи жити.
Льсти и лукавства отнюдъ въ нихъ не именоватися,
Обще же единовластію его всѣмъ повиноватися.
Прошу и азъ твоего Царскаго милосердіа пріяти,
А свое рабское страданіе тебѣ, Государю, явити;
Свѣтлость твоего милосердіа выну на мнѣ оиеть,
Вѣчныхъ пресвѣтлою милостію всегда озаряетъ;
О всѣхъ же на тебе, Государя, единого упованіе возлагаю,
Еже твое Царское къ себѣ обѣщаніе поминамъ.

Государское Ваше слово непременно бываетъ,
 О немъ же кто на Бога надежду свою возлагаетъ...
 Мнѣ холоду и писать къ тебѣ, Государю, невмѣстно,
 И самому тебѣ, Государю, много о мнѣ извѣстно:
 Хочеть ми ся тебѣ, Государю, усердно послужить,
 А отъ Царскаго ти Величества милость получить.
 Лѣпо намъ работати тебѣ Государю, аки Богу,
 Коя намъ работа приносить радость многу;
 Аще и главы своя за тебе, Государю, полагаемъ,
 Твое Царское крестное цѣлованіе исполняемъ;
 Аще котораго изъ насъ вина предъ тобою Государемъ явится,
 Твоимъ Царскимъ праведнымъ судомъ таковой казаятся,
 И да не начнутъ такови впредъ алая дерзати,
 Щедроты твоя Царскія на гнѣвъ подвизати.
 Еже вѣкимъ слышимъ зломудренныя совѣты ухищряють,
 Вину законопреступну неповиннымъ полагають;
 А многое въ мѣрѣ отъ таковыхъ выну солдѣвается,
 Въ нихъ же правда и слово истинное не обрѣтается.
 Аще кто со усердіемъ выну на Бога уповаетъ,
 Ложна совѣта и лѣстива того Богъ объявляетъ.
 Истина же предъ лицемъ жи не стыдится,
 Глаголати и дѣйствовати отнюдь не срамится.
 О прочякъ же нынѣ писати къ тебѣ, Государю, не смѣю,
 Свою рабскую работишку тебѣ, Государю, объявити дерзновеніа не имѣю.
 Прошу еже на ны суетна слуха и лѣсти не прѣимати,
 О нихъ же Царьскому ти богомудрому сердцу въ печали не пребывати.
 Да во всѣхъ устѣхъ слава будетъ непрестанна,
 Аще твоя Царская ушеса къ таковымъ будетъ неуклонна;
 Рука твоя Царская тогда на враги укрѣпится,
 Бывшая алая отъ среды всяко егда изженутся;
 Тебѣ, Государю, истиннѣ и правдѣ подобаетъ внимати,
 И лжу суемудреныхъ нашошеній всяко отревати;
 Правда правыхъ всегда отъ смерти избавляетъ,
 Разуму истинну хотящихъ прѣяти сподобляетъ,
 Нимъ не кто (Божественный Апостолъ глаголетъ) выработатся,
 Семи в рабъ быти всяко не усрамится.
 Ваше Царское еже о подручныхъ попеченіе имѣти,
 О всѣхъ же подобаетъ доброопасно смотрѣти.
 Ими же кто пріобрѣтаетъ честныя себѣ славы,
 Хульныя и тщетныя глаголы провозноситъ на ны.
 Царьскому ти остроумію словамъ онымъ
 Не подобаетъ внимати рѣчьтъ хульнымъ.
 Когда кто глаголати на насъ не поспрашиваетъ,

Сей и многа зла дѣйствовать не стыдится.
 Конечную скорбь содѣваетъ радости Вашей
 И непремѣнное сѣтованіе худости нашей.
 Христоподобное же твое Царское молю милосердіе,
 Свое отъ души предлагаю молебное усердіе:
 Величества Царскія свѣтлости видѣти хочу,
 Еже милость твою совершенну самъ улучу,
 Да убо, Государь, въ насъ всяка истинна и лжа явится,
 Лыста ногъ моихъ предстати тебѣ укрѣпится;
 Хитрости же въ насъ ни которые никто не обрещеть,
 О нихъ же кто на ны и многая клевететь.
 Что же, Государь, впредь имамъ сотворити,
 Еже Царскую твою милость къ себѣ получить,
 Хулы же и поношенія отъ всѣхъ ненавидящихъ мя избыти,
 И о семъ Всемилостиваго Бога хвалити. Аминь.

Я не рѣшаюсь утверждать, чтобы эти посланія помѣщались въ Азбуковникахъ съ прямой цѣлью — служить образцами для юношества, упражняющагося въ первоначальныхъ сочиненіяхъ; но также не имѣю право говорить и противнаго. Могло быть, что они въ самомъ дѣлѣ писались въ Азбуковникахъ съ цѣлью педагогической: могло и не быть этого. Но то вѣрно, что если они и не служили образцами для сочиняющей молодежи, то были образцами для взрослыхъ, для пожилыхъ, пожалуй, для стариковъ, все равно, для кого бы то ни было, только были образцами. Это говорятъ сами письма, въ которыхъ, какъ обыкновенно во всякихъ образцовыхъ статьяхъ, нѣтъ фамилій, и именъ, къ кому пишутъ, а есть «ня рекъ», подъ которымъ можно ставить какое угодно имя; это говорить само предисловіе «первостранника», который, упомянувъ о томъ, что у насъ, де, большею частію письма пишутся очень просто, что если, на примѣръ, пишутъ къ родителямъ, то всегда употребляютъ извѣстныя фразы, въ родѣ того, что «молитвами ваю я живъ и здоровъ» и пр.; говорить, что гораздо приличнѣе въ этомъ случаѣ писать болѣе высокимъ слогомъ, объяснять свои желанія болѣе возвышенно, и вотъ для этой-то причины онъ предлагаетъ образцы такихъ писемъ. Ясно, что цѣль этихъ писемъ, хоть косвенно, была отчасти педагогическая. Положимъ, въ школахъ не учили дѣтей искусству излагать свои мысли, не показывали имъ этихъ образцовъ, которые были тутъ

же, въ дѣтскихъ учебникахъ; но что въ нѣкоторыхъ школахъ преподавалось Реторика, можетъ быть только не подъ своимъ именемъ, это несомнѣнно. Реторику смѣшивали съ Грамматикой (какъ мы недавно еще путали вмѣстѣ Физику съ Химіей и Механикой), и потому Реторика входила въ число предметовъ преподаванія: въ нашихъ Азбуковникахъ есть Реторика, но она идетъ въ урядъ съ Грамматикой. Но не смотря на то, что въ нашихъ же Азбуковникахъ помѣщались вмѣстѣ и привѣтственные рѣчи къ почитателямъ, выучиваемыя наизусть и произносимыя «острѣйшими» учениками, и правила школьной дисциплины и тутъ же образцовыя посланія, мы не въ правѣ утверждать, что дѣтей учили сочинять эти письма. Можетъ быть, и учили, а можетъ и не учили: только этого въ Азбуковникахъ не сказано, и потому, въ дѣлѣ науки, догадку мы считаемъ, если не неумѣстной, то во всякомъ случаѣ самообольщеніемъ. Я привелъ эти два письма, какъ образецъ витійства нашихъ предковъ, витійства, которому предлагали подражать, если не юношамъ на школьной скамейкѣ, то людямъ пожилымъ, нуждающимся иногда въ краснорѣчивомъ посланіи къ начальнику, или благодѣтелю, и нельзя не согласиться, что первое изъ этихъ посланій было бы вполне прекрасно по тому времени, когда бъ не было такъ растянуто.

Всякій согласится, что матеріалы, представляемые Азбуковниками, относительно объема обученія въ Россіи XVII-го вѣка, не очень сильное свидѣтельство въ пользу нашего образованія; но всякій знаетъ, что предки наши были много образованнѣе и знали гораздо больше того, что приобрѣтали въ школахъ: все таки школьное ихъ обученіе было очень ограничено, и если было нѣсколько пространнѣе того, какъ мы находимъ въ Азбуковникахъ, то развѣ только Арифметикою, т. е., цифирью, Географією, т. е., Космографією, и Исторією, имѣвшею лѣтописный, или хронографическій, характеръ. Всего же того, что представляетъ намъ наша богатая письменность XVII-го вѣка, всего, что знали специалисты-предки (а у насъ въ XVII-мъ вѣкѣ были и специалисты), всѣхъ познаній, обращавшихся тогда въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, конечно, не преподавали въ школахъ, особенно въ школахъ для первоначальнаго обученія. Впрочемъ, надо и то сказать, что предметъ этотъ, т. е., исторія нашего развитія или, вѣрнѣе, исторія развитія нашихъ школъ и вліяніе ихъ на ходъ нашего образованія, только въ послѣднее время сдѣлался цѣлью ученыхъ разысканій; только въ послѣдніе два года вышло

нѣсколько специальныхъ изслѣдованій по этой части; и отъ того въ этомъ дѣлѣ еще нѣтъ ничего рѣшеннаго, нѣтъ еще почти никакихъ положительныхъ итоговъ Вѣрнаго, окончательнаго приговора еще не сказано никѣмъ, по той причинѣ, что предметъ изслѣдывался покуда односторонне: не взяты еще въ помощь, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, многіе памятники до-Петровской письменности; многое лежитъ въ нашихъ книгохранилищахъ совершенно еще нетронутымъ; однимъ словомъ много еще предстоитъ труда на обработку разсѣянныхъ матеріаловъ, относящихся къ этому предмету. А между тѣмъ, мнѣнія объ этомъ интересномъ предметѣ уже высказаны, и, какъ это обыкновенно бываетъ въ началѣ всякаго дѣла, мнѣнія высказаны совершенно противоположныя одно другому. Но какъ бы горячо ни защищали мнѣнія, говорящаго въ пользу цвѣтущаго состоянія нашихъ школъ, въ пользу полноты преподаваемыхъ предметовъ, мнѣніе это будетъ прекрасной и утѣшительной, но тѣмъ не менѣе недоказанной, фразой. до тѣхъ поръ, пока намъ осязательно не покажутъ ея справедливости, пока сама старина своими словами не скажетъ намъ утвердительно, что мы должны вѣрить этому утѣшительному мнѣнію. Мы знаемъ изъ нашихъ памятниковъ только одно, что объемъ преподаванія въ школахъ до-Петровской Руси былъ довольно ограниченъ, — и только. Но чрезъ это до-Петровская Русь не должна ничего терять въ нашемъ мнѣніи: она стояла на очень высокой степени развитія умственныхъ силъ своихъ, но только не со стороны школъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ Россія вступала въ новую колею своего образованія и успѣла пройти уже много къ высокой цѣли развитія; а школы шли медленно ея, хотя тоже начинали жить новою жизнью. Однимъ словомъ: Россія развивалась быстро, чѣмъ тѣ источники, изъ которыхъ должно было протекать ея развитіе.

Въ самомъ дѣлѣ, состояніе нашихъ школъ въ XVII-мъ вѣкѣ было еще на такой младенческой степени, что мы, во многомъ уже понявъ выгоды образованія и уже отчасти усвоивъ его, въ отношеніи обученія своего юношества оставались еще много ниже тѣхъ державъ, которыя мы превышали и стройностью политическаго состоянія, и правильнымъ гражданскимъ устройствомъ, и сознаніемъ выгодъ гражданственности. Что ни говори о преимуществахъ до-Петровской Россіи предъ варварскимъ Востокомъ, что ни говори о ея гуманнѣйшихъ началахъ, все таки, въ отношеніи образованія новаго

восполнѣннѣ, въ отношеніи педагогическомъ она уступала даже той странѣ, которую давно прѣзвѣвала во всёхъ дружитъ отношеніяхъ. Хотя бы взять въ примѣръ состояніе тогдашнихъ школъ въ Турціи, не говоря уже о Западной и Южной Россіи, — даже Турціи мы должны отдать преимущество, когда вопросъ коснется того, какія дѣлы принимали мы тогда для образованія новаго поколѣнія, для приготовленія отечеству полезныкъ слугъ на разныхъ ступеняхъ его гражданской жизни. Не смотря на то, что многіе изъ нашихъ предковъ учились многому, — они учились единственно для себя, изъ протей любознательности, между тѣмъ какъ другая половина насъ занималась писаніемъ, безъ всякой сознательной цѣли. Только одно почти дусовенство имѣло цѣль въ своихъ занятіяхъ и съ этой же цѣлью воспитывало своихъ дѣтей. Отъ того и характеръ обученія въ древней Руси былъ единственно только религіозный, какъ это было прежде и на Западѣ; при его религіозномъ направленіи, когда высшее сословіе готовило дѣтей своихъ только къ двумъ поприщамъ: или быть вассаломъ, владѣтельнымъ, необразованнымъ барономъ, или образованнымъ епископомъ, ученымъ монахомъ. На Западѣ это было очень давно; у насъ же перестало быть очень недавно.

Я узнаю о Турціи, говоря, что въ XVII вѣкѣ она очень хороша, хотя съ своей точки зрѣнія, понимала необходимость образованія сословія, могущаго быть полезнымъ на службѣ государству, тогда какъ Россія, можетъ быть, понимала это не хуже ея; однако не успѣла сдѣлать по этому предмету ничего замѣчательнаго; а, можетъ быть, даже и много сдѣлала, только мы до сихъ поръ не знаемъ этого, не находя нигдѣ свидѣтельствъ въ ея пользу. То же, что передаетъ намъ очевидецъ о состояніи преподаванія разныхъ наукъ въ Турціи XVII вѣка, очень замѣчательно и не можетъ не поразить всякого, кто сравнитъ это свидѣтельство съ тѣми фактами, которыя намъ извѣстны изъ исторіи развитія наукъ, или обученія въ Россіи того же вѣка. Сравненіе очень не утѣшительное для нашего національнаго чувства. Очевидецъ этотъ — Секретарь Англійскаго Посольства при Оттоманской Портѣ, г. Рикотъ, изучавшій состояніе Турціи въ половинѣ XVII столѣтія и издавшій объ этомъ предметѣ довольно пространный трактатъ ¹.

¹ Книга Рикота переведена на Русскій языкъ съ Польскаго въ 1744 году, подъ названіемъ: «Монархія Турецкая, описанная чрезъ Рикота, бывшаго

Рикоть пишетъ, именно о тѣхъ конюшнѣхъ, которые предназначались для отправления разныхъ должностей въ государство. Онъ рассказываетъ сначала, какъ каного званія были эти конюшнѣ. Разсказъ его очень занимателенъ. Рикоть говоритъ, что Султаны отдають великимъ искусствомъ возвыщать на первыя ступени степеней только лица искусныя и разумныя, но не тѣхъ, которые знатны по рожденію; потому что, по его мнѣнію, не потребно принимать въ дѣла тѣхъ, чьихъ благородство, явное богатство и неучливое похвѣство (лестъ) нѣмъ (славныи). Для этого Султаны давалъ образованіе плѣннымъ христіанскимъ дѣтямъ, мадѣкъ, что сабыть родину и всякія привязанности; они будутъ всею душою преданы тому, кому обязаны своимъ воспитаніемъ и счастьемъ. ¹ Сказавъ объ устройствѣ школъ, или каморъ, назначенныхъ для воспитанія этихъ конюшнѣ, онъ послѣ подробнаго разсказа о нѣкоторыхъ учебныхъ упражненіяхъ и о приученіи къ веденію войны, переходитъ къ описанію того, чему и въ какой вѣрѣ они учились. Изъ его разсказа мы узнаемъ слѣдующее: для воспитанія этого конюшества у Турокъ назначены были особые учителя, называвшіеся Кафасами, которые прежде всего научали своихъ воспитанниковъ читать и писать, чтобы они сами могли понимать книги; содержаніе въ себѣ изложеніе Корана, или вѣрѣ и заповѣдей; необходимыхъ въ администраціи. Какъ только они узнавали азбуку и скланы, тотчасъ переходили къ изученію Арабскаго языка, «посеже въ томъ языкѣ сокровище и богатство и къ закону и вѣрѣ,» и знаніе Арабскаго языка давало имъ возможность толковать и подбирать статьи Закона; объяснять предписанія и сентенціи Кады, судить о ихъ законности, или незаконности. Потомъ деюшамъ преподавался языкъ Персидскій съ цѣлью уже литературною, потому что богатство Персидскаго языка, его «изрядныя» слова и «сладкость въ глаголаніи» пополняли собою скудость и малолюдность языка Турецкаго, что считалось очень необходимымъ при дворѣ Султана. За тѣмъ разсказывали имъ обычаи старины, возбуждая желаніе подражать высокимъ историческимъ личностямъ, и прочитывали имъ книги

Англинскаго Секретаря Посольства, при Оттоманскій Портѣ. Переведена [съ Польскаго на Россійской языкъ. Въ Санктпетербургѣ 1741 года.]

¹ Рикоть, стр. 33—40.

любовническія и новостыни на Персидскомъ языкѣ.» Изъ Персидскихъ сочиненій, обыкновенно преподавались въ школахъ Дандетанъ Шавди, Пондата, Джулістінъ, Бостанъ, Кафіцъ, прозаическія и стихотворныя. «Сія книги суть сладостны, исполнены доселости изряднымъ произношеніемъ; изъ таковыхъ книгъ бывають прочитаны часто сіи: Кіриъ Вевіръ, Умаюнаме, или Деліде, и Рокмине, и Фулкаде Сейтбаталъ, и иные многіе книги любовническіе.»¹ Рыкотъ прибавляетъ при этомъ, что любовническія книги изучаются «разумнѣйшими молодыми», а которые изъ юношей меланхолическія и ногомысленныя, тѣ занимаются книгами серьезнаго содержанія, съ цѣлю достигнуть званія Государственнаго Канцлера, начальника публичныхъ доходовъ и т. п.; иные же желаютъ быть канцѣи или хранителями Корана, для чего обязаны были выучить весь Коранъ наизусть; эти послѣдніе очень уважались народомъ; наконецъ, нѣкоторые занимались философіей, т. е., толкованіемъ смысла священныхъ книгъ, и носили названіе «Талібудей»; низшая степень философовъ называлась «Джучкони»; они читали Коранъ по душѣ тѣхъ правовѣрныхъ, которые оставили денегъ на свое поминаеніе и на долгованіе ихъ Катехизиса, т. е., книгъ — Каруть, Сальтъ, Мукадъ, Мутока, Гідане и другія. Кромѣ того, у нихъ есть Персидскія и Турецкія стихотворныя произведенія, съ римами и размѣромъ, въ родѣ Пифагорійскаго, и эти стихотворенія учатъ юноши наизусть и очень искусно ихъ декламируютъ. Науки же, «которые суть между нами», говоритъ Рыкотъ, именно Логика, Физика, Метафизика и Математика, «не имѣють ні единыя свѣдѣности», и только Мудыку изучаютъ прилежно. Есть между Турками и знатоки Астрологіи. Географія и изученіе другихъ государствъ находятся въ плохомъ состояніи: морскихъ картъ хорошихъ очень мало, а въ морскихъ путешествіяхъ помогаютъ имъ только глаза и оныть.² Хотя Турки, говоритъ, не имѣють хорошихъ историковъ, однако достаточно знаютъ исторію своей Имперіи и прочихъ государствъ, и въ политикѣ очень хорошо пользуются примѣрами прошедшихъ временъ, или, какъ говоритъ Рыкотъ, «употребляють яко образцы и осторожности въ ихъ потребнѣйшихъ дѣлахъ.»

¹ Завѣтки Восточныхъ литературъ, вѣроятно; знакомы съ нѣкоторыми изъ упомянутыхъ здѣсь книгъ.

² Монархія Турецкая, Рыкотъ, стр. 41 43.

Эти свидѣтельства очевидца о состояніи педагогич. въ Турціи до того поразительны, что становятся какъ будто невѣроятными. Само собою разувѣется, что здѣсь не можетъ быть даже и сравненія съ тѣмъ, что сдѣлала въ это время педагогич. въ Россіи: съ стыду нашему, Русская педагогич. сдѣлала, вѣроятно, не многіе больше того, что мы уже видѣли, и чѣмъ не можемъ похвастаться даже предъ Турціей: Турція, или, вѣрнѣе, ея правительство очень хорошо понимало для своего времени необходимость спеціальныя познанія для людей, готовящихся къ государственныя обязанности, и потому заботливо смотрѣло за воспитаніемъ юношества; у насъ же одно духовенство, и притомъ слишкомъ односторонне, понимало важность «книжнаго наученія», изрѣдка напоминая Государству о томъ, что духовному сословію необходимо учиться грамотѣ. Вспомнимъ опредѣленіе «Стоглава» по этому предмету: Напротивъ, Турки уже тогда многосторонне смотрѣли на важность обученія юношества, и смотрѣли на педагогич. съ болѣе развитыми понятіями. Въ самомъ дѣлѣ, это какъ будто невѣроятно, но къ несчастію нашему справедливо. Ужь одно то говоритъ въ пользу Турціи, что ея юношество изучало, въ своихъ школахъ, необходимыя языки, догматы религіи и законы, знакомясь съ формами администраціи, однимъ словомъ, заранѣе готовилось къ служебной дѣятельности: но, сверхъ всего этого, оно не было чуждо и свѣдѣніямъ литературныхъ, потому что читало и изучало произведенія лучшихъ Восточныхъ писателей, узнавало исторію своей литературы и поэзіи. Если Турція и не была образована на Европейскій ладъ, такъ, по крайней мѣрѣ, была образована по своему, чѣмъ, конечно, не могло похвалиться наше отечество.

Или хотя бы взять теперь тогдашнюю Южную и Западную Россію. Правда, тамъ во всемъ отражалось вліяніе Польской образованности; но я не говорю о высшихъ учебныя заведенія; я не говорю о Кіевской Академіи и другихъ учрежденія; выключая всего этого, даже простыя школы Южной Россіи, безъ всякаго Польскаго вліянія, стояли на высшей степени развитія, чѣмъ школы Великой Россіи. Южнорусскія элементарныя школы имѣли прочное органическое устройство, и объемъ наукъ, преподававшихся въ нихъ, былъ много пространнѣе, чѣмъ въ первоначальныхъ Великорусскихъ училищахъ, о которыхъ мы говоримъ въ настоящей статьѣ. Напримѣръ, въ Уставѣ школы, учрежденной, въ началѣ XVIII-го вѣка, при

монастырѣ вѣдѣннаго Луцкаго Братства, видны, такія опредѣленныя начала и такое положительное направленіе, о какомъ едва ли могла думать, въ концѣ XVII-го вѣка, наша Заимоносная Академія, ѣ какое всего менѣе могло существовать тогда въ элементарныхъ Великорусскихъ школахъ. Замѣчательно, что этотъ школьный уставъ поясняетъ для насъ значеніе Азбуковниковъ, что мы принимаемъ въ этихъ послѣднихъ за мѣстныя обыкновенія, то повторятся и въ правилахъ Луцкой школы, и эти правила до того, сходны съ правилами Азбуковниковъ, что какъ будто писаны въ одно время и для одной школы, или заимствованы Великорусскими школами изъ правилъ, давно уже существовавшихъ въ школахъ Южной Россіи. Всего вѣроятнѣе, что наши Азбуковники отчасти перенесены къ намъ съ юга Россіи, на что намекаютъ самый языкъ ихъ, въ которомъ встрѣчаются такія слова, какъ вирши, клейнотъ, або и пр. Сверхъ всего этого, значеніе Азбуковниковъ много увеличивается тѣмъ, что правила, помѣщенные въ нихъ, не простыя разглагольствованія, а принятые и утвердившіеся школьные обычаи, и что все содержаніе Азбуковниковъ не случайное, а такое, какое именно необходимо было тогда въ школьныхъ дѣтскихъ руководствахъ.

Интересно будетъ сравнить нѣкоторыя статьи Азбуковниковъ съ подобными положеніями въ Уставѣ Луцкой школы. ¹ Это сравненіе необходимо и тѣмъ, что, не смотря на неодинаковость состоянія училищъ въ Великой Россіи и училищъ въ южной ея части и на Волини, все же эти послѣднія были отчасти наши училища, Русскія, и потому само по себѣ интересно знать ихъ устройство, которое, можетъ быть, нѣсколько объяснитъ намъ состояніе нашихъ Великорусскихъ школъ и покажетъ новыя стороны, еще неизвѣстныя въ слѣдствіе старинной Русской педагогикѣ.

Прежде всего надо сказать, что Луцкая школа была не частнымъ, а общественнымъ заведеніемъ, и потому правила ея имѣли особыя статьи, не могущія ити въ сравненіе съ правилами частныхъ школъ, какія были въ то время въ Великороссіи. Въ слѣдствіе этого, разумѣется, въ Азбуковникахъ мы не нашли статьи относительно приѣма воспитанниковъ, что въ Южнорусскихъ училищахъ дѣлалось

¹ Уставъ этотъ имѣлъ двѣ редакціи, изъ которыхъ первая издана въ г. 1624-мъ. Онъ напечатанъ въ «Памятникахъ, издаваемыхъ Временною Комиссіею для разбора древнихъ актовъ.» Кіевъ, 1848. Изданіе 2-е. т. II, стр. 1.

съ разными предварительными условіями. Уставъ говорить: «Каждый, кто поступаетъ въ наши школы для обученія, долженъ, явившись Ректору, съ его дозволеніемъ, присматриваться сначала три дня къ ученію, порядку, а бѣдный (въ подлинникѣ: «нищій») и къ содержанію, ¹ не бывъ еще допущенъ вполне ни къ какому занятію школьному. Сіе для того, чтобы, поспѣшно начавъ, скоро не раскаялся и не оставилъ предпріятія: ибо каждый долженъ ходить въ школу не одну четверть и не годъ, но пока не окончитъ наукъ: и только съ такимъ условіемъ принимаемъ будетъ.»² Присмотрѣвшись, если не захочетъ вступить въ школу, то отходитъ съ благословеніемъ; а если согласится, то долженъ объявить объ этомъ Старшему и, внесши въ школьную кружку четыре гроша, зачисляется былъ отъ Пенитарха въ число учениковъ и вносится въ большой школьный списокъ.

Какъ въ нашихъ Азбуковникахъ, такъ и здѣсь, есть Старшіе, которымъ воспитанники обязаны были повиноваться, какъ и самому учителю, потому что, прибавляетъ Уставъ, «если добродѣтель послушанія и въ ремеслахъ, даже самыхъ низкихъ, имѣетъ мѣсто, и притомъ первѣйшее, тѣмъ болѣе въ наукахъ свободныхъ («въ наукахъ вызволенныхъ»), которыя всѣ прочія науки, искусства и ремесла далеко превышаютъ.»³

Но такъ какъ въ школѣ обучали «разнымъ діалектамъ,» и опредѣлены были особыя часы, въ какіе чему должно учиться, то воспитанникъ, поступивши въ школу и «не могучи и наукъ, которыя ся тутъ традуютъ, и себе до которыхъ есть способенъ рыхло зрозумѣти,» долженъ посоветоваться съ начальникомъ школы, «за якую науку взятися маеть.» И что присовѣтуетъ ему начальникъ (сообразивши его лѣта, наклонности и способности), за то онъ и долженъ приняться съ охотою, если только сами родители не назначили уже его къ извѣстной отрасли науки; да и тѣмъ, говорить, нужно совѣтовать полезнѣйшее.

¹ Въ переводѣ, изданномъ въ Кіевѣ, это мѣсто не имѣетъ смысла: будто бы нищій «присматривался къ содержанію,» вмѣсто «допускался».

² Памят. Врем. Комис., т. I, отд. I, стр. 83—84. Я взялъ переводъ, приложенный при этомъ изданіи.

³ Памят. Вр. Ком.; т. I, отд. I, стр. 84—85.

Вот предварительныя условія, которыхъ мы не встрѣтили въ правилахъ Великорусскихъ школъ, или, можетъ быть, не встрѣтили только въ нашихъ Азбуковникахъ:

За тѣмъ всѣ другія статьи Устава болѣе и менѣе сходны съ правилами, помѣщенными въ Азбуковникахъ. Въ числѣ самыхъ первыхъ статей помѣщены правила о наказаніяхъ, которыхъ такъ подробно изображены въ Азбуковникахъ; здѣсь они написаны болѣе спокойнымъ тономъ: за непослушаніе наказывать, но не тирански, а наставнически: не сверхъ мѣры, а по силамъ; не съ буйствомъ, а кротко и тихо; не только мѣрски, но и выше мѣрскаго. Въ другой статьѣ добавлено, что для внушенія дѣтямъ хорошихъ правилъ, 1

«И памятного маеть не боронити,
По чашн школьной испити».

Это было, вѣроятно, нѣчто въ родѣ извѣстныхъ въ Малороссійскихъ школахъ субитокъ, — когда каждую субботу съѣли школьникъ, что называется, въ запасъ, чтобъ они были умны и на будущее время; вѣроятно, памятное и было въ этомъ случаѣ запаснымъ предостереженіемъ отъ дурныхъ поступковъ.

Слѣдующія за симъ статьи имѣютъ также много общаго съ правилами «Школьнаго благочинія» Азбуковниковъ. Изъ этихъ послѣднихъ мы знаемъ, что ни богатство, ни знатность происхожденія не давали воспитанникамъ правъ на предпочтеніе ихъ передъ дѣтьми бѣдныхъ родителей; что ученики сидѣли въ классахъ по достоинству, на мѣстахъ, указанныхъ учителемъ. Въ Уставѣ Луцкой школы выражено то же самое, что каждый ученикъ долженъ садиться на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, назначенномъ по мѣрѣ его успѣховъ: «Который болшей умѣти будетъ, сидѣти вышней маеть, бы и барзо нищъ былъ; который меншей умѣти будетъ, на подлѣйшомъ мѣсцу сидѣти будетъ. Богатый надъ убогихъ у школѣ нѣчимъ вышши не мають быти, толко самоку наукою: плотию же равно вси.» Учителю же вѣнялось въ обязанность одинаково заботиться о своихъ воспитанникахъ, какого бы званія и состоянія ни были они, и каждому удѣлять своихъ трудовъ поровну: «Учити даскалъ 2 и любити маеть дѣти всѣ за ровно, якъ сыновъ богатыхъ,

1 Нам. Вр. Комм., т. I, отд. I, стр. 108.

2 Даскалъ — такъ называется въ Уставѣ дваскалъ, учитель.

такъ и сиротъ убогихъ, и которые ходятъ по улицамъ, ркши-
воту просечи.»¹

Собираться въ школу положено было къ 9-му часу. Каждое утро учитель обязанъ былъ наблюдать, чтобы собирались все воспитанники; а если который изъ нихъ не приходилъ, то пробылаи узнать о причинѣ: или забавилъ ся инде играми, или дома, се обѣдилъ, или надъ потребу снѣлъ.»² Обязанность смотрѣть за приходящими возложена была на тѣхъ изъ учениковъ, которые въ Азбуковникѣ называются «Старостами», и которые должны были сидѣть у дверей школы и наблюдать за входящими и выходящими, записывая тѣхъ, которые позволяли себѣ малости и непристойныя поступки.³ Собравшись въ классъ, ученики до тѣхъ поръ не начинали учиться, пока не были прочтены молитвы и кредисловіе обычны. Тоже самое видѣли мы въ Азбуковникахъ. Мы знаемъ, что въ Великорусскихъ училищахъ положено было прослушивать уроки утромъ, въ противность обычаямъ заграничныхъ школъ; въ Славенороссіи заграничная школьная дисциплина считалась зазорною. Въ Южной Россіи это дѣлалось такъ же, какъ и въ Великороссіи, именно: прочитавъ обычныя молитвы, ученики прослушивались, показывали за тѣмъ свое писанье, что каждый успѣлъ написать дома, и дѣлали выкладъ науки своей, то есть, вѣроятно, цтолковывали то, что было имъ задано. Потомъ, конечно, должны были учиться по частямъ Псалтыри, или Грамматикѣ съ разборами и иными многими потребными наукамъ.» Послѣ обѣда каждый долженъ списывать для себя на таблицу свой урокъ, а малолѣтнимъ обязанъ былъ писать самъ учитель. Выучивъ въ школѣ «трудныя слова,» ученики должны были другъ друга спрашивать, отходя домой, или собираясь въ школу; дома же обязаны были говорить свои уроки или родителямъ, или хозяину, у кого живутъ на квартирѣ. Это мѣсто Устава Луцкой школы даетъ намъ возможность рѣшить недоумѣніе г. Лавровскаго, который ни въ какихъ древнихъ памятникахъ не находитъ свидѣтельства о томъ, диктовалъ ли учитель своимъ воспитанникомъ назначенный урокъ, или давалъ имъ готовыл тетрадки,

¹ Уставъ Луц., III, стр. 100—101.

² Тамъ же, стр. 102.

³ Тамъ же, III, стр. 109—110.

съ которыхъ они списывали, что имъ было задано. ¹ Хотя рѣшеніе этого вопроса не принесетъ большой пользы наукѣ, однако, по Уставу Луцкой школы, можно догадываться, что уроки, по крайней мѣрѣ, въ Южной Россіи, диктовались учителемъ и записывались учениками на табличкахъ; малолѣтнимъ же писалъ самъ учитель. ² Можетъ быть, то же самое было и въ Великорусскихъ школахъ, за неимѣніемъ печатныхъ руководствъ.

Въ правилахъ Азбуковниковъ строго запрещалось ученикамъ рассказывать то, что происходило въ школѣ, то есть, не выносить сору изъ избы, или, какъ сказано въ Азбуковникѣ, «не выносить за порогъ школы словеснаго сору.» То же самое помѣщено и въ Луцкомъ Уставѣ: «Въ школѣ што ся колвекъ мовити, албо дѣяти будетъ, жаденъ за порогъ школьный вынести не маеть.» ³

Что запрещалось Азбуковниками въ отношеніи правилъ благопристойности—не толкаться, не подмигивать глазами, не перешептываться, то же самое видимъ мы и въ Луцкомъ Уставѣ: сидѣть въ классѣ смирно, «безъ розмовъ и шептовъ, миговъ, и до себе прехажокъ» и пр.

Въ Великорусскихъ школахъ назначалось поочередно нѣсколько учениковъ, на которыхъ возлагали обязанность мести школу, топить печь, носить воду и пр.; воспитанники Южнорусскихъ школъ также не были избавлены отъ подобныхъ обязанностей. Въ «артикулѣ» 16-мъ постановлено избирать по очереди двухъ, или четырехъ, мальчиковъ въ слѣдующія должности: «дѣло ихъ будетъ ранѣй до школы прійти, школу помести, въ печи запалити, и у дверей сидѣти; а которые выходятъ и входятъ, о всѣхъ вѣдати, и которые бы ся не учили, пустовали, или въ церкви не рядне стояли, или до дому идучи обычайне бы ся не заховали, написовати и оповѣдати ихъ мають.» ⁴

По правиламъ Азбуковниковъ полагалось въ субботу заниматься повтореніемъ всего выученнаго въ продолженіе недѣли; въ этотъ же день учитель читалъ въ школѣ разныя поучительныя наставленія

¹ О древне-Рус. учил., стр. 111.

² Пам. Вр. Ком., т. I, стр. 87 и 105.

³ Тамъ же, стр. 88. Въ уставѣ первой редакціи, краткой.

⁴ Пам. Вр. Ком., стр. 109.

о благопристойности, о почитаніи родителей, о праздникахъ и пр.; въ воскресенье утромъ воспитанники собирались снова въ школу и слушали толкованіе Литургіи, Евангелія и пр. до той поры, пока звонъ колокола не призывалъ ихъ къ слушанію Божественной службы. Тѣ же самыя правила изложены и въ Уставѣ: «Въ субботу должны повторять все, чему учились въ продолженіи недѣль. Послѣ же обѣда учитель обязанъ не малое время и гораздо больше, чѣмъ въ прочіе дни, бесѣдовать съ дѣтьми, поучая ихъ страху Божию и чистымъ юношескимъ нравамъ: какъ они должны быть въ церкви предъ Богомъ, въ домѣ предъ родными своими, и какъ имъ вездѣ сохранить добродѣтель и цѣломудріе» и т. д. Потомъ: «Въ воскресенье и въ праздники господскіе, пока пойдутъ къ литургіи, учитель обязанъ со всѣми бесѣдовать и наставлять ихъ о томъ праздникѣ, или святомъ дѣлѣ, и учить ихъ волю Божіей. А послѣ обѣда долженъ всѣмъ изъяснить праздничное Евангеліе и Апостолъ.»

Не вдаваясь въ излишнія подробности о школьныхъ порядкахъ и сходствѣ ихъ, замѣчу, что объемъ обученія въ Луцкой школѣ былъ гораздо обширнѣе, чѣмъ въ Великорусскихъ школахъ, какъ мы знаемъ о нихъ изъ Азбуковниковъ и другихъ памятниконъ старины. Это снова доказываетъ, что элементарныя Южнорусскія школы стояли гораздо на высшей степени развитія, чѣмъ школы Великой Россіи. Составъ наукъ, преподававшихся въ Луцкой школѣ, былъ слѣдующій: такъ какъ школа носила названіе Греко-Латинно-Словенской, то, конечно, воспитанники ея не были чужды знанія этихъ языковъ; но, кромѣ языковъ, преподавались и другіе предметы, о чемъ говоритъ самъ Уставъ: «Напервѣй, научившись складовъ, лить, потомъ Грамматики учать, притомъ же и церковному чину учать, читанію, спѣванію: также учать на каждый день, абы дѣти единъ другаго пытагъ по Грецку, абы ему отповѣдалъ по Словенску, и ты жъ пытаются по Словенску, абы имъ отповѣдали по простой мовѣ. И ты жъ не мають зъ собою мовити простою мовою, ено Словенскою и Грецкою, а такъ нынѣ тому учатся, до большихъ приступаючи, къ Діалектице и Реторице, которые науки по Словенску переведенные, Русскимъ языкомъ списано, Діалектику и Реторику и иные философскіе писма школѣлежаціе.»² Это свидѣтельство о нашихъ школахъ очень

¹ Пам. Вр. Ком., стр. 107—109.

² Пам. Вр. Ком., стр. 114—115.

важно. Въ другомъ мѣстѣ Устава говорится о предметахъ, преподававшихся въ Луцкой школѣ: «Повиненъ будетъ даскалъ учить и на писмѣ подавати отъ святого Евангелія, отъ книгъ Апостольскихъ, отъ Пророковъ всѣхъ, отъ Отець Святыхъ ученія, отъ философовъ, отъ поетовъ, отъ гисториковъ и прочая.» Только какіе это были «философы, поэты историки,» мы не знаемъ: всего скорѣе Латинскіе, потому что Горацій и Тацитъ—любимые авторы, которыхъ знала старая образованная Малороссія. За тѣмъ учились пасхалии, лунному теченію, личбѣ (т. е., счисленію), рахованю (почти то же счисленіе: не Ариѳметика ли?) и мусикѣ церковнаго пѣнія» (Уставъ, стр. 106—107).

Какъ видимъ, составъ школьнаго образованія въ элементарномъ училищѣ Южной Россіи былъ далеко не бѣденъ, и если прочія школы хоть сколько нибудь были похожи на Луцкую, то юношество того края было довольно хорошо образовано по своему времени. Не смѣю утверждать, что такое же образованіе давалось и въ Великорусскихъ школахъ до-Петровскаго времени: этого не видно изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ; но всего вѣроятнѣе, что Великая Россія и въ этомъ отношеніи далеко уступала Малороссіи.

И такъ мы невольно приходимъ къ тому заключенію, что состояніе нашихъ школъ, этихъ источниковъ народнаго образованія, не соответствовало, въ XVII-мъ вѣкѣ, тому, проявлявшемуся у насъ, стремленію впередъ, тому разцвѣту нашей умственной жизни, однимъ словомъ, — тому прогрессу Россіи XVII-го вѣка, прогрессу, итогомъ котораго былъ Петръ Великій. А что печать прогресса лежитъ на XVII-мъ столѣтіи, что было уже тогда это стремленіе впередъ, это отрадное броженіе умовъ передъ явленіемъ Петра, что до Петра еще начинала уже Россія искать чего-то новаго, разрѣшенія болѣе важныхъ и глубокихъ вопросовъ,—это вѣрно, и мы, можетъ быть, скоро сознаемъ это окончательно, когда лучше изучимъ темный для насъ XVII-й вѣкъ. Мы больше знаемъ Россію времянь Ольги, Святослава, времянь Ярослава и даже Монголовъ, чѣмъ Россію послѣ обоихъ Іоанновъ и особенно послѣ Самозванцевъ. На этомъ періодѣ времени мы не останавливаемся долго, какъ будто утомленные смутными временами конца XVI и начала XVII-го вѣковъ, и всѣ слѣшимъ обратиться къ одной личности Петра, забывая, что промежутокъ между Самозванцами и Петромъ былъ

именно тѣмъ великимъ и знаменательнымъ періодомъ въ исторіи развитія нашей умственной жизни, который рѣдко повторяется въ жизни народовъ. Періодъ этотъ ждетъ еще своей разработки. Нельзя сказать, чтобъ старина не оставила намъ на какой возможности изучить ее въ подробностяхъ: она сохранила для насъ цѣлую литературу, на столько богатую и разнообразную, чтобы узнать тотъ періодъ времени, которому она служитъ выраженіемъ, котораго идеи она сохранила для насъ. А эта литература очень богата въ сравненіи съ тѣмъ, что представляютъ въ этомъ отношеніи предыдущія столѣтія. Кто сколько нибудь знакомъ съ нашей письменностью прошедшихъ вѣковъ, особенно XVI и XVII, тотъ не безъ удивленія остановится на этомъ послѣднемъ столѣтіи, которое слишкомъ рѣзко отдѣляется отъ XVI-го и имѣетъ свой отличительный характеръ—стремленія впередъ. Можетъ быть, для многихъ это покажется страннымъ, особенно когда мы привыкли считать только XVIII-й вѣкъ временемъ созданія нашего отечества, началомъ его Европейской жизни и нашего вочеловѣченія; но когда мы познакоимся также съ XVII-мъ вѣкомъ, какъ знакомы съ XVIII-мъ; когда мы безъ предубѣжденія взглянемъ на мнѣніе: не начала ли Россія бытіе свое, не довольно ли уже были мы развиты, какъ люди, а не варвары, въ XVII-мъ вѣкѣ? когда мы постараемся представить живую картину этого времени, то увидимъ, что XVII-й вѣкъ былъ именно тотъ періодъ, въ который мы начали свое самобытное развитіе и котораго Петръ былъ только итогомъ. Не послѣднюю роль играло въ этомъ случаѣ присоединеніе Малороссіи, которая какъ будто придвинула насъ къ образованной Польшѣ и къ самой Европѣ, начавъ передавать намъ тѣ знанія, какими сама уже обладала: отъ того, въ концѣ XVII-го вѣка, всѣ дѣятели на литературномъ поприщѣ были у насъ Малороссы, которыхъ воспитала Кіевская Академія и Польша. Приводить примѣры считаю излишнимъ, потому что и помощники Петра въ преобразованіяхъ Россіи были тѣ же питомцы Малороссіи: Теофанъ Прокоповичъ, Гавріиль Бужинскій, Стефанъ Яворскій; передъ ними Симеонъ Полоцкій, Лазарь Барановичъ и другіе. Письменность XVII-вѣка имѣетъ совершенно различный характеръ съ тѣми немногими памятниками, которые дошли къ намъ отъ XVI-го вѣка; стоитъ только сравнить остатки письменности того и другого столѣтія, чтобы видѣть громадную разницу между Россіей XVI-го вѣка и Россіей XVII-го вѣка.

На примѣръ, я беру для этого «Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея» и «Описаніе рукописей библіотеки Гр. Толстова»; замѣчаю статьи и книги, принадлежащія XVI-му вѣку, и книги, обозначенныя вѣковъ XVII-мъ. Какой утѣшительный перевѣсъ на сторонѣ этого послѣдняго столѣтія! Въ XVI-мъ вѣкѣ я встрѣчаю только Евангелія, Мишен служебныя, Мишен праздничныя, Тріоди цвѣтныя, Тріоди постныя, Паремьи, Келейныя правила, Псалтири Слѣдованныя, Апостолы, Служебники, Трефолон, Октоихи, Кормчія и Житія святыхъ. Рукописей другаго содержанія почти нѣтъ. Пересматриваю XVII-й вѣкъ, и вниманіе постоянно останавливается на такихъ памятникахъ: Космографія Мартына Бѣльскаго; ¹ Космографія, разиѣреніе и росписание всеа земли противъ слопневъ и знаменъ въ кругахъ небесныхъ; ² Космографія Герарда Меркатора; ³ О конской вѣздѣ (въ 4-хъ книг., перев. въ Москвѣ, 1685 г.); ⁴ Великая и предивная наука Раймунда Люлія (въ 8 частяхъ); ⁵ Книга о Сивиллахъ, колика быша и коими иныи и о предреченіихъ ихъ, переведена по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича; ⁶ Книга о началѣ Россійскихъ Государей и ихъ титулѣ въ сношеніяхъ съ Великими Государями Христіанскими и Мусульманскими, и какъ писалъ къ нимъ тѣ иностранныя Государя, и каковы котораго Государя ихъ государскія персоны и гербы, построена повелѣніемъ Царя Алексѣя Михайловича въ 1672 году; ⁷ Родословіе и Геральдика Россійскихъ Государей, сост. Лаврентіемъ Херуличемъ по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича; ⁸ Хрисмологіонъ, родъ Всеобщей исторіи съ пророчествами; переведена повел. Царя Алексѣя Михайловича; ⁹ Хронографъ, переведенъ повел. Царя Алексѣя Михайловича; ¹⁰ Рус-

¹ Оп. рук. Гр. Толст., I, 203, 206.

² Тамъ же I, 210.

³ Оп. рук. Рум. М., N CCLXXII.

⁴ Гр. Тол. I, 209.

⁵ Тамъ же, I, 211.

⁶ Рум. М., N CCXXVII.

⁷ Гр. Тол., I, 215;

⁸ Рум. М. N 466.

⁹ Гр. Тол., I, 56. Рум. М., N CCCCLXV.

¹⁰ Гр. Т., I, 77.

ская исторія, соч. Дьякомъ Ѳ. Грибоѣдовымъ; и за ту книгу дано ему Государева Царева и В. Кн. Алексѣя Михайловича жалованье: 40 соболей, да въ Приказѣ 50 рублевъ денегъ, отласъ, камку да придачи къ помѣстному окладу 50 четей 10 рублей. А книга взята къ Великому Государю вверху. ¹ За тѣмъ встрѣчаются Алфавиты съ Словарями и съ другими статьями грамматическаго и риторическаго содержанія; ² Ариѳметика и Астрономія; ³ Описаніе о Персидскомъ государствѣ и о тѣхъ жителѣхъ; ⁴ Исторія Сарматіи Европской и хроника земли Сарматской, Александра Гванини; ⁵ Описаніе Китайскаго Государства; ⁶ О предуготовленіи вещей къ войнѣ надобныхъ, и воинская книга о всякой стрѣльбѣ и о огненныхъ хитростяхъ по Геометрійскому прямому обычаю (здѣсь и военная Технологія, и Баллистика, и Тактика и пр.); ⁷ Наука о конскомъ заводѣ (гдѣ говорится объ устройствѣ конюшень, дворовъ конскихъ, о кормѣ, прсмотрѣ, о породѣ коней иностранныхъ, о конюшняхъ, коновалахъ, прислугѣ и пр.); ⁸ довольно большое Описаніе Голландіи и города Амстердама; ⁹ довольно интересное и обстоятельное Описаніе Сибири въ 1658 и 1683 годахъ; ¹⁰ Писцовыя книги разныхъ городовъ; ¹¹ Хроника Литовская Стриковскаго; ¹² Историческія записки Павла Пясецкаго (Pawesii). ¹³ Припомнимъ, что въ это время начинаетъ расходиться по Великороссіи Синописисъ; свѣдѣнія во Всеобщей Исторіи начинаютъ принимать болѣе широкій объемъ, съ измѣненіемъ и распространеніемъ содержанія нашихъ сборниковъ. Медицинскія познанія перестаютъ считаться колдовствомъ и входятъ въ кругъ нашей письменности, что

¹ Рум. М., NN LXXXII, LXXXIII, LXXXIV. Гр. Толст., II, 39, 269, 412.

² Гр. Толст., II, 44, 139, 146, 343, 371, 373; III, 27. Рум. М., I, II, III, и др.

³ Рум. М., N XII.

⁴ Гр. Толст., I, 246.

⁵ Тамъ же, I, 153, 161.

⁶ Тамъ же, I, 162.

⁷ Тамъ же, I, 68.

⁸ Рум. М., N CCLXXXII.

⁹ Рум. М., CCXCII.

¹⁰ Рум. М., CCXCIV.

¹¹ Рум. М., N CCCVIII, CCCIX, CCCX, CCCXI, CCCXII.

¹² Гр. Толст., I, 186, 244.

¹³ Гр. Толст., I, 17.

видно изъ разныхъ статей и книгъ Медицинскаго содержанія, въ родѣ слѣдующихъ: а) Книга, глаголемая Прохладный Вертоградъ.... о различныхъ врачейскихъ вещахъ ко здравію человѣческому пристоящихъ, ¹ въ которой находится 341 глава: о кровопусканіи, о птицахъ всякихъ, къ лѣкарству угодныхъ, о мясѣхъ всякихъ, о водахъ, орыбахъ речныхъ и морскихъ, о пчелѣ и о меду и о воске, о заморскихъ и о Русскихъ зеліяхъ, и о древесехъ, и о травахъ, и о водахъ изъ травъ перепущенныхъ, оуксусе, о маслехъ, о солехъ, о сахарехъ, о сыропехъ и пр., и пр., и пр., гдѣ исчерпаны знанія, относящіяся къ Гигіенѣ, и къ Фармакогнозисъ, и къ Физіологіи, и къ Фармакопее, и къ естественнымъ наукамъ другихъ отраслей; б) Проблемата.... великаго философа Аристотеля и иныхъ мудрецовъ, яко прирожденныхъ, такожде и лѣкарскія науки, о свойствѣ и о поставленіи удовъ человѣческихъ, такожде и о звѣринныхъ; ² в) Славныхъ великихъ и цвѣтныхъ доктуровъ подлинное изѣщеніе о мору; ³ г) О приготвленіи лѣкарствъ, о дѣланіи красокъ и т. п., ⁴ родъ Технологіи и Фармакопее, и отрывки Лѣчебника; д) статьи Физіологическаго содержанія; ⁵ е) Лѣчебникъ съ раскрашенными изображеніями травъ, ⁶ и нѣсколько Лѣчебниковъ для всеобщаго пользованія. Въ это время чаще начинаютъ являться статьи, въ которыхъ видны уже начатки литературныхъ потребностей въ обществѣ: это переводы сказокъ, романовъ, и т. п. литературныхъ произведеній другихъ народовъ; ⁷ въ это время мы встрѣчаемъ переводы Басень Езопа («Писанія философа Ессопа Индѣянина»), переводъ ⁸ произведеній Персидскаго поэта Шихсади («Персидской кринной долъ, въ которомъ много веселыхъ и пріятныхъ исторей, остроумныя речи, прибыльные ученіи... и славнаго Локмана

¹ Рум. М., N CCLXIII, Гр. Толст., II, 42.

² Гр. Толст. II, 166.

³ Тамъ же, II, 168.

⁴ Тамъ же, II, 195.

⁵ Тамъ же, II, 215.

⁶ Тамъ же, III, 338.

⁷ Съ этимъ предметомъ насъ уже познакомили нѣсколько Г. Пыпинъ.

⁸ Гр. Толст. II, 181.

склады и примѣры»),¹ съ Нѣмецкаго переложенія; читаемъ, къ удивленію нашему, повѣсти въ родѣ слѣдующихъ: Повѣсти смѣхотворны, есть же и злыхъ обыкостей обличительны; повѣсть утѣшная о купцѣ, который заложился съ другимъ о добродѣтели жены своея,² и т. п. Это еще не все: это—самая ничтожная часть того, что разсыяно по нашимъ библіотекамъ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ постоянно встрѣчаются интересные переводы съ иностранныхъ языковъ, съ Латинскаго, Нѣмецкаго, Греческаго, Итальянскаго, но преимущественно — съ Польскаго: все, что являлось замѣчательнаго въ Польшѣ, переводилось на Русскій языкъ. Кругъ свѣдѣній видимо расширяется; прежнія свѣдѣнія оказываются недостаточными; въ обществѣ возникаютъ другіе вопросы, помимо вопросовъ богословскихъ. Не удивительно явленіе въ этомъ обществѣ такихъ людей, какъ Бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, котораго ученые иностранцы называли великимъ, и Царевна Софія; не удивительно явленіе такихъ Государей, какъ Алексѣй Михайловичъ и Феодоръ Алексѣевичъ съ ихъ дипломатами, Тяпкинымъ, Зотовымъ, извѣстнымъ, кромѣ того, своими педагогическими талантами; не удивительно, наконецъ, что у такого Государя, какъ Алексѣй Михайловичъ, который давалъ ходъ и жизнь начинавшейся разцвѣтать нашей умственной жизни, нашимъ наукамъ, нашей литературѣ,³ не удивительно, повторяю, что у Государя, имѣвшаго достойныхъ дѣтей въ Феодорѣ и Софіи, былъ еще и сынъ Петръ, положившій начало преобразованія Россіи. Россія, если не вся, не

¹ Гр. Толст. I, 111.

² Гр. Толст. II, 47.

³ Что Царь Алексѣй Михайловичъ заботился о распространеніи знаній, объ образованіи своей страны, видно изъ того, что почти все, что писалось достойнаго вниманія въ его время, посвящалось его особѣ и было принимаемо благосклонно, какъ мы видимъ изъ ласковаго приѣма «Исторіи» Гривбоѣдова, переводовъ Спафарія и другихъ сочинителей, которыхъ онъ дарилъ очень щедро за ихъ труды. Исправленіе книгъ вмѣстѣ съ Никономъ, печатаніе многихъ необходимыхъ сочиненій,—все говоритъ въ пользу этого Государя, котораго заслуги въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи еще не оцѣнены, потому что всѣ историки, очарованные личностью сына его, Петра, не берутъ на себя труда объяснить значеніе Царя Алексѣя Михайловича. Разработка нашей до-Петровской письменности докажетъ, что этотъ Царь началъ подготовку царствованія Петра, и Россія, вмѣстѣ съ умнымъ Царемъ, охотно принимала идеи, которыя осуществилъ только Петръ.

цѣлой массой, то въ лицѣ многихъ замѣчательныхъ особъ своего времени, понимавшихъ высокое значеніе образованія, ждала уже Петра; и только слишкомъ энергическія мѣры этого Государя вооружали массу противъ нововведеній, противъ внезапнаго и отчасти насильственнаго движенія впередъ, къ чему, впрочемъ, само подвигалось наше отечество во все XVII столѣтіе.

Неудивительно послѣ всего этого, если мы скажемъ, что одна педагогика наша отстала отъ общаго стремленія, одни школы недостаточнo подвинулись впередъ, чтобы приготавливать юношество для великаго сочувствія стремленіямъ возрождавшейся Россіи, для быстраго воспріятія тѣхъ идей, которыя уже вращались между немногими избранными.

Въ слѣдствіе всего этого, намъ кажется болѣе правильнымъ взглядъ Г. Забѣлина на характеръ древняго образованія въ Россіи, чѣмъ взглядъ г. Купріянова, Г. Забѣлинъ, любя Русскую старину, не увлекается предположеніями относительно успѣховъ педагогики въ до-Петровской Руси, и не дѣлаетъ выводовъ, въ сущности прекрасныхъ и утѣшительныхъ, но несогласныхъ съ дѣйствительностію, какіе дѣлаетъ Г. Купріяновъ, увлеченный той же любовью къ старинѣ. Г. Забѣлинъ даже слишкомъ строгъ, слишкомъ недоумчивъ въ судъ на заключенія, какъ это всегда бываетъ, когда больше и разностороннѣе знакомишься съ предметомъ. Онъ слишкомъ хорошо знаетъ нашу старую Русь, чтобы рѣшиться дѣлать серьезные выводы, касательно важнѣйшихъ вопросовъ въ наукѣ, основываясь только на теоріи вѣроятностей. Въ слѣдствіе этого прекраснаго убѣжденія, вѣроятно, Г. Забѣлинъ отвергаетъ все, чего не можетъ доказать, какъ онъ говорить, точно, документально, т. е., самими фактами старины, ея словами, ея собственнымъ, непроверяемымъ, свидѣтельствомъ; это необходимое правило въ наукѣ, которому слѣдуютъ рѣшительно изъ насъ; только оно не всегда примѣнимо. Бываетъ и такъ, что это, необходимое въ наукѣ, правило не достигаетъ цѣли и дѣлается своего рода пристрастіемъ; это бываетъ тогда, когда мы и изъ этого благоразумнаго правила сдѣлаемъ крайность—неизбѣжное слѣдствіе увлеченія. Хотя у Г. Забѣлина не замѣчаемъ этой крайности, но онъ держится своего благоразумнаго правила не безъ

¹ «Замѣтки для исторіи просвѣщенія въ Россіи», Купріянова (Сиб. Вѣд., 1845 г., N. 163, и Москвитянинъ 1855, N. 10).

увлеченія. Ни чѣмъ больше, какъ увлеченіемъ, можемъ мы объяснить его, въ высшей степени осторожныя, выводы (которые Г. Курьяновъ, совершенно несправедливо называетъ рѣзкими и односторонними), относительно образованія нашихъ предковъ. По мнѣнію Г. Забѣлина, въ школахъ до-Петровской Руси знанія юнѣшества не простирались далѣе азбуки, часословца и псалтыри, за тѣмъ писаніемъ и церковнаго пѣнія; по его мнѣнію, въ школахъ этихъ не принято было даже преподаваніе Грамматики отечественнаго или, вожалуй, Церковно-Славянскаго языка. Держась своихъ осторожныхъ правилъ въ выводахъ и заключеніяхъ, онъ приводитъ одно извѣстное мѣсто изъ пѣсни про Ваську Буслаева, что, когда мать отдала его учителю грамотѣ,

Грамота ему въ наукъ пошла;
Посадила его перомъ писать,
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала его пѣтью учить,
Пѣтье Василью въ наукъ пошло....

и рѣшаетъ, что «это мѣсто, объясняя значеніе науки въ нашей старинѣ, любопытно и въ томъ отношеніи, что указываетъ на составъ тогдашняго общаго школьнаго образованія». ¹ Напрасно Г. Забѣлинъ, такъ добросовѣстно изучающій Русскую старину, на слово вѣрить народной пѣснѣ, особенно былинѣ, гдѣ, по обыкновенію, передается не самое дѣло, не фактъ, а только взглядъ народа на этотъ фактъ, гдѣ фантазія на первомъ планѣ. Не думаю, чтобъ Г. Забѣлинъ, знающій нашу старину, какъ немногіе знаютъ ее, рѣшился дѣлать такіе же выводы, какіе онъ здѣсь дѣлаетъ, основываясь на томъ, что если въ былинѣ сказано, будто В. К. Владимиръ и богатыри его выпивали турья рога зелена вина въ полтора ведра и въ полтретья, то они въ самомъ дѣлѣ пили именно столько, сколько сказано въ пѣснѣ, то есть, полтора и по два съ половиной ведра залпомъ. Вѣроятно, меньше. Не думаю также, чтобъ и пѣсня про Буслая знала навѣрное, что именно преподавалось въ нашихъ школахъ. Притомъ, эта пѣсня какого вѣка? Она Новгородская.

Признавая вполнѣ важность памятниковъ народной мысли, мы не должны, однако же, слова и свидѣтельства какой-нибудь пѣсни

¹ «Характеръ древняго народ. образ. въ Россіи.» Забѣлинъ (От. Зап., 1856 г., № 3, отд. II, стр. 19).

(хоть бы она была и историческая) считать непреложными законами, которыми можно рѣзать всякое ученое недоразумѣніе, а должны смотрѣть на нихъ, какъ на выраженія народной мысли, народныхъ понятій, народныхъ впечатлѣній, по преимуществу; вѣрять же все впечатлѣніями и понятіями народа, и притомъ простаго народа — недостойно науки. Народъ имѣетъ всегда свой взглядъ на вещи, и въ пѣсняхъ именно выражаетъ этотъ взглядъ, или то понятіе, какое онъ составилъ себѣ относительно какого либо предмета, или событія. Пѣснями можетъ пользоваться наука, но только какъ средство къ узванію взгляда народа, въ извѣстное время, на извѣстный фактъ, но ужь отнюдь не какъ историческими матеріалами. Такъ и пѣсню о Буслаѣ нельзя принять за историческія данныя: въ ней выразился, можетъ быть, взглядъ, или понятіе, народа объ ученіи въ школахъ, и только. И если народъ такъ понималъ наше древнее обученіе, то это не значитъ, что онъ правильно понималъ его; онъ понималъ по своему. Въ извѣстной пѣснѣ, которую и теперь пропоетъ любой мужикъ, рассказывается о кончикѣ Императора Александра Павловича, который сказалъ своей родимой матушкѣ, что увѣжаетъ на годъ, а не приѣхалъ и черезъ три. Родимая матушка выбѣгала на большую дорожку, встрѣтила кулъера и спрашивала: «Не знаешь ли, молъ, кулъерчикъ, что съ сыномъ?» Тотъ объявилъ ей, что онъ умеръ. Потомъ описываются похороны, канихъ, конечно, въ дѣйствительности не было, и между тѣмъ упоминается, какъ

Молодую его хозяйшку подъ бѣлы руки ведутъ, ¶

А малыхъ его дѣтушекъ во колясочкѣ везутъ...

Слѣдуетъ ли изъ этого, что Императрица не могла иначе узнать о сынѣ, какъ выбѣгая на дорогу, выспрашивать курьера, и должна ли исторія стать въ тупикъ, по случаю «малыхъ дѣтушекъ», или признать ихъ дѣйствительно существовавшими? Ясно ли, что народъ въ пѣсняхъ своихъ передаетъ не самые факты, а свои впечатлѣнія, по поводу ихъ? И въ этой пѣснѣ народъ вѣренъ самому себѣ: онъ зналъ, что Императоръ имѣлъ мать и по своему, приѣхавъ къ своему быту, выразилъ горесть ея ожиданій; предположилъ, что должны же быть и сироты послѣ смерти женатаго челоуѣка, или просто, ради большаго эффекта, подарилъ дѣтми Александра Павловича. И въ древней Россіи, какъ и въ настоящей, простой народъ стоялъ на низшей ступени образованія, слѣ-

довательно, также вѣрно могъ объяснить пѣснями состояніе училищъ, какъ вѣрно изобразилъ погребеніе Императора Александра 1-го. А что это правда, такъ видно изъ того, что и въ древности на зародъ смотрѣли, какъ на невѣгласовъ, по мнѣнію которыхъ, затѣвнѣе солнца означало то, что нѣкіи «вѣткодлаци поѣдали солнце» и пр. Подобныя же невѣгласы отправляли въ заточеніе боярина Матѣева за чернокнижіе, а послѣ того съ суевѣрнымъ страхомъ смотрѣли на Сукареву башню, на которой производились астрономическія наблюденія. ¹ О Россіи этого не могъ сказать Г. Забѣлинъ, потому что Россію онъ знаетъ лучше другихъ, а уяснившись отрицаніемъ мифній г. Купріянова и, слѣдуя правиламъ осторожности, дошелъ до крайности и обвинилъ Россію въ томъ, въ чемъ виноватъ былъ только народъ, подъ именемъ котораго; я разумѣю гораздо больше сословіи, чѣмъ сколько принадлежитъ ихъ къ народу въ настоящую, болѣе развитую, пору. Такой народъ обвинилъ Матѣева въ чернокнижии и считалъ колдовствомъ астрономическія предсказанія на Сукаревой башнѣ. Невѣгласы въ состояніи сдѣлать то же самое и въ нынѣшній XIX-й вѣкъ, и въ пѣсняхъ своихъ характеризуютъ современную науку, всѣ тонкости просвѣщеннаго XIX-го вѣка, ни больше, ни меньше, какъ тѣмъ же многозначительнымъ «четьемъ-пѣтьемъ церковнымъ.» А изъ этой фразы развѣ слѣдуетъ вывести заключеніе, что и теперь у насъ больше ничему не обучаютъ, кромѣ «четья-пѣтя церковнаго?» Конечно, не слѣдуетъ. Не слѣдовало также и г. Забѣлину на словахъ пѣсни про Ваську Буслаева строить своихъ догадокъ, что пѣсенная фраза есть не что иное, какъ выраженіе состоянія нашихъ древнихъ школъ и что въ школахъ этихъ не преподавалась даже Грамматика Славянскаго языка. Съ этимъ очень трудно согласиться, тѣмъ болѣе, что и въ нашихъ Азбучовникахъ есть грамматическія правила, преподававшіяся въ школахъ и, кромѣ того, мы имѣемъ одну Грамматику отъ XVII-го вѣка, въ которой именнo сказано, что се учили новоначальныя ученики послѣ азбуки. Вотъ заглавіе этого школьнаго учебника: «Книга глаголема Адагаторь, (Донатъ) въ ней же бесѣдуетъ о осми частѣхъ и вѣщанія, сирѣчь о имени, о проимени, о словѣ, о предлозѣ слова, о причастіи слова и имяни, о союзѣ, о представленіи и о различіи, еа же учать ученицы

¹ Характеръ древн. народ. образ. въ Россіи (От. Зап., 1856 г., N. 13).

первоначальнаго послѣ обученія, занеже не есть основаніе: первое и медленна хитрости грамматичной, а Грамматикія есть основаніе и по-
ложивъ всѣхъ свободнымъ хитростямъ.»¹

Но опять какъ повторимъ повторенное нами нѣсколько разъ въ этой статьѣ, что въ XVII-мъ вѣкѣ педагогика отстала отъ общаго стремленія къ прогрессу и самосознанію: что Россія, въ лицѣ многоихъ особъ, понимавшихъ уже нѣсколько выдвинутое значеніе образованія, далеко оставила за собою нашу школу съ ихъ старыми понятіями и привычками, съ ихъ ограниченнымъ кругомъ возрѣнія на способъ и объемъ обученія. Да и не легко было этимъ никогда идти шагъ за шагомъ по слѣдамъ нашего развитія, когда онѣ выжидали въ себѣ только самыя началки образованія и, будучи частными заведеніями, держались правилъ старины, какъ въ объемѣ преподаванія, такъ точно и въ методѣ, и копла, напротивъ того, Россія, — хотя не всей массой, а въ числѣ немногихъ образованныхъ личностей, добывала себѣ новыя знанія и идеи, отвергала то, что привилось къ ней отъ старины, прежде чѣмъ молодой Петръ успѣлъ познакомиться съ Лесфортомъ, какъ предразсудки, начинала учиться у Запада; когда вся Россія, успокоившись отъ политическихъ бурь (подъ державой Аннею Михайловна), начинала всматриваться въ то, что дѣлалось тогда на Западѣ, расширяла кругъ своей письменности, вводя въ него новыя Европейскія знанія, помимо знаній богословскихъ, и естественно далеко оставила за собою нашу скучную «премудрость», каковую добыла въ стѣнахъ своихъ училищъ, находившихся въ рукахъ частнаго духовенства. Напрасно стали бы мы обвинять Россію, особенно Россію конца XVII-го вѣка, въ неподвижности и умственномъ застоѣ: при болѣе строгомъ изученіи той эпохи, мы утѣримся совершенно въ обратномъ. Исторія начинаетъ уже возвышать голосъ въ пользу XVII-го вѣка, и намъ отрадно было втрѣтить полное сочувствіе нашимъ мыслямъ, въ историческомъ обзорѣнн «Правленіе Царевны Софіи» г. Щербальскаго, который говоритъ: «Царствованіе Петра представляется намъ безо всякой почти связи съ предшествующими; мы слишкомъ буквально пріучились понимать слова: «Петръ создалъ Россію». Петръ произвелъ въ ней огромную реформу, переворотъ, готовы мы сказать, государственный и общественный; но

¹ Опис. рук. Гр. Толстова, IV, 27.

въ исторіи нѣтъ скачковъ и перерывовъ и при внимательномъ изученіи предшествующей Петровымъ преобразованіямъ эпохи, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи самаго царствованія Петрова, безъ всякаго сомнѣнія откроется связь, соединяющая, такъ называемую; древнюю, до-Петровскую Русь, съ Россіей новою, Европейскою.»¹ И эта связь есть: она — умственное движеніе Россіи во все XVII-е столѣтіе, от-радное стремленіе впередъ, замѣтное отрицаніе старыгъ предразсудковъ. Дѣйствительно, въ концѣ XVII-го вѣка, Россія могла уже сказать о себѣ: «Егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ слышляхъ; егда же бѣхъ мужъ — отвергохъ младенческую.» И въ самомъ дѣлѣ, до Петра еще начала мужать наша Россія; она успѣла отвергнуть много младенческаго въ своихъ понятіяхъ, прежде чѣмъ молодой Царь успѣлъ познакомиться съ Лейфортомъ; не могла только одного сдѣлать — провести за собой свои школы, влить новыя живительныя идеи въ скудные свои учебники.

Послѣдовавшій на дняхъ переводъ Пресвященнѣйшаго Анастасія въ Астраханскую Епархію лишилъ меня возможности окончательно разработать интересную рукопись, и потому, не имѣя подъ рукою Абуковаликовъ, я принужденъ кончить свою статью тѣмъ, на чемъ остановился.

Даніилъ Мордовцовъ.

Саратовъ, 1856 г.

¹ Правленіе Цар. Софін, IV, 69—70 (ст. Щербальскаго въ Рус. Вѣстникѣ, 1836 г., N. 9).

II

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

Отъ всякой смерти не набережешься.
 За смерть нѣтъ поруки. На жизнь, на смерть, поруки нѣтъ.
 Опасью хорониться — смерти не оборониться.
 На вѣкъ не наѣшься, передъ смертью не наживешься.
 Передъ судьей, да передъ смертью замолчишь.
 На смерть, что на солнце, во всѣ глаза не взглянешь.
 Не на животь рождаемся, а на смерть.
 Что не родится, то и не умираеть.
 Родится человекъ на смерть, а умереть на животь.
 Не на животь, а на смерть (бить, обиваютъ и пр).
 Какъ ни вертись, а въ могилку ложись.
 Смерть ни на что не глядитъ. Смерть со слѣпу лютуеть.
 Живи, да не заживайся! Жить живи, да честь знай: чужаго вѣ-
 ка не забдай!
 Впередъ смерти наживайся! Жилъ, не жилъ, а помирай!
 Люди мрутъ, намъ дорогу трутъ. Передній заднему мостъ на погость.
 Кабы до насъ люди не мерли, и мы бы на тотъ свѣтъ дороги
 не наши.
 Смерть живота не любитъ. Животь смерти не любитъ.
 Смерть плотью живеть. Смерть съ костями сгложеть.
 Кабы люди не мерли — землѣ бы не сносить.
 На смерть дѣтей не нарожаешься.
 На рать сѣна не накосишься, на сметъ дѣтей не нарожаешься.
 Жизнь даетъ одинъ только Богъ, а отнимаетъ всякая гадина.
 Два раза молоду не быть, а смерти не отбить.
 Много бы взялъ, да не надобно (умирая).
 Невинная (неповинная) душа не пристрашна (не боится) къ смерти.
 Бойся, не бойся, а смерть у порога.
 Богъ души не вынетъ, сама душа не выйдетъ.
 Безъ поры душа не выйдетъ. Кто вложилъ душу, тотъ и вынетъ.
 Не своя воля, самъ собой не помрешь. Живому нѣтъ могилы.
 Смерти бояться — на свѣтъ не жить.
 Кого Богъ накажетъ, тотъ самъ помреть; а другаго, любя прибереть.

Поколѣ Богъ грѣхамъ терпѣть, да голова на плечахъ.
Покуда на своихъ ногахъ хожу. Покуда душа жива.
Игла служить, пока уши, а люди, пока души.
Кто чаще смерть поминаетъ, тотъ меньше согрѣшаетъ.
Смерть по грѣхамъ страшна. Не бойся смерти, бойся грѣховъ!
Бойся жить, а умирать не бойся! Жить страшнѣе, чѣмъ умереть.
Бойся, не бойся, а безъ року нѣтъ смерти!
Жди, какъ волъ обуха, а не дрогни!
Умѣлъ пожить, умѣй и умереть! Неумѣлъ жить, такъ съумѣй умереть!
Кто жить не умѣлъ, того помирать не выучишь.
Жизнь — копейка, голова — наживное дѣло.
Убьютъ — забота не наша. Убьютъ, такъ запопаютъ.
Кто посылаетъ (т. е., на смерть), тотъ и отвѣчаетъ.
Помрешь, такъ прощай бѣлый свѣтъ — и наша деревня!
Узка дверь въ могилу, а вонъ, и той нѣтъ.
Жизнь на ниткѣ, а думаетъ о прибыткѣ.
Думка за горами, а смерть за плечами.
Смерть не за горами, а за плечами.
Умъ за моремъ, а смерть за воротомъ.
Самъ на ладанъ дышетъ — а туда же.
Поживетъ — нажметъ, умретъ — надавитъ (о плохомъ мужѣ).
Никому не вѣдомъ часъ Страшнаго Суда.
Никто живой предѣла своего не извѣдалъ.
Бойся Бога: смерть у порога.
Смерть за порогомъ. Смерть на носу. Смерть на пялень.
На волосокъ отъ смерти. Голова на кону.
Жизнь на волоскѣ виситъ, — висѣла.
Чуть живъ, чуть живъ, а все не померъ.
Рубаха къ тѣлу близка, а смерть ближе.
Рубаха на тѣлѣ — смерть въ плоти.
На небо крыль нѣтъ, а въ землю путь близокъ.
Больше жить — больше грѣшить.
Не тотъ живетъ больше, кто живетъ дольше.

Жизнь дана на добрыя дѣла.

Меньше жита—меньше грѣшить. Умрешь, такъ меньше врешь.

Житейское дѣлай, а смерть помни! Смерть недосуговъ не знаетъ.

Не грѣшить, кто гниѣтъ (кто въ землѣ лежитъ).

Отъ смерти не спрячешься (не уйдешь). Отъ смерти некуда дѣваться.

Живи живи, да и помирать собирайся (да и помри).

Тяни, тяни, да отдай; живи, живи, да и помри (матроская).

Жили, жили, да и жилы порвали.

Когда ни будь умирать надо. Сколько ни живи, а умирать надо.

Закрѣть глазки, да лечь на салазки.

Тѣло въ тѣсноту, а душу на просторъ.

Сколько ни жить, а смерти не отбыть (не миновать).

Придетъ время, всѣ лягутъ въ могилку.

Не жилой—не живой (о хиломъ дѣтищѣ).

Сколько (какъ) ни ликовать, а смерти (а гроба) не миновать.

Когда ни умирать, а день терять (а не миновать).

Свѣтъ мнѣ, да растаться съ нимъ (а смерть постыла, да не отбыть ее).

Вволю наѣшься, а вволю не наживешься.

Смерть беззачурное (окладное) дѣло.

Отъ смерти ни отмолишься, ни открестишься.

Отъ смерти ни крестомъ, ни пестомъ.

Бѣгать смерти — не убѣгать (т. е., не уйти).

Пришла смерть по бабу — не указывай на дѣда!

Какъ ни тяни, а чужаго вѣку не заѣшь.

Сколько ни тяни, а быть, что надорваться.

Верти, не верти — а надо умерти (Воронеж.).

Придетъ пора — турнетъ курносая со двора.

Отъ смерти не откупишься (окупа не дашь).

Грунью (рысью) отъ смерти не уйдешь.

Отъ смерти и подъ камнемъ не укроешься.

И то будетъ, что и насъ не будетъ.

Много людей на свѣтъ, а было еще больше, да перемсри.

Всѣмъ тамъ быть: кому раньше, кому позже.

По дважды не умирають, а одноа не минувать.
 Бойся, не бойся, а гробъ теши! Домъ строй, а демовину лада!
 Избу крой, грѣсни пой, а шесть досокъ паси!
 Житейское (мирское) твори, а къ смерти гребнеси!
 Тани, гужи порви, павъ, да уири!
 Одинъ разъ мать родила, одинъ разъ и умирать.
 По многу живутъ, а все умирають.
 Царь и народъ — все въ землю пойдетъ.
 У смерти на глазахъ всѣ равны. Смерть всѣхъ поровняетъ.
 Смерть голову откусить — всѣхъ поровняетъ.
 И пономарь и владыка въ землѣ равны.
 Знать будемъ мы и на томъ свѣтѣ на баръ слушать: они будутъ
 въ котлѣ кипѣть, а мы дрова подкладывать.
 Смерть дорогу сыщеть. Смерть причину найдетъ.
 Какъ жилъ, такъ и умеръ. Каково поживется, таково и отрыгнется.
 Жилъ собакой, околѣлъ посомъ. Собакѣ — собачья и смерть.
 Жилъ — не сосѣдъ; померъ — не крестьянинъ (не покойникъ).
 Живется — поется; умирается — дрягается.
 Ногой дрягается — деньги отказываетъ.
 Сегодня вѣнчался, а завтра скончался.
 Гдѣ вѣнчаютъ, тутъ и погребаютъ (или: отиѣвають).
 Былъ (жилъ) — полковникъ; померъ — покойникъ.
 Нынѣ полковникъ, завтра покойникъ.
 Хорошъ былъ человекъ, да послѣ смерти часу не жилъ.
 Жилъ, нѣ жилъ, а умеръ — покойникъ.
 Жилъ-былъ пожилъ, да и ножки съжмалъ.
 Никто не увидить, какъ душа выйдеть.
 Мертвый у воротъ не стойтъ, а свое возьметъ (отъ платы за голов-
 щины, за кости—вира; нынѣ: жертвое тѣло).
 Гдѣ ни стать, ни сѣсть. Деревянный тулупъ. Вотчина въ косую
 сажень. Подъ дерновое одѣяльцо. Демокъ въ шесть досокъ. Въ
 холодокъ, въ темный уголокъ. Подъ заступъ, подъ лопатку.
 Въ могилкѣ, что въ верникѣ: не просторно, да улежно.

Отмежуешь землю тебе́ лопатой (в недостаткѣ лопаты).

Дожинь, скажемъ отцу-матери, что во здорову похоронилъ.

Всякому мертвецу земля — гробъ.

Смерть о савашѣ не тужить. Смерти саваномъ не ублажить.

Несутъ гостя до погоста. Хозяинъ новой земляночки.

Утѣшь батьку (попа), помри. Отъ пона не уйдешь: покоронить.

Думай о смерти, а гробъ всякому готовъ.

Дома нѣтъ, а домовице (гробъ) будетъ.

И бездомникъ не безъ домовища.

Живой безъ сапогъ обойдется, а мертвый безъ гроба не обойдется.

Живи, поколѣ Господь грѣхамъ терпѣть. Поколѣ Гошодь съ рукъ своихъ не сдаль.

Не бойся смертей, бойся чертей!

Не столько смертей, сколько скорбей.

Вѣку мало, да горя много. Вѣкъ коротокъ, да погудка долга.

И не долго на свѣтѣ побыть, да не дадутъ и вѣку исжить.

Плохо живется, а живетъ и того плоше.

Не житье, а каторга. Житье — вставши, да за вытье.

! Море житейское подводныхъ каменьевъ преисполнено.

Времена переходчивы, а зайдни общіе.

Охай, не охай, а вези до упаду (т. е., до смерти)!

Охъ, да охъ, поколѣ терпѣть Богъ.

Тяни лямку, пока не выкопають ямку!

Мудрена ты на вольномъ свѣту, а какъ-то умирать станешь.

Какъ жилъ на свѣтѣ — видѣли; какъ помирать станешь — увидимъ.

Не даетъ Богъ ни смерти, ни живота. Ни живота, ни смерти.

Ни жить, ни умереть не даютъ. Ни протянуться, ни души испустить.

На небо не вскочешь, и въ землю не закопаешься.

{ И радъ бы смерти, да гдѣ ее взять?

Жизнь жизни рознь. Житье на житье не приходится.

Эта жизнь хуже смерти. Эта жизнь и смерти не стѣбитъ.

День ото дня живи, а отъ часу не легче.

Живемъ не на радость, а пришибить накому.

Живется, что въ убродѣ бредется (убродъ — рыцый слѣгъ).

Поколь нога ногу минуеть — ладно.

Тихо не лихо: бреди нога по ногу!

Говори: ладно, бѣги да падай; гдѣ убыешься, покоронимъ.

Отдохнешь, когда издохнешь. Помрешь, такъ отдохнешь.

Поживешь на вѣку, достанется и хохряку (загорбку).

Плакаться станешь, Богъ больше жить заставитъ.

Бога прогнѣвишь, и смерти не дастъ.

Лучше смерть, нежели золь животъ.

Чѣмъ жить, да вѣкъ плакать, лучше сѣтъ, да умереть. Чѣмъ съ плачемъ жить, такъ съ пѣснями умереть.

И на погостѣ бывають гости. Эти гости ночуютъ (покойники).

Не море топить, лужа. Перецалымъ море, да въ лужѣ утонуть.

Отъ всего вылечишься, кромѣ смерти.

Отъ смерти нѣтъ зелья. Нѣтъ ли, баушка, отмогильнаго зелья?

Мертвой-живой воды испить, да живучимъ корешкомъ закусить.

На тотъ свѣтъ отовсюду одна дорога.

Легче всѣхъ нечаянная смерть. Нежданая смерть — находка.

Смерть безъ покаянія — собачья смерть.

Дай Богъ умереть, да дай Богъ покаяться!

Избави Богъ отъ наглой смерти!

Нора костямъ на мѣсто (на покой). Свое взяли, пожили.

Умираеть не старый, а поспѣлый. Не годы мрутъ, люди.

По безлюдью смерть не ходитъ.

Знаеть Богъ, кого на племя пустить.

У стараго до смерти душа не вынута, а у молодого не замечатана.

Не молодостью живемъ, не старостью умираемъ.

Только бы помолодѣть, а тамъ, пожалуй, хоть и умереть.

Времени (молодости прошлаго) не воротишь.

Пожитое, что пролитое — не воротишь.

Не лъсти въ болѣсти; больше сляжешь, все скажешь.

Одна смерть правдива (не разбираеть богатаго).

Смерть всѣхъ сравниваетъ. На всѣхъ одна смерть.

Родился малъ, выросъ пьянъ, померъ старъ—и свѣту не видалъ.
Только во снѣ сдалося, будто на свѣтѣ жилося.

Онъ уже подъ святыми лежитъ. И крестъ въ рукахъ.

Свѣтъ изъ очей выкатился. Ясны очи закатились. Померкъ свѣтъ
въ очахъ. Глаза посоловѣли.

Жилъ долго, а умеръ скоро. Жилъ помаленьку, а померъ вдругъ.
Господь вѣку не далъ. Не ссудилъ Господь житя (вѣку).

Срядился, да и умеръ. Собрался жить, взялъ да и померъ.

Ни думалъ, ни гадалъ, а померъ. Жилъ, жилъ, да сразу и померъ.

Взялъ, да и померъ. Легъ, зѣвнулъ (вздохнулъ), да и ножки протянулъ.

День нашъ—вѣкъ нашъ, а недѣля—и весь животъ (и всѣ животы).

Собираемся жить съ локоть, а живемъ съ ногу.

И не много жить, да не дожить.

Нынѣ на ногахъ, завтра въ могилѣ.

Седни живъ, а завтра—жилъ.

Поколѣ живешь, все живъ; а какъ померъ, такъ и не стало.

Жизнь пережить, не поле перейти.

Жизнь прожить, что море переплыть.

Жизнь исжить—и другихъ бить, и бити быть.

Смерть не все возметъ, только свое возметъ (т. е., плоть).

Смерть животы кажетъ (и какъ жить покажетъ).

Животъ животы даетъ, а смерть все отберетъ.

Дѣдушка умереть—ничего съ собою не возметъ.

Умеръ, ничего съ собою не возмемъ.

Что копили, того не заберемъ, а о чемъ не пеклись, то съ со-
бой понесемъ.

Хочешь жить, такъ потягивайся; а станешь умирать, такъ ска-
зывайся!

Промежъ жизни и смерти и блопка не проскочетъ.

Отъ жизни до смерти — шатокъ.

Отъ бани до мазарокъ (могилокъ) недалече.

Умрется — все минется. Помремъ — все хорошо будетъ.

День дологъ, а вѣкъ коротокъ. Смерть досуговъ не разбираетъ.

Живучи — до всего доживешь. Живи — и не то еще увидишь.
 Поживи подольше, такъ увидишь побольше!
 Поживи съ наше — увидишь еще краше.
 Поживешь — и Кузьму отцомъ назовешь.
 Поживи на свѣтъ, погляди чудесь!
 Вѣкъ живи, вѣкъ учись (а умри дуракомъ).
 На долгомъ вѣку накланяешься и падогу (посоху).
 Поживешь на вѣку — поклонишься и быку (и Кореляку).
 Вѣкъ протянется, на всякаго (всякому) достанется.
 Вѣкъ дологъ — всѣмъ полонъ. Жить вѣкъ — и такъ и э'къ.
 И наплачешься, и напляшешься, накашляешься и начихаешься.
 Въ водѣ черти, въ землѣ черви, въ Крыму Татары, въ Москвѣ
 бояре, въ лѣсу сучки, въ городѣ крючки: лѣзть къ мужику (къ
 мерину) въ пузо: тамъ оконце вставишь, да и зимовать себѣ станешь.
 Жизнь изжить — не лапоть сплести. Вѣкъ изжить — не мѣхъ сшить.
 Вѣкъ изжить — не рукой махнуть (не рукавицей тряхнуть).
 Жить — не сѣно трясти, а надо домокъ свести.
 Побѣзжай, хоть куда: вездѣ доли худа (одна).
 Надобно жить, какъ набѣжить (т. е., довольствоваться, извора-
 чиваться).
 Не надобно жить, какъ набѣжить (т. е., стараться, искать лучшаго).
 Вѣкъ — долга недѣля. На вѣку — что на долгомъ волоку.
 Однимъ волокомъ (разомъ, приемомъ) вѣка не проживешь.
 Въ однупрядь (отъ прясть) вѣку не переживешь. Въ оцнупрядку
 (отъ упряжка) вѣку не проживешь.
 Пришло чернецу къ одному концу.
 Пахнуть ладаномъ; дышать на ладанъ.
 Въ немъ смерть уже гнѣздо свила.
 Только за саваномъ не умираеть.
 Сложить голову, — головушку, — буйну головушку.
 Нить жизни. Отрѣзать, отсѣчь нить жизни (кнѣжи).
 Порѣшили (уходили, укачали) бурку крутыя горки.
 Онъ исподъ святыхъ всталъ (т. е., ожилъ отъ тяжелой болѣзни).

И изъ насей встають. Помираеть да не померь — живъ.
 Горькия похороны, когда жена мужа хоронить.
 На кого ты насъ покидаешь, кому насъ порунаешь (плачь)?
 Плачу, плачу, а въ землю причу..
 Умерь да лежить; а некому потужить.
 Умирать — не лапти ковырять (т. е., не мудрено): легъ надъ обра-
 за, да выпучилъ глаза, и дѣло съ концемъ..
 Воры не бывали, а битишку украли.
 На томъ свѣтъ, — въ лазаретъ (Надесте);
 Приказалъ (паянаться и) долго жить. Поминай; какъ овали!
 Курносая со двора потуркала. Турнула курноска со двора..
 Ушелъ въ Еринову слободу (утонулъ).
 Припиши его въ поминальную книжку (т. е., овъ ослѣпчалъ).
 Поднала хвостъ, да пошла на погостъ.
 Плетью (розгой) въ могилу не вгонить, а: каляемъ не выгонимъ
 (не выманить).
 Мертвые съ погоста не ходять..
 Мертвымъ (мерзлымъ) тѣломъ: хоть заборъ подпирай!
 Мертвыхъ на погостъ; хоть и въ великій: жать:
 Въ мертвой животный яду: нѣтъ (т. е., вѣтъ можно).
 Изъ за гроба нѣтъ голоса (нѣтъ вѣсти).
 Мертвому тимпанъ не покуда..
 Мѣняваго дощенишь, соннаваго: добуднишь, а мертваго: не до-
 клчишься.
 Померь, такъ погнилъ.. Умерь — не гrieveтъ.
 Усопшему миръ, а лекарю пиръ.
 Земной быть — не всему конецъ. Смерель: душь просгоръ.
 Тебѣ, тѣлу, во землѣ лежать, а микъ, душь, да отвѣтъ нги.
 Что припасла душа, то и на тотъ свѣтъ понесла.
 Грѣхъ — не смѣхъ, когда придетъ смерть.
 Смерть: зальнъ, а добрымъ: вѣчная память.
 Заму, — смерть, а доброму: — воскресеніе.
 Каково житье, таково и на томъ: свѣтъ житье.

Каково житье, такова и смерть.

О шую да о десную не по чинамъ пойдутъ.

Комуждо по заслугамъ его воздастся.

Проси Творца, чтобъ не лишиль добраго конца!

Миромъ покрыть (т. е., похоронъ), съ миромъ заснуть.

Пропѣли: «Со святыми упокой!» такъ всему конецъ.

Царство небесное, вѣчный покой; вѣчная память!

Дай Богъ, чтобъ земля на немъ легкимъ пухомъ лежала!

Упокой, Господи, душеньку, прими земля косточки!

Дай Богъ легко въ землѣ лежать, въ очи Христа видать (на вешнякѣ)

Какъ живемъ, такъ и умираемъ. Кто какъ живетъ, такъ и умираетъ

Последніе будутъ первыми.

Не бой его косточка во сырой землѣ!

Покойника не поминай лихою! Не тѣмъ будь поминуть покойникъ

Костями не шевели! Миръ праху, костямъ упокой!

Дадимъ мертвымъ покой! О покойникъ худа не молви!

Мертвымъ покой, а живымъ живое (а живому забота).

Насилу Ненилу свалили въ могилу.

Онъ чужой вѣкъ живетъ (доживаетъ). Онъ чужой вѣкъ заѣдаетъ

За него ужъ на томъ свѣтѣ провіантъ получаютъ (содатек.)

Не отъ зелья умираютъ, отъ смерти.

Приживчявое дерево изъ тычка растеть.

Живучъ какъ кошка. Живучій сразу не умираетъ.

Его ни что не беретъ (и пуля не беретъ).

Не беретъ его ни отваръ, ни присыпка.

Его съ разу не похоронивъ.

Онъ какъ застрахованный. Ровно двухжильный.

Жизнь — сказка, смерть — развязка, гробъ — коляска, покойни не
тряска, садись да катись (книжки.)!

Обмывать мертваго грѣшно: нечистый на томъ свѣтѣ увидеть (Ворон.).

Напередъ покойника въ могилу бросаютъ грошь, для закупки
мѣста на томъ свѣтѣ (Воронежск.).

Кто печетъ блины на поминки, печется о насыщеніи души покойника.

Молодость молодостью и провожай!

Если умереть дѣвица, на похоронахъ раздають дары (т. е., какъ на свадьбѣ. Тверск.).

За кѣмъ долгій конецъ, тому долго и жить (когда ломають вдвоемъ косточку, или пирогъ).

Сколько разъ чихнешь въ именины свои, столько лѣтъ проживешь.

Сколько разъ кукушка на тощакъ кого окукуетъ, столько лѣтъ жить.

У кого крошки изо рта валятся, тотъ скоро умереть.

Когда ноги теплы у покойника, то зоветь за собою.

Переносье свербить — къ смерти родни.

Дятель избу долбить — къ смерти семейнаго.

Шелкова трава заплетаетъ слѣдъ, — знать моего милаго въ живыхъ нѣтъ.

Три свѣчи на столѣ — къ покойнику.

Кто скоро засыпаетъ, не долго проживетъ.

Покуда покойникъ въ домѣ, ставить чашечку водицы на переднее окно, на обмывку души.

За упокойной трапезой ничего хмельнаго не подаютъ (?).

Въ сороковины покойникъ обѣдаетъ въ послѣдній разъ за ховаянскимъ столомъ (для чего и ставятъ ему приборъ, кладутъ ложку. Ярослав.).

Знать онъ покойника перешелъ (т. е., нуть его, передъ гробомъ; отъ этого болѣзнь его входитъ въ того человѣка).

Душа умершаго шесть недѣль на землѣ живетъ (почему, по истеченіи этого времени, пекутъ лѣсенки, чтобы душѣ лѣзть на небо).

Сорокъ недѣль въ тюрьмѣ сидѣлъ, да годъ со днемъ на висѣльницѣ висѣлъ (человѣкъ, родель).

Сидитъ утка на плоту, хвалится Казеку: никто меня не пройдетъ, ни царь, ни царица, ни красна дѣвица (смерть).

Несутъ корыто, другимъ покрыто (гробъ).

- Женихъ отъ рубля (гробъ; по днѣмъ гроба: у крестьянъ).
Тягъ-тягокомъ, подъ бѣлымъ платкомъ (смерть).

Вселенная — тлѣнь — суета.

- Мудрено сотворено. Премудры дѣла Твои, Господи.
На семи поясахъ Богъ поставилъ звѣздное теченіе.
Надъ семью поясами небесными самъ Богъ, вѣршше Его Покровъ.
На первомъ поясѣ: небесные ангелы, на второмъ архангелы, на 3-мъ начала, на 4-мъ власти, на 5-мъ силы, на 6-мъ господства, на 7-мъ херувимы, серафимы и многочестія...
Мірѣ — нетлѣнная риза. Небо — нетлѣнная риза Господня.
Небо — престолъ Бога, земля — подножіе...
Небо — теремъ Божій; звѣзды — окна, откуда ангелы смотрять.
Земля на трехъ китахъ (рыбахъ) стойтъ...
Китъ-рыба подѣ землей дрожитъ (иде: на другой бокъ переваливается; о землетрясеніи).
Солнце — князь земли, луна — княжна.
Мѣсяцъ — Казачье солнышко.
Хорошо солнышко: лѣтомъ печеть, а зимой не грѣетъ.
Старый мѣсяцъ Богъ на звѣзды крошитъ.
Что это за мѣсяцъ? Когда свѣтитъ, а когда нѣтъ.
Свѣтитъ, да не грѣетъ; только напрасно у Бога хлѣбъ ѣсть.
По звѣздамъ карабли ходять.
Мѣтлы (звѣзды) небо подметають перадъ Божьими стопами.
Земля мать — подаетъ кладъ.
Мірѣ, что огородъ: въ немъ все растеть.
Земля; вода — останутся; а насъ не будетъ.
Иерусалимъ есть пупъ земли.
Всѣмъ рѣкамъ рѣка Ератъ (Евратъ). Всѣмъ горамъ гора Аворъ (Оаворъ). Всѣмъ древамъ древо кипарисъ. Лезъ: свѣрь: всѣмъ свѣрямъ царь. Всѣмъ птицамъ птица орелъ.

Изъ свѣтлаго рая, да на трудную землю.

Этотъ свѣтъ, что маковъ цвѣтъ: днемъ цвѣтеть, а ночью опадаеть.

Всякая слыва человеческая: ищеть цвѣтеть.

Суета суетъ и всяческая суета. На суету и смерти нѣтъ.

И сей день не безъ застрашяго.

Это все травой поросло (поростеть).

Міръ — волна. Мірская волна — морская волна.

Въ міру, что въ пиру: всего много (т. е., и добра и худа).

Вольный свѣтъ на волю дашь. Въ мірѣ, что въ морѣ.

Въ міру, что на юру (на тору).

Все на свѣтъ творится благостию Божіею, да глупостию человеческою.

На человеческую дурость есть Божья премудрость.

Міряне — родомъ дворяне: на шеѣ красна нѣтъ, а табакерка серебряная.

Свѣтъ великъ, а дѣться немуда. Велишь свѣтъ, а тѣошь.

Не миль бѣлый свѣтъ — бѣги въ темный лѣсъ!

Въ мірѣ жить — мірское (рядовое) и творить.

Боже мой, Боже, всякій день тоже: солнце встанеть — хочеться ѣсть.

Боже мой, Боже, всякій день тоже: полдень приходитъ, обѣдать пора.

Боже мой, Боже, поѣдимъ, поспимъ, да опять за тоже.

Одно нынче лучше двухъ завтра.

Брѣхно влодѣй: стараго добра не цѣнятъ.

Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человекъ, гдѣ лучше.

Недосуги земли — ничего не выдали; а будетъ досугъ, когда вонъ понесутъ.

Досугъ будетъ, когда насъ не будетъ.

Полно спать: пора на тотъ свѣтъ запасать.

За недосугоиъ, когда ни будь безъ покаванія умрешь.

Многая лѣта, а многихъ ужъ и нѣтъ.

Проживемъ на свѣтъ — не долги наши вѣки.

На самъ свѣтъ мы въ гостяхъ гостимъ.

Здѣшній цвѣтъ ищущій. Подъ нами тлею (тлѣномъ) пахнетъ.

Земля еси и въ землю отыдеши.

Червь капусту съѣдаетъ, а самъ прежде пропадаетъ.
 Въ одномъ перѣ въѣку не можешь. И гусь (и лошадь) лмцаетъ.
 Въ одной шерсти и собака не проживетъ. Въ одной шерсти не
 пробыть.

Въ одной шкурѣ выходишь, въ одной шерсти не выживаешь.

Все минется, одна правда останется.

Это вешній ледъ (т. е., не надежно). Все вдругъ промало, какъ
 вешній ледъ (какъ въѣк не бывало).

Нынѣ корова, а завтра стерва. Нынѣ конь конемъ, а завтра —
 колъ коломъ.

Изъ большихъ хоромахъ — не знаемъ, куда попадемъ.

Изъ палатъ въ землянку, а душеньку въ ляжку.

Была хорошая, да по буднямъ нанашена (анашена).

Снова сарафанъ на колочкѣ, а обносится — въ комочкѣ.

Нашъ народъ по буднямъ затасканъ.

Какъ ни было (или: болѣло), да умерло.

Всякая могила травой зарастаетъ.

По вечеру пороша выпадала: ко бѣлу свѣту и порошица прошла.

И быстрой (и большой) рѣкѣ слава до моря.

Годъ на годъ не работникъ (не шорук).

Который день прошелъ, тотъ до насъ доишь.

Не нажать тѣхъ дней, кои прошли. Пролетѣла пуля — не вернется.

За ночью, что за годомъ. За годомъ, что за въкомъ

Къ веснѣ — куда хлеснетъ (т. е., будущее неизвестно).

Все на свѣтѣ крыто корытомъ (или: корытомъ покрыто).

Сколько клѣтокъ поставилъ, знаю; а сколько куницъ поймаю,
 не знаю.

Когда зная — знаю, когда отдамъ — не знаю.

Почемъ знать, чего не знаешь.

Старуха на двое сказала. Всякая вещь о двухъ монетахъ.

Баба ворожила, да на двое положила. Тетка Арина на двое говорила.

Либо дождь, либо снѣгъ, либо будетъ, либо нѣтъ.

Это вилами писано (на двое), да еще и на водѣ.

Палка о двух концахъ: либо ты меня, либо я тебя.

Книжь бобами, будетъ ли за нами? Чѣмъ то Богъ порадуетъ?

Знать бы знать—не ходить бы въ рать (не ложиться бѣ спать).

Знать бы, гдѣ пасть, такъ бы соломки подестлать.

Не угадаешь, гдѣ упадешь, гдѣ встанешь.

Ни отъ сумы, ни отъ тюрьмы не отрекайся!

Съ сумой да съ тюрьмой никогда не бранись (самъ попадешь)!

Съ сумой да съ тюрьмой не напрощаешься.

Годъ—житейскій, день—въ святцахъ, а мѣсяцъ на небѣ (т. е., неизвестно когда, о будущемъ).

Еще до той поры много воды утечетъ.

Жениться—не чихнуть: можно напередъ сказать.

Пока травка подростеть, воды много утечетъ.

Поколѣ солнышко взойдетъ, роса выгѣсть глаза.

Пока мирный искудаетъ, изъ худаго духъ вонь (худаго чортъ возьметъ).

Тогда плясать придется, когда ужъ ногъ не станеть.

Дуга моя въ лѣсу растеть, возки на лутошкѣ.

Дней много, а все впереди. Дни впереди, да зацѣпаны пироги.

Чѣмъ чортъ не шутить. Нѣкошнѣй пошутить—чего не нашутить.

Послѣ дождика въ четвергъ.

На то лѣто, не на это, а на третій годъ, когда чортъ умреть.

Въ Вознесенье, когда будетъ оно въ воскресенье (т. е., никогда).

Дождись Юрьева дня, когда ракъ свинометь.

Когда волкъ будетъ овцой, медвѣдь стадоводникомъ, свишня огородникомъ.

Когда на морѣ камень всплыветь, да камень травой поростеть, а на травѣ цвѣты расцвѣтуть.

Когда песокъ на камнѣ взойдетъ.

Когда чортъ помретъ; а онъ еще и не яворалъ.

Тогда ему жениться, когда быки имутъ телятъся.

Спаленое (пожарище) долго пакнетъ. Нѣтъ огня, да огнище знать.

Ни огня безъ дыму, ни дыму безъ огня. Полюмя не безъ дыму.

Отъ этого гусара долго чилаться будетъ (гусарь—былинка въ носъ).

Гдѣ деготь обываетъ — тамъ скоро духъ выведешь.
Тридцать лѣтъ, какъ видѣлъ коровѣй слѣдъ, а все молодкомъ
отрыгается.

Что-то рыгается, вспоминается — знать коровѣй донть дора.

Схватилаь мачиха о насынкѣ, когда медъ прошелъ.

Старая любовь долго помнится.

Вшь конь сѣю, поймай красное лѣто.

По старой памяти, какъ по грамогѣ.

Много помнится, да не воротится.

Попомни, поповна, какъ по пожнѣ шла (члстоговорка).

Про волка рѣчь, а онъ навстрѣчь. Сѣраго помянулъ, а сѣрый здѣсь.

На поминѣ легокъ. Въ руку сонъ.

Пѣтухи запѣли: жемиться пора!

Отъ слова не сбудется, а по слову обывается.

Гулять пойдешь, проста домой не придешь (верожба Цыганки).

Что ни будь да будетъ (да выйдетъ).

Такъ не будетъ, а ужъ какъ ни будь да будетъ.

Шипить да дуеть, что-то будетъ. Мужъ нуеть, жена дуеть, что-
то будетъ.

Что безъ насъ было — слышали, что при насъ будетъ — увидимъ.

Далекая пора, старина. Мохогъ поросло, не видать.

Видѣли друга, увидимъ и недруга.

Что было, то видѣли; что будетъ, увидимъ.

Увидимъ, сказааь слѣдой; услышимъ, поправилъ глаукой (а по-
койникъ, на столѣ лежа, прибавилъ: до всего доживемъ):

Жили люди до насъ, будутъ жить и послѣ насъ.

Что было, то видѣли; что будетъ — увидимъ; а еще и то будетъ.
что и насъ не будетъ (что ничего не будетъ).

Что было, то прочее; что будетъ, придетъ.

Что было, видѣли дѣла; что будетъ: увидать звуки.

Посмотримъ, а впредь загадывалъ ничего: Напередъ не загадывай!

Дастъ Богъ доживемъ, такъ увидимъ.

Это были одни дѣтки, теперь войдутъ ягодки.

Не то мудрено, что переговорено, а то, что не договорено.

Не угадаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

Напередъ не угадаешь, кому по комъ плакать.

Предки у Бога въ рукахъ (т. е., будущее).

Спущенъ корабль на воду, сданъ (отданъ) Богу на руки.

На чану (на суслѣ) пива не угадаешь.

Теперь такъ, да послѣ то какъ?

Такъ-то такъ, да вонъ-то какъ (мужикъ борону изладилъ въ избѣ, а она въ дверь не идетъ).

Обойдется, оботрется — все по старому поидеть.

Перемелется, — все мукá будетъ. Перекуется — сварится.

Еще какъ-то перемелется, и какова-то мукá будетъ.

Не то сметется, не то скружится. Не то скинится, не то разсыплется.

Что ни день, то новость (то радость).

И знать по цвѣтѹ (хлѣбъ), что идетъ къ матѹ.

Завтрежнему дню не вѣрь! Завтрему не вовсе вѣрь!

Завтра—воръ авоська, обманеть, въ лѣсъ уидеть.

Кой день пришелъ, тотъ до насъ дошелъ, а кой впереди, тотъ и берега (того и берегись)!

Не много день до полдень. Пождемъ до вечера, поѣдимъ печива.

Долго ль до вечера, кричала квакушка? Долго ль до зореньки тосковалъ соловушекъ.

И масляна не на вѣкъ достается. Не на вѣкъ и Святая недѣля.

Какъ ни ликовать, а бѣды (а смерти) не миновать.

Сей день не безъ завтра. Седни (сегодня) не безъ заутрiя.

У завтра нѣтъ конца. Завтраками свѣтъ стоитъ.

Завтраками не кормить. Завтраками сытъ не будешь.

И новая пѣсня старѣется. Одно золото не старѣется.

Старое старѣется, а молодое растеть.

Какова ни будь красна дѣвка, а придетъ пора — выцвѣтеть.

Ощипалъ было голубка, да ояль летки подросли.

Весна все покажетъ. Весна да лѣто, пройдетъ и не это.

Чрево (утроба) всѣ грѣхи скажетъ (т. е., беременность).

Не отвалится (не отсохни) голова, вырастетъ и борода.

Была бы голова, будетъ и борода (и булава).

Дѣло-то забывчиво, а тѣло-то заплывчиво.

Была шуба — въ шубѣ хаживали; нѣтъ шубы — шубу нашивали.

Былъ бы быкъ, а мясо будетъ. Былъ бы лѣсъ, а топоръ същемъ.

Были бы хоромцы, будутъ и знакомцы (и питомцы).

Было бы болото, а черти будутъ. Былъ бы лѣсъ, будетъ и лѣпшій.

Была бы изба, будутъ и тараканы. Была бы шуба, а вши будутъ.

Было бы толоконце, а толоконнички будутъ.

Были бы пирожки, будутъ и дружки. Были бы бобры, а ловцы будутъ.

Была бы невѣста, а сваха будетъ (и на оборотъ).

Было бы сѣмячко, будетъ и пѣночка.

Была бы собака, а палку найдемъ (и на оборотъ).

Была бы голова, а шолуди будутъ (а петля будетъ).

Была бы голова, а хвостъ будетъ. Была бы голова, доищемся и хвоста.

Была бы нитка, дойдемъ и до клубка.

Было бы кому врать (была бы охота врать), а слушать стануть
(и на оборотъ).

Были бы врали, а что врать, същуть.

Были бы игрушки (побрякушки), будутъ и прислужки.

Былъ бы мѣшокъ, а деньги будутъ (и на оборотъ).

Была бы охота — найдемъ и доброхота.

Былъ бы крюкъ, а веревку найдемъ (чтобъ удавиться).

Была бы шел, а веревку същемъ.

Были бы пѣсни, будутъ и пляски. Кто плясать охочъ, погудку същеть.

Было бы суслице, доживемъ и до бражки.

Было бы вино, а пьяны будемъ.

Была бы брага, а во что слить найдемъ.

Была бы свинка, будутъ и поросятки (будетъ и щетинка).

Было бы начало, будетъ и конецъ.

Встарь люди были умнѣе, а нынѣ стали веселѣе.

Жили старые дураки — поживуть и молодые.

Хоть по старому, хоть по новому, а безъ хлѣба не прожить.

Новыхъ друзей наживай, а старыхъ не теряй!

Своихъ друзей наживай, а отцовскихъ не утрачивай!

Новаго счастья ищи, а стараго не дерай!

Новаго друга желай, а стараго (счастья) не избывай!

Добро помни, а зло забывай! Старое добро и во снѣ хорошо.

Кто старое вспоминаеть, тому глазъ вонъ.

Кто старое (т. е., зло) вспоминаеть, того чортъ на расправу потянетъ.

Что прошло—поминать на что?

Поминать старое — шевелить костыи.

Бывали были: и бояре волкомъ были.

Встарь бывало, собака съ волкомъ жила.

Приходящее сегодня, сего дня и да отыдетъ!

Не поминай лихо! Не безчести поминаю!

Лучше насъ найдешь — насъ забудешь; а хуже насъ найдешь — насъ вспомнешь.

Предать волѣ Божьей (т. е., забыть, оставить безъ послѣдствій).

Грѣхъ въ орѣхъ, а ядро — въ ротъ.

Грѣхъ въ мѣхъ, да въ мѣшокъ, да въ лубокъ, да подъ лавку.

Куда ночь, туда и день. Пора — проточная вода.

Быль молодцу не безчестье (не укора). Была вина, да прощена.

Была подъ вѣнцомъ — и дѣло съ концомъ.

До сватьбы заживеть. Засохнетъ, какъ на собакѣ.

Сколько лѣтъ, сколько зимъ прошло! Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались.

Давно ль не видались? Да какъ растались.

Загнуть палецъ; завязать узелокъ; нарубить себѣ на посохъ; положить бумажку въ табакерку (не забыть, припомнить).

Быть тебѣ (ему) семь вѣковъ на людскихъ памятихъ.

Которая корова пала, та по два удоя лавала (т. е., ее долго поминаютъ).

Что ни лучшая корова — ту и волкъ зарѣзалъ (медвѣдь задралъ).

Ждемъ, пождемъ, авось и мы свое найдемъ.

Въ кои вѣки разъ, да и то не про насъ.

Хоть рѣдко, да мѣтко. Хоть жду, да дождусь.

Сплошь да рядомъ; разъ въ разъ.
 Все до поры до времени. До поры — у норы, а въ пору — въ нору.
 Старое по старому, а вновь ничего.
 Гдѣ былъ, тамъ нѣтъ, а гдѣ шелъ, тутъ слѣдъ.
 Былъ — не былъ, жилъ — не жилъ, знать, что пропалъ.
 Блины пекла, да со двора стекла.
 Была и капуста, а стало пусто. Было густо, стало пусто.
 Былъ сношъ казистъ, да вымолоченъ, кажись.
 Была липка, стала лутошка.
 Лихо полегло, добро не приспѣло.
 Краснѣ, да полвилло; умно, да поветшало.
 Еще мѣсто тепло. Еще и мѣсто не простыло. Только слѣдъ простылъ.
 А гдѣ наши саночки? Либо пропали, либо ихъ не бывало.
 Гнѣздо цѣло, а птицы улетѣли.
 Пѣвали и мы эту пѣсню, да устали.
 Экъ куда хватилъ! Семиболярщину припомнилъ (на Москвѣ).
 Этотъ сарафанъ давно по ниткамъ разобранъ.
 Эта дыра при старомъ воеводѣ была.
 Дошли до глухаго вѣсти (что украли пѣтуха съ насѣсти).
 А что мнѣ (а что кому забота) до ланскаго снѣга?
 Не страшны злыдни за горами (прошле).
 Не страшны злыдни въ три дни, страшны въ три года (вперед).
 Что на людяхъ живетъ, то и насъ не минеть.
 И крута гора, да забывчива, и лиха бѣда, да сбывчива,
 Всякому свой вѣкъ нравенъ (или: не нравенъ, т. е., прежде лучше было).
 Живи по старому, а говори по новому!
 Живи по старому, проживешь дольше; мели по новому, намелешь
 больше (объ улучшенияхъ въ хозяйствѣ).
 Старого дурака не перемоложивать стать.
 Старого не молодить, а лобанить.
 Старо — упрямо, несдружливо; молодо — гусливо, незаботливо.
 Старый гудочникъ на старый ладъ.
 Ходить по старинѣ, а парикъ на сторонѣ.

Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.

Что старѣе, то глупѣе (то хуже). Старые дураки глупѣе молодыхъ.

Старь у старухи осталась, да съ нею и умереть.

Отъ старыхъ дураковъ и молодымъ житья нѣтъ.

Старые дураки молодыхъ со свѣту сживаютъ,

Отъ ветоши молодой травѣ ходу нѣтъ. Ветошь глушить.

Добра была голова, да слава Богу, что земля прибрала!

На нови хлѣбъ сѣютъ, на старь навозъ возять.

Снова и ложка красна, а охлебается, подъ лавкой (подъ горой) навалается.

Новая ложка — съ полочки на полочку, а состарѣется — по полавочью навалается.

Снова сарафанъ на все пригожается, а обносится — по подлавочью навалается.

Снова ситець на колочкѣ нависится, состарѣется — подъ лавкой навалается.

Старая плетка подъ лавкой лежитъ, а новая на стѣнкѣ виситъ.

Чѣмъ старѣе серпъ зубритъ, не лучше ли новый купить?

Лапотъ на ногахъ, ошметокъ на задахъ.

Времена и лѣта нынѣшняго свѣта.

Много новаго, да мало хорошаго. Что новизна, то и кривизна.

Всегда новизна, да рѣдко правизна. Много новизны, да мало прямыны. Все по новому — а когда жъ по правому?

Первыхъ щенять за тынь бросають. Первую пѣсенку зардѣвшись спѣть.

Даромъ что сегодній (сегодняшній), а никуда не годный.

Нынѣ хлѣбамъ-то не родъ, а баламъ-то не водъ.

Не мятое тѣло попало въ дѣло. Первинка нѣженкѣ горька.

Пропадай и тотъ, кто это выдумалъ!

Кафтанъ-то новый, да дыры-тѣ стары.

Крой новый кафтанъ, а къ старому примѣрай!

На новоселье всегда живетъ веселье.

Новая новинка, первая первинка (при новинѣ, новомъ хлѣбѣ).

И погъ новину любить (зидатъ по дворахъ собирать хлѣбъ).

Нову новинку на стару брюшинку.

Съ обновкой поздравляю. Дай Богъ носить, не изнашивать! Зло-
рово носить! Дай Богъ износить, да еще много перекроить!

Конякъ бы не изѣждиваться, цвѣтну платцо не изнашиваться.

Мало ли что бывало, за кѣмъ наше не пропадало?

Молодъ былъ, конемъ слылъ; старъ сталъ, одерь сталъ.

И отѣнокъ сапогомъ, и ошметокъ лаптемъ слыли.

Былъ конь, да уѣздили (изѣздили). Уходили (укачали, умыкали)
бурку крутыя горки.

Было, да на низъ слыло. Было, да слыло. Что было, то слыло.

Было, было, да на низъ поворотило.

Гдѣ былъ, теперь нѣтъ; гдѣ шелъ, тамъ слѣдъ; гдѣ былъ, тамъ
нѣтъ.

Было, да быльемъ поросло. Мало ли что было, да быльемъ поросло.

Былое (наше былое) быльемъ поросло (поростаеть).

И могила дерномъ поростаеть. Всякая могила задеригѣть.

Было мыло, стало сало. Сало было, стало мыло.

Было стрижено, а теперь брито. Бывало стригали, а нынѣ под-
бриваютъ.

Много съ тѣхъ поръ воды утекло; много воды утечетъ до того.

Французу давно слѣдъ простылъ (1812 г.)

Чьего поля Французы костями своими не усѣяли?

Была пора, а теперь время. То было время, а нынѣ пора.

Хороша слобода, да крапивою поросла.

Это было при дѣдушкѣ Мирошкѣ, когда денегъ было трошки (не
множко).

Давно, когда царь Горохъ съ грибами воевалъ.

Вспомнила баба свой дѣвничникъ. Давно, когда еще баба дѣвкой была.

Давно, когда еще бабушка внучкой слыла. Когда на бабушкины
кстины кашу варили.

Была когда-то баба дѣвкой, да давно.

Бывало и я (говорить старушка) косу заплету, межъ ногъ пропущу,
да въ зубы возьму.

Этой ягодѣ сорокъ два года. Былъ хлѣбъ, да сталъ засушенкою.
 Тотъ же блинъ, да подмазанъ. Тотъ же Савка, на тѣхъ же санкахъ.
 Тѣхъ же щей, да пожиже влей!
 Старая пѣсня (погудка, дудары) на новый ладъ.
 Слышали мы эту пѣсенку. Пѣта бяху (семинарск.)
 Говорить бѣлы семигодовалы.
 Эта пословица послѣ (отъ) Ивана Петровича.
 Медвѣдь-то новый, да поводительщикъ-то старый.
 Эти козы (рога) были на нашемъ торгу.
 Это насиженные яйца. Про это ужъ и собаки не лаютъ.
 Наши отцы и дѣды того не дѣлали, да и намъ не велѣли.
 Старики, чай, не меньше нашего знали (отвѣтъ на всякое ново-
 введеніе, вразумленіе).
 Какъ жили дѣды да прадѣды, такъ и намъ жить велѣли.
 Не сегодняшне, вчерашне, да и не нами сталося.
 Не нами уставлено, не нами и переставится.
 Жили дѣды такъ, и мы проживемъ. Такъ жили отцы и дѣды наши.
 Какъ отцы и дѣды наши, такъ и мы. Отцы и дѣды наши не
 знали этого, да жили же не хуже нашего.
 Споконъ вѣку, какъ свѣтъ стойтъ, такъ истари повелось.
 Пускай будетъ по старому, какъ мать поставила.
 Прошлomu не кайся: скоро состарѣешься.
 Скозеная (сколоченая, битая) посуда два вѣка живеть.
 Городъ чинять, не только рубашки.
 Царь-Государь и городъ платить (т. е., чинить).
 Далъ бы Богъ помолодѣть, зналъ бы какъ состарѣться.
 Кабы старыхъ (бывалыхъ, т. е., искусившихся) стали рожать, такъ
 бы и житья не было.
 Битаго, пролитаго, да прожитаго не воротись.
 Прожитаго не пережить, а прошедшаго не воротить.
 Прошлаго не воротись (не на коняхъ, не заворотись).
 Вчера не догонишь, а отъ завтра не уйдешь.
 Было у бабы съ рубль, да не вдругъ.

Быль и медъ, да гости выпили.

Была и кошурка, да ушла въ печурку.

Выпили пиво о Маслянѣ, а съ похмелья ломало послѣ Радуницы

Были веселы, да головушки повѣсили.

Были и кости, да всѣ на погостѣ. Были кости, да легли на погостѣ

Было и масло, да все изгасло.

Быль и конь по двѣнадцати мордокъ (попреданію, мордка — полуполушка

А гдѣ тотъ хлѣбъ, что вчера съѣли?

Было варено, было и говорено.

Вчера варена, вчера и выхлебана.

Были хлѣбѣ, да полегли (были и скирды, да перетрясли).

Восейка, какъ родился Мосейка.

Была сила, какъ за крюкишемъ носила (т. е., за плечами).

Хороша была цоконица. Хороша шла, не поклонилася; грош давалъ, не воротилася.

Поминай какъ звали, кого вчера погребали!

Кудри вились, да долой свалились. Были кудри, да посклвсь.

Быль и панъ, да пропалъ. Быль городъ, осталось городище.

Быль мужичокъ, да померъ; была и кляча, да изъѣдилася.

Была правда, когда-то, да извелась (излежалась).

Была, сказываютъ, и правда на свѣтѣ, да не за нашу память

Что съ возу упало, то пропало. Юркнуло, такъ потонуло.

То пропало, что въ море упало. То прошло, что въ воду ушло

Быль со всѣмъ, а сталъ ни съ чѣмъ.

Пало теля, миновалось племя. Хоръ воръ, перевелъ кур .

Бывали у вороны большія хоромы, а нынѣ и кола нѣтъ.

Быкъ да козелъ — былъ, да пошелъ.

Хоть и наше бывало, да къ намъ не пошло.

Зацѣпилъ — поволокъ, а сорвалось — не годилось.

Зацѣпилъ — потащилъ, а сорвалось — не ко двору пришлось.

Давность — не малый свидѣтель (старый свидѣтель).

Чья воля старѣе, та и правѣе (т. е., право владѣнія).

Прадѣды ѣли просто, да жили лѣтъ по сту.

Дѣды наши жили просто, да лѣтъ со сто, а мы пятьдесятъ, да и то на собачью стать.

Наши прадѣды живали—медъ пиво пивали, а какъ бражки жбанъ—старичокъ нашъ панъ.

Дѣды наши живали—медъ пиво пивали, а внуки живутъ—я хлѣба не жуютъ.

Наши дѣды живали, да медъ пивали, а мы живемъ—ни ѣдимъ, ни пьемъ.

Было житье, ѣда да питье; нынѣ житья—ни ѣды, ни питья.

Прежде жили—не тужили; теперь живемъ—не плачемъ, такъ ревомъ.

Было житье, ѣда да питье; нынѣ житье—какъ всталъ, такъ и за вытье.

Умерла та курица, что несла золотыя яйца.

Дѣды не знали бѣды, да внуки набрались мѣки.

Старики вымерли—насъ не дождались; молодые родились—насъ не спросились.

Старые пророки вымерли, а новые не нараждаются (а новые правды не сказываютъ).

Было добро, да давно; ждать добра, да долго (да гдѣ оно?).

Было добро—миновалось; будетъ добро—того ждать долго.

Было добро, да давно; а будетъ впередъ, да горе беретъ.

Старое добро миновалось, до новаго дожить не досталось.

Было добро, да давно; опять будетъ—да ужъ насъ не будетъ.

За короля Саса (Саксонскаго) было и хлѣба и мяса, а сталъ Понятовскій—и хлѣбъ не таковскій (и все по чертовски. Въ Бѣлорусіи и Литвѣ).

Въ старые годы бывало, и баба кашу ѣдала.

Было времечко, ѣла кума (клевала кура) сѣмечко; а теперь поѣла бы и лужги, да боятся мужа брюзги.

Бывало времечко, и мы ѣли сѣмечко; а теперь и толкутъ, да намъ не даютъ.

Было времечко, цѣловали насъ дѣтей въ темечко, а нынѣ въ уста, да и то ради Христа.

Старина, старина, да до насъ не дошла.

Была нажива, осталась недожива.

Что старина, то и дѣляне. Старина, что диво.

Старина съ мозгомъ. Гдѣ старья, тамъ и статья. Добрая старина, святая.

На старый хмель хотъ воды взлей, пьянь будешь (хотъ дрожжи слей — и брага).

Хороша живетъ и старая погулка. Лѣтось (прошлѣе) нынѣшняго лучше. Старинка полюбнѣе была.

Стариннаго закалу (покроу; старосвѣтскій человекъ).

Тряхнуть стариной. Пovyтрясти старинушку.

Не намъ началось, да на насъ оборвалось.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Рыбамъ вода, птицамъ воздухъ, а человекъ вся земля.

Въ мирѣ, что въ морѣ. Въ мирѣ, что въ омутѣ: ни дна, ни покрывки.

Миръ во злѣ (во лжи) лежитъ. Миръ въ суетахъ, человекъ во грѣхахъ.

Богъ — что захочетъ, человекъ — что сможетъ.

Всѣ мы люди, всѣ человекѣ. Что ни человекъ, то и я.

И я (и онъ) такой же человекъ.

Всѣ мы по поясъ люди (т. е., на половину, а тамъ, скоты).

Пьемъ, ѣдимъ, какъ люди: чѣмъ мы нелюди?

Духъ бодръ, да плоть немощна.

Человекъ — не ангелъ (не Богъ). Каковы вѣки, таковы и человекѣ.

Старое вымерло, а новое не нараждается.

Человекъ бы человекомъ, да облика Господня въ немъ не стало.

Человекъ человекѣ стѣбитъ. Человекъ не для себя рождается.

Трижды человекъ дивенъ бываетъ: рождается, женится, умираетъ.

Маль родился, а выросъ — пригодился.

Родился малъ, выросъ глупъ, померъ старъ (пьянь) — ничего не знаю (ступай душа въ рай! Запорожевая).

Въ уймѣ (чернолѣсѣ) не безъ звѣря, въ людяхъ не безъ лиха.

Люди солгали, да и мы правды не сказали.

Люди лгутъ, а намъ вѣры не имутъ.

Живутъ же люди неправдой, такъ и намъ не лопнуть стать.

Всѣ люди ложь, и мы тожь. Всякъ человекъ ложь—и я тожь.

Не одно пузѣще смышляеть о пицѣ; и тонкій животъ безъ ѣды не живеть.

Брюхо вытрясло, да и совѣсть вынесло.

Чистота духовная паче тѣлесной.

Тѣлу просторъ—душѣ тѣснота (и на оборотъ).

Что тѣлу любо, то душѣ грубо.

Душа на прохладу, а плоть въ баню (т. е., просятся).

Душа прохладу любить, а плоть парь.

Не объ одномъ хлѣбѣ сыты бываемъ.

Память въ тѣлѣ, мысль во лбу, а хотѣніе въ сердцѣ.

Душа Божья, тѣло Государево, а спина барская.

Есть, какъ есть: съ начинкой и съ потрохами.

Душка—не сучка: не вышлешь вонъ, когда Богъ не возметъ.

Сырое мясо хоть морщится, да тянется (тѣло человека живуче).

Плоть немощна, а душа грѣшна. Плоть грѣшна, да душа хороша.

Лучше жить бѣднякомъ, чѣмъ разбогатѣть со грѣхомъ.

Не изъ такихъ, чтобы грабить нагихъ.

У бѣднаго шуба овечья, а таже душа человекья.

Обидѣть (сгубить) легко, да душѣ какво.

И худой человекъ проживеть свой вѣкъ.

Хоть онъ и свинья (и скотина), а все таки человекъ.

Сидень сидить, а все растеть (а часть его растеть).

Человекъ не грибокъ, въ день не выростеть (или: не растеть подь дожджогъ).

Человекъ не скотина, а и ту не долго испортить.

Отъ живаго человека добра не жди, а отъ мертваго подавно.

Отъ мертваго худа не бываетъ, а отъ живаго добра.

Тѣло безъ души; бездушное тѣло; бездушный человекъ.

Приказная, судейская, служивая, солдатская, драгунская, гусарская совѣсть (душа).

Душа всему мѣра. Душа мѣру знаетъ. Душа не принимаетъ; съ души прѣтъ, скидываетъ.

Душа душу знаетъ, а сердце сердцу вѣсть подаетъ.

Онъ въ немъ души не слышитъ. Отъ души (душою) радъ.

Мы съ нимъ живемъ душа въ душу.

Этотъ человѣкъ до дна маслянь (хорошъ).

Никто же вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ.

Сердце вѣщунъ, а душа мѣра. Сердце пѣстунъ, душа дядька.

Сердце душу бережетъ и душу мутитъ.

Душа всего дороже. Душа завѣтное дѣло.

Покривилъ ты душой. Не пожалѣлъ ты души своей.

Грѣшное тѣло и душу събло. Душѣ съ тѣломъ мука.

Нѣтъ такихъ травъ, чтобъ знать чужой нравъ.

Въ сердце не влѣзешь. Въ сердцаѣ нѣтъ окна.

Есть сердце, да закрыто дверцей. Не клѣтка сердце, не пероставишь.

Сердце не лукошко, не прорѣжешь (не пробьешь) окошка.

Чужая душа — темный лѣсъ. Чужая душа — потемки.

Въ чужую душу не влѣзешь.

Брата роднаго знаешь, а ума его не знаешь.

У всякаго въ дому (въ чужомъ дому) невѣдомо никому.

Что у брата въ рукахъ, вижу; что у него на умѣ, не вижу.

Всякій домъ потолкомъ крытъ.

Вѣру къ дѣлу примѣняй, а дѣло къ вѣрѣ.

Душа душу знаетъ. Душа съ душой бесѣдуетъ.

Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Сердце чуетъ (слышитъ). У сердца уши есть. Вѣщее чудко, спитъ будко.

За чужую душу одна сваха божится (да Цыганъ).

Чужи люди — дремучій лѣсъ. Чужая совѣсть — могила.

Какъ въ кремнѣ огонь не виденъ, такъ въ человѣкѣ душа.

Рѣчи слышимъ, а сердца не видимъ. Языкъ видимъ, рѣчи слышимъ, а сердца ни видимъ, ни слышимъ.

Человѣка видимъ, а души (ума) его не видимъ.

Тебя то видимъ, да въ тебѣ то не видимъ.

Я у него на разумѣ не бываю.
 Сынъ у меня мой (братъ онъ мой), а умъ у него свой.
 У него паспортъ на лбу не прописанъ. На немъ клейма нѣтъ,
 не узнаешь. Дунка его на билетѣ не прописана.
 Сердце безъ тайности — пустая грамота.
 Не сложивъ, друга не узнаешь.
 Чтобы узнать человѣка, надо съ нимъ пудъ соли съѣсть.
 Человѣка узнаешь, когда съ нимъ пудъ соли ложкой расклебаешь.
 Раскуси-ка ты его хорошенько. Его не скоро раскусишь.
 Рысь пестра сверху, а человѣкъ лукавъ изнутри.
 Такъ въ душу и вьется. Безъ сальца (мыла) въ душу влѣзеть.
 Людей-то много, да человѣка нѣтъ. Людѣна не. человѣкъ.
 Людно-то людно, да человѣка нѣтъ. Много народу, да мало людей.
 Не нашли Богъ врага, а добрые люди найдутся (прощ).
 Ни праведный безъ порока, ни грѣшникъ безъ покаянiя.
 Въ комъ есть страхъ, въ томъ есть и Богъ.
 Въ комъ есть Богъ, въ томъ есть и стыдъ.
 Это дѣло у меня на душѣ (на совѣсти). Это мнѣ на душу легло.
 Что-то на душѣ тяжело. Что-то душа занываетъ.
 Хорошая совѣсть—глазъ Божiй. Хорошая совѣсть любитъ обличенiе.
 У меня подушка подъ головой не вертится (т. е., совѣсть чиста).
 Есть совѣсть, есть и стыдъ, а стыда нѣтъ, и совѣсти нѣтъ.
 Въ комъ стыдъ, въ томъ и совѣсть (и страхъ).
 Тому не гребжится (не думается), кто Бога не боится.
 Бѣй того, кто плачетъ; жури того, кто слушаетъ!
 Добро того бить, кто плачетъ, а журить, кто слушаетъ.
 Кто Бога не боится, тотъ и людей не стыдится.
 Совѣсть безъ зубовъ, а загрызеть. Злая совѣсть стѣбитъ палача.
 Съ совѣстью не разминуться. Душа не сосѣдъ, не обойдешь.
 Вивоватый винится, а правый ничего не боится.
 Не боюсь богатыхъ грозъ, боюсь убогихъ слезъ.
 Какъ ни мудри, а совѣсти не перемудришь.
 Самъ отъ себя не утаишь, самъ себя и обличишь.

Совѣсть съ молоточкомъ: и постукиваетъ и наслушивается.

Напередъ спросись самъ у себя (у совѣсти)!

Молчи (лежи), когда Богъ убилъ!

Плохое дѣло, коли жена не велѣла. Не смѣю на глаза доказаться

Сгорѣлъ со стыда. Съ ногъ срѣзалъ. Чего бѣднѣе, того и стыднѣе

Они стыдъ за уголь дѣлили (да подъ уголь и споронили).

Не красивѣй, дѣвка, корова дюжикъ, красивѣй, дѣвка, съ марне-
стогочи (въ овинѣ колючи)!

Лучше понести на гривну убытку, нежели на алтынъ стыда.

Руку, ногу переломишь, сживется; а душу переломишь, не сживется.

Не криви душой: правобокъ на тотъ свѣтъ уйдешь.

Береги честь смолода, а здоровье подъ старость!

Береги платье снова, а честь смолоду.

За честь (за стыдъ) голова гнетъ (погибаетъ)!

За честь — хоть голову съ плечъ (хоть голову снести).

За совѣсть, да за честь, хоть голову снести.

Пора и честь (стыдъ, совѣсть) знать. Стыдъ (позоръ) таже смерти

Душа согрѣшила, а ноги виноваты (отъ правеха).

Душа согрѣшила, а спина виновата.

Похлебаль молочка наканунѣ Рождества, да нѣчто вздрагивается

Богъ на помочь добрымъ женямъ и гулливымъ! — а гулливая
скажется (т. е., забранится).

Здравствуйте, тетки, здравствуй, лебедки, здравствуй шатуньи! —
шатунья-то и выищется.

Знаетъ кошка, чье мясо съѣла. На ворѣ шанка горить.

На татѣ шанка горить; а тать и хватъ за нее.

Кто поросенка украде, у того въ ухахъ верещить.

У кого въ пальцахъ вяанеть, у того руки не чисты.

У кого на сердцѣ ненастно, у того и въ ясный день дождь.

Тенетникъ и на усь садится. Рыльце въ пуху (Крыловъ).

За кѣмъ нѣтъ погони, тотъ и не бѣжитъ.

Трясется, что Каннъ, что осиноый листъ.

Охти мнѣ! всѣ товарищи въ тюрьмѣ; что то будетъ и мнѣ! ¶

Кошачьи глаза дыму не боятся.
 Стыдъ не дымъ: глазъ не ѣсть. Бестыжикъ глаза и дыма не ѣметъ.
 Стыдливый покраснѣетъ, а бестыжій поблѣднѣетъ.
 Нашего Мияма не проймешь и въ три дубины.
 У него такой желудокъ, что все переварить.
 Хоть наплюй въ глаза: ему все Божья роса.
 И старику не дастъ выговорить (не дастъ слова молвить).
 На немъ хоть дрова колы (хоть поѣзжай).
 Имъ хоть полы мой, да пороги подтирай:
 Имъ хоть лавки мой, да дресвы подсывай!
 Онъ какъ оса лѣзетъ въ глаза.
 Сорокъ лѣтъ, и сорому нѣтъ. Жили, жили, а стыда не нажили.
 У него ни на полушку совѣсти нѣтъ.
 Ни стыда, ни сорому, ни въ которую сторону.
 Стыдъ подъ каблукъ, а совѣсть подъ подошву.
 Павлушка — мѣдный лобъ. Бестыжій лоботрясъ.
 Умри, коли стыда нѣтъ!
 Убей Богъ стыдъ, все пойдетъ хорошо (все ни по чемъ).
 Отыми Богъ стыдъ, такъ будешь сытъ.
 Первое счастье — коли стыда въ глазахъ нѣтъ.
 Первый даръ на роду, коли нѣтъ въ глазахъ стыду.
 Глазамъ-то стыдно, а душа-то рада (а душѣ отраднo).
 Безъ стыда лица не износишь. Безъ позору рожи не носить.
 Коли стыдно, такъ закройся (такъ зажмурься)!
 Не стыдно; коли никому не обидно.
 Стыдиться жены, такъ и дѣтей не видать (не видать дѣтей).
 Хоть чортомъ зови, да хлѣбомъ корми!
 Хоть стыдно, да смѣтно. Стыдливому удачу не видать.
 Стыдливый изза стола голодный встаетъ.
 Стыдливый кусочекъ со стола цѣль охотить.
 Какъ сытъ сталъ, такъ и стыдъ взялъ.
 Сталъ сытъ, такъ взялъ стыдъ (такъ и узналъ стыдъ).
 Когда наѣлся, тогда и застыдился. Стыдненько, да сытненько.

И стыдливый кусочекъ (т. е., послѣдній) до поры лежитъ.

Какъ нѣтъ души, такъ что хошь ниши!

Семь въ тебѣ душъ, да ни въ одной пути нѣтъ (душечекъ).

У него совѣсть еще въ прошломъ году въ бутылкѣ задохлась.

Про его совѣсть можно сказать повѣсть.

У него совѣсть въ рукавичкахъ ходить.

У него совѣсть — дырявое рѣшето. Заскарузой совѣсти не проймешь.

У тебя совѣсть — что розвальни: садись — да катись (просторно).

Ни Бога не боится, ни людей не стыдится.

Твоя совѣсть, какъ лихая болѣсть. (Всякъ ее бѣгаетъ).

Душа Христіанская, да совѣсть-то Цыганская.

У него совѣсть въ голикѣ (въ кулакѣ, подъ порогомъ и пр.).

Съ его совѣстью и помирать не надо.

Съ его совѣстью жить хорошо, да умирать плохо.

Бестужа гостя пивомъ не выгнать. Бестыжаго гостя не пивомъ выживать.

Кто слова не боится, тому и плеть не страшна.

Свинья не боится креста, а боится песта.

Что душа, была бы пустошь хороша (о неправой тямбѣ).

Чего нѣтъ за кожей, того не примешь къ кожѣ.

Къ кафтану (къ кожѣ) совѣсти не примешь.

Невинная душа не причастна грѣху.

Неповинна душа не пристрашна грѣху.

Не ѣла душа чесноку — не будетъ и вонять.

Сухая рубашка къ тѣлу не льнетъ. Не было дегтю, такъ и не горчить.

Кто и пива не пьетъ, тотъ пьянъ не живетъ.

Кто это такой — намазанный, сухой? (Человѣкъ).

Съ рожи — снаружи, съ души — внутри.

Янгà (жбавъ) костяныя клѣпки (т. е., человѣкъ).

Имя свое всякъ знаетъ, а въ лицо себя никто не помнитъ.

Человѣкъ Божій обшить кожей.

За кожей панцыря нѣтъ. Терпи голова, въ кости слована. . . .

Въ лѣсу лѣсъ не ровень, въ міру люди.
 Человѣка подъ стать и масть не подберешь.
 На станъ, на обликъ нѣтъ образца.
 Не ростомъ взялъ, такъ дородствомъ.
 Не великъ да широкъ, кафтанъ коротокъ.
 Наша попадаья, что широкая ладья.
 Самъ кошной, брюхо горой. Копна кошной — такъ и переваливается.
 Толстъ, какъ бочка. Майорское брюхо (пузо).
 Его чортъ ядрами кормить. Копной набить, въ кожу зашить
 Поперегъ себя толще. Пяти четвертей въ отрубѣ.
 И бородавка тѣлу прибавка. Бородавка — и то тѣлу прибавка.
 Какъ похудѣлъ, чуть не лопнетъ.
 Ровна (пряма), какъ талька; какъ веретенце, какъ сосенка.
 Выросла, какъ тополька. Вытянулся въ струнку (въ хворостинку,
 въ лутоху). Жердай, въ плечахъ лба по уже.
 Худъ—какъ треска, какъ жердь, какъ спичка; въ спичку вы-
 сохъ, въ щепку, въ нитку.
 Въ нитку вытянулся. Кости да кожа. Глиста глистой.
 Хорошъ, пригожъ, на лиху болѣсть похожъ.
 Въ чемъ душа держится. Краше въ гробъ кладутъ.
 Какъ личко сквозить. На солнышкѣ просвѣчиваетъ.
 Сморщился, какъ грибокъ. Сморчокъ сморчкомъ.
 Костлява, какъ тарань. Кости, что крючья; хоть хомуты вѣшай.
 Кости глядятъ, а мяса не видать. Однѣ кости да кожа.
 Хоть костлива, да счастлива. И не красива, да счастлива.
 Кость да жила, а все сила. Пожилина туга, и лукъ крѣпокъ.
 Какъ чубукъ въ чехлѣ болтается.
 Блѣдень, какъ смерть. Поблѣднѣлъ, ровно скатерть.
 Рожа красная, хоть онучи суши. Рожа клюковка, глазъ луковки.
 Коломенская верста (отъ старыхъ, семкоотныхъ верстъ).
 Экой большой, съ недѣлю выросъ!
 Словно аршинъ проглотилъ. Такъ торцемъ и ходить.
 Много ль тебя въ землѣ, а на землѣ не много.

Коротышъ тянется — не дотянется; долгая гнется — поясницу тяжело.

Бѣда ныжику: на него и съ кровли каплетъ; бѣда и остолюцу: рукъ-ногъ дѣвать некуда.

Спереди пирога, сзади коровай (двугорбой).

Рыломъ не вышеть (т. е., не красивъ).

Гороховое чучело. Воронье пугало. Поставить, да воробьею пугать.

Торчитъ межъ людей, какъ пугало въ горохѣ.

Попалъ въ люди, какъ несть въ ложки.

Такъ торчкомъ межъ людей и торчитъ.

Съ твоей рожей только дѣтей пугать.

Хорошъ, передъ чортомъ, какъ куколка.

Такая красавица, что въ окно глядеть — нонь прыгнетъ: на дворъ выйдетъ — три дня собаки лаютъ.

Знать его подмѣнили, урода подкинули.

Рябь, будто черти у него на рожѣ въ свайку играли. Будто черти на немъ горохъ молотили.

На харѣ хоть тоноры точи. Рожка теркою, носъ бороздломъ.

Рожка — хоть рѣпу сѣй, хоть морковь сажай (щедровитая)!

Рожка вспахана, только посѣять, да заборонить.

Рожка моя рожка — на что ты похожа (на чорта похожа)!

Такая рожка, что только сама на себя и похожа (и дружки не подберешь).

На рябомъ хлѣбъ сѣютъ, а на гладкомъ навозъ кладутъ (о пашнѣ).

Щедровить, да не болить (т. е., здоровъ).

Гладкие-то есть, а рытые-то въ честь (и на оборотъ).

Много красы: однѣ скулы да усы.

Хорожа рожка — коли есть на ней кожа (а безъ кожи непригожа).

Экой красавецъ: подъ носомъ румянецъ, во всю щеку шишай.

Шитая рожка, вязеный носъ.

На лихою кожа, а на хорошемъ лопни рожка (т. е., тотъ токъ, а этотъ плотень).

Съ твоей бы рожей — сидѣлъ бы подъ рогожей.

Съ поскожной рожей въ красные ряды не суиен!
 Съ рожей исподъ рогожи, да бархатъ гладить.
 Съ твоей ли рожей въ соборъ къ обѣдѣ? Шегъ бы въ приходскую.
 Не свинымъ рыломъ лимоны нюхать.
 Не къ рожѣ платочекъ, утрись рукавичкой!
 Ни рожи, ни кожи, ни видѣнья.
 Во что поцѣловать — и на то наплевать.
 Во рту калина, а въ носу малина.
 Носъ курносъ, а рыло дудкой. Носъ крючкомъ, борода ключкомъ.
 Упрямоу дубина, горбатоу (т. е., уроду) могила.
 Упрямаго исправитъ дубина, а горбатаго могила.
 Горбать, такъ виновать, да Богъ простить.
 Горбунъ пряма перехитритъ. Горбунъ съ запасцемъ.
 Горбатый—вороватый. Чѣмъ горбатѣе, тѣмъ вороватѣе.
 Кто конопяеть, кто голеняеть — а все Божій да Государевъ.
 У коннаго солдата поги лучкомъ. Кривонбугаго — въ свинопасы.
 Не будь изродень, а будь пригодень.
 Личекомъ бѣленекъ, да душой чериленекъ.
 Рожа крива (черна), да душа пряма (бѣла).
 Плоха рожа, да душа гожа. Рожа не гожа, да душа пригожа.
 Цѣлуй и курноску, какъ припишутъ доску!
 Кто гладенекъ, тотъ и мѣленекъ.
 Молодецъ, хоть во дворець. Красеть человекъ статью.
 Будто кровь съ молокомъ. Не спрашивай здоровья, гледи въ лицо.
 Красна, какъ маковъ цвѣтъ. Кругла, бѣла, какъ мытая рѣпка.
 Дѣвичье тѣлице — натрушено сѣнцо. Пухъ въ атласъ.
 Краше цвѣту алаго, бѣлѣ сѣнгу бѣлаго.
 Алый цвѣтъ по лицу растизается, бѣлый пухъ по груди разсыпается.
 Пзъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается (т. е., связить).
 Грудь лебедина, походка павлина.
 Сама собой миленька, личекомъ бѣленька.
 Очи соколы, брови соболы. Звѣзисты очи, разбѣлчаты.
 Глаза съ поволокой, ротокъ съ позвотой.

Постоянная дама Варвара, съ поволокою глаза; Василарса — кн-слый квась (съ лубоч. карт.).

Фетавья — бѣлыя бѣлавы; Афонья — алыя румяна (тоже).

Руса коса до шелкова пояса. Коса — дѣвичья краса.

Русы волосы сто рублей, буйна голова — тысяча, а всему молодцу и цѣны нѣтъ.

Видно она съ серебра умывается (т. е., бѣла).

Голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ, ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ.

Молодецъ къ молодцу. Молодцами хотъ мость мости.

Изъ кута по лавкѣ — шелудякъ наголо (о гостяхъ).

Басокъ, да червовать (т. е., щеголь, да хилъ, плохъ).

Голова съ пивной котель. Голова, что булава.

Семи паденей во лбу. Промежъ глазъ каленá стрѣла ляжетъ.

Хоть на головѣ то густо, да въ головѣ пусто.

У худой рожи — худой обычай. Обличье — улыка.

Худое дерево растеть въ сукъ, да въ болону, а худой человекъ въ волосъ (въ брюхо), да въ бороду.

Каковъ чортъ отъ люльки, таковъ и въ могилку.

Вся рожа наружу. Вылѣска не хороша.

Такая рожа, что сама на оплеуху направивается.

Рожа, сама на себя не похожа. Глянешь, такъ съ души воротить.

И по рожѣ знать, что Созономъ звать.

Вавила, красное рыло. Иванъ болванъ. Андрей ротовѣй. Федулъ губы надулъ. Пахомъ — вся рожа въ одинъ комъ.

И по рылу знать, что не простыхъ свиней.

Рыжій да красный — человекъ опасный.

Рыжихъ и во святыхъ нѣтъ. Рыжему во святыхъ не бывать.

Избави насъ, Боже, отъ лыса, коса, рыжа и кривноса!

Черный волосъ — звонкій голосъ.

Съ чернымъ въ лѣсъ не ходи, съ рыжимъ бани не топни!

Съ чернымъ въ лѣсъ не ходи, рыжему пальца въ ротъ не клади, лысому не вѣрь, а съ мурчавымъ не вяжись!

Жесткій волосъ сварливъ живеть.

У тетушки Василисы дыбомъ волосы свилися.

За правду Богъ лица набавляетъ (т. е., дожывая до старости лысень).

Плѣшивый — человекъ фальшивый.

На меринѣ лысина — не порокъ; на дѣтнѣ плѣшь — не укоръ.

Курчавый волосъ — кудравыя мысли.

Брови, что медвѣди лежатъ (густыя). Брови застрѣхой (навѣсомъ).

Брови нависли — злоба (душа) на мысли.

Перегораживать ротъ рукой (тапачичать).

Глядить въ бокъ, а говорить въ сторону.

Ртомъ болѣзнь входитъ, а бѣда выходитъ.

Криворотый себѣ на умѣ. Криворотъ у воротъ.

Кабы не дыра во рту — жилъ бы жилъ, ни о чемъ бы не тужилъ.

Одинъ ротъ — и тотъ дереть. Одна была у волка пѣсемка, и ту переняли (о позѣвотѣ).

У него пѣтухъ въ горлѣ засѣлъ (охрипъ).

Что брылы распустилъ? Подбери губы-тѣ, городничій ѣдетъ.

Брылы (губы) — хоть студень вари (векля, толсты).

Какъ козодой, коровье вымя обыметъ.

Рыло пѣрото по самое ухо. Ласточкинъ ротокъ.

Ротъ до ушей, хоть лягушку пришей.

Губы толсты — въ трубачи ступай. Толстогубый курносому сродни.

Зубы — копыля, губы — кобыля.

Носъ крючкомъ, брови шатромъ, ротъ жемѣчкомъ.

Этотъ носъ — черезъ Волгу мостъ. Этотъ носъ сто лѣтъ росъ.

Носъ крючкомъ, борода клочкомъ. Носъ, что и багра не надо.

То-то носина, словно соборное гасило.

Тотъ человекъ и дорогъ, у кого носъ дологъ.

Эко чутье: этотъ носъ собакой натертъ.

Долгоносый себѣ на умѣ. Долгоносъ не простъ.

Сидоръ да Борисъ за носы подрались.

Носомъ къ носу встрѣтились.

Чихнулъ — и головой выкинулъ (вильнулъ).

Чохъ на правду. Спица въ носъ, не велика съ персть (на читанье
 Лобъ широкъ, да мозгу мало. У него труха въ головѣ.
 Великъ тѣломъ, да малъ дѣломъ. Хорошъ, на поглядѣнье.
 Толста, толста, проста, проста. Въ родню толотъ, да не въ роди
 прость.

Его на тощакъ (не пообѣдавъ) не обойдешь (т. е., толстѣ).
 Его въ три охвата не обнимешь.
 Рожей хорошъ, да не ливать се стать. —
 Съ лица не воду пить. Хорошаго не лизать, дурнаго не тесать.
 На красиваго глядѣть хорошо, съ ушнымъ жить легко.
 Красота приглядится, а умъ впередъ пригодится.
 Даль бы Богъ дородство, а красоту сама добуду (румяна).
 Съ поглядѣнья сытъ не будешь.
 Жить за чужой головою (подъ отвѣгомъ, защитой, порукой).
 Головушка, голова: буйнал. удалая, разудалая, молодецкая, за-
 бубенная, беззаботная и пр.

Когда бъ не зубы, такъ бы и душа вонъ.

Желудокъ не овчина: его не выворотить.

Печенки отбить, отлежать. Не сердись: печенку испортишь.

Не хватило легкихъ, такъ заговорить печенкой.

По становой (т. е., жилѣ) не бей!

Плеча могучія, широкія, молодецкія, богатырскія.

У него руки долги (т. е., власти много). Рукѣ не наставишь.

У него руки (пальцы) длинны (т. е., воръ). Онъ нечистъ на руку.

Быть у кого подъ рукою (въ подчиненіи, подданствѣ):

Своя рука владыка (т. е., своя воля). Отъ рукъ отбиться.

Онъ у него правая рука (т. е., нужный, главный человекъ)

Быть въ рукѣ; быть въ рукѣ. Моя рука (очередь).

Легкая, тяжелая рука. Свинцовая рука, желѣзная лапа.

У меня легка рука, была бы шея толста (крѣпка).

У него въ кулакѣ пудъ. У него пудовой кулакъ.

У широкой лапы и плечо широко. Лапыца по плечищу.

Бьетъ, какъ молотомъ куеть. Кулакъ, что багень.

Руки не поднимаются на него, — на это дѣло.
 И какъ у тебя на него рука поднималась?
 Руки не дошли, не доходятъ до дѣла (недосягъ).
 Наложить на себя руку (быть самоубійцей).
 Рука руку моетъ (очищаетъ). Дружлива рука съ рукавичкой.
 Рука объ руку; рука въ руку (дружно, за одно).
 Приттись по рукѣ. Не къ рукамъ пришлось. Не у рукъ дѣло (товаръ).
 У него всякое дѣло изъ рукъ валится (не валится).
 Онъ работаетъ только поконцецъ пальцевъ; только бѣ съ рукъ долой.
 Намъ только съ рукъ долой, а съ ногъ — хоть собакамъ тащи.
 Эта вещь (товаръ) намъ рука, или не рука (годна, негодна).
 Крупной, мелкой руки; первой, второй руки (разбѣра).
 Руки золотыя, да рыло поганое (пѣть).
 Далеко ли? Рукой подать. Рукой достать. Руку протянуть.
 Рука ногъ работница (пиз: батракъ: обувь дѣлаетъ и обуваетъ).
 Руки, какъ крюки. Руки — что грабли (словно бѣроны).
 Адамова вилка (или: ложка, т. е., пальцы, горсть).
 Руки граблями, ноги вилами. Руки сковородникомъ, ноги ухватомъ.
 Наложить на кого руку. Загрести кого (что) подъ свою лану.
 Бить кого чужою рукою. Чужими руками жаръ загребать.
 У него хороша (не хороша) рука (т. е., письмо).
 Силѣтъ (стоятъ) поджавъ руки. Руки въ бѣки, глаза въ потолоки,
 Кто голенастъ, а кто бедерчатъ. Развилыстый долгоногъ.
 У него ножки, какъ сошки. Ножки, что сошки, брюшко, какъ во-
 льничка. Ножки тоненьки, душа коротенька (курилка).
 Ноги да руки — вотъ мои муки; а брюхо да животъ — сохра-
 ны, Госиодъ (о ѣдѣ и работѣ)!
 Ударить по рукамъ (дать слово, кончить дѣло).
 Приложить руку (подписать). Отобрать заручную (подпись, согласіе).
 Гдѣ рука, тамъ и голова (т. е., далъ слово — и отвѣчай).
 Отбиваться отъ чего (противиться) и руками и ногами.
 По рукамъ, по ногамъ связать (стѣснить, отнять средства).
 Онъ беретъ руками, а отдаетъ ногами.

Черезъ руку наливать (выворачивая кисть; дурная привычка).

Она у насъ глядитъ изъ рукъ (угождаетъ).

Руки работаютъ, а голова кормить.

Въ добрую голову сто рукъ (укащикъ и работникъ).

Глаза страшатъ, а руки дѣлаютъ. Съ руками нигдѣ не пропадешъ.

Рукамъ воли не давай! Языкомъ болтай, а рукамъ воли не давай.

Не все сходитъ съ рукъ. Что, до поры, съ рукъ не сходило.

Которая рука крестъ кладеть, та и ножъ точить.

Ноги обмануть (т. е., не уйдешь), а руки до бѣды доведутъ (если имъ волю дать).

Рука отъ руки погибаетъ, а нога ногу подымаетъ.

Нога ногѣ другъ, а рука рукѣ ворогъ.

Ноги носятъ, а руки кормятъ. Ноги съ побѣжкой, руки съ подхватой.

И рука спитъ, и нога спитъ (о крѣпкомъ снѣ).

Рѣзвы ноги (козвы) подломились, подскѣлись, подкосились.

Скоморошья ноги. Стрекозья, паучинья ножки.

Въ ногахъ правды нѣтъ (отъ праведжа? или о бѣгствѣ?)

На водѣ ноги жидки (не держать).

Не ноги кормятъ брюхо, а брюхо ноги.

Топтать кого ногами; затоптать въ грязь.

Изъ милости башмачкомъ до травки-муравки дотрогивается.

Конь бѣжить, земля дрожить (въ шутку о неуклюжемъ топыгѣ).

Рѣлку садить (присѣдать на ходу).

Ножки, какъ лутошки (соломенные ножки).

Ножки скобками (или: оникомъ) и ножки херомъ.

Борода — образъ и подобіе Божіе (расколъ).

Борода въ честь, а усы и у копки есть. Усы въ честь, а борода и у козла есть.

Бородой въ люди не выйдешь. Борода — трава, скосить можно.

Безъ рубля, бороды не отростишь (соврем. Петр. 1).

Борода дѣлу не помѣха.

Борода дороже головы (раскол.)

Рѣжь наши головы, не тронь наши бороды (раскол.)

Желѣзо глупо, а тѣло забористо (о бритъѣ).

Борода лишняя тягота (Петръ I).

Волось глушь, вездѣ растеть.

У нашей Оедосьи изъ глазъ растутъ волосы.

Мудрость въ головѣ, а не въ бородѣ.

Борода—съ посконное повесмо. Усь молодить, борода старить.

Мужичокъ съ ноготокъ, а борода съ локотокъ.

Борода съ ворота, а ума и съ прикалитокъ нѣту.

Самъ съ пядь, а борода съ локоть. Самъ съ носъ, борода съ возъ.

Старичокъ съ кувшинъ, борода съ аршинъ.

Борода выросла, а ума не вынесла. Бородастѣе Бѣлевскаго раскольника.

По бородѣ Авраамъ, а по дѣламъ Хамъ.

Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.

Борода Нижегородка, а усь Макарьевскій.

Подъ носомъ взошло, а въ головѣ и не засѣяно.

Волось дологъ (у бабы), а умъ коротокъ.

Ни голосу, ни волосу не вѣрь! Шерстью все прикроешь.

Полавайся по рукамъ (когда деруть), легче будетъ волосамъ.

Волосы становятся дыбомъ. Оцетинился волосъ.

Ухватиться за волосы; рвать волосы (вытти изъ себя).

Волось въ волосъ, голосъ въ голосъ. Волось въ волосъ, лицо въ лицо.

Глядить, какъ сова, выпучивъ глаза.

Одинъ глазъ на полицу, другой въ солоницу (о косомъ).

Одинъ глазъ на печь, другой въ Галичъ.

Одинъ глазъ на насъ, другой на Арзамась (стар. о Мордвѣ).

Одинъ въ Кесово, другой въ Разлисово (два села Каш. у. Твер. губ.).

Одинъ глазъ на мельницу, другой на кузницу.

И косое око видитъ далеко. Смотритъ въ кучку, а глядитъ врознь.

Косъ, да дома росъ (т. е., свой).

Косые счастливы. Кривые моты. Нѣмые говорливы. Слѣпые мудрены. Хромые баски (т. е., щеголи). Косолапые драчливы.

Кость, какъ Соловей-разбойникъ (который однимъ глазомъ на Невь, другимъ на Черниговъ глядѣлъ).

Плесь крутой, глазъ кривой — далече беруть.

Слѣпому все копеечки. Слѣпой курицѣ все пшеница.

Слѣпъ, какъ крокъ, какъ мѣдьяница (змѣя, о коей говорили, что она слѣпа).

Дальше носу не видитъ. Слѣпая курица.

Надѣнь очки! Возьми глаза въ руки (въ зубы)!

Косой — не кривой. Косой — не слѣпой. Кривой — не слѣпой.

Кривой не бѣда, а горе криводушный.

Съ косымъ не толкуй о кривомъ! Съ кривымъ о косомъ не бесѣдуй!

У криваго одинъ глазъ, а видитъ больше (дальше) насъ.

Слѣпой и въ горшкѣ дороги не найдетъ.

Не вѣрь ушамъ, вѣрь очамъ! Не вѣрь рѣчамъ, вѣрь своимъ глазамъ!

Паче слуха видѣніе. Свой глазъ алмазь (или: смотрокъ).

Глазъ не видитъ, и ухо не слышитъ. Не видишь, такъ и не бредишь.

Глаза, что плошки, а не видятъ ни крошки.

Глаза сусальнаго золота (тупоумы). Оловянные глаза.

Зрячій не видитъ, а невшной (слѣпой) налапаетъ (нащупаетъ).

Подслѣповатыѣ съ придурью, пучеглазыѣ съ дурью.

Аль глаза въ очешникъ схоронилъ? Аль глаза̀ отсидѣлъ?

Гляди въ оба! Слушай въ оба, зри въ три!

Вынь глаза-то съ ножней (изъ ноженъ)!

Говорить слѣпъ, а въ избѣ печь нащупалъ. Еще то не слѣпъ, коли въ избѣ печь нащупалъ.

Овинъ прогорѣлъ, а слѣпой проглядѣлъ.

Хорошій, дурной глазъ. Черный глазъ, карій глазъ — минуи насъ!

Глазъ черный, взглядъ бойкій, обычай волчій.

Какъ воронъ зѣрить (зорко глядеть). Соколомъ глядять.

Ты зенокъ мой, зеница ока, ненаглядный.

Какъ глазъ береги. Дороже глаза. Око мое ненаглядное.

Правда глаза колетъ. Правда, какъ оса, лѣзетъ въ глаза̀.

Ни глаза во лбу, ни зуба во рту.

На глазъ (т. е., на глазомѣръ). Пройти на глазъ (или: на проглядъ, по уровню).

Заглазное дѣло — не слышно. За глазами дѣло.

За глазами, что за горами. Позаочью — что ночью.

Сытыкъ глазъ на свѣтѣ нѣтъ. Брюхо сыто, да глаза голодны.

Видомъ не видать, слыхомъ не слышать.

Глазами гляди (языкомъ болтай), а рукамъ воли не давай!

Не глаза видать, а человекъ; не ухо слышать, а душа.

Уши — какъ папуши, а глаза — какъ бураки.

На то два уха, чтобъ больше слушать.

Глухой — половина спасенья (не слышитъ беззаконій).

Уши — благодать Божія, языкъ — проклятіе.

Глухому много чуется, а слѣпому много видится.

Про глухаго семью (семь разъ) обѣдни не слушать.

Заросли, что ль, у тебя уши? Аль ты бородой обросъ, не слышишь?

Расковырять, что ль, тебѣ уши-тѣ! Давно, видно оплеухъ не ѣдалъ, такъ уши залегли?

Затоковалъ, что глухарь (т. е., свое толкуеть, не слышитъ).

Глухому съ нѣмыми нечего толковать.

Глухъ, какъ тетеревъ (какъ молниитъ). Глухая тетеря.

Онъ ухомъ задернулъ (т. е., не хочетъ слушать). Онъ на это ухо глухъ.

У него на эту рѣчь ухо заложило. Онъ заложилъ уши.

Глухой не дослышитъ, такъ догадается.

Носомъ (рыломъ) смѣрять (т. е., угасть). Носомъ наткнулся.

Это пахнетъ бѣдой (или: тѣмъ и тѣмъ).

А знаешь ли чѣмъ это пахнетъ? (т. е., чего ожидать). Понюхай, чѣмъ пахнетъ (прочайся, да оклемайся)!

Не разѣвай рта: ворона влетитъ (и карета четверней вѣдетъ).

Суконный языкъ; языкъ съ подбоемъ (о картавомъ или косноязычномъ).

И зайка ложку мимо ушей не проноситъ.

У него языкъ длиненъ (дологъ). Языкъ свой, врагъ злой.

Языкъ мой, врагъ мой (напередъ ума лепечеть).

Ни на мѣру, ни на вѣсъ, а при всякомъ есть (языкъ, речь).

Чего завсе хочется? (Дышать). Чего всегда хочется? (Ничего не дѣлать).

Чего надъ собою не видишь? (Росту).

Что въ водѣ не тонеть, на огнѣ не горить? (Имя).

Безъ чего человѣку жить нельзя! (Безъ имени).

На полѣ Арскомъ, на рубежѣ Татарскомъ, два орла орлуютъ, однимъ языкомъ балуютъ (Крестины).

Во полѣ Елифанскомъ, подъ деревомъ Царскимъ, три орла орлуютъ, однимъ яйцомъ даруютъ (Крестины).

Чѣмъ тебя мать родила (отвѣтъ: мальчикомъ, либо дѣвочкой).

Стоитъ градъ, ни на водѣ, ни на землѣ, въ томъ градѣ воевода нѣмъ (Ребенокъ въ зыбкѣ).

Лубанъ городъ, отрешинъ городъ, а въ томъ городѣ воевода нѣмъ (Ребенокъ въ зыбкѣ).

Утромъ на четырехъ ногахъ, въ полдень на двухъ, подъ вечеръ на трехъ (Человѣкъ).

Чего хочешь, того не купишь; чего не надо, того не продашь (Молодость, старость).

Три года—лицо, тридцать лѣтъ—медвѣдь, шестьдесятъ лѣтъ—курица (Младенецъ, середовой и старикъ).

Одного не знаю, другаго не вижу, третьяго не помню (Смерть, возрастъ и рожденіе).

Ни рыба, ни баранъ; сахаръ не бывалъ, на блюдѣ не лежалъ, всякъ меня ѣдалъ (Кушалъ груди).

Ни гусь, ни баранъ, ножомъ не рушанъ, на блюдѣ не лежалъ, всякъ его ѣдалъ (Грудь).

Пришелъ гость изъ гостей, съѣлъ барана безъ костей: гость сытъ и баранъ цѣлъ (То же).

Пришли гости безъ вѣстей, убили барана безъ костей; гости сыты, баранъ цѣлъ (Кормилица съ ребенкомъ).

Ни печено, ни варено, на блюдѣ не бывало, ножомъ не рушано, а всякимъ кушано (Грудь).

Сахарный кусочекъ, на блюдѣ не лежалъ, всякъ его ѣдалъ (Грудь).

Бѣлый лебедь, ни кѣмъ не рушанъ, всякъ его кушалъ (Грудь).

Два комка, третья лакомка (Грудь и младенецъ).

Разница между школьникомъ и огнемъ? (Огонь высѣкутъ, да и разложить; а школьника сперва разложить, а тамъ высѣкутъ).

Разница между каретой и деревней? (Карету заложать, да поѣдутъ, а деревню—поѣдутъ, да и заложать).

Что слаще, и что горче? (Слово).

Царь видитъ рѣдко, Богъ никогда, а мы всегда (Своего брата).

Пришелъ милый, да и повалилъ силой (Сонъ).

Сорокъ недѣль въ тюрьмѣ сидѣлъ, два года на висѣлицѣ висѣлъ (Человѣкъ).

Сорокъ недѣль сидѣлъ я въ темницѣ, шесть недѣль въ больницѣ, двадцать недѣль меня вязали, да годъ на висѣлицѣ держали (Человѣкъ).

Сидитъ живая живуличка, на живомъ стульчикѣ, тербитъ живое мяско (Младенецъ).

За стѣной, стѣной барабанщикъ (или: каравашекъ) костяной (Младенецъ въ утробѣ).

Стоитъ дубъ, на дубу клубъ, на клубѣ семь дыръ (Человѣкъ).

Шелковъ клубъ, семь дыръ вокругъ (То же).

Стоять вилы, на вилахъ-то зѣвало, на зѣвалѣ-то мочало, на мочалѣ кочка, а въ кочкѣ-то роются дочки (т. е., свиньи, по Вятски; человѣкъ).

Стоять вилы, на вилахъ коробъ, на коробѣ махалы (грабли), на махалахъ хапало (кивало, на кивалѣ зѣвало), на хапалѣ нюхало, на нюхалѣ мигало, на мигалѣ роца, а въ роцѣ-то свиньи роются (Человѣкъ).

Стоять вилы, на вилахъ грабли, на грабляхъ ревунъ, на ревунѣ сапунъ, на сапунѣ глядунъ, на глядунѣ роца, а въ роцѣ свиньи роются (Человѣкъ).

Стоять вилы, на вилахъ-то бочка, на бочкѣ-то кочка, у кочки махало, на кочкѣ зѣвало, повыше мигала, а тамъ лядина, въ лядинѣ скотина (Человѣкъ).

Стоитъ расоха, на расохѣ бебень, на бебенѣ махало, на махалѣ зѣвало, на зѣвалѣ чихало, на чихалѣ мигало, на мигалѣ островъ (лѣсъ), въ острову звѣри (Человѣкъ).

У двухъ матерей по пяти сыновей (Пальцы). У двухъ матерей по пяти сыновей, всѣ въ одно имя (То же).

Пять братьевъ родныхъ, пять двоюродныхъ, у нихъ по пяти вшучатныхъ (Пальцы).

Между двухъ свѣтилъ я въ серединѣ одинъ (Носъ).

Въ чистомъ полѣ двѣ трубы трубили, два сободя играли (Лицо, ротъ, носъ, глаза).

Кругло, горбато, около мохнато; придетъ бѣда — потечеть вола (Глазъ).

Кругленькимъ, маленькимъ до неба докинешь (Глазъ).

На подкѣ въ кошличкѣ лежать два яичка (Глаза).

Два клубка черезъ грядку висятъ (Глаза).

Два двачка, два очка, два корытечка (Глаза).

Подъ мостомъ, мостищемъ, подъ соболамъ, соболящемъ два соболька разыгрались (Глаза).

Подъ дугамъ, дугамъ, виситъ яблоко съ кругамъ (Глазъ).

Кругъ города станетъ, кругъ головы надостанетъ (Свои глаза).

Возжи долги; вокругъ поля достаютъ, только вокругъ кола не достаютъ (Глаза).

Возжи, вокругъ свѣта обовьются, вокругъ головы не обовьются (Глаза).

Возжи мои, возжи! Все поле извозжали, вокругъ головушки не стали (Глаза).

Долги, долги возжечки: до неба станутъ, а вокругъ головы не станутъ (Глаза).

Вокругъ земли обведу, а вокругъ головы не обвести (Глаза).

Два яичка въ моху, да морковка на верху (Глаза и носъ).

Лежить доска среди мостка, не гниеть и не сохнетъ (Языкъ).

Лежить доска въ болотѣ: ни сохнетъ, ни мокнетъ, ни вѣтрѣтъ (ни куржавѣтъ. Языкъ).

Подъ небомъ дощечка, не сохнетъ, не мокнетъ и не куржавѣтъ (Языкъ).

Въ морѣ доска — не гниеть, не сохнетъ (Языкъ).

Мокренькой теленочекъ подъ лавкой лежитъ (Языкъ).

Въ тѣмномъ подполѣ мокрый тележокъ лежать (Языкъ).

За бѣлыми березами тарара живеть (Языкъ).

Сѣчка сѣчетъ, деревяшка везеть, самъ Мартынъ поворачиваетъ (Зубы, ложка и языкъ).

Дервяшка везеть, косяшка сѣчетъ, мокрый Мартынъ подкладываетъ (То же).

Дервяшка возить, косяшка рубить, холезовъ сыпъ заворачиваетъ (То же).

Ротъ до ушей — хотъ завязки пришей!

Полно корыто гусей-лебедей намыто (Зубы).

Полно подполье гусей-лебедей (То же).

Полонъ помовень бѣлыхъ голубей (То же).

Полонъ кутникъ бѣлыхъ курокъ (То же).

Полонъ хлѣвецъ бѣлыхъ овецъ (То же).

Бисеръ мой, бисеръ, борочкомъ спизанъ, алымъ бархатомъ ошупень, подъ завѣтомъ заложень (То же).

Плосковыя дощечка, по краямъ обшивочка, а въ середкѣ дырочка (Ухо).

Вокругъ нору вьется, а въ руки не дается (Запахъ).

Хотъ дворянскій носъ, да песьяго не отбѣтъ (По чутью).

Шесть ногъ, двѣ головы и одинъ хвостъ (Вершникъ).

Двѣ головы, одинъ хвостъ, двѣ руки и шесть ногъ (То же).

Въ лѣсъ ѣду — клѣтки кладу, изъ лѣсу ѣду — перекладываю (Лапотный слѣдъ).

Кабы всталъ, кабы всталъ, такъ бы до неба досталъ; кабы руки да ноги, такъ бы вора связалъ; кабы ротъ да глаза, такъ бы много рассказалъ (Дорога).

Ѣду, ѣду, слѣду нѣту; рѣжу, рѣжу, крови нѣту; рублю, рублю, щепокъ нѣту (Плаваніе на лодкѣ греблем).

Нижѣ Бога, выше царя (Смерть).

Ходитъ Хамъ по горамъ, беретъ ягоды съ грибамъ (Смерть).

На горѣ горынской, стоитъ дубъ Сарацынской: никто его не обойдетъ, не объѣдетъ, ни царь, ни царица, ни красна дѣвица (Смерть).

Стоить въ полѣ столбъ: этого столба ни перейти, ни переѣхать, хлѣбомъ не отманить, деньгами не откупить (Смерть).

Стоить столбъ: на столбу цвѣтъ, подъ цвѣтами котелъ, надъ цвѣтами орелъ: цвѣты срываетъ, въ котелъ бросаетъ, цвѣтовъ не убываетъ, въ котлѣ не прибываетъ (Вѣкъ, смерть и родъ человѣческій).

Стоить дерево, на деревѣ птица цвѣты хватаетъ, въ корыто бросаетъ, корыта не наполняетъ и цвѣтовъ не умалаетъ (То же).

Летитъ орелъ черезъ Нѣмецки города, беретъ ягоды зрѣлы и не зрѣлы (Смерть).

Печь день и ночь печетъ, а невидимка дошлую ковыргу выхватываетъ (То же).

Летѣла птица орелъ, садилась на престолъ, говорила со Христомъ: «Гой еси истинный Христось! Далъ ты мнѣ волю надъ всѣми: надъ царями, надъ царевичами, надъ королями, надъ королевичами; не далъ ты мнѣ воли ни въ лѣсѣ, ни въ полѣ, ни на синемъ морѣ » (Смерть).

Всталъ я не ладно, умылся не ладно, лошадь запрягъ, поѣхалъ не такъ, заѣхалъ въ ухабъ, не выѣхать никакъ (Покойникъ).

Умылся не такъ, приодѣлся не такъ, и сѣлъ не такъ и поѣхалъ не такъ: засѣлъ я въ ухабъ, не выѣхать никакъ (То же).

Сядешь не такъ, поѣдешь не какъ — заѣдешь въ ухабъ, не вылѣзешь никакъ (Похороны).

Ѣдетъ мужикъ не путемъ, ничего не видитъ кругомъ, заѣхалъ въ ухабъ, не вылѣзетъ никакъ (Покойникъ).

Ни пышетъ, ни дышетъ, въ сухомъ деревѣ лежитъ (Мертвецъ).

Поревунчики (поревунюшка) режутъ, потекунчики текутъ, сухо (красно) дерево несутъ: ни пышетъ, ни дышетъ, ни ворохнется (Похороны).

Деревянный пирогъ, начинка мясная (Гробъ съ тѣломъ).

Кто дѣлаетъ, тотъ не хочетъ; кому дѣлаютъ, тотъ не знаетъ (гробъ).

Всякому надо, а никто самъ на себя не работаетъ (Гробъ).

Сработанъ кафтанъ не на себя, купленъ не про себя, а къмъ изношенъ, тѣмъ не виданъ (Гробъ).

Село заселено: пѣтухи не поютъ, и люди не встаютъ (Кладбище).

Человѣкъ — примѣты.

Въ головѣ свербить — бранить будутъ.

Голова свербить, къ головомоукѣ. Голова къ мылу свербить.

Чело свербить — челомъ бить.

Лобъ чешется — спесивому кланяться.

Правый глазъ чешется — на милого глядѣть.

Правый глазъ чешется — радоваться; лѣвый — плакать.

Правый глазъ чешется къ смѣху, лѣвый къ слезамъ.

У кого глаза горять, о томъ молва идетъ.

Бровь чешется — кланяться.

Правая бровь чешется — къ радости, лѣвая — на потныхъ коней
смотрѣть (къ дорогѣ).

Рѣсница выпадеть — къ подарку.

Губы чешутся — къ гостинцу. Уста свербятъ — гостинцы ѣсть.

Зубы во время ѣды скрипятъ — на чужой хлѣбъ.

Губы чешутся — цѣловаться.

Усы чешутся — къ гостинцу.

Переносье чешется — о покойникѣ слышать.

Чешется кончикъ носа — вино пить, либо къ вѣстямъ.

Правая ладонь чешется — получать деньги, лѣвая — отдавать.

Правая ладонь чешется — къ корысти, лѣвая — къ ущербу.

Правое ухо горить — хвалить, или правду говорить, лѣвое — на-
шраслину.

Ладонь горить — кого нибудь бить.

Бѣляки по ногтю — къ гостинцу, къ обновѣ.

Заусеницы — злой человѣкъ замышляетъ.

Подошвы чешутся — къ дорогѣ. Ноги горять — къ пути.

Правая лгодица чешется — къ болѣзни и печали, лѣвая — къ корысти.

Въ ухахъ звенить — кто нибудь поминаетъ людомъ.

Гдѣ зазвенить (т. е., на право, на лѣво), туда сердце лежить.

Икается — на помятъ (поминается). Икнулось — помянулось.

Икнулось — по добру ли вспоминулось?

Кто корить меня, не знаю, а икота напала.

Отрыжка — душа съ Богомъ бесѣдуетъ.

Горло поеть (отрыжка): либо брагу пить, либо битымъ быть.

Кто не крестится во время зѣвоты, у того перекосить ротъ.

Не тянись на другаго: лѣнь на него нападетъ.

Никогда не плюй на правый бокъ, на правую сторону (потому что Ангель Хранитель при правомъ бокѣ, а дьяволъ при лѣвомъ: на ней и плюй, говори: аминь, и растирай ногой).

На отданье Пасхи не плюй подъ окошко: ницаго убьешь.

Чихнулъ — такъ правда. Чохъ на правду.

На правду чихается, на сонъ позѣвается (вѣсто: позѣывается).

Что-то позѣва'тся, звать наши спать ложатся, либо ужиная садятся.

Помяни, Господи, Царя Давида и всю кротость его (поговорка, когда икается, или зѣвается)!

Кто щекотливъ, тотъ и ревнивъ.

Рѹки въ головы не клади — память проспивишь (заспишь).

Кто на правомъ боку спитъ, заспитъ своего Ангела Хранителя.

Кто спитъ съ застегнутымъ воротомъ рубашки, уснитъ свою душу.

Спитъ, ровно кто его мертвой рукой обвелъ (отъ повѣрья).

Родина.

Гдѣ жить, тѣмъ и слыть.

Въ какомъ народѣ живешь, того и обычья держись.

Въ какой народъ придешь, таку и шапку надѣнешь.

Хвали заморье (чужую сторону), а сиди дома!

Славны бубны за горами, а къ намъ придутъ, что лукошко.

Ладно слушать скомороха на гуселькахъ, а самъ играть станешь — знь не по насъ.

Не бери дальнюю хваленку, бери ближнюю хаянку!

Нахваля повѣришь, въ охуль попадешь.

Хвалить чужь-чуженинь чужу сторону, а мы слушаемъ, на полатяхъ лежючи.

Чужая сторонюшка нахваломъ живетъ, а наша хайкою стойтъ.

Милюетъ Богъ и на своей сторонѣ.

Хоть не уѣдно (дома), такъ улежно.

Мила та сторона (не забудешь ту сторону), гдѣ пупокъ рѣзанъ (т. е., родина).

Заморемъ теплѣе, а у насъ свѣтлѣе (веселѣе).

Заморемъ веселье, да чужое, а у насъ и горе, да свое.

Своя печаль чужой радости дороже.

Не зачѣмъ далеко, и здѣсь хорошо. Зачѣмъ далеко, и здѣсь хорошо.

Чужую сторону хвалить (сваха), а сама ни ногою (а сама туда ни по погу).

Одна сваха чужу сторону нахваливаетъ (а сама дома сидитъ).

Скучно Авонюшкѣ на чужой сторонюшкѣ.

Худая та птица, которая гнѣздо свое мараеть.

Глупа та птица, которой гнѣздо свое не мило.

О томъ кукушка и кукуетъ, что своего гнѣзда нѣтъ.

Кукушка кукуетъ, по бездомью горюетъ.

И кости по родинѣ плачутъ (по преданію, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слышенъ вой костей).

Выду на путь — слезки текутъ; вспомню своихъ — и тошно по нихъ.

Съ родной сторонки и ворона (и собачка) мила.

И Пензенцы въ Москвѣ свою ворону узнали.

На чужой сторонюшкѣ радъ своей воронюшкѣ.

И хлѣбъ по своей сторонѣ скучаетъ (т. е., привозный, портится).

На родной сторонѣ и камешекъ знакомъ.

Всякому мила своя сторона. Любитъ и нищій свое хламовище.

Своя земля и въ горсти мила. Своя земля — свой прахъ.

Безъ корня и полынь не растеть.

Всякъ куликъ свое болото хвалить. Свой бытъ милѣе.

Чего не знаешь, туда и не тянетъ.

Жернова говорятъ: въ Кіевѣ лучше, а студа говоритъ: что тутъ что тамъ.

Донъ, Донъ, а лучше домъ. Хорошъ Парижъ, а живетъ в Курмышѣ. Каково на дому, таково и на Дону.

Дома все споро, а въ чужѣ житье хуже.

На чужой сторонѣ и весна не красна. Наша весна краснѣе красна.

Въ чужомъ мѣстѣ, что въ лѣсу. Чужая сторона дремучь боръ.

На чужбинкѣ, словно въ домовинкѣ (и одиноко в нѣм).

Горе въ чужой землѣ безъязыкому.

Своя ноша не тянетъ, свой дождь глаза не ѣсть.

На чужой сторонѣ и сокола зовутъ вороною.

Чужой челоуѣкъ не на утѣху, на црсмѣхъ.

Стронушка и не дальняя, да печальная.

На чужбинкѣ—и то Божій даръ (все Божій даръ).

На чужой сторонѣ и старушка Божій даръ.

Землякъ, избилъ всѣхъ въ одинъ снмякъ.

Жилъ былъ молодець: въ своей деревнѣ не видалъ веселья, на чужбину вышелъ—заплакалъ.

Научить горюна чужая сторона (и вымучить, и вылучить).

Чужая сторона—воръ (разбойникъ). Чужбина не потачлива.

Чужая сторона прибавитъ ума. На сторонѣ обтолкуютъ бока.

На чужой сторонѣ и ребенокъ ворогъ.

Чужая сторона — мачиха. Чужбинка не по шерсти гладить.

Родимая сторона—мать, чужая мачиха.

Своя сторона по шерсткѣ гладить, чужая насупротивъ.

На чужбинѣ и собака тоскуеть. Чужбина слезамъ не вѣрить.

Степного коня на конюшнѣ не удержишь.

И конь на свою сторону рвется, а собака отгрызется, да уйдетъ.

Родныхъ нѣтъ, а по родимой сторонкѣ сердце ноетъ.

Своя сторонушка и собакѣ мила. И собака свою сторону знаетъ.

Недавно изъ двора, а вошь пзняла.

Ерема, Ерема! Сидѣлъ бы ты дома, да точилъ веретена.

Гдѣ сосна выросла, тамъ она и красна.

Велкая сосна своему бору шумить (своему лѣсу вѣсть подасть),
Далеко сосна стойтъ, а своему лѣсу вѣсть (шумить, говорить).

Гдѣ кто родится, тамъ и пригодится.

Что гдѣ родится, то тамъ и годится. Что гдѣ рождается, то тамъ
и пригожается.

Сиди, какъ медь кисни! Кисни, опара, на своемъ красу!

Съ родной (родительской) земли — уми, не сходи!

Дома сидѣть, ничего не высидѣть.

Подъ лежачъ камень и вода не течеть.

На одномъ мѣстѣ и камень мохомъ обростаеть.

Соколъ на одномъ мѣстѣ не сидитъ, а гдѣ птицу видитъ, туда
и летитъ

Гдѣ дуракова семья, тутъ ему своя земля.

Жить въ деревнѣ — не видать веселья.

Городское телъ мудренѣй деревенскаго помомаря.

Грибы растутъ въ деревнѣ, а ихъ и въ городѣ амаютъ.

Городъ — царство, а деревня — рай. Москва — царство, а наша
деревня — рай.

Хороша Москва, да не дома. Нашъ городокъ Москвы уголокъ.

Городъ затѣнный: что ни шагъ, то съѣстной да питейный.

Богъ далъ городъ — что за деревня (т. е., не чета ей).

Безъ денегъ въ городъ — самъ себѣ ворогъ.

Хорошъ городъ домами, да плохъ головами.

Деревня большая: четыре двора, восемь улицъ.

Шуми деревня: четыре двора, двое воротъ, одна труба.

Шибель на погубель воротами. Воротами въ уголъ (живеть въ
закоулкѣ, въ захолустѣ).

Домы-то, дома, ровно залчи ломы.

Это село чортъ въ кузовѣ месъ, да кучками растрясъ. Словно
чортъ изъ кузова настѣлтъ.

Это село клиномъ светло. Село, что животы подвало.

Стойтъ деревенька на горкѣ, а хлѣба въ ней ни корки.

Изъ села Помелова, изъ деревни Вѣниковой.

Живеть Ерощка подлѣ большой дорожки.

То горбъ, то долина: Вертепѣжины насажены.

Всѣмъ деревня не выйдеть: вода близко; мнѣ лѣсъ далеко.

Лѣсъ къ селу крестъ, а безлѣсье не угроже помѣстье.

Лѣса да земли — какъ корову дой.

Ни прута, ни лѣсины, ни барабанной палки.

Кнутовища негдѣ вырѣзать: Лыкодеры есть, да не съ чего драть.

Такая голь, что парня нечѣмъ высѣчь.

Степь лѣсу не лучше. Въ степи просторъ, въ лѣсу угоды.

Пока подъ чужой крышей не побываешь, своя, гдѣ течеть, не узнаешь.

Въ чужомъ домѣ побывать — въ своемъ гнилое бревно увидеть.

И за рѣкой люди живутъ. И за горами люди.

Иза многихъ горъ вышелъ дядя Егоръ.

Люди заѣзжіе, а хлѣбы завозные (на мельницѣ?).

Людей (на людей) поглядѣть в себя показать. И самъ обернусь.
и кругомъ оглянусь.

Къ намъ люди ѣздить — къ себѣ въ гости зовутъ.

И куликъ чужу сторону знаетъ. И журавль тепла ищетъ.

Прощай, матушка Русь: я къ теплу потянусь (говорить журавль
на отлетѣ).

Прилетѣлъ гусь на Русь — погостить, да улетитъ.

Гусь съ полднѣмъ — мужикъ съ печи; гусь на полднѣ — мужикъ на печь.

Воръ воробей домосѣдъ, а люди не квалятъ.

Полетѣли за-море гуси, прилетѣли тожъ не лебеди (прилетѣли ни
чѣмъ не хуже).

Гдѣ ни жить, а одному Царю служить.

Пойду туда, гдѣ про меня рожь моложатъ. Куда глаза глядятъ.

Одинку — гдѣ хлѣбъ, тамъ и уголь. Одинокому — вездѣ домъ.

Въ своей землѣ никто пророкомъ не бываетъ (не бывалъ).

Гдѣ ни жить, только бы сыту быть.

Хоть въ Ордѣ, да въ добрѣ (только бы въ добрѣ).

Ищи добра на сторонѣ, а домъ люби по старинѣ.

Подушное на сторонѣ, а хлѣбъ дома (ищи).

Р у с ь.

Чул — здѣсь Русскимъ духомъ пахнетъ.

Русскій Богъ великъ. Русскимъ Богомъ да Русскимъ Царемъ Свя-
торусская земля стойтъ.

Русскій народъ — царелюбивый.

Земля Русская вся подъ Богомъ.

Велика Святорусская земля, а вездѣ солнышко.

Велика Святорусская земля, а правдѣ нигдѣ нѣтъ мѣста.

Россіи и лѣту союзу нѣту. Русь подъ снѣгомъ закоченѣла.

Летитъ гусь на Святую Русь (Наполеонъ).

На Руси никто съ голоду не умираваѣтъ.

Руси есть веселіе пити, не можетъ безъ него быти (Владим. I).

Русская кость тепло любить. Паръ костей не ломитъ.

Русскій гостинецъ — кулага съ саламатой.

Русскій человекъ хлѣбъ-соль водитъ.

Русскаго человека, что паритъ (баня), то и правитъ (лечитъ).

Русскій терпѣливъ до зачина. Русскій задора ждетъ.

Русскій ни съ мечемъ, ни съ калачемъ не шутитъ.

Русскій молодецъ — стѣ басурманамъ конецъ.

На пардонъ, на аманъ, у Русскаго и слова нѣтъ.

Русскій человекъ — добрый человекъ (Чувашскій привѣтъ).

Русакъ уменъ, да заднимъ умомъ. Русскій назадъ уменъ.

Кабы у Нѣмца напередѣ, что у Русскаго позади — съ нимъ бы и
ладовъ не было (умъ).

Русскій народъ — глупый народъ.

Русскій народъ не боится креста, а боится песта.

Бей Русскаго, часы сдѣлаешь. Русскій, что увидитъ, то и сдѣлаетъ.

Русакъ не дуракъ: поѣстъ захочетъ — скажетъ, присѣсть захо-
четъ — сядетъ.

Русскій догадливъ (смѣтливъ, себѣ на умѣ).

На Руси не все караси — есть и ерши.

Русскій человекъ любитъ авось. Русскій на авось и взросъ.

Русскій человекъ любитъ авось, небось, да какъ нибудъ.

Русскій крѣпокъ на трехъ сваяхъ: ѿвось, небось, да какъ пибуде
Русскій человекъ и гулливъ и хвастливъ.

Русскій аппетитъ никогда (ничему) не претитъ.

Крестьянское горло—суконное бердо: все мнетъ.

Въ Русскомъ брюхѣ и долото сгнѣтъ.

Что Русскому здорово, то Нѣмцу смерть.

Русскій часъ—десять, а Нѣмецкому и конца нѣтъ.

Я Русскій, на манерь Францускій, только немного погишпаннѣе.

Православнаго обманеть Цыганъ, Цыгана Жидъ, Жидъ Грекъ.

Грека чортъ.

Онъ, видно, по Русски не понимаетъ (т. е., хоть ему какую правду въ глаза говори).

Родомъ не Нѣмчинъ, а указывать гораздъ.

Принять кого по Русски (т. е., или прямо и грубо, или хлѣбосолюю).

Я тебѣ по Русски отрѣжу, напрямикъ.

Русь Святая, Православная, богатырская, мать Святорусская земля.

Чернолапотница прошла (прозвище нашихъ бабъ, въ опрятной Сибири, за грязный слѣдъ, выносимый ими изъ избы на свѣтъ).

Живи, живи, ребята, пока Москва не провѣдала (старин Урал. Каз.).

Русь навалила, насъ совсѣмъ задавила (Сибирск.).

Въ Сибири бабы коромыслами соболей бьютъ.

Москаля (т. е., Русскіе, по присловіямъ Малоруссовъ): Московскій часъ; подожди съ Московскій часъ (отъ Русской поговорки: сей часъ).

Съ Москалемъ дружись, а за саблю держись (а камень за пазухой держи). Московская правда. Отъ Москаля, хоть полы обрѣжь, да бѣги. Мамо, чортъ лѣзетъ въ хату! Дарма, дочко, абы не Москаль. Отъ чорта открестись, а отъ Москаля и дубиной не отобьешься. Онъ такъ намоскалился, что исподъ живаго пятки рѣжетъ (воръ).

Русскій часъ—со днемъ тридцать; деревенскій мѣсяць—съ недѣлей десять.

Москаль ворона, а привязчивѣе чорта.

Какъ Москаль скажетъ сухо, поднимайся подъ самое ухо!

Вариль чортъ съ Москалемъ пиво, да в отъ солоду отрався.

отивъ Бога и великаго Новгорода? .

Святая Софія, тамъ и Новгородъ.

Новгородъ судится своимъ судомъ (въ древности).

Новгородъ (древній) судить одинъ Богъ.

Древній Новгородъ и Псковъ — Господѣ (а Новгородъ былъ даже Господинъ, Государь).

Сердце на Волховѣ (въ Новгородѣ), душа на Велиной (древній Псковъ).

Новгородъ, Новгородъ, а постарше старого.

Новгородская честь. Новгородская душа (честность въ древней торговлѣ).

Новгородъ — отецъ, Кіевъ — мать, Москва — сердце; Петербургъ — голова.

Хоть Софія и пуста, да не Крутицкимъ верста (Софія Новгородская; духовенство Новгородское не хотѣло подчиниться митрополитамъ Московскимъ, на Крутицкомъ подворьѣ).

Новгородцы такали, такали, да Новгородъ и протакали (объ уничтоженіи вѣча Новгородскаго, или о покореніи Новгорода).

Москва всѣмъ городамъ мать.

Кто въ Москвѣ не бывалъ, красоты не видалъ.

Матушка Москва бѣлокаменная, алотоглавая, хлѣбосольная, православная, словоохотливая.

Питеръ — кормило, Москва — кормъ. Питеръ — голова, Москва — сердце.

Москва создана вѣками, Питеръ милліонами.

Хорошъ городъ Питеръ, да бока новытеръ (дорогъ).

Копорцы — копорскій чай. Иванъ — чай. Кроповники. Копорское крошево и кисло и дешево (Изъ Копорья, Петерб. г., по слухамъ, идетъ Иванъ-чай, трава кипрей).

Москва бьетъ съ носка, а Питеръ бока новытеръ.

Питеръ женится, Москва замужъ идетъ.

Славна Москва калачами, Петербургъ усачами.

Въ Москвѣ сорокъ сороковъ Церквей (Церкви въ Москвѣ раздѣлены на благочинія по сорокамъ).

У Спаса блютъ, у Николы звонятъ, у стараго Егорья часы говорятъ (Московск.).

Московская правда (т. е., ложь, обманъ; придано ей, когда она впервые сдѣлалась главою Государства).

Была правда у Петра и Павла (въ застѣнкѣ Московскомъ, гдѣ была пытка).

Московскіе люди землю сѣютъ рожью, а живутъ ложью (старин.).

Въ Москву итти — голову нести (стар.).

Видно городъ великъ, что семь воеводъ (Московская семейбоярщина).

Московская разнобоярщина (семибоярщина).

Не только звону, что въ Москвѣ (что въ Кіевѣ).

Въ Москвѣ толсто (густо, часто) звонятъ, да тонко (жидко, рѣдко) ѣдятъ (по дороговизнѣ для крестьянъ).

На Крестцѣ не стрѣльцамъ сборъ (т. е., не мѣсто, нейдетъ. Въ Москвѣ были особыя площади, для сходки разныхъ сословій).

Съ Масквы, съ пасѣда, съ авашнова ряда (дразнятъ акальщикова).

Москва сгорѣла отъ денежной (копеечной) свѣчи; Москва отъ искры загорѣлась (1443 г. Москва загорѣлась отъ свѣчи церковной Св. Николы на Пескахъ; 1737 г., отъ свѣчи въ домѣ Милославскаго).

Первые городѣ отъ Москвы — два девяносто верстъ (Владиміръ, Тверь, Тула, Калуга, Рязань).

Москва не клиномъ сошлась, околицы нѣтъ.

Москва горбатая; горбатая старушка (т. е., на холмахъ).

Два брата съ Арбата, а оба горбата.

Хлѣба-соли покушать, краснаго звону (матушки Москвы) послушать.

Въ Москвѣ все найдешь, кромѣ птичьего молока.

Въ Москвѣ все найдешь, кромѣ роднаго отца, да матери.

Въ Москвѣ недорода хлѣбу не бываетъ.

Москва стойтъ на болотѣ, реки въ ней не молотятъ, а больше деревенскаго ѣдятъ.

Славится Москва невѣстами, колоколами, да калачами.

Москва любитъ запасецъ. У Спаса не безъ запаса.

Москва людна и хлѣбна. Москва — царство, деревня — рай.

Въ Москвѣ каждый день праздникъ (по множеству церквей).

Московская грязь не марается.

Москва, что доска: спать широко, да кругомъ мететь.

Въ Москвѣ деньгу беречь, себя не стеречь.

Въ Москву брестъ (итти)—последнюю конейку (деньгу) несть.

Москва — кому мать, кому мачиха.

Въ Москву иттить — только деньгу добыть.

Москва слезамъ не вѣрять (не потекаетъ, т. е., никого не разжалобить, всё чужіе).

Москву не расквелишь (не разжалобишь).

Москва ни по чемъ не плачетъ (не тужить).

Москва по нашимъ (по чужимъ) бѣдамъ не плачетъ.

Живучи въ Москвѣ пожить и въ тоскѣ.

Живеть на Москвѣ — въ немалой тоскѣ.

Ой, Москва! — она бьетъ съ поска. Бей въ доску, поминай Москву!

Можайцы порослятники, Можайскій вѣтеръ (ненадежные).

Коломенцы — чернощебы. Клиновцы — лапотники.

Бдетъ дидя изъ Серпухова: бороду гладить, а денегъ нѣтъ.

Вереицы — сочевники (сочи — вязанки у рыбаковъ, и мѣбенное).

Дмитровцы — лягушечники, болотники. Рузцы — дровосѣки.

Орѣшекъ (Шляссельбургъ) и церцу горчае (стария.).

Луговцы — разнощики. Ладожане — щуку съ яиць согнали.

Хороши и пироги, а гуца и пуце (дразнятъ Новгородцевъ — гущеѣдовъ).

Новгородцы — долбежники. Упрямя, какъ Новгородецъ.

Не Новгородскій дворянинъ — не великъ баринъ.

Уломскій гвоздь (Новгор. губ. Черенов. уѣзда, село Улома, гдѣ всё кузнецы, гвоздари).

Тихвинцы — свято мѣсто, гдѣ Тихвища нѣтъ.

Крещане (Крестцы) лапотники. Кирилловцы — кашехлѣбы.

Бѣлозерцы — Бѣлозерскіе сметки.

Кирилловскій поклонъ девяти пяденей съ хвостомъ (монаст.)

Демьянцы — горшечники; по гáршки!
 Валдайскія горы, да Любанскіе воры. Колокольники,
 Молодецъ, купи бараножъ, да хорошихъ кашихъ — а ноцѣлу
 въ придачу.

Городъ Боровичи — гамъ-городъ.

Боровичане — волнушечники, водохлебы.

Боровичане — луковники. Луку, луку зеленого!

Отъ Волока до Утки шель трон сутки (три версты).

Старорусцы — лошадей съѣли, да въ Новгородъ писали, чтобъ ещ
 прислали.

Псковичи — капустники, мякинники, ершефды.

Пронеси Богъ Княжій мостъ да Михайловъ погостъ (Пск. гб.
 мостъ и погостъ этотъ въ топахъ, гдѣ вѣкогда много было разбоевъ).

Торопчане — табатеры. Торопчанина обманеть Цыганъ, Цыгана —
 Жидъ, Жида — Грекъ, а Грека — чортъ.

Торопчане — Египчане (Египтяне?).

Торопчане: Поляки съ пушками, а мы съ клюшками (осада Серг
 Лавры, при Самозванцѣ).

Псковичи — небо колями подпирали (Три дня сходка стояла, думая
 что дѣлать? Туча нависла; рѣшили подпереть колями).

Хоцу — вскоцу, не хоцу — не вскоцу (Въ старину невѣста говорила:
 хочу — вскочу и, соглашаясь идти за мужъ, прыгала черезъ положенный
 кругомъ поясъ, или въ наставленную юбку).

Оляницѣна — воровщина (Озеро, Псковской губ.).

Порховцы — толомонники.

Тверитяне — ряпушники. Забѣгай, забѣгай а что? Не видишь, ку-
 ница бѣжитъ! Это собака, съ Клементьева двора. Ну, такъ пускай себѣ.

Тверитяне въ приглядку съ сахаромъ чай пьютъ. Цуканы.

Проѣдешь Погорѣлецъ и Кушалино — ступай смѣло до Москвы.

Кушали (Твер. уѣз. с. Кушалино) — бердники, частобан.

Кушалинскія крестьянки — тонкопяхи.

Осташа — ершеѣды, сажожники, золотошвы; Волчьа обѣдки.

Селигерцы (Тверск.) — ершеѣды.

Кимряки — сычужники (Кимры, Твер. губ. Корчев. у.; отъ бѣда: свиной сычугъ съ нашей).

Пѣтуха на канатѣ держали, чтобъ на чужую землю не ходилъ.

Кимряки — лѣтомъ штукатуры, зимой чеботари.

Города Коростеня, владѣнія Ольгина, народъ Кривичи.

Новоторы — воры (говорять Осташи, которымъ отвѣчаютъ): и Осташи хороши.

Воры — Новоторы, и Осташи — хороши, а свято то мѣсто, гдѣ Тихвинца нѣтъ.

Ржевцы: Ряпуха тухлая. Собачники. Отца на кобеля промѣняли. Козу сквозь заборъ пряникомъ кормили.

Старичане: Старица — дегтярница. Мазилку потеряли, да за Новъ за ней ворочались.

Возми сорокъ алтынъ! «Сороцы не сороцы, а меньше рубля не отдамъ».

Старичане — пѣтуха встрѣчали съ хлѣбомъ-солью. Пришелъ грозенъ посолъ подъ Старицу: шуба навыворотъ, самъ низенекъ, а поперекъ о пяти охватахъ; словечка не молвить, а только шипить: аяъ это — Индѣйскій пѣтухъ.

Кашинцы — водохлѣбы (т. е., чайники).

Кашинцы — собаку за волка убили, да деньги заплатили.

Калезинцы — свинью за бобра купили; собаку за волка купили. У нашего Макарья по три деньги Натальи, а грошъ дай, любую выбирай.

Калезинцы, Угличане, Вологжане — толоконники.

Семендлевщина — булочникъ, да колбасникъ, пряничникъ, да пирожникъ (Твер. губ. Коляз. у.).

Бѣжечане — колокольню рожкомъ подбили (т. е., встряхивая табакъ въ рожкѣ. Это присловье дается, впрочемъ, разнымъ уроженцамъ).

Зубчане — таракана на канатѣ на Волгу понтъ водили.

Ты чей молодець? Зубчевскій купецъ. А гдѣ былъ? Въ Москвѣ по міру ходилъ.

Зубчане—Волочане, приходили къ намъ (Ржевцавъ) за щами; мы щей не дали, взащей прогнали.

У насъ (во Владиміръ) много уголья: отъ Москвы два девяносто; да изъ Клизмы воду пей.

Владимірыцы — каменщики; клюковники. По клюкву, по ягоду клюкву!

Наши холопы каменницы (стар. Ростовцы, Владимірамъ).

Собирались кулики, на болотѣ сидючи — они Суздальцы и Владимірыцы (изъ пѣни).

Владиміръ: деревянныя печи, золотые ворота, желѣзные церкви. (Деревян. печь была въ Архіерейск. домѣ Успенск. Собора; золотые ворота извѣстны; желѣзная церковь была у Рождеств. монастыря).

Владимірыцы: И наши молодцы (какъ Вологодскіе) ни бьются, ни дерутся, а кто больше съѣсть, тотъ и молодець. Стерлядники.

Во Владиміръ и ланцу тоноромъ кронать (обычай этотъ держится только въ вольныхъ, т. е., казенныхъ деревняхъ).

Суздальцы — богомазы. Георгія замѣсть Пятницы (Св. Параскевіи) промѣняли (образъ не продаютъ, а мѣняютъ).

Въ Суздали да въ Муромѣ Богу помолиться, въ Вязникахъ погулять, въ Шуѣ наняться. Суздальцы — сальники.

Муромцы — Святогоны (изгнали въ XIII в. Епископа Св. Василія). Вертячіе бобы; рогатые орѣхи; калачники.

Шуяне: кабы мнѣ крѣпкаго мыльца. Бѣса въ солдаты отдавъ.

Шуйскій илутъ, хоть кого виряжетъ въ хомутъ въ Питерѣ бывае, на полу сынае, и то не унае.

Юрьевцы — китаешники.

Ковровцы — офени, коробейники, проходимцы: картавые (за оренбургскій языкъ).

Онтуфьевцы — мыпкіи (Переясл. уѣзд. Они говорятъ мыа, а не моа, дескать).

Книжка (Перясл. у.) изъ ума вонъ выжила. Книжане полотую грамоту просили.

Лыченцы (Перясл. у.) — телятники.

Ярославль городокъ — Москвы уголокъ (это говорится о многих др. городахъ).

Ярославцы: красавцы, бѣлотѣльцы, пѣсенники, запѣвалы, чистоплюи. Пудъ мыла извели, а родимаго пятнышка у сестры не смыли. Конфетчики, кукушкины дѣтки (мужики мало дома живутъ). Снаса на воротахъ продали.

Ростовцы: вислоухіе, ланшефды; родимые; озеро соломой зажигали. (Вислоухіе, отъ шапки съ ушами. Солому съ кровель сымали, чтобъ растопить ледъ на озерѣ, для рыболовства).

Сказываютъ, что въ нашемъ Ростовскомъ государствѣ Ростовское озеро сгорѣло.

У насъ-ти въ Ростовѣ, чесноку-ти, луку-ти, а навозъ-ти все коневій. Огородники, птичники, каплуники. Ростовскіи каплуны.

Бздилъ чортъ въ Ростовъ, да напугался крестовъ.

Вотъ, парья (парни), нашъ царь: шильцо въ рукахъ и щетинка въ зубахъ; звоните въ била, клепала (Галичане, о Ростовцахъ).

Пошехонцы — слѣпороды: въ трехъ соснахъ заплутались. За семь верстъ комара искали, а комаръ на носу. На сосну лазили, Москву смотрѣли. Я слушаю: кто свищеть? Анъ это у меня въ носу. Ногти подъ столомъ перепутали. Съ краю не ложатся, а всё въ середину (о Пошехонцахъ Яросл. и Галичанахъ Костр. рассказываютъ много въ этомъ родѣ, о чемъ пздана цѣлая книжка, впрочемъ, подражаніе Пшемской, о Швабахъ).

Угличане: небось, небось, батька, вѣдь это не наше (отецъ съ сыномъ пошли воровать; отецъ трусялъ, сынъ его ободрялъ).

Толокномъ Волгу замѣсили (или: перепрудили; говорится также о Вологожаныхъ и др).

Романовцы — схорони концы. — Барана въ зыбкѣ замачали (украивъ спеленали и положили въ зыбку, чтобы сврнать). Вотъ вамъ правая

руна, даю черезъ някое дитя, да коли и украдѣ, то и ему бѣла на ножѣ поторчать.

Въ Романовщинѣ (Ром. околотокъ, того же уѣзда, мелкопомѣстная), столько барскихъ дворовъ, сколько у зайца ломовъ (т. е., прыжковъ).

Даниловцы — любимые ловцы, невыдавцы. Кошкодавы! кошку не купили, а на базарѣ задавили. Всесвятская кашница, по три деньга аршинъ.

Любимцы — козу приникомъ кормили. Водохлебы. Не учи козу, сама стянеть съ возу, а пречиста рука все причистить. Двѣнадцатый часъ, а матушка съ міру не бывала (т. е., со смоден; мужики всё въ заработкахъ, а бабы въ десяткахъ).

Мологжане — коноводы (т. е., управляютъ коноводками по Волгѣ).

Рыбинцы: у дѣвушки родимое платнышко смывали, нарочно баню топили.

Сицкаръ съ топоромъ, что казакъ съ конемъ (на р. Сити; Ярослав. Мол.).

Сицкаря топоръ одѣваетъ, топоръ обуваетъ, соха кормить.

Сицкая кокура (Сицкари — барочки, плотники).

Нижній — сосѣдъ Москвѣ ближній: домъ каменные, люди желѣзные. Воды много, а почерпнуть нечего (Нижній на двухъ рѣкахъ, но на горѣ).

Стоять Нижегородцы на горѣ, смотрять да баютъ: чай, примѣчай, куда чайки летять (Нижегородцы часто говор. чай).

Бородка — Нижегородка, а усъ Макарьевскій.

Нижегороды — не уроды. Нижегородцы водохлебы (т. е., чайники).

Нижегородъ — либо мотъ, либо воръ, либо пьяница, либо жена гулявица.

Будто изъ Елховки, стрижены верховки (т. е., маковки).

Кстово — Христово: чарочка маленька, да винцо хорошо.

Мы бы (Нижегородцы), не собрались да не встали, такъ вы бы поганую землю носомъ копади (нашекъ на врем. К. Пожарскаго и Мещера).

Татищевъ да Слопшицевъ (села). ворами кормилецъ (старик).

На Аратъ воровать, на Якшень продавать, въ Мурашкино концы хоронить (Аратъ Арзамаскаго, Якшень и Мурашкино Княгининскаго уѣзда).

Васильцы (на р. Сурѣ) — стерлядники.

Княгининцы — шапошники. Шапкии обозъ задавили.

Мурашкинцы — тулупники; рубезокъ кислый; кислая овчина.

Ой ты, Устя Копосовска! (брань; Копосово, село подъ Нижнимъ).

Кунавина слобода въ три дуги меня свела (пристанце разврата на Нижегородской ярмаркѣ).

Нынѣ пустяки-то позади Оки (о Кунавинѣ же).

Лысковцы — народъ честный: коли не воръ, такъ мошенникъ.

Сыщи въ Лысковѣ не пьяницу, не мошенника, а въ Юркинѣ не разбойника (села Макарьевскаго уѣзда).

Черновское (Нижегор. г. Сергач. у.) — мѣсто воровское.

У Макарья — по деньгѣ Наталья, а на грошъ — цѣлый возъ.

Балахонцы — гагары. Балахонская гагара.

Городъ Балахна стойтъ помы распахня (Балахна растянулась по Волгѣ версты на три).

Въ Городцѣ (Балах. у.) на горѣ, по три дѣвки во дворѣ.

Арзамасцы — гусятники, луковники; малеваны (иконописцы).

Арзамасцы соборъ кандалами сковали (связали обручами сводъ).

Въ Кардовляхъ удавили, въ Понятовкѣ схоронили, въ Коринѣ по вино.

Семеновцы (Нижег.) — Заволжская кокура. Баклушники. Ложкари, ложка бурлацкая. Теплый, валеный товаръ.♦

Сергачи, Лукояновцы, Арлатовцы — Запьянскіе (Затешскіе) неряхи; Запьянщина — гречишныя запятки; бабы Запьянскія — чупахи, бутены.

Хороши Ломакинцы: Царя не кормя спать положили (Сергач. уѣзда. О Грозножѣ).

Кострома — блудливая (веселая) сторона.

На Куси — выпей да закуси (Кусь, рѣка Костр. г.).

Костромичи: Лучше бы три раза погорѣла, чѣмъ разъ овдовѣла.

Костромичи въ кучу, а Ярославцы прочь (врознь).

На руку нечисты; лапти растерли, по дворахъ искали, было шесть — стало (нашли) семь.

Костромичи (отъ Костр. вивъ, по Волгѣ, до Юрьевца) — голубраные, острокопытники, тамбйки (говор. тамбйко ви. тамъ).

Галичъ Кострому обманулъ на острову.

Галичане — корову на баню втащили; городъ Галивонъ, озеро Миронъ, а люди Кривичи. Овчинники. Мѣховщики. Толокно въ рѣкѣ весломъ мѣшали.

Що, парь, Галуньки (Галичане).

Галичане — галки набатныя. Галичья воевода (своевольникъ).

Чухломцы — Чухломскій рукосуй! Рукавицы за пазухой, а другихъ ищеть.

Старогородцы (на р. Унжѣ, Макар. у.) — луковники.

Кинешемцы и Рѣшемцы — суконники.

Кинешма да Рѣшма кутить да мутить, а Сологда убытки платить. (Сологда лежитъ между Кинешмою и Рѣшмою, которые встарину ссорились).

Бувцы — домосѣды, лѣсники. Буй городокъ отбей кошелекъ.

Кадуевцы — кадочники. Кадуй — бока надуй.

Буй да Кадуй чортъ три года искалъ, а Буй да Кадуй у воротъ стоялъ (Татары искали Буй, чтобы разорить его, но не нашли къ нему дороги).

Солигаличане — известняки, бревенники.

Судиславцы — грибовники. Кологривцы — дегтярники.

Село Лупино (Нерех. уѣз.), Арменки глупые, а Нерехта на умъ наставить.

Не бойся по Арменской дорогѣ воровъ, а бойся въ Нерехтѣ каменныхъ домовъ.

Нерехотскіе бѣгуны (Нерехотцы ходятъ съ безиеномъ по селамъ — за купать пряжу).

Ветлужане — санники. Санникъ да тележникъ, а выгъхать не на чемъ.

Варнавинцы — медовки.

Село Воронье — днемъ семидесяти господъ (мелкопомѣстное), а ночью одного (кто пойдетъ на разбой).

Къ Соли иду — ничего не несу; отъ Соли иду, полную пазуху несу (жители села Соли, Костр. губ., но обидно въ овощахъ, снабжаютъ ими павшихъ мостителей безмездно).

Вичуговцы — салфетчики. Шарфентьевцы — кошкодавы.

Казань прогребли — и орду прошли.

Продай, князь, мыла (дразнить Татаръ)!

Казанскій сирота, Казанскій нищій (плутъ, прикидывающійся бѣднякомъ; отъ бывшихъ мурзъ Казанскихъ).

Въ Тетюшахъ городничій лапоть плететь.

Свіязжане — лещевники. Самарцы (Саратовцы) — горчишники.

Симбирцы — гробокрады, качанники.

Виденъ (Симбирскъ), да семь деѣтъ ѣдемъ.

Архангельцы — моржеѣды, кровельщики. Ивановичъ, слѣзь съ крыши, я къ тебѣ прѣѣхала (жена кровельщика прѣѣхала въ Петербургъ и звала съ Зимняго Дворца статую).

Поморы — красныя голенища (перпичья).

Архангелогородцы — шанѣжники; шанѣга кислая.

Городъ Архангельскій, а народъ въ немъ діавольскій.

У насъ на Вагѣ и уха съ блинами. Вагане — кособрюхіе.

Холмогорцы — заугольники (смотрѣли на Петра I изъ за угловъ).

Отъ Холмогоръ до Колы — тридцать три Николы.

Опежане — Прохорята, Прохоровы дѣти.

Прохоръ письмо прислалъ, а лободырному велѣлъ деньги собирать.

Во всеѣ Онегѣ нѣтъ телѣги. Лѣтомъ воеводу на саняхъ по городу возили, на рогахъ онучи сушили.

Пинежане — икѣтники (общая тамъ болѣзнь; икота, кликушество).

Пинежане: Покупала по цетыре денезки, продавала по два гросяка; барыша куца куцей, а денегъ ни копіючки.

Мезенцы — сажеѣды, чернотрѣпы (неопрятны).

Шенкурцы — водохлебы (бурлаки, носятъ ложку на шляпѣ).

Разбей Богъ ладью, накорми Солозу (на лѣтнемъ берегу поморья)!

Кольская губа, что Московская тюрьма (не скоро выйдешь).

Кто въ Колѣ три года проживеть, того на Москвѣ не обмануть.

Кола — крюкъ, а люди уда. Кольско страшилище.

Коляне Господни — народъ Израильскій: что ни слово, то зазубра.

На Колѣ чловѣка убить, что кринку молока испить.

Гдѣ рыба ни ходитъ, а Св. Носа не минуетъ (Кемская).

Петрозаводцы: качу лавочку, качу мытный дворъ, качу свой торжокъ (о базарн. торговкахъ).

Боску съѣли. Боска, Боска, на тебѣ костку (кличца собаки)!

Каргопольцы — Чудь бѣлоглазая. Сыроѣды.

Олончане: Олонцы — добры молодцы. Наши молодцы ни бьются, ни дерутся, а кто больше съѣсть, тотъ и молодець. У насъ одинъ молодець съѣлъ 30 пироговъ съ пирогомъ, да все съ творогомъ. Ълъ, ѣлъ — что то лопнуло: не брюхо ли? Нѣтъ, ремень лопнулъ съ пряжкой.

Любезный Олонецъ — бѣлы берега.

Кайваны въ Олонецъ не бывали.

Вытегоры — камзолники.

Пропили воеводы Вологду.

На словахъ — какъ на маслѣ, а на дѣлѣ — какъ на Вологдѣ.

Вологодцы — теленка съ подковой съѣли. Толоконники: Волгу толокномъ замѣсили.

Устюжане, — рожечники, табачники. Колокольню рожкомъ подбили. Красноязыкіе. Черносеребренники. Мазы.

Усолицы — огуречники.

Худъ Пермькъ, да два языка зна'тъ.

Чусовляне (Пермск.) — чеботари.

Сылвинцы — векшеѣды (Сылвин. заводъ, Красноуф. уѣз.).

Чердынцы — щелоѣды, сухомятники (Плотники, Чердын. уѣз).
Колдуны. Чортовы знахари.

Вятчане — Хлыновскіе бояре. Свистоплясы. Колдыкѣи (гов. колды).

Вятски — ребята хватски. Мы вятчки, ребята хватчки: семеры одного не боимся.

Вятчане на руку не чисты: вчера съ нами ночевали, онучку украли.
По Вятски: на угадѣ. Вятичъ на авось и хлѣбъ съѣтъ.

Вятичи — толоконники, Вани.

Вятка всему богатству matka. Ходить Вятка съ пооглядкой.

Вятичи — Вятская баталія (съ морскимъ чудищемъ; см. лубочн. картин.).

Вятичи — слѣпороды (Устюжане пришли на помощь, а Вятичи сочли ихъ за непріятеля и стали бить. У Вотяковъ подслѣповатые глаза, у новорожденныхъ же они очень малы).

Вятичи — ротозѣи (Новгородцы подпустили подѣ Болванскій городокъ (сеза Никулицыно) болвановъ на плотяхъ, Вятичи зазѣвались на нихъ, а Новгородцы съ другой стороны взяли городокъ).

Слобожане — (Вятск.) Жидокопы (Слобожанинъ откопалъ трупъ Жюда, полагая, что Жидовъ хоронятъ съ деньгами).

Хлыновцы корову въ сапоги обули (краденую, чтобы слѣду не было).

Хлыновскіе воры. Хлынъ взялъ (пропало).

Курскій воръ. Нѣтъ у Бѣлаго Царя вора супротивъ Курянина.

Крестись — Андроны ѣдутъ (Курск.).

Мы не люди, мы Абодинцы (Курск. губ.).

Орловцы — безменщики; проломанныя головы.

Орелъ да Кромы — первыя воры, да и Карачевъ на поддачу.

Брянцы — куролѣсы. Брянская коза (Орлов.).

Цыгане Мценскъ десять верстъ обходили (Орл.).

Медняне: Амчениша бы тѣ во дворъ (а святыхъ вонъ)!

Ельчане — сычужники. Радуга ушатъ воды выпила.

У насъ въ Ельцѣ, на Соснѣ рѣцѣ, курица вутѣнка вывела.

Въ Ельцу — дѣвка по яйцу, а позадь Ельца — половина яйца.

Елецъ всѣмъ ворамаъ отецъ, и Ливны всѣмъ ворамаъ дивны.

Ливенцы — саламатой мостъ обломил (Ливенцы повезли на встрѣчу воеводѣ саламаты, по горшку со двора).

Въ Сѣвскѣ поросенка на нѣсть сажали, приговаривая: Цайпайся, цайпайся, курочка о двухъ лапкахъ, да держится.

Болховитяне рака со звономъ встрѣчали: Вотъ воевода къ намъ ползеть, и щетинку въ зубахъ несетъ.

Калужане: Калужанинъ поужина'тъ, а Тулякъ ляжетъ и такъ. Шагольники: шаголь шаглуе, на осиновоѣ на дубу, да какъ воскогуркнетъ: ткау, ткау! Козла въ соложеномъ тѣствѣ утопили (вороны каркали на деревѣ, а мужикъ, собираясь въ путь, по нимъ предсказалъ товарищамъ ведро, сказавъ: шаголь шаглуе и пр.).

Мосали — гуторы: загуторили воеводу. Матушка Заугра (рѣчка), не потоци нашего города Мосальска, да нашего старосту Гаврюшку!

Лихвинскія горы (Кал.) да Новосильевскіе воры (Тул.).

Тулякъ — стальная душа. Блоху на цѣпь приковали. Присядь, бачка, чижи летять (Туляки птицеловы).

Хорошъ заяцъ — да тумакъ, хорошъ малый — да Тулякъ.

Живеть въ Тулѣ, да ѣсть дули.

Бей челомъ на Тулѣ, ищи на Москвѣ. Тула зипунъ слула.

Ефремовцы — въ кошелѣ кашу варили (Тул.).

Алексинцы — стрѣльцы.

Одоевцы: Молодечъ, а молодечъ! Продай за грошъ постныхъ лицъ (огурцовъ. Тул.).

Краивенцы — сѣно съ колокольнымъ звономъ встрѣчали (думая, что это воевода. Тул.).

Каширцы: Шапку долой! А що? Глянь, все бояре. (Проѣзжая по однодворческимъ деревнямъ и видя избы съ трубами, ворота съ растворами, сани съ козырями, мужики считали ихъ барскими усадьбами).

Понесъ чортъ однодворцевъ на базаръ, да рѣшето и опрокинутъ надъ Каширой.

Кашира въ рогожу обшила, Тула въ лапти обула.

Городъ Чернь годомъ старѣе Москвы.

Муравьятники (прозвище работающих жителей села Высокой Горы, Новосильск. у.).

Бѣсово, Руново — пронеси Богъ здорово, а Терново да Басначь, хоть кругомъ обскачь (Тул. губ., Кашир уѣзда).

Рязанцы — кособрюхіе, синебрюхіе. Мѣшкомъ солнышко ловили, блинами острогъ конопатили (Синебрюхіе — отъ синихъ рубахъ. Въ битвѣ съ Москвичами солнце было въ лицо Рязанцамъ; они стали ловить его въ мѣшокъ, чтобъ выпустить на враговъ. По приказу: проконопатить острогъ, Рязанцы все откладывали дѣло — до масляницы, тутъ ихъ приструнили: они и проконопатили его блинами).

Касимовскій Бухарець (т. е., мошенникъ, Татаринъ, торгующій въ разноску мыломъ, халатами и пр.).

Спасцы: Откуда ты молодець? Спасскій купецъ. Чѣмъ торгуешь? Краснымъ товаромъ: салными свѣчами да чистымъ дегтемъ (Ряз.).

У Спасца и деготь — красный товаръ.

Егорьевцы — коновалы, головотяпы, рудометы: самъ ножъ точить, а говоритъ небось.

Дѣдновцы — Макары (Когда Петръ I былъ въ Рязанской губерніи, то на вопросъ его Дѣдновцы, одинъ за другимъ, назвались Макарами, потому что первому Государь сказалъ: хорошо). Цѣловальники.

Макары до икрынки рыбу вылавливаютъ.

Гдѣ Макаръ побывалъ, семь лѣтъ рыба не ловится (Они сымають рыбную ловлю въ рѣчкахъ и озералъ и мастера вылавливать всю рыбу).

Близки Гулынки, подымай дубинки (Гулынки Рязанской губерніи, Пронск. уѣзда, прежде были разбойники).

Лазаревичи-вичи, погорѣлицы-кричи, наволокъ-хохолкъ, Теплухина-хохлахина, Ялчина-гора, высоко-спечена.

Пензенцы (Пензяне) толстопятые. Въ Москвѣ свою ворону узнали.

Сура — рѣчка у насъ важная: донышко серебрянно, круты бережка позолочены.

Борисоглѣбцы — кислониѣздые (они прежде были скорняками и клейщиками. Тамб.).

Норовчатъ, гдѣ колышки торчатъ.

Елатомцы — бабешники.

Моршанцы — сомятники.

Тамбовцы — Молоканы. Хрептуки стѣльные, толстовогіе.

Темниковцы — совятники; сову въ озерѣ крестили (въ Совинюмъ: Загулявшись, Темниковцы поймали сову и шалючи надѣли на нее гайтанъ и окунули ее въ озеро; она полетѣла и сѣла на церковный крестъ, гдѣ, запутавшись, удушилась; Темниковцамъ шалость эта дорого стоила: они должны были снять сову на свой счетъ. Тамб.).

Кадомцы — цѣловальники, сомятники: сома въ печи поймали (Мокша потопляетъ Кадомъ: когда-то и занесло сома въ открытую печь).

Астрахань арбузами, а мы голопузами (славны).

Астраханцы — чилимники (чилимъ, водяные орѣхи). Икорники. Ворвань тухлая. Бѣлужники. Разбойники. Дуванщина.

Въ Астрахани — и коровы рыбу ѣдятъ (соленую).

Красноярцы — сомятники.

Астраханцы кобылятину вмѣсто бѣлорыбицы въ Новгородъ слали.

Откуда ты, Иванъ? Съ воли, родимый (дразнятъ Астраханскіе старожилы бродягъ).

Голодаѣвцы — (переселенцы въ Астраханской губерніи, по бѣдности ихъ).

Долгопѣзники (Воронежскіе переселенцы въ Астрах. губерніи, подпоясывающіеся низко).

Саратовскіе мѣщане соборъ свой съ молотка продали.

Чехонь (рыба) черезъ соборъ перепрыгнула (въ Саратовѣ).

Мудрые Нѣмцы — Камышинцы.

Хвалынцы — головорѣзы. Сызранцы — ухорѣзы.

Ступай на Низъ — пшеничное ѣсть.

Когда нечѣмъ платить долгу, такъ ѣхать (итти) на Волгу (либо въ бурлаки, либо на разбой).

Божья коровка, полетай за Волгу: тамъ тепленько, здѣсь холодненько.

Смоляне—Польская кость, да собачьишъ мясомъ обросла.

Смоляне: Якой губерніи? Смоленской. Якого уѣзда? Города Дорогобужска. Якой волости? Демьяновой посады. Якого села? Съ Ивановой усадьбы. Якого боярина? Про то не вѣдамъ.

Смоляне—крушеники, мезговники (мезга—сосновая облонь, которую мѣшаютъ въ хлѣбъ).

За мезгой въ городъ ѣздилъ, въ красные ряды ходилъ.

Хоть бейся объ Малаховскіе ворота.

Смоляне міромъ блоху давили.

Воровская Писковщина (Смол. губ., Сыч. у., село Писково).

Лѣнивъ, какъ Клепенскій мужикъ (Смол. губ., Сыч. уѣзда, село Клепени, гдѣ всѣ нищіе, по обычаю).

Вязмичи—прянишники, коврижники. Мы люди неграмотныс, ѣдинъ прѣвникъ неписанныс.

Глупая Вязма, безтолковый Дорогобужъ.

Вязма, въ пряникахъ увязла.

Рославцы—дегтяря.

Витебцы: Волынка да гудокъ, собери нашъ домокъ; соха да борона, разорили наши дома.

Литвины—земляники, землекопы, лопатники. Бѣлошапошники, магѣрки (валенныя шапки).

Развѣ лихо возьметъ Литвина, чтобъ онъ не дѣкнулъ.

Кругомъ вода, а въ серединѣ бѣда (о Себежѣ, Витебск.).

Мезырь, что пузырь: кругомъ бѣда, въ серединѣ бѣда.

Въ Вильнѣ—что въ мыльнѣ.

Кто въ Вильнѣ не бывалъ, тотъ чудесъ не видалъ.

Въ Вильнѣ семь дорогъ для Жида, да три для Поляка.

Азовъ былъ славенъ, Смоленскъ грозенъ, а Вильна дивна.

Это видно рѣшѣта гономъ гнали (сказалъ Литвинъ, глядя на лапотный слѣдъ по дорогѣ).

Овруцкая (Ошмянская) шляхта (т. е. гѣлышъ, оборванецъ).

Въ Луцку все не по людску: навколо вода, въ серединѣ бѣда.

Каменецъ—вѣнецъ: кругомъ вода, а въ серединѣ бѣда (р. Смотричъ обтекаетъ вкругъ скалы, на которой Каменецъ Подольскъ).

У мужика грудь никогда не забнетъ, у Жида пятки, у Ляха уши.

Кто въ Одессѣ не бывалъ, тотъ пыли не видалъ.

Вышелъ изъ полонѹ, да поселился на Донѹ.

Донцы—осетерники, балычники, станичники.

На Дону ни ткуть, ни прядутъ, а хорошо ходятъ.

Крымцы—селедники, садовники. Сельди тухлые.

Крымъ—не кривъ, Азовъ—не о стѣ шаговъ.

Малороссы—Мазепинцы, хохлы, чубы; индюшка высидѣла; галушкой подавился. Индѣйка изъ одного яйца семерыхъ хохловъ высидѣла.

Чортъ съ хохла голову снялъ, да приставилъ ему индюшечью

Хохолъ глупѣ вороны, а хитрѣ чорта.

Хохлацкій цѣпъ на всѣ стороны бьетъ (Хохлы молотятъ черезъ руку).

Чтобъ тѣ хохлы да повыходили! — А чтобъ тѣ Москали да ихъ вытаскали (отвѣтъ)!

И по воду хохолъ, и по мякишу хохолъ.

Хохолъ не совретъ, да и правды не скажетъ.

Онъ Хохолъ (т. е., хитеръ и упрямъ).

Русакъ до читанья, Хохолъ до снѣванья (Западн.).

Венгеръ изъ подъ Лохвицы (Полт. губ., коробейники).

Заднѣпровскій Итальянецъ. Задришанцы.

Продали съ Хохла поясъ за три деньги, а Хохолъ ни почему въ придачу пошелъ.

Полтава сидитъ на горѣ, какъ пава, а въ грязи, какъ жаба.

Золотоноша кругомъ хороша.

Роменцы — табачники (Полтавск.).

Глуховцы — папушный табачекъ (Черниг.).

Перяславцы (заозерцы) — обручники (Полтавск.).

Красный Кутъ задастъ капуть (Харьк. губ., гдѣ нѣкогда, по преданію, велась шайка разбойниковъ).

Сибирь не мшная. Сибирскій варнакъ.

Страшна Сибирь слухомъ, а люди лучше нашего живутъ.

Сибирь — золотое дно (отъ пушнаго и торговаго промысловъ; нынѣ это буквально оправдывается).

Русь навалила, насть совѣтъ задавила (Сибирская).

Чернолапотница (Русская, въ Сибири).

Охотскіе обыватели — кочемазники.

За здравіе бабушки Гугнихи! (говорять Уральцы, почитая ее праматерью своею, первой женщиной, оставшейся въ войскѣ.)

Радимичи — волчья хвоста бѣгають (Воевода Волчій Хвостъ побилъ Радимичей).

Бѣда, что въ Роднѣ.

За Пьяною люди пьяны (рѣкою Нижегород. губ., 1377 г. Русскіе поражены въ станѣ Татарами).

Пришли Казаки съ Дону, да погнали Ляховъ до дому (освобождение Москвы отъ Поляковъ 1612 г.).

Съ одну сторону Черемиса, а съ другой берегися (1524 г. войско на судахъ шло подъ Казань и побито въ порогахъ Черемисами).

Пропалъ, какъ Бековичъ (при Петрѣ I-мъ, посланный въ Хиву и погибшій съ отрядомъ).

Аника смотрокъ. Аника воинъ (см. лубоч. картину).

Шемякинъ судъ. Шемяка кривосудъ (1446 г. Шемяка ослѣпилъ Темнаго, завладѣвъ престоломъ).

Малюта Скуратовъ — злодѣй, мучитель.

Гришка Отрепьевъ — воръ, самозванецъ, проклятый.

Стенька Разинъ — отчаянный разбойникъ.

Стенька Разинъ на коврѣ леталъ и по водѣ плавалъ.

Ванька Каинъ — окаянный грабитель.

Мазепа — предатель.

Пугачъ — злодѣй, разбойникъ, душегубецъ.

Волга — плыть долго, а Дунай широко. Видно Дунай съ Волгой не сольются.

Волга всѣмъ рѣкамъ мать. Волга матушка широка и долга.

Волга-матушка — глубокая, раздольная, разгульная. Днѣпръ быстрый, широкій. Донъ Ивановичъ тихій, золотой. Дунай Ивановичъ. Прутъ, Днѣстръ, Нѣманъ — порубежныя. Уралъ — золотое дно, серебряна покрывка.

Снизу доверху, сверху до низу (о рѣкѣ).

Голь на выдумки торовата (относительно зажиточъ иностранцевъ).

На Русскомъ хлѣбѣ отъѣлся (говорять о сытыхъ, или богатыхъ, иностранцахъ).

Нѣмчина хитрая, безвѣрная, басурманская.

У Нѣмца на все струментъ есть.

Нѣмецъ безъ шути съ лавки не свалится.

Нѣмецъ хитерь: обезьяну выдумалъ.

Нѣмецъ своимъ разумомъ доходить (изобрѣтаетъ), а Русскій глазамъ (перенимаетъ).

Нѣмецкая (т. е., точная, школярная) ученость.

Настоящій Нѣмецъ (точень, педантъ, причудливъ).

Нѣмецъ — шмерецъ, копченый, колбаса, колбасникъ, сосиска.

Нѣмецъ Иванъ Ивановичъ, Адамъ Адамычъ и пр.

Штуки — шпеки, Нѣмецки человекъ.

Шпрехенъ-зи-дейчъ? Иванъ Андренчъ.

Вась-исъ-дась? Кислый квась.

Ноги многи, глаза быстры, а шейка шлѣпъ-шлѣпъ. (ракъ; такъ дразнить Нѣмцевъ).

Что Русскому здорово, то Нѣмцу смерть.

Русскій Нѣмцу задалъ перцу.

У Нѣмца (Француза) ножки тоненьки, душа коротенька.

Прусскій гуть (хорошъ), а Русскій гутье (солдатск.).

Нѣмецъ хоть и добрый человекъ, а все лучше повѣсить.

Настоящій Англичанинъ (т. е., моритъ барина, терзаетъ, чужакъ, и дѣлаетъ все по своему).

Сущій Италианецъ (т. е., пройдоха).

Французъ — кургузъ. Французскій вѣтеръ (вѣтрогонъ).

Это сущій Французъ (т. е., говоравъ и оронетчивъ).

На Француза и вилы ружье (1812 г.).

Замерзъ, какъ Французъ; замороженный Французъ.

Французъ (Полякъ) боекъ, а Русскій стойкъ.

Полякъ (Ляхъ), безмозглый, безмачальный; Лявская, Жидовская, собачья вѣра.

Ляхъ и подъ старость вретъ. Ляхъ и умираетъ, а ногами драгаетъ.

У насъ не Польша: есть и больше (т. е., больше боярина, вельмежи, своевольника).

У насъ не въ Польшѣ, мужъ жены больше.

Что дальше въ Польшу, то разбою больше (Смол.).

У Поляка и приказъ разсказъ (гозказ).

Кѣпско коло Витѣбска, у Оршѣ горше, а у Минску по свинску (Вил.)

На всю Польшу однимъ комаръ глауду (мозгу) принесъ.

Литвинъ — колтунъ. Литовскій колтунъ.

Литва беззаконная, долгополая, сиволапая, цоганая.

Къ кому Богородица, а къ намъ Литва (Икона спасла Мадку отъ Тамерлана, а Витовтъ ограбилъ Смоленскъ).

Сурожцы (Черниг.) — Литвины, Литва беззаконная; мякышники, гольтепѣ.

Шведъ, на рубленая голова.

Чортова сторонушка (Финляндія, за каменя).

И у Цыгана душа не цогана.

Цыгану безъ обману дня не прожить.

Гдѣ Жидъ не прошелъ, тамъ Цыганъ пролѣзетъ.

Цыганъ разъ на вѣку правду скажетъ, да и то покажется.

Жидъ на ярмаркѣ — что потъ на крестинахъ.

Какъ тамъ (у васъ) холодно (сказалъ Цыганъ, закутавшись въ старый бредень и просунувъ палецъ въ ячейку).

Цыганскій потъ пронялъ (т. е., озябъ). Безпомѣстный Цыганъ.

Цыганъ, что голодитѣ, то веселѣ.

Онъ изъ нашихъ. Онъ отъ стѣны пишетъ (т. е., Жидъ).

Отъ него цыбулкой, чеснокомъ пахнетъ (онъ изъ Жидовъ).

Жидъ, свиное ухо съѣлъ.

Жида перекрести, да и подъ ледъ пусти (о крещеномъ Жидѣ).

Жидъ крещеный, волкъ кормленый, да ворогъ примиреный.

Жида — какъ шмели: всѣ за одно стоять.

Жидовская душа. Скорѣе Жида повѣрю, чѣмъ ему. Онъ и Жида обманетъ.

Кто Цыгана (Жида) обманетъ (проведетъ), трехъ дней не проживетъ.

Изъ двухъ котловъ Жидовъ черти одного Армянина выварили.

На одного Жида — два Грека, на Грека — два Армянина, на одного Армянина два Полтавскихъ дворянина.

Грекъ соленый, малосольный.

Грекъ одну маслинку съѣстъ, и то пальчики обсосетъ.

Коли Грекъ на правду пошелъ, держи ухо остро.

Грекъ скажетъ правду однажды въ годъ.

Семеро Грузинъ мухоморовъ объѣлись.

Богъ создалъ Адама, а чортъ Молдавана.

Много намъ бѣдъ надѣлали — Ханъ Крымскій, да Папа Римскій.

Алай-булай Крымскія пѣсни — да тамъ ихъ и тресни.

Перваго Татарина свинья родила, отъ того они и не ѣдятъ ее.

Гдѣ былъ, князь? Волгамъ шаталъ, базарамъ гулялъ.

Штаны сняли Турецкіе, а батоги кладутъ Русскіе.

Татаринъ — свиное ухо. Бритая плѣшь.

Ѣшъ медвѣдь Татарина — оба не надобны.

Моя твоя, — твоя моя — да и только (т. е., Татаринъ, незнающій по Русски, или Калмыкъ).

У Татарина, что у собаки — души нѣтъ: одинъ паръ.

Эй, плѣшь-мурза-Булатанчъ, не видалъ ли пса, собаки Татарина?
А что, добрый человекъ, не видалъ ли ты злаго Татарина? (дрязять Татарь.)

Князь, а князь, возми-ка тройчатки, пособи навозъ навалить!
Татарскому мясоѣду нѣтъ конца.

Злѣе злаго Татарина.

Нѣтъ проку въ Татарскиѣ очахъ.

Нынѣ про Татарское счастье только въ сказкахъ слыхать.

Люблю молодца и въ Татаринѣ.

Татаринъ, либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошенникъ.

Ай молодца: широка лица, глаза узенька, носъ пятка (Калмыкъ).

Калмыкъ — Иванъ Ивановичъ; маханникъ; подъ собою кобылу стѣлъ.

Кто тамъ? Мы. А кто вы? Калмыки. А много ли васъ? Я одна.

Гдѣ два оленя прошло, тамъ Тунгусу большая дорога.

Татаринъ (т. е., плуть). Грекъ (т. е., мошенникъ сквозной). Жидъ (мошенникъ и скряга). Цыганъ (воръ и мошенникъ).

Чуваши — Василій Ивановичъ.

Попъ Васька дома? А кто тамъ? Василій Ивановичъ (Чуваши).

Чуваши хоть сто человекъ, всё вмѣстѣ говорятъ.

Чувашская лопатка. — Русскій скребокъ (отвѣтъ Чувашина).

Перваго Черемиса лѣшій родиль, отъ того они въ лѣсу сидятъ.

Черноногая барыня (Чувашка, или Черемиса, въ черныѣ онучахъ).

Былъ бы (весной) борщевникъ, да смидь, и безъ хлѣба сыты будемъ (о Чувахахъ).

Мордва полкорова.

Какъ Мордвинъ, въ коробѣ ѣдетъ (или: съ коробомъ, отъ Мордовскихъ телѣгъ).

У Мордвы двѣ морды, а шнуръ одна (т. е., два языка).

Разѣздился, какъ Мордва на Богоявление (Въ этотъ день иногда трудно проѣхать черезъ Мордовское село, гдѣ всё катаются, запрягая поочередно всѣхъ лошадей своихъ, чтобы шайтанъ не смѣлъ на нихъ ѣздить).

Корельскій верстанъ (верста) — поѣзжай на весь день.

Рыжого Зырянина создалъ Богъ, рыжого Татарина — чортъ.

Зырянинъ рыжъ отъ Бога, Татаринъ рыжъ отъ чорта.

Упрямъ, какъ рыжій Зырянинъ.

Чудь бѣлоглазая.

Чудь — въ землю ушла. Чудь живьемъ занопалась. Чудь подъ землей пропала. (Общее повѣрье въ Сѣверовосточной Россіи: Чудь, испугавшись Ермака, или же появившейся внезапно бѣлой березы, означавшей владычество Бѣлаго Царя, соорудила помехи на стѣнкахъ, убралась туда со всѣмъ имуществомъ, подрубила стойки и ногибѣла. Остатки ихъ находятъ въ курганахъ и городкахъ).

И въ Самоѣдахъ не безъ людей.

Баба — женщина.

Наша сестра изъ вашего брата (говор. крестьянка барину).

Бабы сборы — гусиный вѣкъ.

Баба не квашня: встала да и пошла.

Бабѣ дорога — отъ печи до порога.

Гдѣ двѣ бабы, тамъ суемъ (сѣить, охотка), а гдѣ три, тамъ содомъ.

Гдѣ баба, тамъ рынокъ; гдѣ двѣ, тамъ базаръ.

Гусь да баба — торгъ; два гуся, двѣ бабы — ярмарка.

Три бабы — базаръ, а семь — ярмарка.

Бабѣ хотъ колъ на головѣ теши.

У бабы семь пятницъ на недѣлѣ. У бабы 72 ушерки въ день.

Съ бабой не сговоришь. Бабу не переговоришь. За бабой покладай послѣднее слово.

Стели бабѣ вдоль, она шѣрлетъ поперекъ.

Стрижено, нѣтъ брито (отъ известной прибаутки).

Баба пьяна, а судъ свой помнишь.

Бабы-то промыслы, что неправые помыслы.

Межъ бабыми да и нѣтъ не продѣнешь игелки.

Волось дологъ, да умъ коротокъ.

Волось дологъ, а языкъ длиннѣй (у бабы).

Волось глушь—вездѣ растутъ.

Женскіе умы — что Татарскіе сумы (переметны).

Баба, что глиняный горшокъ: вынь изъ печи, онъ пуше шишишь.

Собака умнѣй бабы: на хозяина не лаесть (о бранн).

Добрая кума живетъ и безъ ума.

Бабьи хоромы не долго живутъ (стоятъ).

Бабьи городà не долго стойтъ (а безъ бабь городà не стойтъ).

Перекаати-поле — бабій умъ (извѣсти. трава, которая катятся полемъ по вѣтру).

Семь топоровъ виѣствъ лежать, а двѣ прями врознь.

Двѣ косы и рядомъ, и въ кучкѣ, а двѣ прями — никакъ.

Смирень топоръ, да веретено бодливо.

Бабій кадыкъ не заткнешь — ни пирогомъ, ни рукавицей.

Бабій языкъ, куда ни завались, достанеть.

Вольна баба въ языкѣ, а чортъ въ бабьемъ кадыкѣ.

Бабій умъ—бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца.

Бабѣ кровь проливать не годится (отъ обычая, что бабы не колютъ птицъ).

Баба бредитъ, да чортъ ей вѣритъ.

Бабья вранья и на свиньѣ не обѣдешь.

Мужикъ тянетъ въ одну сторону, баба въ другую.

Баба съ кромою, а дѣдъ съ сумою.

Въ чемъ дѣду стыдъ, въ томъ бабѣ смѣхъ.

На женскій нравъ не угодишь (не утрафишь).

На женскій норовъ нѣтъ угадчика. Еще тотъ и не родился, кто бы бабій норовъ узналъ.

На женскія прихоты (причуды) не напасешься.

Женскихъ прихотей не перечтешь.

Пусти бабу въ рай: она и корову за собой ведетъ.

Не куни у вояки лошади, не бери у вдовы дочери.

Дѣвчын (женскія) думы измѣнчивы.

Пока баба съ печи летить, 77 думъ передумаетъ.
 Женскія немощи (болѣсти) догадки лечатъ.
 Псовая болѣзнь до поля, женская до постели.
 Женскій обычай — слезами бѣдѣ помогать.
 Баба слезами бѣдѣ помогаетъ.
 Безъ плачу у бабы дѣлю не споритъся.
 У бабъ да у пьяныхъ слезы дешевы.
 Бабьи слезы, чѣмъ больше унимать, тѣмъ хуже.
 Курица не птица, а баба не человекъ.
 Курицѣ не быть пѣтухомъ, а бабѣ мужикомъ.
 Курица гогочетъ, а пѣтухъ молчитъ.
 Кобыла — не лошадь, баба — не человекъ.
 Я думалъ идти двое, анъ мужикъ съ бабой.
 Баба что мѣшокъ: что положишь, то и несетъ.
 Баба что горшокъ: что ни влей — все кипить.
 У насъ и баба за урядъ въ рекруты идетъ.
 Борода кажетъ мужа, а жену — мужа.
 Отъ нашего ребра намъ не ждать добра.
 Кто бабѣ (свахѣ) повѣритъ, трехъ дней не проживетъ.
 Кто съ бабой свлжется — самъ баба будетъ.
 Адамъ заключи дровомъ, а Ева выстонала чревомъ.
 Мужикъ да собака всегда на дворѣ, а баба да кошка всегда
 въ избѣ.
 И то бываетъ, что кошка собаку съѣдаетъ.
 Лукавой бабы и въ ступѣ не истолчешь.
 Этой бабѣ (барынь) только бы штаны надѣть (бойка, какъ мушья).
 Лучше раздразить собаку, нежели бабу.
 Женское сердце, что котелъ кипить.
 Женское сердце — что ржа въ желѣзѣ. Баба — что жаба.
 Женскій обычай, что впередъ забѣжать.
 Женское слово, что клей пристаесть.
 Женская лѣсть безъ зубовъ, а съ костями сложеть.
 Женское свѣйство (норовъ) и на свиньѣ не объѣдешь.

Тугой лукъ — коромыслице, калены стрѣлы — веретеньица.
 Лучше разъ въ году родить, чѣмъ день-деньской бороду брить.
 Баба да бѣсъ — одинъ у (въ) нихъ вѣсъ.
 Куда чортъ не поспѣетъ, туда бабу пошлетъ.
 Гдѣ сатана не сможетъ, туда бабу пошлетъ.
 Жена виновата искони бѣ. Бабій бытъ — завсе бить.

—
Молодость — старость.

Два вѣка не изживешь, двѣ молодости не перейдешь.
 Коротать молодость — не видать старости.
 Помоложе (т. е., царь), такъ рублемъ подороже.
 Поколѣ молодъ, потолѣ и дорогъ.
 Золотое время — молодые лѣта. Золотая пора — молодые годы.
 Чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе; а чѣмъ моложе, тѣмъ дороже.
 На залежь (старину) навозъ возять, на новинѣ хлѣбъ сѣють.
 Не спрашиваютъ отца, спрашиваютъ молодца.
 Человѣкъ два раза глушь живетъ: старъ да малъ.
 Старъ да малъ — дважды глушь.
 Старый, что малый; а малый, что глухой.
 Ни по старости мрутъ, ни по молодости живутъ.
 Не годы, а горе старить. Не старый умираетъ, а поспѣлый.
 Старостию не жить, а молодостию не умереть.
 Молодые по выбору мрутъ, старые поголовно.
 Крючковатому носу не долго жить (т. е., старому).
 Молодой работаетъ, старый умъ даетъ. Молодой на службу, старыи на совѣтъ.
 Старцу пакости не твори. Старую собаку не волкомъ звать.
 Не смѣйся надъ старымъ, и самъ будешь старъ.
 Молодость не грѣхъ, а и старость не смѣхъ.
 Годы не уроды. Не годы уроды, а люди.
 И старую кукушку на ястреба не промѣнять.
 Не у дѣтей и сидни (сѣдина) въ честь.

Гдѣ старьё (старья), тутъ и старьё (статья).

Старшихъ и въ Ордѣ почитаютъ.

Молодой на битву, а старшій на думу.

Молодъ князь — молада и дума.

И старь да весель, и молада да угрюмъ.

И старь, да пѣтухъ, и молада, да протухъ.

Самъ старь, да душа молада.

Старшій песь не обманеть. Старь песь, да вѣрно служить.

Старшій воронъ не каркнетъ мимо (опытень).

Сѣдина въ бороду — умъ въ голову.

Старшій конь борозды не портить. Старшій конь мимо не ступить.

Старь пестрець (рыба; или: старь селазень), да уха сладка.

Старь, да дюжъ. И свѣжъ и гожъ.

Старшій солдатъ и стараться радъ.

Стараго лѣсу кочерга. Старшій волкъ знаетъ толкъ.

Старина съ мозгомъ. Старина — что диво.

Поживи на свѣтѣ, погляди чудесь.

Стараго воробья на мякишъ не обманешь.

Стараго волка въ тенета не загонишь.

Старикъ, да лучше померьихъ молодыкъ.

Дѣтинка съ сѣдинкой вездѣ пригодился.

У стараго козла больше рѣга.

Маль да глушь — больше бьютъ; старь да шумъ — два угодыя въ немъ.

Старое дерево трещить; молодой летить.

Ахъ, макъ, да зеленъ; хорошъ мальшій, да молада.

Молодой журавль высоко взлетѣтъ, да низко сѣтъ.

У молодого умъ не оцрѣпъ. Молодо — зеленъ; старо — да гнило.

Молодъ, да смороль; а и старь, да басокъ (Арханг.).

Молодъ, да по міру ходитъ; старь, да семью корытитъ.

Сколоченая посуда два вѣка живеть.

Много новыхъ горшковъ перебито, а молодостовъ другой вѣкъ служить (т. е., старшій горшокъ, повитый берестю).

Молоды опенки, да черви въ ныхъ (да чортъ ли въ никъ?).
 Старъ грибъ (дубъ), да корень свѣжъ.
 Чего въ дѣтствѣ просимъ, то подъ старость бросимъ.
 Малень проситъ, а вырастетъ — броситъ.
 Воевалъ молодой, а подъ старость отнустили домой.
 Ётъ чемъ молодъ похвалится, въ томъ старъ покается.
 Дитя падаетъ — Богъ шернику подстиляетъ; старъ надасть — чортъ борону подставляетъ.

Старые дураки глупѣ молодыхъ.
 Подъ старость человекъ — либо умнѣй, либо глупѣй бѣваетъ.
 Старъ сталъ — умъ кончалъ (Татарская).
 Старого учить — что мертваго лечить.
 Старого не бьютъ, мертваго не каютъ (здѣсь каять гл. дѣять).
 Старого пса къ цѣпи не приучишь.
 Старое мясо какъ не вари — все таетъ.
 Не даромъ старцы уроды. Годы калѣчатъ.
 Пришлося тѣшить стараго да маляго (т. е., въ семьѣ).
 Летѣла муха-горюха, да дунула въ ухо стару старику, за нову новину.

Старуха — бабушка пошируха; изъ стараго ума выжила, новаго не прижила.

Изъ стараго ума выжили, новаго не нажили.

Старый разумъ проживаемъ, новаго не наживаемъ — дураками умремъ.

Расходится старуха, такъ ея не убавоаемъ.

Молодой старѣеть — умнѣеть; старый старѣеть — глупѣеть (дурѣеть).

Шестидесять лѣтъ прошелъ, ума-назадъ пошелъ (говорять Татары).

Изъ ума выжить; одурѣть годами.

Молодые дерутся — тѣшатся, старые дерутся — бѣются.

Вѣкъ дожилъ, а ума не нажилъ.

До лысины (до старости) дожигъ, а ума не нажилъ.

Борода глазамъ (уму) не замѣна.

Борода съ вошь, а ума съ шакопыльничъ нѣту.

Не по годамъ, а по ребрамъ (бьютъ).

Не научилъ плетью, а дубиной не научишь (т. е., подь старость).

Съ молоду прорѣшка — подь старость дыра.

И сѣдъ, да ума нѣтъ; и молодъ, да держитъ (водитъ) волость.

Молодъ, да водить волость; и старъ (и сѣдъ), да въ чужѣ пасеть.

Малъ — да уменъ, старъ — да глушь.

Молодъ — перебѣется, старъ не переѣнится.

Богатому красть, а старому лгать (одинаково кстати).

Волосомъ сѣдъ, а совѣсти нѣтъ.

Сорока лѣтъ, а сорому нѣтъ.

И въ семьдесятъ лѣтъ, да совѣсти нѣтъ.

Сѣдина въ голоу (или: въ бороду), а бѣсъ въ ребро.

Стараго чорта, да подиерь бѣсъ. На сѣдину бѣсъ падохъ.

Старъ котъ, а маслу любитъ.

Годъ (старость) отъ соблазна не затулье.

Сѣдина напала — счастье пропало (отпало).

Вѣтеръ пошумитъ — да устаетъ; старая баба расходится — не скоро уймешь.

Состарѣлся, а жить не оставился. Старый хлѣбъ сѣмена переводить.

Черезъ старыхъ и молодымъ житья нѣтъ.

Отъ старыхъ дураковъ молодымъ житья нѣтъ.

Молодыхъ потѣшить — стариковъ переѣшать.

Молоды-тѣ дураки разумны какы — а стары дураки глуны какы!

Дьяволъ старъ, да праздниства ему нѣтъ (т. е., не чтуть).

Старую собаку не батькой звать. Попову собаку не батькой звать.

Старость — не радость.

Старость — увѣчье; старость — неволя.

Отъ старости зелье — могила.

При старости лѣтъ радости: и съ горбомъ и съ бѣльмомъ (или: в горѣ и кяла).

Старость не радость, горбъ не корысть.

Старость не радость; не красные дни.

Старость не радость: либо горбъ, либо кяла (а нѣд и оба).

Старость не радость, а молодость не корысть.

Сдружилась старость съ убожествомъ, да и сама не рада.

При старости бѣдность всего хуже. Старь да нищъ — гниль да свящъ.

Чужой вѣкъ живеть (доживаетъ, заѣдаетъ). Ты чужой вѣкъ живешь, пора тебя лобанить (вора бы и честь звать).

За него давно на томъ свѣтѣ провіантъ получаютъ (Солд.).

Старше поповой собаки. Старше поповой кобылы.

Старь, что собака, а малъ, что щенокъ.

Онъ живеть Аредовы вѣки (долговѣчень).

На стараго Потапа выросла лопата.

Дѣдушка съдъ, а смерти на него нѣтъ.

Дай Богъ въ молодости грызть кости, а подь старость — мягкое.

Молодъ — кости гложь, старь — кашу ѣшь (на печи лежи)!

Жила бабушка — не мѣшала; умерла — голбчикъ опростала.

Старья старушки, мягкія краюшки.

Съ молода наживай, а подь старость проживай!

Старой бабѣ и на печи ухабы. Старья кости перележиваются.

Старья кости захотѣли въ гости

Въ лѣсу птицы, въ теремѣ дѣвицы, а у бражни старья бабы.

И по лѣтамъ, и по годамъ — одно мѣсто: печь.

Въ старомъ тѣлѣ, что во льду. Въ старой кости сугрѣву нѣтъ.

Выношенная шуба не грѣеть. Обносится тулунъ — плѣшь, да шкура.

Старый мужъ, что гнилая колода лежитъ.

Словно живой прахъ по землѣ прошель.

До 30-ти лѣтъ грѣеть жена, послѣ 30-ти рюмка вина, а послѣ — в печь не грѣеть.

Вѣкъ живучи — состарѣешься. Молодо растеть, а старо старѣтся.

Станемъ говорить про-старь, какъ доживать до-сталь.

Ужъ у меня давно хрящи срослись. Ужъ и хрящи окостенѣли.

У меня, братъ, ужъ давненько темлячко окрѣпло.

Ужъ у него (изъ него) песокъ сыплется.

У Тараса на плѣши разыгрались три вѣпи.

Дѣдушка старенець, а немного у него денегъ.

Бабушка старенька, а денегъ у нея маленько.

Своему мерину смолоду цѣннѣе не было, а подѣ старость заромъ отдали Татарамъ.

У стараго не по старому. Что-то у стараго не все по старому.

У стараго коня — не по старому ходѣ.

Подѣ старость все неволя. Не въ охоту съ яковой.

Съ молоду охотою, а подѣ старость перхотою.

Старость придетъ — веселье на умъ не пойдетъ.

Ни съ молоду молодець, ни подѣ старость старикъ.

Молодъ бывалъ — на крыльяхъ леталъ; старъ сталъ — на печи сидъ.

Старый хочетъ спать, а молодой — играть.

Молодъ съ игрушками, старъ съ подушками.

Кабы снова на свѣтъ народиться, зналъ бы какъ состарѣться.

Только бы помолодѣть, а ужъ зналъ бы какъ состарѣться.

Адамовы лѣта сначала свѣта.

Тужи по молодости, что по большой волости.

Прошла молодость — не за холщевый мѣхъ.

Прожили вѣкъ — не за холщевый мѣхъ.

Не гребень голову чешеть, а время. Время краску съ лица сгоняеть.

Уплыли годы, какъ вошнїя воды.

Молодость не воротить, а старости не избѣть.

Еще первая голова на плечахъ, а шкура не ворочана.

Перва кожа, нѣворотъ (не больно старъ).

Смолоду кривулина, подѣ старость кокофа.

Хоть кривое, да молодое; а старое — и прямое, да гнилое.

Молодое да кривое (дерево), подѣ старость и вдвое.

Молода, въ Саксонїи не была (солд.).

Смолоду ворона по поднебесью не летала, не пометитъ в подѣ старость.

Старику не животы наживать, а дни проживать...

Пѣтухи на насѣсть садятся, а старые люди на печь валятся.

Старикамъ по зубамъ. Не наша ѣда орѣхи, а наша — каша.

Придетъ старость — придетъ и слабость.
 Старикм хлѣбють, молодые порѣбють.
 Старый старѣется, а молодой растеть.
 Старый старѣется, а молодой не молодѣеть.
 Старость съ добромъ не приходитъ. На стараго и немощи валятся.
 Онъ не годится и мышей ловить. Онъ уже и мышей не ловить
 (т. е., одряхлѣть).

Старость не радость, а пришибить некому.
 Чѣмъ молодой похвѣляется, тѣмъ старый остужается (стыдится).
 Молодъ бывалъ — и со грѣхомъ живалъ.
 Кто бабушкѣ не внукъ, кто молодъ не бывалъ?
 Молодость не безъ глупости, старость не безъ дурости.
 Молодой схвастаетъ, что и старый не схрястаетъ.
 Молодому хвастать, старому хрястать.
 Нынѣ не спрашивай стараго, а спрашивай малаго!
 Старость — эх-ма! А молодость — ой-ой!
 На что отецъ, коли самъ молодець?
 Съ тебя, окаяннаго, не будетъ и старика постояннаго.
 Старостью не старь, только съ лихости пропасть.
 Не годами старь, а норовомъ.
 Хороша молодежь, а къ порѣ никого не найдешь.
 Молодой старому не вѣрить (и на оборотъ).
 Нынѣ молодежь — погляди да брось.
 Нынѣ старики — ужъ и невѣсть каки?
 Молодость рыщеть — отъ добра добра ищеть.
 Кто въ двадцать лѣтъ не здоровъ (не хорошъ), въ тридцать не
 ученъ, а въ сорокъ не богатъ, тому вѣкъ такимъ не бывать.
 Малый, что глупый, а глупый, что малый.
 Молодо — зелено; старо — да сбойливо.
 Не зрѣлъ виноградъ — не вкусенъ, а молодъ человекъ — не искусенъ.
 Зелень виноградъ не сладокъ, а молодъ человекъ не крѣпокъ.
 Сусли не брага, молодость не человекъ.
 Молодость плечами по крѣпче, старость головою.

Молодость ременные гужи рветь, старость и на лычагѣ преть.

Молодо — жидко, старо — круто, а середовая пора однимъ днемъ стойтъ.

Молодому крѣпиться — впредь пригодится.

Молодъ мѣсяць — не на всю ночь свѣтитъ.

Молодо — зелено, погулять велѣно.

Молоденькій умокъ, что весенній ледокъ.

Молодой умъ, что молодая брага (бродить).

Молодое пиво уходится. Молодой квасъ — и тотъ играетъ.

Часть придетъ, и квасъ дойдетъ.

Молоденекъ — доживетъ до денегъ.

Молоденекъ — зелененекъ; просмѣешься, въ пастухи наймешься.
а протрѣбишься — и дровъ нарубишься.

Молодъ не добѣдится, такъ старъ съ ума сойдетъ.

Молодъ — просмѣется; зеленъ — дойдетъ.

Доброе дитя скорѣе пролжется.

Молодъ годами, да старъ умомъ. Умъ бороды не ждетъ.

Молодъ, да стары книги читалъ.

Не спрашивай стараго, спрашивай бывалаго!

Молодецъ молодой конь, а съ нимъ безъ хлѣба будешь (въ солъ не годятся).

На твоихъ родинахъ я кашу ѣлъ.

Когда ты слѣпымъ щенкомъ родился, тогда я къ отцу твоему на пиръ явился.

Я у него на крестинахъ не бывалъ (лѣтъ его не знаю).

Поглядѣть кому въ зубы (узнать лѣтъ). Я ему въ зубы не глядѣлъ.

Его поздно учить: распашенка на немъ ужъ не сойдется (т. е., дѣтская рубашонка).

Не учили, покуда поперекъ лавки укладывался; а во всю вытянулся — не научишь.

Золотое время — молодая лѣта. Пока молодъ, пота и веселья.

Дважды молоду не бывать. Не по двѣ молодости жить.

Молода еще дѣвка, какъ о Сласѣ ягня.

Расцвѣтаетъ, что макось цвѣтъ. Кровь съ молокомъ.
 Молоко на губахъ не обсохло. Я тебѣ утру молоко на губахъ.
 Хоть хлѣба ни куса, да молодець безъ уса.
 Усь не пробился; молокосось; щенокъ; не выкунѣлъ; давно ли
 акать сталъ? (т. е., самъ ѣсть).
 Парень на усѹ лежитъ (т. е., входитъ въ возмужалость).
 Большой для страсти, малый для сласти (слушается).
 Учись, поколѣ хрящи не срослись.
 Добрый малый; лихой малый; отчаянный малый; умный малый;
 малый не глупый; малый съ деньгами и пр.

Одиночество — женитьба.

Ни роду, ни племени. Бобыль бобылемъ. Круглый сирота и свер-
 лу и снизу.
 Одинокѹ — гдѣ хлѣбъ, тамъ и уголь.
 Сиротская слеза не даромъ канеть (не канеть мимо).
 Живеть одинъ, какъ божедомъ (сторожъ у скудельницы).
 Добрый Мордвинъ живеть и одинъ.
 Одна голова не бѣдна; а и бѣдна, да одна.
 Одинъ скачетъ, одинъ и плачетъ — а все одинъ (беззаботно).
 Одна голова и смѣется и плачетъ — все одна.
 Мотовать, да не женать, одному себѣ въ накладъ.
 Домовиновъ (домочадевь, семья) нѣтъ, такъ естъ домовой.
 Одинъ сидеть, самдругъ спать.
 Бездѣтный умереть, и собака не возметь (не взвоеть).
 Живешь — не съ кѣмъ покалякать; помрешь — некому поплакать.
 Жить-то прохладно, да спать не повадно.
 На что мягко стлать, коли не съ кѣмъ спать?
 И въ раю жить тошно одному.
 Семейная кашка погуще кипить. Въ семьѣ и каша гуще.
 Семейный горшокъ всегда кипить.

Гуртовая копейка виднѣе.

Добрая жена, да жирные щи — другаго добра не ищи!

Живучи одной головкой, и обѣдъ варить не ловко.

Двѣ шубы тепло, двѣ хозяйки добро (о снохѣ).

Семья воюетъ, а одинокій горюетъ.

Одна головня и въ полѣ гаснетъ, а двѣ дымятся (курятся).

Своя себѣ семейка — свой просторъ.

Холостой — что бѣшеный. Холостой — полчеловѣка.

Холостой много думаетъ, а женатый больше того.

Холостой — простой, женатъ — богатъ, а вдовецъ — что зяблецъ.

Одинокому — хотъ утопиться, женатому — хотъ удавиться.

Холостому ох-охъ, а женатому: ай-ай!

Холостой охаеъ, женатый ахаеъ.

Безъ жены, что безъ кошки, а безъ мужа, что безъ собаки
(т. е., некому обарегать).

Дѣвка красна до замужства.

Всѣ дѣвушки хороши — а отколь берутся злыя жены?

Судьба придетъ — и руки свяжетъ (и по рукамъ свяжетъ; оженитъ).

Взялъ Ома Лукерью — судъ Божій пришесть.

Кому вынется, тому сбудется (не ищутся).

Суженаго ни обойти, ни объѣхать. Суженаго и конемъ (в на кривыхъ оглоблахъ) не объѣдешь.

Всякая невѣста для своего жениха родится. Кому невѣста годится, для того (въ того) и родится.

Временемъ и смердъ барыню беретъ.

Честнымъ пиркомъ, да и за свадебку.

По рукамъ, да и въ баню. Дай Богъ любовь, да совѣтъ!

Жить, поживать, да добро наживать.

Чего тутъ калякать? Давай свадьбу стряпать!

Таковѣ дѣло, что надо итти смѣло (война и женитьба).

Таково ужъ дѣло (женитьба), что всякому надоѣло.

Смерть да жена, — Богомъ суждена.

Богъ воленъ, да жена — коли волю взяла.

Не въ чью голову, въ женихову.

Не страшно жениться, страшно въ тому дѣлу приступиться (страшно къ попу првстуниться).

Страшно видится: стерпится (обудется) — елюбится.

Любовь холостаго, что вешній лёдъ.

Холостой легъ — свернулся, всталъ — всурихнулся.

Одному не страшно, а двоимъ веселѣй.

О томъ и кукушка кукуеть, что своего гнѣзда нѣтъ.

Одному спать — и одѣяльце не тепло.

Одному и топитья итти скучно.

Холостому помогай Боже, а женатому хозяйка поможетъ.

Тошно жить безъ милаго, а съ немилымъ тошниѣ.

Сосватавшись, да — хороша ль невѣста?

Сосватавъ невѣсту, у людей не спрашиваются.

На рѣзвомъ конѣ жениться не ѣзди!

Не купи у попа лошади, не бери у вдовы дочери!

Отъ попа кляча не ко двору, отъ вдовы дочь не по нутру.

Не покупай у ямщика лошади, а у вдовы не бери дочери: у ямщика лошадь изломана, у вдовы дочь избалована.

У ямщика лошадь надсажена, у вдовы дочка наважена..

Жениться — не лапоть надѣтъ.

Женишься разъ, а плачешься вѣкъ.

Жениться не долго, да Богъ накажетъ, долго жить прикажетъ.

Женитьба есть, а разженитьбы нѣтъ.

Худой пошъ свѣнчаетъ — и хорошему не развѣнчать.

Вздурился, женился; гдѣ покался, тутъ и удавился.

Умирать, не въ помирушки играть; а свѣнчатся, не сплясаться.

Добрая женитьба къ дому приучаетъ, худая отъ дому отлучаетъ.

Для щей люди женятся, а отъ добрыхъ женъ постригаются.

Для щей люди женятся, для мяса замужъ идутъ.

Дай Богъ — съ кѣмъ вѣнчатся, съ тѣмъ и кончатся.

Невѣста родится, а женихъ на конь садится (на коня сажали 3—7 лѣтъ).

Хороша парочка, какъ баранъ да ярочка.

Утопили дѣвку за парнемъ (замолодцомъ; или: за парня, за молодца).

Въ дѣвкахъ сижено—горе мыкано; за мужъ выдано—вдвое прибыло.

Въ дѣвкахъ сижено — плакано; замужъ хожено — выто.

Золотая дѣвка за личнымъ парнемъ.

Есть дѣвка серебряна, поискать парня глинянаго.

Не плачь, дѣвка, что отдають за парня: плакать бы ему, что беретъ бѣду.

Не тужи, за мужъ идучи: какъ мужъ бить станетъ, тогда заплачешься.

Невѣста безъ мѣста, женихъ безъ ума (безъ куска).

Просватали міряка за кликушу (Мірячество, въ вост. Сиб. бо-лѣзнь или порча, по повѣрью, близкая къ бѣснованію, одержанію; кликушество тоже, на сѣверовостокѣ, особенно въ Пермской губ. Кликуши вло-дятъ иногда въ скотское неистовство).

Отдали Хавронью за Ховрина сына.

Жаль дѣвки — погубили (потеряли) парня.

Жаль Насти, а парня изнапаститъ.

Женится — переимѣнится. Женіться — перероліться.

Напередъ перебѣситься, а тамъ и жениться.

Жениться — не все веселиться. Женился — на вѣкъ заложился.

Жениться, такъ не лѣниться; хоть не хочется, да вставай!

Станешь гадать, какъ дѣвку замужъ отдать.

Не равно замужъ выйдется; не ровень чортъ навяжешься (накачается).

Чѣмъ не молодецъ, коли носъ съ огурецъ?

Въ 18 лѣтъ жениться, чтобъ на тягло садиться.

Женился на скорую руку, да на долгую муку.

Не вайся — рано вставши, да молодъ женившись.

Не надолго старій женится.

На старость жениться — не себѣ корысть.

У стараго мужа молодая жена — чужая корысть.

Видима бѣда, что у стараго жена молода.

Старій мужъ, да упрямый мужъ — поперекъ постели лежить.

Какъ старому жениться, такъ и́ ночь коротка.

Здравствуй женившисъ, да не съ кѣмъ спать (жить)!

Либо старо-уродливое, либо молодо-спесивое, либо въ ровню упрямчивое.

Мущина, коли хоть немножко казистѣ чорта, — красавецъ.

Не уродъ, такъ и красавецъ.

Молодому жениться рано, а старому поздно.

Изъ кута по лавкѣ, все женихи.

Изъ кута по лавкѣ, шелудякъ наголо.

За тѣмъ дѣвкѣ не сидѣть, что ей ребяты носить.

Много жениховъ, да суженаго нѣтъ.

Не всякъ женихъ (женится), кто присватался.

Худой женихъ сватается — доброму путь кажетъ.

Женихъ съ мѣста, другой на мѣсто.

Старый обманетъ — долго жить станетъ; молодой обманетъ — вдругъ помретъ.

Бову королевича что ли тебѣ! — Еще какого захотѣла — во лбу мѣсяць, въ затылкѣ ясны звѣзды!

Тотъ не хорошъ, другой не пригожъ, погляди — ка на себя, сама — то какова?

Не птицу сватать, а дѣвицу.

Хорошихъ не отдають, а плохую взять не хочется.

И радъ бы женился, да некого взять (да никто нейдетъ).

Жену хорошую взять — много стануть знать, а худую — нельзя въ люди показать.

Не ищи красоты, ищи доброты (досужества)!

Съ лица не воду пить, умѣла бы пироги печь.

Любить хоть не любила бъ, да почаще взглядывала.

Красота приглядится, а щипы не прихлебаются.

Не бери жену богатую, бери не початую!

Домъ купи крытый, кафтанъ шитый, а жену не початую!

Домъ купи съ жильцомъ, а жену бери одну (для себя)!

Жену выбирай не глазами, а ушами (т. е., по славѣ)!

Жену съ почину берутъ.

Первую дочь бери — по отцу, по матери, а вторую — по сестрѣ!
 Первую дочь по семьѣ бери, вторую по сестрѣ!
 Выбирай корову по рогамъ, а дѣвку по рѣдамъ!
 Перваго сына женить отецъ — мать, втораго — своха (т. е., от-
 зывъ ея о свекрахъ).

Дѣвкѣ косу расплетать — пораньше вставать (т. е., не опаздывать).

На молодой жениться — съ молодцами не водиться.

Богатую взять — станеть цопрекать.

Хорошую взять — много будутъ люди знать.

Умную взять — не дастъ слова сказать.

Знатную взять — не съумѣеть къ работѣ пристать.

Изъ дворянства взять — надо много убору держать

Изъ посадскихъ взять — много книгъ (вина) держать.

Грамотницу взять — станеть праздники разбирать.

Церковнаго чину взять — кутейникомъ стануть звать.

Изъ приказныхъ взять — надо приказный порядокъ знать.

Изъ холопства взять — будутъ пересмѣхать.

Изъ крестьянства взять — отъ компаніи отстать.

Худую взять — стыдно въ люди показать.

Убогую взять — нечѣмъ содержать.

Старую взять — часто съ нею хлопотать.

Фабричную взять — дома не собрать

Слѣбую взять — все растерять.

Пьяницу взять — будетъ крадучи вино покушать.

(Аще кто хочеть по праву выбирать, то вѣкъ женатому не бывать; а
 надо спроситься у добрыхъ людей. Съ лубочн. карт).

Не меледа, по пальцамъ всѣхъ не переберешь.

Не перерожать стать невѣсту тебѣ, какова есть.

Не хорошихъ (о красотѣ) Богъ не дѣлаеть, была бы досужа.

Хорошія для хорошихъ, а работающія для нашего брата.

Много невѣсть разбирать, такъ вѣкъ женатому не бывать.

Охти-ахти! какъ-то замужъ итти?

Свои женихи не берутъ, а за чужаго итти не хочеться.

За худаго за мужъ не хочется, а хорошаго негдѣ взять.

Не куй меня, мати, къ каменной палатѣ, прикуй меня, мати, къ дѣвичьей кровати (слова сына)!

Черезъ золото слезы льются.

Приданое въ сундукѣ, а дуракъ на рукѣ.

Платье на грядкѣ, а дуракъ на рукѣ.

Не съ богатствомъ жить, съ человѣкомъ.

Въ прикрытїи не стой, а приданой деревни не строй!

Богаты невѣсты — да до вѣнца. Вѣрь приданому послѣ сватѣбы!

Богатую невѣсту беручи, да думай о томъ, какъ семью кормить.

Въ копнахъ не сѣно, въ приданомъ не деньги.

Въ потравѣ не хлѣбъ въ долгахъ (въ людяхъ) не деньги, въ приданомъ не животы.

Не вздыхай тяжело, не отдадимъ далеко!

Хоть за нищаго, да въ Конищево (село въ 2-хъ верстахъ отъ Рязани, т. е., отдать дѣвку по сосѣдству).

Хоть за лыску (старика), да близко (да въ Лысково; село Васил. у. Нижегород. губ.).

Невѣста съ топоромъ, а женихъ босикомъ.

Невѣста въ полъ-осьма аршина, а поперекъ себя половина.

Невѣста 14-ти вершковъ въ отрубѣ.

Невѣста съ приданымъ: у рукъ, у ногъ пальцевъ по двѣ дюжины безъ мала, только четырехъ не достало.

Два лукошка земли въ Ломовѣ, да гнилое болото въ Уколовѣ (ничего).

Сундукъ съ бѣльемъ, да невѣста съ бѣльмомъ (съ горбомъ).

Липовы два котла, да и тѣ сгорѣли до тла (приданое).

Деревянный горшокъ, да свиной рожокъ (приданое).

Сосновый кувшинъ, да вязовое блюдо въ 6 аршинъ (приданое).

Два полотенца изъ дубоваго полѣнца (приданое).

Сито съ обечайкой, да вѣникъ съ шайкой (приданое).

Сережки двойчатки, изъ ушей лѣсной матки (приданое).

Кофта посконна, да юбка суконна (приданое).

Одѣяло стеганое алаго цвѣту, а какъ ляжешь спать, такъ его и вѣту (приданое).

Съ пачкой товаръ идетъ (т. е., свои серьги на невѣстѣ, или чужія?)

Безприданница — безобманница: что есть, то и есть.

Любо — такъ къ вѣнцу, не любо — къ отцу.

Вотъ идетъ расплети-косу, потеряй-красу (т. е., сватья).

Вѣнцомъ грѣхъ прикрывать. Была подъ вѣнцомъ и дѣло съ концомъ

Съ вечера дѣвка, со полуночи молодка, а по зарѣ хозяйошка.

Дѣвкой меньше, такъ молодежи больше.

Вотъ тебѣ кокуй (бабій головн. уборъ), съ нимъ и ликуй!

Подъ чужой потолокъ подведутъ и другое имя дадутъ.

Добрая сватья — недѣлю.

Съ трубами сватья, и безъ трубъ сватья.

Сосватаная, что обвѣчанная (что проданная).

Запитая дочь не обвѣчанная. Мы сказали — не завязали.

Не выбирай невѣсту, выбирай сваху!

У доброй свахи женихи съ невѣстами всѣ на перечеѣ.

У свахи неряхи и невѣсты неприяки.

Безъ нашей свахи и дѣвка не заневѣстится.

Расплети-косу, сватьюшки, потеряй-красу, друженьки!

Сваху чужу сторону нахваливала: она сахаромъ посяяна, она медомъ поливана, виноградомъ огорожена, да тафтою покрываная.

Чужедальня сторона: она горемъ посяяна, слезами поливана, тоскою покрывана, печалью горожена.

Хвалить сваху чужу сторону, а сама въ нее ни по ногу.

Подъ добрую сваху комаръ носа не подточить.

Свашка, свашенька, высватай мнѣ Пашеньку!

У нашей свахи такъ: хожено, такъ слажено, а расхлебывайте сами!

Сваху все знаетъ, только вѣрь ей! Хлопай ушамъ: сваха все скажетъ.

Супротивъ свахи не схватать; а и схватать, такъ не схрастать.

Въ свахиной хвасты — нѣтъ сласти.

На свашенькиныхъ рѣчахъ — хоть садись да катись (хоть выстись)!

Бестыжіе глаза, — ровно у свахи.

Сваху видѣла, какъ батракъ теленка родилъ (изъ сказки).

Сваху улками ходить, проулками, да заулками.

Сваха ходитъ собачьей тропой (т. е., тайкомъ).

Сваха на сватъбу снѣшила, на мутовкѣ рубаху сушила.

Скляница — свахѣ пьяницѣ.

Свашенька попляши: у тебя ножки хороши.

Въ веревочку играютъ, для зачину въ кругъ сваху пускаютъ.

За приворотнымъ корнемъ не къ свахѣ итти (за деньгами, достаткомъ).

Дуракъ сваху копченымъ льдомъ угощаль (отъ лубочи. картин.)

Посидѣть подъ матицей (т. е., сватать, быть свахой). Подъ матицу сѣла, такъ сваха.

Мы подъ матицей сиживали, отъ людей спасибо слыхивали.

Отъ свахи (отъ сватьи) зватый (въ гости, зоветь), а отъ кумы позыватый (съ тѣжбой, ссорой).

Знаютъ сватью и въ старомъ (и въ новомъ) платьѣ.

Холостаго сватомъ не посылаютъ.

Пустосвать сладилъ сватъбу: засылайте свата (пустосвать засылается подъ рукой, на развѣдку)!

Женитьба — не гоньба, поспѣешь.

Женитьба не молотъба: не мышъ зародъ подтѣдаетъ.

Такъ женился, что и самъ себѣ (на себя) подивился.

Такъ вѣнчали, что и дома (и свои) не знали.

Скорая женитьба — видимый рокъ.

Жена мужу — пятый кусъ. Жена — кабальный батракъ.

Не хвались замужствомъ (женитьбой) третьяго дня, а хвались третьяго года!

На хорошую глядѣть хорошо, а съ умною жить хорошо (женой).

Добрая жена домъ сбережетъ, а плохая рукавомъ разнесетъ (растрясетъ).

Одна жена плачетъ отъ жалости, другая отъ лести.

Добрая жена — веселье, а худая — злое зелье.

Больная жена мужу не мила.

Не у всякаго жена Марья, кому Богъ дастъ.

Бился, колотился, мясождъ прошель, а все не женился.

Бился, колотился, а доброй жены не добился.

Выводное далъ, да плачется; даромъ взялъ, да любитъся.

Кумишься, сватаешься — а проспнисься — спохватишься.

Женился, какъ на льду обломился.

Начто было жениться, коли рожь не родится?

Хоть гайтанъ порви, да жену корми (т. е., хоть крестъ съ шеи продай)!

Что красенъ? Жениться хочу. Что блѣденъ? Да женился.

Что веселъ? Да женюсь. А что головушку повѣсилъ? Да женился.

Жениться бѣда, не жениться бѣда; третья бѣда, не дадутъ за меня.

Одинъ женился — свѣтъ увидалъ; другой женился — съ головою пропалъ.

Одному съ женою радость, другому горе.

Одному съ женою горе, другому вдвое.

Женилъ бы тебя (сказалъ мужикъ въ сердцахъ упрямому жерну, который задурилъ).

Горько, что бѣда, а мило, что жена.

Жена не сапогъ (не лапотъ), съ ноги не скинешь.

Жена не рукавица, съ руки не сбросишь (за поясъ не заткнешь).

Жена не гусли: поигравъ, на стѣнку не повѣсишь.

Жена не сѣдло: со спины не сымешь.

Мужъ задурить, половина двора горить; а жена задурить, и весь сгорить.

Не столько мужъ мѣшкомъ, столько жена горшкомъ (сберегаетъ, привосить въ домъ).

Мужъ возомъ не навозить, что жена горшкомъ наноситьъ.

Хорошая (пригожая) жена — лишняя сухота.

Жена красавица — безочному (слѣпому) радость.

Глупому мужу красная жена дороже красного лица.

Чужая жена — лебедушка, а своя — полынь горькая.

Мужнинъ грѣхъ за порогомъ остается, а жена все домой несетъ.

Мужъ согрѣшилъ, такъ въ людяхъ грѣхъ; а жена согрѣшила, домой принесла.

На чужихъ женъ не заглядывайся, а за своею пригляди!

Чужемужнину жену любить, съ нею и плакаться.

Вольно дурить, чужихъ женъ любить.
 За ревнивымъ мужемъ быть — невъ корысти свою молодость заносить.
 Любить жена и стараго мужа, коли не ревнивъ.
 Старъ мужъ, такъ удушливъ; молодъ, такъ не сдруживъ.
 По старомъ мужѣ молода жена не тужить.
 Старый мужъ и на руку колодой валится.
 На костяхъ мясо слаще, а подъ старость жена милѣе.
 Мужъ старъ, а жена молода — дожидайся дѣтей; мужъ молодъ,
 а жена стара — дожидайся плетей.
 И старая корова любить быка.
 Молодица у старика — ни дѣвка, ни баба, ни вдова.
 Отъ бѣла свѣта отстану, а стараго любить не стану.
 Которому вы чудотворцу молитесь, что у васъ у всѣхъ молодые мужья?
 Старый мужъ радъ и годовалому житнику (лѣбу), троеденной кашѣ.
 Нужа, нужда! нѣтъ ея хуже, а лучше худаго мужа.
 Служа да нужда, а лучше худаго мужа.
 Плохо служа да нужда, а все лучше худаго мужа.
 Ни выпрячи-выпрячи, ни въ ухабѣ сберечи, ни отъ солнышка
 затуле, ни отъ дождя епанча.
 Какъ худая трава, только ноги оплела.
 Ни въ молодости на потѣху, ни въ старости на подмогу, ни по
 смерти на поминъ души.
 Жена мелеть, а мужъ спать. Жена прядеть, а мужъ плясать.
 Жена у посудника (дома); и мужъ у посудника (въ кабацѣ).
 Не та счастливая, что у отца (счастлива), а что у мужа.
 Худой мужъ умереть, добрая жена по дворамъ пойдетъ.
 Съ нимъ горе, а безъ него вдвое. Хоть лыками шить, да мужъ.
 Худъ мой Устимъ, да лучше съ нимъ.
 Худъ мой мужилка, а завалюсь за него — не боюсь никого.
 Муженекъ, хоть всего съ кулачекъ, да за мужниной головой не
 снжу сиротой.
 Хоть плечь муженекъ, да сатуле мое: завалюсь за него — не
 боюсь никого.

За мужа завалюсь, всёми насмѣюсь, никого не боюсь.

За мужнину жену есть кому вступиться.

Возгривъ мужъ, такъ хоть не привередливъ (о невзросломъ).

У милостиваго мужа всегда жена досужа.

У умнаго мужа и глупая жена досужа.

У умнаго мужа жена выколена, у глупаго по буднямъ затаскана.

Побереги, Богъ, мужа, вдоль и поперекъ, а я безъ него ни за порогъ.

Побереги, Богъ, мужа, не возметъ мужа.

Жена безъ мужа — всего хуже. Жена безъ мужа — вдовы хуже.

Безъ мужа жена — всегда сирота (кругомъ сирота).

Мужъ на службѣ, а жена въ нуждѣ, — оба равны.

Мужъ по лучину, а жена за кручину.

Родителя берегутъ дочь до вѣнца, а мужъ жену до конца.

У плохаго мужа жена всегда дура.

Какъ придетъ на Флора несиориха, дойдетъ и Флориха до лиха.

Не хвали жену тѣломъ, а хвали дѣломъ!

Не нарядъ жену красить, домостройство.

Всякому мужу своя жена милѣе. Своя жена — своя и краса.

Князю княгиня (мила), крестьянину Марина, а всякому своя Катерина.

Не жалуй меня капраломъ, да не тронь моей жены!

Хоть родила суку да кобеля, да не тронь до меня (наказываютъ мужья, изъ дальнихъ мѣстъ, сродникамъ своимъ, о женѣ).

Помилуй, Господи, тещу да жену: а самъ-то я и какъ нибуль проживу.

Птица крыльями сильна, жена мужемъ красна.

Красна пава перьемъ, а жена мужемъ. Жена мужемъ красна.

Жена по мужѣ честна. Жена по мужѣ (прозывается, получаетъ званіе и пр.).

Жена при мужѣ хороша. Безъ мужа, не жена.

По мужѣ раба, и по рабѣ холопъ (стар. о бракахъ волиныхъ съ крѣпостными).

Жена честнѣе — мужу милѣе. Подчасъ и жена мужа красить.

Безъ жены, какъ безъ шапки.

Безъ мужа, что безъ головы; безъ жены, что безъ ума.

Съ мужемъ — мужа; безъ мужа — и того хуже; а вдовой да сиротой — хоть волкомъ вой.

Безъ мужа, голова не покрыта; безъ жены, домъ не крыть.

Мужъ любить жену богатую, а тещу тороватую.

Будь жена хоть коза, лишь бы золотые рога (т. е., богатство).

Жены богатой лучше не брать, чѣмъ ей мужемъ владать.

Женино добро коломъ въ глоткѣ стойтъ.

Пропади то серебро, когда жить не хорошо (придавое, либо мужнино богатство).

За плохимъ жить, только вѣкъ должить (волочить).

Быль у меня мужъ Иванъ — не приведи, Богъ, и вамъ!

Платье сундуками, да кожа лафтуками (лафтукъ — оторванный ло-
скутъ. Говорится о вышедшей за богатаго, но драчливаго, мужа).

Мужнее (женино) добро, какъ зимнее тепло.

У мужа толсто (въ карманѣ), и у жены широко (въ угощеніи, хозяйствѣ).

У мужа полтина, и у жены половина.

Женинымъ богатствомъ вѣка не проживешь.

Женинымъ добромъ не сведешь домъ.

Спорá женина полушка — за мужниной краюшкой.

На что корова, была бы жена здорова.

Красна пава перомъ, а жена нравомъ.

Доброю женою и мужъ честенъ.

Къ мужу пришла, такъ свое нашла.

Мужъ грызетъ на свой на хребетъ.

Былъ жену денечекъ, самъ плакалъ годочекъ.

У мужа (передъ мужемъ) жена всегда виновата.

Мужъ комелькомъ (т. е., палкой), жена языкомъ.

Мужъ кочадыкомъ, баба языкомъ (плетутъ).

Мужъ клиномъ, баба блиномъ, — а дойметъ.

Ужъ лаяла бы собака чужая, а не своя. Грызи меня собака, да не своя! Вшь меня собака, да невѣдомая!

Нѣтъ досаднѣй, какъ своя же дворничка на тебя лаетъ.

Не всяку правду женѣ сказывай!

Не всяку правду мужъ женѣ сказываетъ, а и сказываетъ, такъ обманываетъ.

Честный мужъ одну только жену обманываетъ.

Лучше въ углой ладѣ по морю ѣздить, чѣмъ женѣ тайну повѣрить.

Не сказываетъ мужъ женѣ, сколько у него денегъ въ сундукѣ, да сама знаетъ.

Жена мужа не бьетъ, а подъ свой нравъ ведетъ.

У плохой бабы мужъ на печи лежитъ, а хорошая стонитъ

Женился, да самъ себѣ подивился, что ни Богу, ни людямъ не сгодился.

Чортъ на дьяволѣ женился.

Иванъ, корова издохла! «И самъ издохнешь.» Иванъ, жена умерла! «Одной сатаной меньше!»

Хорошая жена метла, и худая метла (та въ домъ, эта изъ дому мететь).

Три друга: отецъ, да мать, да вѣрная жена.

Жена ль моя, не баба, дѣти ль моя не ребята?

Жена, что лебедь-птица, вывела дѣтей станицу (вереницу).

Умная жена, какъ нищему сума (все сбережетъ).

Отъ плохой жены состарѣешься, отъ хорошей помолодѣешь.

Добрую жену взять — ни скуки, ни горя не знать.

Съ доброй женой горе — полгоря, а радость вдвойнѣ. Съ доброй женой сполгоря и горе.

Съ подружемъ и горе пополамъ разгорюешь.

Хорошая жена — юрть (т. е., домъ).

Всего милѣе, у кого жена всѣхъ бѣлѣе.

Подумаю съ подушкой, а послѣ спрошусь съ женушкой.

Худое дѣло, коли жена не велѣла.

Доброй женѣ домосѣдство не мука. Доброе замужство — посхименение.

У кобылы хоть семеро жеребятъ, а хомутъ ей свой (о работѣ).

Не рада баба повою, рада бѣ покою.

Жена на мужа не доказчица (не послушъ).

Мое дѣло — сторона, а мужъ мой правъ.

Чуть-чуть мой мужъ да не прапорщикъ.

Не надобенъ и кладъ, коли у мужа съ женой ладъ.

Живуть рука въ руку, душа въ душу.

Флоръ Флорихъ не думаетъ лиха. Флоръ Флорихъ набитый другъ.

Мужъ молоти пшеницу, а жена пеки паленицы (т. е., хлѣбъ).

Жена пряди рубашки, а мужъ тяни гужъ.

Не прядеть мужикъ, да безъ рубахи не ходить; а баба и прядеть, да не по двѣ вдругъ носить.

Мужа чтуть за разумъ, жену по уму (т. е., за доброе поведеніе).

Отець про походы, мать про расходы (толкуютъ).

Баба да кошка въ избѣ, мужикъ да собака на дворѣ.

Отъ хозяйна чтобъ пахло вѣтромъ, отъ хозяйки дымомъ.

Мужики дерутся въ расходку, бабы въ свалку.

Знай баба свое кривое веретено! Знай сверчокъ свой пестокъ!

Зѣрна мели, а много не ври! Толки пестомъ, а языкъ за щеку!

Помутилась вода съ пескомъ (о ссорѣ супруговъ).

Шутку шутить: мужа съ женою смутить.

Не суди мужа съ женой! Жену съ мужемъ Богъ разбираетъ.

Своя собака лайся, чужая не впрядывай!

Жену съ мужемъ некому судить, кромѣ Бога.

Мужъ съ женой бранится, да подъ одну шубу ложится.

Мужъ съ женой ругайся, а третій не мѣшайся!

Плачь молода жена, да про свое горе никому не сказывай!

Мужъ да жена — одна душа. Мужъ да жена — одна сатана.

Жена да мужъ — змѣя да ужъ (т. е., одна порода, заодно).

Промежь мужа и жены нитки не продернешь.

Жена досужа, добра и безъ мужа.

Гдѣ мужъ, тамъ и жена.

Жена отъ мужа на пядень, а мужъ отъ жены на сажень (т. е., условно).

Мужъ отъ жены на пядень, а жена отъ мужа на сажень.

Мужъ на вершокъ, жена на сажокъ; мужъ на пядень, жена на сажень.

Мужъ съ женой, что мука съ водой (сболтать сболтаешь, а разболтать не разболтаешь).

Жить вмѣстѣ и умереть вмѣотѣ.

Мужъ въ банѣ, а жена въ амбарѣ — уговориться не могутъ.

Выѣстѣ тѣсно, а розно тошно. Семерымъ просторно, а двоимъ тѣсно.

Онгь (мужъ) бить не бьетъ и прочь нейдетъ.

Пусть бы побился, да и утопился (говор. жена): а то бить бьетъ,
а топиться нейдетъ.

Чортъ съ тобой, не живи со мной; пойдѣмъ въ баню, да разведемся!

Въ остаткахъ вольна, была бы мнѣ полна.

Мужъ женѣ отецъ, жена мужу вѣнецъ.

Жена мужу пластырь, мужъ женѣ пастырь.

Мужъ голова, жена душа.

Мужъ въ дому, что глава (что крестъ) на церкви.

Жена мужа почитай, какъ крестъ на главѣ; мужъ жену береги,
какъ трубу на банѣ!

Худо мужу тому, у котораго жена большая въ дому.

Жена не мать, не бить ей стать.

Давно то было баяно, что жена не барыня.

Не въ Польшѣ жена, не больше меня.

Бабѣ спустишь — самъ баба будешь.

Женѣ спускать, добра не вдать.

Женѣ спускать, такъ въ чужихъ домахъ ее искать.

Жена безъ грозы — хуже козы.

Не вѣрь коню въ полѣ (въ холѣ), а женѣ въ домѣ (въ волѣ)!

Не вѣрь вѣтру въ полѣ (въ морѣ), а женѣ въ волѣ (въ домѣ)!

Не вѣрь женѣ въ подворьѣ, а коню въ дорогѣ!

Воля и добрую жену портить.

Кто женѣ волю даетъ, тотъ самъ себя окрадываетъ (бьетъ).

Отъ мужа поволька — жена самоволька.

Даль мужъ женѣ волю — не быть добру.

Нѣтъ въ лѣсу столько повертокъ, сколько у бабы (у жены) увертокъ.

За неволю станешь бѣситься, какъ жена на мужа косится.

Не пѣть курѣ пѣтухомъ, не владѣть бабѣ мужикомъ.

Любить жену — держать грозу.

Кого люблю, того и бью. Жену не бить — и милу не бить.

Обошелъ муженекъ женушку дубицнымъ корешкомъ.

Люби жену какъ душу, трясъ ее какъ грушу (бей какъ шубу)!

Шубу бей — теплѣе, жену бей — милѣе.

Хоть бы въ щеку былъ, да щеголь былъ.

Жена съ сердцемъ, мужъ съ перцемъ — натирай ей носъ!

Учи жену безъ дѣтей, а дѣтей безъ людей!

Бей жену до дѣтей, бей дѣтей до людей!

Бей жену къ обѣду, а къ ужину опять (безъ боя за столъ не сядь)!

Кто вина не пьетъ, пьянъ не живетъ; кто жены не бьетъ — милъ не живетъ.

Чѣмъ больше жену бьешь, тѣмъ щи вкуснѣе (тѣмъ наварнѣй щи).

Всѣмъ бита, и объ печь бита, только печью не бита.

На злой женѣ одна только печь не побываетъ.

Бей жену обухомъ, припади, да понюхай: дышетъ да морочитъ, еще хочеть.

Жена не горшокъ, не расшибешь (а расшибешь — берестой не червешь).

Не скотъ въ скотѣ — коза, не звѣрь въ звѣряхъ — ежъ, не рыба въ рыбахъ — ракъ, не птица въ птицахъ — нетопырь, не мужъ въ мужахъ, кѣмъ жена владѣеть.

Не мужъ въ мужахъ, кѣмъ жена владаетъ; не работа въ работѣ — подъ жонками возъ возити.

Какъ такъ? — Мужъ дьякъ, а жена попадья.

Вотъ худо, какъ мужъ дьяконъ, а жена попадья (т. е., владѣеть имъ).

Робкій мужъ и лестовокъ бонитса (ременныхъ четокъ).

Въ стары годы бывало — мужья женъ бивали; а нынѣ живетъ, что жена мужа бьетъ.

Не то смѣшно, что бьетъ про что; а то смѣшно, что самъ плачетъ.

Не то смѣшно — жена мужа бьетъ; а то смѣшно, что мужъ плачетъ.

Вей, муженекъ, оборы, да плети муженекъ женѣ лапти.

У нея мужъ по ниточкѣ ходитъ (т. е., она имъ помыкаетъ).

Мужъ у нея колпакъ. Баба — ай-ай; а мужъ — малахай.

Коли кочергой зубы выбила, такъ въ солдаты не возмутъ.

Онъ попался на куканъ (т. е., въ руки жены).

Жена верховодить, такъ мужъ по сосѣдямъ бродить.

Жены стыдиться — дѣтей не видать.

Жена паловлива, такъ мужа бей!

Молчокъ: разбилъ батька горшокъ; а мать хоть два, да никто не зна'.

Не сказываетъ батька маткѣ, сколько въ кубышкѣ денегъ, а матка знаетъ.

Утро вечера мудренѣе, жена мужа удалѣе.

Женскій обычай — не мытьемъ, такъ катаньемъ (а свое возметь)

Хрюкалка, пукалка — на свое наведеть.

Мужикъ клиномъ, баба блиномъ, — а тожъ дойметъ.

Исподній жерновъ перемалываетъ верхній.

День (днемъ) плющить, а ночь (ночью) трещить.

День ворчить, ночь верещить — плюнь, да сдѣлай!

Ночная кукушка денную перекукуеть.

Не кашляй! — Мужъ дома. Нишней! Старый на печи.

Жена льстить — лихо мыслить (лихое норовить).

Жена ублажаетъ — лихое замышляетъ.

Не всякую жена мужу правду сказываетъ.

И дура - жена мужу правды не скажетъ.

Не такъ бы ты ходила, не иныхъ бы ты любила.

И мужъ не знаетъ, гдѣ жена гуляетъ.

Мужъ того не знаетъ, что жена гуляетъ.

Опречь мужа, всякъ знаетъ, что жена гуляетъ.

Проводила мужа за овинъ — да и прощай Жидовинъ!

Жена, а жена, любишь ли меня? — А? — Аль не любишь? — Да. — Чтѣ да? — Ничего.

Чужой мужъ бы и милъ, да не жить мнѣ съ нимъ; а свой постыль — волочиться съ нимъ.

За нужу (за неволю) съ мужемъ, когда гостя нѣтъ.

Вотъ тебѣ помои — умойся; вотъ тебѣ онучи — утрися; ~~вотъ~~ ^{вотъ} тебѣ ~~лопата~~ ^{лопата} — помолися; вотъ тебѣ кирпичикъ — подавися! (Нашъ)

Дорогой камешекъ въ три деньги, цѣпочка въ алтынъ — старому на воротъ, да спущу его на воду.

Чего жена не любитъ, того мужу вѣкъ не вѣдать.

Женина родня милѣе себя

Ження вѣдетъ родня — отвориай ворота, а мужня родня — запирай ворота!

Женина родня ходитъ въ ворота, мужнина въ прикалитокъ.

Всѣ мужья добры, купили женамъ бобры, а мой мужъ неуклюжъ: невидаль, корову купилъ.

Продай, мужъ, лошадь да корову, купи женѣ обнову! (Присказка: а зимой мужъ запрягъ жену въ сани, да и заставилъ дрова возить).

Продай, мужъ, корову съ лошадушкой: купи, мужъ, ожерелье, жемчужный борокъ!

Мужъ въ поле пахать, а жена руками махать.

Мужъ плачетъ (плачетъ), а жена пляшетъ (скачетъ).

Флоръ плачетъ, а жена скачетъ.

Жена поетъ, а мужъ волкомъ воетъ.

Мужъ за хлѣбъ да скатерть, а жена за избу, да пляшетъ.

Мужъ — какъ бы хлѣба нажить, а жена — какъ бы мужа избыть.

Мужъ въ двери ногою, а жена въ окно и съ головою.

Мужъ въ дверь, а жена въ Тверь. Мужъ въ бѣдахъ, жена въ гостяхъ.

Мужъ въ голяхъ, жена въ бусовыхъ сергахъ.

Мужъ въ тюрьмѣ, а жена въ сурмѣ (въ Сиверн. губ. вдова никогда замужъ не пойдетъ, и на вѣкъ отъ нарядовъ отказывается).

Мужъ въ шапцахъ, а жена въ танцахъ.

Мужъ по дрова, а жена со двора.

Мужъ за бороною, жена за меледою (т. е., забавляется).

Она и безъ мужа въ сергахъ щеголяетъ (въ отсутствіе мужа добрыя жены снимаютъ съ себя сарги, перстни и щегольскую одежду).

У чужихъ женъ мужа гляди каки: а у насъ все вонъ-эдаки.

Горе-горе, что мужъ Григорій: хоть бы болванъ, да Иванъ.

Хорошо тебѣ, матушка, за багюшкой жить: пожила бы за чужимъ мужикомъ.

Мужъ бьетъ, а жена горшки бьетъ.

Жена взбѣсилась, и мужа не спросилась.

Какъ бы жить-пожить, мужа сжить: кожу съ него снять, да подь себя подостлать.

Плохой мужъ умретъ, добрая жена по дворамъ поидеть.

Худой мужъ въ могилу — добрая жена по дворамъ.

Плохой мужъ взялъ да померъ, а добрая жена пошла по дворамъ.

Три женыи шибль, а ото всѣхъ бѣды терпѣль.

Было три жены, да всѣ не острижены (т. е., волосъ дологъ, а умъ коротокъ).

Причитывай, баба, по покойнику: теперь за космы не потянетъ.

Рада бь баба выть, да не по комъ: мужъ долго не мретъ.

Отъ пожара, отъ потопа и отъ злой жены, Боже, сохрани!

Молода годами жена, да стара норовомъ.

Жена упорна — ни мякишь, ни корка.

Мой (мужнинъ) верхъ, а ея (жены) макушка (о большия въ домъ; шутка, отъ обычая, что посковь, которая стоитъ выше ковопли, женно хозяйство).

Отбилась отъ рукъ жена, такъ что твой сатана.

Мужъ жену бьетъ, а жена свое поетъ. Мужъ свое, жена свое.

Не пройдетъ безъ грѣха, у кого жена лиха.

Червь дерево тлеть, а злая жена домъ изводить.

Сварливая жена въ домѣ пожаръ. Аредъ, да скаредъ, да третья ржа.

Худая жена — лишняя сухота. Худая жена — кара Господня.

Согрѣшилъ я передъ Господомъ, что люди меня оженили.

Лучше хлѣбъ ѣсть съ водою, чѣмъ жить со злою женою.

Передъ злой женою сатана — младенецъ непорочный.

Лучше жить со змѣю, чѣмъ со злою женою.

Изъ дому жена, а изъ лѣсу змѣя (т. е., выживаетъ).

Злая жена сведетъ мужа съ ума. Злая жена — засада спасенію.

Злая жена — мірской мятежъ. Злая жена — поборница грѣху.

Злая жена — таже змѣя. Злая жена — злѣе зла.

Всѣхъ злѣе злыхъ злая жена. Всѣхъ злыдней злѣе жена злая.

Лучше камень долбить, нежели злую жену учить.

Желѣзо уваришь, а злой жены не уговоришь.

Силень хмель, сильнѣе хмеля сонъ, сильнѣе сна злая жена (и спать не даетъ).

Злая жена — битая бѣсится, укрощаемая высится, въ богатствѣхъ зазнаѣтся, въ убожествѣ другихъ осуждаетъ.

Отъ злой жены не уйдешь. Отъ злой жены одна смерть спасаетъ, да постриженіе.

Для щей люди женятся, отъ добрыхъ женъ постригаются.

Отъ вной жены — хоть о надолбу головой.

Красныя похороны, когда мужъ жену хоронить.

Что гусь безъ воды, то мужикъ безъ жены.

Бывала ль у тебя бѣда? Умирывала ль у тебя жена?

Видалъ ли ты бѣду? Терялъ ли ты жену?

Анна семь лѣтъ съ мужемъ жила, а до 70-ти вдовой была (Пророчица Анна, встрѣтившая І. Хр. съ Симеономъ).

Не дай, Богъ, вдовѣть, да горѣть!

Лучше семью горѣть, чѣмъ одна овдовѣть.

Лучше бы у собаки Татарина жена померла, чѣмъ у меня (у него двѣ).

Дай, Богъ, погорѣть, да не дай, Богъ, овдовѣть!

Дважды жена мила бываетъ: какъ въ избу введутъ, да какъ вонъ повесутъ.

Не плачетъ малый, не горюетъ убогій, а плачетъ да горюетъ вдовый.

Вдовецъ — дѣткамъ не отецъ, а самъ круглый сирота.

Возьми, вдовецъ, себѣ жену, а дѣткамъ мачиху!

На вдовѣ жениться — что старые штаны надѣвать: не вошь, такъ гнида.

По третьей вдовецъ — безъ огня кузнецъ.

Первая жена опойчата, другая стеклянная, третья хрустальная (т. е., такъ берега).

Первая жена отъ Бога, вторая отъ человѣка, третья отъ чорта.

Горькіе проводы — жена мужа (мужъ жену) хоронить.

Вдовѣть — вдовье (вдовью часть) терпѣть.

Вдовье дѣло горькое. Вдовье сиротское дѣло. Сирая вдова, круглая сирота.

Въ дѣвкахъ — приторно, за мужемъ натужно, а во вдовьей чредѣ что по горло въ водѣ.

На вдовій плачь глядя, и мужикъ убивается.

Нѣтъ причитанья супротивъ вдовьяго.

Не кукушка кукуеть, а жена горюеть.

Мать плачетъ — что рѣка льется; жена плачетъ — что ручей течетъ; невѣста плачетъ — какъ роса падеть: взойдетъ солнце — роса высохнетъ.

Не дай, Богъ, возитъся съ монастырями, да со вдовами, да съ малыми сиротами!

Не оставайся отъ жару головня (угорышь), отъ попа попада (надоѣсть)!

За вдовою (за сиротою), самъ Богъ съ калитю.

Вдовицу Богъ бережетъ, а люди не берегутъ.

Обидны (побѣдны, бѣдовны) въ полѣ горохъ да рѣпа; завидны въ мѣрѣ вдова да дѣвка.

Шей, вдова, широки рукава, было бѣ во что класть небывлыя слова!

Худо полю безъ изгороды, а вдовѣ безъ обороны.

Горохъ да рѣпа въ полѣ — вдова да дѣвка въ людяхъ.

Вдовьи сѣни не стоятъ. Вдовій обиходъ не уходитъ.

На вдовій домъ (дворъ) хоть щенку брось, и за то Богъ помилуетъ.

Мужа не стало, а женѣ не кстати (жить у свекра).

Не опасайся вдову за себя взять: будешь спокойнѣе спать.

Вдову взять — спокойнѣе спать.

Не видалъ бѣды, кто не сваталъ молодой вдовы.

У вдовушки обычай не дѣвичій.

Вдовица не дѣвица: свой обычай у всѣхъ.

Она уже (другаго, третьяго) мужа донашиваетъ.

За чорта отдай ее, и того уходитъ (переживетъ).

Два мужа наружу, да одинъ въ сундукѣ (отъ комедій).

Д ѣ т и.

Дѣти — благодать Божья.

У кого дѣтей много, тотъ не забыть отъ Бога.

Сталась двоѣчка (т. е., чета), такъ будетъ и троѣчка.

Пошелъ весной заяцъ самъ-другъ въ поле, а воротился самъ-десять оттолъ.

Бабѣнка не безъ ребѣнка. Не по холосту живемъ: Богъ велѣтъ. Животъ болить, а дѣтей родить. Горьки родины, да забывчивы. Взяли ходины (бабку), не будутъ ли родины.

Бабка походить — всему дѣлу пособить.

Не довелось бы ей скоро поросенка манить (отъ сказки).

Богъ съ милостию, а бабка съ руками.

При мѣкахъ роженицы обводятъ ее трижды вокругъ стола, растворяютъ Царскія врата, заставляютъ мужа песокъ боронить и пр.

Жена родить — мужъ песокъ боронить (отъ обычая).

Не крещеиъ, такъ и Богданъ (всѣхъ ребятъ до крещенія зовутъ Богданамъ).

Бабка на кашу зоветъ (т. е., на крестины).

Кашка на ложки, а молодецъ на ножки (приговариваютъ).

За кашку грошь отдать, младенецъ жить будетъ.

Дай, Богъ, вспоить, вскормить, на коня посадить (а если дочь, за праслицу посадить).

Какъ въ полѣ туманъ, такъ ему счастье — таланъ (слова повитухи, за кашей).

Положить роженицѣ на зубокъ. Позолотить, посеребрить зубокъ.

Бабкѣ на масло (отъ обычая на крестинахъ).

Родильная ложка съ солью, съ перцемъ (отъ обычая, потчивать отца новорожденного ложкой каши, круто посоленной и наперченой).

Солоно и горько рожать (приговариваетъ бабка, подавая отцу новорожденного ложку каши съ солью и перцемъ).

Если воскъ съ закатаннымъ волосомъ, при крещеніи, тонетъ въ купели, младенецъ жить не будетъ (я да оборотъ).

Если дѣти умирають — целенають послѣ крещенія на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла купель (Шжегор.).

Беременная не идетъ въ кумы (крестникъ утретъ).

Если первые три мѣсяца беременности легки — родится мальчикъ; тяжелы — дѣвочка. Если плодъ на правой сторонѣ, если мать сидя протягиваетъ правую ногу, коли ѣсть хорошо всякую пищу — родится мальчикъ; если же охотно слушаетъ пѣсни, выставляетъ лѣвую ногу, плодъ въ лѣвомъ боку и причудъ много — дѣвочка.

Мать лѣвой ногой впередъ выступаетъ — мальчикъ родится, правой — дѣвочка.

Онъ не родился: его просто ворона въ нузырѣ принесла.

Новорожденное въ крещеную вѣру вводится отъ хлѣба-соли.

Когда ребенка понесутъ крестить, то ставятъ на окнѣ, какъ для покойника, стаканъ воды (Курск.).

По воду для крещенія ходятъ безъ коромысла, чтобъ крестникъ не былъ горбатъ.

Наступилъ на ногу — кумиться будешь.

Имя преподобнаго (въ крещеніи), къ счастью младенца: имя мученика — къ несчастью (Астрах.).

Дѣтей отымать отъ груди въ такой день, когда пѣтъ Св. мученика. Выучкѣ на здоровье, а бабушкѣ (шентухѣ) пироги.

Размыть руки (кончатъ дѣло: отъ обряда на крестинахъ, гдѣ бабка и роженница размываютъ руки, прислуживая другъ другу, и вторая одариваетъ первую).

Это мое: купите, будете ѣсть (говоритъ бабка на крестинахъ, подавая кашу).

Дарить бабушку за кашу (на крестинахъ).

Выкупай каждый свою ложку (отъ обряда каши при крещеніи).

Если гости на крестинахъ не доѣдятъ каши своей, то крестникъ будетъ рябой.

Какъ видѣли подъ крестомъ, такъ бы видѣть и подъ вѣнцомъ (поздравляютъ родителей кумовья).

Дай, Богъ, всцѣлить, векормить, богато заоручить (съ новорожденною дочерью)!

Стоять ему (новорожденному) и бодриться, какъ денга торчмя торчать (на крестинахъ втыкаютъ денги въ нирогъ. Твер.).

Чтобы крестникъ такой большой выросъ (говорятъ кумы, кладя на полбу коврижку. Ворон.).

Такъ бы нашъ Ванька подирыгивать (говорятъ на крестинахъ, вылезавшая часть вина въ потолокъ. Астр.).

Чтобы дитя раньше ходило, провести его по полу, во время утрами Св. Пасхи.

На очень (колыбельный) ничего не вѣшай, ребенокъ спать не будетъ.

Для оката ребятъ водою, отъ крику, кладутъ въ воду печины (золы) изъ трехъ печей: избной, горничной и банной (Чердынь).

Отъ крику дѣтей окачиваютъ водою на родимомъ мѣстѣ (Чердынь).

Щекотиха, будиха, вотъ тебѣ лучокъ (ял: прямица): играй, а младенца не буди (отъ дѣтскаго крику кладутъ ему подъ голову, мальчику лучокъ со стрѣлой, дѣвчкѣ прямицу. Чердынь).

Изъ баньки, да въ ямку (приговоръ злыхъ людей, къ смерти новорожденнаго).

Кто, пообѣдавъ, и перекрестясь, опять сидеть ѣсть, у того крестники мрутъ.

Колп дѣти не стойтъ — бери перваго встрѣчнаго въ кумовья.

У кого дѣти не стойтъ (унираютъ), надо просаживать ихъ до трехъ разъ въ хомутъ.

Не стойтъ (не живутъ) дѣти, такъ выбивать косяки (Выбивъ косяки съ дверью, заставляютъ хозяйку рожать въ сѣняхъ: бабка подаетъ младенца задомъ въ избу, и задомъ его принимаютъ Нижегород.).

У кого умреть ребенокъ, до Преображенья не ѣсть яблокъ (чтобы или дѣтскъ на томъ свѣтѣ).

О роженницѣ въ мѣкахъ никто знать не долженъ.

Родильница должна мучиться за душу каждаго человекъ, который знаетъ, что она въ родахъ (почему это и должно быть тайной).

Бласть роженницѣ подъ подушку.

На родильницѣ не должно быть ни одного уза (для чего даже и косу расплетаютъ).

Не постилай скатерти вдвое: двойниковъ родишь.

Новорожденнаго принимаютъ въ рѣшето (Астрах.).

Новорожденнаго принять въ отцовскую рубашу, чтобъ отецъ любилъ — и положить на косматый тулупъ, чтобъ былъ богатъ.

Калачъ на сосокъ, да мыла кусокъ (при поднесеніи родильницѣ денегъ).

Если рубашку, въ которой крещено первое дитя, надѣвать, по очереди, на всѣхъ послѣдующихъ, то всѣ полюбятъ другъ друга (Бѣлор.).

Плодятся и множатся, что голуби. Бойконько — дѣтей многошко.

Ребята, что мокрицы: отъ сырости разводятся (о бѣднякахъ).

Былъ бы коваль, да ковалиха — будетъ и этого лиха (дѣтей).

Мальчикъ съ пальчикъ. Мальчишко съ пальчишко.

Малые ребята, косыя заплаты, черезъ напыльникъ повисли, слюни закисли.

Оленка въ пеленкахъ, Никитка у титьки.

Окульки въ люлькахъ, Оленки въ пеленкахъ.

Два сидня, два лежня, два поползня (дѣти).

Дѣтки почаски, ѣдятъ изъ одной чашки.

Кубарики кубаряшки, малые ребятишки.

Хозяйка, что лебедь — птица, вывела дѣтей станицу (вереницу).

Татьяна хромонога, народила дѣтей много.

Прежде одну свинью кормили, а теперь съ поросятами (о свохѣ).

У кого дѣтей нѣтъ — во грѣхѣ живеть (чтобы Богъ простилъ, приемыша берутъ).

Не умѣла родить ребенка, корми сѣраго котенка (съ лубочн. карт.).

Ласкай и котя, коли не родила дитя (то же).

Дѣтокъ родить — не вѣтокъ ломить.

Послѣ родовъ женщина десять дней въ гробу стойтъ (т. е., больна).

Дай, Богъ, кому дѣтей родить, тому ихъ и вскормить!

Чѣмъ терять, такъ лучше бѣ не (такъ не дай, Богъ) рожать.

На смерть дѣтей не нарожаешься.

На яму дразгу не нахламисься, на смерть дѣтей не нарожаешься.

На рать сѣна не накосишься, на смерть ребяты не нарожаешься.
У самой семеро по лавкамъ и всѣ сѣдучи. Мала мала меныше.
Много бываетъ, а лишнихъ не бываетъ. Много есть, да лиш-
нихъ нѣтъ.

Рыбку да утку встанью взять, а малыхъ дѣтокъ Богъ даетъ.

Дѣти, дѣти, да куда жъ миѣ васъ дѣти?

Хороши ягоды съ вроборцемъ, а дѣти съ вроморцемъ.

Дѣтки — радость, дѣтки жъ и горе.

Безъ дѣтей тоскливо, съ дѣтьми водливо (вередливо).

Съ ними (съ дѣтьми) горе, а безъ нихъ вдвое.

Безъ нихъ горе, а съ ними вдвое.

Безъ дѣтей сухота, съ дѣтьми перхота.

Первые дѣтки — соколатки, послѣднiе — воронятки.

Когда меня мать рожала, такъ три года дрожала (пелвальба).

Первый сынъ Богу, второй Царю, третiй себѣ на пропитанiе.

Одинъ сынъ — не сынъ, два — не морнальцы.

Одинъ сынъ — не сынъ, два сына — полсына, три сына — сынъ.

У кого дѣтки, у того и заботы (и бѣдки).

Не устанешь дѣтей рожаючи, устанешь на мѣсто сажаячи.

Дѣтушекъ воспитать — на нурочекъ пересчитать (перещипать).

Валей, дѣти: отецъ въ отвѣтъ.

Маленьки дѣтки — маленькiя бѣдки, а выростутъ велики — боль-
шия будутъ.

Дѣти — на рукахъ железа (или: мозоли).

Дѣтки маленьки — поѣсть не дадутъ, дѣтки велики — пожить
не дадутъ.

Дѣтки посиѣли — отца мать до вѣку досиѣли.

Дѣтки подросли — батьку распрасли.

Малые дѣти съѣсть, а большiя износить не дадутъ.

Малые соткать, а большiе износить не дадутъ.

Малые дѣти не даютъ спать, большiе не даютъ дышать.

Съ малыми дѣтками горе, съ большими вдвое.

Дѣтки возмужаютъ — батьку испугаютъ.

Умѣть дитя родить, умѣй и научить.

Отниво (отеческо) слово и по сказкѣ правдивъ (т. е., и въ сказкѣ объ этомъ говорится).

Дай, Богъ, дѣтокъ, да дай и путныхъ!

Работные дѣти: отцу хлѣбы.

Не вскормивши малаго, не видать и стараго.

Наказуй дѣтей въ юности, упокоють ты на старости.

Не събѣль дѣдъ отца, не събѣсть отецъ и тебя молодца (т. е., журьбой, или какъ нахлѣбникъ).

Розгой въ могилу ребенка не вгонишь (не упрячешь), а калачемъ не выманишь.

Сынъ отца бьетъ — не на худо учить.

Каковы гдѣ дядьки, таковы и дитятки.

У добраго дядьки (батьки) добры и дитятки.

Дѣтямъ — не порча игрушка, а порча худая прислужка.

Кормилица привередливѣй барыни.

Матушкинъ сынокъ. Матушкинъ зааушникъ.

Засиженое яйцо всегда болтунъ (т. е., базовень).

Дѣтки за игрушки, а матки въ ссору.

Дитятку за ручку, а матку за сердечко.

Что мать въ голову вобьетъ, того и отецъ не выбьетъ.

Мать пазуку прорвала, дѣтямъ прячучя, а дѣтки пазуки (или дѣвѣ) прорвали — отъ матки прячучи.

Подите-тко, дѣти, въ чужія клѣти (т. е., воровать)!

Здоровы бѣ были дѣтки, есть кому лѣзть въ чужія клѣтки.

Билчокъ-третьячокъ (о базовнѣ). Въ подолѣ выношень.

Ребенокъ, что поросенокъ. Ребенокъ — что жеребенокъ.

У ребятъ, что у зайчатъ: по два зуба.

Онъ Бога не знаетъ, а Богъ его любить (младенецъ).

Растеть, какъ пшеничное тѣсто на опарѣ.

Какъ тѣсто на опарѣ киснетъ. Расгеть — какъ изъ корня идетъ.

Лежень лежить, а все растеть. Растеть, какъ изъ воды идетъ.

Растуть дѣтки, какъ грибки (какъ леждевички).

У младенцевъ до году ногтей и волокъ не стригуть.

Ребенокъ растетъ въ день на одну мачинку, въ годъ на пяденьку (а каждый разъ, когда мать ударитъ его по головѣ, онъ на мачинку съдается; оттого упрямые малорослы).

Сосунъ—не вѣкъ сосунъ, черезъ годъ стригунъ, а тамъ пора и въ хомуть.

Сынъ да дочь — красныя дѣтки. Сынъ да дочь — домашніе гости.

Сынъ да дочь—день да ночь (и сутки полны).

Сынъ да дочь — ясно солнце, свѣтелъ мѣсяцъ.

Сынъ да дочь — да и тѣхъ кормить не вночь.

Сынъ — домашній гость, а дочь въ люди поидеть.

Сынъ на сѣни не посадить, а дочь съ сѣней не сеадить (т. е., сынъ не обездожить, сынъ не презрять).

Дочь—чужое сокровище. Хоть да корми, учи да стереги, да въ люди отдай.

Сына корми—себѣ пригодится; дочь корми—людямъ спадобится.

Материна дочь—отцова падчерница (т. е., мать любить, такъ отецъ не любить).

Дочерьми красуются, сыновьями въ почетѣ живутъ.

Кто красенъ дочерьми, да сынами въ почетѣ, тотъ въ благодати.

На старость печальникъ, на поконъ души поминщикъ (т. е., сынъ).

Добрый сынъ, всему свѣту завидище.

Который палецъ ни укуси—все одно: все больно (дѣти).

И змѣя своихъ черевъ не ѣстъ. Огонь—горячо, а дитя—болячо.

У кошки котя—тоже дитя. У суки щеня, и то дитя.

У княгини ребя, у кошки котя—таково же дитя:

У княгини княжа (княжата), у кошки котя (котята)—тоже дитя.

Узнала, де, свинья свое порося.

Счастливая дочь—въ отца, а сынъ—въ мать.

Матушкинъ сынокъ, да батюшкинъ горбокъ (и баловень и упрямъ).

Свое дитя и горбато, да мило. Дитя хоть криво, да отцу, матеря мило.

Не мы на дѣтей находимъ (походимъ), они на насъ.

На чужой горбокъ, не насмѣюся; на свой горбокъ, не нагляжуся.

Свой дуракъ дорожке чужаго умника.

Дитя худенько, а отцу, матери миленько.

Свой бороноволокъ дорожке чужаго работника.

Сладка бесѣда чадъ своихъ. Всякому свое дитя милѣе.

У кого дѣтки, у того и ягоды.

Каковъ ни будь сынъ, а все своихъ черевъ урывочекъ.

Богѣзнь утробы моея (сынъ или дочь).

Родился сынъ, какъ бѣлый сыръ.

У всякаго первенецъ родится: во лбу свѣтлый мѣсяцъ, за ушами ясны звѣзды.

Кто дѣвку хвалить? Отецъ да мать.

У кого дѣвка хороша?—У матки. У кого сынъ умный?—У батьки.

Хороша дочь Анпушка, коли хвалить мать да бабушка.

Не наказанный сынъ—бесчестіе отцу.

Гладенькая головка (щеголь)—отцу-матери не кормилецъ.

Дѣти крадутъ, отецъ причетъ. Дѣти воруютъ, мать горюетъ.

Народила, да не научила. Нарожать нарожала, а научить не научила.

Сынъ матери солжетъ, а старой бабѣ не солжетъ.

Любимаго сына жезломъ. Далъ Богъ сыночка, далъ и дубочка.

Одно чадо. да и то чало. Отъ сына дурака, не хлѣба колоба.

Не учила сына, когда кормила, а тебя кормить станеть, такъ не научишь.

Не учили, когда поперекъ лавки ложился; а во всю вытянулся, такъ не научишь.

Не тотъ отецъ, мать, кто родилъ, а тотъ, кто вспоилъ, вскормилъ, да добру научилъ.

Живемъ—нѣ люди, а умремъ—не родители.

Самъ пьянъ, а дѣти голодны. Самъ щатунъ, дѣти пошаточки.

Блудный сынъ—ранняя могила отцу.

Батка горбомъ (нажилъ), а сынокъ горломъ (празилъ).

Дѣти отца бьютъ, на себя запасъ пасутъ.

На лубѣ отца спустилъ, и самъ тогоже жди отъ сына (изъ сказки, дурачокъ отца на лубочкѣ подъ гору въ оврагъ спустилъ).

Не поживуть дней своихъ, иже прогибвять отца и мать.

Покой матеръ свою волю Божию творить.

Не оставляй отца и матери на старости лѣтъ, и Богъ тебя не оставитъ.

Родительское слово мимо (на вѣтеръ) не молвится.

Хоть по старому, хоть по новому, а все отецъ старше сына.

На старости двѣ радости: одинъ сынъ воръ, другой пьяница.

Ни себѣ на радость, ни людямъ на послугу (нарожалъ).

Отцу-матери безчестье, роду-племени покорь.

Родилось чадушко, старше бабушки (умичаетъ).

Матернее сердце въ дѣткахъ, а дѣтское въ камнѣ.

Дѣтки про щепки, а matka про дѣтки.

Дѣтки за клѣтки, а матки за вѣтки.

Дѣтки за клѣтки, матки за дѣтки, а батьки за матки.

Matka по дочкѣ плачетъ, а дочка по доскѣ скачетъ.

Высидѣла курица утятъ, да и плачется съ ними.

Дѣтки хороши — отцу матери вѣнецъ; худы — отцу матери конецъ.

Дай Богъ батюшкѣ здоровья, а дѣтки всѣ въ промыслу.

У кого дѣтки, у того и бѣдки.

Мать дѣткамъ — да вижу ихъ рѣдко: сидятъ въ разныхъ клѣткахъ.

Уродила мать, что и земля не прима'тъ.

Уродила мама, что не примаеть и яма.

Сынъ запоетъ — и отецъ не уишетъ. Сынъ мой, а умъ у него свой.

Что за урядъ, чтобъ отца - мать не унять?

Далъ Богъ отца, что и роднаго сына не слушается.

Уродился — ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣжаго молодца.

Сударики братцы, пособиите съ бачкой драться!

Нашъ Антонъ не тужить о томъ: мать умираетъ, а онъ со смѣху помираетъ.

Отца похоронилъ, — будто съ поля убрался.

Отца-мать по пряталъ, въ свою голову завякалъ.

Не допоросять свиньѣ, коли самоё палать (смалать).

На что отецъ, коли самъ молодецъ?

Корми сына до поры; придетъ пора — сынъ тебя покормитъ.

Кормилъ до усовъ, корми и до бороды (въ сказкѣ; говорилъ сынъ отцу, т. е., корми до возмужалости).

Въ глупомъ сынѣ и отецъ не волёнъ.

Глупому сыну не въ помощь наслѣдство (не впрокъ богатство).

Глупому сыну и родной отецъ ума не пришьеть.

Будетъ съ насъ, не дѣти у насъ; а дѣти будутъ, сами добудутъ.

Наслѣдники плачутъ — что мало имъ осталось.

Плачеть сынъ по отцу — что мало денегъ оставилъ.

Паси, чтобъ вскормить; не паси, чтобъ озолотить.

Отцовскимъ умомъ жить дѣткамъ, а отцовскими деньгами не жить.

Тотъ не умираетъ, кто дѣтей не покидаетъ.

Отца съ матерью Господь прибираетъ, а къ дѣтямъ пристателя приставляетъ.

Богъ — заступникъ сирымъ и вдовымъ.

Сирый да вдовый плачутъ, а за сираго да вдоваго Богъ на стражѣ стоитъ.

За сиротою самъ Богъ съ калиткою.

Даль Богъ ротокъ сиротинкѣ, дасть и кусочекъ.

Въ сиротствѣ жить — слезы лить.

Маленькихъ сиротъ кормить не хочется (не скоро отработаютъ).

Сиротинка, поди на чужбинку! На сиротахъ свѣтъ стоитъ.

Не подавай за ворота, коли свой есть сирота!

Не строй церкви, пристрой сироту!

Жалуй своихъ, а тамъ и чужихъ! Свой своему поневоли другъ.

На свѣтъ все найдешь, кромѣ отца и матери.

Хорошо, какъ и при старости отецъ.

Все купишь, а отца-матери не купишь.

Есть старый (отецъ) — убилъ бы его; нѣтъ стараго — купилъ бы его.

Птичьяго молока хоть въ сказкѣ найдешь, а другаго отца - матери и въ сказкѣ не найдешь.

Коли умеръ бачка, не истати и мачка.

Мать при сынѣ не наслѣдница (не вотчинница).

Безъ отца—полсироты, а безъ матери и вся сирота.

Отцовъ много, а мать одна (т. е., отца легче замѣнить).

Была кабы matka, была бь и уватка (т. е., нища).

Пчелки безъ матки — пропація дѣтки.

Житье сиротамъ, что гороху при дорогѣ: кто мимо идетъ, тотъ и урветъ.

Тогда сиротѣ и праздникъ, когда бѣлую рубаху дадутъ.

Нѣтъ такого дружкѣ, какъ родная матушка.

При солнцѣ тепло, а при матери добро.

Какъ Богъ до людей, такъ отецъ до дѣтей.

Богъ до людей, а отецъ до дѣтей.

Держись, какъ за роднаго отца!

Птица радуется веснѣ, а младенецъ матери.

У кого есть matka, у того голова глѣдя.

Слѣпой щенокъ, и тотъ къ матери ползеть.

Мой крута-гора высокая, крѣпка стѣна бѣлокаменная (отецъ).

Днемъ денна моя печальница, въ ночь ночная богомольница (мать).

Мать праведна — ограда каменна.

Мать плачетъ (по дѣтищу) не надъ горсточкой, а надъ пригоршней.

Молода жена плачетъ до росы утренней, сестрица до золотѣ кольца, мать до вѣку.

Жена для совѣта, теща для привѣта, а нѣтъ милѣй родной матери.

Дѣтамъ не жить, коли не умоутъ, да благословеніемъ родителей.

Родительское благословеніе на водѣ не тонетъ, на огнѣ не горитъ.

Живы родители — почитай; померли — поминай!

Кто родителей почитаетъ, тотъ во вѣки не погибаетъ.

Отцовская клятва сушить, а материна коренить.

Материнская молитва со дна моря вынимаетъ (достааетъ).

У отца-матери за пазушкою (т. е., въ родительскомъ дежѣ).

Матерни побои не болятъ. Мать и бия не бьетъ.

Родная мать и высоко замахивается, да не больно бьетъ.

Мать и высоко подыметъ, да не больно опуститъ руку.

Наемная рука хорошо бьет ребенка, да плохо ласкает.
 Своя matka и бьетъ, да не пробьетъ, а чужая, глядя проглядитъ.
 Мать и бьетъ, такъ гладитъ, а чужая и гладитъ, такъ бьетъ.
 Кулакомъ да въ спину—то и приголубье сыну.
 Умный сынъ—отцу замѣна, глупый не помощь.
 Какъ въ полѣ трава растетъ, такъ бы твое добро расло (говоритъ отецъ, благословляя и отдѣляя сына, что всегда дѣлается въ новолуніе)!

—

Въ своей семьѣ всякъ (отецъ, дядя) самъ большой.
 На своемъ пепелищѣ и курица бьетъ.
 И въ Польшѣ нѣтъ хозяина больше.
 Тишь да гладь, да Божья благодать.
 Тишь да крышь, миръ да благодать Божья.
 Гдѣ миръ да ладъ, тамъ и Божья благодать.
 На что и кладъ, коли въ семьѣ ладъ. Совѣтно жить—время коротать.
 Любовь да совѣтъ—такъ и нуждочки (и гора) нѣтъ.
 Вся семья вмѣстѣ, такъ и душа на мѣстѣ.
 Приведи, Господи, со своимъ жить, съ чужимъ не разстаться (говор.,
 принявъ вѣзгя, зятя въ домъ).
 За совѣтъ—и въ постѣ мясоѣдъ. Въ своей семьѣ какой расчетъ.
 Ссора въ своей семьѣ до перваго взгляда.
 Что за счеты, что намъ считаться?—Свои, сочтемся.
 Родными (своими) считается, а съ женою въ разводѣ живетъ.
 Чужихъ нѣтъ, а своихъ мало. Чужіе не идутъ, а свои не поддаются.
 Родныхъ много, а пообѣдать не у кого (мл.: а голова одинока).
 Родня до полдня, а пообѣдать негдѣ.
 Больше бабъ въ семьѣ, больше грѣха.
 Кому отъ чужихъ, а намъ отъ своихъ.
 Въ семьѣ не безъ урода, а на урода все не въ угоду.
 Роднымъ не ссуда, а только остуда.
 Безъ раздѣла (въ хозяйствѣ) спорѣ, да много грѣха на душу
 примешь.
 Есть родня, есть и возня. Съ родней не безъ хлопотъ.

Когда не вижу своихъ, такъ тошно по нихъ; а увижу своихъ, да много худыхъ, такъ лучше бь безъ нихъ.

Видѣть тошно, а розно скучно.

Быль свой, а сталъ чужой (отъ рукъ отбился).

Деревенская родня, какъ зубная боль (докучаетъ).

Зубная болѣзнь, — дѣвичья сухота, да деревенская родня.

Сватъевъ — не оберешься, свояковъ — не огребешься, а женскаго кумовства — до Москвы не перевѣшаешь.

Хоть наследства и не дѣлить, а все надо своими счесться.

А ну, сочтемся своими: бабушкинъ внучатный козелъ, тещиной курицѣ какъ пришелся?

Десатая вода на кисель. Сѣмая водина на квасинѣ. Съ боку припѣка.

Ни ношено, ни рожено, не знай откуда (приемышъ, подкидышъ, и пр.)

Не грѣло, не горѣло, да вдругъ освѣтило.

Я тебѣ свать, да ты — то мнѣ кто?

Чирій и въ боку сидитъ, да не родня.

За ликаго дядьку — хоть матку отдай, все не родня.

Сидоръ Карпу родной терѣхъ.

Онъ нашему слесарю (слесаршѣ) трокородный кузнецъ.

Есть и братья у меня, да не свои, чужие.

Какъ родня? Да на одно солнышко глядимъ.

Ближняя родня: на одномъ солнышкѣ онучи сушили.

На одной онучкѣ сушены. Изъ одной земляцы испечены.

Это барской (генеральской) курицы племянникъ.

Твоя бабушка моего дѣдушку за носъ водила (на вопросъ: какъ родня?)

Твоя бабушка моего дѣдушку изъ Краснаго села за носъ вела.

На его бабушкѣ сарафанъ горѣлъ, а мой дѣдушка пришелъ, да руки погрѣлъ.

Родня: наши собаки изъ одного корыта лапали.

Его собаки овсянку ѣли, а наши на нихъ черезъ тынъ глядѣли.

Ваша — то Катерина да нашей Оринѣ двоюродная Прасковья.

Кумовство да свойство — ближнее родство.

Въ поѣздкахъ былъ, такъ свой.

Погостилъ у подзастрѣнной родни.

Родня середь дня (т. е., въ обѣдъ), а какъ солнце зайдетъ — е и чортъ не найдетъ.

Много ль родни? Кумъ да прикумокъ, ручной деверь, да два пустосвата.

Всякій мірянинъ своему брату семьянинъ.

Русскій человекъ безъ родни не живетъ.

Духовное родство пуще ялотскаго.

Зѣвокъ пополамъ — быть въ роднѣ (съ тѣмъ, съ кѣмъ зѣвнулось).

Ай, да свать! и согрѣшивши свать. Хоть и свать, да горбать.

И добрый свать — собакъ братъ.

Не всякъ тому радъ, что прѣвкъ въ гости свать.

Тотъ мнѣ и свать, кто мнѣ радъ.

Свать, не свать, былъ бы добрый человекъ (былъ бы таковъ).

Свать, не свать, а въ горохъ не лѣзь (а денежки не родня)!

У свата по сватѣ не болтъ голова (т. е., не слишкомъ близкое родство и дружба).

И свать свату другъ, да не вдругъ.

Поколѣ пьемъ вмѣстѣ, такъ и сваты, а напились — и разошлись.

Два брата на медвѣдя, а два свата (своика) на кисель.

Свать на комъ, а расвать на свинѣ.

Зятинъ братъ тещѣ свать.

Что честнѣе (почетнѣе) посаженные отецъ да мать, то сватьба счастливѣе!

Отъ дяди — ни пяди (отъ кумы никуда).

Не училъ отецъ, а дядя не выучить.

У тороватаго дяди денегъ нѣтъ, а богатый скушь.

Пошелъ бы охотой въ племянники — къ богатому дядѣ.

Бдетъ дядя изъ Серпухова: бороду гладить, а денегъ нѣтъ.

Охнеть (охаетъ) дядя, на тетку паядя.

У тетки баловень племянникъ, у дяди дьявольскій.

Гдѣ тетка, тамъ и сваха. Наша тетка и сама лебедка.

Тетка Варвара — широкіе карманы.

Варвара мнѣ—тетка, а правда—сестра.

Добрая кума прибавить ума. Кума да кумъ, наставятъ на умъ.

Кумушка любая — бабка суженая.

При кумѣ не жить, а и безъ кума не быть.

Объ кумѣ не жить, а и безъ кума не жить.

При доброй годинѣ и кумовья побратимы.

Четыре двора, а въ каждомъ дворѣ кумъ да кума.

Въ кумовьяхъ не быть — и пива не пить.

Не быть у кума — не пить и пива.

Не бить кума — не пить и пива. Кума не бить, такъ и пива не пить (на ирровой).

Кумъ къ кумѣ — хоть въ рѣшетѣ, да приплыветъ.

Челомъ кумѣ! — Сядь. Почто пришла? — Да такъ.

Здорово кума! — Въ рынкѣ была. — Никакъ ты, кумушка, глуха? — Купила курицу да пѣтуха. — Прощай кума! — Пять алтынъ дала.

Пошла кумъ въ три села — не ночевать голубушкѣ дома.

Зашелъ къ кумѣ, да и засѣлъ какъ въ тюрьмѣ.

Кумъ къ кумѣ съ мыломъ, а кумъ къ куму съ прищипкомъ (обычай въ прощевый день).

Съ бранчивой (сварливой) кумой не напрощаешься.

Шла кумъ пѣша — куму легче. Кумъ съ возу, куму легче.

Кумъ не кумъ, а въ горохъ не лѣзь (а животы не кумовья)!!

Кумиться — кумитесь, да не подеритесь!

Городскія кумѣ спѣсивы.

Что знаетъ кумъ, знаетъ и кумова жена, а по ней и вся деревня.

Ладно, кума, лишь бы правда была! Кума живетъ догадлива.

Кумъ, кума, да знала бы про себя! Кума, сойди съ ума: купи вина!

Кумъ свела съ ума. Сошла кума съ ума, да и меня свела.

Кумъ не мила — и гостинцы постылы.

Знапся (водиться) съ кумою — растаться съ женою.

Кумушка-куна, окрести мое дити, да и не знай мо'го двора!
Лучше кума, нежели жена (пусть дурить).

Въ лихомъ свекрѣ правды нѣтъ. Журлива, что свекровь.
Свекоръ — гроза, а свекровь въѣсть глаза.

Кукушка соловушку журить (свекровь сноху).

Свекровь на печи, что собака на цѣпи.

У лхой свекрови и сзади глаза. Невѣсткѣ на отместку.

Блудливая свекровь и невѣсткѣ не кѣрить.

Кошку бьютъ, а невѣсткѣ наѣтки дають (а невѣстка гляд да казьясь).

Свекровь кошку бьетъ, а невѣсткѣ наѣтки даеть.

Первая зазнобушка — свекоръ да свекровушка; другая зазнобушка — деверь да золовушка.

Свекоръ кропотливъ, свекровь журлива, деверь пересмѣшникъ, золовка смутлива, ладушко (мужъ) ревнивъ.

Свекоръ журливъ, свекровь хлопотница, золовка смутьянка, деверь насмѣшникъ.

Свекоръ драчливъ, свекровь ворчалива, деверья журливы, невѣстки мутливы.

Свекоръ говорить: намъ медвѣдцу ведутъ; свекровь говорить: людоядцу ведутъ; деверья говорятъ: намъ неткаxu ведутъ; золовки говорятъ: намъ вепраxu ведутъ.

Это свѣрова грѣза; это свекровина грѣза; это мужнина грѣза (говоритъ свекровь, ударя невѣстку слегка плеткой, на другое утро брака).

Свекоръ батюшка — застоюшка, свекровь матушка — заборонушка (говоритъ сноха, лѣтя).

Сношенька у свекра — госпожевка.

Сноху привели, и трубу на крышу поставили (завершили).

Смалчивай, невѣстка — сарафанъ куплю (говор., сношникъ).

Сноха свекрови — битая полоса.

Деверь невѣсткѣ — обычный другъ.

Деверья впереди, что добрые кобели; свекровь на печи, что сука на цѣпи.

Богодичны сестрицы — краўна мучая.

Золовки колотовки, побей головки. Золовка хитра на уловки.

Золовка — зловка; золоўна — колотовна; золоўка — мучовка.

Мы не въ лиху споху: что Богъ подасть, то и людымъ (слова золовокъ).

Я не въ большую споху, не упрямя (говор. деверь).

Нѣтъ нужды невѣсткѣ, что деверь не вѣгы: хоть вѣшь, хоть сохни, хоть такъ издохни (хоть жри, не жри, хоть такъ умри).

Всѣ въ семьѣ снать, а невѣсткѣ молотъ велять.

Невѣстущка, полно молоты! Отдохни, потолки (говорить свекровь)!

Пусть бы невѣстка и дура, только бы огонь пораньше дула.

Сѣла невѣстка прясать: берегите деверья глазъ (отъ веретена)!

Два свояка: а промежь нтъ собака. Свояки, до дѣлежа, братья.

Своякъ свояку подарилъ мертвую собаку; что жъ, своякъ, собака твоя не лаетъ? — Отъ того, своякъ, что тебя круѣлко знаетъ.

Попрекаетъ своякъ свояку: кто первый задумалъ жениться.

Честъ любить честь, вѣтъ любить взятъ, а шурины глаза щурить.

Сырѣ жалача бѣлѣе, а мать мачихи милѣе.

Тепло, да не какъ лѣто; добра, да не какъ мать.

Тепло, тепло, да не лѣто; добра, добра, да не мать родна.

Своя matka быя не пробьетъ, а чужая глаза протгладить.

Мать высоко замахвається, да не больно бьетъ; мачиха низко замахвається; да больно бьетъ.

Достатокъ — мать, убожество — мачиха.

Родной, да матери не одной.

Двон дѣти водить — однихъ дослать (т. е., отъ двухъ матерей).

Жить было въ совѣтѣ, да разныя дѣти.

Таланное дитя, мачихино (т. е., въ сравненіи съ пасынкани).

Въ лѣсу медвѣдь, а въ дому мачиха.

Изъ дому гонить мачиха, а изъ лѣсу медвѣдь.

Чешеть, что мачиха шавышна. Больно, что мачихино чесанье.

Такъ чешеть (гладить) мать, а одакъ мачиха (по я противъ шерсти).

Горе мачихино, что пасыночек сметаны не ѣсть, а порой и сывороткѣ радъ.

Удобрилась мачиха до пасыника: велѣла въ заговѣнныя щипы выхлебать.

Спихватилась мачиха пасынка, когда уже ледъ прошелъ (т. е., когда все унесло, что подъ ледъ пошло).

Мамка — не matka. Мать кормилица, а кормилица не мать.

Горько живется отъ мачихи пасынку, а не сладко и мачихѣ отъ пасыника.

Дочерины дѣти милѣе своихъ.

Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожить.

Гдѣ бабка ни бери, а внука корми!

Коди внучекъ маю, такъ и сказку знаю (Занав.).

Кого дѣдушка любить, тому и косточки въ руки.

У кого есть дѣдъ, у того и обѣдъ.

Была бъ моя бабуся, никого не боюся; бабушка — щипокъ, кулакъ — молотокъ (т. е., застутается).

Баба, бабушка, золотая сударушка! Бога молишь, хлѣбцемъ кормишь, домъ бережешь, добро стережешь.

Бабушка не можетъ, дѣдушка семь лѣтъ костей не гложеть.

Дѣдушка свѣчка, лучиночка съ печки (высохъ).

Бабушка у бражки, дѣдъ на печи. Бабушка, на печь а дѣдъ по дрова.

Разсыпался бѣ дѣдушка, кабы его не подполясывала бабушка.

Подрались дѣдушка съ бабушкой, и семеро внуковъ не разберутъ по чѣмъ.

Молчи: дѣдушка съ бабушкой на зиму печь межують.

Сиротинушка нашъ дѣдушка: ни отца, ни матери.

Бабушкѣ — одинъ только дѣдушка не внукъ.

Съѣла бабушка зубы, а остались языкъ да губы.

Не стучи: сидитъ дѣдъ на печи.

Корми дѣда на печи: и самъ будешь тамъ.

Про то дѣдушка не вѣдаетъ, гдѣ внучекъ обѣдаетъ. . . .

Дѣдушка не зналъ, что внучекъ корову укралъ; дѣдушка спалъ, а внукъ и кожу снялъ.

Дѣдушка съдъ, а смерти на него нѣтъ.

Любовь братская — союзъ Христіанскій.

Братская любовь пуще (лучше) каменныхъ стѣнъ.

Одинъ братъ, одинъ свѣтъ милый. Живутъ, какъ братъ съ сестрой.

Мужъ жену любить здоровую, а братъ сестру богатую.

Фадея-то дядя, а Кондратъ мнѣ братъ.

Братъ брату — головой въ уплату. Братъ брату сосѣдъ.

Хотя мнѣ братъ, только я ему не радъ.

Хорошъ братъ — сестру продалъ, хороша и сестра — отъ брата ушла (отъ сватеби. обычая).

Сестра при братѣ не вотчинница (не наслѣдница).

Братъ брату не плательщикъ; братъ за брата не плательщикъ.

Братъ брату складникъ, отецъ сыну сосѣдъ.

Отецъ сына умнѣе — радость, а братъ брата — зависть.

Сынъ отца умнѣе — радость, а братъ брата умнѣе — зависть.

Сынъ отца глупѣе — жалость; сынъ отца умнѣе — радость; а братъ брата умнѣе — зависть.

Братъ — братъ, свать — свать, а денежки не родня.

Не сибѣйся, братецъ, чужимъ сестрицамъ: своя въ дѣвицахъ.

Братъ онъ мой, а умъ (т. е., воля) у него свой.

Не вѣрь брату родному, вѣрь глазу своему кривому!

Братъ, такъ братъ, а не братъ — такъ отдай мой крестъ (т. е., крестовый братъ, побратимъ; они ибѣняются тѣльными крестами. Дѣвки на зываютъ себя кумани, крестовыми сестрами).

Братъ на брата — пуще сушостата (т. е., если враждуютъ).

Братъ съ братомъ на медвѣдя ходять.

Два брата на медвѣдя, два свата — кисель.

Чужъ — чуженинъ, а сталь семьянинъ (зять).

Одно дитя роженое (дочь), другое суженое (зять).

У тещи-свѣта — все для зятя пришестью.

Зять да свать у тещи — первые гости.

Зять на дворъ — пирогъ на столъ.

Пожалуста, зятёкъ, съѣшь пирожокъ!

Для зятя и дверь полà (настежь).

Теща зятю голову маслитъ (отъ обычая сватб., гдѣ молодые вдутъ къ тещѣ на яичницу).

У тещи для зятя и ступа доить (т. е., допеч).

Думала теща пятерымъ не съѣсть; а зять-то сѣлъ, да за при-
сѣсть и сѣлъ.

На зятьевъ не напасешься, что на яму.

Наливай на гущу, зять будетъ (говор. тещь).

Зять съ тещею говорить день до вечера, а послушать нечего.

Быль у тещи, да радъ утекши.

Зятекъ ѣдетъ — на похмелье зоветь.

Не для зятя-собаки, для милаго дитяти (гов. тещь).

Нынѣ зять подмазъ сѣлъ, а завтра и всю сковороду.

Не жалѣй тещина добра — колупай масло шиломъ!

Теща пѣшна, а противъ зятя не вышла. У тещи карманы топъ.

Ни въ сывороткѣ сметаны, ни въ зятѣ племени.

Съ сыномъ бранись, на печь ложись; а съ зятемъ бранись, за
сковбу берись (т. е., уходи; о тещь)!

У нашихъ зятей много затѣй.

Тещь, какъ ни вертись, а за зятка поплатись!

На хлѣбъ ѣдока, на печь лежня, а на себя нарядчика (о зятѣ).

Бери зятя въ дождь, песи Бога вонь! Зять въ дождь — и вонь
ны вонь.

Тещь за зятя давалъ рубль, а послѣ давалъ и полтора, чтобъ
свели со двора.

Прими зятя въ домъ, а самъ убирайся вонь!

Было бы кому до смерти поить, кормить, да глаза прикрыть.

Нѣтъ чорта въ домъ — прими зятя!

Не зять бы былъ, не чортомъ бы (не собакой и) сѣлъ.

Зналъ на́ честь, а посади́лъ на́ вещь (тестя).

Какъ у тещи зять въ гостяхъ — за семь верстъ заѣзжаютъ; какъ у свояка своякъ въ гостяхъ — за семь верстъ объѣзжаютъ (брань).

Не зять бы былъ, кабы на сырной тещу не навѣстилъ.

Бѣдному зятю и тесть не радъ. У тестя въ рукахъ не приданое.

Что мнѣ тесть, коли нечего ѣсть. Что мнѣ тесть, коли собинка есть.

Въ копнахъ не сѣно (т. е., погниетъ). въ долгу не деньги, а у тестя — не приданое.

Зять по дочкѣ помиляеть, а сынъ по невѣсткѣ опостыляеть.

Шуринъ по зятѣ не наследникъ.

Зять любить зять, тесть любить честь, а шуринъ глаза щурить.

Зять да шуринъ — чортъ ихъ судить.

Сынокъ — свой горбокъ; зятекъ — покупной щеголекъ; теща хлопочеть, тесть кропочеть.

Кабы не выронилъ пера, не зналъ бы и двора (т. е., не будь дочери, не бывалъ бы у зятя).

Двѣ матери, двѣ дочери, да бабушка со внучкой, а ихъ всего трое (мать, дочь и внучка)

Шли мужъ съ женой, братъ съ сестрой, да кумъ съ кумой; нашли полтора хлѣба, раздѣлили во полухлѣбу (ихъ всего трое).

Шли теща съ зятемъ, мужъ съ женой, бабка со внучкой, мать съ дочкой, да дочь съ отцомъ (всего четверо).

У меня молодца, четыре отца, пятый батюшка (Богъ, Царь, дуровникъ, крестный, родитель).

Шуринъ племянникъ какъ зятю родня? (сынъ).

Сынъ отца моего, а мнѣ не братъ (я емъ).

Его мать моей матери единъ-одна дочь (онъ ей сынъ).

Онъ тебѣ отецъ и дѣдъ, ты мнѣ сынъ и братъ, я тебѣ мать и сестра (Лотова дочь, сыну).

Сынъ — дѣдъ самому себѣ (40-лѣтняя женщина вышла за 20-лѣтняго мужику, отецъ котораго женился на дочери первой: рожденный отъ первой отца емъ — дѣдъ самому себѣ).

Здравствуйте, братцы, жены моей дѣти: скажите вашему отцу и моему отцу, что жены его мужъ пріѣхалъ (отецъ женился на невѣстѣ, а безъ вѣсти пропавшій сынъ воротился).

Здоровье — хворь. /

Здоровье всего дороже. Здоровье дороже богатства.

Здоровью цѣны нѣтъ. Здоровья не купишь.

Даль бы Богъ здоровья, а дней впереди много (а счастье найдемъ).

Кровь съ молокомъ. Чуть не допнетъ.

Не спрашивай здоровья, а глянь на лицо! Суди не по годамъ, а по ребрамъ (по зубамъ)!

Здоровъ какъ быкъ, какъ боровъ. Силенъ какъ лѣсникъ.

Здоровъ какъ быкъ, и не знаю, какъ быть.

Сучокъ въ кулакѣ сожметъ, такъ вода пойдетъ.

Сожму въ кулакѣ сучокъ, такъ пойдетъ изъ него сокъ.

Живъ — здоровъ, ни горѣлый, ни больной. На немъ хоть воду вози.

Да его о надолбу (о мостовую) головой не убьешь.

Отѣлся, какъ свинья на бардѣ. Здоровьемъ боленъ.

Не всякая болѣзнь къ смерти. Не могу, а ѣмъ по пирогу.

Здоровъ на ѣду, да хилъ на работу.

Ногти распухли. На зубахъ мозоли натеръ. Волоса распухли. Волоса моль съѣла (т. е., притворная болѣзнь).

Заболѣлъ огурной (т. е., лѣтней) лихорадкой.

Тить, поди молотить!—Брюхо болить.—Тить, поди кисель ѣсть!—

А гдѣ моя большая ложка?

Всталъ, какъ встрепанный. Всталъ да пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ.

Какъ бабушка отходила. Какъ рукой сняло.

Плохо можется, такъ и (какъ, коли) не здоровится.

Валло кота поперекъ живота. Скоробило вдоль и поперекъ.

Что ни болить, все къ сердцу валить. Всякая болѣзнь къ сердцу.

Гдѣ больно, тамъ рука; гдѣ мило, тамъ глаза.

Гдѣ мило, тамъ глядь да глядь; гдѣ больно, тамъ хватъ да хватъ.

Гдѣ больно — хватъ, похватъ; гдѣ мило, глядь, поглядъ.

Нищій болѣзней ищетъ, а къ богатому онѣ сами идутъ.

Деньги — мѣдъ, одежда — глѣнь, а здоровье — всего дороже.

Святъ по душѣ, а тащисъ на костыляхъ. Святая душа на костыляхъ.

Болѣзнь человѣка не краситъ. Болѣзнь и скотину не краситъ.

Хворь и теленка (и поросенка) не краситъ.

Подлания руками берутъ (длинна утокъ, гусей, когда лпшуютъ).

Подкошенная трава и въ полѣ сохнетъ.

Вешнюю корову отъ вѣтру покоситъ (т. е. голодную).

Весной корову за хвостъ подымай!

Сытый конь воду возитъ, тогдаго на подяругахъ понтъ водятъ.

Его (ее) надо въ охлопочкахъ дергать.

Горитъ, какъ свѣчка. Не горитъ, а пльветъ (а гаснетъ).

Этотъ человѣкъ не жилецъ на свѣтѣ.

Одной ногой въ могалѣ стоить. Краше въ гробъ кладуть.

Отъ него ладаномъ пахнетъ. Онъ на ладанъ дышетъ.

Ужъ у него глаза подъ лобъ закатились.

Молился бѣ Богу, да просилъ себѣ деревяннаго тулупа.

Высохъ — какъ листь, какъ спичка. Кости да кожа, однѣ ребра.

Закатить очи подъ лобъ (испугаться, обмереть, умереть).

Завела ясны глазки, опустила бѣлы ручки.

Барскаго слугу стало гвуть въ дугу (т. е., немужется).

Въ крюкъ свело, согнуло, скорчило. Эхъ другъ, согнуло тебя въ крюкъ!

Въ три погмбеля согнулся (согнуло).

Тоже тѣло, да клубкомъ свертѣло.

Уходила, умучила, согнула да скрючила (болѣзнь, лихорадка).

Экъ его перекосило (покоробило, подвело).

Посниль, кинъ на льду поседѣлъ.

Его муха крыломъ перешибетъ. Еле, еле душа въ тѣлѣ.

Его щелчкомъ убьешь. Его барановой персящибой.

Его и всего-то на кашаѣи обѣдъ.

Ободрать его, такъ и башмаковъ не выйдетъ (и голенищѣй не выкронишь).

Его можно пивкомъ убить (перешивить). Его чѣмомъ убьешь.

На что я родиться, коли нискуда не годиться!

Въ чемъ душа держится (т. е., слабъ, лудъ, хилъ).

Лежить — не можеть, а что болить — не скажеть.

Лежить — не можеть, и кости (и керн) не гложеть.

Больной, что ребенокъ. Больной — и самъ не свой.

Больному и золотая кровать не поможетъ.

Не радъ больной и золотой кровати.

Больному и киселя въ ротъ не вотрешь.

Больному и камень не вкусанъ, а здоровый и медъ фогъ.

Больному все горько. Больному и медъ горько.

Больному законъ не лежить. Больному посты разрѣшаются.

Больному да дорожному законъ не писанъ (о постѣ).

Боль безъ языка, а скажывается. Боль прикиньчива, сфигурована.

Плохо можется, что-то ѣжится.

Ой, животъ болить, не могу на свѣтъ жить.

У кого болить мости, такъ не думаетъ въ гости.

Инокодецъ въ пути не товарищъ, а больной въ избу не сосѣдъ.

Лихорадка — не matka: тремлетъ, не жадѣеть.

Лихорадка пуще машии отравляетъ.

Икота къ ведру, а ломота къ несчастью.

Въ холеру и язгушица не явняеть (замѣчаніе).

Въ холеру ни мухи, ни ласточки (замѣчаніе).

Вѣрно онъ куръ кралъ. Видно ты журицать (т. е., ржк. прасута).

Увѣчье — не безчестье. Не бойся, маѣйна, добра чедовѣка!

Кашаѣи вѣкъ: грѣха въ темъ нѣтъ.

Кашаѣи по малу, чтобъ на годъ стало (чтобъ на вѣкъ стало)!

Скрыпучее дерево скрыпичъ, да стойтъ, а здоровое дитицъ да летить.

Дуплятое дерево скрыпнть да стойть, а крѣцкое валитя.

Скрыпнть дерево, да стойть. Скрыпучее дерево живуче.

Скрыпуче, да живуче; крѣцко, да хряцко (да хруцко).

Безъ болѣзни и здоровью не радъ.

Тотъ здоровья не знаетъ; кто боленъ не биваетъ.

Богъ далъ животь, Богъ даетъ и здоровье.

На живомъ все заживетъ. Живая кость мясомъ обростаетъ.

Были бъ кости, а мясо будетъ. Мость тѣло наживаетъ.

Засохнетъ, какъ на собакъ. До вѣку далеко: все заживетъ.

Болишь голова — острить до голá, посыпать ежевнмъ пухомъ, да ударить обухомъ.

Болять зубы — такъ разбить губы, пачочить крови, да помазать брови.

Заболеть носъ — высунуть на морозъ, самъ отвалится и здоровъ будетъ.

Наѣшься луку, оступай въ баню, патрись хрѣномъ, да выпей квасомъ!

Дай, Господи, килу — и календарь покину.

Поддайся одной боли, да слягъ — и другую наживешь.

Дай боли волю, полежавъ, да умреть. Дай боли волю, уморить.

Не поддавайся, не ложись; а сляжешь — не встанешь.

Сляжешь, хуже разломаетъ; а жоть ломайся, да обжогайся!

Кто не боится холеры, того она бьетъ.

Самого себя лѣчать, только поргить.

Играй, не отыгрывайся; лечись, не залѣчивайся!

Противное зелье лучше болѣзни. На всякую болѣсть зелье выростаетъ.

На всякую шаль выросло по дозѣ, на всякую болѣзнь по зелью.

Кромь смерти, отъ всего вылѣчишься.

И собака знаетъ, что травой лѣчатся.

Противнымъ (горькимъ) лѣчать, а сладкимъ портятъ.

Лукъ семь недуговъ лѣчить. Лукъ отъ семи недуговъ.

Хрѣнь да рѣдька, лукъ да капуста — лихаго не попустятъ.

Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись! Гдѣ ушаль; тамъ и плюнь (и поскреби)!

Баня — малъ вторая. Кости распарить, все тѣло нагрѣвать.
 Больному въ бѣдѣ не шты! Не больной привередливъ, болѣ.
 Бѣшь въ полсыта, ней въ полпына: (не пей до полпына), про-
 живешь вѣкъ до полна.

Гдѣ пьры да чай, тамъ и немочи. Не бѣшь масляно: ослѣпишь.
 Послѣ обѣда полѣжи, послѣ ужина походи!
 Держи голову въ холодѣ, животь въ голодѣ, а ноги въ теплѣ!
 Руду пустить, въ гробъ гвоздь вколочить.
 Въ банѣ пристаю (белячка, чесотка и пр., говорится шутя о чело-
 вѣкѣ, который заражается).

Здоровому все здорово.

Добрый жерновъ все смелеть, плохой самъ смелется.

Здоровый урока не боится. Здороваго и призоръ не беретъ.

Здоровому и нездорово здорово, а нездоровому и здоровое нездорово.

Брюхо больного умнѣ лѣкарской головы.

Сама болѣзань скажетъ, чего хочетъ. Что въ роугъ полѣзло, то и
 полезно.

Что Русскому здорово, то Нѣмцу смерть.

Женскія немочи догадки лечатъ.

Псовая болѣзань до поля, а женская до постели.

Больной лечится, здоровый бѣсится (дурить съ жиро).

Горшокъ на животь — все ажкветъ.

Горшокъ брюха не испортить. Горшокъ лиха не попустить.

Голова болить, ваду легче. Чаше вадъ пощкаты — головѣ легче.

Чѣмъ нездоровъ? А вотъ, батюшка, чѣмъ скажете (престудившій
 отвѣтъ больного врачу).

Весь нездоровъ. Всѣмъ тѣломъ (корпусомъ) нездоровъ.

Кровь ходить; подступило, подквашило, подвашило: пошь сердце;
 сердцемъ, нутромъ нездоровъ. Самъ собой нездоровъ.

Въ животь словно на колесахъ бѣдитъ.

Трубочиста пуетать (дать слабительное).

Французъ, хераусъ! (т. е., вырвать, сблевать). Наши солдаты въ отече-
 ственную войну пладъ здоровье Императора Австрійскаго; а когда Австрій-

ны не хотѣли шить здоревье Русскаго Государя, то нами, вложивъ палець въ глотку, сконцадевали: Франць, херъусы!).

Изъ глазъ искры (звѣзды) посыпались (т. е., отъ удара).

Кондрашка хватилъ, царапнулъ (кровавый ударъ).

Въ глазахъ позеленѣло; въ глазахъ мальчики заплакали.

Легко ранили — и головы не наши.

Здоровье — всему голова, всего дороже.

Здоровье лучше (краще, дороже) богатства (богатырства).

Здоровье дороже денегъ. Здоровъ буду, и денегъ добуду.

Богатство да калѣчество — тоже убожество.

Здоровье всего дороже, да и деньги — тоже.

Береги платье снова, а здоровье смолода.

Человѣкъ — не скотина: испортить не долго.

Болѣзнь выходитъ пудами, а входитъ золотниками.

Здоровье выходитъ пудами, а входитъ золотниками.

Болѣзнь скачетъ въ домъ на перемѣнныхъ (на почтовыхъ), а вы-
скачетъ на долгихъ.

Болѣзнь не по лѣсу ходить, а по людямъ.

Не столько смертей на свѣтѣ, сколько болѣстей.

Смерть одна, да болѣзней тьма. Боль отбудешь — и такъ померешь.

Не дасть Богъ здоровья — не дасть и лѣкаръ.

На лѣченой кобылѣ не долго наѣздишь.

На лѣченомъ конѣ надѣлю ѣздить.

Не лѣчиться худо, а лѣчиться — еще хуже.

Аптека — не на два вѣка. Не лѣчить аптека, калѣчить. Аптека
лѣчить, такъ калѣчить.

Лѣчить, да въ могилу мечеть. Кого скоронили, того и вылѣчали.

Полѣчатъ, авось залѣчатъ (боль, либо большаго).

Полѣчатъ, авось дасть Богъ и помереть.

Правивная осма — Антиева печать (раскол.).

Та душа не жива, что по лѣкарямъ пошла.

Кто лѣчатъ, тотъ и увѣчатъ. Лѣкаръ свой карманъ лѣчить.

Гдѣ много лѣкарсей, тамъ много и больныхъ (и недуговъ).

И хорошая аптека убавитъ вѣка. Аптека ульчить на полвѣка.

Аптекамаъ предаться (отдаться) — деньгами не жаться.

Аптекари лѣчатъ, а хворые кричатъ.

Чистый счетъ аптекарскій — темныя ночи осеннія.

Больной отъ могилы бѣжитъ, а здоровый въ могилу саѣвшитъ.

Пить — померешь, не пить — померешь, ужъ лучше жъ умереть, да пить.

Не можется — къ смерти, а можется — къ могилѣ.

Отъ старости могила лѣчить.

Уирмаго выльчить дубина, а горбатаго могила.

Разорить, какъ больше не заболить (т. е., разорить подерошани).

Не тотъ болѣнъ, кто лежитъ, а тотъ, кто надъ болью сидитъ.

Тяжело болѣть, тяжелѣ того надъ болью сидѣть.

Не играй шапкой: голова болѣть будетъ.

Мышка, мышка, на тебѣ зубъ костяной, а ты мнѣ дай желѣз-
ный! (говорится, когда у дѣтей зубы падаютъ; — яв: На тебѣ рѣп-
ной, а мнѣ дай костяной!).

Марья Продовна, приходи ко мнѣ вчера (заговоръ отъ лихорадки).

Не твое — не хватайся, а возмешь — такъ и майся (говорятъ, вы-
нося въ лѣсъ одежду лихорадочнаго, для отвода болѣзни)!

Проповѣдывалъ Иоаннъ истину въ сухомъ дрѣвѣ и въ водѣ; былъ
я въ полѣ, видѣлъ мертвыхъ: у мертвыхъ зубы не болятъ; такъ и
у раба бы N. не болѣли (заговоръ отъ зубной боли):

Марія, Марѳа, Пелагея — сестры Лазаря, подите къ брату своему,
Лазарю, спросите у него: не болятъ ли у него зубы, не ломать ли
кости? — Нѣтъ, сестры, не болятъ, не ломать; а болятъ зубы у
коники, у зайца; у крота, у быка, у овцы и барана; а чтобъ у ра-
ба N. не болѣли отнымѣ и до вѣку (тоже)!

Житина, житина, возми свою житину (наговоръ отъ жинны, яч-
меня глазнаго, при чемъ слегка колютъ его ячменнымъ зерномъ, которое от-
даютъ пѣтуху)!

Св. Пятница Прасковія, помоги рабамъ Божиимъ N. безъ скорби
жатву покоичить: будь имъ заступница отъ колдуна и колдунницы,

еретика и еретицы, дѣвки самокрутки и бабы простоволоски, отъ всякой злой напасти! (говорить старуха, выбранная по легкости руки своей, для зажиму, тѣмъ и отводить все недуги).

Отъ Царя, царя отъ Рѣза шли три брата: ножами рѣзались, топорами рубились, кровь не мила, ничего не дѣялось (заговоръ отъ поруба).

Отъ сѣраго глаза, отъ караго глаза, отъ синяго глаза, отъ чернаго глаза (говор. ушывая бо еггзу).

Черному, черемному (рыжему), завидливому, урочливому, прикопчивому — соли въ глаза (говорить, отпуская ребенка изъ дому и насыпая ему отъ порчи соли на темя. Чердын.).

Заря, заряница, красна дѣвица, возьми свою криксу, отдай намъ сонъ (говорить, купая младенца подъ настѣтью, чтобы онъ не плакалъ)!

Дѣма нѣтъ, приходи вчера (загов. отъ лихорадки, падежа и проч.).

Баушка, Христоправушка, Христа правила, намъ окатыши оставила (наговоръ отъ призора).

Что грызень? Грызъ грызу. — Грызѣн, да гораздо (отъ грызи, т. е., ломоты)!

Подушку подъ собой перевернуть — собака выть перестанеть.

Кто утромъ въ Великій четверкъ скупается прежде ворона, здоровъ будетъ.

Вечеромъ (свечера) голову чесать — болѣть станеть.

Покуда свиньи не улягутся, — угаръ въ головѣ не пройдетъ.

Отъ глазныхъ болей — 12 разъ умывавься росою.

Отъ курячей слѣпоты — смотрѣть въ дырочку доски, гдѣ выпала сучокъ (Чердын.).

Какъ чиста вода эта, такъ чтобы глаза мои были чисты (говорить, набравъ ключевой воды въ пузырекъ и бросивъ въ ключъ копейку).

Какъ здорова земля, такъ чтобы голова моя была здорова (достань изъ него горсть песку, который прикладывать къ головѣ, промывая глаза этой водою)!

Отъ большого горла — лизать поваренку и глотать, глядя на утреннюю зарю (Сибир.).

Отъ зубной боли: отрѣзь рябиноваго прута, надколотый на четверо, положить на зубъ, и нѣсколько лѣтъ за тѣмъ не ѣсть рябины.

Не плей за окно — зубы болѣть стануть.

На чихъ кошки здравствуй, зубы болѣть не стануть.

На чохъ лошади говори: будь здорова — и обругай.

Мышь оглодки ѣсть — зубамъ здорово.

Добыть языка на колокольнѣ (когда стинется языкъ, то обливаютъ водою колокольный языкъ, и поятъ больного).

Отъ оспы: три горошины перебирать счетомъ трижды по девяти разъ, считая — ни разъ, ни два, ни три....

Оса съ клювомъ ходить: оттого и пятнаетъ челоуѣка щедринками.

Отъ отека: овсяный кисель съ воскомъ.

Отъ живота — умыться (мазаться) съ громовой стрѣлы. (Стрѣла эта 1) ископаемое, чортовъ палецъ, и 2) слякѣвшійся песокъ, отъ удара въ него молніи).

На помело не ступай: судороги потянуть.

Скатертью руки утирать — будутъ заусеницы.

Если ходить по тому мѣсту, гдѣ валялась лошадь, будутъ лишай на тѣлѣ.

Огонь, огонь, возми свой огонькъ (проговариваютъ, присѣкая его огнивомъ).

Заря орина (зарина), заря скорина, возми съ раба Божія младенца N. зыки и рыки дневные и ночные. (Съ этими словами кагал бабка обнесетъ кагало новорожденного младенца вокругъ бани).

Отъ рожона, отъ поноса отступися, откачнися (заклатіе или вожеланіе — о болѣзни, бѣдѣ и пр.).

Отъ лихорадки: рака виномъ настоять и пить.

Тоже: сухую лягушку (или: натовыр) носить въ ладонѣхъ.

Тѣльной крестъ изъ могилы носить на шеѣ (отъ лихорадки).

Отъ лихорадки: положить подъ изголовье больного лошадиную голову (т. е., черепъ).

Свѣчу отъ утрени Великой Пятницы зажигають, когда ребенокъ держитъ родимецъ.

Зажать сучокъ въ избѣ — кровь станеть.

Народъ — міръ.

Гласъ народа — гласъ Божій.

Что міръ порядилъ, то Богъ разсудилъ.

Какъ міръ захочеть, разсудить, порядить, поставить, поволить, приговорить, положить; мірская воля.

Что міромъ положено, тому быть такъ.

Семеры одного не ждуть. Никто отъ міру не прочь.

Міръ — великъ человекъ; міръ — велико дѣло.

Мірская слава сильна (звонка). Міръ (община) столбомъ стойтъ.

Міръ за себя постоитъ. Міра не перетянешь.

Міръ зареветъ, такъ лѣсы стонуть (лѣсъ клонится).

На міръ и суда нѣтъ. Міръ одинъ Богъ судить.

Міръ несудимъ — а мірянъ бьютъ.

Міръ никѣмъ не судится, однимъ Богомъ. Міръ судить одинъ Богъ.

Міръ съ ума сойдетъ — на цѣпь не посадишь.

На міръ ничего не смѣняють (т. е., начальство подорожитъ міромъ).

Кто больше міра будетъ? Съ міромъ не поспоришь.

Когда всѣ міромъ вздохнуть, и до Царя слухи дойдутъ.

Гдѣ народъ увидитъ, тамъ и Богъ услышитъ.

Мірскіе судибогы (т. е., жалобы) далече слыхать (слышно).

Какъ міръ вздохнетъ, и временщикъ издохнетъ.

Міръ зинетъ — камень треснетъ. Соборомъ и чорта поборешь.

Міру въ окно не подашь (т. е., не просить, не принимаетъ подавнїя).

Мірская шея толста (т. е., много снесетъ, сможетъ).

Мірская шея туга: тянется, да не рвется. Мірская шея жилиста.

Міръ тонокъ, да дологъ. У міра животы и тонки, да долги.

Міръ съ разу не похоронишь.

Ваги на міръ: міръ все снесетъ.

Постылое тягло на міръ полегло (при раскладѣ; тягло, которое никто на себя не принимаетъ).

Другъ на дружку, а всѣ на Петрушку.

Въ міру виноватаго нѣтъ. Въ міру виноватаго не сыщешь.
 Міръ по слюнкѣ плыветъ, такъ море.
 Съ міромъ и бѣда — не убытокъ. Міръ — золотая гора.
 Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ. Круговая порука.
 Одному страшно, а всѣмъ (міру) не страшно. Выѣстъ не страшно.
 Гдѣ у міра рука, тамъ моя голова.
 Къ міру приложился, головою заложился.
 Пропадать, такъ всѣмъ (выѣстъ) пропадать.
 Голдитъ, такъ всѣмъ голдитъ; а одному голдитъ, такъ пропадешь.
 То не страхъ, что выѣстяхъ; а сунься-ка одинъ.
 Я затяну. только подхватывайте!
 Былъ бы запѣвала, а подголоски найдутся.
 Никакой мірянинъ отъ міра не прочь. Отъ міру прочь, не мірянинъ.
 На старосту не челобитчикъ, а отъ міру не прочь.
 Съ волками жить — по волчьи выть. Такъ и быть; съ волками выть.
 Попалъ въ стаю, лай, не лай, а хвостомъ вилай (а то забыть)!
 Впередъ не забѣгай, а отъ своихъ не отставай!
 Берись дружно, не будетъ грузно. Нагаломъ и сванъ быють.
 Хоть на задѣ (сади), да въ томъ же стадѣ. Отсталъ, сиротою сталъ.
 Царство раздѣлится, скоро разорится.
 И міръ не безъ начальника (не безъ головы).
 Міръ всѣхъ старше, а и міру (и въ міру) урядчикъ есть.
 Снопъ безъ перевясла — солома.
 Артель расходчика кормить. Одинъ міра не съѣсть.
 Міровѣдъ, коштанъ, а безъ него не проживешь (мірской ходокъ,
 дѣлецъ).
 Середка сыта, да концы бунтуютъ (середка — начальство; концы — народъ).
 На міръ баранъ прибылъ (т. е., налогъ, тягота).
 Дорожка гложетъ, такъ и міръ (община) сохнетъ.
 На весь свѣтъ не угодишь. На всѣхъ и солпышку не угрѣть.
 При дорогѣ жить — всѣхъ не угостить.
 Вались народъ, отъ Яузскихъ воротъ!

Крестьянская сходка — земскимъ водка.

Въ народѣ, что въ тучѣ: въ грозу все наружу вылететь.

Быть на сходкѣ — согрѣшить (т. е., разсудить неправо, или смолчать, или побраниться).

Сходка — голдовня: дымъ коромысломъ, паръ столбомъ, а ни тепла, ни сугрѣву.

Сошелся миръ — хоть сей часъ воевать; разошелся миръ — на полатахъ лежать.

Миръ на дѣло сошелся: виноватаго опить (гибельный обычай: вмѣсто правосудія, напр., за поправу, приговариваютъ: поставить миру ведро вина).

Сизень, какъ вода, а глупъ, какъ дитя (миръ).

Народъ глупъ: все въ кучу лѣзеть.

Артели думой не владати. Сто головъ, сто умовъ.

Миръ сутки стоялъ, небо подкоптилъ и разошелся.

Мужикъ уменъ, да миръ дуракъ.

Гласъ народа Христа предалъ (распялъ).

Языкѣ — рѣчь.

Языкѣ тѣлу якорь. Языкѣ съ Богомъ бесѣдуетъ.

Малъ языкѣ, да всѣмъ тѣломъ владѣеть.

Языкѣ малъ, великимъ человѣкомъ ворочаетъ.

Малъ языкѣ — горами качаетъ. Языкомъ, что рычагомъ.

Языкѣ — стягъ, дружину водить. Языкѣ царствами ворочаетъ.

Языкѣ языку вѣсть подаетъ.

Языкѣ языку отвѣтъ даетъ, а голова смекаетъ.

Языкѣ голову кормить (ахъ же и до побоевъ доводитъ).

Языкѣ поить и кормить, и спину поретъ.

Языкѣ хлѣбомъ кормить, и дѣло портить.

До чего языкѣ не договорится! Языце, супостате, губителю мой!

Что знаетъ, все скажетъ, и чего не знаетъ, и то скажетъ.

Мокрая плѣчка (черначокъ): что ни поплещеть, то и захлещеть (языкъ).

Языкѣ одинъ, и въ будни и въ праздникъ.

Языкѣ до Кіева доведеть (я до кія, т. е., до палки, вобоевъ).

Языкѣ доведеть до кабака.

Колокольню видимъ, а кабака доспроситься можно.

Краснѣ рѣчь слушаньемъ (а бесѣда смиреньемъ).

Пѣть хорошо вмѣстѣ, а говорить порознь.

Одинъ говоритъ — краснѣ, двое говорятъ — пестрѣ.

Во многословіи не безъ пустословія.

Во многомъ глаголаніи нѣсть спасенія.

И глухъ и нѣмъ — грѣха не вѣмъ.

Богъ далъ два уха, а одинъ языкъ.

Сижу у пѣчи, да слушаю людскія рѣчи.

Много знай, да мало бай! Много баять не подобаеть.

Много говорено, да мало сказано.

Много наговорено, да мало переваренѣ.

Лучше не договорить, чѣмъ переговорить.

Лучше не досказать, чѣмъ пересказать.

Чѣмъ завираться, лучше молча почесаться.

На что перевирать, лучше смолчать.

Поменьше говори, побольше услышишь.

Слушай больше, а говори меньше!

Купай вареное, да слушай говореное!

Меньше бы говорилъ, да больше бы слушалъ.

Меньше ври, больше ѣшь, спи да грезь на себя!

Меньше говори, да больше дѣлай!

Кто мало говоритъ, тотъ больше дѣлаеть.

Кто много говоритъ, тотъ мало дѣлаеть.

Не спѣши языкомъ, торопись дѣломъ.

Языкомъ не торопись, а дѣломъ не лѣнись!

Никто за языкъ не тянетъ. Врать — своя неволя (охота).

Разскащики не годятся въ прикащники.

Хорошій разскащикъ — плохой прикащикъ.

По разговорамъ всюды (годятся), а по дѣламъ никуды.

Не та хозяйка, которая говоритъ, а та, которая щиплетъ

Я тебѣ говорю на глумь, а ты бери на умъ!
 Кто меньше толкуеть, тотъ меньше тоскуеть.
 Зарубай, сглаживай, да никому не сказывай!
 Больше говорить — больше согрѣшить. Меньше говорить — меньше грѣха. Меньше врется — спокойнѣй живется.

Говори съ другими поменьше, а съ собою побольше!

Кто говорить, тотъ сѣеть; кто слушаетъ, собираетъ (пожинаетъ).

Держи языкъ короче! Держи языкъ на привязи (на веревочкѣ)!

Держи языкъ за замкомъ (за зубами)!

Языкъ блудливъ, что коза (что кошка).

Блюда хлѣбъ на обѣдъ, а слово на отвѣтъ!

Блюда хлѣба до обѣда, а слово до отвѣта!

Зерна мели, а много (а лишняго) не ври!

Ѣшь пироги съ грибами, а языкъ держи за зубами!

Ѣшь больше, а говори меньше! Ѣшь калачи, да поменьше лепечи!

Щи хлебай, да поменьше бай! Ѣшь капусту, да не мели по пѣсту!

Языкомъ капусты не шинкуютъ. Языкомъ и лаптя не сплетешь.

Кто языкомъ штурмуетъ, не много навоюетъ.

Горломъ не возмешь. Горломъ изба не рубится (дѣло не спорится).

Верти языкомъ, что корова хвостомъ (что кочадыкомъ)!

Изъ пустаго въ порожнее переливаетъ.

О томъ, о семъ, о пятомъ, о десятомъ. О томъ, о семъ, а больше ни о чемъ.

Что про то говорить, чего нельзя воротить?

Говори еще! «Нечего, и по щелямъ вымела».

Тара-бара — и вышло ни два, ни полтора.

Всю недѣлю говорилъ ась, а въ субботу сказалъ что.

Вадоръ вадоромъ помножитъ, такъ и выйдетъ чепуха.

На словахъ его хоть выпись (а на дѣлѣ и головы не приклонимъ).

На думахъ, что на вилахъ; на словахъ — что на саняхъ; а на дѣлѣ — что въ ямѣ.

На думѣ, что подъ дымомъ; на сказкахъ, что на салазкахъ.

Думка чадна, недоумка бѣдна, а всѣхъ тошнѣй пустословъ.

Звонко занесть, да куда-то вынесешь! Звонко поешь, гдѣ-то сядешь!

Скоро то говорится, а не скоро дѣлается.

Скоро сказано, кабы да сдѣлано.

Много говорить — перемота положить (перевязать языкъ).

За кукушку (т. е., пустословіе) бьютъ въ макушку.

Въ лѣсу кукушка, а въ избѣ хлопущка (т. е., тамъ, что хочешь ври, а здѣсь молчи).

Эка понесла: ни конному, ни крылатому не догнать!

За тобой и на перемѣнныхъ не поспѣешь.

За твоимъ языкомъ не поспѣешь босикомъ (не поспѣешь босикомъ).

Шкуру на сапожки, языкъ на подошву.

Не все годится, что говорится. Не все то варится, что говорится.

Замолола безголова. Ври не завирайся, назадъ оглядайся!

Бай-бай, да и молви! Говори, говори, да сказывай!

Два слова басенъ — да и все дѣло тутъ.

Бормочеть — что глухарь. Лепечеть (сокочеть), какъ сорѣка. Тарантить, какъ сойка (какъ варакущка). Пищить, какъ цыпленокъ. Кричить (зѣваетъ), какъ выпь. Воркуеть, какъ голубокъ. Поеть, какъ канарейка. Каркаетъ, какъ ворѣна. Пташкой щебечеть.

Мелеть день до вечера, а послушать нечего.

Говорить — ровно въ стѣну горохомъ сылеть.

Красно говорить, а слушать нечего.

Чиста, личиста, да и говорить рѣчиста.

Говорить, какъ рѣка льется. Много говорить — голова заболитъ.

Долго прятъ, да коротко отятъ (оттянутъ, отрезатъ).

Не долгая рѣчь хороша, а долгая — поволока.

Короткую рѣчь слушать хорошо, ноль до тую рѣчь думать хорошо.

Долго говорить — тому же быть. Полно плести, пора домой брести.

Полно путать, пора узлы вязать. Полно мотать, пора узелъ вязать.

Молча отмолчишься, какъ въ саду отсидишься.

Не тебѣ бы говорить, да не мнѣ бы слушать.

Чья бы ни рычала, да твоя-то бы молчала.

Молчи глухая, меньше грѣха! Молчи, коли Богъ убилъ!

Въ добрый часъ молвить, въ худой промолчать.

Отъ слова не сбудется (не станется, не приймется).

Словомъ челоуѣка не убьешь. Слово не обухъ, въ лобъ не бьетъ.

Словомъ не перелобавишь.

Не все то (творится) дѣлается, что говорится.

Всѣ мы говоримъ, да не все по говореному выводитъ.

Все скоро оказывается, да не все скоро дѣлается.

За вѣтромъ въ полѣ не уклоняешься; за всякое слово не поверстаешься.

Мало-ль чего говорить, да не все веренять.

Не все веренять, что по водѣ несетъ; не во все вклеваться, что люди говорятъ.

Языкъ лепечеть, а голова не вѣдаетъ.

Языкъ болтаетъ, а голова не знаетъ.

Языкъ вороча'тся, говорить хочется.

Пустая мельница и безъ вѣтру мелеть.

Сперва подумай, а тамъ и скажи! Э, дура, не пасеная рѣчь!

Ври съ дуру, что съ дубу! Это такъ, съ морозу совралось.

Какъ сорвалось (съ языка), такъ и брякнулось (и совралось).

Вреть, какъ водой (какъ въ убродѣ) бредеть.

Это на вѣи-вѣтеръ сказано. На пусты тѣсы звонить.

Языкъ напередъ ума рыщеть.

Языкъ мой врагъ мой: напередъ ума глаголетъ.

Языкъ безъ костей — мелеть. Язычокъ! — бадаболка.

Языкъ мякоть: что хочеть, то и лопочеть (что не хочеть, и то лопочеть).

Языкъ, что вехотна: все подтираеть.

Языкъ — жерновъ: мелеть, что на него ни попадо.

Мелева много, да помолу нѣтъ (т. е., нѣтъ толку въ рѣчяхъ).

Затвердила сорока Якова, одно пре всякаго.

На языкъ нѣтъ пошрины. Со вранья пошринъ не берутъ.

Про одни дрожди не говорятъ трожди.

И то переговорано, что еще не сварено.

Нечего про то и говорить, чего въ горшкѣ не варить!

Что о томъ и говорить, чего не варить!

Что про то говорить, чего ни парить, ни варить!

Чего не видать, тѣмъ и не бредить. Не видишь, такъ и не врешь.

Есть у него шишка лизьку: во рту мышка.

У него ласточкинъ ротокъ: зѣвокъ съ локотокъ.

Вавило — широкое рыло. Милà ворона, да ротъ широкъ.

Бьетъ языкомъ (баба), что шерстобить струной жильной.

Плети лапти не языкомъ, а кочадыкомъ! Плететь, что кочадыкомъ.

Языкомъ плететь, что коклюшками. Языкомъ кружева плететь.

Говорить — десятерыхъ отставить, да ее одною приставить.

И шьеть, и пореть, и лощить, и плющить (языкомъ).

И клочить и валяеть, и гладить и катаеть (языкомъ).

За словомъ въ карманъ не полѣзеть. Пасеное словцо за щекой.

У него на всякій спросъ есть отвѣтъ.

На его спросы отвѣтовъ не напасешься.

Наговорилъ съ три короба. Лепеталось бы, да не дремалось.

Наговорили, что наварили, а глядь — анъ и нѣтъ ничего.

На словахъ — блаженъ мужъ, а на дѣлѣ — вскую шаташся!

На словахъ — что на гусяхъ, а на дѣлѣ — что на балалайкѣ.

На словахъ — что на саяхъ, а на дѣлѣ — что на копылѣ.

На словахъ, что на перинкѣ, а проснешься — на голѣ.

Говорить день до вечера, а слушать нечего.

Бабій языкъ — чортово помело.

Хорошо говоришь, да было бы что слушать.

Такую занесь, что уши вянуть (что листь на деревѣ вянетъ).

Такъ вретъ, что съ души преть. Вралъ бы, да мѣру зналъ бы.

Вретъ, какъ сивый меренъ. Вретъ, и не поплевываетъ.

Понесь. (занесь) чуху, чепуху, дребедень, галиматью.

Нисенитницу затынулъ (южное: бестолочь, ни то, ни сѣ).

Околесицу (неоколесную) несутъ. Не помнить Божьихъ дней.

Какъ станетъ городить — себя не помнить, людей забываетъ.

Городить околесную (неоколесную). Колесить окольскую.

Мели, кривая: грошъ на полкъ (т. е., за мною).

Ну это пошло: зачинается-починается (т. е., сказка, пустая длинная рѣчь).

Это сказка на салазкахъ. Это докучная сказка (безконечная).

Лѣзеть съ языкомъ, что съ пирогомъ (навязчивъ).

И красно, и цвѣтно, да линюче.

И красно, и пестро (говорить), да пустоцвѣтомъ.

Понесъ аллилуйю съ масломъ (правильнѣе: алалу съ масломъ, отъ гл. алаликовать, картавить, говорить невѣстно; болтать вздоръ, молоть).

Проврался, что прокрался. Врагъ много, а перевернуть не умѣеть.

Разсказалъ, какъ размазалъ. Толкуй большой съ подлѣбаремъ!

Съ твоимъ здоровьемъ и говорить скромно.

Съ нимъ патошакъ не сговоришь.

Съ тобой надо говорить, гороху наѣвшись.

Нечего говорить, да: а? Нечего говорить, такъ: тово-воно, какъ оно.

Примѣромъ будучи сказать.

Онъ, де, вретъ, де, а я, де, перевираю де-де.

Не для чего другаго, прочаго винаго, какъ для единой единственности и совершеннаго компанства.

Языкъ мой — врагъ мой. Свой язычокъ первый супостать.

Языкъ мой — врагъ мой, прежде ума (напередъ ума) глаголетъ.

Языкъ мой — врагъ мой: прежде ума рыщеть, бѣды ищеть.

Мужикъ ражій, да языкъ-то вражій.

Языкъ до добра не доведеть.

Лишнее слово въ досаду (во грѣхъ, въ стыдъ) вводить.

Лишнее говорить — себѣ вредить (болячку вередить).

Не все сказывай, что поминается (что помнится, что отрыгается).

Ртомъ болѣзнь входитъ, а бѣда выходитъ.

Большое вѣканье доводить до бѣканья.

Отъ одного слова — да на вѣкъ ссора.

Изъ-за пустыхъ словъ, пропалъ какъ песъ.

Худое слово доведеть до дѣла. За худыя слова слетить и голова.

Кто говорить, что хочеть, самъ услышитъ, чего и не хочеть.

Говорил про чужихъ, услышишь и про своихъ.

Кто бы и зналъ, коли бы не самъ сказалъ.

Всякая сорока отъ своего языка гинеть.

Достается съичкѣ, отъ своего язычка.

Кабы на сойку (сороку) не свой язычокъ (вѣкъ бы по волѣ летала)

Когда бы на дятла не свой носокъ, никто бы его въ дуплѣ не нашелъ

Сама скажетъ сорока, гдѣ гнѣздо свила.

Птица поетъ — сама себя продаетъ.

Никто бы про тебя не зналъ, когда бы самъ не сболталъ.

Взвела собака на свою голову.

Ты, язычокъ, смалчивай: за тебя я бѣдку плачивалъ.

Для краснаго словца не пощадить ни матери, ни отца.

Ради краснаго словца не пожалѣеть роднаго отца.

Красноплюй заговорить, всѣхъ слушателей переморить.

Есть что слушать, да нечего кушать.

Кумъ да кумъ (бесѣда), да кубышка вина.

Онъ рѣди языкъ (т. е., онъ красно говорить).

Сказалъ красно—по избамъ пошлю; а смолчится—себѣ пригодится.

Вѣжества не купи, умѣлось бы говорить.

Что на умѣ, то и на языкѣ. Что ни видитъ, то и бредить.

Говорить, такъ договаривать; а не договаривать, такъ и не говорить.

Сколько ни таймничать, а будетъ сказаться.

Коротко, да ясно. Отзвонилъ, да и съ колокольни.

Отрубилъ, да и въ шапку. Сказалъ, что отрубилъ.

Говорить на право, а глядить на лѣво.

Рѣчиствъ, да на руку нечистъ. И рѣчисто, да не чисто.

Говорить красно, да слушать тошно.

Безъ хлѣба, безъ соли—худая бесѣда. Вранья на зубъ не положишь.

То не обѣдъ, что соврешь въ мисоѣдъ.

Говорилъ бы много, да сосѣдъ у порога.

Говорилъ бы и про тебя, да боюся тебя.

Сказалъ бы словечко — да волкъ недалечко.

Сказалъ бы, да лишнія брѣвна (сучки) въ стѣнѣ есть.

Зналъ бы, такъ не сказалъ бы то-то, не зная говорить не надо.
 Какъ тутъ говорить, гдѣ не дадутъ рта отворить?
 Говорить бѣда, а молчать другая. Мать сыра земля. говорить нельзя.
 Коротокъ языкъ, такъ вытянуть, а длиненъ, такъ окоротають.
 За такую (за нелюбую) погудку смычкомъ по рылу бьютъ.
 Ваши слова — хоть въ Библию, а наши и въ Татарскіе свѣтцы
 (въ Татарскій прологъ) не годятся.

Во хмелю, что хощь намелю, а проспнусь, отонрнусь.

Сказать — смѣшно, утаить — грѣшно. Этого ни смѣть, ни сказать.

Смѣшно, потѣшно, разговаривать про ночешно.

Не всякому слуху вѣрь, не всякую правду сказывай!

Не все мели (ври), что помнишь. Не все ври, что помнится.

Не всякую рѣчь (правду) сказывай! Не всяку думку при людяхъ думай!

Умѣи во время сказать, во время смолчать!

Умѣи сказать, умѣи и смолчать! Не все вслухъ, да въ голось.

На духу сказано, такъ знай про себя! На духу сказано, такъ
 знай грудь да подоплека!

Не всякому сказывай, что по деньгѣ рѣдька!

Изъ избы сору не выноси, а въ уголокъ копи (а подъ лавку
 копи, т. е., не разноси семейныхъ вѣстей. Крестьяне сору не метутъ на
 дворъ, или улицу, а мечутъ въ печь, когда затопятъ ее, потому что по со-
 ру, какъ по слѣду, знахарь можетъ наслать порчу).

Какъ видитъ, такъ и бредитъ.

Ротъ на распашку, языкъ на плечо.

Говоришь по совѣту (тайкомъ, совѣтно), а выйдетъ по всему свѣту.

Свинья скажетъ борову, а боровъ всему городу.

Знала бь насѣдка, узнаетъ и сосѣдка.

Не ждетъ баба вопроса, сама все скажетъ. Что вода въ рѣшетѣ.

Каковы свойства, таковы и рѣчи. Знать сороку по язычку.

Онъ зубастъ, онъ остеръ на языкъ. У него языкъ — какъ бритва.

Не ножа бойся, языка! Бритва скребетъ, а слово рѣжетъ.

Видно у него языкъ чешется. Почесать языкъ (вратъ вздоръ).

У него языкъ длиненъ. У него языкъ длиннѣй лизуна (т. е., бо-
 ровьяго языка).

Рѣчиствъ, какъ нашъ Феклиствъ. Лепетливѣе (крѣдливѣе) насѣдкв.
 Когда онъ заговорить, то и собакѣ не даетъ слова сказать.
 Бойся Вышняго, не говори лишняго!
 Говори, да не проговаривайся (да не заговаривайся)!
 Ври, да не завирайся! Ври, да знай мѣру!
 Звони, да не зазванивайся! Звони, звони, да и перезванивай!
 Зажми ротъ, да не говори съ годъ!
 Безъ хлопотъ — зажать лучше ротъ. Поболталъ, да и за щеку.
 Губы да зубы — два запора (забора), а удержи нѣтъ.
 Иже — не ври же, Оита не болтай! Иже не ври же, его же не
 пригоже (Семянар.).

Языку каши дай! Смочи язычокъ! Накорми языкъ (замолчи)!
 Прикуси языкъ! Набери въ ротъ воды!
 Вотъ тебѣ сахарный кусокъ, заткни себѣ ротокъ!
 Заткни ротъ рукавицей! Заткни хайло онучей! Зажмурь кадыкъ!
 Загороди ротъ запоромъ, заставь заставкой!
 Глотку раздерешь — не зашьешь. Нишни: квашня ушла.
 Молчи, пора рожь толчи! Полно молоть, потолки!
 Говорить (поеть, играетъ) хорошо, а замолчить — еще лучше.
 Долго не говорить — умъ копить; а вымолвить — слушать нечего.
 Долго (не долго) думалъ, да хорошо совралъ.
 Одинъ языкъ перемелется (примелется), другой переболтается.
 Сболтнулъ бы котокъ, да языкъ коротокъ (т. е., нѣтъ воли).
 Говорить было не мало, да разума (да рѣчей) не стало.
 Много не договорено — да и говореное-то еще не сварено.
 Замолчалъ, какъ воды въ ротъ набралъ.
 Замолчалъ, будто кислымъ залило. Замолчалъ, какъ съ пахтанья.
 Не дощется (не доискался) слова.
 Нѣмъ (безсловесенъ), какъ рыба. Нѣмъ, какъ безголосная рыба.
 Разговорчивъ, какъ устрица. Бесѣдливъ, какъ тюлень.
 Тихій ангелъ пролетѣлъ (всѣ вдругъ замолчали).
 Играть въ молчанки. Перемалчиваться въ запуски.
 Сошлись кой о чемъ помолчать. Нѣмая бесѣдушка.

Молчанкой никого не обидишь. Кто молчить, не грѣшить.
 На молчокъ не разѣвай ротокъ! Молча, губами не разводи!
 Доброе молчанье чѣмъ не отвѣтъ? Тихое молчанье никому не отвѣтъ.
 Не стыдно молчать, коли нечего сказать.
 Доброе молчанье лучше худаго ворчанья.
 Кто молчить, тотъ двухъ научить.
 Молчокъ — сто рублей. Молчанье (молчокъ) — золотое словечко.
 Сказанное словцо — серебряное, неслезанное — золотое.
 Сказано — серебро, неслезано — золото. Молча легче.
 Онъ на махъ (на вѣтеръ, на вѣй-вѣтеръ) слова не молвить.
 Складно баеть, да дѣла не знаетъ.
 Кланяться гораздъ, а говорить не умѣеть.
 Онъ спроста не говорить: растопырить слово что вилы, да и молчить.
 Онъ говорить въ прикуску (т. е., чопорно, осторожно).
 У него слово слову костыль подаетъ.
 Слово за словомъ, на тараканьихъ ножкахъ ползеть (лѣпится).
 Онъ рѣчь сквозь зубы цѣдить. Говорить, что въ цѣдилку цѣдить.
 Слово къ слову приставляетъ, словно клѣтки городить.
 Слово за словомъ въ перебой идетъ. Слово за слово цѣпляется.
 Говорить — что родить (съ потугами)!
 Слово вымолвить, ровно жвачку пережуетъ.
 Да выплюнь, не жевамши (говори, что ли).
 Слово по слову, что на лопатѣ подаетъ.
 Говорить, что клеить. Говорить, что плетень плететь.
 Прожуй слово, да и молви! Разжевавъ слова, да выплюнь.
 Говорить, какъ клещами на лошадь хомутъ тащить.
 Говорить, что клещами вертить.
 Будь хоть дуракомъ, да болтай языкомъ (работаютъ)!
 Мужикъ кочедычкомъ, а чистоплюйка язычкомъ.
 Этого сразу не выговоришь! Съ морозу не выговоришь. Натощакъ
 не выговоришь. Этого прозванья, не облизнувшись, не выговоришь.
 Этого, не свихнувъ языка, не проговоришь.
 Свой языкъ, своя и говора (произвошеніе, выговоръ).

Не подпрячь ли заикѣ, одинъ не вывезетъ.
 Онъ говорить съ присвистомъ. Причмокиваетъ, да пришепетываетъ.
 Суконный языкъ (шепелявый, картавый).
 Языкомъ, что помеломъ возить. У него велотка во рту.
 Слово не стрѣла, а пуще стрѣлы (а разить).
 Слово не стрѣла, а сердце сквозить (язвить).
 Слово не обухъ, а отъ него люди гибнуть.
 Отъ языка не уйдешь. Языкъ вездѣ достанетъ.
 Языкъ змѣиный (злбный, клеветникъ).
 Чужой ротокъ—не свой хлѣвокъ, не затворишь.
 Чужой ротъ — не огородъ, не притворишь.
 На чужой ротокъ не накинешь платокъ.
 На чужой ротъ не пугогицу нашить.
 Глаза не зажать, а языку каши не дать.
 Ротъ не ворота, клиномъ (задромъ) не запрешь.
 На то пасть дана, чтобъ зѣвать.
 Языкомъ не расскажешь, такъ и пальцами не растычешь.
 Языкомъ болтай, а рукавъ воли не давай!
 Языкомъ, какъ хошь, а рукавъ не ворошь.
 Языкомъ хоть ноги лижи, а руки покороче держи!
 Нечего руками разсуждать, коли Богъ ума не далъ.
 На языкъ пошлины нѣтъ. Безоброчная мельница.
 Говорить не устать, да въ какую стать?
 Говорить не устать, было бы что сказать.
 Вымолвить не хочется, такъ и языкъ не ворочается.
 Воздухъ словами не наполнить. Всего не переговоришь.
 До насъ люди жили — много говорили; не померь, такъ и мы
 повремъ.
 Въ прохладѣ живемъ: языкъ болтаетъ, и вѣтерокъ продуваетъ.
 Сколько ни говорить, а съ разговоромъ сытымъ не быть.
 Сколько ни толковать, а всего не перетолковать (не пережевать).
 Говорили сегодня, говорить и завтра.
 Говори такъ, чтобъ на долго стало (всего вразъ не переврешь).

Люди говорятъ, такъ люди и слушаютъ.

Не даромъ говорится то и то.

Колн одинъ говоритъ, такъ двое глядятъ, да двое слушаютъ,
(т. е., два глаза, два уха и одинъ ротъ).

Безъ языка и колоколъ нѣмъ.

Не стать говорить, такъ и Богъ не услышитъ.

Дитя не заплачетъ — мать не знаетъ.

Чье правое дѣло, тотъ говори смѣло!

За правое дѣло говори смѣло (стой смѣло)!

На великое дѣло — великое слово. Отъ избытка уста глаголютъ

Молчанъ-собака не слуга во дворѣ.

Молчать, такъ и дѣло не скончатъ. Твой намекъ мнѣ не вдоmekъ.

О чемъ дитя плачетъ — и мать не разумеетъ.

Не пройми копьемъ, пройми языкомъ!

Живое слово. Живымъ словомъ побѣдить.

Живое слово дороже мертвой буквы.

Хорошую рѣчь хорошо и слушать. Красную рѣчь красно и слушать.

Сядемъ рядкомъ, да поговоримъ (да перестолкуемъ) ладкомъ.

И невелика бесѣда, да честна.

Красно поле пшеномъ, а бесѣда умомъ.

Съ тобой разговоришься, что меду напитокъ.

Твоими бы устами да медъ пить.

Что кого веселить, тотъ про то и говорить.

Что у кого болить, тотъ о томъ и говорить.

Есть, словко — какъ медъ сладко; а нѣтъ, словко — какъ по-
лынь горько.

Сидитъ, какъ свѣча горитъ, говоритъ, что рублемъ дарить.

Что слово молвить, то рублемъ подарить.

Короткія рѣчи и слушать нѣча (нечего).

Въ чужой бесѣдѣ всякъ ума купить.

Слово не воробей; вылетитъ — не поймашь.

И дорого бѣ далъ за словечко, да не выкупишь.

Коня на возжахъ удержишь, а слова съ языка не воротишь.

Сказанное слово въ кадыкъ назадъ не ворочается.
 Слово выпустишь, такъ и крюкомъ (и вилѣмъ) не втащишь.
 Что выплюнешь, того не схватишь.
 И плевка на лету не перехватишь.
 Молвишь—не воротишь, а плюнешь—не подымеши (не проглотишь).
 Выстрѣливъ, пулю не схватишь, а слово сказавъ, не поймаетъ.
 Языкомъ не слизнешь.
 Кстати промолчать, что большое слово сказать.
 На кого проговоръ не живеть? Обмолвка — не обида.
 Ошибка въ словѣ — не споръ. Не всякое слово (дыко) въ строку.
 Иное слово — пропускай мимо ушей!
 Лучше ногою зашпуться, нежели языкомъ.
 Въ чемъ проговорился, съ тѣмъ и простился (въ рядѣ).
 Въ чемъ проврался, въ томъ и поплатился.
 Совралось — какъ съ языка сорвалось.
 Проврался — что въ карты проигрался.
 Къ пиву ѣдется, къ слову молвится.
 Къ пиру пошло, къ слову молвилось.
 Слово слово родить, третье само бѣжить.
 На грубое слово не сердись, на ласковое не сдавайся!
 Отъ привѣтливыхъ словъ языкъ не отсохнетъ.
 Ласковое слово и кость ломить.
 И собаку ласково примолвишь, такъ хвостомъ вертитъ (такъ не скоро укусятъ).

Грамота.

Грамотѣ учиться — всегда (впередъ) пригодится.
 Кто грамотѣ гораздъ, тому не пропасть.
 Побольше грамотныхъ, поменьше дураковъ.
 Пророкъ Наумъ наставитъ на умъ (1 Декабря; съ этого дня посылаютъ дѣтей въ школу).

У Николю двѣ школы: азбуки учать, да кануны твердятъ.

Читать по складамъ. Читать по верхамъ, или по толкамъ.

Безъ складу по складамъ, безъ толку по толкамъ.

По складамъ, такъ не грамотѣй.

Читаешь, какъ пономарь (какъ псалтирь).

Азбуку учать, во всю нѣбу кричать.

Онѣ да ижица — къ лѣнивому плетъ ближится.

Азбука наука, а ребятамъ бука (шѣка).

За азъ да за бѣки, такъ и указку въ рѣки.

Сперва азъ да бѣки, а тамъ и науки.

Грамотѣ не знаетъ, а цыфирь твердить.

Како онъ — конь, буки ерыкъ — быкъ, глаголь азъ — глазъ.

Ерь да еры — ушали съ горы, ерь да ять, некому поднять.

По грамотѣ осѣкся, цыфирь не далась.

Книгами не лодыгами играть. Въ книги не въ чурки.

Нынѣ много грамотныхъ, да мало сытыхъ.

Перо сохи легче. Грамотѣй — не пахарь (не работникъ).

И самъ тому не радъ, что грамотѣ гораздъ.

Уѣла попа грамотка.

Книга-то книга — слово то слово! На-ка, пономарь, унеси ее въ алтарь (о малограмотномъ попѣ).

Эко диво: поглядишь — чистехонько; погладишь — гладехонько, а станешь читать — вездѣ задѣвается (сказалъ дьячекъ).

Гражданская грамота отъ антихриста (Раскол.).

Все товаръ, и мусоръ товаръ, а книги не товаръ (сказалъ Гр. Канкринъ, когда Смирдинъ просилъ ссуды подъ свою библиотечку)

Книга — въ ней два листа, а середка пуста.

Книга, а въ ней кукишъ да фига.

Бумага тернить, перо писать. Перо скрипеть, бумага молчать.

Перо смѣлѣе (ходчѣе) языка. Языкъ коснѣетъ, а перо не робѣетъ.

Напишешь перомъ, не стешешь (не вырубишь) топоромъ.

Написано перомъ, не вырубить и топоромъ.

Напишешь перомъ, что не вывезешь воломъ.

Вертять перомъ, что веретеномъ (что чортъ крючкомъ, хвостомъ).

Бумажки клочекъ въ судъ волочетъ.

Читай, не вертись, а что написано, не сердись (съ глубоч. карт.)!

Вреть по печатному. Вреть, какъ газета. Супротивъ печатнаго (газетнаго) не соврешь.

Лучше печатнаго не скажешь. Говорить, какъ книга.

Это вилами писано (т. е., на двое, невѣрно).

Идетъ грамота написана, дана читать незрячему (Ню).

Пишетъ грамотки, да просить памятки.

По старой памяти, что по грамотѣ. Живая грамота.

По писаному, что по тесаному. По сказаному, что по писаному.

Прочитать отъ доски до доски (перешеть книгу встарь былъ дощаты).

Не на пользу читать, коли только верхки хватать.

Уложенье читаетъ, а дѣла не знаетъ.

Глядитъ въ книгу, а видитъ фигу.

Немного читай. да много (да побольше) разумѣй!

Писано, переписано, село Борисово (говорить о письмѣ незнающаго грамотѣ).

Это не при мнѣ (не при насъ) писано.

Писано на рѣшетѣ, съ подкладкой полотенца (неразборчиво).

Бумага некупленная, письмо домашнее.

Писалъ Макарка своимъ огаркомъ.

Отъ стѣны пишеть (отъ правой къ лѣвой, Еврей, или Татаринъ).

Гдѣ чихнуть пришлось—запятая; гдѣ икнулось—двоеточіе, а гдѣ табуку понюхать — точка.

Письмо — словно куры набродили.

Курячы ножки, крючки да присошки.

Два косяка съ притолокой, два полколеса, два стяга съ колесомъ. два стяга съ крючкомъ (покой).

Тарабарская грамота (всякое цифирное письмо).

Словно маку настѣялъ (мелкое письмо).

Пишетъ, словно разводы разводитъ (крупно и медленно).

Писали писакв, а прочтуть собаки.

Писалъ писачка, а имя ему собачка.

Это писалъ такой, что перо за ухомъ (дека).

Пишетъ, какъ чортъ шестомъ по Неглинной (улица въ Москвѣ).

Пиши знай: кому надо — разбереть.

Не перомъ пишутъ, умомъ.

Не складна челобитная складомъ, складна указомъ (смысломъ).

Не складна (не красна) письмомъ, складна (красна) вымысломъ,

Не красна книга письмомъ, красна умомъ.

Онъ учился на мѣдныя деньги.

Мы бѣдные учимся на мѣдныя, а богачи на рублевички.

—

Голову срѣзали, сердце вынули, даютъ пить, велятъ говорить (Перо).

Голову отрѣжу, сердце выну, дамъ пить, будетъ говорить (То же).

Сверху пушисто, снизу остро, всунешь — сухо, вынешь — мокро (То же).

Малъ мальшокъ, а мудрые пути кажетъ (То же).

Родился отъ плоти, а крови нѣтъ; грамоты не знаю, а вѣкъ пишу (То же).

Чѣмъ (чего) черезъ избу не перекинешь? (Перомъ).

Сѣмя плоско, поле гладко, кто умѣетъ, тотъ и сѣетъ; сѣмя не всходитъ, а плодъ приноситъ (Письмо).

Растигается по двору бѣлое сукно: конь его топчетъ, одинъ ходитъ, другой водитъ, черныя птицы на него садятся (То же).

Земля бѣла, сѣмена черны: пятеро пашутъ, двое блюдутъ, одинъ управляетъ (Человѣкъ пишущій).

Поле бѣло, сѣмя черно, кто его сѣетъ, тотъ разумѣетъ (Письмо).

Ни небо, ни земля, собой бѣла: двое глядятъ, трое работаютъ, одинъ повелѣваетъ (То же).

Ни небо, ни земля, видѣніемъ бѣла; трое по ней ходятъ, одного водятъ; два согладаютъ, одинъ повелѣваетъ (Буага, нальцы, перо, глаза, умъ).

Не ѣвши блюетъ; а что выблюетъ, опять уплетаетъ (Песочница).

Въ Москвѣ рубятъ, а сюда (а къ намъ) щепки летятъ (письма, газеты).

Въ лѣсу (въ Питерѣ, въ Москвѣ, въ городѣ) дрова рубить, а къ намъ (а по всѣмъ городамъ, деревнямъ) щепки летать (То же).

Идетъ не мужикъ, не баба, несетъ ни пирогъ, ни стибень (Письмо).

Посолъ, что мѣхъ: что въ него вложишь, то и несетъ.

Умному послу не великъ наказъ, а за глупымъ посломъ не гнись самъ итти.

Дурака пошли, да самъ слѣдомъ иди!

Пошли дурнаго, а за нимъ и другаго (Малороссе.).

Его пошли, да и самъ за нимъ иди!

Пошли Ивана, за Иваномъ болвана, за болваномъ еще дурака, такъ и самъ иди туда!

Семерыхъ пошли, да самъ вслѣдъ иди!

Чѣмъ семерыхъ посылать — нѣ самому побывать.

Не ката обувать, да за вами посылать (коли всѣ ушли).

Его хорошо за смертью посылать.

Ушелъ Вавило по мотовило, да видно лѣсомъ задавило.

Ушелъ посолъ и утонулъ въ росолъ. Коли не удавится, то назадъ явится.

Лукъ — что царь, стрѣлы — что посланнички.

По посольству и почетъ. По посольству и отвѣтъ держать.

Посла ни казнять, ни рубять. Посла ни куютъ, ни ваютъ.

Посла ни сѣкутъ, ни рубять, а только жалуютъ.

Чей посолъ, того (тому) и почетъ (и честь).

Ученые — наука.

Кто хочетъ много знать, тому надо мало спать.

Итти въ науку, терпѣть муку. Безъ муки нѣтъ и науки.

Учить въ долбежку, долбить, зубрить, вызубрить отъ доски до доски.

Учился читать, да писать, а выучился пѣть, да плясать.

Кто по толкамъ, а кто по складамъ.
 Всякъ мастеръ на выучку беретъ, да не всякъ доучиваетъ.
 По выучкѣ мастера знать.
 Молодому учиться рано, старому поздно.
 Съ чорта выросъ, а кнутомъ не бить (т. е., глупъ).
 Не учили поперекъ лавочки, а во всю вытянулся — не научишь.
 Женатому учиться — времячко ушло.
 Не хочу учиться, хочу жениться.
 Опустя время учиться, что по ушному гонять.
 Парень и теперъ рубля стоить, а какъ ему бока надуть, — и
 два дадутъ.

За одного битаго двухъ небитыхъ даютъ, да и то не берутъ.
 Кнуть (плеть) не мѣла, а впередъ наука.
 Безъ палки нѣтъ ученья. Не для сѣченья, для ученья.
 Дерево нѣмо, а вѣжеству учить.
 Много ученъ, а не досѣченъ. Жерновъ куютъ, какъ они не имутъ.
 Не побивши, не выучишь. Ожечь не ожжетъ, а выпарить важно.
 Вольно тому шалить, кто смолоду не бить.
 И медвѣдя бьютъ, да учать. И медвѣдя люди учать.
 Умъ да умецъ, да третій дубецъ. Побой не медъ, коня учать.
 Неукъ бьетъ, а обойдется, смирибѣ коровы идетъ.
 Конь добръ, да не ѣзженъ; дорогъ парень, да не ученъ.
 Это не ученье, а мученье. Что скоро скучить, то скоро научить.
 Что мѣръ учить, то людей мучить.
 Корень ученія горекъ, да плодъ его сладокъ.
 Не выучить школа, выучить охота. Сытое брюхо къ ученію глухо.
 Мѣха не надуть, а раба не научить.
 Добро того бить, кто цдачетъ, а учить, кто слушаеть.
 Задъ похлещешь, а въ голову не набьешь.
 Чего нѣтъ за шкурой (за кожей), къ шкурѣ не пришьешь.
 Наука не пиво, въ ротъ не вольешь.
 Мудрено тому учить, чего сами не знаемъ (не умѣемъ).
 Учи другихъ — и самъ поймешь.

Повторенье — мать ученья (школьн.)

Зады, зады! — а переды передь тобою.

Ткали рогожку, доткались в до кра́сенъ (полотна).

Этого не умѣть (не сдѣлать), такъ и на свѣтъ не жить.

Наша невѣста не гусей пасла, а веретеномъ трясла.

Гибали мы вязовую (дугу), согнемъ и ветловую.

Не учи плясать, я и самъ скоморохъ. Учена учить, только портить.

Мастерь мастеру не указъ (не укащикъ).

Не учи борючись, учи побораючи.

Не учи рыбу плаваты! Поучи щуку плаваты!

Учи Астраханца рыбу пластать. Укащику — чирей за щеку.

Не учи хромаго ковылять! Не учи безногаго хроматы!

Не учи хромать, у кого ноги болятъ!

Не учи пещи, не указывай подмазывать!

Не указывай подмазывать: сами горазды.

Косой криваго не учи! Заика заику дразнить (учить).

У вора воровать — только время терять.

Бѣсть — не учиться стать. Не учи козу, сама стянеть съ возу.

Отъ умнаго научишься, отъ глупаго разучишься.

Вѣкъ живи, вѣкъ учись (а умри дуракомъ).

Ученая вѣдьма хуже прирожденной.

Недоученый хуже неученаго. Персученый хуже педоученаго.

Наука учить только умнаго. Не всякому все дается.

Стрѣльба да борьба — ученье; а конское сидѣнье — кому Богъ дастъ.

Ученье — красота, неученье — простота (сухота).

Ученье свѣтъ, а неученье тьма.

Красна птица перьемъ, а человекъ ученьемъ.

Божьей волей свѣтъ стоить, наукой люди живутъ.

Не для мѣки, для науки. Наука — не мука (не бука).

Ничего не смыслить — вѣкъ киснуть. Ученье лучше богатства.

Иной охочъ, да не гораздъ, иной и гораздъ, да не охочъ.

За ученаго (бѣтаго) двухъ неученыхъ (небитыхъ) даютъ, да и что не берутъ.

Городское телятко разумнѣе деревенскаго дятятки.
 Въ городѣ живеть, а колокольнѣ вламлетса.
 Чему учился, тому и пригодился. Знай больше, а говори меньше!
 Что (какъ) ручки сдѣлають, то (такъ) спинна навесить.
 Не уча (или: неуча) въ поны не ставятъ.
 Не учась (не умѣючи) и лапта не сплететься.
 Не научи, да въ мѣрь пусти, такъ будетъ пишь, а не куски (?).
 И птица, высидивъ да выкормивъ птенца, его летать учить.
 Кто больше знаетъ, тому и книги въ руни.
 Не переная стрѣла въ бокъ идетъ.
 Учись доброму, такъ худое на умъ не пойдетъ.
 Мастерства (ремасла) за плечами не носятъ, а съ нимъ добро.
 Ремесло пять, ѣсть не просить, а само кормить.
 Не худое ремесло, кто умѣеть сдѣлать и весло.
 Отъ добрыхъ рукъ ничего не уходитъ (о ремеслѣ).
 Ремесло вотчина. Ремесло кормилецъ.
 Одной пчелѣ Богъ сроду открылъ науку.
 Наука въ лѣсъ не ходить. Досужество дороше досуга.
 Наука — вѣрнѣй золотой поруки.
 Соколъ съ лету хватаетъ, а ворона и сидячаго не поймаетъ.
 Не трудно сдѣлать, да трудно задумать.
 Не дорога пляска, а дорога уставка (погудна).
 Не дорогá пѣсня, дорога уставка (или: уставъ).
 Не поле родить — загонъ; не игла шьетъ, а руки.
 Не земля родить (кормить), а нивка (т. е., обработанная).
 Не гонкой волка бьютъ, уловкой.
 Не ищи зайца въ бору: на опушкѣ сидить.
 Держись берега, и рыба будетъ.
 Гдѣ въ берегу колода, тамъ и окунь.
 Дураку по поясъ, а умный сулъ пройдетъ.
 Ученый (умный) водить, неученый слѣдомъ ходить.
 Въ добрую голову сто рукъ:
 Не куеть желѣза молотъ, куеть кузнецъ.

Не топоръ тешеть, а плотникъ.

Не силою дерутся, умѣньемъ. Не работа дорога, умѣнье.

Работнику полтина, мастеру (нарядчику) рубль.

Швецу гривна, закройщику рубль.

Не за шило платять, за правило (т. е., не чернорабочему, а десятнику).

Мастеръ одинъ, а подносчиковъ десять.

На одного стрѣлка по десятку вагонщиковъ.

Изъ одного дерева икона и лопата.

Строгановскаго пошиба, да Суздадскаго мастерства (икона).

Не то дорого, что краснаго золота, а дорого, что добраго мастерства.

Золото не въ золото, не побывъ подъ молотомъ.

Звѣря травятъ не собаками, выѣдомъ.

Былъ бы ловець, а ружье будетъ. На ловца и звѣрь бѣжитъ.

Поддать, да выиграть: вотъ то и мастеръ.

По закладкѣ (по закалкѣ) мастера знать.

Добрый портной съ запасомъ шьетъ.

Старая кобыла борозды не портитъ.

Иной стрѣляетъ рѣдко, да попадаетъ мѣтко.

Фасонъ дороже приклада. Портной за фасонъ беретъ.

Хорошій закройщикъ все выкроить. По мастерству и закрой.

Чего не достанеть, зубами натянетъ.

Всякій спляшетъ, да не какъ скоморохъ.

Тѣсные сапоги разносятся, широкіе ссядутся.

Портной гадить, а утюгъ гладить.

Все закрасится, хорошо будетъ.

Клинъ тесать — мастерство казаль (сразу вытесать вѣрный кливъ. безъ подтески, такое жъ мастерство для плотника, какъ выточить вѣрный шаръ отъ руки и для токаря).

Игралъ бы игрокъ въ бараній рогъ.

Сажаетъ въ печь хлѣбы, какъ пѣшки, а вынимаетъ, какъ крышки.

«Хоть бы ты укралъ гдѣ пшеничной мучицы на колдобы!» — Дура, вѣдь всѣ знаютъ, что у насъ пшеничной-то нѣтъ! — «Ничего, я такъ испеку, что ото ржаной не узнаютъ».

Пекла, кажись, пирожки, а вышла покрывши на горшки.

Отрѣжешь, такъ осёлка (осёлокъ, камень), а откусишь, такъ гребенка (т. е., глѣбъ съ закаломъ, зубы знать).

Баба пекла пироги на дрожжахъ, а вынимала ихъ на возжахъ.

Добрый поваренокъ на чумичкѣ вши бьетъ, а язычкомъ тарелки третъ.

Изъ одной мучки, да не однѣ ручки.

Хороша мучка, да не хороши ручки.

Замѣсила прѣсно, да посадила тѣсно (и вышла одна лепешка).

Хороша книга, да начетчики плохи.

Не клей держить, а фуганокъ (т. е., пригонка).

Собаку съѣлъ, только хвостомъ подавился.

За вкусъ не берусь, а горьченько, да мнренько будетъ.

Не все пономари, а рѣдко кто не званывалъ.

Коли не коваль (кузнецъ), такъ и рукъ не поганы!

Не у рукъ стряпня — пачкотня.

Всякій мастеръ про себя смастерить (про себя наслить).

Не боги и горшки обжигаютъ (а тѣ жъ люди).

Жигуча крапива родится, да во щахъ уварится.

Не ловець, да молодець. И не ученъ, да толченъ.

У него дѣло, какъ гусли идти (гудеть).

Какъ ниткой ударить (прямо). У Левки все ловко.

Онъ на всѣ руки. Золотой человекъ, золотыя руки.

Онъ на это собаку съѣлъ.

Къ чему рукъ не приложить, все кипить (горить).

Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ.

Жердочка тонка, да козочка прытка (и перебѣжить).

Его ѣ въ ступѣ пестомъ не устрѣлишь (не попадешь, не утолчешь; не попадешь, говор. о ловкости, увертливости; не утолчешь, о упрямствѣ).

Онъ сушь изъ воды выйдетъ. Онъ и въ огнѣ не сгоритъ.

Ни сучка, ни задоринки. Все гладко, плито и крыто.

Комаръ носу не подточить. Иголки не подсунешь (не подобьешь).

Голосомъ плясать, а ногами поеть.

На обухъ рожи молотить, зерна не уронить.

Онъ изъ песку веревки вьсть.

Гдѣ сухо, тутъ брюхомъ, а гдѣ мокро, на колѣнкахъ.

Гдѣ верхомъ, гдѣ пѣшиномъ, а гдѣ и на карачкахъ.

Гдѣ скокомъ, гдѣ летомъ, гдѣ бочкомъ, а гдѣ и ползкомъ.

Знай смѣтку, умирай скорчась!

Кто услуженъ (кто досуженъ), тотъ и нуженъ.

Коза сыта, и капуста цѣлая (отъ известной задачи: перевозчикъ, волкъ, коза и кочанъ).

И овцы цѣлы, и волки сыты. Два уголья: и сытъ, и пьянъ.

Одной шапкой двоихъ накрылъ.

Однимъ шлепкомъ. Пару на зарядъ.

Корову на двое разрубил: задъ доши, а передъ во щадъ варил.

Хитрѣ теленка не будешь (онъ языкомъ подъ хвостъ достаетъ).

Дѣло сдѣлалъ, какъ пить далъ.

Это сдѣлано (построено, устроено) со словомъ. Это не просто сказано, сдѣлано (т. е., хитро, съ замысломъ, или съ заговоромъ).

Каковъ строитель, такова и обитель.

Дѣло мастера боится (а иной мастеръ дѣла боится).

Всякая работа мастера хвалить. Всякое дѣло за себя постоитъ.

Не всякому дураку кладъ дается. На кладъ — знахаря (надо).

Умѣючи и заклятой кладъ вынимають.

Кладъ положенъ, головою наложенъ, а кто знаетъ, достанетъ (на прим., кладъ положенъ на 12 головъ молодецкихъ: вѣдучъ принесъ 12 воробьиныхъ головъ и взялъ кладъ; воробей чѣмъ не молодецъ?).

Умѣючи и вѣдучу бьютъ (наотмашь).

Какъ—Отче нашъ знаетъ. Аллилуйя у Гурья давно тверда.

Никола святоша: все наизусть. Великій богословъ: весь Прологъ наизусть.

Онъ ему въ подметки не годится. Онъ его за поясъ затянетъ.

Онъ пальца (ногтя, волоска) его не стоить.

Ни въ затычки, ни въ подтычку ему не годится.

Онъ по яйцамъ пройдетъ, ни одного не раздавитъ.

Онъ безъ снасти встрѣчь воды (противъ воды) поплыветь.
 Какъ мизгирь изъ себя нитку тянеть.
 Изъ печенаго яйца живаго цыпленка высидить.
 Лицомъ въ грязь не ударить. Не дастъ маха (промашки).
 Не штука промашка, штука поправка.
 Охулки на свою руку не положить. На свою руку не дамъ охулки.
 И гладко стружить, и стружки кудрявы.
 Докѣ честь, докѣ слава, дока денежку береть.
 Такъ сработано, что хотъ въ ухо вздѣнь (тонко).
 Онъ все: и поваръ, и ящикъ, и съ баклажкой сбитецникъ.
 Онъ кучерь, онъ и кухарь, и косарь и маляръ.
 Тотъ и господинъ, кто все можетъ сдѣлать одинъ.
 Дай, Боже, все самому умѣть, да не все самому дѣлать!
 Ладно, коли все самъ умѣешь; не ладно, коли все самъ дѣлаешь
 (во первыхъ, это трудно; во вторыхъ, безтолково).
 Концы съ концами сводить. Онъ умѣетъ концы сводить. Мы
 только что концы съ концами сводимъ (о расходѣ).
 Не далась ему эта наука. Ни аза въ глаза не знаетъ,
 Индюшки отъ воробья не распознаётъ.
 Въ зубъ толкнуть не смыслить. Оборишка свить не умѣетъ.
 Ни постлатъ, ни въ головы подмостить (нечего, или не умѣетъ).
 Палець о палець не умѣетъ ударить. Ни уха, ни рыла не смыслить.
 Ни въ дудочку, ни въ сопѣлочку.
 Въ свирѣлку играетъ, а ладу (т. е., такту, мѣры) не знаетъ.
 Комкомъ да въ кучку, на крестьянску ручку.
 Давалъ Богъ кладъ, да не умѣли взять.
 Не умѣла ворона сокола щипать (Изъ преданія, будто Платовъ былъ
 въ гостяхъ у неприятелей, Французовъ, и отъѣзжая, сказалъ это).
 Лапти плететь, а концовъ хоронить не умѣетъ.
 Не умѣетъ ни прожить, ни добыть.
 Не пори, когда шить не знаешь.
 Не учишь воровать, коли не умѣешь концовъ прятать (хоронить).
 Нечѣмъ хвалиться, какъ все изъ рукъ валится.

За прогуль, да за неумѣнье нѣтъ платы.

За безручье по головкѣ не глядятъ (за неумѣнье).

Хлѣбъ ѣсть умѣешь? «Умѣю». А еще что? «Да коли поднесеш такъ выпью».

И поѣдимъ, и спляшемъ — только пашни не чапашемъ.

Съ неумѣнья руки не болятъ (спина не болятъ).

Не похвала соколу, что на гнѣздѣ бьетъ (соколъ бьетъ только в лету, а ястребъ хватаетъ сидячую).

Взвалился на лошадь, такъ раскинь клешни (т. е., ноги).

Шей да пори, не будетъ глухой поры.

Крой, да пѣсни пой — шить станешь, 'наплачешься.

Гдѣ сшито на живую нитку, тамъ жди прорѣхи.

Швецъ Данило, что ни шьетъ, тѣ гнило.

Шить гораздъ, и подшивать гораздъ, а щетинку всукать — над мастера искать.

Всему ученъ, только не изловченъ.

Хорошо плавають, лишь пузыри прядаютъ.

Мы плаваемъ по топорному (какъ ключъ ко дну).

Плаваетъ, какъ жерновъ.

Нырять онъ умѣетъ, только выныривать не умѣетъ.

Лапти плестъ. Онъ лапти плететъ (путаѣтъ, портитъ дѣло).

Риноплетъ — не поэтъ. Кропаетъ, и табачкомъ занюхиваетъ.

Топорной (штыковой) работы.

И медвѣдь костоправъ, да самоучка.

Какъ медвѣдь въ гѣсу дуги гнетъ.

Гнетъ — не парить, переломить — не тужить.

Дуй бѣлку въ хвостъ (пушистый хвостъ обманываетъ неопытнаго стрѣльца).

Съ хвоста хомута не надѣваютъ.

Путаѣтъ, словно кашу въ лапти обуваѣтъ.

И куѣтъ, и дуѣтъ, и самъ не знаетъ, что будетъ.

Слѣпаго въ вожакѣ не берутъ. Слѣпой зрячаго не водить.

Слѣпой живописецъ, да безграмотный стряпчій.

Слѣпой слѣпаго водить, оба зги не видятъ.

Слѣпой курицѣ все ишеница.

За все берется, да все не удается.

Эта грамота мнѣ (ему, тебѣ) не далась.

Это не при насъ писано.

Ладить по горничному, а родится по голбичному (горвяна чистой отдѣлки, нарядъ избы, а голбецъ, часовенка, грубой плотницкой).

И не плотникъ, да стучать охотникъ.

Не тотъ дуракъ, кто въ фофаны играетъ, а кому быть доведется.

Знай свою руку! Ты, видно, руки не знаешь? (отъѣзды, гдѣ встрѣчные должны держать вправо).

Знаетъ вкусъ (толкъ), какъ свинья въ адељсинахъ.

Зайка немогузнайка (трусиска).

Мы люди неграмотные, ѣдимъ пряники неписанные.

Мы люди простые, ѣдимъ пряники толстые.

Даромъ, не грамотный, а пряники ѣсть писанные.

Ни ткать, ни прясть, ни початки мотать.

Съла невѣстка прясть: берегите, деверья, глаза!

Ни на пяты приступить. Ни изручь, ни въ руки.

На что намъ ружье, коли стрѣлять не умѣемъ?

Дураку (т. е., готовому на все дурное) наука, что ребенку огонь.

Не выучить школа, выучить охота (нужда).

Кто много знаетъ, съ того много и спрашивается.

Пошелъ въ кравчіе, такъ наливай по край!

Кто больше знаетъ, тотъ меньше спитъ.

Линь по дну, а щука по верху.

Незнайка лежитъ, а знайка далеко бѣжитъ.

Знайка дорожкой бѣжитъ, незнайка на печкѣ лежитъ.

Всезнанія (все знать) Богъ человѣку не далъ.

Съвецъ не угодить, коли Богъ не уродитъ.

Всю хитрость не изучишь, а себя измучишь.

На разсушку мастера не найдешь (на пр., о солодѣ).

Всякъ годится, да не на всякое дѣло.

• Кто къ чему родится, тотъ къ тому и пригодится.

За все браться — ничего не сдѣлать.
 Богатые-тѣ деньги учать, а бѣдные-тѣ книга мучать.
 Какъ щука ни остра, а не возметъ ерша съ хвоста.
 Не нуженъ ученый, а нуженъ смышленный.
 Дай, Богъ, самому не разумѣть, а людей не слушать!
 Самъ не смысли, добрыхъ людей не слушай, поидеть дѣло на ладъ.
 Всѣмъ добро, да не всякому на пользу (ученье).
 Добра не смыслишь, такъ худа не дѣлай!
 Будто тяпъ, ляпъ. да и клѣтка (да и корабль).
 Не всякъ по канату пропляшетъ: иному дай Богъ и по одной по-
 ловицѣ пройти (хоть бы пьяному).
 Сурово не бѣлье, да свое руководѣлье.
 Кто какъ знаетъ, такъ и тачаетъ. Всякъ мастеръ на свой ладъ.
 Какъ умѣю, такъ и брѣю. Какъ заложу, такъ и скребу.
 Кто какъ умѣетъ, тотъ такъ и брѣетъ (и бредитъ).
 Кто какъ знаетъ, такъ и гадитъ. Всякъ на свой салтыкъ..
 Удастся голубецъ, не надобенъ и дубецъ (?).
 Угря, и не масливъ руки, упустишь.
 Люди ступаютъ, никто ихъ не слышитъ; а мы какъ въ ступѣ:
 что ни ступимъ, то стукнемъ.
 Мѣтко стрѣляетъ: въ чистое поле, какъ въ копейку.
 Такой стрѣлокъ, что пьяный въ овинъ головой попадетъ.
 Мимо Сидора, да въ стѣну.
 Мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову.
 Хорошо бьетъ ружье: съ полки упало — семь горшковъ разбило.
 Рука легка: была бы шея крѣпка.
 Не вороши, коли палки (пальцы) не хороши.
 Ловокъ, кабы локти не цѣплялись.
 Приемистъ: за что ни возмется, все исковеркаетъ.
 Гоняется за мухой съ обухомъ. Ловитъ, какъ медвѣдь перепелку.
 Гоняется, какъ медвѣдь за воробьями.
 Поворотливъ, что гиря (что медвѣдь, что колода, какъ печь и дѣло).

Умъ — глупость.

Всякая мудрость отъ Бога. Начало премудрости страхъ Божій.

Нѣтъ роженанаго (ума), не дашь и ученаго.

Тупо сковано — не наточишь; глупо рожено — не научишь.

Разумъ — душѣ во спасенье, Богу на славу.

Все въ мѣрѣ творится не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ.

Отыми, Господи, руки, ноги, да опокнишь разумъ!

Голова всему начало. Гдѣ умъ, тамъ и толкъ.

Разумный видитъ, что за чѣмъ (что къ чему) идетъ.

Противъ умнаго остережешься, а противъ глупаго оплощаешь.

Мудрый (умный) слышитъ въ полслова (въ полголоса).

Глупый-то свиснетъ, а умный-то и смыслить.

Умный попу только губами шевели, а ужъ мы и догадаемся.

Умному попу лишь кукишь покажи, а ужъ онъ и знаетъ, какой грѣхъ.

И сила уму уступаетъ.

Премудрость одна, а мудростей много (т. е., хитростей).

Умный, что староста губный: всякъ его боится.

Умную (хорошую) рѣчь хорошо и слушать.

Умная (добрая) голова сто головъ кормить, а худая и себя не прокормить.

Въ умной бесѣдѣ быть — ума прикупить (а въ глупой, и свой растерять).

Кто умнѣе, тотъ достанетъ (денегъ про нужду) поскорѣе.

Глупый киснетъ, а умный все промыслить.

Не копьемъ побиваютъ, а умомъ (т. е., умышленъ).

Былъ бы умъ, будетъ и рубль; не будетъ ума, не будетъ и рубля.

Ума не купить ума, своего продать.

Ума не безъ ума, Ерема не безъ промысла.

У мужика кафтанъ сѣръ, да умъ у него не волкъ (не чортъ) съѣлъ.

У него ума палата. Это голова! Ума палата, да другая не почата.

Его умный попу кстилъ (крестилъ).

Живи съ разумомъ, такъ и лѣкаркъ не надо.

Не купи гупна, купи ума! Не добивайся знахарства, добивайся разума!
 И я въ темя не колоченъ (т. е., не дуракъ).
 Въ ученіи не много, да въ разумъ твердъ.
 Нашель дурака. Дался тебѣ дуракъ. Поди, поищи другаго дурака!
 Старыя умники вымерди, а молодые не нарождаются.
 Доброта безъ разума пуста. Добра и надолба приворотная.
 Много на свѣтѣ умнаго, да хорошаго мало.
 Умъ любить просторъ. Ума городьбой не обгородишь.
 Сила — уму могила. Сила умъ ломаетъ.
 Понятливу дѣлку не долго учить (добру, или худу).
 Женскій умъ лучше всякихъ думъ. Худо дѣло, коли жена не велѣла.
 Видить око далеко, а умъ (думка) еще дальше.
 Умъ сяжкомъ подъ небеса уходитъ (сягаетъ).
 Голова прикована (привроста), а уму воля дана.
 Умъ да разумъ надоумять сразу.
 Доходить умъ и до Бога.
 Дума кума, не лишитъ ума.
 Кто думаетъ, до чего нибудь додумается.
 Люди думаютъ, до чего нибудь додумываются; а мы думаемъ,
 изъ раздумья не выходимъ (не вылазимъ).
 Складно думаетъ, да подслѣповато рождаетъ.
 Сперва подумай, а тамъ и намъ скажи!
 Хороши думцу въ пазушкѣ, не носи въ люди!
 Думаютъ думу безъ шуму. Отъ думы голова трещить.
 Ждутъ Оому: чають быть уму.
 Дума крѣпкая, раздумьеце великое.
 Не говоритъ — умъ копитъ; а скажетъ — нечего слушать.
 И за молчанье гостинцы даютъ.
 Спать не сплю, дремать не дремлю, а все думаю думу.
 Мало ли что на умъ приходитъ. На умъ взбрело.
 Дума за горами, а смерть за плечами.
 Раздумаетъ умомъ, такъ волосы дыбѣтъ.
 За своею думкою и самъ не поспѣешь.

Прямой, что дурной (глупый).
 Малый, что глупый: что видитъ, то и бредитъ.
 Думать хорошо, а отгадать и того лучше. Догадка лучше ума.
 Вразуми его, Господи! Наставь на умъ!
 Пророкъ Наумъ, наставь насъ на умъ (покровитель уха)!
 Изъ пальца не высосать этого. Я бы и радъ, да не догадаю.
 У меня этого и на умъ не бывало. И не думаю, и не гадаю.
 Ума не приложу. Думаю, не мадумаюсь.
 Хоть сто лѣтъ думай, лучше этого не выдумаешь.
 Высоко поднялъ (умомъ), да низко опустилъ.
 Долго думалъ, да ничего не выдумалъ.
 Долго сидѣлъ (корпѣлъ), да ничего не выисидѣлъ.
 «Да ты бы напередъ подумалъ»; пробоваелъ, бравецъ, хуже.
 Думалъ много, да вошь и поймалъ.
 Передумкой не воротишь. Рожаютъ, такъ не думаютъ.
 Думай, да чтобы не передумывать.
 Думай такъ, чтобы сразу выдумать. Думка — недоумка.
 Думай, да чтобы не было передумки. Передумка — недоумка.
 Товаръ полюбится, такъ и умъ разогунится.
 Раздумье, что развилие; а скорохватъ, что мешалъ.
 За добра ума по здоровью убираться.
 Всякъ уменъ: кто сперва, кто опосля.
 Догадался, какъ проиграйся (какъ проголодался).
 Русакъ задомъ (заднимъ умомъ) крѣпокъ.
 Заднимъ умомъ дѣла не поправишь.
 Не удержался за гриву, а за хвостъ не удержишься.
 Кабы мнѣ тотъ разумъ напередъ, что приходитъ опосля.
 Кабы Цыгану (тотъ умъ) напередъ, что у мужика назади.
 Думаютъ думные люди (душцы). Думаетъ Индѣйскій абуухъ.
 Думаетъ плотникъ съ топоромъ (да писанъ съ перомъ).
 А кто тебѣ велѣлъ думать? (отвѣтъ на уминычанье).
 Я бы ему именнымъ указомъ запретилъ думать.
 Не дѣлай своего хорошаго, дѣлай мое худое (не уминаяй)!

Глупому на что умъ: у него дума сдумана, работа сроблена.
Дума, что борода: лишняя тягота.
Что долго думать: отрубилъ, да и въ шапку.
Думай, не думай, а сто рублей деньги.
Что больше думать, то хуже. Много думать — голову кружить.
Долго думать — тому же быть. Думай не думай — тому же быть.
Какъ сложено, такъ и тачай!
Не умничай: умнѣ тебя въ тюрьмѣ сидятъ.
Лишнія догадки не впадаютъ живутъ.
Не много думано, да хорошо сказано.
Не долго думалъ, да ладно молвилъ..
Съ твоимъ умомъ, только въ горохѣ сидѣть (т. е., пугаломъ).
Отъ большаго ума досталась сума.
По твоему уму носить будетъ суму.
Глупому сыну не въ помощь богатство.
Не далъ Богъ ума, найдется сума.
Глупый разумъ по міру пускаетъ.
Нѣтъ въ головѣ, нѣтъ и въ кошнѣ.
Башка чиста, такъ и кошна пуста.
Съ умомъ торговать, безъ ума горевать.
Съ умомъ собину нажить, а безъ ума все растерять.
Съ умомъ собинка нажита, а безъ ума прожита.
Безъ ума суму таскать, а съ умомъ деньги считать.
Безъ ума — не въ пользу и сума.
Съ умомъ суму носить, а безъ ума и суму потерять.
Съ умомъ сума кроить, безъ ума, только кожу травить.
Умный суму наживаетъ, глупый и ту проживаетъ.
Умный и согрѣшитъ, и поправитъ.
Съ умомъ и найти и потерять.
Глупый осудить, а умный разсудить.
Дуракъ не разсудить, а умный не осудить.
Умный не осудить, а глупый не разсудить.
Умный на судъ не ходитъ, а дурень съ суда не сходить.

Глухой ищетъ большаго жѣста, а умнаго и въ углу ахать. !
 Глухой умнаго, пьяница трезвита не любить.
 Мужикъ уменъ — пить воленъ; мужикъ глупъ — прощеть и тулупъ.
 Съ умомъ пьютъ, а безъ ума и трезвитихъ быють.
 Пьянъ да уменъ, два угоды въ немъ; пьянъ да глупъ, больше быють.
 И толстъ — да простъ, и не тѣленъ — да дѣленъ:
 Великъ немъ, да думалстъ; малъ золотникъ, да дорогъ.
 Великъ да глупъ — такъ больше быють.
 Великъ да дуракъ; а иной и маленекъ, да чортъ ли въ немъ?
 Два фонаря на пустой каланчѣ (красивые глаза, да пустая голова).
 Голова безъ ума, что фонарь безъ свѣчи.
 За очками свѣта Божьего не видать.
 На глазахъ окошки, а не видать ни крошки.
 Лобъ широкъ, да мозгу мало. Лобъ широкъ, а въ головѣ тѣсно.
 Узколобий человекъ; лебодырочавый, леботрясъ.
 Ушный одно слово вымолвить, и во скажется.
 Три года не башлы парнишко, да: «дура мать»!
 Возьми рѣшето въ зубы, да встряхни голову (въ Сибиря такъ лезть отъ головной боли).
 Голова, что чанъ, а ума ни на сапустный котанъ.
 Голова съ пивной котель, а ума (мозгу) ни ложки.
 Голова съ лушошко, а мозгу ни крошки.
 Мозгованна (голова) съ коробъ, а ума съ орѣхъ.
 Голова съ печное чело, а мозгу советъ ничего.
 Великъ бакланъ (голова), да естъ шельанъ.
 Безъ ума голова — шельанга (или: шебала).
 Безъ ума голова — пивной котель (мечка, лушошко, и пр.).
 То-то голова: только туловище заняла; а кабы ее сбилъ; такъ бы ступъ былъ (ступъ — чурбанъ).
 Для счету въ у насъ голова на плечахъ.
 Не для шапки только голова на плечахъ.
 Голова не колышетъ: не ширину на нее вѣшать.
 И умъ твой, умъ, по башкину (по: башкиной головѣ).

Надо голова дыра верста, мозгахъ дитъ. (Татарск.).

Не всякъ умень, што въ головѣ.

Умъ самъ по себѣ, голова сама по себѣ.

У него въ головѣ ни мозолютника мозгу.

У него въ головѣ рѣдѣшко засѣдо.

У него въ головѣ — колось охъ колоса, что не слышше и голга.

На него временемъ находитъ. Круговая малла. Дурману объѣмъ.

Онъ дурью отбиваетъ (придуриваетъ, приидываетъ).

Онъ, временемъ, дурь на себя напускаетъ.

Подъ носомъ взашло, а въ головѣ и не носѣно.

До лысины дожилъ, а ума не важиль.

До сунета (могилы) выжито, а ума не прижито.

Борода выросла, а ума не вынесла.

Борода съ верота, а ума съ прикашиномъ нѣтъ.

Борода съ возъ, а ума съ накопыльничкъ нѣту.

Носъ съ локоть, а ума съ ноготь.

Носъ (борода) съ лемотомъ, а ума съ ноготомъ.

Борода широка, да душа молода.

Лѣтами ушелъ, а умомъ не дошелъ.

Вырости, выросъ, а ума не вынесъ.

Съ лѣшаго (съ чорта) выросъ, а ума-то не вынесъ.

Съ чорта выросъ, а кнупомъ не битъ (т. е., ялущ).

Ростомъ съ Ивана, а умомъ съ болвана.

Лѣтами ушелъ, а умомъ не дошелъ.

Съ осину (съ оглоблю) выросъ, а ума не вынесъ.

Молодецъ (или: самъ) съ возъ, а ума съ накопыльничкъ нѣтъ.

Великъ бы дѣтина, да дешень.

Отъ чего мужикъ дешень? — Отъ того, что гаупъ.

Личеко бѣленько, да ума маленько.

Рахманный (т. е., вялый, раски) пошаламъ съ дурмо.

Собой-то краля, а умомъ-то фая.

Волосъ дологъ, да умъ корономъ (у бабы).

Волосу многошамо, а разуму маленько.

На головѣ густо, а въ головѣ пусто.

По платью встрѣчаютъ, по уму проеживаютъ.

Ума — два гумна, да баня безъ верху.

У дурака что на ушѣ, то и на гуниѣ (т. е., пусто).

Онъ пороху не выдумаетъ. У него отъ думнѣ голова не болитъ.

Онъ яйца на носокъ не поставитъ.

Онъ трехъ не перечтетъ. На рукѣ пальцевъ не сочтетъ.

Этотъ человекъ — пустяковъ беремъ. Не человекъ, а беремъ пустяковъ.

Онъ безъ спотычки пяти пальцевъ не есчитаетъ.

На трехъ свиной коржѣ не раздѣлитъ.

У него одной клѣпки итъ; не всѣ дома.

У него изъ голубятни голуби улетѣли.

У него башка изъ табачнаго горшка.

Не какъ голова у тебя не съ того конца зарублена?

Онъ прибитъ на цѣвту. Смолоду запуганъ.

Онъ изъ-за угла пустымъ ишкомъ прибитъ.

Онъ въ щенкахъ заморенъ (т. е., смолоду глупъ).

Какъ роженны, такъ и заморожены (дураки).

Черезъ дурака переросъ, до умницы не доросъ.

Въ умницы пошалъ, а изъ дураковъ не вышелъ.

Въ умницы не пошалъ и изъ дураковъ не вышелъ.

У него на вышкѣ обстоятъ неблагополучно.

У него чердакъ безъ верху: одного стропильца итъ.

Простъ, какъ дроздъ. Толстъ-то толстъ, а ужъ простъ-то простъ.

Въ родню толстъ, да не въ родню простъ.

Глупъ, какъ пупъ (какъ хлупъ), какъ печка, какъ пробка, какъ иень, какъ надолба и пр.

Глупъ, по самый пупъ, а что выше, то иуще.

Глупъ, какъ Сибирскій тѣсъ (буракъ).

Годится подъ Св. Симеона столпника (т. е., въ столбъ).

Посади дурака за столъ, онъ и ноги на столъ.

Дуракъ, что мутовка: куда ни поверишь, а сукъ напередѣ.

Дуракъ, что мутовка: куда выросла рагуля, туда и тереть.
 Стоить, какъ дубина, какъ надолба, какъ пань: в. пр.
 Глупѣ надолбы приворотной. Шесть шестомъ...
 Умница — какъ полова (какъ дестрая) курица.
 Знать тебя разумный пыринъ (яндокъ) выомдѣль.
 Глушь, какъ осель, какъ Индѣйскій цѣтухъ, какъ осетровая башка.
 Цѣлыхъ два чина: дуракъ да дурачина.
 Два дурака сошлись въ одинъ ворота.
 Дуракъ съ дуракомъ съѣдутся, инно лошади одурѣють.
 Дуракъ съ дуракомъ сходились, другъ на друга двинулся.
 Поглядѣлъ дуракъ на дурака, да и пожуль: Эка, ле, невидаль!
 Два дурака, да у каждого по два кулака.
 Двѣ бараньи головы въ одинъ котель, не дѣлуть.
 Дуракъ на дурака нашель, и вышло два...
 Дуракъ по дуру далеко ходить.
 Дуракъ съ дуракомъ сходились, да оба никуда не годились.
 Связался дуракъ съ дуракомъ — не разрубить ихъ и топоромъ.
 Дуракъ на дуракѣ ѣдетъ, дуракомъ погоняетъ.
 И такъ дуракъ, и сякъ дуракъ, и эдакъ не такъ, и всячески дуракъ.
 Олухъ царя небеснаго. Нашего бога дурень.
 Умомъ больно обидился. Не заплатана башка.
 Дома пань, а въ людяхъ болванъ.
 На другихъ умень, на себя глупъ.
 Дома не такъ, а въ людяхъ дуракъ.
 Два дурака дерутся, третій смотреть. (нашлись на лубочной картинѣ,
 гдѣ третьяго не видно).
 Дуракъ давку любитъ. Свадка дураковъ просторъ.
 Олухъ на олухѣ ѣдетъ, олухомъ погоняетъ.
 Осель на ослѣ, дуракъ на дуракѣ.
 Дураками свѣтъ стойтъ (иди: красится).
 У нихъ, у всѣхъ, некакъ, мозги на бекреми.
 Что ни дурень, то и бабинъ.
 Съ дуру, что съ дубу. Спроста, что съ бодяга уид.

Какъ слѣпой о краскахъ разсуждаетъ.
 Спереди дуракъ, да и сзади такъ.
 Много видитъ, да мало смыслитъ.
 Человѣкъ онъ умный, только мало смыслитъ.
 Что онъ дуракъ, такъ это и мать его: редная скажетъ.
 Такой дуракъ, что только уши пришить.
 Тюкъ-тюкъ, переломитъ; вщипитъ.
 Онъ дуракъ прирожденный, самородковъ, круглый, зеленый.
 Дурацкую голову в тень не беретъ.
 Разошелся умъ по закоулкамъ, а въ сарайкѣ ничего не осталось.
 Мало мудрости, много дурачества. Умъ разбѣгался по дурацкимъ.
 Толкъ-этъ есть, да не втолканъ весь.
 Ума много, да вошь нейдетъ. Есть умъ, да вошь не гдѣтъ.
 Умный тебя попъ крестилъ, да напрасно не убилъ.
 Большой руки дуракъ; незгуща дуракъ; — съ замочкой; въ при-
 труску, въ нагнетъ, отпѣтый дуракъ. (Съ замочкой: вверху штырь, кт
 къ, которая обмакивается вся въ воду).
 Глупъ по самый клячь (клячь, во: Волкъ, замѣтка: на жестъ: осадки
 судна; стало быть: глупъ во: всю глупку, во: всю огулку).
 Дураковъ ни орутъ; ни слытъ, да сами родятся.
 Для дураковъ, не за море бѣдита, и: коня есть.
 На нашъ вѣкъ дураковъ станеть (да и на вѣкъ ханеть).
 На Руси, слава Богу, дураковъ: мѣтъ на: сто припасено.
 Дураки да бѣшены не всѣ перевѣшаны:
 Бѣшена собака и, холяща кусаетъ.
 У насъ дураковъ: не, мочатей уголь (вѣтъ: кросякъ).
 Нашихъ дураковъ отсель до Москвы не перевѣшаешь.
 У насъ дураковъ сень байдаковъ — да: на: щель: уголь не мочатей.
 Сколько дней у Бога впередъ, столько и: дураковъ.
 Недозрѣлый умокъ, что: вѣщій: делокъ.
 Молодъ, плутъ съ придурью; старъ: да: глупъ — на: стовъ: профѣсь.
 Во всѣхъ годахъ, да не во всѣхъ умъ.
 Умъ бороды не: ждеть, (ни: саранчатъ).

Умъ не въ бородѣ, а въ головѣ.

Старъ годами, да молодъ умомъ. Долго пожилъ, а ума не нажилъ.

Изъ ума выжилъ. Онъ умъ свой врожилъ.

Старый—что старѣеть, то дурѣеть. Старые дураки глупѣе молодые.

Отъ старыхъ дураковъ молодымъ житья нѣтъ.

Отбить, отшибить кому послѣднiй умъ.

Онъ сошелъ, снятилъ съ ума. Дуракомъ поперкнулся, и рехнулся.

Ума нѣтъ, а сердце (т. е., власть) есть.

Хорошъ домами (городъ), да плохъ головами.

Слѣсть дурака (быть обругану).

Постричь, поправить — въ дураки поставить.

И глупый умнаго одурачить.

По образу — какъ я, а по уму — святъя.

Ростомъ съ тебя, а умомъ съ теля.

Гусиный разумъ, да свиное хрюканье!

Смотритъ, какъ баранъ въ гумно.

Эй, человекъ, сведи меня на водоной!

Обычай — бычий, а умъ телячий.

Голова, какъ у вола, а все кажется малъ.

Какихъ дураковъ нѣтъ: и послѣ бани чешутся.

Умень, какъ попъ Семешъ: канга продалъ, а карты купилъ.

Съ колоколын отца блиномъ убилъ (не съ енази).

Нагнули, да и воткнули (отвѣчали мужику, на вопросъ: какъ въ Ива-на Великаго крестъ вколотили).

Всѣхъ дураковъ на свѣтѣ не переучишь (не перечесть).

Много на свѣтѣ дураковъ: всѣхъ не перечесть, не токма что не переучишь.

Про всякаго дурака ума не напасешься.

Неразумнаго учить — въ бездонную кадку воду лить.

Ни мертвеца расмѣшить, ни дурака научить.

Дурака учить — что мертваго лечить (или: выучить и вылететь).

Безумнаго волей не научишь,

Что въ утлый нѣтъ воду лить, то безумнаго уму-разуму учить.

Дурака учить (съ дуракомъ говорить) — рѣшетомъ воду носить.

Дурака учить, что на водѣ писать.

Дыряваго мѣха не надуть, а безуменно не научить.

Пустаго мѣха не поставишь.

Дурака учить — только морить.

Похвали дурака, а онъ и радъ.

Умный любить учиться, а дуракъ учиться.

Умный смиряется, глупый надувается.

Дурану хотъ колъ теши: онъ словкъ два ствѣтъ.

Дуракъ дурака учить, а оба ничего не смысляютъ (а оба глаза мучатъ).

Стало плохо: укащикомъ Авока (т. е., дуракъ).

Умный себя наставлять — съ рѣку воду таскать; дурака учить — въ рѣшетѣ воду носить.

Когда солнце орла похреть, камень на водѣ всплыветъ, соння на бѣлку залазетъ, тогда дуракъ поумнѣтъ.

Пьянъ проспится, а дуракъ никогда.

Дурь-то изъ тебя повыколотятъ.

Я тебѣ дамъ ума. Благодаримъ покорно за умъ (говорятъ послѣ наказанія).

Ума дадутъ (побьютъ), не везъ: лаваютъ (пан.; не везъ: вобьютъ, т. е., сразу не поумнѣтъ)

Жалі кулака—а ударить дурака. Бѣй дурака, не жалѣй шулка!

Лояя быютъ въ осень, а дурака за всегда.

Учить дураковъ — не жалѣть кулаковъ.

Дуракъ не бѣтѣя преста, а бѣтѣя преста.

Дуракъ не глядитъ и на кулаки. Съ дурака — только горсть волось.

Про всѣхъ дураковъ не напасешься кулаковъ.

Наши дураки безъ пастула брѣдятъ.

Дураковъ въ одинъ баа ковакъ обить, да съ кнутницею пастуха приставить.

Не вольна въ дуракѣ и дубинка (ничего не выбить).

Умный слова боится, глупый — пуги (печи).

На дураковъ кнутъ. Умному слово нуже дубины.

Для умнаго нечать; для глупаго заботы.
 Умный молчить, когда дуракъ ворчитъ.
 Умъ, да умецъ: да у: гума: рубецъ.
 Не тотъ глупъ, кто на слова скупъ, а тотъ глупъ, кто на дѣла тупъ.
 Умъ хорошо, а два лучше (лучше: того).
 Трое осудятъ, десятеро разсудятъ.
 На то человекъ на свѣтъ: родится, чтобъ жить своимъ умомъ.
 Заниматься умомъ (брать: вѣдѣныя) — не: упираться.
 Нажить своимъ (чужими) умомъ: свой умомъ, свои: домомъ.
 Своимъ умомъ — своимъ: домомъ.
 Свой умокъ — свой: домокъ, свой умомъ:
 Чужимъ умомъ жить — добра: не, нажить (своего: не: нажить).
 Чужимъ умомъ въ люди не выйдешь.
 Чужимъ умомъ: не: да: по: жить: (до: перемъ: жить).
 Наказаннымъ умомъ, да приданнымъ животомъ не долго: наживешь.
 Чужими умами только бураны: подшвыряютъ.
 Въ сосѣди за умомъ не пойдешь.
 Ума: са: меремъ: не: шумишь, коли: его: дома: нѣтъ.
 Поѣхалъ за море теленкомъ, воротился бычкомъ.
 Ворона и за море летала, да воронкой и вернулась.
 Журавли за море летаютъ, а все одно курлы.
 Всякъ Аковъ: про: себя: умомъ (близко: мѣтъ).
 Всякъ Еремѣй про себя: разумѣй! Всякая крава: про: себя: смекаетъ.
 У каждаго свой царь въ головѣ. Свой умъ — царь: въ: головѣ.
 Помяни, Господи, царя Соломона; и всю: премудрость: его: (говор:
 о: дуракъ; или: Царя: Давида: и: всю: протость: его; отнеся: это: къ: тер:
 пѣннѣ: слушателей).
 Живи всякъ своимъ умомъ! Слушай людей, а дѣлай свое!
 Не видалъ я: такого: ума, жай: твой: либо: умъ, либо: шире.
 Я у него на разумѣ не бывалъ. Я на чужомъ разумѣ не бывалъ.
 Умъ не односумъ: вѣсть: не: живеть. (т. е., у: всякаго: свой).
 Братъ онъ мой, а умъ у него не: свой.
 Шуба на сынѣ: отцовская, а умъ у него: свой.

Умъ на умъ не приходится. Дурь на дурь не приходится.
 Про всякаго дурака своя пѣсня поется (сложена).
 Въ умѣ концовъ не выровняешь. Не свести вамъ умовъ.
 Сколько головъ, столько умовъ. Сто головъ, сто умовъ.
 Мужикъ уменъ, да мѣръ дуракъ.
 Всѣ мы говоримъ, да слушать-то некому (да не все по говореному
 выводитъ).

Наживемся, кума — наберемся ума.
 И на большіе умы живетъ расходъ (оплошка, промашка).
 Умъ найдетъ, да пора уйдетъ (пройдетъ).
 Ахъ, ахъ! а пособить нечѣмъ. Бѣда привалила, ума не хватило.
 Пора бы за умъ хватиться. Наслу-то за умъ взялся.
 На всякаго мудреца довольно простоты.
 На часъ ума не стаетъ, да и на вѣкъ въ дуракахъ (а на вѣкъ
 дуракомъ прослывешь).

Ежеденъ не будетъ уменъ. День-то много, а умъ-этъ одинъ.
 Про всякъ часъ ума не напасешься.
 На грѣхъ мастера нѣтъ. И на старуху живетъ (бываетъ) проруха.
 Глупый да малый, что ни увидятъ, то и просятъ (бредятъ).
 Глупый да малый всегда говорятъ правду.
 Счастье велико, да ума мало. Дураку вездѣ счастье.
 Дураку счастье, а умному Богъ дастъ (т. е., отказъ).
 Счастье ѣдетъ въ каретѣ, а съ умомъ идетъ пѣшкомъ.
 Хоть дуракъ, да съѣлъ буракъ, а умный и такъ.
 Умный самъ по себѣ, а дураку Богъ на помощь.
 На дурака у Бога милости много. Дуракъ — Божій человекъ.
 Много ума — много грѣха, а на дурнѣ не взыщутъ.
 Съ умомъ въ отвѣтъ, а на дуракѣ нечего взять.
 Родился малъ, выросъ глупъ (цѣпнѣ), померъ старъ — ничего не
 знаю (отвѣтъ Запорожца на томъ свѣтѣ).

Родился малъ, выросъ пьянъ, померъ глупъ.

Попа да дурака — въ передній уголъ сажаютъ.

Дуракъ и въ бочкѣ сидя волка за хвостъ поймалъ (изъ сказки).

Богатый на деньги, голь на выдумки (на умъ).
 Голь мудрена, голь на выдумки торовата.
 Чъмъ голѣе, тѣмъ умнѣе (хитрѣе, мудренѣе).
 Дураку-то и отсталаго дають (на торгахъ, чтобъ не мѣшалъ).
 Дурень, да фигурень: въ потемкахъ хорошгъ.
 Не будь дураковъ на свѣтѣ, не стало бъ и разума.
 Дуракъ домъ построилъ, а умница купилъ.
 Онъ на себя дурь напустилъ (прикидывается дуракомъ).
 Ума палата, а спина горбата. Въ горбу разумъ.
 Безъ денегъ и разума нѣтъ.
 Ума много, да денегъ не такъ — и вѣкъ дуракъ.
 Хоть умненокъ, а не проживеть безъ денегъ.
 Умень, да безъ жировы (состоянія), хуже гнилой травы.
 Ума-разума много, а рукъ приложить не къ чему.
 Ума-то пола, да не покрыта (да гола: т. е., бѣденъ).
 Ума палата, да денегъ ни полу полы.
 И съ умомъ, да съ сумой. Умень, да карманъ не ядрень.
 Разуму много, да денегъ нѣтъ.
 Есть умъ, да пустосумъ; нѣтъ ума, да туга (полна) сума.
 Голова пуста, да туга сума. Умомъ тушь, да кошелемъ тугъ.
 Не штука разумъ, штука деньги.
 Будеть имѣнье, будетъ и умѣнье. Съ богатствомъ умъ приходитъ.
 Горе деньги нажить, а съ деньгами и дураку можно жить.
 У богатаго гумна и свинья умна (т. е., съумветъ наѣстися).
 Есть рубль, есть и умъ. Деньга умъ родить.
 Денегъ много, да разума нѣтъ.
 Богатый безъ ума — туло (туловище) безъ головы.
 На деньги ума не купишь. За умомъ — не въ рынокъ.
 Была бы булава, будетъ и голова (и на оборотъ).
 Честь умъ раждаетъ.
 Въ холѣ да въ почетѣ и всякъ умень.
 У богатаго мужика — уроди Богъ сына дурака (прокормить).
 Не дуракъ, а родомъ такъ.

Отъ сына дурака не хлѣбы, а колоба.

Дураки да нищіе не родомъ ведутся, а кому Богъ дастъ.

Чужіе дураки—заглядѣнье каки; а наши дураки—невѣсть каки.

У людей и дураки—вишь ты каки; а наши дураки—невѣсть каки.

Чужой дуракъ — смѣхъ, а свой дуракъ — стыдъ.

Бываютъ дураки средней руки, а наши дураки послѣдней руки.

И глупый ино молвить слово въ ладъ.

Временемъ и дуракъ правду скажетъ.

Бѣсъ всѣхъ умнѣе, а злой духъ (а люди не хвалятъ).

Умная ложь лучше глупой правды.

Глупый про себя согрѣшить, а умный многихъ соблазнить.

На доброе дѣло ума не станеть, а на худое станеть.

На всякую дурость умъ найдется.

И отъ ума сходятъ съ ума. И отъ лишня ума сухота.

Держи на умѣ (т. е., помни) — коли есть на чемъ.

Отъ ума сходятъ съ ума, а безъ ума не сойдешь съ ума.

Отъ большаго ума сходятъ съ ума.

Не отъ безумья съ ума сходятъ. Отъ думки съ ума сошелъ.

Его люди (горе, заботы и пр.) съ ума свели.

Онъ сошелъ съ ума, да не со своего, а съ чужаго.

Ему не съ чего сойти. Этотъ не сойдетъ съ ума: не съ чего.

Отбили дураку и послѣднюю память.

Съ ума сошелъ (спятилъ), да на разумъ набрелъ.

Глупому не страшно и съ ума сойти.

Отъ великаго разума съ ума сошелъ.

У него на вышкѣ обстоятъ не благополучно.

Посадить въ желтый домъ. На седьмую версту (Петерб.).

Дурману, белены объѣлся (одурѣлъ, ошалѣлъ).

Столбнякъ нашелъ (опшалъ, одурѣлъ).

Поутру рѣзвился, а къ вечеру взбѣсился.

Бѣсится, на стѣну (на лаву) лѣзеть.

Съ умомъ жить — мучиться, а безъ ума жить — тѣшиться.

Гдѣ умному горе, тамъ глупому веселье.

Умный плачетъ, а глупый смачетъ.

Дураку все смѣхъ на умъ. Дураку все смѣшно.

Дурацкій смѣхъ, не смѣхъ, а плачь.

Дураку что глупо, то и потѣшно (то и любо).

Изъ дурака и плачь смѣхомъ преть.

Бабы басни, а дуракъ то и любить.

Нашъ Филать тому и радъ. Дуракъ дураку и радъ.

Радъ дуракъ, что пирогъ великъ; радъ пирогъ, что у дурака ротъ великъ.

Объщана цесарка — и то дураку радость (т. е., пестрая вгрушка, бездоходная въ хозяйствѣ птица).

Радъ дуракъ, что напасть прошла.

Дураку хоть плюй въ глаза, а онъ: это Божья роса.

Любо дураку, что чирій (дыра) на боку.

Радъ дуракъ, что нашелъ глушѣ себя. Радъ дуракъ, что дури (дуру) нашелъ.

Радъ дуракъ своей масти. Нашелъ дурень своего поля ягодку.

Радъ, какъ дуракъ красной шапкѣ (изъ сказки).

Радъ дуракъ красному. Что пестро, то дураку и красно.

Дуракъ времени не знаетъ. Дураку, что ни время, то и пора.

Дуракъ Божьихъ дней не знаетъ (не разбираетъ).

Играй дудка: пляши дурены!

Безъ ума житье — рай. Дурака хоть въ ступѣ толки.

Надъ дураками нѣтъ старосты. Въ родѣ дураковъ старшаго нѣтъ.

На дуракъ не что возмешь. Съ дурака гладки взятки.

Дураку законъ не писанъ. Дураку и Богъ проститъ.

Въ дуракъ и Царь (и Богъ) не воленъ. На дуракъ и Богъ не ницетъ.

Пшеничка кормить по выбору, а матушка рожь всѣхъ дураковъ сплосъ.

Матушка рожь, за что кормишь дураковъ?

Малому да глупому все съ рукъ сходить.

Дуракъ дурака и квалить. Дуракъ дуракомъ и тѣшится.

Дуракъ дураку и потакаетъ. Дуракъ дурацкое и дѣлаетъ (я вретъ).

У дурака дурацкая и рѣчь.

Глупость — не порокъ (а несчастье).

За глупость Богъ проставтъ, а за дурость бьютъ.

Говорить было не мало, да разума не стало.

Молчи, коли Богъ разуму не далъ! Молчи, коли Богъ убилъ!

Когда Богъ ума не далъ, такъ руками не разсуждай (такъ руками нечего разсуждать)!

Лучше не бай, глазами мигай, будто смыслишь.

Ртомъ глядить, ничего не слышать.

Кому Богъ ума не далъ, тому кузнецъ не прикуетъ.

Къ кожѣ (въ шубѣ) ума не пришьешь.

Нѣтъ за кожей, такъ не пришьешь къ кожѣ.

Лучше слыть озорникомъ, чѣмъ дуракомъ.

Простота хуже воровства.

Простите на глупости, не осудите (не взыщайте) на простотѣ!

Отъ чего ты такъ глупъ? «У насъ вода такая.»

И дуракъ знаетъ, что Христовъ день праздникъ

Съ дуракомъ поневолѣ согрѣшишь. Отъ дурака добра не жди!

Ни отъ камня меду, ни отъ фохана плоду.

Дурака крести, а онъ въ воду глѣзеть.

Дикая (благная) собака и на небо лаетъ.

Сунуло Еремушку къ семи чертямъ.

У худой головы не благо (не бѣлого) и ногамъ.

За худой (глухой) головой и ногамъ не покой (не упокой).

Дурака и въ алтарѣ бьютъ. Дураку и въ алтарѣ не спускаютъ.

Дурака бьютъ, а умный не суйся!

Глупому въ полѣ не давай воли!

Начто того болѣ, коли дураку дана воля.

Голосомъ тянетъ, да умомъ не достанетъ.

Смыслъ (толкъ) не селянка: ложкой не расхлебаешь.

Умъ да умецъ, да третій дубецъ (т. е., поучить, да посьчь, такъ поумнѣеть).

Умъ съ умомъ сходилися, дураками расходилися.

Съ умомъ задумано, да безъ ума сдѣлано.

Съ умомъ — подумаемъ, а безъ ума — сдѣлаемъ.

Пуškai умъ напередъ: отстанеть, не догонить (т. е., думай напередъ дѣла, а не послѣ).

Умень, да не разумень. Умъ безъ разума — бѣда.

Умъ разумомъ крѣпокъ (красень). Умъ за разумомъ не ходить.

Разумъ не велить — ума не спрашивайся!

Умъ разуму — не укоръ (не указъ?). Умъ разуму подспорье.

Умъ доводитъ до безумья, разумъ до раздумья.

Умъ за разумъ заходить. У него умъ за разумъ зашелъ.

Гдѣ ума не хватить, спроси разума!

Смѣшай, Господь, умъ съ разумомъ!

Дуракъ самъ скажется. Дураку только волю дай — скажется.

Рыба отъ головы тухнетъ (а дуракъ отъ ума).

Дураки о добычѣ спорять, а умные ее дѣляютъ.

Даль дураку яичко: что покатишь, то и разбьешь.

Заставь дурака Богу молиться, онъ и лобъ разобьетъ (расшибетъ).

Умомъ обносился, ни съ кѣмъ не спросился.

На дурака и мухи садятся. На дурака и муха падка.

Глупый ищетъ мѣста, а разумнаго и въ углу видно.

Умною спеси не бываетъ. Съ умомъ носу не подынешь.

Порожній колось выше стоитъ. Порожній мѣхъ надувается.

Не дай, Богъ, съ дуракомъ связаться.

Не ума набратся, съ дуракомъ связаться (подратся).

Съ умнымъ браниться — ума набратся; съ дуракомъ мириться (дружиться) — свой растерять.

Вставь бѣда, не лягъ: замѣшался дуракъ.

Дураку вѣчная память. Слѣпому да глупому вѣчная память.

Мертвому, вѣчная память; дураку, со святыми упокой.

Бываетъ и простота хуже воровства.

Мужикъ простой, какъ кисель густой.

Съ дуракомъ говорить — въ стѣну молотить (солону молотить).

Съ дуракомъ говорить, что въ стѣну горохъ лѣпить.

Дурака пошлешь, а за нимъ и самъ пойдешь.
 Съ дуракомъ связаться — вѣчная память.
 Съ дуракомъ дружись, а обухъ за поясомъ держи!
 Съ дуракомъ пива (каши) не сварись.
 Съ дуракомъ пива не сварись; а и сварись, такъ не разопьешь.
 Съ дуракомъ пиво варить (т. е., складчиною) — отъ солоду отказаться.
 Съ дуракомъ — ни поплакать, ни посмѣяться.
 Глупый (худой) попъ свѣнчаетъ, умному (хорошему) не развѣнчать.
 Одинъ дуракъ, а умныхъ пятерыхъ ссорить.
 Дуракъ въ воду камень закинетъ, десятеро умныхъ не вытащатъ.
 Дуракъ закинетъ, а умный доставай.
 Однимъ камнемъ много горшковъ перебьешь.
 Дуракъ завяжетъ — и умный не развяжетъ.
 Лѣвиваго доплюсь, сонливаго добужусь, а съ дуракомъ ничѣмъ
 не развяжусь (а съ дуракомъ не совладю).
 Въ ворѣ, что въ морѣ, а въ дуракѣ, что въ прѣсномъ молокѣ.
 Путь на закваскѣ (испечень), а дуракъ на прѣсной водичкѣ.
 Дай, Богъ, съ умнымъ найти и потерять!
 Не дай, Богъ, съ дуракомъ ни найти, ни потерять!
 Съ глупымъ и найдешь — не раздѣлишь.
 Лучше съ умнымъ потерять, чѣмъ съ глупымъ найти.
 Лучше съ умнымъ въ аду, чѣмъ съ глупымъ въ раю.
 Дай, Богъ, недруга, да умнаго; а друга, да дуракъ — наплачешься
 съ нимъ.
 Съ пьянымъ подъ ручку — хмельнымъ назовутъ, а съ глупымъ
 въ рѣчи — дуракомъ почтутъ.
 Дуракъ, кто съ дуракомъ свяжется.
 Отъ чорта крестомъ, отъ медвѣдя пестомъ, а отъ дурака — ничѣмъ.
 Съ умнымъ сочтешься, а дурню — хоть подари, да прогони!
 Отъ дурака, хоть полу отрѣжь, да уйди!
 Дай шальному дорѣгу! Дай дураку просторъ!
 Дураку, что большому чину, вездѣ просторъ (вездѣ дорѣга).
 Отъ дурака, плюнь, да отойди!

Ни на мѣру, ни на вѣсъ, а у всѣхъ людей есть (Умъ).

Чѣмъ напередъ ходимъ? (Думой).

Когда дуракъ уменъ бываетъ? (Когда молчать).

Память — Поминъ.

Будешь во времени — и насъ вспомнни!

Дай, Богъ, сказать, да не солгать! Дай, Богъ, память!

И старикамъ не въ память. До отцовскихъ памятей (давно).

Давно — не причина (не оправданіе). Тѣмъ не правъ, что давно.

Память въ темени, мысль во лбу, а хотѣніе въ сердцѣ.

Ломать голову. Надорвать память.

Такъ вотъ на умѣ и вертится. Въ головѣ (на памяти) захлеснуло.

Вотъ былъ на памяти, да выскочилъ.

Не будь грамотенъ, будь памятенъ!

Не будь торопливъ, будь памятливъ!

Чортовы грабли! (сказалъ семинаристъ, когда наступилъ на нихъ, и онѣ его ударили по лбу; а то и не зналъ, какъ ихъ по Русски назвать).

И не грамотенъ, да памятенъ. И безтолковъ, да памятливъ.

Тридцать лѣтъ, какъ видѣлъ коровій слѣдъ, а молокомъ отрыгается.

Ему еще по лѣтошнему молоку вздрагивается.

По старой памяти, что по грамотѣ.

Онъ помнитъ еще царя Гороха (царя Мамаю и всю кротость его).

Намотай себѣ это на усь! Намотай на усь кольцомъ!

Надо бы ему зады напомнить (я.и.: протвердить).

Засѣки (заруби) на бирку (на носъ).

Это надо въ трубѣ мѣлкомъ (уголькомъ) записать.

Пиши на водѣ, на пескѣ и пр.

Считать на умахъ (т. е., на память, не по счетамъ и не на бумагѣ).

Живъ буду — не забуду. До вѣку помнитъ стану.

Раскинуть умомъ-разумомъ.

Помни своихъ, не забывай нашихъ!

Добро помни, а зло забывай! Дружбу помни, а злобу забывай!
Кто старое вспоманеть, тому глазъ вонъ. (

Тому тяжело, кто помнить зло.

Не поминай лихо, а добромъ — какъ хочешы!

Всѣ бѣсы въ воду — и пузыри вверхъ.

О волкъ помолвка, а волкъ и тутъ.

Не тѣмъ будь помянуть (говоря о комъ недобро).

Кто вспоминаеть (когда иинетса)? Свинка за угломъ.

Брюхо — злодѣи: стараго добра не помнить.

И отца мать забудешъ, а ѣсть не позабудешъ.

Тюхъ-тюрюхъ тюрюрюшеньки, а гдѣ-то теперь мои душеньки?

Кто ѣсть и читаетъ, память зачитаетъ.

Дали память, что до новыхъ вѣнниковъ не забудетъ.

Не запомнить свинѣ полѣна: не забыть ей, гдѣ поѣла (не запо-
нить, здѣсь, не забыть).

Отбить кому память. Ему послѣднюю память отшибло.

Сшибся съ памяти. Съ толковъ сбился.

Память намозолилъ, все перезабылъ.

Иванъ непомнящій (родства и родины, т. е., бродяга).

Забылъ, что женился, да и пошелъ спать на сѣнникъ.

И того не помню, какъ крестился; а какъ родился, совсѣмъ забылъ.

И то забыли, что вчерась говорили.

Безпамятливъ, что кукушка. Куриная память.

У него дѣвичья (женская) память.

Дѣвичья память, да дѣвичій стыдъ — до порога (перестушила —
и забыла).

У меня (у него) голова, что рѣшето.

Хоть лобъ взрѣшь, ничего не помню.

Что ни лучший пирогъ въ печи забыла.

Чего не воротить, про то лучше забыть.

Лихо избудешъ, всю кручину забудешъ.

И крута гора, да забывчива (и лиха бѣда, да сбывчива).

Толкъ — безтоlochъ.

Перекрестись, да выпись!

Макару поклонъ, а Макарь на семь сторонъ.

Началъ духомъ, а кончилъ брюхомъ (Галат. III. 3).

Въ бѣдѣ сидитъ, а бѣду курить.

Зачалъ за здравіе, а свель за упокой.

По церковному зацѣлъ, да на плясовую свель.

Панихиду пѣли, а кутьи не ѣли.

Не до обѣдни, коли много бредней (искажена: коли много обряд-
ни, хлопотъ, стряпни по хозяйству, какъ видно изъ слѣд.):

Либо обрядню водить (быть хозяйкою), либо къ обѣднѣ ходить.

Давидъ молится да плачетъ, а Саулъ веселится и скачетъ.

Холоду не любить, а въ жару не спать.

И жарко, и зябко, и холодно, и парко, и костоломно.

Когда ржи немного, толки пшеницу, да неки паленицу!

Ѣшь пироги, а хлѣбъ впередъ береги! (Безтоlochъ мнимая: проживай
такъ, чтобы всегда про нужду оставалось).

Ѣхалъ не путемъ, погонялъ не кнутомъ.

Ѣхалъ не путемъ, погонялъ кулакомъ; куда ни поѣдетъ, семи
верстъ не доѣдетъ.

Ни въ дышло, ни въ оглоблю. Ни въ корень, ни въ пристяжку.

Ѣхалъ къ Омѣ, а заѢхалъ къ кумѣ.

Ѣхалъ въ Казань, а заѢхалъ въ Рязань.

Ты ему ложки, а онъ тебѣ плошки.

Одна вралà, другая не разобралà, третья по своему переврала.

Ты на безменъ, а онъ съ аршиномъ.

Ты ближе къ дѣлу — а онъ про козу бѣлу.

Ты ему вдоль, а онъ поперегъ.

Растилай ему вдоль, а онъ мѣряетъ поперегъ.

Что больше натягивать, то скорѣе лопнетъ.

Съ концевъ обрѣзалъ, а въ середкѣ ничего не оставилъ.

Съ концовъ зубами натянулъ, въ середкѣ лопнуло.

Блюпка банюшку топила, вопка парилася, съ полкѣ ударилася.
Кошка въ лукошкѣ ширинки шьетъ, котъ на печи сухари толчетъ.
Ѣхалъ лѣтникомъ, а своротилъ на зимникъ.

Ѣхалъ дорогою, да верть цѣликомъ
Саней нѣтъ, впрячи нечего, Ѣхать некуда — да поѣдемъ.

Поѣхали съ орѣхами, пріѣдутъ ни съ чѣмъ.

Ѣхала кума, да не вѣдомо куда. Поѣхалъ въ Крымъ по капусту.

Уклонися отъ зла, да купи козла!

Зимой съ бороной, а лѣтомъ въ извозѣ.

Горой — водой, лѣсомъ — парусомъ.

Толки воду, до мелкой пыли! Толки воду, чтобъ пыль шла!

Воду толчешь? «Толку». А пыль идегъ? «Нѣтъ». Толки еще!

На ступѣ струнѣ (шерстобитной) не перебивай!

Донтъ шибко, да молоко жидко.

Ударить въ бобра — не видать добра.

Ударила погодка — началась молотьба.

Онъ пишетъ черезъ Югъ на Маткому (т. е., околицей, рѣка Югъ
Черепов., Маткома Пошехон. уѣзд.).

Ни везеть, ни ѣдетъ. Ни мычить, ни телится.

Ни начѣла, ни конца, ходи какъ вокругъ кольца.

Ни ползеть, ни лѣзеть, ни вонъ нейдеть.

Ни то, ни сѣ. Ни туда, ни сюда. Ни взадъ, ни впередъ. Ни вопъ,
ни въ избу. Ни идеть, ни ѣдетъ. Идеть не идеть, ѣдетъ не ѣдетъ.

Ни изъ короба, ни въ коробъ. Въ коробъ не лѣзеть, изъ короба
нейдеть, и короба не отдаеть.

Ни санѣ, ни манѣ нѣтъ (т. е., ничего, вѣроятно съ Татарскаго: ня тебѣ,
ни мѣ. Каз.).

Одинъ про Оому, другой про Ерему.

• Не грози, Кузьма, не дрожить корчма.

Болишь бокъ девятый годъ, не знаю которо мѣсто. Богъ мой,
Богъ, болишь мой бокъ девятый и пр.

Дома ль хозяйнѣ? Собака дома, а хозяйнѣ привязанъ.

Тѣнти-брѣнти — коза въ лѣтѣ.

Ставь на лавку, да въ полъ головой.

Пеки блины! «Рада бѣ пекла, да нѣтъ муки». Ну, нѣтъ муки такъ и такъ пеки.

Догадливъ крестьянинъ — на печи избу поставилъ.

Сбится съ пахвы, съ пантельку, съ толку.

Очертя голову. Сбухты барахты. Торчмя головой.

Поеть куролесу (Греч. Господи помилуй), а несетъ аллилуйю.

Шиворотъ на выворотъ, вонъ на тараты.

Пореть горячку; понесъ, закусилъ удила.

Мечется, что угорѣлая кошка.

Бьетъ не по дѣлу, учитъ не уму.

Пошла стряпня, рукава стряхня.

Мужъ куеть, жена дуеть, — что-то будетъ.

Самъ куеть, жена дуеть, да Богъ вѣсть, что будетъ.

Шипить да дуеть — что-то будетъ.

Не ставь наши сѣти булдыремъ (ставь высокими теремомъ)!

Не торопись ткать, посмотри въ бердо!

Безтолково село, такъ не по что въ него.

Куда торопишься? Все одно тебѣ здѣсь нечего дѣлать — послани!

Заведи сперва хлѣвину, а тамъ и животину!

Когда рожь, тогда и мѣра.

Не надѣйся на счастье: не купи коня хромаго!

Не все лови, что плыветь! Не все уди, что кляють!

Не купи на сто, купи на статы!

По дѣлу и совѣтъ держать.

Дикая собака на вѣтеръ лаетъ. Вольно собакѣ и на владыку брехать.

Хлопотъ полонъ ротъ. Съ сука на сукъ (т. е., прыгаетъ), а все недосугъ.

Какъ куры бродять. Какъ слѣпень спуетъ.

Скачетъ просвирия за церковью: людямъ не видно, мнѣ Богу въ честь.

Скачетъ баба задомъ и передомъ, а дѣло идетъ своимъ чередомъ.

Стой, не бѣжи: укажи рубежи! Стой не бѣги, подай мнѣ пироги!

Не смѣйся, нѣги-тѣ свѣся; подожми, да и говори (да и подожди)!

Это не резонъ: изъ гвардіи, да въ гарнизонъ.

Не о томъ рѣчь, что виноватаго съчь, а о томъ, что гдѣ онъ?

Не про то говорятъ, что много ѣдятъ, а про то, что мякишь съѣли, да куда корочку дѣли?

Не про то говорятъ, что много ѣдятъ, а про то, куда крошки (обѣдки) дѣвають

Не про то говорятъ, что съѣли, а про то, что куда дѣвали, чего не доѣли.

Не о томъ, что много въ печь, а о томъ, куда изъ печи идетъ.

Не въ томъ сила, что кобыла сива, а въ томъ, что не везетъ.

Не въ томъ дѣло, что овца волка съѣла, а въ томъ дѣло, какъ она его ѣла.

А дѣло бывало: и коза волка съѣдала.

Рано (невѣстка) встала, да мало напярла.

Рано всталось, да мало наткалось.

Рано запрягши, да поздно поѣхалъ.

Рано осѣдлали, да поздно поскакали.

Толкъу вѣкъ — а толку нѣтъ. Вѣкъ мелемъ, а посыпать не умѣемъ.

Доступали, что города, а избывають, что вѣрога.

Кучился, мучился, а упросилъ, такъ и бросилъ.

Пошло дѣло на ладъ, и самъ ему не радъ.

Пошло дѣло на ладъ: словно одинъ держитъ, другой не пускаетъ.

Дѣло не богато, да сдѣлано рогато. Не порато богато, да рогато.

Глазами гусей паси, голосомъ пѣсни пой, рунами пряжу пряди, ногами дитя качай (говорить, въ пѣснѣ, вышедшая изъ Татарскаго полону женка).

Одно дѣло дѣлай, а другаго не порть!

Одно дѣло дѣлай, а отъ другаго не бѣгай!

Дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай!

На дѣло (на службу) не напрашивайся, и отъ дѣла (отъ службы) не отирашивайся.

Кто ѣдетъ, тотъ не стойтъ; а кто стойтъ — не ѣдетъ.

Торчитъ себѣ, что торчокъ. Какъ торчило торчить.

И самъ тонеть, и другихъ топить.
 Я и такъ, я и эдакъ, а онъ ни такъ, ни сякъ.
 Воду варить — вода и будетъ. Воду толочь — вода и будетъ.
 Что не варится, того и въ горшокъ не кладуть.
 Мѣху урѣзать, да мѣхъ же и платить.
 Свой носъ рѣзать — свое лицо безчестить.
 Шапку выигралъ, а кафтанъ проигралъ (изъ анекд.).
 Подъ лѣсомъ видишь, а подъ носомъ нѣтъ.
 Два только глаза, да и тѣ за носомъ.
 Летаетъ хорошо, а садиться не умѣетъ.
 Хорошо летаешь, да гдѣ-то сядешь.
 Воровъ въ лѣсу сторожили, а они изъ дому выносили.
 Въ избѣ стережетъ, а въ клѣти не вѣдаетъ.
 Запретъ калачемъ, запечатаемъ пряникомъ.
 Тащи корову на баню, травы много (изъ прибаски о Помехенцахъ).
 Прорубь высокая, такъ конямъ ноги подрубилъ (чтобъ напоятъ).
 Изъ колодца выкинуло, соломой затушили.
 Три коровушки есть, отелятся — будетъ шесть.
 Деревня велика, да доходу нѣтъ.
 Худо сѣно — половина травы. Много травы, да мало сѣна.
 Что за сѣно — одна сухая трава.
 Невидаль, — корову купилъ: будетъ ли на лѣто трава?
 Щеголь-собака: что ни годъ, то рубаха; а портамъ и смѣны нѣтъ.
 Корми съ осени коровъ сытнѣе, весна будетъ прибыльнѣе.
 Когда на охоту (въ поле) ѣхать, тогда и собакъ кормить.
 Когда коней сѣдлать, тогда овсянку заваривать.
 Не торопись ѣхать, торопись кормить.
 Не кони везутъ, овесъ везеть. Не лошади, а кормъ везеть.
 Не вымемъ донть корова, а рыломъ (т. е., кормомъ).
 За каждую выть, да руки мыть (выть — пора ѣды).
 Не ощипывайся, дома отряхнешься.
 Аршинъ на кафтанъ, да два на заплаты.
 Идетъ, мимо кровати, спать на подати.

Узда дороже лошади. Прошва дороже товару.

Алтынная кошка полтинную часть тянетъ.

За семь версть киселя ѣсть. За море по еловы шишки.

Изъ пушки да по воробьямъ. По горностайкѣ съ облавою.

За мухой—не съ обухомъ, за комаромъ—не съ кнотомъ (съ топоромъ).

За мухой не угоняешься съ обухомъ.

Не въ коня кормъ тратить (травить).

День вноходить, а два со двора не слодить (о щегольской лошади, негодной въ работу).

День мечется, другой бѣсится, третій на карачкахъ лазить.

Изъ бани илеть чешется, а изъ кабака не шатается.

По утру нѣжится, а по вечерамъ бѣсится.

Въ домѣ ворочаетъ, какъ лукавый въ болотѣ.

Меньше строй, да чаще крой! Сверху крой—съ боку не потечеть.

Застроенъ теремъ, да не достало бревенъ.

Есть на чемъ ѣхать, да нечего ѣсть (да некуда).

Молебень пѣтъ, а пользы нѣтъ.

Семеро воротъ, да всѣ въ огородъ.

И отливали, и отдували, и на полокъ клали — а легче нѣтъ.

Къ зяблomu лицу да снѣгъ подсынаешь.

Мерзлой рожѣ да мятель въ глаза.

Не тѣмъ моются, чѣмъ мараются.

Огонь масломъ не тушатъ. Не съ огнемъ къ пожару соваться.

Что мнѣ прясть, коли готоваго страсть?

Не пхай, что само катится.

Не подбивай клинъ, подъ овсяный блинъ: поджарится, самъ свалится.

За чѣмъ мягко стлать, коли не съ кѣмъ спать?

Начто траву сѣять, коли сама растеть (отвѣтъ мужиковъ)?

Не въ лѣсъ гонять, а изъ лѣсу.

Сколько воду ни пить, а пьяну не быть.

Отъ дождя да въ воду. Отъ воды не въ огонь.

Отъ дождя не въ воду; отъ огня не въ поломя.

Изъ огня да въ поломя.

Утопшій пить не просить.

Спроси у вѣтра совѣта, не будетъ ли отвѣта?

Пускай голосъ по вѣтру: хоть толку нѣтъ, нивъ далече унесетъ.

Голова у ногъ ума не просить. За совѣтомъ — не въ рынокъ идти.

Хлѣбъ за брюхомъ не ходить. Ясли къ лошади не ходятъ.

Рѣшетомъ въ водѣ звѣздъ ловить.

Лѣсомъ шелъ, а дровъ не видалъ. Въ Римѣ былъ, а Папы не видалъ.

Въ кунсткамерѣ былъ, а слона не видалъ (не замѣтилъ).

По избѣ ходить, а дверей не найдеть.

Иза лѣса стоячаго не видать лѣсу лежачаго.

Съ малинника лыки не велики, да ягоды сладки; а съ калинника лыкъ надерешь, да ягоду въ ротъ не возьмешь.

Иглою дороги не мѣряютъ.

Мѣряла старуха клюкой, да и махнула рукой (о разстояніи).

Сѣялъ — не сѣялъ, ѣлъ — не считалъ.

Не было у бабы пилу, такъ купила шелудивое поросю.

Не знала баба гора, купила (родила) баба поросю.

Купилъ лихо за свои деньги (гроши).

Копилъ, копилъ, да бѣду и кушилъ (да чорта и кушилъ).

Денегъ накопилъ, да дури накупилъ (да чорта и кушилъ).

Давно занялъ грошъ на перевозъ, да некуда ѣхать.

Не учишь пиво варить, учишь солодъ растить!

Не учишь пиво пить, учишь деньги копить!

Горевать, во что пиво сливать: ни посудинки, ни браги.

Деньги дѣвать некуда, кошелекъ купить не на что.

Чортъ стригъ свинью — визгу много, а шерсти нѣтъ.

Худое колесо больше (пуще) скрипитъ.

Шелудиваго брить — не лучше ль опалить?

Здравствуй, плѣшивый, — не прицали волосъ!

Чѣмъ срывать кочку, лучше объѣхать.

Безтолковаго учить — только трудить.

Ему не втемяшешь этого въ голову. Ему въ башку ~~дротъ~~ ^{дротъ} не вдолбишь (и клиномъ не вобьешь).

Аль тебѣ въ лѣсу лѣсу мало? Аль въ людяхъ людей нѣтъ?
 Въ лѣсу дровъ не нашель. Изза лѣсу дерева не видятъ.
 Ходить, какъ въ лѣсу (т. е., не опознаётся).
 Ходить, какъ пальцы растерявши.
 Въ водѣ по горло, а пить просить. Стоить у воды, а пить просить.
 По хлѣбу ходить, а хлѣба нѣтъ. По хлѣбу ходить, да хлѣба не
 ѣсть (т. е., коия кому довѣренъ надзоръ).
 Просятъ осетръ дождя, въ Волгѣ лежа.
 Въ лѣсу дровъ не возятъ, въ колодезь воды не льютъ.
 Рукавицъ ищеть, а двои за поясомъ.
 У нашего у Фали рукавицы снали.
 Читаетъ книгу, а видитъ фигу.
 Въ воскресенье ореть, а въ понедѣльникъ кобылы ищеть.
 Безъ склада по складамъ, безъ толку по толкамъ.
 Изъ пожаръ квартиръ не разводять.
 Перегоняетъ съ мѣста на мѣсто, какъ лѣшій звѣря.
 Нѣ почто тутъ съ ножемъ, гдѣ топоръ заложень.
 Послѣ скобеля топоромъ, послѣ полотенчика онучей.
 Ышь съ голоду, а любви смолоду.
 Отъ добра худа (добра) не ищутъ.
 Много нѣту, да мало проку. Много толковъ, да мало толку.
 Много шуму (крику), мало проку (толку).
 Стой, баталіонъ—пуговку нашель! Маршъ, маршъ—безъ ушка!
 Всѣ люди на коняхъ, а конный нѣтъ.
 Всѣ люди, какъ люди, одинъ чортъ въ колпакѣ.
 Добро того бить, кто плачетъ, а учить, кто слушаетъ.
 Пронялъ, какъ плетью по водѣ.
 Ни пьянаго молтва, ни голоднаго постъ.
 Нѣмочу рѣчь, нагому гулянье, голодному гусельки.
 Кой день прошель, тотъ до насъ дошелъ.
 Ни глазъ подъ бровями, ни ушей за висками, ни языка за щеками.
 Не столько намолотилъ, сколько цѣпомъ голову наколотилъ.
 До того ль намъ было (бабажъ, на пожарѣ): а мы, подхвативъ жи-
 воты, да ну выть.

Соваться (метаться) во всё углы.

Пришла кума, такъ сядь; а почто пришла? «Да такъ.»

Челомъ кумѣ: сядь; почто пришла? «Такъ.»

Не мѣшай грибамъ цвѣсти! Не сгоняй щуку съ лица!

Спасибо на паркѹ, не бывши на полкѹ.

Челомъ, а невѣдомо о чемъ.

Всякое брашно гортань разсудить.

Зубы разжуютъ, языкъ разберетъ.

Который часть ударить, тотъ и сосчитаемъ.

Сколько ударить, то и сочтемъ.

Оомка не помѣха, и при немъ споемъ.

Словъ добро къ слову, а ладья — къ перевозу.

Пѣра: куликъ да гагара. Пѣрочка: свинья да ярочка.

Всякому встрѣчному и поперечному.

И глядѣтъ тошно. И не глядѣтъ бы. Инно одурь беретъ. Плюнь да отойди!

Всѣ люди, какъ люди, а мы — какъ мыслѣте.

Знаешь ты съ рѣдкой десять (Тажб. т. е., ничего не смыслитъ).

Не смыслить ни бельмеса, а суется бѣсомъ.

Не смыслить Вавила ни уха, ни рыла.

Парень-то горовать, да дѣла не зна'тъ.

Не по разуму рвеніе. Охота смертная, да участь горькая.

Пятое колесо въ телегѣ (переводная).

Не къ рожѣ румяна; не къ рукамъ пироги.

Переливать изъ пустаго въ порожнее. Меледу мелодить.

Въ рѣшетѣ воду носить. Воду толочь. Стрмить водотолчу.

Бедрами вѣтра не смѣряешь. Солнышка въ мѣшокъ не поймаешь.

Мрежею души не ловятъ.

Какъ въ грязь кинулъ. Какъ въ воду утопилъ. Какъ въ яму бросилъ.

На яму не напасешься хламу.

Какъ псу (жервину) подѣ хвостъ (бѣвъ пользы). Какъ въ бездонную кадку.

Не подѣ тотъ уголь клинъ колотишь.

Воду варить, вода и будетъ. Отъ воды навару не будетъ.

Чего не варить, того непонятно въ горшокъ класть.

На кукушкннхъ яйцахъ не высидишь цыплятъ.

Молоть вздоръ. Городить чуху, ченуку.

Ни складу, ни ладу, ни толку. Ни ладовъ, ни толковъ.

Хлопать глазами. Хлопать ушами.

Межь глазъ носъ пропалъ. Межь глазъ деревня сгорѣла.

Одинъ мутить, другой ирѣснководить (верховодить).

Дѣло толковано, что сивая подкована; надобно толковать, какъ бы карую подковать.

Не по горю плачуть, отъ горя.

Бай, бай, да и молви. Города, города, да выгораживай.

Дѣло толкомъ красно.

Говори все: и канова собою трава, и на что пригодна.

Толкъ-этъ есть, да не втолканъ весь.

Знаетъ толкъ, какъ слѣпой знаетъ бѣлое молоко, пощупавъ гуся. (Вожатый похвалился, что похлебалъ молока; а какое оно, спросилъ слѣпой: «Сладкое, да бѣлое.» А что такое бѣлое? «Какъ гусь.» А что такое гусь? Вожатый согнулъ руку костью: «Вотъ такой». Слѣпой ощупалъ и понялъ, что такое молоко).

Безтолковъ да памятливъ.

Жди толку, положи зубы на волку!

Добрый песь на вѣтеръ не лаеъ.

Стрѣлять на вѣтеръ. Стрѣлять холостыми зарядами.

Луканька (бѣсъ) хвостомъ покрылъ (когда ищешь вещь, а она переть тобой).

Кто раньше всталъ, да палку взялъ, тотъ и капралъ.

Не умѣешь шить, такъ не пери! Ни шьеть, ни пореть.

Шей да пори: не будетъ глухой поры.

«Окуля, что шьешь не отгуля?» А я, матушка, еще пороть буду.

Широко растопыривъ, да вверхъ не поднйялъ.

Высоко поднйялъ, да снизу не подперъ.

Пошелъ черныхъ кобелей на бѣле перемывать.

Пошелъ на собакахъ шерсть бить.

Сколько ни мой гагару (баклана), бѣлѣе не будетъ.

Орломъ комара не травятъ. Мышь зародомъ не задавишь.

На комара съ рогатиной. На комара съ кистенемъ; на таракана съ рогатиной.

За свинкой не съ ширинкой. За свинкой не находишься съ ширинкой (утирая ей рыло).

Корми пѣтуха сѣномъ. Шупааетъ пѣтуха, не будетъ ли яйца.

Еще не родилось, а ужъ окрестилось.

Попалась ворона въ сѣть: попытаюсь, не станетъ ли пѣть.

Знаютъ всѣ, что кутью варятъ изъ гречихи.

Выше клотика не лазить (флотск.).

Вздоръ на вздоръ помножь, чепухой подложь, и выйдеть ералашъ.

Съ нимъ не сварись пива; а сварись — не разошьешь.

Жилъ нѣ жилъ, былъ не былъ.

Съ нимъ по Русски не стоворишь.

Ряжено промежкомъ, сойдено посмѣшкой.

И мято, и жато, да ничего не добыто.

Разверстали, да на прежнемъ и стали.

Ворочаетъ, какъ чортъ въ болотѣ. Ломаеть дѣло, какъ лутошку.

Пошло, какъ кривое колесо.

Съ промыслу, да на лѣтнемъ ходу.

Скачемъ по пеньямъ, по кореньямъ (безъ толку).

Какъ черезъ пень колоду валить. Черезъ пень, черезъ колоду.

По мхамъ, по борамъ. По мхамъ, по болотамъ.

По мхамъ, по пнямъ, по кочкамъ, по болотамъ.

Во снѣ Бога молить (говорить вздоръ).

Ты ему самъ-семъ, а онъ тебѣ: самъ съѣмъ.

Въ углу палка стоитъ, оттого на дворѣ дождь идетъ (переводн.).

Ты какъ бы ближе къ дѣлу, а онъ — про козу бѣлу.

Толкуй, что откуль. Толкуй, да напередъ самъ разжуй!

Вяжи да путай, верти да кутай, мотай, да плутай!

Мужъ съ огнемъ, жена съ водою.

Пиши, записывай, набѣло переписывай!

Я про сапоги, а онъ про пироги. Кто шьетъ, а кто пореть.

Пустилъ козла въ огородъ. Какъ волка въ хлѣвъ пустить.

Я говорю про Ивана, а ты про болвана.

Ему говори про попа, а онъ про Емелю дурака.

Я говорю про попа, ты про попадью, а онъ про попову дочку.

У насъ съ нимъ полтора разговора (всякъ свое несеть).

Рушай варѣно, да слушай говорѣно.

Про глухаго попа — не разбить колокола.

Стряпали про попа, а съѣлъ кто почалъ.

Мы Греки, цесны целовѣки, купили рыбы для мы, а онъ съѣлъ
для я (дразнать Грековъ).

Стали было къ вечернѣ звонить, да попадьа не велить.

Не поглядѣвъ въ святцы, да бухъ въ колоколъ.

Не поглядѣвъ въ святцы, да въ большой колоколъ.

По ненастью лыко драгъ, по ведру лапти шлепъ.

Сѣи хоть въ ненастье, да убирай въ ведро!

Дѣло по дѣлу, а судъ по формѣ.

Въ подрукавныхъ рукавицахъ за кодолъ не берись!

Не насгѣдишь по черностоу, а по порошѣ.

Не загачивай, промолачивай (т. е., не валя безъ толку)!

Живемъ въ лѣсу, а дрова съ вѣсу.

Въ приданомъ печь тошить, а въ своемъ въ церковь ходить.

Вымѣнялъ слѣпой у глухаго зеркало на тусли.

Вымѣнялъ кукушку на ястреба.

Наѣлась собака травы, да не надолго (вырвало).

Тѣмъ не подспоришь, что пожиже растворишь (на замѣсъ больше
пойдетъ).

Подъ гору вскачь, а въ гору — хоть плачь.

Ты его на берегъ, а онъ въ воду. Просится на берегъ, а лѣзеть
въ воду.

На льду не строятся. Ледяныя хоромы въ сказкахъ.

Не для лѣта изба рубится, для зимы.

Не ѿзо рту неси, а въ ротъ!
 Ему разжуй, принеси, да и въ ротъ положи.
 Про одни дрожди посылай трожды.
 Толкуй, Фетинья Савишна, про ботвинью давишню.
 И глядять, да не видять.
 Что слѣпой по пряслу ходить (бродить).
 Слѣпой зрячаго ведеть (а зрячій ни стоять, ни идеть).
 Слѣпой куриць все пшеница. Слѣпому Емелѣ все копейки.
 Слѣпой слѣпому не укащикъ. Слѣпой зрячему не укащикъ.
 Слѣпецъ слѣнца водить — оба ни зги не видять.
 Два Деида, да оба не видять.
 Слѣпому давай дугу написаную.
 Нѣмой караулъ закричалъ, безногій на пожаръ побѣжалъ.
 Толкуй больной съ подлѣкаремъ.
 Толкуй Макарь съ пьяной бабой, а больной съ подлѣкаремъ.
 Толкуй про сосновый, а еловый крѣпче. (Въ нижег. губ. за Волгою, ель прочіе сосны).
 Ты ему про дубовый, а онъ свое: осиновый крѣпче.
 Толкуй съ глухимъ хоть до завтра!
 Глухому крикни, а онъ говорить: обѣдни.
 Глухаго бранять, а онъ говорить: къ обѣднѣ звонять.
 Не то корова рычить, не то въ животѣ бурчить.
 Съ бороной по воду повѣхалъ, а цѣпомъ рыбу удить.
 Топоръ обуваетъ, топорищемъ подпоясывается.
 Суетливъ больно: обувшись парится.
 Одна нога въ лапть, другая въ сапогѣ. Одна нога обута, другая разута; а кабы третья была — не знаю, какъ бы пошла.
 На праву руку, на лѣву сторону. На правый бокъ, на лѣву сторону.
 Засупонь (зануздай) кобылу подъ хвостомъ!
 По чаркѣ говядины, по фунту вина (Солдатека).
 Стопу денегъ, да рѣшето вина. Рѣшето вина и вязанку денегъ.
 Который часъ? Ячный квасъ. Сколько минутъ? И кошникъ тутъ.
 Который часъ? Первый послѣ давишняго.

Сколько (часовъ) было? Одинъ былъ, два держилъ (отвѣчалъ Пивецъ, котораго наказали).

Здравствуй, сваты! «Да по дрова поѣхалъ».

Что везешь? «Сѣно». Какое сѣно, вѣдь это дрова? «А коли видишь, такъ что спрашиваешь?»

Здорова кума! «Да на рынкѣ была». Не какъ глуха? «Купила нѣтуха (потроха)». Прощай кума! «Пять алтынъ дала».

Оедулъ, что губы надулъ? «Да кафтанъ прожогъ». Зачинить можно. «Да иглы нѣтъ». А велика дыра? «Да одинъ воротъ остался.»

Пѣлы коротаетъ, да плеча латаетъ.

Можно поправить, да будетъ хуже.

Чулки новы, а пятки голы.

Помочь не устать, такъ надо дѣло знать.

Не козырай подъ ясли, не убьешь масти.

Ни въ сукъ, ни въ пень (въ корень).

Ни въ бокъ, ни въ жохъ, ни въ плѣцку (отъ конанья, въ шрѣ въ бабки).

Въ анбаръ, по муку; а онъ: въ баню, по клюку.

Ему о дѣлѣ, а онъ: приходи на недѣлѣ.

Спрашиваютъ китайки, а разбираютъ кумачи (т. е., покупатели).

Въ зубъ рубить, а въ замокъ пригонять (шлотникъ).

Кто въ лѣсъ, кто по дрова; кто рубль, кто полтора.

Кто кричитъ аманъ, а кто атланъ (т. е., кто сдается, пощады проситъ, а кто на конь садится)

Одинъ ура кричитъ, другой караулъ.

• Сѣдай порты, надѣвай коня!

Тошчется на одномъ мѣстѣ, какъ тетеревъ на току.

Ну-ну! а самъ ни съ мѣста. Стоючи на мѣстѣ, ночь вронукати.

Какъ на Польскомъ сеймѣ (шумъ и безтолочь).

Гдѣ двѣ бабы, тамъ суёмъ (сеймъ? или отъ со-пнаться, схватиться, сватка?); гдѣ три, тамъ содомъ.

Двое плѣшивыхъ за гребень дерутся.

У мертвыхъ пчелъ веду захотѣлъ.

Въ раменье (червоульсье) по сосновыя шишки.

Зайца на барабанъ не выманишь.

Маланьины сборы, (или: счеты, т. е., безтоловые).

Я влѣзъ, и онъ въ лѣсъ; я завязъ, и онъ за вязъ (игра словъ: влѣзъ и въ лѣсъ, завязъ — засѣлъ, и за вязъ — дерево вязъ).

Такъ-то такъ, да вонъ-то какъ? (спросилъ мужикъ, изладивъ борону въ избѣ, и увидавъ, что она въ дверь не лѣзеть).

Пошелъ козелъ по лыки, коза по орѣхи (т. е., ни толку, ни ладу, ни конца дѣлу).

Гдѣ шатался?—На базарѣ, все про Француза слушала! — Что жъ?— Да далече стоялъ, не слышать было (1812 г.).

Ходилъ за дѣломъ, а пришелъ съ бездѣльемъ.

Ходилъ (ѣздилъ) ни пѣчоты, принесъ (привезъ) ничего.

Пошелъ завтра, пришелъ вчера.

Какъ кольишка въ прорубѣ болтается (о человѣкѣ праздношъ).

Искать вчерашняго дня. Вчерашняго дня ищеть, а онъ ушетъ.

Заруби деревомъ на желѣзѣ! Помѣть на ногтѣ!

Всѣ кузни всходилъ, а некованъ воротился.

Иди туда, невѣдомо куда; ищи того, невѣдомо чего.

Увидишь своихъ, такъ кланяйся нашимъ!

Пришелъ кто-то, взялъ что-то; пошелъ бы за нимъ, да не знаю за кѣмъ.

Бѣчи за нимъ, да не знать за чѣмъ. Надо бѣ гнать, да не знать куда.

Пошелъ такъ, а попалъ въ кабакъ.

Тотъ-воно женится, ту-воно беретъ; а я бы и не зналъ, да мнѣ тотъ-воно сказалъ.

Увидалъ, что на уткахъ озеро плаваетъ.

Утки летѣли, гуси летѣли, коровы летѣли, козы летѣли (игра, гдѣ вслѣдъ за однимъ, всѣ поднимаютъ руки, коли что летное летитъ, а за ошибку даютъ окупъ).

Деревни переѣхала поперегъ мужика.

На морѣ оwinъ горить, по небу медвѣдь летить.

Лодка безъ набоевъ (бортовъ), ботня (челнокъ) безо дна.

Сверху небо, снизу земля, а съ боковъ-то ничего вѣтъ: оно в продува'тъ (объясненіе матроса, отъ чего на морѣ вѣтеръ бываетъ).

Курочка бычка родила, поросенокъ яичко снесъ.

Свинья ваша пестрая—сыну моему мать крестная; сынъ мой женится, такъ отпустите ее въ свахи.

Жаба у рака гнѣздо отбила.

Поросенокъ яичко снесъ, курочка объягнлась.

На дубу свинья гнѣздо свила, а овца пришла, яйцо снесла.

Комаръ парню ногу отдавилъ.

Бѣды натворилъ, щуку съ янцъ согналъ.

Двѣ лошади бѣлыя, третья голая.

Меринъ гнѣдъ, а шерсти на немъ нѣтъ.

Ворота пестрыя, собаки новыя, окна соломенны, крыша волокомъ.

Радуга ушаты воды выпила (изъ прибаески).

Однажды шелъ дождикъ дважды.

Семь рѣкъ осушила, холста не смочила.

Спросилъ бы у гуся, не забнутъ ли ноги.

Подпояшьте гуся на морозъ.

Подкуй козла: лошалямъ легче. Пришей кобылѣ хвостъ!

Холмъ высокъ, а все песокъ — безъ подковъ не взойдѣшь.

Безъ толку молитесь, безъ мѣры согрѣшаете.

Въ рай просятся, а смерти боятся.

Смерти боятся, въ рай просятся, а въ адъ лѣзутъ.

Снялъ голову съ плечъ, да положилъ за пазуху, такъ и цѣла будетъ.

Будто голову за пазушку схоронишь.

Взялъ голову подъ мышку — и правъ.

Снявъ голову, по волосамъ не плачутъ.

Въ лѣсу живутъ, пенью Богу молятся.

Въ лѣсу живемъ, въ кулакъ жнемъ, пенью кланяемся, лопатѣ молимся.

Въ городѣ живешь, а колокольнѣ кланяешься.

Поле въ три переклика, а онъ гонца шлетъ.

Нѣ почто гонца, гдѣ рукой подать, до конца.

Сатка, позови Машку; Машка, подай платокъ — а платокъ под-
лѣ боку.

Претить, а въ горло летить. Ъмъ неволькой — а еще бы столько.

Богатому воровать, а больному въ присядку плясать (кстати).

Корова реветь, медвѣдь реветь; а кто кого дереть, самъ чортъ не
разбереть.

Быкъ реветь, корова реветь; а кто кого бодеть, самъ чортъ не
разбереть.

Корова телится, а быкъ реветь.

Корова родить, а у быка хвостъ болить.

Чѣмъ было салу (волу) рычать, анъ телѣга скрипитъ.

Чѣмъ быку ревьтъ, такъ телѣга скрипитъ.

Люблю сѣрка за обычай: хоть не везеть, да ржетъ.

На одной недѣлѣ четверга четыре, а деревенскій мѣсяць съ не-
дѣлей десять.

Семь пятницъ (семь праздниковъ) на недѣлѣ.

На всякой недѣлѣ по три пятницы.

На одномъ дню семь пятницъ.

Нечего попусту въ плѣшь колотить.

Нечего дѣлать, такъ на морозъ плѣшивыхъ поминаетъ (поговѣрье,
что на двѣнадцатой плѣши морозъ ложнетъ).

Ъхала кума — не вѣдомо куда.

Ходилъ три дни, принесъ (выходилъ) злыдни.

Пошелъ по солому, принесъ мякны.

Погонную послали, да примѣтъ не дописали.

Вавилонское смѣшеніе языковъ (безтолочь, гдѣ другъ друга не понимаютъ).

Пошелъ посолъ нѣмъ, принесъ грамоту неписаную (т. е., безто-
лочь; но это въ тоже время загадка: голубь съ вѣткой къ Ною):

Съ Богомъ думалъ (т. е., хорошо).

Охулки на руку не кладемъ. Онъ на свою руку охулки не
положить.

Наша дуда и туда и сюда (т. е., или на все годится, или двулична).

Хорошъ солодъ, хорошо и смелоть.

Булатъ рѣжетъ и желѣзо, и кисель.

Любо-дорого смотрѣть. Дѣло гладко, видъ глядѣть сладко.

Это дѣло на зубу (прочно, твердо, надежно).

Такое сѣно, что самъ бы ѣлъ, да деньги нужны.

Что твой бархатъ! Что твоя малвина!

Что дѣло, то дѣло. Толкъ да ладъ — тутъ и кладъ.

Коротко да ясно, отъ того и иректасно.

Живеть и эта пѣсня для почину.

Живеть старуха за бариномъ.

Живеть Домка за Ережкой. Живеть дѣвка за парнемъ.

Гдѣ хлѣбно да тепло, тамъ и жить добро.

Не надо и на Янкъ итти (такъ хорошо жить).

Ладно — живеть, и не ладно — живеть.

Говори, что ладно: бѣги, да падай!

Таковъ, саконъ, а все лучше приказныхъ дьяковъ.

Лыки да мочалы, туда жъ помчали (о упряжи).

Худо — лычная пуга (кнутъ), а безъ нея и того хуже.

Худа ременная плеть, а все лучше мочальной.

Въ лѣтаномъ, да въ платаномъ — худо, а хуже, какъ платать нечего.

Плохо жить по ненастью, а въ вѣдро голодать и того хуже.

Плохо, что нѣтъ праздничнаго, а плоше живеть, какъ буднишняго не стабѣть.

Вѣдь не на базаръ, какъ ни навязалъ (т. е., не далече ѣхать, ладно, какъ нибудь).

На базаръ, какъ ни навязалъ (т. е., на продажу, все ладно).

Комкомъ да въ кучку — на крестьянску ручку.

Въ лужѣ и самъ себя не признаешь. Въ лужу глядѣться — и на себя не походить.

Лучше хромать, чѣмъ сиднемъ сидѣть.

Не осудишь и лапшницу; а прозѣваешь — и воду хлебаешь.

Съ лихой собаки хоть шерсти клокъ.

Всѣхъ угодій къ одной полосѣ не подберешь.

Изъ двухъ золъ выбирай меньшее!

Лучше воротиться, чѣмъ блудиться

Лучше — слава Богу, нежели — дай Богъ! Дай Богъ — хорошо, а слава Богу — лучше (есть лучше нѣта).

Либо коня хорошаго держать, либо плеть.

На свѣтъ съ худомъ худо, а безъ худа и вовсе худо.

Не то худо, на что кривымъ глазомъ взглянулъ, а то, что худо и есть.

То лучше всего, что есть у кого.

Все хорошо, что есть; чего нѣтъ, то худо.

Не къ лицу пироги разбирать, коли и хлѣба нѣтъ.

Что хорошо, то хорошо; а что лучше, то лучше.

Пиво не пьяно — и то грѣшно; пиво пьяно — грѣшнѣй того; а пива не станеть — тошнѣй всего.

Хороша кашка, да мала чашка. И сладко, да не сытно.

Кривы дрова, да прямо горять.

Хоть криво впрягъ, да поѣхалъ такъ.

Запрягъ прямо, да поѣхалъ криво. Запрягъ криво, да поѣхалъ прямо.

Криво, да игриво: прямо, да упрямо.

Не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ.

Худой (глупый) вошь свѣнчаетъ, хорошему (умному) не развѣнчать.

Не для пригожества, для крѣпости. Хоть не складно, да ладно.

И не въ ладъ, да ладно. И не порно, да задорно.

Не складна челобитная складомъ, а складна указомъ.

Будь хоть песь (хоть чортъ), лишь бы яйца несть.

Худъ торжокъ, да не пусть горшокъ.

Курна изба, да печь тепла.

У насъ, что ни пенъ, то и батька. Не попъ, да обычаемъ добръ.

Не долго думалъ, да хорошо молвилъ.

За одно: благо рука развернулась.

Хотя поадно, да навозно. Однимъ днемъ лѣто не опадано.

Хотя изба слова, да сердце здорово.

Гоже не гоже, а на гоже-то похоже.

Истина хороша, да и правда не куда.

Одному на всѣхъ не угодить. И дуракъ на всѣхъ не угодить.

На всѣхъ угождать — самому въ дуракахъ сидѣть.

Ни тебѣ на людей, ни людямъ на тебя, не угодить.

И Богъ на всѣхъ не угодить.

На весь мiръ (на всѣхъ) не угодишь.

На весь мiръ и солнышку не угрѣть (не утѣчь).

Не солнышко, на всѣхъ не угрѣешь.

Не свой ножъ, не любой кусъ.

Не то хорошо, что хорошо, а то, что нравно.

Когда хотѣлось, тогда и кряхтѣлось. Когда хотѣлось, тогда и на умѣ вертѣлось.

Иной любитъ попа, иной помадю, иной попову дочку.

Кто горинцу, а кто дворницу (квалеть, любитъ).

Для матушки книгини угодны дыни, а для батюшкина пуза надо арбуза.

Хоть гнило, да намъ мило. И гнило, да мило.

Чего не любишь, того и не купишь. Что полюбилъ, то и кушалъ.

Что кому трѣбать, тотъ то и терѣбить.

Кто не милъ тѣломъ, тотъ не милъ и дѣломъ.

Кому не приглядишься лицомъ, тому дѣломъ прирѣбнисься.

Понравится (полюбится) сатана, лучше яснаго сокола.

Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ.

Товаръ полюбится, и умъ разступится.

Хоть Кузмишна, да не корыстна; и Ивановна, да намъ надобна.

Что кому нравно, то и забавно (то и любо).

На вкусъ, на цвѣтъ мастера нѣтъ.

Врешь, не то поешь; пой: «По мосту, мосту.»

Нашего пономоря не перепонмаривать стать (частоговорка).

Прямого нечего править, а править — испортить.

Можно поправить, да будетъ хуже.

Дурной хулить нехорошаго.

Въ чужомъ глазу порошнику видишь, а въ своемъ пенька не видишь

Въ чужомъ глазу сучокъ великъ. Въ чужихъ рукахъ лопоть великъ.

Въ чужомъ глазу — порошокъ великъ сучецъ; въ своемъ — и брѣвна не видать.

Отойдемъ, да поглядимъ, каково-то (хорошо ли) мы сидимъ.

Незнаемая прямизна наводитъ на кривизну.

Большіе порядки доводятъ до безпорядковъ.

Пропалъ Авдѣй отъ злыхъ людей.

Отъ лихаго зелья и порча живеть.

Гдѣ худо, оттуда бѣгутъ добрые люди.

Не летитъ пчела отъ меду, а летитъ отъ дыму.

Худое житье: встань — побѣжи; а хорошее — лягъ, полежи!

Не гребень голову гладитъ (чешетъ), а время.

Не гребень холить, а холить время. Сила во временіи.

Сладокъ медъ, да не по двѣ (ложки) въ ротъ. Сладокъ медъ, да не съ члиякомъ въ ротъ (члиякъ — лагузь, дуплянка).

Дорогѣ борозда къ загону.

Это нашему козырю въ (подъ) масть. Это нашему брату на руку.

Это нашего поля (бора) льгота. Одной руки пальцы.

Горница хороша, да окна кривы.

Палата бѣла, да дверьми угла (худая слава, слухи).

Добръ молодецъ, да есть норовецъ.

Шуба новѣ, да въ подолѣ дыра (да въ серединѣ дыра).

И на добраго коня бываетъ спотычка. И на добра коня спотычка живеть. Конь о четырехъ ногахъ, да спотыкается.

Во всякомъ хлѣбѣ не безъ макины.

Въ умолотѣ не безъ ухвостья.

И въ хорошей капустѣ гнилые кочни есть.

Нѣтъ дерева, на которое бы птица не садилась.

И въ Иерусалимѣ собаки есть.

Ни праведный безъ порока, ни грѣшный безъ покаянія.

Во всякой избушкѣ свои поскрыпушки (покляпушки).

Во всякой избушкѣ свои поскрыпушки, а въ пной и двои.

Кому все не годится, тотъ и самъ не годится.

Кто говорить: «не годится», тотъ и самъ туда жъ.

Глупый осудить, а умный разсудить.

Спесивый не взглянетъ, слѣпой не разглядить, а умный не осудить.

Нѣтъ такой вещи, чтобы не пригодилась къ мѣсту.

Что не родится, то и не годится. Что гдѣ родится, тамъ и пригодится. Все что родится, то и годится.

Все на свѣтѣ годится; только то не годится, что не родится.

Все на свѣтѣ годится; только тотъ не годится, кому все не годится.

Что цѣлю, то и годно въ дѣло.

Все годится, только не годится съ чортомъ водиться.

Пригодится ребятишкамъ на молочишко.

Улица широка — инъ хороводу просторъ.

Пашни меньше — простору больше; избы не крыты, да звонъ хорошъ.

Хлѣбца купить нѣ на что: съ гори чаекъ попиваемъ (говор. о подмосковницѣ).

Не станеть на одѣвку, инъ станеть на обутку.

Коли голова протухла въ рыбѣ, такъ ино плескъ еще годенъ.

Не годится на лавку, инъ полежить подъ лавкой.

Не годится Богу молиться, годится горшки покрывать (дразнять Суздальскихъ богомазовъ).

Гдѣ выросла сосна, тамъ она и красна.

Старый мѣсяцъ тожъ въ дѣло идетъ: Богъ на звѣзды крошить.

Красному яблоку червоточинка не укоръ.

На здоровье, когда не скоромно!

Баня не заговѣнье (т. е., можно во всякое время).

Худое дѣло вездѣ поспѣло.

Всякая небылица въ три года пригодится.

Хорошаго мало на свѣтѣ, а худаго всюду много.

На всякаго мiрянина по семи жидовиновъ.

Много милости (въ людяхъ), а вдвое лихости.

У нашего коньтца (корытца) ничего не добиться.

Постѣй хлѣбъ, уродится и куколь.

Не я полынь-траву садилъ, сама, окаянная, уродилась.

Чертополохъ, да осотъ, отъ сосѣда къ сосѣду подь тыномъ пробирается. Словно хрѣнъ: не изведешь.

Есть чернецы и на Симоновѣ, да ими не хвалятся.

Доброе дѣло одно одного лучше, худое — одно одного хуже.

Много худа на свѣтѣ, а нѣтъ хуже худаго разума.

Первое худо — худой разумъ (т. е., худая воля, худое дѣло).

Беззаконнымъ законъ не писанъ.

Зло злымъ исполнить.

Не дай, Богъ, никому въ палацахъ быть, — а нельзя и безъ него.

Добрый Иванъ — и людямъ, и намъ; худой Иванъ — ни людямъ, ни намъ.

Отъ одного тухлаго яйца семеро мужиковъ бѣжало.

Лихо помнится, а добро забывается. Лихое споро: не умереть скоро.

Лихое долго помнится, а хорошее скоро забудется.

Добро помнится долго, а лихое вдвое.

Лихое зелье не скоро пойдетъ въ землю.

Хорошее лежить, а худое бѣжить. Доброе смолчится, а худое молвится.

Лобъ, или затылокъ (годно, или негодно; да, или нѣтъ, отъ приема рекрутъ).

Что не складно, то и не ладно.

То не складно, что спито (что скроено) не ладно.

Не годится водиться: матушка бить грозится.

Никому не мило, когда дѣло хило (гнило).

Худо лѣто, когда солнца (сѣна) нѣту.

Худое дерево въ сукъ растеть.

Безъ голомени, не дерево (голомья, пень, лѣсина, бревно, дерево отъ комля до разсохи, до сучьевъ).

Труда много, а добычи мало.

Рано снарядились, да поздно въ путь пустились.

Рано встала, да мало напяла.

Немного меду въ пустыхъ вощинахъ.

Вощина — не соты, голдѣвня (болтовня) — не толкъ.

Изъ худаго хорошаго не сдѣлаешь. Вощина не соты, голдовня (болтовня) не толкъ.

Изъ пуста судна ни пьютъ, ни ѣдятъ.

Что дурно, что худо — все равно. Что хило, что гнило — все не годно.

На лѣченой кобылѣ немного наѣздишь.

Хоть вдвое, хоть втрое, а не споро худое.

Тутъ нечего портить, нечего поправлять. Тутъ ни испортить, ни поправить, а бросить.

Этого ни забѣлить, ни закрасить.

Этотъ конь корму не стоить. Эта игра не стоить свѣчь.

Эта шуба не стоить вычинки. Овчинка вычинки не стоить.

Шуба прошвы не стоить. Сапогъ подметки не стоить.

Ударить было дурака, да жаль кулака.

Гнилаго болота и чортъ боится.

Худая трава изъ поля (съ корнемъ) вонъ.

Волчій зубъ и съ корнемъ вонъ (лишній зубъ, не на мѣстѣ).

Обитый голникъ — въ печку.

Обитый вѣникъ — только парил посѣчь, да и въ печь.

Не можно исцѣлить, такъ лучше отрубить.

Не потрафлено, такъ прикинуто (т. е., не внору шито, такъ отдается мастеру).

Поплевать, да бросить. Похваля, да подъ лавку.

То не соль, что не солить; то не клей, что не клеить.

Волка на собакъ въ помощь не зови (т. е., неприятеля на друга)!

Бездонную кадку водой не наполнить.

На безпутной работѣ и спасиба нѣтъ.

Что мертвому ладанъ (та же польза).

К чему бѣло умываться, коли нѣ съ кѣмъ цѣловаться?

И доброе слово не уйметъ злаго.

Какъ въ стѣну горохъ (не льветъ). Какъ горохомъ объ стѣну.

Будто на пусты лѣсы. Какъ на вѣтеръ.

По сажѣ хоть гладь, хоть бей — все одно (все черно).

Амниемъ лихаго не избудешь. Моря пескомъ не засыплешь.

Худое нечего хвалить. Худое хвалить — не исправить.

Хорошо, да не играетъ. Хорошо да не очень (не больно).

Хороша дудка, да не гудётъ (не дудить). Хороша музыка, да не играетъ.

Оно бы и очень хорошо, да никуда не годится.

Онъ бы человекъ и очень хорошей, да никуда не годится.

Изъ куля въ рогожу. Поправился изъ кулька въ рогожку.

Изъ саней, да въ дровни. Съ полавочья, да въ подлавочье.

По зимѣ въ китаешномъ, по лѣту въ дубленомъ.

За сохой въ сапогахъ, по селу въ лаптяхъ, въ церковь босой

Промѣнялъ тебенъки на войлочки (тебенъки, кожаныя боковыя лопасти у Казачьяго сѣдла).

Пособили пужѣ, да сдѣлали хуже.

Ломоту хромотою исцѣляютъ (отбываютъ).

Чирья вырѣзываетъ, да болячки вставляетъ.

По живому мясу — хоть гладь, хоть скреби (т. е., все больно).

Въ мутные глаза песокъ сыплешь.

Отъ горя бѣжалъ, да въ бѣду попалъ.

Отъ бѣды бѣжалъ, да въ другую попалъ.

Отъ бѣды бѣжалъ, да въ яму (омуть, пропасть) попалъ.

Изъ огня, да въ воду (въ поломя).

Изъ поповъ, да въ дьяконы.

Изъ сапогъ, да въ лапти. Переобуться, переобуть кого изъ сапогъ въ лапти.

Изъ хомута, да въ шлейку. Изъ хомута въ ярмо.

Изъ короба въ крошни, изъ терема въ овинъ.

Изъ кобылъ, да въ клячи.

Отняли хорошее, да жалуютъ худымъ.

Соколъ съ мѣста, а ворона на мѣсто.

Хороша бы хлѣбъ-соль, да однѣ корочки.

Славна Николаевна, только подслѣповата. Оедбра, да чортъ ей радъ.

Кто ее возьметъ (невѣсту, или кто купить эту лошадь, или корову)? Развѣ изза Вѣдомши, не вѣдавши (село Вѣдомша въ Заболотѣ, Переясл. уѣзд.).

Выбираешь выборыши, а выберешь оборыши (обмѣныши).

Эти оборыши лучше выборышей.

Одинъ одного лучше (одинъ одного хуже). Словно на подборъ.

Пѣнку снять. Ужъ пѣнки сняты. Съ этого добра пѣнки не сымешь.

Взойдетъ красно солнце — прощай свѣтелъ мѣсяць!

Таки-сяки варенички, а все лучше галушекъ (Южн.).

Малашка Акульку не выпередить.

Бываютъ и квартиры хуже лагеря (солд.).

И криво, и косо, и на сторону. Фикъ-фокъ, на одинъ бокъ.

Пошло — какъ кривое колесо.

Добредеть какъ Ханъ до Крыма (т. е., разбитый въ набѣгъ).

Поскряпнеть, да дойдеть; а не дойдеть, такъ докатится.

Сзати, — Христа ради.

Какъ гнилой пень, подъ заступъ глядить.

Странь-брень, стрынь-брынь (всякая дрянъ, хламъ).

Не ахти мнѣ (т. е., не слишкомъ хорошо). Изъ рукъ вонъ (дурно).

Вещь вещи (дѣло дѣлу) рознь, а иную (а иное) — хоть брось.

Вали Кострому въ Волгу (память язычества: Кострома — чучело).

Камень — не угодые, песь — не баранъ.

Поешь хорошо, а перестанешь — еще лучше.

Умный бы ты былъ человекъ, — кабы не дуракъ.

Похулить — грѣхъ, а похвалить — Богъ убыеть.

Между слѣпыми и кривой король. Промежъ слѣпыхъ и кривой въ чести.

Не у дѣтей (не при дѣтяхъ, у бездѣтвыхъ) и сидни въ честь. (Перевачена: не у дѣтей — т. е., у разумныхъ людей — и сѣдни въ чести).

На безрыбьи и ракъ рыба. Въ полѣ — и жукъ мясо.

И у жука рогъ, да пѣтушьяго бодня не стоить.

Ворона совѣ не оборона.

И то зубы, что кисель ѣдятъ.

Товаръ сгнилъ, такъ и хозяину не мнѣ.

Сурово, не гладко, и смотрѣть на него гадко.

У нашей свахи всѣ невѣсты непряхи.

Вашъ колоколъ, хотъ разбей его объ уголь. Данъ воу колоколъ,
хотъ разбей его объ уголь.

Цѣлешенекъ, какъ колокольчикъ.

Эта мельница — только чорту табакъ молотъ.

Не мельница, а мутовка. Молотъ не мелеть, а только воду мутить.

Отъ твоего бобра никому нѣтъ добра.

Онъ и весь-то пять рублей. Его и всего-то за пять рублей купить.

За него рубль дать — передать.

За него грошъ дать — не додать, а два дать — передать.

Прибавка, что на четвертый калачъ.

Даромъ дають, да и съ придачей не берутъ.

Даромъ не берутъ, придачи дать не хочется.

Онъ изъ такихъ, что по 13-ти на дюжину кладутъ, да в то не берутъ.

По 13-ти на дюжину, да грошъ придачи.

Всѣхъ въ одинъ кулакъ сожми, такъ только то и выжмешь, что съѣдено.

Съ борку, да съ сошки (да съ сосенки).

Оба лучше. Обѣе рябѣе. Оба похуже.

Одинъ не годится, другой хотъ брось, третій маленько похуже обонхъ.

Пригожествомъ свинья, умомъ надолба приворотная.

Нашъ Тарасъ не хуже васъ.

Леонъ — не Леонъ, а изъ ряду не вонъ.

Не стѣбитъ мизинца его. Не стѣбитъ подметокъ его; въ подметки ему не годится.

Ты не достоинъ послушать его краемъ уха.

Ни рѣсту, ни дородства, ни видѣнья.

Лучшихъ нѣтъ, такъ хорошъ и этотъ.

Всѣ мы не годимся, а всѣ на свѣтѣ живемъ.

Людамъ не годимся, а Богу всѣ годимся.

Пошла старуха за молодуху. За маркитанта и ближника.

Въ коляскѣ тряско, въ саняхъ валко: ѣхать въ телегѣ.

Не ходи плясать кузовкомъ, ходи ребромъ!
 Не гляди на меня момомъ, гляди розовилью!
 Хорошо на хорошо — ровно медъ съ палачемъ; а худо на худо —
 ровно съ похмеля батожьемъ.

Дядя Трифонъ — съ неба спихагъ.

У нашего Филата спина гербата. Что старшй гриба на болотѣ.

Хорошъ: кабы чуть получше, никуда бы не годился.

Посадить на лопату, да вынести за хату.

Лыками сшитѣ. Хуже лашотнаго лыка.

Желѣзнаго гроша не стѣить. Ломанаго гроша не стѣить.

Выѣденнаго яйца не стѣить.

Много въ немъ блохъ. Хорошъ гусь.

Экой сахаръ! Хорошъ сахаръ! Сахаръ медовичъ.

Онъ не туда смотреть (глядить); не тѣмъ смотреть; не такъ
 смотреть.

Перваго десятка, да не первой сотни.

И первой сотни, да не первой тысячи.

Дѣтина добръ: купилъ бы ему гробъ.

Одна душа, и та не хороша. Со всѣмъ приборомъ сатана.

Съ нимъ водиться, что въ крапиву садиться.

Ни съ уха, ни съ рыла. Ни съ очей, ни съ рѣчей.

Ни ухомъ, ни рыломъ, ни очми, ни рѣчми.

Вода не вода, уха не уха.

Хороша у курицы хода, да переломлена (перешибена) нога.

Отъ воронъ отстала, а къ павамъ не пристала.

Отъ насъ отшатнулся, а къ вамъ не пришатнулся.

Постылся, да въ воду и спустился.

Не годится ни въ мѣхъ, ни въ торока.

Ни сукъ, ни крюкъ, ни каракуля.

Ни везеть, ни ѣдетъ; ни везеть, ни погоняеть.

Ни мычить, ни телетов.

Ни сытъ, ни голодець; ни тепель, ни холодець.

Все легче, не каждая каня капотъ (сказалъ мужикъ, укрывшись
 отъ дождя подъ бороною).

Не роди мать — сыра земля (т. е., не дай Богъ)!

Ему бы надо брюшко вспороть, всё кишечки перемыть, да межъ двухъ пальчиковъ пропустить (т. е., передѣлать на пово—такъ оп негодай).

Ни въ честь, ни въ славу, ни въ доброе слово.

Ни Богу свѣча, ни чорту ожогъ (кочерга).

Ни песь, ни хортъ, ни выжлецъ.

Ни къ Богу, ни къ людямъ (не пристаъ).

Ни себѣ не гождь, ни людямъ не пригождь.

Ни Богу, ни людямъ, ни намъ, мужикамъ.

Ни въ городъ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ.

Ни въ городъ порукой, ни въ дорогѣ товарищъ, ни въ деревнѣ сосѣдъ.

Жилъ не крестьянинъ, умеръ не родитель.

Ни въ рай, ни въ мѹку, ни на среднюю руку.

Живъ былъ — никому не досадилъ; умеръ — кобылу пересадила (т. е., тяжело было везти, дородень).

Жилъ — ни о чемъ не тужилъ; померъ — и о немъ не тужать.

Ни туда, ни сюда Фетинья. Ни Миша, ни Гриша.

Ни съ плечъ, ни на плеча. Ни изъ короба, ни въ коробъ.

Изъ короба нейдетъ, въ коробъ не лѣзетъ, и короба не отдаетъ.

Ни въ хомутъ, ни на козлы.

Ни поскакать, ни поплясать, ни въ дудочку поиграть.

Ни въ дудочку, ни въ сощѣлочку.

Ни въ пиръ, ни въ миръ, ни въ люди.

Ни шить, ни распороть. Ни шеть, ни пореть.

Ни нѣсать, ни бросать, а волокомъ волочить.

Ни складу по складамъ, ни толку по толкамъ.

Шутокъ не шутить, а дѣла не дѣлаетъ.

Не чихнетъ, а только морщится.

Съ него, что съ козла — ни шерсти, ни молока.

Идетъ нейдетъ, да и ѣдетъ — не ѣдетъ (т. е., тихо).

Идетъ воевать, да не хочетъ сабли вынимать.

Отъ одного берега отсталъ, а къ другому не присталъ.

Отъ берега отстанешь, къ другому не пристанешь, ни такъ ни сякъ и станешь.

Отъ друга отсталъ, а къ недругу не присталъ.

Отъ своихъ отсталъ, а къ чужимъ не присталъ.

Отъ Русской отстали, а къ Прусской не пристали.

Отъ Русскихъ отсталъ, а къ Нѣмцамъ не присталъ.

Туть отшатнулся, а туда не приткнулся.

Отъ чорта отсталъ, а къ людямъ не присталъ.

Помогай Богъ и нашимъ, и вашимъ!

Отъ меня отвелъ, а къ себѣ не привелъ.

Она — ни вдова, ни замужня жена.

Ни то, ни сѣ. Ни то, ни сѣ, а чортъ знаетъ что.

Дрянца съ пыльцой.

Ни рыба, ни мясо. Ни пестъ, ни ложка.

Ни рыба, ни мясо — ни кафтанъ, ни ряса.

Ни ракъ, ни рыба. Ни волкъ, ни песь.

Ни масло, ни кашка; ни квасокъ, ни закваска.

Ни шагу, ни рыси; ни ходу, ни спотычки.

Ни ходы, ни ступы, ни ходу, ни переступу.

Ни ухо, ни рыло; ни съ рожи, ни съ кожи; ни голосомъ, ни волосомъ.

Ни шло, ни ѣхало, ни сѣло, ни пало.

Ни брито, ни стрижено. Ни сѣчетъ, ни паритъ.

Ни мыто, ни катано. Ни катано, ни глажено.

Ни даръ, ни купля.

Ни въ снопъ, ни въ горсть.

Ни туда, ни сюда. Ни птру, ни ну.

Ни солоно, ни сладко. Ни кисло, ни сладко. Ни сладко, ни горько.

Ни тепло, ни холодно; ни жареное, ни печеное.

Говоритъ въ смятку (ни такъ, ни иначе; ни то, ни сѣ).

Ни на волка, ни по волкъ. Ни грѣха, ни спасенья.

Ни душѣ поминovenья, ни тѣлу погребенья.

Поположъ съ грѣхомъ (такъ и сякъ, кой-какъ).
 Ни ямагъ, ни якши, ни средней руки (съ Татарск.).
 Не скажу я ни добра, ни худа. Ни похвалить, ни похвалять.
 Середка на половникѣ. Промежъ того-свого.

ЩВѢТЬ — МАСТЬ.

На вкусъ, на цвѣтъ мастера нѣтъ (т. е., такого мастера, который бы однимъ на всѣхъ угодилъ).

Бѣла, какъ колница, какъ лебедь.

Бѣла, румяна—ровно кровь съ молокомъ.

Бѣлыя ручки чужіе труды любятъ.

Мыло сѣро, да моетъ бѣло.

Черная коровка даетъ бѣлое молочко.

Не краса коровѣ, что часты пестрины.

Бѣлъ, какъ лушь, какъ платъ (полотно, скатерть, полотенце), — какъ стѣна, какъ снѣгъ. Бѣлѣ снѣга бѣлаго.

Рубашка бѣленька, да душа черненька.

Свѣтъ бѣлъ, да люди черны.

Черенъ, какъ сажа, какъ уголь, какъ смоль, какъ воронъ, какъ ночь, какъ земля; чернѣе грязи, сажы, угля и пр.

Черный глазъ, карій глазъ — минуй насъ!

Бѣлое — вѣнчальное, черное — печальное.

Черенъ макъ, да бояре ѣдятъ.

Полюби-ка насъ вчернѣ, а вбѣлѣ-то (вкраснѣ) и всякъ полюбитъ.

Дѣла, какъ сажа черны (или: бѣлы).

Черныхъ кобелей на бѣло перемывать.

Алѣ цвѣтъ милъ на весь свѣтъ. Алый малый—синь кафтанъ.

Красенъ, какъ свекла, какъ кровь, какъ клюква, какъ маковъ цвѣтъ.

Красно поле рожью, а рѣчь ложью (т. е., краснымъ словцомъ).

Рыжій, какъ огонь. Покраснѣлъ, какъ ракъ.

Рыжій да красный — человекъ опасный.
 Красное солнышко на бѣломъ свѣгѣ черную землю грѣсть.
 Зеленъ, какъ трава. Зеленѣй горькой полыни.
 Желтъ, какъ инбирь. Желтѣй желта зѣюта.
 Синій, какъ китайка (какъ кумачъ).
 Синя пороху во рту не было.
 Сѣдой, какъ лунь (птица, родъ ястреба), какъ ковыль, какъ иней.
 Казенная краска (трехцвѣтная; или сѣрая, желтая, какъ заборы красать).
 Краснымъ-краснешенекъ; желтымъ-желтехонекъ, и пр.

Оплошность — расторопность.

На Бога надѣйся, а самъ не плошай (не зѣвай)!
 На Бога уповай, да самъ не оплошай!
 Веселися, смѣйся, на Бога надѣйся, а самъ не плошися!
 Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ!
 Коля самъ плохъ, такъ не дастъ и Богъ.
 Будешь плохъ, не дастъ и Богъ. Богу молись, а самъ не плошися!
 Богу молись, а къ берегу гребись!
 Говори: Господи подай, а самъ руками хватай (доставай)!
 Чай, примѣчай, куда чайки летать (вѣстницы весны и хода рыбы)!
 Заломить было вѣтку, да поставить мѣтку.
 Слушай дуброва, что лѣсъ говорить!
 Глупый говорить (люди говорить) на глумъ, а ты бери на умъ!
 Говорять на обумъ, а ты бери на умъ!
 Кумъ говорить на обумъ, а кумъ бери на умъ!
 Кошку бьютъ, а невѣсткѣ навѣтки даютъ.
 Помяни рѣпу, чтобъ дали канусты!
 Помяни соль, чтобъ дали хлѣба!
 Куда поклапо, туда и гни!
 Догадка не хуже (дороже, лучше, стоить) разума.
 Умъ безъ догадки — чортъ ли въ немъ.

Была бы догадка, а на Москвѣ денегъ кадка.

Счастье дороже богатства, а смѣтка обоимъ обманеть.

Не то смѣтка, что бродить; а то смѣтка, что другихъ водить.

Парень догадливъ: голову за пазушку положилъ.

На угадъ, по Вятски. Думать хорошо, а отгадать лучше того.

Читать между строкъ (т. е., по догадкамъ).

Не пророкъ, да угадчикъ.

Нечто въ лѣсу трещить: волкъ барана тащить.

Вотъ моя рука, что изо ржи будетъ мука.

Понимаешь, такъ понимаешь; а не понимаешь, такъ какъ знаешь.

Держи рыльце огнищемъ, а глаза буравцомъ.

Води ушами, ворочай глазами!

Сиди высоко, да плюй далеко!

Дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай!

Встать пораньше, да шагнуть подальше.

За добра ума убраться. Хватъ за скобу, шастъ за косякъ.

Итти лучше домой, не дождавшись побой.

Чтобъ и здѣсь найти, и тамъ не потерять.

У насъ и нѣтъ, да есть. Нѣтъ, нѣтъ — а все есть.

Кто первѣе, тотъ правѣе. Чья старѣе, та и правѣе.

Кто перебеетъ, тотъ и ведетъ (въ танцахъ).

Добыча ловца не жлетъ (прибавл.: а ловець ее поджидаетъ).

Одно дѣло дѣлай, другаго не перть!

Не гляди на ватолу, а гляди подъ ватолу (одѣяло, веретье, рядно, чѣмъ возы покрываютъ).

Пошла вѣволока (летъ птицы), такъ не зѣвай!

Клюетъ, такъ не зѣвай! Береги горячаго!

Рѣжь, да ѣшь, когда подкладываютъ!

Рѣжь да ѣшь, ломай, да и намъ давай!

Куй желѣзо, пока не остыло (пока кипятъ)!

Чужія собаки дерутся, а свои не зѣвай!

Корыстенъ сонъ, такъ было зачураться.

На счетахъ прокидываешь, такъ рукава засучивай!

На ловца и звѣрь бѣжитъ. Боль врача ищетъ.
 Кто зачѣмъ пойдетъ, то и найдетъ.
 Что плыветъ, то уди (то бери)!
 Кто смѣлъ, два смѣлъ; кто проворенъ, тотъ доволенъ.
 Знаетъ про то игуменъ, который звонокъ бубенъ.
 Прищуривай, Агашка, на лѣвый глазъ!
 Дядюшка Онисимъ, гдѣ твоя Онисья?
 Худа та мышъ, которая одну только лазею знаетъ.
 Мость — не великій постъ, можно и объѣхать.
 Бей въ рѣшето, когда въ снѣго не пошло!
 Упалъ, такъ вставай! Своей поправкой красенъ (о лошади).
 У горя и догадки. Бѣда умъ родить.
 Не два мѣсяца свѣтять, не два солнышка грѣютъ.
 Будь примѣтливъ, да не будь извѣтливъ!
 Гости на печь глядятъ, видно каши хотять.
 Это не тѣмъ пахнетъ. Я слышу, чѣмъ это пахнетъ.
 Ты съ бородой, да я и самъ съ усамъ.
 И мы не въ лѣсу родились, не пенью молились.
 И мы не въ уголь рожей-то, а впередъ.
 Мы и сами съ усами. Царенъ не промахъ.
 Лицемъ въ грязь не ударимъ.
 Умѣемъ перешерститься: въ будень изнанкой, въ праздникъ
 лицомъ.
 На свои рѣки топора не уронить.
 И мы не на руку лапотъ обуваемъ.
 Онъ на усъ мотаешь. Не клади ему пальца въ рогы!
 Простъ, а головой объ стѣну не ударить.
 Онъ тоже не лѣвшой (не лѣвой ногой) сморкается.
 Его на кривыхъ оглобляхъ не объѣдешь.
 Стой, Фомка — не плохъ и Еремка.
 За отвѣтомъ за пазуху не полѣзеть.
 За словомъ въ карманъ не ходить.
 Онъ на всѣ руки. И въ ширъ, и въ миръ.

Хоть на козъ, такъ соколъ. Онъ сквозь жерновъ видитъ.

Напн ребята не вислоняты: идуть по два въ рядъ, не обьютъ пять.

Рябѣ сусличка, голосистѣ сверчка.

Одинъ на семерыхъ.

Въ немъ есть молодца клокъ. Люблю молодца за обычай.

Легъ — свернулся, а всталъ — встрепенулся (встряхнулся).

Ходи — не шатайся, говори — не заикайся, ѣшь — не объѣдайся,
стой — не качайся!

Знай смѣтку — умирай скорчась!

Прямой напорется, кривой пройдетъ.

Для того кузнецъ клещи куеть, чтобы рукъ не ожечь.

Чортъ Ваньку не обманеть: Ванька самъ про него молитву знаетъ.

Пошъ Ваньку не обманеть, а Ванька пошу правды не скажетъ.

Поворачивается, словно добрый воръ на ярмаркѣ.

Какъ основу снуеть, такъ и ходить.

Онъ огонь и воду прошелъ. Онъ пропелъ сквозь мѣдныя трубы.

Это травленая лиса. Онъ ужъ всѣми псами травленъ.

Отъ семи собакъ на распутьи отгрызется.

Лихи зарѣцкія собаки, а наша одна отъ семерыхъ отѣлась.

Онъ и мертвый изъ петли вывернется.

Онъ изъ мертвой петли вывернется.

Стоя ѣдетъ, семерыхъ везеть. Онъ стоя ѣдетъ, ноги везеть.

Какъ коза, на кровню мостится.

Какъ Брянская коза вверхъ глядитъ.

Нашъ пострѣлъ вездѣ посиѣлъ.

Что не ошибся, то не ошибся. Что такъ, то такъ; что знаю, то знаю.

Ома не безъ ума, Ерема не безъ промыслу.

Ты воровать, а я узловать.

Не силой борятся, а споровкой (а умѣньемъ)

Не тотъ борець, что поборолъ, а тотъ, что вывернулся.

Находчивъ парень: на крутую кашу распоясаясь.

Подай палець, а за руку и самъ возьму.

Мнѣ дай только присѣсть на возъ, а ноги и самъ подберу.

То-то собачій нось: лишь чарку на поднось, а его лукавий и принесь.

Знаеть, гдѣ раки зимуютъ.

Плохо не клади, въ грѣхъ не вводи!

Чужаго не тронь, да и своего плохо не клади!

Коли не стапеть, такъ зубомъ натяпеть.

Въ старое гнѣздо стойку ставить — новаго не долбить.

Кто въ карты играетъ, тотъ масть примѣчаетъ.

Онъ и спитъ не жмурится.

Кто горитъ (въ горѣлкахъ), не зѣваетъ.

Я и самъ съ Волги. Здѣсь народъ Волга (т. е., бурлаки, бойкій).

Не считай звѣзды, а гляди въ ноги: чего не найдешь, такъ хоть не упадешь.

Чего не смѣть (не умѣть): киселя досмѣть. Была бы мукà да кадушка, а по воду и самъ схожу.

Тутъ и комаръ носу не подточить.

Тутъ иглы не подточишь (не подобьешь).

Незнайка на печи сидитъ, а знайку на веревочкѣ ведутъ.

Незнайка дома сидитъ, знайку (свидѣтеля) въ судъ ведутъ.

Ходитъ, будто три дня не ѡпи.

Сидитъ, какъ курица на яйцахъ. Сидячаго Татары берутъ.

Развѣситъ уши. Хлопать ушами.

Растопырть пальцы пошире (т. е., зѣвай)!

Что глядишь, азь къ себѣ манишь?

Туда, сюда, взадъ да впередъ, въ бокъ, да въ другой и пр.

Поешь по строкамъ, такъ не гляди по сторонамъ!

Ему на боку дыру вертятъ, а онъ: ха, ха!

Поворачивзется, какъ исподній жерновъ.

Не поворотливъ, какъ медвѣдь, какъ колода, чурбанъ, пень и пр.

Что ступить, то и стукнетъ. Что слово, то комъ.

Посторонись, вѣдь ты не просвирнишь сынъ: сквозь тебя не видно.

Идетъ, какъ слѣпой по пряслу (по изгородѣ).

Ползеть, какъ ракъ. Черепахой ѣдетъ.

Зацѣпился за пень, да и стойтъ день.
 Пошелъ по вязьѣ, да и самъ увязнулъ.
 Хорошо бы тебя по смерть посылать.
 Желаетъ, а руки поджигаетъ.
 Куда ворона летитъ, туда и глядитъ.
 Всякому по калачу, а зѣвакамъ по зѣвку.
 Всякому по толчку, а зѣвакамъ по два.
 Много чаешь, да ничего не знаешь.
 Плохъ соколъ, что на воронье мѣсто сѣлъ.
 Кобылка бѣжитъ, а Ивашка лежитъ.
 Спи, государь денежки приплетъ.
 Сиди на печи: царь казнѣ вышлетъ.
 Что виситъ, то только и теребитъ.
 Прощай, развозжай: розиня поѣхала.
 Подъ лѣсомъ видитъ, а подъ носомъ не видитъ.
 Зиня, не ходи розиней!
 Кто поздно ходитъ, самъ себѣ шкодитъ (Бѣлоруск.)
 Меньше жмурься, такъ больше увидишь.
 Моргачу кости (зѣвакъ, опоздавшему).
 Свищи въ кулакъ, такъ и будетъ такъ.
 Ввалился, какъ мышъ въ коробъ.
 Тѣхалъ прямо, да попалъ въ яму.
 Поправился — съ печи на лобъ.
 Влѣзъ, что въ морду (вентерь): ни назадъ, ни впередъ.
 Ладила баба въ Ладогу, а попала въ Тихвинъ.
 Чортъ понесъ, не помазавши колесъ.
 Чортъ (песъ) ли несъ, на худой на мостъ.
 Погналъ лѣсъ розсыпью, такъ не плачься недочету.
 Лапти плетешь, а концовъ хоронитъ не умѣешь.
 Грудь на распашку, языкъ на плечо.
 Ротъ на опашку, языкъ на отпашку.
 Не твоимъ рыломъ мышей ловить.
 Крадетъ, а концовъ хоронитъ не умѣетъ.

Молодецъ противъ овецъ, а на молодца — и самъ овца.
 Паршивому поросенку и въ Петровки морозъ.
 Плохое поросля и въ Петровки забнетъ.
 Подыми брови-то: салазки ѣдутъ.
 Подыми брови-тѣ: разсвѣло. Смотри, губы не пристегни!
 Подбери губы-тѣ: городничій ѣдетъ.
 Дай, Боже, (удалось) нашему теляти волка поймать!
 Мокрая (слѣвая) курица. Смирнѣе теленка.
 Его одинъ лѣнивый не бьетъ.
 Его накрыли мокрымъ рядомъ. Попалъ въ просакъ.
 Во снѣ видѣлъ, да на яву прозѣвалъ.
 Видѣлъ Татаринъ во снѣ кисель, такъ не было ложки; легъ
 спать съ ложкой — не видалъ киселя.
 Проскочило сквозь пальцы.
 Забрелъ въ заманилу (т. е., за косу, за подводную отмель; Волжек.).
 Натянулъ туго, да намѣтилъ худо.
 За лѣсомъ видить, а подъ лѣсомъ нѣтъ (а подъ носомъ не видить).
 Туда бы глядѣлъ, куда рой полетѣлъ.
 Лѣсомъ шелъ, а дровъ не видалъ.
 Чурило — свиное рыло: по лѣсу ходить, дровъ не найдеть.
 Фалалей — не нашелъ въ избѣ дверей.
 Эхъ, Кирей, не нашелъ ты дверей!
 Смотрить въ книгу, а видить фигу.
 Сапожникъ всегда безъ сапоговъ.
 Портной безъ портовъ, сапожникъ безъ сапоговъ.
 Захотѣлъ у калачника дрождей!
 Санникъ, да колесникъ (телѣжникъ), а выгнать не на чемъ.
 При этомъ огнѣ семь шатровъ Цыганъ вымерзало (говорять, когда
 по долго огня не вырубить).
 Самъ сѣмъ сойдутся, огня не вырубятъ.
 Другъ всѣмъ Макарамъ (т. е., Рязанск. рыболовамъ), а уха не видалъ.
 Яганова пушка своихъ побиваетъ (у Витовта, при осадѣ Порхова 1431
 г., разорвало большую пушку).

Своя своихъ не познаша. Севастьянъ—не узналъ своихъ крестьянъ.
Бей своихъ, чужіе бояться будутъ.

Вѣтры дули — шапку сдули; кафтанъ сняли, рукавицы сами спали.

Якимъ простота: рукавицы за поясомъ, а другихъ ищетъ.

Емеля — простота! Хватъ, похватъ, нѣтъ рукавиць: а онѣ у него
за поясомъ.

Чухломскій рукосуй: рукавиць ищетъ, а онѣ за поясомъ.

Шутъ Мартынъ: рукавиць ищетъ, а двои за поясомъ торчатъ.

Долго шарили, а головню оставили.

Вотъ спохватился, вѣдь и я не вчера родился.

Попалъ — пальцемъ въ небо (прибавл.: въ самую середину).

На этой масти не выѣдешь. Этою выстункой не сплянешь.

Дуй бѣлку въ хвостъ, пока топорщится (пока вертится).

Хватился Малахъ, анъ пусто въ головахъ!

Хватился монахъ, когда смерть въ головахъ.

Хватился шапки, какъ головы не стало.

Овчинку сняли, а хозяева спали.

Цѣлы ль сани, а лошади пропали.

Цѣла ль голова, а шапку Богъ дастъ.

И гость не слыхалъ, какъ хозяинъ вздыхалъ.

И гости не знали, какъ хозяина связали.

Дѣдушка не зналъ, какъ внукъ корову укралъ; дѣдушка спалъ,
а внукъ и кожу снялъ.

Нашъ инвалидъ и безъ пороху палить.

Хоть голъ, да исправенъ (отъ извѣсти. анекд.).

Солдатъ безъ ружья — тотъ же баранъ.

Солдатъ безъ шпаги — хуже бабы

Въ строю стоятъ, такъ по ружью держать.

Постой, Татаринъ — дай саблю вынуть (или: отточить)!

Кто идетъ! говори, убью: не дай домой за ружьемъ сбѣгать!

Погоди, не роди: дай по бабушку сходить!

За хвостъ не удержаться, коли гриву упустилъ.

Не держался за гриву, а за хвостъ не удержишься.

Въ зубахъ не удержалъ, а въ губахъ не удержишь.

Возжи упустишь, не скоро изловишь.

Не возьмешь дойкой, не возьмешь и нацѣдкой.

Тѣмъ не подспоришь, что пожиже растворишь (на замѣсъ больше пойдетъ).

Прозѣвалъ, такъ облизня взялъ. Поздному гостю — кости.

Прогуляешь (прозѣваешь), такъ и воду хлебаешь.

Проспалъ, прогулялъ, — на кашеварѣ не сирашивай!

Не осудишь — и лапшицу удишь; а прозѣваешь — и кашницу хлебаешь.

Не осуди на лапшицѣ: а ущица въ водицѣ (т. е., рыба).

Назѣваешься, такъ и воды нахлебаешься.

Что къ сосѣду на дворъ упало, то пропало. Что съ возу упало, то пропало.

Окоротишь, такъ не воротишь. Кроенаго не перекроишь.

Не купи лошади слѣпой, такъ не споткнется ногой.

Каково приспѣла, таково и сѣла. Каково посадила, таково и вынула.

Каково испекла, таково и подала. Какъ замѣшалъ, такъ и выхлебай!

Продешевишь, такъ не купецъ (такъ карманомъ доплатишь).

Чего не досмотришь, то доплатишь.

Прочапилъ (пролилъ), такъ собакѣ корысть.

Пропили воеводы Вологду (когда Поляки въ расплохъ ее взяли).

Хватилъ шиломъ патоки. Шиломъ моря не нагрѣешь.

Купилъ мужикъ корову, привелъ домой, сталъ донть: анъ быкъ; да такъ и быть.

Сбилъ, сколотилъ — вотъ колесо; сѣлъ, да поѣхалъ — ахъ хорошо! Оглянулся назадъ, однѣ спицы лежатъ (оглянулся назадъ — вѣтъ ничего).

Вымѣнялъ кукушку на ястреба. Промѣнялъ сапоги на лапти.

Хватилась Настя (хватились Настя), когда ворота настужь.

Гость по гостю, а ложки не мыты.

Застала зима въ лѣтнемъ платьѣ: а мы чаяли, и зимы не будетъ.

Подкрались будни подъ праздникъ, застали спохмелья.

Подкрала (исплошила) Софона Великая суббота.
 Хвать похватъ, анъ нечего взять.
 Хвать въ карманъ, анъ дыра въ горсти.
 На поклапое дерево и козы скачуть.
 Плохъ соколъ, что ворона съ мѣста сбила.
 На то щука, чтобъ карась не дремалъ.
 Держи руками! Бери въ обѣ руки!
 Къ сонному попу на исповѣдь не ходять.
 Говорить, какъ спать. Говорить, что на себя грезить.
 Не привыкать човукать (кувыкать, ковылять).
 Жить заднимъ умомъ (т. е., сперва сдѣлать, а послѣ подумать).
 Кабы знать, гдѣ упасть, такъ бы соломки подостлалъ.
 Кабы знать да вѣдать, гдѣ нынѣ обѣдать.
 Послѣ обѣда и Ляхъ мудеръ (т. е., сытый).
 Когда бь Цыгану тотъ разумъ напереди, что у мужика назади.
 Кайка-то есть, да воротки-то нѣту.
 Авось, да небось, да какъ нибудь.
 Кто авосьничаетъ, тотъ и постничаетъ (голодаетъ).
 Съ авосьникомъ нѣ хотя согрѣшишь (яли: попадешь въ бѣду).
 Авось да небось доводятъ до того, что хоть брось.
 Авоськаль, авоськаль, да и доавоськался.
 Авоська веревку вьетъ, небоська петлю накидываетъ.
 Спола-горя. Очертя голову. Спола-горя — своя воля.
 На смирнаго Богъ панесеть, а рѣзвый самъ набѣжить.
 На смирнаго Богъ бѣду шлетъ, а бойкій самъ наскочить.
 Дока на доку напалъ.
 Это что-то не спроста. Что-то не даромъ. Что нибудь да значить.
 Кому невдомекъ, тотъ добрый человекъ.
 Миѣ и невдомекъ, что ты добрый человекъ.
 Выть тебѣ волкомъ за свою овечью простоту.
 Не прикидывайся овцою: волкъ съѣсть.
 Стать овцою — волки найдутся.
 Закинуть обиняка. Заѣхать околицею.

Говорить, такъ договаривать, а не договаривать, такъ лучше не говорить.

Бить, такъ бить; а не бить, такъ нечего и рукъ марать.

Бить, такъ добивать; а не добивать, такъ и не починать.

Гдѣ вѣлокомъ, гдѣ переносомъ.

Мало штыка, такъ дадимъ приклада.

Не ловокъ штыкъ, такъ впередъ прикладъ.

Либо слушать, либо ничего не слышать.

Вахромѣй, разумѣй: кого корятъ, а тебѣ въ глаза говорить.

Вамъ поютъ, а намъ навѣтки даютъ.

Бѣглому одна доро́га, а погонщикамъ сто.

Не жареное — не пахнетъ. Не собачій носъ, не услышишь.

Не уга́нешь (не угадаешь), гдѣ упадешь, гдѣ утонешь.

Хозяинъ не заплачетъ, гостей не расжалобитъ.

Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ?

Надъ грѣхомъ старосты нѣтъ (а надъ старостой грѣхъ живетъ).

На грѣхъ мастера нѣтъ (а на бѣду и курица цѣтухомъ споетъ).

На всякій часъ ума не напасешься.

Разъ маху дашь — годъ не справишься.

На часъ ума не стало, а на вѣкъ въ дураки попалъ.

На всякаго мудреца довольно простоты.

Кто не пишетъ, тотъ не описывается (не записывается).

И на старуху бываетъ проруха. Живетъ и на старуху проруха.

На (не) всякое ремесло по злыднямъ.

И на Машку живетъ промашка. Живетъ и на Машку промашка.

И на молодца оплохъ (расплохъ) живетъ.

На кого проговоръ (оплохъ, расплохъ, промашка) не живетъ?

Безъ притчи вѣку не изживешь.

Доро́гой идешь, и то споткнешься.

Самъ Абрамъ дался въ обманъ.

И на добра коня спотычка живетъ.

И плавной рысакъ ину пору съ ноги сбивается.

Рысаку цѣна тысяча рублей, а за своей поруки нѣтъ.

Конь о четырех ногахъ, да (да и тотъ) спотыкается.

Нѣтъ такой лошади, чтобы не спотыкалась.

На грѣхъ и курица свиснетъ (кашлянетъ).

Кто бѣжитъ, тотъ и спотыкается.

Вѣкъ живучи, спотыкнешься идучи.

Не ошибается тотъ, кто ничего ни дѣлаетъ: а кто дѣлаетъ — ошибается.

Кто не пашетъ, у того и огрѣховъ нѣтъ.

Огонь безъ дыму, человекъ безъ ошибки (безъ грѣха) не бываетъ.

Нѣтъ такого дерева, на которое бы птица не садилась.

Другимъ дивились, а сами на льду обломились.

И въ солнцѣ есть пятна. И солнце не безъ пятенъ (переводя).

На одну ногу храмлетъ. Кто не прихрамывалъ?

Закнулся, что споткнулся. Недоговорка — спотычка.

Попастъ въ просакъ. Дать маху. Дать зѣвка, зѣвуна.

Не опознавшись, обознаешься.

Маха дашь, такъ годъ не справишься.

Не тетеревь (яное дѣло): по промаху не усидить.

Зашелъ я не съ тѣхъ улицъ: обобралъ бы всѣхъ куриць.

Не умѣлъ играть яйцомъ (комомъ), играй желвакомъ.

Ошибка въ фальшь не ставится.

Не всяко лыко въ строку. Не все лыкомъ, да въ строку.

Умѣлъ ошибиться, умѣи и поправиться.

Упалъ, такъ цѣлуй мать сыру землю, да становись на ноги!

Держи ухо остро! Ушки на макушкѣ.

Слушай ухомъ, а не брюхомъ! Аль ты уши отсидѣлъ?

Онъ однимъ только ухомъ слушаетъ.

Онъ только краемъ уха слушаетъ.

Въ одно ухо слушаетъ, въ другое выпускаетъ.

Въ одно ухо выпустилъ, въ другое выпустилъ.

Не слушалъ начала, такъ жди конца (говор. перебивающему разсказъ).

Мудрый слышитъ въ полслова.

Умный попь хотъ губами шевели, а мы грѣшныя догадываемся.

Чего глухой не дослышитъ, самъ догадается.

Для (про) глухаго двухъ обѣденъ не служить. Про глухаго не двѣ обѣдни служить.

Про глухаго попа, не разбить колоколѣ.

Протри себѣ глаза! Возми глаза въ зубы (въ руки)!

Одно око, да видѣть далеко. Кривой видѣть и однимъ глазомъ.

Слѣпой хоть ошупью, да бродить; а зря, и зрячій спотыкается.

Не вѣрь брату родному, вѣрь своему глазу кривому!

Глаженный лучше хваленаго (т. е., смотреный конь, котораго самъ рукою ошупалъ, гладилъ).

Свой глазъ лучше чужаго нахвалу.

Нашъ Демида прямо глядѣть (или: не туда глядѣть).

Два Демида, а оба не видѣть.

Глаза — какъ плошки, а не видѣть ни крошки.

Глядѣть, какъ въ рѣшето (какъ въ пальцы).

Глядѣть, ровно смотрѣть, а все мимо.

И хлопаетъ глазами, и разсуждаетъ руками, а все не впрокъ.

Глядѣть глядимъ, а видѣть, ничего не видимъ.

Гляди въ оба, зри въ три (а придетъ пора, наглядившись и въ полтора).

Гляди въ два, а не въ полтора!

Однимъ глазомъ спи, а другимъ стереги!

У него глаза въ затылкѣ. Пальцы растопырилъ, а уши развѣсилъ.

Чѣмъ пальцы топырять, такъ бы уши насторожилъ.

Журавль летаетъ высоко, да видѣть далеко.

Гость немного гостить, да много видѣть.

Умному намекъ, глупому толчекъ.

Кому перстомъ киваютъ, а намъ всѣмъ глазомъ (въ два глаза) мигаютъ.

Одному глазкомъ мигни, другаго дубинкой толкни (или: подъ бока толкни)!

Кому глазкомъ мигаютъ, а намъ руки машутъ.

Одному мигнулъ, другому кивнулъ, а третій самъ догадывайся (или: самъ догадался)!

Знаешь счетъ, такъ и самъ сочтень.

Самъ смекни, по чемъ сметки, по томъ и маленька рыбка.
 Самъ смекай, гдѣ берегъ, гдѣ край!
 Ты только свисни, а я и самъ смыслю.
 Умному свисни, а онъ ужъ и смыслить.
 Разумный только свиснетъ, а кто догадливъ, смыслить.
 Глупый только свиснетъ, а умный ужъ и смыслить.
 Всякая слѣпая про себя смекаетъ.
 Твой намекъ мнѣ не вдоmekъ.
 Я тебѣ челоmъ, а ужъ ты знаешь о чемъ.
 Какъ сказано, такъ и сдѣлано.
 Не оставляй назавтра дѣла, а оставляй хлѣба.
 Не покидай въ запасъ дѣла, а покидай въ запасъ хлѣба!
 Помни ребята: рожь не жата, а овесъ не кошень.
 Мужикъ хлопочетъ, себѣ добра хочеть.
 Всякій челоmъкъ впередъ смотрить.
 На свой пай самъ промышлай!
 Работы безъ заботы нѣтъ; а забота и безъ работы живетъ.
 Всякій уходъ не живетъ безъ заботъ (безъ хлопотъ).
 Легко — да заботно, измантъ пуще лому (тяжелой работы).
 Торговая баня всѣхъ моетъ, а сама вся въ грязи.
 Любить — хотъ не люби, да почаще взглядывай!
 Мойся бѣленько, гости близенько!
 Кто до денегъ охочъ, тотъ не спитъ и ночь.
 Доходъ не живетъ безъ хлопотъ.
 Самъ мокнетъ, такъ конь сохнетъ.
 Хорошо смазалъ, хорошо и поѣхалъ.
 Табориться, не съ тороками кориться (т. е., держи сбрую исправну).
 Не въ петлю лѣзть, что нечего ѣсть; а лучше погадать, какъ
 вѣкъ коротать (гдѣ что достать).
 Что припасешь, то и на столъ понесешь.
 Лежа пици не добудешь. Не печь кормить, а нивка.
 Дремалъ, дремалъ, да и выдремалъ.
 Не собравъ клѣпокъ, не собьешь и бочки.

Безъ ладовъ и ведра не соберешь.
 Кто любить медъ, заводи пчелы!
 Себя покоить — дому не пристроить.
 Хлопотъ полонъ ротъ, а перекусить нечего
 У Сидора попá не одна хлопотá (дочь пристроить, да жену уберечь).
 Не унóсится, какъ курица (какъ пава) съ яйцомъ.
 Носится, какъ кошка съ котятами.
 Какъ боярыня передъ мыльнею (хлопочеть)
 Баба скачетъ и задомъ, и передомъ, а дѣло идетъ своимъ чередомъ
 Не загадывай въ годъ, а загадывай въ ротъ!
 Умъ есть, какъ бы сладко съѣсть; а надо потужить, какъ бы пожить.
 День мой — вѣкъ мой, а недѣля — и весь животъ.
 Дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ. Дѣло не соколъ, не улетитъ.
 Дѣло (забота) — не ворона: не каркнетъ, а скажется.
 Сѣи рожь, а греча — не печа (не забота).
 Не вѣкъ вѣковать, одну ночь ночевать.
 Лягъ опочинься, ни о чемъ не кручинься.
 Дорожный ночлега съ собою не носить (не возить).
 Всякому нуженъ (гробъ), да никто на себя не строить.
 Лишній сборъ, лишняя и склока.
 Сорочи не сорочи, а безъ рубля будешь (о безтолковомъ бабьехъ
 счетѣ, сорокаин).
 Дать Богъ ротикъ, дать и кусочекъ.
 День пришелъ, такъ и ѣсть принесть; день прошелъ, заботу унесъ.
 Птица ни сѣтъ, ни оретъ, а сыта живеть.
 По (про, на) нашъ вѣкъ будетъ.
 По нашъ вѣкъ будетъ; а дѣти будутъ, сами добудутъ.
 Будетъ съ насъ, не дѣти у насъ; а дѣти будутъ, сами добудутъ.
 У неряхи, да непряхи, нѣтъ и путной рубахи.
 Видно непряха, коли угла рубаха.
 Какъ медвѣдь въ лѣсу дуги гнетъ.
 Гнетъ — не парить, переломить — не тужить.
 Намъ бы съ рукъ, а съ ногъ — хоть собаки тащи (гложи)!

Мнѣ бы съ плечъ долой, а съ рукъ и самъ стряхну.
 День да ночь — и сутки прочь; такъ и отваливаемъ.
 Была корова — такъ чортъ бы ее дралъ: а издохла, такъ и к
 молоку добра была.

Ему все ничего; ему все ни по чемъ.

Мнѣ все тринъ - трава; все щавель - дудка.

Онъ себѣ и ухомъ не ведеть. И въ усь себѣ не дуеть.

Спустя рукава, какъ ни попало.

Живи, Устя, рукава спустья.

Пошла стряпня, рукава стряхня.

Онъ и рукой махнулъ. Махни рукой (т. е., пусть такъ будетъ)!

Махни рукой, да ступай домой! Покинь молотило, возми дудку!

Положь да покинь, не замай лежить.

Веселая голова живетъ спустя рукава.

Нашъ Антонъ не горюеть (не тужить) о томъ.

Какъ Богу угодно Какъ (что) будетъ, такъ (то) и будетъ.

На людей надѣется, какъ на Бога; а на себя, какъ на чорта (о без-
 заботномъ).

За чужой головою сполáгоря жить.

Рѹки подъ голову — заботливый спать (повѣрье)

Не велика бы напасть, да спать не дасть.

Ни сонъ, ни ѣда, на умъ нейдуть. Отбило ото сна, отъ ѣды.

Подумаешь умомъ — и головушка кругомъ. Голова кругомъ идетъ.

День деньской — какъ за языкъ повѣшенный (т. е., или кричать,
 или суетится).

Таскають, что повивальную бабку.

Что всхудалъ? самъ лежалъ, а въ надъ болью сидѣлъ?

На нашу семью хлѣба не наямишься (не напасешься).

Плохо молиться, какъ на умъ двоится (т. е., коли заботно).

Спокойной ночи, спать до полночи, вытаращивъ очи.

Больше знать, такъ меньше спать. Много знать — мало спать.

Много звать — скоро состарѣться. Дѣдушка много зналъ, да померъ.

Подъ лежащій камень (подъ лежащую колоду) и вода не течеть.

Спи да лежи, съ богатствомъ сиди, а сердце чуетъ, что въ нищихъ быть.

Спи да лежи, Государь денежки приплетъ; а не приплетъ, такъ и насъ не сыщеть (т. е., не будешь въ отвѣтъ).

Пристроила дѣтей: одного по міру пустила, другаго въ науку отдала — свинопасу.

Что намъ хлѣбъ! были бы пироги.

Въ среду съѣдимъ, такъ въ четвергъ не глядимъ (поглядимъ).

Нынѣ съѣдимъ, завтра поглядимъ, а тамъ — споемъ, да спляшемъ.

Запасъ закромы ломить, а пусто — легче.

Много сыпать — задѣхнется въ закромахъ, а порожнія лучше про-
дуваетъ.

Лысаго чесать, такъ и масла не надо.

Нѣтъ бороды, такъ нечего и стричь (скоблить).

Ладонкой не загородишь (на пр., двора).

Ясли за конемъ не ходять. Хлѣбъ за брюхомъ не ходить.

Руки за ложкой не протянешь, такъ не придетъ сама.

Косолапый не кукса, что надо ухватить.

Захочетъ коза сѣна — будетъ у воза.

Захотятъ булавокъ — будутъ у нашихъ лавокъ.

Проголодается, такъ самъ догадается.

Многаго захочешь, пораньше съ постели вскочишь.

Лиса рано встаетъ. На печи промысловъ не водятъ.

Изъ семи печей хлѣбы ѣдалъ (т. е., опытенъ).

Не первую волку зиму зимовать. Не первая зима волку зимовать.

Волку зима за обычай. Мошнику (глухарю) вся зима за одну ночь.

Не первый снѣгъ на голову. Соколу лѣсъ не въ диво.

Онъ тутъ свой (дома), какъ Цыганъ на конной.

Его всѣ знаютъ, какъ мѣченый грошъ (какъ щербатую деньги, какъ рябую собаку, какъ попову собаку).

Не спрашивай стараго, спрашивай бывалаго.

Кто больше бывалъ (видалъ), тому и книги въ руки.

Ни стараго, ни малаго, а середоваго да бывалаго (спрашивай совѣта).

Вы диву дивуетесь, а мы ужъ дивовались.
 Поживешь съ мое, не то еще заговоришь.
 Отвѣдаешь самъ, повѣришь и намъ.
 Поживешь съ мое, да пожуешь съ мое, узнаешь.
 Поживи съ наше, да пожуй каши, тогда узнаешь.
 Поживешь — увидишь, да и мнѣ скажешь.
 Впредь на это ума купи (т. е., цѣною вынѣшней ошибки)!
 Впредь тѣ баушка наука: не ходи по внука (не ходи замужъ за внука)!
 Бывалые въ людяхъ говорятъ, небывалые дома сидятъ.
 Незнайка лежитъ, а знайка бѣжитъ.
 Не погнетши пчелъ, меду не ѣсть (не добудешь).
 Много мѹки перенесетъ пшеница до калача.
 До кого что не доходило, тотъ того и не знаетъ.
 Коли братня смерть не накажетъ, своею ужъ не накажешься.
 Что наскучить, то и научить. Что докучаетъ, то и поучаетъ.
 Не околѣло (дѣтя), такъ наторѣло.
 Жгуча крапива родится, да во щахъ уварится.
 Иному горе — ученье, иному (глушому) — мученье.
 Битому псу только плеть покажи. Битый песь догадливъ сталъ.
 На ухѣ ожегся, такъ на воду подуешь.
 Обожжешься на молокоѣ, станешь дуть и на воду.
 Былъ онъ и въ кольяхъ, и въ мяляяхъ.
 Видалъ свѣту, не только что въ окошкѣ.
 Не козыристъ парень, да мастистъ (находчивъ, догадливъ).
 Кого медвѣдь дралъ, тотъ и пня боится.
 Старога воробья и на мякишѣ не обманешь.
 Старая крыса ловушку обходить.
 Пугана ворона и куста боится. Пуганый звѣрь далеко бѣжитъ.
 Убытокъ учить нажить прибытокъ.
 Мы на томъ стоимъ: Я на этомъ зубы съѣлъ.
 Старый воронъ не мимо каркнетъ.
 Старый воронъ не каркнетъ даромъ: либо было что, либо будетъ что.
 Старый конь борозды не портить (т. е., въ сохѣ, при пашнѣ).

Вѣкъ мелеть, а посыпать не умѣть (т. е., сыпать подъ жерновъ).

Вѣкъ играетъ, а ладовъ (а ладу) не знаетъ.

Застарѣлую болѣзнь трудно лечить.

Первую пѣсенку зардѣвшись спѣть (т. е., робѣя).

Ушелъ, не ушелъ, а побѣжать можно.

Попытка не штука (не шутка), а спросъ не бѣда.

Запросъ въ кошну (въ карманъ) не лѣзеть.

Не испортивъ дѣла, мастеромъ не будешь.

Чѣмъ больше ѣздить, тѣмъ торнѣй дорожка.

Набить руку. Насобачиться, наблошниться (навыкнуть).

Видно першину работу: и персты знать.

Первоучка — какъ ни скучкалъ. Первоуценка — первоуценка.

Молодъ: въ кампаніи не бывалъ (или: въ Саксоніи не бывалъ; солд.).

Въ людяхъ живалъ, свѣту видалъ: топоръ на ногу обувалъ, топорщикомъ подпоясывался.

Не бывалъ я тамъ, и не знаю какъ тамъ дверь створяется.

Въ первый, и дай Богъ въ послѣдній!

Видывали мы виды. Мы на этомъ зубы съѣли.

Старого лѣсу кочерга. Тертый калачъ. Мозоли на зубахъ.

Мы и сами съ усами. Стара штука (шутка).

Сказывай тому, кто не знаетъ Ому, а я родной братъ ему.

Про это и я тебѣ (я и самъ тебѣ) пѣсенку спою.

Не учи сороку въ присядку плясать. Ученаго учить—только портить.

Младъ годами, да старъ бѣдами. Молодъ лѣтами, да старъ дѣлами.

Я и самъ обожженный кирпичъ. Этотъ ловець старыхъ овецъ.

Слышали и мы, какъ дубровушка шумить.

Это травленный звѣрь (бывалый человекъ).

И на конѣ бывалъ, и подъ конемъ бывалъ.

Вездѣ бывалъ: не былъ только у чорта на рогахъ.

У меня ужъ терто полозомъ по шеѣ. Щедровѣтый оспы не боится.

Кто въ морѣ бывалъ, тотъ лужи не боится.

Былъ на морѣ, былъ и за моремъ. Бывалъ у моря, бывалъ и за вѣремъ.

Запась.

Хлѣбъ въ пути не тягость. Запась мѣшку не порча.

Лишняя денежка карману не тяга.

Лишняя деньга не продереть кармана.

Подпоръ сѣна не сгноить. Подпора сѣна (корму) не просить.

Зародомъ (скирдой) мыши не задавить.

Паси сѣно не для зямы, для отзймка (или: позымка, т. е., для холодной, суровой весны).

Повѣжай на недѣлю, а хлѣба бери на двѣ!

Ѣдешь на день, бери хлѣба на недѣлю.

Помни мость да перевозъ (о мытахъ: бери про запасъ деньги въ путь).

Хлѣбъ-соль, да камень за пазухой, носи.

Въ вѣдро епанчу возять, а въ дождь (въ ненастье) и сама ѣдетъ.

Въ дождь избы не кроють, а въ вѣдро и сама не каплетъ.

Калачъ брось въ островъ, назадъ пойдешь — возмешь.

Кинь калачъ на лѣсъ (за лѣсъ), назадъ пойдешь — найдешь.

Кинь хлѣбъ-соль назадъ, очутится впереди.

Кинь добро назадъ, очутится напередъ.

Брось назадъ, оно станетъ впереди.

Кинь за собою, найдешь передъ собою.

Кинь передъ собою, найдешь за собою (эти послов. говорятъ о запасѣ и объ одолженіи, услугѣ).

Дальше спрячешь, скорѣе (ближе) найдешь.

Положи далеко, возмешь близко (т. е., спрячь).

Подальше положишь, поближе возмешь.

Что глубже сѣмя схоронится, то лучше уродится.

Не плюй въ колодезь: случится напиться.

Не плюй въ водицу: пригодится напиться.

Что припасешь, то и сосешь.

И медвѣдь изъ запасу лапу сосеть.

Гдѣ положишь, тутъ и выворожилъ.

Не паси дѣла, паси хлѣба (т. е., дѣла въ запасъ не покидай)!

Покидай на утро хлѣба, не покидай на утро дѣла!

Надо хлѣба и на послѣ обѣда.

Отъ добраго обѣда и къ ужину останется.

Не гложи костей, береги для гостей!

Ѣшь пирога, а хлѣбъ впередъ береги!

Блюда хлѣбъ про ѣду, а копейку про бѣду.

Не худо, что просвира въ полпуда.

Великъ сапогъ — на ногѣ; малъ — подъ лавкой (о запасѣ, излишкѣ).

Добрый шортной съ запасомъ шьетъ.

Припасай клюку, пока не сгорбило въ дугу!

Запасливый лучше богатаго.

Запасъ мѣшка не дереть. Запасъ бѣды не чинить.

Сума нищему не помѣха.

Въ доброй поряднѣ (хозяйствѣ) не въ торгъ, а въ клѣтъ (стунай).

Въ запасъ не наглядисься (т. е., глядѣть все снова хочется, на то, что любо, мило).

Пусть не будетъ муки въ закомѣ, не переводился бы печеный хлѣбъ.

Люблю дружка: укуся пирожка, да въ запазушку.

Укусишь пирожка, да въ пазушку — помани Богъ бабушку!

Запасливый нужды не терпитъ (не знаетъ).

Запасливый гость безъ ложки не ходитъ (а бурлакъ ее на шляпѣ носитъ).

• Бѣлая деньга про черный день. Залилъ за шкурку сала (запася).

Припасти себѣ калиточку (лазейку).

Плоха мышь, что одинъ только лазъ (одну лазейку) знаетъ.

У молодца — не безъ долотца. Есть и шильце, и мыльце, и брильце.

У Варвары все въ карманѣ (о запасливомъ человѣкѣ).

За чѣмъ домой, какъ все съ собой?

Пришелъ Спасъ — держи рукавички про запасъ!

Время времени не работаетъ (т. е., каждому дню свой трудъ).

Годъ на годъ (время на время) не работникъ (т. е., запасъ).

Зимою сгожается (пригожается), что лѣтомъ урожается!

Не будь въ осень торовать, будь къ веснѣ богатъ.

Не выливай помоевъ, не подготовивъ чистой воды!

Это запасная спица (т. е., пригодится, береги).

Не запасшись лыкомъ, ходить въ ошметкахъ.

Есть шило, да въ сумѣ. Есть медокъ, да засвѣченъ въ ледокъ.

Пришлось на печи сидѣть сватьѣ: застала зима въ лѣтнемъ платьѣ.

Хлѣба до обѣда, а щей до ужина (достало).

Всякаго нѣта запасено съ лѣта.

Раздумье — рѣшимость.

Ни да, ни нѣтъ; ни туда, ни сюда; ни туда, ни оттуда; ни то, ни се; ни такъ, ни сякъ, ни этакъ.

Ни вонъ, ни въ избу; ни со двора, ни во дворъ.

Шить ли, бѣлить ли, а завтра великъ-день.

Не то стоѧ простоять, не то сидя просидѣть, не то лежа пролежать.

Жметса, мнетса, переминаетса. Что-то онъ пожимаетса.

Что-то онъ будто не туда глядитъ.

Я любить не люблю, отказать не могу (не хочу).

Жаль парня, да не погубить бы дѣвки (и наоборотъ).

Батюшкой назвать не хочется, свекромъ назвать — разсердится.

И хочется, и колетса, и матушка не велитъ.

Молодому жениться рано, а старому поздно.

Дать ли, взять ли, — раздумье беретъ.

Думалъ было дать, да раздумалъ опять.

И кума жаль, и пива жаль. И свата жаль, и себя-то жаль.

Думка недоумка. Думка надоумка (т. е., и недоумѣваетъ, и надоумиваетъ).

Не то тыкать, не то выкать (ты и вы).

Пустили дурака на распутье (изъ сказочн. быта).

Сбить (сбиться) съ пахвы, съ толку, съ панталыку.

Тутъ по неволѣ зачешешь затылокъ.

И вижу, да не вижу; и слышу, да не слышу (не хочу).

Не купить — горе, а купить — вдвое (другое).

Кусать ногти; теперь вотъ и грызи ногти!

Раскидывай (разводи) на бобахъ! Расклянй умомъ!

Умомъ не расклинешь, пальцами не растычешь.

Хороша бы присказка, да думчива. По небу облака, по челу дума.

Собралися думу думать кулики, на болотѣ сидючи.

Тяжелъ на подъемъ. Его сразу не сдвинешь.

Какъ быть, какъ жить—не то стричь, не то брить, не то опалить.

Чѣмъ шелудиваго брить, не лучше ль опалить?

Озадачилъ, словно перелобанилъ.

Озадачилъ, какъ полѣномъ въ лобъ (какъ обухомъ по лбу).

Огорошилъ, что и на ногахъ не устоялъ.

Словно щелчка поднесъ. Какъ палкой по носу.

Сталъ какъ быкъ, и не знаю какъ быть. Сталъ въ пень.

Съ горы вскачь, а въ гору — хоть плачь!

Подъ гору-то такъ, да въ гору то какъ?

Сталъ на думахъ, какъ на вилахъ.

Сталъ (пришелъ) въ тупикъ, что некуда (что не знаешь куда) ступить.

Сталъ (отошелъ, глядитъ), словно несолоно хлебалъ.

Глядитъ, словно въ первый видитъ (будто родясь не видалъ, будто сроду въ первые видитъ).

Что глядишь, ротъ разинувъ? Что бѣльма оставилъ? Что буркала выпучилъ? Что талы (шары) катаешь? Что уши развѣсилъ?

Глядитъ, да глазами хлопаешь; молчитъ, да руками разводитъ.

У него рожа по шестую пуговицу вытянулась.

Аль ты слова не доищешься?

Глядитъ, будто глоткомъ подавился.

Опѣшалъ, словно столбнякъ нашелъ.

Сталъ, словно вкопанный, словно къ землѣ приросъ.

Удалой долго не думаетъ.

На булатѣ ни написать, ни стереть.

Быть такъ, приму грѣхъ на душу, а ужъ сдѣлаю то и то.

Ужъ что ни будетъ, а поставлю на своемъ.

Долго думать — тому же быть. Раздумье на грѣхъ наводитъ.

Долгая дума — лишняя скорбь. Чѣмъ думать, такъ дѣлай!

Думай двойко, а дѣлай одинако (т. е., рѣшайся, да не измѣняй опятъ)!

Заваря пива, не угадывай (каково будетъ), а сваря, не отгадывай (не отдумывай)!

Какъ ни ворочай, а одно одного короче. Какъ ни кинь, все клинъ.

Какъ ни мудровать, а клюшву съ клюшвой тачать (клюшва—боевая часть башмака).

Какъ Богъ на сердце положить.

Помилуй мя, Боже, да и на олтарь твой тельцы (т. е., ^{козлы}козчяй)!

Толкованое — не перетолковывать статью.

Пережеваннаго не варить. Что сдѣлано, то свято.

Аминь тому дѣлу. Конецъ концовъ, и дѣлу тому аминь.

Ухо рѣжь, а кровь не канеть (т. е., крѣпокъ въ словѣ).

Начало — конецъ.

Благослови Богъ починъ!

Благослови Богъ встать, а ляжемъ и сами.

Все дѣло въ починѣ. Починъ всего дороже.

Гдѣ не было начала, не будетъ и конца.

У насъ еще и конь не валялся (т. е., дѣло и не начато).

Не для барыша, ради почину. Починомъ торгъ стойтъ.

Починъ дороже рубля (денегъ). Малъ починъ, да дорогъ.

Зачинъ (начинъ, починъ) дѣло красить.

Лиха бѣда начало. Лиха бѣда починъ.

Лиха бѣда починъ: есть дыра, будетъ и прорѣха.

Доброе начало—полдѣла откачалю. Доброе начало—половина дѣла.

Полнѣсенки спѣла — половина дѣла.

Лихо заложить киль, а кокоры и добрые люди вставятъ (Матрос.).

Лиха бѣда помы шивнели завернуть, а тамъ пошелъ (Солдатск.).

Стать почивать, стать сказывать (т. е., надо начинать дѣло).

Начинай сначала, гдѣ голова торчала.

Зачинается, починается, отъ начала начинается.

Сначала думай, а подѣ конецъ дѣлай!

Начать, не то что кончить. Зачать легко, а родить трудно.

Не начавши думай, а начавши дѣлай!

Тонко запряла, да скоро оборвала (да толсто вытянула).

Шлохое начало — и дѣло стало (все назадъ помчало).

Плохое начало, что не видать конца. Начать — не кончать.

Иду — не иду, пошелъ — не иду, а пришелъ, такъ иду.

Ѣду, не ѣду, поѣхалъ не ѣду, а приѣхалъ, такъ ѣду.

Голова хвоста не ждетъ.

Гдѣ хвостъ начало, тамъ голова мочало.

Новая метла (голикъ) чисто мететь (переводная).

Перваго покупателя не обѣгай! Первая волвянка въ кузовъ.

Первую нѣсенку зардѣвшись спѣть (поютъ).

Первая рюмка коломъ, другая соломъ, прочія мелкими пташками.

Первую (рюмку) перхотою, а третью охотою.

Первый кусъ разбойникъ (т. е., на голодный желудокъ).

Первому кону не радуйся (выигрышу)!

Первому дураку не вѣрь (первому вралю вѣры не давай)!

Первыхъ щенятъ за заборъ мечуть (т. е., щенятъ перваго помету).

Первый звонъ — червямъ разгонъ.

Не смотри начала, смотри конца.

Не бойся начала, а жди конца (а бойся, берегися конца)!

Не хитро съ насѣсти слетѣть, было бы гдѣ сѣсть.

Хорошо летаешь, да гдѣ-то сядешь? Летаешь, какъ и быть, а сѣсть не умѣешь.

Не вѣрь началу, а вѣрь концу (а жди конца)!

Начало трудно, а конецъ мудренъ.

Начиная дѣло, о концѣ помышляй!
 Не дорого начало, а похваленъ конецъ.
 Хорошо городишь, да какова-то весна будетъ (не снесетъ ли)?
 Упалъ-то больно, да всталъ здорово.
 Осенняя муха (иоздняя) больнѣ кусаетъ.
 Долго ждуть, да больно бьютъ.
 Богъ долго терпитъ, да больно бьетъ.
 Не дочитавъ сказки, не кидай указки!
 Не дорога засѣдка, дорога отсѣдка (яли: высѣдка, т. е., дегтя)
 Остатки сладки. Послѣдочки милѣе. На днѣ гуще.
 Стыдливый (останний) кусокъ на блюдѣ лежитъ.
 Не хвались отъѣздомъ, хвались прѣбавомъ!
 Не вѣрь выѣзду, вѣрь прѣезду!
 Не суди по прѣезду, суди по отъѣзду!
 Не радуйся прѣезду, радуйся отъѣзду!
 Это присказка, а сказка будетъ впереди.
 Это еще только цвѣточки, а ягодки будутъ впереди.
 Это однѣ запѣвки, а послушаемъ подголосковъ, да выноснаго.
 Твоя рѣчь впереди (говорятъ, перебивая слово, т. е., я еще не кончѣю).
 У всякаго словца ожидай конца!
 Умѣлъ начать, умѣй и кончать! Какъ началъ, такъ и кончай!
 Какъ заварилъ кашу, такъ и выхлебай (яли: кто заварилъ —
 самъ заварилъ).
 Какъ шоволоку тянешь. Этой ниткѣ (канители) конца не будетъ.
 Совѣсить? Совѣсъ, только масломъ пособоровать.
 Совѣсъ, только голову приставить.
 Совѣсъ Максимъ, и шанка съ нимъ (и Аксиныя съ нимъ).
 Не мудрено запыхнуть мутовку, мудрено вытащить.
 Шабашъ, міряне, обѣдня вся. Отиѣли (покойника), нигдѣ не задѣли.
 Отзвонилъ, да я съ колокольни долой.
 Азъ да буки, да и конецъ науки.
 Жилъ былъ царь Тофута — и сказка вся тутъ.
 Жилъ былъ царь, у царя псарь, да не было пса: и сказка вся.

Сказка вся, больше сказывать нельзя. Пѣсня вся, больше пѣть нельзя. Вотъ тебѣ и вся недолга. Съ концомъ, что съ узломъ.

У кого не долго, а у насъ какъ разъ (у кого скоро, а у насъ сеіи часть готово).

Дѣло въ шляпѣ (отъ жеребья, коего знаки въ старину, какъ и нынѣ, клалъ въ шляпу).

Отрубилъ, да и въ шапку (отъ обычая прятать все въ шапку).

Денежки на столъ, а изба на просторъ. (Отъ сватовства: на столъ, столовая, кладка, деньги по уговору, съ женихова отца, за отпускъ въ дому дѣвки, работницы).

Деньги на столъ, да и ступай домой!

Бей по рукамъ! Ударили по рукамъ! Бери полу: бей рука объ руку! Коли могоарычи выпиты, и дѣло покончено.

Совсѣмъ Максимъ, и съ килой и съ горбомъ.

Кобыла вся (сказалъ Жидъ, сидя на забедрахъ за Цыганомъ, который помаленьку его спыхивалъ).

Камень на шею, да въ прудъ головой (да въ воду).

Концы въ воду, а пузырья въ гору.

Всѣ бѣсы въ воду, да и пузырья вверхъ (о ссорѣ).

Въ куль, да въ воду (Мордовскій судъ).

Какъ рукой сняло. Какъ мыломъ (какъ водой) взяло. Какъ не бывало. И слѣду нѣтъ. Какъ вѣтромъ дуло.

Онъ допѣваетъ послѣднюю свою пѣсенку.

Лебединую пѣсню спѣть (переводн.).

Хлебнулъ, да и ложку на полати метнулъ. (Отъ обычая на крестинахъ, подносить отцу ложку каши съ солью, перцемъ, хрѣномъ и проч.).

Догорѣла свѣчка до полочки.

Ярко лучина горѣла, да гдѣ она?

Горѣли дрова жарко, было въ банѣ парко; дровъ не стало, и все пропало.

Дошла ветчинка до лычка (на которомъ она подвѣшена).

Что ни болѣло, да умерло. Какъ ни болѣло, да прикипѣло.

Не опять затѣвать. Не снова здорово.

Рѣшено веретено. Рѣшено и повершено.

Одному началу одинъ и конецъ. Одному началу не два конца.

Дѣло рѣшено и подъ лавку брошено.

Прогналъ батюшкину поясу до самого до лѣсу (промотался).

Шаханья много, да мать одинъ. Шаховъ много, да мать одинъ.

Но рукамъ, да и въ баню. Рѣша продана и возъ накрытъ.

Дѣло сдѣлали, Маланью за мужъ выдали.

Дѣлавши смѣялись, а сдѣлавши плачешъ.

Конецъ дѣлу вѣнецъ. Конецъ дѣло вѣнчасть (красить).

Добрый конецъ всему дѣлу вѣнецъ.

Пора спать, коли некого ждать.

Зови (хвали) день по вечеру.

Красному утру не вѣрь! Хвались вечеромъ, днемъ не сѣченый.

Не выдавъ вечера, и хвалиться нечего.

Весенней озими въ засѣкъ не сыплютъ.

Весна говоритъ: уключу; а осень говоритъ: а я еще погляжу (о хорошихъ всходахъ).

Когда хлѣбъ, тогда и мѣра; когда деньги, тогда и вѣра.

Что въ дѣвкахъ ни было, да теперь замужемъ.

Была подъ вѣнцомъ, такъ и дѣло съ концомъ.

Грѣхъ покрытъ (платкомъ, кивкой, повоемъ).

Началъ за здравіе, а свелъ на упокой.

Горячъ на почивнѣ, да скоро остылъ.

Горячій надорвался, дома не казался.

Начали гладью (гладко), а кончили гадью (гадко).

Сначала густо, а подъ конецъ пусто.

Въ стрѣльцы добра ставка, да выставка плоха (не скоро отдѣлаешься).

Замѣсила густо, да вынула пусто; въ середку подуло, такъ и къ верху вздуло.

Дѣло середкой крѣпко. Середка всему дѣлу корень.

Недѣля середою крѣпка, вѣкъ (жизнь) половиною.

Середовой крѣпче. Молодой зеленъ, старый сѣдъ, а середовой въ масть.

Середка на половинѣ — никто не въ обидѣ.

Дожили до средокрестной середы — и Святая недалечко.

Держись кончики за середку!

Руки, ноги и голова къ туловищу приставлены.

Кто въ субботу смѣется, въ воскресенье плакать будетъ.

Безъ кольца, да безъ вѣнца, въ дѣлѣ не живетъ конца.

Пошло дѣло въ завязку, дойдетъ до конца.

Илохъ конецъ, что невидать и начала.

Не стражай началомъ, покажи конецъ!

Начало благо, и конецъ потребенъ. Путному началу благой конецъ.

Доброе начало не безъ конца.

Началь погудкой, такъ и кончили дудкой.

Каково началъ, таковъ и конецъ.

Какимъ лѣтомъ пошелъ, такимъ не воротисься.

Звономъ началось, звономъ и кончилось (Вологод. г. Ник. уѣзд. на Возмѣ построена въ 1784 г. церковь, на мѣстѣ, гдѣ слышали звонъ; въ 1845 г. она сгорѣла со звономъ).

Годъ кончается (кончился), другой начинается (начался).

Побѣдимъ, попьемъ, да и домой пойдемъ.

Кормилъ до уса, корми и до бороды (т. е., потерпи, не гони маляго со двора, дай возмужать).

Долга эта пѣсня. Намъ конца этой пѣсни не дождаться (не дожить до конца).

Улита ѣдетъ, да когда-то будетъ.

Поколѣ солнце взойдетъ, а роса глазъ выѣстъ.

Онъ какъ расходится, такъ не уймешь.

Отъ норда къ весту, откачалъ да и къ мѣсту (Матроск.).

Трудно раскачаться, а тамъ пошелъ.

Что ни бай, а писать вѣди надо.

Всякое дѣло съ концомъ хорошо.

Дѣло безъ конца — что кобыла безъ хвоста.

Заговорилъ, такъ надо договаривать. Какъ ни верти, да дѣло верши!

Какъ ни мять, какъ ни валать — а въ печь сажать.

Дѣло задѣлано, надо додѣлывать.

Не круто (горячо, спѣшно) начинай, а круто кончай!

Начали лень трепать, такъ надъ нимъ не стоять.

Стали молотить — не въ колотушки играть.

Початую кладушку домолачивай, упрямую бабу доколачивай!

Коли мять лень, такъ ужъ доминать.

Коли бить, такъ ужъ добивай! Бить, такъ бей, чтобъ не очнулся.

Недорубленный лѣсъ скоро вырастаетъ.

Долго ли, скоро ли, а все будетъ конецъ.

Сколько веревку ни вить, а концу быть.

Сколько цвѣту ни цвѣсть, а быть опадать.

Струны готовы, не далеко и до цѣсенъ.

Сколько ни пѣть, а аминемъ вершить.

Не мы увидимъ (доживемъ), такъ дѣти наши.

Заварилъ кашу, такъ не жалѣй и молока (и масла)!

Задумалъ бѣжать, такъ не лежать.

Добивай шило въ черенъ! Осаживай обручи до мѣста!

Заварили кашу, что и въ ротъ не лѣзетъ (что и не знаютъ какъ расхлебать).

Не тужи о пнѣ, отрасли есть.

Живъ Курилка, не померъ. Не тужи по головѣ: душа есть.

У кольца, да у вѣнца, не найдешь конца. У кольца нѣтъ конца.

- Концы рубить — только снасть изводить, а все концамъ быть.

Гдѣ конецъ веревки этой? «Нѣтъ его, отрубили!»

У нашего словца не дождешься конца.

На вѣкъ протянется, на всякаго достанется.

Тянется, какъ глиста, какъ слюна.

Протянулось, какъ голодное лѣто.

Аминемъ дѣла не вершить (т. е., словомъ).

Не всякая пѣсня до конца допѣвается.

Работа — праздность.

Плохо жить безъ заботъ, худо безъ добраго слова.

Скученъ день до вечера, коли дѣлать нечего.

Не работа сушить, а забота.

Не то забота, что много работы, а то забота, какъ ея нѣтъ.

Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, проживешь вѣкъ съ весельемъ (плясать ума не сойдешь).

Шевелись, работой — ночь будетъ короче (т. е., хорошо уснешь).

Работать — день коротать; отдыхать — ночь избывать.

Моты мотать — дни коротать (т. е., отъ бездѣлья).

Праздность — мать цороковъ (перевод.).

Отъ нечего дѣлать и тараканъ на полати лѣзеть.

Безъ дѣла жить — только небо коптить.

Лѣнтяй да шалапай — два родныхъ брата.

Когда тотъ день придетъ, что съ лавки не встанешь?

Права ножка, лѣва ножка — подымайся по немножку!

Трутни горазды на плутни.

Изъ лука — не мы, изъ пищали — не мы, а попить, поплясать — противъ насъ не сыскать.

Изъ лука — не мы, изъ пищали — не мы; а зубы поскалнить, языкъ почесать — противъ насъ не сыскать.

Изъ лука не мы, изъ пищали — не мы, а чарочку вина — и установочка чиста.

Собака собаку въ гости звала: «Нѣтъ нельзя, недосугъ.» А что? «Да завтра хозяинъ за сѣномъ ѣдетъ, такъ надо впередъ забѣгать, да лаять.»

И козлу недосугъ: надо лошадей на водошой провожать.

Ходить, да походя бобы разводить. Что ты ходишь, да бобы разводишь?

Кнуты вьеть, да собакъ бьеть. Пошелъ слоновъ продавать,

Пошелъ черныхъ кобелей на бѣло перемывать.

Бить баклуши (чурбаны, изъ которыхъ точать деревянные чашки).

Онъ состоятъ въ комитетѣ по утаптыванію мостовой.
 Онъ служить за козла на конюшнѣ.
 Семь-пересемь, и день перешель.
 Сень-пересень, какъ бы день прошель.
 Пойду похожу, на добрыхъ людей погляжу.
 Пойду погулять, на бѣлый свѣтъ позѣвать.
 На людей поглядѣть и себя показать.
 Прѣсная шлея (лѣнтай). У него рѣки висятъ отболтались.
 Сидѣтъ поджавъ руки. Въ переборочку играть.
 Мухъ бить. Меледу меледить. Въ лапотъ звонить.
 Сидитъ Елеса, ноги свѣся.
 Лежитъ на боку, да глядитъ за рѣку. Лежа не работаютъ.
 Какъ ни мечи—а лучше на печи. Отъ бездѣлья и то рукодѣлье.
 Глядитъ въ окно, да ѣсть толокно. Браги частыя, а руки одинакія.
 Пилось бы да ѣлось, да работа на умъ не шла.
 Спишь, спишь, а отдохнуть некогда (не дадутъ).
 Подать оплачена, хлѣбъ есть, и лежи на печи.
 Ёсть руками, а работаетъ брюхомъ.
 Видывали мы сидней (безвогихъ), поглядимъ на лежня.
 И дуракъ праздники знаетъ, да будисей не помнить.
 Онъ въ святцы не глядитъ: ему душа праздники сказываетъ.
 День къ вечеру, а работа къ завтраму.
 Всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь. Нашей работы не переработаешь.
 Всѣхъ работъ не переработаешь.
 Господскоіи (барскоіи) работы не переработаешь.
 На мѣръ не наработаешься. Работа молчитъ, а плеча кряхтятъ.
 Дѣло не малина, въ лѣто не опадеть. Дѣло не голуби, не разлетятся.
 Работа не чортъ, въ воду не уйдетъ.
 Дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ.
 У Бога дней впереди много: наработаемся.
 Была бы охота, а впереди еще много работы.
 Безъ погулки день потеряешь, не воротисъ, а работа всегда пе-
 редъ тобой.

На работу позадь послѣднихъ, на ѣду напередъ первыхъ.
 Въ работѣ заяцъ, а въ ѣдѣ Жидовинъ.
 Рѣбить — ребята, а ѣсть жеребята (рѣбить, Сѣвер. работать).
 Не наше дѣло горшки лѣпить, а наше дѣло горшки колотить.
 Не наше дѣло тесать да гладить, а наше дѣло готовое владить.
 Не наше дѣло ставцы (чашки) точить, наше дѣло изъ ставца хлебать.
 Ёсть — такъ губа титькой, а работать — такъ носъ окованъ.
 На нивѣ потѣй, въ клѣти молись, съ голоду не помрешь.
 Лѣсъ сѣчь — не жалѣть плечъ.
 Орать (пахать), такъ въ дуду не играть.
 У матушки сошки (сохи) золотые рожки.
 На поле съ дермомъ, поле съ добромъ.
 Сѣють — плачуть, молотятъ — скачуть.
 Пашешь — плачешь, жнешь — скачешь.
 На дворѣ молѣтятся, такъ въ избѣ не колѣтятся.
 Что помолотишь, то и въ закроуъ положишь.
 Печка драть, долги клочить (т. е., лакомая ѣда).
 Съ печи сытъ не будешь. Не печь кормить, а руки (а нивка).
 Лѣнь лѣни и за ложку взяться, а не лѣнь лѣни обѣдать.
 Поваля Богъ кормить (т. е., лежннѣ, да ѣдннѣ).
 Хочешь ѣсть калачи, такъ не сиди на печи!
 Послѣ хлѣба, послѣ соли, отдохнуть часокъ, такъ завернется сала
 кусокъ, да лѣни мѣшокъ.
 Хоть чего не доѣшь, такъ долежишь (о лѣвннѣ).
 Хорошо на печи пахать, да заворачивать круто.
 Лежа на печи, прогладилъ кирпичи. Печь не пролежишь.
 Замерзла тетка, на печи лежа (свинья дверь растворила, а ей лѣнь
 было сойти да притворить).
 Отлежавъ бока, не любо за молотило взяться.
 Руки отвисли, плеча оттянули. Руки отвисли, губы окисли.
 Пролѣнннѣться — и хлѣба лишннѣться. Ёль бы да ниль, вотъ мое дѣло.
 Три дня мололъ, а въ полтора съѣлъ.
 У лѣнннѣваго, что на дворѣ, то и на столѣ (ничего).

Не уѣдно, да улежно; не корыстно, да вольно.

У нашей пряжи (непряжи) — ни одежды, ни рубахи.

Курица на сѣдало, худа пряля за пряслицу.

И лѣнивому свое брюхо не докучаетъ (не надокучитъ).

Вѣсть потѣшно, а работать докучно.

Въ пашнѣ огрѣхи, о на кафтанѣ прорѣхи.

Не много работниковъ, да много лѣмотниковъ (лѣтковъ).

Семеро одну соломенку поднимаютъ.

Одинъ рубить, семеры въ кулаки трубить.

Двое пашутъ, а семеро руками машутъ.

Семеро лежать въ кучѣ, а одинъ всѣхъ растаскаетъ.

Нужда учить, а барщина мучить.

День въ день, а топоръ въ пень; смотрю не на работу, а на солнышко (о барщинѣ: т. е., не пора ли кончать).

Подъ однимъ окномъ постучать, подъ другимъ выпросить, подъ третьимъ отдохнуть — подаёвочка-то сѣра, да волюшка своя.

Хоть корку (хвойку) глотать, да не пенья ломать.

Кобыла за дѣломъ, а жеребенокъ и такъ.

Кляча воду возить, а козелъ борожкой потряхиваетъ.

Сидить, какъ гость. Сидить руки склавши. Сидить, да глазами хлопаешь.

Лежи на боку, да гляди за Оку!

Такой работающій, что померъ съ кочедыкомъ въ рукахъ.

Ты отъ дѣла на пядень, а оно отъ тебя на сажень.

У него дѣло изъ рукъ валится. Работа въ рукахъ плеснѣетъ (гниетъ).

Послалъ Богъ работу, да отнялъ чортъ охоту.

Работа съ зубами, а лѣнность съ языкомъ.

Дѣло пытаемъ, а отъ дѣла лытаемъ.

Журавль ходитъ по болоту, наминается въ работу.

Пошлеть бы журавль въ мѣрщники, такъ не берутъ, а въ воло-
тильщники, не хочется.

Кто дятла прозвалъ дровосѣкомъ, желну бортикомъ?

Люди пахать, а мы руками махать.

Люди жать, а мы подъ межою лежать.
 Два брата на медвѣдя, а два свата на кисель.
 Пѣсню играть — не поле орать.
 Либо твать, либо врать, либо пѣсни пѣть.
 Лакома кошка до рыбки, да въ воду лѣзть не хочется.
 Хочется ѣсть, да не хочется лѣзть (въ подполье).
 Ъхалъ бы воевать, да лѣнивъ вставать.
 Шелъ бы воевать, да лѣнь сабли вынимать.
 Голова удатна, да лѣнь перекатна.
 Проглотить то хочется, да прожевать лѣнь.
 Не кстати спесивъ: ему замѣси, да и въ ротъ поцеси.
 Ему дай яичко, да еще и облупленное.
 Всякъ хочеть къ скопцу, а никто къ весельцу (скопъ — занасъ).
 Всякъ къ скопцу, а никто къ веслу.
 Ъвь, а дѣла не вѣмъ. Ъдимъ, ѣдимъ — а работа впереди.
 Одинъ собираеть, другой вѣваетъ.
 Одинъ съ сошкой (т е., работникъ), а семеро съ ложкой.
 Семеро стоять да слушаютъ, семеро ѣдятъ да кушаютъ.
 Ты что дѣлаешь? Ничего. А ты что? Да я ему помощникъ.
 Что дѣлаешь? Ничего. А онъ что? Помогать пришелъ.
 Мельникъ не бездѣльникъ, хоть дѣла нѣтъ, а изъ рукъ топорь
 нейдетъ.
 Не все работа у мельника, а стучу вволю.
 Работаетъ, какъ ребенокъ, а ѣсть какъ дѣтина.
 Сырое брюхо къ работѣ (къ ученью) туго.
 Легко поѣлъ, легко и сдѣлалъ.
 Не по работѣ ѣда. И того не намолотить, что проглотить.
 По промыслу кишки дѣла (изъ побаски, о дѣлѣ)!
 Не отъ росы (урожай), а отъ поту. Не столько роса, сколько потъ.
 Работать не заставлять, и ѣсть не посадять.
 Не выработаешь плечемъ, такъ не убьешь и клячемъ (бурдакъ).
 Столъ поставять, такъ и работать заставлять.
 Съ отказною Богъ по дворамъ не ходить.

Бобы не грибы: не посѣявъ не взойдутъ. Масло само не родится.
 Хозяину хлѣба ворошокъ, а молотильщикамъ каша горшокъ.
 Что людямъ радѣешь, то и самъ добудешь.
 Жнецы мои жнецы, да они жъ и нахлѣбнички.
 Ретивому коню тотъ же кормъ, а работы вдвое.
 Чисто мои жницы жнутъ, что изъ печи подадутъ.
 Гдѣ бабы гладки, тамъ нѣтъ и воды въ кадкѣ.
 Пусть невѣстка и дура, только бѣ огонь поранѣ дула.
 Тить, поди молотить! — «Спина болить.» — Тить, поди вино пить! —
 «Дай кафтанишко захватить!»
 Тить, поди молотить! «Брюхо болить.» — Тить, пойдѣмъ пить! —
 «Бабенка, подаѣ шубенку!»
 Тить, поди молотить! — «Брюхо болить.» — Тить, поди кисель ѣсть!
 «А гдѣ моя большая ложка?»
 Худое житье — встань, побѣги; хорошее — лягъ, полежи!
 Лѣнивый къ обѣду, ретивый къ работѣ.
 О добрѣ трудиться, есть чѣмъ похвалиться.
 На Бога уповай, а безъ дѣла не бывай!
 Повала, Богъ не кормить. Спн: Государь казны пришлетъ.
 Лѣнь добра не дѣлетъ. Лѣнь къ добру не приставитъ.
 Лѣнь безъ соли хлебаетъ. Лѣнь одежу бережетъ.
 Лѣнь, отвори дверь, сгоришь! «Хоть сгорю, да не отворю.»
 Лѣнь, отвори дверь! «Подай кочергу (т. е., чтобы достать съ печи)!»
 Кто много лежить, у того и бокъ болить.
 Сидячій стоячаго перетянетъ (повѣрье, будто человекъ сидя тяжеле).
 Лѣнивому не болить въ хребтѣ.
 Лѣнивому и грибу поклона не стобитъ.
 На полатахъ лежать, такъ и ломтя (и хлѣба) не видать.
 Лѣнивый и могилы не стобитъ.
 Не потрудиться, такъ и хлѣба не родится (не добиться).
 Золото не золото, не бывъ (не побывавъ) подъ молотомъ.
 Короче насѣчь (на пр., дрова), легче везть.
 Каково руки родятъ, таково плеча носятъ.

Каково ручки скроять, таково спинка износить.

Кто толчетъ, тотъ и хлѣбъ печеть.

Мни лёнъ долѣ, волокна́ будетъ болѣ (волокно будетъ долѣ).

Кто бѣжитъ, тотъ и догоняетъ (т. е., догонитъ).

Гребень (пралка) не Богъ, а рубаху даетъ.

За тонкимъ посидѣть, а за толстымъ полежать.

Пряди, дѣвица, не дѣнись, по лавкамъ не тянись!

Абѣнное сукно (Кавказск. домотканна) окончина въ окно.

Глаза глядятъ (страшатъ), а руки дѣлаютъ.

Не пугай молодца работой, а сыпь ему молу (т. е., что мелоть)!

Страшно видится: срѣбится, слюбится.

Не ударишь въ дудку, не налетитъ и перепелъ.

Налого́ (отъ гл. налегать) въ работѣ беретъ.

Заржавѣть у дѣла. Завалиться за дѣломъ. Умирать за дѣломъ.

Такъ работаемъ, что недосугъ носу утереть.

За вешней пашней — шапка съ головы свалится, не подыму.

Люблю сивка за обычай: кряхтитъ да везетъ.

Умыкали бурку крутыя горки. Уходили (укачали) сивку крутыя горки.

Умыкали савраску горы да овражки.

Потъ ключемъ лъетъ, а жнецъ свое беретъ.

Одна пора: страда́ (время покоса и уборки хлѣба).

Кинуло въ потъ: голова, что медъ, а языкъ, хотъ выжми.

Нѣтъ, да свое ѣтъ; а рѣчистъ, да не плечистъ — голодный сидитъ.

Добывай всякъ своимъ горбомъ! Нѣтъ мошны, такъ есть спина.

Работай до поту, такъ поѣшь въ охоту. Ышь хлѣбъ въ потѣ лица!

Рѣбяти до поту, вырѣбяти кабалу́ (Арханг.).

Нивка, нивка, отдай мою силку (говорять жнецы, катаясь по нивѣ, когда выжнутъ хлѣбъ)!

Камни ворочать. Землю копать. Воду толочь.

Бѣлыя ручки чужіе труды любятъ.

Холопа послать боюсь, а самъ итти лѣнюсь.

Намъ бы лошадка ружье везла, а мы бы за ней и пѣши шли.

Рада бѣ я пряха, да лѣнь напала.

Лѣнь прежде насъ родилась. Лѣнь старше насъ.

Я еще въ пеленкахъ, а лѣнь моя была ужъ съ теленка.

Въ просѣ на печи лежать (Южн.). Лежи на печи, да ѣшь калачи!

У него лѣнь за паузой гнѣздо свила.

Отъ лѣни мохомъ обросъ. Отъ лѣни губы блиномъ обвакли.

Отъ лѣни опузырился (распухъ). Кто лѣнивъ, тотъ и сонливъ.

Сонливый да лѣнивый — два родные брата.

Сонливаго не добудимъся, а лѣниваго не допнешься.

Хорошо лѣниваго по смерть посылать.

Гдѣ ночь ночуетъ, тутъ и годъ годуеъ.

Наши пряхи, а ваши спали.

Давай взапуски пряхи! «Что за неволя?» А ну, взапуски спи! «Ложись!»

Хоть три дни не ѣсть, а съ печи не лѣзть.

Были бѣ хлѣбъ да одежда, такъ и ѣлъ бы лежа.

Когда бѣ не ѣда, да не одежда, такъ мы бы лежа отдувались.

Когда бѣ не ѣда, да не одежа — такъ мы бѣ и опузырились лежа.

Когда бѣ не брюхо, такъ бы лежа всѣ опузырились.

Живеть, да хлѣбъ жуеъ. Живемъ, да хлѣбъ жуемъ; спимъ, да небо коптимъ.

Лѣнь мужика не кормить.

Трудъ человѣка кормить, а лѣнь портить.

Артели брюхо да руки — нѣтъ иной поруки.

Лѣнь не кормить, а только пучить (портить).

Встань мужа кормить, а лѣнь портить.

Кабы мужикъ на печи не лежалъ, корабли бы за море снаряжалъ.

На одномъ мѣстѣ лежа и камень мохомъ обростаетъ.

Лежа пици не добудеъ. Вѣкъ дологъ, да часъ дорогъ.

Лежить лежень до вечера, а поѣсть нечего.

Не разгрызеши орѣха, такъ не съѣши и ядра.

Въ полѣ серпомъ, да вилой, такъ и дома ножемъ, да вилой.

Чтобы рыбку съесть, надо въ воду лѣзть.

Безъ труда не вынешь и рыбку изъ пруда.

Сложь ручки, не пойдешь и по обабки (а лукошечко носи).

Не терши, не мьши — не будетъ и калачъ.

Не терть, не мять — не будетъ калачъ.

Нетолченное, такъ и не пшено; не молоть хлѣбъ, не мукѣ.

Молоть мелко — постоять; прастъ тонко — посидѣть.

Что потрудимся, то и поѣдимъ.

Въ лѣсъ не съѣдимъ, такъ и на полатахъ замерзнемъ.

Покуда цѣпъ въ рукахъ, потуду и хлѣбъ въ зубахъ.

Держись сохи плотнѣе, такъ будетъ прибыльнѣе.

Орать пашню — копить квашню.

Не вспахалъ (не передволя) такъ не дивись и сурепицѣ.

Станешь лѣниться, будешь съ сумой волочиться.

Хорошая ѣжа не придетъ лежа.

Лежа цѣла одежда, да брюхо со свищомъ.

На полатахъ лежать, ломти не видать.

Видѣлъ лѣнивый мужикъ хотуть во снѣ, не видать ему кобылки до смерти (до вѣку).

Хлѣбъ за брюхомъ не ходить.

Слава тебѣ, Господи, до бѣла свѣта проспали!

Господи, Господи! До обѣда проспали, встали, да обѣдать стали: наѣлись, помолились, да опять спать повалились.

Кто долго спитъ, тому Богъ проститъ.

Больше спишь, меньше грѣшишь. Кто спитъ, не грѣшитъ.

Кто ѣсть, тотъ и спитъ; а кто спитъ, не грѣшитъ.

Заря деньгу родить. Заря золотомъ осыплетъ.

Ранняя птичка носомъ прочищаетъ, а поздняя глаза продираетъ.

Муравей не великъ, а горы конаетъ.

Пыхъ, пыхъ, по горамъ, не спи по зорямъ!

Раньше вставай, да самъ наживай! :Наживать, такъ раньше вставать.

Кто рано встаетъ, тому Богъ подаетъ.

Сегодняшней работы на завтра не покидай!

Рано вставать — некогда пировать.

Дѣло во время не берема. Своя ноша не тянеть.

Не пиры пировать, коли хлѣбъ засѣвать.

Время деньгу даетъ, а на деньги и времени не купишь.

Хоть хлѣба и хороши, а пашню пашни!

Готовые хлѣбы хороши, а на лѣто, по старому, пашню пашни!

Въ полѣ Малавья, не ради гулявья, а спинушку гнеть для за-
паса впередъ.

Кобылка маленькая, а сѣдлу (сѣделкѣ) мѣсто есть (или: найдемъ).

У кобылки семеро жеребятъ, а хомуть своей.

Сколько кобылка жеребятъ ни рожала, а хомута не миновала.

Не поле кормить, нива. Не загонъ кормить, а нивка.

Кто не лѣнивъ пахать, тотъ будетъ богатъ.

Кто пахать не лѣнится, у того и хлѣбъ родится.

Гдѣ работно, тамъ и густо, а въ лѣнивомъ дому пусто.

Чего наберешь, то и понесешь (то и домой повезешь).

Что припасешь, то и понесешь (то и пожуешь).

Что умолотишь, то и въ зѣсѣкъ положишь.

И красенъ, и годистъ, а за деньгой таницы!

Добро за готовымъ хлѣбомъ на печи лежать.

Работой не выразишь, такъ рядой не вырядишь (и наоборотъ).

Рядись, не стыдись, а работай, не лѣнись!

Съ разговоровъ сытъ не будешь. Сладка бесѣда, да голодна.

Хоть устанешь потолокши, а не съѣшь не молочки.

Глядѣньемъ пива не выпьешь.

На чужую работу глядя, сытъ не будешь.

Съ погляденья сытъ не будешь (не насытишься).

Свѣсивъ руки (сложивъ руки), снопа не обмолотишь.

Глядя на лѣсъ не вырастешь, а смотря на людей богатъ не будешь.

Похвала (клячу), да въ соху.

Не бравшись за топоръ, избы не срубишь.

Руки не протянешь, такъ и съ полки не достанешь.

Нужда и голодъ погонять на холодъ. Выгнать голодъ на холодъ.

Вышла нужда на морозъ. Ходить и бѣсъ на морозъ.

Голодь морить, по свѣту гонить.

Нечѣмъ платить долгу, такъ итти на Волгу (т. е., либо въ бурлаки на заработку, либо на грабежъ).

Лямку три, налегай, да при! Кобылку въ хомуть, а бурлака въ лямку.

Терпѣніе и трудъ — все перетрутъ.

Богъ далъ здоровье въ дань, а деньги самъ достань!

Далъ Богъ руки, а веревки самъ вей!

По готовой работѣ вкусенъ обѣдъ.

Работа лучшей приварокъ. По работѣ ѣда вкуснѣй.

Вразумись здраво, начни рано, исполни прилежно!

Работа да руки — надежныя въ людяхъ поруки.

Рано встала, да мало напряла. Была игла, да спать легла.

Въ красный день прясть лѣнно.

Весной день дологъ, да нитка коротка.

Дни-то долги (весной), да нитки-то короткія (т. е., лѣнь прясть).

Лежи моя кудея, хоть цѣлую недѣлю!

Прощай, квашня, я гулять ушла!

Отъ кикиморы не дождемся рубахи (хотя онъ и придетъ).

Что напрядешь, то и потрясешь.

Что Машка напряла, то мышка скрала.

Эка прядева-то страсть, что некуда и класть!

Дѣвушка Гагула, сѣла прясть, да и заснула.

Клубъ въ лубъ, нити не вити; весна близка, безъ рубахъ тепла.

У лѣнливой пряхи и про себя нѣтъ рубахи.

Матушкины рубашки изношены, отцовска указка новѣхонька.

Что намъ въ пряхѣ? Пойдемъ да ляжемъ: придетъ весна, поставитъ красна (холсты), а прилетятъ кукушки, принесутъ мотушки.

Въ изгороду ткали, коломъ прибывали.

Что намъ прясть? Пряли бы волки по закустью, да намъ початки приносили.

Что намъ въ пряхѣ? Пойдемъ да ляжемъ.

На что прясть, коли готоваго страсть?

Прялицу въ подлавицу, а сама — бухъ въ пухъ!

У непрядохи ленъ цѣль (выгода).

Лѣнивый сидя спать, лежа работасть.

Швея Софья — на печи засохла (Соня, сонливая).

Длинная (долгая) нитка — лѣнивая швея.

Не пеняй на сосѣда, когда спишь до обѣда.

Спишь до обѣда, такъ пеняй на сосѣда, что рано встаетъ, да въ гости не зоветъ!

Пеняй на сосѣда, что спитса до обѣда; а онъ рано встаетъ, дрова рубить, а насъ не разбудить.

Спать долго — жить съ долгомъ.

Дѣла пытаешь, аль отъ дѣла лытаешь?

Хорошо бы орать, да рукъ не марать.

Намъ бы такъ пахать, чтобъ мозолей не набивать.

Не гляди на дѣло, гляди на отдѣлку!

Работнику работа, хозяину забота.

Ковки часъ, а ладки день.

Побить да подуть, вскочить да поточить — а дѣлъ нѣту (гов. кузнецъ).

По работѣ и работника (и мастера) знать.

Какъ скройшь, такъ и тачать станешь.

Какъ шьется, такъ и порется (и носится).

Пахать, такъ не дремать. Либо пахать, либо пѣсни играть.

Крой, да пѣсни пой; шить станешь, заплачешься.

Меньше строй, да больше крой (т. е., работай, а не затѣвай)!

Не домнешь мялкой, такъ не возмешь и прялкой.

И шьеть, и пореть. Ни шьеть, ни пореть.

Валить, какъ пень черезъ колоду.

Берется за дѣло, ровно нетесаный (словно самъ недодѣланъ).

Около помолимся (т. е., какъ нибудь, поскорѣе).

Фикъ-фокъ на одинъ бокъ.

Дѣлать какъ нибудь, такъ ни какъ и не будетъ.

Спать такъ спать, а не спать, такъ вставать.

Дѣло шутики не любить. Съ дѣломъ не шути!

Дѣлай дѣло не по конецъ пальцевъ!

1. орать, такъ въ дуду не играть. Когда орать, такъ не играть.
 2. ню пашуть — руками не машуть.
 3. эдакъ пахать, такъ лучше выпрягать.
 4. деть, какъ Ивашкинъ лапоть.
 5. гь, какъ съ горшками, какъ по горшки, какъ съ простоквашей.
 6. ть, будто съ яйцами въ торгъ.
 7. мя на дудку не идетъ (не забитса).
 8. на ѣдетъ до овина, пота дня половина; пока ѣдетъ до двора,
 завтракать пора.
 9. о учить и мучить, и кормить.
 10. отъ дѣла на пяденьку, а оно отъ тебя на саженку.
 11. ткать, либо прять, либо пѣсенки пѣть.
 12. трынка-волынка, либо прялка-моталка.
 13. ь пилюю — дуться (гнутья) спиною.
 14. ь разъ дерева не срубишь.
 15. бишь дуба, не отдувь губы.
 16. бить дубка, не надсадя пунка.
 17. олотъ — руки колотъ.
 18. ь духъ (отдохнуть, тѣлесно или духовно).
 19. ь лодыгу (отдыхъ).
 20. ь поля — и пастуху воля.
 21. ь ля, а досугу часъ. Послѣ дѣла и гулять хорошо.
 22. ь дѣло не забывай (а дѣло знай)! Молодецъ гуляй, да
 23. ь дѣла не забывай (а дѣло помни)!
 24. ь ка, гуляй, а дѣльца не забывай (а дѣльце помни)!
 25. ь чить, пора голенища строчить.
 26. ь а не загуливайся!
 27. ь в и лежничъ дѣльничкомъ, а въ жиру — и дѣль-
 28. ь никъ.
 29. ь не въ пору всходить.
 30. ь здничъ. Лѣнливому будень чѣмъ не праздникъ?
 31. ь сѣ праздники знаетъ по перстамъ (всѣ празд-
 32. ь).

Праздники помнить, а будни забываетъ.

Праздники памятны, а будни забывчивы.

Праздники частыя, а руки одинакія.

Нынѣ гуляшки и завтра гуляшки — находишься безъ рубашки.

Отъ шаты да баты (т. е., болтовня) не будемъ богаты.

Не посѣявъ ни горсти, да пошли Богъ пригоршни!

Уроди, Боже, побольше; а не посѣянаго — ни горсти.

Уроди Богъ много — а не посѣяно ничего!

Жнетъ не сѣявъ, молотить по чужимъ токамъ.

Посѣяно съ лукошко, такъ и выросло немножко.

Аминемъ квашни не замѣсишь; молитву твори, да мукѹ кледи!

Боже, поможи, а ты на боку не лежи! Богу молись, а самъ трудись!

Не сиди, сложа руки, такъ не будетъ и скуки!

Съ Богомъ начинай, а руками кончай!

Ори, да Бога моли; паши, ни о чемъ не тужи!

Богу молись, крѣпись, да за-соху держись!

Съ молитвой въ устахъ, съ работой въ рукахъ.

Трудовая денежка всегда крѣпка. Трудовая денежка плотно лежитъ, чужая ребромъ торчить.

Трудовая (праведная) денежка до вѣку живетъ (кормить, служить).

Горька работа, да хлѣбъ сладокъ. Сладкая ѣжа не придетъ лежа.

Вертя пришло, да вертя и пошло. Какъ пришло, такъ и ушло.

Съ вѣтру пришло, на вѣтеръ и пошло.

Легко добыто, легко и прожито. Легко пришло, легко и ушло.

Даровой рубль дешевъ, важивной дорогъ.

Чай ты усталъ, на мнѣ сидя?

Сперва ты меня повози, а тамъ я на тебѣ поѣзжу.

Сама себя раба бьетъ, что (коли) не чисто жнетъ.

Лѣнь на ремень, Лѣниваго подвеселить (батошкой).

Богъ труды любитъ. Божья тварь, Богу и работаетъ.

Пчела трудится — для Бога свѣча пригодится.

Не на себя пчела работаетъ.

У работающаго въ рукахъ дѣло огнемъ горить

Принялся за дѣло, какъ вошь за тѣло. Изъ кожи вонъ лѣзеть.
 Сѣрь мужичекъ, да сердить на работу. И сѣро, да сбѣливо.
 Преть, какъ сивый меригъ.
 Люблю сѣрка за обычай: кряхтитъ, да везеть.
 Понурая свинка глубока корень роетъ.
 Дома не лежу, а въ людяхъ не стою.
 Вполплеча работа тяжела: оба подставишь—легче справишь.
 Наши пошли зажинати ржи.
 Шила и мыла, гладила и катала, прала и лощила (а все языкомъ).
 На острую косу много сѣнокосу (покосу).
 На крѣпкій сукъ — острый топоръ.
 Попъ не усталъ, что рано къ заутрени всталъ.
 Не устала кобыла, что до Кіева ходила.
 Не тяжело суму носить, коли хлѣбъ въ ней есть.
 Своя ноша не тянетъ. На себя работа — не барщина.
 Спинка въ мякинѣ, а грошъ въ пясти.
 Работа черна, да денежка бѣла.
 Легче руками работать, чѣмъ головой.
 На ретивую лошадку не кнутъ, а возжи.
 Ни на какое дѣло не называйся, и ни отъ какого дѣла не отзывайся!
 На дѣло не набивайся, и отъ дѣла на отбивайся!
 Ретивая лошадка не долго живетъ.
 Ретивый надсадится. Горяченькій скоро надорвется.
 Ой-ой-ошеньки! болятъ боченьки; бока болятъ, а лежать не велятъ.
 Лѣто работалъ, зиму хлопоталъ; пришла весна — счелся, такъ
 жолвь спшелся (т. е., въ ничью работалъ).
 Жилами не нажить (не натянешь), чего Богъ не дастъ.
 Отъ трудовъ праведныхъ не нажить палатъ каменныхъ.
 Отъ трудовъ своихъ сытъ будешь, а богатъ не будешь.
 Отъ работы не будешь богатъ, а будешь горбатъ.
 Мужикъ не живетъ богатъ, а живетъ горбатъ.
 И съ топора не богатѣютъ, а горбатѣютъ.
 Не столько богачей на свѣтѣ, сколько горбуновъ (т. е.; еугулыхъ).
 Изза хлѣба на квась не зарабатываешь.

На наши заработки и годовой псалтири не закажешь.
 Эти отрепья не стодят тренки.
 Далеко шель, а добра не наше.ль.
 Съ берегу хорошо глядѣтъ на гребцовъ.
 Любо глядѣтъ на молотильщиковъ (только бы самого не застави).
 Господской работы никогда не переработаемъ.
 Были бы руки, а молотило дадутъ (найдемъ).
 Работы столько, что куры не клюютъ.
 За недосугами не ѣвши сидимъ. За недосугомъ и работа лежитъ.
 А когда досугъ-то будетъ? А когда насъ не будетъ.
 Будетъ досугъ, когда вонь понесутъ (т. е., какъ поирешь).
 Египетская работа. Каторжная работа.
 Вози (жни) хлѣбъ, а ѣшь мякину! Съи хлѣбъ, а ѣшь мякину!
 Нажилъ — чирій на боку.
 Оремъ землю до глины — а ѣдимъ мякину.
 Заработали чирій, да болячку, да третій горбъ.
 Не рада баба повою, рада бѣ покою.
 Не лиха тишина, лиха гребъ.
 Худая стойнка лучше добраго походу (солд.).
 Конь съ запинкой, да мужикъ съ заминкой, не надорвется.
 Пиво съ кваскомъ (съ кислотой), лошадъ съ запинкой, да человекъ
 съ лѣнцой — два вѣка живутъ.
 Лошадка съ лѣнцой хозяина бережетъ (не надорвется и не введетъ
 его въ убытокъ).
 Сытъ да богатъ, не хочу работать; а дѣти будутъ, — сами добудутъ.
 Муравей не по себѣ ношу тащить, да никто спасибо ему не мол-
 вить; а пчела по искоркѣ носить, да Богу и людямъ угождаетъ.
 Что дѣло, дѣло не соколъ, — не улетить.
 Отъ чего котъ гладокъ? Поѣлъ, да и на бокъ.
 Поѣлъ казакъ да и на бокъ, отъ того казакъ и гладокъ.
 Медвѣдь легъ — игра стала (т. е., куда работаешь, дѣло спорится;
 устанешь — дѣло стойтъ).
 Умеръ медвѣдь — и пляска стала.

Покой — движение.

Бѣжма (бѣгомъ) бѣжать. Накивать пятками.

Пуститься во весь духъ, сломя голову, безъ оглядки, безъ памяти.

Конь бѣжить, земля дрожить, изъ ноздрей полымя валить

Топаеть, какъ лошадь; топаеть, словно кованый волкъ.

Съ ногъ сгорѣлъ. Рѣзвы ноги подломились (подкосились).

Упалъ, какъ снопъ. Свалился, какъ съ корня срѣзанъ.

Ровно его громомъ пришибло. Ровно его кто обухомъ въ лобъ.

Словно кто его перелобанилъ.

Лежма лежать; пластою лежать. Лежать въ растяжку. Лежа легче.

Засѣлъ, какъ гвоздь въ стѣнѣ.

Завязъ, что въ лещедкѣ (или: въ капканѣ, въ дразгѣ, въ болотѣ и пр.).

Его оттуда ломомъ не выломашь; шиломъ не выковырнешь.

Сидитъ, какъ сычъ; какъ курица на яйцахъ.

Сидитъ, какъ чортъ на пенькѣ. Разсѣлся, что кулъ муки.

Сидитъ, раскисъ, по бокамъ развисъ.

Стойтъ, какъ свѣча. Стойма стойтъ. Стойтъ, какъ верста, какъ надолба, какъ пень.

Торчиломъ (рожномъ, коломъ, копыломъ) торчить.

Стоя съѣшь вдвое. Стоя, ростешь вдвое.

За постой деньги платять, а посидѣлки даромъ (гов., приглашая състь).

Согнуться въ три погибели, въ крюкъ, въ дугу

Течма течеть. Ливмя леть. Летомъ летить.

Сидитъ, какъ на огнѣ, на уголькѣ, на иголкахъ, какъ на жаровнѣ.

Вертится, словно на ежа сѣлъ.

Вертится, какъ зуй (куликомъ); живчикомъ бѣгаетъ; вертится дергунчикомъ.

Вертится, какъ на шилѣ. Какъ сорока на колу.

Вертится, коробится какъ береста (подметка) на огнѣ.

Мечется, какъ воръ на ярмаркѣ; какъ угорѣлый, какъ угорѣлая кошка. Какъ основу спуетъ.

Онъ плаваетъ по топорному.
 Какъ камень (ключъ, топоръ) ко дну.
 Юркнулъ въ воду — только пузыри вгору.
 Онъ далъ кувырколегію (т. е., упалъ, полетѣлъ торчмя головой).
 Полетѣлъ отъ Машки вверхъ-горшашки.

Тишина — шумъ, врывъ.

Тихій Ангелъ пролетѣлъ (общее молчаніе).
 Молчить, — какъ стѣна; какъ пень, какъ воды въ ротъ набралъ.
 Молчить, какъ мертвый; какъ не живой. Въ молчанку играетъ.
 Кто тихо ходитъ, тотъ густо мѣситъ. Тихе тѣни прошелъ.
 Молчанъ собака исподтишка хватаетъ.
 Не говоря худаго слова, да хватъ (о кусливой собакѣ, о драчунѣ).
 Въ тихомъ болотѣ (омутѣ) черги водятся. .
 Молчалъ, да и вымолчалъ. Кстати смолчалъ, да и вымолчалъ.
 Тихъ, да лихъ; крикливъ, да отходчивъ.
 Пóползень втихомóлочку нашелъ себѣ богомолочку.
 Не кричи: гости на полатахъ. Тихе кричи: бояре на печи.
 Кабы крикомъ брать — кого бъ мы къ рукамъ не прибрали?
 Кричи по малу, чтобъ на вѣкъ стало.
 Какъ ни надсѣдайся, а доброй свиньи не переголосишь.
 Нашумѣтъ нашумѣли, да тѣмъ и дѣло повершили.
 Звону много, да толку мало. Много шуму (крику), мало толку.
 Гдѣ много толковъ, тамъ мало толку.
 Кто много грозитъ, тотъ мало вредить.
 Береза не угроза: гдѣ стоить, тамъ и шумить.
 Осина и безъ вѣтра шумить. Осина все шепчется, а проклятое дерево.
 Зашумѣла мать зеленая дубравушка.
 Разбушевдалася Божья погодушка — только ревъ стоить.
 Расходится взводень (волна), такъ далече гудеть.
 Шумить, какъ вѣтеръ въ пустую трубу.
 Шумять, какъ воробьи на дождь.

Это буря въ лоханиѣ. Это потопъ въ ложкѣ.

Гора мышъ родила (перевод.).

Отъ свиньи визгу много, а шерсти нѣтъ.

Не мутясь, и море не становится (не станеть).

Дѣло дѣлать и за себя не сможетъ, а кричить одинъ за всѣхъ.

Крикомъ изба не рубится, шумомъ дѣло не спорится.

Съ голосу изба не встанеть. Гордомъ (глоткой) немного навоюешь.

Звонъ не молитва, крикъ не бесѣда.

Корье не малѣе — а дуба не стало (малѣе, колотыя доски).

Лѣсъ по дереву не плачетъ.

Подай косаря — казнить, рубить комара.

Не боится волкъ собаки, а боится звяги.

Взялъ бы въ руки дудку, да заигралъ бы побудку (Солдат.).

Бей сполохъ, Татаринъ идетъ.

Трубить, какъ въ рогъ; колотить, какъ въ барабанъ, какъ въ лукошко.

Крикъ, какъ въ Жидовской школѣ. Отъ крику пыль столбомъ.

Воломъ рычить; туромъ, медвѣдемъ реветъ. Взвытъ волкомъ.

Кричитъ какъ лѣшій.

Какъ лѣшій Перовскій зоветъ Куликовского въ гости къ родительской (подмосковн. село Перово и Куликово поле).

Эка пасть — хоть бы ей пронѣсть.

У Михайлы хайло — что твои звонкія трѹбы.

Кадыкъ не великъ, а рѣву много.

И земля, и небо стонутъ (такой шумъ, крикъ, гамъ и пр.)

Расходился, да размайорился, что и не приступишься.

Звонить во всѣ колокола.

Что за шумъ, коли драки нѣтъ? Что за шумъ, а драки нѣтъ.

Не всякаго бьютъ, кто кричитъ. Не всякъ кричитъ, кого бьютъ.

Полно браниться, не пора ли подраться.

Не своимъ голосомъ кричитъ (взвылъ, закричалъ).

Кричитъ, будто чортъ съ него лыка дереть.

Душа, что въ вѣникѣ, а голосъ что въ теремѣ.

У тебя голосокъ, что бабій волосокъ (тонокъ да дологъ).

У нея голосокъ — не кишка, а волосокъ.

Голосъ, словно изъ бочки. Гробовымъ голосомъ.

Голосъ соловьиный, да рыло свиное.

Вынь; а выпь! Полно тебѣ выть.

Курица яйцо снесла, да кудахъ-тахъ-тахъ!

Заткни ротъ рукавицей! Заткни хайло онучей!

Поднялъ весь домъ коромысломъ. Съ пѣсвисту пыль столбомъ.

Такой содомъ, что дымъ (пыль) коромысломъ (столбомъ).

Пыль столбомъ, дымъ коромысломъ — не то отъ таски, не то отъ пляски!

Сырѣ боръ загорѣлся (бѣда, шумъ изъ пустяковъ).

Весь домъ вверхъ дномъ.

С о н ъ

Каково живется (можется), таково и спится.

Спать соловьинымъ (будкемъ) сномъ.

Гдѣ ночевали? Подъ шапкой.

Гдѣ ходилъ, тутъ и спимъ. Гдѣ сталъ, тамъ спалъ.

Чую, гдѣ ночую, да не знаю, гдѣ сплю.

Ни на волосъ не уснулъ. Однимъ ухомъ спить, другимъ слышать.

Подъ головы кулакъ, а подъ бока и такъ.

Ходить сонъ по сѣнюшкамъ, дремà по новыѣмъ (колыбелямъ. пѣси).

Прошлась дрема по сѣнюшкамъ, а до насъ не дошла.

Кто больше всѣхъ спить, тотъ меньше всѣхъ живетъ.

Много спать — мало жить: что проспано, то прожито.

Сонъ, что богатство: что больше спишь, то больше хочется.

Кто живетъ на волѣ, тотъ спить болѣ (спить до воли).

Много спать — дѣла не знать (добра не видать).

Со сна головушку разломило; со сна распухъ.

Кто долго спитъ, тому денегъ не скопить.

Долго спать — съ долгомъ встать. Спать долго — встать съ долгомъ.

Кто поздно встаетъ, у того хлѣба не стаесть.

Сонливъ, такъ и лѣнивъ. Сонъ не богатитъ.

Пришелъ сонъ изъ семи селъ, пришла и лѣнь изъ семи деревень.

Заря деньгу даетъ. Зарю проспавъ — рубля не достать.

Рано вставши, больше наработаешь: рано женившись, скорѣе помощь будетъ.

Спитъ, какъ коней продавши (т. е., и напившись съ могоарычей).

Спитъ, какъ маковой воды напившись (снотворнаго настою маковой).

Спитъ, что съ него царь валитъ.

Спитъ, какъ мертвый (мертвецкимъ сномъ).

Спи, да не съ перепюю. Коли проспался, такъ надо опохмелиться.

Первый (лучшій) сень (сонъ) до полуночи.

Сонный хлѣба не проситъ. Не доѣтъ, такъ долежу.

Послѣ хлѣба-соли отдохнуть часокъ — завернется сала кусокъ, да лѣни мѣшокъ.

Хлѣбъ спитъ въ человѣкѣ.

Хлѣбъ спитъ, а не человѣкъ (пища сонъ даетъ).

Сонное царство (т. е., всѣ спать).

Спячка напала, всѣхъ покатома повалаала.

Сонъ смерти братъ. Уснулъ — померъ. Спитъ человѣкъ — не живой.

Сонный, что мертвый. Уснешь, что умрешь.

Сонъ милѣе отца и матери. Милая подружка подушка.

Сонъ лучше всякаго лѣкарства. Сонъ дороже лѣкаря.

Лягъ да усни; встанъ да будь здоровъ! Выспишься — помолодѣешь.

Лягъ опочинься, ни о чемъ ни кручинься!

Спать не писать — только глаза зажаты (т. е., не мудро).

Ночь matka — выплншься, все гладко. Ночь matka, все гладко.

Совѣсть спать не даетъ. Не живется, такъ и не спится.

У меня подушка въ головахъ не вертится (совѣсть чиста).

Перинка совѣсти не замѣна. Не всяку кручину заспать можно.

Безпечатальному сонъ сладокъ. И рука спитъ, и нога спитъ.

Свищи, душа, черезъ носъ! Спать — хоть изъ пушекъ пали.
 Такъ спать, что хоть клади въ гробъ, да хорони!
 Вздремнуть не вздремнулъ, а всхралнулъ, да присвиснулъ.
 Сонъ да дрема на кого не живетъ?
 За сонъ не ручись (не знаешь, долго ли проспишь, и что пригрезится!)
 Хмельной да сонный, не свою думу думаютъ.
 Во хмелю, да во снѣ, человекъ самъ въ себѣ не воленъ.
 Сонный, да пьяный—божевольный (не въ своемъ умѣ).
 Спать я не сплю, и дремать не дремлю; а думаю я думу (изъ сказки).
 Носомъ окуней ловить (дремлетъ).
 Вѣщій сонъ не обманетъ. Какъ сонъ въ руку.
 Себѣ спать, себѣ (на себя) и грезить.
 На кого спать, на того и грезить.
 Много спалъ, да мало во снѣ видѣлъ (и наоборотъ).
 Сонъ правду скажетъ, да не всякому.
 Дѣвичьи сны, да бабы сказки. Хвали сонъ, когда сбудется.
 Что на яву дѣется, то и во снѣ грезится.
 Что на яву дѣлаютъ, того не боятся; а что во снѣ видятъ, то
 го боятся.
 Куда ночь, туда и сонъ.
 Грозенъ сонъ (чортъ), да милостивъ Богъ.
 Видѣлъ мужикъ во снѣ хомутъ — не видать ему лошадки до вѣку.
 Видѣлъ во снѣ коровій слѣдъ: инъ на яву масломъ отрыгается.
 Видѣлъ Мордвинъ (Татаринъ) во снѣ кисель — такъ не было лож-
 ки; положилъ за пазуху ложку, не видалъ киселя.
 Коли чудится, такъ перекрестись! Манà манить, да Богъ хранитъ.
 Морочила морока, а пророчила сорѡка.
 Не во снѣ, на яву бредить. Во снѣ видить, на яву бредить.
 Во снѣ видѣлъ маковники, такъ во снѣ и ѣшь.

Кого не осилить ни князь, ни псарь, ни княжій выжлокъ? (Сонъ).

Пришелъ милый, да и повалилъ силой (Сонъ).

И рать и воеводу въ одинъ махъ перевалилъ (Сонъ).

Ренесло — снарядъ.

Бездупенъ колоколъ, а благовѣститъ во славу Господню.
 Въ гору—то семеро тащатъ, а съ горы и одинъ столкнетъ.
 Безъ клиньевъ кафтана не сошьешь.
 Безъ клина и плахи не расколешь. Клинь плотнику товарищъ.
 Кабы не клинь, да не мохъ, такъ бы плотникъ издохъ (такъ никто бы плотнику помогъ).
 Крестомъ да желѣзомъ хоромы поднимаютъ.
 Клинь клиномъ выживается, воръ воронъ губится.
 Колъ коломъ выбивай! Колъ да бродень всюду годенъ.
 Безъ топора не плотникъ, безъ иглы не портной.
 Безъ сала, дегтя (смолы) не отмоешь.
 Безъ веретена пряжи не срядешь.
 Не припаса основы, ткать (за станъ) не садятся.
 Безъ закваски хлѣба не мѣсятъ. Безъ косы и сѣна не накосишь.
 Безъ клещей кузнецъ, что безъ рукъ.
 Безъ собаки зайца не поймаетъ.
 Безъ снасти только блохъ ловить.
 Безъ снасти и вши не поймаетъ (не убьешь, т. е., безъ гребня).
 Не припаса снасти, не жди сласти!
 Изъ одной муки хлѣба не испечешь.
 Изъ водицы, да изъ мучицы, баба пироги печеть.
 Безъ ложки и добрый ѣдокъ станеть.
 Переставъ (сѣтъ) поставишь, такъ хоть ложкой вычерпай!
 Рыба худа — не наварна уха, рыба жирна — янтарна уха.
 Щелока не варить, и рубашки не мыть.
 Безъ огня, овина (т. е., хлѣба въ оwinѣ) не высушишь.
 Не огонь желѣзо калитъ, а мѣхъ.
 Ружье не выстрѣлить — и птицы не убьешь.
 На всякую гадюку есть рогатина. На всякаго звѣря по снасти.
 Безъ снаряда и лавтя не слетешь. Безъ топора по дрова.
 Въ лѣсъ идутъ, а на троихъ одинъ топоръ берутъ.

Рубить семерымъ, а топоръ одинъ.
 Безъ шапки — что безъ шапки.
 Безъ шапки, что безъ жены (и на оборотъ).
 Въ строю стоять — по ружью держать.
 Безкосый — не косецъ. Безконный не Казакъ.
 Безъ коня Казакъ кругомъ сирота (хоть плачь сирота).
 Булатъ желѣзо и кисель рѣжетъ.
 На добрый жерновъ что ни засыпь, все сметется.
 У насъ и шило брѣтъ (а шубы нѣтъ, такъ палка грѣтъ Соц.)
 Зубами супони не натянешь. Голыми руками ежа не ухватишь.
 Коли гужи плохи. кладь береги!
 Надсаженъ конь недалеко везеть.
 На лѣченой кобылѣ недалеко уѣдешь.
 На худой лошаdkѣ поскорѣй въ сторонку.
 На хорошей лошаdkѣ по дорожкѣ, а на худой по сторонкѣ.
 Тотъ тужи, у кого ременны гужи, а у насъ лыки да мочалы, да
 туда жь помчали (а ременныхъ дорогою не починишь).
 И не смазалъ, да поѣлалъ.
 Худая сбруя — несчастный (не хорошъ) выѣздъ.
 Худая снасть и отдохнуть не дастъ.
 Надсадно коню — надсадно и гужамъ.
 Надсадно бурлаку, надсадно и лямкѣ.
 Стрень-брень на лычкахъ (дурная, непрочная сбруя).
 Кто можетъ, тотъ и ѣдетъ; а не можетъ, такъ ползетъ.
 Не лошадь ѣдетъ (везетъ), а дорога (а корь. т. е., гладкая до
 рога, да сытый конь).
 Корабли спускаютъ, такъ саломъ подмазываютъ.
 Этимъ ножемъ хорошо бы стараго на печь подсаживать (тушь).
 На этотъ ножъ — хоть верхомъ охлябь (безъ сѣдла).
 На этомъ ножѣ — хоть верхомъ, да вскачь.
 У плохого мастера такова и цыла.
 У кого больно чистъ струментъ, тотъ плохой мастеръ (плохой
 работникъ).

Спать долго — жить съ долгомъ. Долго спать — долгъ наспать.
 Топоръ острѣе, такъ и дѣло спорѣе. Топоръ кормилецъ.
 Съ топоромъ весь свѣтъ пройдеши Топоръ всему дѣлу голова.
 Топоръ одѣваетъ, топоръ обуваетъ.
 Отъ топора щепки летятъ, подати оплачиваютъ.
 Кабы Богъ не далъ топора, такъ бы топиться давно пора.
 Клеёкъ да рубанокъ, столяру отцы родные.
 Черезъ низкое прясло и овца прыгаетъ.
 Гвоздемъ (шиломъ) моря не нагрѣешь.
 Съ камня лыкъ не надерешь. Аминемъ отъ бѣса не отбудешь.
 Отъ бѣса крестомъ, а отъ свиньи пестомъ.
 У Нѣнца на все струментъ есть.
 Остеръ мечъ, да некого сѣчь.
 Хорошъ бы день, да не кого бить. Не побивши, ровно не поѣвши.
 Есть и руки, да нѣтъ рукавъ мѣста.
 Все есть, да не къ чему рукъ приложить (нѣтъ работы)
 Есть и орало, да нечего орать. Есть и топорище, да нѣтъ топоришка.
 Есть кусало, да нечего укусить. И зубы есть, да нечего ѣсть.
 Дали орѣховъ бѣлкѣ, когда зубовъ не стало (Крыловъ).
 Нынѣ топору на свѣтѣ мѣста нѣтъ (не даютъ лѣсу рубить).
 По нынѣшнимъ порядкамъ, мужику топора не олатить (тоже).
 На то лѣсническому лѣсъ данъ, чтобъ мужики голѣли.
 Вино ремеслу не товарищъ. Винцо не снасть: дѣла не управить.
 Знай одно ремесло, да блюди, чтобъ хмелемъ не поросло!
 Было ремесло, да хмелемъ поросло. Ремесло къ собакамъ занесло.
 Вотъ то ремесло, что весь домъ растрясло.
 Свинопасъ и рубаху пропасъ.
 Руки золотыя, да рыло поганое.
 Фабричный, столичный: проведеть и выведеть.
 Мастеровой, что курица: что ступитъ, то и клюнетъ (и стукнетъ).
 Мастеровой — что курица: гдѣ ходить, тутъ и нашьется (походя
 нашьется)
 Дѣло знаетъ, да зашибаетъ (т. е., пьетъ).

Портной безъ кафтана, сапожникъ безъ сапоговъ, а плотникъ безъ дверей.

Портной безъ портокъ, сапожникъ безъ сапогъ.

Не проси у кузнеца угольевъ (либо вѣтъ, либо самому надо).

Захотѣлъ отъ калашника дрожжей (тоже).

Санникъ да колесникъ (тележникъ). а выѣхать не на чемъ.

У портнаго и локотокъ на отлетѣ.

Портной на грошъ украдетъ, а на рубль изъяну сдѣлаетъ.

Нѣтъ воровъ, супротивъ портныхъ мастеровъ (они пьютъ—ѣдятъ готовое, носить краденое).

Унести на ножницахъ (украсть; о портномъ).

Портные — воры клѣтныіе (деревенскіе, бродячіе портные).

Иглой выстегать, выковырять. Онъ выстегалъ иглой каменный домъ.

Фасонъ дороже приклада. Не за работу платять, за фасонъ.

Намъ лишь бы мѣрку снять, да задатокъ взять.

Каково полотно, такова и строчка.

Тѣсные сапоги разносятся, а узкіе ссядутся.

Кривое закрасится. Лачкомъ прикроется.

По рублю ступаетъ, рубль подымаетъ, на полтину глядитъ, сто рублей говоритъ (знахарь и коноваль).

У кузнеца — что стукнулъ, то гривна.

Портной — воръ, сапожникъ — буянъ, кузнецъ — пьяница.

Умудряетъ Богъ слѣпца, а чортъ кузнеца.

Что за ковъ (т. е., за ковку, работу), то и за ножъ.

Жарко ковать, холодно торговать (кузня и базаръ; или самое жестко: въ кузнѣ жарко, на морозѣ холодно).

Кузнецу, что козлу — вездѣ огородъ

У кузнеца рука легка: была бы шея крѣпка.

Новую одежду кроить, къ старой примѣряють.

Крой, да нѣсни пой: шить станешь — наплачешься.

Кроить, не шить: послѣ не распорвешь.

Проварился на сахарѣ, на шивѣ, на мылѣ и пр.

Три табакъ, а сбыту нѣтъ — самъ нюхай!

Прикинули, такъ самъ носи (обувь, платье, сшитыя не по мѣркѣ).

Шорникъ — полковникъ; портной — майоръ; а сапожникъ, въ грязь — такъ князь; а сухо — пали его въ ухо! (потому что можно обойтись и безъ него).

Нѣмецкая, Англійская работа (похвала). Русская работа (хула).

Живой не безъ промысла.

Ремесло за плечами не висить (не тяготитъ).

Ремесло — не коромысло, плечъ не оттянетъ.

Ремесла за плечами не носить (не носишь), а съ нимъ добро.

Ремесло пить-ѣсть не просить, а съ нимъ добро.

Не просить ремесло хлѣба, а само кормить.

Ремеслу вездѣ почетъ. Мастерство вездѣ въ почетѣ.

Худое ремесло лучше хорошаго воровства.

По ремеслу и промыселъ. У ремесла не безъ промысла.

Не всякое ремесло по злымъ дѣямъ.

Съ ремесломъ и увѣчный хлѣба добудеть.

Не горшокъ угодникъ, а стряпуха.

Алтыномъ постановка спора.

Не учи бездѣлю, учи руководѣлю!

Чѣмъ кормимся, тѣмъ и помимся (о ремеслѣ).

Человѣкъ сытъ однимъ хлѣбомъ, да не однимъ ремесломъ.

Одна работа (одно ремесло) не кормить.

За ремесломъ ходить — землю сиротить.

Лапти плестъ — одна въ день ѣсть (больше не выработаешь).

Что ни рукомесло, то и промыселъ.

Кто что знаетъ, тѣмъ и хлѣбъ добываетъ.

Всяко ремесло честно, кромѣ воровства.

Воровство — и то ремесло (на рель заносить).

Цыганъ варганы куеть, и то ему ремесло.

Не безъ ума, такъ и не безъ промысла.

Пилить пилой, гнуться (дуться) спиной.

Столяры да плотники отъ Бога прокляты; за то ихъ проклинали, что много лѣсу перевели (Шучоч.).

Рыбу ловить — край смерти ходить.

Подлѣ пчелки — въ медокъ, а подлѣ жука — въ навозъ.

Отъ козла псиной, отъ скорняка кислотиной (несеть).

Отъ дегтярнаго торгаша дегтемъ и воняеть.

Ходить въ лѣсу — видѣть смерть на носу (либо деревомъ убить, либо медвѣдъ задереть).

Подлѣ огня обожешься, подлѣ воды обмочишься.

Ходить у огня — обжечься, у воды — замочиться, а у сажи — замараться.

Ловцы рыбные — люди гиблые.

Кто съ дерева убился? Бортникъ; а утонулъ? Рыбакъ; а въ полѣ убитый лежитъ? Служилый человѣкъ.

Отъ работы (отъ сохи) не будешь богатъ, а будешь горбатъ.

Пашней, изза хлѣба на квасъ не заработаешь.

Промежъ сохи да бороны не схоронишься. Межъ сохой, да межъ бороной не ухоронишься.

Умѣешь ли ткать и прясть? У насъ матушка ткала и пряла, да не по двѣ рубахи нашивала; а въ городѣ ни орутъ, ни пашутъ, да калачи ѣдятъ.

Въ городѣ ни ткуть, ни прядутъ, да тоньше нашего ходятъ (эта пословица старѣе фабрикъ нашихъ).

Не всякъ толчетъ, а всякъ ѣстъ. Не хлѣбопеки, а хлѣбъ ѣдятъ.

Будто одни шубники (скорняки) въ шубахъ ходятъ?

Въ городѣ не пашутъ, да калачи ѣдятъ.

Въ деревнѣ пашутъ, да мякинный хлѣбъ ѣдятъ (мѣсятъ).

Мужикъ не прядетъ, а безъ рубашки не ходить; а баба и прядетъ, да не по двѣ носить.

Хоть ни точимъ, ни прядемъ, а наги не ходимъ.

Сидитъ на овчинахъ, а бьетъ соболей (о Сибирск. лѣсникѣ).

Москва стойтъ на болотѣ, ржи въ ней не молотятъ, а больше (а лучше) деревенскаго ѣдятъ.

Не всякъ пашню пашетъ, а всякъ хлѣбъ ѣстъ.

Не всякъ пашетъ, кто хлѣбъ ѣстъ.

Скотинику водить, не разиня ротъ ходить.
 Много хлѣба—держи свиней; а много денегъ — заводи мельницу!
 Конемъ ѣзжу — не выѣзжу, перомъ пишу — не выпишу.
 Перо легче сохи. Перо легче цѣна. Грамота не соха.
 И сѣть да весло — тожъ ремесло. Тесло да весло — и то ремесло.
 Такое ремесло, что къ чорту занесло (хмель).
 И то ремесло, кто умѣетъ сдѣлать весло.
 Хоть кадило, да деньгу бьетъ.
 Хоть ладаномъ надымить, только бѣ деньгу добыть.
 Хоть долото, да рыбу удить (Фомка зѣвакъ дурачилъ, на долото удилъ,
 помощники его въ это время обирали карманы).
 Господь повелѣтъ отъ земли кормиться.
 Сошка — золотыя ножки. Сошка сошенька, золотые роженъки!
 Держись за сошеньку, за кривую поженьку!
 Держись крѣпче сохи да бороны!
 Полюби Андревну (соху), будешь съ хлѣбомъ.
 Кто лѣнивъ съ сохой, тому все годъ плохой.
 Пола мокра, такъ и брюхо сыто (Арханг. рыболовы).
 Была бы рыба, а хлѣбъ будетъ (тоже).
 Море — наше поле (тоже).
 Мѣрка дѣло красить. По мѣркѣ мастера знать.
 Безъ мѣры и лацтя не силятсяъ. И гробъ по мѣркѣ тешуть.
 Шлотнику (работнику) копейку, подрядчику (парядчику) рубль.
 Хороши торги, что-то скажетъ переторжка?
 Дать или взять слазу; дать или взять отсталого.
 Пой, корми, со двора пайми!

Торговля.

Хорошій товаръ самъ себя хвалить.
 Хорошо, дешево не бываетъ. Цѣна по товару, и товаръ по цѣнѣ.
 Купи коня, и хода твоя (а хода даромъ).

Конь конемъ, а хода (а побѣжка) даромъ.

Баранъ бараномъ, а рога даромъ. Кафтанъ кафтаномъ, а бора даромъ.

Умереть не хочется, а продать хочется.

Лучше не бываетъ-съ (отзывъ сидѣльца о товарѣ).

Не побожившись, и иглы не продать. Безъ божбы не продашь.

Не солгать, такъ и не продать.

Отъ нахвалу (навалу) люди разживаются.

Покупатель дома похвалить, а купецъ въ лавкѣ.

Не похваля — не продашь; не похуля — не купишь.

Намъ товару не хвалить, такъ и не свалить.

Товаръ полюбится — умъ раступится.

Товаръ лицомъ продаютъ. Товаръ лицомъ кажутъ.

Не подкрасивъ (не подцвѣтивъ) товару, не продашь.

Не у продажи дѣло стало (поговорка купцовъ, при уступкѣ товара).

Торговаться одному, а конаться всѣмъ (отъ обычая, не перебывать другъ у друга цѣны, а когда приторговано, метать жеребій).

Илія пророкъ выбиваетъ градомъ хлѣбъ у тѣхъ, кто обмѣряетъ.

Передать поводъ (коня) изъ полы въ полу.

Удержать денегъ на поводъ (выключить, при уплатѣ за покупку, нѣсколько денегъ и удержать ихъ).

Пора деньгу береть (куеть). Товаръ мѣста не пролежитъ.

Нужда придетъ — стала не стала цѣна, а продавай.

Нужда цѣны не ждетъ.

Куплей да продажей (запросомъ да подачей) торгъ стойтъ.

Ты съ запросомъ, а я съ подачей.

Не по запросу (не по товару) подача.

Не запросъ корыстенъ, а подача.

Продавецъ пожалѣетъ — новокунка не ко двору.

Купилъ не купилъ, а поторговать можно.

Проси много, а бери, что дадутъ!

Запросъ въ карманъ не лѣзетъ. Спросъ не бьетъ въ носъ.

Продавцу воля, покупателю другая. Запросъ въ подачѣ не воленъ.

Мой запросъ, твоя подача. Ваши деньги, нашъ товаръ.

У купца расчетъ, у покупателя другой (свой).

У купца цѣна, у покупателя другая. У купца своя цѣна, у покупателя своя.

Торгуется, какъ Жидъ, какъ Цыганъ.

Базаръ (торгъ) на умъ наведетъ (ума дастъ, т. е., надоумить о цѣнахъ).

Худъ торжокъ, да не худъ горшокъ.

Продавецъ въ красныхъ сапожкахъ ходитъ (щеголяетъ).

Кто о барышахъ, а кто о могоарычахъ (хлопочетъ).

Барышъ барышемъ, а могоарычи даромъ.

Хоть въ убытокъ продать, а могоарычи пить.

Съ прибытку голова не болитъ (головушку не разломитъ).

Отъ изъяну нигдѣ не уйдешь. Убытокъ наводитъ на прибытокъ.

Корова пала, стойло опростала. Пало теля, прибыло хлѣва.

Деньга счетъ любить, а хлѣбъ мѣру. Безъ счету и денегъ нѣту.

Не все съ вѣрою—ино и мѣрою. Кому какъ вѣрять, такъ и мѣрять.

Никому не вѣрь, только счету вѣры!

Счетъ не обманетъ. Счетъ всю правду скажетъ.

Чаще счетъ, долше (крѣпче) дружба.

Счетъ дружбы не теряетъ (не портитъ).

Дружба дружбой, а въ карманъ (а въ горохъ) не лѣзь!

Дружба дружбой, а денежкамъ счетъ.

Кумъ—кумъ, а деньги—не кумъ.

Братъ братомъ, свать сватомъ, а денежки не родня.

Братъ, не братъ, а въ горохъ не лѣзь!

Свать не свать, а денежки не сваты (а товарищъ не засватанъ).

Родство дѣло святое, а торговля—дѣло иное.

Конецъ игры расчетъ. Игра расчетомъ красна.

Сколько ни должаться, а будетъ расчитаться.

Обчетъ не вычетъ. Обчетъ не въ зачетъ. Обчетъ не въ счетъ.

Свои (свои люди)—сочтемся. Что за счеты промежъ своихъ?

Что вышито, что вылито, тому счетовъ не сведешь.

Что девять сороковъ, что четыре девяноста—все одно.

По удоямъ молока не считать, и молока не видать.

Неправедная корысть впрокъ нейдетъ.

Неправедно (неправдою) нажитое, бокомъ (ребромъ) выпретъ.

Неправедная нажива — огонь. Неправедная нажива — не расжива.

Торгуи правдою, больше барыша будетъ.

Хоть нѣтъ барыша, да слава хороша.

Не до барыша, была бы слава хороша.

Обманомъ барыша не наторгуешь.

Не возмешь товаромъ, не возмешь и таланомъ (и божбою).

Дорожится: хочетъ расжиться.

Продорожилъ, ничего не нажилъ; а продешевилъ, да два раза оборотилъ — нажива и есть.

Крѣпился, дорожился, да вешней водой все пронесло.

Дорожиться — товаръ залежится; продешевить — барышей не нажить.

Намъ, лишь бы сбыть, да на покупателя угодить.

Нашъ Мишка не беретъ лишка.

Отдать за даромъ. Взять (купить) за даромъ (за ничто, за шаль, ни почемъ).

Не продажное, а завѣтное.

Не продажному коню и цѣны нѣтъ.

Лучше торговать, чѣмъ воровать.

Лучше воровать, чѣмъ торговать (о плохой торговлѣ).

Одинъ прикащикъ — одинъ воръ; два прикащика — два вора.

Кто чѣмъ торгуешь, тотъ тѣмъ и воруетъ.

Кто торгуешь, тотъ и горюешь. Торговать, такъ и горевать (и воровать).

Торговать — не горевать. Торговать — не пона звать.

Что за людьми, то и за нами (о барышахъ и пр.).

Одно купи, другое продай! Одно продай, другое купи!

Есть сѣно, такъ есть и хлѣбъ.

Пріѣхалъ къ торгу Романъ, привезъ денегъ полонъ карманъ.

Отъ иглы расторговался. Игла да булабочка, а не пуста лавочка.

Онъ таки зашибъ (зашибеть) копейку.

Около этого дѣла онъ таки погрѣлъ, руки (карманъ).

Взять барыша башъ на башъ (рубль на рубль).

Богаты не будемъ, а сыты будемъ.

Цѣна хороша, а не будетъ барыша.

Денегъ много взято, а барыша нѣтъ.

Хоть не корыстно, да и не обидно.

У грошеваго товара не наживешь (не уторгуешь) рубля.

Наши барыши — одни мѣдные гроши.

Тара (укупорка) дороже товара.

И дешево продають, да наживаются; и дорого продають, да проживаются.

Прибыль съ убылью смѣшалась, дѣла ничего не осталось.

Какъ счелся, такъ при своихъ и остался.

Сошлись, да разочлись, такъ ни съ чѣмъ (не при чемъ) и разошлись.

Дѣло такъ-сякъ волочится, да отстать не хочется.

То не извозъ, коли въ путину на кнутъ не зарабатываешь.

Разочлись — какъ вода разлилась (оба не при чемъ).

Сыгралъ въ ничью. Что далъ, то и взялъ.

Нажитки — жидки. Прибытки не прытки.

Славу кладемъ, будто деньги считаемъ, а только ими побрякиваемъ.

То не ростъ, что изъ горсти въ горсть.

Изъ праваго кармана въ лѣвый. Пересыпàть изъ мѣшка въ мѣшокъ.

Покупала по четыре ленежки, а продавала нару по два грошика.

Что не наживешь, все проживешь. То и убытокъ, что нѣтъ прибытка.

Что наживешь, то и проживешь.

Наживаемъ, да проживаемъ, такъ концы съ концами и сводимъ.

Легче прожить, чѣмъ нажить. Скоро проживается, не скоро наживается.

Что привезъ, то продалъ; что продалъ, что проѣлъ (пропилъ).

Продалъ на рубль, пропилъ полтину, пробуянилъ другую — только и барыша, что болитъ голова.

Продаетъ съ барышемъ, а ходитъ нагишемъ.

На этотъ барышъ и мѣчки не построишь (привязки, ремешка).

Съ этимъ барышомъ находишься нагишомъ.

Наше наживное — по дырѣ въ карманѣ.

Торговаль и кирпичемъ, да остался не при чемъ.

Ѣхалъ наживать, а пришлось и свое проживать.

Продалъ на деньгу, а проѣлъ на алтынъ.

Безъ накладу барышъ не живетъ.

Въ накладѣ воленъ Богъ, а въ убыткѣ батюшка (говор. сынъ, торгуя за отца).

Въ паю — въ бою, а не въ добычѣ (т. е., неизвестно еще, будетъ ли барышъ).

Не бойся убытка, такъ придутъ барыши.

Барышу накладъ большой (родной, старшій) брать.

Барышъ съ накладомъ на однихъ саняхъ ѣздить.

Прибытокъ съ убыткомъ на одномъ полозу ѣздить.

Барышъ съ накладомъ дворъ обо дворъ живутъ.

Прибыль съ убылью въ одномъ дворѣ живутъ.

Барышъ съ накладомъ въ однихъ сапожкахъ ходять.

Барышъ съ накладомъ въ одномъ карманѣ живутъ.

Барышъ съ накладомъ одного гнѣзда птенцы.

Прибытки съ убытками на смычкѣ ходять (т. е., неразлучны).

Барышъ, для подкраски, вверху лежитъ; а убытки всѣ на исподн.

Корабли за моремъ, а бирка (долговая) у сосѣда.

Поплины взяты, а товаръ утонулъ.

Малаго пожалѣешь, большое потеряешь.

Пропадай яйцо, а не курица!

Истора дешева, да корысть дорогá.

И то зерно (яйцо) что мышь снесла.

Большая добыча хуже малой (и люди позавидуютъ, и самому не впрокъ)

Маленька добычка лучше большого наклада.

Маленькій прибыльтокъ, да большая (большой) бережь.

Маленька добычка, да большой бережь — вѣкъ проживешь.

Не доходомъ наживаются, а расходомъ.

Если бь прибыльки, да не убытки, то и дѣвать бы некуда.

Торговля — кого выручить, а кого выучить.
 Не купля учить, продажа. Убытки умъ даютъ.
 Торгу на три алтына, а долгу на пять.
 Когдабъ не проигрался (не проторговался), такъ бы и не догадался.
 Не тогда товаръ запасать, когда покупатель на торгу стойтъ.
 Товаръ не медвѣдь, всѣхъ денегъ не съѣсть.
 Золотомъ товара не выкупишь.
 Деньга деньгу достаетъ (или: зоветъ, родитъ, куетъ, добываетъ).
 Лежачій товаръ не кормитъ.
 Товаръ — работникъ: лежа, на себя наѣдаетъ.
 Лежачій хлѣбъ ни понтъ, ни кормитъ.
 То не купецъ, у кого деньги дома (на лицо).
 Торгъ яма: стой прямо!
 Торгъ—яма: стой прямо; берегись, не ввались, упадешь—пропадешь.
 Прибылью хвались, а убыли берегись!
 Торговать, такъ по сторонамъ не зѣвать.
 Въ складчинѣ торгъ — не барыши (о торговлѣ товариществомъ).
 Въ сундукѣ не пряжа, а въ складчинѣ не торгъ.
 Въ прибиткѣ нѣтъ передѣлу.
 Безъ ума торговать, только деньги терять.
 Безъ ума торговать — сума нажить (долги наживать).
 Не оборотишь (не сдѣлаешь оборота), такъ и своего не воротишь.
 Торгъ безъ глазъ, а деньги слѣпы: за что отдаешь, не видятъ.
 Въ убытокъ торговать (продавать) нельзя.
 Торговать, такъ барыши получать (наживать).
 За показъ денегъ не берутъ.
 Перваго купца (покупателя) не упускай (не обѣгай)!
 Для почину всякаго почтѣ и уважу.
 Починъ всего дороже. На починъ, для почину.
 Купцы на порогѣ въ лавкѣ не стойтъ (покупателей отгонишь).
 За моремъ телушка полушка, да перевозу рубль.
 Богъ цѣну строить. Базаръ цѣну скажетъ.
 Ничему самъ собою цѣны не оставишь.

На базаръ ѣхать, съ собой цѣны не возить.
 На торгъ со своей цѣной не ѣздить.
 На торгъ поѣхалъ, свою цѣну дома покинулъ.
 Воляше торгу нѣтъ, а и тамъ неволя живетъ (о цѣнѣ).
 Чего нѣтъ (мало), то дорого; чего много, то дешево.
 Мало въ привозѣ — много въ запросѣ.
 То и дешево, чего не надо; а что нужно, то дорого.
 Дешевизна передъ дороговизной.
 На что спросъ, на то и цѣна. На что запросъ, то и дорого.
 Въ пустѣ городѣ и сидни дѣроги.
 Отъ навалу люди расживаются. Насиженое мѣсто полпочина.
 Народъ какъ волна, такъ и шапка полна (т. е., у торговца).
 На бойкомъ мѣстѣ торговать сподручно.
 Денежкой торгъ стоить (т. е., цѣной).
 На торгу денга проказлива.
 Денга торгу большакъ (голова, староста).
 На торгу, денга на волѣ, а купцы и продавцы всѣ подъ неволей.
 Торгъ любитъ счетъ. Торгъ самъ счеты сводить (не на бумагѣ, такъ въ карманѣ).
 Торгъ потѣху любитъ. Товаръ подачу любитъ.
 Торгъ любитъ волю, а умъ просторъ.
 Торгъ любое дѣло. Торгъ знаетъ мѣру, вѣсъ, да счетъ.
 На запретный товаръ весь базаръ.
 На опальный товаръ много купцовъ.
 Не только въ торгу, что телячья голова на полку (т. е., на прилавкѣ).
 Хоть въ отгонъ, хоть на убой, лишь денги отдай!
 Базаръ любитъ денгу (копейку).
 Торгъ дружбы не знаетъ. Торгъ торгомъ, а дружба даромъ.
 Въ торгу другъ денга. Въ торгу другъ, кто денги платить.
 Дешевъ хлѣбъ, коли денги есть.
 Денги дѣроги, а калачи дешевы.
 Дѣрогъ хлѣбъ, когда денегъ нѣтъ.
 Купить дорого, продать дешево. Купить, платишь; продаешь, плачешь.

Хлѣбъ продать — дешево; хлѣбъ купить — дорого. (Мужикъ продаетъ хлѣбъ осенью и зимой, послѣ сбора, когда деньги нужны на повинности; а покупаетъ, какъ не хватить, весной).

Купить, что вошь убить; а продать, что блоху поймать.

Купить — то и внучекъ купить, а продать, и дѣдъ намайся.

На нашемъ торгу все сойdetь.

Въ убытокъ отдаю, только для васъ.

За эту бородку давали двѣ новгородки, третью ладожанку.

Торгуешь — хайшь; купишь, похвалишь.

Гляди, торгуй, а потѣмъ не мудруй!

Твои деньги, твои и глаза: гляди самъ, что покупаешь.

Дорого — не купи, жалобы (безчестья) не клади!

Дорого — не купи, а даромъ не бери!

Не сходно — не сходись, а на торгъ не сердись!

Сердилась баба на торгъ, а торгъ того и не знаетъ (не вѣдалъ).

На торгу два дурака: одинъ дешево даетъ; другой дорого просить.

Есть и вода, что стѣбитъ крови. Иная вода стѣбитъ крови (слезы).

Добраго солдата выбираютъ, а не покупаютъ.

И дорогѣй товаръ изъ земли растеть.

Завѣтнаго не продаютъ. На завѣтъ и цѣны нѣтъ.

Нѣтъ хлѣба дороже, какъ въ просвиръ; а золота, какъ въ кольцѣ (или: въ крестѣ, въ медали).

У хорошаго товару не бываетъ накладу.

Отъ своихъ рукъ накладу нѣтъ.

Не товаръ кормить, купецъ (т. е., покупатель).

Не товаромъ Богъ кормить, а купцомъ (т. е., покупателемъ).

Богъ поможетъ, и купца пошлетъ.

Купецъ, что стрѣлецъ: попалъ, такъ съ полемъ; а не попалъ, такъ зарядъ пропалъ.

Купецъ, что стрѣлецъ: оплошнаго ждетъ.

Купецъ — ловецъ; а на ловца и звѣрь бѣжитъ.

Купчикъ купецъ, разудалый молодецъ. Купецъ — плутецъ. Купчикъ голубчикъ. Купчикъ — деньгомупчикъ (деньгу лупить).

На прилавкѣ булавки, на полкѣ иголки; сѣра горюча, покромкѣ
линюча (дразнить Офеней).

Хозяинъ за товаромъ, а Богъ съ накладомъ.

Продавецъ за товаромъ, а купецъ за накладомъ.

Купецъ торгомъ, попъ горломъ, мужикъ горбомъ (береть).

Самъ бы ѣлъ (товаръ), да деньги надо.

Продавцовой божбѣ не вѣрляйся (не вѣрь)!

Купецъ божится, а про себя отрекается.

На гнилой товаръ, да слѣпой купецъ (т. е., покупщикъ).

Заглазнаго купца кнотомъ бей (т. е., покупателя, за его глупость)

За очи коня не купать (не купуютъ, не покупаютъ).

За очи только яйца торгуютъ. За глаза только калачъ купить: не
полюбится — самъ съѣшь.

За море вѣсомъ, съзмора мѣстомъ (Арханг. о товарѣ).

Не передать, такъ и не купить.

Своя цѣна дороже; себѣ дороже; въ закупкѣ дороже; сами до-
роже платимъ.

Даромъ отдать, такъ дороже стоить.

Тутъ и голова не цѣна: себѣ дороже.

Дешевыя покупательницы (которыя ходятъ по лавкамъ, и только спо-
трать, или сулятъ несходныя цѣны).

Чего не додашь (не доплатишь), того и не доносишь

Оптовой купецъ: отъ крючка петелки не рознить

Оптовой торговецъ: въ ниткахъ пасмы не разбиваетъ.

Купить (продать) съ молотка (всподъ молотка).

Нѣ въ пору купить — хоть въ тридорога, да и кусъ не миль.

Пустить на вольной свѣтъ, грамотѣ учиться (продать вещь).

Продалъ — прожилъ; купилъ — нажилъ.

Купить — найтить; продать — потерять.

Проданная скотинка не своя животинка.

Купленому золотой верхъ (т. е., всегда хвалится; также о могоарычи)

Обмытъ копыта (выпить могоарычи за лошадь).

Кусъ деньга, кусъ гривна. Мѣра одна, да доброта не та.

По деньгамъ товаръ; по товару деньги.

По товару цѣна, и по цѣнѣ товаръ.

Какова пелена, такова ей и цѣна.

Дешевому товару дешева и цѣна.

У тонкой пряжи и нить задорого.

Не та земля дорога, гдѣ медвѣдь живетъ; а та, гдѣ курица скребетъ.

Дешевъ хрѣнъ, да чортъ ли въ немъ?

Купишь ордашь (плохой Шемаханскій шелкъ), даромъ деньги отдашь.

Хоть дорого купи, только было бы въ пути.

Дорого да мило, дешево да гнило. Дешево да гнило, дорого да мило.

Дорого да любо, дешево да грубо.

Корову по удоямъ считать — и цѣны ей не будетъ.

Корову по удоямъ считать — молока не видать.

Мѣдъ дороже серебра: серебро — чортово ребро, а мѣдъ Богу служить, царю честь воздаетъ (колоколъ).

Не дорого купилъ, да не больно и жаль.

Много ерша и на деньгу, да столько не съѣшь, сколько расплюешь.

Сигъ — алтынъ, а уха подъ тынъ (т. е., не вкусна).

Дешева рыба — дешева и уха.

Цѣну забылъ, да дорого купилъ.

Дороже каменнаго моста (на Москвѣ рѣкѣ).

Дороже головы не стоить.

Дороже себя. И насъ то продать, такъ этого не купить.

Не возьму и того, чѣмъ глядишь.

Въ котлахъ щеголяетъ (говорится въ Сибири о всякой вещи, рѣдкой или дорогой: Нынѣ молоко въ котлахъ щеголяетъ).

Шейка — конейка, алтынъ — голова, по три деньги нога, а душка — полупка.

Въ большой цѣнѣ пойдетъ, коли въ карты проиграть.

Кормъ коня дороже. Этотъ конь корму не стоить. Не въ коня кормъ травить.

Ломанаго гроша (шворня, чеки) не стоить.

Не стоить ни деньги; ни гроша; ни копейки; ни полупки; ни шелега; не стоить выѣденаго яйца.

Хоть и жаловать не сталъ (насъ), да дорого не ставъ (на счетъ)!
Дешевле пареной рѣпы, за даромъ отдаютъ. Это просто шаль.

Хоть даромъ бери, да еще и придачи дають.

Всего въ мѣрѣ не выкупишь.

И дешево и сердито. И товаръ хорошъ, и цѣна веселая.

Ни почему. Задаромъ. Не купля, а даровое.

Эка шаль: по три деньга шваль (т. е., дрянъ дешева).

Не дешево, а мало денегъ стоить (т. е., не нужно, не годится).

Не въ счетъ деньги, а въ цѣнѣ.

Купишь лишнее — продашь нужное.

Пиво добро — по три деньга ведро: пьютъ похваляютъ.

Кому доживать, тому и покупать (отвѣтъ стариковъ).

Питеръ бока powyтеръ, да и Москва бьетъ съ носка (т. е., все дорого, убыточно).

Въ Москвѣ толсто (густо, часто) звонять, да тонко (жидко, рѣдко) бьютъ (т. е., все дорого).

Даромъ и чирей не сядеть (все хоть почесаться надо).

Даромъ — скворецъ гнѣздо вьетъ (да и ему скворешницу поставь).

Купишь и безъ денегъ купишь.

Дешевое на дорогое наведеть. Дешевое доводитъ до дорогаго.

Гдѣ дешево, тамъ и дорого.

Промѣнялъ сѣрка на волка. Вымѣнять шило на свайку.

Былъ кумачный, да промѣняла на бумажный (сарафанъ).

Пустое на порожнее промѣнялъ

Самъ мѣняешь, на себя попеняешь. Мѣна мана, придача ложь.

Кто мѣняетъ — дурака на придачу беретъ.

Мѣна мана, мѣнка мѣнка; а назади-то, поглядишь — ямка.

Не въ мѣнѣ сила, въ придачѣ.

Мѣняючи только Цыганъ расживается (да и то на три дня).

Мѣнять ухо на ухо. Рыло на рыло. Башъ на башъ.

Мѣнять, не пенять (а вѣять, принимать).

Мѣняй взадъ-впередъ сто рублей — ничего не останется.

Мѣняло — гладкая борода (скопецъ).

Займы.

Долгъ платежемъ красенъ.
 Красны займы отдачею (а наймы уплатою).
 Всякіе займы платежемъ красны.
 Долгъ платежемъ красенъ, а займы отдачею.
 Бери да помни! Не штука занять, штука отдать.
 Торгуйся — давись; плати, хоть топись!
 Доставай мошну, вытряхай казну!
 Взяха любить даху. Будь взяхой, будь и дѣхой!
 Умѣй взять, умѣй и отдать! Не хитро взять, хитро отдать.
 Не думай взять, а думай отдать! Бери, да помни!
 Не думай, какъ бы взять, а думай, какъ бы отдать!
 Берешь, такъ чванься; а взялъ, такъ кланяйся!
 Долгъ отдать — не бѣда заплатить.
 Какъ ни вертись, а съ должникомъ расплатись!
 Сколько ни заниматься, а не миновать своимъ обзаводиться.
 Сколько ни занимать, а быть платить.
 Продай хоть ржи, а долгу не держи!
 Долговать (должать) на Донѹ (на чужбывѣ), закладывать жену.
 Заплатить долгъ скорѣе, такъ будетъ веселѣе.
 Пятница суботѣ повѣщала, субота бы долги считала (отъ обы-
 чаю, собирать долги по суботамъ).
 Долгъ первѣйи наслѣдникъ. Долгъ не ждетъ завѣщанія.
 Долгъ не реветъ, а спать не даетъ. Долгъ стоить у порога.
 Чужія денежки ночью хлѣбъ ѣдятъ. Чужія денежки зубасты.
 Чужія денежки свои поѣдаютъ.
 Займомъ богатъ не будешь. Долгъ не расжива.
 Возмешь лычко, а отдашь ремешекъ.
 Взялъ лычко, а отдай ремешекъ.
 Радъ будешь, какъ долгъ избудешь.
 Баранъ бараномъ (т. е., гостинецъ), а денежки (или: а долларъ)
 ларомъ (т. е., самъ по себѣ, его уплати).
 Хоть въ долгъ, хоть въ по́колоть. Вдолгъ да впóколоть.

И радъ бы не занялъ, такъ въ приносъ не несутъ (т. е., въ подарокъ).
 И радъ не занималъ бы, такъ въ боръ (въ долгъ, припсами) не дають.
 Въ долгъ не продать, такъ и хлѣба не видать.
 Въ долгъ не взять, такъ вѣкъ не ѣдать.
 Въ долгъ не давать, такъ и на деньги не продать.
 Въ пастухи наймешься, весь міръ (вся деревня) въ долгу.
 Голодъ мутить, а долгъ крушить.
 Вошь, что заемный грошъ, спать не даетъ.
 Больше сроку, больше и росту (т. е., при займѣ).
 На рубль долгу, три полтины росту.
 Лихву собирать — тяжело вздыхать.
 Заниматься (т. е., брать въ займы) — что побираться.
 Въ займы не бравъ, хоть голъ — да правъ.
 Займы — та же кабала. Заниматься — самому продаться.
 Слава тебѣ, Господи: и сытъ, и пьянъ, и никому не долженъ.
 Нечѣмъ платить долгу — ступай на Волгу (прежде о разбоѣ, выт
 о бурлачествѣ)!
 Когда нечѣмъ заплатить долгу, ѣхать будетъ на Волгу.
 Въ долгъ не лѣземъ, изъ долгу не выходимъ.
 Въ долгу, какъ въ шелку. Въ долгахъ, что въ рѣпьяхъ.
 Каждый вѣлосъ въ долгу. Все заложено, перезаложено.
 Долги — что тля (моль) въ мѣху. Съѣдаютъ долги и богатаго.
 Въ долгу — что въ морѣ: ни дна, ни береговъ.
 Столько долгу, сколько волосъ на головѣ.
 По уши въ долгу. Въ долгахъ по горло. Весь, и волосъ въ долгу.
 Долговъ, что блохъ — не оберешься.
 Чѣмъ живешь? Долгами. (А что ѣшь? Щи съ пирогами).
 Съ бирки срѣзать (уничтожить долгъ).
 Отдать вещь въ ученье (заложить).
 Въ копнахъ не сѣно, въ кабалахъ (въ людяхъ) не деньги.
 Въ копнахъ не сѣно, а въ долгахъ не деньги.
 Въ потрафѣ не хлѣбъ, въ судѣ не вотчина, въ долгахъ не деньги.
 Въ приданомъ, въ судѣ, да въ займахъ — не деньги, а счета.

Въ долгъ давать—полъ гору метать: долги собирать—въ гору таскать.
 По долги, не по грибы. По долги не съ кузовочкомъ.
 Бери долгъ — чѣмъ дають, а не чѣмъ хочется!
 Долги собирать—что по міру итти: бери, что дають, да кланяйся!
 Долги собирать — и ошурками брать.
 Долги и соломой (и мякиной) собирають.
 Отъ худаго должника и мякиною (и битымъ стекломъ) бери!
 Старый долгъ за находку.
 Старый долгъ собрать, что кладъ найти.
 Дать — не устать, да было бы что.
 Бравия рука не устанетъ (не приберется).
 Не мудрено данство, мудрено бранство (т. е., безсовестность)
 Не мудрено дать, мудрено взять (и наоборотъ).
 Отдай жену въ люди, а самъ такъ живи!
 Взаимы отдай, да самъ занимай!
 Дать другу въ долгъ, а у недруга самому взять.
 Не таранги, дорогѣй, нынѣ годъ не такой: займы градомъ выбило.
 Нынѣ лясамъ-то не годъ, а денежкамъ не водъ, всѣ попрятались.
 И радъ бы дать, да кабалить не велятъ (а займы — кабала).
 Въ зиму шубы не занимають.
 Есть медокъ, да засѣченъ въ ледокъ.
 Есть и квасъ, да не про васъ.
 Мало ли что есть, да коли нѣтъ. Есть, да про себя.
 Ружья, жены и собаки на поддержаніе не дають.
 Въ ссуду жена никогда не дается, а лошадь, смотря по человѣку.
 Отдать-то не напасть, да чтобъ отдавши не пропасть.
 Не тужи, кто беретъ; тужи, кто въ займы даетъ.
 Плутъ, кто беретъ; а глупъ, кто даетъ.
 Отдано въ займы, такъ подожди! Безъ поджиду, не займы.
 Старъ долгъ, да кто жъ его помнить?
 У долга и вѣкъ дологъ. Долги живучи.
 Что съ нимъ дѣлать (съ должникомъ)? Шапки не сыметь съ него
 (съ кого, въ старину, сымаля на торгу шапку, тотъ былъ опозоренъ на вѣкъ
 и лишался всякой вѣры).

Коли взято давно, такъ и забыто оно.
 Друга не теряй, денегъ не давай (т. е., ему)!
 Чаше счетъ — крѣпче дружба.
 Въ долгъ давать — дружбу терять.
 Коли надоѣтъ человѣкъ, такъ дай ему въ займы!
 Въ займы деньги давать — что волка накормить.
 Сегодня на деньги, а завтра въ долгъ (Переводн.).
 Дать денегъ въ долгъ, а порукой будетъ волкъ.
 Собрать не соберемъ, а счастье сочтемъ (деньги).
 Вамъ дорожнымъ, а намъ домашнимъ (нужно).
 Наша нессуда—остуда. Нессуда—остуда; а ссуда—вѣчная ссора.
 Въ займы брать — другихъ учить; въ займы давать — себя казнить.
 Взявши, другихъ поучишь; отдавши, самъ въ науку пойдешь.
 Легко людей учить: легко долговъ не платить.
 Раструсивъ хлѣбъ, да по зерну подбирай.
 Отдашь ломтемъ, а собираешь крохами.
 Сильнѣ себя въ займы давать — добро потерять.
 Если хочешь врага нажить, такъ дай въ долгъ денегъ!
 Съ кѣмъ знаться не хочешь, тому дай денегъ въ займы!
 Не дать въ займы—остуда на время; а дать въ займы—ссора на вѣкъ.
 Что жъ, дружокъ, когда должекъ? «Да за мною.»
 Дай въ займы, да назадъ не проси! Въ займы безъ отдачи.
 Дай денегъ въ займы, такъ и поклонись имъ!
 Поклоны за поклоны отдавай: кланялись тебѣ занимаючи, из-
 кланяешься собираючи.
 Даяь денежку Минѣ — и не держи ее въ поминѣ!
 Взялъ на часъ, да и въ добрый часъ.
 На свои долги забытки, на чужіе памятки.
 Большому барину товаръ отдай, а деньги послѣ.
 Что ни лучше (больше) баринъ, то хуже долги платить.
 Долженъ вѣкъ, а платежу нѣтъ.
 Береть — такъ кланяется, а возметъ, такъ чванится.
 У заемщика соколы очи, у плательщика и вороньихъ нѣтъ.

Долженъ, не спорю, отдамъ не скоро; когда захочу, тогда заплачу.
Пиши долгъ на стѣнку, а не покажется — смарай!
Пиши на дверь, получай съ притолоки.
Пиши долгъ на двери, а получать будешь въ Твери.
Пиши долгъ на забѣрь: забѣрь упадетъ, и долгъ пропадетъ.
На томъ сибѣ угольемъ отдамъ (долгъ).
Отдашь деньги руками, а ходишь за ними ногами.
Отдай руками, а не выходишь и ногами.
Растопыря пальцы отдашь, растопыря ноги выхаживай!
Береть руками, а отдаетъ ногами.
На заемъ память, на отдачу другая.
Займуетъ — ходить, а платить — такъ кругомъ обходить.
Займуетъ, такъ сватушка свать; а занялъ, такъ и чортъ не брать.
Заемщикъ на конѣ ѣздитъ, плательщикъ, на свинѣ.
Долги помнить не тотъ, кто беретъ, а кто даетъ.
Суды пишутъ на желѣзной доскѣ, а долги на пескѣ.
Въ долгъ брать легко, да платить тяжело.
Должища — что печища: сколько ни клади дровъ, все мало.
Даромъ брать хорошо, а отдавать худо.
Нѣтъ тяжеле — Богу молиться, да старый долгъ платить.
Нѣтъ труднѣе: Богу молиться, родителей почитать, да долги отдавать.
Отца, мать кормить, да долги платить (трудно).
Займуетъ одинъ, а отдаетъ всѣмъ.
Тотъ въ нищю пошелъ, на комъ долгъ тяжелъ.
Отъ долговъ и въ подполье уходятъ.
Отъ долговъ — хоть въ воду (хоть удавиться, хоть петлю на шею).
Не платить долговъ, такъ и дверь съ пяты полетитъ.
За Богомъ должекъ не пропадетъ.
Закладъ — носи до заплатъ (т. е., не мадейся на выкупъ).
Не весь накладъ, коли есть закладъ.
Не въ накладъ, коли есть закладъ.
Займы, что путина: знаешь, когда поѣхалъ, не знаешь, когда пріѣхалъ.
Нужда — мизгирь (паукъ), а заемщикъ, что муха.

КЛИЧЬ НОСЯЧИХЪ.

Эхъ, съ коричкой, съ гвоздичкой, съ лимонной корочкой, наливаемъ, чтоли-съ?

Сбитень горячъ! Кипить горячъ! Вотъ сбитень, вотъ горячій — нѣтъ приказный, пѣть подъячій и пр.

По клюкву ягоду, по клюкву! Ягода клюква, ягода круина, подсибжная ягода клюква.

По ягоду по клюкву, по хорошу, круину: я изъ города Муромъ, я барина бурога; я изъ города Ростова, я барина толстова! По ягоду по клюкву, подсибжную, по круину!

По клюкву, по клюкву: я изъ города Можая, продаю уважаю. Ягодки дѣвки брали, съ кочки на кочку скакали и пр.

Садовыя, медовыя, наливчатыя, разсыпчатыя (яблоки).

Черепеники горячіе съ масломъ (съ прищвомъ): Поливай кубышка, не жалѣй кубышка хозяйскаго добришка, за хозяйской головой, лей масломъ, что водой!

Патока съ инбиремъ, вареная съ инбиремъ, варилъ дядя Симеонъ: тетушка Арина кушала, хвалила; дядя Елизаръ пальчики облизалъ.

Поштричь, поголить, усь поправить, молодцомъ поставить

У насъ бритовки Ростовскія, молодчики Московскіе, мыльце Грецкое, вода Москворѣцкая: чирьи вынимаютъ, болячки вставляютъ. Вались народъ отъ Яузскихъ воровъ!

Въ баню, въ баню — на просторъ.

Помыть, попарить, молодцомъ поставить.

Аль забыли, какъ въ старину любили (какъ прежде любили).

Съ горки на горку, дастъ баринъ на водку!

Эхъ, вы; баринъ не скупъ — дастъ и рубль.

Ахъ вы голубчики, сивыл буланья, построжки рваныя!

Эхъ, дружки, нагрѣвай брюшки, эхъ соколы, соколы!

По всѣмъ по тремъ, коренной не тронь, а кромѣ коренной нѣтъ ни одной.

Эхъ, что жъ тутъ, родные! (По всей Нижг. губ. ямская приговорка: что жъ тутъ). Эхъ, соколики, ударю! Эхъ вы, горькія!

Дуй Дунька, подувай Акулька, считай разы (по ухабамъ)!

Рви кочки, равняй бугры, держи хвосты козыремъ!

Махни, махни — не далече до Балахны.

Шатай — болтай, не далечко Валдаи.

Болтай, болтай, недалеко до Валдай.

Ой, избоины маковой, подь окошками плакала, на гронъ два кома! — Тащи чугуны, желѣзо, худы голицы, хрусталь, кости! (дурандашнякы).

Подь-дойди: эхъ вкусъ Францускiй, гусь заморскiй, барапинка низовая, мучка сортовая: подь-дойди (шпрожники).

Пирогы! Пирогъ Арзамаскiй съ рыбой Астраханской.

Загадки.

Стоитъ сноха и ноги развела: мiръ кормить, сама не ѣсть (Соха).
Стоитъ Потапъ, о четырехъ лапъ, изъ году въ годъ воду пьетъ (Разсадинокъ).

Кланяется, кланяется: придетъ домой растянется (Топоръ).

Кочеть голенасть, кланяться гораздъ (То же).

Маится, маится — придетъ домой, растянется (То же).

Лежить красавица лицомъ въ подлавицу (То же).

Въ лѣсъ идетъ — домой глядитъ; изъ лѣсу идетъ, въ лѣсъ глядитъ (Опъ же, за поясомъ).

Скоро ѣсть и мелко жуеть, сама не глотаеть и другимъ не даетъ (Пила).

Сквозь лошадь и корову, свинью и ленъ волокутъ (Тачанье сапоговъ).

Шла свинья сквозъ быка, по желѣзному слѣдку, хвостъ смолевой (То же)

Самъ голъ (нагъ), а рубашка въ пазухѣ (Свѣча и свѣтляня).

День спитъ, ночь глядитъ, утромъ умираеть, другой смѣняетъ (Свѣча).

Кто ни крещенъ, ни рожденъ а правдой живетъ? (Безмянъ).

Чернышь, огарышь, куда ѣдешь? Молчи, продолбаная, и тебѣ тамъ быть (Пивной котель и чапъ).

Боровище въ черномъ хлѣвищѣ (Деготь въ бочкѣ).

Вкругъ поля хожу, въ одну жердь колочу (Набивка обручей).

Въ избу ворономъ, изъ избы лебедемъ (Лутошка).

Сухая пятница кости грызеть (Чесалка, гребень).

Бабье ремесло хворостомъ поросло (Намычка пряжи).

Подъ передомъ, передомъ смидить баринъ съ бородой (Гребень съ мочкой).

На осинѣ (лишѣ) сижу, сквозь клену гляжу, березой трясую (Пряделье).

Пять, пять овечекъ зародъ подѣдають, пять, пять овечекъ (или: шестой барашекъ) прочь отбѣгають (То же).

Пять, пять овечекъ зародъ подѣдають, пять, пять овечекъ труху подбирають (То же).

Пять братьевъ по дорогѣ бѣгутъ, да сухи; пять братьевъ подъ одоньемъ стоятъ, да мокры (Пальцы обѣихъ рукъ, во время пряжи).

Пять подѣдають, а пять подгоняють (пальцы и пряжа).

Четыре сестрицы вкругъ гоняются, одна другой не догонитъ (Воробы, мотовило).

Загануть ли тѣ загадку—перекинуть черезъ грядку, черезъ плетень, черезъ барскій дворъ (Гребень, мочка).

Маленько, кругленько, а за хвостъ не поднять (Клубокъ).

Ногой топчу, животомъ нажму, рукой шмыгну, два раза козому и ошля начну (Тканье).

Брюхомъ тру, ногами пружу, гдѣ разинется, тутъ и ткну (Тканье).

Слѣпой поросенокъ возлѣ тыну ползеть (Челнокъ).

Деревяныя ноги, хоть все лѣто стой (Ткацкій станъ).

Два конца, два кольца, а въ середкѣ гвоздикъ (Пожицы).

Синенька, маленька по городу скачетъ, всѣхъ людей красить (Иголка).

Маленька, синенька—всему свѣту миленька (То же).

Маленько-свѣтленько, весь миръ одѣваетъ (То же).

Синяя синичька весь бѣлый свѣтъ одѣла (То же)

Свинка, золота щетинка, льняный хвостъ, по бѣлу свѣту скачетъ, весь свѣтъ красить (или: одѣваетъ. Иголка съ ниткой).

Звѣрокъ съ вершокъ, а хвостъ семи верстъ (То же).

Самъ желѣзный, а хвостъ портяной (Иголка съ ниткой).

Бычокъ кованый, а хвостъ воробеный (То же).

Конь стальной, хвостъ льняной (То же).

Желѣзный конь, посконный хвостъ (То же).

Быкъ желѣзный, хвостъ кудельный (То же).

Волкъ желѣзный, хвостъ конопляный (То же).

Шмыгъ подъ ворота, посконная борода (То же).

Бѣжитъ свинья изъ Питера — вся истыкана (Наперстокъ).

На ямѣ, ямѣ, сто ямъ съ ямой (Наперстокъ).

На ямкѣ, ямкѣ, сто ямокъ со пріямкомъ (То же).

Тишакъ (пиктель) бьетъ, ревякъ (жерновъ) реветъ, трубы (колеса) трещать, воды плещуть (Мельница).

Летять колпачки и говорятъ: у нашей матушки сердце каменное, грудь желѣзная (То же).

Затопали кони въ Кириловскомъ полѣ, залаяла собачка на Муромскомъ, заревѣлъ медвѣдь на Ивановскомъ (Романовскомъ). (Коня, мельничные песты; собачка, поряница; медвѣдь, жерновъ).

За ельничкомъ, за березничкомъ, кобылка ржетъ, жеребенка ждеть (Мельница).

Во полѣ, полѣ затопали кони, заревѣлъ медвѣдь на ярмаркѣ (То же).

Сидитъ баба на юру, ноги свѣсила въ рѣку (То же).

Птица-юстрица, на вѣтеръ глядитъ, крыльями машеть, сама ни съ мѣста (То же).

Безъ рукъ, безъ ногъ, лапшу крошить (То же).

Тахъ-тарарахъ, стойтъ домъ на горахъ, вода брызжется, борода трясется (То же).

Стучитъ, бречнитъ, сто коней бѣжитъ: что есть въ околоткѣ, весь хлѣбъ поѣсть (То же).

Весь мѣръ кормитъ, сама не ѣсть (То же).

Лежитъ монахъ въ крутыхъ горахъ; выдетъ наружу, кормитъ вѣрныхъ и невѣрныхъ (Жернова).

Два борова дерутся, промежъ ихъ пѣна валить (То же).

Каменное море кругомъ вертится, бѣлый заяцъ подлѣ ложится, всему міру годится (Жернова и мука).

Быкъ бурчить, старикъ стучить: быкъ побѣжить пѣна повалить (Жернова).

Въ темной избѣ медвѣдь реветь (То же).

Братъ брата треть, бѣлая кровь течеть (То же).

Одинъ говоритъ — побѣжимъ, другой говоритъ — полежимъ, третій говоритъ — покачаемся (Вода, жерновъ, колесо).

Шило, мотовило, по подлабочью ходило, по Нѣмецки говорило (Журавль?).

Семь Семіоновъ, одна Матрена (Песты и ступа въ мельницѣ).

Стучить, брентить, вертится, страху Божьяго не боится (Толча).

Безъ ногъ прытко, безъ жилъ сильно, безъ разума хитро (Мельница).

Зайду я въ топотушку, загляну въ работушку, стойтъ пузырь съ побрякушкой (Кузня).

Замолола, безголова (Коловоротъ).

Много, мало.

Изъ многихъ малыхъ выходитъ одно большое.

Изъ малаго выходитъ великое.

Двѣ ярочки — та же овца.

Безъ копейки рубля не живеть.

У рубля копейки нѣтъ — и рубля нѣтъ (не полонъ рубль).

Копейками рубль крѣпокъ (держится).

Безъ одной, не сотня. Не полна сотня — и сотни нѣтъ.

Не стой за клинъ (земли), не станеть и осминника.

Щипкомъ шкуры не добудешь, а все шерсти клокъ

Съ лихой собаки — хоть шерсти клокъ.

По волоску всю бороду выщиплешь.

Не стой за волосокъ — бороды не станеть.

Съ міру по ниткѣ — голому рубаха.

По крупицѣ и птица собираетъ, а сыта бываетъ.
 Курица по зернышку (по крупицѣ) клюетъ, да сыта живетъ.
 Курица по одному яйцу носить.
 По капелькѣ море, по зернышку ворохъ.
 По капелькѣ море, по волоткѣ (былинкѣ) стогъ
 Полѣно къ полѣну — костеръ. Полѣшко къ полѣшку, и дрова.
 Капля по каплѣ и камень долбить.
 Не величка капля, а камень долбить.
 Капля — воробью глотка нѣтъ, а камень долбить.
 По каплѣ дождь, по росинкѣ роса.
 По каплѣ дождь, а дождь рѣки понтъ: рѣками море стоитъ.
 Живетъ и меньшее лучше большаго.
 Много — сытно, мало — честно.
 Благословенный баранъ лучше неблагословеннаго быка.
 Мало — да честно, а и не много. да сытно.
 Рѣдко да мѣтко. Рязъ да гораздъ.
 Есть притча, короче носа птичья (а хороша).
 И одинъ глазъ, да зорокъ, не надобно сорокъ.
 И одна корова. да жрать здоров а
 Мелка рѣка, да круты берега. Не широкъ потокъ, а держитъ.
 Не великъ да широкъ — кафтанъ коротокъ.
 Поперекъ себя толще: и малъ. да на то же наведетъ.
 Малъ соловей, да голось великъ.
 Соловей — птичка не величка, а заголоситъ, такъ лѣсъ дрожить.
 Соколъ малъ, да удалъ Малъ, да удалъ. Маленькій, да удаленькій.
 Малъ языкъ, да всѣмъ тѣлюмъ владѣть.
 Малъ языкъ, да человѣкомъ ворочаетъ.
 Не величка птичка. да ноготкъ остеръ.
 Малъ ноготокъ, да остеръ. Не видно пылинки, а глаза выѣдаетъ.
 Не величка мышка, да зубокъ остеръ.
 На мышку, и кошка звѣрь. Не великъ звѣрь, да лапистъ.
 Ящерка маленька, да зубы остры (ложное повѣрье: у ящерицы вовсе
 нѣтъ зубовъ).

И муха укуситъ, такъ вспухнетъ.

Блошка куснетъ, в то зудитъ; а отъ мошки — волдыри.

Блошка, да мошка, да третья вошка — а отъ нихъ упокою нѣтъ.

Ино отъ комара, да въ двѣ руки не отмашешься.

И комары лошадей заѣдаютъ (въ южныя камышати).

Мошка — крошка, а человѣческую кровь пьеть.

Куликъ не великъ, а все таки птичка.

Всякъ куликъ на своей кочкѣ (въ своемъ болотѣ) великъ.

Не великъ сверчокъ, да громко поеть.

Не великъ сверчокъ, да поганитъ горшокъ

Сверчокъ тму тараканъ (Тмутараканъ) побѣдилъ (говорилъ послѣ побѣды Ярослава надъ Игоремъ, который сказалъ ему прежде: «Не шуми за печью, сверчокъ!»)

Мала блошка, да колодой ворочаетъ. Не плоха и блоха.

Не величка блошка, а спать не даетъ.

Малъ носокъ, да загибаетъ кусокъ.

Иголка маленька, да больно уколетъ.

Комаръ тонко, да звонко. Слепень толстъ, да простъ.

Малъ золотникъ, да увѣсистъ. И малъ золотникъ, да дорогъ.

Малъ горшокъ, да мясо варитъ. Малъ горшокъ, да угодникъ.

Вотъ тебѣ ершокъ, свари ухъ горшокъ!

Маленька собачка до старости щенокъ.

Сѣдло ниже собаки, а выше лошади.

Коза на горѣ — выше коровы въ полѣ.

Худая вязанка лучше доброй горсти.

Не велика пригоршня, да много въ ней щелотей.

Не великъ королекъ, да дорогъ (т. е., выплавленное серебро, золото).

Не великъ, да туго набить. Не обозъ кормить, а возъ.

Рыба мелка, да уха сладка. Съ мелкой рыбы уха сладка.

Маленекъ, да удаленекъ. Маленекъ, да умненекъ.

Не долга оглобля, а до Москвы достаетъ.

Не высокъ волопускъ, да рѣки держитъ (сыръ, водораздѣлъ).

Не великъ кувшинъ, да емокъ. Коробья не велика, да удивитъ.

Не величка, да замѣшана на яичгѣ.

Не величка, да Кузмичишна.

Кобылка маленька, а сѣдлу мѣсто есть.

Не завозно, да корыстно (завозно на мельницѣ, когда много мележа).

И маленькая рыбка лучше большого таракана.

Коровушка съ кошку, надонла съ ложку.

Не величка синичка, да та же птичка.

Не много синичка изъ моря упъеть.

Кадка (бочка) меду, ложка дегтю: все испортить.

Коротко, да узловато. Не много словъ, да много дѣла.

Не все и въ соборѣ поется. Не все заразъ: покинь въ запасы!

Спасибо на той, да другую запой!

Не великъ узелокъ, да крѣпко затянуть (да туго связанъ).

Не нищи моря, и въ лужѣ утонешь. Не море топить, а лужа.

Отъ малаго большое зараждается.

Отъ искры пожаръ раждается (разгарается).

Отъ искры сыръ боръ загорался.

Отъ малой искры, да большой пожаръ.

Отъ копеечной свѣчки (отъ искры) Москва загорѣлась (два большіе пожара, но преданію).

Мало спалось, да много видѣлось.

Голова, какъ у вола, а все, вишь, малá (т. е., глупъ).

Для добраго довольно, а для худаго и того жаль.

Съ добраго будетъ, а завистливому шишь.

Аминь письмомъ не великъ, да дѣло вершить.

Одно слово—аминь, а святые дѣла вершить.

Малъ соколъ, да на рукѣ носить; великъ верблюды, да воду возить.

Великъ верблюды, да воду возять; малъ соболь, да на головѣ носить.

Малъ золотникъ, да золото вѣсять; великъ верблюды, да воду возять.

Малъ золотникъ, да дорогъ; великъ пенъ, да душлясть.

Соломы возъ, а сахару кусъ (одна цѣна).

Великъ дубъ, да душлясть, а малъ дубъ, да здоровъ.

Великъ, да слюнявъ, малъ, да сердить (да красѣнъ).

Толсть, да прость: тонокъ, да звонокъ.

Великъ тѣломъ, да малъ дѣломъ.

И велика, да метлика; и мала, да трава (т. е., съѣдоная трава).

Много трухи, да мало сѣна. Много ржи, да все лебеда.

Однимъ гусемъ поля не вытопчешь.

Велика крома, да песь ли въ ней (т. е., сума нищаго)!

Велико, да болото; мала, да явна.

Малъ, да коноплиникъ; велика, да моховина.

Много мяса, да все шенина; и туша, да коровятина.

Высокъ рещей, да чортъ ему радъ!

Великъ Мордвинъ (или: татаринъ, т. е., репейникъ), да чортъ ли въ немъ?

Великъ жерляй, да жидокъ; малъ коротышъ, да крѣпышъ.

Много шуму, мало толку. Звяги много, толку (проку) мало.

И велика лѣсина, да обухомъ бить (ее)

Велика сарынь (толпа), да некого послать.

И великъ, да дикъ, и малъ, да удалъ. Великонокъ, да диконекъ.

Вырость нашъ жукъ съ медвѣдя.

Экой большой: съ недѣлю вырость.

На экой ниткѣ слѣпыхъ водять (т. е., на длинной).

Этотъ волокъ больно доюгъ (доуго ждать, конца нѣтъ).

Повыше высокаго. Выше Ивана Великаго.

Выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго (сказочн.).

Тише воды, ниже травы (то же).

Какъ теремъ ни высокъ, а повалуна (старин. почивальня) выше.

Великонекъ, да плохонекъ; а маленекъ, да уменекъ.

Велико прысю, да объ огородъ имъ христать.

Велика Федора, да дура.

Велика Федора, да дура, а Иванъ малъ, да удалъ.

Кирикъ и Улита (говорятся о двухъ неровныхъ людяхъ, или вещахъ).

У нашей матушки все печево, а поѣсть нечего.

Курячье вымя, свиные рожки (т. е., ничего).

Великъ сапогъ—на ногѣ живеть; малъ сапогъ—подъ лавкой лежить.

Изъ большой посуды не выдѣется, а изъ малой проплеснешь.

И велика была мощна, да вся изошла.

Остатокъ лучше недостатка. Изъ большого убавить можно.

Изъ большого не мудрено убавить, а изъ малаго?

На лишку, только крышку, а мѣста не пролежить.

Ни изъ кнутовища топорища, ни изъ блохи голенища.

Изъ большого выкроишь, а изъ малаго зубами не натянешь.

Изъ большого не выпадеть.

Изъ большого осла все не выйдетъ слона.

Какъ ни дуйся лягушка, а до вола далеко.

Не дуйся (не дмись) коровка, не быть бычкомъ.

И большой тараканъ не мерину чета.

У хлѣба и крѣхи. Гдѣ дрова, тамъ и щеса.

Коровушка непочатой полотѣкъ.

У (вкругъ) костра хорошо щелу огребать.

Радъ Аника, что крома велика.

Великъ языкъ у коровы, не даетъ говорить.

Великъ коровий языкъ, да лизуномъ прозвами (а не языкомъ).

Пересоль хуже недосола. Недосоль на столѣ, пересоль на спинѣ.

Намолили ведра, анъ изияла засуха.

Да не всѣ разомъ (сказалъ хмельной Казакъ, который полгѣзъ на коня, прося помощи угадниковъ, и перекинулся черезъ сѣдло наземь).

Спорина противъ спорины не приходится: ржи десять мѣръ на десятину, а маку — мужичью шапку.

Много думается, мало сбывается. Много бредится (чудится), мало сбудется.

Много судятъ, да мало даютъ. Много говорятъ, да мало дѣлаютъ.

Много хочется, мало сможется,

Хорошаго по немногу. Хорошаго трижды не сказывають.

Все лучше того, какъ нѣтъ ничего (хоть и мало).

Много — хорошо, а больше, лучше того.

Много бываетъ, а лишнихъ (лишку) не бываетъ (дѣтей, денегъ).

Мало ли дровъ: гдѣ печь, тутъ и прячь (тутъ и тычь)!

И соколъ выше солнца не летаетъ. Выше лба уши не растутъ.
Для двонхъ готово, а тронхъ не накормишь.

На треста пусто, на пять сотъ ничего.

Двое одному рать. Не много, что двое, а много, что на одного.

Сила по силѣ — осилишь; а сила не подѣ силу — осядешь.

Много и того, какъ два на одного; а мало того, какъ двое на тронхъ.

На тяжелый возъ и рукавицы положишь, такъ потянуть.

Курицѣ по холку, свинѣ по хвостъ. Кобылкѣ бродъ, курицѣ потопъ.

Кусочекъ — съ коровій носочекъ. Не велика ираюшка, да свора.

Мелокъ бродъ: по самый ротъ. Сухо: по самое ухо.

Старому воробью по колѣни. Курицы бродить; куры пѣши бродятъ.

Безъ жернова на шеѣ — дна не достать.

Легка рана, и головы не доискались (не смыскали, не нашли).

Легко ранили, и головы не нашли.

По звѣрю и рана. На большую яму больше и хламу (пойдетъ).

Мальчикъ съ пальчикъ. Не большая спица въ колесницѣ.

Не велика штука, да мудровата (мотовата).

Одно чадо, и то чало. Одинъ сынище, и тотъ Ѳомище.

Одно ухо — и то глухо. Одинъ глазъ, да и тотъ на Араамасъ (носъ).

Одинъ у Мирона сынъ, да и тотъ Мироничъ.

Одинъ сынъ — не сынъ, два сына — не сынъ, три сына сынъ.

На что мать, когда нечего дать (т. е., ноги не кормить).

Тутъ не стоить (не у чего) рукъ марать.

Изъ порожняго ни пьютъ, ни ѣдятъ (а только губы дуютъ).

Въ пустую хоромину воръ не подламывается.

Пусть мѣшокъ стоять не будетъ.

Пусто не густо: вѣтеръ ходитъ, а мышъ не скребетъ.

Не много брано, что разъ хожено.

Одинъ (первый) разъ не въ счетъ. Разокъ не въ счетъ.

Это комаръ на себѣ унесетъ. Тутъ нечего нести.

Легче пробки, пера, уха. Своя ноша не тянетъ.

Легко ли дѣло. Муха не прокушетъ брюха.

Что за скоронь — одна коровеика.

Много дѣсу темнаго, да нѣтъ дерева годнаго.

Не тяжело свое тягло, а какъ два потянешь, такъ устанешь.

Семь безъ четырехъ, да три улетѣло.

Безъ четверти съ осьмухою три осмины (т. е., ничего).

Ино густо, ино и пусто. Мало — честно, много — зорно (вззорию).

Нѣтъ, нѣтъ, а все таки есть. Тышь, не кроши, а больше не проси!

И малое не мало, коли столько и есть (коли больше нѣтъ).

У старца въ кельѣ — чѣмъ Богъ послалъ.

Слѣпой на нищемъ ничего не выщеть.

У добраго молодца только и золотца (что елованна пуговка).

Всѣхъ и вся, и обѣдня вся. Концы съ концами и середка пуста.

По суткамъ (по рукамъ, по угламъ) разошлось (т. е., въ разные руки).

Кому ничего, а намъ столько же (а намъ не больше того).

У кого ничего, а у насъ нуще того.

Ничего-то у насъ и дома много. Ничего-то и у насъ припасено.

Всякаго нѣта припасено съ лѣта.

До самаго нѣта все было есть.

Нѣтъ ни чорта, ни дьявола (никого, ничего).

Нѣтъ ни вороху, ни пероху. Ни синя вороху нѣтъ.

Ни зги нѣтъ. Ни крохи, ни зерна, ни капли, ни волосу.

Ничѣмъ ничего. Голымъ голо, хотъ шаромъ покажи.

По нѣтовому полю незримы цвѣточки (узоръ на ядаты).

Нѣтовое поле, пустая трава (То же).

Хватъ похватъ, анъ мягкихъ пять.

Хватъ въ карманъ, анъ дыра въ горсти.

Съ одного конца нѣтъ, и съ другаго нѣтъ, а въ середкѣ и не бывало.

Что мухино сало, разошлось по персту.

Ни жнитва, ни полотья (нѣтъ ничего).

Колось отъ колоса — не сдыхать и голоса.

Колось съ волось, и колосу колось подаетъ голость.

Гдѣ ты, гдѣ я (т. е., кой гдѣ, мало, рѣдко).

На семи верстахъ одинъ съ денежкой Акимъ.

Ни бороды, ни усомъ, ни на головѣ волосомъ.

Ни сѣдла, ни уздицы, ни той вещицы, на что сѣдло положить.

Всего много, да въ людяхъ. За ничто ничего не купишь.

Все и вся—и опара вся. На нѣтъ и суда нѣтъ.

Приложи копейку, такъ калачъ купишь.

Изъ ничего одинъ только Богъ свѣтъ создалъ.

Чего нѣтъ, того и не надо (то и не годится).

Кисель виноградъ, да зеленъ.

Середка на половинѣ. Ни много, ни мало.

Придерживаться середины. Держаться на перевѣсѣ.

За глаза довольно. И этого дѣвать некуда.

По нашему умишку и того залишку.

Видимо не видимо. Тьмы темъ, тьма тьмушая.

Этого добра не огребешься.

Несмысленная сила. Валить сила сильная. Кипима кипить.

Тышь не хочю. Куры не клюютъ. До отвалу.

Хоть пруды пруди; хоть мосты мости; какъ собакъ (много).

Какъ овинъ насаженный. Всякаго жита по лопатѣ.

Вали, что въ мѣшокъ. Сыпь, что въ закромъ.

Повѣсить кому на шею, взвалить на плеча.

Этого и на возъ не навъешь (на пр., много брани).

Это руки (плеча) оттянетъ. Напрячено всякой всячины.

Чего нѣтъ, такъ хоть этого вдоволь.

Велика птица журавица, да мала птичка перепеличка.

Не только людей, что Ома да Оадей.

Ихъ отсюда до Москвы всѣхъ не перевѣшать.

Вашу братью и до Москвы не перевѣшаешь.

Некуда изъ тучи капль дождя кануть (людно).

Густо, ясно, что не куда мачинкѣ пасть.

Нѣ то по клочку, по волоску на брата не достанетъ (не досталось).

Не толченая труба народу. Вдуть — дуга на дугѣ (много)

Какъ маку (рѣшны) насѣяно. Головы, ровно кѣчки (толпа).

Народъ, какъ вода на почвахъ переливается.

Какъ въ трубу, всѣ въ одно мѣсто. Какъ изъ трубы валить

Отъ аза до ижицы. И вдоль и поперекъ, Изъ конца въ коонецъ!
 Всѣ съ головы на голову (голова по голзвѣ, поголовно)
 Съ головы до ногъ (съ ногъ до головы, отъ головы до пятокъ)
 Съ руками и съ ногами. Съ ногами и съ головою.
 Съ руками, съ ногами и съ начинкою.
 Что капля въ морѣ. Пылинка придачи. Что волотка къ стогу.
 Челномъ (щепкой) моря не переѣхать. Шиломъ моря не нагрѣешь.
 Моря весломъ не расплещешь (не раскропить)
 Однимъ конемъ всего поля не изѣздишь.
 Изъ одной муки хлѣба не испечешь.
 Одинъ мосолъ во щахъ не варять. Съ галаго мосла не наварь.
 Голой кости и собака не гложеть. Межъ пальцевъ немного мяса.
 Изъ пуста судна ни пьютъ, ни ѣдятъ.
 Нѣтомъ не возьмешь и лѣтомъ (хотя лѣтомъ и не голодають).
 Глаза страшатъ, а руки дѣлають.
 Страшенъ кусъ на блюдѣ, а съѣтся — слюбятся.
 Горшокъ большой, а мѣста не много.
 Въ лѣсу и сковорода звонка.
 Въ лѣсу — дубъ рубль: въ столицѣ — по рублю сница.
 Дальше въ лѣсъ, больше дровъ.
 Первая волвянка (волнушка) въ кузовъ.
 На безлюдѣ и сидни въ честь. На безмѣри и Ома дворяннѣ.
 Отъ Покрова до Покрова кашлянулъ однова, да и говоритъ, что
 кашель (что чахотка).
 Бабушка Мосеевна! Не поле насъ насѣяно.
 Одна ягода въ сорокъ два года.
 Годы въ роды (рѣдко); въ конъ вѣки разъ.
 Въ одну ночь зима становится.
 Пора (надо) и честь знать.
 Всѣ пѣсни перепѣли, одного шершня не допѣли.
 Большому кораблю большое плаванье.
 Съ корову стало, такъ и съ подоиникъ станетъ.
 На корову стало, хватить и на подоиникъ.

Денегъ нѣтъ — рубль почнемъ: вина нѣтъ, съ браги начнемъ.
 Доброму вору все впору.
 На босую ногу всякій башмакъ впору.
 Впору, какъ вылиты по немъ. Какъ разъ рыхтихъ, акурать.
 Однѣ лапти безъ мѣры плетутся, да на всякую ногу приходятся.
 Тѣсное разносится, широкое сядется.
 Не потрафлено (по мѣркѣ), такъ прикинуто (обращено мастеру).
 Маленькой малъ, большой великъ, а средній бы и въ рядъ, да негдѣ
 его взять (женуха).
 Для одной выти, да руки мыти. За каждую выть, да руки мыть.
 Не дорого дано, не больно и жалъ (пропажи).
 Легко, что дурню подгору (т. е., подгору вскачь, а вгору, хоть плачь).
 Мѣра всякому дѣлу вѣра. Счетъ да мѣра — безгрѣшная вѣра.
 Глаза да мѣра — врямая вѣра. Глазь — мѣра.
 Вѣсь (счетъ) да мѣра до грѣха (до лиха) не допустить (т. е., не
 обмана, до ошибки, подозрѣнія).
 Деньгамъ счетъ, а хлѣбу мѣра.
 Деньги счетъ любятъ, а хлѣбъ мѣру.
 Деньги на безменъ, а товаръ на промѣнъ.
 Въ цѣнѣ воленъ, а въ вѣсѣ не воленъ. Въ цѣнѣ воля, а въ вѣсѣ
 (въ мѣрѣ) неволя.
 Цѣна своя, а вѣсы государевы.
 Безъ мѣры и лапти не сплетешь.
 И деревянный тулупъ (гробъ) по мѣркѣ шьютъ.
 Десять разъ примѣръ, одинъ разъ отрѣжь!
 Десятью примѣръ, одна вѣ отрѣжь.
 Перемѣръ одному накладъ (т. е., хозяину), недоумѣвъ двоишь (т. е.,
 хозяину и покупателю).
 Около — четыре, а прямо — шесть.
 На аршинѣ унести (облѣпать).
 Что въ письмѣ и въ счетѣ (записано и сечено). въ томъ ни грѣ-
 ха, ни поклену.
 Когда свѣрилъ, такъ и пошѣрилъ.

Что мѣра, то и вѣра, Гдѣ мѣра, тамъ и вѣра.
 Перемѣрено и перевѣрено — вѣрно и мѣрно.
 Безменъ не порожа душа, не обманеть.
 Поживемъ какъ братья, посчитаемся какъ жиды.
 Не всюду съ вѣрою, а нидѣ съ мѣрою.
 Пиши не пиши: отъ этого не прибудеть (т. е., расходъ и приходъ).

Далеко — близко.

Славны бубны за горами.
 «За горами» (дѣсно: за горами, за долами) нѣтъ хорошо, а дома жить
 хорошо.
 Зачѣмъ далеко? И здѣсь хорошо.
 Ближняя соломка лучше дальняго сѣнца.
 Ближняя хаянка лучше дальней хваленки.
 Не бери дальной хваленки, бери ближнюю хаянку!
 Домъ — корень, а сторона — похвальба.
 Грозень врагъ за горами, а грознѣй за плечами.
 Отъ Рѣшмы до Кинешмы глазами докинешь ли?
 Въ лѣсу рубяты, а къ намъ щецки летять (говор. о слухахъ, мол-
 вѣ и о письмахъ).
 Близко видать, да далеко мигать (лжн: кивать, шпгать).
 Близко видно, да ногамъ обидно.
 Вода близка, да гора склизка.
 Вода-то и близко, да, ходить склизко.
 Мѣрля старуха кляукой, да махнула рукой (о проселочной дорогѣ).
 Далеко околлицей, да напрямикъ не попадешь.
 Низко — такъ близко, а высоко — такъ далеко.
 Хоть и далеко, да полетно.
 Хоть далеко, да легко; а близко, да склизко.
 Какъ изъ лука стрѣла (прямо).

Ворона прямо летаетъ, да за море не попадаетъ; косатка кривыми летаетъ, да за море попадаетъ.

Прямо ворона летаетъ, да и та на куканъ попадаетъ.

Кто прямо ѣздитъ, въ полѣ ночуетъ (яли: дома не ночуетъ, т. е., кто пускается проселками, ближний путь).

Проселкомъ (околицей)— къ ночи; а прямо — дай Богъ къ свѣту!

По небу широко, по землѣ далеко. Еще до берегу далеко.

Далече да близко. Дальше положи, ближе возмешь.

На край свѣта (далеко). По край крещенаго свѣта (міра).

Не за горами, а за дворами (за плечами).

За сииной (тайно); за плечами; передъ носомъ; у воротъ; у порога; не за горами (близко).

Рукой подать (т. е., близко). На лоткѣ подать.

Горшокъ со щами на ухватѣ передать.

Бабы черезъ улицу изъ окна въ окно горшки ухватомъ передаютъ (такъ узка улица).

Просторъ — тѣснота.

Двоимъ сѣсть, такъ нельзя и грестъ.

Двоимъ за нужду влѣзть, и то ни стать, ни сѣсть (Крыловъ).

Въ большомъ углу сами живемъ, а печь да полати въ наемъ отдаемъ.

И тѣсенъ домъ, да просторенъ онъ.

Не просторно, да дворно. Дворно, да не просторно.

Въ тѣснотѣ люди живутъ. Гдѣ тѣсно, тамъ и ложись.

Въ тѣснотѣ люди живутъ, а на просторѣ волка гоняютъ.

Въ тѣснотѣ люди пѣсни поютъ, на просторѣ волки воютъ.

Лучше жить въ тѣснотѣ, чѣмъ въ обидѣ (чѣмъ въ лихотѣ).

Мѣста много, а привалиться негдѣ.

Выѣстѣ — тѣсно, розно — тошно (скучно).

Не изойметъ тѣснота, не изняла бы (не одолѣла бы) ~~лихота~~.

Не тѣснота губить (тѣснить), а лихота.

Коли тѣсно, такъ и курица курицу съ насѣсти сталкиваетъ.
 На одномъ гвоздѣ всего не повѣсишь.
 И вѣтъ было бѣ мѣсто, коли бѣ не было тѣсно.
 Киселю да царю — всегда мѣсто есть.
 Кому тѣсно, а намъ будетъ мѣсто.
 Коли тѣсно, такъ подвинься (насмѣшка)!
 На каждаго вора много простора.
 Свѣтъ-то не угломъ (не клиномъ) сошелся (найдешь себѣ мѣсто).
 На свѣту не на клину—мѣста будетъ (т. е., для всѣхъ).
 Свѣтъ не то, что клинъ (земля)—одинъ весь не захватить.
 Свѣтъ—не баня, для всѣхъ мѣста будетъ (или: не семерымъ только мѣсто; о банѣ крестьянской).
 Передъ нами свѣтъ не клиномъ сошелся.
 Не только свѣту, что въ окнѣ: на улицу выйдешь, больше увидишь.
 На прозорномъ мѣстѣ (откуда далекій видъ) стоять хорошо.
 Давка, что руки не продерешь (что локтями не продерешься).
 Такая тѣснота, что яблоку пасть негдѣ.
 Терпѣть я не могу этой тѣсноты! (сказалъ Хохоль, доставая огня на трубку и опрокинувъ котелокъ на треножникѣ, въ чистой степи).
 Проклятые Москаля: понаставили столбовъ, что и проѣхать негдѣ (сказалъ Хохоль, зацѣпивъ возомъ за верстовой столбъ, среди степи).
 Когда бѣ не тѣсно, пошелъ бы плясать (пустился бы въ присядку).
 Въ чистомъ полѣ тѣснота: одинъ кашу варить, да и ту пролить.

Г д ѣ.

Вездѣ и нигдѣ. Старикъ вездѣ и нигдѣ.
 Ворона въ лузырѣ занесла (отвѣтъ на вопросъ: ты какъ сюда попалъ).
 И костей его сбывая ворона сюда не занасивала.
 У чорта на кулижкахъ. Гдѣ? Противъ неба на землѣ.
~~Видно жъ~~ зноба на землѣ, въ непокрытой улицѣ.

У всѣхъ святыхъ на Кулижкахъ, что въ Кожуховѣ за Пречистенскими вороты, въ Тверской ямской Слободѣ, не доходя Таганки, да Ваганкѣ, въ малыхъ Лужникахъ, что въ Гончарахъ, на Воргуниѣ, у Николы въ Толмачахъ, на Трехъ горахъ и пр. (т. е., нигдѣ).

За Яузой на Арбатѣ, на Воронцовскомъ полѣ, близъ Вшивой горки, на Петровкѣ, не доходя Покровки. За Серпуховскими воротами, позади Якиманской, не доходя Мѣщанской, въ Кожевникахъ, прошедши Котельниковъ, въ Кисловкѣ подъ Дѣвичьимъ, въ Гончарахъ, на Трехъ горахъ, въ самыхъ Пушкаряхъ, на Лубянкѣ, на самой Полянкѣ и пр. и пр. (т. е., нигдѣ; шутка надъ Москвою).

Счесть.

Одинъ: какъ Богъ, какъ перстъ, какъ порохъ въ глазу, какъ верста въ полѣ, какъ маковъ цвѣтъ.

Однава не въ счетъ. Разъ не въ разъ.

Одна правда (т. е., не двѣ) на свѣтѣ живетъ.

У Бога правда одна.

Парочка, баранъ да ярочка.

Третій (ягрокъ, слушатель, спорщикъ) подъ столъ.

Двое дерутся, третій не мѣшайся!

Двѣ собаки дерутся (грызутся), третья не суйся!

Тринадцать несчастное число (отъ Иуды предателя).

Третины, девятины, сороковины, да годовщины.

Рускимъ счетомъ будетъ всего столько-то.

Четь, или нечетъ? Богъ нечетку любить. Нечетка счастливая.

Одинъ, другой — обчелся. Разъ, два, три — обчелся.

Курицу подсынаютъ нечетомъ яиць.

Кнутъ да пушка (при саяютъ) любить нечетъ.

Нечетъ счастливая. Четѣтся, такъ нечета дерматься.

Одинцу нѣтъ дружки. Одинецъ дороже сорока соболей.

Двойчатка счастливая. Самдругъ — любовь да совѣтъ.

Богъ любить Троицу. Святой счетъ, что Троица. Три перста крестъ кладуть.

Безъ Троицы домъ не строится, безъ четырехъ угловъ изба не становится.

Безъ четырехъ угловъ изба не рубится. Домъ о четырехъ углахъ. Четыре страны свѣта, на четырехъ моряхъ положены.

Четыре угла дому на строеніе, четыре времени году на совершеніе.

Въ рукѣ пять перстовъ. На пяти просвирахъ обѣдня.

Православная церковь о пяти главахъ.

Безъ пяти просвиръ обѣдни нѣтъ, а шестая въ запасѣ.

На борту шесть пуговиць. Шестоперъ — атаманская булава.

Шестерня — бригадирская вѣда.

На недѣлѣ семь дней. Семь мудрецовъ на свѣтѣ было.

Семь планидъ на небѣ. Семеро одного не ждуть.

Осьмый день, что первый.

Девятый мѣсяць на свѣтѣ нараждаетъ. Девятый валъ роковой.

На рукахъ, на ногахъ по десяти перстовъ. Безъ десятковъ и счету нѣтъ.

Одиннадцать, ради нечета.

Въ году двѣнадцать мѣсяцовъ. Двѣнадцать Апостоловъ и колѣнъ Израильскихъ.

Тринадцатый подъ столъ. Плохихъ по тринадцати на дюжину кладуть (да и то не берутъ).

Единъ Богъ; два тавла Моисеевыхъ; три Патріарха на землѣ; четыре листа Евангельска; пять ранъ Господь претерпѣлъ; шесть крылъ Херувимскихъ; семь чиновъ Ангельскихъ; восемь круговъ солнечныхъ; девять въ году радостей; десять Божьихъ заповѣдей; одиндесять Праотець; дванадесять Апостоловъ.

Двѣ тысячи вѣниковъ, пятьсотъ помиковъ, по три денежки собня — много ли рублевъ?

Пять денегъ да грошъ, пять копеекъ, да денежка стара — много ли стало?

У полусемихъ мышей много ли ногъ да ушей?

Мужикъ купилъ три козы, заплатилъ за нихъ двѣнадцать рублей, по чему каждая коза пришла? (По землѣ).

Купить на сто рублей сто скотинъ, платить—и по десяти рублей за одну, и по пяти рублей, и по пятидесяти копеекъ: по сколько скотинъ придется на каждую цѣну? (По пятидесяти копеекъ девяносто скотинъ, по пяти рублей девять скотинъ, по десяти рублей одна скотина).

Летѣло стадо птицъ на рощу: сѣли по двѣ на дерево — одно дерево осталось; сѣли по одной — одного не достало. Много ль птицъ и деревъ? (Три дерева и четыре птицы).

Летѣло сто гусей, на встрѣчу имъ одинъ гусь: здравствуйте, говорить, сто гусей! Нѣтъ, насъ не сто гусей: кабы было еще столько, да полстолька, да четверть столька, да ты гусь, такъ бы насъ было сто гусей. Сколько ихъ летѣло? (36 гусей).

Шелъ мужъ съ женой, братъ съ сестрой, да шуринъ съ зятемъ: много ль всѣхъ? (Трое).

Шли столбцомъ, сынъ съ отцомъ, да дѣлъ со внукомъ: сколько ихъ? (Трое).

У семерыхъ братьевъ по одной сестрицѣ, много ли всѣхъ? (Одна).

Шли двѣ матери съ дочерьми, да бабушка со внучкой, нашли полтора пирога, по многу ль достанется? (По половинкѣ).

Шелъ одинъ, нашелъ пять рублей; трое пойдуть, много ли найдуть?

У Ноя три сына: Симъ, Хамъ и Афетъ — кто имъ былъ отецъ? (Василій Кузнецъ).

Сидятъ три кошки, противъ каждой кошки двѣ кошки, много ль всѣхъ? (Три).

Пудъ муки по три рубли: во что обойдется пятачная булка?

Грошъ, да три деньги отложь.

Семь безъ четырехъ, да три улетѣло.

На сто нусто, на пять сотъ ничего.

Полтина безъ алтына, безъ сорокѣ семи копеекъ.

Сорочи не сорочи, а какъ сорокъ безъ одной, такъ ступай домой!

Моманье (жеребий).

Оліанъ, другіанъ, тройчанъ, черичанъ, пѣданъ, ладанъ, сукманъ, лукманъ, левурда, дыкса.

Одино, попино, двиккиры, гайнамъ, дайнамъ, споведось, сподалось, рыбчинъ, дыбчинъ, клекъ (Коваются въ игръ).

Краюшка, горбушка, ломтикъ (То же).

Разъ, два—упала гора; три, четыре—прицѣпило; пять, шесть—бьютъ шерсть; семь, восемь—сѣно косимъ; девять, десять,—деньги вѣситъ (То же).

Сѣку, сѣку двадцать, высѣку пятнадцать, стану честь, всѣ пятнадцать есть (или: здѣсь. То же).

Сѣку, сѣку двадцать, высѣку пятнадцать, будь мой пятнадцать всѣ сполна (Рубать ножомъ по щепкѣ 15 зарубокъ).

Сѣку, сѣку двадцать, высѣку пятнадцать, всѣ сполна до едина пятна (То же).

Сѣку, сѣку двадцать, высѣку пятнадцать, сѣкъ, пересѣкъ, до пятнадцати досѣкъ.

Первой, другой, согнулъ дугой; три, четыре, прискочили; пять шесть, бьютъ шерсть; семь восемь, сѣно косимъ; девять десять, дѣвокъ вѣситъ; одиннадцать, двѣнадцать, некуда дѣваться (Коваются).

Перводанъ, другоданъ, на колодѣ барабанъ: свистель, коростель, пятерка, шестерка, утюгъ (То же).

Первончики, другончики, на жолобѣ, на колодѣ, ставка, пленка, сучокъ, каблучокъ, заяцъ, мѣсяць, вырвалъ травку, положилъ на лавку, кто взялъ? Ты (То же).

Первинчики, другинчики, на колодѣ котышки, ни попъ, ни горохъ, мотовильце, рожокъ, испеки пирожокъ, поѣзжай въ Торжокъ, купи горшокъ—ни малъ, ни великъ, въ полтора ведра, тараканья дыра, въ подпольи была, не заплесневѣла (То же).

Первачики, другачики, на колодѣ лодачики; перводанъ, другоданъ, на колодѣ угадалъ, пять сотъ судья, пономарь ладья, Акулина кошка,

голубина ножка, прѣла, горѣла, по морю летала, за моремъ пала, церковь стала, кумъ, да кума, полкубышки вина, онъ, да соломка, луковка дикая—вонъ (То же).

Перванчики, друганчики, катали колобанчики, на пять костровъ половину дровъ, ѣхалъ шуринъ, выскѣкъ черепъ, черепъ лысый — тотъ и вышелъ, вонъ пошелъ (То же).

Перводанъ, другоданъ, на четыре угадалъ, пять сотъ судья, пономарь ладья, щеголева теща, самъ щеголекъ (То же).

Перводанъ, другоданъ, на колодѣ угадалъ, пять сотъ судья, пономарь ладья, Катерина кочка, сломана ножка, прѣла горѣла, за море летѣла, въ церкви стала, кумъ да кума, на кубышкѣ дыра, на стѣну вѣронъ, жилъ соколъ колоколъ: ведра, ножницы, вонъ (То же).

Чей ты? Сѣчкинъ, запечкинъ, сѣренькой овечки агненокъ.

Летѣла сова изъ краснаго села, сѣла сова на четыре кола.

Беру ягоду, черную смородинку, батюшкѣ въ стаканчикъ, матушкѣ въ рукавчикъ, сѣрому медвѣдю меду на лопатку: усь, медвѣдь. побѣгай за мной (То же).

Сказка, присказка, прикована невѣстка къ сундуку за ручку, за ножку, за синь сарафанъ.

Сказка, присказка, прикована невѣстка къ стульцу, къ ножкѣ, къ липовой лутошкѣ, къ собачей норѣ.

Чашечка маленька, медокъ сладокъ, чѣмъ конь кормить? сладкимъ пытомъ, подъ конытомъ—брысь!

Чики, чики, чикалочки, одинъ ѣдетъ на палочкѣ, другой на тележкѣ, щелкаетъ орѣшки.

Асикъ, масикъ, винный жолобъ, князь, король, чашки, ложки, медокъ, сахарокъ.

Яблочко катилось вкругъ огорода, кто его поднялъ, тотъ воевода, тотъ воеводъ, воеводскій сынъ: шишелъ, вышелъ, вонъ пошелъ!

Катилось яблоко вкругъ огорода, кто его подыметъ, тотъ вонъ выдетъ.

Свинка ходитъ по бору, щиплетъ лебеду траву: она рветъ, не беретъ, подъ березку кладетъ.

Пляши, Вантя, не вилай, на ужину добывай: не добудешь—битый будешь, а добудешь—сытый будешь.

Чирики мигирики, по кусту, по насту, по липову мосту, по лебедю крыласту, жучикъ, крючикъ.

Кова нова, чѣмъ подкованъ? златомъ битымъ, подполытымъ, мѣдянь палець, руки за печь.

Уточка маленька, зачѣмъ долго не была? Боярина родила, чухманъ, лухманъ, сиворотка, творогъ.

Плыла пѣна изза моря, стали пѣну бити, колотити, стали спрашивати, кто васъ болѣ, кто васъ менѣ: чашка, ложка, медокъ, сахарокъ.

Прѣло, горѣло. осиново полѣно, за море летѣло, за моремъ церква, въ церкви икона. живопись куликова: шишелъ, вышелъ, вонъ пошелъ.

Чигирики, мигирики, шаранды баранды, по мосту, по мѣсту, по лыкову мосту: шишелъ, вышелъ, вонъ пошелъ.

Иванъ болванъ, молоко болталъ, да не выболталъ, женѣ отдалъ, жена пролила, бычка родила, быкъ свиснулъ, за курами триснулъ, куры летаютъ, головы ломаютъ, Иванъ подбираетъ.

Мѣсяць, мѣсяць, гдѣ ты былъ? Въ лѣсу. Что ты дѣлалъ? Лыки драгъ. Куда клалъ? Подъ колоду. Кто взялъ? Родіонъ. Поди вонъ!

Гори дрова жарко, пріѣдетъ Захарка, на писаныхъ санкахъ, самъ на кобылѣ, жена на коровѣ, дѣтки на теляткахъ, на рябыхъ, на пѣгныхъ собачкахъ.

Куюлю, куюлю баба, не выколи глаза, поди въ куть, тамъ дѣвки ткутъ, тебѣ денежку дадутъ, либо мочки клокъ, либо гребнемъ въ лобъ.

Первечики, другечики, лебеди по насту, кустикъ, свистикъ, свинка, полянка, шишелъ, вышелъ, онъ, Родіонъ, ступай вонъ!

Кузька да Васька, ѣздили на Вятку, купили двѣ шапки, о четырехъ углахъ — туда уголь. сюда уголь, по середкѣ кисть, по затылку хлысть (деруть за волосы въ карточной игрѣ).

Чичерь, ячеръ, сходитесь надеръ; кто не дереть, того (пуще) за власы драть, за косицы, за власицы, за единый волосокъ; не учись

грѣшнѣе, учишь Богу молиться, Христу поклониться (Деруть возжи за проступокъ).

Ярка не ярка, баранъ не баранъ, старая овечка не ягнится, тутъ крестъ, тутъ крестъ, а тутъ, чтобы чортъ не влѣзъ (Въ игрѣ, переговаривая, бьютъ мячемъ въ голову).

Пера, эра, чуха, рюха, пята, сота, ива, дуба, мака, крестъ (Шуточный счетъ до десяти).

Пора — мѣра — спѣхъ.

Пора, что желѣзо: куй, поколѣ кипити!

Не время дорого, пора.

Пора придетъ и часть мою принесетъ.

День мой — вѣкъ; мой что до насъ дошло, то и къ намъ пришлю.

Всякому дню подобаеъ забота своя.

День придетъ — и заботу принесетъ.

Много дней впереди, много и назади.

Вѣкъ мой впереди, вѣкъ мой назади, а на рукѣ нѣтъ ничего.

У Бога дней много. Впереди дней много.

У Бога дней не рѣшето. Божьи дни не вымерли.

Часть часовать — не ночь ночевать (не вѣкъ вѣковать).

Ночь ночевать — не вѣкъ вѣковать. Годъ годовать, не вѣкъ вѣковать.

Три года — не три вѣка. Три дня не три года.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ (или: утечетъ до того).

Солнышко насъ не дожидается.

Солнышко восходить, барскихъ часовъ не спрашивается.

Сорокъ лѣтъ — бабій вѣкъ.

Двадцать пять лѣтъ — солдатскій вѣкъ.

Часть лучше мастера. Безъ досугу, ни досужества.

Не дологъ часъ время, а дологъ часъ улучкой.

Поротъ горячку (отъ суеты и недосуга).

Когда завтра будетъ. Послѣ дождика въ четверкъ.

Когда песокъ по камню взойдетъ.

Душа шъру знаетъ.

Черезъ край не лей! Бухай, да не ўхай!

Черезъ край польешь, черезъ край и поидеть.

Отъ избытка уста глаголютъ.

Переродъ хуже недорода (дѣвы визки).

Незнаемая прямизна наводитъ на кривизну.

Повадишься къ вечернѣ — не хуже харчевни: нынѣ свѣча, завтра свѣча, анъ и шуба съ плеча.

Богу молись, а добра ума держись (а къ берегу гребись)!

Пей, кума, да не пропей ума!

Черезъ край пила, да пьла не была.

Говори, да не заговаривайся! Ври, да не завирайся!

Ѣшь и пироги, да хлѣбъ впередъ береги!

Пей, не напивайся; люби, да не влюбляйся; играй, да не отыгрывайся!

Худо — какъ печь дымить, худо какъ и толсто сложена.

Малыя птички свиваютъ малыя гнѣзда.

Большому кораблю — большое плаванье.

Противъ клѣтки и истопка.

По Сенькѣ и шапка, по бабѣ и шлыкъ.

Медвѣдь по коровѣ съѣдаетъ, да голодень бываетъ; а кура по зерну клюетъ, да сыта живетъ.

Бездонной кадки водою не наполнишь.

На волчью (на нашу) яму не напасешься хламу.

На нашу яму (семью) хлѣба не наямишься.

Не скоро, да здорово (да споро).

Хоть не скоро, только бѣ споро; не ворово, да здорово.

Что хорошо, то не скоро. Что хорошо, то съ поотдышкой.

Поспѣшить, да людей насмѣшить.

Не устатьerspѣшить, да людей бы не насмѣпить.

Не устатьerspѣшать: было бы кого догонять.

Спѣшить не спѣши, а поторапливайся!

Скорого дѣла не хвалить. Наскорѣ слѣпыхъ рожаютъ.

Дай срокъ — не сбей съ ногъ!

Дай отсрочку: будетъ дѣло въ точку.

На хотѣнье — есть терпѣнье.

Постой, да и Господь съ тобой! Постой; а не хочешь стоять —
Господь съ тобой!

Совокъ, да не ловокъ; спѣшливъ, да смѣшливъ.

Погоди, пусть прояснится; вышь заволокло!

Ты шестой, у воротъ постой!

Постой холостой, дай подумать женатому!

Онъ нигдѣ мѣста не пригрѣеть (не носѣдъ; — не нагрѣеть, его не
держатъ).

Нечего нукать, и самъ свезешь (не торопи).

Скороспѣлка до поры загниваетъ. Пиши, да не сѣйши!

Дуй до горы, а въ гору принайдемъ, да подпряжемъ.

Скоробогаткѣ не слобровать. Жарко ковать — холодно торговать.

Торопомъ вороху не вывѣешь. Поспѣшать — за зайцемъ гнать.

Сметать дѣло на живую нитку. Сдѣлать на скорую руку.

Вали валомъ (или: клади въ мѣшокъ), послѣ разберемъ.

На скору ручку — комкомъ да въ кучку.

Наскоро дѣлать, передѣлывать. На оживѣ, для расживы.

Сватья на свадьбу спѣшила, на мутовкѣ рубаху сушила, на поро-
гѣ повойникъ катала.

Кто отсталъ? Скорый; кто дошелъ? Спорый.

Горяченькій скоро надсѣдается (надрывается).

Не торопко кади, святыхъ не опали! Густо кадишь, святыхъ
задымишь.

Дымно кадишь, святыхъ зачадишь.

Тише ѣдешь, далѣ будешь.

Сперва не прытко, а тамъ потише.

Скоро поѣдешь, не скоро доѣдешь.

Не переведа духу, дальше воротъ не добѣжишь

Прытко бѣгаютъ, такъ часто падаютъ.

Съ горы безъ хомута, а въ гору въ три кнута.
 Подъ гору вскачь, а на гору хотъ плачь.
 Не вдругъ подъ гору, а съ поноровочкой.
 Возъ подъ горою, а возжи въ рукахъ.
 Не торопи ѣздой, торопи кормомъ!
 Не погоняй кнутомъ, погоняй мѣшкомъ (овсомъ)!
 Не торопись отвѣчать, торопись слушать!
 Не спѣши ѣхать, спѣши кормить!
 Не въ два кулака (молота), не желѣзо кипить.
 Не торопись (не спѣши) корова: конь воровѣй (бойчѣе).
 Не спѣши, коза, всѣ волки твои будутъ.
 Не спѣши, куманекъ, не вздутъ огонекъ.
 Заторопомъ не возьмешь. Заторопки не удатливы.
 Грунью лѣта не избѣгаешь. Заторопка со спотычкой живетъ.
 Всего вдругъ не сдѣлаешь.
 Не подъ дождемъ: постоимъ, да подождемъ.
 Сколько ни бѣжать, а не миновать отдыхать (стоять).
 Тихій возъ будетъ на горѣ. Шагомъ обозы идутъ.
 Который конь скоро бѣжить, тотъ (послѣ) долѣ стойтъ.
 Быстрая лошадь скорѣе станеть.
 Бѣ да гоши — голени голы. Зелено косить.
 Валяй, кургузка, не далече до Курска: семь верстъ отѣхали, семь
 отъ ѣхать.
 Понукалъ, понукалъ, да я волкомъ взвылъ.
 Нукали, нукали, да и стали птрукать.
 Нукать нукай, да не пришлось бы птрукать.
 Зацѣпившись за пень, простоялъ весь день.
 Скоро, хорошо не родится. Поспѣшай, да не торопись!
 Что скоро, то и не споро. Скоро — не споро.
 Скоро блины пекутъ. Это — не блинъ испечь. Не блинъ — не
 испечешь.
 Съ пылу хватать — не наѣсться, а обжечься.
 Будто — тяпъ-ляпъ, да я корабль. Тонко прясть — долго ждать.

Дѣлать, что огонь (т. е., спѣшно), такъ и съ дѣломъ-то въ огонь.

Онъ на дѣло-то огонь, да и съ дѣломъ-то въ огонь.

На работу огонь, а работу хоть въ огонь.

Дѣлають какъ нибудь, такъ и выходить какъ нибудь.

Дѣлать какъ нибудь, такъ ни какъ и не будетъ.

И готово, да безтолково. Совѣтъ: хоть сей часъ брось.

Не возжой трясутъ (т. е., не погоняють тебя).

Не Спасъ обыденный, поспѣеши (обыденныя церкви строились миромъ по обѣту, въ одни сутки).

Не обыденное дѣло: не уйдетъ.

Годъ—не недѣля, Покровъ—не тецера, до Петрова дня—не два дня.

Рядись (т. е., торгуйся)—не торопись, а послѣ не вертись!

Спѣшливъ, суетливъ: обувшись царится.

Съдай порты, надѣвай коня!

Не мудрено голову срубить, мудрено приставить.

Не спѣши съ козами на торгъ: козъ продаси и деньги протси (продашь, проѣшь. Смоленск.).

Не спѣши языкомъ, не лѣнись дѣломъ (а торопись дѣломъ)!

Не спѣши языкомъ, торопись кочадыкомъ!

Когда смелемъ, тогда и домой поѣдемъ.

Не торопись: смелешь, такъ въ ту пору и уѣдешь.

Не торопись: когда смелешь, тогда и доѣдешь.

Погоди: въ старомъ походи. Погоди дуть, еще какъ дадутъ.

Не спѣши къ капустѣ, какъ припустятъ.

Не спѣши хватать: оботри руки!

Не торопись хватать: одуй пальцы!

Того не берутъ, чего въ руки не даютъ.

Не выносивши, не родишь, а выкинешь.

Скоро дѣлають, такъ слѣпо выходить. Скоро блокъ ловятъ.

Годится и торопиться, коли подъ пальцами шевелится.

Родился—не торопился, а теперь не за чѣмъ.

Родился, не торопился: не спѣшить стать и умереть.

Постой, холостой, дай поправиться женатому!

Ваша рѣчь впереди (т. е., подожди).
 Не торопи: дай умыться, да помолиться, да перекусить!
 Не торопи умирать, дай состарѣться!
 Торопись на побѣжкахъ, да торопись на погонѣ (всугонь).
 Слепой въ баню торопится, а баня не топится.
 Торопится, какъ слѣпой въ баню.
 Баня не топится, а кривая все торопится.
 Торопыга—босомыга, а съ толкомъ при животахъ.
 Не торопомъ на мерина (на конь), не по два вдругъ.
 Не торопко поповна, не по два вдругъ.
 Постой, Татаринъ: дай саблю выхватить (яля: отточить)!
 Не торопко по клюкву, когда морозъ.
 Подожди, еще кукушка не прилетѣла.
 Не угадывай въ три дня, угадывай въ три года!
 Скоро огонь горить, да вода бѣжитъ.
 Скорое кушанье — толокно: замѣси, да и въ ротъ понеси.
 Побѣги, да не зашиби ноги! Скоро пойдешь — ногу зашибешь.
 Не малина—не опадеть. Марина не малина, въ одно лѣто не опадеть.
 Не отлагаетъ свѣтъ заутрени, ни тьма вечерни.
 За спѣхомъ не угоняться.
 Часомъ мѡря не переѣдешь.
 Часомъ не нажиться. Кусомъ не наѣсться (не подавиться).
 Въ коровѣ молоко не прокиснетъ.
 Не разомъ (не въ день, не въ сутки) Москва построена.
 Москва вѣками строилась.
 Солнце пригрѣетъ — все поспѣетъ.
 Слегка, да до сыта. Въ день на годъ не наѣшься.
 Пора пройдетъ — другая придетъ.
 Мало по малу птичка гнѣздо свиваетъ.
 Мѣнялъ тихо, а вымѣнялъ лихо.
 Сзади идешь — больше найдешь.
 Былъ такой, что торопился, да скоро умеръ.
 Торопиться жить — скоро умереть.

У меня дядя все спѣшилъ, да и померъ.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.

Скоро шары перекатываются, не скоро королька подбиваются.

Откладывать въ долгій ящикъ.

Положить въ долгій ящикъ (при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, ящикъ для просьбъ?)

Пошла кишка по урядью (затянулось дѣло по степенямъ).

Его не скоро раскачаешь. Его не скоро на ноги подымеешь. Не скоро расшевелишь.

Поворачивается, какъ исподній жерновъ.

Помчался на волахъ по почтѣ.

Сбью, вбью, не поспбью. Часы на стѣнѣ, а время на спинѣ.

Что ты меня, какъ покойника, везешь?

Словно горшки на торгъ везетъ. Словно горшки, по горшки!

Пошли его, да и кланяйся. Не нукнешь, и не уйдешь.

Пошли Ѳомой, да и сами ходой (стар. кѣмъ послать).

Видно Арсеня ждать до воскресенья.

Жди Арсеня, съ дорогимъ горохомъ.

Его за смертью посылатъ. Гдѣ онъ? Пошелъ пропадать.

Пошла по масло, а въ печи погасло.

Пошелъ по канунъ, да тамъ и потонулъ.

Пошелъ по вязе, да и завязнулъ.

Пошелъ провѣдать, да и остался обѣдать.

Сталъ, какъ ракъ на мели. Сталъ, какъ вкопанный.

Сталъ, какъ быкъ въ стѣну рогами.

Протянулъ, что голодное лѣто.

Съ Татарскій прологъ (коранъ). Какъ кошачій мясоѣдъ тянется.

Совсѣмъ готово, только хомутъ надѣть.

Совсѣмъ, только голову приставить.

Улита ѣдетъ, когда-то будетъ. Ѣдетъ Емеля—ждать его медѣлю.

Ѣдемъ мы изъ Зарядья въ Кремль, девятый день.

Девять дѣнь, девять верстъ — какъ соколъ летѣлъ.

Ананьинъ внукъ ѣдетъ изъ Великихъ Лукъ.

Сидитъ надувается, три дня въ лапти обувается.

Наряжается, что Маланья на свадьбу.

Маланьины (Афросиньины) сборы. Маланьиная свадьба.

Ждучи поць усопшихъ, да и самъ уснуль.

Нечего годить, когда поць кадить.

То, да сѣ, да пятое, да десятое.

Это долга пѣсня. Этой пѣсни конца нѣтъ.

Слышали мы эту пѣсню.

Мы не доживемъ до конца этой пѣсни.

Пока у бабы поспѣютъ кныши, а у дѣда не будетъ души.

Баба по бору ходила, трои лапти износила.

Помрутъ и дѣти (виуки) наши, а конца пѣсни этой не дождутся.

Не конайся, ровно не ѡмши (не ѡвши).

Засиженное яйцо — всегда болтунъ.

Не дай Богъ — ни ждать, ни гнать (т. е., гнаться за кѣмъ).

Жди до втораго пришествія, до преставленія свѣта; до скончанія вѣка.

Подожди съ Московскій часъ (Московскую годичку).

Русскій часъ — все сейчасъ, Русскій часъ дологъ.

Русскій часъ — со днемъ тридцать (а Нѣмецкому и конца нѣтъ).

Русскій мѣсяць подождеть (потому что отсталъ, по старому счисленію).

Въ Русскій часъ много воды утечетъ (сейчасъ).

На одной недѣлѣ четверка четыре, а деревенскій мѣсяць — съ недѣлей десять.

Сутки съ недѣлей безъ семи дней. Безъ году годъ со днемъ.

Годъ со днемъ. Безъ году недѣля.

Годъ — не недѣля: все будетъ, да не теперь.

Гость не долго гостить, да много видить.

Обыденкѣ сутки — и то вѣкъ.

Дважды (по дважды) въ годъ лѣто не бываетъ.

Долго ходить — мертваго родить (повѣрье).

Рядился на годъ, а завтра срокъ.

Думалъ въ годъ, анъ завтра срокъ (т. е., занималъ на годъ, а срокъ исполнилъ).

У Бога не долго, а у насъ тотчасъ.
 У кого не долго, а у насъ какъ разъ.
 Какъ вскипѣло, такъ и поспѣло.
 Хомуть да дуга, и вся вагà (и вся не долгà).
 Какъ родился, такъ и явился (скоро).
 Одна нога тутъ, другая тамъ (говорится о быстротѣ поѣздки).
 Шапки съ головы ухватить не успѣешь.
 Не успѣтъ стриженная дѣвка косы заплести.
 Кто по годамъ, а мы по часамъ. Не по днямъ, по часамъ.
 Ровно изъ огни хватаетъ. Духомъ сдѣлаю.
 Мои сборы — онучи до оборы (т. е., немного).
 Досужа кума: ложки вымыла, и щей налила (и во щей слила).
 Вкругъ пальца (около пальца) обмотать (т. е., сдѣлать дѣло скоро и споро).
 Это не долго: не пиво варить, не вино курить.
 Тутъ хожено, перехожено, и дорожка проторена.
 Гости позваны, и постели посланы.
 Совсѣмъ молодые: отпирайте клѣть (отъ свадебнаго обычая)!
 Со всѣмъ Максимъ и котомка (и шапка) съ нимъ.
 Со всѣмъ: кони на козлахъ и хомуты на кучерахъ.
 Все наготовѣ: сани въ Казани, хомуть на базарѣ.
 Голова на плечахъ и шапка нахлобучена.
 Дѣло это хоть въ рукавички обуи (т. е., готово).
 Яйцо на лицо. На лицо, какъ яйцо (готово).
 Какъ облупленное яичко. Наше дѣло въ рукавичкахъ.
 Вотъ тебѣ луковка попова, облуплена готова.
 Хозяинъ на куту, а ружье на крюку.
 Отрубилъ, да и въ шанку. Сказано — сдѣлано.
 У меня дѣло на чекѣ; на мази; дѣло въ шанкѣ.
 Сгорѣло, такъ поспѣло (т. е., конечно). Поспѣло, что сгорѣло.
 Разъ, два, три (т. е., живо, скоро, проворно).
 Скоро, такъ ладно; а споро, такъ спасибо.
 Скоро, такъ спасибо; а споро, такъ и два.
 Не долго мѣтилъ, да хорошо попалъ.

Не долго думалъ, да хорошо сдѣлалъ (сказалъ).
 Не долго думано, да хорошо сказано.
 Далеко ѣхали, да скоро (да ладно, кстатн) пріѣхали.
 Не скоро запрягъ, да скоро пріѣхалъ.
 Долго разсуждай, да скоро дѣлай!
 Сперва думай, а принялся (а надумался), такъ дѣлай!
 Сколько ни куковать, а къ зимѣ отлетать.
 Сколько веревку ни вить, а концу быть.
 Кипитъ, прѣтегъ, къ обѣду спѣтегъ.
 Хоть нагишомъ, да съ палашомъ.
 Хоть тѣлешомъ да въ шалкѣ Голъ, да исправенъ.
 Постой! «За постой деньги платятъ» (а посидѣлки даромъ).
 Скоро бѣгутъ, такъ заднихъ не ждутъ.
 Семеро одного не ждутъ. Большой меньшаго не дожидается.
 Пришло по та, что подай попа. Вынь да положи! Роди да подай!
 Гнать въ хвостъ и въ голову. Дуй во всю Ивановскую.
 Сломя голову Очертя голову. Безъ оглядки. Во всѣ лопатки.
 Тихо идешь — бѣда догонитъ; шибко пойдешь, бѣда догонитъ.
 Родить — нельзя годить. Окачивайся, да поворачивайся!
 Часомъ опоздано, годомъ не поверстаешь.
 Наше дѣло на срокъ не поспѣло.

Нечаянность — расплохъ.

Расплохъ торовать. Расплохъ, какъ удой подсѣчетъ.
 Взяли, какъ Мартына съ гулянья (внезапно).
 Вотъ тебѣ разъ, другой бабушка дастъ.
 Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день! (въ старину, срокъ вольнаго перехода крестьянъ отъ барина къ барину, уничтоженный Годуновымъ).
 Поколь живъ — все живъ: а какъ померъ, такъ и не стало.
 Поутру рѣзвился, а къ вечеру взбѣсился.
 Жилъ, жилъ. да вдругъ и померъ (да и жилы порвалъ).

Недавно ослѣпъ, а ни зги не видить.
 Недавно померъ, а ужъ и не живой.
 Померъ, такъ не вѣнчать, а отпѣвать надо.
 Какъ померъ, такъ и часу нѣ жилъ
 Не думано, не гадано. Не чаяно, не вѣдано.
 Не туда несено, да тутъ уронено.
 Вскочилъ, какъ дождевой пузырь (какъ воздырь).
 И во снѣ не видывалъ. И во снѣ не грезилось (не видѣлось).
 Чего не чаешь, то скорѣе сбудется.
 Какъ свѣгъ на голову. Словно съ печи свалился.
 Мухой на кого пасть: я мухой паду (вдругъ, неожиданно).
 Какъ съ неба свалился. Какъ съ горы скатился.
 Какъ съ крыши (съ полки, съ полка, съ полатей) свалился.
 Ровно его водой принесло. Бултыхъ, яко прославился (Семинарск.).
 Какъ изъ яичка вылунился. Будто съ лука сирянулъ.
 Жилъ на дому, а очутился на Дону (т. е., въ бѣгаль).
 Ровно кто его жегаломъ жеганулъ. Его, какъ шиломъ подняло.
 Какъ огнемъ обхватило. Какъ варомъ (паромъ) обдало.
 Хоть обварило, хоть ошпарило, а все не усидишь.
 Ни свѣтило, ни горѣло, да вдругъ и припекло.
 Ни грѣло, ни горѣло, да вдругъ и освѣтило.
 Ждали теленка—а далъ Богъ ребенка.
 Ждали протока, анъ весь матерой (о руслѣ рѣки?).
 Ждали прибылаго, анъ весь матерой (анъ семя осеней. Охоти.).
 Ждала сова галку, а выждала палку.
 И по заячьему слѣду доходятъ до медвѣдя.
 Хвать, похватъ, анъ волкъ хохлатъ (изъ сказки).
 Не изъ тучи громъ грянулъ (изъ навозной кучи).
 Не жданный карась въ вершу попалъ.
 Не чаяно, не вѣдано, (не думано, не гадано), а бѣда на дворѣ.
 Не успѣла кошка умыться, а гости наѣхали.
 Не было сорѣки, а гости у порога (отъ повѣрья).
 Намъ думалось завѣляти, анъ съ возомъ на дворѣ.

Не гуляла и не жаловала — ни въ Рождество, ни въ масляницу,
а привелъ Богъ въ Великій постъ.

Встрѣтись носомъ къ носу (рылою къ рылу).

Сошлись (столкнулись), какъ клинъ съ обухомъ.

Сошелся, какъ съ запрягомъ изза угла.

Экія вѣсти! Укралъ воръ пѣтуха съ насѣсти.

Не видалъ, какъ ушалъ; погляжу — анъ лежу.

Я креститься, что не спится? Погляжу, анъ не ужинавши лежу.

Шелъ въ баню на ногахъ, а изъ бани на дровняхъ (угорѣлъ).

Схватился, какъ съ горы скатился.

А ты бы схватился, какъ на лубочекъ садился; а то, спохватился,
какъ съ горы скатился.

И гости не знали (не видали), какъ (что) хозяина связали.

Чудо — диво — мудреное.

Родясь не видалъ, умру не увижу.

Не видывалъ очми (такого дива), не то, что глазами (шутка).

Въ очью диво совершается (сказочн.).

Диковинная птица — чернѣй лебедь. Диковина ежъ: а и его много.

Дивное диво, что не пьется пиво.

Дивная вещь, девятинскаго попа по плѣщи ударить.

Не видала Москва таракана. Эка невидаль, что каша ѣстся.

Будто ты родясь на пляскѣ не бывалъ?

И мы видали, какъ бояре (медъ) ѣдали.

Хорошая нива — всякому въ диво.

Чудеса, а не колеса: сами катятся (только повези).

Экі чудеса: передокъ везу, задокъ самъ катится.

Эка диковина — рыба сиговина!

Никонецъ, съ того свѣта выходецъ.

Это диковиннѣе кукушечьяго гнѣзда.

. Не диковина, что кукушка въ чужое гнѣздо полѣзла, а вотъ то бѣ диковина, кабы свое свила.

Чудныя чудеса — шиломъ небеса.

Чего мало, то и въ диковину. Чего нѣтъ, то и на диво.

Гдѣ нищій не бывалъ, тамъ по двѣ милостыни даютъ.

Подкатила (подкатилась) середа подъ четверкъ.

Исплошилъ четвертокъ пятницу.

Исплошилъ понедѣльникъ воскреснаго пьяницу.

Давно ли ослѣпъ, да ужъ и не видитъ.

Недавно ослѣпъ, а ничего (ни зги) не видитъ.

Далъ Богъ нашему сидню ноги.

Не было ни деньги, да вдругъ алтынъ.

Не было ни чарки, да вдругъ ѡндовой.

Бываетъ, что и вошь кашляетъ. И курица пѣтухомъ поетъ.

Мужъ родилъ, жену удивилъ. На дураковъ не надивоваться.

Живеть порою—течетъ и вода горою.

Ждали съ горъ, анъ подплыло низомъ.

Соколу лѣсъ не въ диво. Былъ въ лѣсѣ, а сталъ здѣся.

Какъ просватали невѣсту, такъ всѣ сотскіе да тысяцкіе.

На сватѣхъ всѣ бояре (а женихъ съ невѣстою князь да княгиня).

То мудрено, что на льду сварено.

Что значить, медвѣдь черезъ колоду скачетъ? Значить: либо пенъ не высокъ, либо медвѣдь сердить.

Эки чудны толки, что съѣли овцу волки.

Какъ такъ: корова черная, а молоко бѣлое? Вотъ диво: черная коровка, бѣлое молочко.

Вешнее яичко, да осеннее молочко (диво).

Осенью любого гостя молокомъ потчуютъ, нелюбаго пивомъ.

Чудеса въ рѣшетѣ: дыръ много, а вылѣзть негдѣ (а выскочить некуда).

Кто домовины (долбленаго гроба, изъ колоды) не видывалъ, тому и корыто за диво.

Не велика штука, да мотовата (т. е., мудрена).

Людыаъ на потѣшенье, всему свѣту на удивленые.

Людыаъ на потѣшку, бѣлому свѣту на диво (на посмѣшку).

Богу не угодишь, такъ хоть людей удивишь.

Тому не дивись, что пьяные свалились (подрались).

Что тому дивиться, что земля вертится: шапейся пьянъ, увидишь и самъ.

То не диво, что мужикъ сварилъ пиво, а то диво, что не дасть варить (объ откупалъ).

То не диво, что у богатаго много нива.

Экая Пасха—шире Рождества.

Масляна широко разлилась: затопила Великій постъ.

Рѣка протекла, такъ подо всѣ города подошла.

Не ждалъ я отъ него такой рыси (крыти)

Это бываетъ сплошь да рядомъ. Слоноъ рождается, слонъ и есть.

Разводить руками (разсуждать, удивляться).

Этого днемъ со свѣчью поискать (такое диво, рѣдкость).

Кто всему дивится, на того и люди дивятся.

Это какъ лацать едасть. Что мутовну облизать.

Сверху легко плевать, попробуй—на снизу.

Легко сказать, не легко доказать. Это не мутовну облизать.

Это—не возжей трясти (т. е., помудреѣе будетъ).

Для нашего брата—дѣло рогато. Коръ тво да увязовато.

Это печать премудрости Соломоновой. съ севью (9-ю, 12-ю) стол-
нами (говорятъ о чемъ либо таинственномъ, или непонятномъ).

Не при мнѣ (при тебѣ, при немъ) писано (т. е., не пошито).

При насъ читано, да не при насъ писано.

Тарабарская грамота. Съ похмелья не выговоришь.

Легко начать, да не легко кончать. Начать—то такъ, да кончать какъ?

За этой работой когда нибудь безъ покаянiя умрешь (на пр., читая
безграмотное письмо, кончающую руку и пр.).

Заживо чудеса творить.

Съ него станется этого. Съ него всякiя чудеса станется.

Не шука дѣло, штука разумъ. Что хитро, то и не просто.

Что хитро, то и просто: девятью десять девяносто.
 Отъ сухаго сырга вода бѣжить (диво).
 А ларчикъ просто открывался (Нрыловъ).
 Гляднѣ, какъ гусь на зарево.
 Смотрить, что корова на писаные ворота.
 И дуракъ кашу съѣсть, было бы масло.
 Не устать доспѣть, было бы что съѣсть.
 И дурень кашу сварить, была бы крупица, да водица.
 То не мудрено, что пиво сварено, а мудрено, что (не) въяшто.
 Мостъ не великій постъ, можно и объѣхать.
 Не дивя Богородицѣ, коли сынъ Христеосъ.
 Не диво, что у Царя жена хороша (отъ древняго обычая избирать жевъ).
 Что больше живешь на свѣтѣ, то больше увидишь.
 Горы падаютъ, доли встаютъ.
 Поживи съ наше, еще и не то увидишь.
 Эко диво! Эка невидаль! Что это на невидаль!
 Не боги же и горшки обжигаютъ.
 По сытому брюху хоть обухомъ. Сытый ничему не дивуется.
 Такіе чудеса, что дыбомъ волюса.
 Съ одного конца хитро, съ другаго мудренѣй того; а въ середкѣ—
 умъ за разумъ заходитъ (о машинѣ).
 Мудрено, что тѣлю голо; а шерсть растеть — мудренѣй того.
 Хитерь бычокъ: языкомъ подь рѣшницу достаетъ.
 Хитрѣ теленка не будешь: языкомъ вокругъ себя не достанешь.
 Мудерь, а не какъ теленокъ: какъ онъ, языкомъ не достанешь.
 Хитро, сколотить недро: клонки подь лаяку, а обручи въ печь.
 и не будетъ течь.
 Въ голову не вколотишь (не втемлишишь)
 Дольней въ голову не вобъешь (т. е., что мудрено кажется)
 Смыслъ не созянка: его ложкой не расхлебашь.
 Понимаешь, такъ понимаешь, а не понимаешь, такъ какъ знаешь.
 Все на лицо, какъ выгѣденное яйцо.
 Чуденъ свѣтъ — дивны люди. Дивны дѣла твои, Господи!

Тайна — любонытство.

Что скажешь? А что спросишь.

Отгадай, въ которомъ ухъ звенить (въ любовь. Да чай слышалъ?).

Что знаешь, того и знать не хочется.

То не лестно, что извѣстно. Завѣдомое не спрашиваютъ.

За показъ (товара) денегъ не берутъ.

За косу выкушь, а смотрины даромъ (свадеб. обычай).

И за поглядъ деньги берутъ (на цр., очки).

Много знать — скоро состарѣшься. Много знать — мало спать.

Кабы все ты зналъ, такъ бы мельницы ломалъ (дѣло знахаря).

Одинъ всего не узнаеть. Одному всей премудрости не пройти.

Богъ вѣсть. Богъ знаетъ. Богу извѣстно (вѣдомо).

Какъ выростешь съ мать, все будешь знать.

Закрыты господины, а открыты вироги (свадеб).

Не все узнаешь, что въ городѣ творится.

Богъ про то вѣсть, что въ котомѣ то есть; а вѣдомо и тому, кто несетъ котому (изъ сказки).

Гдѣ два дурака дерутся, тамъ третій смотреть.

Въ избѣ драка — народъ у воротъ.

На что? На спросъ; а кто спросеть, тому чихирю въ носъ.

Отъ чего мужикъ въ халатѣ, баба въ сарифанѣ?

Вѣдь ты не духовный отецъ, а и мой не послѣдній конецъ?

Заглядываетъ, какъ собака въ кувшинъ. Заглядываетъ, какъ вырину (Индѣйскій пѣтухъ) на повьтъ.

Ему позавѣрю лобъ набили (т. е., онъ водслушываетъ).

О чемъ не сказываютъ, о томъ не допытывайся!

Въ ино время не надо знать, что люди говорятъ.

Что дальше (больше) разбирать, то луже.

Знайку на судъ ведутъ, а незнайка дома сидитъ.

Знай меньше, а дѣлай (а сущ) больше!

Сорь мети, да въ уделюкъ хороми! Изъ избы сору не выноси!

Чужой тайны не доверяй (не продавай)!

Открыть тайну — погубить вѣрность.

Знаеть грудь одна, да подошлека (рубашечная подкладка).

Всякая тайна грудью крыта, а грудь подошлекой.

Какъ въ кремнѣ огонь скрыть. Какъ въ кремнѣ огня не видать.

Снѣжокъ подпалъ, и слѣдокъ застлалъ (запалъ).

Снѣгу нѣту, и слѣду нѣту.

Какъ роса упадетъ, такъ и слѣдъ пропадетъ (по травѣ).

Выживу, какъ зайца изъ куста.

Какъ ни крыться, а будетъ повиниться.

Какъ ни жаться, а будетъ признаться.

Да ужъ я, что знаю, то знаю. Будь это променясь насъ! Знай ты, да я!

Будь между нами сказано! Знай ты, да я (да онъ, да дядя Семень)!

Говорить съ уха на ухо, а слышно съ угла на уголъ.

Шила въ мѣшокъ не утаишь.

Чего не поищешь, того не сыщешь (того и не найдешь).

Ищай обряцеть, а толкущему отверзется. Ищите и обращете.
толцые и отверзетоя.

Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь. Кто за чѣмъ поидеть, то и найдетъ.

За худымъ пойдешь, худое и найдешь.

Языкъ до Кіева доведеть. Но циткъ дойдешь до клубка.

На ловца и зѣбрь бѣжитъ. На сыщика воръ нискакиваетъ.

Коннешь, такъ и найдешь. Тотъ и сыщеть, кто ищеть.

Конни поглубже, найдешь погуще.

Клещъ не вещь, гдѣ упалъ, тамъ и пропасть.

Ищи, какъ хлѣба ищуть!

Ищи, какъ собака блохъ ищеть (т. е., перебирай по шерстинкѣ).

Давайте ребячью работу робить, но подлавочью полатъ (жвать).

Вымести подъ лавками, такъ скажется соръ.

Застять деревья — и лѣсу не видать.

Не только свѣту, что въ окнѣ: на улицу пойдешь, больше войдешь
(на улицу выйдешь, больше увидишь).

Не только звону, что въ Звенигородѣ (естъ и въ Москвѣ).

Искать по горячимъ слѣдамъ. Навастъ на слѣдъ.

Ищеть, какъ иголки. Это не булавка, можно найти.

Не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

Не знаешь, что найдешь, а что потеряешь.

Не всякая находка кладъ. Не всякой находить радуешься!

Охоча сорока до находки (т. е., воровка).

Нашелъ чортъ ботало, да и самъ ему не радъ (ботало, колокольчикъ гѣшаемый скоту на шею).

Нашелъ чортъ клубокъ, да боятся взять.

Нашелъ чортъ клубукъ, да на рога не лѣзеть.

Кладъ добудешь, да домой не будешь.

Умѣлъ найти, умѣй и потерять. Умѣлъ потерять, умѣй и найти.

Нашелъ — молчи; потерялъ — молчи (т. е., убоекъ розысковъ).

Потерялъ — не сказывай, нашелъ — не показывай!

До того доживемъ, что авось еще наживемъ.

Поживемъ, такъ шубу наживемъ; а не наживемъ, хоть скажемъ, что было нажили.

Съ умнымъ, можно и найти и потерять.

Лучше съ умнымъ потерять, чѣмъ съ дуракомъ найти.

Лучше съ добрымъ потерять, чѣмъ съ благимъ найти.

Съ дуракомъ и найдешь, да не раздѣлишь.

Дай Богъ съ умнымъ потерять; не дай Богъ съ дуракомъ найти!

Не дай Богъ съ дуракомъ, ни найти, ни потерять!

Нашелъ чернецъ клубукъ — не скачетъ, а потерялъ, не плачетъ.

Прибыло мало, какъ изъ мешины пропало.

Лучше найти, нежели потерять.

Не далеко цошать, да рой нашелъ.

То не пропало, что въ руки попало.

Что по водѣ илываетъ, то Богъ дастъ.

Чѣмъ терять, такъ лучше не наживать (не рождать).

У кого пропало, у того бы въ горлѣ торчало; а кто нашелъ (украсть), тому на здоровье.

У кого пропало, тому больше грѣха (т. е., отъ пошлепа).

Кто взялъ, на томъ одинъ грѣхъ; кто потерялъ, на томъ сто.

Хлынь взялъ (пропало). Что съ возу ушло, то пропало.

Пришли, да взяли, такъ поминай какъ звали!

Быль не быль, жидь не жидь — знать, что пропалъ.

Что прошло, въ воду ушло. Махни рукой, да ступай домой!

Игла въ стогъ ушла, цими пропала.

Ищи въ шерсти, пими пропало. Поминай, какъ звали!

Въ рукахъ было, да по пальцамъ сыбло.

Рой вился, да кверху поднялся. Пало теля, миновалось племя

Прошло бабье трепало.

Пропало бабино трепало, а не воскресло доброе весло.

Я потерялъ платокъ. «А какой онъ былъ?» Рябенкой (синенькой)

«Ну, по рябенкой (синенькой, красненькой) дорожкѣ побѣжалъ.»

Разсыпался, будто кладъ отъ амниа.

Сгинулъ, да пропалъ, словно въ воду ушалъ.

Будто корова ланкомъ слизнула.

Какъ камень въ воду. Какъ ключъ ко дну.

Пропалъ, какъ камень на дно ушалъ.

Ищи на орѣ, на правомъ крылѣ.

Будто Дунай побралъ. Словно водою снесло.

Пропалъ, какъ мышь на цодтоцѣ.

Сквозь землю провалился. Какъ мыломъ взяло.

Пропалъ, какъ молодой мѣсяцъ.

Побѣжала дороженька черезъ горку.

Снесло боярскіе хоромы, но самые пороги.

Съ водою уплыло. По водѣ пощю. Паводкомъ взяло.

Пошло поле въ лѣсъ. Ушло идыде подъ гору.

Слѣдъ (поминъ) простылъ. Былъ таковъ.

Ровно сгорѣлъ. Сгинулъ съ глазъ. Изъ глазъ пропалъ.

Ни слуху, ни духу. Ни слуху, ни помину.

Пропалъ, какъ съ возу ушалъ. Пропало, какъ не бывало.

Будто прахомъ подняло. Какъ святымъ духомъ взято,

Запалъ, что осечмій слѣдъ. Забылся, дакъ козырь въ колоду.

Зарылся, что свинца въ навозѣ (въ сядму).

Всѣ по норамъ, что мыши по щелямъ.

Завалилась суббота за пятницу.

Какъ въ Камской мохъ провалился. Слово нга въ щель.

Какъ волкъ (лиса) хвостомъ мелькнулъ (вильнул).

Какъ мѣнь лизнулъ (мѣнь, язьми рыба).

Пропалъ (погубили), ти за грошъ.

Пропалъ, какъ мыльный пузырь.

Пропалъ (сгинулъ), какъ Французъ въ Москвѣ.

Пропалъ, какъ Шведъ подъ Полтавой

Прячется, какъ собака отъ мухъ.

Здорово, да безъ коровы. Здравствуй безъ шапки (безъ кафтана
в пр., шутять надъ глѣмъ, у кого вещь пропадетъ).

Не заворачивай рожу подъ рогожу (т. е., не прячься)!

Его искать, и днемъ, такъ съ огнемъ

Найди, такъ я укажу. Укажи, такъ найду.

Стоя, не валяй, а лежа, подбирай (ви. стоячее, лежачее)!

Ау, подай голосокъ черезъ темный глѣсокъ:

Хоть плюнь, хоть дунь, хоть чихни, хоть кашляни (т. е., отклякнись).

Шутъ (бѣсъ). шутъ, поиграй, да опять отдай (предговариваютъ, по-
теравъ что нибудь)!

Луканька (т. е., лукавый) хвостомъ накрылъ (говор., коли что въ
глазахъ пронадесть, а вѣсть найдѣтся).

Луканька, поиграй, да и намъ (да опять) отдай!

Чужую похоронку никто не найдетъ (т. е., самъ ищи). Чужой
похоронки не найдешь.

Нашелъ, да не объявилъ, все равно, что утанилъ.

Лапти растеряли, по дворамъ искали: было пять, а стало шесть.

Потерялъ пять, а нашелъ семь.

Ни скобленъ, ни тесанъ, такъ и брошенъ.

Не положи, не ищутъ. Нашелъ шапку на волоскѣ (т. е., уиралъ).

Отъ добра не ищутъ добра.

Добра ищи, а худо само придетъ.

Не искалъ бы въ селѣ, а искалъ бы въ себѣ.

Пѣну вещи узнаешь, какъ потеряешь
 Искать вчерашняго дня. Ходить, какъ вчерашняго дня.
 Ходить, какъ пальцы растерявши.
 На конѣ сидитъ, а коня ищетъ.
 Рукавицы за поясомъ, а онъ ихъ ищетъ.
 Чего ищешь? «Да рукавиць». А много ль ихъ было? «Да одѣ».

А одѣ, такъ на рукахъ.

Словно въ потьмахъ ложкой рта ищетъ.

Наслѣдство — подарокъ.

Наслѣдство — ни даръ, ни купля.
 Меньшому сыну отцовскій дворъ, старшему новоселье (т. е., по смерти отца; это, въ крестьянствѣ, обычай).
 Меньшой сынъ на коню сидитъ (То же).
 Гдѣ ровный бой (два брата), тамъ все (отцовское) пополамъ.
 Сестра при братѣ не вотчинница (не наследница).
 Имѣнье идетъ не въ кольцо, а въ свайку (не собирается, а проптывается; достается сыну).
 На выморочное итъгъ наследства. Выморочное на мѣрѣ вошло.
 Отцовщина и дѣдовщина — хранилища; а имѣть животоу, коли самъ наживешь.
 Бабушка, что ты мнѣ откажешь? «Не знаю, развѣ дорогу до церкви.
 Достались по наследству перья, послѣ бабушки Лукерьи, послѣ старушки, отъ курочки пеструшки.
 Отказала мнѣ бабушка четки, да лестовки, да подлокотнички.
 Чѣмъ дарятъ, тѣмъ не корятъ.
 Съ кѣмъ обсылаешься (подарками), съ тѣмъ и почитываешься.
 Кого люблю, того и дарю.
 Кого любишь, того самъ дарить; а не любишь, и отъ мнѣ не примешь.

Отъ мила куманька черепокъ да латка, и то подарочекъ.

Поднести золотое яблочко на серебряномъ блюдѣ (т. е., хорошиі гостинецъ, или вѣсть).

Даровому коню въ зубы не смотреть.

Малое принимайте, а большому сроку дайте (При гостинцѣ, подаркѣ).

На маломъ не възните, большаго не ищите (То же).

Даръ — не купля: не хаять, а хвалить.

Всякъ даръ въ строку (т. е., припомнится подаривши).

Подарки принимать, такъ отдариваться.

Подарки любить отдарки. Даръ дара ждетъ.

И малый подарокъ не накладъ.

Дома-то и не голодъ, да подарокъ дорогъ.

Нѣ дорогъ подарокъ, дорога любовь.

Дорогъ подарочекъ не выпрошенный.

Кума не мила — и гостинцы постылы.

Не любя кума, и гостинцы не милы.

Даровое лычко лучше купленаго ремешка.

Не пей, кума, дароваго вина: придетъ дорожке купленаго (недо отпечивать).

Подаривъ уѣхалъ въ Парижъ (а остался одинъ купивш).

Подари-то померъ, а остался въ живыхъ братъ его, муш!

Шаромъ, да даромъ хорошъ табачекъ, а на денежку купивш — зеленъ.

Что намъ не мило, то ному въ надмлю.

Отъ матушки отóпочки, отъ батюшкв ошметочки, и то почти за подарочекъ.

Удобрилась мачиха до пасышка: велѣла въ заговѣнье всѣ щи вы-
лебать.

Вотъ тебѣ луновка помова, облуплена, готова: знай, почитай, а
умру, поминай (говорить отецъ, надѣлая сына)!

Разорился царень бѣдный: купилъ дѣвкѣ перстень мѣдный.

На ногтяхъ обнвы показался (обляки, означающія, по суевѣрію,
подарки).

Надзоръ — хозяинъ.

Отъ безпорядка (непорядка) и сильная рать погибаетъ.
 Не купи села, купи прикащика.
 Добрый пастухъ не о себѣ печется, о скотинѣ.
 Разскащики не годятся въ прикащики. Разскащикъ не прикащикъ.
 Полицейскій (яля: хозяйскій) глазъ зорокъ — не надо сорокъ.
 Дѣлальщику полтина, а нарядчику рубль.
 Работнику алтынъ, а нарядчику рубль.
 У кого есть дядька, у того цѣло дитятко.
 У семи нянекъ дитя безъ глазу. У семи пастуховъ не стадо
 Набздомъ хлѣба не напашешь (о дальней пустоши).
 Приставили козла къ огороду. Пустили козла въ огородъ.
 Нанялся волкъ въ пастухи, говорить: какъ быть, послужить надо.
 Дешево волкъ въ пастухи нанимается, да миръ подумываетъ.
 Пошла свинья въ огородники: на морковь, на рѣпу, на бѣлу капусту.
 Плакалась свинья, что, де, огородники хлѣбъ отбиваютъ.
 Волкъ не пастухъ, а свинья не огородникъ.
 Пришла изъ лѣсу птичница, въ лисей шубкѣ, цыплятъ посчитать.
 Нанималась лиса на птичій дворъ, беречь отъ коршуна, отъ ястреба.
 Тутъ волкъ въ пастухахъ, а лиса въ птичникахъ.
 Погналъ гонку (лѣса) розсыпью, такъ по берегамъ не зѣвай
 Розсыпью гнать, раструски не миновать.
 Чего глазомъ не досмотришь, то мошною доплатишь.
 Не доглядишь окомъ, такъ заплатишь бокомъ.
 Свой глазъ — что твой алмазь. Свой глазокъ — смотрокъ.
 Свой глазъ — алмазь, а чужой — стекло.
 Свой глазъ — миленькій дружокъ, а чужой — воръ (ворогъ).
 Свой глазъ лучше роднаго брата. Свой глазъ дороже нахвала.
 Свой глазъ нажива. Хозяйскій глазъ всего дороже.
 Не свой глазъ (ножь), не любой кусъ.
 И одинъ глазъ (Свой глазъ), да зорокъ, не надо и сорокъ.
 Отъ хозяйскаго глаза жирѣетъ и котъ.

Отъ хозяйскаго глаза и конь добръеть.

Гдѣ хозяинъ ходитъ (прошелъ), тамъ и хлѣбъ родится (уродится)

Хозяинъ по двору пройдетъ, рубль найдетъ; назаль пойдетъ, другой (два) найдетъ.

Глазъ господскій (хозяйскій) угобжаетъ землю (ниву).

Не вѣрь брату родному, вѣрь своему глазу кривому.

Гляженое лучше хваленаго (идя: глаженое, т. е., что самъ осмотрѣлъ и ошупалъ).

Безъ хозяина и товаръ плачетъ (товаръ сирота).

Безъ пригляду одни только муравьи плодятся.

На что мнѣ прикащикъ? Я самъ укащикъ.

Таково-то безъ самого-то; я и самъ-то тутъ, да проворъ-то худъ.

Хоть и самъ тутъ, да толкъ худъ.

У хорошаго барина и дворня хороша.

Ребята, ребята, коли хотите жить богато, покупайте нитки, да зашивайте дырки (пригов. коробейниковъ)!

Безъ ухода нѣтъ обикода. Общая овечка волку корысть.

Безъ ката мышамъ масляница.

Попъ въ гости, черти на погостъ.

Попъ со двора, цономари въ колокола.

Баба блудитъ, а дѣду грѣхъ.

Гуляй, ребята, поколѣ я гуляю (сказалъ вахмистръ, глядя на печеныхъ коней).

Не вѣришь повару, самъ ступай по воду?

Не вѣрнѣ баринъ повару, самъ идетъ поводу.

Никому не вѣрнѣ, а самъ мѣрнѣ.

Людямъ не вѣрнѣ, а самъ мелеть.

По за-очи кошку купить — дѣлево (трудно? Арханг.).

За глаза яйца торгуютъ (да и то болтуны живутъ):

За глаза калачъ купить: не полюбится, самъ съѣшь.

Заглазнаго купца кнутомъ бей!

Чалаго коня за рѣкой купи (т. е., не ошупавъ; чалые кони, по по-вѣрью, крѣпки).

Всякій домъ хозяиномъ хорошъ (красится, славится).

Всякъ пѣтухъ (всякая курица) на своемъ пепелищѣ хозяинъ.

Всякъ куликъ въ своемъ болотѣ великъ.

Своя избушка — свой просторъ.

Домъ дому (хозяинъ хозяину) не указъ (не укащикъ).

Всякъ хозяинъ въ своемъ дому большой.

Хозяинъ добръ — и домъ хорошъ; хозяинъ худъ, и въ домѣ тожъ.

Хозяйка лежить — и все лежить; хозяйка съ постели — и все на ногахъ (и всѣ вскочили).

Хозяинъ, что ступить, до дѣло найдетъ.

Хозяинъ лычкомъ подвяжетъ, и то впрокъ.

Безъ расчистки и лѣсъ не стоить (не растеть).

Люди на лѣсъ не зинуть, лѣсъ не сгинеть.

Не стриженный ноготь въ мясо растеть.

Не подожди дрова, такъ и не горять. И дрова безъ поджогу (безъ подтопки) не горять.

Не накормленъ конь — скотина; не пожалованъ холопъ — сиротина.

Порядокъ дѣла не портить. Отъ порядка не нищаютъ.

Порядкомъ стоить домъ, непорядкомъ, содомъ.

Не донимаетъ порядокъ, не доняли бь порядки (т. е., новыя распоряженія).

Хорошій замокъ надежный другъ.

Домомъ жить — не разиня ротъ ходить.

Домъ не великъ, да лежать не вельтъ.

Дальше положишь — ближе возьмешь.

Запасъ человекъ не портить. Запасъ мѣшку не порча.

Что лѣтомъ родится, то зимою пригодится (яля: рождается, пригожается).

Не надѣйся, дѣдъ, на чужой обѣдъ (а свой пасѣ)!

Домовитый больше продаетъ, чѣмъ купитъ (т. е., чѣмъ покупаетъ; старинный оборотъ).

Бережливость лучше прибытка. Барышамъ за березью не угощаться.

Денежка рубля бережетъ (а рубль голову стережетъ).

Что бережно, то недолжно. Бережно — недолжно.
 Домашняя гривна лучше заѣзжаго рубля.
 Прибытки въ людяхъ, а скопъ, — въ своихъ рукахъ.
 Что Богъ дастъ, бери; а свое, самъ береги!
 Прожить-то мы и дома проживемъ, а наживать, въ люди пойдемъ.
 Старое проживай, а новое наживай!
 Шерсть стриги, а шкуры не дери!
 Приѣхала холя, привезла гребень.
 Все разсовано по сучкамъ, да по вѣточкамъ.
 Хлѣбъ по возамъ, деньги по мѣстамъ.
 Гдѣ положилъ, тутъ и выворожилъ. Какъ заведенные часы.
 Сдать съ рукъ на руки. Передать изъ полы въ полу.
 Перевернуть вверхъ дномъ. Все на копылъ подняли.
 Въ домѣ-то у нихъ словно Мамай воевалъ. Настоящее Мамаево
 побоище.

Здѣсь обозъ съ мочалами пропадетъ.
 Оставилъ возъ на дорогѣ, да Никола береги!
 Положилъ денежки на пенекъ — авось цѣлы будутъ.
 Кинулъ кафтанъ при дорогѣ — святой Никола, побереги!
 Чортъ чесалъ, да и чесалку-то потерялъ.
 Чортъ ногу сломить. Гдѣ клинъ, гдѣ рукава.
 Посуднякъ подъ лавкой, клѣтъ на полатяхъ, а курятникъ въ кра-
 сномъ углу.
 У нея и мужъ-то подъ лавкой валяется.
 Непорядки въ дому — не урядки.
 Стряпаетъ день до вечера, а поѣсть нечего.
 Худу быть, кто не умѣетъ домою жить.
 Каша пригорѣла, щи ушли: былъ шоволь, да собаки унесли.
 Наша стряпня рукава стряхни (а кабы басни хлѣбать, всѣ бы
 сыты были).
 Не каша корнигъ, ложка; не принась стряпаетъ, а руки.
 Горе тому, кто непорядкомъ живетъ въ дому.
 Не хлопочи, когда нѣтъ ничего въ печи.

До того дожили, что все прожили (что и ножки съѣжили).

До того дошло, что и въ суму не пошло (что и въ сумѣ ничего).

Дошли до того, что нѣтъ ничего (что ничѣмъ ничего).

До того дожилось, что ничего не случилось.

И сума отошала, а въ брюхѣ, и не бывало.

Домъ (т. е., хозяйство): одни буйны вѣтры по угламъ перекликаются.

Овса полны ясли, а кони всѣ изгасли.

Два хлыста, а ни у одного нѣтъ конца (хвоста).

Ключи въ карманѣ, а гумно сгорѣло (а амбаръ сгорѣлъ).

Одна дверь на замокъ, другая настезь.

Спереди печать, а сзади мыши точать (амбаръ).

Самъ корову за рога держитъ, а сторонніе люди молоко доятъ.

Отъ великихъ порядковъ бываютъ большіе безпорядки.

Излишніе порядки тѣже безпорядки (доводятъ до беспорядковъ).

Не ищи жилья, ищи хозяина!

Застроили теремъ, да не стало бревень.

—

Опрятность.

Какъ жукъ въ навозѣ копается. Зарылся, какъ жукъ въ навозѣ.

Ходитъ какъ русалка (о дѣвкѣ; т. е., нечесаная).

Не та хозяйка, которая говоритъ, а которая щи варить.

Хозяюшка въ дому — оладышекъ въ меду.

На семью чисто не настряпаешься

Вымыла ложки, да вылила во щи.

Только жукъ, въ навозѣ живучи, да чисто обихаживается.

Замѣсила прѣсно, посадила тѣсно, вынула, подула и кверху вздула.

Ты учи жениха щи варить, да на уполовникѣ вшей давить (говорятъ дѣвкѣ, которая умничаетъ)

Грязью играть — рѣки марать. Каковъ комъ, такова отъ него и волн

Поганое къ чистому не пристанетъ. Черное къ бѣлому не пристанетъ

Мойся, хоть кожу сотри, а бѣлѣ воды не будешь.

Бѣлъ сибѣтъ, да не вкусенъ; черенъ макъ, да бодрѣ бѣтъ

За свой хлѣбъ и неумойкою (сажусь).

Волкъ и медвѣдь не умываючись здоровы живутъ.

Съ чистаго пуще завернетъ (говорится, намекая на чистую водку, если кто брезгливъ, и многое называется поганымъ).

Съ погани не треснешь, съ чистоты не воскреснешь.

Съ погани не умереть, а съ чистоты, какъ съ лубка свернешься.

Грязь не сало, помялъ (потерь), она и отстала.

Брюхо не зеркало: что попало въ него, то и чисто

Гдѣ молоко, тутъ и волокно. Вехотка вездѣ слѣдъ покидаетъ.

Баранъ безъ шерсти не живетъ (говор. коли шерсть во щажъ попадется).

Огонь чистить, вода моетъ (оправданіе тѣхъ, кои ѣдятъ то, что другимъ считается поганымъ).

Баня парить, баня править. Баня все править.

Когда бъ не баня, всё бъ мы пропали. Баня—мать вторая.

За паромъ глазъ не знать. Паръ столбомъ, дымъ коромысломъ.

Игагѣница поспѣла, ерохвоститься пора (баня — париться).

Безсрочную амуничку побѣлить (солд., т. е., сходить въ баню).

И въ банѣ болячка садится. Изъ баня почесушку принесь.

Въ банѣ пристало. Баня не заговѣнье.

Не то червь, что человекъ ненарокомъ съѣстъ; а то червь, что человека ѣстъ.

Родилъ бы разъ въ году, чтобъ день за день не бриться.

Умная умница — свѣтлая пуговица.

Ясенъ, какъ солнце, какъ звѣздочка, какъ пуговка, какъ золото.

Какъ стеклышко (чистъ, или трезвъ). Чистъ, какъ трубочистъ.

Чистую посуду легко и полоскать.

Всякъ несеть уста, гдѣ вода чиста.

Хоть лыкомъ (шиломъ) шить, да мыломъ мыть.

Наше добро на огнѣ не горить, на водѣ не тонеть, и въ землѣ не гниеть.

Не дамъ мошкѣ съѣсть, ни пылинкѣ лечь (беречь буду).

Поганое судно и въ богатомъ дому не осудно.

И въ богатомъ домѣ нечистая посуда есть.

Щегольство.

Худая слава, что безъ кафтана Сава,
Сапогъ не ломаетъ, чулокъ не мараегъ (щеголь).
Суббота долше воскресенья (или: пятница субботы, говорятъ, на пр., если исподъ платья видна юбка).

Фата коноватна, а голь перекатна.

Леньжонокъ—то на малѣ, да руки въ карманѣ.

Шапочка съ ушами, молодчикъ съ кулярами.

Дома — щи безъ крупъ; въ людяхъ — шапка въ рубль.

Голь, да въ шляпѣ, — тотъ же шляхта.

Въ брюхѣ солома, а шапка съ заломомъ

На брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ-то щелкъ.

Въ брюхѣ хотъ щелкъ, да на брюхѣ шелкъ.

И толста, и пестра, а рыло свиное.

Пусть карманъ, да синь кафтанъ (щеголь).

Хоть дурень, да фигурень. Каковъ ни есть, а въ синемъ.

Не на долго шуту хохоль: хода стрясетъ.

Утка въ юбкѣ, курочка въ сапожкахъ, селезень въ сѣрежкахъ, ко-
рова въ рогожѣ, да всѣхъ дороже.

Наряди пня, и пень хорошъ будетъ.

Наряди пень въ вешній день, и пень будетъ красавчикъ.

Въ рогожу одѣться, отъ людей отречься.

Сорока въ платьѣ, ворона въ платьѣ, будетъ платье и на на-
шей братьѣ.

Кто въ камкѣ, кто въ парчѣ, а мы въ холсту — по тому жъ мосту.

Пóлы да черти одной шерсти.

Бабья рубашки тѣ же мѣшки: рукава завяжи, да что кошъ положи.

У него шубка домъ стережетъ (т. е., сторожковая, собачья).

Шапка на немъ такъ копылъ копыломъ и торчитъ.

Красная шапка — воръ мужикъ. Алыи малый, зеленъ кафтанъ.

У меня рогожка — та же одежка, да куль праздничный,

Нашъ чинъ не любитъ овчинъ (а и тѣхъ итъ).

Купи шубку крытую, а одежду шитую.

Купи шубу шитую, а избу крытую.

Словно съ иглочки. Какъ сейчасъ съ колѣчка снялъ.

Заново — на колкѣ, а обносится — подъ лавкой.

Одежка врядъ (т. е., средней руки) не обобьетъ пять.

Холодно (худо тому), на комъ платье одно; а и двое, да худое, не лучше (не теплѣе) того.

Холодно, на комъ платьице одно, а и вдвое, да худое; все одно.

Видитъ и кривой, на комъ кафтанъ плохой (или: съ дырой).

Курочка Ивашка о семидесяти рубашкахъ: вѣтеръ дунулъ — и задъ знать.

Кафтанъ (сапогъ, лапоть) каша просить (т. е., разорванъ).

Рубаха холщевая — хоть огня присѣки. Рубаха, хоть огня присѣчь.

Рубаха — трутъ трутомъ, на плечахъ перегорѣла.

Съ плечь, да въ печь.

Голодный поле перейдетъ, а нагъ, ни съ мѣста.

Запили заплатки, загуляли лоскутки.

Въ чемъ мать родила. Какъ рожено, такъ и хожено.

Какъ обута нога, такъ всѣмъ слуга. Безъ сапогъ не слуга.

Погодье вольно, у кого шубъ довольно.

Помянешь и лѣто, какъ шубы нѣту.

Есть шуба и на волкѣ, да припшта.

Принесли на тарелѣ, да края обгорѣли.

Щеголь, да ноги коровьи. Щеголь — хвостъ веретеномъ (фрагъ).

Сударь не сударь, а пуговики лоснятся.

Набѣлилась нарумянилась, насурмилась и раздушилась.

Красна дѣвица до грядъ, въ сарафанѣ до пять.

Фу ты, ну ты, оглобли гнуты.

Нарядъ соколій, а походка воронья.

Стрижена бородка, подпаленый усъ.

Одна кудря стѣитъ рубля, другая тысячи.

Рожей подгулялъ (дурень), такъ запонкой взялъ.

Возми борону, да расчеши бороду!

Шпынь голова, поѣзжай по дрова (о нечесанномъ)!

У него голова тесомъ крыта (о стрижкѣ подь верховку).

Одѣлся клушей, окутался кувалдой.

Аванасы безпоясны (кто опояски по рубахѣ не носить).

Въ нынѣшнихъ обрядахъ и Фофаны въ нарядахъ.

Не гляди на ватолу (чѣмъ возъ покрытъ), а гляди подь ватолу!

Масляна головка (щеголь) — отцу матери не кормилецъ.

Шаркать по паркетамъ. Шаркунъ не дѣлецъ.

По платью видятъ, кто таковъ идетъ.

Хвалятъ (хорошъ) на дѣвкѣ шелкъ, коли въ дѣвкѣ толкъ.

Честенъ перстень на дворянской рукѣ.

Какъ смердъ ни нарядится, а кусъ дерма на себѣ унесеть.

Султанъ на парадѣ тутъ (на головѣ), а въ сраженьи тамъ (назади).

Свинья въ золотомъ ошейникѣ, все свинья.

Кто ожерелья носить, у того на томъ свѣтѣ змѣи вокругъ шеи обовьются (Расколян.).

Въ чемъ призванъ, въ томъ и пребывай!

Сторожковая да колотковая, а грѣетъ не хуже собольей (т. е., шуба собачья, кошачья).

Церковь не построй, а голову прикрой (т. е., пристрой дѣвку)!

Щеголь, собака: что ни годъ, то рубаха, а портамъ и смѣны нѣтъ.

Въ чемъ къ обѣднѣ, въ томъ и по сельди.

Чулки новы, пятки голы. Чулочки съ изюминками.

Семеры чулки, да все паголенки.

Писаные лапотки, да пестрыя онучи, такъ и подымай ноги покруче!

Одна нога въ сапогѣ, другая въ постолѣ.

Лапти дырявы, да оборы долги.

Сапоги смазаны и дыры замазаны.

Сапоги ѣсть просясть (каши просясть).

Ходитъ франтомъ: сапоги съ рантомъ.

Я шамá шамарка, шемрафанъ шѣ оборков (дразнить Самарокъ по говору ихъ).

И наша дура коты обула. И мы въ Шемцахъ (т. е., по плъть

Глазкѣ на локтяхъ. Локоткѣ пролокотнулись.
Сапогъ-то скрыпнѣть, да въ горшкѣ не кипнѣть.
Хоть жмутъ — да коты, просторны — да лапты.
Сапожки подъ скрыпомъ, а каша безъ масла.
Камзолы зеленые, а щи не соленые.
Шапка въ рубль, а щи безъ крупъ.
Шапочка въ двѣ денежки — и то набекрень.
Пронести шляпу на ухѣ (пройтись щеголемъ).
Драгунъ бѣжитъ, земля дрожитъ; оглянулся — въ грязи лежитъ.
Растегаемъ одѣлся, да шлыкъ набекрень.
Умыселъ боярскій, да разумъ крестьянскій.
Пологъ браный, да весь драный. Хоть тряпичка, да тафтичка.
Ковры семи шелковъ, а рубаха и не прядена.
Живемъ въ нѣгѣ, а ѣздимъ въ телегѣ.
Пряжки съ искорками, да вонъ повыскакали.
Слуги въ шелкахъ — бояре въ долгахъ.
Всякаго нищаго не перещеголяешь.
Ухо пронято, да руки не мыты (у холопа).
Знай честь, утирай бороду съ усамн!
Онъ въ перчаткахъ моется (говорится о щеголѣ).
Хоть голо, да щепетко. Хмѣлекъ щеголекъ,
Хоть бы въ щекѣ билъ, да щеголь былъ (говор. жѣна).
Щеголь Матрешка: полтора рубля застежка.
По модѣ, и мышъ въ комодѣ.
Щеголялъ съ молодѣ, а подъ старость умираетъ съ голоду.
Щеголь съ погосту и—гробъ за плечами.
Лбомъ красится, а затылокъ вши ѣдятъ.
Кудри не мудры, да вши хороши.
Кудри-тѣ вьются, а шолуди не отстаютъ.
Моя роденька обувается гладенько.
Моя роденька личикомъ бѣленька.
Въ долгомъ платьѣ, да въ короткомъ разумѣ (о женск. Нѣмецк. платьѣ).
Наряжается, что баба на Юрья. Сряжается, что Маланья на сватьбу.

Перышки рябеньки, голова гладенька.

Широки рукава, видно, что съ Трубецкаго двора.

Черезъ улицу сѣрой утицей, черезъ садъ перепелкою, черезъ широкъ дворъ краснымъ кочетомъ, а въ высокъ теремъ добрымъ мѡлодцемъ.

Пуговки литыя, петелки витыя (на сарафанѣ, т. е., щеголиха).

Ножка объ ножку постукиваетъ, сапогъ о сапогъ пощелкиваетъ.

Въ Бородинскомъ полку носятъ шапки на боку.

Тотъ щеголекъ, у кого на носу горбокъ.

Хоть не богаты, да носы горбаты.

Пей, ѣшь какъ хочется, а носи, какъ сможется.

На шильце, на мыльце, на кривое веретенце (деньги).

Надо молодымъ гуню собрать (о сватевныхъ подаркахъ).

Дворъ — домъ.

Держись друга стараго, а дома новаго!

Изба Ильинскимъ тесомъ крыта (т. е., соломой).

Купи хоромину житую, а шубу шитую!

Купилъ домъ и съ домовыми. Домъ домогъ, а домовой даромъ.

Наживи хлѣвину, а тамъ и скотину!

Что воскресенье, то новоселье (т. е., шатается).

Подъ капель избы не ставятъ (повѣрье, на какое мѣсто капало съ кровли).

Свой уголокъ — свой просторъ. Своя хатка — родная matka.

Хоть худъ домъ, да крыша крѣпка.

Приведи Богъ и собачкѣ свою конуру!

Въ добру пору воробью ненастье, коли стрѣха подъ бокомъ.

Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше.

Гдѣ оконенки брюшвины, тутъ и жители кручинны; гдѣ оконницы стекляны, тутъ и жители ветляны (веселы, привѣтлывы).

Дымно, да сытно (да тепло).

Не красна изба углами, красна пирогами.

Не уѣдно, да улежно.

Дворъ — что городъ, изба — что теремъ.

Тепло (въ избѣ), какъ самъ Богъ живетъ.

Добрая то рѣчь, что въ избѣ есть печь.

Печь намъ мать родная. На печи все красное лѣто.

Паръ костей не ломить, вонъ души не гонять.

Кумово мотовило подъ небеса уходило (дымъ).

Ни х́уху, ни д́уху, ни третьяго тепла.

Наша горница съ Богомъ не спорница: на дворѣ тепло, и у насъ тепло.

Наша горница съ Богомъ не спорница: какъ на дворѣ холодненько, такъ и въ ней не тепленько; а на дворѣ тепло, такъ и на печи приискло.

На дворѣ капѣль, такъ и у насъ тепѣль.

Наша изба не ровно тепла: на печи тепло, на полу холодно.

На улицѣ Петровки, въ избѣ Рождество (когда на дворѣ тепло, а стекла густо намерзнуть).

Лѣтомъ не прѣть, а зимой не грѣть.

Небомъ покрыто, полемъ огорожено.

Дождемъ покрыто, вѣтромъ огорожено.

Цыганскій домъ: три кола, да по середкѣ головня.

И надо всѣми не покрыто (т. е., одно небо).

Жилья съ локотокъ, а жилья съ ноготокъ.

Что такое? Три покоя, а жить негдѣ.

Избушка на курьихъ ножкахъ. Свиная закута, соломой заткнута.

Избушка на курьихъ ножкахъ, пирогомъ подперта, блиномъ покрыта (Изъ сказки).

Хорошъ бы домъ, да чортъ живетъ въ немъ.

Хоромишки, что горшки стоятъ: ни кола, ни двора (т. е., необгорожены).

При семи дворахъ восемь улицъ.

Банѣ не сгорѣть, а овина не потушить (повѣрье).

Овина не отнимывать, а банѣ не сгарывать.

Чуланъ — другая изба. Безъ уложей не дождь, а булдырь.

Въ полѣ въ покатѣ, въ каменной палатѣ, сидитъ молодецъ, играетъ въ щелкунецъ: всѣхъ перебилъ, и царю не спустилъ (взялъ въ банѣ).

Дуга золоченая, сбруя ременная, а лошадь некормленая.

Хороши хоромы, да нѣтъ обороны.

Ни кола, ни двора; а веревъ точеныхъ.

Голыдыба, голыдыба, а подворотня рѣшетчатая.

Всякій домъ хозяиномъ держится.

Всякій домъ — по большу́ голову стои́тъ.

Домъ красится хозяиномъ.

Безъ хозяина домъ — сирота.

Безъ хозяина дворъ и сирѣ и вдовѣ.

Не по дому господинъ, а домъ по господину.

Не домъ хозяина красить, а хозяинъ домъ.

Каково на дому, таково и самому.

Свой домъ — не чужой: изъ него не уйдешь.

Дома — не въ гостяхъ: посади́въ, не уйдешь.

На чужой коровай ротъ не розѣвай, а пораньше вставай, да свои затѣвай (затирай)!

И мышь въ свою норку тащитъ корку.

Изъ песку веревки (не) вьютъ.

На обухѣ рожь молачивалъ, зерна не утрачивалъ.

На обухѣ рожь молотилъ, зерна не уронилъ.

Кабы на скопидомку не крысы, такъ съ нею бѣ и ладовъ не было.

Добрая жена домъ сбережетъ, а худая рукавомъ растрясетъ.

Хозяинъ веселъ, и гости радостны (радошны).

Обѣдъ не въ обѣдъ, какъ хозяина (хозяюшки) нѣтъ.

Кто хвалитъ горницу, тотъ хвалитъ дворницу.

Пиво не диво, и медъ не хвала; а всему голова, что любовь дорога.

Домъ, какъ полная чаша. Домъ — чаша чапой.

У Маланьи съ масломъ и оладьи.

Хозяйка въ дому — что оладьи (оладышекъ) въ меду.

Хохлатая курицы дворомъ ведутся, а веселыя дѣвушки хозяйкой.

Горе тому, кто непорядкомъ живетъ въ дому.

Подержись за мотовило, подержись за молотило, а дудка сама
идеть.

Нашъ Ерема не сказался дома (отъ гостей, или отъ работы).

Растворя горницу, да: «Ступай вся вольница!»

Бѣгаетъ отъ дому, будто чортъ отъ грому.

Уйдемъ всѣмъ дворомъ, опричь хоромъ, а домъ подопремъ коломъ.

Въ людяхъ Илья, а дома свинья. Въ людяхъ Ананья, дома каналья.

Въ людяхъ: «Радуйся, царице!» а дома: «Не рыдай мене, мати!»

Въ людяхъ-то за хоромы, а дома то — за порогъ.

Продаетъ съ барышемъ, а ходитъ нагишемъ.

Пока уставица, а въ карманѣ не много останется.

Сведемъ домокъ въ одинъ уголокъ.

Сведемъ такъ домокъ, что не нуженъ и замокъ.

Сведемъ домокъ въ орѣхову скорлупу.

Чистъ молодецъ: ни стада (ни козъ), ни овецъ.

То-то и гулять, какъ нечего загонять.

Стряпай день до вечера, а поѣсть нечего.

Была бъ мукá да сито, и сама бъ я была сыта.

Дома не пекутъ, а въ людяхъ не даютъ.

Сосна кормитъ (мезга), липа одѣваетъ (лыко).

Куль да рогожа — вотъ т'ѣ и одежда.

Жилъ, жилъ, да и прожился. Живучи, проживаются.

Копилъ, копилъ, да чорта и купилъ.

Денегъ много — мельницу строй; хлѣба много — свиней заводи!

У него въ домѣ, ни удавиться, ни зарѣзаться не чѣмъ.

Ни ножа, ни топора, ни помолиться, ни зарѣзаться.

Ни кола, ни вола, ни села, ни двора, ни мила живота, ни образа
помолиться, ни хлѣба чѣмъ подавиться, ни ножа чѣмъ зарѣзаться.

Дворъ кольцомъ, три жердины конецъ съ концомъ: три кола за-
бито, три хворостины завито, небомъ накрыто, свѣтомъ обгорожено.

У него въ домѣ не чѣмъ собаки заманить.

Въ большомъ дому, чего нихватишься, того (всего) нѣтъ.

За что ни хватись, все въ люди катись.

Хвать за ухватъ, анъ въ люди бѣжать.

Мужъ возомъ не навозить, а жена рукавомъ не разносить.

Худая матка всему дому смятка. Бабы умы разоряють дома.

Гдѣ бабы гладки, тамъ воды нѣтъ въ кадкѣ.

Живеть, изъ кулака да въ ротъ. Живеть не въ годъ, а въ ротъ.

Живеть на горкѣ, а хлѣба ни корки (о причтѣ).

Что купить, то и лупить.

Не плачь, рожь, что продамъ за грошъ: весна придетъ — вдвое заплачу, а назадъ ворочу (о нерасчетливомъ хозяйнѣ).

Жить домкомъ — не ломать хлѣбъ ломкомъ (а рѣзать ломтемъ).

Посѣялъ — не смѣрялъ; ѣсть — не считаетъ.

Голь перекатная — безъ вѣсу и мѣры живеть.

Дома нѣтъ хлѣба, такъ въ людяхъ до новни будетъ.

Съ голоднымъ брюхомъ, да по добрымъ людямъ.

Нѣтъ дома муки, такъ попроси у Луки.

Вдругъ густо, вдругъ и пусто.

Туда-сюда рубль, такъ-сякъ два, за корову полтора (отчетъ хозяйки).

Грошъ за рыбу, грошъ на рыбу, да за нее же грошъ. «Все ты врешь!» да бишь, за врешь отдала грошъ.

Коли изба крива — хозяйка плоха.

Домоватъ на дому — закладывать жену (т. е., жена порукой въ изи-
ствѣ; переименовано изъ: долговать на Дону, закладатъ жену, т. е.,
коли должать на чужбинѣ).

Прощай, квашня! я гулять пошла.

Се букъ, се платье, се квашня, се хлѣбы, се ребенокъ плачетъ.

У нашей хозяйюшки всѣ въ работѣ: и собаки посуду моють.

Не припасла хозяйка обѣду, такъ видно толкнуться къ сосѣду.

Какова Устинья, таково у ней ботвинье.

У нашего дяди все рѣдька: триха рѣдька, ломтиха рѣдька, рѣд-
ка съ масломъ, да рѣдечка съ квасомъ.

Щи, горохъ, да горохъ со щамъ, маленькїи горохъ, да большїи
горохъ.

Что и сварили, и то въ печи забыли (застудили).

Сорока подъ порогомъ, и кошка умылась, а въ домѣ ни мучицы, ни крупицы.

Гости за гостями (гость по гостю), а ложки не мыты.

Корова на дворѣ, а вода на столѣ.

За навозомъ проѣзду (провороту) нѣтъ, а молока купить не сыщешь.

Порогъ поскребла, да пирогъ испекла.

Только то и есть въ сусѣкѣ, что мыши нагадили.

Садила пять, вынула шесть; одного нѣтъ, какъ нѣтъ.

Откусишь — гребенка, посадишь — перепелка, сидить, не летить (васишка надъ хлѣбомъ плохой хозяйки).

Отрѣжешь — оселка (оселокъ, брусокъ), откусишь — гребенка.

Хозяйка, изъ села Помелова, изъ деревни Вѣнниковой: пирожокъ испечеть, и корова не ѣсть; да поставить (растворить) три, посадить (въ печь) два, а вынетъ одинъ.

Какъ хлѣбъ дошелъ, такъ пирогъ пошелъ; а пирогъ дошелъ, такъ блинъ пошелъ; а блинъ дошелъ, такъ въ мѣръ пошелъ.

Затѣяла кумица трубицы, а нѣтъ ни соли, ни мучицы.

Тетушка Варвара, меня матушка послала: дай сковороды, да сковородничка, мучки да подмазочки; вода въ печи, хочеть блины печи.

Дуракъ домъ стровить (о горожанахъ): подъ солдатомъ возьмутъ.

Изъ пустой хоромины либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана.

Два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ (не уживутся).

Ковригу рѣзать (о братьяхъ въ крестьянствѣ: раздѣлиться, разойтись, отъ обычая при этомъ дѣлать хлѣбъ), двоимъ накласть.

Кошка да баба завсегда въ избѣ, а мужикъ да собака завсегда на дворѣ.

Семь топоромъ вмѣстѣ лежать, а двѣ прялки врознь.

Прялка рогата, топоръ комовать (мужикъ уживчивѣе бабы, въ дому).

Домъ вести, не бородой (не возжей) трести.

Домъ вести — не лапти плести.

Животинку водить — не разиня ротъ ходить.

Домомъ жить — обо всемъ тужить.

Дворомъ жить — не лукошко шить (какъ ни спишь, все ладно).

Домомъ жить — не развѣся уши ходить.

Домокъ вести — не задомъ трясти (т. е., не плясать).

Курь пасти — добра не обрѣсти.

Крестьянинъ скотинкой живъ.

Хлѣбъ да животь (т. е., скоть) и безъ денегъ живетъ.

Въ худаго коня кормъ не тратять (не травяты).

Животину водить, хлѣбу не угодить (не хлѣба скопить).

Кто солому покупаетъ, тотъ хлѣбъ продаетъ.

Домъ яма: никогда не наполнишь. Домъ яма: стой прямо!

Домъ невеликъ, да стоять (лежать) не велить.

Что въ полѣ ни родится, все въ домѣ пригодится.

Запасливый лучше богатаго.

Что дома скоплю, за тѣмъ въ люди не пойду.

Мѣшокъ — что осметокъ: и вскинется, да не опрокинется.

По приходу и расходъ держать.

Каковъ приходъ, таковъ и расходъ (явл. обиходъ).

По естю старецъ келью строить.

Шире себя (не смѣтя себя) жить, не добра нажить.

Паси (береги) денежку про (на) черный день.

Деньга на будень, деньга на праздникъ, да деньга про черный день.

Деньга про бѣлый день, деньга про красный день, да деньга про черный день.

На свѣчу Богу, на рукавицы, на соль, на деготь, на ковъ, на приваръ, на штофъ вина (крестьянскіе денежные расходы).

Не хозяинъ, кто своего хозяйства не знаетъ.

Не мѣстомъ ведется (порядокъ, достатокъ), а хозяиномъ.

Домомъ не управилъ, такъ и волостью (городомъ) не управить.

Не потакай своимъ, чтобъ задать страха чужимъ.

Бей своихъ, чужіе бояться будутъ.

Всякій страхъ въ дому хорошъ (страхъ, въ знач. любви, почитанія, послушанія).

Одинъ съ сошкой (съ сохою), а семеро съ ложкой.

Не пилось бы, не ёлось, ни куда бь и добро дёлось.
 Только что концы съ концами сводимъ (т. е., приходъ съ расходомъ).
 Дрова да вода — несчастнымъ Богъ даетъ.
 Чтобъ было дворно (ко двору, спору) и не проторно.
 Чтобъ варево уварилось, изба тепломъ поскопилась.
 Изба жиломъ (жилемъ, жилымъ мѣстомъ) пахнетъ.
 Жиломъ жить, не чуму (очагу, зашѣть печи) молиться (Арханг.).
 И стѣны въ домѣ помогаютъ. Дома и солома съѣдома.
 Кто умѣетъ домомъ жить, тотъ не ходитъ ворожить.
 Не хожу я въ миръ по всякій блинъ.
 Своя ноша не тянетъ. Своя сермяга — не тяга.
 Наварила, напекла, Акулина про Петра.
 Она прибираетъ, она подаваетъ, однимъ одна за всѣхъ отвѣчаетъ.
 Сиорынья въ квашню! «Сто рублей въ мошну!» (пожеланіе гостя и
 отвѣтъ хозяйки).
 Ищи добра (ищи оброкъ) на сторонѣ, а домъ люби по старинѣ!
 Всего дороже: честь сытая, да изба крытая (мшеная).
 Крывъ да ухитка — шуба избѣ.
 Въ своемъ дворѣ и щепка бьетъ.
 Всякой чортъ въ своемъ болотѣ ворочай!
 Всякъ куликъ въ своемъ болотѣ великъ.
 Всякій бухалень (бугай, выпь) въ своемъ болотѣ голосистъ.
 Вольно чорту въ своемъ болотѣ орать.
 Твой домъ, твои и гости (твоя и воля).
 Всякъ въ своемъ добрѣ волёнъ. Нѣтъ большака супротивъ хозяина.
 Въ своей семьѣ самъ большой (всякъ самъ волёнъ).
 Мышь въ коробѣ, какъ воевода въ городѣ.
 Большой въ дому, что ханъ въ Крыму.
 Хозяинъ въ дому — что медвѣдь въ бору (что какъ хочетъ, такъ
 и вороча'тъ).
 На своей улочкѣ и курочка храбра.
 На своемъ непелищѣ и курица бьетъ (а пѣтухъ, никому спуску не
 даетъ).

И кротъ въ своемъ углу зорокъ.

Великъ бояринъ — свинья на болотѣ.

Своя воля во щажъ (да въ банѣ, да въ женѣ).

Щей горшокъ, да самъ большой.

Горшокъ на всю семью большой.

Горшокъ упольникъ, вездѣ угодникъ: въ колья и мяля и въ лѣсъ по помѣлье.

Пусть (худъ, малъ) горшокъ, да самъ большой.

Хоть не пышно, да затишно.

Хлѣбъ-соль кушай, а хозяина слушай!

Что поставятъ, то и кушай, а хозяина дома слушай!

Нѣтъ большака супротивъ хозяина.

Всякій домъ большакомъ простъ, а горшокъ большухой (престъ, въ знач. сердечной простоты, радушія).

Хозяинъ въ дому, что медвѣдь въ бору; хозяйюшка въ дому, что оладышекъ въ меду.

И въ Польшѣ нѣтъ хозяина больше.

Хозяинъ въ дому, какъ Авраамъ въ раю.

Хозяинъ, что чирій: гдѣ захотѣлъ, тамъ и сѣлъ.

Стоитъ бычище, проклеваны бочища (Домъ и окна).

Основа соснова, утокъ соломенный (Крыша).

Снаружи рогата, изнутри комола (Углы въ избѣ).

Марья царевна сама въ избѣ, рукава на дворѣ (Матица).

Что ни гость, то постелька (Вѣщи и мохъ въ пазахъ).

У насъ да у васъ поросенокъ увязъ (Мохъ).

Сто гостей, сто постелей: у каждаго гостя своя постеля (Бревна изби).

Сто гостей, сто постелей — одному гостю нѣтъ постели (Матица).

Сто молодцевъ на одномъ головницѣ (изголовѣ) спать (Наятъ на матицѣ).

Всѣ кишки въ одномъ горшкѣ, одна кишка поперекъ горшка (Матица).

На улицѣ кромушка, въ избѣ ломотокъ (Бревно въ стѣнѣ).

Два братца глядятся, а вмѣстѣ не сойдутся (Полъ и потолокъ).

Кумъ съ кумой видятся, а близко не сходятся (Полъ и потолокъ).

Дарья съ Марьей видятся, да не сходятся (Полъ и потолокъ).

Стоять сыръ дубъ, въ сыру дубу ящикъ, въ ящикѣ синь платъ,
гъ платъ золото (Домъ, сундукъ, платье, деньги).

Сидитъ Микитъ, сквозь стѣны глядитъ (Сучокъ).

Кривой Сысой за печкой сидитъ: на улицу глядитъ и въ избѣ сте-
режетъ (Сквозной сучокъ).

Медвѣжій (коровій) глазъ въ избѣ (Сучокъ).

Сквозь стѣну торчокъ (Сучокъ въ бревнѣ).

На лавкѣ кутакъ, ни повернешь никакъ (Сучокъ въ лавкѣ).

Что въ избѣ самодѣль? (Щель).

Самъ самодѣль, само дѣлается (Щель, трещина). ;

Два стоятъ, два лежать, пятый ходитъ, шестой водить, седьмой шѣ-
сенки поетъ (Дверь: косяки, притока и порогъ, полотно, рука, пятъ).

По снѣмъ и такъ и сякъ, а въ избу никакъ (Дверь).

По снѣмъ ходитъ, а въ избу не идетъ (Дверь).

Дерну, подерну Егора за горло (Дверь).

Стару бабу за пуцъ тянуть (Дверь). Не шагаетъ, а ходитъ (Дверь).

Ходитъ безъ ногъ, держитъ безъ рукъ; кто идетъ, тотъ за воротъ
беретъ (Дверь въ избѣ).

Два подъячихъ водятъ Марью вертячу (Крючья и дверь).

Маленькій, удаленькій въ кулачкѣ увязъ (Крюкъ и петля).

Ни въ избѣ, ни на дворѣ, соловьино гнѣздо (Дверная петля).

Баранъ въ хлѣвѣ, нога въ стѣнѣ (Крюкъ дверной).

Стоять мальчикъ, скривя пальчикъ (Крюкъ).

На рѣкѣ на Клязмѣ, два борова увязли: пришелъ спасъ, да ткнулъ
въ Николинъ глазъ (Пробой и замокъ).

Молчанъ-собака весь домъ стережетъ (Замокъ).

Верхоглядъ въ избѣ (Крюкъ, гвоздь, на который вѣшаютъ).

Маленькій мальчикъ всѣмъ подноги смотритъ (Порогъ).

Дерну, подерну по бѣлому Леонтью, Леонтій взглянетъ — и ротъ
растянетъ (Подъемное оконце).

Поля стекляны, межн деревянны (Окно и рамы).

Зябь переязь въ однихъ фerezяхъ (Окно).

Безъ рукъ, безъ ногъ по стѣнѣ ползеть (Ставень, въ волоковомъ окнѣ).

Двину, подвину по бѣлому Трофиму: спить Трофимъ—не ворохнется (Волоковое окно).

У насъ въ избушкѣ все пополаушки (Волоковыя окна).

И зиму, и лѣто на одномъ полозу ѣздить (Волоковое окно).

По стѣнѣ ползеть—то къ свѣту, то отъ свѣту (Задвижной ставень).

Конь саврасъ по колѣно увязъ (Воретный столбъ).

Нашъ Фoфанъ въ землю вкопанъ (Столбъ).

Курпца (или старица) Софья весь вѣкъ сохла, не пила, не ѣла, все вверхъ глядѣла (Колъ).

У церкви, у двери притолки изѣли (Изъ ели).

Стоить теремъ, въ теремѣ ящикъ, въ ящикѣ мучка, въ мучкѣ жу-чка (Изба, печь, зола, уголь).

Хожу я по топотихѣ, загляну я въ жукотиху, въ жукотихѣ тош-ра, грохотихою укрыта (Поль, чело, печи, дрова, печь).

Мать толста, дочь красна, сынъ храберъ (кудревать), въ поднебесе ушелъ (Печь, огонь и дымъ).

Мать черна, дочь красна, сынъ голенастъ, выгибаться гораздъ (Тоже).

Зимой все жреть, а лѣтомъ спить; тѣло теплое, а крови нѣтъ: сѣсть на него сядешь, а съ мѣста тебя не свезеть (Печь).

Зимой нѣтъ теплѣй, лѣтомъ нѣтъ холоднѣй (Печь и погребъ).

Старая Варвара, да сухой Матвѣй: привязался къ ней, и теперь у ней (Печь и голбець).

Толстая Фетинья, сухой Матвѣй привалился къ ней (Печь и голбець).

У нашей у буренушки на боку жбанъ къ ней (Печь и казенка, голбець).

Два вѣрона летять, одну голову ѣдятъ (Грядки и голбець).

Стоить яга, во лбу рога (Печной столбъ съ воронцами).

У насъ въ печурочкѣ золотыя чурочки (Дрова въ печи).

Полна коробочка золотыхъ воробышковъ (Жаръ въ печи).

Что въ избѣ запримѣтка? (Загнетка).

Сохнетъ Софья, ни шеть, ни ѣсть, все на небо глядитъ (Труба).

Сидитъ Арина, ротъ розиня (Печная труба).

Сидитъ барыня (баба) на печкѣ, въ бѣлой епанечкѣ (Труба).

Два свояка, между нихъ черна собака (Чело, труба, дымъ).

Два бѣлыша ведутъ черныша (Чело, печи и очельшь).

Ходитъ Хамъ по лавкѣ въ Хамовой рубашкѣ; открою окошко, ыдь. Хамъ, вонъ (Дымъ, въ черной избѣ).

Сидитъ мужикъ на полатахъ, на немъ синенькій халатикъ (Дымъ въ черной избѣ).

Сѣрое сукно тянется въ окно (Дымъ изъ курной избѣ).

Чортъ голенастъ, выгибаться гораздъ (Дымъ).

Кверху корнемъ растеть (Сажа).

Полонъ засѣчекъ красныхъ яичекъ (Уголья въ порску).

Закопай — не гниеть, кинь въ воду — поплыветь (Уголь)

Не ходи канда (котъ) въ пенду (печь), въ пендѣ канда (каша) прѣхонда (для гостя. Новгород. Уст. весьма обычная шутка).

Поле маленько, распахано гладенько, ни сохой, ни бороной, чорговой бородой (Подъ въ печи).

День корпятъ, ночь корпятъ, подъ затопомъ (или: одно утро) спитъ (Заслонъ).

Гдѣ Самсонъ въ избѣ? (Заслонъ).

Матушка Софья день и ночь сохнетъ: угро настанеть, прочь отстанеть (Заслонка печная).

Стоитъ волкъ — опаленый бокъ (Заслонъ).

Чортова бабка вся въ заплаткахъ (Каменка въ банѣ).

Полна повѣтка воробьишковъ: сидятъ, не летятъ, почирикиваютъ (Камни на каменкѣ шипятъ при подачѣ).

Черная корова цѣлый ушатъ воды выпила (Банная каменка).

Шапка Татарка (чортова шапка), вся въ заплаткахъ (Каменка).

Стоитъ свинка, золотѣ щетинка (Накаленная каменка).

Безъ рукъ, безъ ногъ, Богу молится (Очепъ, журавецъ).

Ни роженъ, ни ряженъ — Богу молится (Очепъ).

Старикъ надъ водой, трясеть головой (Журавецъ съ бадьей).

Быкъ реветъ, на повѣтъ хвостъ дереть (Очепъ).

Козель реветъ, вверхъ хвостъ дереть (Очепъ).

Стоитъ въ водѣ по горло, а не напьется (Козъ).

Два братца однимъ пояскомъ опоясаны (Два кола).

Сто одинъ братъ, всѣ въ одинъ рядъ, вмѣстѣ связаны стоятъ (Частоколъ).

Криво-лукаво къ лѣсу бѣжало, зелено-кудряво спрашивало: криво-лукаво, куда ты бѣжишь? Зелено-кудряво, тебя бережи (стеречи: Загородъ вокругъ поля).

Криво-лукаво, куда побѣжало? Зелено-кудряво, тебя бережи (Изгородъ).

Цѣпь за цѣпь до самаго лѣсу (Изгородъ).

Шель я мимо декоськи, видѣлъ дѣло такоське: волога вологу ѣсть: я пришелъ, разландаль, выландаль и заландаль (т. е., шель мимо огорода и увидѣвъ тамъ овцу, отворилъ заворы, выгналъ ее и заперъ заворы).

На свѣтѣ три кривобойны (Дорога, рѣка, изгородъ).

Бѣжить волчокъ, выхваченъ бочокъ (Залавокъ).

Въ избѣ доской, въ сѣняхъ трубой (Постель).

Днемъ трубой, ночью полосой: въ избѣ доской, въ сѣняхъ трубой (Войлокъ, постель).

Безъ рукъ, безъ ногъ — рубашки просить (Подушка).

Два брюшка, четыре рожка (Подушка).

Подъ одной шляпой четыре брата стоятъ (Столъ).

Четыре сестрицы подъ одной фатицей (Столъ).

Четыре братца подъ однимъ шатромъ стоятъ (Столъ).

Два Анисима, четыре Максима, седьмая Софья (Стулъ: спинка, ножки, сидѣнье).

Лежить баранъ: не столько шерсти на немъ, сколько ранъ (Колода, на которой дрова рубяты).

Самъ худъ, голова въ (съ) пудъ (Безмень).

Два бога увязло, пришелъ спасъ, да Миколъ въ глазъ (Пробой, замокъ и ключъ).

Черненька собачка свернувшись лежить: ни лаесть, ни кусаетъ, а въ домъ не пускаетъ (Замокъ).

Черная собачка весь дворъ стережетъ (Замокъ).

Маленька собачка (маленькій, пузатенькій) весь домъ бережетъ (Замокъ).

Узелокъ Кузьма, развязать нельзя: имячко хорошо—Алексѣемъ зовутъ (Замѣкъ).

Тычу, потычу, ночью не вижу; дай-ка днемъ попытать (Замѣкъ).

Днемъ висить, болтается, къ ночи въ норку собирается (Болтъ окна).

Самъ дубовый, поясъ вязовый, носъ липовый (Бочка, обручи, гвоздь).

Новая посудина вся въ дырахъ (Корзина).

Уловать Кузьма, развязать нельзя (Цѣпь).

Два ушка, два рожка, по середкѣ прѣрость (Крестьянск. рукомойникъ).

Курочка съ хохломъ, да кажинному поклонъ (Рукомойникъ).

Висить килка на одной жилкѣ (Рукомойникъ).

Встану я рано, пойду къ барану пустой головѣ (Рукомойникъ).

Сидить сова на примѣтѣ, нельзя ее напоити (Рукомойникъ).

Висить (вѣсятя), болтается, всякъ за него хватается (Полотенце).

Маленькій шарикъ подъ лавкой шарить (Вѣникъ).

Старый (маленькій) Аванасій лычкомъ подпоясанъ (Вѣникъ).

Маленькій Ерофейка подпоясанъ коротенько (Вѣникъ).

Скрученъ, связанъ, по избѣ скачетъ (Вѣникъ).

Маленькій, удаленькій, по полу елозить, заду не занозить (Вѣникъ).

По полу скокъ, и по лавкамъ скокъ; сядетъ въ уголокъ, не ворохнется (Вѣникъ).

Кургузь, коротокъ, обѣжалъ весь городокъ и прижался въ уголокъ (Вѣникъ, голыкъ).

Днемъ куражится, ребрится, а къ ночи въ уголокъ ложится (Вѣникъ).

По полу гудокъ, по подлавочью гудокъ — тотъ же гудокъ сълъ въ уголокъ (Вѣникъ).

Сокъ-посокъ, по полу гудокъ, по подлавочью гудокъ: наиграется гудокъ, да и слететъ въ уголокъ (Вѣникъ).

Туда Митя, сюда Митя, и подъ лавку ушелъ (Вѣникъ).

Маль да удалъ: всѣхъ людей перебилъ, и царю не спустилъ (Вѣникъ банный и платяной).

Маленькій пузанчикъ по городу ходилъ, всѣхъ ребятъ перебилъ (Вѣникъ банный).

Вечоръ меня зеленушка уползалъ, уерзалъ и спать уклалъ (То же).

По сараю (по повѣти) хожу, ерыкалу ищю, ерыкаться хочю (Въ ника ищю париться).

Медвѣжья лапа въ избѣ (Помело).

Медвѣжья лапа жарь загребаеть (Помело).

• Вышла таторья изъ поднолья, зачала золото загребать (Помело)

Подъ поломъ, подъ середой, сидить баба съ бородой (Помело).

Старая старуха безъ ногъ, безъ рукъ, на стѣну лѣзеть (Пыл).

Рога въ хлѣву, а хвостъ въ рукахъ (Ухватъ).

Въ хлѣву у быка копна на рогахъ, а хвостъ на дворѣ у бабы въ рукахъ (Ухватъ съ горшкомъ).

Кривая собака въ печку глядитъ (Кочерга).

Взять отъ земли, яко же Адамъ; посаженъ на колесницу, яко Илія Пророкъ; вверженъ въ печь огненную, яко три отрока; бременъ въ Черное море, яко же и Фараонъ; кости и составы мои рассынались; взявъ меня нѣкая жена, одѣла въ пестрыя ризы и начъ второй вѣкъ жити (Горшокъ).

Взять отъ земли, яко же Адамъ; посаженъ въ колесницу, яко Илія вверженъ въ печь, яко три отроки; возжалився нѣкая рабыня, облекше его въ пестрыя ризы, и застави его второй вѣкъ жити. Егда же приидеть расслабленіе костемъ его, тогда поверженъ бываетъ и распутиѣ, и земля костей его не приемлетъ (Горшокъ).

Взять отъ земли, яко же Адамъ; вверженъ въ печь огненную, яко три отроки; взять отъ печи и возложенъ на колесницу, яко Илія; везенъ бысть на торжище, яко же Іосифъ; ставленъ на лобное мѣсто и біенъ по главѣ, яко же Іисусъ; возони велимъ гласомъ, и на гласъ его прииде нѣкая жена, яко же Марія Магдалина, и купивши его за мѣдницу, принесе домой; но заплакася по своей матери, угре, и донынѣ его кости лежатъ не погребены (Горшокъ).

Родился я въ каменной горѣ, крестился въ огненной рѣкѣ, вывели меня на торжище; пришла дѣвица, ударила золотымъ кольцомъ; мои кости разсынуція, въ гробъ не кладучія, блинами не поманучія (Горшокъ)

Родился окать земной: крестился въ огненной рѣкѣ; привезли его на торговище, поставили въ сторонище; пришла стара матеръ жена, дарила его златымъ кольцомъ: «Гой еси, окать земной, отзывайся! Кости твои не оберущи, въ землю не кладущи» (Горшокъ).

Вила меня, повивали меня, бросили меня за перегороду — ни тѣлу погребенья, ни душѣ поминовенья (Горшокъ).

Вился, родился, мучился, крестился, пошелъ — замылся, весь міръ асмѣялся (Горшокъ).

Купилъ я гагана, онъ разиѣжился и раслакался; кинулъ я его за кно, никто не беретъ: собаки не ѣдятъ и вороны не клюютъ (Горшокъ).

Родился на кружалѣ, ростъ вертѣлся, живучи парился, живучи жамился; померъ — выкинули въ поле; тамъ меня звѣрь не ѣсть и птица не клюетъ (Горшокъ).

Молодъ былъ, людей кормилъ; старъ сталъ, пеленаться сталъ; умеръ, мои кости не годящія бросили въ ямку, и собаки не ѣдятъ (Горшокъ).

Былъ я на копанцѣ, былъ я на хлопанцѣ, былъ на пожарѣ, былъ на базарѣ; молодъ былъ — людей кормилъ; старъ сталъ — пеленаться сталъ; умеръ, мои кости негодящія бросили въ ямку, и собаки не ложутъ (Горшокъ).

Былъ на копкѣ, былъ на топкѣ, былъ на кружалѣ, былъ на пожарѣ, сталъ на базарѣ; молодъ былъ, сто головъ кормилъ; старъ сталъ, пеленаться сталъ (Горшокъ).

Свѣтъ Кощей, господинъ Кощей: сто людей кормилъ, гулять ходилъ, голову сломилъ; кости выкинули, псы не понохали (Горшокъ).

Есть ли таковъ, какъ Иванъ Русаковъ? Съѣлъ на конь, да и поѣхалъ въ огонь (Горшокъ, чугунъ).

Ни кто таковъ, какъ Иванъ Колпаковъ (Токмачевъ): сядетъ на конь, да поѣдетъ въ огонь (Горшокъ, чугунъ).

Чернышъ, загарышъ, куда поѣхалъ? Молчи, кручено-верчено, тамъ же будешь (Чугунъ и корчага).

Стойтъ Егорій на оскѣ, пересѣлся со смѣху (Горшокъ въ печь).

Родился вертяся, а умеръ взбѣсяся (Горшокъ; лошеть княя).

Былъ ребенокъ, не зналъ пеленокъ; старъ сталъ, пеленаться сталъ (Молостовъ, горшокъ повитый берестой).

Родится — вертится, растеть — бѣсится (кищтъ), помретъ — туда до-
рога (Горшокъ).

Родится — вертится, живеть — всѣмъ кормилецъ; смерть его —
ахма! (Горшокъ).

Померъ Адамъ — ни Богу, ни намъ: въ душа на небо, ни кости
въ землю (Разбитый горшокъ).

Разсыпался Черкасъ, никому его не скласть: ни попамъ, ни дья-
камъ, ни серебряникамъ (Горшокъ).

Плотники безъ топоровъ, срубили горенку безъ угловъ (Горшокъ).

Сидить баба на грядкахъ, вся въ заплатахъ (Корчага въ берестѣ).

Что стомъ вито, обвито, повито? Кто то отганеть, тому сто все
(Кринка въ берестѣ или молостовъ).

Стоить молодець — по колѣни въ золотѣ (Горшокъ въ угляхъ).

Въ печерскомъ, въ горшенскомъ, подъ крышенскимъ, сидитъ кур-
липъ курлиповичъ (Гусь въ горшкѣ подъ крышкою).

Церкѡвка, соловейковка — сама гладка, будто ягодка (Бутылка).

Выше дерева растеть (Квашня).

Безъ рукъ, безъ ногъ въ гору лѣзеть (Квашня; вѣтеръ).

Безъ рукъ безъ ногъ, всѣмъ голова (Квашня).

Безъ рукъ безъ ногъ, а на печь лазить (Квашня).

Не живой, а дышетъ (Квашня).

Безъ души, безъ костей, безъ рукъ, а дерется на стѣну (Квашня).

Слушаю, послушаю: вздохъ за вздохомъ, а въ избѣ ни души (Квашня).

Свечера заторкалъ, со полуночи захоркалъ, поутру всталъ, до ло-
ктей заскалъ (Квашня).

Выпашу чисто поле, нагоню черныхъ овецъ (Хлѣбъ въ печи).

Выпашу, выпашу чистое поле; нагоню, нагоню бѣлыхъ лебедей
(Хлѣбы въ печь сажать).

Распашу, распашу чисто поле, нагоню бѣлыхъ [лебедей; посажу,
посажу рядышкомъ, а послѣ лебедей всѣхъ переѣмъ (Хлѣбы).

Полонъ хлѣвъ безхвостыхъ овецъ: одна была съ хвостомъ — и та
ушла (Хлѣбы в лопата),

Черпенька собачка вокругъ, да вокругъ (Сковорода).

Маслено, воложно, подъ лавкой положено (Сковорода).

Сорока въ кустъ, Алексѣй за хвостъ (Сковорода и сковородникъ).

Берегъ желѣзны, рыба безъ костей, вода дорога (Сковорода, блины и масло).

Сидитъ курочка на золотыхъ яичкахъ, а хвостъ деревянный (Сковорода на угляхъ и сковородникъ).

Сидитъ царица (царь-птица) на золотыхъ яичкахъ (Сковорода).

Поль желѣзный, половикъ нетканый (Сковорода съ блиномъ).

Токъ желѣзный, посадъ яровой (Блины на сковородѣ).

На желѣзномъ мосту коковьяки растутъ (Блины на сковородѣ).

На плѣшь капнешь, ставишь, попаришь, вынешь, поправишь (Печь блины).

Бился Лука съ Петромъ, помутилась вода съ пескомъ (Затирка киселя).

Катились каточки по липову мосточку, увидѣли зорю, бросились въ воду (Горохъ варять).

Дерется пѣтъ съ орломъ, прилетѣлъ коршунъ съ хвостомъ, разнимать пѣта съ орломъ (Вода въ чугуны, огонь и уполовникъ).

Весь лѣсъ въ обрѣзъ, два дерева выше всѣхъ (Ушатъ).

У туши уши, а головы нѣту (Ушатъ).

Три ногѣ, два уха, да шестое брюхо (Лоханъ).

Промежъ двухъ морей, по мяснымъ горамъ, гнутый мостикъ лежить (Коромысло съ ведрами).

Два братца купаются, а третій насмѣхается (Ведро и коромысло).

Двое купаются, а третій дивуется (Коромысло съ ведрами).

Два братца хотятъ подраться, да рѣки коротки (Коромысло).

Два братца пошли въ воду (въ рай) купаться (Ведро).

Сто полѣнъ въ запасѣ, а на истопку не будетъ (Ведро).

Черезъ море котовой хвостъ (Перевясло у ведра).

Черезъ сине море журавлиное горло (Перевясло на посудѣ).

Щука въ морѣ, хвостъ на угорѣ (Ковшъ).

Утка въ морѣ, хвостъ на горѣ (на волѣ; или: на заборѣ; Ковшъ).

У насъ въ избушкѣ красны бабушки (т. е., игрушки; ложки).

Вокругъ пролубки все голубки (Ложки вокругъ горшка).

Выну изо рту ягодку, оближу и опять положу (Ложка).

Идетъ коза, бьетъ рогами по всѣмъ угламъ (Мутовка въ квашнѣ).

Щука въ водѣ, а хвостъ наружи (Уполовникъ).

Сорока подъ пыль летала (Уполовникъ).

Ширну, пырну, — выдерну, пырну (Веселко).

Въ лѣсу снята, въ дому гнута, по середкѣ заплетена (Сито).

Есть свято, съ липы снято; по краинкамъ ремешки (по краямъ итрусеньки), а въ середкѣ итру (Сито).

Сивая кобыла по торгу (по полю, по городу) ходила, по дворахъ бродила, къ намъ пришла, по рукамъ пошла (Сито).

Въ лѣсу гнуто, въ торгу брато, по краямъ итру, по серединкѣ итрусѣ (Сито).

Чѣмъ въ избу воды не принесешь? (Рѣшетомъ).

Чудо чудомъ, сошлось кругомъ: дыръ много, а выскочить нѣкуда (Рѣшето, сито).

Тарь-тарары, дворъ дверовать, а нѣкуда ни выйти, ни выѣхать (Сито).

Свинка—вырѣзана спинка (Ночевка, лотокъ).

Идетъ свинья изъ овина, съ обонхъ концовъ по рылу (Ночвы).

Бока да спина, а брюха нѣтъ (Ночвы, ночевка).

Бѣжить свинья изъ Саратова, вся исцарапана (Терка).

Выведу коня изъ задняго хлѣва: копыты бѣлы, да и подковы (Пахтъ).

Бился баранъ съ козломъ, помутилась вода съ пескомъ (Мѣшать масло).

Четыре сестрицы въ одну лунку цѣдятъ (Доятъ корову).

Молодочка, оберчена головочка (Дойникъ съ цѣдилкою).

Стоитъ козелокъ на маленькихъ ножкахъ; онъ пышетъ и дышетъ, а души нѣтъ (Самоваръ).

Въ небо дыра, въ землю дыра, посередь огонь да вода (Самоваръ).

Чурило, закуренное рыло (Свѣтець).

Поставлю, стоитъ; положу, лежитъ; домъ держитъ (Свѣтець).

Стоитъ Гаврило замарано рыло (Свѣтець).

Стоитъ старецъ, крошитъ пюрю въ ставецъ (Свѣтець и лучина).

Старый старичокъ, подь себя тюрю мнетъ (Свѣтець съ лучиной).

Стоитъ Трошка на одной ножкѣ, крошитъ крошки (Свѣтець).

Четыре Василисы въ одно мѣсто свѣлися (Свѣтець).

Стоитъ Куземка, крошитъ крошатку — ни себѣ, ни другу (Свѣтець).

Стоитъ Ермошка на одной ножкѣ, крошитъ крошатку, ни себѣ, ни мнѣ, ни другу (Свѣтець).

Мышка ходитъ по брусочку, роняетъ по кусочку (Горящая лучина).

Безъ рукъ, безъ ногъ — лапшу крошитъ (Горящая лучина).

Бѣлое ѣсть, черное роняетъ (Лучина горитъ).

Красенькій кочетокъ по жерди ходитъ (Горящая лучина).

Раскладу я клѣтку—и царю не скласть: ни попамъ, ни дялкамъ, ни богатымъ мужикамъ (Щепать лучину).

Разберу бѣляну (т. е., судно) одними руками, не соберешь бѣляны всѣми городами (Щепать лучину).

Раскладу я клѣтку, не скласть эту клѣтку, ни попамъ, ни дялкамъ, ни серебряникамъ (Лучина).

Колокольня новà, колокольня бѣла, подь маковкой черно, маков-ка золотà (Свѣча).

Слизко не ловко, въ середкѣ веревка (Свѣча сальная).

Горитъ столбъ, а уголья нѣтъ (Свѣча).

Тѣло сальное, душа бумажная (Свѣча).

Самъ нагъ, а рубашка въ пазушкѣ (въ запазушкѣ; Свѣча).

Въ потьмахъ родится, съ огнемъ (въ огнѣ) помираетъ (Свѣча).

Черненька коровка, рожки желѣзаны, тѣмъ и полезна: зимній день по дважды, лѣтній одажды, на камешекъ доить: межмолокъ не-ходить (Огниво).

Полонъ шестикъ воробликовъ (Кайма сарафана съ цуговками).

Маленькій Данилко въ петелку удавился (Цуговка).

Маленька кутафьюшка въ тѣсномъ мѣстѣ сидитъ (Цуговица).

У кого двѣ кожи на ногахъ? (Кто въ сапогахъ).

Стою ли я надъ головою—прямо стою: стою ли я подь ногами—прямо стою (Гвоздь въ сапогѣ).

Хожу на головѣ, хотя и на погахъ; хожу босикомъ, хотя и въ сапогахъ (Гвоздь въ сапогѣ).

Мутовка мясна, квашня божаная (Нога въ сапогѣ).

Въ липовомъ корытцѣ живое мясо шевелится (Нога въ лаптѣ).

Въ лѣсъ идетъ, клѣтви кладетъ; изъ лѣсу идетъ—перекладываетъ (Лапотный слѣдъ).

Два бурава (крота), четыре хвоста (Лапти).

Два хвоста—елоза проста (Лапти).

Въ лѣсъ иду, двѣмѣты кладу; изъ лѣсу иду—двѣ другія кладу (Лыжи).

Выдерну мохнушку, заткну голышомъ (Рукавица и рука).

Безъ мяса, безъ костей, а все таки пять пальцевъ (Перчатки).

Размахну (разойму) мохнушку, воткну голышка (Рукавица).

Въ пяти колодчикахъ сидятъ пять молодчиковъ (Пальцы въ перчаткахъ).

Всякому мальчику по чуланчику (Перчатки).

Ни глазъ, ни ушей, а слѣпцовъ водить (Палка).

Днемъ какъ обручъ, ночью какъ ужъ, кто отгадаетъ—будетъ мой мужъ (Поясъ).

Футка да фатка, футунди, футундакъ, да двѣ футеницы (Шапка, шуба, зипунъ, кушакъ, рукавицы).

Въ лѣсъ идетъ, изъ лѣсу глядитъ; изъ лѣсу идетъ, въ лѣсъ глядитъ (Котомка за спиной).

Подъ лѣсомъ-лѣсомъ колесы висятъ (Серги въ ушахъ).

Около кола золотая трава (Кольцо).

Безъ начала, безъ конца, а не Богъ (Кольцо).

Шило мотовило подъ небеса подходило, по ниточкѣ говорило (Змѣй). Шило мотовило, подъ небеса уходило, по Нѣмецки говорило (Журавль).

Маленькій, горбатенькій, зубастенькій, повадился въ луга утятъ таскать, а ему еще спасибо (Гребень).

Слѣпой Демидъ въ чащу ходилъ, поросятъ давилъ (Гребень).

Сухой Гаврилко вскочилъ въ лядинку, разогналъ всю скотинку (Гребень, голова).

Свое — чужое.

Всякъ себѣ хорошъ. Всякъ самъ себѣ — заглядѣнье.

Здравствуй я, да еще милость моля!

Своя рука только къ себѣ тянетъ. Всякая рука къ себѣ загребаеть.

Всякая птичка своимъ носкомъ клюеть (своей зобокъ набиваетъ).

Бравши, рука не устанеть (не приберетъ, не притупѣеть, не оскудѣеть).

Людской Семень, какъ лукъ зеленъ; а нашъ Семень, изъ грязи сваленъ (т. е., по людскимъ толкамъ таковъ).

Какъ пирога съ грибами, такъ всѣ съ зубами; а какъ кнутъ съ узломъ — такъ прочь съ кузломъ.

Всякій старецъ въ свой ставецъ. Всякой Демида себѣ норовитъ.

Чей день завтра, а нашъ нонѣ.

Своя работа первый барышъ.

Всякій мастеръ про себя маслитъ (яля: свою плѣшь маслитъ).

У всякаго Ермашки свои дѣлишки.

Всякъ самъ на себя хлѣба добываетъ.

Ты бай на свой пай, а я говорю на свою сторону.

Кто о чемъ, а мы о своемъ. Кто по комъ, а мы по себѣ.

Сова о совѣ, а всякъ о себѣ (тужи, заботься).

Спитъ сова (лиса), да видитъ курицу.

Всякій хлопочеть, себѣ добра хочеть.

Знаеть сорѣка, гдѣ зима(у) зимовать.

Всякъ самъ себѣ дороже. Всякому свое дороже.

И хоуля (вылуоль) себя не хулить, даромъ, что воняеть.

Людей продать — почемъ ни взять; а на себя, и цѣны нѣтъ.

Кто самъ себѣ врагъ, кто злодѣй? Тотъ дуракъ, кто самъ себѣ врагъ.

Отруби ту руку по локоть, которая добра себѣ не желаетъ (которая къ себѣ не волочитъ).

И лиса около своей норы смррно живеть.

Свой хлѣбъ сытнѣе. Собинка всего дороже.

Не постою ни за что, постою только за себя.

Нашъ атласъ не отходи отъ насъ (т. е., оставайся наше при насъ; Нашъ атласъ не отходить отъ насъ, жалоба: не отстаетъ, не развяжешься).

Что дома есть, за тѣмъ къ сосѣду не ходить.

Начаю богачу, коли свой снопъ (свою рожь) молочу.

Себѣ кусочекъ, съ коровіи носочекъ, другому ломоть — положить нечего въ ротъ.

Мнѣ что до кого? Было бѣ намъ хорошо.

Спаси меня, Богородица, и помилуй, деревни Виткулова самыи крайній домъ (а прочихъ, какъ знаешь)!

Свѣтилъ бы мнѣ ясный мѣсяцъ, а по частымъ звѣздамъ коломъ бью.

А по насъ (послѣ насъ), хоть трава не расти.

На себя работать не стыдно (не скучно).

Радъ (радѣть) скомрахъ о своихъ домрахъ (о гудкѣ).

Въ своей сермяжкѣ никому не тяжело.

И всякъ, какъ мышка, лѣзетъ на вышку.

Рыба ищетъ глубже (гдѣ глубже), человекъ лучше (гдѣ лучше).

Всякъ свое хвалить. Всякій купецъ свой товаръ хвалить.

Всякому свое мило (любо и дорого).

Всякій бояринъ свою милость хвалить. Всякому своя честь дорога.

Всякая лиса свой хвостъ хвалить (бережетъ).

У лисицы хвостъ дологъ, а на свой не сядетъ.

Ни какая сорока въ свое гнѣздо не гадить (не пакоститъ).

Всякъ куликъ свое болото хвалить.

Всякая птица свое гнѣздо любить (хвалить).

Нѣтъ пѣвчаго для вороны супротивъ роднаго вороненка.

Всякому мужу своя жена милѣе (больше).

Княгинѣ княжа, кошкѣ котя, а Катеринѣ своя дитя (милѣе).

Дитя хоть и криво (хило), да отцу, матери мило.

Хоть и воръ, да мой, такъ и жалко.

На людей закащикъ, на себя потворщикъ.

Хоть дерево гнило, да благо намъ мило.

У всякаго свой сынъ по локоть въ золотѣ, по поясъ въ серебрѣ: во лбу ясный мѣсяцъ, въ затылкѣ часты звѣзды.

Твое, хоть дороже (краснѣе, бѣлѣе), а свое мнѣ милѣе.

Малый вертепъ мой лучше Синайскія горы.

Въ нашей дести листовъ по двѣсти.

Всякому свое и не мыто бѣло. Сурово не бѣлье, свое рукодѣлье.

Ваши рѣчи въ Евангеліе, а наши и въ азбуку (и въ Татарскій Прологъ, т. е., въ Коранъ) не годятся.

Наша собинка малѣнкой, ваша собинка вонюгой цоросла.

У васъ дѣвушки растрепушки, молодушки воронушки, ребятушки галченятушки, старушечки горбушечки.

Самъ бей, а другимъ бить не давай!

Людямъ скромно, а намъ на здоровье.

Не дѣлай свое хорошее, дѣлай мое худое (т. е., слушайся, не умничай)!

У всякаго плута свой расчетъ. У всякаго свой варъ у сердца.

Всякому своя слеза ѣдка (солона).

Боръ сожгли, а соловушка по гнѣздышку плачетъ.

Каково кому на дому—невѣдомо ни кому (таково и самому).

Всякъ понимаетъ свою бѣду. Всякому своя обида горька.

Кому до чего, а кузнецу до наковальни.

Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить.

Зачѣмъ въ люди по печаль, коли дома плачутъ.

Не до чужой печали, и своей еще съ плечъ не скачали.

Что припекло, то и наболѣло. У кого болитъ, тотъ и кричить.

У кого не болитъ, у того и не свербить.

Каждому своя болѣзнь тяжела. Всякому своя худоба не кажется.

Своя болячка—великъ желвакъ. Всякому своя рана больна.

Боленъ зубъ у себя во рту. За чужой щекой зубъ не болитъ.

Что къ огню ближе, то жарче; что къ сердцу ближе, то больнѣе.

Тебѣ смѣшно, а мнѣ къ сердцу дошло.

Вамъ смѣхъ, а намъ и полсмѣха нѣтъ.

Чужія руки легки, да не къ сердцу.

За чужое пиво принимать похмелье. На чужомъ пире съ похмелья.

Здорово живешь — голову на плаху не кладутъ.

Кому отъ чужихъ, а намъ отъ своихъ.

Гложь меня собака, да чужая (да не своя; да невѣдомая).
 Я, такъ я, а не кто другой; а не я, такъ и Богъ съ тобой!
 Наше мѣсто свято; чуръ насъ; чуръ меня (когда поминаютъ надобно).
 Люблю тебя (люблю шабра), да не какъ себя.
 Радъ другу, да не какъ себѣ. Жаль друга, да не какъ себя.
 Своя душа не холонь (т. е., самъ себя пожалѣешь).
 Своя рубашка къ тѣлу ближе. Рубаха кафтана къ тѣлу ближе.
 Своя подописка къ сердцу ближе. Не съ поля вихорь (свой, родня).
 Не портки продать, да тебѣ отдать.
 Всякъ самъ себѣ ближе. У всякаго Гринки свои дѣлшки.
 Жалѣть коня — истомить себя. Либо коня жалѣть, либо себя.
 Не закрывать стая чужой прорѣхи своимъ рукавомъ.
 Свой своему поневогѣ другъ (братъ).
 Кожа кожѣ споровить (свой своему, кровному).
 Баринъ за барина, мужикъ за мужика (стойтъ).
 Свой своему — и погою инеть, поможеть. Свой своему лежа помогаетъ.
 Всякъ за своихъ стойтъ (а одинъ Богъ за всѣхъ)
 Всякал сосна своему бору шумить.
 Не мѣшаются Жиды съ Самарянами, а холопы съ дворянами.
 Лычко съ ремешкомъ не вяжись: оборвется.
 Всѣ люди свои, да всякъ любить себя.
 Вся семья своя, да всякъ любить себя.
 Родъ да племя близки, а свой ротъ ближе.
 Не до дружкѣ, до своего брюшка.
 Свинѣ не до поросятъ, коли самое на огонь тацать (коли матку палить; коли самое смолить).
 Въ другѣ стрѣла, какъ во шпѣ; а въ себѣ, какъ въ сердцѣ.
 Не смотри, чтобъ другимъ осталось, а смотри, чтобъ тебѣ досталось.
 Чужимъ всякъ тароватъ. Дешева рыба на чужомъ блюдѣ.
 Изъ чужаго кармана платить легко.
 Изъ чужой мощны платить не тяга.
 Изъ чужой мощны не жаль и подѣть (милостыню).
 Чужой мѣшокъ, хоть выворотить, да отрясти.

Свой кошель припаси, да какъ хощь тряси.

Чужимъ обѣдомъ гостей потчивать не убыточно.

Чужимъ добромъ — подноси ведромъ.

Чужое вино—и пить бы, и пить бы, и испунаться не просилъ бы.

Изъ чужой спины ремешки кроить.

По чужимъ ранамъ, да чужимъ саломъ мазать не убыточно.

Легко чужими руками жаръ загребать.

Бить кого чужою рукою. Кто бьетъ, тому не больно.

Рука легка, была бы шея крѣпка.

Чужая шкура не болитъ. По чужой шкурѣ не больно.

Чужая вина не прощенная Нашъ грѣхъ больше всѣхъ.

Вчужѣ хороши смѣшки. Поколѣ до сердца не доидеть, все смѣшно.

Чужому смѣху (т. е., бѣдѣ) хорошо смѣяться: посмѣйся своему!

Кричитъ смѣло, какъ не пришло до него дѣло.

До кого не доидеть, того не сожжетъ.

Хорошо съ берегу на гребцовъ смотрѣть.

Барченокъ горя не укуситъ, пока своя вошь не укуситъ.

Попри-ка самъ, да и скажешь намъ (такъ повѣришь и намъ).

Всякую болячку къ себѣ примѣняй. Оглянись, коза, на свои на рога!

Чужую печаль и съ хлѣбомъ съѣшь, а своя, и съ калачемъ въ горло не идетъ.

Чужую бѣду не посоля улету, а свою, и посахаривъ, не прогложу.

Какъ чужую бѣду — я водой разведу; а на свою на бѣду — сижу, да гляжу.

Чужую бѣду руками (бобами, на бобахъ) разведу, а къ своей и уха не приложу.

Нашу проторь, ни проѣсть, ни проспять.

Чужое горе оханьемъ пройдетъ. Легка побить на людѣ (Арханг.).

На чужой шинѣ легко. Чужая бѣда за сахаръ.

Кому не больно, тому и не тошно.

Вали на сѣраго, сѣрый все спесеть (на волка; на прим., пропашу скотины).

Вали на солдата (коли что пропало), солдатъ въ походѣ уйдетъ, все унесетъ.

Чужая болѣсть дать поѣсть, а про свою бѣду и сказать не могу.

Чужая слеза — вода (что съ гуся вода).

Не плачь, рыбка: дай крючекъ изъ жабры вынуть.

Чужой сынъ дуракъ—смѣхъ, а свой сынъ дуракъ—смерть (стыдъ).

Чужой дуракъ — ха, ха! а свой дуракъ — охъ, охъ!

Чужой дуракъ — веселье, а свой — безчестье.

Свое дѣтище — варъ у сердца. Чужаго стыдно, а своего жаль.

Чужимъ уродомъ коришь, надъ своимъ, казнишься.

Надъ людскимъ дуракомъ не пахѣешься, надъ своимъ не накаешься.

Чужая бѣда — смѣхъ (помѣра). Сытый по голодномъ не плачетъ.

Людской стыдъ (позоръ) — смѣхъ, а свой — смерть.

Сытый по голодномъ, а теплый по холодномъ не плачутъ.

По сытому брюху — хоть обухомъ.

Мнѣ что до тебя! Я знаю себя. Хоть ты себѣ на огнѣ гори!

Надъ чужой работой не надсаживайся!

Чужую курочку щипли, а свою за крылышко держи!

Чужую курицу какъ хонь дери, а свою за хохолъ держи!

Ѣшь чужіе пироги, а свои (а свой хлѣбъ) впередъ береги!

Чужимъ добромъ похваляется, а свое подъ лавку хоронить.

Своя кожа рубахи дороже. Своя рогожа чужой рожн дороже.

На мнѣ шкура и не черного соболя, да своя, такъ и хороша.

Не вымѣняешь у свиньи шкуры ни за куній мѣхъ.

Ладно со своей ложкой, да по чужимъ обѣдамъ.

Кукушка своего гнѣзда не вьетъ.

Хорошо ѣздить, у кого свой кнутъ — на чужихъ коней.

Конь не свой, погоняй, не стой!

Лошади чужіе, хомутъ не свой—погоняй, не стой!

Своего коня шпенкомъ, чужаго коня круглякомъ.

Нашихъ да вашихъ, а боярскихъ взапѣн.

По мнѣ, Богъ съ тобой, хоть волкомъ вой!

Дивиться нечему, дай Богъ всякому (говор., коля кто глумится надъ чужою бѣдою).

Господь съ нами, а богамъ молитесь сами!

Съ недруга хоть шапка долой. На чужой спинѣ беремъ легко,

Братъ брату—полоса мяса. На людяхъ и смерть красна.

Усопшему миръ, а лѣжарю пиръ.

Кому мертвецъ, а намъ товарищъ (говор. попы да гробовщики).

Чортъ возми сосѣда, жги огнемъ деревню!

Пропади мой лихой, не изведчи меня; а изведчи меня; хоть три
бка живи!

Послѣ насъ, хоть волкъ траву ѣшь!

Послѣ меня, хоть трава не рости! По мнѣ хоть и трава не рости!

Что мнѣ до чужихъ? Да попадай хоть и свои!

По мнѣ—хоть его на сковородѣ изжарь!

Мнѣ, хоть весь свѣтъ гори, только бы я живъ былъ.

Коли конь, да не мой—такъ волкъ его ѣшь!

Чужая корова, что выдоена, что высосана — все равно.

Чужая свинья, да въ чужомъ огородѣ—волкъ ее рѣжь, и съ огодомъ-то!

Не моя недѣля, полсема дня въ ней.

Не нашу тысячу рубячь, Агеевскую (историч.).

Это не нашего прихода (квартала, говор. городовой).

Бей: не нашего стада скотина.

Что у тебя болитъ, то у друга не свербить.

Что у меня болитъ, то у недруга не свербить.

Всякому своя обида (лодыга) дорогá.

Больно — жена, земля, да холопъ (т. е., семья да имущество).

Чужая ноша не тянетъ (т. е., не заботитъ). Своя ноша не тянетъ—
не тяготитъ, о своемъ позабочусь).

Кому не горячо, тому и не болячо.

Ты ложись на крайку, у Бога въ райку, а я къ стѣнкѣ, къ золотой пѣнкѣ.

Дай Богъ умереть, да не намъ напередъ.

Дай Богъ умереть хоть сегодня, только не намъ.

Дай Богъ ему быть полковникомъ, только не въ нашемъ полку.

Хоть въ аду лекуй, только насъ минуи!

Дай Богъ вамъ когти, только бъ не насъ драть.

Толчитесь, бѣсы, да не въ нашемъ дѣлѣ!
 Рѣжь волкъ чужую кобылу, да моей овцы не тронь!
 Хватайся самъ за доску, пускай другой тонеть.
 Тони, кому охота, а мы на несочекъ.
 Вы топись, а мы къ берегу гребись (за колышки держись).
 Удавься, гдѣ хочешь, только бы не въ нашемъ дворѣ.
 Что мнѣ до другихъ, былъ бы я сытъ (живъ).
 Перенеси, Богъ, меня, а вы какъ себѣ знаете.
 Господи, Господи, не бей нашей поскони, а льны да конопли.
 хоть всѣ прими (говор. баба: посконь принадлежить бабамъ, по обычаю)!
 На погорѣлое лучше отдать, чѣмъ собирать.
 Мужикъ онъ добрый, а попроси борода на припыжку—не дастъ.
 Добръ то добръ, а попроси шкурки на выдѣлку (на голенища).—
 умреть, а не дастъ.
 Вино пьешь? Въ людяхъ пью (какъ поднесутъ, такъ выпью).
 На чужіе деньги заждемъ пьемъ.
 Свое добро въ горсточку собирай, чужое добро, сѣй, разсѣвай!
 Чужое беречи, не свое травить.
 Чужой грѣхъ прикрыть, не себя оголить.
 Эта канѣль не на нашу плѣшь.
 За чужой головой, поливай какъ водой (т. е., чужаго беречь нечего)!
 Жнетъ, гдѣ не сѣялъ, а собираетъ, гдѣ не расточалъ.
 Жнетъ не сѣетъ, ѣстъ не вѣетъ.
 Вы, братцы, помолотите, а мы поѣдимъ.
 Дома прикусница, а въ гостяхъ въ накладку.
 Съ мужемъ въ приглядку (пьемъ чай), сама въ прикуску, а въ
 гостяхъ въ накладку.
 Параша-та ваша, да рубашка на ней наша.
 Ёду къ обѣду, а къ ужину домой приѣду.
 Любилъ дѣдъ чужой обѣдъ. Чужой и хлѣбъ стаще калача.
 Кабы знаете, что у кума питье, то бы и ребитишекъ привезъ.
 Приходи въ гости ко мнѣ: у шабра (сосѣда) какое пиво!
 Сперва къ тебѣ, отъ тебя—да къ вамъ, а отъ васъ къ тебѣ.

За чужимъ кануномъ своихъ родителей (покойниковъ) поминаеть.

Что не мило, то попу въ кадило.

Что попу не мило, то дячку въ кадило.

Сытъ пономарь, и попу подаетъ.

Передать изъ рукъ въ руки (съ рукъ на руки, изъ полы въ полу).

Въ чужихъ рукахъ ломоть великъ (крома велика).

Свой хлѣбъ прѣдчивъ. Чужой ломоть лакомъ.

На чужое добро руки чешутся. Чужое завистливо.

Краденое яичко школьнику слаще.

Краденый конь не въ примѣръ дешовле купленаго обойдется (сказалъ Цыганъ).

Даровое лычко краше купленаго ремешка.

Видитъ и кривой, на комъ кафтанъ чужой.

Журавль межи не знаетъ, а черезъ ступаетъ (шагаетъ).

Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ. То и завидно, чего нѣтъ.

Въ людяхъ, дураки-то заглядѣнье каки; а наши дураки — невѣсть каки.

Къ нашему берегу не привалитъ хорошее дерево.

Не насытится око зрѣниемъ, а умъ богатствомъ.

Чужой таланъ скоро растеть, а нашъ ни воззеть, ни лѣзеть.

Въ чужой рукѣ кусъ и дольше и толще.

Чужихъ нѣтъ, а своихъ мало. Что наше, того намъ и не надо.

Свиное яйцо, да и то не свое. Много въ людяхъ, да дома нѣтъ.

Кумушка, дай щецъ, да и хлѣбецъ-отъ твой.

Дай — такъ не слышитъ; а на — такъ услышалъ.

Людскіе заимодавцы, какъ свѣчки гаснуть, а на нашихъ и смерти нѣтъ.

Хороша рыба, да на чужомъ она блюди.

Хорошо Хорбшево (подмосковное село), да не наше, цареву.

Хороша Маша, да не наша. Не дерь глазъ на чужой квась!

Хороша шла, да не поклонилась; давалъ грошъ, не воротилась.

Не дерь (не выголай) глазъ на чужой квась, а по раньше вставай, да свой затирай (затѣвай)!

На чужой коровай рта не розъвай, а поравьше, вставай, да свой затъвай (затирай)!

На чужой кусокъ не паяль ротокъ, а свой припаси, да и въ ротъ понеси!

На чужую кучу нечего глаза дучить.

Считай деньги въ своемъ карманѣ!

Не засаливай усь на чужой кусъ! Не точи зубки на чужи куски!

На чужое пиво не надуешь рыла. Надувшись, не выпьешь.

Прося — не напитокся, а дадутъ — не замיתся.

Съ голоднымъ брюхомъ, да по добрымъ людямъ.

Чужимъ хлѣбомъ вѣку не прожить.

Чужимъ хлѣбомъ, да чужимъ умомъ, не долго проживешь (не много наживешь).

Не надѣйся, дѣдъ, на чужой на обѣдъ!

Чужой обѣдъ сладокъ, да не споръ.

Чужое не споро, пропадетъ скоро; а свое держи, такъ какъ хошь тереби.

Сытень чужой обѣдъ, а все только на одни сутки.

Отъ чужихъ нажитковъ не нажить пожитковъ.

Чужимъ богатъ не будешь. Чужое добро не впрокъ.

Чужимъ и большимъ (т. е., в многимъ), не нажится.

Чужимъ добромъ не расживешься. Чужая пожива не расжива.

На чужомъ жиру (т. е., добрѣ) не далеко уѣдешь.

На чужомъ гумнѣ пѣтъ корысти мнѣ. На чужой кусъ, не дуо въ усь.

На чужой лошаdkѣ не наѣдишься. Чужая одежда не надежа.

Чужая одежда не надежа, чужой мужъ не кормилецъ.

Вольная (чужая) скотина — не животина.

Чужой умъ до порога. Чужой умъ не попутчикъ.

Наказаннымъ умомъ до порога жить, а переступишь, не купишь.

Не рожденъ — не сынъ, а не купленъ — не холонтъ.

Живи людямъ себѣ (т. е., живи на себя такъ, чтобъ и людямъ хорошо было).

Чужой сынъ — не дѣтище. Чужой разумъ — не разумъ.

Не садись подъ чужой заборъ, а хоть въ крапивку, да подъ свое.

На чужое надѣйся, а свое паси!

На чужое богатство не надѣйся, свое бери!

Чужой мужъ мнѣ, да не жить мнѣ съ нимъ; а свой постыль, олочиться съ нимъ.

Чужой медъ горекъ. Чужіе хлѣбы прїѣдчивы.

Въ чужомъ платьѣ не накрасоваться.

Не трунї на чужой пролюбї: свою протяпай, да какъ хо'шь ляпай!

Не рунь бабынхъ грушъ: самъ потряси, да бабѣ поднеси!

Не надѣйся попадья на попа: держи своего казака (батрака)!

Не разводи усокъ на чужой кусокъ.

Чужое веретенце бери, да и свое припаси!

На чужую кашу надѣйся, а своя бы въ печи была.

Не свое, такъ въ людяхъ выпрошено.

Засѣчено въ ледку, да въ чужомъ погребку.

На мой счетъ, на твои деньги.

Давай жить сообща: ты купишь, а мы ѣсть станемъ.

Станемъ заводить артельщину: работа ваша, харчи ваши, а наше брюхо да ложка.

Не надѣйся, Романъ, на чужой карманъ!

Не деньги, что у баушки, а деньги, что въ запазушкѣ.

Приданнымъ животомъ, да наказаннымъ умомъ не долго поживешь.

Прогнали Варвару изъ чужаго анбару.

Пошелъ было по хлѣбъ къ Варварѣ, да нашелъ у себя въ анбарѣ.

Свое потерявъ (т. е., промотавъ), чужаго не ищуть.

Много ногъ подъ столомъ, а по домамъ пойдуть — всѣ разберуть.

Чужимъ умомъ не скопить домъ.

На свой умъ не надѣйся, а за чужой не держись!

Домашняя копейка лучше заѣзжаго (заложаго) рубля.

Свой сухарь лучше чужихъ пироговъ.

Чужое, и хорошее постыло; а свое, и худое, да мило.

Чужое не прочно и большое, а свое и малое, да правое.

Свиستانымъ вѣтромъ не вѣютъ, наказаннымъ умомъ не живутъ.

На чужой дворъ вилами не указывай (не порочь людей)!

Во чужой прудокъ не кидай неводокъ!

Передъ неводомъ рыбы не ловять (т. е., той, которая уже поймана).

Чужая душа загадка. Чужая душа — потемки.

Въ чужую душу не залѣзешь. Чужая душа — дремучій боръ.

Чужая душа не гумно: не заглянешь.

Въ чужой мошнѣ — не въ своей квашиѣ: не съскнешь, есть ли тѣсто, аль пусто мѣсто.

Братъ онъ мой, а умъ у него свой. Я на умъ у него не бывалъ.

Богъ съ вами, а о грѣхахъ молитесь сами!

Не наше дѣло колѣса дѣлать, наше дѣло ступицы сверлить.

Гостья, Ѳедосья! Сиди на печи, да жуй калачи!

Не тронь котятъ, какъ себѣ хотятъ.

Свой уголокъ всего краше. Своя ухватка, свое срызынце.

Чужой хлѣбъ горекъ. Чужимъ кусомъ подавишься.

Чужой хлѣбъ ротъ деретъ. Чужой кусъ въ ротъ не идетъ.

Чужой хлѣбъ въ горлѣ гнѣухомъ постъ.

Не радостень чужой обѣдъ, какъ своего дома нѣтъ.

Дадутъ ломоть, да заставятъ недѣлю молоть.

Только и свѣту, что въ вашемъ окошкѣ.

Друга потѣшить — себя насадить.

Возьми свое, а до моего дѣла нѣтъ.

Отдай мое, а со своимъ, какъ хочешь (а своимъ, хоть подавись).

Хоть чорта взнуздай, да меня не замай!

Братъ, не братъ, да кафтанъ-этъ тебѣ не братъ.

Свать, не свать, а въ горохъ не лѣзь (а денежки не родня)!

Братъ братомъ, свать сватомъ, а денежки не сосватаны.

Кумушка, кума, купи себѣ ума — да на свои денежки!

Кабы денежки родня, такъ и всѣ бъ мы въ роднѣ.

Своими счастья, а денежками расчестья.

Родню считай, денегъ не поминай; деньги считай, родня не поминай!

Хлѣбъ-соль (ушица) вмѣстѣ, а рыбка въ дѣль.

Хлѣбъ-соль вмѣстѣ, а табачокъ врознь (пополамъ).

Ты мнѣ опричиша, да я тебѣ не земщина.

Тише пыли: не твои бобыли.

Видишь, да не вырвешь; покажу, да не возьмешь.

Все Богъ показавъ, да всего не давъ (да не все давъ).
 Я вѣдь не безъ ижины овца. Я не краденая овца.
 Этотъ кусъ не твоихъ усть. Этотъ носокъ не для твоихъ сусалъ.
 Пришелъ, какъ на положенное (какъ на готовое; какъ на свое).
 Свое добро терлетъ, а чужаго желаетъ.
 Чужаго не желай, а своего не теряй (т. е., не жатай)!
 Чужаго не хватай, своего не бросай!
 Свое добро — сѣю въю, чужое жну, пожинаю.
 Не шевель чужой щавель, а свой набери, да какъ хо'шь шевели!
 Чужаго не бери, своего не давай!
 Чужія деньги свои съдаютъ (а рѣстахъ).
 Въ чужое спасенье не вкупайся (о колебняхъ)!
 Ищи себѣ прибыли, а другому не желай гибели!
 Чужое добро страхомъ огорожено. На чужое самъ не свой.
 Пожалѣешь чужое — Богъ дастъ свое.
 Пожалѣй чужое, Богъ свое пошлетъ.
 Не береги свое, береги чужое. Чужое береги, а свое, бережется само.
 Береги чужое, а свое, какъ знаешь.
 Я — послѣднее слово въ азбукѣ (отвѣтъ: да азъ первое).
 Изза своего добра сквозь пальцы смотри, а чужое придерживай!
 Пьянъ, а объ уголъ головой не ударится (себя и свое помнить).
 Своего не забывай, а чужаго не замай!
 Люби собинку (свое), люби и оснобинку (т. е., огражденное скобкой, чужое).
 Радъ бы душой, да хлѣбъ-этъ чужой.
 Ссуженаго не посужати (древняя).
 Изъ чужаго обѣда не стыдно не ѣвши встать.
 Отъ чужихъ воротъ не стыдно ни съ чѣмъ отойти.
 Отъ чужихъ воротъ живеть и поворотъ.
 Чужое отдать — своимъ доплатить (не бѣда заплатить).
 Съ чужаго коня середь грязи долой.
 Каждой свиньѣ особый хлѣвокъ. Знай, свинка, свой хлѣвокъ!
 Въ чужой огородъ не пустять козла полоть.

Что поднялъ (нашелъ), то не отъ земли выросло.
 За чужимъ добромъ, не гоняйся съ багромъ!
 Въ чужую часть не ворогушей пасть.
 Самолюбъ всякому не любъ. Самолюбъ никому не любъ.
 Всякъ о себѣ (заботится), а кто жъ обо мнѣ?
 Тебѣ на здоровье, да и намъ не скоромно.
 Ловить волкъ, а какъ волка-то поймаютъ?
 Ловить волкъ, ловятъ и волка.
 Чего въ другомъ не любишь, того и самъ не дѣлай!
 Не все для себя, ино мѣсто и для другихъ (и для людей).
 Лучше свое отдать, нежели чужое взять.
 Овца руно растить не про себя.
 Самъ въ своемъ дѣлѣ никто не судья.
 Не ждетъ Мартынъ чужихъ полтинъ; стойтъ Мартынъ за свой алтынъ.
 За шутку не сердися, а въ обиду не вдавайся!
 Сердитый волкъ, въ капканѣ, самъ себѣ лапу отъѣстъ, а въ ру-
 ки не дастся.
 Ъду не свищу, а наѣду (а кто наѣдетъ) — не спущу (сказочн.).
 Самъ не дерусь, семерыхъ не боюсь.
 Коли у поля сталъ (въ судебн. поединкѣ), такъ бей на повалъ.
 Итъ грѣха бодливому сломать рога.
 Солощавому оскомина, бодливому комѳлина.
 Я самъ дешево не отдамся. Дешево они его не возмутъ.
 Его не проглотить: въ глоткѣ драйкомъ (кляпомъ) повернется.
 Онъ не дастъ наступить себѣ на ногу. Ему на хвостъ не наступишь.
 За насъ голыми руками не берись!
 Ощетинился, какъ ежъ (какъ ершъ; какъ дикобразъ).
 Всякъ своимъ умомъ живетъ. Своя рука — владыка.
 На чужой ротокъ не накинешь платокъ. Чье поле, того и вола
 Чей дворъ, того и хоромы; чей берегъ, того и рыба; чей конь
 того и возъ; чья земля, того и сѣно.
 Въ полѣ двѣ воли (старин. поле, поединокъ).

Въ полѣ дѣй воли — чья возьметъ (чья сильнѣе; или: чья правѣе, а и сильнѣе).

Въ полѣ свѣдѣваются, родомъ не снятуются (отъ мѣстичества).

За свое постою, а чужаго не возьму.

За свое вступайся, а за чужое не хватайся!

Зовутъ меня Фомой, а живу я собой (т. е.; своимъ умомъ).

Не кланяюсь богачу, свои денешки влечу (свою рожь молочу).

Купи, да и купи! Когда купишь, тогда и облупишь.

Заступи, да кожи не слупи (да не задупи)!.

Не пеняй на Макара: сори изъ своего кармана!

Хоть грошъ, да свой. Велкъ въ своемъ добрѣ воленъ.

Вольно и чорту въ своемъ болотѣ орать.

Въ своемъ болотѣ и лягушка поетъ.

Жаба квахчетъ — свой недугъ тѣшитъ.

И пѣтухъ (и курица) на своемъ испелинцѣ бьетъ (храберъ):

Своя рубаха — свой просторъ, своя и тѣснота.

Ни купецъ, ни дворянинъ, а своему дому (дѣлу) господинъ.

Въ своемъ ломтѣ — своя воля. Свой сукрой — какъ ни крой.

Въ своихъ углахъ не староста укащикъ!

Въ своемъ дому, хоть болячкой сяду, нѣтъ дѣла никому.

Въ своемъ гнѣздѣ и вороша коршуну глаза выклюетъ.

Своя рука (свой глазъ) не солжетъ.

Онъ глядитъ чужими глазами, слушаетъ чужими ушами.

Свой хлѣбъ, хошь ночью ѣшь!

На своей клячѣ, куда хочу, туда и скачу.

На своей клячѣ и передъ царя пяду.

Мое добро: хочу, съ кашей ѣмъ, хочу, масло пахтаю.

Стригу овцу, такъ шерсть моя; шкуру сниму, такъ и мясо съѣмъ.

Гдѣ свое добро ни нашель, тамъ его и взялъ.

Не учи пети, не указывай подмазывать!

Азъ не безъ глазъ, по (про) себя вижу.

Всякая слѣпая про себя смекаетъ. Всякъ Еремѣй про себя разумѣй!

Не пой курица пѣтухомъ (не владай баба мужикомъ)!.

Мерину пригонье (?); коню ступанье, выходящу мода; красной дѣвицѣ комната.

Колоколь въ церковь людей зоветъ, а самъ никогда не бываеъ.
Слѣпой невидущему глаза колеть.

Слѣпой слѣпца водить, а оба зги не видять.

У людей въ глазу сучекъ видяшь, а у себя и брешна не видяшь.

Подъ лѣсомъ соломенку видять, а подъ носомъ брешна не видять.

Людей хулить, а самъ лыкомъ шить.

Не нашель въ себѣ — не ащи и въ другикъ.

Говорить про тебя, забывъ себя:

Какъ про кого говорятъ, себя не помнить.

Не смѣйся, вода, сама молода. Нѣмой нѣмого передразниваеъ.

Уложенъе читаетъ, а дѣла не знаетъ.

Не осуждай, да не осужденъ будешь.

Извощику мало (выручки), да лошади-то довольно.

Кому красное слово, кому пресказку.

Не все мѣрай на свой аршинъ! Чужаго на свой аршинъ не мѣрай!

Кому до чего, а стрѣлку до лука.

Большому кораблю большое и плаванье. Большому большая дорога.

Потопъ кораблямъ, песокъ журавлямъ.

По росту одежду прибирай (по головѣ шапку)!

Хотѣлъ задомъ два стула захватить, да и сѣлъ — промахъ двухъ, на голѣ.

Всякій попъ по своему поеть. У всякаго попа по своему поють.

Чья горница, тѣмъ она и корнится.

Во всякомъ подворьѣ свое повѣрье.

Знай, сорѣка, сорѣку, а ворѣна ворѣну (См. другъ, товарищъ свой)!

Знай себя, и того будетъ съ тебя! Знай себя, и будетъ съ тебя!

Людей лѣчить, а самъ изъ болытковъ не идеть.

Знай свою руку (отъ ѣзды, гдѣ всякій держитъ правѣ)!

Знай, сверчокъ, свой шестокъ! Знай себя, указывай въ своемъ домѣ!

Знай, баба, свое кривое веретено! Знала бѣ рогагую праку!

Братъ сестрѣ не указъ въ стряпнѣ.

Знай, чеботарь, свое кривое голенище (а въ закройщици не суйся)!

Не за свой кузь принимаешься. Не въ свои сани не садись!

Знай, кошка, свое лукошко! Знай, кошурна, свою печурку!

Знай, свинья, свое стойло (своюзакуту)! Знай, телокъ, свой хлѣвокъ!

Не своимъ товаромъ ты сталъ торговать.

Не твоя печаль дѣтей качать. Не твоя печаль, кому дѣтей качать.

Не твоя чаша, не тебѣ и пить.

Брось, Емеля, не твоя недѣля (у крестьянъ бабы чередуются понеделѣно, въ хозяйскихъ работахъ).

Песъ космать, ему тепло, а мужикъ богатъ, ему жь добро.

Въ чужой мошнѣ, не въ своей кваши: не угадаешь, есть ли тѣсто. аль пусто мѣсто.

Чья душа во грѣхѣ, та и въ отвѣтѣ.

У кого свербить, тотъ и почесись!

Найдеть своробъ ногти. Найдеть свѣробъ (зудъ), найдутся и ногти.

Ты бай на свой пай, а я раскину на свою половицу

Не плачуть въ Рязани по Псковскому недороду.

Что мнѣ до чего— было бъ жить (было бъ намъ) хорошо.

Мое дѣло сторона. Моя хата съ враю, я ничего не знаю.

Мое дѣло сторона, а мужъ мой правъ.

Не мой возъ, не мнѣ его и везть.

Не нашъ конь, не нашъ и возъ.

Это знать тому, кто знаетъ Оуму.

Не наше дѣло, попово: не нашего попа, чужаго.

Не наше дѣло попа каять: на то есть другой полъ.

Не наше дѣло попа учить, пусть его чортъ учить.

Про то знаютъ старшіе, у кого бороды пошире.

Не наше было, не къ намъ и пришло. Не намъ небеса приказаны.

На кого (кому) кадятъ, тотъ и кланяйся!

Не наша ѣда лимоны. Не въ нашу честь, не намъ и ѣсть.

Журавль не каша, ѣда не наша (журавль встарь почитался лакомствомъ).

Каша наша, а щи поповы.

Чего не знаю, по тому и не случую (про то и не баю).

Что (чего) не видишь, тѣмъ и не бредишь.
 Сижу подлѣ печи, да грѣю плечи.
 Сижу у печи, да слушаю людскія рѣчи.
 Говори дѣду, а я сзади ѣду. Сказывай вожаку, а я въ хвосту.
 Далеко глядитъ, а подъ носомъ не видитъ.
 Гляди, налетѣ, на свой на полетѣ!
 Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ. И не нуженъ, да досуженъ.
 Тебя только здѣсь не доставало. Безъ тебя дѣло не обойдется.
 Безъ него и кутя не святится. Гдѣ тѣсно, тутъ тебѣ и мѣсто.
 Кому доли нѣтъ, того не принимаютъ въ совѣтъ.
 Укащикъ, Ерема, указывай дома!
 Пришелъ съ боку, а беретъ въ строку.
 Чортъ ли Варварѣ домъ поручилъ (приказалъ)?
 Замѣшалась, какъ овца межъ козъ (какъ пестъ въ ложкахъ).
 Коня куютъ, а жаба лапы подставляетъ.
 Кто впередъ суется, того и собаки ѣдятъ.
 Укащика въ ящикъ, по самый хрящикъ. Укащяку, чирій за щеку.
 Я не на выучкѣ, а ты не закройщикъ.
 Чужу пашню пашетъ, а своя въ залежи.
 Чужую пашенку пахать — семена терять.
 Чужую рожь вѣять — глаза порошокъ.
 Взять соломку, да пойти (да отойти) въ сторонку.
 Чужую траву косить, а своя въ ветови.
 Чужое сѣно катаетъ, свое гноить.
 Не твоя (не наша) печаль, чужихъ дѣтей качать.
 Акулина Федосевна — до чужихъ ребятъ милосерда.
 Тетушка Мосевна, до всего села милосерда, а дома не ѣвши сидятъ.
 Все намъ печаль по чужимъ печамъ, а своя, словно яловая.
 Полно чужихъ козъ считать: вѣдь не сказку писать (не ревизію).
 Чужая печаль съ ума свела, а по своей, потужить некому.
 Не плачь (не тужи), мати, по чужому дятяти!
 Голоси всякъ по своему покойнику (а плакуша, по всѣмъ).
 Какъ кто хочеть, такъ по своей женѣ и плачетъ.

Другихъ не суди, на себя погляди! Обери сперва съ себя репы.
Загати напередъ въ своихъ воротахъ.

Стой у печи, да не приставай къ чужой рѣчи!

Считалъ бы у себя во рту зубы.

Что кому за дѣло, что кума съ кумомъ (что дѣвка съ парнемъ) сидѣла?

Что кому до насъ, коли праздничекъ у насъ?

Что кому за дѣло, до чужаго дѣда (до чужаго тѣла)?

Кому до чего, а кумѣ до всего.

Вамъ бы кричать, а намъ вѣкъ молчать.

Не круговая порука, я за все село не отвѣтчикъ.

Не будь въ людяхъ примѣтливъ, а будь у себя привѣтливъ!

Нѣтъ дома Лукерьи, нѣтъ дѣла до кельи.

Игумену дѣло, а братиѣ — засы!

Маремьяна старица о всемъ мѣрѣ печалится (на весь мѣръ печальница, старальщица).

Старица Софья о всемъ мѣрѣ сохнетъ, ни кто объ ней не вздохнетъ.

Еремеевы слезы о чужомъ пивѣ льются.

Перемѣрялъ журавль десятину, говоритъ: вѣрно.

Въ чужомъ огородѣ капусту садить (о чужихъ дѣлахъ заботиться).

Коли полоть, такъ въ своемъ огородѣ.

Чѣмъ чужое одонье утаптывать, своебы, хоть какъ нибудь, уложилъ.

Не наше дѣло пахать, наше дѣло огрѣхи считать.

Не наше дѣло, сдѣлать дѣло; а наше — пересудачить.

Въ чужой сорочкѣ блохъ искать. Держись, вопь, своего тулупа!

Въ чужой загородѣ скота не наплодишь.

Нѣтъ тебѣ дѣла, Федосья, обирать чужіе колосья!

Не садись, чортъ, въ боярскіе сани! Не въ свои сани сѣлъ.

Кто собою не управить, тогъ и другаго на разумъ не наставить.

Превысокое владѣтельство собою владѣть!

Не мѣшайся въ сояѣтъ, пока кто не позоветъ.

На чужой совѣтъ до зову не ходи!

Не сирашивають Варвару на расправу.

Не за свое дѣло не берись! Не прошено хвататься — ожечься.

Не летать было воронѣ въ высокія (въ боярскія) хоромы.
 Не суйся въ волки съ телячьимъ хвостомъ!
 Зашелъ въ чужую клѣть молебень пѣть.
 Не путайся въ чужое лыко! Не суйся, Оленка, гдѣ не спрашиваютъ!
 Съ худой головой не суйся въ чадъ!
 Руби дерево по себѣ. Не смѣтя силы, не подымай на вилы!
 Не твоему здоровью пьютъ, не отзывайся спасибомъ!
 Когда не пошь, такъ и не мыкайся въ ризы!
 Не наше дѣло, что пора звонить приспѣла: есть на то пономари.
 Не конь, такъ не лѣзь въ хомутъ! Не корова, такъ и не мычи!
 Записался въ прихвостни, такъ впередъ не забѣгай!
 Сидѣть на ряду — не говорить: не могу (т. е., управлять, вести раду).
 Взялся за гужъ, такъ будь дюжъ (такъ не говори, что не дюжъ)!
 Ъшь (рушай) варено, слушай говорено!
 Садись на (въ) куть, да и все тутъ (или: ступай въ куть, гдѣ
 мухи ткутъ, т. е., за бабью перегородку, въ страшную).
 Не тронь (не вороши), такъ и не воняеть.
 Свои собаки грызутся, чужая не приставай!
 Двѣ собаки грызутся, а третья не приставай (не впрядывай!)
 Свой со своимъ бранись, а чужой не вяжись (не мѣшайся, не
 вязывайся!
 Свой со своимъ считайся, а чужой не вступайся!
 Третій (пятый) игрокъ подь столъ.
 Что кому за дѣло, что жена моя не бѣла: я и самъ не хорошъ.
 Двумъ люблю, третій не суйся (а третьему — зась)!
 Крой свою крышу, а сквозь чужую не замочить.
 Чужую крышу кроеть, а своя течеть (а своя каплетъ, а подь
 своею капель).
 Въ чужомъ хлѣву овецъ не считаютъ.
 Свои волосы какъ хошь ерошь, а моихъ не ворошь.
 Не смѣйся, квась, не лучше насъ! Не смѣйся, квась: не первая во-
 дица (или: не перваго наливу, т. е., жидокъ, плоухъ).
 Самъ въ грязи лежитъ, а кричить: не брызгай!
 Насмѣялась бы верша болоту, да сама тамъ.

Калмыкъ Татарина маханийной (коннинымъ мясомъ) корить.
 Совокъ, да не ловокъ. Не ворошни, когда руки не хороши!
 Долго постился, да на средохрестной сбился.
 Скорь, да не угодливъ: что сунётся, то и окунётся.
 Читай себя по субботамъ! Погляди-ко самъ на себя!
 Поглядѣлъ бы ты въ воду, на свою уроду!
 Ахалъ бы дядя, на себя глядя.
 Отойдёмъ, да поглядимъ, каково-то мы сидимъ.
 Стриги (мыль) свою бороду, чени овою голову, ходи въ баню по
 субботамъ!

Считай (наси) всякъ пастырь свое стадо!
 Ковырай всякъ въ своемъ свищѣ (въ своемъ носу)!
 Оглянись назадъ, не горитъ ли посадъ!
 Мети всякъ передъ своими воротами! Держи крѣпче свой карманъ!
 Не сохни, не боли, не твои пироги (сапоты)!
 Знай, баба, гребень, да кривое веретено!
 Ерема, Ерема! сидѣлъ бы ты дома, да точилъ веретѣна!
 Всякому зерну своя борозда (своя лунка).
 Муха до уха, сорѣка до ока, оса до носа (Западн.).
 Знаеть (знай) свинья свое пороса. Обихаживай (ухичай), ворѣна,
 свое гнѣздо!

Каждая лиса свой хвостъ береги. (отъ сказки, гдѣ лиса выставляла
 хвостъ собакамъ)!

Подбери, волкъ, хвостъ: котъ крадется (отъ сказки: медвѣдь съ вол-
 комъ пошли смотрѣть закинутого въ лѣсъ котъ; котъ кинулся на кончикъ
 хвоста волка, залегшаго подъ хворостъ; волкъ съ трескомъ вкочилъ, котъ
 кинулся на дерево, съ котораго нишка, ненугавшись, упалъ и убился).

Потужи о себѣ, а тамъ и о другяхъ (и о Ёомѣ)!

Ищи, Ёома, чтобъ полна была сума; ищи, Еремѣй, чтобъ не ра-
 стрясти своей!

Денись, стунай на низъ; а ты, Фока, гляди съ боку!

Это не твоего ума дѣло (т. е., не берись, не сдѣлаешь).

Торгуй, мужикъ, пшеницей, баба чечевичей!

Живи всякъ своимъ добромъ (своимъ умомъ), да своимъ горбомъ!

Допуна.

Рѣдкое свиданье — пріятный гость. Милому гостю домой пора.
Гдѣ любить, тамъ не учащай, а гдѣ не любить, туда ни по но-
гу (ни ногой)!

И ладаномъ не выкуришь. Не беретъ его ни крестъ, ни пестъ.
Не беретъ его ни подкуръ (ни отваръ), ни присыпка.

Отъ него ни отмолиться, ни отчураться.

Нашъ атласъ не йдетъ отъ насъ.

Неужто тебѣ это чучело не надокучило?

Кому первоучина, а иному и васкучило.

Намучится — научится. Что мучить, то и учить.

Что надокучить, то и научить. Что вымучить, то и выучить.

Что скоро скучить, то скоро научить.

Мертвецъ у воротъ не стойтъ, а свое возьметъ.

Надоѣла намъ эта пѣсня. Надоѣлъ, какъ горькая рѣдка.

Далаеь тебѣ эта пѣсня. Хоть бы худое, да другое (да иное).

Полно тебѣ докучную сказку сказывать (одно и тоже, безъ конца).

Наладила пѣсню, такъ хоть тресни.

Говорить три дни, а все про злыдни.

Дьяконъ, дьяконъ, не все бы ты вякалъ!

Старые дрожжи перебираешь трожди.

Про одни дрожжи не говорятъ трожди.

Знай свое наладила; знай одно да одно.

Ужъ ты у меня давно вотъ гдѣ (на загривкѣ) сидишь.

Сидѣть у кого на плечахъ.

Я его съ плечъ долой, а онъ на руки.

Страхни его съ плечъ, а онъ на руки лѣзеть.

Пріѣлся, какъ сухой ячмень беззубой кобытѣ.

Носится, какъ дурень съ писаною торбой.

Надоѣвши людямъ, и Богу надоѣдаетъ.

Прокричать (протрубить) уши. На уши оскомину набить.

Бухъ, да бухъ, что семина на плесу (что выпь на болотѣ).
 Хоть отрубжь, да покончи (поруби)!
 Не отвязчивъ (мулитъ), какъ гвоздь въ сапогѣ.
 Неотвязчивъ, какъ муха. Какъ муха къ меду лънетъ.
 Наилливъ, что муха, и стыда во лбу нѣтъ.
 Пристаеть, какъ муха на сонъ грядущій.
 Присталъ, какъ сѣпной къ тѣсту (какъ пьяный къ тыну).
 Какъ Филиппъ, къ тѣсту прилипъ. Присталъ, какъ локоть къ боку.
 Забился, какъ колось въ волосъ (что репей въ шерсть).
 Прибился, что придорожный пень.
 Бить не бьетъ, и прочь не йдетъ.
 Пусть бы (хоть бы) подрался, да отвязался!
 Лънетъ, какъ сѣра (смола) къ сучку (къ стѣнѣ).
 Липнетъ, какъ смола. Пристаеть, какъ варъ (смола).
 Словно песья трава лѣзетъ въ глаза.
 Присталъ, какъ банный листъ къ спинѣ (къ тѣлу).
 Привязался, словно Польскій солдатъ.
 Не стой надо мной, какъ чортъ надъ душой!
 Чужая докуча злая мука. Будь другъ, отойти прочь!
 Ужь онъ мнѣ (у меня) въ зубахъ навязъ (надовѣлъ).
 Онъ у меня какъ кость въ горлѣ. Коломъ въ глоткѣ стойтъ.
 Такъ въ назерку за мной и ходить.
 Всѣ закоблучья ему стоцталъ. Каблуки оттоптагъ.
 Обить, отоптать пороги (ходить куда безпрестанно).
 На что за тѣмъ гоняться, кто не хочетъ знаться?
 Какъ мерзлую кочку ворона носомъ долбить.
 Лѣзетъ въ глаза, какъ тенетникъ. Какъ оса лѣзетъ въ глаза.
 Деревянной пилой кого пилить. Ъсть, какъ ржа желѣзо.
 Гайтанъ съ шеи отдамъ тебѣ, только удавись на немъ!
 Съ себя шкуру отдамъ, только пропади ты съ нею!
 Азь-алашки, буки-бабашки (барашки), вѣди-валажки, глаголь
 голяшки, (т. е., долгая, скучная, вѣшь известная пѣсня).
 Жилъ быдъ журавль, да овца, накосили они стожокъ сѣнца —

не сказать ли опять съ конца (докуцлвая сказка)?

Былъ себѣ Яшка, на немъ сѣрая рубашка, на головѣ шапка, подъ ногами тряпка: хороша ли моя сказка (и опять съ начала)?

Ты скажи, я скажи—не сказать ли тебѣ про бѣлаго бычка? Да скажи! ты скажи.... и пр. (опять свачала).

С в о е о б ы ч і е .

Всякій попъ по своему поетъ (свое поетъ).

Всякій попъ свою (по своему) обѣдню служить.

Попъ свое, а чортъ свое.

Всякій молодецъ на свой образецъ.

Всякій портной на свой покрой.

Кто какъ умѣетъ, такъ и кроитъ (и брѣетъ).

Какъ знаю, такъ и тачаю. Какъ умѣю, такъ и брѣю.

Какъ хочу, такъ и строчу. Всякій гадъ на свой ладъ.

У всякой пташки свои замашки:

Всякая птица своимъ перомъ красуется.

Каждая собака въ своей шерсти ходить.

Всякая птица (всякъ) своимъ голосомъ (свои пѣсни) поетъ.

У всякой пичужки свой голосокъ.

У каждой пташки своя свирѣлка (свои колѣнца).

Всякъ своему нраву работаетъ.

Умъ на умъ не приходится. Что голова, то умъ (разумъ).

Другъ (сынъ, братъ) онъ мой, а умъ у него свой.

Ты, кума, про себя ушла; а и мы кумились, съ умомъ не простились.

Сколько головъ, столько умовъ. Сто головъ, сто умовъ.

Всякъ своимъ умомъ живетъ. Всякъ на себя уметь.

Своимъ горбкомъ, своимъ домкомъ, да своимъ умкомъ (жпъ).

Кому гнѣло, а мнѣ мило. Вамъ гнѣло, да намъ мило.

Кому не годилось, а намъ полюбилось.

Кто какъ захотѣть, а я по своему (а я какъ изволю).

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

ПУТЬШАСТВІЄ

КЪ ГРАДУ ІЄРУСАЛИМУ

ІЕРОФЕЯ, ІЕРОМОНАХА РАЧАНИНСКАГО,

ВЪ ЛѢТО ОТЪ БЫТІЯ 7256, А ОТЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА 7474, МЕСЕЦА
ІЮЛІА 7.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Путешествіе въ Іерусалимъ Іерооѳея, Іеромонаха монастыря Рачи (на рѣкѣ того же имени, въ окруженіи Ужицкомъ), въ нынѣшнемъ Княжествѣ Сербскомъ, принадлежитъ къ небольшому числу памятниковъ, составляющихъ попытку писать языкомъ народа. Разумѣется, въ памятникахъ такого рода нельзя ожидать языка совершенно безукоризненнаго; важно уже и то, если перевѣсъ остается на сторонѣ рѣчи народной. Въ этомъ отношеніи Путешествіе Іерооѳея имѣетъ свое значеніе для Сербовъ. Оно имѣетъ значеніе и во взглядѣ путешественника на предметы, привлекавшіе его вниманіе во время странствованія, при всей скупости паломника на слова; кромѣ того, описаніе богослуженія въ Іерусалимѣ, совершавшагося за полтора вѣка передъ симъ, не лишено занимательности, для сличенія онаго съ нынѣшнимъ тамъ же и въ прочихъ земляхъ Православнаго исповѣданія.

Путешествуя по Славянскимъ землямъ, я, между прочимъ, поѣхалъ и Карловцы въ Сремъ (зимой 1840 года), въ коихъ въ ту пору пребывалъ Православный Митрополитъ Сербскаго и Валахійскаго народовъ Австрійской Имперіи, нынѣ, какъ извѣстно, съ 1848-го года Патріархъ. При обзорѣннй разныхъ рукописей и книгъ, находящихся въ этомъ мѣстѣ, мнѣ встрѣтился сборникъ, содержащій въ себѣ это «Путьшаствіе къ граду Іерусалиму.» Въ концѣ Сборника замѣчено именно, что «Путьшаствіе сіе списа се въ лѣто Господне **дѣтѣ** (1727), ва подкрилію Фрушке горе, ва монастыру Ремети храма святаго и славнаго великомученика Димитрія Мвроточиваго.» Фрушка же гора составляетъ цѣпь горъ, которая тянется по правому берегу Дуная къ Петроварадину, и по обѣимъ сторонамъ которой раскинуты 12-ть обителей Православныхъ Сербовъ; по такому числу эта гора нѣрѣдко величается въ устахъ народа Сербскимъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Аеономъ. Названіе ея—отъ Франковъ, которые, по изгнаніи Византійскихъ Грековъ изъ Италіи, ворвались и въ Савскую Паннонію, присоединили ее къ своимъ владѣніямъ и поставили въ зависимость отъ Маркграфа Фріульскаго; самая крайняя стража ихъ находилась въ Сирміи или Сремѣ на Дунаѣ, въ окрестностяхъ этого хребта, получившихъ съ тѣхъ поръ названіе *Fransoslogium* (Франсослогіум), передѣланнаго Сербами въ Фрушкѣ гора, т. е., Франкская (по древнему правописанію Славянскаго языка Франкъ есть Фржгъ, откуда уже въ Сербскомъ Фрушкій, Фрушка и т. д., ж въ оу, у, у насъ Фругъ, чаще Фрагъ, Фрагъ (ж въ л, л).

Іеромонахъ Іерошей, кончивъ описаніе своего Путешествія, присоединилъ еще къ нему нѣсколько выписокъ изъ книги, найденной имъ въ Синайской обители и составленной нашимъ Іоанниціемъ Галатовскимъ въ 1669-мъ году, подъ названіемъ: «Месія Правильный.» Кіевъ (въ 4-ку, 18 + 429 + 5 листовъ): «Сіе обрѣтохъ у Снаю, у книги, що се zove Праведній Мессія.» Выписки этѣ содержатъ въ себѣ свѣдѣнія о томъ, что Ява называлась Іупія, Дамаскъ—Шамъ, Багдатъ—Вавилонъ, Мойсей—Немелхія, отецъ его—Авраамъ, а мать—Офемфора; далѣе толкованіе имени Антихростова Ирнеемъ, Ипполитомъ, Зонарой и, напоследокъ, перечисленіе по имени Пророковъ, начиная съ Моисея и кончая Іоанномъ Крестителемъ: «Мойси, Аронъ, Давидъ, Соломонъ, Ція, Елисей, Ездра, Атонъ, Ісаия, Іеремія, Варухъ, Езекуль, Данилъ, Іосія, Іониль, Амось, Авдія, Іона, Мехея, Наумъ, Авакумъ, Софоніе, Агтей, Захарія, Малахія, Іоанъ Креститель.»

По просьбѣ моей, списокъ съ этого Путешествія былъ сдѣланъ г. Милошемъ Поповичемъ, въ то время еще слушателемъ Богословія въ Карловицкой Семинаріи, а потомъ издателемъ «Сербскихъ народныхъ Новинъ» (Вѣдомостей) въ Сербскомъ Княжествѣ и д. т.

О. Бодляскій.

Ноября 21-го дня,
1861 г.
Москва.

ПУТЬШАСТВІЕ КЪ ГРАДУ ІЕРУСАЛИМУ

ІЕРОΘЕЯ ІЕРОМОНАХА РАЧАНИНСКАГО,

въ лѣто отъ бытія 7212, а отъ Рож. Христова 1704, мѣсяца Іюлія 7.

Пойдосмо из Бѣлиграда, и дойдосмо у монастырь Раковицу на првій конакъ, и ту се частисмо 3 дны, и из монастыра оттолѣ пойдосхе Григоріс Іеромонахъ, и Висаріонъ Іеромонахъ, и Салахій из Бѣлиграда поѣе, и Станов, и из Ирига Іованъ Параносиѣ и жена му Неда, и из Бѣлиграда Дулѣрина снѣъ Павао, седам нас купно пойдосмо Вторій конакъ у Гроцкой, и ту ланивасмо трій дный, и умало ту Турчинъ не удари Григоріа сѣкиромъ, защо ч'тѣи часовѣ на чардаку. 3 конакъ Хасанпашина палатка. 4 конакъ Батичина. 5 конакъ на Морави, на ѣуріи Ягодинской, и прѣйдосмо Параѣнъ рано, и доѣосмо на ужину у Ражанъ. 6 конакъ на пандуре, код Алексинаца, и дойдосмо на ужину на Нишаву, и ту слависмо Святаго Пророка Ілію под великом тополѣмъ, славни Мия кирація нас части лѣпо, и вина писмо доволно, Богъ да прости, и пойдосмо мало уз Нишаву. 7 конакъ Нишава на зеленой травѣ, и вечерасмо и писмо, и оттолѣ дойдосмо у Нишъ на ужину и паки 8 конакъ на Бугарску Мораву под Курвинъ градъ, и ту се побунисмо от полунощи, него, хвала Богу не би щете нища, него здраво и мирно устасмо, и дойдосмо под Лѣсковацъ на ужину код камениге цркве, пак дойдѣосмо до 9-га конака на Лѣсковачку клисуру, пак устасмо рано и уѣосмо у клисуру, и падосмо на ужину у клисури, у страни, кано коза на малю, и ту помилише зміе, и жабе и гущери, и корняче, мало у воду не поскакасмо от страха, и паки падосмо на 10 конакъ под монастырь Решитски, на измак Вранске клисури, и ту наловисмо рана за вечеру, и ту обретосмо чловѣка, и кажу, да му е 120 лѣта, проседе браде, и три му се пут зуби мѣняли, пак нарасли како у дѣтета, и 2 пут брада опадала, пак нарасла, и има сына сѣѣа

от отца, и казиваше, да ніе тай стараць Турчина виѣѣ, ни харач дао, ни вина піо, него пасао овце на горахъ, и ту видисмо чловѣка и дѣвойку те се окаменили, те казива стараць тай, да є кум с кумомъ сатворио блудъ, тога ради се окаменили. И оттогъ устасмо рано, и дойдосмо у Враню на 11 конак, и из Вранье дойдосмо на 12 конак у Кошуне, недомакъ 40 црквы; ту є прежде велика варошъ била за Србског господства, и сад по Турски зову кркъ клиса, и видох ту корита каменна око бунара много множаство велми голѣмо за дивленіе, и чудисмо се, и над той вароши видѣсмо три холма велми висока, Богомъ саздана, а на врху равна, и от едне стране може чловѣкъ попѣти, а от ине не може, и то зову шаторища Марка Краљвиѣа, и Милоша Кобилиѣа, и Релѣ Омуѣевиѣа, и Новака Дебелиѣа; и ту се у ютру згоди принесеніе мощій святые Петки Трновскіе едне те црквѣ храмъ, и пазаръ се купій, и ту обретосмо обиліе хлѣба и вина, и славы Висаріонъ нашъ другъ. И дойдосмо на 13 конак у Горобинциѣ, на Овчєе Полѣ, и туду видѣхъ красну землю, лѣпа поля и жита, и виногради, и овоцїя многоразлично, и лѣпе рѣке теку из планина, и источницы студени и чести, и градови се виѣу и села, и ту на ужини съ едного мѣста, ща се види, наброисмо црквы 14, великій бѣли се каменъ, Србы правили, а сад све пусто; и ту нам казиваше, кад су напре Србы из преко мора прѣшли от Србске, и потом се Србы и назвали по рѣци тов иза Троя града, те су напре на Овчєе Полѣ палы, и ту кажу сковали от бакра гумно, а веле, не умѣли врѣти на земли, и кажу и до данасъ стов за суто землею, и веле, да хоѣе велико крвопролитіе ту быти от Турака на после, и ту се велми чудисмо красоти земли и обилію плодовъ. И паки дойдосмо на 14 конак у Велез градъ Бугарскій, а Турци зову Тюприлія. и ту падосмо от полудне, и ту тече рѣка, зову є Вардаръ, врло голѣма, и ту білху Турцы много, и ту на мосту ѣюрукѣа, и господа многа, и кадїа, и варошъ голѣма, и Христїяна има много, и куѣе и авлія и све от камена, и плочомъ каменномъ све куѣе покривене от мала до велика, и цркве камене многе имаю пописане, али пусте. И ту у граду, на святаго Пантелеимона видѣхъ гроздіе носе у котарица на магари много, Турци купую, а Христїяни не до Преображенїа, зато етасмо и чудисмо се доброму дѣлу ихъ. И око тога града та ѣвѣа землях видѣхъ ниве многе посѣяне памукомъ, и чудих се, ~~сидѣ~~

то видію, и 'туд' люди мало жита сѣю, него све памукъ; и прешлосмо Вардаръ, и пойдосмо от града и изійдосмо на полѣ, гдѣ су Турци Нѣмце разбили и натраг погнали, кад су Нѣмци Бѣлиградъ узели в лѣто от бытія 7196, мѣсяца Августа 19, пакъ тѣрари Турке до тога града Велеза, паки Нѣмци стали на том полю, а былое кише и зло врѣме, а Турци изійду сухи из града, та и разбію, и мало по мало дотѣраю опѣт до Бѣлиграда, и до године 2 узели Бѣлиградъ. И оттолѣ дойдосмо на 15 конак у Тиквешъ, и паки сутра дойдосмо на 16 конак у Грчице, и ту видисмо, како врху жиго с коли на волови, учпнѣна даска колико врата, пак оздо набісна пуна камениа (кремениа), те онаи камень тре сламу, пак саспе у куће те скотом дае у торбах; и ту на Вардару стѣне високе до облакъ, и ту є просѣченъ камень те начинѣнъ путь, зове се Демиркапіа Марка Кралѣвића, и ту се подписао високо у камену, усѣчена слова већа него прсти; и ту срѣтосмо камиле чрвене, те се уплашише конѣи подъ Іованомъ и под Недомъ, мало не поскакаше у Вардаръ. И въ той данъ дойдосмо на 17 конак у Псенску варошь и градъ, Турски зову Абрегъ Исаръ; и сутра данъ дойдосмо на 18 конак, у градъ Селаникъ, и ту бисмо 7 дней, и ходисмо око града и по граду, и у куће и чаршиѣ, и улазисмо у цркву святаго Димитріа, красна и велика зѣло, и Турци у нѣой кланяю, оловом покривена, олтарски сводъ бѣше пао, и како є пао, тако и стаяху стѣне неизнете, четвори диреци едни на други, и 4 ѣмери и многе цркве горѣ по ѣмери, 4 ката дирека мермерны, и у свакомъ кату по 17 дирека обли, како да су на стругъ стругати, и еданъ дирекъ близу двери, из нѣга муро тече, и мы се мазасмо. Каза нам Турчинъ, кой ту перетише, те вели, тако изійде кано проха на нѣке голове, и код тога дирека на патосу уписато: от сего дирека петый, и тамо гробница святаго Димитріа, и тако обретосмо гробницу и цѣловасмо, и ту єсть святой Димитріє и до данасъ; и по выше у духару повысоко от землѣ гробница подписана едина вѣкіє отроковицѣ, и у припрати на углу привѣзана, и ис цркве слова у камену ископана, една врста Србскій, а другая Грчкый; повѣдує моци ту лежеше, святой Савва, Царыградскій Патріархъ, и Павалъ исповедникъ; и казива Турчинъ, кадъ су Турцы итѣли да улѣзу у та врата ко титъ мощемъ, те изишао пламен те ѣ пожегао, тада и зазидали та вратца, тако и данас

стое вазмдана, и мы гледасмо. И по ній церквахъ идосмо и поклонясмо се, и на врхъ града, зову га Чаушь монастырь, и бѣше калуѣра много, и ту видѣхъ еще ідолску кумарницу, и из нутрь чудно зданіе, на нѣка окна све своѣно, мнит ми се, има дебео духар за 10 аршина, а висине Богъ зна; ту онай Апостолъ отметнусе Димась, що га Апостолъ Павалъ пише, и былъ іерей ідолскій, и то е све из нутаръ мусіомъ пописано, еще за ідола писано, лозе, и цвѣтія, и древа, а чловѣчій образа не йма, него ша тога храма ідолъ стои на земли повржень сврха; има, мнит ми се, 10 аршина широкъ, и толико высокъ, еданъ битевя камень еще има кажу толико отбѣснъ, и наоколо све образи истукани изсѣчени, и съ одну страну лѣствице изсѣчене, и то су были наши у нутаръ призидали олтаръ и учинили цркву. Паки Турцы у олтару призидали Хоѣи мѣсто, и садъ е џаміа, то се види и познас. И ту по средъ града имаю сводови високо отсадна куѣа, виде се и преко сокака, и видѣ се горе образи изсѣчени, мучитель судища и престоли градскій, и кажу, да е ту мучитель сѣдіо, кад е Несторъ Лія низложіо на нѣкои даскахъ. И долъ къ мору видисмо цркву велии голѣму, що е нѣкій царъ правіо по подобію св. Софіе, чудни дирецы и сводови, не може се чловѣкъ нагледати, ни на умъ узети; и ту намъ Турчинъ казива, кадъ су ту Турцы улѣзли, те су наши едного калуѣра на єдномъ вѣргу под врхомъ, те га ту посѣкли, и пао на прозораць, и ударыла крвъ на полѣ низ духаръ, и види се, и мы гледасмо, крвъ низ духаръ, и каже Турчинъ, то су, вели, Турцы много пута стругали и замазивали кречем, и не могли нища. И пойдосмо изъ Солуна мѣсяца Августа 7 данъ на море у галію, и дойдосмо другій данъ под Платамону град, и ту има над градомъ планина, именуе се Бабкина планина, и близ те има планина, именуе се Саргаръ, и има у ній монастырь святаго великомученика Дмитрія дивна и градъ око монастыра, и ѣліа има 200. И пак дойдосмо у Загорѣ на премо Святой Горы, и преко мора идосмо 11 дни, и ту у Загорю сѣдисмо 9 дны, и ходисмо по горы, и обрѣтосмо монастыре и цркве много, и гроздіе и овоціе различно, а црквы числомъ 100, и куѣа 5 тьсушь, све Христіани. И ту има люди, те не знаю, на чему жито расте, и ту видисмо цркву Преображенія, скоро сограждена, голѣма и красяа зѣло, олтара 9, и яя новвы 30, и 95 кандила ужегоше сребрны, и златны, и градъ

црквиомъ 2 источника цѣлабна, и около гора борова; и у цркву С. Николѣ свакій дань идосмо на вечерню, на утреню, и сваки давь пою литургію. И оттолѣ пойдосмо, и другій дань под Касадру дойдосмо, и ту бысмо 5 дны, докле дрва товарише, и страхъ имасмо от курсана, и ту видисмо градъ Тиронъ, ту су святаго мученика Феодора Фирона мучили, из бедена метнули у море, и садъ стои пустъ. И ту идући видисмо єдну маску нисшцу, и кажу, у нїой нища не йма, него дивокозе, близь Святе Горе, и дойдосмо под Аѳонъ, вѣтръ дотера. и не хотѣли, и видисмо монастырь Святы Павль и свату Анну, и види се виноградъ, и меѣ у камену улицицы. И оттолѣ пойдосмо къ великому морю, и дойдосмо подъ плаину, Юрѣ зовому, третій дань, идѣже святий Аѳанасіе молитвами бѣсове заключи, и до донас тамо стоеть, и ту замркосмо на мору, и єгда бысть вторій часть ноци, уста буря на морю, и волни силни, наче корабль волна морска преливати и нивртати сѣмо и овамо, и бысть страхъ великъ и плачь горькій зрещимъ бурю морску и смерть люту, и ту се єдни працаю, а инїи исповѣдую се другъ другу. Бѣше же корабленика 75, а Турака 11, и апсіа 15; и єгда бысть о полунощи, наче корабль извртати се, и крмчїе сметоше се, паде облакъ чернъ на море, тогда се живота очаясмо, криченїе и гласи великіи нахождаху, призивающе Пречистую Богородицу и святаго Отца Николу, и правитель вѣтриломъ позна градъ Ливно, и ту прибѣгосмо, и стаясмо 32 часа, и оттолѣ на Усѣкновенїе пройдосмо Самограк, и Бокчу, и Линдру, и Ибро, и идосмо до Измирскаго богаза, и пакѣ изїйде другій вѣтаръ те занесе под Милитин. И у томъ Милитинскомъ острову има 300 села и 4 монастыра, Архатела и Крестителя Іоанна, и оттолѣ пройдосмо Балукъ аду и богаз Саказскїй, и дойдосмо у Саказ градъ, преѣ се звао у Апостоль Хїа, 30 дне Августа, и ту у Саказу проходисмо цркве многе, има црквы соборни 70, а мали 600 црквы, и кажу 2000 попава мїрскїи, и видисмо цркву сватыя Троицы новосаграждену, на нѣой пенѣра 55, и дирека от мермера 67 и гробница 47, и ина красота и ядїари невозможно сказати, и туде бисмо 2 дни. И от Сака пойдосмо, и пройдосмо Сусамски богаз, и въ ту ноць осванусмо на Самсонову борищу съ женою нѣкоею, тако кажу, да є чуо Самсон яку жену, те понео голем камень из Анатолїе, и она понела запрегу камня, а кад се видѣли, та и метнуо

Самсонъ камень у море скрая, и видѣла се, колико голема куѣна, тако и она сасула из запреге на сухо, и сад се видѣ грозна голѣма и веѣе се не били; то е от Саказа 80 миля. И въ той данъ дойдосмо у Хистанѳое, преѣе се за Апостола звало Конаниту, и обретосмо обиліе хлѣба, вина и гроздія. И ту видисмо у граду едно древо чудно неудобъ сказати, у деблу дебело 12 аршина, обзидано у корену каменомъ и подслонѣно столповы, каменни дирека 42 и дрвени дирека 34, и от мермера дирека 8, и ты сви дирецы држе гране того древа, и подъ тымъ древомъ има еданъ шидрванъ, и две чесме, и два бунара, и два чардака, и 6 крвета, и 4 кафане, и 1 дуѳанъ трговачки, и 1 ѳамія, и 2 касапнице, и 1 лѣбарница, и 4 захода, и ту подъ тымъ древомъ има у свако време по 200, или по 300, люди, у хладу сѣде; и ту видѣхъ діяковію, щоегодъ за сло стои по меѳдану, нит кто чува даньомъ, ни ноѳомъ, нит се покрыва, нит чува, и чудисмо се. И оттуду пойдосмо 2 дни, и дойдосмо у градъ Родость, и обидосмо по црквахъ, и видисмо украшенія многа; и тай су градъ градили Малтези, таке красоте и тврѣе нигдѣ не има; ту е едно диво, гдѣ е кумиръ стаяо едномъ ногомъ на одной кули, а другомъ на другой кули, има удалеко колико пушка може быти, и ту изчекасмо се 14 днѣй. Паки пойдосмо изъ Родоса мѣсяца Септ. 18, на велику пучину Адрианскую, 18 лаѳи, и 2 галуна; и вторый часъ ноци уста бура, и волни на морю зѣло страшни, и въ ту ноцъ великій страхъ имасмо, и егда данъ бысть, наче се корабль погрузивати и преливати бурєю морскою, и въ той данъ не видисмо иного корабла от грядущихъ съ нами, ни видисмо солнца, ни мѣсеца, ни неба, ни землѣ, ни птице летуце, кромѣ буре и облака, и бурѣ различне, бѣли и зелени, и чрни, и плаветни, и единые яко варъ кипаху, ниш яко молнія. И въ той данъ исповѣдуе се другъ другу, и сви се живота отчаясмо, и гласъ исхождаше великъ единогласно вопіяху къ Богу, и поминаху чудеса святаго Николы, и призываху на помощъ; и егда бысть пол дне, наче се корабль преваливати сѣмо и тамо, и погрузи се корабль, да спиде низу мора, тогда гортанъ изнеможе, гласъ пресече се, а въздыханіе омалѣ и духъ въ насъ, сзыкъ пресхану, бысть гласъ токмо, и умилѣннма очима вазираше другъ на друга, и нѣкои сплели главу съ ногами и скржещуце зубы своими, видѣще горкую смерть. И воздвигоше

крамолу на пренза, и обречемо, колико кои може дати, да изпразни корабъ у море, и въ той часъ начеше празнити, и турати достояніе свое у море, и егда опраздни се до полъ кораба, тогда прилѣжа силиѣйшій вѣтръ, и раздраше се вѣтрила от вышняго края до нижняго, и работна ужа попускаше, и катарка велика погрузи се у море, и вазимаше то вышній древо воду морскую. И ва време заходещу солнцу погрузи се корабъ, и восташе волны силиѣйшіи, лкоже горы высокіе, и облацы и молнія силни и разлчнни. И вси падохомъ яко мертви, работати и направляти не вазмогохомъ ничтоже, токмо другъ на друга умилѣнными очима вазираше, нѣцы же поминаху Бога и Богородицу и Светце, а нни отца и матеръ, и братію и сестре, и сроднике и знаеме свое, и жены и дѣти своя, и едини трзающе ризы свое, а нни сакрывающе очи свое, да не видѣтъ грозную смерть, а нни и сполумртли быше, гортанъ взнеможе, и езыкъ пресуши се, гласъ прелкнху. За 2 дни и за 3 ноци от свихъ насъ ни единъ хлѣба не вкуси. ни воде, ни ти другъ другу проговори, нити може кои устати, ни коракъ корачити, яко мртви лежеще. И ту видѣхъ, како корабль брзо иде, како и стрѣла, одакле стрѣлу пусти, онде и паде стрѣла; и ту корабникъ еданъ каже: 40 лѣтъ, како ходимъ прѣко мора, и таке буре не видѣхъ. И въ третій день узрѣсмо птицу от полудне, и велии се возрадовасмо, рекоше, быѣ нѣгдѣ край близу, и бура мако утоли; тогда воспоменусмо се о смерти, и благодареніе воздасмо Богу, а едни въ 4 день езыкомъ проговорише, и хлѣба и воде вкусише, а нни въ 5 день водомъ езыкъ сквасише. И въ той 5 день узрѣсмо еданъ корабль от нашега друштва, и еданъ злій корабль видисмо, и утекосмо 6 день, али вѣтръ натрагъ. и въ 7 день дойдосмо на богазъ Решитскій, у Нілъ рѣку, подъ Решитъ градъ, зову га малый Мисиръ, прежде се звало Рантъ. И ту видисмо многу причу, люди ту живуще, нити кто носи гаѣа, ни чакшира, ни клашана, ни калчина ни на едномъ, господа и боляри носе от платна и от свиле альниче, али цѣви голе, нища, кромѣ папуца, а едни ходѣ нагнн яко от майке роѣени. По чаршія и мужко и женско точію у самой кошули, и пію тутунъ и каву, и мужко и женско, великии и маліи. И видисмо, како се нараста финиковъ цвѣтъ рода ради, да одржи родъ. И видѣсмо древо, на кому памукъ растѣ. И от 4 руке смоковницу, 1 смоква, на кою

се Адамъ прелести, расти на три моуне, и сладость ее умъ чловѣческъ сказати не можетъ, на многіе сладости доводи, насъ 7 одну куписмо, и сви едосмо за 3 дни, пакъ отметнусмо, и не могосмо е изѣсти от сладости, а чини ми се не йма полъ оке у нѣоѣ; и друга, от коес листвіе набрао, има листвіе дуго 9 педи, а широко 4 педи; треѣа смоква, що е проклята, и плодъ ее ясти се не може; четврта смоква, що има по всей земли. И ту видѣхъ птицу ноя, голѣмо, едва доватимъ рукомъ по хриту, и милова га, ходе по чаршіи и поредъ лаѣи, по буницу, купи, щоца те се храни, и ту пребысмо 6 дни. И пакъ пойдосмо Ніломъ рѣкомъ, и та рѣка из рая иде, и видисмо око те рѣке много села и вароши съ обою страну рѣке, и чловѣцы сви наго, и жена и дѣте, и сви голіи, и да речеть от сто люди, да има кошулицу, и имаю жене нѣка те нѣка сиредъ запрегу, а ино нищо; а дѣце по 50, или по 100 око рѣке чуваю марву, и веѣе безпослено, када насъ види, виче, проси, а мы метнемо по еданъ пексиметь, а нитъ заплива по 20, а кои ухвати, онаѣ изеде, тако насъ све прате от села до села. И ту видѣсмо шеѣеръ, посѣю ниве велике, и онакое кано кукурузъ стаблика и листъ, и изъ оне стаблике ваде срчику те пече шеѣеръ. И дойдосмо у Мисиръ великій 6 данъ, т. е., Егупать, Фараоново царство. Големину кто можетъ сказати, нити може преѣи, ни края видити, а от множества люди не можъ на сокакъ да изидешъ. Ту есу дворови прекраснаго Іосифа, мусіомъ описати, посред' града на чудной высини, и ту му есть диванхана голѣма зѣло, 34 велика дирека, по два чловѣка еднога да обувате, толико су дебеліи, обли и глаткіи, како да су на стругъ стругати, а высокіи Богъ вѣсть, и ты сви су дирецы от мермера, има ихъ 300, кос мало, кое голѣмо, а чини ми се, има высине 50 аршина, пакъ на нима горе сводови, а садъ стов пусто, и глѣ кои дуѣаниѣ сиромашкіи долѣ око дирека, и ту е бунаръ Іосифовъ, и сала ту воду ваде, и мы улазисмо до другій волова, пакъ се пренадосмо те се вратисмо. На 3 места што волови воду ваде, басамака има 444 дублине до воде, у самотвору камену све сѣчено, и ту 18 волова воду ваде. И у томъ Егупу бѣше Папа и Патріархъ, именовъ Герасимъ, и идосмо къ нѣму, и исповѣдасмо се, и чита намъ молитву, и благословеніе пріесмо, и видисмо у одну неделю літургіа, и метну на себе два петраіля, и два омфора, и по літургіи сѣде, те чини придику за много

такъ подѣ свимъ одеждами, и ту видѣсмо Патріарха Коптскаго (Копти есть великъ вилаеть и языкъ краю узѣ Нилѣ рѣку), и идосмо у старый Египтъ, али е весь пустѣ, мало гдѣкои човекѣ. Ту видисмо хамбаре Іосифове: кто да може измѣрити и величавство казати! И ту у старомѣ Мисру црковь Іоанна Милостиваго, то е была Архіепіскупія, и садѣ калуѣрице стое ту, и ту имаю цркве голема и красне велми много множаство, Царска зданія, и у две цркве 2 иконе чудотворне, Богородице и святаго Георгія, и то кажу, кадѣ су Турцы узели, нѣ су се дале съ мѣста дигнути, и садѣ на томѣ мѣсту стое, а цркве пусе и пале око нихѣ. Святаго Георгія нѣ голема, има 4 аршина дуга, а стои на мегдану високо от землѣ, како не може чловѣкѣ рукомѣ доватити. И ту има црквица скровница Христова, кад е побѣгао от Ирода, и у землѣ 10 басамака глубока, от мермера сограждена, и иза трапезе у духару кано пещѣ, те кажу, ту е Христа Богородица крыла. и ту преко те цркве была една греда от ковчега Ноева, а сада мѣло теке уагула; и ту се у старомѣ Мисру новцы и садѣ кую. И виде се премо великому Мисру Фараонова тепета, то е едно чудо на свѣту, двое изидано от камена кано камаре две, и толика е голѣмина и высина, от 3 дана хода може се видѣти. И ту есть близу великаго Мисира гора, що е зову дурдагѣ Христіянски, ради молитвѣ пошла у Нилѣ рѣку. И ту сѣдисмо у великомѣ Египту 22 дни, у лану Сінаяца калуѣера, и ту сваща доста евшино, по 8 сомуніѣа за едну пару. а една пара 8 мангура, и ту узимахѣ за едну пару 74 лимуна, а вина и ракіе да дукать даешѣ, за едну оку не бы нашао.

И пойдосмо изѣ Мисира къ Сінаю око 211 данѣ, и ходисмо 3 дана до Аѣруда, не видисмо ни чловѣка, ни древа, ни травке, ни птице, ни воде, кромѣ камена и песка, и ту у Аѣруду видисмо нѣке невиѣнене люде и птице, и 2 мишца бѣла, а въ той данѣ дойдосмо у Сувензѣ градѣ на Индіску скелу, на Црвенога моря отоку, и ту у Сувензу узесмо воду, и обрѣтосмо едного Христіянина Халила, тако му име, и нощевасмо на святаго Нестора, и рано устасмо и дойдосмо на 12 источникѣ Мойсеови, идѣже раздѣли море и потопаи Фараона съ колѣсницами; и ту бѣше нѣколико финника, и вазесмо воду от тихѣ источника у мехове, и оттолѣ дойдосмо за 3 дни на Карандулѣ, и ту обрѣтосмо воду, и нѣколико врановѣ, и 50 древѣ финиковыхѣ. Цакѣ ходисмо два дни и обрѣтосмо еданѣ бунарѣ воде лѣпе, и

ту видисмо два врана и нѣке птице красне зѣло, и гласъ диваѣ поють, и ту ноѣисмо, пакъ ходисмо два дни, не видисмо ни чловѣка, ни птице, ни древа, ни граве, кромѣ тѣне до облакъ протегле се, и 11 данъ хода от Егупта видисмо нѣколико коза, и неке чловѣке странне видѣніемъ, кано дивіи. О братіе, тѣсна и прискорбна пута и неволна живота на той земли! И ту видисмо двіе любенице и откусисмо, горча е пелена. И сутра данъ дойдисмо у Святый Сінай, у монастырь, Ноемврія 3, на обновленіе храма Святаго Георгія, на літургію, и въ то време бѣше у Сінаю Діѣей Неофитъ Іеро. и Ананія Іеро. и Анаѳоліе Іеро. и Герасимъ Іеро. и Песаріе Іеро. и Діакони Давидъ, Діонисіе, Іоанихіе, Пашсей, Іоасавъ, а по путу Богъ вѣсть колико е, кажу, да има єднимъ по 20 лѣта, нѣсу у монастырь дошли. Слава Богу, сподобившему насъ узрѣти святая сія мѣста и поклонити се, и узрѣти дивную красоту. У Сінаю монастырю велика црква красна зѣло, 12 дирека велики и на нима сводови, и среда оловомъ покрывена, и 100 мертецы дрвени. Патос олтара савъ мермеръ пегазтъ, бѣо, шаренъ, зѣленъ, на окола око трапезе духаръ, на олтару мермеръ и иная красота, к коне, хоро, и кандила, и крестови и Єваггелія окована красна множество, а єдно Єваггеліе Царя Θεодосія све златомъ писано от края до края, 20 Єваггелія, що свагда стоє по честныхъ трапезахъ, и олтар мусіомъ каменомъ исписано и темно дивно позлащено, и святая трапеза, и проскомидія, и на лонѣ зѣло украшено. У дужину црква велика, от двери до препрате 43 аршина, а ширине 16, и олтаръ дулине 11 аршина, а ширине 9, а предня препрата дужине 8 аршина, а пенџера 53, врата велика от бакра, и двоя мала, и та црква вели єсть храмъ Преображеніе. И святая Неопалимая Купина, црква сва зеленымъ мермеромъ патосата, и на окола све лацувертъ. И у великой цркви 10 олтара, гдѣ се служи, и особни цркви 15 у нутаръ града тое, и градъ ширине 108 аршина, а дужине 128, и имаю два бунара студеніе воде у граду; ту е Моусей Рагуилу овце напою. и градска врата заздана, не отвора се, него на витао валазе и излазе. И ту почивасмо 4 дна, паки пойдисмо на святыи връхъ, и дойдисмо пре полдне у цркву, зову Панагіа Пресвятыя Богородицы, и ту поклонисмо се, и пройдисмо крозь два ѣмера, и дойдисмо на ноѣище до цркве святаго Іиліе, ту е святыи Миз от Езавели побѣгао: то єсть Хоривъ гора, и ту є постію святыи

Иліа, и ту вечерню читасмо, и сутра от полнощи пойдосмо на святой врхъ, идѣже Моусей пости се дваредь по 40 дни, и при-ми скрижали от Бога, и ту есть пещера 4 басмака долѣ подь камен, и ту е една црква наша, и една Римска, и една цамія, и ту чатисмо утренью, и служисмо святую литургію; и ту есть мѣсто иза цркве, гдѣ се Моусей подь камень сакрыо и Божія задняя видѣо, и утопила се меѣа у каменъ, како у снѣгъ. Паки се повратисмо на святого Ілію, и видисмо на пути каменъ, що е Ангелъ мачемъ разсѣкао, те пао каменъ на путь предь святого Ілію, и рекао Іліи: Моусей пі е изишао на землю обѣтованную, а ты не ѣшъ на святой врхъ, те се вратио опетъ къ Іерусалиму; и ту е ити от монастыра на святой врхъ 14,000 басмака, све сечено о свемъ, що е онако ходити. И от святого Іліе цркве ходисмо до цркве святого Іоанна Лѣствичника, и ту есть пещера, гдѣ е лѣствицу писао, и ту е близу црква святого Пантеленмона, и ту има вода лѣпа, и ту имаю пещере, гдѣ су пустынницы стали многи, а ѣліе здание от суха камена, безъ вара и безъ креча, и паки снисдосмо на святыхъ 40 мучениковъ цркву, и имаю ѣліе многе, и ту нощевасмо. И паки рано от полнощи пойдосмо на гору високу, идѣже Ангели положили тѣло Єкатерише, и лежало 300 лѣтъ, и егда изыдосмо на врхъ, раждающую се солнцу, поклонисмо се и цѣливасмо мѣсто; и пойдосмо ко цркви святого Оноврія пустынника, и ту му е пещера, гдѣ е пребывао, и ту есть близу мало пониже каменъ, иже удари Моусей, и источи 12 источникъ воды, и садъ руце стое празне. И паки дойдосмо цркви святыхъ Апостолъ, и имаю ѣліе и монастырь обычанъ, баще и овице, и студенаць, и поле велико, гдѣ е Израилскій родъ стало, кадъ е Моусей законъ писао, и ту близу есть тѣлаць, комъ су се Израилтяне поклоняли, и ту есть калупъ, у комъ е саливенъ, и ту близу црква Аронова, ту е Моусей скрижали найпре донео, и выше те цркве къ монастырю покрай пута каменъ, по нѣму слова писана, а нико чтити не може, и кажу кивотъ Завѣта Ангелъ донео изъ Іерусалима, те подь тѣи каменъ укопао, да стои до страшнаго суда. И паки дойдосмо у монастырь у градъ, и ту пребысмо 31 данъ, и поклонясмо се по святыхъ мѣстѣхъ и црквахъ: егда есть коей праздникъ, и святые мощи цѣливасмо; и ту су мощи Єкатерише мученице, и у томъ монастыру у духари видѣхъ мѣсто, гдѣ е зей-

тинъ текао изъ духара. И сподобисмо се благословенія отъ святыхъ отецъ и общаго собора, паки прощеніе приѣмше пойдомъ вспять въ Египтъ мѣсяца Декем. 4 день.

И отгуду пойдосмо къ Іерусалиму съ Пашинномъ войскоу, и дойдосмо у Газу на конакъ, и ту данивасмо, и ту бяше градъ големъ, то е было храбраго Сампсона царство, и ту е побію костію ослѣ иноплеменикъ 3,000, и ту му е столпъ и чардакъ, що е послѣтъ оборію. И оттолѣ идосмо два дни, и пройдосмо Лиду, и внѣ града къ мору естъ црква святаго Георгіа голѣма и красна, тако глаголема Лида, близъ Яфе, и ту святый Георгіе порази змію копіемъ; и ту е пропасть велика, отдакле змія исхождаше, и ту мучи Діоклицианъ святаго Георгіа, и ту му е гробъ у той цркви. И въ нѣой е столпъ, иже принесе святый и жена вдовица, егда се црква здааше, тогда желаше вдовица приложити въ црковь столпъ, и вазе камень одинъ, и не возможе принести, и моли корабу начальника, да принесетъ съ своими столпови, и не восхотѣ, и поче жена плакати, и приде святый Георгіе, и рече жени, возми камень, и вазе съ одного края святый Георгіе, а съ другаго края жена, и внесоша на море въ одинъ часъ, и принесе до цркве, и зна се, гдѣ святый Георгіе держаше руками. И дойдосмо у Ревню, и ту дановасмо, пакъ устасмо въ време, за шадшу солнцу, на святаго Іоанна Крестителя Саборъ, и ходисмо цѣлу ноцъ безъ покоя, токмо въ Еммаусу отсѣдосмо, и писмо кафу, и дойдосмо за ноци до святаго града Іерусалима, на порту Пророка и Царя Давіда, и не ктеше намъ отворити, докле свану.

И улѣзосмо у Іерусалимъ мѣсяца Ян. 8 данъ. И приѣмше насъ и гостише, и ногѣ омыше и парусію дадосмо Питропу монастыра, црква храмъ цара Константина и Єлены, и дадоше намъ конакъ у монастыру, зовомъ святый Савва, Србскій монастыръ, храмъ святаго Архаггела, и ту се молисмо Богу и ходисмо по святымъ церквамъ катадневно и поклонясмо се. И шдосмо на святу порту, на всякій данъ по два редъ, и уодисмо живоносному гробу въ лѣто 1705, Февраля 3 данъ, поклонисмо се гробу живоносному, и ношевасмо ту у цркви, и благодарисмо Бога, сподобившаго насъ узрѣти то желаніе, еже вазжеласмо, и видисмо многа чудеса. И у великой цркви Воскресенія Христова икона голѣма, 8 педи дълине и 5 ширине, Христось у Армі-

ерейской одежды уписанъ, и око Христа 4 Евангелиста, и подъ икономъ до патоса уписанъ Христось уснуо; и кодъ нѣга левъ, сій рече: яко левъ спѣ, и до Христове иконе икона, уписанъ гробъ и 2 Ангела въ бѣлыхъ ризахъ, кои су отвалили камень от гроба, и мѣроносице. И Христось кадъ в рекао: Не прикасай се мнѣ, не у бо взидохъ къ отцу моему; и подъ врхъ Елеонска гора, и Вознесеніе, и под том икономъ Воскресенія уписанъ Пророкъ Іона, како су га метнули у море, и како га е куть прождерао, и како га е изметнуо, и до те иконе врата кано и двери, и на нима брва те се заключава, и иза врата Предтеча Іоанпъ уписанъ; и надъ сви трію врати позлаћене лозе, а образа не йма, и Богородица такожде голѣма, и младенца држи на лѣвой руцы, и 4 пророка око нѣ, и подъ икономъ уписана купина неопалима; до Богородице икона соборъ Архаггелскій, 20 образа Ангела, и Христось у округао на среди, еще херувими око Христа, и многочити много, и подъ икономъ чудо Архаггела, и сѣверна врата кано и двери, и на нима брва, и иза врата Константинъ и Елеона. И предъ иконами око двери врстомъ 27 кандила сребрны, и надъ двери 3 от злата, и 4 свѣщника голѣма от туча, и на свакомъ по една свѣща горн, и до нѣи цвѣтъ висн, трое гране на нѣму, и до цвѣта на ужу кандила 41, то естъ до Патріархова стола и до налоня, и выше тога форо, и на нѣму 23 кандила, и толико яя новвы, и на яю по икона, и по 16 ѣмера на фору, и на свакомъ ѣмеру по 4 свѣщи (и све ужегу у еданъ путь); то форо естъ от туча; и выше двери лозе позлаћене нма от аршина, пакъ иконе праздника 16, и пакн лозе, и выше тога крестъ, и око креста 9 кандила, и предъ свакимъ празникомъ выше двери по кандило, и до владични столова са сваке стране по 10 кандила, и от владични столова горе са стране по 25 кандила, предъ трапезомъ 9 кандила (3 от злата, и горе високо свудъ на около савъ олтаръ кандило до кандила, выше от 100 кандила сребрни, а све Србскій), и предъ проскомидіомъ 3 кандила, и предъ горнимъ сѣдалищи едно, еще премо нѣму. У Патріарха Іерусалимскаго столъ 6 степеній, и у столу Христова икона, на нѣму Архіерейска одежда до пояса, и колико столъ широкъ, толико е и она, и надъ столомъ у шатору улази, на около изваяно у дрвету; на среди молѣніе, и око нихъ 12 Апостола (и на врхъ стола орелъ от 2 главе), еще другій Патріарха три стола,

у сваки по 4 басамака. Свѣщницы дугин 9 педій, от свѣщника до свѣщника 11 педій, на два свѣщника по 7 чутура, и стои на 3 лва, и горе тепсія и 12 шиляка съ чашами, и 13 у среды, и на друга два свѣщника 4 чутуре, и на два свода и три поге, и горе 12 чирака и на среди 1; и кадъ ні є празникъ, све скину и оставе, и иконе покрыю, и кандила скину, и врата сва троя покрыю, и цвѣтъ и хоро, и свѣщнике покрыю. И поредъ икона не горе кандила, него око двери по два, и иза врата по едно, и надъ двери едно, и предъ крстомъ едно, и подъ форокъ 1, предъ трапезомъ едно; то ти свеча у великой цркви. И видѣхъ едно кандило предъ крстомъ 3 аршина дуго, и у нѣму 7 маньи кандила гору (те све от туча, и съ еднога мѣста набров 310 кандила, и у той цркви 700 и вышше има теке Православни кандила), и има средни кандила, стало бы 12 ока воде, и на средъ цркве едно, на нѣму 17 кандила (дуго 4 аршина, а широко 2; а сдно предъ Христовымъ гробомъ има 24 кандила, и 25 Ангела, и свакій Ангелъ држи у руцы по кандило, а средне држе два Ангела), у среднѣ бы кандило стало 20 ока воде, дуго 3½, аршина; и подъ форокъ едно дуго 4½, аршина, а широко 3, 6 грана, що свеће на нѣму горе, а на среди кандило могло бы 30 ока воде стати. И изъ велике цркве на Голготу 18 степеній, а гдѣ се крестъ нашао 42 басамака; и подъ Голготомъ єсть пещера желѣзомъ замрежена, гдѣ є была Адамова глава, и кадъ су Христа горѣ на Голготы распели, те камень пукао, те кровь текла на Адамову главу, и та пукогина, и садъ єсть замрежена, и благоуханіє велико има. И на лѣву страну єсть мѣсто, гдѣ су Христа у кладе метали. Трапеза у великой цркви от земли высока 4 педій и полъ, от мермера, дуга къ престолу 6 педій, а упрєко 12, а горе високо кубе, я станемъ на патосъ и пропнем се на прсте, пак горе прстима докоснем се кубету, гдѣ є найнѣже, а проскомидіа от патоса 4½, педій, а широка и дуга по 4 педій. Широка єсть црква Соборна 47 педій, а дугачка 20 столова, а сваки сто по 3 педій манѣ 3 прста, єще от столова Патріаршескій до двери 30 педій, от двери олтарь дугъ до степеній 21 педій, и у седамъ степеній 9 педій (то єсть, у средъ цркве Соборне, а друге су свудъ наоколо, и гробъ особъ предъ томъ церквомъ).

На Православну Неделю на литіи свакомъ хаѣи дадоше по икону оковану Московску, а на Крестопоклонѣну Неделю свакомъ

но крестъ окованъ; а на Цвѣти свакомъ по финикову грану, и ма-
слице другу; а кадъ носе литію око гроба, поѹ изъ олтара на
сѣверну страну, напредъ иде 6 баряка, и предъ свакимъ баря-
комъ по 1 свѣща дебела безъ чирака, и по томъ понови, напред
млаѣи и по нихъ две свеѣе, и еданъ барякъ, и една щака, и ту
владика, или 1, или 2, напорѣдо, и око нихъ діякони по 5, по
6, или колико има, и по 40, или 50 попова, и до владики мо-
наси и простіи люди; и обуче се по 20 клирика дѣце, те они но-
се свѣще, баряке и щаке, и крестъ, и по 12 рипида съ ба-
рячиѣи. На литургія на входъ и преносъ клирицы напредъ но-
се крестъ еданъ, али напредъ свѣще, по томъ 10, или 12, ри-
пида, потомъ колико владика служе, толико и щака, по томъ
свѣща една, и діяконъ иде на трагъ, кадеѣи агнаць. а инъ дія-
конъ носи триѣеле предъ агнцемъ, а по аганцу 1 свѣща, дія-
конъ носи, и паки другіе триѣеле. и наѣлный попъ носи ча-
шу, и надъ чашомъ діяконъ трепеѣе рипидомъ, тако и надъ
агнцемъ рипида, діяконъ от трагу иде, и око чаше и агнца ту
сви діякони иду, колико ихъ има; и на преносу 1 діяконъ воз-
гласи найпре: И всѣхъ васъ да помянетъ, а прочи діякони
нища не говоре, и по діякону сви священницы реку то, що и
діаконъ: Всѣхъ васъ и проч., и нища выше, ни Патріарха, ни
Цара; и сви священницы носе путире от бююра запечатлѣни; у
ниша мощи многе, и подписано, кое е що. И свакогъ праздника
тако носе; а на Воскресеніе не носеше, него начелній чашу, а
другій ложницу, а третій копіе, а прочи нища, него спустили фе-
лоне, те онако иду; 40 попова были, и 4 владике, и 7 діякона.
21 клирика, то на Воскресеніе. И на Великій Четвртакъ сазваше
све харіе предъ ѣліями на полю, да свете масло, и поставише
сду свѣщу, и на налоню метнуше икону и Єваггеліе, и метну-
ше тетраподъ, и на тетраподъ кандило, у нѣму еданъ жижакъ
упаленъ те гори, выше нища, и у одной чашицы пшенице, у
пшеницу забодоше 7 палица, обвіенни памукомъ, и ста 5 влади-
ка съ омфоря и 5 попова съ петрахиломъ, и отпояше канонъ, и
рекоше отпусть, потомъ начелній владика рече: Благословено
царство, и еданъ діяконъ, облеченъ въ одежду, рече діяконство,
потомъ рекоше редомъ молитву; потомъ діяконъ очита Апостолъ, и
владике редомъ Єваггелія; и діяконъ діяконство: Помилуй насъ,
Боже; даскали триредъ: Господи, помилуй; потомъ редній

попъ дигне Єваггеліе, те держи у руцы, а люди сви поклоне главе, 5 владика очтише по Єваггеліе, и молитве, и рекоше отпустъ; и узеше 7 палица, и сташе редомъ, и людіе иду редомъ, те свакіи муроноше, а діяконъ приноси кандило къ свакомъ, мажу на челу, на браду, или на устѣхъ, на образу, и на обе руке съ обомъ страну, и креста на маслу не бы. И на Великій Петакъ улѣзосмо у цркву, и у субботу на утрени очтише найпре канонъ, пакъ изнеше аеръ насредъ цркве, поставише ноге на десну страну, и двѣ свѣще у главѣ и двѣ у ногу, и насреди едно Єваггеліе, и по два цѣвливаю найпре Єваггеліе, пакъ Христа; и кадъ начеше опело после канона, и выше от 30 попова обучени сви редомъ, кадише по два заедно, покадише первѣе владике 2 заедно, пакъ попови, а діякони додаю кадилнице, найпре поклоне се къ владикамъ, пакъ по 3 редъ ману озго заедно, пакъ десни прође от десну страну, а лѣви от лѣву страну (нити каде икона ни владыка, ни люде, и свакае стране ману по трипутъ кадилницомъ, а више ніе, нити крсте), пакъ прође десни оздо, а лѣвий озго натрагъ, пакъ десни от лѣву страну, а лѣви от десну страну, пакъ оба стау озго, и по томъ отдаду кадилнице, и поклоне се владикамъ, и иду на мѣсто свое. И кадъ попови покадише, онда и діякони кадише по два редомъ, а кадъ владике кадише, діякони предъ нима триѣле носише, и кадъ савршише славословіе, онда понеше ноге напредъ на врата южне стране, те око олтара и око гроба обнеше, пакъ на положеніе положише, и ту чатише, и оттолѣ понеше на она врата, гдѣ су изишли, те у олтаръ, и свудъ на дасцы носише, пакъ даску оставише предъ олтаремъ, те онако на главахъ четворица унесе, и око трапезе не обнеше, него спредъ положише, главу къ проскомидіи, и рекоше отпустъ, и тай часъ свише и оставише, извезено златомъ, Христось положенъ, и еще образа и бисера много. И у Субботу собра се множество людіи въ црковь, и въ 5-й часъ дне чекау и гледау Духа Святаго, и погасише сва кандила по цркви и свѣще; на гробу сами Турцы погасише кандила, и врата запечатише на гробу (и сви людіе по иныхъ црквахъ метанишу, и моле се Богу и плачу). И чтише часы и париме, и сгда саврши се 8 сатъ дне, тогда Турцы отпечатише врата и внидоше, и не обрѣтоше, не бѣше еще сашалъ, и паки запечатише, и у то време наши пођоше се облачити на літургію, тогда паки (деветога часа) отпечатише и внидоше Турчинъ, Єпитропъ и калугеръ,

набоше на гробу кандило важегло се, и важегоше от нѣго свѣщи, и взнесе народу, и бысть гласъ от народа великъ (мнит се, небо а землю паде). И паримее на вечерни не чтише, и сврши се литургіа на 1 сатъ прежде ноци, и сѣдисмо въ церкви, и дѣянія не чтише, и въ полнощи клепаше, и очтише канонъ и отпустъ, и облекоше се въ одежди, има ихъ више от 50, и поидоше поюще: «Воскресеніе твое, Христе Спасе», и обидоше око гроба три редъ, и сташе предъ гробомъ и метнуше налоню напредь, и очиташе Євѡнгелія воскресна 2, и бѣху изнесли 4 Євѡнгелія, а друго нища, и по свѣщу свакій држи, две владике и 2 попа по Євѡнгеліе држе, и ту пояше «Христокъ воскресе» са стихови, и внидоше предъ двери, и 2 Євѡнгелія съ едне стране дверь, а 2 съ друге. и начеше цѣливати сва 4 редомъ; и от лѣве стране сташе Священницы редомъ, и цѣлюю се у оба рамена, глаголюще: «Христокъ анести»; и егда први цѣливаше, тогда владыка начелній сѣде у столъ съ еднимъ Євѡнгеліемъ, и цѣлива народъ, а прочи внидоше у олтарь, и заключише сва врата от народа, и бысть велика тѣскота от народа. и подъ Христовомъ икономъ една даска нуче, и паде от тѣскоте; и егда пояху «Святыи Боже», тогда видѣхъ на пенѣре, и позна се зора, и чтише Євѡнгеліе осморща, еднинъ владика на трапези прво, и по немъ діяконъ выше темна, и потомъ предъ дверма попъ Србски (Григорій Раковичкій) и прочи попови, и по нихъ діякони до врата, и на свакой сроцы по еданпуть у тасъ удари, а найпосле мало у тасъ покуца (каво и мы), и егда изыдоше съ литургіе, бысть 3 часъ дне изишло. На воскресеніе у вече дође владика, и метну омфоръ, и наче вечерню, и на входъ облекоше се 2 попа, и по входу вниде владика въ олтарь, и начеше чтити Євѡнгеліе на 4 мѣста, на сроке кано и на литургіи на воскресеніе. И тако да знашь, на воскресеніе на утрени и на литургіи и на вечерни, и прочес дни по воскресенію первѣе владика, или попъ отпое «Христокъ воскресе» триредъ, и иза тога не пою ликови. Христокъ воскресе, него попъ рече стихъ, пакъ отпое друга страна «Христокъ воскресе» еданредъ, и тако све стихове рече, и славу и нынѣ, а они по еданпуть пою «Христокъ воскресе», и ликови: «гробнимъ животь дарова»; потомъ діяконство, и тако све чине, и по заамной молитвѣ триредъ отпою «Христокъ воскресе», и потомъ слава и нынѣ, и реку отпустъ, и потомъ пою «Христокъ воскресе»

много, докле се анафора раздѣли. И у очи Ѳомине неделѣ предѣ Архієпископомъ Сінайскимъ литію носе, напредѣ двос деце свѣще носе, и 4 попа 4 Євѡгеліа носе, два едномъ страномъ, а два другомъ, и два діякона каде, идући на трашке, и дойдоше на около, и поклони се Архієпископъ триредѣ. пакъ прекрсти народъ на 3 стране; и кадѣ владика народъ благослови, попови отидоше у олтарь, а діякони рекоше діяконство, пакъ на около у олтарь, и попъ изнутрѣ на двери рече отпустѣ, потомъ клепаше, и изыдоше еданъ попъ и 2 діякона на около, и сотворише къ дверма 1 метанію велику, пакъ иде се Патріархову столу метанію велику, пакъ на лѣву страну къ Архієпископу, и цѣловаше у руку, и паки метанишу, и отидоше у олтарь, и тако свагда чине. И єгда начеше пояти: «Положи, Господи, храненіе», тогда ѣакони пойдоше 2 кадити, носе кивоте, и предѣ нима еданъ чловѣкъ носи свѣщцу, и первѣс окадише трапезу съ 4 стране, а веѣе другога никога, и оба заедно изыдоше на проскомидиска врата, и сташе на околу, и съ еднога мѣста окадише двери, и двѣ иконе око двери, пакъ покадише къ народу, триредѣ мануше, пакъ на десно столъ Патріарховъ, пакъ на лѣво Архієпископовъ триредѣ, тако редомъ и друге владике; потомъ другіи каде гробъ и Голготу и положеніе, и паки возврате се у велику цркву, и у олтару кога наѣу, покаде на около, а трапезе не ѣе. И на литію изыдоше попова много, сваки носи по свѣщцу, старіи напредѣ, и діякони найпосле изыдоше те сташе до свѣщника, два говорише діяконство, а 2 нища, и кадѣ литію свршише, сви внидоше въ олтарь, и свлекоше се, а 2 діякона останае кодѣ свѣщника, и по стиховой изыде попъ єдинъ съ кадильницомъ кадити хлѣбове, и кадѣ окади, отда кадильницу, и владика молитву рече, а попъ еданъ хлѣбъ са свѣщами дигао, те држи, и кадѣ благослови, понесе къ владики тай єдинъ хлѣбъ, и истрча калугеръ, и вазе, изъ хлѣба 4 свѣще, а средня оста, и владика рукама превати тай хлѣбъ, и цѣлова у край, и дойде инъ служитель, и вазе тай хлѣбъ от владике съ свѣщомъ, и прочес хлѣбы раздробише и разделише по залогай, а не видѣхъ никада поученія или слова да чтише (а придикє много чинише). И кадѣ на входѣ излазе и на преносѣ, діякони иду напредѣ по два напоредо, а попови по еданъ редомъ, а на литію на двѣ врсте чине и свѣще и баряке, и попови двѣма врстомъ иду до среде пространно, напредѣ млаѣи, а старіи

В владыке, найпосле владыка посреди, и око нѣга діакони. И ачеше утреню, «Христось воскресе» владыка триредь, потомъ «Святый Боже,» и за «Прїидите» триредь «Христось воскресе.» и «Помоим се» рече попь подь цетрахилемъ; и ту «Христось воскресе» не екоше, него «Святый Боже», и не кадише, зацо пре почела діакони кадили и попь изыде надъ двери, кадь рекоше Аллилуїа,

Архієпископъ изъ книзе чти Шестопсалміе, и по діаконству Богъ Господь,» нити рече попь, нити діаконъ, него нѣвцы наче не «Богъ Господь» пойти; и каѳисмы на средь цркве чту, и редій попь говори Аллилуїа на каѳисмахъ, тако свагда, и на полїеѣй ужгоше свѣще по фору све и цвѣтови; и діакона два у одежкахъ кадише и носе кивоте, а друго нища діакони не износе; а на входъ не носе кивотъ, него кадилнице, а другїи иду празни. И на третїей песни рече Архієпископъ придику без книге. И кадь се пращаю, найпре се прости попь у діаконъ, то е на литургїи, те проскомидишу, пакъ прочи попови по два излазе на коло, те сътворе і метанїю велику къ дверма, и другу къ игуменову столу, пакъ къ владыки на лѣву страну, те цѣливау руку, пакъ метанїю, онда у олтарь, ни ти чту що, ни ти цѣливау икона, ни каде, а діакони после попова такожде, и у олтарь како улазе, тако се и облаче, не иду предъ трапезу. И що е годъ свиѣе изыѣи на двери наколо, кои що носи владыкине одежде, колико ихъ има, и діакони облаче ихъ по чину, и кадь облаче, сампъ діаконъ кади скола, и држи триѣтеле, и ту сви стое докле реку: «Во царстви си,» и ту поповомъ по пуне ковине книга изнесу, и свакомъ пону дару по єдну, и све носе у руку, не може стати по трапезы от другїи красота. И кадь хоше Євangelїе чтити діаконъ, носи предъ нимъ щаку клирикъ. И на великомъ входу носе полудїакони риниде до двери, а у олтарь не улазе, и двери стое оттворене на свої литургїи, и на причастной стои оттворено, и кадь очту «Вѣрую,» узму два діакона 2 риниде от полудїакона, те унесу у олтарь, те єданъ тренеще надъ агнцемъ, а другїй надъ чашомъ, докъ реку: «Тебе поемъ, тебе благословимъ,» и тада опетъ изнесу на двери, те ладу полудїакономъ, и кадь буде малый пренось, онда оставе риниде. И по «Достойно» иде діаконъ на двери, те стане предъ Христовомъ икономъ, а другїй предъ Богородице икономъ; и рече првый діаконъ: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны,» и нос владыка предъ

трапезомъ тако. Потомъ другій діяконъ рече: «Господи, спаси»..., таже десный ликъ поє: «Господи, спаси благочестивыя», пакъ десни діяконъ: «Господи, спаси благочестивыя» и поє лѣвый ликъ: «Господи, спаси»... Потомъ помене діяконъ Патріарха Іерусалимскаго сама, и по семъ помене три Патріарха заєдно, и потомъ иду діяконн у олтарь, и по 40 попова сваки ѣе редомъ реѣи: «Перви помани, Господи, Патріарха Іерусалимскаго,» а веѣе другоѣ никога, и тако всегда творе, и попови, како се пречесте, скидаю одежде, не читаю отпуста; и діякономъ дає владика и тѣло пресвятое, и кровію частною напои изъ чаше своіомъ рукомъ, а попови сами узымаю я тѣло и кровь, и сви чекаю до найпослѣднѣга. И Богородице честь меѣу єдни от проскомидіє, а другіи меѣу откуду и чиновн. И на литургіи отпустъ рече: «Воскресъ изъ мертвыхъ,» пакъ помене Іакова, перваго Єпископа, кои с писао службу, пакъ Константина и Елену, пакъ Златоуста, пакъ Іоакима и Анну, и всѣхъ Святыхъ. И литургію пою кадъ що хите, и пре свануѣа, а кадъ не хите, онда начну служити, кадъ се поѣе зора познавати: а када поѣе на входъ съ 4 стране, каде трапезу, и обиду око трапезе сви. И у великой цркви не видѣхъ никада, да другій редъ трапезу каде, него теке кади оне, кои стоє по олтару, и остави кадилницу. И на отпусту поѣе свагда говори: «Пресвятая Богородице, спаси насъ,» и «Слава тебѣ упованіє наше, слава тебѣ,» и по Воскресенію до Вознесенія каѣвзма навече не чате, кромѣ у очи недѣлѣ и полунощнице. И от Воскресенія до Вознесенія пре отпуста «Христосъ воскресе» не говоре, него кадъ рече отпустъ, онда рекие поѣе «Христосъ воскресе,» трици, и вси отговоре: «Воистину воскресе.» Тако све до Вознесенія говоре, и на почелу «Христосъ воскресе,» а «Прїидите» на «Благослови, душе,» не говоре, него «Христосъ воскресе.» «Воскресеніе Христово» кромѣ недѣлѣ, не говоре, и то єдиноци; а на «Хвалите» када има, пою, нити «Хвалите» чту, ни на стиховно говоре, него оставляю (веле, тое мещо онога); и кадъ с годъ было полїслей, вече каѣвзма не чту, него после начну поятн: «Хвалите имя Господне.» И на Лазареву Субботу идосмо на гробъ Лазаревъ въ Виванію, пакъ на Єлеонску гору, одакле се Христосъ вазнео; око оне стоєне има кубе, а око кубета была црква врло голѣма, дуга на истокъ съ олтаремъ 83 стоєне, а у преко 114 стоєне, и кубе широко и дуго 18 стоєне; и гдѣ є святая трапеза была, стоєн нико-

ливо змѣда, и надъ тѣмъ распеше шаторъ, и святише водицу, и повяше литургію, и проскомидисаше едно до другога. И въ Великій Понедѣльникъ пойдосмо на Іорданъ от полнощи, и самъ Паша поиде, и сва Пашина войска да насъ прате и рецы чуваю Отъ Іерусалима на истокъ Гетсиманіи на ѱедарски потокъ, пакъ на Виванію све преко сухи стѣна низъ брдо на Содомско море, и на конакъ падосмо кодъ рѣке, що иде исподъ Ёрихова, и виде се куће Закеове, и съ те є воде Ёлисей се изцѣлю. И заутра пойдосмо на Іорданъ тек се солнце помила, и писмо и купасмо се. Іорданъ єсть вода сладка зѣло и дубока врло, газити се не може, єдни пливаше, и ту бѣше гора, що зову Ёрмонъ, ту се є и Христось крестію, и выше насъ виѣшаше се монастырь Предтечевъ, и ту се Маріа Ёгиптенина причестила, що пише у слову великогъ канона, и ниже насъ види се монастырь Герасимовъ, єму же лавъ служаше, и близу насъ види се море Содомско, и туд су красна поля. И пак се вазвратисмо от Іордана, и на путу бѣше єданъ источникъ воде, великій святый Герасимъ молитвою извео, и у полъ дне сяхаше на полураву, запеше сѣти, и узеше от свакогъ хаѣіе по 5 гроша, що насъ чува и прати; и паки на тай конакъ дойдосмо подъ Ёрихонъ градъ, и на ту рѣку, и вышше тога конака види се градъ Ёрихонъ пустъ; и исподъ планине єдна красна поля и садъ села сѣде, и ту близу конака у камену високу єсть пещера, гдѣ се Христось постію 40 дни, и врло прискорбно сєть къ нѣой пріити. И паки нападе страхъ великъ на насъ, не смѣсмо ноѣити, него пойдосмо заходещу солнцу: цѣлу ноць ходясмо преко планина, како кому конь може, и дойдосмо у Іерусалимъ у велику среду у полъ дне, и всего града люди бѣху изишли предъ хаѣіе, све до Виваніе съ обою страну пути чловѣкъ до чловѣка стао неизчатено много множество, и жене, и буле, и дѣца, Турцы и Чифути, и што є годъ вѣра на свету све изишло. И мѣсяца Ян. 20 идосмо у монастырь святаго Ёвѣуміа на вечерню, и чинише литію, и попова 5 обуче се на входъ, и єданъ дѣяконъ брадатъ просѣдъ, и тако сви изыдоше на литію съ чалмами на главахъ, и свакій носи по свѣщцу, док се литіа отпоя, пакъ свакій свою угаси и носи са собомъ; и иза свѣща изнеше воду от цвѣтія, и свему народу усусе по мало у руке, те се потрше по образу, и по брады, потомъ пронеше тепсію, те браше аспре, и метнуше 5 просфоры

врло голѣми, у сваку забодена по една свѣща, и гори, и тако всегда имаю обычай. И кадѣ савршише вечерню, даше по 1 часу вина ту у цркви, зане на полю иѣаше врло снѣгъ, и за недѣлю дана и даньом и ноѣомъ не преста; и кадѣ поѣосмо излазити, стало и дѣте предѣ врати, те дае по залогай леба свакомъ у руку от пѣто хлѣбнице, а друго стои подалѣ, те држи коливо, те свакій узима по шаку, пакъ иду дома. Тако и на срѣтеніе идосмо у другій монастырь, Сретеніе зову, и тако и ту бысмо себичне недѣлѣ, и то естѣ у граду; и првый путь изыдосмо из града ходити на врата кодѣ Давидовы куѣа, и мало по ниже от Давидовы куѣа президана една долина са свою страна, а оздо хоросан, и тако кажю дае граду Соломонъ, те быо сзетро начинію, те се возію по воды, и играо се съ дѣвойкама, и докле е брдо Сіонъ, що е прежде градъ быо, а садѣ сію жито, и много гробля има Христіанско. И томъ долиномъ отидосмо на Іоавовъ бунаръ, и тай бунаръ кажю 40 аршина дубокъ, пакъ и тада изъ иѣга тече рѣка, две бы воденице на поредо мледе, и мало пониже сще ключа вода оздо изъ землѣ, и вась градъ ти дана и жене и дѣца ту идоше, носе халине те перу, и мало повивше тога Іоавова бунара естѣ село скуделниче. И ту гледасмо чудне пещере, изсѣчена куѣе бѣле, и гледасмо пещеру, гдѣ меѣу, що пише въ погребаніе страннымъ. И от того Іоавова бунара пойдосмо узѣ другій потокъ сухій Кѣдарски подѣ градъ Сіонъ, и видисмо мѣсто, гдѣ су Пророка Ісаію претрли, ту садѣ стои голѣма гомила каменя, и ту е повивше полѣ землю изведена вода от Силоама; и оттолѣ пойдосмо напредѣ узѣ потокъ далеко, не знамъ бы ли могла пушка дOMETнуги до Силоама. И той бунаръ Солоамъ естѣ изсѣченъ у здравъ камень у землю, и нѣ управо сѣчено, него положито, има широко 5 аршина, и сврха 26 басамака. И оттолѣ пойдосмо узѣ брдо, и дойдосмо подѣ градъ Іерусалимъ. И дойдосмо по краю бедена града Іерусалима на мѣсту, идѣже естѣ быо градъ святыи Сіонъ, а садѣ не има града, него посѣяно жито, токмо на среди велика црковь, и куѣе колько за два голема монастыра, и ту Турцы Христіанину улѣсти не даду; и ту е тайна вечера была, и ту е се Петръ отвргао, и ту е пѣталъ возгласію, и садѣ ту естѣ пѣталь уиисать, и камень, гдѣ су Христа посадили; и ту е сошаствие Святаго Духа было. И паки у Субботу на задушнице изыдосмо на градска врата

на святѣй Сіонѣ, и ту чтише молитву на гроблю, пакъ снисходосмо низъ брдо святѣй Сіонѣ, те дойдосмо на село Скуделниче, и ту има церковь подъ земліомъ, и отпояше литургію, и изыдоше надъ гробницу, и док се гробницы врата отворише, и литургія се отпоя, и паки затворише, и чтише коливо озго надъ гробницы, и на коливу каѣисма не чтише, него канонъ, и на свакоѣ пѣсви діяконство рекоше, и редомъ на свакогъ попа по една молитва и възглашеніе бысть, а владика найпре, и дадоше шепице и по залогай хлѣба, и по чашу вина, пакъ дома. И пакъ дойдосмо у бѣлу Субботу заутра на Елеонску гору, и то естъ према граду, и пойдосмо от гроба Христова, и видисмо. гди су бѣле преѣе Христова распетія града врата, и садъ стое, и оттолѣ могао бы длготе два путъ из праще дOMETнути каменомъ, и от ти врата све дуѣани ѣмерли, има 100 дуѣана, све пусто, токмо гной и боклукъ, и кажу кадъ су Христа пропели на распетіе, те му су се ту дуѣанціе насмеяли, те и е Христосъ проклео, за то су пусти. И идуѣи преко града, видѣхъ мѣсто на камену, гдѣ е Христосъ сѣо, или реку посрнуо, кадъ е крестъ носіо, и то е премо куѣа оногъ богатогъ, цѣоно Христосъ у Еваггелію пише, що му не ѣе имена да помене, а име му е Наваль, и то е Христосъ премо тому приказомъ посрнуо, и отдатле су дали понести крестъ Симону Киринею, и то естъ средъ града. И пойдосмо колико бы два путъ каменомъ изъ руке дOMETнуо, отдатле е Христосъ крестъ понео; ту су были Пилатови дворови, и садъ има сводъ преко сокака одъ они куѣа; и оттолѣ пойдосмо куѣи Іоана Богослова Отца, що е продао, пакъ купіо на святомъ Сіону, и оттолѣ велика црква была, що е Соломонъ правіо 40 лѣтъ, а садъ една црква, що е зову Соломонія, а другая Святая Святыхъ на томъ мѣсту, а удалена стои меѣдан и духарови, и Христіянину улѣзти не даду, и чини ми се колика е дужина, пушкомъ два путъ бы ли могао дOMETнути, а прѣмо тому а ширина, и предъ тимъ мѣстомъ има ровъ голѣвѣ, сдва бы каменомъ изъ руке добаціо преко нѣга, тако е и ширина и дужина; ту су Пророка Іеремію убили, и садъ руштина се види голема. И предъ тимъ преко сокака видисмо куѣе Іоакима и Анче, и ту естъ црква голема, и мали много цркви, и ту подъ црквомъ пещере много; ту кажу, да се Богородица родила, и меѣу црквомъ и куѣами баца има за 15 аршина дуга и широка,

и имаю садъ 3 неранѣа, поне бѣху ружица, еще ерѣвія 4 и 5; ту, кажу, кадъ се Анна молила Богу, те видила птичіе гніздо, а сада то затвора Турчинъ, теке стои пусто, и близъ ту видисмо бунаръ, овчюю купѣль, що пише. И оттодѣ изыдосмо из града на врата, що иду на Блеонъ, и на ти врати унутра нѣко чудо кажу: Анггелъ притискао рукомъ камень, и садъ се види, и ту цѣлиласмо, и испредъ града пойдосмо низ брдо, и ту видисмо мѣсто, гдѣ су святаго М. Стефана каменіемъ побили, и ту поклонисмо се и цѣлиласмо, и дойдосмо на потокъ Кедарскій. И ту е была весь Гетсиманія, и садъ има црковъ голѣма, и на средъ цркве гробъ Богородице, и кубе око гроба, и вратца на кубету двоя, и у ту е цркву у землю сиѣи бѣ басамака, а горе равна со земліомъ, и ту 3 олтара, и ту е вода святая у цркви, и вадише, и писмо, и умывасмо се, и ту су гробови Іоакима и Анне, и ту сваке субботе у великій постъ доходисмо на литургію посмо, и цѣлиласмо Богородице гробъ, и поклонисмо се. И мало пониже предъ томъ црквомъ видисмо рупу подъ землю, те веле отдале ѣе огнана рѣка потеѣи, и едни загледаше, али я не хтеде; и ту посредъ те цркве естъ пещера голема подъ землю широка, що пише вртоградъ, гдѣ су Христа ухватили, и кудъ су се Апостоли крыли, и видѣхъ ту мѣсто, гдѣ су Апостоли спавали, и Христось отишао яко врженіе камена, и рекао: «Отче, аще возможно» и проч., и помоліо се, и ту цѣлиласмо, и повыше има мѣсто, гдѣ е смоковницу Христось проклео, и ту подалѣ видѣхъ, гдѣ е поясъ съ Богородице пао. И изыдосмо на Бленску гору, ту видѣхъ, отдакле се Христось вазнесао, и има една стопа десна у камену утопила се, а другу кажу, да су Римляни отнели, и ту Арапи чуваю, и Турцы изыдали тулбе надъ стопомъ, и пониже има мечитъ, и она затворау, и отдале видисмо Іорданъ, и Содомско море, и пониже има еданъ брегъ, те се на нѣмъ види громила каменя, и ту веле, да е Соломонъ быо кумира метнуо. И выше Блеонске горе има друго брдо голѣмо, те веле, то се е звала Галилея Іудейска, и тудъ се поклонясмо, и паки се возвратисмо въ Іерусалимъ 22 Февр. И у Чистый Четвртакъ изыдосмо изъ града доломъ, що се зове юдољ плачевна, и дойдосмо у монастырь святаго Савве Освященнаго, у юдољ плачевну, у литицы прелешлѣно кано ластавиче гнѣздо, има градъ наоколо, и една кула унутра, а друга ванъ. И испредъ

цркве до куле 9, 90 басемака, и узъ кулу 51, и у кулы увѣкъ сѣди единъ чрнецъ, чува стражу, а изъ куле уже привезапо предъ црквомъ, и на ужу 4 звонца, и кадъ кога види, гласъ лае; а црква висока на ѱемеръ. и труло на цркви, пенцера 20, црква дуга 120 педій съ олгаремъ, и у олтару до трапезе 13 педій, а иза трапезе 16 педій, а пѣвница не йма, а широка с црква 35 педій. До Христове иконе Архаггелъ Гаврилъ, пакъ врата, и на врати уписанъ Христосъ на трапезы, и Петръ Александрійскій: «Кто ти, Спасе, ризу раздра?» и надъ врати на ѱемеру Тайна Вечера, а иза врата Святый Савва, и надъ дверма сиѣтис Христово съ креста, и надъ проскомидискими врати Авраамово гощеніе, а надъ другими врати два канона Творца, и Святый Николае, еше единъ Святитель, и врата 2 ката, и на врати брава, и надъ двери изнутрь ключаопица, и до Богородице иконе Архаггелъ Михаилъ, и иза врата проскомидійскій Предтеча Іоаннъ, и надъ икономъ Рожество и Усѣкновеніе. И видѣхъ пещеру Іоанна и Аркадія; и ту с въ юдолю плачевну съ обою страну безчисленно множество пещера замакло се Содомскомъ мору, и тудъ се покланясмо, и наки возвратисмо въ Іерусалимъ.

И у полдне 2 неделѣ поста пойдосмо у Виелесмъ Святый, и первѣе видисмо на пути камень, и надъ нимъ смоква, и веле, ту с Богородица сѣла, кадъ с ишла трудна у Виелесмъ. И мало отголѣ пойдосмо, и видѣхъ бунаръ на путу, и одатле су се возвратили волсви инымиъ путемъ въ землю свою. Еше мало пойдосмо на обрѣжакъ, и ту естъ мѣсто у камену подъ смречіемъ, гдѣ с святый Іліа заспао, пакъ га Анггелъ пробудіо и рекао: «Востани, яждь, яко далекъ ти естъ путь 40 дній и 40 ноцій», и одатле с отишао на Синайску гору, и удаило се мѣсто у камену, гдѣ с лежао, и премо тога естъ монастырь Святаго Пророка Іліе врло голѣмъ. И ту има една икона чудотворна, и ту иѣкакове вериге стое, те се крозь ѱи промеѣмо, свето то држе. И оттолѣ пойдосмо, и видисмо камень, гдѣ с Богородица съ Христомъ скрyla се. И отголѣ подалѣ видисмо око пута каменнице кано похуть, вели, учинила се камень одъ похута; рекао Христосъ: «Ща сѣсашь, человекъ?» а онъ рекне: «Камень;» тада рекао Христосъ: «Камень ти и было!» Еше пойдосмо и видисмо гробъ Рахиле, матере Іосифа прекраснаго. И ту премо гробу видѣхъ домъ Евфрамовъ, и садъ села зову: види се 7 кула стари, и градъ наоколо. И дойдосмо во Виелесмъ, и

ту, гдѣ се Христось родіо, есть велика црковь, пѣвнице широке 156 педій, а от олтаря къ владычну столу 70 педій, а от владычна стола у дулину до преднѣ препрате 132 педій, и у той средней препратив 112 педій, и у нїей дирека мермерни 48, и 20 пенѣра, и сва была пописана мусіомъ, и садъ има нѣколко образа, али є много покварено; препрата є дуга 30 педій, и наоколо ѣмерь свудь, а среда рогови дрвени, и оловомъ покрывенно, и едно труло предъ олтаремъ; и паки изъ обію пѣвница басамачы у пещеру подъ олтарь велики. Изъ едне 16 басамака, а изъ друге 13: ту є мѣсто, гдѣ се Христось родіо, подъ камень пещера, т. е., вертепъ, и ту мѣста окована сребромъ, ту гдѣ се родіо, има кандила много, и има 4, или 5, аршина обративши се на западъ, ясли пониже 3 басамака, и ту гору кандила много, и посредь тога есть мѣсто, гдѣ су волсви стали, кадъ су Христа видили, и ту горе кандила; и по той пещери озго комашомъ по камену прострто, а патось мермеремъ, и ясли мермеремъ. И ту мало по далѣ, рецы 10 аршина, мѣсто, гдѣ су воду просули, кадъ су Христа окупали, и ту кандило горе, и мало проѣи на врата. те има мѣсто замржено гвоздісмъ, гдѣ су младенце за Христа заклали у пещеры, и ту кандило горе, и има предъ томъ великомъ црковомъ мѣсто кано предворіє 60 аршина дуго, а широко 40, и садъ є патось, и мѣсто наоколо, кудъ су сѣдрили, кадъ изыду изъ цркве, и има бунаръ истеранъ и крестителница много голема от камена И ту є быо монастырь, и садъ стое калуѣри, и ту види се близъ планиница Сигоръ, гдѣ є Лотъ от Содома побѣгао, и лошао до Сигора, и видисмо мѣсто и планину, що зову Авраамъ, гдѣ є Авраамъ Святую Троицу учредіо, и садъ єсть дубъ зеленъ, и близъ єсть Виелесма, не знамъ, имали сать хода, и веле, от Виелесма до Іерусалима 2 сата хода. И идосмо на поле, гдѣ є Давидъ Голіата побѣдіо, и то поле єсть големо, и на томъ полу пещера, гдѣ су были пастыри, кадъ су Ангели появи: «Слава въ вышнихъ Богу».

И от Виелесма пойдосмо на Крестъ монастырь, и ту видѣхъ мѣсто подъ святомъ трапезомъ, гдѣ є древо усѣченно честный крестъ, и има благоуханіє велико, и замржено гвозѣемъ, и єсть олтарь дугъ 33 педій, а широкъ 30 педій, и єсть проскомидіа, башка от олтаря, и у дулину от олтаря 60 педій, а у ширину 60 педій, а препрата 20 педій, едно труло на цркви, сва є на сводѣ, и двѣ пконе Христове, и до нихъ Ангель.

2 Богородице до нихъ. И у темну 12 Апостолъ, и на среди оленіа, и горѣ крестъ, и око двери духаръ, исподъ иконе Светы по духару пописани. И ту есть патосъ ситанъ, колико малый шокать, и многоразлично, бѣло яко снѣгъ, жуто, зелено, черно, блаветно, чрвено угасито, плаво, све дозе сплетене свакояке, по нихъ звѣрови, птице, рыбе, змїе, чудити се есть, кое е много крашеніе въ той цркви. И ту есу три цркве, Архаггелъ, Успеніе, Николае, и градъ наоколо, и ту поклонисмо се и частно црево цѣливасмо; и то есть близъ Іерусалима полъ сата хода. И поидохъ от Креста монастыра къ Іерусалиму, и видихъ на пути, гдѣ хотяху Іудеи побити каменісмъ жену блудницу, и рекоше Хрвсту: «Что ты о ней глаголеши?» ту Хрвстосъ писа прстомъ на камену: «Кто не йма грѣха, тай првѣ да вржетъ камень на ню;» и не обрѣте се чловѣкъ безъ грѣха; и ту цѣливасмо писмо Хрвстово, и дойдосмо у Іерусалимъ.

И вторе неделѣ поста у четвртакъ пойдосмо изъ Іерусалима, и пойдосмо, що зову Богородице вода, и паки мало подалѣ дойдосмо, що зову Филипова вода, гдѣ е Филипъ каженника крестію, и оттолѣ пойдосмо преко страна и каменя, и дойдосмо, гдѣ е Слвса-вееъ, кадѣ е лежала, рекла: «Горо, прїими матеръ съ чедомъ,» и расѣо се камень, и прїимію, и ту зна се, гди Предтеча рукою вазео камень, и садъ 5 прста у камену, и ту истиче вода лѣпа, и пихъ и умых се, и ту су зидине бѣле цркве много, и ту есть вода обличенія близу, гдѣ напои Захаріа Богородицу и Іосифа, да обличи водою, откуду заче Богородица дѣвица, и не возможе обличити, зане побѣже вода въ землю, и ту пихъ и умых се, бунариѣ и садъ. И паки дойдосмо на мѣсто, гдѣ се Предтеча Іоаннъ родію, идѣ же во горняя съ тцаніемъ въ градъ Іудовъ, и вниде у домъ Захаріинъ, и ту есть велика црква, а садъ Вренцы поновили и држе. И есть у той великой цркви поредъ олтара на сѣверну страну у землю 7 басамака подъ камень у пещеру, ту се е Іоаннъ родію, и ту кандила гору много, и мермеромъ све украшено, и остало мѣсто, како може рука улѣзти, и то сребромъ оковано, и ту цѣливасмо, и тулъ ходѣѣи на два мѣста, хоѣяху насъ Харани па каменемъ побити, док се парами не заязише. И оттолѣ пойдосмо на Крестъ монастырь, и паки въ Іерусалимъ. И паки пойдосмо изъ града на врата, що су се преѣе звала Дамаскова врата, и садъ зову Шамска врата, и дойдосмо у пещеру, гдѣ е Варухъ спавао 62 лѣга,

и то есть близъ града, мало не може се каменомъ доуѣти до града. И паки пойдосмо изъ града на врата, що су на Іорданъ, и ту ниже пута есть гробъ Авесалома, сына Давидова, и надъ гробомъ тулабе лѣпо, и ту су стари пророчевы гробови много, и мало powyше того Авесаломова гроба есть мѣсто на камени, гдѣ е Христось брение сотворио и помазао очи слѣпорожденному. И дойдосмо у Виванію, и ту улазисмо у гробъ Лазаревъ, има 30 басамака, и ту е была црковь голѣма, пакъ Турцы учинили мечить, пакъ садъ пусто и развалено; и идосмо на каменъ, гдѣ е Христось сѣдіо, кадъ е изышла сестра Лазарева, кадъ е ишао воздвигнути Лазара, и каменъ тай помасчакъ, и ні е кано то око нѣга каменѣ, него каменъ тврдъ преко нѣга плаветне стреке, и има далеко от гроба Лазарева, у два бы путь пушкомъ дохитію, и паки дойдосмо у градъ пре часова. И паки инъ день поведоше насъ у градъ по монастыри, и первѣе изъ монастыра Архаггеліа у монастыра Святаго Димитріа, пакъ у монастыра Святаго Николи Мурлиѣнскаго, пакъ у монастыра Богородичанъ, отдалге е, вели. вгледала Богородица, кадъ су Христа распияли. Пакъ у монастыра Сретеніе, пакъ у монастыра святе Екатерины. и Святаго Георгіа, 2 монастыра; рекоше, коє у граду, коє око града, 20 цркви има. И на 26 места насъ воде, и на свакомъ мѣсту милостынно ищу. И има монастыръ, зову Авраамъ, црква маска, и на средѣ цркве есть мѣсто, гдѣ е Авраамъ хтео сына заклати (и ту пониже есть древо, гдѣ е было ованъ привезанъ), и то есть до онога мѣста, гдѣ су Христа распели, не знамъ, имали 8 аршина, духаръ раставіо, и есть предѣ врати велике цркве мѣсто пространно широко 94 стопе, а у дулину 77 стопа, было преѣ на сводѣ, а садъ се оборило, то е была препрата, али ні е затворато, него онако стаяло, и садъ стои от диврека темель, що су преѣ были сводови. И у той препрати от врата велики на истокъ кубе красно: ту е Маріа Египтянска Богородице видила образъ, що е къ шіой бесѣдію, а садъ е то заздано те учинена црква, и до те цркве есть дирекъ, и на тай дирекъ Святыи Духъ стао, кадъ е на Патріарха сишао, и то есть на десну страну врата велики, а на лѣвой страни врата есть, дирекъ посреди пукао, гдѣ е Святыи Духъ от гроба изашао, и ту су врата врло голема, 5 дирека на среди, а по 5 на два края, теке е полакъ сада заздано, а полакъ и садъ служи 2 каната,

свакій канатъ по 12 педій широкъ, и висину измѣрити не могахъ, и надъ врати чудна красота, лозе изваяне у камену; и ту свакій день цѣльивасмо. И ту има единъ камень, кадъ е рекла Богородица, да ми е, да видимъ Сінайску гору, те е донео Ангелъ два камена и рекао: «Ако желишь Сінайску гору видити, то естъ камень Сінайске горе, те се нагледай;» единъ стои ту, а другій у другой цркве, и гори надъ нимъ кандило всегда. И до те цркве естъ црква Іакова брата Божія. И идосмо у две куће, гледасмо, гдѣ е Псалтирь писао, естъ пенцерь, и ту гори кандило всегда, Турцы жегу; и естъ на пенцери мѣсто у камену удолиго, и то, веле, да се е Давидъ наслонію, кадъ е Псалтирь написао, те се лажатъ утопію у камень кано у снегъ, и ту цѣлусмо, и то е замрежено донекле желѣзомъ, те се преко гвозѣа пребисажимо, докъ цѣливамо. И идосмо у монастырь Святаго Георгія, и прійдосмо въ село Бежалу, и ту се родило 12 пророкъ, и ту црковь Святаго Николая, и поклонисмо се ту. И аще хочеши разумѣти о вратихъ града Іерусалима: 1 Внолесмска, 2 Сіонска, 3 Идумейска, 4 Раитска, та су заздана, та су на великой цркви Соломоновой, ту е Христось улѣзао на цвѣтоносія, и кадъ су Турцы узели градъ, пакъ кой годъ ту улѣзао на та врата, свакій пао мртавъ, та и заздали; 5-я врата Гетсиманиска, 6-я Шамска. У Іерусалимски устави црковни литургію съ ютрянью пою, не расталяю, и безъ поста и у посте, кромѣ преждесвященне, кадъ виде, да се пође зора познавати, ютряню не савршую, него проскомидише, а овамо чту утряню, и кадъ не буде доспео, чату када 1 часъ и она 2, и попь предъ частномъ трапезомъ «Царю Небесный» не чти, него како проскомидише, кади олтарь и око двери иконе, и кой е чтію часе, рече «Достойно,» и попь рече отпустъ малый, никога не поминѣ, ни днєви ни светца, а на проскомидіи отпустъ не говоре, тако чине всегда; и док рекну: «Миромъ Господу помолимся,» не затвораю двери никадъ, и кадъ говоре: «Помилуй насъ, Боже,» двери не затвораю, или на литургіи, или на вечерни, или на утрени, кадъ попь у олтару говори, двери отворене стос, и на томъ діяконство поменуѣ 50 или 100 имена, іеромонаха и монаха и среа, именую, кто е кога чина, а простимъ теке имена брое, а веѣ нища не говоре, и усопша имена после живыхъ поминю, пакъ возглашеніе: «Яко милостивъ,» а ставе коливо предъ Христовомъ икономъ на землі, и попь кадилицомъ

кади и говори діяконство, и имена поминѣ, потомъ и молитву велегласно кано и діяконство, и на молитвы имена поминѣ, и возгласъ, потомъ рече отпустъ вечерни, и изнесу предъ врата, и како кой излази, тако и узима шакомъ, како кой може, проспу и по земли; тако и на литургіи у субботу. И люди носе по одну просфору, и колико годъ свечара, или усопшии, от сваке ће метнути честь на дискось, изъ слова не вади, него отреже от сваке по ускраякъ, те метне у нафорницу; изъ еднога ускрайка извади Богородичанъ изъ проста мѣста, а ні е изъ слова, и чинове меће изъ ускрайка по одну честь, или по две, или по 3, како има просфори, како ће изъ сваке извадити, а оне двѣ врсте не меће, него узму ускраякъ, те от нѣго мрви на одну громилицу много, и поминѣ много и мртве и живе, и чинове изъ проста хлѣба, а ні е изъ печата съ лица просфуре, а ні е изъ нутаръ. И предъ великій входъ, кадъ хоће попъ поминати, дигне покроваць съ агнца, пакъ донесе онаи ускраякъ, те от нѣга мрви, а звѣзде не диже, и поминѣ, кой годъ хоће, кано и напръ, пакъ покріе те носе на входъ; тако и владыке поминаніе творе, каде служе. Кадъ ваде агнаць за преждесвященну, на сваки агнаць башка крести вино и воду, и сипа у путиръ на сваки агнаць редомъ, и едни осталяю у субботу 2 агнца за среду и пѣтакъ, а у недѣлю не осталяю, а другіи у субботу не осталяю, него метну у недѣлю по 6 аганцевъ, те свакій день пою преждеосвященную. На преждесвященной на преносу попъ лѣвомъ рукомъ држи агнецъ, и пройде близъ свѣщника, а не йде наколо, а двери стов отворене, и попъ стане предъ трапезомъ, кадилницею кади и пое: «Да исправится молитва моя,» и свѣщеносаць стане сзади трапезе премо попу, држи свѣщу, и како отпос: «Да исправится,» и стихъ очти, а не пое; пакъ поедесный ликъ, а попъ прође от южне стране, а свѣща прео нѣму зрѣ на западъ, и ту кадъ очте святыхъ, паки пое лѣвый ликъ, а попъ прође за трапезу, зрѣ на западъ, а свѣщеносаць прео нѣму, и ту кадећи очти стихъ, пакъ попъ прође на сѣверну страну, а свѣщеносаць прео нѣму, и ликъ пое, и ту попъ кадећи очти Славу и нынѣ, и пак попъ стане предъ частномъ трапезомъ, зрѣ на истокъ, и свѣщенное за трапезомъ, и ту пак попъ пое: «Да исправится,» до полакъ, и оба лика заедно: «Воздержаніе руку моею,» а попъ умукне, а метаніе ни едно. И при-

дѣла по црквахъ видихъ и говоре; одну говорише на Святаго Евѣшвіа, другу на Сретеніе, трећо на Петсиманіи Архіепископъ Сінайскій, 4-ту у великой цркви на живоносномъ гробу; въ неделю Крестопоклонѣну све по лѣтургія, и на Цвѣтоносія на утрени. И у монастыру Святаго Саввы, Србски монастырь, трапеза широка 5 педій, а дуга 4 педій, и высоко кубе. Высока трапеза от земль 4 педій и 3 прста, премо тамъ и проскомидія, и на живоносномъ гробу от велике цркве до велики врата до среднѣ цркве 58 стопа, и има преграде 1 аршинъ, то е одесну страну до игунова стола, а от лѣве стране до захода 51 стопа, и захода есть 12, от преграде до гроба 38 стопа, то све у папуча. Кубе надъ гробомъ дуго, сій рече, на истокъ и на западъ 36 стопа, и иза гроба до свода 22 стопе, и ту иза гроба Христова гробъ Іосифа и Никодима, и за великаго олтара 14 стопа, и мали олтари по 14 стопа. И от двери 18 стопа далѣко діаконъ стои, кадъ діаконство говори одатле и кадѣ иконе око двери, никадѣ ближе не иду, и све надсвѣщнике иду. И на отпущу діаконъ кадѣ рече: «Премудрость», на колу рече, или наближе проскомидій, пакъ иде на проскомидійска врата, и кадѣ хоше попъ, да чти Єваггеліе у олтару на утрни, діаконъ изійде на коло те рече: «Господу помолимся,» «И осподобитесе,» и «Премудрость прости», пакъ иде у олтарь на около И види ровъ, гдѣ братія навргоше Іосифа прекраснаго. И ту сѣдисмо 98 дній, и ходисмо на свакій день по святыхъ црквахъ, и покланясмо се, и на живоносни гробъ ухажасмо на сваки празникъ, по день и ноцъ унутрь у цркви пребывасмо, молеще и благодареще Бога. И ката день празника, угощеваху насъ и часть твораху намъ іеромонаси. И благословенія се сподобисмо от Отець Святыхъ, и прощеніе и даръ пріесмо.

И пойдосмо изъ святаго Іерусалима 17 Априлія съ радостію и страхомъ многимъ, славеще и хвалеще Бога, сподобившаго насъ толицѣй части и славы недостойніе, найпаче и богопомазанія от непреподобни Харапа, и до Яве за два дни доста бых и крвава глава. Пойдосмо ва вторникъ велики заутра по святомъ Ѡомы, и пройдосмо село Добри Яковъ, тако се зове, и паки пройдосмо Ємнаусъ, и еще многа села и гради пройдосмо, и дойдосмо на ковакъ у Ренье, и оттолѣ заутра пойдосмо, и дойдосмо у Яву у полъ дне, и пройдосмо Песарію Филиппову, и Кармилску гору, и Акру, и монастырь святаго Іліе, и Тиръ, и Сидонъ, а близу е Яве

види се покрай мора. И видѣхъ единъ монастыръ пустъ и градище пусто, и многе планине пройдосмо, и ту видисмо планишу Хоривъ, гдѣ се сѣ святый Іліа постію; 5 лађи насъ бѣше пошло заедно, и 5 Маіа заутра у петакъ видисмо острово Ђипарско, и ва вторый сахатъ ноци араксаше у краю, и кадъ мѣсець изійде, пойдосмо по краю. И заутра 2 сата дне видисмо 2 шайке курсана Вренски, и вратисмо се на море, побѣгосмо, и то бѣше подъ градомъ Ђупромъ, и того ради не могосмо доћи у Ђуприградъ, гдѣ е Святый Лазаръ. И пройдосмо многе планине, и дойдосмо у градъ, що садъ зову Павлъ, ту су Апостола Павла били, що пише у Апостолу, палицею биснъ бысть 40 кратъ, развѣ единою; и садъ стои дирекъ каменни, за кои су га били везали те били. И то е біо градъ голѣмъ, пакъ су га Вренци разметнули, било 390 црквы, а садъ разорено, и помалу пусто, и има ту Турака и краю Грци. И кажу у томъ Ђупромъ острову има 40 хиляда села и ту бысмо на Богослова, и тогда пойдосмо на велико море и на пренесеніе мощей Святаго Отца Николи, и заутра насъ тѣра една шайтія, и даде Богъ утекосмо, и у полдне галуњъ, и от того и окренусмо се на ину страну. И у петакъ еще дѣли день и ноць 11 Маіа узрѣсмо противну шайтію, и окренусмо на ину страну, и узрѣсмо предъ нами галуњъ Малтезски, и оцѣненѣсмо от страха, и возописмо къ Богу вси, и не бѣ помогающаго, бѣху бо превозмогли грѣси наши, и посуше Турцы яко градъ, и бысмо се изсѣкосмо, и все вазеше Малтези, и еданъ од Малтеза паде мртавъ, и два се ранише, и от наши 4 се ранише, и све съ насъ скидоше и кошулѣ, него теке наге и босе изметнуше на край на пѣсакъ, и еднимъ дадоше свое раздрте кошуле и алине, що неваля, и біяху с нами 4 Чивутина, и нихъ разбише и отнесе и у свою землю и нашу лађу отнесе. И то быхъ подъ градомъ, що зову Финиѣна, и дойдосмо голи и боси по тернію и по остромъ каменію у Яцию подъ градъ Финикъ, и ту подъ градомъ закопасмо се у иверѣте тако преноћисмо, и ту нађосмо 3 лађе нашего друштва хадіа, и подѣлише намъ що ща, комъ кошулю, комъ гађе, комъ капу, комъ мараму; біяше насъ оплѣнѣни хаѣа 65, а онѣ друге хаѣисъ веће не смеше ићи моремъ, него отидоше сухомъ, Анатоліюмъ сухомъ Цариграду, а насъ оплѣнени 34 найдосмо какъ да съ отнесе у Родостъ. И прву ноць пойдосмо подъ градъ Мъръ, и кадъ се развану, видисмо газуна на богазу предъ нами, и ту

екасмо 3 нощи и 2 дни, доиде се галунъ уклони. И еще много радова и села пройдосмо за 18 дни до Родоста града, и Родостъ есть у ады, и тай градъ есть чуднѣ, тврдѣ и красанъ, а градили га Малтези, и премо нѣму есть другій градъ у Анатоли, Малтезски бо прежде, а садъ Турцы у нѣму. И оттолѣ дойдосмо у Станное, и то есть градъ и варошъ, и воденице многе вѣтреннѣ, и дойдосмо у Саказъ градъ у той ады Саказекой, или рецы вилаету; има, кажу, 390 цркви, то е прежде звано Хія. И оттолѣ дойдосмо подъ Трой градъ велики; и велми се чудисмо толикомъ величавству, и есть у Анадолиской страны покрай мора. Види се и садъ зидови, нѣгдѣ те нѣгдѣ пусто и раскопато, види се покрай нѣга воденице многе, Турцы от нѣга и садъ носе и зидаю градове. И дойдосмо на Калиполь, сій рече, добрый градъ, ту су Турцы напрѣ море прешли, ни е шире мало выше за два Дунава, ту су прешли на Србску землю, и ту имаю са обою страну градови и вароши, и поля красна равна съ обою страну. И дойдосмо подъ варошъ Мармару, и то есть у ады, и ту нощевасмо; и выше те аде есть мѣсто на мору, кадъ су Латини носили свату трапезу изъ Софіе, те е ту пропала изъ лађе, и садъ от нѣ муро на мору излази, и кадъ е тихо море, могу люди кунити, и види се по мору муро.

И дойдосмо у Цариградъ мѣсеца Іунія 12 данъ, ту видисмо великій градъ, прегледати се не може, мнит ми се, да и на земли таковаго голѣма не йма, и ту видѣхъ велику црковь Софію. И пойдохъ въ неделю съ Григоріемъ заутра къ Патріарху Цариградскому, и бысмо на утрени и на литургии, и отидосмо на конакъ. И ту видѣхъ кодъ Патріарха, найпре поминю Цариградскогъ, пакъ Іерусалимскаго. И пойдосмо изъ Цариграда мѣсяца Іюліа 2, и 3 дни идосмо покрай мора на Солунску страну све, и ту видѣхъ 1 мостъ, има миля хода преко нѣга от мора, и тудъ су лѣпа поля; и дойдосмо на 9 конакъ у Филиба, варошъ велии голѣма, и градъ се зна, кудъ е бую, и кажу, да е тай град изъ темели зидао Филипъ Драгидовиѣ, и ту дановасмо: и ту пакъ десетый конакъ у Пазарѣикъ, 6 сати хода от Филибе, и ту дановасмо; туд су планине и овце стое много по планины, а зимѣ иду к мору. Оттолѣ послѣ великогъ пута дойдосмо у Софію, и то есть варошъ голѣма, а градъ не йма, ни е ни было, у равну полю голѣму, има Христіяна много, и ту у

едной церкви Краль Милутинъ Сербскій цѣлокупанъ. И заутра пройдосмо велике планине, що се зову гора Ежевица, и дойдосмо на Мораву на мостъ, и ту се перевозисмо на лађи, и заутра пройдосмо, що зову Нова Паланка, плоть улѣплѣнъ, Турцы зову: Деве багрданъ, сій рече, Камиля рѣка, буде зла те не могу Камиле прећи, него се разчеплюю. И потомъ дойдосмо у Батучину, паланка, плоть улѣплѣнъ и ханъ голѣмъ. Конакъ 19 у Асанпашинной паланки, варошъ и плоть улѣплѣнъ, и пройдосмо Коларе, и ту паланка улѣплѣна, и идущіихъ видѣхъ с планине, градъ Смедерево по край Дунава от Бѣлиградске стране, ниже Гроцке. И конакъ 20 у Гроцкой, и ту варошъ и ханъ, и паланка улѣплѣна, и Турцы зову Исарѣикъ. И конакъ 21 у Бѣлиградъ. От Ниша до Бѣлиграда 44 сата хода, а от Ниша до Ягодине 20 сата хода.

ОБЪЯСНЕНІЕ НЕПОНЯТНЫХЪ СЛОВЪ

- Ада, островъ.
Авлія, aula, дворъ.
Али, ἀλλά, но.
Алина, халина, одежда, платье.
Апсія, хапсія, узникъ; ἀψίς, узы.
Аспре, деньги.
Бакаръ, мѣдь.
Барякъ, знамя.
Басамакъ, ступень лѣстницы.
Баццти, бросить, кинуть; добаццти, добросить, докинуть.
Башка, особенно, отдѣльно.
Башча, огородъ, садъ.
Бедемъ, беденъ, каменная стѣна.
Безпослено, безъ занятія.
Билюръ, хрусталь.
Богазъ, проливъ.
Брава, замокъ.
Брдо, гора.
Брегъ, холмъ, берегъ; обрежакъ, холмикъ, возвышенность.
Брой, счетъ; бройти, считать; набройти, насчитать.
Була, женщина, жена Турка.
Бунаръ, источникъ, колодець.
Буна, возмущеніе; бунити, возмущать; побунити, возмутить.
Бунште, мѣсто для сора.
Бѣла субота, сыропустная суббота.
Вадити, брать откуда; извадити, вынимать.
Ванъ, вонъ, внѣ, извнѣ.

Варошъ, городъ.

Веће, већъ, више, больше; еще; уже; и; но.

Већи, большій.

Велимъ, велю, велишь, веле, вели, говорю, и т. д.

Верста, рядъ; ровня.

Вилаеть, область, страна, земля.

Витао, колесо, *ghombus*.

Воденица, водяная мельница.

Врло, очень.

Вренци, Франки.

Газити, бродить въ водѣ; прегазити, перебрести.

Галия, галунъ, галера.

Гаће, штаны.

Гвожђе, желѣзо.

Година, годъ.

Големъ, большой, огромный.

Гомила, громила, куча, множество, толпа; могила.

Градъ, крѣпость, твердыня, замокъ.

Грана, вѣтвь.

Греда, перекладина; бревно; брусъ.

Гробле, кладбище.

Гроздъ, виноградная вѣтвь.

Гуштеръ, ящерица.

Данасъ, днесъ, сегодня, теперь, нынѣ.

Дебло, стволъ, стебель; пень, кряжъ; корень.

Джамія, мечеть, Турецкій храмъ.

Дигнути, двинуть; поднять.

Дирекъ, бревно, брусъ.

Довући, привлечь, притянуть; привозить, довести.

Докъ, дока, пока.

Дубокъ, глубока; дублина, глубина.

Дугъ, долгій, длинный; дужина, дулина, должина, длина.

Дућанъ, торговая лавка.

Духаръ, каменная стѣна.

Дяконія, угощеніе; лакомство.

Євтино, дешево.

Жито, хлѣбъ вообще; пшеница (въ Воеводинѣ); просо (въ Личватин).

Жижекъ, почникъ, свѣтильникъ.

Жуть, желтый.

Задушнице, поминовение умершихъ въ Рождественскій мясоѣдъ, рѣже въ Троицкій; собственно же задушнице въ мясопустное воскресенье, почему и называется задушна недѣля.

Залогай, кусокъ, ломоть хлѣба.

Замакнутисе, погрузиться, потонуть.

Замркнути, быть застигнуто мракомъ, вечеромъ, ночью, о вечерѣи.

Запрега, передникъ; ноша; большая тяжесть.

Засуѣи, засыпать, завалить.

Заязшти, запрудить; удовольствовать.

Згодитисе, случиться; згода, случай.

Зейтннъ, деревянное масло.

Зидъ, стѣна; зидати, созидать, строить; вазидати, замуровать.

Иверъ, стружки.

Ископати, выдолбить, вырѣзать.

Истогодъ, что ни есть.

Кадія, судья.

Кава(фа), кофе; кав(ф)ана, кофейня.

Канкъ, лодка.

Калуѣерь, чернецъ.

Калуцъ, форма, модель, образецъ.

Калчине, чулки, онучи.

Кано, какъ.

Капа, шапка.

Касапница, мясная лавка; касапъ, мясникъ.

Катъ, ярусъ, этажъ.

Кираджія, сонаемщикъ, соквартирантъ.

Киша, дождь.

Клашня, чулокъ.

Клисура, горный проходъ, тѣснина.

Конакъ, дневка; день пути; домъ; дворъ.

Коракъ, шагъ; корачити, шагать.

Корняча, черепаха.

Котарица, кошница.

Кошуля, рубашка, сорочка.

Кренути, вертѣть, воротить, поворотить; окренути, поворотить.

Кречъ, известъ.

Кубе, куполь.

Кула, башня.

Купити, собирать.

Курсанъ, морской разбойникъ, corsaro.

Кутя, хижина, изба, домъ, куца.

Куцати, бить, ударять.

Лубеница, арбузь.

Лѣбарница, хлѣбня.

Магараць, осель.

Маекъ, маленекъ; помаекъ, маленькій.

Майка, мать.

Маль, долябня, баба.

Мангура, деньги.

Манути, махнуть; двигаться; отказаться.

Марама, платокъ.

Марва, скоть.

Медя, межа; кустъ, купина; ограда.

Мейданъ, площадь; поединокъ.

Мермеръ, мраморъ.

Метанисати, повергаться на земь съ сокрушеніемъ; μετανοείω.

Метаніе, поверженіе на землю, низкій поклонъ.

Моуна, мохуна, махуна, струкъ; шелуха.

Мрва, крошка.

Наизмакъ, наконецъ, на концу.

Напоредо, одинъ возлѣ другаго, рядомъ, вподрядъ.

Натрагъ, натрашки, назадъ, пятясь.

Неволя, нужда, необходимость; неволянъ, принуждаемый, неприятный.

Неваля, ничего не стоить.

Него, но.

Недомакъ, не доходя.

Неранѣа, померанецъ (дерево и плодъ).

Нико, никто.

Новци, деньги.

Ной, струсь, строфовамилъ.

Обала, берегъ.

Обаль, обла, обло, круглый.

Оборити, низвергнуть, повалить; выстрѣлить.

буѣи, одѣтъ.

дакле, оттуда.

взго, сверху.

вздо, снизу.

вѣка, мѣра.

вѣсло, опѣваніе, отпѣваніе.

вѣтокъ, островъ; отокъ, опухоль.

вѣтока, рукавъ рѣки.

вѣкъ, па, и.

вѣланка, городокъ, мѣстечко.

вѣмукъ, хлопчатая бумага.

вѣпуча, пантофель, туфля.

вѣара, деньги.

вѣарусія, вкладъ для поминовенія.

вѣатосъ, пѣтос, полъ.

вѣгасть, крапчатый.

вѣхель, полынь.

вѣхсимоть, сухарь.

вѣнджеръ, окно.

вѣтропъ, ἐπίτροπος, надзиратель, настоятель, смотритель.

вѣргъ, πύργος, башня.

вѣлаветанъ, голубой.

вѣлания, гора, лѣсомъ покрытая.

вѣлотъ, плетень, тынъ, частоколъ, ограда.

вѣлоча, листь, плита, доска.

вѣлакъ, половина; наполовину.

вѣмилати, показываться, являться.

вѣмилити, ползать, пресмыкаться.

вѣосрнудитисе, поскользнуться, оступиться.

вѣосуѣи, усѣять, посѣять.

вѣорта, porta. ворота, врата, двери.

вѣратити, проводить, допроводить, сопровождать.

вѣребисажитисе, перевѣситься какъ котомка, сумка.

вѣре, преѣ, прежде; первѣе.

вѣреко, поперекъ, черезъ.

вѣремо, прямо.

вѣрепадатисе, испугаться.

вѣрепрата, отдѣленіе для женщинъ въ церкви.

Прича, притча, разсказъ; ливо.
Прозоръ, окно.
Проседъ, сѣдовать.
Проспати, пролить; просыпать.
Просући, пролить.
Проха, просо.
Пукати, треснуть; пукотина, трещина.
Путирь, чаша.
Пунъ, полный.
Путь, разъ.
Пушка, ружье.
Ракія, водка.
Ружица, роза.
Руна, яма, дыра, трещина.
Сатъ, сахатъ, часъ.
Савъ, сва, све, весь, вся, все.
Садъ, сада, саде, нынѣ, теперь.
Свакъ, всякъ.
Сванути, разсвѣтать; осванути, тоже; свануће, разсвѣтъ.
Свудъ, свуда, всюду.
Сирома, сиромаха, бѣднякъ.
Сирчика, сокъ.
Ситанъ, мелкій.
Сићи, сойти.
Скела, перевозъ, переѣздъ.
Сквасити, промочить.
Смречіе, можжевельникъ.
Сокакъ, улица.
Сомунъ, сайка, булка.
Страна, сторона, страна; часть; гора.
Стрека, полоса; пруть.
Стѣна, скала.
Съяхати, сойти съ лошади.
Теке, текъ, именно; только; еда.
Темель, основаніе.
Темно, иконостасъ.
Тепсіа, мѣдный тазъ.
Терати, гнать; дотерати, догнать; протерати, прогнать.

емеръ, сводъ.

Кижакъ, родъ ночника, свѣчника.

оварити, навьючивать, нагружать.

рчати, бѣжать, спѣшить.

рудна, беременна.

руло, куполь.

улба, накрывка, покрывка; сѣнь.

урати, гнать; бросать, кидать, метать.

учъ, бронза, колокольная мѣдь.

ю, ѣшь, ѣе, хочу, и т. д. при неокончательномъ означаетъ будущее время: ѣреѣи, реѣиѣе, скажетъ.

Думрюкѣя, таможенный чиновникъ.

Дупрѣя, мостъ.

Угаситъ, темноватый.

Уже, веревка.

Узъ, возъ; вверхъ; возлѣ, подлѣ; между, въ продолженіи.

Улазити, входить; излазитъ, выходить.

Умукнути, замолчать.

Уочи, наканунѣ, свечера.

Уплашиться, испугаться.

Ускраякъ, кусочекъ.

Учредити, угощать, принимать.

Ханъ, постоянный, въѣзжій домъ, корчма.

Харачъ, дань, подать; харчъ.

Хитати, хватать; спѣшить.

Хоѣа, Турецкій священникъ.

Цѣви, голени.

Цѣлокупанъ, нетронуть, невредимъ.

Чакшире, штаны, портки.

Чардакъ, сторожа, сторожка, вышка.

Чаршѣя, торговая площадь, базаръ.

Частити, честь дѣлать, честить, угощать; частъ, честь; частный, честный.

Чатити, читать.

Чекати, ждать, ожидать.

Чесма, колодець, источникъ.

Честъ, часть.

Честъ, частый.

Чив(ф)утъ, Еврей.

Чиракъ, подсвѣчникъ.

Чувати, охранять, беречь.

Чутура, деревянный сосудъ для вина въ дорогѣ.

Шайка, Малоросс. чайка, лодка, судно.

Шайтія, см. шайка.

Шака, ладонь; горсть.

Шарень, пестрый.

Ше(в)дерванъ, водометъ, фонтанъ, бьющій ключъ.

Шеѣръ, сахаръ.

Шилакъ, деревянная игла.

Штака, посохъ, палка, костыль.

Штета, вредъ, убытокъ.

Штогодъ, что либо.

Ѣло, пища.

Якъ, крѣпкій, сильный, здоровый.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ІНОСТРАННЫЕ

ПУТЕШЕСТВІЯ МАРКА ПОЛО.

Бнига первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1. Да будетъ извѣстно читателю, что въ то время, когда Балдуинъ II былъ Императоромъ въ Константинополѣ, ¹ гдѣ находился Намѣстникъ Венеціанскаго Дожа, ² въ 1250 году отъ Рождества нашего

¹ Балдуинъ II, Графъ Фландрскій и двоюродный братъ Людовика IX Французскаго, былъ послѣдній Латинскій Императоръ въ Константинополѣ.

² Въ Латинскихъ переводахъ М. Поло нѣтъ одного мѣста, находящагося въ текстѣ Рамузіо: «dove all' hora soleva stare un Podestà di Venetia, per nome di Messer lo Doge;» объ этомъ мѣстѣ Рамузіо написалъ особенное разсужденіе; вѣроятно, переводчики, сокращавшіе во многихъ мѣстахъ подлинникъ, сочли его излишнимъ. Но для существенной оцѣнки положенія этого высокаго правительственнаго лица или Намѣстника Венеціанскихъ Дожей, въ этихъ словахъ болѣе значенія, нежели какое они по видимому имѣютъ сначала.

Городъ Константинополь и Греческія области въ 1204 году завоеваны были соединеннымъ оружіемъ Французовъ и Венеціанъ: послѣдними лично вачальствовалъ Дожъ ихъ, знаменитый Генрихъ Дандоло. При раздѣлѣ земель и огромной добычи, имъ доставшейся, Республикѣ назначена большая доля (къ которой принадлежали и Лизипповы славные бронзовые коня), нежели избранному при этомъ случаѣ Императору, и послѣдній Дожъ, самъ уклонившись отъ Императорскаго сана и принявъ только титулъ Князя Романинъ, удержалъ независимое судопроизводство въ трехъ изъ восьми частей города съ особеннымъ судилищемъ, и кончилъ жизнь въ главѣ войска, осаждавшаго Адрианополь. Сомнительно, чтобы кто нибудь изъ его преемниковъ въ высокомъ званіи верховнаго лица Республики имѣлъ своимъ мѣстопробываніемъ Константинополь. «Дожу, рабу Государства, говоритъ Гиббонъ, рѣдко дозволялось удалиться отъ кормила Республики: на его мѣсто былъ

Господа, прибыли было въ этотъ городъ, съ богатымъ грузомъ товаровъ на кораблѣ, Николо Поло, отецъ Марка и Маффіо (или Маттео), братъ Николо, Венеціанцы изъ благороднаго семейства, почтенные и хорошо образованные люди. Пообдумавъ хорошенько, что имъ начать потомъ, они рѣшились, для умноженія, сколько можно, своего торговаго капитала, продолжать путешествіе черезъ Эвксинъ или Черное море. Съ этою цѣлью они накупили множество прекрасныхъ и драгоценныхъ камней, покинули Константинополь и отправились Чернымъ моремъ въ пристань, ⁵ по имени Сольдадію, откуда ѣхали сухимъ

поставляемъ такъ называемый Байло или правитель (Despoto), завѣдывавшій высшимъ правительствомъ въ Венеціанской колоніи. Таковъ былъ Подеста, иногда называемый Байло или Деспото, и объ его-то правленіи въ то время идетъ здѣсь рѣчь; его политическое значеніе въ упадающемъ состояніи Имперіи было не много менѣе Балдуинова, но въ глазахъ семейства Поло, какъ Венеціанскихъ гражданъ, оно, вѣроятно, казалось гораздо больше. Имя лица во время ихъ прибытія исправлявшаго эту должность было, по рукописи Соренцо: Misier Ponte de Venecia, а въ 1261 году, когда Имперія или, лучше сказать, городъ, опять отнятъ былъ у Латинянь, былъ Подестою Марко Градениго. Послѣ того Генуэзцы, всегда вступавшіеся за дѣло Грековъ и помогавшіе имъ въ этой побѣдѣ, поселились въ Перѣ или Галатѣ, также ишли своихъ Подестъ, но не въ томъ независимомъ положеніи, какъ у ихъ соперниковъ (Венеціанъ) въ прежнія царствованія. Хотя и дозволялось имъ пользоваться ихъ законами и управленіемъ, однако жъ они владѣли Галатой, какъ леною, и до вступленія Генуэзскаго Намѣстника въ должность, онъ долженъ былъ принести присягу въ вѣрности и покорности. Марсденъ.

- ⁵ Сольдая (изъ которой въ текстѣ Рамузіо вышло ошибкою «Сольдада» и нѣсколько прежде его въ Латинскомъ Сольдада) въ среднихъ вѣкахъ назывался (Тавро-Скиоская гавань древнихъ) нынѣшній Судакъ, лежащій на южномъ берегу Крыма или Таврическаго Херсонеса. Названіе «Сольдая» является на картахъ, приложенныхъ къ изданію Птолемея (Венеція 1652 г.). Рамузіо говоритъ, что это Согдаты на Крымскомъ полуостровѣ. Абульфедъ называетъ городъ Судакъ и описываетъ его такъ: «Est in pede montis in solo saxoso: urbs cinta muro, Moslemis infesta, ad litus Maris Krimensis; emporium mercatorum. Fere aequat Caffa.» Въ началѣ путешествія Вильгельма Рубруквуса положеніе этого города, относительно Синопа на южномъ противоположномъ берегу Понта Эвксинскаго, описывается слѣдующимъ образомъ: «Въ срединѣ названной области на югѣ, какъ будто бы въ косомъ углу, находится городъ, по имени Сольдая, прямо противъ Синополя. Туда заходятъ всѣ Турецкіе кущы, отправляющіеся для торговли въ Сѣверяны

темъ до тѣхъ поръ, пока достигли двора сильнаго Государя западныхъ Татаръ, по имени Барка, ⁴ имѣвшаго свое мѣстопробываніе въ родахъ Болгаръ и Ассаръ, ⁵ и пользовавшагося славою самаго щедраго и образованнаго Князя, какіе только были извѣстны между племенами Татаріи. Онъ былъ радъ ихъ пріѣзду и принялъ ихъ съ отливомъ. Разложивъ передъ нимъ драгоценности, и замѣтивъ, что онѣ ему очень нравятся, путешественники предложили ихъ въ подарокъ ему. Ханъ удивился щедрой вѣжливости обоихъ братьевъ, но не хотѣлъ

страны, также и желающіе воротиться изъ Россіи и сѣверныхъ странъ на ихъ родину, Турцію. Подъ Турцію надобно разумѣть Малую Азію, которою когда владѣли Сельджуки или Туркоманскіе Татары, о чемъ подробнѣе скажемъ мы послѣ.

Этотъ Татарскій Князь обыкновенно называется Береке, преемникъ и братъ Батыя, сына Чучи, старшаго сына Чингисъ-Ханова. Батый получилъ на свою наследственную долю изъ земель своего дѣда Западныхъ страны (хоть и не съ полными самодержавными правами) Катпчакъ или Кипчакъ, земли Славянъ, Алановъ, Русскихъ и Булгаръ, и умеръ въ 1265 году. «Когда Ханъ Батый умеръ, говоритъ Petis de la Croix, ему наследовалъ братъ и сдѣлался Магометаниномъ. Онъ велъ кровопролитную войну съ Гулаку, сыномъ Тули, и умеръ, послѣ десятилѣтняго царствованія, въ 1266 г.» Однако жь, Абульфеда называетъ его Barkah и внукомъ Чучи, полагая, что онъ сынъ, а не братъ Батыя. М.

Болгаръ, Булгаръ, *Bulghar*, о которомъ идетъ рѣчь, не должно смѣшивать съ областью Булгаріей, на южномъ берегу Дуная. Перво-названіе города и обширнаго округа въ Татаріи, лежащаго на восточной сторонѣ Волги и нынѣ населяемаго Башкирами. Отъ Дунайской онъ различается иногда названіемъ Великой Булгаріи. У Кипчацкихъ Хановъ, какъ и у всѣхъ Татарскихъ Государей, было по два мѣстопробыванія (резиденціи): лѣтнею былъ Болгаръ, а зимнею Сарай. «Боларъ, говоритъ Абульфеда, называемый у Арабовъ Болгаръ, городъ на самомъ крайнемъ обитаемомъ Сѣверѣ, неподалеку отъ р. Атоль (Волги), въ сѣверо-западномъ отъ нея направленіи, какъ и Сарай, отъ котораго онъ отстоитъ на 20 дней пути.» *Geographia* (Büsching. p. 265). Развалины Булгара, теперь называемыя Бряхимовъ, описал знаменитый Палласъ (*Voy. de Russie. t. I, p. 215*): «Тамъ видны развалины мечетей, Арабскія надписи, могилы купцовъ изъ Шамахи и Ширвана. Это мѣсто лежитъ въ 90 верстахъ къ сѣверу отъ Симбирска, при впаденіи Камы въ Волгу. Весьма правильно замѣчаетъ Форстеръ, что Ассара, которой развалины видны близъ Царницына, на восточномъ рукавѣ Волги, то же, что и Сарай. Марко Поло, часто соединяющій членъ съ именемъ, называетъ его

уступать имъ въ великодушїи, и велѣлъ заплатитъ имъ не только цѣну дорогихъ камней, но прибавилъ еще къ тому разные богатые подарки. ⁶

Проживъ годъ въ земляхъ этого Государя, они пожелали вернуться на родину; но этому мѣшала война, вспыхнувшая между ихъ покровителемъ и другимъ Ханомъ, по имени Алау, повелителемъ Восточныхъ Татаръ. ⁷ Въ битвѣ между обоими Ханами, послѣдній

Ассара. Астрахань, упоминаемая Пеголетти, находилась не на томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ нынѣшній, соименный ей, городъ. Старая Астрахань, вмѣстѣ съ Сараемъ, разрушена Императоромъ Тимуромъ зимою 1395 года. Сарай лежалъ почти близъ старой Астрахани. Абульфеда описываетъ его такъ: Сарай — большой городъ, мѣстопробываніе Сѣверныхъ Татарскихъ Хановъ, нынѣ называемыхъ Узбеками, лежитъ въ равнинѣ. Отъ Каспійскаго моря онъ почти въ двухъ дняхъ пути: оно лежитъ отъ него къ юго-востоку. Мимо его протекаетъ рѣка Атоль, съ сѣверо-запада къ юго-востоку, и наконецъ впадаетъ въ Черное море (?). На сѣверномъ берегу ея находится Сарай, гдѣ большой базаръ для Турецкихъ купцовъ.» Марсенъ и Бальделли Бони.

⁶ О Берекѣ или Баркѣ говоритъ Дегинъ: «Его имя стало такъ славно въ сихъ земляхъ, что съ этихъ поръ называли ихъ «Дешт-Береке», равнина Береке. Онъ велѣлъ построить Сарай на одномъ изъ рукавовъ Этеля или Волги, сдѣлавшійся съ того времени очень большимъ и населеннымъ городомъ; со всѣхъ сторонъ приходили туда самые знаменитые ученые, для передачи образованности этимъ грубымъ и варварскимъ народамъ, и получали богатыя награды отъ Хана.» Эта похвала оправдываетъ то выгодное понятіе, которое оба Венеціанца получили о характерѣ Хана.

⁷ Эти Восточные Татары, какъ называютъ ихъ относительно другихъ Татаръ, хотя земля ихъ простиралась къ востоку не далѣе областей Персїи и Хорозана, получили такое названіе, для отличія отъ Западныхъ (или правильнѣе Сѣверо-Западныхъ) Татаръ, занимавшихъ сосѣднія съ Волгою страны, простиравшіяся до предѣловъ, и даже за предѣлы, Европы. Ханъ ихъ, названный здѣсь Ала-у или Гала-у, знаменитый Гулагу, сынъ Тулуя, и, вмѣстѣ съ Батшемъ, Мангу и Кублаемъ (послѣдніе были ему братья), вилучъ Чингисъ-Хана. Получивъ отъ брата, Мангу, управленіе южными областями, онъ поквитуль Каракорумъ, незадолго до посѣщенія этого Татарскаго города Рубрукъ-всомъ, и перешелъ съ большимъ войскомъ Гигонъ или Оксусъ въ 1255 г. На слѣдующій годъ онъ истребилъ племя или секту Измаилитовъ, носившихъ также имя Малагидетовъ, и обратилъ свое оружіе на Багдадъ, который и взялъ въ 1258 году, и велѣлъ казнить Мостасемъ-Биллага, послѣдняго изъ Аббасидскихъ Калифовъ. По смерти Мангу, въ 1259 г., Гулагу сдѣлался настоя-

одержалъ побѣду, и войска Барки потерпѣли совершенное пораженіе. По случаю этого происшествія, дороги сдѣлались небезопасны для путешественниковъ, и у нашихъ Венеціанъ не доставало смѣлости возвращаться тѣмъ же путемъ, которымъ пришли; имъ предлагали одно только возможное средство добраться до Константинополя, то есть, выбрать восточную, мало посѣщаемую, дорогу, чтобы не выходить изъ предѣловъ Барковой области. Для того они направили путь въ городъ Укакъ, ⁸ лежащій на предѣлахъ Государства Западныхъ Татаръ. ⁹ Покинувъ это мѣсто и путешествуя далѣе, они переправились черезъ р. Тигръ, одну изъ четырехъ рѣкъ рая, и прибыли въ степь, простиравшуюся на семнадцать дней пути. ¹⁰ Тамъ не нашли они ни городовъ, ни замковъ, ни собственно строеній, а только Татаръ съ ихъ стадами, кочевавшихъ подъ палатками, или на открытомъ полѣ. Прошедши эту степь, они достигли, наконецъ, хорошо выстроеннаго города, по имени Бохара, ¹¹ въ области того же

щамъ повелителемъ Персидскаго и Вавилонскаго Ирака съ Хоразаномъ; хотъ больше по имени только, однако жъ онъ сохранялъ почтительную преданность къ брату Кублаю, признанному главою рода Могуль и царствовавшему въ Китаѣ. Онъ умеръ въ своей столицѣ, Таврисѣ или Табрисѣ, въ 1265 году.

⁸ Абульфедъ такъ описываетъ этотъ городъ: «Окакъ — небольшой городъ на западномъ Атолѣ, почти въ срединѣ между Сараемъ и Боларомъ. До Окака, а педалѣе, простирается Государство Татарскаго Хана Берка». Geogr. Lat. Mundi Septent. p. 363. И нашъ путешественникъ тоже говоритъ, что этотъ небольшой городъ былъ пограничное мѣсто области Барки. Окакъ, называемый также Увекъ, означенъ на Среднесѣвковой картѣ Форстера, приложенной къ выше названному сочиненію. Б.

⁹ Большая рѣка, которую переплывали наши путешественники и по величинѣ сочли за одну изъ рѣкъ рая, вѣроятно, была Сигонъ, также называемая и Сирръ. Они по ошибкѣ назвали ее Тигромъ (однако жъ, эта ошибка небольшие Александровой, когда онъ ту же рѣку счелъ Танавсомъ или Довомъ): это, должно быть, произошло отъ смѣшенія понятій о Сигонѣ или Оксусѣ, и внесено однимъ изъ первыхъ переписчиковъ, не смотрѣвшимъ на Географическую правильность. М.

¹⁰ Степь, упоминаемая здѣсь, есть Каракъ, сосѣдняя съ Сигономъ: ее необходимо должны были проходить путники, идущіе съ сѣвера, по дорогѣ въ Бохару. М.

¹¹ Объ этотъ славномъ городѣ, котораго имя не было испорчено писцами, не можетъ быть никакихъ недоразумѣній. Такъ какъ Поло подвигались

имени; она принадлежала къ Персидскому Царству, но находилась подъ властію Хана, по имени Барака. ¹²

Но случилось такъ, что въ это время въ Бохарѣ явился человекъ, весьма значительный и съ необыкновенными способностями. Онъ отправленъ былъ отъ упомянутаго Гулагу посломъ къ Великому Хану, верховному владыкѣ всѣхъ Татаръ, по имени Кублаю Каану. ¹³ Его столица была на самомъ крайнемъ предѣлѣ твердой земли, въ направленіи между сѣверо-востокомъ и востокомъ. Посолъ, при всемъ его желаніи, до сихъ поръ не имѣлъ еще случая видѣть людей изъ Итальянской земли, и потому былъ очень радъ встрѣчѣ и бесѣдѣ съ нашими путешественниками, которые теперь уже нѣсколько понаучились говорить по Татарски. Проведя въ ихъ обществѣ нѣсколько дней и полюбивъ ихъ нравы, онъ предложилъ имъ проводить его къ Великому Хану, который, не выдавши еще никого изъ ихъ земли, очень радъ будетъ ихъ появленію при его Дворѣ, и увѣрялъ, что ихъ ожидаетъ почетный приѣмъ и очень богатые подарки. Въ томъ убѣжденіи, что, рѣшившись вернуться на родину, они подвер-

впередъ въ сѣверную сторону отъ Крыма, то могли дойти до Бохары только послѣ переправы черезъ разныя рѣки, впадающія въ сѣверную часть Каспійскаго моря.

¹² Petis de la Croix называетъ этого Князя Берракъ-Ханомъ, а Д'Эрбело Баракъ-Ханомъ, правнукомъ Джагатая, втораго сына Чинхисъ-Ханова, получившимъ Заоксанію или страну, которую въ это время владѣли Узбеки. Подтвержденіе тому находимъ у Д'Осона, который говоритъ, что Боракъ, какъ онъ называетъ его, былъ сынъ Иссуи-Туа, сына Моа-Тугана, а отцомъ этого былъ Джагатай. Онъ долго велъ войны съ перемѣнчивымъ успѣхомъ и большимъ коварствомъ съ Абакой, сыномъ Гулагу, у котораго хотѣлъ отнять Хоразанское Государство; наконецъ былъ имъ такъ разбитъ, что только съ небольшимъ отрядомъ войска успѣлъ вернуться въ Бохару, и, озлобленный войною съ своимъ родственникомъ и прежнимъ союзникомъ, Кайлу, онъ умеръ въ 1270 г., когда этотъ окружилъ его со всѣмъ его войскомъ и хотѣлъ сдѣлать плѣнникомъ. Такъ слѣдуетъ исправить примѣчаніе Марседена и Бальделли, которыхъ д'Эрбело, Дегинъ и другіе историки справедливо обвиняютъ въ ошибкахъ относительно этого Принца: первый показываетъ смерть его еще въ 1240 г., а послѣдній въ 1260 г., однако жъ и сами ничего не рѣшаютъ положительно.

¹³ Кублай-Каанъ, Царь Китая и Татаріи, былъ сынъ Тули, четвертаго сына Чингисъ-Ханова, наследовалъ своему старшему брату, Мангу-Каану, въ 1260 г. Онъ пятый Царь этого Монгольскаго или Монголо-Татарскаго Дома.

нутса большимъ опасностямъ, путешественники согласились на его редложеніе; поручивъ себя защитѣ Всевышняго, они продолжали утешествіе въ поѣздѣ посла и въ сопровожденіи многихъ Христіанскихъ служителей, которыхъ взяли съ собою въ Венеціи. Направленіе, котораго они держались, было среднее между сѣверо-остокомъ и сѣверомъ. Прошелъ цѣлый годъ, прежде нежели они обратились до Царской столицы, по случаю большихъ остановокъ изъ за снѣговъ да разлитія рѣкъ; они принуждены были дожидаться, пока стають снѣга и вода убудеть. Много чудныхъ вещей видѣли они въ дорогѣ, но о нихъ мы не скажемъ здѣсь, потому что по порядку (Географическому), принятому Маркомъ Поло, они будутъ описаны въ слѣдующихъ книгахъ.

II. Когда путешественники представились Великому Хану, онъ принялъ ихъ благосклонно и привѣтливо: такое обращеніе было въ его характерѣ: они первые изъ Итальянцевъ явились въ эту землю, отъ того-то для нихъ даны были праздники: также отличали ихъ и другимъ образомъ. Ханъ дружески бесѣдовалъ съ ними, спрашивалъ о Западныхъ странахъ міра, о Римскомъ Императорѣ и другихъ Христіанскихъ Короляхъ и Князьяхъ. Онъ велѣлъ рассказывать себѣ объ ихъ могуществѣ, о пространствѣ ихъ земель, какъ смотрять они за правосудіемъ въ своихъ различныхъ Государствахъ и Княжествахъ, о военномъ искусствѣ, а больше всего и предпочтительно спрашивалъ о Папѣ, церковныхъ дѣлахъ, богослуженіи и святомъ ученіи Христіанъ. Хорошо образованные и скромные люди, они отвѣчали ему, сколько можно лучше, обо всѣхъ этихъ предметахъ, и, вполне ознакомившись съ Татарскимъ языкомъ (Монгольскимъ), объяснялись въ такихъ приличныхъ выраженіяхъ, что Великій Ханъ, у котораго они были въ высокомъ почетѣ, часто призывалъ ихъ къ себѣ.

Получивъ свѣдѣнія обо всемъ, о чемъ такъ разумно рассказывали ему братья, онъ объявилъ, что очень доволенъ ими; мысленно онъ рѣшилъ уже употребить ихъ въ качествѣ посланниковъ къ Папѣ, держалъ о томъ совѣтъ съ своими Министрами, и потомъ дружески предложилъ путешественникамъ сопровождать его чиновника, по имени Когатала, въ посольствѣ къ Римскому Престолу. Онъ рѣшился, сказать онъ имъ, просить Его Святѣйшество прислать ему сотню ученыхъ мужей, сверхъ того хорошо знающихъ правила Христіанской вѣры, и семь наукъ: они должны умѣть убѣдить ученыхъ его царства разумными и правильными доводами, что вѣра, исповѣдуемая

Христiянами, выше и основанiя ея истиннѣе всякой другой, что боги Татаръ и идолы, которымъ они поклоняются въ своихъ домахъ, не что иное, какъ злые духи, и что, признавая ихъ за божество, они заблуждаются со всѣми Восточными народами. Какъ было бы ему прiятно, продолжалъ онъ, если бы они, по возвращенiи, принесли съ собою сколько нибудь священнаго масла изъ лампы, горящей надъ гробомъ Господа нашего Иисуса Христа: къ Нему питаетъ онъ великое уваженiе и признаетъ Его Истиннымъ Богомъ. Услышавъ отъ Великаго Хана эти приказанiя, они упали къ его ногамъ и изъявили свою, немедленную готовность и самое горячее усердiе, чтобы исполнить порученiя Его Величества, не щадя для того своихъ силъ. Онъ приказалъ потомъ изготовить отъ своего имени письма къ Паиъ на Татарскомъ языкѣ и вручить ихъ путешественникамъ. Такъ же велѣлъ имъ дать золотую дощечку, съ вырѣзаннымъ на ней Царскимъ знакомъ, по обычаю, введенному этимъ Ханомъ: тотъ, кому дана такая дощечка, со всѣми его спутниками, получаетъ, для безопасности, провожатыхъ отъ начальниковъ всѣхъ мѣстъ въ Императорскихъ земляхъ, отъ одного роздыха до другаго, и въ бытность его во всякомъ городѣ, замкѣ, или дворѣ, имѣетъ право на полученiе събѣстныхъ припасовъ и всего нужнаго для его удобства.¹⁴

Принявъ такое почетное порученiе, они простились съ Великимъ Ханомъ и начали свое путешествiе. Но едва отошли на 20 дней пути, какъ чиновникъ, ихъ спутникъ, опасно занемогъ. Въ такомъ неприятомъ положенiи, они, по общему совѣту всѣхъ, съ ними бывшихъ, и съ согласiя самаго больнаго, рѣшились оставить его. Въ продолженiи путешествiя имъ очень пригодилась Царская дощечка, которую взяли съ собою: вездѣ, куда ни приходили.

¹⁴ Китайскiя сочиненiя часто упоминаютъ о Tschî-kuei или почетной дощечкѣ, которая дается высшимъ сановникамъ при ихъ опредѣленiи къ должностямъ: на ней написаны золотыми буквами ихъ титулы, и съ нею соединены великiя преимущества для этихъ сановниковъ въ ихъ путешествiяхъ. Та, о которой говорится здѣсь, была, статья можетъ, подобнаго рода. Въ простонародномъ Европейскомъ нарѣчiи Кантона она называется Царскою «Grand chop», слово для выраженiя печати, знака, полномочiя, письменнаго вида. «Однако жъ на всѣмъ Востокѣ въ употребленiи обычай писать на золотыхъ дощечкахъ приказъ и предписанiя. Въ Дрезденской Библиотекѣ находится письмо, написанное Малайскими буквами на золотомъ листочкѣ однимъ раджою къ Голландскому Губернатору Батави. М.

она доставляла имъ самый лучший пріемъ: имъ давали безъ платы все нужное, также проводника и стражу. Не смотря, однако жъ, на всѣ эти удобства, они могли только медленно подвигаться впередъ: такъ велики были естественныя затрудненія, которыя надобно было устранять: необыкновенный холодъ, снѣга льды и разлитія рѣкъ. Прошли три года. пока они добрались до морской пристани въ Малой Арменіи, по имени Giazza.¹⁵ Оттуда они поѣхали моремъ, и въ Апрѣль 1269 года прибыли въ Акру. Къ немалому для себя страху. они тамъ узнали, что Папа Климентъ IV недавно умеръ.¹⁶ Въ то время въ Акрѣ находился Легатъ, поставленный покойнымъ Папою. по имени Тебальдо де Висконти ди Пиаченца: они увѣдомили его, какія порученія возложены на нихъ Великимъ Ханомъ Татарин. Легатъ совѣтовалъ имъ, не смотря ни на какія обстоятельства, дожидаться новаго выбора, и когда онъ состоится, достигнуть у Папы цѣли своего посольства. Находя такой совѣтъ хорошимъ. они рѣшились употребить промежуточное время на посѣщеніе своего семейства. Сѣвши на корабль, плывшій въ Негропонтъ, отправились оттуда въ Венецію, гдѣ Николо Поло нашелъ, что жена его, которую онъ при отъѣздѣ оставилъ беременною, скончалась, подаривъ его сыномъ, получившимъ имя Марко и имѣвшимъ тогда уже 19-ть лѣтъ отъ роду. Онъ-то самый и написалъ эту книгу и сообщилъ извѣстія обо всѣхъ предметахъ, которыя видѣлъ самъ.

III. Межъ тѣмъ выборъ Папы замедляло столько препятствій, что путешественники два года оставались въ Венеціи, все въ ожиданіи онаго; наконецъ, озабоченные тѣмъ, что Великому Хану не по-

¹⁵ «Giazza», древній Иссъ, гдѣ Александръ разбилъ Дарія: въ нашихъ новѣйшихъ Географіяхъ онъ имѣетъ разныя названія: Лаяццо, Аяццо, Аяско, Л'Аясъ, Лаясса. На картѣ Азія Данвиля онъ называется Лаясъ. «Алая, пишетъ Абульфеда, небольшой городокъ на Средиземномъ морѣ, одно изъ торговыхъ мѣстъ въ тѣхъ странахъ» (Geogr. p. 302). Голійъ разсказывая о народахъ Малой Арменіи, говоритъ: «Гавань ея былъ тотъ самый, прежде называемый Аясъ, откуда обыкновенно плавали въ Кипръ и другія Христіанскія земли. Марко Поло и другіе, писавшіе около времени Крестовыхъ походовъ, сдѣлали изъ имени Аясъ Giazza, по Итальянскому произношенію, точно такъ же, какъ изъ Іоаннь Джіованни; нѣкоторые пишутъ Layasse, приставляя къ этому слову нѣчто въ родѣ члена.» Объ обихъ Арменіяхъ будетъ сказано послѣ. М.

¹⁶ Этотъ Папа умеръ въ Витербо, 23-го Ноября, 1268 года.

нравится ихъ долгая мѣшкатность, или что онъ можетъ подумать, будто у нихъ нѣтъ и мысли о возвращеніи въ его землю, они сочли полезнымъ вернуться въ Акру. При этомъ случаѣ они взяли съ собою и молодого Марка Поло. Съ формальнымъ видомъ отъ Легата, они носѣтили Иерусалимъ и запаслись небольшимъ сосудомъ масла изъ лампы Св. Гроба, по приказанію Великаго Хана. Потомъ получили письмо Легата къ этому Государю: въ письмѣ засвидѣтельствовано ихъ усердіе, съ какимъ они старались объ исполненіи его порученій, и объявлено, что верховный глава Христіанской Церкви до сихъ подъ еще не выбранъ. Они отправились дальше въ упомянутую пристань Giazza. Но едва только уѣхали, какъ Легатъ получилъ изъ Италіи гонца отъ Коллегіи Кардиналовъ, съ извѣстіемъ, что онъ возведенъ на Папскій престолъ, почему и принялъ имя Григорія X.¹⁷

¹⁷ Папскій престолъ оставался почти три года незаптымъ, по причинѣ коварныхъ происковъ въ священной Коллегіи Кардиналовъ; наконецъ положено было поручить назначеніе Папы шести Кардиналамъ, которые 6-го Сентября, 1271 г., выбрали Тебальдо Піаченцаго. Во избѣжаніе на будущее время вреда и соблазна отъ такого замедленія, учрежденъ былъ Конклавъ (на тѣхъ же началахъ, какъ и установленіе Англійскихъ жури или присяжныхъ). Объ этомъ избраніи Муратори рассказываетъ слѣдующее (Annali d'Ital. an. 1271). «Они (всѣ Кардиналы священной Коллегіи) 2-го Сентября поставили рѣшителями выбора шестерыхъ Кардиналовъ, которые, не теряя времени, выбрали Тебальдо или Тебальдо, изъ благороднаго Дома Висконти изъ Піаченцы; онъ не былъ ни Кардиналомъ, ни Епископомъ, а только Архидіакономъ Литтнискимъ, но отличался чистотою нравовъ и находился въ то время въ Акконѣ, гдѣ подвизался на служеніе Христіанству. Этотъ выборъ казался чудеснымъ, потому что Тебальдъ не былъ знакомъ никому изъ Кардиналовъ, и, однако жъ, они всѣ согласились и очень обрадовались тому: такъ удачно совершился выборъ этого достойнаго преемника на престолъ Петра. Священная Коллегія отправила посольство къ нему въ Анкону съ извѣстіемъ объ избраніи его въ Папы. Онъ согласился и назвался потомъ Григоріемъ X.» Cod. Ricc. говоритъ тоже о Висконти изъ Піаченцы (Т. I, р. 4). Григорій X-й былъ замѣчательный Папа. На Ліонскомъ Соборѣ онъ старался возбудить остывающую страсть къ Крестовымъ походамъ, убѣдилъ Нѣмецкихъ Бнязей выбрать въ Императоры Рудольфа Габсбургскаго, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому Рудольфъ обѣщалъ не тревожить Церкви и ея подручниковъ, старался примирить партіи Гвельфовъ и Гибелиновъ; боясь могущества Карла Анжуйскаго, призналъ Греческимъ Императоромъ Михаила Палеолога, потому что Карлъ Анжуйскій, по договору съ Балдуиномъ II, имѣлъ права на Греческій престолъ, отъ имени своей дочери, Беатриксы. При этомъ

думавъ, что онъ теперь самъ въ состояніи удовлетворять вполнѣ желанія Татарскаго Монарха, онъ успѣшилъ послать письма къ Королю Арменіи, ¹⁸ въ которыхъ увѣдомлялъ его о своемъ выборѣ и просилъ, чтобъ въ томъ случаѣ, если оба посла, на пути ко Двору великаго Хана, еще не оставили Арменіи, онъ велѣлъ бы имъ тотчасъ же воротиться назадъ. Эти письма застали ихъ еще въ Арменіи: съ радостною успѣшностію они повиновались пригласенію ять прибыть въ Акру; для того Король далъ имъ галону, и въ то же время отправилъ отъ себя пословъ съ поздравленіями къ верховному главѣ Христіанства.

Его Святѣйшество принялъ ихъ съ великимъ отличіемъ, изготовилъ какъ можно скорѣе Папскія грамоты и далъ имъ двухъ монаховъ изъ Ордена Проповѣдниковъ, находившихся тамъ случайно: это были люди столь же ученые и свѣдущіе, какъ и глубокіе богословы. одного звали Фра Николо да Виченца, другаго Фра Гвельмо да Триолли. Имъ далъ онъ свободу и полномочіе на поставленіе Священниковъ, посвященіе Епископовъ и разрѣшеніе грѣховъ, сколько самъ пожелаетъ. Также вручилъ имъ дорогіе подарки и въ числѣ ихъ разныя прекрасныя сосуды изъ хрустала, которые они должны преподать Хану отъ его имени и съ его благословеніемъ. Они распорядились и опять направили путь къ пристани Giazza, прибыли туда и отправились дальше въ Арменію. Здѣсь они узнали, что Вавилонскій Солдандъ, ¹⁹ по имени Бундовдари, ²⁰ съ многочисленнымъ вой-

скаго случая Михаилъ обѣщалъ Папѣ присоединеніе Восточной Церкви къ Римской: его послы три раза повторили по Гречески, что Духъ Св. происходитъ отъ Отца и Сына. (Прим. Переводч.) Gaillardin L'Hist. d. M. a.

¹⁸ Въ это время въ Малой Арменіи царствовалъ Левъ или Ливонъ III; столицею ея былъ Сисъ, а главною пристанью Аясъ или Аяццо. Отецъ Льва, котораго мы называемъ Гайтономъ, а Арабскіе писатели Гатемомъ, игралъ важную роль въ послѣднихъ переворотахъ; онъ провожалъ Гулагу отъ Двора Мангу въ Персію и пособлялъ ему въ войнахъ съ Мусульманами. М.

¹⁹ Бабилюнію или Бамбеллонію назывался Канръ во время Султановъ и Крестовыхъ походовъ. «Et haec mea sententia, ex Babylonia Aegypti comportantur: Cairum appellant.» (Aloysi Cadam. pav. nov. orb. Grunaei, p. 51).

²⁰ Этотъ Султанъ былъ Бейбаръ, по прозванію Бундовдари, Мамелюкскій Султанъ Египта, который завоевалъ большую часть Сиріи, вторгнулся уже (въ 1266) въ Арменію и разграбилъ города Сисъ и Аясъ. Въ 1279 году онъ

скомъ напалъ на Армянскую землю, овладѣлъ ею и разорилъ на далекое растояніе. Оба монаха перепугались и, въ страхѣ за свою жизнь, положили не ходить дальше. Они передали Венеціанцамъ письма и подарки, ввѣренные имъ Папою, а сами отдались подъ защиту начальника Храмовниковъ и тотчасъ же вернулись, вмѣстѣ съ нимъ, на берегъ. Но Николо Маффіо и Марко безстрашно пошли на встрѣчу опасностей и препятствій, къ которымъ давно привыкли; переправившись за предѣлы Арменіи, они продолжали свое путешествіе далѣе. Прошедши степь во многіе дни пути и коснувшись нѣкоторыхъ опасныхъ мѣстъ, они такъ далеко зашли по направленію къ сѣверо-востоку и сѣверу, что, наконецъ, получили вѣсть о Великомъ Ханѣ, который тогда имѣлъ свое мѣстопробываніе въ одномъ большомъ и великолѣпномъ городѣ, по имени Кле-мен-фу.²¹ Все путеш-

овладѣлъ Антиохією, отчасти избилъ всѣхъ Христіанскихъ жителей, отчасти сдѣлалъ ихъ плѣнниками и разрушилъ ихъ церкви, самыя великолѣпныя и славныя на Востокѣ. Это, должно быть, случилось около 1273 года, когда наши путешественники прибыли въ Арменію, гдѣ Бейбаръ 20 Юля сдѣлалъ вторженіе въ Малую Арменію, занялъ Кинукъ, явился предъ Сисомъ и ограбилъ Тарсъ. Онъ и еще нѣсколько разъ ходилъ въ Арменію и былъ въ открытой войнѣ съ Монгольскимъ Ханомъ Абакою, призваннымъ на помощь Царемъ Арменіи и Сирійцами. Большое сраженіе произошло вблизи Гемса или Эмессы въ 1281 г. и кончилось пораженіемъ Монгольскаго Хана, Абаки, и его союзника или подручника, Царя Армянскаго.

²¹ Клеменфу и Клеменсу (Cod. Ricc. t. I, p. 6) или еще правильнѣе Cle-men-fu. Всѣ объяснители Марка Поло не узнавали этого, показаннаго у него, города, потому что уклонялись отъ пути, избраннаго этимъ путешественникомъ. Надобно принять въ соображеніе, что, покинувъ съ отцомъ и дядею Арменію и обратившись на сѣверъ и сѣверо-востокъ, онъ услышалъ, что Великій Ханъ проживалъ въ Клеменфу. Въ Древне-Итальянскомъ текстѣ, сообщенномъ Бальделли Бони, въ первой книгѣ, сказано, что когда путешественники прибыли въ этотъ городъ, они отправились въ Maestro Palagio, т. е., въ Королевскій дворецъ. Это тотъ самый городъ, который Кублай-Ханъ велѣлъ построить въ Татаріи въ 1256 г., назначая его для своего лѣтняго мѣстопробыванія, за 700 ли, или за 70 Итальянскихъ миль отъ Пекина; онъ далъ ему имя Keipim-fu и потомъ еще титулъ Хам-ту, т. е., Царскій городъ (Visdelou Suppl. a Herb. p. 9). Когда патеръ Гербильтонъ, въ 1691 году, ѣздилъ съ Царемъ въ Татарію, онъ видѣлъ только развалины этого города на рѣкѣ тогоже имени, и говоритъ, что правители династіи Ивень или Монгольской жили тамъ лѣтомъ (Du Hald. t. IV, p. 258). Утверждаетъ

ихъ до этого мѣста продолжалось не менѣе трехъ съ половиною лѣтъ, потому что въ зимніе мѣсяцы они проходили только незначительныя разстоянія. Когда же Царь узналъ, что они идутъ и услылъ, какъ много они потерпѣли, онъ отправилъ пословъ къ нимъ встрѣчу, за 40 дней пути разстоянія,²⁹ и приказалъ во всѣхъ мѣстахъ, которыми будутъ проходить, заготовить все нужное для ихъ удобства. Такъ, съ благословеніемъ Божиимъ, они приведены были безопасности къ Ханскому Двору.

это тѣмъ основательнѣе, что Марко Поло и самъ приводитъ этотъ городъ также подъ именемъ Ciandu или Chantu (Cod. Ricc. t. 1, p. 59); при чемъ и здѣсь, какъ и вездѣ, надобно принять въ уваженіе, что Хе, Ханъ или Тхенъ—Восточныя слова, произносимыя всегда по Французски такъ, какъ бы они были написаны на Итальянскомъ языкѣ Cie, или Cien, или Tchen, а на Нѣмецкомъ Tsche или Tschep. Марко Поло рассказываетъ, что велѣлъ построить этотъ городъ Кублай-Ханъ, и представляетъ описаніе великолѣпнаго Двора, о которомъ мы упомянули выше. Этою главою заключается первая книга, гдѣ описываются земли, которыя проходилъ онъ съ отцомъ и дядею въ путешествіи къ Двору Великаго Хана. И наше увѣреніе подтверждается еще больше новыми объясненіями, подаренными литературѣ знаменитымъ Падре Цурлой (потомъ Кардиналомъ), который указываетъ намъ, что карта, находящаяся въ залѣ щита (sala dello Scudo), въ Герцогскомъ Дворѣ въ Венеціи, изображаетъ путешествія Марка Поло. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, подвигаясь впередъ къ Востоку, замѣчаютъ на ней перемѣны, предпринятыя, по случаю ветхости прежде существовавшей и срисованной карты; однако жъ, видна дорога въ Кампалу, идущая чрезъ Камбионъ, Тендукъ, Cianganog и Ксанду или Ciandu, въ томъ постепенномъ порядкѣ, въ какомъ Марко Поло слѣдовалъ самъ по его извѣстіямъ. (Di Marco Polo, pag. 131). Поло рассказываетъ также въ 1-й главѣ 2-й книги о Кублай-Ханѣ и его дѣлахъ, потомъ говоритъ о городѣ Камбалу, который оставляетъ для описанія во 2-й книгѣ своихъ путешествій, по случаю посольствъ, возложенныхъ на него Великимъ Ханомъ. Не должно удивляться, что онъ не показываетъ ни одного промежуточнаго города, лежащаго отъ Канду до Камбалу, потому что это дорога въ Татарію, не заслуживающая ни какого вниманія, какъ можно видѣть изъ Дневника Отца Герильона (Du Hald. I, c). Б.

²⁹ Полагаю, что Великій Ханъ послалъ своихъ гостей въ Камбионъ, а лучше въ Кампитионъ (Cod. Ricc.) или Кан-чеу, потому что сказано, что Марко Поло, вмѣстѣ съ отцемъ и дядею, оставался цѣлый годъ въ этомъ городѣ по своимъ дѣламъ. Вѣроятно, они останавливались тамъ для увѣдомленія Кублай-Хана о своемъ приходѣ, и онъ самъ послалъ туда за ними. Б.

IV. По прибытіи путешественниковъ, Великій Ханъ принялъ ихъ съ почетомъ и милостью въ полномъ собраніи Татарскихъ Князей и Господъ; приблизившись къ нему, они, въ знакъ своего почтенія, при входѣ поклонились ему въ ноги. Онъ тотчасъ же велѣлъ имъ встать и рассказывать ему подробности своего путешествія и все, случившееся во время ихъ бесѣды съ его Святѣйшествомъ. Они рассказали происшествія въ добромъ порядкѣ. Царь слушалъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ. Передъ нимъ разложены были письма и подарки Папы Григорія: прочитавъ письма, онъ хвалилъ вѣрность, усердіе и стараніе его пословъ; а принявъ съ должнымъ почтеніемъ миссо отъ Св. Гроба, онъ приказалъ хранить его съ благоговѣйнымъ стараніемъ. Замѣтивъ Марка Поло, Ханъ спросилъ, кто онъ? Николо Поло отвѣчалъ, что это его сынъ и слуга Его Величества. Тогда Великій Ханъ соизволилъ принять его подъ свое особенное покровительство и назначилъ въ свою почетную свиту. Отъ того всѣ, принадлежавшіе ко Двору, обращались съ Маркомъ съ большимъ уваженіемъ и достоинствомъ. Въ короткое время онъ ознакомился съ нравами Татаръ, умѣлъ усвоить ихъ и узналъ разныя Татарскія нарѣчія, такъ что не только понималъ ихъ, но и могъ читать и писать.²³ Нашедши его такимъ даровитымъ, Государь хотѣлъ испытать, какъ онъ покажетъ себя въ дѣлахъ, и отправилъ его, по одному важному Государственному дѣлу, въ городъ, по имени Karazan, разстояніемъ на шесть мѣсяцевъ пути отъ Царскаго мѣстопробыванія. При этомъ случаѣ Марко велъ себя такъ умно и осторожно, что милость къ

²³ По мнѣнію Марседена, это, вѣроятно, языки Монгольскій, Игурійскій и Китайскій. но мы болѣе согласны съ Бальделли: онъ полагаетъ, что это Арабскій языкъ, которому Марко Поло могъ научиться въ бытность свою въ Арменія. потому что собралъ у Арабовъ много Географическихъ замѣчаній, и его правописание Географическихъ именъ болѣе сходно съ Арабскимъ; потомъ Турецкій, который могъ изучить во время трехлѣтняго пребыванія въ Бадакшанѣ; въ третьихъ Татарскій или Монгольскій, и въ четвертыхъ Китайскій, какъ ни труденъ онъ для иностранца; но что онъ понималъ его, это видно изъ его собственнаго показанія. Говоря о доходахъ Квинсая, онъ прибавляетъ: «Такъ Царю платится подать со всѣхъ земныхъ произведеній, со скота, съ растительныхъ произведеній земли и съ шелка. Я, Марко Поло, лично присутствовалъ при счетахъ и имѣлъ случай получить доходы Его Величества, и т. д. Онъ занималъ должность по финансовою части, и не могъ бы исправлять ее безъ основательнаго знанія языка.

му Царя стала еще болѣе. Замѣтивъ, съ своей стороны, что Великій Ханъ обнаруживалъ большое удовольствіе, слушая его извѣстія обо всемъ новомъ для него относительно народныхъ нравовъ и обычаевъ, также о разныхъ особенностяхъ отдаленныхъ странъ, онъ старался, куда ни приходилъ, собирать точныя свѣдѣнія объ этихъ предметахъ, и составлялъ для себя записки обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ, для удовлетворенія живаго любопытства Царя. Коротко сказать, въ семнадцать лѣтъ, проведенныхъ имъ на его службѣ, онъ казался очень полезнымъ: ему поручались самыя довѣренныя посольства во всѣ предѣлы Царства; иногда же онъ ѣздилъ и по своимъ собственнымъ дѣламъ, но всегда съ согласія и разрѣшенія Великаго хана. При такихъ обстоятельствахъ Марко Поло самъ собою и по рассказамъ другихъ имѣлъ случай собрать свѣдѣнія о множествѣ такихъ вещей въ Восточной части свѣта, которыя до него были не извѣстны: онъ старательно и правильно записывалъ ихъ, что видно увидѣть въ слѣдующихъ главахъ.

Наши Венеціане прожили много лѣтъ при Царскомъ Дворѣ; въ это время накопили себѣ много богатства въ драгоценныхъ камняхъ и золотѣ и чувствовали большое стремленіе на родину. Это чувство было у нихъ сильнѣе всякихъ другихъ, хотъ и жили въ великомъ почетѣ у Хана. Они твердо рѣшились на то, разсуждая, что Ханъ все же въ преклонныхъ лѣтахъ: если же онъ умретъ до ихъ отъѣзда, они лишатся открытаго пособія, на которое только и могутъ рассчитывать, для одолженія безчисленныхъ трудностей такого дальняго странствованія и безопаснаго возвращенія на родину, межъ тѣмъ какъ при жизни Хана, благодаря его благосклонности, они имѣли полное право надѣяться на исполненіе этого намѣренія. Для того Николо Поло, нашедши однажды Хана ласковѣе обыкновеннаго, выбралъ случай броситься къ его ногамъ и просить за себя и семейство, чтобы Его Величество, по своей милости, дозволилъ имъ ѣхать. Ханъ вовсе нерасположенъ былъ согласиться на ихъ просьбу, казался недовольнымъ и спросилъ, откуда взялась у нихъ такая охота подвергаться всѣмъ неудобствамъ и опасностямъ путешествія, въ которомъ легко могутъ лишиться жизни? Если они ищутъ корысти, пусть скажутъ: онъ готовъ подарить имъ вдвое противъ того, что у нихъ есть, и награждать такими почестями, какихъ только хотятъ, но изъ привязанности къ нимъ, долженъ отказать на отъѣздъ въ ихъ просьбѣ.

Около этого времени умерла Царица, по имени Болгара, супруга Аргона, ²⁴ Царя Индійскаго: въ своей послѣдней просьбѣ, оставленной ею въ письменномъ завѣщаніи, она заклинала мужа, чтобы никто другая не могла занять ея мѣста на его престолъ и въ его чувствахъ, кромѣ Княжны, происходившей изъ ихъ собственнаго семейства, которое живетъ въ Китайской землѣ, ²⁵ гдѣ царствуетъ Великій Ханъ. Желая исполнить эту торжественную просьбу, Аргонъ отправилъ троихъ своихъ дворянъ, людей надежныхъ, по имени Улатая, Апуску и Гоцу, съ многочисленною свитою, въ качествѣ посланниковъ къ Великому Хану, съ просьбою отдать ему въ супруга

²⁴ Аргонъ, сынъ Абаки и внукъ Гулагу, наследовалъ своему дядѣ, Адмет-Хан-Никодару на престолъ Персін, Хоразана и другихъ сосѣднихъ странъ въ 1284 г. Кончина его супруги, должно быть, случилась около 1287 г., а самъ онъ умеръ въ 1291 г. (см. объ Аргонѣ или Аргунѣ, по правописанію Д'Оссона, его Исторію Моголовъ, Hist. des Mong. IV, 1 и 2). Если Персія была собственно мѣстомъ его царствованія, зачѣмъ же онъ называется здѣсь Царемъ Индійскимъ? Этотъ вопросъ задаетъ Марсденъ, но неумѣетъ правильно рѣшить его; самъ Бальделли не предлагаетъ никакихъ объясненій. Попробуемъ сдѣлать это въ короткихъ словахъ: Индія считалась самою прекрасною и богатѣйшею страню въ мірѣ; подъ именемъ Индіи Европеецъ разумѣлъ обильный сокровищами, знаменитый Востокъ, Сѣверную Азію, великолѣпный Югъ; Монголы, хотѣвшіе сдѣлаться владыками свѣта и считавшіе себя такими, старались завоевать Индію; Царь Персін, самаго южнаго Монгольскаго царства, пограничнаго съ Индією, въ составъ котораго вошли уже причисляемый къ этой послѣдней Афганистанъ и сѣверныя страны Индустана, охотно могъ называть себя Царемъ всей этой прекрасной страны, считался и писался Государемъ области, которую навѣрное только еще собирался покорить.

²⁵ Подъ общимъ именемъ «Катая, Китай» надобно разумѣть не особенный округъ сѣвернаго Китая, по мнѣнію Марседна и другихъ историковъ, а далекую Восточную страну, верхнюю Азію, Китай; точно также какъ прежде южныя страны Азіи разумѣлись подъ общимъ названіемъ Индіи, только что за послѣднею это имя сохранилось и утвердилось до нашего времени. Названіе Китай, по Риттеру, должно производиться отъ Монголо-Тунгузскаго народа Китанъ. (Kithan), Китатъ (Kithat) (во множ. у А. Ремюза), который еще до Монгольскаго времени съ 10 вѣка давалъ Государей Сѣверному Китаю и Тангуту на западъ: онъ достигъ великаго могущества въ высокой задней Азіи; но Западные народы всегда смѣшивали его и считали за одно съ Китаичами, съ которыми онъ замѣтно слился потомъ въ одинъ народъ, благодаря Монголамъ.

зупку изъ родственницъ умершей Царицы. Великій Ханъ принялъ въ ласково: по распоряженію Его Величества, выбрана молодая го-ожа 17-ти лѣтъ, очень красивая и статная, по имени Когатинъ; показали посламъ, и она понравилась имъ чрезвычайно. Всѣ при-говленія къ ея отъѣзду были покончены; для почета будущей су-уги Царя Аргона назначена многочисленная свита, и Великій Ханъ пустилъ пословъ очень милостиво. Они отправились съ Княжною мъ же путемъ, какъ и пришли. Уже восемь мѣсяцевъ они были дорогѣ, когда новыя войны, вспыхнувшія между Татарскими Князья-; преградили имъ дальнѣйшіе путешествіе: всѣ дороги были отрѣ-ны. ²⁶ Совсе противъ желанія, они принуждены опять вернуться мѣстопробываніе Великаго Хана, и рассказали ему, что случи-сь съ ними въ дорогѣ.

Въ это же самое время, когда они явились опять, случилось такъ, о и Марко Поло воротился изъ путешествія, которое сдѣлалъ на-сколькихъ корабляхъ подъ своимъ начальствомъ въ разныя мѣста-сточной Индіи; онъ рассказалъ Великому Хану о странахъ, посѣ-енныхъ имъ и о подробностяхъ своего странствованія, въ которомъ, о словамъ его, не встрѣтилось ничего опаснаго. Это послѣднее мѣчаніе дошло до троихъ посланниковъ: они очень желали воро-титься въ свои края, которые оставили уже три года, и отыскиали на-ихъ Венеціанъ, чтобы поговорить съ ними. Послѣднимъ тоже силь-о хотѣлось видѣть себя на родинѣ; они вмѣстѣ условились такъ, обы послы просили приѣма у Великаго Хана и представили ему,-къ удобно и безопасно можно совершить ихъ обратное путеше-ствіе въ Царство ихъ Государя: моремъ оно будетъ гораздо дешев-е; и короче по времени, по собственному опыту Марка Поло, не-вно плававшего въ тѣ края. Если Его Величество окажется гото-ымъ согласиться на это, послы должны настойчиво просить, чтобы-нъ позволилъ проводить ихъ въ земли короля Аргона тремъ Евро-ейцамъ, людямъ очень искуснымъ въ мореплаваніи. Когда Ханъ

¹ Эти войны должны были происходить около 1289 г. и, вѣроятно, въ землѣ Моваральнаръ или Заоксаніи, между потомками Джагатая, которыхъ исторія особенно темна; но есть основаніе, что они (подобно всѣмъ другимъ Мон-гольскимъ Государямъ) рѣдко жили въ покоѣ. Мятежи вблизи Китая подни-малъ даже и младшій братъ Кублая, старавшійся оспорить у него право Царской власти. М.

услыкавъ эту просьбу, то по его движеніямъ было видно, что она ему не по сердцу: ему не хотѣлось, чтобы Венеціане уѣхали. Но чувствуя, что не согласиться было нельзя, онъ уступилъ ихъ просьбамъ. Если бы онъ не видѣлъ себя принужденнымъ къ тому крайностию и важностию такого особеннаго случая, никогда бы они не добились отъ него позволенія оставить его службу. Онъ послалъ, однако жъ, за ними и бесѣдовалъ очень снисходительно и ласково, увѣрялъ ихъ въ своей благосклонности и требовалъ обѣщанія, что они опять воротятся къ нему, проведя нѣсколько времени въ Европѣ съ своимъ семействомъ. Потомъ велѣлъ для нихъ изготovitъ золотую доску, съ вырѣзаннымъ на ней приказомъ, чтобы ихъ свободно и безопасно принимали во всѣхъ областяхъ его Царства и снабжали всѣмъ нужнымъ, какъ ихъ самихъ, такъ и провожатыхъ. Онъ также уполномочилъ ихъ, въ качествѣ своихъ пословъ, на переговоры съ Папою и Королями Французскимъ и Испанскимъ.

Въ то же время хлопотали о снаряженіи 14 судовъ, изъ которыхъ каждое имѣло мачту и ходило о 9-ти парусахъ: постройка и расположеніе ихъ потребовали бы долгаго описанія, но, во избѣжаніе многословія, теперь не станемъ говорить о томъ. Въ числѣ этихъ судовъ по крайней мѣрѣ, 4. или 5, имѣли по 250, или 260, человекъ экипажа. Послы, подъ защитою которыхъ была Царица, съѣли на суда, вмѣстѣ съ Николо, Маффіо и Маркомъ Поло простившимися съ Великимъ Ханомъ, который подарилъ имъ множество рубиновъ и другихъ драгоценностей высокаго достоинства, и приказалъ снабдить суда на два года съѣстными припасами.

VI. Послѣ трехмѣсячнаго почти плаванія, они прибыли на одинъ островъ, лежавшій въ южномъ направленіи и называвшійся Ява: тамъ много было замѣчательныхъ предметовъ, о которыхъ говорено будетъ въ продолженіи этого сочиненія. Оттуда поплыли они дальше и пробыли 18 мѣсяцевъ въ Индійскихъ моряхъ, прежде нежели могли плыть къ мѣсту своего назначенія, въ землю Царя Аргона. Въ этой половинѣ ихъ путешествія имъ также случилось наблюдать много предметовъ, о чемъ также сообщено будетъ послѣ. Здѣсь надобно замѣтить только, что со дня ихъ отъѣзда до прибытія въ Индію, они лишились почти 600 человекъ умершихъ матросовъ и другихъ людей, ѣхавшихъ съ ними: изъ пословъ пережилъ путешествіе только одинъ, по имени Гоца, а изъ всѣхъ госпожъ и служанокъ умерла только одна. По пріѣздѣ они узнали, что король Аргонъ за нѣсколько

времени до того кончилъ жизнь, и что правленіе въ рукахъ его сына-Намѣстника, еще очень молодаго человѣка, по имени Кіа-като. ²⁷ Они обратились къ нему за распоряженіями, относительно содержанія Княжны, привезенной сюда по просьбѣ послѣдняго Государя. Онъ отвѣчалъ, чтобы они передали ее сыну Аргона, Казану, ²⁸ находившемуся въ то время на границахъ Персіи, въ странѣ, которая называлась, по имени сухаго дерева, «Arbor Secco». и гдѣ собрано было до 60,000 человѣкъ войска, для охраненія отъ непріятеля нѣкоторыхъ

²⁷ Лицо, названное здѣсь Кіа-като и показанное Правителемъ страны отъ имени сына послѣдняго Государя, былъ Кай-кату, второй сынъ Абаки и, слѣдовательно, братъ Аргона, по смерти котораго онъ и владѣлъ верховною властію, хоть, можетъ быть, только въ качествѣ Правителя или опекуна, во вредъ правамъ племянника, тогда еще несовершеннолѣтняго. См. о немъ Д'Оссона, который пишетъ его: Gaikhatou (Liv. VI, ch. 3).

²⁸ Князь, котораго имя пишется здѣсь Казанъ или Casan, а у Дегиня Casan, былъ Газанъ (Ghazan), старшій сынъ Аргона. Онъ взомель на Персидскій престоль только въ исходѣ 1295 г., почти пять лѣтъ спустя по смерти отца, назначившаго мѣстопробываніемъ ему Хоразанъ, и подъ опекою Атабека или Губернатора, по имени Ну-роза (Nu-roz); по убѣжденіямъ этого лица, онъ въ послѣдствіи принялъ Магометанскую вѣру и имя Махмуда. Не видно, чтобы въ этой области беспокоилъ его дядя Кай-кату, и приказаніе отвезти къ нему пріѣзжую Княжну, какъ къ Намѣстнику его отца, показываетъ, что они еще не были въ настоящей и явной враждѣ. Это ясно еще изъ того обстоятельства, что когда, по убіеніи Кай-кату, правленіе перешло въ руки Байду (внука Гулагу въ другой линіи; см. D'Osson VI, 4) и Газанъ пошелъ съ войскомъ въ Рей, для обезпеченія своихъ наслѣдственныхъ правъ, его первое требованіе состояло въ томъ, чтобы выдали ему убійцу дяди. Послѣ сомнительной войны, продолжавшейся восемь мѣсяцевъ, взмѣна главныхъ вождей привела къ гибели похитителя верховной власти: Газанъ взомель на Персидскій престоль, спустя два года по пріѣздѣ Княжны, о которой ничего больше не упоминается. Этотъ Государь нашель прекраснаго историка въ своемъ Визирѣ Рашидѣ, который подробно описываетъ его характеръ и дѣла и выставяеть его образцомъ Государей. Газанъ отмѣнилъ безчисленныя злоупотребленія, вкравшіяся въ странѣ при его предшественникахъ, избавилъ народъ отъ многихъ тягостей и ввелъ порядокъ и правильность во всѣ отрасли управленія. Дѣйствуя воплнѣ въ духѣ народа, покореннаго оружіемъ его Монгольскихъ предковъ, Газанъ принялъ вѣру Магомета. См. D'Osson, Hist. des Mong. liv. VI, ch. 5 — 9.

проходовъ. ²⁹ Такъ они и поступили, но вернулись потомъ въ мѣсто-пребываніе Кіа-като, потому что дорога, которою хотѣли идти далѣе, лежала въ этомъ направленіи; но тамъ они отдыхали цѣлые 9-ть мѣсяцевъ. При прощаніи, Кіа-като далъ имъ 4 золотыя доски, каждая въ полъ локтя длины и пять вершковъ ширины, а вѣсомъ три, или четыре, золотыя марки. На нихъ было написано, что властію вѣчнаго Бога, имя Великаго Хана вездѣ должно быть почитаемо и хвалимо, и всякой, оказавшійся ослушникомъ того, подвергается смерти, а его имѣніе отбирается на Хана. Потомъ было написано, чтобы три Посланника, какъ его Намѣстники, во всей землѣ принимались съ должною почестію, доставлялось бы имъ все нужное и давались необходимые провозачые. Все это исполнено въ точности: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ провожало ихъ до 200 человекъ стражи; да безъ нея они и не ушли бы далеко, потому что правленія Кіа-като не любили, а въ народѣ было расположеніе къ позорной брани и насильствзъмъ, о чемъ не смѣли бы и подумать въ царствованіе своего законнаго Государя. ³⁰ Въ продолженіи путешествія они узнали, что Великій Ханъ (Кублай) кончилъ жизнь: это лишило ихъ всякой надежды

²⁹ Этѣ важные проходы, извѣстные древнимъ подъ именемъ *Portae* и *Pylae Caspiae* или Каспійскія дороги (для различія отъ Дербентскихъ и Рудбарскихъ), у Восточныхъ географовъ называются тѣснины Коваръ или Каваръ, отъ того ли, что это слово означаетъ долину между двумя горами, или отъ имени городка, у восточнаго входа, также называемаго Каваръ. По близости этихъ тѣснинъ лежитъ земля, которую Поло называетъ *Arbor Secco*: о ней особенно говоритъ онъ въ 20 главѣ, упоминая о ней не одинъ разъ, потому что тамъ раздѣлялись дороги, по которымъ онъ ѣхалъ въ Китай и обратно. См. о томъ Риттера VIII, стр. 417—507, гдѣ подробно описаны разные пути, которые избирали новѣйшіе путешественники для изслѣдованія этихъ, до того мало посѣщенныхъ, странъ, и особливо объ этомъ Каварскомъ проходѣ см. 431 и слѣд.

³⁰ Въ этомъ описанномъ поступкѣ находимъ доказательство общаго сомнѣнія относительно права Каї-кату на престолъ, хотя Монгольскіе вельможи и считали это право зависимымъ отъ ихъ выбора. Всѣ историки согласны въ томъ, что онъ велъ постыдную и распутную жизнь: вельможи, наскучивъ имѣть Царемъ такого испорченнаго Князя, сколько ненавидимаго подданными, столько же презираемаго иноземцами, рѣшились низвергнуть его и предложили вѣнецъ не Газану, котораго могли считать еще очень молодымъ и незрѣ-

ать увидеть тѣ страны. Наконецъ дошли они до города Требизон-
откуда поплыли въ Константинополь, потомъ къ Негропону³¹
напослѣдокъ въ Венецію, куда и прибыли, бодрые и здоровые, съ
ищими богатствами, въ 1295 г.³² По этому случаю они принесли

лымъ, а Байду, внуку Гулагу и племяннику умершаго Царя, тогдашнему
Намѣстнику въ Багдадѣ. Дѣло дошло до сраженія: Кай-кату, лично храбрый,
голько по особенной измѣнѣ начальника одного крыла его войска, былъ
разбитъ, взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ. Мы уже говорили выше, что между
нимъ и племянникомъ, Газаномъ, не было никакой непріязни. Замѣчательно,
что всего больше побудила Монгольскихъ вельможъ къ мятежу противъ
этого Государя попытка его ввести въ Государствѣ бумажныя деньги, какія
обыкновенно ходили въ Китаѣ. Hist. des Huns XVII, p. 267. Жаль, что
Дегинъ не указываетъ источника этого замѣчательнаго событія; но если это
было дѣйствительно такъ, то мы не усомнимся приписать ему всѣ тѣ
трудности, которыя наши путешественники претерпѣли въ Персіи и ихъ
долгое пребываніе въ Табризѣ. См. кн. 2, гл. 18 о бумажныхъ деньгахъ,
ущенныхъ въ обращеніе Царемъ въ Пекинѣ. М.

Введеніе бумажныхъ денегъ въ Персіи въ царствованіе Кай-кату подтвер-
ждаетъ и Д'Оссонъ въ Hist. des Mong. IV, стр. 100 и слѣд., который
приводитъ свѣдѣтельства историковъ Рашида и Вассафа. Казна расточи-
тельнаго Государя вся была истрачена: одинъ негодій, по имени Иццу-
динъ Моцафферъ, далъ первому Визирю несчастный совѣтъ пособить горю
выпускомъ бумажныхъ денегъ.

¹ Самая прямая дорога изъ Табриза (принимая его за пребываніе Кай-кату)
была бы черезъ Бедлисъ въ Курдистанѣ въ Алеппо; но на ту пору Египет-
скіе Султаны, съ которыми Цари Персидскіе находились въ безпрестанныхъ
войнахъ, овладѣли всѣми пристанями Сиріи и не уважили бы письменныхъ
видовъ нашихъ путешественниковъ. Дорога изъ Грузіи въ Требизондъ, на
Черномъ морѣ, дѣлала ихъ сухопутное путешествіе короче и безопаснѣе:
тамъ оставались они подъ защитою Христіанскаго Государя, котораго Домъ
царствовалъ въ независимомъ небольшомъ Требизондскомъ царствѣ съ 1204
по 1462 годъ, когда оно поглочено было Имперією Оттомановъ; изъ Тре-
бизонда же въ Константинополь, Негропонтъ или Эвбею, и напослѣдокъ
въ Венецію они могли ѣхать моремъ, вѣроятно, на корабляхъ своихъ зем-
ляковъ. М.

² Поло рассказываетъ, что онъ, для достиженія Суматры, употребилъ три мѣ-
сяца, считая отъ его выхода въ море въ Цейтунѣ. Тамъ, по словамъ его,
онъ оставался пять мѣсяцевъ изъ за дурной погоды (кн. III); на переѣздѣ

благодарность Богу, Который избавилъ ихъ отъ столькихъ беспокойствъ, напряженныхъ трудовъ и безчисленныхъ опасностей, и довелъ ихъ до цѣли. Этотъ рассказъ можетъ считаться вступительною главою: его назначеніе ознакомить читателя съ случаями, встрѣчавшимися Марку Поло при собираніи свѣдѣній о предметахъ, которые онъ описывалъ во время долголѣтняго пребыванія на Востокѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О Малой Арменіи, о пристани *Giazza*, и предѣлахъ этой страны.

Начиная описаніе странъ, посѣщенныхъ Маркомъ Поло въ Азіи, и замѣчательныхъ предметовъ, которые онъ тамъ видѣлъ, необходимо замѣтить, что мы различаемъ двѣ Арменіи, Великую и Малую.³⁵

изъ Суматры въ Ормузь употреблено имъ 18 мѣсяцевъ. Прибывъ въ Табрисъ, онъ отправился въ «*Argbor Sesso*», для сопровожденія невесты Аргона, и провелъ 9-ть мѣсяцевъ въ Табрисъ для отдыха. Такимъ образомъ и выходитъ у него 35 мѣсяцевъ, употребленныхъ для этого путешествія. Если причесть къ тому время, необходимое на переѣздъ изъ Ормуза въ Табрисъ и на возвращеніе оттуда въ Венецію, то выйдетъ, что онъ 3½ года провелъ въ путешествіи изъ Китая въ отечество; это подтверждаетъ отъѣздъ его изъ сего Государства, который приходится въ 1292 году, такъ что на службѣ Великаго Хана онъ находился 17 лѣтъ, а 26 лѣтъ на Востокѣ. Б. Б.

³⁵ Это раздѣленіе Арменіи на Великую и Малую согласно съ тѣмъ, что находимъ у Птолемея и средневѣковыхъ географовъ, хотя были и другія раздѣленія съ тѣхъ поръ, какъ эта часть Азіи стала подвластною Оттоманской Имперіи. По Бюшингу, Малая Арменія заключаетъ часть Каппадокіи и Киликіи, лежащей на западной сторонѣ Великой Арменіи и также съ западной стороны Евфрата. Во время Гайтона она простиралась на югъ отъ Тавра и вмѣщала Киликію (*Cilicia campestris*), чего не было въ древнѣйшее время: въ подтвержденіе того, мы имѣемъ неоспоримый авторитетъ этого историка, который рассказываетъ подвиги своего отца и дѣда, бывшихъ Царями въ этой странѣ, и приводитъ свои особенныя причины къ отреченію отъ престолонаслѣдія. Въ извѣстіи о частяхъ и границахъ Сиріи онъ говоритъ: «Къ востоку граничитъ она съ Месопотаміею, къ сѣверу съ Малою Арменіею и отчасти съ Турецкимъ Государствомъ.» Начало ея, какъ особеннаго Государства, Дегинъ описываетъ въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: «Въ царствованіе Алексѣя Комнина, одинъ Армянскій Вельможа, по имени *Kaghis*, изъ славнаго дома

Король Малой Арменіи живетъ въ городѣ, по имени Севастось, ³⁴ править хорошо и правосудно. Въ землѣ много городовъ, крѣпостей и замковъ, и нѣтъ недостатка ни въ чемъ, необходимомъ для жизни и удобства людей. Тамъ довольно дичи, состоящей въ птицахъ и въ рыбахъ. ³⁵ Но должно замѣтить, что воздухъ страны не совсѣмъ здоровъ. Въ прежнія времена жители ея считались храбрыми и опытными воинами, но теперь они женственны и изнѣжены, любятъ ѣсть, пить, роскошничать, да ничего не дѣлать. На морскомъ берегу лежитъ городъ, по имени Giazza, важное торговое мѣсто. Пристань его посѣщается множествомъ купцовъ изъ разныхъ странъ, также изъ Венеціи и Генуи, которые покупаютъ пряныя корни и ароматическія травы, шелковые и шерстяные товары и другія дорогія вещи. Кто хочетъ ѣхать внутрь Леванта, ³⁶ обыкновенно долженъ сначала

потомковъ Пакрата, умѣлъ овладѣть Армянскимъ Государствомъ. Онъ принялъ Царскій титулъ и покорилъ Киликію съ частію Каппадокіи. Онъ него ведутъ родъ Цари Малой Арменіи, правившіе въ XII (и въ XIII) столѣтіи. Столицею ихъ былъ Сисъ. Hist. gen. des Huns. VII, 432. — М. Поло проѣзжалъ Малую Арменію на пути въ Китай, а Великую, возвращаясь оттуда, по дорогѣ изъ Табриса въ Трѣбизондъ, чтобы съѣсть тамъ на корабль.

³⁴ По названнымъ выше знаменитымъ писателямъ, также и по другимъ, столицею Малой Арменіи былъ Сисъ въ царствованіе Льва и Гайтона; по нашему мнѣнію, упоминаемый здѣсь Севастось было древнее имя этой столицы, или другаго города, имѣвшаго тоже положеніе. Изъ Географіи Птолемея видно, что въ Asia Minor было много городовъ съ именемъ Севастія, Севасте и Севастополь (кромя одного въ Сиріи); въ его же исчисленіи Киликійскихъ городовъ находимъ Севасте, къ которому въ Латинскомъ переводѣ прибавлено прилагат. *augusta*: на этомъ основаніи, городъ могъ построить Левъ I-й (по имени котораго земля называется у Арабовъ Белады-Леонъ, также и Белады-Сисъ), и Греческое названіе его еще преобладало. М.

³⁵ М. Поло при своихъ описаніяхъ не упускаетъ ни одного случая упомянуть объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ охотой, особенно соколиной. Въ его время охота была предметомъ болѣе важнаго занятія для сановитыхъ людей, нежели стала въ новѣйшее время, и Монгольскіе Государя, въ службѣ которыхъ онъ былъ воспитанъ, считали ее дѣломъ, уступавшимъ, по своей важности, только одной войнѣ. М.

³⁶ Левантъ составляетъ переводъ слова Анатолія или Анадоли, отъ Греческаго *ἀνατολή*, означающаго землю къ востоку отъ Греціи. Нашъ писатель употребляетъ его для Малой Азіи: въ обширѣйшемъ объемѣ это будетъ Востокъ.

войти въ эту пристань. Границы страны: къ югу Земля Обѣтованная, теперь во владѣніи Сарацинъ, къ сѣверу Караманія, населяемая Туркоманами, къ сѣверо-востоку города Кесарія, Севаста и многіе другіе, подвластные Татарамъ, а къ западу она оmyвается моремъ, по которому плаваютъ въ Христiянскія земли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О землѣ Туркоманіи, гдѣ города Когни, Kaisapañ и Севаста, и о торговлѣ ихъ.

Жителей Туркоманіи ³⁷ можно раздѣлить на три отдѣла. Туркоманы,

³⁷ Подъ Туркоманією обыкновенно разумѣемъ владѣнія Великой Сельджуцкой Династіи въ Малой Азiи, простиравшіяся къ югу отъ Киликіи и Памфиліи, по берегамъ Чернаго моря, и къ западу отъ Писидіи и Мкiи къ границамъ Малой Арменіи, и заключавшія въ себѣ большую часть Фригіи и Каппадокіи съ Понтомъ, а особливо теперешнія области Караманію и Rumiyañ или землю Румъ. Главнымъ городомъ первой, т. е., Караманіи, былъ Иконія, названіе искаженное Восточными писателями въ Kuniyañ, а писателями Крестовыхъ походовъ въ Когни, послѣдней же Севасте или Севастополь, обращенный въ Сивастъ. «Государство Turguia, говоритъ Гайтонъ, разумѣвшій подъ нимъ землю, которую нашъ писатель называетъ Туркоманіей, очень велико: къ востоку оно граничитъ съ Великою Арменіей и отчасти съ Государствомъ Грузіей; къ западу простирается до Государства (страны) Анатолиі, лежащаго за Греческимъ моремъ; къ сѣверу оно не граничитъ съ землею, а простирается вдоль береговъ Чернаго моря; къ югу же сопредѣльно отчасти съ Малою Арменією, отчасти, съ Киликіей, а отчасти до самаго Греческаго моря, напротивъ острова Кипра.» Hist. orient. cap. XIII.—«Сельджуками, говоритъ Поттингеръ, я называю Туркомановъ, согласно съ туземными писателями, съ которыми я справлялся.» Государь, отъ котораго велъ свое начало Домъ Сельджуковъ, былъ родомъ Туркоманъ изъ Туркестана, на сѣверо-восточной сторонѣ рѣки Сигона или Яксарта, но въ службѣ Козарскаго Государя на Волгѣ, откуда бѣжалъ и искалъ счастья за Оксомъ, точно такъ, какъ нѣкоторые изъ его Дома искали его въ Хоразанѣ. Они приобрѣли великую славу и наконецъ, съ помощію Туркоманскихъ племенъ, соединившихся подъ ихъ знаменами, основали Государство, котораго столица находилась въ Персiи. Другая отрасль ихъ отняла около 1080 г. у Греческихъ Императоровъ прекрасныя области Малой Азiи и образовала то Государство, о которомъ

ущіе Магомета и слѣдующіе его закону, грубый народъ и безъ какой образованности. Они живутъ въ горахъ и въ мѣстахъ, съ трудомъ доступныхъ, гдѣ находятъ хорошія пастбища для своего скота, которымъ только и живутъ. Здѣсь есть превосходная порода лошадей, называемыхъ Турки, и красивые мулы, продающіеся высоко цѣною. ⁵⁸ Другіе отдѣлы — Греки и Армяне, живущіе въ горахъ и укрѣпленныхъ мѣстахъ и получающіе пропитаніе отъ речей и торговли. Тутъ ткуются самыя лучшіе и красивые ковры шелковыя ткани краснаго и другихъ яркихъ цвѣтовъ. Къ знатнѣйшимъ городамъ принадлежатъ: Когни, Кесарія и Севаста; изъ нихъ въ послѣднемъ Св. Власій сподобился славнаго мученическаго вѣнца. сѣ они въ зависимости Великаго Хана, Царя Восточныхъ Татаръ, который опредѣляетъ надъ ними Намѣстника. ⁵⁹ Теперь поговоримъ Великой Арменіи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О Великой Арменіи, гдѣ города Arzingan, Аргиронъ и Argiz; о замкѣ Пайпуртѣ; о горѣ, на которой остановилъ Ноевъ ковчегъ; о границахъ страны и замѣчательномъ масляномъ источникѣ.

Великая Арменія — обширная область: при входѣ въ нее лежитъ

теперь рѣчь. Черезъ эту страну нѣсколько разъ пролагали себѣ путь Христіанскіе Государи въ своихъ первыхъ походахъ въ Обѣтованную Землю: по исчисленію историковъ, не менѣе 600,000 человекъ погибло въ этихъ предварительныхъ походахъ. Наконецъ, могущество Сельджуковъ уступило превозмогающему вліянію Чингисъ-Ханова Дома, и во время Марка Поло было уже незначительно; но изъ развалинъ его возникло Государство Оттомановъ, основатель котораго находился въ службѣ одного изъ послѣднихъ Иконійскихъ Султановъ. М.

⁵⁸ Пастушескіе обычаи Туркоманскихъ Татаръ сохранились до нынѣшняго времени; также существуетъ еще и различіе ихъ племенъ. Порода Туркскихъ лошадей цѣнится на всемъ Востокѣ, какъ особенно смѣлая и сильная. М.

⁵⁹ Домъ Гулагу и племена, слѣдовавшія за его знаменемъ, называются всегда у Марка Поло Восточными Татарами, для отличія отъ потомковъ Батыя, которые поселились на Волгѣ, на сѣверозападной сторонѣ Каспійскаго моря

городъ Arzingan, ⁴⁰ гдѣ находится фабрика тонкой хлопчатобумажной ткани, называемой бомбазинъ, ⁴¹ и много другихъ замѣчательныхъ фабрикъ, исчисленіе которыхъ было бы слишкомъ подробно. Здѣсь есть прекраснѣйшіе теплые ключи и самыя цѣлительныя воды, какія только можно найти. Жители по большей части Армяне, но подъ Татарскою властію. Въ этой странѣ много городовъ, но Arzingan самый главный и мѣстопробываніе Архіепископа. Послѣ него важ-

и распространяли свои завоеванія въ Европѣ, между тѣмъ какъ тѣ потянулись отъ Заоксаніи и Хоразана къ востоку въ Персію. М.

⁴⁰ Arzingan, тогдашняя столица Великой Арменіи, которая въ тоже время является замѣчательнымъ фабричнымъ городомъ, еще и теперь называется Egzingan и лежитъ въ дикой романической мѣстности, окруженная плодородною странюю, на разстояніи 20 географ. миль къ сѣверозападу отъ нынѣшней столицы Арменіи, Эрзерума, къ югу отъ Кара-су или большого западнаго рукава Евфрата.

Egiza или Egez у Армянъ, Arzengan у Персовъ, а у Арабовъ, не вѣдѣвшихъ буквы g, Arzendjan, въ Дохристианское время былъ весьма древній городъ, славный множествомъ языческихъ храмовъ, которыми обязанъ въ I-мъ столѣтіи Тиграну II. Но послѣ, въ IV вѣкѣ, эти храмы Анагдѣ были разрушены Св. просвѣтителемъ Григоріемъ. Благодаря этому великому Апостолу, ко гробу котораго ходятъ сюда на богомолье, страна сдѣлалась классическою средюю Арменіи и мѣстопробываніемъ Епископа, перенесеннымъ въ послѣдствіи отсюда въ младшій по времени Эрзерумъ. Подъ владычествомъ Сельджуковъ и Монголовъ въ Персіи, при которыхъ видѣлъ этотъ городъ Марко Поло, и которые покорили его въ 1242 году, въ немъ весьма процвѣтали промышленность и торговля; но о тамошнихъ теплыхъ ключахъ никто изъ новѣйшихъ наблюдателей не сообщаетъ намъ ни какого извѣстія: мы почти догадываемся, что М. Поло смѣшалъ ихъ съ ключами Элпъ близъ Эрзерума, городка, весьма часто разрушаемаго землетрясеніями. Англійскій Консулъ Брантъ, посѣщавшій Арзинганъ въ 1835 году, насчитываетъ въ немъ 3,000 домовъ и большею частію Турецкихъ жителей, между которыми до 800 Армянскихъ семействъ. Ritter's Erdkunde, X, 270.

⁴¹ Очень красивая бумажная ткань, Бухерамъ по II Mill, или Bocassini di Bombaggio по тексту Рамузіо; эти Бомбасины лучше всякихъ другихъ. Изданіе Cotgrave, напечатанное въ 1611 году, замѣчаетъ, что бомбасинъ, родъ бухарки или полосатой ткани, похожъ на тафту и въ большемъ употребленіи для бѣлья, такъ же и на калиманку. Vocabulario della Crusca говоритъ о buckerame bianchissima и buckeramo bombagino.

бѣйшіе Аргиронъ и Dargiz. ⁴² Лѣтомъ приходитъ въ страну военный отрядъ Восточныхъ Татаръ съ ихъ стадами, по причинѣ хорошихъ здѣшнихъ луговъ, но при наступленіи зимы они удаляются, потому что снѣгу такъ много падаетъ, что лошади не находятъ для себя ни какого корма. Отъ того Татары, ради тепла, уходятъ съ стадами на югъ. Тутъ же есть замокъ, по имени Цайпуртъ, ⁴³ мишо

² Аргиронъ, испорченное имя нынѣшняго Арзерума, Эрзерума, правильнѣе, по Арабскому названію, Arzen er gum, т. е., Арзень, городъ Римлянъ, потому что онъ послѣдній, принадлежавшій Римлянамъ городъ Арменіи, въ противоположность съ сосѣднимъ городомъ Арзеномъ, лежащимъ восточнѣе, который былъ богатый рынокъ Сиро-Армянъ, но еще въ 1049 г. разоренъ Сельджуками и остался въ развалинахъ. Тогда жители его переселились въ Римскій городъ Арзень, который былъ до того только военнымъ мѣстомъ, но съ этого времени поднялся по населенію и богатству. Его древнѣйшее туземное имя Гаринъ, въ той же области, называвшейся у Армянъ также Гаринъ, только въ началѣ V вѣка перешло на построенную на его мѣстѣ крѣпость, главную въ Арменіи и названную Феодосіополемъ. Какъ Византійско-Христіанскій городъ, крѣпость эта удерживала такое имя многія столѣтія, пока въ XI столѣтіи не было оно вытѣснено Арабскимъ названіемъ. Марко Поло засталъ его въ искаженномъ видѣ у Персовъ, но оно и до сихъ поръ уцѣлело и находится въ общемъ употребленіи въ названіи Эрзерума. См. Риттера X, стр. 270 — 271. Городъ, приводимый подъ искаженнымъ именемъ Dargiz, не иное что, какъ Арсисса; нынѣшній Арджишъ, на озерѣ Ванъ.

³ Это древняя крѣпость, построенная еще Императоромъ Юстиніаномъ на утесѣ значительной высоты и называемая Baeberdon, Paiperth или Papert древнѣйшихъ Армянъ, Байбургъ и Байбутъ у Арабовъ и Турокъ, на сѣверо-западѣ отъ Эрзерума, на рѣкѣ Джорокъ или Чурукъ, текущей отъ этого мѣста къ сѣверо-востоку черезъ Исперу (Hispiratis) въ Черное море. Въ самой близи Байбурта неизвѣстно ни одного серебрянаго рудника, но недалеко отъ него, по дорогѣ въ Эрзерумъ, лежатъ мѣдные рудники, Хальваръ, которыхъ, однако жъ, нельзя разумѣть здѣсь. Вся окрестность, кажется, богата металлическими жилами. Есть и серебряные рудники, только они лежатъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города, одинъ на сѣверо-востокъ, въ долинѣ Чуруцкой, къ Испертъ, на половинѣ дороги туда, въ 18 часахъ пути, вблизи Армянскаго монастыря Сипъ-Ованесъ: но теперь они не разрабатываются и мало извѣстны. Другіе лежатъ на противоположной сторонѣ, къ сѣверо-западу отъ Байбурта, въ долинѣ рѣки Гумискава, въ отдаленіи на 14 часовъ пути; они дали даже названіе этой рѣкѣ, потому что горнозаводскій городъ, выстроенный на гранитномъ хребтѣ Gumish

котораго лежитъ дорога ѣдущимъ изъ Трѣбизонда въ Тавризмъ; въ немъ есть богатый серебряный рудникъ. Въ средней части Арменіи находится очень большая и высокая гора, на которой, какъ говорятъ, остановился послѣ потопа Ноевъ ковчегъ. ⁴⁴ При подхождѣ можно обойти ее кругомъ не менѣе какъ въ два дня. Выходъ на нее невозможенъ, по причинѣ снѣговъ на ея вершинѣ, которые никогда не таютъ, но еще умножаются съ каждымъ выпавшимъ снѣгомъ. Но въ низменной части, по направленію къ равнинѣ, почва дѣлается плодороднѣе отъ тающаго снѣга. Тамъ такая роскошная растительность, что весь скотъ, сгоняемый туда изъ сосѣдственныхъ странъ, находитъ самый обильный кормъ. Къ югозападу съ Арменіею граничатъ земли Мосулъ и Марединъ, которыя будутъ описаны послѣ, и многія другія, такъ многочисленныя, что нельзя разсказывать о нихъ подробно. Къ сѣверу лежитъ Zorzania; ⁴⁵ тамъ, на границѣ, есть большой колодезь съ масломъ, которымъ можно навьючить много верблюдовъ. Это масло употребляютъ не для кушанья, а только вмѣсто мази, для излѣченія

Dagh (Серебряной горы), называется Gumiskhana (Серебряной домъ). Ясно, что ихъ разумѣтъ здѣсь Марко Поло, такъ какъ они разрабатываются съ давнихъ поръ и все еще считаются не только богатѣйшими серебряными рудниками, не смотря на ихъ плохую разработку, но и высшимъ училищемъ горнаго и руднаго дѣла для всей Малой Азіи и Турецкой Имперіи. М.

⁴⁴ Это не Сирийскій, а Армянскій Апаратъ, Mazis туземныхъ Армянъ. Ознаменовавшись съ Св. Писаніемъ, они считали его Апаратомъ Моисеевыхъ ковгъ, получившимъ у нихъ также имя Agherh или Dagher-dagh. По замѣчанію Гаммера, правильнѣе называть его Arghlidagh или Arghitagh (какъ въ Dshihannipta Турковъ), такъ какъ это слово указываетъ на имя Arca, въ Библии 70 толковниковъ, и названное по нему Arche Нѣмецкой Библіи, чему любопытнымъ подтвержденіемъ служить извѣстіе Марка Поло. О немъ подробности см. у Риттера X, 356 и слѣд.

⁴⁵ Подъ Zorzania надобно разумѣтъ здѣсь Грузинское Царство, сопредѣльное съ Арменіею и имѣющее столицею Тифлисъ: z вм. мягкаго g принадлежитъ старинному Венеціянскому нарѣчію, на которомъ, по всему вѣроятію, писанъ подлинникъ нашего сочиненія, и это правописаніе сохранилось, какъ въ Латинскомъ, такъ и въ обыкновенныхъ Итальянскихъ переводахъ. Такъ въ словаряхъ находимъ zamra вмѣсто gamba, mazog вмѣсто shaggiog и zoia вм. gioia. М.

отъ накожныхъ болѣзней у людей и скота, равно какъ и въ другихъ недугахъ; можно также употреблять его съ пользою и для освѣщенія. Въ окрестности другаго и не держатъ для свѣтильниковъ, и приходятъ за нимъ издалека.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О землѣ Zorzania. ея границахъ; о тѣснинѣ, въ которой Александръ построилъ желѣзные ворота, и о чудесномъ ключѣ близъ Тифлиса.

Въ Zorzania Царь обыкновенно называется Давидъ Меликъ, что по нашему значитъ Царь Давидъ. Одна часть земли подвластна Татарамъ, другая же, по причинѣ сильныхъ крѣпостей ея, находится во власти своего природнаго Государя. Она лежитъ между двумя морями, изъ которыхъ одно, съ сѣверо-западной стороны, называется Великое море (Эвксинское), а другое, съ восточной, называется море Абаку (Каспійское море). ⁴⁶ Последнее имѣетъ 2800 миль въ окружности и походить на озеро, потому что не соединяется ни съ какимъ другимъ моремъ. На немъ разные острова съ прекрасными городами и замками. Нѣкоторые изъ нихъ населены народомъ, который бѣжалъ отъ Великаго Татарскаго Хана, опустошавшаго его страну, и искалъ убѣжища на этихъ островахъ, или въ дикихъ горахъ, ⁴⁷ другіе же острова необитаемы. При устьяхъ

⁴⁶ Каспійское море у Восточныхъ писателей обыкновенно называется Козарскимъ озеромъ, а у Персидскихъ озеромъ Баку: подъ этимъ именемъ оно является на картѣ въ Венеціанскомъ изданіи Птолемея 1562 г. Это названіе происходитъ отъ Баку, знаменитой пристани на юго-западномъ берегу его. Вблизи его находится гора, выбрасывающая черное, весьма неприятнаго запаха, масло: это сѣрное смолянистое вещество называется каменнымъ масломъ. Его употребляютъ по ночамъ въ свѣтильняхъ, также мажутъ имъ верблюдовъ, для предохраненія отъ паршей. Геродотъ говоритъ о Каспійскомъ морѣ почти тѣми же словами, какъ и М. Поло. См. Bürck Allg. Gesch. d. Reisen. Bd. 1, S. 191.

⁴⁷ Это относится къ завоеванію и разоренію Персін войсками Чингисъ-Хана въ 1221 г. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что нѣкоторые изъ ея несчастныхъ жителей искали себѣ убѣжища на островахъ, или въ необитаемыхъ, или же посѣщаемыхъ одними лишь рыболовами.

рѣкъ Каспійское море изобилуетъ рыбою, особливо семгою и осетрами. ⁴⁸ Въ этой землѣ всѣ лѣса наполнены букowymi деревьями. ⁴⁹ Мнѣ сказывали, что въ старину Цари этой страны рождались съ знакомъ орла на правомъ плечѣ. Жители статны, смѣлые моряки, превосходные стрѣлки и храбрые воины въ битвѣ. Они Христіане по обряду Греческой Церкви и носятъ короткіе волосы, какъ у Западнаго Духовенства. Это та самая земля, въ которую Александръ Великій хотѣлъ проникнуть съ сѣверной стороны, однако жъ дошелъ недалеко, повстрѣчавъ какой-то трудный и тѣсный проходъ. омываемый, съ одной стороны, моремъ, а съ другой загороженный высокими горами и лѣсами, длиною въ 4 (Итальянскія) миль, такъ что небольшой отрядъ могъ бы защищать эту тѣснину отъ всего свѣта. Когда эта попытка не удалась Александру Великому, онъ велѣлъ построить высокую стѣну при входѣ въ тѣснину и укрѣплялъ ее башнями, чтобы живущіе по ту сторону стѣны не могли дѣлать

⁴⁸ Рыболовство на Каспійскомъ морѣ, особливо же въ устьяхъ Волги, всегда было очень значительно. «Въ числѣ чрезвычайно разнообразныхъ рыбъ, водящихся въ безчисленномъ множествѣ въ этой рѣкѣ, говоритъ Р. Н. Вгасе, осетръ не послѣдней важности; ящца его доставляютъ то, что Русскіе называютъ икрою (ikari), а мы кавьяромъ. Слѣдуетъ также упомянуть и о бѣлугѣ или бѣлой рыбѣ: она попадается въ 6 Англ. локтей въ длину и соразмерной тому толщины. Кромѣ ихъ, рѣка доставляетъ и осетрину (Брюсь, кажется, подъ именемъ осетрины разумѣетъ особенную рыбу, отличную отъ Stör, тоже, что и осетръ: не сома ли, или севрюгу, онъ хотѣлъ сказать своею осетриною?), другую очень большую породу рыбъ, очень жирную и вкусную. Волга изобилуетъ также семгою, стерлядью (Strelitz), весьма пріятнаго вкуса, и множествомъ другихъ породъ, о которыхъ упоминать было бы слишкомъ подробно.» *Memoirs* p. 236. Страленбергъ упоминаетъ также о бѣлугѣ, какъ о самой большой въ свѣтѣ изъ употребляемыхъ въ пищу рыбъ, и говоритъ, что онъ видалъ ее въ 56 футовъ длины и въ 18 въ объемѣ. Стр. 337.

⁴⁹ Новѣйшіе путешественники считаютъ буквое дерево въ числѣ растительныхъ произведеній земли, однако жъ не прибавляя замѣчанія, что оно преобладаетъ надъ всѣми другими родами деревьевъ; впрочемъ, Амвросій Кавтарепо, путешественникъ XV вѣка, выставляетъ его особенно предъ всѣми другими. «Erga in detta pianura (говоритъ онъ, рассказывая о Мингрелии) di molti arbori in modo maggiori.» Р. 65, 12-мо.

у вреда. По чрезвычайной своей твердости, проходъ этотъ получилъ я желѣзныхъ воротъ, и разнесся слухъ, что Александръ заперъ гарь между двумя горами. ⁶⁰ Однако жъ неправильно называютъ этотъ народъ Татарами: тамъ въ то время жили не они, а Куманы, примѣсю изъ другихъ народовъ. ⁶¹ Въ этой странѣ много городовъ

Это знатенитый проходъ между Кавказомъ и Каспійскимъ моремъ, гдѣ лежитъ небольшой, но крѣпкій, городъ Дербентъ, называемый у Арабовъ *Babal-abuab*, ворота воротъ, у Турокъ *Demir-sarı*, желѣзные ворота, а у Персовъ *Derbend*, великій оплотъ: онъ находится между Грузіей и областью Ширванъ. Жители обыкновенно того мнѣнія (говоритъ П. Г. Брюсъ), что городъ Дербентъ построенъ Александромъ Великимъ, и что длинная стѣна, доходившая до Евксина, воздвигнута, по его приказанію, для охраненія Персіи отъ Скивскихъ вторженій. *Memoirs*, p. 284. Стѣна, должно быть, построена Ездегердомъ II, царствовавшимъ около половины V вѣка, и потомъ восстановлена Нуширваномъ, изъ его же дома, умершимъ въ 529 году. Саффердинъ говоритъ, что она имѣла 300 аршинъ (*cubit*) въ вышину и построена Нуширваномъ. Ее разрушилъ Тимурленкъ. См. Байера *Dissertatio de muro Caucaso; Commentar. Petrop. I, 245*, и Rennell, *Geography of Herodotus illustrated*, p. 112.

Наши свѣдѣнія о народѣ Куманяхъ вообще темны и неточны, но, кажется, что въ XIII вѣкѣ Куманы населяли земли на сѣверо-западной сторонѣ Каспійскаго моря, отъ Волги до Чернаго моря; ихъ потомъ покорили и выгнали Кипчацкіе Татары. «Куманы, говоритъ Гиббонъ, была Татарская или Туркоманская Орда, кочевавшая въ XI и XII столѣтіяхъ на предѣлахъ Молдавіи. Большая часть ихъ были язычники, только немногіе Магометане; вся эта Орда обращена въ Христіанство Людовикомъ Угорскимъ (1370 г.)» *Decline and Fall of the Roman Empire. VI, 185*, примѣч. — По Тавернье, Куманія къ востоку граничила съ Каспійскимъ моремъ, къ западу съ горами, идущими изъ Черкесской земли, къ сѣверу съ Россією и къ югу съ Грузією. Но Cartwright, въ «*Preacher Travels*», говоритъ: «Арменія на сѣверѣ имѣетъ своими крайними предѣлами: Колхиду, Иверію и Албанію, называемыя нынѣ у Татаръ Команією»; а въ Исторіи Арменіи Гайтона Куманы и Черкесы — одно и то же. Нашъ писатель, очевидно, говоритъ о нихъ, какъ о народѣ, жившемъ непосредственно на сѣверѣ у Дербентскаго прохода, гдѣ на нашихъ картахъ поставлены Лезгины. Впрочемъ, мракъ, покрывающій извѣстія объ этомъ народѣ, нѣсколько проясняетъ одно мѣсто въ «*Gesta Dei per Francos*» Бонгарсія. Оно показываетъ, что имя *Comani* не что иное, какъ сокращеніе изъ *Turcomani*, а это названіе намъ извѣстнѣе. Вотъ его слова: «*Ab his autem septentrionalibus Saracenis, qui*

и крѣпостей, изобиліе во всемъ, нужномъ для жизни; много родится шелка, изъ котораго дѣлаются матеріи, протканныя золотомъ. Здѣсь встрѣчаются и необыкновенной величины коршуны (кречеты) изъ породы, называемой Авиги. Жители вообще получаютъ содержаніе отъ торговли и рукодѣлій. Гористая мѣстность страны съ ея узкими и твердыми тѣснинами помѣшала Татарамъ покорить ее совсѣмъ. При одномъ мужскомъ монастырѣ, посвященномъ Св. Леонарду, происходятъ слѣдующія чудныя вещи. Тамъ есть озеро съ соленою водою, 4 дня пути въ окружности, на берегу его стоитъ церковь. Рыба въ немъ показывается не прежде перваго весенняго дня, и съ этого времени до навечерія Пасхи водится въ чрезвычайномъ множествѣ; за то о Пасхѣ и во все остальное время года ее совсѣмъ не видно. Озеро называется Gelughalat.⁵² А въ названное выше озеро

Comani nuncupantur, principium et originem hi, qui Turcomani dicuntur, et in terra Turcorum inhabitant, traxisse creduntur. Unde nomine composito a Turcis et Comanis appellantur Turcomani. De Turcis siquidem ex antiquis Orientalium historiis certum habemus, quod ex septentrionali regione exeuntes, Persarum fines ingressi, non solum regionem illam, sed universas fere orientales provincias armata manu occupaverunt violenter. • Т. II, р. 1061. Въ этомъ описаніи узнаемъ династію Туркоманскихъ Татаръ, извѣстныхъ подъ пвнемъ Сельджуковъ: одна изъ нихъ покорила Иранъ или Персію, а другая (см. примѣч. 37) владѣла большею частію Малаю Азію. «Les Turcs, говоритъ Дегинъ, съ отношеніемъ къ предъидущему, que Zonare appelle Hongres et Cedren Huns, ont possédé tous les pays, qui sont depuis la Syrie jusqu'à Kaschgar.» Т. I, р. 241. Ихъ значеніе упало къ половинѣ XII вѣка, однако долго еще жили они на сѣверныхъ берегахъ Каспійскаго моря. См. Бальделли II, not. 63.

⁵² Это озеро (Lago di Geluchalat), западное въ Арменіи (его не должно смѣшивать съ соименнымъ ему въ Атропатенѣ, или Урмію) и называется у Страбона Mantiane, у Птолемея Arsene (Arsissa), въ позднѣйшее время озеро Арджишъ, теперь Ванъ. «Есть и большія озера въ Арменіи, говоритъ Страбонъ: одно называется Mantiane или Куанеане, т. е., снвее какъ море: послѣ Palus Maeotis оно самое большое изъ соленыхъ озеръ и простирается до Атропатіи; на немъ есть также соловарня.» Названіе Geluchalat, которое даетъ ему Марко Поло, озеро это получило отъ города Келата (Khelat), лежащаго къ сѣверо-востоку отъ онаго; у Армянъ онъ называется Ghelath', у Арабовъ и Турокъ Challath, Akhlath, Abhlath; подъ властію Сельджуцкихъ Кяевей городъ этотъ находился въ цвѣтущемъ состояніи; Шахъ-Арманъ, Царь

Абаку, окруженное горами, впадаютъ большія рѣки: Гердиль, ⁵³ Гигонъ, Куръ и Араксъ и много другихъ. Недавно стали плавать по немъ Генуэзскіе купцы и привозить оттуда родъ шелковой ткани, подъ названіемъ ghellie. ⁵⁴ Въ этой землѣ есть прекрасный городъ, по имени Гифлисъ, окруженный предмѣстіями и множествомъ твердынь. ⁵⁵ Жители — Армяне и Грузины Христіане, также нѣсколько Магометанъ и Жидовъ, но послѣднихъ очень немного. Тамъ выдѣлываются шелковыя и многія другія ткани. Жители подвластны Великому Царю

Армянскій, основалъ въ немъ свое мѣстопробываніе около 1100 г.; теперь этотъ городъ въ развалинахъ, но недалеко отъ него выстроены новый Akhlath. Новѣйшее названіе Ванъ озеро получило отъ города Ванъ, на южномъ его берегу; въ этомъ городѣ отъ 10 до 12 тысячъ домовъ и до 40,000 жителей. Риттеръ называетъ эти оба Альпійскія озера (Ванъ и Урмію) главною средою образованности въ Азербиджанѣ. Озеро Ванъ недавно посѣщено было многими, именно Жоберомъ и Шульцомъ, но подробнѣе всѣхъ изслѣдовалъ его въ 1838 г. Брантъ, Англійскій Генераль-Консулъ въ Эрзерумѣ: онъ помогъ намъ составить полное о немъ понятіе. См. Риттера IX, стр. 763. 784; § 27, стр. 972 — 1009, и X, 286 — 335.

⁵³ Отъ Арабовъ и Турокъ Волга получила имя Этель, искаженное здѣсь въ Гердиль. По Ибн-Гаукалу, эта рѣка выходитъ изъ земель Русь и Булгаръ, и въ то время года, когда вода ея въ полномъ сборѣ, она должна быть больше рѣки Гигона или Джигуна, и съ такимъ сильнымъ теченіемъ, что ея волны, кажется, хотятъ завоевать Каспійское море. Имена Жигунъ или Оксъ, Куръ или Киръ, и Арасъ или Араксъ не требуютъ никакихъ особенныхъ замѣчаній. М.

⁵⁴ Такъ какъ земля Ghilan (также al-Ghil) при Каспійскомъ морѣ славна по торговлѣ шелкомъ, мы едва можемъ сомнѣваться, что названіе ghellie или gilli, дано было ткани, точно также, какъ флорентинъ, родъ шелка, получилъ свое имя отъ города Флоренціи. О красномъ Гиланскомъ шелкѣ упоминаетъ Нибуръ, а Эльфинстонъ, рассказывая о торговлѣ Кабула съ Персією, говоритъ: «Въ Геланъ и Рештъ привозятся шелкъ и шелковыя ткани, выдѣлываемыя въ Ездѣ и Кашаунѣ». М. См. о Гиланѣ Риттера VIII, 425 — 433.

⁵⁵ Дорога нашего писателя изъ Тавриса въ Требизондъ не могла привести его въ этотъ городъ, слишкомъ теперь извѣстный, такъ что намъ и не нужно входить ни въ какія объясненія. Отъ того есть причина полагать, что онъ только со словъ другихъ сообщаетъ о немъ нѣсколько свѣдѣній.

Татарь. Хотя мы говоримъ только о немногихъ главныхъ городахъ слѣдуетъ, однако жь, знать, что тамъ много и другихъ, о которыхъ не приходится распространяться отдѣльно. если въ нихъ нѣтъ ничеа замѣчательнаго; при случаѣ и они будутъ описаны послѣ. Сказавъ о земляхъ, граничащихъ съ Арменією къ сѣверу, поговоримъ теперь о тѣхъ, которыя лежатъ къ югу и востоку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О землѣ Мосулъ и ея разныхъ обитателяхъ; о народѣ Курдахъ, и о торговлѣ этой земли.

Мосулъ — ⁵⁶ земля, населяемая разнымъ народомъ: одни изъ жителей исповѣдуютъ Магомета и называются Арабами, другіе исповѣдуютъ Христіанскую вѣру, но не по законамъ Римской Церкви, отъ которой отступаютъ во многомъ и называются Несторіанцами, Яковитами и Армянами. У нихъ есть Патріархъ, по ихъ названію Яколитъ: онъ посвящаетъ Архіепископовъ, Епископовъ и Игуменовъ, и точно такъ же, какъ Папа Римской Церкви, посылаетъ ихъ во всѣ страны Индіи, въ Каиръ, Багдадъ и во всѣ мѣста, обитаемая Христіанами. ⁵⁷ Всѣ золотыя и шелковыя ткани.

⁵⁶ Городъ Мосулъ, или по Арабскому произношенію Mausil, прежде главный городъ Месопотаміи, а теперь соименнаго съ нимъ Турецкаго пашалыка. лежитъ на правомъ или западномъ берегу Тигра, противъ мѣста древней Ниневіи, съ которымъ соединяется пловучимъ мостомъ. Абульфеда и всѣ Восточные географы описываютъ его однимъ изъ превосходнѣйшихъ городовъ подвластныхъ Магометанамъ. Въ Нибуровомъ Путешествіи по Аравіи (ч. II, с. 289) читатель найдетъ удовлетворительное описаніе его новѣйшаго состоянія. Хотя писатель нашъ называетъ его областью, однако жь описываетъ скорѣе городъ, нежели область; самый округъ Арабы называютъ Diyar Mausil, также Diyaral-iezirah.

⁵⁷ Эти различныя секты и нынѣ существуютъ точно такъ, какъ были въ XIII вѣкѣ и гораздо ранѣе: онѣ до сихъ поръ изображаютъ собою въ Мосулѣ состояніе раскола въ Христіанской Церкви, которое, кажется, очень бросилось въ глаза Венеціанцу въ его время; также есть онѣ въ сѣверномъ Курдистанѣ, на Забѣ, Тигрѣ и Евфратѣ. Когда Дюпре (1809) посѣдилъ Мосулъ, на 50,000 его жителей считалось до 2500 Сирійскихъ Католиковъ. 2600 Яковитовъ, 5000 Несторіанъ, 750 Жидовъ; прочіе жители были Турки, Курды, Арабы; Армянъ здѣсь нѣтъ: они живутъ разбросанно въ болшей части городовъ этихъ областей.

изываемыя нами Муслины (кисея) выдѣлываются въ Мосулѣ; изъ этой стороны приходятъ всѣ большіе купцы, которые называются Мосуляны, ⁵⁸ и перевозятъ изъ одного мѣста въ другое въ большомъ количествѣ пряности и благовонія. Въ тамошнихъ гористыхъ мѣстахъ живётъ племя, по имени Курды: одни изъ нихъ Христіане Пестоянской и Яковитской секты, а другіе Магометане. Всѣ они беззаконные разбойники, которыхъ занятіе грабить купцовъ. Возлѣ этой земли лежатъ еще другія, по имени Мусъ и Марединъ, гдѣ родится въ большомъ количествѣ хлопчатая бумага, изъ которой выдѣлываются ткани, по имени «боккассини» и многія другія фабричныя произведенія. ⁵⁹ Жители фабриканты и купцы, и всѣ они подданные Тарарскаго Царя. Послѣ этого поговоримъ о городѣ Балдахѣ.

⁵⁸ Купцы, такъ называемые, снабжавшіе въ то время товарами Востока пристани Леванта для Венеціанъ, Генуэзцевъ, Пизанъ и т. д., были, безъ сомнѣнія, Мослемы, Муслиманы, Музульманы, но едва ли вѣроятно, чтобы всѣ они были родомъ изъ Мосула, а потому, конечно, Марко Поло смѣшалъ ихъ названія. Ткани изъ тонкой, прозрачной, бѣлой хлопчатой бумаги, похожія на нынѣшнія Индійскія матеріи, подъ этимъ именемъ и на бомбасинѣ, выдѣлываемыя на фабрикахъ Арзингана, получили въ слѣдующихъ столѣтіяхъ названіе муселиновъ, но не тѣ шелковыя, вытканныя съ золотомъ, парчи и названныя по имени Балдака, т. е., Багдада, какъ, на пр., нарядные штофы, балдакины, хотъ, можетъ быть, ихъ и дѣлали въ Мосулѣ, подали поводъ къ ложному объясненію названія Муслина, потому что это имя, должно быть, давалось и золотымъ парчамъ, какъ Мосульскимъ товарамъ. Р.

⁵⁹ Изъ этого видимъ ясно, что въ тѣ времена туземная мануфактурная промышленность и торговля въ этихъ Восточныхъ областяхъ была значительнѣе, нежели нынѣ; теперь торговля оживляется почти одними иностранцами, да и самый Мосулъ не можетъ больше указать никакихъ собственныхъ фабрикъ муслиновыхъ, или другихъ матерій, кромѣ только красильни да набивальни для тканей, привозимыхъ изъ Басры. Но нынѣшній Мосулъ составляетъ только третью часть прежняго города и вездѣ окруженъ развалинами. Въ Мусѣ же теперь нѣтъ ни одной значительной фабрики, ни торговли; хотъ и много занимаютъ тамъ превосходнымъ винодѣліемъ, однако, кажется, нѣтъ болѣе никакихъ слѣдовъ хлопчатобумажнаго производства. Нибуръ хвалитъ еще въ Мардинѣ (въ 1766) хорошія фабрики, полотняныя и хлопчатобумажныя, да и Г. А. Оливеръ, превосходный натуралистъ, прожившій тамъ пять дней, также подтверждаетъ хорошее хлопчатобумажное производство въ плодородномъ округѣ Мардина и выдѣлку многихъ хорошихъ бумажныхъ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О великомъ городѣ Балдахъ или Багадетъ, прежде называемомъ Вавилономъ; о плаваніи оттуда въ Балсору, лежащую въ морѣ, хоть и Индійскомъ по имени, но собственно Персидскомъ заливѣ, и о различныхъ наукахъ, изучаемыхъ въ этомъ городѣ.

Балдахъ — ⁶⁰ могущественный городъ, гдѣ прежде жилъ Калифъ или Папа всѣхъ Сарацинъ. По срединѣ его протекаетъ большая рѣка, по

тканей въ самомъ городѣ и окрестныхъ деревняхъ, снабжающихъ этими товарами Алеппскій рынокъ. Впрочемъ торговля ничтожна. Уже и тогда, во время М. Поло, какъ и теперь, окрестностямъ Мосула постоянно угрожали дикія племена Курдовъ, съ ближайшихъ горъ Курдистана: это хищныя орды, нападавшія на купеческіе караваны.

⁶⁰ Въ землѣ, расположенной уступами, въ рѣчной системѣ Тигра и Евфрата, Багдадъ становится для среднихъ вѣковъ срединнымъ мѣстомъ, соединяющимъ въ себѣ все, чѣмъ прежде порознь владѣли Ниневія, Вавилонъ, Селевкія, Ктезифонъ, Madain и Куфа: болѣе полустолѣтія онъ былъ мѣсто-пробываніемъ Калифовъ, столицею Магометанской всемірной Имперіи; ни Мекка, ни Куфа, ни Анбаръ, ни Naschemiach, не годились быть всегдашней средою сильнаго Царства Калифовъ; на послѣдокъ второй изъ Аббасидскихъ Калифовъ, Абу Джафаръ аль Мансуръ (753—775 по Р. Х.) былъ такъ счастливъ, что нашелъ настоящее мѣсто, удовлетворявшее всѣмъ потребностямъ, какъ срединной области (Халден или Ассиріи), именно Ирака, которую еще Омаръ Завоеватель, въ его первомъ донесеніи, называлъ «сердцемъ земли, ключемъ Востока, путемъ свѣта, доставлявшимъ всѣ пріятности жизни», такъ и цѣлой Имперіи. Это былъ Багдадъ, средоточіе торговли, вновь процвѣтшихъ искусствъ, учености, наукъ, до тѣхъ поръ, когда, съ разрушеніемъ Калифата Монголами, при Ханѣ Гулагу, въ 1258 г. по Р. Х., онъ лишился прежняго блеска и почти всѣхъ жителей, и обращенъ былъ въ груду пепла. Позднѣйшій, опять явившійся, Турецкій Багдадъ, на восточной сторонѣ Тигра, былъ только слабымъ подобіемъ того города, который прежде, подъ именемъ города Калифовъ, раскинувшись по обомъ берегамъ Тигра, при совершенно другихъ историческихъ обстоятельствахъ, получилъ значеніе первой столицы въ свѣтѣ. Уже Ибн-Гаукаль сравнивалъ его только съ Константинополемъ въ Европѣ, Кануджемъ въ Индіи и Гамданомъ въ Китаѣ. Р. — Нравы и образъ мыслей жителей знакомы намъ по несравненнымъ рассказамъ Тысячи и Одной Ночи.

второй купцы перевозят свое добро въ Индійское море и обратно. ⁶¹ азстояніе до него показываютъ въ 17-ть дней пути, по причинѣ звучинѣ въ руслѣ рѣки. Отправляющіеся въ путешествіе, покинувъ вѣку, прибываютъ въ мѣсто, по имени Кизи, ⁶² откуда и выѣзжаютъ въ море; но еще до входа въ него проходятъ мимо города, по имени Балсара, ⁶³ въ сосѣдствѣ котораго есть пальмовыя рощи, зюція лучшіе финики въ свѣтѣ. Въ Балдахѣ ткуются шелковыя ткани въ золотомъ, также атласъ и бархатъ, съ изображеніями разныхъ вѣрей. Почти весь жемчугъ, привозимый изъ Индіи въ Европу, овится и прокалывается въ этомъ мѣстѣ. Магометанскій законъ изучается здѣсь ученымъ образомъ, равно какъ Магія, Физика, Астроомія, Геоманція и Физиогномія. ⁶⁴ Это самый лучшій и обширнѣйшій ородъ, какой только находится въ этой части свѣта.

¹ Эта рѣка Тигръ, у Арабовъ Dileh, впадающая въ Евфратъ; потомъ обѣ соединенныя рѣки получаютъ имя Шат-эль-Арабъ и изливаются въ Персидскій заливъ. Новѣйшій городъ Багдадъ находится на восточномъ берегу и соединенъ плувучимъ мостомъ съ предмѣстіемъ на западномъ берегу рѣки. На этой же сторонѣ находятся и развалины зданій, принадлежавшихъ къ древнему городу Калифовъ. Нашъ писатель представляетъ ихъ совершенно раздѣленными рѣкой въ его время. Абульфеда говоритъ, что онъ занимаетъ оба берега Тигра. М.

² Кизи или, по Итальянскому правописанію, Chisi, маленькій островъ на восточной сторонѣ Персидскаго залива, по имени Кисъ (Kis) или Кесъ (Kès). Торговля Сирафа, пристани на сосѣдней твердой землѣ, весьма прославленной у Восточныхъ географовъ, перешла на этотъ островъ, должно думать, по причинѣ войнъ въ той странѣ и вреда, переносимаго купцами. Никакіе слѣды не обозначаютъ теперь точнаго положенія Сирафа, и замѣчательно, что Нибуръ опускаетъ его безъ дальнѣйшихъ замѣчаній, хоть онъ имѣетъ такую важность въ исторіи средневѣковой торговли съ Индією, особенно съ Китаемъ.

³ Балсара, по обыкновенному правописанію Балсора, собственно же Basrah, городъ очень важный въ торговомъ отношеніи; онъ лежитъ на югозападномъ берегу Шат-эль-Араба, почти на полудорогѣ между мѣстомъ слиянія Евфрата и Тигра и Персидскимъ заливомъ. Нибуръ говоритъ, что «не много мѣстъ въ мірѣ, гдѣ бы находилось столько разныхъ породъ финиковой пальмы, какъ въ Басрѣ.»

⁴ Славный по наукамъ, Багдадъ былъ нѣкогда главнымъ мѣстомъ Арабской мудрости. Но мнимыя искусства, о которыхъ говоритъ Поло, принадлежали

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Разсказъ о взятіи въ плѣнъ и смерти Балдахскаго Калифа. и чудѣ, какъ гора была переставлена съ одного мѣста на другое.

Калифъ, о которомъ упомянули мы выше, скопиль столько сокровищъ, сколько едва ли когда нибудь имѣлъ другой Государь, и погибъ бѣдственно слѣдующимъ образомъ. Въ то время, когда Татарскіе Князья начинали распространять свою власть, между ними было четыре брата, изъ которыхъ старшій назывался Мангу и царствовалъ въ родовомъ городѣ Царскаго семейства. По завоеваніи земли Катаи и другихъ округовъ въ той странѣ, имъ захотѣлось владѣній еще обширнѣе: они ухватились за мысль о великомъ обществѣ Государствъ и рѣшили раздѣлить между собою свѣтъ. Для этой цѣли положили, чтобы одинъ изъ нихъ двинулся на востокъ, другой покорялъ на югѣ, а два другіе распространяли свои завоеванія въ прочихъ странахъ. Южная часть досталась Улау, который собралъ сильное войско и, покоривъ земли, лежавшія на пути его, двинулся, въ 1250 году, для нападенія на городъ Балдахъ. Но замѣтивъ, что это городъ крѣпкій и съ огромнымъ населеніемъ, рѣшился употребить лучше хитрость, нежели силу для его покоренія. Чтобы ввести непріятели въ заблужденіе относительно числа своего войска, состоявшаго изъ 100 тысячъ всадниковъ, онъ поставилъ на всякой сторонѣ передъ городомъ по отряду, подъ прикрытіемъ лѣса, а самъ принялъ начальство надъ третьимъ и смѣло двинулся впередъ, такъ что только небольшое пространство отдѣляло его отъ воротъ города. Калифъ слишкомъ мало обратилъ вниманія на такое, по видимому, незначительное войско, и, положившись на силу обычной моляты къ Магомету, считалъ самымъ легкимъ дѣломъ совершенное истре-

къ ложнымъ знаніямъ предвѣщателей. Черное искусство (negromanzia) было предвѣщаніе посредствомъ мертвыхъ; Физика могла быть Естественная Исторія; что же касается до Астрономіи, то я думаю, что подъ этимъ словомъ разумѣли не науку о небесной системѣ и теченіи звѣздъ, но ложное ученіе, какъ узнавать судьбу по небеснымъ тѣламъ. Геоманція была искусство вопрошать судьбу по земнымъ тѣламъ. Физиогномія учила узнавать природу человѣка по чертамъ лица—знаніе, сдѣлавшееся моднымъ и въ наше время. Б. Б.

еніе непріятели. Итакъ онъ двинулся изъ города съ своею стра-
ею. Лишь только увидѣлъ его приближеніе, Улау притворился, что
ступается передъ нимъ, и это продолжалъ до тѣхъ поръ, пока не за-
инилъ его въ мѣстѣ, гдѣ разставлены были другіе отряды. Теперь они
мкнулись съ обѣихъ сторонъ: войско Калифа было окружено и уни-
ожено, самъ онъ взятъ въ плѣнъ, а городъ сдался завоевателю. Всту-
вшій въ Багдадъ, Улау, къ великому своему удивленію, открылъ
шнюю, полную золота. Онъ позвалъ къ себѣ Калифа, упрекалъ его
скупости, мѣшавшей ему употребить свои сокровища на образо-
віе войска, которое защитило бы городъ отъ нападенія, грозив-
аго ему давно, и велѣлъ запереть Калифа безъ пищи въ этой
шнѣ: тамъ, среди своихъ богатствъ, Калифъ и окончилъ плачев-
ую жизнь. ^{es}

Вѣрю, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ такъ соизволилъ воз-
ать за несправедливости къ вѣрнымъ его Христіанамъ, бывшимъ
ь такомъ пренебреженіи у этого Калифа. Съ самаго восшествія на
рестола въ 1225 году, днемъ и ночью занимала его мысль, какъ
ы обратить въ свою вѣру всѣхъ жителей своего Государства, а въ
лучаѣ ихъ упорства, имѣть предлогъ для ихъ казни. Для того онъ
овѣтовался съ учеными, и они нашли одно мѣсто въ Евангеліи,
мѣдующаго содержанія: «Аще имате вѣру, яко зерно горушно,
речете горѣ сей: преиди отсюда тамо, и преидеть, и ни
то же невозможно будетъ вамъ (съ молитвою, обращенною для
ого къ величеству Божію).» Обрадовавшись открытію, и въ увѣрен-
юсти, что это дѣло совсѣмъ невозможное, онъ приказалъ собрать-
я всѣмъ Несторіанскимъ и Яковитскимъ Христіанамъ, жившимъ
ь Багдадѣ въ великомъ числѣ. Имъ предложенъ вопросъ: «Вѣрятъ
и они, что все, сказанное въ Евангеліи, правда, или нѣтъ?» Они
твѣчали, что все правда. «Ну, сказалъ Калифъ, если все правда,
акъ посмотримъ, кто изъ васъ представитъ доказательство своей
вѣры; потому что, если изъ васъ не сыщется ни одного такого,

^{es} Mostasem Billah, послѣдній изъ Аббасидскихъ Калифовъ Багдада, на-
чалъ царствовать съ 1242 года и былъ казненъ въ 1258 году. Это былъ
слабый, безпечный, чувствительный и при томъ скупой Государь, пренебрегав-
шій обязанностями правленія и возлагавшій ихъ на безчестнаго министра,
который наконецъ выдалъ своего повелителя смертельному его врагу.

который имѣлъ бы вѣры въ своего Господа не болѣе, какъ на горчичное зерно, то ужь конечно я буду правъ въ томъ, что считалъ васъ народомъ испорченнымъ, дурнымъ и вѣроломнымъ. Даю вамъ 10-ть дней: до истеченія этого срока, силою Того, Кого обожаете, вы или удалите стоящую передъ вами гору, или должны будете принять законъ нашего пророка: въ обоихъ случаяхъ вы безопасны; но если не сдѣлаете того, приготовляйтесь къ самой мучительной смерти. Христіане, зная, что нельзя ждать ни какой милости, и что ему сильно хочется взять себѣ ихъ имущество, трепетали за свою жизнь при его словахъ, однако жь, не смотря на то, возложили упованіе на своего Спасителя, что Онъ избавитъ ихъ отъ опасности; держали собраніе и совѣтовались, къ чему имъ прибѣгнуть. Не представлялось ничего другаго, какъ призвать Всемогущество Божіе, чтобы оно посѣтило ихъ своею помощію. Всѣ вмѣстѣ, большіе и малые, днемъ и ночью, повергшись на землю, проливали слезы, ничего не дѣлали больше, какъ только молились Богу. Такъ провелъ 8 дней; наконецъ одинъ добродѣтельный Епископъ получилъ Божественное откровеніе во снѣ: оно указало ему отыскать одного башмачника (имя его неизвѣстно), у котораго былъ только одинъ глазъ, и позвать его къ горѣ; онъ можетъ передвинуть ее съ Божіей помощію. Когда онъ нашелъ башмачника и далъ знать ему объ откровеніи, тотъ возразилъ, что онъ не чувствуетъ себя достойнымъ для этой задачи; заслуги его не таковы, чтобы могли давать ему право на такую милость. Однако жь бѣдные, испуганные Христіане упростили его наконецъ: онъ согласился. Надобно знать, что онъ былъ человѣкъ твердыхъ правилъ и богобоязливъ въ рѣчахъ, обращалъ къ Богу свое чистое и преданное чувство, никогда не забывалъ посѣщать обѣденную службу и исполнять другія благочестивыя дѣла, былъ усерденъ къ дѣламъ милосердія и строго соблюдалъ посты. Разъ случилось, что въ лавку къ нему зашла молодая и красивая женщина примѣрять для себя пару туфель: она протянула ему и нѣсколько обнажила ногу, которой красота возбудила въ немъ минутное желаніе; однако жь онъ быстро опомнился, тотчасъ же отпустилъ и вспомнилъ слѣдующія Евангельскія слова: «Аще око твое десное соблажняетъ тя, возьми и верзи е отъ себе; уне бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну огненную.» Въ ту же минуту

ь схватилъ одинъ изъ башмачныхъ инструментовъ и выкололъ бѣ правый глазъ. Тѣмъ онъ доказалъ, выше всякихъ сомнѣній, истину своей вѣры.

Назначенный день насталъ: отслужили раннюю обѣдню, и торжественный ходъ двинулся въ равнину, гдѣ стояла гора; впереди шли святой крестъ. Калифъ, въ той увѣренности, что Христiане едоставятъ ему одну пустую обрядность, хотѣлъ лично быть тамъ, сопровожденіи нѣкотораго числа стражи, для истребленія Христіанъ, если ихъ попытка не будетъ имѣть успѣха. Благочестивый месленникъ преклонилъ колѣна предъ крестомъ, поднялъ руки къ Богу, и молилъ Творца, чтобы Онъ милостиво воззрѣлъ на землю и, въ похвалѣ и прославленію Своего имени, помогъ своему народу въ изрѣшеніи задачи, да узнаютъ Его могущество поносители Его имени. Окончивъ молитву, онъ вскричалъ громкимъ голосомъ: «Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа повелѣваю тебѣ, гора, подвинься съ этого мѣста!» Едва были произнесены эти слова, гора двинулась, земля въ то же время затряслась чудеснымъ и страннымъ образомъ. Калифъ и всѣ его окружавшіе, объятые ужасомъ, долго не могли прійти въ себя отъ удивленія. Многіе изъ нихъ обратились къ Христiанству; даже Калифъ принялъ его тайно и всегда носилъ крестъ, спрятанный у него подъ платьемъ. Этотъ крестъ нашли у него по кончинѣ, потому и не похоронили его въ погребальномъ шепѣ его предшественниковъ. Въ воспоминаніе особенной милости, посланной для нихъ Богомъ, всѣ Христiане, Несторіане и Яковиты, совершаютъ крестный ходъ въ тотъ день, когда случилось это чудо.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О знаменитомъ городѣ Таврисѣ въ Иракѣ и его купцахъ и другихъ жителейхъ.

Таврисъ — ⁶⁶ большой городъ, принадлежащій къ области Ираку, въ которой много другихъ городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, но этотъ

⁶⁶ Городъ Таврисъ, у Персовъ и другихъ Восточныхъ народовъ Таврисъ, находился въ области Адербиджанъ, граничившей съ областью Ал-Жебалъ или Персидскимъ Иракомъ и составлявшей съ нею древнее Царство Ми-

всѣхъ лучше и населеннѣе. Жители занимаются преимущественно торговлею и фабричными издѣліями: послѣднія состоятъ въ разныхъ шелковыхъ матеріяхъ, изъ которыхъ иныя ткуются съ золотомъ и продаются очень дорого. Мѣстоположеніе города очень выгодно для торговли, такъ что сюда пріѣзжаютъ купцы изъ Индіи, Балдахы, Мосула, Крессора ⁶⁷ и изъ разныхъ странъ Европы, для закупки и продажи множества товаровъ. Здѣсь можно въ изобиліи получать драгоценныя камни и жемчугъ. Купцы, занимающіеся иностранною торговлею, наживаютъ большія богатства, но жители вообще бѣдны

дію. Во всѣ времена онъ былъ весьма важнымъ мѣстомъ. По завоеваніи Персіи Монголами, около 1255 г., онъ былъ главнымъ мѣстопребываніемъ Гулагу и его преемниковъ, до построенія Султаніи (Sultaniyah) въ началѣ XIV вѣка. Въ исходѣ этого столѣтія онъ взятъ былъ Тамерланомъ, а въ царствованіе дома Сефи бывалъ часто ограбленъ Турками, но всегда возвращался опять подъ власть Персовъ. Chardin, посѣтившій его въ 1673 году, сообщаетъ блестящее описаніе его каравансерая, базаровъ и большой торговой площади, перешеголавшей обширностію Испаганскую. Табрисъ недавно получилъ извѣстность, какъ мѣстопребываніе принца Аббаса Мирзы, также и въ войнѣ Персовъ съ Русскими. См. Ритт. IX, 852—884.

⁶⁷ Марсденъ думаетъ, что этотъ Крессоръ—Ормусъ. Я не раздѣляю его мнѣнія, потому что объ Ормусъ онъ говоритъ и называетъ его настоящимъ его именемъ (гл. 11). Полагаю, что онъ хочетъ сказать о землѣ Гермасиръ, области у Персидскаго залива, простирающейся отъ устьевъ Шаталь-Араба до Ларистана (см. Ритт. VIII, 723 и слѣд.). Ему рассказывали, что лошадей посылаютъ въ теплую страну Гермасиръ, для доставки отсюда въ Индію, точно такъ же, какъ мы говоримъ, что отправляемъ товары на морской берегъ; Нубійскій географъ помѣщаетъ Szermasin въ числѣ городовъ Карамани, на разстояніи трехъ станцій отъ Ормуса (pag. 129): это, кажется, и есть Крессоръ Поло въ этой землѣ. Б. Б.

Риттеръ, слѣдя за путешествіемъ Поло изъ Кермана въ Ормусъ, говоритъ: «Отъ Реобарле (Рудбара) ѣдутъ пять дней по другому спуску (discesa), очень опасному по причинѣ разбойниковъ (Карауновъ), дѣлавшихъ набѣги до этого мѣста; этотъ спускъ тянется на 20 миль до окранны Ормускаго берега (Gurmasir) и т. д., гдѣ растутъ финики и водятся попугаи; отсюда, въ два дня, по солончаковой, песчаной почвѣ, достигаютъ пристани острова Ормуса (Гомбрунъ), теперь Бендеръ-Абасси, откуда отправляются въ Индію.» (VIII, 726). Этѣмъ можно было бы согласить показанія Бальделла Бояа съ извѣстіями Марседена.

Дни состоятъ изъ смѣси разныхъ народовъ и сектъ: Несторіанъ, Армянъ, Яковитовъ, Грузинъ, Персовъ и поклонниковъ Магомета, составляющихъ большинство, подъ названіемъ собственно Таврисцевъ. У каждаго рода жителей свой особенный языкъ. Городъ окруженъ прекрасными садами, доставляющими превосходные плоды. Магометанскіе жители вѣроломны и склонны къ измѣнѣ. По ихъ мнѣнію, всякое похищеніе чего бы то ни было у приверженцовъ фрутой вѣры дѣло совершенно справедливое и не есть воровство, или преступленіе, между тѣмъ какъ люди, переносящіе обиды, или смерть, отъ руки Христіанъ, считаются мучениками. Отъ того-то, если бы имъ не мѣшала, или не удерживала, власть ихъ нынѣшнихъ Государей, они надѣлали бы много ужасовъ. Эти правила общи всѣмъ Сарацинамъ. Когда они близки къ смерти, ихъ ожидаетъ священникъ ихъ и спрашиваетъ, вѣрятъ ли они, что Магометъ истинный пророкъ Божій? Если отвѣчаютъ, что вѣрятъ, имъ обѣщается блаженство: легкость разрѣшенія отъ грѣховъ, дающаго полную волю на всякое послѣднее дѣло, пособила Магометанамъ обратить въ свою вѣру большую часть Татаръ, потому что Татары считаютъ разрѣшеніе освобождающимъ отъ всякой помѣхи при совершеніи преступныхъ дѣлъ. Отъ Тавриса 12 дней пути до Персіи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О монастырѣ Св. Барзамо вблизи Тавриса.

Неподалеку отъ Тавриса есть монастырь, получившій свое имя отъ Св. Барзамо, и прекрасный по его богослуженію. Тамъ есть Настоятель и много монаховъ, похожихъ, по покрою своего платья, на Кармелитовъ. Чтобы не вести праздной жизни, они постоянно занимаютъ тканьемъ поясовъ, которые во время богослуженія кладутъ на алтарь своего Святаго. А обходя сосѣднія страны за милостыней, (такимъ же образомъ, какъ Братья Ордена Св. Духа), они дарятъ свои рукодѣлья друзьямъ и знатымъ людямъ: эти пояса считаются хорошимъ средствомъ отъ подагрической боли; отъ того-то съ набожными усердіемъ и спрашиваютъ ихъ люди всякаго сословія.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ⁶⁶

О землѣ Персіи и осьми ея государствахъ, такъ же о тамошнихъ лошадяхъ и ослахъ.

Въ Персіи, весьма великой и пространной землѣ, есть много Государствъ, которыхъ имена слѣдующія: Первое, куда приходятъ тотъ

⁶⁶ Въ Италіанскихъ извлеченіяхъ въ этомъ мѣстѣ встрѣчаются двѣ главы, непомѣщенные въ другихъ изданіяхъ. Въ первой упоминается объ одномъ Персидскомъ городѣ, по имени Саба, изъ котораго пришли три волхва панама на поклоненіе Младенцу Христу въ Вифлеемъ, и гдѣ они погребены въ великолѣпныхъ гробницахъ; но Поло не въ состояніи быть получить удовлетворительное извѣстіе объ этихъ трехъ Царственныхъ лицахъ. Во второй главѣ говорится о замкѣ, Каласата-Перинста, т. е., замокъ огнепоклонниковъ, и что жители о происхожденіи такого поклоненія рассказывали пустую и неосновательную басню. Они говорили, что когда три Царя хотѣли воротиться изъ Жидовской земли, въ которую ходили для принесенія жертвы недавно родившемуся Пророку, Предвѣчный Младенецъ подарилъ имъ коробочку (bussola); открывъ на дорогѣ, они нашли въ ней только камень, который и бросили съ презрѣніемъ въ ручей. Этотъ же невѣрный народъ дальше рассказываетъ, что въ ту же минуту пламя сошло съ небесъ и наполнило весь ручей. Каждый изъ трехъ Царей взялъ и привнесъ на родину немного этого огня, которому и стали тамъ поклоняться; прибавляютъ еще, что если онъ случайно погаснетъ въ одномъ мѣстѣ, то ищутъ его у другаго народа: такъ ходятъ за пять, за восемь и даже за одиннадцать миль для зажиганія своихъ свѣтильниковъ; если же не могутъ достать ближе, то ходятъ за нимъ на горящій ключъ. Всѣ эти подробности онъ узналъ отъ обитателей замка.

Какъ ни мало важенъ этотъ рассказъ относительно событія, но въ самомъ себѣ имѣетъ сильное внутреннее доказательство своей подлинности, въ той мѣрѣ, въ какой она касается нашего писателя, который сообщаетъ только то, что ему рассказывали, а самъ не даетъ никакого вѣса этой сказкѣ. Мысль о ключѣ зажженномъ небеснымъ огнемъ, очевидно, имѣетъ свое начало въ существованіи горящихъ источниковъ или пещеръ въ разныхъ частяхъ Азіи, особливо въ Баку на Каспійскомъ морѣ, о которомъ мы уже говорили, и на берегахъ Караманіи, гдѣ видѣлъ эти ключи Капитанъ Beaufort. Для человека знакомаго съ Персидскимъ языкомъ, названіе мѣста служитъ самымъ вѣрнымъ признакомъ истины, потому что онъ хорошо пойметъ, что слова

съ при вѣздѣ въ страну, Касибинъ; ⁶⁹ второе, лежащее къ югу, Курдистанъ; ⁷⁰ третье Лоръ; ⁷¹ четвертое, лежащее на сѣверѣ, Суоли-

Кала sata-perinsta переименованы изъ Kalât perestân, или, можетъ быть, Kalah atish perestân, буквально: Замокъ огнепоклонниковъ. Имя Саба, которое по сию пору еще неоткрыто въ числѣ Персидскихъ городовъ, могло быть доставлено относительно вѣры Сабанзма, который въ такой тѣсной связи съ учениемъ огнепоклонниковъ (Гебровъ).

Когда входятъ въ Персидскій Иранъ со стороны Тавриса, первый большой городъ является Касбинъ или правильнѣе Казвинъ (Sultaniyah еще не былъ построенъ въ то время); слѣдуя по дорогѣ, ведущей изъ Тавриса въ Китай, М. Поло долженъ былъ прійти въ Казвинъ, гдѣ останавливался на пути туда и обратно, и откуда началъ описывать Персiю. Казвинъ долженъ быть построенъ Шапуромъ (Shahpur, Сапоромъ II); въ древности онъ не былъ такимъ славнымъ, какимъ сдѣлалъ его Магометь, называвшій его воротами въ рай. Противъ Дилемитовъ, замѣчасть уже Ибн-Гаукаль, а еще больше противъ Ассасиновъ, онъ былъ пограничными воротами ихъ земли замковъ, много терпѣвшей отъ своихъ кровожадныхъ сосѣдей. Отъ того и между самими Касвинцами всегда бывали раздоры и убійства. Нѣсколько времени этотъ городъ былъ мѣстопробыванiемъ Монгольскихъ Государей въ Персiю, чѣмъ особенно прославился, равно какъ и во время Шаха Аббаса. Р.—При исчисленiи этихъ восьми Государствъ, нашъ писатель приводитъ иногда имя столпцы, на пр., въ этомъ случаѣ, а иногда имя области, или округа, на пр., въ непосредственно затѣмъ слѣдующихъ. Кажется, что онъ писалъ или сказывалъ названiя, какъ они приходили ему на память, безъ всякой связи и не обращая большаго вниманiя на ихъ порядокъ. Онъ не могъ справляться съ книгами объ этомъ предметѣ, которыми потомъ пользовались всѣ путешественники, потому что такихъ книгъ еще не существовало тогда въ Европѣ. М.

⁷⁰ Мы никакъ не ожидали встрѣтить Курдистанъ, принадлежавшiй къ древней Ассирiи, въ числѣ частей Персiи, хоть и многiе изъ его жителей по временамъ приводимы были подъ власть этой Монархiи; не ожидали также, что въ случаѣ причисленiя его къ ней, говорится будетъ о немъ, какъ о южной области. Можно полагать, что Марко Поло разумѣетъ здѣсь Курдистанъ (который часто писался Кузистанъ), древнюю Сузиану, лежавшую выше Персидскаго залива, слѣдовательно, къ югу отъ Казвина, а не Курдистанъ, лежащiй на западѣ. «Хурестанъ, говоритъ Эль-Муштарекъ, также называется и Хузестанъ. Это обширная область со многими городами, между Басрою и Персiею.» Abulfedae Geographia. М.—Этотъ Курдистанъ въ тѣснѣй-

станъ; ⁷² пятое Спаанъ; ⁷³ шестое Сирасъ; ⁷⁴ седьмое Сонкара: ⁷⁵

шемъ смыслѣ—высокая плоскость между Хорасаномъ на востокъ и Иракъ-шемъ на западъ, съ юга примыкающая къ Зедшестану, а къ сѣверу къ Кушею и Таберистану, обязанъ своимъ Персидскимъ именемъ «Горная страна» такому же качеству своей природы, какъ и западный Иракъ своимъ Арабскимъ именемъ «Джебаль», означаящимъ тоже самое. Хотя обѣ онѣ находились въ средніе вѣки во владѣніи Ассасиновъ, но надобно различать ихъ, какъ горныя области; потому что восточная область, по замѣчанію Гаммера, была пріорствомъ этого ордена убійцъ, среда могущества коего находилась въ сѣверной горной странѣ. Иракаджемъ, въ Рудбарскомъ округѣ. Р.

⁷¹ Если подѣ Курдиستانомъ разумѣть Куристанъ, то съ вѣрностію можно полагать, что Lōg или Lūg, лежитъ къ сѣверу отъ него, хотя, вообще сравнивая его съ Казвиномъ и Персією, онъ южная область. Д'Эрбело говорить: «Землю Лоръ не должно смѣшивать съ землею Ларъ или Ларистаномъ, лежащей вдоль Персидскаго залива. Земля Лоръ или Луръ гориста и прежде принадлежала къ области Кузистанъ, древней Сузіанъ.» *Bibliot. Orient. M.* — Лористанъ или Луристанъ и нынче мало извѣстная страна. Ролинсонъ былъ первый Европеецъ, проживавшій у Луровъ. Иби-Гаукаль въ X-мъ вѣкѣ называетъ этотъ народъ именемъ Луръ, также и ихъ горныя жилища въ Джебаль (гористой землѣ), между Хузистаномъ, Испаганью и Гамаданомъ, и знаетъ, что тутъ же, на дорогѣ изъ Негавенда и Коррамабада (Shabur Khaschmir?) на югъ отъ Jondi Sharur, простирается на 26 или 27 географ. миль земля Луристанъ; тамъ нѣтъ ни деревень, ни мѣстъ для отдыха, что также испыталъ и самъ Ролинсонъ. Неудивительно по тому, что почти всѣ послѣдующіе Восточные географы хранятъ глубокое молчаніе о такой странѣ, а всѣмъ новѣйшимъ вовсе негдѣ взять свѣдѣній объ ея жителяхъ, извѣстныхъ во всѣхъ столѣтіяхъ только какъ хищныя горы. Хотя Луристанъ простирается еще и дальше на западъ отъ Коррамабада, но большею частью онъ тянется на востокъ отъ него и также на востокъ отъ р. Дизфуля до Ierap и Зендеруда (Zendehrud) при Куги Зердѣ, близъ Испагани, откуда поднимается на сѣверъ до дороги изъ Испагани къ Негавенду и къ Эльвенду при Гамаданѣ. На западѣ границу его составляетъ р. Керка (Kerkha). *C. Ryttera IX*, 208—219.

⁷² Сулистанъ или Cielstan есть Seistan, заключающій часть древней Аріаны. У теперешнихъ обитателей Ирана Sejestan — родина ихъ богатыря Рустана и поприще его подвиговъ, которые воспѣты, какъ геронческое время. Новоперсидскимъ поэтомъ Фирдуси (около 1000 г. по Р. Х.), а Рустанъ освободитель этой страны, родины своихъ предковъ, отъ нападений непріятелей изъ

ьмое Тимокаишь, ⁷⁶ находящееся на самыхъ крайнихъ предѣлахъ

Турана. Главныя лица его дома вездѣ въ древнѣйшихъ разсказахъ являются повелителями этой высокой страны. Но пора славы прошла: теперь видны только развалины прежней образованности да разбойническія орды. Риттеръ VIII, 180. Абульфеда называетъ эту область Segestan.

Спаанъ, Спаганъ или Испаганъ, у Арабовъ называемый Исфаганью, находился въ южной части Персидскаго Ирака и хорошо извѣстенъ, какъ великолѣпная столица Царей изъ рода Сефи, особливо въ правленіе Шаха Аббаса II-го, превосходившая блескомъ и обширностію наибольшую часть Азіятскихъ городовъ. Она подпала власти Монголовъ въ 1224 г. и была покорена, ограблена и почти разрушена Тамерланомъ въ 1387 г. См. объ этомъ городѣ Риттера IX, 40 — 56.

Ширазъ, знаменитая столица Фарса, слишкомъ извѣстенъ по описанію путешественниковъ, такъ что намъ нечего распространяться о немъ. Его очень нѣжно воспѣлъ Гафизъ, Анакреонъ Востока.

Сонкара, подъ тѣмъ же именемъ и у Ричардино. Марсденъ догадывается, что это область, называемая у Восточныхъ народовъ Корканъ или Гурканъ, на сѣверъ отъ Кумиса, на восточномъ берегу Чернаго моря; но это мнѣніе противно нашему тексту, который послѣ нея ставитъ область Тимокаишь, на концѣ Персін. Если Сонкара одно и тоже, что Гурканъ, то она была бы область на сѣверѣ отъ Дамгана, какъ называетъ Марко Поло Тимокаишь. Такимъ образомъ полагають, что Сонкара была горная страна Sijar, гдѣ еще нынѣ находится крѣпость Сангара, называемая у Абулфарага Sengiara. Владѣніе ею было весьма важно во времена Поло для воинственныхъ предпріятій Турокъ, Арабовъ и Монголовъ (см. Abulpharg. vox Senjara). Городъ лежитъ къ сѣверо-западу отъ Мосула на рѣкѣ Гермасть, впадающей въ Евфратъ. Эта гористая, трудно доступная страна, населена народомъ Іезиди, потомками Іезида, смертельными врагами Турокъ, которые никогда не могли совершенно покорить ихъ (Kinn, p. 262). Б. Б.

⁷⁶ Какъ ни кажется отдаленнымъ сходство именъ, однако жъ подъ именемъ Тимокаина (Timocain), безъ сомнѣнія, разумѣется Дамганъ (Damghan), столица небольшой области Кумисъ, въ сѣверной части Персін. Иосафатъ Барбаро, Венеціанскій Посланникъ при этомъ Дворѣ, называетъ ее Трениганъ, а Ома Гербертъ—Діургументъ. На мѣстѣ нынѣшняго Дамгана, по Реннелю и другимъ, находился Гекатомпилонъ, древняя столица Парсін, бывшая въ цвѣтущемъ состояніи во время Антіоха Великаго: она должна была лежать въ 133-хъ Персид. мляхъ отъ Каспійскихъ проходовъ. Эти объ мѣстности (Дамганъ и Каспійскіе

Персіи. Всѣ эти Государства лежатъ къ югу, кромѣ Тимокаина, потому что онъ лежитъ на сѣверѣ, вблизи мѣста, называемаго *Arbor secco* (при сухомъ деревѣ). ⁷⁷ Страна замѣчательна чрезвычайно красивыми лошадьми, которыхъ много выводится въ Индію и продается высокою цѣною, не менѣе какъ по 200 Туринскихъ фунтовъ. Тамъ волятся также самыя большіе и красивые въ свѣтѣ ослы, которые часто продаются дороже лошадей, потому что дешевле для содержанія, носятъ большія тяжести и въ одинъ день уходятъ рысью дальше лошадей и муловъ, которые не въ состояніи переносить такихъ лишеній. Купцы, странствующие изъ одной области въ другую, принуждены бывають переѣзжать песчаная степи и обширныя пустыни,

проходы), по пребыванію тамъ Александра Великаго, сдѣлались у Римлянъ и Македонянъ замѣчательными центральными пунктами въ ихъ Азіатскихъ дорожникахъ и путевыхъ измѣреніяхъ. См. Риттера 463 и слѣд.

⁷⁷ Земля, называемая у Марка Поло «*Arbor Secco*,» есть то мѣсто, съ котораго онъ начинаетъ водить читателей съ сѣвера Персіи до Ормуса. Такъ какъ не обратили вниманія на то, что М. Поло не дѣлалъ этого путешествія (не смотря на увѣреніе предисловія, что онъ прибылъ въ Ормузь, отвелъ Когатину къ Кай-кату, проживавшему въ Табристѣ, потомъ, по приказанію его, доставилъ ее къ супругу, бывшему вблизи «*Arbor Secco*», для охраненія какихъ-то проходовъ (*Khaver*), то по этому обстоятельству толкователи М. Поло и потеряли настоящее направленіе его путешествія. Что онъ въ то время не дѣлалъ этой дороги, заключаютъ изъ его разсказа въ предисловіи; изъ этого разсказа открывается, что по отъѣздѣ Поло съ дядею и отцомъ изъ Ариеніи, они отправились къ Великому Хану, проѣзжали много пустынь и дурныхъ дорогъ, слѣдуя все впередъ къ сѣверо-востоку, до тѣхъ поръ, пока узнали, что Великій Ханъ въ Клеменфу. Если бы онъ изъ *Arbor secco* направился въ Ормузь, то не могъ бы сказать, что направленіе его пути всегда было сѣверо-восточное. Конечно, такое заключеніе извѣнительно, потому что онъ въ описаніи круто сворачиваетъ къ югу и ведетъ читателя по дорогѣ изъ Іезда въ Ормузь, а оттуда назадъ въ Тимокаинъ или Дамганъ и *Arbor secco* (гл. 20), и разсказавъ происшествіе со старцемъ горы, врививаетъ прежнее направленіе изъ Балка и Бадакшана. Слѣдовательно, мѣсто, гдѣ пересѣкаются оба пути, по которымъ онъ шелъ туда и обратно, былъ Казвинъ: возвращаясь для отведенія невесты Аргона въ Каверъ, онъ умолчалъ объ этомъ небольшомъ путешествіи, сдѣланномъ имъ уже прежде, когда ѣхалъ въ этотъ же Каверъ изъ Тавриса. Б. Б.

гдѣ едва можно найти траву и, по отдаленности колодцевъ и другихъ водохранилищъ, дѣлаютъ большіе переѣзды въ день; отъ того они очень стараются достать ословъ, которые легче двигаются съ мѣста и гораздо меньше требуютъ корма.⁷⁸ Здѣсь пользуются и верблюдами, которые также носятъ большіе грузы и содержаніе ихъ недорого, но они не такъ скоро ходятъ, какъ осла. Торговые люди этихъ странъ вводятъ лошадей въ Кизи, Ормузь и другія мѣста на берегу Индійскаго моря, гдѣ и продаютъ ихъ въ Индію. Но тамъ онѣ живутъ недолго, по причинѣ большихъ жаровъ, будучи уроженки болѣе умѣреннаго климата. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ жители дики и кровожадны: у нихъ только и дѣла, что равнять да убивать другъ друга. Они причинили бы много зла купцамъ и путешественникамъ, если бы не боялись своихъ восточныхъ владыкъ, которые за то наказываютъ ихъ строго: сдѣлано распоряженіе, чтобы на всѣхъ дорогахъ, гдѣ есть опасность, жители страны, по требованію купцовъ, давали имъ сильныхъ и надежныхъ людей для сопровожденія и безопасности, отъ одного округа до другаго, и за это проводникамъ платятъ, смотря по дальности, по 2, или по 3, гроша (grossi) на каждое вьючное животное. Жители—поклонники Магометанской вѣры. Въ городахъ есть купцы и много ремесленниковъ, выдѣлывающихъ разныя матеріи изъ золота и шелка. Въ этой странѣ родится въ изобиліи хлопчатая бумага, также пшеница, ячмень, просо и разныя другіе роды хлѣба, много винограда и всякихъ плодовъ. Если бы кто нибудь сказалъ, что Сарацины не пьютъ вина, запрещеннаго для нихъ закономъ, тому можно возразить, что они успокоиваютъ совѣсть свою въ этомъ отношеніи, убѣждая себя, что если для предосторожности вскипятить вино на огнѣ, отъ чего оно не много испарится и сдѣлается слаще, то можно пить его, не нарушая закона; съ переменною вкуса они даютъ ему и другое имя и не называютъ ужъ виномъ, хоть въ сущности все тоже вино.

⁷⁸ О разведеніи Персидскихъ ословъ Шарденъ говоритъ слѣдующее: «Кромѣ муловъ, есть у нихъ и осла, которыхъ двѣ породы въ Персіи: туземные, медленные и неповоротливые, какъ и у насъ, употребляемые только для пошенія тяжестей, и Арабскіе, очень красивыя и самыя лучшія въ свѣтъ.... Имъ пользуются только для ѣзды.... Есть осла въ 400 франковъ цѣною, да и вообще дешевле 45 пистолей нельзя имѣть хорошаго осла.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

О городѣ Язди и его промыслахъ, и о звѣряхъ, водящихся въ странѣ въ этомъ мѣстѣ и въ Керманѣ.

Язди — ⁷⁹ значительный городъ на границахъ Персіи, въ которомъ большая торговля. Родъ шелковой матеріи, тамъ выдѣлываемой,

⁷⁹ Іездъ, Yezd, Jesd (Yesdan, т. е., свѣтъ, Ормуздъ, Іезданперестъ обожатели свѣта): это мѣсто было мало посѣщаемо Европейцами; уже Шва-Гаукаль причисляетъ его къ области Istakhar (т. е., Персеполю, или Фарсу, собственной Персіи), хотя оно прежде принадлежало къ Керману, а во недавнихъ извѣстіяхъ Б. Фразера, къ Хоразану; безспорно, что оно не принадлежитъ собственно ни къ одной изъ всѣхъ этихъ областей, по своему отдѣльному положенію въ степи, и есть само по себѣ островъ, оазъ. Городъ (по увѣренію Фразера) лежитъ на большой песчаной равнинѣ, окруженной горами. Онъ очень великъ, хорошо укрѣпленъ, обведенъ валомъ и ровомъ, и имѣетъ четверы ворота, отъ 6000 до 8000 домовъ, прекрасный базаръ, внутреннюю стражу и 2 мечети. Въ этой укрѣпленной части находится вѣшній городъ безъ стѣнъ, а на четверть часа оттуда къ сѣверу лежитъ другое укрѣпленіе, Naringe Kallah, съ немногими жителями. Населеніе всего города простирается до 50,000 человекъ и 3,000 семействъ Гебровъ, живущихъ въ особенной части города. Положеніе на краю степи дѣлаетъ Іездъ хорошимъ мѣстомъ отдохновенія каравановъ, которые ходятъ между Керманомъ, Гератомъ, Мешедомъ, Испаганью и провозятъ на западъ товары Индіи, Кашмира, Кабула, Бохары; здѣсь собираются купцы изъ Испагани, Шираза, Кашана, Теграна, Герата. Сравнительно съ Кандагаромъ, Кабуломъ, Балкомъ, Гератомъ, Іездъ всегда былъ гораздо безопаснѣе по своему положенію, отдаленному отъ всякихъ военныхъ дорогъ и завоевательныхъ походовъ, и этой безопасности онъ обязанъ своимъ благосостояніемъ. Славян, шелковыя фабрики Іезда: издѣлія ихъ подъ Персидскихъ названіемъ Ali-djah и Cassub для исподняго платья (панталонъ) развозятся повсюду, такъ же какъ Dergei для длиннаго мужскаго одѣянія, а Tufteh (Персидское слово, по нашему тафта), Mukhush и другія для женскихъ нарядовъ; впрочемъ, большая часть употребляемаго на здѣшнихъ фабрикахъ шелка выдѣлывается не здѣсь, а привозится изъ Гилана. — Кромѣ шелковыхъ матерій, говоритъ Дюпре, которыхъ красивѣйшіе сорта называются Sundus, а протканные золотомъ и серебромъ Deraji, самыми лучшими славутъ по всей Персіи ковры (Numud) изъ Бафта (или Тафта, по Квиннейру), деревни, въ трехъ часахъ пути отъ города. См. Риттера Азію VIII, стр. 265 — 270. — Д'Эрбело замѣчаетъ, что шелковыя матерія, тамъ выдѣлываемыя "

вѣстентъ подъ именемъ Язди и развозится оттуда купцами по всеѣмъ ранамъ свѣта. Жители привержены къ Магометанской вѣрѣ. Путешественники изъ этого города употребляютъ восемь дней на проѣздъ равнины, въ которой только три мѣста, гдѣ можно ночевать. Дорога идетъ обширными финиковыми лѣсами, изобилующими всякимъ звѣмъ и птицей, и путники, находящіе удовольствіе въ охотѣ, могутъ тутъ очень весело поохотиться. Здѣсь есть и дикіе ослы. ⁶⁰ Попростѣи 8 дней приходятъ въ Государство Керманъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Государствѣ Керманъ, называемомъ у древнихъ Караниею, о его минералахъ и рудахъ, ремеслахъ, соколахъ и есьма покатою мѣстности его, которую замѣчаютъ при выходѣ изъ этой страны.

Керманъ—⁶¹ Государство на восточныхъ предѣлахъ Персіи, которое прежде управлялось своими собственными Государями въ наследствен-

по Персидски и Турецки называемыя *comashe Yezdi*, чрезвычайно оживляютъ торговлю города. Въ дневникѣ Абду-л-Куррима читаемъ о подаркѣ, сдѣланномъ Надпръ-Шахомъ одному Посланнику и состоявшемъ изъ 25 кусковъ тамошней парчи.

⁶⁰ Читаемъ о дикихъ ослахъ, которые давались Шахомъ-Аббасомъ и другими Персидскими Царями въ подарокъ, слѣдовательно, въ видъ рѣдкости. Реннель замѣчаетъ, что дикіе ослы, упоминаемые Ксенофонтомъ по ихъ скорости, и нынѣ сохраняютъ почти такія же качества. Тексейра видѣлъ въ 1606 году стада ихъ въ Аравійской пустыни, сопредѣльной съ пустыней Месопотаміи, именно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и Ксенофонтъ видѣлъ ихъ. См. Риттера VIII, 722 и слѣд.

⁶¹ Керманъ, Персидская область, лежащая на юговосточной границѣ этого Государства. Столица ея обыкновенно носитъ то же имя, однако жъ извѣстна и подъ названіемъ Сирганъ. «Область эта, говоритъ Поттингеръ, посѣтившій ее въ 1810 г., граничитъ на востокъ съ частію Сейстана и Белуджистана, на западѣ съ областью Фарсъ, на югѣ съ частями Ларистана и Мукрана и Персидскимъ заливомъ, а на сѣверѣ съ Церакомъ и Хоразаномъ. Она изстаринъ раздѣлялась на населенныя и пустынные страны.»—Керманъ, Хирджанъ (*Chir-djan*) или Сирганъ у Эдриси и Ибн-Гаукала, лежитъ на западномъ концѣ большой равнины, называемой житницею, по ея плодородію; на сѣверѣ находится входъ въ Керманскую степь. Нѣкогда Керманъ былъ средоточіемъ богатства и

номъ порядкѣ, но со времени покоренія его Татарами, этотъ народъ поставляетъ въ немъ намѣстниковъ по своему усмотрѣнiю. Въ горахъ этой страны находятся превосходные камни, называемые у насъ бирюзой; ⁵² тамъ есть и сталь ⁵³ и анданиковыя жилы и

роскоши, вторымъ городомъ Персидскаго Царства, великимъ рынкомъ между Индiйскимъ и Арабскимъ Океаномъ, по своему положенiю на самой прямой и кратчайшей дорогѣ въ Сеестанъ, Хоразанъ, Балкъ, Бохару, Маваральнагаръ, слѣдовательно, между Ираномъ, Тураномъ и проходною землею въ Индостанъ. На эту дорогу, навѣрное, сворачивалъ древнiй путь изъ Гармозин (нынѣ Мираба), куда присталъ Нearchъ и встрѣтилъ нечаянно Александра внутри страны, въ пяти дняхъ пути отъ берега (см. *Bürk's Allg. Gesch. d. Reisen und Entdeckun.* I, S. 414 ff). Земля славилась утонченною образованностью и огромными виноградными гроздями, но такъ же, какъ и нынѣ, по ея пустынямъ, тѣснинамъ и хищнымъ кочевникамъ, была опасна для путешествiя. Этотъ древнiй торговый путь Марко Поло спустился изъ Кермана чрезъ Реобарле (землю тѣснинъ) въ Ормускую равнину, противъ острова Ормуса. Ритт. VIII, 726 и слѣд.

Можетъ показаться, что нашъ писатель считалъ Керманъ въ то время не принадлежащимъ къ Персiи, потому что не причисляетъ его къ 8-ми областямъ или Государствамъ; такъ думаетъ о Керманѣ и Эдризи, писавшiй въ XII вѣкѣ. «А земля Карманъ лежитъ между Персiею и Мекраномъ.»

⁵² «Самыя богатыя Персидскiя рудоконни, говоритъ Шарденъ, суть бирюзовыя онѣ находятся въ двухъ мѣстахъ: Нишапурскiя въ Карассонѣ и въ горѣ, лежащей между Гирканiей и Пароiей, въ 4-хъ дняхъ пути отъ Каспiйскаго моря, и называемой Фирус-ку.» Т. II, р. 24.—Къ особеннымъ замѣчательностямъ Нишапура принадлежатъ славныя бирюзовые ринскiя въ сосѣднѣхъ съ этою странюю сѣверозападныхъ горахъ, въ 16-ти часахъ пути отъ города. Онѣ, съ незапамятныхъ временъ, особенно и исключительно доставляли на весь мiръ настоящую Восточную бирюзу (по Персидск. правописанiю *Firuzeh*, по Арабски *Firuzeh* или *Firuzedje*. Нѣмецкое названiе *Türkis*, конечно, искаженiе этого слова), потому что Западная бирюза, какъ доказалъ это г. Фишеръ (въ *Gilb. Annal.* 1819, Bd. 62, S. 333), совсѣмъ другаго рода, не смотря на то, что ихъ часто смѣшивали: послѣдняя находится около Мiаса на Уралѣ и въ Олонецкой губернiи, такъ же во Францiи, Силезiи, Чехiи и Тургау; ея составныя части—окаменѣлости, большею частiю зубы исчезнувшихъ звѣрей, на пр., Мастодона и Мегатерiя, проникнутыя и окращенныя мѣдно-кислымъ соединенiемъ. Западная бирюза отличается слоистою внутренностiю и полосоватостiю, обличающими ея костеобразный составъ: она не принимаетъ такого блестящаго лоска, какъ Восточная, терять свой

илкомъ множествѣ. Здѣсь выдѣлываютъ съ большимъ совершенствомъ всѣ вещи, нужныя для военнаго вооруженія, какъ то: сѣла, рзды, шпоры, мечи, луки, колчаны и вообще всѣ роды оружія, употребительнаго у этихъ народовъ. Женщины и молодыя дѣвушки занимаются вышиваньемъ шелкомъ и золотомъ различныхъ цвѣтовъ и узоровъ, изображающихъ всякаго рода звѣрей и другія пріятныя украшенія. Такое шитье назначается для занавѣсокъ, одѣялъ и подушекъ на постели богатыхъ людей: въ этихъ работахъ много удиви-

цвѣтъ въ уксусной кислотѣ и разрушается селитреною, чего не бываетъ съ настоящею Восточною бирюзой, которую г. Фишеръ и называетъ для отличія Калантомъ, прекраснымъ камнемъ. Такихъ калантовъ (или Восточной бирюзы) этотъ писатель различаетъ, по собраніямъ, три породы, называя ихъ Калантомъ, Агафитомъ и Юнитомъ: послѣдняя порода, кварцовая бирюза, зелено-вато-синяго цвѣта, съ раковиннымъ изломомъ и стекляннымъ блескомъ, чрезвычайно рѣдка; двѣ же первыя достаются въ Хоразанскихъ копяхъ, близъ Нишапура, изъ, такъ называемой, расплавленной горы. Первая, окрашенная жѣднокислымъ соединеніемъ, густая глина, рѣдко идущая для торговли; вторая, агафитъ, блѣдносиняго и самаго темнолазореваго цвѣта, но такого же вида, лежитъ, какъ скорлупа, въ глинистомъ жельзнякѣ и встрѣчается въ тѣхъ же кояхъ, какъ и первая, въ чрезвычайномъ разнообразіи, въ расходящихся разными отраслями горныхъ жилахъ, но рѣдко больше горошины. Здѣсь говорится только объ этихъ двухъ породахъ въ этомъ мѣстѣ Нишапура, хотя, по извѣстіямъ Восточныхъ писателей, онѣ попадаются и въ другихъ странахъ Азіи, но тамъ копи этѣ едва разработаны и не описаны ни однимъ путешественникомъ. Juaher Nameh, Восточная рукопись о драгоценныхъ камняхъ, говоритъ про Нишапурскія бирюзовыя копи, что онѣ съ древняго времени доставляютъ знаменитую бирюзу называемую Абу Ишаки. Она достойна быть украшеніемъ сокровищницы Князей и Государей: потому что отвращаетъ бѣды отъ тѣхъ, кто носитъ ее, снискиваетъ Царскую милость, умножаетъ богатство, сохраняетъ острое зрѣніе, даетъ вѣрную побѣду надъ неспрїятелемъ и проговяетъ дурныя сповѣднія. Древніе мудрецы, увѣряетъ рукопись, обыкновенно, послѣ наблюденія надъ новымъ мѣсяцемъ, тотчасъ начинали пристально глядѣть на бирюзу (Firuzeh). См. Риттера Азію VIII, стр. 325—330.

¹⁵ Жельзныя рудокопи, по словамъ Шардена, есть въ Гирканин, въ Сѣверной Мидіи, въ землѣ Парвовъ и Бактріянѣ. Стальные въ тѣхъ же странахъ съ богатою прибылью. Стр. 23. Далѣе описываетъ особенныя свойства этой стали и сравниваетъ ее съ Индійскою.—Марсденъ, вмѣсто Andanicum читаетъ Antimonum. См. примѣчаніе 104.

тельного вкуса и искусства. Въ горахъ встрѣчаются самые благороднѣйшіе соколы, какіе только гдѣ либо летаютъ. Они меньше перелетныхъ соколовъ, съ красными перьями на груди, на тѣлѣ и подѣ хвостомъ, а летаютъ такъ быстро, что ни одна птица не ускользнетъ отъ нихъ. Покинувъ Керманъ, ѣдутъ 8-мь дней весьма пріятною дорожкой черезъ равнину, гдѣ много рябчиковъ и другой птицы, равно какъ встрѣчается довольно городовъ, замковъ и разсѣянныхъ жилищъ, и наконецъ пріѣзжаютъ къ значительному горному склону, съ котораго спускаются два дня. Тамъ изобиліе въ плодовыхъ деревьяхъ; но эта страна, прежде очень населенная, теперь безъ жителей: только и видишь пастуховъ, пасущихъ свой скотъ. Въ той части страны, которую проходятъ еще до горнаго спуска, такой жестокой холодъ, что путникъ только съ трудомъ защищается отъ него многими платьями да шубою. ⁸⁴

⁸⁴ Дорога изъ города Кермана къ Персидскому заливу, здѣсь описываемому, вѣроятно, проходила чрезъ городъ Бамъ или Бумъ, вблизи пограничной линіи, между, такъ называемыми, холоднымъ и теплымъ поясами Кермана. Область Нурмаршская, говоритъ Поттингеръ, начинается у степи, отдѣляющей ее отъ Белуджистана при городѣ Бумъ. Западную ея границу составляетъ область Кирманъ, къ которой, по моему мнѣнію, она теперь принадлежитъ: восточную, какъ упомянули мы, степь, а сѣверную и южную двѣ горныя цѣпи, изъ которыхъ послѣдняя гораздо выше, и мнѣ кажется, во всякое время года покрыта снѣгомъ, какъ и въ ту пору, когда я видѣлъ ее, межѣ тѣмъ какъ въ низкой равнинѣ было чрезвычайно жарко. Стр. 199. Это, кажется, были горы Маренъ, принадлежащія къ холодному поясу Кирмана: «на нихъ, по словамъ Ибн-Гаукала, лежитъ снѣгъ.» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что, достигнувъ города по дорогѣ въ Бамъ, сворачиваютъ вправо, чтобы идти въ Jigefi, не далеко отъ Ормуса, гдѣ жители въ одно и тоже время пользуются произведеніями теплаго и холоднаго климата.» Что касается до сильнаго холода, который, по словамъ М. Поло, надобно выдержать на этой дорогѣ, то его можно отнести только къ ощущенію людей, привыкшихъ къ чрезвычайнымъ жарамъ. — На югъ отъ большой горной цѣпи, описанной мною выше, прибавляетъ Поттингеръ, между ея подошвою и моремъ, находится Gupiseeg или жаркая земля. Въ предѣлахъ Кирмана эта страна состоитъ почти изъ одного солончакватаго песку, и климатъ особенно нездоровъ. Она не производитъ ничего другаго, кромѣ очень мелкихъ финиковъ, а потому почти совсѣмъ безлюдна.» М.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАЦАТАЯ.

О городѣ Каманду и землѣ Реобарле; о нѣкоторыхъ птицахъ, тамъ водящихся, объ особенной породѣ воловъ и о хищномъ племени Караунахъ.

Прошедши горную покатошь, о которой было говорено, входятъ въ равнину, простирающуюся въ южномъ направленіи на пять дней пути. Тотчасъ при ея началѣ находится городъ, по имени Каманду,⁸⁵ великое и очень значительное мѣсто въ прежнее время, но не въ теперешнее, потому что оно нѣсколько разъ разорялось и опустошалось Татарами. Сосѣдняя область называется Реобарле;⁸⁶ воздухъ въ ней очень теплый; она приноситъ пшеницу, рисъ и другой хлѣбъ. Въ той части, которая ближе къ горамъ, растутъ гранатовыя яблоки, айвы и разные другіе плоды: одна порода ихъ называется Адамовы яблоки, неизвѣстныя въ нашемъ климатѣ. Горлицы здѣсь въ необычно-

⁸⁵ Географія страны, лежащей между столицею Кирманской области и Персидскимъ заливомъ, почти совсѣмъ неизвѣстна: отъ того и трудно опредѣлить, что за мѣсто разумѣть М. Поло подъ Каманду, даже если бы и теперь существовалъ еще такой городъ, утратившій значеніе со времени нашего писателя. Можетъ быть, это Мемаунъ на картѣ Д'Анвилля, или Koumîn Ибн-Гаукала.

⁸⁶ Подъ именемъ Реобарле, очевидно, разумѣется Рудбаръ (Rud-bâr) одно изъ описательныхъ названій, какія въ многочисленныхъ случаяхъ употребляются для городовъ и округовъ Персіи и сосѣдственныхъ странъ. Оно означаетъ «рѣку въ долинѣ, ложе рѣки и также мѣсто, гдѣ течетъ много рѣкъ»; и округъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, согласно съ такимъ описаніемъ, по всѣмъ обстоятельствамъ, кажется, занималъ рѣчной берегъ, по имени Div-Rud на картахъ Д'Анвилля и Малькольма: его надобно проходить по дорогѣ изъ Кермана въ Ормузь. Дневникъ Капитана Христи упоминаетъ о Родбарѣ, вполне отвѣчающемъ описательному мѣстному названію; но этотъ Родбаръ лежитъ слишкомъ далеко отъ Персидскаго залива, а потому и не можетъ быть тѣмъ, о которомъ здѣсь говорится. М. — Я согласенъ съ Марсденомъ, но Бальделли неправильно принимаетъ за Реобарле небольшой городокъ Робать, упоминаемый Поттингеромъ въ его путешествіи изъ Кермана въ Ширазь, и совсѣмъ опускаетъ изъ вида, что Марко Поло говоритъ о большой области, къ которой, кромѣ большаго сходства въ названіи, подходятъ еще мѣстность и природа Рудбара. Риттеръ принялъ объясненіе Марсдена. См. о Рудбарѣ дальше примѣч. къ 21 гл.

венномъ множествѣ, по изобилію въ небольшихъ плодахъ, слушающихъ имъ пищу, и еще по тому, что Магометане, для которыхъ онѣ отвратительны, не ѣдятъ ихъ. Много также фазановъ и тетеревовъ. ⁸⁷ Последніе не похожи на нашихъ: цвѣта краснаго, смѣшаннаго съ бѣлымъ, клювъ и ноги тоже красные. Есть также необыкновенная порода скота, особливо большіе бѣлые волю съ гладкою шерстью, чему причиною жаркій климатъ, съ короткими, толстыми тупыми рогами; между плечами у нихъ похожее на горбъ возвышеніе или наростъ, вышпаною почти въ двѣ пяди: это очень красивыя животныя, по ихъ силѣ способныя переносить большія тяжести. Когда хотятъ навьючивать ихъ, они падаютъ на колѣни, подобно верблюдамъ, и потомъ опять поднимаются съ грузомъ. ⁸⁸ Тамъ есть и овцы, такія же большія, какъ ослы; у нихъ длинныя и толстыя хвосты, вѣсомъ въ 30 фунтовъ и больше, жирныя и очень вкусныя для пищи. ⁸⁹ Въ этой

⁸⁷ «Tetrao francolinus» или Восточный тетеревъ имѣетъ красныя ноги и красный клювъ, какъ описывается и здѣсь. Докт. Россель назвалъ его francolinus olinae, извѣстный у Французовъ подъ именемъ gélinotte.

⁸⁸ Породы воловъ, въ Суратѣ и другихъ мѣстахъ на западномъ берегу Индіи, обыкновенно употребляемая для возки телѣгъ, называемыхъ Nakkie, вѣроятно, оттуда разведена была въ восточныхъ Персидскихъ областяхъ. Масуди (въ X-мъ столѣтіи) видѣлъ въ Раі воловъ, «приученныхъ падать на колѣни, подобно верблюдамъ, когда надобно было ихъ навьючивать.»

⁸⁹ Эта особенная порода овецъ (ovis laticaudata) встрѣчается въ разныхъ частяхъ Азии и Африки и была описана много разъ. Въ Естественной Исторіи Алеппо сообщено слѣдующее подробное описаніе этой породы. Въ сосѣдствѣ Алеппо, говоритъ Россель, есть овцы двоякаго рода: одніе называются Бедуинскія овцы и ни чѣмъ не отличаются отъ овецъ большой породы въ Англіи, кромя того, что хвосты у нихъ нѣсколько длиннѣе и толще; о другихъ часто упоминали путешественники, по причинѣ ихъ необыкновенныхъ хвостовъ: эта порода самая многочисленная. Хвостъ очень широкъ и длиненъ и оканчивается маленькимъ хвостикомъ, загнутымъ въ видѣ крючка къ хвосту. Вещество, изъ котораго онъ состоитъ, среднее между жиромъ и мозгомъ и не только идетъ въ пищу, но, смѣшанное съ сухимъ мясомъ, употребляется вмѣсто масла. Обыкновенная овца этой породы вѣситъ почти 12 или 14 Алеппскихъ Ротале (каждый въ 5 фунтовъ), безъ головы, ногъ, кожи и внутренностей; одинъ хвостъ обыкновенно въ три ротале, или больше; а въ хорошемъ хозяйствѣ самая жирная бываютъ вѣсомъ за 30 ротале, а хвосты у нихъ въ 10-ть (или 30 фунтовъ):

странъ много городовъ, обнесенныхъ толстыми земляными стѣнами, для защиты жителей отъ вторженія Карауновъ, которые рыщутъ по странѣ и грабятъ все, что только могутъ захватить. ⁹⁰ Чтобы позна-

это, кажется, едва вѣроятнымъ. Эти огромныя овцы, содержимыя около Ашешо въ особыхъ овчарняхъ, не могутъ повредить своихъ хвостовъ; но въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ пасутся на поляхъ, пастухи принуждены прикрывать у нихъ подъ хвостомъ тоненькую дощечку для защищенія его отъ кустарниковъ, рпейника и т. под., а у другихъ маленькихъ колесца, чтобы имъ легче было таскать доску съ такою тяжестью: отсюда, съ небольшимъ преувеличеніемъ, ведетъ свое начало исторія о тельжкахъ у этихъ овецъ, для возки ихъ хвостовъ. Р. 57, ed. I. Разсказъ Шардена о *«moutons à grosse queue»* въ Персіи вполне согласенъ съ этимъ разсказомъ. Палласъ думаетъ, что тучность ихъ хвостовъ происходитъ отъ солянистаго свойства почвы, на которой онѣ пасутся, и разсказываетъ, что когда привозятъ туда овецъ изъ другихъ краевъ, онѣ точно также жирѣютъ, какъ и эти.

⁹⁰ Караунами или Караунами можемъ считать жителей Мекрана (Mecran), небольшой земли, простирающейся отъ окрестностей р. Инда до Персидскаго залива: имя ея производятъ отъ Санскрит. слова *kaṛāna*, означающаго берегъ рѣчной или морской. *kaṛāna* означаетъ также и людей смѣшанной крови. Если они потомки смѣшаннаго племени, то надобно полагать, что негодные искатели счастья, приведенные Никодаромъ въ Индію, не поселились тамъ, а опять ушли оттуда съ женами и дѣтьми и разсѣялись въ области Мекранъ, гдѣ они и потомки ихъ очень естественно составили разбойническое поселеніе. Карауны, кажется, очень мало отличаются отъ сосѣдняго народа въ Белуджистанѣ, если только они въ самомъ дѣлѣ не одинъ и тотъ же народъ; извѣстія о нихъ нашего писателя—вѣрная картина разбойническихъ обычаевъ, которые приписывались послѣднимъ. М.—Не въ связи ли съ этими ордами кочевники Лурі, также часто бродящіе въ Мекранѣ, и многочисленныя обитатели южнаго берега Иранской равнины? Поттингеръ ознакомился съ ними и здѣсь, въ Мекранѣ, гдѣ они прославились своими разбоями и считаются самыми хладнокровными и жестокими убійцами. Этихъ Луровъ, бродягъ безъ отечества, Англійскій путешественникъ считаетъ племенемъ, близко родственнымъ Цыганамъ, которыхъ происхожденіе изъ Индіи еще не вполне разъяснено. Каждая изъ Лурскихъ ордъ въ Мекранѣ имѣетъ своего вождя (Царя), живетъ грабежомъ и разбоемъ, водитъ съ собою обезьянъ и медвѣдей, занимается пьянствомъ, пляскою, пѣніемъ; во всякой ватагѣ есть вѣщунъ, очень свѣдущіе въ искусствѣ Румлѣ (песокъ, по Поттингеру) и Куруа (жребій); они говорятъ своимъ языкомъ, называютъ себя Магомстанами, ни мало не заботясь о вѣрѣ, и утвер-

комить читателя съ этимъ народомъ, надобно упомянуть, что былъ Князь, по имени Нугодаръ, племянникъ Джагатая, брата Великаго Хана, Октая, царствовавшего въ Туркестанѣ. ⁹¹ Этотъ Нугодаръ жилъ

ждають, что человекъ рожденъ для того, чтобы жить, умереть, встать и быть забытымъ. Риттеръ, Азія VIII, 733).

⁹¹ Ни одинъ изъ историковъ, сообщающихъ извѣстія о Татарахъ, не упоминаетъ объ этомъ Нугодарѣ: есть упоминаніе только о Нугодарѣ изъ рода Гулагу, Персидскомъ Государѣ, но онъ не можетъ быть тотъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. Джагатай, внукъ Чингисъ-Хана и братъ Октая, властвовалъ надъ частію срединной Азіи или Великой Турціей; это имя дано ей для отличія отъ той земли, которую Турки завоевали въ Малой Азіи и смежныхъ странахъ и называли своимъ именемъ. Столица той страны былъ Биш-Балигъ (Bisch Baligh. Deguign. I, p. 285). По нашему писателю, искатель счастья, Нугодаръ, внукъ Джагатая, лишилъ земли Делійскаго Государя, по имени Асидьянъ. Дегинъ хотъ и приложилъ хронологическую таблицу Государей Дели, но весьма запутанную. Кажется, что Асидинъ Поло былъ Государь, называвшійся Шамседдинъ, умершій 1233 г. (ibid. p. 415). Въ событіи сомнѣваться нельзя, и за истину свидѣтельствуемъ путь Нугодара, предпринятый, по словамъ Поло, чрезъ земли Бадакшанъ и Кашмиръ, о чемъ никто не могъ знать изъ Европейцевъ въ томъ вѣкѣ, кромѣ М. Поло. Но нашъ писатель, кажется, ошибается, говоря, что, «наконецъ, онъ вторгнулся въ землю Малабаръ и взялъ силою городъ Дели», какъ будто этотъ городъ находился въ Малабарѣ, отъ котораго, однако жъ, онъ очень далеко. Но очень вѣроятно, что Нугодаръ ограбилъ весь Малабаръ, потомъ, на возвратномъ пути, подошелъ къ берегамъ Ганга и покорилъ Дели. Б. Б.—Марсденъ относитъ Малабаръ къ Лагору, который назывался сперва Лагаваръ. Онъ считаетъ неслѣпостью думать здѣсь о Малабарѣ, и говорить далѣе: «Можно спросить, гдѣ и у кого изъ Восточныхъ историковъ читаемъ объ этомъ завоеваніи Дели Монголами до вторженія Тамерлана?» Опредѣленно и подробно нигдѣ, однако жъ встрѣчаемъ такое сближеніе событій, что не можемъ принимать такъ легко рассказъ нашего писателя: онъ могъ слышать его отъ людей, которые только однимъ поколѣніемъ отдѣлялись отъ участниковъ событія. Событіе это должно происходить за нѣсколько лѣтъ прежде, или послѣ, кончины Джагатая (1240). Въ Исторіи Индостана, въ переводѣ Доу, по тексту Феристы, мы видимъ, что у Младшаддина Бирамъ Шаха, Царя Дели, правившаго съ 1239 по 1242 г., были важныя недоразумѣнія съ его Великимъ Визиремъ и первымъ Омра (Эяромъ), произведшія мятежъ въ его войскахъ. Въ это опасное время пришла вѣсть, что «Монголы Великаго Цингиса двинулись къ Лагору, что Малекъ, Вице-Король этого мѣста, когда войска отказали ему въ повшо-

ри Дворѣ Загатая: снѣдаемый честолюбивымъ желаніемъ сдѣлаться осударемъ и слыша, что въ Индіи есть земля, по имени Малааръ, въ то время управляемая Царемъ, котораго звали Ас эдинъ, и ще неподвластная Татарамъ, набралъ онъ тайкомъ десятитысячное войско изъ самой отчаянной сволочи, какую могъ найти. и разгался съ дядею, не сказавъ ему ничего о своихъ намѣреніяхъ. двинулся чрезъ Балашанъ въ Царство Кесмуръ. гдѣ, по трудности и лохому состоянію дорогъ, потерялъ много людей и скота, и ворвался потомъ въ землю Малабаръ. Нагрянувъ на Ас-эдина врасплохъ, нъ силою взялъ его городъ, по имени Дели, и много другихъ въ той транѣ, и сталъ царствовать тамъ. Татары. приведенные имъ съ союю, люди свѣтлаго цвѣта, переженились на смуглыхъ Индійскихъ женщинахъ и произвели породу, которой дано имя Карауны, означающее на тамошнемъ языкѣ смѣшанный народъ. Съ того времени этотъ народъ занимается разбойническими набѣгами, не только въ землѣ Реобарле, но и въ другихъ, куда только можетъ добраться. Въ Индіи они узнали юшебныя и демонскія хитрости, съ помощію которыхъ могутъ наюдить такую темноту, отъ которой дневной свѣтъ меркнетъ и люди не видятъ другъ друга въ самомъ близкомъ разстояніи. Собираясь въ звон разбойническіе набѣзды, они пользуются этѣмъ искусствомъ, и приближеніе ихъ дѣлается незамѣтнымъ. Эта страна часто бываетъ поприщемъ ихъ злодѣйствъ, потому что купцы, собирающіеся въ Ормусъ изъ разныхъ странъ, въ ожиданіи другихъ купцовъ. еще блуждающихъ изъ Индіи, отсылаютъ зимою и своихъ лошадей, и муловъ, изнуренныхъ дальнею дорогою, на Реобарльскіе луга, гдѣ они находятъ изобильный кормъ и жирѣютъ. Только что узнавъ о томъ, Карауны пользуются случаемъ сдѣлать большой набѣзъ и обращаютъ

новени, вынужденъ былъ ночью бѣжать, и теперь на дорогѣ въ Дели, и что Лагоръ ограбленъ непріятелями, а несчастные жители увлечены въ шѣнь. «Визирь тотчасъ двинулся къ столицѣ, которую осаждалъ 3 мѣсяца съ половиною. Городъ былъ взятъ въ 1241 г., когда мятежъ вспыхнулъ и между жителями. Бирамъ брошенъ въ тюрьму, гдѣ нашелъ жалкую коячшву въ нѣсколько дней. Монголы, по разореніи области на Пятирѣчьѣ Инда (въ Пятирѣчьѣ), вернулись въ Ghizni.» Такъ видимъ, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Монгольское войско вторгнулось въ земли, подвластныя Государю Дели, и ограбило пограничные города его, а мятежные его подданные, воспользовавшись ужасомъ, наведеннымъ чуждыми, воуравшимися племенами, низложили правительство и убили своего Государя.

въ рабство людей, провожающихъ скоть, если эти не дадутъ за себя выкупа. Самъ Марко Поло попалъ было въ такой волшебный мракъ,⁹² но спасся изъ него въ замокъ Консальми.⁹³ А нѣкоторые изъ его товарищей были плѣнены и проданы, другіе же пали подъ мечами враговъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

О городѣ Ормусъ, лежащемъ на небольшомъ островѣ въ Индійскомъ морѣ, недалеко отъ твердой земли, о важности его въ торговлѣ, и о знойномъ вѣтрѣ, тамъ дующемъ.

При концѣ упомянутой равнины, простирающейся въ южномъ направленіи на 5 дней пути, есть спускъ въ двадцать Итальянскихъ

⁹² Въ Латинскомъ переводѣ М. Поло говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ (его Marcus, qui haec scribo), какъ будто думаетъ, что необходимъ весь вѣсъ его личнаго значенія, чтобы повѣрили его извѣстію; но исторія можетъ сдѣлать только тотъ выводъ, что эти разбойники, гнѣздившіеся въ сосѣднихъ горахъ, пользовались густымъ туманомъ, для болѣе безопасныхъ нападений на караваны, межъ тѣмъ какъ знаніе мѣстности помогало имъ занимать тѣсныя проходы, черезъ которые должны были идти путешественники. М. — Волшебныя хитрости: что касается до такихъ извѣстій, то М. Поло бралъ ихъ не слишкомъ разборчиво: это было въ природѣ тогдашняго простодушнаго вѣка. Всѣ Азіятскіе народы пристрастны къ такимъ сказкамъ, особливо Персы (Chard. Vog. III, 204). Подобные рассказы, во времена М. Поло, были всеобщими на Востокѣ, особливо о какомъ-то плутѣ Махмудѣ Тараби, который своими ложными чудесами обманывалъ жителей Бохары и окрестной страны. Онъ возмутился противъ Джагатая: когда же Монголы хотѣли воевать съ нимъ, ихъ покрыла такая пыль, что они, сочтя темноту, происшедшую отъ того, чудеснымъ затмѣніемъ, не осмѣливались напасть на него. Обманщикъ былъ убитъ, но по случаю темноты это не было замѣчено ни Монголами, ни его людьми. Первые были разбиты. Послѣ побѣды приверженцы Махмуда распустили молву, что онъ на нѣсколько времени сдѣлался невидимкою, отъ того и боялся ихъ даже родной братъ Махмудъ; эгѣхъ бродягъ называли по имени вождя ихъ Тарабианцами (Гербело о Джагатаѣ). Находятъ большое сходство между рассказаму Поло о Караулахъ и Тарабианцахъ Гербело. Б. Б.

⁹³ Этотъ замокъ Консальми или, по другому способу чтенія, Кансальми, находится на нашихъ картахъ; можно замѣтить, что Персидскіе

мплъ. очень опасный, по множеству разбойниковъ, которые постоянно нападаютъ на путешественниковъ и грабятъ ихъ. Этотъ спускъ ведетъ въ другую равнину, чрезвычайно приятную, при ея появленіи, шириною въ два дня пути и называемую Ормускою равниною. Здѣсь переходятъ много красивыхъ рѣкъ и ручьевъ, видятъ землю, покрытую финиковыми деревьями, на которыхъ встрѣчаютъ тетеревовъ, попугаевъ и много другихъ птицъ, незнакомыхъ нашему климату. Наконецъ приходятъ къ Океану морю, гдѣ на островѣ, неподалеку отъ берега, находится городъ, по имени Ормусъ; ⁹⁴ это при-

«*Khanah-al-salam*» означаютъ «домъ безопасности или мира.» — На этой дорогѣ (черезъ степь), говоритъ Эльфинстонъ, мы видѣли небольшую, но красивую, башню: намъ сказали, что это уѣжище для путешественниковъ отъ разбойническихъ ордъ, грозы каравановъ.»

⁹¹ Собственно древній городъ Ормусъ или Гормусъ (у Птолемея *Ἀρμουζα πόλις*, у Латинянъ Армуза и Армузія, у Португальцевъ *Ormaz*, а Арабы и Персы ставятъ первымъ словомъ придыханіе и пишутъ Гормусъ) лежалъ на восточномъ берегу Персидскаго залива, въ области Могостанъ, въ Керманскомъ Государствѣ. Ибн-Гаукаль, писавшій въ исходѣ X вѣка, говоритъ объ этомъ городѣ: «Гормусъ торговое мѣсто кушцовъ въ Керманѣ и первая морская пристань; въ немъ есть мечети и площади, а въ предмѣстіяхъ живутъ кушцы.» Онъ былъ разрушенъ однимъ изъ Государей Сельджукидовъ, царствовавшихъ въ Керманѣ, а по другимъ извѣстіямъ — Монголами. Время, когда это случилось, не опредѣлено удовлетворительно. Въ этомъ случаѣ жители, съ своими лучшими пожитками, ушли на сосѣдній островъ Джерунъ, за 13 географ. миль отъ прежняго города: тамъ основанъ былъ городъ Гормузъ или Ормусъ, достигшій еще большей извѣстности, нежели прежній, хотъ и при невыгодныхъ обстоятельствахъ, по недостатку въ водѣ и на почвѣ, пропитанной сѣрою и солью. Абульфеда, жившій въ первой половинѣ XIV вѣка, современникъ Марка Поло, описываетъ островной городъ и говоритъ: «Одинъ человекъ, видѣвшій его въ наше теперешнее время, рассказывалъ мнѣ, что давній Гормузъ разрушенъ напавшими на него Татарами, и что его жители перешли на островъ, по имени *Zagun*, неподалеку отъ берега, на западъ отъ древняго Ормуза.» Этотъ островъ отыскал у туземнаго Государя Португальцы подъ начальствомъ знаменитаго Альбукерка, въ 1507 г. «Въ ихъ рукахъ, говоритъ Робертсонъ, Ормусъ сталъ великимъ рынкомъ, снабжавшимъ произведеніями Индіи Персію и всѣ, на западъ отъ нея лежащія, Азіятскія области, и городъ, построенный ими на тощемъ островѣ, лишенномъ всякой воды, сдѣлался однимъ изъ главныхъ

стань, посѣщаемая купцами изъ всѣхъ странъ Индіи: они привозятъ благовопія и пряности, драгоценныя камни, жемчугъ, золотыя шелковыя ткани, слоновыя зубы и много другихъ товаровъ. Этѣ торгѣры они сбываютъ разнымъ торговцамъ, которые развозятъ ихъ во всему свѣту. Названный городъ значительное торговое мѣсто, и въ свой зависимости города и замки, и считается главнымъ городомъ Керманскаго Царства. Нынѣшній владѣтель его называется Курмединъ Ахомакъ, управляющій имъ неограниченно, но въ то же время признаетъ верховную власть надъ собою Царя Керманскаго.

мѣсто богатства, блеска и роскоши въ Восточномъ мѣрѣ. • Histor. Disq. 140. У Альбукерка отнялъ его Шах-Аббасъ, въ 1622 г., съ помощію Англійской эскадры. Его укрѣпленія и другія общественныя зданія были сърыта завоевателемъ, а торговля переведена въ одно мѣсто на сосѣднемъ берегу Гамбрунъ, переименованный Аббасомъ въ Бендер-Аббаси. Но между этими временемъ, открытіе морскаго пути изъ Европы вкругъ мыса Доброй Надежды повело главную торговлю новымъ воднымъ путемъ, и торговля, превадившаяся гаванями Персидскаго моря, быстро упала. Во время вѣзденія этой страны Нибуромъ, въ 1765 г., одинъ морякъ, служившій у Шах-Надира, владѣль островомъ, на которомъ находился Гормузь, и этѣ мѣсто было весьма неважнымъ. М. — Риттеръ, прослѣдивъ путь М. Поло (по показанному въ примѣч. 67) изъ Кермана въ Ормузь, продолжаетъ: Этѣ рогу, вѣроятно, выбрали Гебры, принужденные бѣжать изъ отечества, и ихъ плаваніи изъ Іезда въ Керманъ черезъ Ормузь въ Дивъ. • (См. Аз. IV, стр. 615). Дорожникъ одного туземца, сообщенный Британскимъ Посольствомъ, называетъ мѣсто спуска «Bagh-Gulnar» и говоритъ, что онъ тянется 23 географ. мили (38 фарсанговъ). Это старинная дорога, сдѣланная нынче негостепріимною пустынею, съ немногими бѣдными деревнями. Житѣльмъ какъ во время Аббасса Великаго, на всякой станціи были построены прекрасный каравансерай и торговые люди ѣздили взадъ и впередъ. Въ Бендерѣ-Аббаси, нѣкогда имѣвшемъ до 20,000 жителей, давно уже былъ перевѣсъ Абушеръ, какъ пристань. Городъ Керманъ былъ давно разрушенъ въ 1794 г. онъ опять потерпѣлъ разореніе; въ немъ до 30,000 жителей лежитъ среди развалинъ, простирающихся на многія мили въ окрестности все еще имѣетъ базаръ и самую важную ярмарку шерстью; потому что здѣсь получается самая нѣжная шерсть, изъ которой ткуются шали, вольжія на кашемировыя. • VIII, 726.

⁹⁵ Дегинъ говоритъ: «Сельджуки (которыхъ могущество въ этѣхъ странахъ прекратилось въ 1181 году) своими вторженіями принудили жителей уѣ-

Сли здѣсь умираеть чужеземный купецъ, онъ беретъ и причисляетъ въ своей казнѣ все его добро. Лѣтомъ жители не остаются въ городѣ, о случаю великаго зноя, дѣлающаго воздухъ нездоровымъ; они удаются въ свои сады на морскомъ берегу, или на рѣчные острова, гдѣ гроятъ надъ водою себѣ хижины, нѣсколько похожія на ивовыя коринки, обгораживаютъ ихъ тыномъ, идущимъ съ одного конца въ оду, а съ другаго на прибрежную землю, и для защиты отъ солнца, окрываютъ ихъ листьями. Тутъ и живутъ они. Тамъ каждый день, съ святаго часа до вечера, дуетъ вѣтеръ съ твердой земли, такой удушиво знойный, что захватываетъ дыханіе, и люди, подвергшіеся го дуновенію, должны задохнуться. Никто, застигнутый такимъ вѣтромъ въ песчаной равнинѣ, ⁹⁸ не можетъ избѣжать его гибельнаго дѣйствія. Лишь только жители замѣтятъ приближеніе этого вѣтра, отчасъ опускаются въ воду до подбородка и остаются въ такомъ поло-

лнться на сосѣдственный островъ, лежавшій при входѣ въ Персидскій заливъ, гдѣ и построили городъ, еще и нынѣ сохраняющій свое имя». Liv. V, p. 345.

⁹⁸ Путешественники часто описывали этотъ знойный вѣтеръ, извѣстный въ Италіи подъ именемъ *il sigocco*, а въ Африкѣ подъ названіемъ Гарматанъ. Въ степяхъ южной Персіи его дѣйствія, можетъ быть, еще сильнѣе. что можно видѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ, поразительно подтверждающихъ нашего писателя: «Воздухъ, говоритъ Шарденъ, зноенъ и сухъ по всему Персидскому заливу, отъ Караманіи до Индіи, и есть мѣста въ этѣхъ странахъ, гдѣ жары удушливы и невыносимы даже для тамошнихъ уроженцевъ. Этѣ люди покидаютъ свои дома на 4-ре жаркіе мѣсяца въ году и удаляются въ горы. Тогда путешественники, къ ихъ несчастію, принужденные странствовать въ этѣхъ палаящихъ земляхъ, находятъ деревни совсѣмъ покинутыми, кромѣ, можетъ быть, нѣсколькихъ бѣдныхъ и жалкихъ существъ, которыя оставлены для присмотра за деревней. Мѣста, куда уходятъ жители — долины, горы да финиковые лѣса». Далѣе онъ говоритъ: «Этотъ смертоносный вѣтеръ называютъ *bad-samum* (*badî-samûm*). Онъ дуетъ только между 15-мъ Юня и 15 Августа: это пора несносныхъ жаровъ по всему протяженію залива; вѣтеръ бушуетъ съ сильнымъ шумомъ, кажется краснымъ и горящимъ, а если налетитъ на людей, задушаетъ ихъ, особливо въ дневную пору.» Т. II, стр. 7 и 9. — «Вѣтры въ этой степи, говоритъ Поттингеръ, часто такъ знойны (въ жаркіе мѣсяцы съ Юня до Сентября), что умерщвляютъ все живое, звѣрей и растенія, доступныхъ ихъ дѣйствію, и дорога, которою я ѣхалъ, считалась тогда совсѣмъ безжизненною. Вездѣ въ Белуджистанѣ называютъ этотъ вѣтеръ разными именами: *Julot* или *Julo*, пламя, и *Vade sumum*, смертоносный вѣтеръ. Онъ страшно пропителенъ по своей природѣ, такъ что

женіи до тѣхъ поръ, пока онъ не перестанетъ.⁹⁷ Въ доказательство чрезвычайныхъ здѣшнихъ жаровъ, М. Поло рассказываетъ, что ему привелось быть въ этой странѣ во время слѣдующаго происшествія. Когда владѣтель Ормуса какъ-то не заплатилъ дани Керманскому Царю, тотъ задумалъ захватить его въ такое время, когда знатнѣйшіе горожане живутъ внѣ города, на твердой землѣ: онъ послалъ войско, изъ 1600 всадниковъ и 5000 пѣшихъ, для занятія земли Реобарле. Проводники его, сбившись съ дороги, прежде сумерекъ не могли добраться до назначеннаго мѣста, и остановились отдохнуть въ рощѣ, недалеко отъ Ормуса. Когда же на другое утро стали продолжать походъ, ихъ настигъ тотъ убійственный вѣтеръ и задушилъ всѣхъ: не уцѣлѣлъ ни одинъ, для доставленія несчастной вѣсти своему Государю. Ормускіе жители, узнавъ объ этомъ происшествіи, хотѣли похоронить трупы, чтобы отъ нихъ не заразился воздухъ: они нашли ихъ въ такомъ состояніи отъ страшнаго жара, что, когда начали поднимать, члены отдѣлялись отъ туловищъ; и нужно было копать могилы вблизи того мѣста, гдѣ лежали умершіе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

О судахъ, употребляемыхъ въ Ормусъ; о порѣ поспѣванія плодовъ; объ образѣ жизни и правахъ жителей.

Суда, которыя строятся въ Ормусъ, очень плохи и опасны для плаванія. Недостатокъ ихъ отъ того, что тамъ не употребляютъ гвоздей для ихъ сплачиванія, потому что дерево очень твердо. легко осы-

убиваетъ верблюдовъ и другихъ сносливыхъ жпвотныхъ: очевидцы описывали мнѣ его дѣйствія на человека въ такихъ ужасныхъ чертахъ, какъ только можно себя представить: мускулы несчастныхъ цѣпенѣютъ и сжимаются, кожа сморщивается, судорожное ощущеніе, какъ будто бы человекъ былъ въ огнѣ, охватываетъ все ихъ тѣло; наконецъ, тѣло трескается глубокими язвами, изъ которыхъ выступаетъ кровь, и тѣмъ быстро оканчивается такое бѣдственное состояніе. М.

⁹⁷ Швабской путешественникъ, Шиллингеръ, посѣтившій этѣ страны въ 1700 году и оставившій дѣльное описаніе Гормуза и Гомбруна, говоритъ: «Когда настаютъ сильныя жары, жители по цѣлымъ днямъ лежатъ въ очень удобныхъ для того корытахъ съ водою, или стоятъ въ наполненныхъ водою бочкахъ по самую шею, чтобы отдохнуть и укрыться отъ нестерпимаго зноя». *Persianische Reise*, S 279.

зается и трескается, словно глиняный товаръ. Когда стараются вколотить гвоздь, дерево не пускаетъ его, отъ чего онъ и ломается. Доски на концахъ просверливаютъ желѣзнымъ буравомъ, сколько можно осторожнѣе, и потомъ уже вбиваютъ въ эти дыры деревянные гвозди и клинья: такъ и сшиваютъ ихъ (въ передней и задней части). Послѣ того ихъ связываютъ или лучше сшиваютъ паклею, юбываемой изъ скорлупы Индійскихъ (кокосовыхъ) орѣховъ, очень большихъ и покрытыхъ нитеобразнымъ веществомъ, похожимъ на юнскій волосъ. Ихъ держатъ въ водѣ до тѣхъ поръ, пока нѣжныя части сгниютъ, а нити или веревочки отдѣлятся: изъ нихъ-то и дѣлаютъ веревки для сшиванія досокъ, очень долго выдерживающіе воду. ⁹⁸ Смолы не употребляютъ для прочности дна у судовъ, но смазываютъ ихъ масломъ, приготовляемымъ изъ рыбаго жира, и потомъ конопатятъ паклею. На суднѣ одна мачта, руль ⁹⁹ и палуба. Нагрузивъ его, покрываютъ кожами, на которыхъ ставятъ лошадей, отвозимыхъ въ Индію. У нихъ нѣтъ желѣзныхъ якорей, замѣняемыхъ другого рода орудіями: отъ того-то эти суда въ дурную погоду часто пригоняются къ берегу и погибаютъ; здѣшнія же моря очень бурны. ¹⁰⁰

Жители темнаго цвѣта. Магометане. Они сѣютъ пшеницу, рисъ и другой хлѣбъ въ Ноябрь, а жнутъ въ Мартъ. Въ этомъ же мѣсяцѣ снимаютъ и плоды, кромѣ финиковъ, которые собираются въ Маѣ. Изъ нихъ, съ разною другою примѣсью, выдѣлываютъ хорошій родъ

⁹⁸ Нибуръ и Ле Жентиль такимъ же образомъ описываютъ суда этихъ странъ.

⁹⁹ Плзшнимъ казалось замѣчаніе, что судно имѣетъ одинъ руль; но надобно взять въ соображеніе, что безчисленные praws, покрывающіе моря далекаго Востока, снабжены, обыкновенно, двумя веслами или kamûdis, и что Поло видѣлъ такіа суда въ свою поѣздку въ Малакскій проливъ. М.

¹⁰⁰ И на Малайскихъ судахъ обыкновенно нѣтъ желѣзныхъ якорей: по моему мнѣнію, это надобно разумѣть изъ словъ ferrî di sorzer, хоть этого выраженія нѣтъ ни въ обыкновенныхъ, ни въ морскихъ словаряхъ. Ихъ якоря дѣлаются изъ твердаго и тяжелаго дерева, съ одною только ручкою и опускаются на дно съ помощію тяжелыхъ камней, но при сношеніяхъ этихъ народовъ съ Европейцами и при денежныхъ на то средствахъ, они стараются доставать желѣзные якоря. Шлюпки, на которыхъ производится Нью-Фундлендское судоходство, имѣютъ деревянные якоря съ каменными грузилами. М.

вина.¹⁰¹ Но если пьютъ его люди, не привыкшіе къ такому напитку, онъ въ ту же минуту производитъ плохія послѣдствія; когда же оправятся отъ этихъ первыхъ его дѣйствій, онъ оказывается благодѣтельнымъ: съ него даже толстѣютъ. Пища туземцевъ отлична отъ нашей: если бы они захотѣли ѣсть пшеничный хлѣбъ и мясо, то здоровье ихъ пострадало бы отъ того. Они питаются предпочтительно финниками и соленою рыбою, такъ же цеполями (*serola tania*), тунцами и другими, въ полезности которыхъ увѣрены. Кромѣ низменныхъ мѣстъ, почва этой земли не покрывается травой отъ чрезвычайныхъ жаровъ, которые все сожигаютъ. По смерти значительнаго лица, женщины громко оплакиваютъ его ежедневно по одному разу въ теченіи 4 недѣль сряду. Здѣсь есть люди, дѣлающіе ремесло изъ такого гореванья: имъ платятъ за то, что они плачутъ и вопятъ надъ тѣлами чьихъ нибудь родныхъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

О землѣ, по которой проходятъ, вышедши изъ Ормуса и возвращаясь въ Керманъ, другою дорогою; о горечи въ хлѣбѣ, происходящей отъ качества воды.

Поговоривъ объ Ормусѣ, я отлагаю рассказъ объ Индіи, который будетъ предметомъ особой книги, и возвращаюсь теперь въ Керманъ въ сѣверномъ направленіи. Если, покинувъ Ормусъ, отправиться въ эту страну другою дорогою, то прійдемъ въ прекрасную равнину, приносящую въ изобиліи всякіе плоды; но хлѣба, приготовленнаго изъ

¹⁰¹ Обыкновенно называемое пальмовое вино есть сокъ, добываемый изъ деревьевъ, принадлежащихъ къ роду пальмъ: у нихъ отрѣзываютъ плодотворительныя вѣтки и въ томъ мѣстѣ, гдѣ они отрѣзаны у дерева, прикрѣпляютъ сосудъ, въ который и каплетъ сокъ; но такъ же читаемъ объ одномъ опьяняющемъ напиткѣ, приготовляемомъ изъ зрѣлыхъ финиковъ: ихъ держатъ въ теплой водѣ до тѣхъ поръ, пока они придутъ въ броженіе, подобно вину. Поттингеръ, рассказывая о народѣ Мекрана (области, сосѣдней съ Керманомъ), говоритъ: «Они очень много пьютъ одуряющаго напитка изъ финиковъ, пришедшихъ въ состояніе броженія: онъ чрезвычайно вреденъ по его дѣйствіямъ». Стр. 306. Въ «Ксенофоновомъ Анавазисѣ» говорится объ этомъ напиткѣ, видѣнномъ Греками въ деревьяхъ Вавилоніи; въ объясненіяхъ къ этому сочиненію Маіора Реннеля (стр. 118) можно найти подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ.

пшеницы, нельзя ѣсть съ непривычки: онъ горекъ, и отъ воды, горькой и солоноватой. Куда ни взглянешь, видны дѣлые цѣлительные ключи, которыми можно пользоваться отъ на-кныхъ болѣзней и другихъ тѣлесныхъ недуговъ; много также фи-ковъ и другихъ плодовъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

пустынной землѣ между Керманомъ и Кобиномомъ и горькой тамошней водѣ.

Покинувъ Керманъ, послѣ трехдневнаго странствованія, приходятъ степь, простирающуюся на семь дней пути, и прошедши ее, до-игають Кобинома. ¹⁰² Въ первые три дня изъ тѣхъ семи дней грѣчаютъ мало воды, да и та смѣшана съ солью, зеленая, словно ава, и такого противнаго вкуса, что нельзя и пить. Если же ть немного отвѣдаешь ея, тотчасъ станеть слабить; тоже дѣйствие

Кобинамъ есть Кабисъ Д'Анвилля, Хабльсъ Эдризи, Кебисъ, Кебейсъ и Ку-бейсъ Ибн-Гаукала, Кубесъ Поттингера. «Кебейсъ, говоритъ Ибн-Гаукаль, го-родъ на границахъ этой степи, съ ключами и финиковыми деревьями. Отсюда до Дурака находится Merileh, и въ продолженіи этой станицы, на сколько ви-дять глаза, все передъ ними имѣеть видъ пустыни и смерти, потому что со вѣтъ имѣть воды.» Ouseley's translation, стр. 199. — «Прежде онъ процвѣ-талъ, говоритъ Поттингеръ, и былъ мѣстопробываніемъ Беглербега, вмѣсто Государя Сейстанскаго, но теперь жалкое, обѣдѣвшее мѣстечко, а жители— извѣстные разбойники, которые только тѣмъ и живутъ, что осаждаютъ до-роги изъ Хорасана и Персіи и грабятъ караваны». Стр. 229. М.—Югозападная часть степи, самая неизвѣстная, и теперь посѣщается только караванами Ав-ганцевъ и Белуджей изъ Сеестана въ Керманъ. Она солончакъовая, песча-ная и необитаемая, однако жь проходить по ней дорога, съ юга на сѣверъ, изъ Кермана въ Гератъ, которую гонцы проѣзжаютъ на верблюдахъ въ 18 дней, хотя и съ великою опасностью. Почти по срединѣ ея лежитъ оазъ Кубисъ (подъ 32° 20 сѣвер. шир.), зеленый и богатый овощный садъ; въ самой срединѣ соименный ему городъ, въ одинаковомъ разстояніи отъ Персіи, Сеестана, Кермана, безъ всякихъ растений, въ самой пустой степи, служащей для него оградой. За милою въ окрестности должны течь самые свѣжіе ручьи. Онъ — мѣсто убѣжища и поселеніе, теперь — пребываніе ханцной орды, которую никто не можетъ преслѣдовать и отыскать въ ея дикихъ пустыняхъ.» Риттеръ, Азія VIII, 727 — 728; срав. также 469.

имѣть и соль, приготовляемая изъ нея. ¹⁰³ Потому путешественники по этой степи должны запастись водою. Скотъ, находясь в водѣ, отъ сильной жажды пьетъ ее, но за тѣмъ тотчасъ же слѣдуетъ поносъ. Въ продолженіе этѣхъ трехъ дней совсѣмъ невидно никакого жилья. Вездѣ сушь и пустота. Скота нельзя и встретить, потому что для него нѣтъ никакого корма. На другой день приходятъ къ рѣкѣ съ свѣжею водою, которая далѣе продолжаетъ путь подъ землею, но мѣстами на поверхности земли есть отверстия пробитыя силою теченія: черезъ нихъ видна рѣка, и тогда воды много. Тутъ останавливается усталый странникъ, для освѣженія себя и своего животнаго, послѣ трудностей прежняго дня. Три послѣдующіе дня похожи на три первыхъ, наконецъ приходятъ къ горѣ Кобинаму.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

О городѣ Кобинамѣ и его промыслахъ.

Кобинамъ — большой городъ, котораго жители послѣдователи Могометова закона. Они выдѣлываютъ зеркала изъ превосходной полированной стали, чрезвычайно большія и красивыя. Въ этой странѣ находится много антимонія или цинка, и жители дѣлаютъ туфли, т. е., сѣрый и бѣлый шпіаутеръ, очень пріятную для глазъ, такъ сподій или шпіаутерову сажу, и притомъ слѣдующимъ образомъ. Въ странѣ есть рудникъ, гдѣ они копаютъ землю, которую и жарятъ въ плавильной печи; надъ печью положена желѣзная рѣшетка, принимающая паръ, который садится на ней и, остывая, твердеетъ.

¹⁰³ Соленые ключи и усыпанныя солью равнины, найденныя Поттингеромъ и Керманъ и сосѣднихъ странахъ, описываются такъ: «Мы переправлялись черезъ ручей съ текучею солью, доставившею до колѣнъ моей лошади; поверхность земли во многія сотни ярдовъ была по обѣимъ сторонамъ покрыта толстою соляною корою, похожею на замерзшій снѣговой покровъ, хрустяшій подъ копытами лошади.» Стр. 237. Всѣ этѣ горы (Користанскія) богаты минералами; въ разныхъ мѣстахъ есть ручьи, текущіе солью, да озера покрытыя пѣною, похожею на нефть или земляную смолу, находящуюся въ Каспійскаго моря.» Стр. 312. «На высокой дорогѣ изъ Келата въ Кучъ-Гудава есть цѣпь холмовъ, изъ которыхъ добывается родъ соли, совершенно краснаго цвѣта и весьма сильнаго слаблящаго свойства. Тамъ находятъ также сѣру и квасцы.» Стр. 323. М.

туція (цинковая окись), а грубая и тяжелая часть, которая не нимається къ верху, остается въ печи, въ видѣ перегорѣвшаго я, и дѣлается сподіємъ (шпіяутерова сажа). 104

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

утешествіи изъ Кобиіама въ землю Тимоканнъ, къ сѣрнымъ предѣламъ Персіи, и особенной породѣ деревьевъ.

Оставивъ Кобиіамъ, приходятъ въ степь длиною въ 8 дней пути: гь страшная сушь; ни деревьевъ, ни плодовъ, да и вода, какая гь, горькая. Отъ того путешественники должны брать съ собою запасы, сколько ихъ нужно для прокормленія. Скотъ, томимый жаждою, безъ сомнѣнія, пьетъ и такую воду, посылаемую ему степью, его хозяева стараются сдѣлать ее, сколько можно, вкуснѣе, подшивая въ нее цвѣтовъ. Въ восемь дней достигаютъ страны Тимоканнъ, лежащей къ сѣверу на Персидскихъ границахъ; въ ней много городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ. Тамъ есть очень большая

Подъ словомъ *Andanicum* Марсденъ, кажется, разумѣтъ Антимонію, котораго, по Шардену и другимъ, много находится въ упоминаемой здѣсь Персидской странѣ; но, говоритъ онъ въ примѣчаніи къ этой главѣ, по способу приготовленія шпіяутера и сподія, какъ онъ описанъ здѣсь, по видимому, скорѣе надобно полагать, что *lapis salinarius* или цинкъ, тотъ минералъ, которому даетъ то названіе нашъ писатель, или, наоборотъ, слово *andanico*, испорченное изъ этого. Бальдеми приглашаетъ къ примѣчанію *Cap. 27. Di Gobiam* (S. 24) Bd. I. въ *Testo di lingua del sec. XIII*, но сообщаетъ въ немъ только отступающіе способы чтенія *andanico*, и потомъ говоритъ о сподіи: «Эта глава приводится цѣликомъ въ Словарѣ подъ названіемъ «*Spodio*». По Флорентинской фармацевтической книгѣ, сподій (называемый также цинковая зола и ядовитая сажа) находится въ мѣдеплавильныхъ печахъ, гдѣ попадаетъ и цинковая окись, у Арабовъ *Tutia*, образуемая при горѣніи металловъ. Сподій образуется изъ болѣе грубыхъ частей и находится въ кухонныхъ трубахъ. Изъ Ост-Индіи приходитъ настоящій сподій, называемый «*La Tabaxig*» (*Ricett. Fior. 1696*, p. 60). О «*Tutia*» онъ говоритъ, что это «*Cadmia*» (*Galmei*) древнихъ, которая образуется на подъемѣ печи, въ видѣ кистей, или вокругъ желѣзныхъ прутьевъ, прикрѣпляемыхъ для того въ печи, или къ стѣнѣ. Въ мѣдныхъ рудникахъ находятъ также ея породу, похожую на камень. По Галену, это самородная *Cadmia*, называемая у Химиковъ «*Giallamina*» (*Galmei*), которой нѣсколько бросаютъ въ мѣдно-

поляна, замѣчательная растеніемъ, которое называется **солнечнымъ** деревомъ, а у Христіанъ «*Arbor Secco*», сухое или бесплодное дерево. Его природа и свойства слѣдующія: оно высокое съ толстымъ стеблемъ; листья зеленые, верхняя сторона коихъ бѣлая или сѣровая. Оно приноситъ стручки или мѣшечки, похожіе на тѣ, въ которыхъ рождаются Грецкіе орѣхи, но плода въ нихъ нѣтъ.¹⁰⁵ Дровесина у него твердая, желтоватаго цвѣта, какъ у буковаго дерева. На сто миль въ окружности не растеть другихъ деревьевъ, развѣ только съ одной стороны, гдѣ за десять миль разстоянія есть разныя деревья. Жители рассказываютъ, что тамъ происходило сраженіе у Александра съ

плавильную печь и приготавливаютъ «*Pomfolux*» (бѣлую галмю), сподій и искусственную (цинковую окись или цинковую известь), туцію (Тамъ же, стр. 64); объ этихъ послѣднихъ и говоритъ М. Поло. Изъ цинковой окиси дѣлаютъ глазную мазь. Менинскій упоминаетъ о двухъ породахъ туціи: самородка, блестящаго, свѣтлоглубаго цвѣта который привозится изъ Индіи и есть самый лучший; искусственно приготавливаемая, какова въ Керманѣ (гдѣ городъ «Кобинамъ» Поло), бѣлая съ зелеными пятнами (*Theo. Ling: Orient. t. II, p. 237*). Лангле (*Collect. de pet. Voy. t. III, p. 218*) приводитъ одно мѣсто изъ Персидскаго географа, который рассказываетъ, что въ Персепольскомъ дворцѣ находили Индійскую туцію. Думаютъ, что Авиценна (славный врачъ и философъ при Дворѣ Махмуда Газнавида) употреблялъ это слово для означенія Гальмеи. По словамъ Лангле, Персы подъ словомъ *Tuzia* разумѣютъ минералъ, похожій на «*Lapis lazuli*» (Тамъ же, стр. 212). По словамъ одного Голландскаго путешественника, «сподій» — дровесная зола одного дерева съ Зондскихъ острововъ, очищающая кожу (*Hist. gen. des Voy. t. VIII, p. 53*): это растительный сподій; о немъ говоритъ и приведенная выше Фармацевтика, какъ объ экстрактѣ изъ сожженныхъ въ печахъ корней бирючины или дикой масляны.

¹⁰⁵ Дерево, называемое «*Arbor Secco*», кажется, изъ породы *fagus*, и со всеми свойствами каштановаго дерева; однако жъ имѣемъ вѣрное основаніе думать, что оно выродокъ платановъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста. Прилагательное *secco* кажется, указываетъ только на то, что вадъ стручка, общаго годный въ пищу плодъ, соблазняетъ всякаго, незнакомаго съ нимъ, сорвать его, хотъ этотъ и не найдетъ въ немъ никакого штательнаго зерна, а только тощія, безвкусныя сѣмена. «Мое второе наблюденіе, говоритъ Сильвестръ де Саси, относится къ мнимому бесплодію платановъ, о которомъ говоритъ Касвини, хотъ въ другомъ мѣстѣ онъ самъ противорѣчитъ себѣ, упоминая о плодѣ этого дерева. Не знаю, бесплодны ли

Даріемъ. ¹⁰⁸ Города снабжены всѣмъ, что служить для нужды и добства жизни, климатъ умѣренный: нѣтъ ни большпхъ жаровъ, ни злишняго холода. Народъ приверженъ къ Магометанской вѣрѣ. Вообще, красивое племя, особливо женщины, по моему мнѣнію, лучшія красавицы въ свѣтѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

1) Старецъ Горы, его дворецъ и садахъ, его плѣнъ и смерти.

Поговоривъ объ этой землѣ, слѣдуетъ упомянуть о Старцѣ Горы. Область, гдѣ находилась его столица, получила названіе Мулететъ, Mulehet), означающее на языкѣ Сарациновъ мѣсто еретиковъ, а народъ имя Мулететитовъ или исповѣдниковъ раскольнической вѣры, точно такъ же, какъ мы употребляемъ названіе Патарены для нѣкоторыхъ еретиковъ между Христіянами. Марко Поло увѣряетъ, что онъ слышалъ отъ разныхъ лицъ слѣдующій рассказъ объ этомъ Государѣ.

въ самомъ дѣлѣ платаны подъ нѣкоторыми широтами, но, кажется, безплодіе ихъ вошло въ пословицу у нѣкоторыхъ Восточныхъ народовъ, потому что въ собраніи разныхъ нравственныхъ правилъ Сабеевъ или Христіянь Св. Іоанна, находятъ слѣдующее: «Пустой самохвалъ похожъ на красивый развѣсистый платанъ, ничего не производящій и не дающій никакого плода своему хозяину.» Смыслъ этой поговорки, можетъ быть, тотъ, что плодъ платановъ ни къ чему негоденъ. Лорсбахъ, издавшій этѣ изреченія, замѣчаетъ при этомъ случаѣ, что въ нѣкоторыхъ словаряхъ Сирійское названіе платановъ переводится каштановымъ деревомъ, не знаю, на какомъ основаніи.» *Relation de l'Egypte. Notes, p. 81. M.*

¹⁰⁸ Последнее сраженіе у Александра съ Даріемъ было при Арбелѣ (Арбилъ), въ Курдистанѣ, неподалеку отъ р. Тигра, но при послѣдующихъ военныхъ дѣйствіяхъ побѣжденный Персидскій Царь былъ преслѣдуемъ отъ Экбатаны (Гамадана) чрезъ Каспійскія ворота или проходъ Коварскій, пройденный безпрепятственно Александровыми войсками, до области Комусине (Кумистъ), которой столица былъ Гекатомпилосъ (Дамганъ). Это преслѣдованіе кончилось только съ убіеніемъ несчастнаго Государя его собственнымъ сановникомъ, неподалеку отъ послѣдняго города. Самъ Александръ двинулся впередъ ближайшею дорогою, но степью, въ которой нельзя было достать воды. Въ этой части страны ходитъ множество преданій о Македонскомъ завоевателѣ, примѣры которыхъ мы представимъ въ послѣдствіи. М.

Его звали Ало-эддинъ; вѣра его была Магометанская. ¹⁰⁷ Въ красивой долинь, окруженной двумя высокими горами, онъ велѣлъ развести прекраснѣйшій садъ, въ которомъ росли самые вкусные плоды и душистые цвѣты, какіе только можно себѣ представить. На этомъ веселомъ мѣстѣ были построены въ разныхъ террасахъ, одинъ на другомъ, дворцы, различные видомъ и величиною, украшенные золотыми картинами, живописью и богатыми шелковыми тканями. Въ этѣхъ зданіяхъ можно было видѣть много водометовъ, бьющихъ свѣтлою и свѣжею водою; въ другихъ мѣстахъ текли ручейки съ виномъ, молокомъ и медомъ. Въ дворцахъ жили дѣвушки и женщины чудной красоты: онѣ превосходно пѣли, умѣли играть на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ, чудно плясали и могли доставлять пріятныя развлечения. Видно было, что онѣ, одѣтыя въ богатые платья, жили постоянно весело; и садъ, и павильоны оглашались ихъ весельемъ и рѣзвостью; ихъ надзирательницы скрывались внутри зданія и не могли

¹⁰⁷ Крестоносцы въ Обѣтованной Землѣ не только много слышали о Шейхѣ аль Джебаль (см. Гаммера Исторію Ассасиновъ), т. е., Старца или Владыкѣ въ горахъ, именно въ Ливанонѣ, въ Сиріи, и о его убійцахъ, страшныхъ для Мусульманъ и Христіанъ, но и сами имъ подвергались, на прим., Раймундъ, Графъ Трипольскій въ 1149, Конрадъ, Маркграфъ Монферратскій и Тирскій и другіе, погибли подъ ихъ кинжалами. Но для нихъ осталось неизвѣстнымъ, что этотъ «Старецъ Горы» былъ начальникомъ одного только западнаго пріорства своего Ордена, котораго глава, подъ такимъ же именемъ, царствовалъ въ Рудбарѣ (т. е., рѣчной землѣ) Эльбурса, а также и въ Кугестанѣ на востокъ, въ Каниѣ, имѣлъ помощниковъ своихъ злодѣйствъ. Отсюда-то Марко Поло, возвращаясь на родину изъ Китая чрезъ Персію въ Дамганъ, гдѣ долженъ былъ пожить при Монгольскомъ Дворѣ, принесъ въ Европу первые чудные рассказы про этѣхъ, какъ называетъ онъ, Мулегитовъ (т. е., еретиковъ); этѣ рассказы доставили также и Арабамъ довольно содержанія для сказокъ «Тысяча и Одна Ночь»; но въ ихъ истинной исторической связи сдѣлались собственностью Исторіи, благодаря только Марковому Rouzat al Sefa (т. е., Садъ чистоты). Риттеръ, Азія VIII, S. 577. — Подъ именемъ Ало-эддина Поло разумѣть Рокн-эддина, сына Ало-эддина, послѣдняго Государя Ассасиновъ, побѣжденнаго Ханомъ Гулагу въ 1256 году, а не въ 1262, какъ говоритъ М. Поло. Этотъ неразумный и трусливый Государь только съ недавняго времени наследовалъ своему убитому отцу, и ихъ обоимъ легко могли смѣшать Венеціане, проѣзжавшіе тамъ нѣсколько позднѣе.

быть видимы. Но цѣль, съ какою Государь развелъ такой очаровательный садъ, была такова: всѣмъ, соблюдающимъ его заповѣди, Магометъ обѣщалъ удовольствія рая, въ которомъ они находили всякаго рода чувственыя наслажденія въ обществѣ прекрасныхъ женщинъ: и этотъ Государь хотѣлъ внушить своимъ приверженцамъ вѣру въ себя, какъ въ пророка, подобнаго Магомету, что онъ также имѣетъ власть вводить въ рай тѣхъ, которые у него въ милости. Чтобы никто безъ его позволенія не могъ найти дорогу въ эту пріятную долину, онъ велѣлъ построить, при входѣ въ нее, крѣпкій, неодолимый замокъ, черезъ который можно было дойти до нея только потаеннымъ путемъ. При Дворѣ Государь держалъ также нѣкоторое число юношей отъ 12 до 20 лѣтъ, выбирая для того между соседними горцами такихъ, которые обнаруживали способность къ военному дѣлу, а также смѣлость и отвагу. Каждый день онъ бесѣдовалъ съ ними о раѣ, обѣщанномъ пророкомъ, и о своей власти ввести ихъ въ этотъ рай; по временамъ онъ приказывалъ давать усыпляющее питье 10, или 12, юношамъ, и когда они засыпали глубокимъ сномъ, велѣлъ относить ихъ въ разныя комнаты садоваго дворца. Только что они просыпались отъ этого глубокаго сна, чувства ихъ приходили въ упоеніе отъ разныхъ восхитительныхъ предметовъ, описанныхъ имъ еще прежде: каждый видѣлъ вокругъ себя прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя пѣли, играли, обращали не себя его вниманіе самыми очаровательными ласками, угощали его вкусными гушаньями и славнымъ виномъ, такъ что, наконецъ, въ полномъ забвеніи отъ такого избытка наслажденій, среди настоящихъ ручьевъ молока и вина, онъ въ самомъ дѣлѣ воображалъ себя въ раю и не хотѣлъ разставаться съ этѣми удовольствіями. Когда проходило четыре, или пять, дней такихъ, ихъ снова приводили въ глубокій сонъ и уносили изъ сада. Потомъ представляли ихъ Государю, и на вопросъ его: Гдѣ они были?—«Въ раю, отвѣчали они, милостію Вашего Величества», потомъ рассказывали всему Двору про чудеса, которыя тамъ видѣли и испытали. Ихъ слушали съ изумленіемъ и любопытствомъ. Обратившись къ нимъ, Государь говорилъ: «Насъ увѣряетъ вашъ пророкъ, что защитникъ своего Государя будетъ въ раю: васъ ожидаетъ счастливая доля, если соблюдете мои предписанія и будете слушаться моихъ приказаній.» Въ восторгѣ отъ такихъ словъ, всѣ они считали себя счастливыми, если получали порученія отъ Государя и рвались умереть на его службѣ. Отъ того и случалось,

что если какой сосѣдній Князь, или кто бы то ни было, навлекалъ на себя непріязнь Старца Горы, этотъ послѣдній приказывалъ убивать его воспитаннымъ у себя убійцамъ. Никто не боялся отваживать жизнь, которою они дорожили не много, только бы удалось исполнить приказанія ихъ владыки. Отъ того-то по всѣмъ окрестнымъ землямъ боялись его тиранніи. У него было и двое посланниковъ или намѣстниковъ: одинъ имѣлъ пребываніе неподалеку Дамаска, другой въ Курдистанѣ.¹⁰⁸ Этѣ также слѣдовали плану, предписанному Старцемъ Горы, и воспитывали юношей въ безусловномъ повиновеніи. Не было еще такого сильнаго лица, которое избѣжало бы смерти отъ руки убійцы, навлекши на себя непріязнь Старца Горы. Его земля находилась въ Царствѣ Улау (Гулагу), брата Великаго Хана (Мангу): узнавъ объ ужасныхъ его дѣлахъ, также и о томъ, что онъ поставилъ людей для грабежа путешественниковъ, проходившихъ по его землѣ, Улау послалъ, въ 1262 г., одно изъ своихъ войскъ осадить злаго Государя въ его замкъ. Но замокъ имѣлъ такія оборонительныя средства, что держался три года, до тѣхъ поръ, пока голодъ заставилъ сдаться Старца Горы: его взяли въ плѣнъ и казнили. Замокъ былъ срытъ,¹⁰⁹ а райскій садъ разорень.

¹⁰⁸ Въ текстѣ у Рамузія ошибочно поставлено Курдистана, потому что въ Курдистанѣ ничего не знали объ его власти, а въ Кугистанѣ было пріорство; см. выше примѣч. къ 8 Государствамъ Персіи. Впрочемъ, этого мѣста нѣтъ въ Латинскомъ текстѣ у А. Мюллера, ни въ Testo di lingua у Бальделли Бояя; въ этѣхъ обоихъ изданіяхъ, вмѣсто Курдистана, поставлено «Micheh», объясненное въ дѣльной выноскѣ въ текстѣ Рамузія; у Бальделли Бони «Milice», въ Парижскихъ codd. «Mulecte», у А. М. «Mulete», а это послѣднее I. P. Форстеръ при сличеніи принялъ за замокъ Аламутъ, но, кажется, едва ли основательно. Ритт. VIII, 579.

¹⁰⁹ Въ такихъ словахъ состоитъ извѣстіе М. Поло, такъ долго считавшееся баснею, сираведливое въ главномъ дѣлѣ и подтвержденное Исторією Кондемира: изъ этой послѣдней мы наконецъ точнѣе узнаемъ мѣстности; ихъ географическое указаніе, которымъ до сихъ поръ пренебрегали, будетъ здѣсь нашею особенною задачею. Оно окажется само собою изъ связнаго разсказа Исторіи, потому что всѣ мѣста исчезли и только слабое воспомнаніе соединено съ ихъ, едва замѣтными, развалинами. Для того необходимъ слѣдующій разсказъ.

Въ Египтѣ одна часть Мусульманъ держалась ученія Измаилитовъ, такъ называвшихся по имени Измаля бен Джайфара аль Садека, ~~и~~

У

С М Ъ С Ъ

РЕЕСТРЪ
КОЗАЦКИХЪ ДѢЛЪ
ВЪ ПОЛЬСКОЙ МЕТРИКЪ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ПРИ 3-МЪ ДЕПАРТАМЕНТЪ СЕНАТА,
въ листъ съ надписью: «Kozackie.»

СВЯЗКА 1-Я.

1626 г.

въ обозвѣ у Куркуова на медвѣжьихъ кожахъ списокъ становленія порядка отъ Комисаровъ Короля Сигизмунда III и ольской Республики между Запорожскими Козаками: 1. Общались Королю и Республикѣ имѣть всю вѣрность и повиновеніе и противъ Турокъ не воевать ни сушею, ни моремъ, безъ позволенія гь Короля и Республики Польской. 2. Оныя войска Запорожскія зъ 6000 ч. будутъ вѣрно служить Королю и Республикѣ, за то озволено людямъ, военную службу отправляющимъ, торговать, ловить рыбу и звѣрей, не дѣлая никакой преграды Старостиннымъ выдамъ, и оставили бы язы и ухожен. издавна Старостамъ ринадлежація. Сему войску положено жалованье получать въ день в. Иліи (Русской) по 600,000 въ году, въ Кіевѣ. Старость * . . .

Точки и пропуски, къ сожалѣнію, находятся въ самомъ спискѣ, съ котораго этотъ реестръ напечатанъ.

. всего войска въ годъ 600 злот., Обозна му 100 злот., 2-мъ Асавуламъ, каждому по 150 зл., Писарю 100 6-ти Полковникомъ по 10 пзъ Сотниковъ каждому по должны жить на Пицѣ за порогами, и нести обыкновенныя повинности, увѣдомляя о непріятелѣ, не допуская его къ переправамъ и удерживая сего отдавать Республикѣ. 3. Какъ пзъ Польскихъ обывателей никому не будетъ обидѣ отъ сего войска ни въ духовныя дѣла не входить. 4. На морѣ, ни въ Днѣпру, и ни по какимъ рѣкамъ, смежнымъ съ Республикой, не будутъ плавать договоровъ съ Турціею, ни начинать войну ни сушею, ни водою съ сосѣдами Республики безъ воли Короля и оной, а морскія лодки чолны тотчасъ при свѣдѣтеляхъ, коихъ Гетманъ пошлетъ, сожгутъ и подь строгимъ наказаніемъ другихъ не дѣлать. 5. Чтобъ договоровъ ни съ какою сосѣдственною державою не заключать, и никакихъ пословъ отъ чужихъ владѣній не принимать, ниже осмѣлились бы въ военную службу иностранную.

1649 г.

Списокъ трактата съ Козаками и Ханомъ Татарскимъ, заключеннаго подь Зборовымъ. 1. Король оставляетъ войску Запорожскому всѣ давнія свободы. 2. Ободряя оное къ услугамъ Республикѣ, позволяетъ ему быть изъ 40,000. съ тѣмъ чтобъ по достоинству, кто бы былъ къ тому способенъ, въ Шляхетскихъ имѣніяхъ, вписать Козковъ въ реестръ, какъ и въ имѣніяхъ Короля, такимъ описаніемъ городовъ, начиная отъ Днѣпра съ этой стороны въ Днѣпрѣ, Горностайполѣ, Користейзовѣ, Паволочи, Погребищахъ, Прилаукѣ, Винницѣ, Брацлавѣ, оттоль за Брацлавъ въ Ямполь къ Днѣстру, отъ него къ Днѣпру, разумѣется, Козаки должны приниматься въ реестръ. А съ другой стороны Днѣпра въ Острѣ, Черниговѣ, Цѣжинѣ, Ромнѣ до Россійской границы и Днѣпра, а всаательно дальнихъ мѣстъ Королевскихъ и дворянскихъ за предѣлы, означенные въ сихъ статьяхъ, не должны быть Козаки. 3. Чигиринъ, какъ есть въ своихъ границахъ остается навсегда при благ. Богданѣ Хмельницкомъ, Гетманѣ Запорожскомъ. 4. Все, учиненное во время смятенія, предается забвенію. 5. Жидамъ не быть державцами, арендаторами и жителями въ Украинскихъ городахъ, гдѣ стоятъ Козачьи полки. 6. Касательно

протоженія Уніи въ Коронѣ и въ Княжествѣ Литовскомъ, отложить въ будущему Сейму. Король же готовъ, чтобъ всякъ пользовался юми правами и свободами, и позволялось Кіевскому Митрополиту имѣть мѣсто въ Сенатѣ. 7. Дигнитарства и уряды воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго должны даваться дворянству реческой вѣры. 8. Въ городѣ Кіевѣ поелику имѣютъ привилегіи русскія школы, то Езуитамъ тамъ не основываться и статьи должны были быть одобренными будущимъ Сеймомъ. При ихъ же статьяхъ есть списокъ привилегій Короля Казимира, данный Запорожскимъ Козакамъ, о сохраненіи ихъ давнихъ вѣностей и привилегій.

1656 г., 11 Генваря.

Изъ Чигирина письмо Ивана Выговскаго къ Іерониму Радзѣвскому, Подканцлеру Коронному, въ коемъ извѣщается, что Хмельницкій въ Чигиринѣ съ войскомъ находится, и часто къ нему приходятъ эстафеты отъ Хана. Присягу же войско Хана предъ Гетманомъ въ вѣрности учинило. и послѣ оной начались разныя сношенія о походѣ на назначенное мѣсто

11 Генваря.

Оттуда жъ письмо отъ Богдана Хмельницкаго къ тому жъ Радзѣвскому, чтобъ пріѣхалъ для установленія порядка между войсками, и о жалованьи для войска.

11 Генваря.

Оттуда жъ письмо къ Королю Шведскому Густаву отъ Ивана Выговскаго. Генеральнаго Писаря войска Запорожскаго, о неразрывной дружбѣ между Ханомъ Крымскимъ и Запорожскимъ Гетманомъ Хмельницкимъ, утвержденной присягою. Посоль же Шведскій принять хорошо Запорожскимъ Гетманомъ (къ которому присланъ), и во всемъбудеть его слушать.

16 Іюня.

Изъ Маріенбурга письмо отъ Шведскаго Короля къ Мурату Башѣ Визирю, о полученіи письма отъ Мустафы Аги; а что о способѣ начатія войны — скажетъ изустно оный посоль.

При томъ 3 письма такого же содержанія.

30 Іюня.

Изъ Новаго Двора при Вислѣ и Бугѣ. Письмо отъ Шведскаго Короля къ Хмельницкому, что Бранденбургскій Курфирсть идетъ къ нему со всею силою (войска), гдѣ вмѣстѣ соединясь, пойдутъ съ войскомъ на непріятеля, Польскаго Короля.

19 Іюля.

Изъ Прейсмурга (Preushmurg) письмо отъ Канцлера Шведскаго Короля къ Визиру . . . что какъ Польскій Король Іоанни Казимиръ объявилъ его Государю войну, то просить помощи войска отъ Турецкой Имперіи.

16 Августа.

Изъ Радома письмо Радзѣвскаго, Канцлера Великаго Короннаго, къ Выговскому, что Шведскій Король, какъ отзывался въ письмахъ къ Гетману Хмельницкому, хотѣлъ выслать Комисаровъ, но по невозможности переѣздовъ, старается нынѣ о Императорскихъ пашпортахъ, съ коими Король отправить Комисаровъ къ Гетману для заключенія неразрывной лиги (союза) съ Королемъ, коего покровительство ко всему и всегда пригодится Запорожскому войску.

1656 г., 16 Августа.

Изъ Радома Канцлера Великаго Короннаго къ Хмельницкому, Гетману Запорожскаго войска, что Король, для заключенія контракта съ войскомъ Запорожскимъ, не можетъ отправить Комисаровъ, ради безпутицы развѣ получивъ пашпорты отъ Императора, чтобъ могли ѣхать чрезъ Силезскія границы.

Оттуда жъ открытое письмо Радзѣвскаго къ Хмельницкому, чтобъ посланный съ письмомъ имѣлъ свободный пропускъ.

Оттуда жъ письмо Іеронима Радзѣвскаго къ Ивану Выговскому, что будутъ посланы Комисары къ Запорожскому войску, если бы имъ была доставлена безопасность (securitas), для договоровъ о трактатахъ и Богеміи.

1657 г., Апрѣля 18.

Изъ Чигирина письмо отъ Выговскаго къ Канцлеру В. К. чрезъ нарочнаго. что споры между войсками доселѣ не прѣстѣны.

Оттуда жъ письмо отъ Хмельницкаго къ Королю Іоанну Казимиру, чтобъ не вѣрилъ людскимъ наговорамъ что онъ вѣрно служилъ и не престанеть служить со всѣмъ войскомъ, о чемъ посланный устно пространнѣе скажетъ

Іюня 13.

Наказъ отъ Короля и Республики Казимиру Бѣнѣвскому, послу къ Богдану Хмельницкому, Гетману войска Запорожскаго. по совѣту Сената, въ Данковѣ данный. 1. Король и всѣ чины Республики общають истинно съ нимъ, Гетманомъ, и всѣми Запорожцами соединиться, если они вѣрно и нелукаво будутъ служить Республикѣ. 2. Посолъ найпаче долженъ наблюдать, чтобы то, о чемъ Король трактуетъ съ войскомъ, не было ни съ какимъ обманомъ; ибо вѣрно, что Порта съ Татарами хочеть ускромить Седмиградскаго Князя, Волошскаго и Молдавскаго Господарей, а наконецъ и самыхъ Козаковъ; это доказывается тѣмъ, что уже Хмельницкій не имѣеть отъ Россіи довѣрія. 3. Чтобъ статьи, договоренныя съ Запорожскимъ войскомъ, были подписаны, а Посолъ отправленный взять бы одинъ подлинникъ съ собою (и привезъ), а другой отдалъ къ войску.

1658 г., Генваря 1.

Въ Чигиринѣ Украинской Коммисіи, писано Комисаромъ Короля, что Запорожскіе Козаки не хотятъ договору (Układu) съ Татарами, а лучше желаютъ остаться за Польшею, въ противномъ же случаѣ за Россією.

Изъ Полотскаго письмо Коммисара Бѣнѣвскаго къ Канцлеру Корициньскому, что залогіи Козацкія заняли. всю Волинь и Подолю, о чемъ уже донесъ Выговскому, дабы велѣлъ Козакамъ вступить на квартиры, соблюдая силу перемирія. и въ обозѣ подъ Гадячемъ, подлинникъ. пактовъ (договоровъ) подписанъ рукою Выговскаго и за его печатью.

Изъ табора (Tabogu). Выговскаго, Запорожскаго Гетмана, къ Пражмовскому, Канцлеру В. К., что отправилъ онъ войско за для усмиренія непріятели.

Декабря 17.

Изъ Ржищова письмо. Выговскаго къ Пражмовскому, Канцлеру В. К., просить, чтобъ привилегія на Кіевское Подкомор-

ство Георгію Немиричу, была утверждена печатью княжествъ Русскихъ, и на печати сей долженъ быть вырѣзанъ св. Георгій, и титулъ Короля вырѣзанъ Русскими буквами, и что Царь Московскій двинулся изъ столицы съ великою силою, противу коего выйдетъ съ войскомъ за границу и Королевское войско съ Обознымъ, приступитъ къ Днѣпру за недѣлю. . . . и прежде недѣли.

1659 г., Генваря 16.

Изъ Переяслава письмо Выговскаго къ Королю, доносить о выигранномъ сраженіи, что однихъ непріателей положилъ на мѣстѣ, другихъ взялъ живыхъ, также что съ Запорожскимъ войскомъ изъ Переяслава, взявъ съ собою въ помощь Обознаго, идетъ къ Лохвицѣ, гдѣ стоитъ непріатель.

Доношеніе о присланныхъ изъ Украины извѣстіяхъ; описывается въ немъ состояніе Выговскаго въ худомъ положеніи у Московскаго Царя; доказывается, что Барабашенко, будучи старшимъ у Запорожскихъ Козаковъ, желая прислужиться Царю, перенялъ пословъ, отпавленныхъ отъ Выговскаго къ Хану съ письмами, и потопилъ. Въ сихъ письмахъ изображается, что Выговскій съ Царемъ поступаетъ неврно а когда сіи послы отъ Царя возвратились, то Выговскій, поймавъ ихъ, велѣлъ погубить.

1659 г., Марта 3.

Изъ табору письмо Выговскаго къ . . . В. К., препоручаетъ въ Королевскую милость войска Запорожскаго Обознаго Носача.

1659 г., Марта 9.

Оттуда жъ письмо, отъ него жъ, Выговскаго къ Королю Іоанну Казимиру, проситъ, чтобъ пакты дотолѣ не дѣлать на Сеймѣ, пока не придутъ высланные полномочные отъ Запорожскаго войска.

Апрѣля 26.

Изъ Чигирина письмо отъ Запорожскаго Гетмана Выговскаго къ Королю, проситъ о утверженіи Гадяцкой Коммисіи на Сеймѣ, чтобъ при ней оставаться.

Августа 4.

Изъ обоза надъ Рудкою письмо отъ Потоцкаго къ Королю, доносить о погибели Ромодановскаго, Трубецкій едва обороняю

рукою ушелъ съ таборомъ къ Путивлю. Запорожскій Гетманъ обратился на тѣ города, кои были со стороны Россіи какъ то: Ромель (Rumno), Лохвицу, Полтаву, и г. Ромень уже сдался Гетману. Россіяне перешли Днѣпръ, чтобъ опять взять Борисополь, а селы около Гоголева пограбили и пожгли и въ городу (до Horoda) возвратились.

Отвѣтъ Короля Іоанна Казимира на статьи, поданныя отъ Пвана Выговскаго, Генеральнаго Воеводы Кіевскаго, Гетмана земель Русскихъ. . . . данныя отправленнымъ отъ него посламъ: 1. Король общаетъ Выговскому свои милости и благосклонность. 2. Пособія войску его въ точности. . . . будутъ. 3. Чтобъ Выговскій, обязанный присягою, не искалъ покровительства чужимъ дворомъ. 4. Поручаетъ Король посламъ, чтобъ Гетманъ старался у Князя Львова, нельзя ли чрезъ него освободить изъ плѣна. . . . Подскарбія В. К. Литовскаго. 5. Чтобъ Выговскій часто переписывался и сношлся съ Каштеляномъ Волинскимъ.

1659 г., Августа 26.

Письмо Выговскаго, Воеводы Кіевскаго, къ Королю, просить помощи войска Короннаго.

Сентября 29.

Изъ обоза надъ Котельнею письмо Выговскаго къ Краковскому Воеводѣ Потоцкому, что по ненависти. . . Козацкой принужденъ сложить чинъ Гетмана для . . . Юрія Хмельницкаго, который, помня učinенную присягу, предъ полученіемъ Гетманскаго званія, вѣрности Королю и Республикѣ ни въ чемъ не хочетъ нарушить.

Оттуда жъ (изъ обоза подъ Котельнею) письмо Выговскаго къ Королю о томъ же, что Гетманство сложилъ для Юрія Хмельницкаго, дабы не произошло между простолюдуствомъ замѣшательства. . . . а самъ съ малою горстью войска пошелъ подъ Котельню. Остерегаеть въ ономъ же нисъмѣ, что какъ еще не испытана. . . . вѣрность Хмельницкаго къ Королю и Республикѣ, дабы, по внушенію нѣкоторыхъ непостоянныхъ въ ономъ войскѣ людей, не преклонилъ на сторону Россіи.

Изъ Котельни письмо отъ Выговскаго къ Потоцкому того же содержанія, какъ выше.

Октября 10.

Изъ Котельни письмо Выговскаго къ Королю, что какъ Гетманъ Хмельницкій отъ юности своей преклоненъ къ Россіи, вѣрно къ ней пристанеть, но старшіе въ войскѣ вѣрны Его Королевскому Величеству.

Октября 17.

Изъ Котельни отъ Андрея Потоцкаго, Короннаго Обознаго, къ Гетману Коронному, что Гетманъ Хмельницкій явно (publice) присягнулъ Московскому Царю, но Полковники до нѣкотораго времени остались вѣрны Королю, а потому нужно для подкрѣпленія прислать въ помощь Коронное войско.

Изъ Котельни письмо Выговскаго къ Пражмовскому, Коронному Канцлеру, что Гетманъ Хмельницкій имѣеть частыя сношенія съ Московскими послами, о чемъ онъ уже получилъ точное и непремѣнное извѣстіе чрезъ Г. Мазепу, что онъ же Хмельницкій присоединится къ Россіи.

Октября 25.

Изъ Котельни письмо Г. Потоцкаго къ Гетману. В. К., что Россійскаго войска 40,000 стоитъ подъ Переяславомъ, дабы противъ сей силы прислалъ пѣхоту и пушки . . . какъ можно скорѣе; присовокупляетъ, что Гетманъ Хмельницкій привязанъ къ Московскому Царю и присягнулъ ему, но не пишетъ, въ какихъ статьяхъ.

Оттуда жъ письмо къ Королю отъ Короннаго Обознаго Потоцкаго того жъ содержанія (о принятія Хмельницкимъ и войскомъ 40 тысячъ Россіянъ).

Оттуда жъ (изъ Котельни) отъ него жъ Королю, доноситъ о сдѣлкѣ между Хмельницкимъ и Выговскимъ, что 1-е, принявъ званіе Гетмана, спрашивалъ Запорожское войско, кого хочетъ признать Государемъ (Рапа), Короля Польскаго, или Царя Московскаго, и на то всѣ отозвались единогласно . . . старшіе и солдаты что лучше хотятъ Польскаго Короля имѣть отцемъ, нежели отчима.

1659 г., Октября 4.

Изъ Табору. письмо Юрія Хмельницкаго, Запорожскаго Гетмана къ Королю, что Запорожское войско по многимъ причинамъ

даливъ Ив. Выговскаго отъ Гетманскаго званія, избрало его на это мѣсто, и просить Короля сохранить сіе войско по привилегіямъ.

Ноября 2.

Изъ обоза подъ Хмельникомъ письмо отъ Выговскаго, Кіевскаго Воеводы, къ Королю. Извиняется, что не онъ причиною бунта между Козаками, а что Король не скоро доставилъ помощь; ибо хотя о счастіи непріятель былъ выгнанъ изъ владѣній Республики, но унтовщики, видя, что нѣтъ ея войска, опять нарушивъ присягу, щуть покровительства другихъ Государей и уже присягнули въ Россію, забывъ о Богѣ и присягѣ.

Въ Декабрѣ изъ Полоннаго письмо отъ Выговскаго къ Королю, что крѣпость Чигиринская со всею артиллеріею взята непріателемъ.

11. Изъ Дубна письмо Кіевскаго Воеводы, Выговскаго, Королю, что Шереметевъ съ великою силою Россійскою наступаетъ для разоренія Польши, по поводу Козаковъ, когда, вторгнувшись въ Польшу и Баръ, посылаетъ подѣзды въ Польскія области, желая прелонить къ себѣ простой народъ. И такъ, чтобъ Король прислалъ Воеводу Русскаго съ войскомъ для отнятія Чигирина, въ коемъ находится Козацкая артиллерія.

1659 г., Декабря 17.

Изъ Полоннаго письмо Кіевскаго Воеводы, Выговскаго, къ Гражмовскому, Канцлеру Великому Коронному, доносить о битвѣ съ Шереметевымъ подъ Хмельникомъ.

1659 г., Декабря 29.

Изъ Полоннаго письмо отъ Выговскаго къ Королю, что Ханъ совѣтуетъ въ зимнее время соединиться съ Короннымъ войскомъ противу Россіи и Козаковъ, а потому, чтобы Г. Краковскій Воевода за времени приближался къ Украинѣ съ войскомъ.

Краткое извѣстіе о единствѣ Греческой Вѣры съ Римскою Церковью подано на Сеймѣ.

1660 г., Генваря 15.

Изъ Степанца письмо Кіевскаго Воеводы, Выговскаго, къ Королю: доносить о изгнаніи Россіянъ изъ Барской крѣпости, которую Г. Проскура отнялъ съ нѣсколькими сотнями людей.

Февраля 1.

Изъ Дубна письмо отъ Кіевскаго Воеводы, Выговскаго, къ Королю: доносить, что съ войскомъ находится за Заславомъ и оттуда охотно идетъ съ нимъ въ Украину, надѣясь въ бою побѣдить неприятеля.

1660 г., Февраля 5.

Изъ Чигирина письмо о Запорожскомъ войскѣ Гетмана Хмельницкаго Г. Каштеляну Волынскому, что однажды уже присягнувъ Царю Московскому и отдавъ Украину, не думаетъ вторично уклоняться, и жалуется на Выговскаго, что не умѣлъ поступать (обходиться) съ Войсковою Старшиною.

Марта 13.

Изъ Чигирина. Копія письма отъ Гетмана Хмельницкаго Кіевскому Митрополиту, что Московскій Царь не жаждетъ кровопролитія, какъ и Запорожское войско, и не желаетъ входить съ Польскимъ Королемъ въ ненужныя распри, лишь бы Король и Республика Польская не посылали въ города его (Царя) Украинскіе, неправедно Королями и отнятые у Россійскихъ Князей и изъ ругъ исторгнутые; ибо мы, однажды выбившись изъ Польши, будемъ всегда вѣрно служить Царю, какъ Православному Государю; просить, чтобъ Митрополитъ прибылъ въ осиротѣвшую паству; а касательно его содержанія, если для него будетъ недостаточно имѣнія, то Царь ему еще пожалуетъ имѣніе.

Декабря 15.

Изъ Корсуня письмо Юрія Хмельницкаго, Гетмана войска Запорожскаго, къ Королю: благодарить за пожалованіе булавы: просить, чтобъ Король оставилъ Козаковъ при статьяхъ (шактахъ) и дарованныхъ привилегіяхъ.

Донесеніе отъ Воеводы Черниговскаго, присланное изъ Украины; описываются успѣхи Хмельницкаго, что дѣлаетъ съ Запорожскимъ войскомъ.

Въ Чигиринѣ наказъ отъ Гетмана Запорожскаго Хмельницкаго послаемъ, отъ сего войска къ Королю отправленнымъ: 1) чтобъ честно отдали Королю поклонъ; 2) ходатайствовали о пожалованіи обезпеченія порознь. что на будущемъ Сеймѣ Варшавскомъ не только статьи будутъ утверждены,

о и о чемъ сверхъ того будетъ просьба Запорожскаго войска, по бѣщанію Короля, будетъ исполнено. Также чтобъ Епископіи, церкви Дизунитовъ, отобранныя отъ Унитовъ, въ Коронѣ и Литвѣ, были озвращены; 3) послы представлять Королю, что Запорожское войско идетъ не съ тѣмъ, чтобъ, соединясь съ Шереметевымъ, истрелять Коронное войско, но чтобъ съ Гетманомъ трактовать о мирѣ; 4) просить Короля, чтобъ Козаки на Украинѣ не были; ибо за нѣпромъ Московскіе бунты и факціи не престають; 5) чтобъ ослы Печатарямъ (хранителямъ печати) Короннымъ и Литовскимъ мѣли низко кланяться; ибо отъ ихъ благосклонности много завидеть; 6) о грамотахъ рекомендаціонныхъ къ Королю послы должны просить Г. Маршала; 7) просили Короля, чтобъ Митрополитъ съ позволеніемъ прибылъ къ войску, какъ пастырь къ своему стаду; 8) чтобъ Воевода Черниговскій заблаговременно предъ Сеймомъ прибылъ для установленія статей, нужныхъ Запорожскому войску; 9) чтобъ Гетманъ, Сенаторы и Печатники дали на себя обезпеченіе, что на будущемъ Сеймѣ утвердятся статьи, заключенныя при , и иначе Запорожское войско присоединится къ Россіи (Moskowi).

1660 г.

Условія, поданныя Шереметеву подъ Чудновымъ, касательно отдачи маходящихоя Гетмановъ Коронн. и трактатовъ, на сіе заключенныхъ съ Козаками (чтобъ отдали).

1661 г., Марта 6.

Списокъ съ письма Юрія Хмельницкаго, Гетмана Запорожскаго: просить, чтобъ кого либо изъ Воеводъ выслать за Днѣпръ къ Запорожскому войску, которое безъ начальства и провѣжимъ людямъ дѣлаетъ большія насилія.

Списокъ съ письма отъ Сеферъ-Аги Визиря къ тому жъ Гетману, что съ Ордею снѣшить прежде Маія на Украину, побуждая и его, чтобъ съ войскомъ, для соединенія съ Ханомъ, поспѣшиль, и такъ усмирены будутъ Козаки, буде имъ не позволить имѣть поверхность.

Марта 8.

Изъ Бакчисарая. Списокъ съ письма отъ Татарскаго Хана къ Хмельницкому, чтобъ запретилъ Запорожскимъ Козакамъ затѣвать бунты; ибо они часто, впадая на земли Орды, причиняютъ великія обиды; естли же отъ того не удержатся — велить ловить.

1661 г., Августа 16.

Изъ Чигирина письмо Хмельницкаго къ Пражмовскому, Канцлеру Великому, что Крымскій Ханъ съ великою силою вторгнулся въ Украину и несносно грабятъ имущество; просить о ускореніи съ войскомъ на помощь противъ непріятеля.

Мая 14.

Изъ Корсуня письмо Хмельницкаго къ Королю: просить не имѣть на него никакого подозрѣнія; ибо хотя онъ послалъ войско за Днѣпръ, но только для удержанія непріятеля отъ вторженія въ Польскіе предѣлы.

Сентября 7.

Подъ Ставищами. Списокъ желаній Запорожскаго войска отъ Крымскаго Хана, кои Ханъ обязался сдержать вѣрно: 1) когда стаетъ подъ Германовкою съ Ордою, обязался наблюдать, чтобъ Запорожское войско не имѣло отъ Орды никакой зацѣпки. 2) Орда не будетъ брать никакой живности, а только по за Днѣпромъ. 3) Не будетъ Заднѣпровскимъ городамъ никакой обиды отъ Орды. 4) Долженъ съ Ордою ждть или по за Днѣпромъ Коронныхъ войскъ, или въ иномъ мѣстѣ. 5) Орда дотолѣ не удалится въ Крымъ, пока не соберутся Коронныя войска и соединясь вмѣстѣ, ударятъ на непріятеля, который, если, по милости Божіей, преклонится и будетъ просить мира, то сего не учинять безъ вѣдома Польскаго Короля, уже увѣдомленнаго чрезъ гонца.

1661 г., Октября 8.

Изъ табора, наказъ и наставленіе послать, отправленнымъ къ Королю, Запорожскаго Гетмана Хмельницкаго: 1) Отдать обыкновенный поклонъ Королю отъ Запорожскаго войска. 2) Поблагодарить ему и Республикѣ, что Запорожское войско довольно дипломомъ, утвержденнымъ на Сеймѣ, обязуясь быть вѣрнымъ Королю и во всемъ ему повиноваться 3) Чтобъ Коронныя войска послѣдшая за Днѣпръ и соединились съ Запорожскимъ войскомъ противу непріятеля. 4) Чтобъ назначены были Комисары для отдачи Епископн церквей и духовныхъ имуществъ отъ Унитовъ. 5) Чтобъ дономы, жалованныя на Сеймѣ Запорожскому войску, были написаны на пергаментъ подъ Сеймовою . . . и утверждены Коронною печатью,

1661 г.

Въ обозѣ изъ Росавы письмо отъ Запорожскаго Гетмана Хмельницкаго къ Королю Іоанну Казимиру: благодарить именемъ всего войска за конституцію, постановленную на прошедшемъ Сеймѣ, и что идетъ съ войскомъ за Днѣпръ съ Ханомъ, по договору одъ Ставищами. Просить, чтобъ къ нему прибыло на помощь и Козачье войско.

Изъ табора, изъ подъ Переяслава. письмо Запорожскаго Гетмана Хмельницкаго къ Королю, въ которомъ остерегается, что онъ хочетъ привлечь роды въ себя Запорожскаго войска и советуетъ замирился съ Московскими Царемъ.

Ноября 8.

Изъ Переяслава письмо Хмельницкаго къ Королю, что уже въ Ханомъ сталъ за Днѣпромъ съ войскомъ; извиняется, что по повелѣнію его (Короля) не можетъ послать въ Литву нѣсколько полковъ запорожскаго войска; ибо непріятель въ нѣсколькихъ крѣпостяхъ гонитъ, готовый къ битвѣ (in armis).

(Безъ означенія числа) письмо Хмельницкаго, Запорожскаго Гетмана, къ Королю, что Ханъ съ Ордою въ Украинѣ пришелъ къ Тарговицѣ и Орды близъ Уманя, Корсуня. Бѣлой Церкви и Чиррина поставилъ, кои причиняютъ жителямъ убытки и берутъ одеи въ плѣнъ, для того, чтобъ на помощь людямъ прибыло Козачье войско.

1662 г., Февраля 8.

Наказъ Господину Тетерѣ, Полоцкому Стольнику, послу, отправленному къ Запорожскому Гетману, Хмельницкому, отъ Короля, данъ въ Варшавѣ: 1) По прибытіи въ Запорожскому войску провѣдать, гдѣ чего между людьми возникли смятенія? 2) Поговорить съ Хмельницкимъ, почему онъ по своей присягѣ не отвращаетъ возникающихъ смятеній? 3) Узнавать, въ какихъ статьяхъ сдѣланы условія между имъ, Хмельницкимъ, и Ханомъ Крымскимъ? 4) Распрошнть, переписывается ли и сносится старшина Запорожскаго войска съ Россією? 5) Провѣдывать, съ какимъ намѣреніемъ Царь Московскій) дотолѣ держитъ пословъ Императора Христіанскаго, и наетъ ли Хмельницкій, что Христіанскій Императоръ препятствуетъ заключать миръ съ Россією? 6) Какія посольства происходятъ между Царемъ Московскимъ и Турецкою Имперією (Султаномъ)? 7) Должны

ли Польскія войска итти къ Украинѣ, или удержаться до нѣкотораго времени? 8) Провѣдать, возвела ли Порта другаго Хана Крымскаго, или нѣтъ?

Марта 4.

Изъ Чигирина письмо Хмельницкаго къ Королю: во исполненіе воли Его Величества, посылаетъ военныхъ Комисаровъ для отобранія Катедръ, Епископствъ, Архимандрій и имѣній духовныхъ, неправильно Коронѣ и Литвѣ Унитами забранныхъ, до утвержденія присягой статей и конституціи Сеймовой прошлаго года.

Въ Чигиринѣ. Списокъ наказа посламъ, отъ Хмельницкаго къ Королю отправленнымъ данный: 1) Поклонъ должный отъ Запорожскаго войска Королю. 2) Чтобъ Епископства, Архимандритства, Игуменства и имѣнія въ Коронѣ и Литвѣ, забранныя неправильно Унитами, были возвращены. 3) Просить о возвращеніи: а) Епископіи Владимирской, съ принадлежащими къ ней имѣніями, также Хелмской, Бендской и Перемышльской; б) Архимандрій Жидичинской, Дерманской, Дорогобужской; в) монастырей: Дубинскаго, Буцацкаго, Перегинскаго и проч., церквей и имѣній, къ нимъ слѣдующихъ. 4) Чтобы возможно скорѣе прислана была помощь войску. 5) Чтобъ Король прислалъ Тетеру быть при Хмельницкомъ свидѣтелемъ, какъ онъ вѣрно и нелицемѣрно служитъ Королю.

1662 г.

Изъ Корсуна письмо Діонисія Балабана, Кіевскаго Митрополита. Екзарха Константинопольскаго, къ Королю Іоанну Казимиру: просить объ отдачѣ Дизунитамъ по Гадацкому договору Епископіи, монастырей и церквей съ ихъ имѣніями, по отобраніи отъ Унитовъ.

Списокъ наказа отъ Хмельницкаго, Запорожскаго Гетмана, послу, отправленному на Сеймъ, того жъ содержанія, что выше.

Апрѣля 4.

Изъ Украины (не означено числа) Универсалъ Хмельницкаго. Запорожскаго Гетмана, разосланный въ войскъ его, чтобъ вышло изъ Украины.

Августа 3.

Изъ Чигирина письмо Хмельницкаго къ Королю, что съ войскомъ перешелъ на ту сторону Днѣпра подъ Переяславъ, ожидая Польскаго войска въ помощь.

Оттуда жъ письмо его жъ, Хмельницкаго, къ Королю. что стѣсненъ отовсюду и не можетъ дать ни отпору непріятелю, ни возвратиться въ Польшу, и паче для спасенія себя остается ему удалиться въ Крымъ.

Оттуда жъ письмо его жъ къ Королю, что подъ Крыловымъ 3,000 Русскихъ положены на мѣсть, а вторично 3 Августа лучшаго Россійскаго войска 10,000 погибло подъ Бузымомъ и взялъ 7 пушекъ, а Россійскій командующій, Ромодановскій, едва ушелъ съ нѣсколькими тысячами.

Сентября 13.

Изъ Росавы списокъ письма Запорожскаго Гетмана, Хмельницкаго къ Королю (на означено содержанія, ни нумера).

Въ обозѣ на Росавѣ письмо отъ Тетери, Полоцкаго Стольника, къ Королю, о неповиновеніи Запорожскаго войска Гетмана.

Изъ Росавы списокъ письма отъ Тетери къ Королю, чтобъ прислалъ сколько нибудь Польскаго войска на помощь Козакамъ:

Донесеніе Грицька Лѣсницкаго о Хмельницкомъ къ Королю: 1) что Запорожскій Гетманъ хотѣлъ бы оставить булаву, по причинѣ собранныхъ на миллионъ подарковъ отъ непріятеля; 2) что Татаръ около 60,000 есть въ Украинѣ.

Октября 20.

Изъ Корсуна письмо отъ Тетери къ Королю, что Запорожскій Гетманъ Хмельницкій, не могши дожидаться Польскаго войска на помощь, повелъ за собою Орду и хочетъ пойти за Кіевъ.

Ноября 20.

Оттуда жъ письмо того жъ къ Королю: доносить, что Орда очень хочетъ владѣть Україною.

Декабря 10.

Изъ Чигирина увѣдомленіе отъ Г. Тетери, присланное къ Королю, въ коемъ описываетъ поступки Запорожскаго войска, которое хочетъ свергнуть Хмельницкаго, а вмѣстѣ его избрать другаго Гетмана.

Оттуда жъ письмо отъ него жъ, Тетеры, къ Королю, о утратѣ взаимной привязанности Запорожскаго войска къ Гетману, который еще съ частію войска остается въ утвержденной присягою вѣрности и доброжеланіи.

1662 г.

На Сеймѣ Варшавскомъ списокъ обезпеченія Воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго: 1) что и дворянскіи имѣнія, розданныя Козакамъ Запорожскаго войска, возвращены будутъ; 2) чтобъ въ конституціи 1661 статья войску Запорожскому, прибавленная въ Гадяцкомъ договорѣ, касательно отдачи имѣній и церквей, не имѣла никакой силы; 3) на прошломъ Сеймѣ отданный въ архивъ и конституціею утвержденный, на коемъ много Воеводствамъ Кіевскому, Брацлавскому и Черниговскому, что по многимъ причинамъ на нынѣшнемъ Сеймѣ не былъ читанъ и въ книгъ, какъ слѣдовало, не внесенъ, остается до будущаго Сейма въ той же силѣ.

1663 г., Генваря 17.

Изъ Канева письмо Хмельницкаго къ Королю: доносить, что, по причинѣ неприсылки помощи, принужденъ оставить булаву (т. е., Гетманство).

Наказъ отъ Запорожскаго войска Гетмана Тетери послу, отправленному къ Королю: 1) что онъ, Тетеря, получивъ Гетманскую булаву, обязанъ присягою стараться объ отдачѣ церквей въ Коронѣ и Литвѣ Дизунитамъ, забраннымъ Унитами; 2) чтобъ Катедра и Епископія Перемышльская и имѣнія, къ нимъ принадлежащія, забранныя К. Хмѣлевскимъ, отданы были Дизунитамъ; 3) просить Г. Гуляницкій, посолъ Короля, чтобъ привилегію, Кіевскому Митрополиту Неуниту данную, утвердить по общему закону, а Архіерей Львовскій въ право ктиторства и представленіе другаго на ону Митрополію не вмѣшивался, также чтобъ село Перогинское, отъ Князей Русскихъ данное Катедрѣ Львовской и нынѣ неправильно отобранное Г. Яблоновскимъ, было возвращено; 4) чтобъ Запорожскому войску Король оставилъ давнія привилегіи и свободы; 5) чтобъ староство Лисянское навсегда.
. . . 6) чтобъ Король не почиталъ себя противнымъ, что Гетманъ Запорожскій съ Ханомъ Гиреемъ Султаномъ возобновилъ дружбу и утвердилъ тѣсною присягою, и сіе учинилъ ради Заднѣпрскаго непріятеля, наступающаго на Запорожское войско; 7) просить Запорожское войско, дабы Г. Богунъ, оскорбившій Величество, былъ выпущенъ со всѣмъ имуществомъ его и освобожденъ,

и вмѣстѣ съ Г. Гуляницкимъ, посломъ, возвратился къ Запорожскому войску, а онъ, по доказательству, естли что окажется на немъ, получить строгое наказаніе безъ всякаго послабленія.

1663 г., Генваря 22.

Изъ Корсуня письмо Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Королю, что по добровольному Юрія Хмельницкаго, а нынѣ въ Бозѣ Велебнаго, сложенію Гетманства, по согласному выбору отъ войска Запорожскаго, получилъ Гетманскую булаву.

Февраля 13.

Въ Чигиринѣ. Наказъ отъ Павла Тетери, по волѣ всего Запорожскаго войска, Г. Сѣльницкому, послу къ Королю: 1. Посоль засвидѣтельствуетъ Королю отъ всего Запорожскаго войска вѣрноподданство и донесетъ объ обидахъ, терпимыхъ войскомъ симъ отъ Орды. 2. Чтобъ Король на помощь прислалъ войска 10,000 на Украинну, не дожидая весны. 3. Чтобы Король велѣлъ милостиво, написать обезпеченіе Запорожцамъ, удостовѣряя ихъ, что останутся при всѣхъ свободахъ.

Оттуда жъ также письмо Тетери къ Королю: просить, не ожидая весны, прислать на помощь 10,000 войска.

Оттуда жъ письмо его, Тетери, Гетмана къ Королю: просить о присылкѣ Польскаго войска на помощь Запорожскому; ибо Татары очень разоряютъ жителей, а Запорожское войско не можетъ имъ воспротивиться.

1663 г., Марта 2.

Въ Львовѣ отвѣтъ Короля Павлу Тетерѣ, Полоцкому Стольнику, Запорожскому Гетману, присланный съ Г. Гуляницкимъ.

Изъ Чигирина письмо отъ Г. Тетери къ Королю: просить на помощь Короннаго войска.

1663 г., Апрѣля 29.

Изъ Чигирина письмо Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Королю: что Мазепа видно безъ вѣдома Его Королевскаго Величества хочетъ отдавать Гетманскія регалии, и какъ сей человекъ низкаго происхожденія, то Запорожское Войско тѣмъ недоволено.

Марта 17.

Изъ Субботова (въ Регист. Польскомъ написано ошибкою Suloowa) письмо отъ Гетмана Тетери къ Королю: просить о присылкѣ

ему своего войска на помощь, для заблаговременной осторожности, ибо Орда въ Кременчугѣ на Украинѣ расположилась, и увѣряетъ при томъ, что онъ на Запорожское войско, подъ его начальствомъ находящееся, не надѣется (nie dufa).

Маія 12.

Изъ Чигирина письмо его же къ Королю, что Россіяне сильно вооружаются, а Ханъ съ своими Ордами двинулся (куда?).

Оттуда жъ, отъ него жъ къ Королю, что Россіяне идутъ къ Днѣпру для покоренія Украины, а противъ нихъ послалъ онъ Запорожскія войска.

Изъ Бакчисарая списокъ письма отъ Сеферъ-Кази-Аги, Визира Орды, къ Гетману Запорожскому, Тетерѣ, что охотно удовлетворить его надобности, чрезъ нѣсколько дней пошлетъ Селимъ-Гирея съ войскомъ, и если потребуется, то и самъ поспѣшитъ.

Оттуда же списокъ письма Хана Мехмета-Гирея къ Тетерѣ, касательно войска противъ непріятели: посылается 20,000 подъ начальствомъ Муртазы-Бея на помощь Запорожскому войску.

Юня 15.

Изъ Чигирина письмо Запорожскаго Гетмана, Тетери къ Королю, что отправилъ нарочнаго къ Хану съ просьбою, чтобъ самъ двинулся изъ Крыма съ войскомъ, какъ обѣщаль, и Муравскими полями простирался бы на Заднѣпріе.

1663 г., Юня 26.

Письмо Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Королю, что великая сила войскъ Русскихъ съ Заднѣпрскими идетъ къ Кременчугу, чтобъ сперва оный атаковать, и взявъ, обратиться къ Запорожскому войску и развѣдаться оружіемъ (exregiі armis); а когда о семъ узнала Орда, то на сію сторону: Днѣпра, обремененная добычею и плѣномъ (jassugem), переправилась и Запорожское войско, расположенное лагеремъ (presidio), встревожила; а потому, если бы непріатель взялъ силою крѣпость, то Татары, взявъ за свое и насъ оставивъ, возвратятся въ Крымъ, и это неминуемо случится, если какъ можно скорѣе Коронное войско не прибудетъ на помощь Запорожскому войску.

Юля 7.

Изъ Чигирина письмо отъ Гетмана Венславскаго (Węslawski) къ Королю, что 1. Бруховскій (Bruchowski) несноснѣйшій (infestissimus) для народа Польскаго Самченка (Sameczęko), коего уже большая часть Козаковъ избрала было Гетманомъ, оковалъ и держитъ въ заключеніи, а самъ, державъ булаву съ помощію черни и вмѣстѣ съ Долгорукимъ, обѣщаннымъ отъ Царя на Украину, обѣщается итти къ Киеву. 2. Что Калмыки опять появились на Поляковъ, что явно (constat) отъ Татаръ, кои рады были бы, какъ можно скорѣе, возвратиться въ Крымъ; но видя себя безсильными противу Калмыковъ, тамъ страхомъ, а здѣсь деньгами, обратно (retracte) съ таборомъ своимъ съ поля сперлись (zainknełi się) подъ городъ Чигиринъ, боясь и тѣни Калмыковъ.

1663 г., Юля 15.

Оттуда же письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Королю: 1. О никогда небываломъ нападеніи (inkursyi) на Украину Калмыковъ съ своевольными Запорожцами. 2. Неискреннее и хитрое Самченка письменное о возвращеніи обѣщаніе; ибо иное писалъ Его Королевскому Величеству, а здѣсь иное затѣвалъ (moliebat) тайными происками (faksyami), раздувая пожаръ между полками, подъ начальствомъ его, Гетмана Тетери, находящимися.

Изъ Чигирина письмо отъ него жъ, Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Королю: проситъ о присланіи тотчасъ войска на помощь съ хорошимъ начальникомъ (regimentarzem), а иначе принужденъ будетъ оставить булаву (Гетманство).

Наказъ (iustruiment) отъ Запорожскаго Гетмана Павла Тетери, посланъ, отправленнымъ къ Королю: 1. благодарить за присылку войска на помощь, которое стало на Украинѣ. 2. Что нарочитымъ (zпасным) бунтамъ (faksyam), Русскимъ и Заднѣпрскимъ, безпрестанно чрезъ тайныхъ лазутчиковъ (delegatos occultos), производимыхъ на сей сторонѣ, постоянно (gruntownie) нельзя воспротивиться, развѣ въ присутствіи Его Королевскаго Величества; ибо тогда солдаты должны быть склонны къ послушанію и службѣ. 3. Наружному (malowanemu) усердію Татаръ нельзя вѣрить, ибо они отвращаютъ Запорожское войско отъ долгаго повиновенія Королю, а съ ними бы имѣли тѣсный военный союзъ. 4. Чтобъ Король, какъ Государь своей земли (Supremus Dominus państwa) и Запорожскаго

войска, видѣлъ порядокъ и воинскій снарядъ (штуписуе), также совершенно вѣря, что нѣтъ недостатка въ упомянутыхъ Русскихъ и Татарскихъ возмущеніяхъ, завременно произвелъ бы въ Запорожскіе Гетманы кого либо такого, котораго не могли бы одолѣть Русскіе происками своими (faksye Moskiewskie).

1663 г., Іюля 25.

Изъ Чигирина письмо Тетери къ Королю, что Ромодановскій идетъ на помощь Заднѣпрскимъ, и Калмыки опять, соединясь съ Запорожцами, намѣрены (intendunt) или сами ударить на Запорожское войско, или съ Ромодановскимъ соединить силы, но сіе намѣреніе уничтожится, если бы Королевское войско приведено было въ виновеніе (ad obsequium przyszły).

СВЯЗКА 2.

1663 г., Іюля 28.

Изъ Чигирина письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Королю: просить самага Короля поспѣшить съ войскомъ противъ неприятели. Въ P. S. (Postscript.) что Ромадановскій съ 15,000 Русскихъ, кромѣ Козаковъ, идетъ къ Днѣпру.

Октября 8.

Изъ обоза подъ Гадячемъ письмо его жъ, Гетмана, къ Королю, что переправясь за Днѣпръ, сверхъ чаянія Заднѣпрскіе города прибудилъ къ вѣрноподданству Его Королевскому Величеству.

Въ Гадячѣ. Универсалъ Ивана Брюховскаго, Гетмана Царя Московскаго: ободраетъ войско опять къ сраженію съ Поляками.

Ноября 6.

Изъ Корсуня письмо Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Королю Канцлеру Пражмовкому: просить, чтобы Король утвердилъ (аррбоваѣ) Тукальскаго, Епископа Бѣлорусскаго, избраннаго въ Кіевскаго Митрополита.

Изъ обоза письмо его жъ, Гетмана Запорожскаго, къ Королю, чтобы изъ Коронной Канцеляріи безъ затрудненія выдана была привилегія на Кіевскую Митрополию отцу Тукальскому, коего себѣ избрало какъ Запорожское войско, такъ и духовенство.

(Неозначеннаго числа). Письмо (скриптъ) отъ К. Залиборскаго aliborsky), Львовскаго Епископа, данный листъ въ засвидѣтельство вѣрности (in vim assecurationis fidei).

(Безъ означенія). Изъ Канцеляріи В. К. наказъ (iustrukcyя) Мапъ, комнатному Его Королевскаго Величества, данный къ Запорожскому Гетману Тетеръ, отправленному съ регаліями на Гетманво, прося о помощи противъ бунтовъ.

1664 г., Марта 12.

Изъ подъ Ольхова письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Тетери, Пражмовскому, Канцлеру В. К., о Козацкихъ бунтахъ.

Въ Переяславѣ, списокъ Универсала Ивана Брюховскаго, Гетмана Царя Московскаго, къ Запорожскому войску и народу, преклоня ихъ притти подъ покровительство Россіи.

Маія 2.

Изъ обоза при Ольшанкѣ письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Королю, что на помощь Запорожскому войску Орда подопла изъ нѣсколькихъ тысячъ.

Изъ табора подъ Каневомъ письмо Тетери къ Пражмовскому, что Брюховскій же, взбунтовавъ чернь на Короля, ведетъ войну.

Изъ Бѣлой Церкви письмо его жъ, Запорожскаго Гетмана, къ Королю: совѣтуетъ Королю заключить миръ съ Россією, для отвращенія наступающей пагубы; а если не будетъ мира, то вся Украина безъ сомнѣнія отъ Короны отторгнута будетъ.

Оттуда же письмо его жъ, Тетери къ Королю: доносить, что отъ Султана прибылъ посланецъ и выговаривалъ, яко бы сообщилъ тайно одному великому въ Коронномъ войскѣ челоуѣку о недоброрекательствѣ къ Королю и Республикѣ, а теперъ Султанъ болѣе прогнѣвался на Тетеру, и потому просить, чтобъ на время удавить съ глазъ его, также предавая на уваженіе, что не слѣдовало Королю за усердіе его объявлять сей тайны, о чемъ и просилъ.

1664 г., Маія 30.

Оттуда же наказъ отъ Запорожскаго Гетмана, Тетери, Г. Безрезецкому, послу къ Королю: 1. засвидѣтельствовать Королю отъ Запорожскаго войска усердіе престолу; 2. донести, что простой на-

родъ преклонился къ Россіи и хочеть отложиться отъ подданства Королю; 3. что Татары неискренны къ Королю, если намѣрены покорить Украину.

Іюня 28.

Въ обозѣ подѣ Насташкою наказъ отправленному отъ Запорожскаго войска послу, Куриленку: 1. представить Королю и Сенату о тяжкихъ бунтахъ въ Украинѣ, коимъ содѣйствуетъ Россія; 2. чтобъ Козаки ненарушимо оставлены были при имѣніяхъ; 3. извѣстить о множествѣ Татаръ, на Украинѣ сущихъ, кои только Запорожское войско истребляютъ и города Короля опустошаютъ.

Іюля 5.

Въ обозѣ подѣ Ставищами письмо Запорожскаго Гетмана, Тетери, къ Королю: просить прислать войска пѣшаго противу Россіи.

Изъ обоза подѣ Ставищами письмо его жѣ къ Королю: доносить о опустошеніи непріателемъ городовъ Чигирина, Корсуня, Бѣлой Церкви и Черкасъ.

Августа 3.

Димитрія Сулимы, покойнаго Г. Выговскаго бывшаго инструментомъ до возбужденныхъ на Украинѣ бунтовъ, прислушанное, кажется, за свидѣтельство въ обозѣ подѣ Ставищами, отъ Запорожскаго войска: 1. Свободно сознался, что Выговскій былъ зачинщикомъ бунтовъ на Украинѣ. 2. Что онъ, Выговскій, выслалъ Козака Федора изъ Балабановки къ Сѣрку, чтобъ былъ ему братомъ, обѣщая быть отцемъ Украины. Отвѣтъ отъ Сѣрка данъ, что не по нашимъ силамъ возставать противъ Польскаго Короля. 3. Вторично прислалъ Балабановскаго Козака, чтобъ изъ Запорожья выходили, «что я за васъ, какъ отецъ за дѣтей, берусь», о чемъ войско, желая удостовѣриться, послало Козака Мирона Нагорецкаго, оставивъ при себѣ Ерему, естли то правда, и онъ ему присягнулъ, то чтобъ отъ Сѣрка пріѣхали знатнѣйшіе люди, а между тѣмъ пріѣхалъ Сулимка, Павло Мотовиленко зъ Бабаны (z Babany); оный же Миронъ Нагорецкій и проч., назначена имъ квартира. имѣли аудіенціи приняты были. 4. Присяга была на томъ, что «я васъ, какъ отецъ не оставляю, и за васъ и за Православную вѣру берусь на Евангеліи и саблѣ», и пятерымъ давалъ цѣловать и образъ Пресвятыя Богородицы, потомъ обѣщалъ воевать Ляховъ, съ тѣмъ только, что

о не выдали Москвѣ. 5. Обѣщаль и то, что въ семъ случаѣ, «пока Россіи что начнете, я, чтобъ имѣть вѣру у Ляховъ, отзовусь мѣждомъ подѣ Кіевомъ». 6. Сказаль, что «вы только овладѣйте матою (оружіемъ), а я къ вамъ стану», и 7.- Лейбенка послали въ Звѣнигородки, давая знать, что начали бунтъ, и велѣлъ къ себѣ ти, а самъ былъ въ Фастовѣ.

1664 г., Августа 6.

Изъ Ставищъ письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Тетеры, къ ор олю: доносить о разбитіи Козаковъ Заднѣпрскихъ, и что Украинъ приходитъ въ лучшее состояніе противъ прежняго, съ помощію Короннаго войска.

Сентября 6.

Письмо оттуда же отъ него же къ Королю, о усмиреніи бунтовщицъ въ Украинѣ.

Изъ Могилева письмо Ев. Гоголя къ Коронному Гетману Поцкому: оправдывается, что никакихъ бунтовъ не начиналъ на крайнѣ, а готовъ былъ усмирить ихъ, но не могъ.

Ноября 30.

Въ обозѣ подѣ Лисянкою, наказъ на Сеймъ вальный (Генеральный) шаршавскій отъ Гетмана Тетери и Запорожскаго войска отправленнымъ посламъ: 1 и 2 донестъ, что покойный Выговскій, Кіевскій оевода, вышедши изъ Бара и скитаясь по городамъ Украинскимъ, атѣялъ бунты, какъ пространно о томъ значится въ Конфессатѣ змѣнника Сулимки. 3. Чтобъ Греческая вѣра, не въ Уніи сущая, охранена была по древнимъ правамъ и привилегіямъ, и возвращены были монастыри и церкви Унитами, въ Коронѣ и Литвѣ забранныя. 4. Чтобъ Республика назначила 4-хъ Комисаровъ, 2 изъ Короны и изъ Литвы, т. е., для отобранія церквей и монастырей отъ Унитовъ для отдачи 5. Чтобъ Кіевскій Митрополитъ Неунитъ былъ подѣ началомъ Константинопольскаго Патріарха, а не подѣ Римскимъ престоломъ, сего жъ Перем., принадлежащій къ Львовской атедрѣ, чтобъ былъ оданъ. 6. Чтобъ Кіевскій Митрополитъ былъ избираемъ на сей Архипастырскій санъ отъ Гетмана, Обознаго, Іасаря, Судей и Полковниковъ Запорожскаго войска. 7. Чтобъ пруювъ и рѣкъ, до монастырей Кіевскихъ принадлежащихъ, никто не

смѣлъ отъ нихъ отбирать. 8. Чтобъ Академія и школы Кіевскія были отлчены правомъ Академій, въ Королевствѣ служащихъ и въ ней были бы Профессорами Неуниты, а Езуиты не ставили бы тамъ школъ. 9. Чтобъ при Академіи бурсы и Семинарію на студентовъ вольно было фундовать. 10. Чтобъ также въ Литвѣ для Неунитскаго юношества Академія со всѣми сими прерогативами, какъ въ Кіевѣ, основана была, а равно и въ Могилевѣ. 11. Чтобъ церкви Люблинскія, Коммисією Неунитамъ отданныя. . . чтобъ она же Коммисія подписана была Королемъ. 12. Чтобъ духовные Неуниты были изъяты отъ всѣхъ военныхъ требованій Конституціею. 13. Чтобъ О. Балабанъ Митрополитъ 30 взятыхъ послѣ покойнаго О. Коссова отданы были въ церковь С. Софіи. 14. Чтобъ духовенство Неунитское пользовалось своими правами. 15. Чтобъ войско Запорожское всегда оставалось при правахъ и вольностяхъ, дарованныхъ имъ Королями. 16. Чтобъ дома, хуторы, данные Козакамъ, были сравнены съ дворянскими, и солдатъ, который осмѣлился бы стать у Козака, судимъ былъ за 17. Если бы Шляхтичъ убилъ Козака, чтобъ на смерть судимъ былъ уголовно. 18. Чтобъ Трибуналъ Гродскимъ декретомъ въ Козацкихъ дѣлахъ не смѣлъ уничтожать. 19 и 20. Тоже въ Гражданскихъ имѣлъ бы ту же силу, какъ и въ Трибуналѣ. 21. Вдовы Козацкія по давнимъ правамъ свободны были бы отъ военного постоя. 22. Въ Козацкіе суды не мѣшалась бы никакая иная власть. 23. Чтобъ Запорожскій Гетманъ отъ Сейма до Сейма не былъ низлагаемъ, но послѣ Сейма Комисаръ, присланный отъ Короля вмѣстѣ съ войскомъ, былъ иной избранъ; 24. чтобъ пребываніе Гетманское не было въ Чигиринѣ, но въ Бѣлой Церкви, какъ въ срединѣ Украины; 25, 26, 27 и 28. Шляхта Бѣлоцерковская, принадлежавшая издревле къ юрисдикціи (вѣдомству) замка Бѣлоцерковскаго, а именно: Настанска, Скоржевка, Миженяны, Керданы и другія, чтобъ принадлежали Гетману; 29. чтобъ Староство Бѣлоцерковское, находящееся въ державѣ Белзенскаго Воеводы Вишневецкаго, было дано Запорожскому Гетману, въ замѣнъ Чигиринскаго. 30. Полковники по волѣ Гетмана были бы жалованы. 31. Число Запорожскаго войска было бы не болѣе 12,000 человекъ, раздѣленное на 4 полка. 32 и 33. Чтобъ оное Запорожское войско имѣло квартиры какъ въ Королевскихъ, такъ и въ Земскихъ имѣніяхъ, исключая только Кіевъ и Черниговъ; 34 и 35. Писарямъ и Асавуламъ, при Полковникахъ для публичныхъ дѣлъ

находящимся, даны были бы по двѣ мельницы; 36. Духовныя имѣнія всѣ вообще уволены были бы отъ военного поста; 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43 и 44. о пожалованіи дворянства Козакамъ Запорожскимъ и о назначеніи сему же войску военныхъ квартиръ въ Украинскихъ Воеводствахъ; 45 до 50. число аммуниціи войска Запорожскаго въ каковомъ навсегда должно оставаться; 51 до 53. благодарить Гетманъ и Запорожское войско за милости Короля и Республики, имъ оказанныя; 54. чтобъ Король и Республика Гетману Павлу Тетерѣ, въ награду за его вѣрность, присоединили къ булавѣ Староство Бѣлоцерковское; 55 до 67. просятъ Запорожское войско и Гетманъ, чтобъ убытки, въ имѣніяхъ ихъ сдѣланные неприятелемъ, были вознаграждены; 68 до 75. просятъ Запорожское войско за сыномъ Кіевскаго Воеводы Выговскаго, поелику отецъ, какъ бунтовщикъ, лишился Бару и Любомли, то чтобъ сынъ могъ остаться хотя при купленныхъ имѣніяхъ, Рудѣ и Бронловѣ, кои были бы исключены изъ подъ права выморочнаго; таковая же просьба и за другихъ Козаковъ.

1665 г.

Наказъ Г. Василию Искрицкому отъ Запорожскаго Гетмана Тетери къ Пражмовскому, Канцлеру К. В. данный: 1. просить, чтобъ Хмельницкій былъ уволенъ изъ неволи, также отецъ Тукальскій, находящійся въ Мальборку (Магдебургской крѣпости), чтобъ былъ присланъ въ Пинскъ, сложа сперва привилегію, полученную на Кіевскую Митрополію; 2. чтобъ Чигиринская аренда Ликворовъ принадлежала Гетману, и просить на то привилегіи; 3. чтобъ сеймъ утверждённаго дару купли имѣнія Стеблева отъ г. Федора, Выговскаго человѣка приобрѣтеннаго, также имѣнія Ольхова отъ Демидова Литвиновымъ правомъ отъ Короля наданныхъ, просить мя Гетмана Тетери.

Февраль 23.

Письмо отъ Г. Стакурскаго къ Канцлеру Великому Короинному, чтобъ Король пожаловалъ сукна на мундиры Запорожскому войску.

Марта 3.

Изъ Браулова, письмо Запорожскаго Гетмана Тетери къ Королю: просить именемъ всего войска, чтобъ тѣ статьи, кои на миновшемъ разорванномъ сеймѣ изображены въ инструкціи и не утверждены, получили силу на другомъ сеймѣ.

1665 г. Марта 17.

Въ обозѣ подѣ Кислякомъ письмо отъ Запорожскаго Гетмана Тетери къ Королю: доносить, что П. Опара пойманъ, возбуждавшій бунты на Украинѣ, имѣя шайку дворянъ въ 4,000, взять въ неволю.

Изъ Браулова письмо его же, Тетери, къ Королю: просить, чтобъ Гетманскую булаву, которую онъ имѣеть, далъ иному, по слабости здоровья его и частой болѣзни, т. е., просить отставки.

Мая 16.

Изъ Павловичъ письмо отъ Стакурскаго къ К. Канцлеру. въ коемъ доносить о разбитіи непріятели подѣ г. Константиновымъ Воеводою Русскимъ.

Изъ обоза подѣ Юрковкою письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Тетери. къ Канцлеру: просить, чтобъ Хмельницкій, братъ жены его, и отецъ Тукальскій, находящійся въ арестѣ въ Мальборкѣ, были уволены.

Іюня 24.

Изъ Бѣлой Церкви письмо Г. Стакурскаго къ Канцлеру В. К.: доносить о сраженіяхъ съ Русскими.

1665 г.

(Неозначено числа) Краткое показаніе, какіе катедры и монастыри не предѣ самую войною Козацкою имѣли Униты въ Коронѣ.

Іюня 24.

Въ полѣ подѣ Жуковомъ письмо отъ Запорожскаго Гетмана Тетери къ Королю: доносить, что подѣ Бѣлою Церквою пѣхота Серденятъ и Бѣлоцерковская знатно разбила Русскихъ и Брюховецкаго, такъ что онъ принужденъ податься къ своей границѣ.

Въ полѣ по Юрковкою письмо отъ Запорожскаго Гетмана Тетери къ Королю: просить, чтобъ Хмельницкій и Тукальскій, содержимые въ Мальборкѣ, были уволены.

Іюля 7.

Изъ Бѣлой Церкви письмо отъ Г. Стакурскаго къ Королю: доносить о побѣдѣ, одержанной подѣ Бѣлою Церквою надѣ Брюховецкимъ; также что Опара сводитъ свое войско надѣ рѣкою Роданомъ желая тамъ избрать Гетмана, гдѣ ожидаетъ и Орду.

Сентября 15.

Изъ Бѣлой Церкви письмо его жъ, Стакурскаго, къ Канцлеру, о Ошара, врагъ Республики, сдѣлавъ совѣтъ съ военными, хотѣлъ премѣнно Польскія границы отъ Случа уменьшить, а потомъ отъ войска Запорожскаго пойманъ, а по немъ взялъ Гетманство Г. Дорошенко, человекъ очень доброжелательный Королю.

Ноября 20.

Изъ Уманя письмо Запорожскаго Гетмана, Петра Дорошенка, Королю, что избранъ онъ Гетманомъ отъ Запорожскаго войска; сіе благодарить Короля и просить о назначеніи Комисаровъ для вержденія его въ ономъ чинѣ.

Изъ Чигирина письмо его жъ къ Королю, чтобъ Запорожское войско могло получить нѣкоторое облегченіе отъ провіантовъ; ѣ оказываюты несносныя обиды и разоренія.

Ноября 26.

Тамъ же инструкція, посланная отъ Запорожскаго войска къ Королю: 1. чтобъ войска на Зибучи по Днѣпръ находящіяся, отъ войска Коронныхъ имѣли доставку провіанта: 2. чтобъ Чигиринское ведено было на иное мѣсто. 3. доходъ Староства Чигиринскаго ель бы на нужды Запорожскаго войска; 4. чтобъ От. Хмельницкій и Г. Гуляницкій были уволены изъ заключенія.

Августа 15.

Изъ Бѣлой Церкви письмо отъ Г. Стакурскаго къ Канцлеру К., что Русскихъ 50,000 подъ командою Воеводы стало надѣ гѣпромъ.

1666 г., Генваря 4.

Изъ Чигирина письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Петера, къ Королю: доносить о поимкѣ Сулимкѣи, затѣвающаго бунтъ въ Брацвскомъ, и просить, чтобъ Король вступился за братію его, находящуюся въ Московской столицѣ подъ стражею.

Инструкція посламъ, отъ Запорожскаго войска къ Королю назначеннымъ: 1. Запорожское войско отъ военного постоя въ Украинѣмо бы уволено; 2. О. Тукальскій и Хмельницкій, также Г. Гуляницкій, были бы уволены изъ ареста въ Малборкѣ; 3. чтобы Король Дорошенка, Запорожскаго Гетмана, утвердилъ своею грамотою также отвѣтъ на пункты Короля.

Въ Чигиринѣ наставленіе Г. Петроновскому, отъ Г. Дорошенка къ Королю посланному, что онъ съ Ханомъ не имѣлъ ни какого согласія во вредъ Республикѣ, но къ пользѣ.

Генваря 20.

Изъ Жаботина письмо отъ Мидз. . . . Полковника Запорожскаго войска къ Королю: просить о присылкѣ суконъ на мундиры войску.

Февраля 3.

Изъ Чигирина отъ Г. Зебровскаго, Коменданта Чигирина: просить о присылкѣ провіанта; ибо Гетманъ опасается приказать мужикамъ дать оный, отъ чего могли бы произойти бунты опять.

Изъ Бѣлой Церкви письмо отъ Г. Стакурскаго къ Канцлеру В. К., что Брюховецкій изъ Москвы (Россіи) съ удовольствіемъ въ Гадачъ возвратился и Универсаломъ своимъ сочинялъ бунты, желая отклонить къ себѣ вѣрноподанныхъ Короля.

Марта 20.

Изъ Чигирина письмо Запорожскаго Гетмана, Дорошенка къ Королю: просить дать грамоту Неуниту на Перемышльскую Епископію.

(Неозначено числа) Инструкція посламъ отъ войска Запорожскаго на Сеймъ: 1. чтобъ Унитскіе Епископы, церкви, монастыри и имѣнія, забранныя отъ Унитовъ, имъ возвратили и никакого гоненія не дѣлали; 2. чтобъ на Митрополию Кіевскую вольно было имъ избирать Неунита, по давнимъ правамъ; 3. чтобъ Митрополитъ Кіевскій и Епископы Неунитскіе застѣдали въ Сенатѣ; 4. чтобъ Республика Запорожское войско оставила при всѣхъ вольностяхъ Зборовскихъ, и оныя статьи.

Мая 21.

Изъ Чигирина письмо Г. Зебровскаго, Коменданта Чигиринскаго, къ Пражмовскому: просить прислать помощь для гарнизона его и иныхъ Козаковъ, кои если не получаютъ, то будутъ себѣ искать иного покровительства.

Списокъ письма Дорошенка, Запорожскаго Гетмана, къ Стакурскому: доносить, что 1. Османъ Ага Визирь прислалъ къ нему пословъ, обѣщая свою дружбу; 2-е. что Запорожцы хотятъ соединиться съ Запорожскимъ войскомъ и уже противъ Россіи дѣйствуютъ; ибо сколько было Русскихъ на Сѣчи, всѣхъ выгнали.

1666 г.

(Неозначено числа) Списокъ съ письма отъ него жъ, Дорошенка, въ Стакурскому, что Орда, утвердивъ присягою искреннюю пріязнь въ Запорожскимъ войскомъ въ пятокъ, за Днѣпръ въ 20.000 двинуись, при коей онъ также послалъ часть Запорожскаго войска.

Іюня 2.

Изъ Чигирина письмо отъ Зебровскаго, Чигиринскаго Коменанта, къ Пражмовскому, Канцлеру В. К.: просить прислать денегъ ля его гарнизона, не имѣющаго вовсе провіанта.

Списокъ съ письма Дорошенка къ Стакурскому, что Русскіе съ подь Бѣлой Церкви съ великомъ стыдомъ должны были отступить, ибо Козаки отняли у нихъ все оружіе, какое имѣли при себѣ.

Іюня 21.

Изъ Бѣлой Церкви письмо Г. Стакурскаго къ Пражмовскому, Канцлеру В. К., что Ханъ Крымскій, соединясь съ Козаками, хорошо дѣйствуетъ

Іюля 26.

Подь Черкасами. Списокъ съ письма Запорожскаго Гетмана къ Г. Стакурскому, что Старшина Заднѣпрская, бывшая подь началомъ Брюховецкаго бунтовщика, на вѣки утвердила вѣрность къ Королю присягою.

Іюля 26.

Изъ подь Чигирина письмо Запорожскаго Гетмана, Дорошенка, къ Королю, что онъ ежедневно Русскихъ, состоящихъ на Заднѣпрѣ, безпокоитъ подьѣздами, Ордою и своимъ войскомъ.

Изъ Бѣлой Церкви письмо Стакурскаго къ Пражмовскому, К. В. К.: рекомендуетъ вѣрность Запорожскаго Гетмана и спрашиваетъ, долго ли будетъ начатое перемиріе съ Русскими?

Августа 4.

Оттуда же письмо его жъ къ тому же, что Заднѣпрскіе полки, возненавидя власть Русскую, нѣсколько сотъ ихъ въ Переяславѣ вырубилъ, а Русскіе, выскоча изъ замка, сожгли городъ.

Списокъ письма отъ Кіевскаго Воеводы къ Г. Стакурскому: вступается за мѣстечка, принадлежащія къ Кіеву, кои Гетманъ Дорошенко себѣ покорилъ.

Изъ обоза подъ Орловымъ письмо Запорожскаго Гетмана, Дорошенка, къ Королю, что Переяславскій полкъ, отставъ отъ Русскихъ, поддался Королю, и что 5 мѣстечекъ за Днѣпромъ занялъ, а Ханъ Татарскій просить 2,000 кожуховъ и помощи.

Изъ Бѣлой Церкви письмо Стакурскаго къ В. К. Канцлеру, что мѣстечки за Днѣпромъ уступлены въ подданство Короля, хотякъ ждое было атаковано Русскими, но они не могли ихъ взять, отступили.

Августа 26.

Оттуда же письмо его жъ къ Гетману Коронному въ той же силѣ.

Въ таборѣ. Присяга, учиненная, отъ всего войска Запорожскаго предъ Запорожскимъ Гетманомъ, Петромъ Дорошенкомъ, что будутъ вѣрно служить Его Величеству, Польскому Королю.

Сентября 6.

Изъ Чигирина письмо Гетмана Дорошенка, Запорожскаго Гетмана, къ Стакурскому, Администратору Украинскихъ гарнизоновъ: приказываетъ дѣлать, что должно противу Россіи, когда Бояринъ нарушилъ перемиріе; а какъ военные съ начала очень угнѣтаютъ Козаковъ, просить, чтобъ сего не допустилъ Хорунжій, а иначе Козаки потеряютъ охоту къ войнѣ.

Изъ Бѣлой Церкви. Списокъ письма Г. Стакурскаго къ Г. Хорунжему Коронному въ той же силѣ.

Оттуда же письмо его, Стакурскаго, къ Замойскому, Региментарю Королевскихъ войскъ: просить какъ можно скорѣе съ своимъ войскомъ поспѣшить на Днѣпръподъ Корсунь.

Сентября 29.

Изъ Чигирина копія письма Гетмана Дорошенка къ Стакурскому, что Нурадинъ Султанъ прибылъ съ знатнымъ числомъ войска за двѣ мили подъ Чигиринъ, и потому просить о снабдѣніи сего войска хлѣбомъ.

Октября 1.

Оттуда же, изъ Чигирина письмо Запорожскаго Гетмана, Дорошенка, къ Королю, что Дедешъ-Ага, имѣющій съ собою нѣсколько тысячъ Орды, ведетъ оное съ собою за Днѣпръ, и отъ того отвѣшивается, опасаясь, чтобъ опять не вышла какая либо невѣда отъ непріятели на Украинѣ послѣ его выѣзда, и о томъ ждетъ рѣшенія Короля.

Октября 14.

Письмо Г. Стакурсаго къ Королю о томъ, что за Днѣпромъ поданные города еще доселѣ крѣпки Его Величеству, хотя Русскіе часто ихъ осаждали.

1666 г.

Изъ Бѣлой Церкви письмо Г. Стакурсаго къ Краковскому Воеводѣ, что городъ Корсунъ и Чигиринъ, не имѣя провіанта, нуждаются въ доставкѣ онаго отъ него, Воеводы, ибо онъ самъ не можетъ ихъ удовлетворить.

Ноября 3.

Списокъ письма Чигиринскаго Коменданта Г. Стакурсаго, что Татаринъ такъ долго лежалъ подъ Чигириномъ, ни чѣмъ болѣе не занимается, какъ побудить Козаковъ на Поляковъ, а Козаки, по своему обычаю, почти всѣ на то согласились.

Изъ Бѣлой Церкви письмо Г. Стакурсаго къ Пражмовскому, Канцлеру В. К., что 40 Мурзъ взбунтовались и въ Черкасахъ засѣли.

Ноябрл.

Изъ Бѣлой Церкви письмо Г. Стакурсаго къ В. К. Канцлеру: прошеніе о присылкѣ денегъ для его гарнизона въ Бѣлой Церкви, кои задержаны всѣ въ казнѣ.

(Неозначено числа). Инструкція Г. Стакурсаго: 1. крѣпость Корсунская, которая доселѣ живностью вспомогаема была изъ Бѣлой Церкви, не можетъ долѣе держаться; ибо крѣпость Бѣлоцерковская должна была бы потерпѣть убытокъ безъ провіанта; 2. чтобъ въ крѣпости Чигиринской было болѣе; ибо тамъ находится всякой военный снарядъ, стража, аррагаѣ, о коемъ мужики вздыхаютъ отъ жалости; 3. что простой народъ не желаетъ бытности Гетмана Тетери и презираетъ его, развѣ бы съ позволенія Короля пришелъ съ Короннымъ войскомъ.

Ноябрл 28.

Изъ Бѣлой Церкви письмо Г. Стакурсаго къ Канцлеру Великому коронному, что Татары по селамъ около Бѣлой Церкви расположились постоемъ и состоятъ числомъ 10,000 человекъ.

Октября 11.

Изъ Кіева письмо Отца Тукальскаго, Кіевскаго Митрополита, къ Королю: жалуется на угнѣтенія Дизунитамъ отъ Унитовъ причиняемыя, и чтобъ Архимандрія Лещинская и церкви въ Соколѣ и Белжѣ, забранныя Унитами, были отданы.

Октября 29.

Въ Сребіевѣ письмо Запорожскаго Гетмана, Дорошенка, къ Королю Михаилу: извиняется, что никакого согласія съ Туркомъ не имѣеть и имѣть не старается; при томъ рекомендуетъ пословъ на Сеймъ, отправленныхъ отъ Запорожскаго войска, чтобъ выслушаны были ихъ инструкціи.

Инструкція отъ Дорошенка, Гетмана и всего Запорожскаго войска, посламъ, Ивану Демиденку и Савѣ Ковельскому, отправленнымъ въ Краковъ: 1. Унія съ Короной и В. К. Литовскимъ по Гадяцкому договору вовсе была бы уничтожена, т. е., чтобъ Униты все присоединились къ Римскому престолу, или, оставивъ Унію, приклонились бы опять къ Дизунитамъ; 2. чтобъ всѣ чины и достоинства церковныя, кои имѣютъ Униты, также, Полоцкое и Витебское Мстиславское, Оршанское и Могилевское были возвращены Неунитамъ, а Катедры съ церквами въ Вильнѣ, Новгородкѣ и Минскѣ, нынѣ Унитскаго Митрополита находящіяся, отцу Митрополиту Неуниту были возвращены; 3. чтобъ особый Трибуналъ для Дизунитовъ въ дѣлахъ духовныхъ и свѣтскихъ былъ учрежденъ; 4. регаліи Митрополичи, въ Бѣлой Церкви положенныя, Г. Стакурскимъ забранныя, были бы возвращены Митрополиту; 5. вольно было бы основать Академію въ Кіевѣ для Дизунитовъ; 6. Митрополія Кіевская, Епископства, Архимандріи Печерская, Виленская, Городенская, Жидичинская, Лещинская, Полоцкая, Мстиславская, Супрасльская, Дерманская, Дубинская, Черенская, Уніевская, Слуцкая и прочіе монастыри въ Коронѣ и Литвѣ, никому отъ Короля, кромѣ Дизунитовъ, не были бы жалованы. 7. чтобъ сочиненія (писанія), на уничтоженіе истинной Гадяцкой Комиссіи сдѣланныя и выдуманныя, и . . . вѣрѣ Дизунитовъ могли бы потому причинить какую либо заразу, были уничтожены и истреблены. 8. даваны были бы Дизунитамъ Сенаторскія мѣста (достоинства).

1670 г., Октября 7.

Изъ Чигирина письмо отъ Запорожскаго Гетмана къ Королю Михаилу: жалуется на Бѣлоцерковскаго Коменданта, что онъ, напавъ на село Ольшанку, до 400 душъ невинно изрубилъ, а село сжегъ, также Дизунитскимъ церквамъ дѣлаетъ утѣшенія.

Изъ Коша письмо Запорожскаго Гетмана, Ханенка, къ Королю: извѣщаетъ, чтобъ Король былъ въ готовности съ войскомъ; ибо Дорошенко, забывъ о Богѣ, вознамѣрился не быть подъ властію ни Короля Польскаго, ни Россіи, а подъ Татарскою. О томъ же доносить и въ письмѣ къ Гетману В. Коронному.

Ноярбя 18.

Въ Варшавѣ: Универсалъ отъ Короля Михаила на Запорожье, чтобъ Коммисаръ присягу отъ Гетмана и старшинъ и всего Запорожскаго войска и военные знамена въ отдачу принять.

Октября 2.

Инструкція отъ Дорошенка, Гетмана войска Запорожскаго, посламъ къ Королю: 1. Вольно было бы Дизунитамъ церкви и монастыри фундовать; а какіе монастыри и церкви забраны Унитами, были Дизунитамъ же отданы. 2. Духовные Римской вѣры не присвоили бы никакой власти надъ Унитами. 3. Въ Кіевскомъ Воеводствѣ достоинства Сенаторскія и Земскія не были бы даваны Римской вѣры людямъ, а только Дизунитамъ, а въ воеводствахъ Черниговскомъ и Брацлавскомъ Сенаторскія достоинства попеременно были бы даваны. 4. Въ городахъ Кіевѣ и Могилевѣ вольно было бы фундовать Академіи 5. Имѣнія и хутора, данныя Запорожскимъ Козакамъ, были бы освобождены отъ всякихъ податей.

Декабря 23.

Въ Варшавѣ: отвѣтъ на приведенную инструкцію Козацкую, отъ Короля Михаила, подписанный Королевскою рукою, и меньшею Коронною печатью утвержденный.

Письмо Запорожскаго Гетмана Дорошенка къ Г. Собіевскому. Коронному Гетману, изъ Чигирина, о увѣдомленіи его, получило ли Запорожское войско отъ Короля желаемое рѣшеніе на свои требованія по инструкціи, данной Запорожскимъ посламъ?

(Не означено времени). Статьи отъ пословъ Михайла Ханенка, Гетмана Запорожскаго, присланныя: 1. Митрополитъ и Епископы Дизуниты засѣдали бы въ Сенатѣ. 2. Имѣнія Козаковъ и Духовныхъ были бы свободны отъ всякихъ военныхъ требованій.

(Не означено числа). Письмо Ханенка, Гетмана Запорожскаго, къ Тетерѣ, Старостѣ Брацлавскому: просить, чтобъ послы его имѣли голосъ въ Комисіи.

1671 г., Февраля 22.

Письмо Г. Березецкаго, Судьи войска Запорожскаго, къ Королю: благодарить его за пожалованіе своей грамоты Запорожскому войску о предоставленіи имъ всѣхъ давнихъ правъ.

Февраля 22.

Изъ Корсуня письмо Г. Дорошенка, Запорожскаго Гетмана, къ Королю: просить, чтобъ дипломъ или декларація на Сеймѣ Варшавскомъ для Запорожскаго войска городского была съ подписью прислана въ подлинникѣ.

Февраля 26.

Изъ подъ Ладыжина письмо отъ Михайла Ханенка, Запорожскаго Гетмана, къ Королю, объ одержанной побѣдѣ надъ непріателемъ св. Креста, у коего отняты Поднѣстрье, Рашковъ, Могилевъ, Брацлавъ, Витци, Ладыжинъ и иныя части Украины, въ коихъ онъ расположилъ свои и Королевскія войска; увѣряетъ Короля, что вся старшина и его войска усердно преданы и присягой утвержденной вѣрности не нарушать.

Октября 5.

Писемъ, числомъ 18, отъ полковниковъ, судей, городовыхъ и стечевыхъ къ Королю, по Русски писанныхъ, въ коихъ изображаютъ невѣрность и истинную вѣрность къ престолу, о коей не сомнѣвалось бы отъ.

Октября 27.

Присяга Гетмана Михайла Ханенка и войска Запорожскаго, учиненная при Комисарахъ въ вѣрности, усердіи и послушаніи Королю Польскому и его преемникамъ; отрѣшавшаяся исканій всякой чуждой протекции, согласія съ чужими имѣть не будутъ.

Ноября 4.

Изъ Ладыжина письмо Запорожскаго Гетмана, Ханенка, къ Королю, что вся старшина по договору, заключенному въ Острогѣ, учинила присягу въ повиновеніи Королю при Коммисарахъ.

Въ Ладыжинѣ инструкція отъ Гетмана, Михайла Ханенка, и Запорожскаго войска посламъ къ Королю.

(Неозначено числа). Списокъ инструкціи отъ П. Дорошенка, Гетмана Запорожскаго, посламъ, отправленнымъ къ Королю: 1. Привилегіи городамъ Украинскимъ чтобъ въ Канцеляріи Коронной были выданы. 2. Если Коммисія между Польскою Короною и Запорожскимъ войскомъ назначена, то когда и гдѣ будетъ имѣть дѣйствіе? 3. Чтобъ помощь для Заднѣпрскихъ полковъ заблаговременно была приготовлена, до приближенія къ нимъ непріятели.

1672 г.

Мнѣніе нѣкотораго патріота о способѣ, какъ успокоить Украину.

Генваря 26.

Изъ Ладыжина инструкція Гетмана, Михайла Ханенка, и войска Запорожскаго, посламъ на сеймъ, который рушился, объ отдачѣ церквей и имѣній Дизунитамъ, забранныхъ Унитами.

Юля 3.

Реверсъ или города Уманя и полка на вѣрность и послушаніе Королю учиненная.

1672 г., Февраля 8.

Изъ Ладыжина письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Ханенка, къ Королю: благодарить за присылку одѣянія для Запорожскаго войска.

Марта 9.

Письмо отъ земли Волошской къ Канцлеру, чтобъ принялъ ихъ подъ свой покровъ; ибо имъ ненавистно стало подданство Туркамъ, и не хотятъ болѣе быть во власти невѣрныхъ.

Апрѣля 20.

Изъ Кіева письмо отъ Тукальскаго, Печерскаго Архимандрита, къ Запорожскому Гетману, Ханенку: просить, чтобъ снести

съ Г. Дорошенкомъ, уволилъ ихъ монастырь Печерскій отъ провіантовъ, непрестанно получаемыхъ отъ нихъ Бѣлоцерковскимъ Комендантомъ.

Апрѣля 20.

Изъ Коша письмо отъ Козаковъ Низовыхъ Запорожскихъ къ Королю: жалуются на Гетмана Дорошенка, что онъ, снесшись съ Ханомъ Крымскимъ, много отягощаетъ ихъ, и просятъ на помощь прислать Коронное войско.

Мая 14.

Изъ обоза подъ Ольховымъ письмо отъ Запорожскаго Гетмана, Ханенка, къ Королю: просить объ Архимандритѣ Печерскомъ, чтобъ онъ болѣе не имѣлъ притѣсненія отъ Бѣлоцерковскаго Коменданта, который, напавъ на Кіевскій монастырь, забралъ церковные образа и серебро, мѣстечко разорилъ и пожегъ, а монаховъ къ тачкамъ и другимъ неприличнымъ работамъ принуждаетъ. При ономъ приложены письма Архимандрита въ той же силѣ.

1693 г., Апрѣля 16.

Изъ Хвастова письмо Семена Палѣя, Полковника войска Запорожскаго, къ Королю: доносить о разбитіи Турецкаго войска и Орды нѣсколькихъ тысячъ; послѣ сей битвы взялъ въ плѣнъ 5 Агъ и много Турокъ.

Мая 2.

Изъ Брацлава письмо отъ Абазина, Полковника Запорожскаго войска, къ Королю, что подъѣзды Козаковъ его хорошо разбила Татари и 1 Агу вмѣстѣ съ Татаринномъ взялъ въ плѣнъ, коего посылаетъ для развѣдыванія непріятельскихъ замысловъ.

1693 г., Іюля 13.

Изъ Ильиницы (Ilinice) письмо отъ Семена Палѣя, Полковника Запорожскаго войска, къ Королю: просить ординансъ (повѣстїя), естли его полкъ можетъ ити къ Сороцку противъ непріятеля Турка.

Іюля 3.

Изъ Винницы письмо Г. Самуся, Наказнаго Гетмана войска Запорожскаго, къ Королю: просить о присылкѣ сукна на мундиры Козакамъ.

1698 г., Сентября 8.

Изъ Уманя письмо къ Королю отъ Семена Пал'я, Полковника йска Запорожскаго: доносить, что къ счастію Его Величества по-жилъ труповъ непріятеля на нѣсколько миль и много забралъ добычи ть него.

Распросы пойманныхъ языковъ: 1. что въ Крымѣ Голда Сулнѣ на мѣстѣ Ханскомъ съ Крымскими ордами находится, ожидая льныхъ войскъ Христіанскихъ подѣ Перекопѣ. 2. На помощь Крымѣ присланы сверхъ того Баши отъ царя Турецкаго съ 12,000 прокъ. 3. Въ Крыму имѣютъ извѣстіе, что Король хочетъ зимовать въ Ясахъ. 4. Царь Турецкій противъ Цесаря самъ не шель, а только послалъ Визиря съ Ханомъ.

1699 г., Іюля 15.

Изъ Богуславля письмо къ Королю отъ Самуся, Запорожскаго этмана: жалуется на Г. Искру, что онъ дѣлаетъ великія притѣсненія Козакамъ его на квартирахъ.

Просьбы Козаковъ Запорожскихъ, чтобъ Гадяція статьи были исполнены, по коимъ Республика имѣнія, Уніатами у Дизунитовъ отнята, велѣла возвратить и оставить ихъ при давнихъ правахъ.

1699 г.

Статьи Краковскому Воеводѣ отъ Запорожскаго войска оданныя, по какимъ причинамъ не хотятъ имѣть Гетманомъ Запорожскимъ г. Гетмана Выговскаго.

(Всѣ слѣдующія безъ означенія числа.) Мысли о реформѣ краины и учрежденіи въ ней урядовъ по примѣру, какъ въ В. К. итовскомъ.

Извлеченія разговоровъ Запорожскаго Гетмана Тетери съ Дедеиемъ Агою, посломъ Крымскимъ, чтобъ съ войскомъ своимъ соединился къ Турецкому войску.

Записки Г. Яцковскому, пос у отъ Г. Запорожскаго Гетмана етери, къ Крымскому Хану отправленному, данныя: 1. Что сохранить дружбу съ Ханомъ, утвержденную присягой. 2. Чтобъ не болѣе 0,000 Орды прислалъ ему на помощь. 3. Извѣстить Хана, что не-звно Козаки Запорожцы, соединясь съ Калмыками, нечаянно ударили на Орду и не мало положили на мѣстѣ, а за тѣмъ, чтобъ самъ Ханъ съ войскомъ пришелъ на Украинну.

Три письма, вмѣстѣ связанные и запечатанныя, писанныя Гречески.

Письмо по Русски отъ Запорожскаго Гетмана Дорошенка къ Иметь Пашѣ, Турецкому Визирю: жалуется на Крымскаго Султана что онъ, вмѣсто обороны на Украинѣ, стоя съ Ордою, разоряет сей край, жжетъ города и села; просить чтобъ Императоромъ Турецкимъ дано было строгое повелѣніе Орду не дѣлать впредь болѣе Украинскимъ жителямъ.

Письмо Запорожскаго Гетмана, Петра Дорошенка, писанное по Русски, къ Турецкому Императору: просить о запрещеніи Орды подъ строгимъ наказаніемъ, не разорять Украинскихъ имѣній и дѣлать людямъ насилій.

Подписано:

«По сему Реестру принялъ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Маріо Лозефовичъ.»

Подъ онымъ подписомъ тотчасъ, на той же страницѣ, рукою внѣшняго Метряканта (въ Спб.), Г. Мозелла (отъ кого взялъ сей Реестръ) подписано по Польски.

связка 3-я.

Содержитъ 10 писемъ Крымскаго Хана, къ Королю Іоанну Казимиру и Канцлеру Корициньскому писанныхъ.

связка 4-я.

Содержитъ 7 Россійскихъ грамотъ Царя Алексѣя Михайловича даннымъ Сухотину и Суличимъ (?), будущимъ къ Гетману Хмельницкому, и донесеніе Сухотина о Запорожскомъ войскѣ 1659 и 1660 годовъ.

связка 5-я.

Содержитъ три деклараціи къ Запорожскому войску, чтобъ се приклонилось на сторону Царскаго Величества, также объясненіе Тетери о избранномъ Кіевскомъ Митрополитѣ Тукальскомъ.

Подлинный Реестръ писанъ на 13½ листахъ кругомъ.

Списано съ перев. 22 Апрѣля, 1816 года.

А К Т Ы,

РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИИ ОТНОСЯЩИХСЯ, ВЪ НѢКОТОРЫХЪ АРХИВАХЪ ШВЕЦІИ.

РУКОПИСИ, ХРАНЯЩИЕСЯ ВЪ СКУЛОСТЕРѢ, ИМѢНИИ ГРАФА БРАГЕ (Brahe) ВЛИЗЪ УПСАЛЫ.

Сеймъ вольный Варшавскій 1611 г., по взятіи Смоленска и Мозы (Польск.).

Инструкція отъ всего рыцарства, находящагося въ Москвѣ, дана посламъ къ Его Величеству: П. Гаевскому и Р. Г. Млодзяновому, 11 Юля, 1611 г. (Польск.).

Отвѣтъ Его Величества на то рыцарству изъ Вильны 20 Августа, 11 г. (Польск.).

Инструкція для вольнаго короннаго сейма въ Варшавѣ, созваннаго 26 Сентября, отъ всего рыцарства, въ Москвѣ находящагося, дана 19 Сентября, 1611 г. (Польск.).

Отвѣтъ на то (Польск.).

Протестація Великаго Княжества Литовскаго, касательно продолженія войны съ Москвою (Польск.).

На это отвѣтъ отъ рыцарства (Латин.).

Отвѣтъ и оборона кровавыхъ заслугъ рыцарства во время Московской экспедиціи (Польск.).

Посольство Лифляндскаго рыцарства, отправившееся въ Москву Гетманомъ Литовскимъ. (Польск.).

Посольство къ Сенатору Мнишку (Польск.).

Инструкція, данная посламъ или комисарамъ, посланнымъ для переговоровъ съ Думными Боярами и всѣми чинами Московскаго Государства; дана на сеймѣ Варшавскомъ 1615 г. 26 Марта. (Польск.).

Письмо къ Королю отъ тѣхъ комисаровъ изъ Смоленска 8 Ноября, 15 г. (Польск.).

Письмо Лисовскаго къ Канцлеру Литовскому объ ограбленныхъ въ мѣ Москвитинъ (многое и о Пожарскомъ) 1615 и 1616 г. (Польск.).

Письмо къ Турецкому Султану и отвѣтъ о дѣлахъ Московскихъ января 1616 г. (Польск.).

Письмо Императора Матеія къ Сигизмунду III, 6 Ноября, о мирѣ съ Москвою (Лат.)

Договорные пункты Посольства Московскаго, присланные съ Княземъ Трубечкимъ, Солтыкомъ и Васиіемъ Осиповичемъ (Польск.).

Письмо изъ Москвы о переговорахъ отъ Гетмана Литовскаго (Польск.).

Прошеніе о договорѣ пословъ Московскихъ къ Гг. Сенаторамъ (Польск.).

Письмо къ Его Королевскому Величеству отъ Боярѣ Московскихъ изъ подъ Андропова (Польск.).

Просьба плѣнныхъ изъ Валахіи къ Воеводѣ Русскому (Польск.).

Письмо Шуйскаго къ Сигизмунду III изъ Москвы Іюля 1616 г. (Польск.).

Краткое изложеніе о веденіи войны съ Москвою, для Его Королевскаго Величества, составлено Яномъ Петромъ Сапѣгою (Польск.).

Князю Мстиславскому письмо 18 Октября, 1610.

Путевой дневникъ отъ Москвы.

Совѣщательная форма, посланная къ Боярамъ.

Пункты мира Столбовскаго (на 2¹/₂ листахъ) (Лат.).

Отвѣтъ пословъ Польскихъ и Литовскихъ посламъ Московскимъ 27 Ноября, 1615 г. (Польск.).

Отвѣтъ Боярамъ Московскимъ въ Москвѣ, на словахъ данных (Польск.).

На то возраженіе (Польск.).

О Самозванцахъ (Польск.).

Протестація Польскихъ Коммисаровъ Посламъ въ Москву прель Посломъ Цесарскимъ, 12 Января, 1616 г. (Польск.).

Универсалъ Владислава, избраннаго Царя Московскаго, къ Государству Московскому (Польск.).

Письмо къ Коммисарамъ (Польскимъ) отъ Боярѣ изъ столицы во Вязму, 15 Декабря, 1617 г. (Польск.).

Инструкція Коммисарамъ (Польскимъ), отправленнымъ при Владиславѣ къ Боярамъ Думнымъ въ Москвѣ, изъ Вязмы, 29 Декабря, 1617 г. (Польск.).

Письмо отъ Боярѣ къ Панамъ Радамъ 1622 г., Іюля 12 (Польск.)

Письмо отъ Боярѣ Московскихъ къ Польскимъ Коммисарамъ черезъ гонца ихъ, Степана Лещукова, въ Вязмѣ отданное 12 Мая, 1618 г. (Польск.)

Копія съ перемирнаго листа отъ Коммиссаровъ Московскихъ 1618 г. (Польск.).

Письмо Пословъ Московскихъ къ Митрополиту Филарету 3 Апрѣля, 1619 г.

Содержаніе письма Чиновъ Московскихъ къ Панамъ Радамъ 1619 г.

Письмо Михаила Федоровича и Патріарха Филарета къ войску Запорожскому 7139 г., Января 23 дня (Руск.).

Мирныя статьи для Коммиссаровъ (на 5 листахъ) 7142 г. (Руск.).

Письмо отъ Бояръ Думныхъ къ Панамъ Радамъ черезъ Горихвостова присланъ (Польск.).

Письмо отъ Пановъ Рады къ Боярамъ 1634 г., Января 4 (Польск.).

На него отвѣтъ (Польск.).

Опасная грамота, данная Сенаторами К. П. Коммиссарамъ 1634 г. 4 Марта (Польск.).

Кондицій всему Московскому войску, которе съ Шенномъ и товарищами его подъ Смоленскомъ обложено, отъ Кристофа Радзивиля, 24 Февраля, 1634 г.

На это отвѣтъ отъ Бояръ, 27 Марта (Польск.).

Условія мира вѣчнаго, съ Москвою заключеннаго 14 Января, 1634 г.

Вѣрительная грамота Посламъ Владислава IV къ Михаилу Федоровичу 1635 г.

Извѣстіе о переговорахъ съ Послами Московскими, А. Львовымъ, С. Пушкѣнымъ, Дьякомъ Иваномъ Воложаниномъ, 1644 г. въ Краковѣ зачатые, а въ Варшавѣ оконченные 1645 г. (Польск.).

На это отвѣтъ.

Посольство отъ Рыцарства, подъ Москвою находящагося, къ Его Королевскому-Величеству подъ Смоленскъ присланное.

Кондиціи, поданныя Его Королевскому Величеству Рыцарствомъ, находящимся подъ Москвою (Польск.).

Краткое повѣствованіе о Москвѣ, ея торговлѣ, нравахъ и пр., составленное Секретаремъ Нанцлера въ бытность его въ Москвѣ (Польск.).

Листъ Посла Царскаго къ Боярамъ 1616 г. (Руск.).

Отвѣтъ Пановъ Рады на письмо Посланниковъ Московскихъ, Шаховскаго и Нечяева (Польск.).

Отъ Матѳея, Императора Римскаго, къ Сигизмунду III о дѣлахъ Московскихъ (Руск.).

О посольствѣ Московскомъ, которе Королевича на Государство звало.

Восхваленіе славы Московской для привлеченія Королевича на Государство ихъ (Польск.).

Обсужденіе кондицій, поданныхъ съ Москвы (Польск.).

Справедливъ ли законенъ ли предлогъ къ удержанію Московской земли?

Причины и польза Московскаго похода (Польск.).

Перемиріе между Московскими Боярами и Гетманомъ Жолкевскимъ (Польск.).

Торжественіе (тріумфъ) избранія Владислава на Царство Московское (Польск.).

Письмо Старосты Хмельницкаго (?) Царицѣ Московской (Польск.).

Письмо отъ Салтыкова изъ Ладogi Февраля 6 дня (Польск.).

Грамота Михаила Федоровича къ Владиславу (Русск.).

Воеводы, которые одинъ за другимъ были побиты народомъ въ разныхъ городахъ Московскихъ послѣ измѣны Димитрію (Польск.).

Письмо Гетмана надъ войскомъ Литовскимъ Димитрію Іоанновичу (Руск.).

Списокъ знатныхъ особъ Польскихъ, побитыхъ на Москвѣ (Польск.).

Декларация Короля Польскаго касательно Московской экспедиціи (Польск.).

Переписка Короля Польскаго съ Турецкимъ Султаномъ и Крымскимъ Ханомъ (Польск.).

Циркуляръ войску, чтобы поспѣшало въ Москву (Польск.).

Донесенія Воеводъ съ театра войны (Польск.).

Отъ Царя Шуйскаго къ Воеводѣ Смоленскому, и обратно отъ Старосты и посадскихъ людей Смоленскихъ къ Шуйскому (Польск.).

Копія съ письма важной особы изъ Москвы къ Коронному Подкоморому Октября 8 дня, 1613 г., и отвѣтъ его (Польск.).

Копія съ достовѣрнаго письма изъ подъ Москвы къ извѣстной особѣ 28 Ноября.

Инструкція разнымъ лицамъ отъ Короля; къ ней секретное призывленіе (Полск. и Латин.).

Письма, и отвѣтъ на нихъ, отъ Царства изъ подъ Москвы къ Его Королевскому Величеству подъ Смоленскомъ (Польск.).

Письмо Марины (Царицы) къ Папу Прижаускому 10 Ноября, 1609 г. (Польск.).

Вѣдомость изъ подъ Москвы послѣ прибытія Пословъ въ обѣдъ 21 Декабря (Польск.).

Реляція посольства по возвращеніи его изъ обоза, подъ Москвою аходящагося.

Отвѣтъ Патріарха Филарета, Бояръ, Думныхъ людей и Дворянъ зъ Москвы (Польск.).

Отвѣтъ, данный именемъ Его Королевскаго Величества изъ подъ моленска на просьбы Московскихъ Бояръ (Польск.).

Инструкция Польскому Рыцарству и людямъ Московскимъ, данная одъ Смоленскомъ 18 Апрѣля, 1610 г.

Отъ Сергія, Архіепископа Смоленскаго, къ Шуйскому.

Отъ Воеводы Смоленскаго къ Шуйскому.

Отъ Посадскихъ людей Смоленскихъ къ Шуйскому.

Отъ Воеводъ Смоленскихъ, Шеина и Горчакова, къ Князю Дмитрію Ивановичу Шуйскому.

Отъ Сергія, Архіепископа Смоленскаго, къ Патріарху Гермогену.

Письма Гетмана Жолкевскаго къ Королю, изъ разныхъ мѣсть.

Письмо Князя Мстиславскаго и иныхъ на Москвѣ Бояръ, 18 юля, изъ подъ Можайска.

Извлечение изъ письма Гетмана въ столицу, на счетъ Шуйскаго писаннаго.

Отвѣтъ ему отъ Бояръ (Польск.).

Отъ Царицы Марины, 28 Юня, 1660 (Польск.).

Письма разныхъ особъ, относящіяся къ временамъ междуцарствія.

Отъ Гетмана, по отобраніи присяги отъ Бояръ (Польск.).

Замиреніе между Гетманомъ и Боярами Московскими (Польск.).

Добавочныя условія, съ которыми послали Бояре къ Его Королевскому Величеству Голицына и иныхъ подъ Смоленскъ (Польск.).

Присяга Гетмана и всего Рыцарства людямъ Московскимъ подъ Царевымъ Займищемъ (Польск.).

Условія отъ Лжедмитрія и войска его, и посольство отъ его войска, присланнаго подъ Смоленскъ 22 Августа, 1610 г.

Переговоры Сенаторовъ съ посольствомъ Лжедмитрія.

Объщанія Лжедмитрія войску своему и народамъ Польскому и Литовскому, 20 Февраля, 1609 г.

Объщанія Царицы Марины тому же войску 1609 г.

Посольство Московское Князя Василія Васильевича Голицына 22 Октябрю (Польск.).

Письмо Патріарха Московскаго изъ столицы къ Митрополитну Ротовскому (Польск.).

Отвѣтъ Боярѣмъ на Посольство Голландина.

Копія съ письма къ Его Королевскому Величеству отъ Боярѣвъ столицы, привезеннаго Иваномъ Безобразовымъ 8 Февраля (Польск.).

Отъ Князя Мстиславскаго и другихъ Боярѣвъ къ Его Королевскому Величеству (Польск.).

Циркуляръ Ляпунова.

Рѣчь о томъ: дать ли Королевича на Государство Московское? (Польск.).
Наслѣдованіе измѣны на Москвѣ 7119 г., 8 Октября (Польск.).

Смерть Лжедмитрія подъ Калугой 27 Декабря, 1610 г. (Польск.).
Челобитная Его Королевскому Величеству Пословъ Московскихъ.

Письмо Салтыкова и Боярѣвъ изъ столицы къ Его Королевскому Величеству (Польск.).

Реляція П. Коморскаго (?) о пожарѣ Московскомъ и объ кнѣзѣ тамошнихъ Боярѣвъ (Польск.).

О взятіи Смоленска (Польск.).

Отвѣтъ обывателямъ Новгородскимъ.

Отъ Намѣстника Смоленскаго Ивана Семеновича Куракина къ Царю 7115 г.

Отъ Короля Жигмонта III Московскаго Государства Боярѣмъ изъ сословіямъ отвѣтъ на статьи и просьбы ихъ 1610 г., 4 Февраля (Польск.).

Посольство Московское отъ Шуйскаго 3 Января, 1607 г.

О границахъ Московскихъ.

Рѣчи Пословъ къ Царю.

Письмо Михаила Федоровича къ своему отцу (съ красною печатью Русск.).

Паспортъ Сигизмунда III де Москвы 1597 г.

Дневникъ, въ которомъ одержится описаніе пути Марини до Москвы, рѣчи Пословъ и Дмитрія, объѣдъ, убіеніе Лжедмитрія (подлинный рассказъ) и побіеніе Поляковъ 27 Мая, 1606 г.

Дневникъ, въ которомъ описывается война съ Самозванцами; первое о Маринѣ, сдѣланъ въ Заруцкомъ.

Письмо отъ Ивана Ивановича Шуйскаго къ Пану Николаю Мухомову.

Русское Письмо къ Федору Ивановичу Мстиславскому.

Дневникъ съ 1609 г. 3, Января, гдѣ говорится о Скопинѣ Шуйскомъ.

Письмо отъ Боярѣвъ къ Посламъ въ царствованіе Михаила Федоровича.
Дневникъ Московской экспедиціи 1623 г., 26 Августа.

Постановленіе между Поляками, въ Москвѣ находящимися, и другими Боярами, 1610 г., 7 Ноября.

- О Посольствѣ Алексія Михайловича 1644 г., въ Августѣ.
 Письмо Михаила Федоровича къ Сигизмунду III.
 Инструкція Посламъ въ Москву 1684 г., 19 Декабря.
 Русская переписка между Капитаномъ Дорогобужскимъ и Москвою.
 Письмо къ Королю отъ Гетмана изъ Москвы 1611 г., Января 21.
 Постановленіе вѣчнаго мира между Владиславомъ IV и Михаиломъ Федоровичемъ.
 Стихотвореніе (Польск.) о войнѣ съ Великимъ Княземъ Московскимъ Василиемъ 1606 г.
 Письмо съ собственноручною подписью Лжедмитрія изъ подъ Москвы въ Январѣ и Мартѣ.
 Рѣчь Посланника Московскаго и отвѣтъ Пановъ Радѣ на письмо его.
 Письмо (Русское) Сигизмунда въ Москву.
 Отъ Боярѣ (времени Михаила Федоровича) въ Польшу, тетрадь безъ начала.
 Разсужденія Боярѣ Думныи съ Польскими Послами (времени Михаила Федоровича).
 Тетрадь Русская, начинающаяся словами: «По приказанію Боярина М. Б. Шеина».
 Тоже о войнѣ 1611 г.
 Мирныя переговоры въ слѣдствіе посольства Горохвостова
 Русскія записочки, письма къ частнымъ лицамъ, челобитныя къ Лжедмитріямъ (около 300).
 Сивеокъ Стрѣльцамъ (Русск.).
 Запись купца о продажѣ.
 Описаніе торжественнаго приема Великаго Русскаго Пола въ Стокгольмѣ 1642 Августа г., 22 (Швед.).
 Описаніе мятежа, поднятаго Сенькою Разиннымъ. (Швед.).
 О Русскомъ Государствѣ (краткое Обзореніе царствованія Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Михаила Федоровича, Алексія Михайловича) (Швед.).
 Экспедиція въ Россію 1545 г. (Швед.).
 Старый договоръ между Россією и Швецією (Швед.).
 Исторія Ивана Грознаго (безъ начала) (Швед.).
 О пребываніи Карла XII въ Бендерахъ.
 Разсказъ о казни Паткуля полковаго священника Лоренца Гагена (Швед.).

Союзный договоръ между Швеціею и Россіею 22 Февраля, 1724 г. (Швед.).

Донесеніе Королевскихъ Министровъ изъ Россіи 21 Октября, 1676 г. (Швед.).

Протоколъ слѣдствія надъ Русскимъ Секретаремъ Соловьевымъ 1727 г. (Швед.).

Табель о рангахъ Петра I 1722 г. (Швед.).

Капитуляція города Ревеля 1710 г. (Швед.).

Резолюція Петра I Лифляндскому дворянству 1 Марта, 1712 г.

Резолюція Меншикова на вопросы фискала (Нѣм.).

Прошеніе Германа Баадера къ Петру I 1724 г.

Празднства, бывшія въ Петербургѣ въ 1725 г. (Нѣм.).

Изчисленіе городовъ, заводовъ и селъ, выжженныхъ Русскими въ Швеціи въ 1721 г.

Касательно Посла Долгорукова 1727 г.

Описаніе Посольскаго путешествія въ Москву 1684 г.

Указъ Императрицы касательно Долгорукихъ 12 Ноября, 1739 г.

Списокъ 12 семействамъ, казненнымъ въ Новгородѣ.

Краткое извѣстіе о Карлѣ XII послѣ Полтавской битвы 1709 г. (Швед.).

Подробности касательно большой казни въ Россіи въ 1739 г.

Извлеченіе изъ Манифеста касательно казни Волынскаго и его сообщниковъ.

Извлеченіе изъ письма одного Офицера, служащаго въ Россіи, касательно заговора (Франц.).

Разсказъ о Полтавской битвѣ.

Договоръ между Царемъ и Королемъ Шведскимъ 30 Юня, 1709 г.

Списокъ плѣнныхъ подъ Полтавою.

Историческое описаніе Швеціи и ея войнъ съ сосѣдними державами 1606 г. (Швед.).

Разсказъ объ опустошеніяхъ, произведенныхъ Русскими на берегахъ Швеціи 1721 г. (Швед.).

Празднство по случаю Ништадскаго мира, бывшее въ С.-Петербурѣ 1721 г.

Меморіалъ 3 Ноября, 1722 г., касательно предпринятаго Царемъ похода на Востокъ.

Копія съ Русскаго письма къ Флемингу о сдачѣ Кексгольма 23 Апрѣля, 1597 г.

Синклера разсказъ о сдачѣ Вильманстранда 29 Августа, 1741 г.
Памятная записка о взятіи Шведскими галерами 9 или 13 Русскихъ
мерь (Швед.).

Манифестъ Графа Федора Апраксина 14 Июля, 1747 г.

Меморіалъ Седергельма касающійся посольства въ Россію (Швед.).

Замѣчаніе на счетъ возобновленія Русскаго союза (Швед.).

Мнѣніе Тайной Коммисіи Королевской Канцеляріи касательно воз-
обновленія съ Россією охранительнаго союза (Швед.).

Мнѣніе о предлагаемыхъ Францією конвенціяхъ касательно связи
съ Россією (Швед.).

Слѣдствія союза, заключеннаго между Портою и Швецією.

Переводъ мирнаго договора между Оттоманскою Портою и Россією.

Союзъ Россіи съ Францією.

Жалоба Русскаго Генерала Кейца на Левенгаупта, командовавшаго
въ Финляндіи, и отвѣтъ его.

Рѣчь о Русской арміи, причины къ войнѣ съ Россією и планъ
экспедиціи (Швед.).

Молитва Русскихъ къ Св. Николаю противъ Шведовъ послѣ Нарв-
скаго сраженія.

Табель Е. И. В. регулярнымъ войскамъ, на Нѣмецкой ногѣ на-
стоящимся.

Майора Сейленберга разсказъ о его плѣнѣ въ Россіи.

Письмо Карла XII къ Ульрику Елеоноръ изъ Бендеръ, Демотики
и Стральзунда.

Письмо къ Густаву Адольфу отъ Андерсона изъ Новгорода 27
Марта, 1615 г. (Швед.).

Копія съ письма Воеводы Новгородскаго къ Намѣстнику Лифлянд-
скому 1684 г. (Швед.).

Письма Круза изъ Новгорода 1619 — 1621.

Письма изъ разныхъ городовъ Остѣ-Зейскихъ о томъ, что дѣ-
лается въ Россіи, 1649—1659 (Швед.).

Письма Делагарди о войнѣ Русской 1655—1658 (Швед.).

Письма Флеминга, Посланника въ Россіи 1637—1645 (Швед.).

Письма Гельмфельда изъ Нарвы 1660—1672 г., содержащія свѣ-
дѣнія о Россіи (Швед.).

Письма Мернера, Президента въ Дерптѣ, 1649 — 1650 о томъ
же (Шв.).

Письма Эбершальда изъ Новгорода и Москвы 1650, 1673 (Швед.).

Письма Крузебюрна изъ Москвы 1642 — 1644 (Швед.).

Письма Резидента Лиантала изъ Москвы 1664 — 1665 г.

Письма Номерена изъ Москвы 1649 г. (Швед.).

Письма Драке Губератора Нарвы, о Россіи 1646 — 1650 (Швед.).

Письма Русскаго Священника Іакима Терентьева 1642 (Швед.).

Письма Лофельда изъ Москвы 1645 (Швед.).

Письма Оберъ-Гофмаршала Каленберга изъ Москвы 1671 — 1662 (Швед.).

Князя Молдавскаго претензіи на Князя Московскаго (Лат.).

Договорные пункты между Его Царскимъ Величествомъ и Королемъ Польскимъ 1667 г. (Нѣм.).

Мирный трактатъ между Швеціею и Россіею 1666 г. (Швед.).

Инструкція Шведскому Посланнику въ Ништадъ 1721 (Швед.).

Разговоръ между Русскою саблею, Шведскимъ мечемъ и Татарскимъ лукомъ въ Петербургскомъ Арсеналѣ (Швед.).

Русская Грамота на пергаментѣ къ Старостѣ Великомирскому въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Адама Брунева меморіалъ о войнѣ въ Финляндіи.

Адмирала Риддерстольпе мнѣніе о Русскомъ военномъ флотѣ и крепостяхъ въ отношеніи къ начинающейся войнѣ (Швед.).

Кѣнига поѣздка въ Украину въ 1658 г. (Швед.).

Извлеченіе изъ Русскихъ списковъ о дворянахъ и всѣхъ военнослужащихъ въ Новгородѣ (Швед.).

II. РУКОПИСИ, ХРАНЯЩІЯСЯ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ АРХИВѢ ВЪ СТОКГОЛЬМѢ.

Грамота Михаила Федоровича къ Королевѣ Христинѣ, въ отвѣтъ на ея письмо 3 Марта, 1644 г. (Руск.).

Письмо Христины къ Алексѣю Михайловичу (Швед.).

Алексѣя Мрхайловича любительное поздравленіе къ Григорію Гавриловичу Пушкину и другіе (Руск.).

Грамота Алексѣя Михайловича къ Христинѣ (о торговыхъ людяхъ, что проживаютъ долго въ Россіи) (Руск.).

Грамота отъ него же къ ней же.

* Большая часть этихъ писемъ писана къ Государственному Канцлеру Грону въ

Грамота Алексѣя Михайловича для проѣзда Болтина и Пушкина. Около 20 писемъ Ивана Шувалова 1723 (Русскихъ) къ разнымъ лицамъ.

Собраніе актовъ о границахъ Русскихъ (Швед.).

Касательно владѣній на Русской границѣ (Швед.).

Касательно отправления Басевича къ Русскому Двору 1713 г. (Швед.).

Веремирныя грамоты между Псковомъ и Геермейстеромъ В. Ф. Плеттенбергомъ въ правленіе Василья Ивановича, въ Новгородъ 1509 г. (Швед.).

Тоже 18 Юня 1554 года.

Списокъ Русскимъ грамотамъ и дѣламъ, касающимся до войнъ въ Россіи въ царствованія Королей Карла IX и Густава Адольфа; особенно же Герцога Карла Филиппа.

12 дѣлъ касательно призванія Новгородскими Чинами на Русское Царство Принца Карла Филиппа и отправления его въ Россію (Швед.).

Грамота Московскихъ людей къ Чинамъ Новгородскимъ о побѣдѣ надъ Поляками и ихъ бѣгствѣ изъ Москвы 15 Ноября, 7121 г. (Швед.).

Грамоты Фельдмаршала Горна къ Новгородскимъ сословіямъ изъ Або (Швед.).

Извѣстіе о мятежѣ въ Новгородѣ. Выборгъ, 5 Марта, 1614 г. (Швед.).

Эверта Горна рѣчь дворянамъ и другимъ людямъ Новгородскимъ о томъ, желаютъ ли они быть съ Москвою, или Его Величествомъ. Королемъ Шведскимъ? Новгородъ, 27 Мая, 7123 (1615 г.) (Швед.).

2 отвѣта Новгородскихъ Чиновъ Фельдмаршалу Горну (Швед.).

Форма присяги Русскихъ людей на вѣрность Королю Густаву Адольфу (Швед.).

Письмо Густава Адольфа къ Новгородскимъ Чинамъ. Нарва, 28 Сентября, 1614 г. (Швед.).

Грамота Секретаря въ Новгородѣ Семена Лутчина къ Воеводѣ въ Осташковъ о свободномъ пропускѣ въ Москву дворянина Христофора Вальдека съ письмомъ къ Англійскому Посланнику, Лорду Мервику. Новгородъ, 1616.

О Государственныхъ обрядахъ (церемоніяхъ), сочиненіе Русскаго Секретаря (подъячаго) Ягана Александра Склитскаго (Селицкаго?) 1667 г. на Шведскомъ языкѣ, содержитъ о боярахъ, послахъ, приказахъ, воеводствахъ, войскѣ, купечествѣ, о монастыряхъ, торговлѣ и прочее.

Замѣчанія, касающіяся Русскихъ фабрикъ и торговли, войска морскаго и сухопутнаго, и прочее. Годовъ 1710, 11, 12 и 13 (Швед.).

Записки Королевскаго Посольства въ Москву, составилъ Польквистъ 1674 г., съ планами Москвы, Новгорода, Твери, Рязани и другихъ городовъ, съ картою Сибири, Каспійскаго моря, съ изображеніемъ знаменосцевъ, колокола, пушекъ, наказанія кнутомъ, спискомъ иностраннымъ офицерамъ въ Россіи, и проч.

Дѣла Московскія отъ 1340 по 1661.

Различные акты Московскіе отъ 1501 по 1710.

Дѣла Польско-Русскія 1609 — 1636.

Акты и Протоколъ Столбовскаго мира, въ 6 томахъ, 1617 г.

Его Королевскаго Величества письмо къ Великому Князю 1623 г.

Акты Русскаго Посольства 1633 г.

Русское Посольство 1646 г.

Дѣла о границахъ Русскихъ, 6 томовъ, 1652 — 53 г.

Переводъ Русскихъ писемъ, 1 томъ. 1645 — 57 г.

Русскіе трактаты. 3 тома, 1613 г.

Царскія оригинальныя письма съ отвѣтами, 5 томовъ, 1632 — 84.

Дѣло о Горнѣ 1718 — 1719 г.

Дѣла Ништадскаго мира 1721 г., 8 томовъ.

Дѣла Абовскаго мира 1743. 3 тома.

Грамота Царей Ивана и Петра, 28 Мая, 1683 г. (Швед.).

Грамота Царя Петра, Москва, 4 Февраля, 1699 г. (Швед.).

Связка писемъ съ извѣстіями о Русской арміи и финансахъ.

Польская корреспонденція, касающаяся Сѣверной войны 1700—1718 г.

Болѣе 50 писемъ отъ Шведскихъ Пословъ и Резидентовъ въ Россіи, царствованія Михайла Ѳедоровича, Алексѣя Михайловича и Петра I (Швед.).

Нѣсколько томовъ дѣлъ о границахъ, изъ тѣхъ же время.

Письмо Богдана Хмельницкаго, Гетмана.

Письмо Махметъ-Гирея (Крымскаго Хана) къ С. Потоцкому.

Описаніе Посольства Польскаго въ Россію 1667 г. (Лат.).

Условія мира между Польшею и Россіею 1634 г.

Письма о войнѣ Русской въ Польшѣ, Русскаго Полковника Шувальца (Франц.).

Письмо Матвѣева изъ Парижа къ Вице-Адмиралу Крюцу въ Москву 1706 г. (Нѣм.).

Письмо его же къ Головкину въ Москву (Нѣм.).

Письмо его же къ Англійскому Министру Г. Гарле. Лондонъ, 3 Января, 1708 г. (Нѣм.).

Сообщилъ Соредакторъ А. Чумиковъ

ЗАПИСКИ

(МЕМУАРЫ) РУССКИХЪ ЛЮДЕИ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ УКАЗАНИЯ. *

АКСАКОВЪ Сергѣй Тимофеевичъ (р. 1791, у. 1859).

1. Семейная хроника и воспоминанія С. Аксакова. М. въ тип. А Степановой. 1856, 8, 565 стр. и оглавленіе.

Второе изданіе, въ 2 ч., съ прибавленіемъ двухъ отрывковъ Семейной хроники. Тамъ же, 1856, 8, 285 и 420 стр.

Кромѣ воспоминаній о собственной жизни извѣстнаго писателя, въ нихъ находятся статьи: 1) объ актерѣ Я. Е. Шушеринѣ; 2) объ А. Шишковѣ, и 3) разсказъ о знакомствѣ съ Державинымъ.

Отрывки изъ этихъ записокъ были помѣщены въ Москвитянинѣ 54 и 1855, въ Рус. Вѣстникѣ 1856, N 1, и въ Русской Бесѣдѣ 56, N. 2.

Нѣмецкій переводъ С. Рачинскаго изданъ въ Лейпцигѣ въ 1858 г.

2. Дѣтскіе годы Багрова внука, служащіе продолженіемъ Семейной хроники С. Аксакова. М. 1858. Въ тип. Каткова Кр, 8, VIII и 520 стр.

Отрывокъ былъ помѣщенъ въ Русской Бесѣдѣ 1857 г., кн. IV.

Этотъ указатель — опытъ, который предлагаемъ для справокъ и свѣдѣній занимающимся Русскою Исторіею, прося ихъ дополнять и исправлять его. Записки иностранцевъ, бывшихъ и жившихъ въ Россіи, войдутъ въ особый, дополнительный списокъ, который составляется.

3. Литературныя и театральныя воспоминанія С. Т. Аксакова, въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., кн. 4, и 1858, кн. 1, 2 и 3.

4. Воспоминанія о Дмитріи Борисовичѣ Мертваго, въ Руск. Вѣстникѣ 1857, N. 5.

5. Разныя сочиненія С. Аксакова. М. Въ тип. Степановой, 1858, 8, 410 стр.

Сюда вошли лит. и театральныя его воспоминанія и другія статьи, между прочими нѣкоторыя по содержанию связанныя съ записками, именно: статьи о М. Н. Загоскинѣ, о М. С. Шепкинѣ, о А. Б. Мертваго, и о заслугахъ Князя Шаховскаго въ драмат. словесности.

АЛЕКСАНДРОВЪ (Дурова Надежда Васильевна).

1. Кавалеристъ-дѣвица. Происшествіе въ Россіи. Издалъ Иванъ Бутовскій. Спб. 1836. Въ военной тип. 2 ч., 8, 289 и 292 стр.

2. Записки Александра (Дуровой). Добавленіе къ Дѣвицѣ-кавалеристъ. М. 1839. Въ тип. Николая Степанова. 8, 362 стр.

БАШИЛОВЪ А. А. (умеръ въ сороковыхъ годахъ Сенаторомъ въ Москвѣ).

Екатерининскій Пажъ, отрывокъ изъ его записокъ, относящійся къ 1793 — 1797 г., напечатанъ въ Альманахѣ, изданномъ М. П. Погодинымъ при Москвитянинѣ, подъ названіемъ: На новый годъ (М. 1850, 12), на стр. 53—75.

Записки Башилова находились у М. П. Погодина и поступили въ И. Публичную Библиотеку; см. Отчетъ ея за 1852 г., стр. 52.

БОЛЛАРТЪ.

«Генералъ Боллартъ, сподвижникъ Петра I, дѣйствовавшій полъ Полтавою, велъ дневникъ, находившійся въ рукахъ Барона фонъ-Кампенгаузена; этимъ дневникомъ пользовался Бергманъ при составленіи Исторіи Петра Великаго. (Изъ Москвитянина 1842 г., N 1 стр. 76).

БОЛОТОВЪ (р. 1738, у. 1833).

Записки Андрея Тимофѣевича Болотова. Т. I части I, II, III и IV. Спб. Въ тип. И. Глазунова и Комп. 1854, 8, 316 стр.

Это оттиски въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, записокъ, писанныхъ въ Петербургѣ, въ Пруссіи, во время похода Русскихъ при Елисаветѣ, и въ деревнѣ, изъ Отеч. Записокъ Т. 69 — 78 (1850 г.). Остальныя части (до 8) находятся тамъ же, Т. 74 — 76 (1850). Еще прежде отрывки были напечатаны въ Сынѣ Отечества 1839 г., N. 4 и 5. Новые отрывки, имѣющіе болѣе историческій интересъ, появлялись въ Библіотекѣ для чтенія 1857 — 1860 года.

О Болотовѣ, кромѣ записокъ его и словаря М. Евгенія и Снегирева и Энциклопедическаго, находимъ біографич. свѣдѣнія въ Землед. Газетѣ 1838, кн. 5-я, и въ Москвитинѣ 1843 г., N. 5.

БУЛГАКОВЪ Алексѣй Яковлевичъ.

1. Воспоминаніе его о 1812 годѣ, по поводу статьи его же въ Сынѣ Отечества 1814 г. подъ заглавіемъ: Разговоры Неаполитанскаго Короля съ Гр. Милорадовичемъ на аванпостахъ. Окт. 1843 и N. 2, стр. 499 — 520, и отд.

2. Отрывокъ изъ Записокъ стараго дипломата Спб. 1857, 12. 23 стр. (Изъ Спб. Вѣдомостей N. 260).

Вторично съ дополненіями перепечатано въ Библіографическихъ Запискахъ ч. II (1858 г., N. 10 и 11), и въ отдѣльныхъ оттискахъ.

БУЛГАРИНЪ Фаддей Венедиктовичъ (р. 1789, у. 1855).

Воспоминанія Фаддея Булгарина. Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни, 6 ч. Спб. 1846 — 1849. Въ тип. Э. Праца и К. Крайя. Въ 12 дол., ч. 1-я XXIV и 336; 2 356 и листовъ нотъ; 3) 16 неп. и 414 стр. и карта Финляндіи; 4) IV и 392 стр.; 5 10 неп. и 344 стр.; 6 VIII и 326 стр.

Первыя три части изданы М. Д. Ольхинымъ; остальныя были напечатаны въ Библіотекѣ для чтенія т. 86 — 95 (1848 и 1849 г.).

Въ первыхъ двухъ частяхъ авторъ рассказываетъ о своемъ дѣтствѣ и воспитаніи въ 1 Кад. Корпусѣ, о Петербургѣ при Имп. Павлѣ и Александрѣ, о первой войнѣ съ Наполеономъ и войнѣ 1806, въ 4 и 5 Финляндская война 1808 и 1809.

Нѣмецкій переводъ (von E. V. Lemthal u. H. Clemenz) вышелъ въ Лейпцигѣ и Іенѣ въ 1859 г., въ 2 ч., 8.

Въ сочиненіяхъ его есть тоже статьи, имѣющія автобіографическій характеръ, на примѣръ: Встрѣча съ Карамзинымъ и другія.

ВИГЕЛЬ Филиппъ Филиповичъ (сконч. въ Москвѣ, въ 1856 г., 70 лѣтъ).

Записки его о Петербургской его жизни, съ характеристиками современниковъ, поступили, по смерти его, 1856 г., въ Императорскую Публичную Библиотечку.

Письма его о Москвѣ напечатаны въ книгѣ Н. В. Сушкова: Московскій Унив. Пансіонъ (М. 1858, 4), стр. 8 — 25.

ВЕЛЯШЕВЪ-ВОЛЫЦЕВЪ Дмитрій Ивановичъ, математикъ и писатель (у. 1818 г.).

По свидѣтельству И. М. Снегирева, * «велъ подробный журналъ всѣмъ событіямъ современнымъ, содержащій въ себѣ много важнаго и любопытнаго.» Но гдѣ этотъ журналъ?

ВИСТИЦКІЙ (Свитскій Генераль-Маіоръ).

Подробное описаніе расположенія дѣйствій и движеній корпуса Императорскихъ Россійскихъ войскъ подъ командою Генерала Римскаго-Корсакова въ Швейцаріи, составленное Свиты Его Импер. Величества по Квартирмейстерской части Генераль-Маіоромъ Вистицкимъ 2-мъ въ 1803 году.

Изд. А. И. Хмельницкимъ въ Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ, 1846, кн. 2, отд. II, стр. 1 — 42; VI, 42 и прилож. 43 — 66., и отдѣльно. Это, собственно, записки подневныя или журналъ.

ГАДЕБУШЪ Фридрихъ (р. 1719, у. 1788).

«Собственноручный журналъ (на Нѣмецкомъ языкѣ), веденный извѣстнымъ Лифляндскимъ историкомъ Гадебушемъ, съ 7-го Іюня по 21-го Ноября 1767-го года, во время пребыванія его въ Москвѣ, куда онъ былъ отправленъ депутатомъ отъ города Дерпта въ Комиссію, для составленія новаго Уложенія.»

Находится въ И. Публ. Библиотекѣ въ С.-Петербургѣ и упоминается въ Отчетѣ ея за 1853 г. (Сиб. 1854), на стр. 44-й, въ числѣ приношеній Библиотекѣ частными лицами.

* См. его Воспоминаніе о В — въ въ Трудяхъ Общества любителей Росс. Ст. 1822 г. ч. I, и его же Словарь Русск. писателей (М. 1838), стр. 175.

ГЛИНКА Сергѣй Николаевичъ (р. 1775, у. 1847).

1. Воспоминаніе. Изъ записокъ издателя «Русскаго Чтенія» Сергѣя Глинки. Спб. Въ тип. Штаба Отд. Корпуса внутр. стражи 1846, 8, 20 стр.

Отрывокъ, гдѣ говорится о знакомствѣ автора съ Херасковымъ, съ Гр. А. Орловъ и проч.

2. Русское Чтеніе, издаваемое С. Глинкою. Отечественныя историческіе памятники XVIII и XIX столѣтій. Четыре выпуска. Спб. Въ тип. Штаба Отд. корпуса вн. стражи 1845, 8. Воспоминанія его о видѣнномъ и слышанномъ, преданія о царствованіи Императрицы Екатерины.

3. Корпусныя воспоминанія. Въ Литерат. прибавленіяхъ къ журналу Мин. Нар. Пр 1843, стр 4.

4. Добро отъ слова: ты, и бѣда отъ денегъ и отъ порученій (Воспоминанія изъ моихъ частныхъ и историч. записокъ). Статья С. Глинки въ Русск. Вѣстникѣ 1841, т. 3.

5. Екатерина Вторая на родинѣ моихъ отцовъ (Оттуда же). Рус. Вѣстникъ 1841, N. 8

6. Записки о 1812 годѣ Сергѣя Глинки, перваго ратника московскаго ополченія. Спб. Въ тип. Росс. Академіи 1836, 8.

ГНѢДИЧЪ Николай Ивановичъ (р. 1784, у. 1833).

Оставилъ записки, изъ которыхъ извлеченія сообщены Лобановымъ въ его статьѣ о немъ, въ Сынѣ Отеч. 1842, кн. 11, стр. — 32.

ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ Логгинъ Ивановичъ (р. 1769, у. 1845).

«Собственноручный дневникъ, на Францускомъ языкѣ, Логгина Ивановича Голенищева-Кутузова за годы 1806 — 1820, 1823 — 28 и 1831 — 1843, всего 34 книги, въ 12 д. л. Генераль-Лейтенантъ Г.-К., умершій въ 1845 году въ глубокой старости, былъ, какъ извѣстно, одинъ изъ образованнѣйшихъ и остроумнѣйшихъ людей своего времени, и живя постоянно въ самомъ высшемъ кругу, былъ въ возможность, по своимъ многочисленнымъ родственнымъ и дружественнымъ отношеніямъ, слѣдить за всѣми современными событіями и узнавать тайную ихъ связь и пружины. Дѣйствительно, дневникъ его, наполненный портретами болѣе или менѣ замѣчательныхъ

лицъ, анекдотами и наблюдениями, сколько острыми, столько инокъ глубокими, представляетъ живой дагерротипъ почти сорокалѣтняго періода времени. Къ сожалѣнію, все это писано такимъ неразборчивымъ почеркомъ, скорѣе представляющимъ іероглифы, нежели обыкновенное письмо, что только долговременное изученіе и большія навыки могутъ дать нѣкоторый ключъ къ симъ загадочнымъ начертаніямъ.» Изъ Отчета И. Пуб. Библіотеки за 1854 годъ (Спб. 1855, стр. 58 — 57, въ извѣстіи о частныхъ приношеніяхъ. Записки эти подарены Е. Н. Ковядаевымъ).

Г.-К. былъ 2 сынъ Фельдмаршала, членъ Адмиралтействъ-Коллегіи, Предсѣдатель ученаго комитета Морскаго Министерства (съ 1827), членъ Рус. Академіи и писатель.

ГОЛИЦЫНЪ КНЯЗЬ Александръ Николаевичъ (р. 1773, у. 1842).

Загробныя записки Князя Николая Сергѣевича Голицына, изъ сказаній дяди его, Князя Александра Николаевича Голицына. Спб. Печатано въ Военной тип. 1859, 8, 7 стр. (Изъ Русс. Инвалида, N. 143 — 145).

Это оставшіяся послѣ Князя А. Н. Голицына (бывшаго Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, Д. Т. Сов.) неоконченныя краткія записки о его жизни; въ концѣ перепечатана (?) некрологія его, изъ періодич. изданій.

ГРЕЙГЪ Самуилъ Карловичъ (р. 1736, у. 1788).

1. Собственноручный журналъ Капитанъ-Командора (въ послѣдствіи Адмирала) С. К. Грейга въ Чесменской походъ Спб. Въ морской тип. 1850, 8, 72 стр.

2. Журналъ о подвигахъ Русскаго флота противъ Шведовъ 1788 года. Въ Сѣв. Архивѣ, ч. 8, N. 23 и 24 (1823 г.).

ДАВЫДОВЪ Денисъ Васильевичъ (р. 1784, у. 1839 г.).

Отрывки изъ его военныхъ записокъ о войнѣ съ Наполеономъ въ сочиненіяхъ его, изд. Смирдинымъ (Спб. 1848). Тутъ же и автобіографическій очеркъ, подписанный буквами О. О. Эти отрывки были напечатаны прежде въ журналахъ, особенно въ Библіотекѣ для чтенія, но есть еще неизданные. Новое изданіе его сочиненій, неполненное, напечатано сыномъ его въ Москвѣ, въ 1860 г.

ДАНИЛОВЪ (р. 1722, у. 1790 г.).

Записки артиллеріи Маіора М. В. Данилова, написанныя имъ въ 1774 году, изд. П. Строевъ. М. 1842, 8, IV и 131 стр.

Относятся ко времени Императриць Анны и Елисаветы и любопытны для исторіи нравовъ.

ДАШКОВА Княгиня Екатерина Романовна (р. 1743, у. 1810).

1. *Memoirs of the princess Daschkow, lady of honour to Catherine II, written by herself, comprising letters of the impress and other correspondence. In two volumes. London. 1840.*

Нѣмецкій переводъ Hamburg. 1857, 2 th., 8°.

Французскій Paris 1860, 4 voll., 16, въ *Bibliothèque Russe-Polonaise*, изд. Франкомъ.

Прежде еще обѣщанъ былъ Французскій переводъ редакціею сборника: *Revue Francoslave*, котораго вышла только одна книжка (Paris. 1857, 8°).

Два отрывка на Русскомъ. переведенные г. Калайдовичемъ, помѣщены были въ *Москвитиниѣ* 1842 г. кн. I и II. Въ нихъ говорится о ея молодости и придворной жизни и путешествіи по Европѣ.

Другой отрывокъ этихъ записокъ, относящійся до Академіи Наукъ. былъ сообщенъ Я. Гротомъ въ *Современникѣ* (г. Плетнева) 1845 г., N. 1.

Полнѣйшее извлеченіе и отчасти переводъ этихъ записокъ напечатанъ Д. И. Иловайскимъ въ біографич. статьѣ о Дашковой въ *Отеч. Запискахъ* т. 126 и 127 (1859, N. 9 — 12). Еще прежде онъ напечаталъ въ *Моск. Вѣдомостяхъ* 1859, N. 52 статью: «Кн. Дашкова, Директоръ Академіи.»

П. И. Бартеневъ въ своемъ *Указателѣ къ Москвитинину* (при *Временникѣ* Имп. Общества Ист. и Др. Росс., кн 21), на стр. 29 замѣчаетъ: «Въ 1760 г., когда старшій братъ Дашковой, въ послѣдствіи (1802) Госуд. Канцлеръ, ѣздилъ въ Парижъ и Мадридъ, она постоянно писала для него и пересылала ему журналъ всѣхъ новостей двора, города и войска.» (Неизвѣстно, сохранился ли этотъ драгоценный журналъ).

ДЕРЖАВИНЪ Гавріилъ Романовичъ (р. 1743, у. 1816)

Записки Гавріила Романовича Державина 1743 — 1816 съ литературными и историческими примѣчаніями П. И. Бартенева. Изданіе Русской Бесѣды. М. Въ тип. А. Сем на 1860, 8, VI и 502. Съ снимкомъ (Изъ Русск. Бесѣды).

Писаны, когда ему было 70 лѣтъ, по памяти и заключаютъ в себѣ его автобіографію и изображаютъ его какъ челоуѣка и чиновника и только немногими мѣстами какъ писателя. Въ примѣчаніяхъ определена хронологія его стихотвореній.

ДМИТРІЕВЪ Иванъ Ивановичъ (р. 1760, у. 1837).

Записки его извѣстны только по отрывкамъ, напечатаннымъ в Москвитянинѣ:

1. Державинъ. Въ Москвит. 1842, I, 109 — 164.

2. Отрывокъ изъ записокъ И. И. Дмитріева (О Хераскѣ и супругѣ его. О своей болѣзни. О Карамзинѣ и началѣ Истории Государства Россійскаго; о преобразованіи, ею произведенномъ в Русской Словесности, и о приѣмѣ ея у насъ и за границею. О свѣтъ сочиненіяхъ. Въ Москвит. 1844, I, 251 — 261. См. Указатель Бартенева, стр. 54).

3. Знакомство Дмитріева съ Карамзинымъ. Москвит. 1844, I, 31 — 38.

4. Въ Словарѣ Достоп. людей Бантышъ-Каменскаго, ч. II (См. 1847) сообщена біографія Карамзина «изъ разсказовъ и записокъ сообщенныхъ другомъ его, И. И. Дмитріевымъ.»

5. Отрывокъ, относящійся ко времени восшествія на престолъ Императора Александра I, находится въ статьѣ А. Н. Афанасьева въ Русск. Вѣстникѣ 1860 г., N. 1.

ДОЛГОРУКАЯ Княгиня Наталія Борисовна (р. 1714, у. монахинею въ 1771).

Урожденная Кн. Шереметева, въ замужствѣ за Княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ (ум. 1739).

Въ статьѣ П. Пекарскаго: «Русскіе мемуары XVIII вѣка», въ Современникѣ т. 50 (1855, N. 4), на стр. 67 сказано: «Записки составленныя ею, въ первый разъ напечатаны въ 1810 году въ варшавской книжкѣ «Друга Юношества.» Въ концѣ ихъ прибавлены

нѣсколько словъ о послѣдующей судьбѣ ея и между прочимъ сообщенъ извѣстный анекдотъ объ обручальномъ кольцѣ, брошенномъ ею наканунѣ смерти въ Днѣпръ.

«Издатель Друга Юношества, Невзоровъ, увѣряетъ, что внукъ ея, Кн. Ив. Мих. Долгорукой, прислалъ къ нему самую вѣрную копію съ хранящагося у него подлинника, тогда какъ авторъ «Сказаній о родѣ Кн. Долгорукихъ,» именно говоритъ, что, къ сожалѣнію, должно замѣтить, что слоги записокъ исправленъ былъ Княземъ Ив. Михайловичемъ.» Теперь подлинныя записки хранятся у правнука сочинительницы, Князя Дм. Ив. Долгорукова. Въ Другѣ Юношества журналъ Княгини заключаетъ описаніе ея молодости до пріѣзда съ мужемъ въ Березовъ.»

О Княгинѣ Долгоруковой есть еще извѣстія въ книгахъ: 1) Плутархъ для прекраснаго пола, ч. 6 и 7 (М. 1819), стр. 95—128; 2) К. Арсеньева. Царствованіе Петра II, стр. 130, 148; 3) Автобіографія Князя Ив. М. Долгорукова, въ Москвитянинѣ 1844, N. 11; 4) Сказаніе о родѣ Князей Долгоруковыхъ, гдѣ перепечатаны записки изъ Друга Юношества.

ДОЛГОРУКІЙ Князь Иванъ Михайловичъ (р. 1764. у. 1823).

1. Записки Князя И. М. Долгорукова (1775—1778) въ Москвитянинѣ 1845, N. 2, стр. 21 — 43, доставлены Кн. П. И. Долгоруковымъ. Они любопытны подробностями о Моск. Университетѣ; окончанія ихъ еще не издано; а начало съ 1764 г.: «Автобіографія отца моего,» находится въ Москвит. 1844 г., N. 11. Объ этихъ запискахъ см. замѣчанія П. П. Пекарскаго въ Современникѣ т. 30 (1855 г., N. 4), отд. II, стр. 79 — 80. Отрывокъ въ сочиненіяхъ Князя, изданныхъ Смирдинымъ (Спб. 1849), т. II, стр. 485. Еще отрывки помѣщены въ книгѣ:

2. Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой и его сочиненія. Статья первая. Его жизнь и характеръ, мои воспоминанія, Мих. Дмитриева. М. 1851, 8 (Изъ Москвит. 1851 г., N. 3).

На стр. 277 сказано: «Съ 1788 Князь Долгорукой началъ собирать свои стихи, которые писалъ съ оснадцатилѣтняго возраста, и въ томъ же году началъ писать исторію своей жизни или свои записки; ибо онъ съ самой молодости каждый, немного для себя важный, случай вносилъ въ записную книжку.»

**ДОЛГОРУКІЙ Князь Юрій Владиміровичъ (р. 1738.
у. 1830, Членъ Госуд. Совѣта).**

Записки Князя Юрія Владиміровича Долгорукова съ собственноручнымъ его свидѣтельствомъ. Рукопись, упомянутая въ исчисленіи приобрѣтеній Императорской Публичной Библиотекѣ отъ М. П. Погодина, въ Отчетѣ Библиотекѣ за 1852 г. (Спб. 1853), стр. 52

П. Пекарскій въ статьѣ: «Русскіе мемуары XVIII вѣка,» въ Современникѣ, т. 50 (1855, N. 4), отд. II, на стр. 77, указываетъ, что подлинникъ записокъ хранится у Кн. П. В. Долгорукова, который и напечаталъ изъ нихъ отрывки въ Сказаніяхъ о родѣ Князя П. Долгорукова (стр. 287 — 337), а въ Публичной Библиотекѣ копія.

Кромѣ этихъ записокъ, въ Публичной же Библиотекѣ, какъ видно изъ замѣчанія П. Пекарскаго, въ Современникѣ, т. 50 (1855, N. 4, на стр. 77) есть также рукопись: «Журнальныя записки происшествій во время экспедиціи Его Сіятельства Кн. Ю. В. Долгорукова отъ арміи Генералъ Маіора, въ Черную Гору, для учиненія отсюда въ Албаніи и Босніи непріятелю диверсіи.» Рукопись эта (на 39 л., по Каталогу Публичной Библиотекѣ, отд. IV, Q. N. 40) имѣетъ много любопытнаго въ историческомъ отношеніи.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ Иванъ Аванасьевичъ (р. 1638, у. 17..).

Записки его (1792—1709). писанныя въ видѣ дневника, издавы:

1. Туманскимъ, въ его Собраніи разныхъ записокъ и сочиненій для жизни Петра Великаго, ч. VII, стр. 88 — 290.

2. Дм Языковымъ: Записки Желябужскаго съ 1682 по 2 Іюля 1709. Спб. 1840 (См. Рецензію въ Отеч. Запискахъ, т. X 1840, отд. V стр. 62 — 70).

3. И Сахаровымъ, въ книгѣ: Записки Русскихъ людей. Сиб. 1841.

Объ немъ и его запискахъ см. Пекарскаго статью: «Русскіе мемуары XVIII вѣка,» въ Современникѣ, т. 51 (1855 г., N. 5), отд. II, стр. 50 — 57.

ЖИХАРЕВЪ Степанъ Петровичъ (у. 1860).

Записки современника съ 1805 по 1819 годъ. Часть вникъ студента. Спб. 1859, 12, II и 400 стр.

Печатались въ Москвитянинѣ, съ 1853 года (т. III — (кн. I и V). Въ 4-й части, веденной въ Москвѣ съ

26 Июля 1806, описывается Московская жизнь и тто въ Липецкѣ автора, бывшаго тогда студентомъ и занятаго въ особенности театромъ, въ которому и относятся преимущественно эти записки. Продолженіе, «Дневникъ чиновника,» веденный Жихаревымъ въ Петербургѣ въ 1807 году, печатался въ Отеч. Запискахъ 1855 (т. 110 — 102, гдѣ также помѣщены его же «Воспоминанія стараго театралла (1854 г., N. 10 и 11).

ИЗМАЙЛОВЪ Владиміръ Васильевичъ (р. 1773, у. 1830).

Измайловъ, писатель Карамзинской эпохи. вель дневникъ, который, говорятъ, находится у писателя Бор. Ник. Оедорова.

КОНОВНИЦЫНЪ Графъ Петръ Петровичъ (ум. 1822),
Генералъ отъ Инфантеріи.

О существованіи его записокъ есть указаніе Григ. Алексан Милорадовича въ N. 19 Библиографическихъ Записокъ 1858, стр. 443.

КОНОНОВЪ Александръ Акинѳіевичъ.

1. Изъ Записокъ его отрывокъ въ Библиографическихъ Запискахъ, т. II (1859, N. 10), стр. 305 — 312, перепечатанный въ Моск. Вѣдомостяхъ.

Здѣсь говорится о Кн. Шаховскомъ, В. А. Пушкинѣ, Хмельницкомъ и С. Н. Глинкѣ.

2. Захарьинъ. Изъ записокъ его, въ Моск. Вѣдомостяхъ 1859 г., N. 190.

3. Оедоръ Ивановичъ Лвиденеръ, и На ординарцахъ у Суворова въ Прагѣ. Въ Русск. Бесѣдѣ, кн. 19 (1860, N. 1), стр. 61—80.

4. По поводу статьи Полевоиъ въ Русск. Вѣстникѣ. Въ Русск. Словѣ 1860, N. 8, смѣсь, стр. 76 (Анекдоты о С. Н. Глинкѣ).

Воспоминанія о 1812 и 1813 годахъ. Въ Читеніяхъ въ Импер. Общ. Истор. и Древ. Росс. 1860, кн. 3, смѣсь, стр. 223 — 237.

КОРЖЪ Никита Леонтьевичъ (р. 1734, у. 1835).

Устное повѣствованіе бывшаго Запорожца, жителя Екатеринославской губерніи и уѣзда, селенія Михайловки, Никиты Леонтьевича Коржа. Одесса. Въ городской тип. 1842, 8, 6 (непомѣченныхъ); и 94 стр. Записано и издано Гавриломъ, Дурманскимъ, Гаврилическимъ и Гаврилическимъ, со словъ Н. А. Коржа Запорожца, жителя Екатеринославскаго уѣзда, села Михайловки.

Содержаніе этихъ любопытныхъ записокъ слѣдующее: 1. Предисловіе издателя. О жизни Коржа. О началѣ села Михайловки. Права Запорожскія и законы. О смертныхъ казняхъ преступниковъ. О Запорожскихъ обычаяхъ и обрядахъ. Объ атакованіи Сѣчи. О началѣ г. Екатеринослава. О путешествіи Екатерины II. О редутахъ и фигурахъ Запорожскихъ. О стародавнихъ Запорожскихъ селеніяхъ, бывшихъ еще до атакованія Сѣчи.

КРЕКШИНЪ Петръ Никифоровичъ (р. 1784. у. 1763).

Объ немъ и сказаніи его о Петрѣ Великомъ говорится въ статьѣ П. Пекарскаго: «Русскіе мемуары XVIII вѣка», въ Современникѣ, т. 51 (1835. N. 5), отд. II, на стр. 29 — 38. Смотри также въ 1-мъ томѣ Исторіи царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова, стр. XI. Первая часть его записокъ, отъ рожденія Петра до Сентября 1694. напечатана въ «Запискахъ Русскихъ людей», издан. И. Сахаровымъ (Спб. 1841).

КУРБСКІЙ Князь Андрей Михайловичъ.

Исторія Князя Великаго Московскаго (Іоанна IV) о дѣлѣхъ. яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашими, въ «Сказаніяхъ Князя Курбскаго.» изданныхъ Н. Г. Устряловымъ въ 1833 г. (въ двухъ томахъ, 8, Спб., вторично въ 1842 г. (въ одномъ томѣ, въ больш. 8 д. л., изданіе исправленное и дополненное, Спб., въ типографіи Императ. Академіи Наукъ, съ портретомъ Грознаго).

ЛАНЖЕРОНЪ Графъ Людовикъ (Александръ Ѳедоровичъ. р. 1763. у. 1831).

Біографія Графа, родомъ Швейцарца, служившаго въ Россіи съ 1790 по 1831, въ «Словарѣ Достоп. людей Бантышъ Каменскаго,» ч. II (Спб. 1847), составлена по Запискамъ Графа, изъ которыхъ мѣстами сообщены отрывки. Въ концѣ біографіи (стр. 263) сказано, что бумаги Графа были сообщены автору г-мъ Полковникомъ Андро.

ЛЕВЕНШТЕРНЪ.

Въ книгѣ Милютина: «Исторія войны Россіи съ Франціею въ ц. Императора Павла I, въ томѣ 4-мъ, въ числѣ источниковъ (стр. 425) находимъ: «Записки (Мемуары) Г. М. Левенштерна. Ходъ»

записки эти не предназначены для публики, однако же беру смѣлость упомянуть о нихъ; ибо читатели найдутъ ссылки на этотъ источникъ въ нѣкоторыхъ главахъ моего сочиненія. Почтенный авторъ имѣлъ благосклонность дозволить мнѣ прочесть ту часть рукописи своей, гдѣ рассказываетъ онъ событія 1799 года. Служивъ въ то время молодымъ еще офицеромъ въ Кирасирскомъ полку Воинова (Стародубскомъ), г. Левенштернъ былъ очевидцемъ отступленія корпуса Римскаго-Корсакова отъ Цюриха и послѣдующихъ дѣйствій его; а потому показанія его весьма важны, какъ человѣка наблюдательнаго и образованнаго.»

Подробностей о Левенштернѣ и его запискахъ болѣе не находимъ въ этой книгѣ. Онъ только упомянутъ въ рассказѣ о сраженіи 26-го Сентября при Дисенгофѣ (гл. 64).

Вѣроятно, эти записки изданы на Нѣмецкомъ: D. Löwenstern's Waldemar. Denkwürdigkeiten eines Livländers. Aus den Jahren 1790—1815. Herausg. von Smitt. Leipzig u. Heidelberg. 2 Bd. 1858, 8°.

ЛИВЕНЪ Баронесса Дарья Христіановна, урожденная Бенкендорфъ.

Въ Мѣсяцословѣ 1858 годъ (стр. 261) сказано, что она оставила записки о своей жизни.

ЛОПУХИНЪ Иванъ Владиміровичъ (р. 1756, у. 1816).

Объ его запискахъ упомянулъ Митрополитъ Евгеній въ своемъ «Словарѣ Свѣтскихъ Писателей» (II, 36), и привелъ отрывки Бантышъ Каменскій въ «Словарѣ достоп. людей», т. III (М. 1836) стр. 210 и сл. Записки эти любопытны свѣдѣніями о Новиковѣ и его дѣлѣ и рассказомъ о слѣдствіи надъ Духоборцами. Изъ нихъ также заимствованы свѣдѣнія о Лопухинѣ въ статьѣ Воейкова: «Воспоминанія о селѣ Савинскомъ и о добродѣтельномъ его хозяинѣ,» въ Новостяхъ литерат. 1825, Май, стр. 65—90, и сообщены выписки въ статьяхъ о Новиковѣ А. М. Лазаревскаго въ Сборникѣ, изд. Спб. студентами (Спб. 1857), I, 324, и А. Н. Аванасьева въ Библиографическихъ Запискахъ, т. I (1858, N. 6). Настоящее заглавіе ихъ:

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Д. Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. Въ 2-хъ частяхъ. Напечатаны въ Чтеніяхъ въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Росс., въ Москвѣ, 1860 г., кн. 2-й 3-й, и особо,

О. М. Бодянскимъ, съ собственноручнаго подлинника, присланнымъ сочинителемъ въ Декабрѣ 1810 г. въ Архивъ Государственной Коллегіи (нынѣ Московскій Архивъ Министерства) Иностранныхъ Дѣлъ «Изъ нихъ ни одно мѣсто, ни одно выраженіе, даже слово не исключены, но все въ нихъ именно въ томъ самомъ видѣ, какъ въ подлинникѣ,» оказано въ предисловіи издателемъ оныхъ.

Биографія Лопухина. А. Н. Афанасьева, въ Архивѣ Калужскомъ 1860 года.

МАРКОВИЧЪ Яковъ Андреевичъ (р. 1696, у. 1770).

Дневныя записки съ 1716 по 1768 годъ Малороссійскаго Подскарбія Генеральнаго Якова Марковича. Изданіе Александра Марковича. 2 ч. М. 1859, 8, XIV, 520 и 415 стр. съ портретами Я. А. Марковича и Н. М. Скоропадской, супруги Гетмана.

Марковичъ, воспитанникъ Кіевской Академіи, занималъ довольно значительныя должности въ Малороссіи, записывалъ большею частию мелочныя обстоятельства, переписывалъ указы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ оставилъ намъ много указаній о разныхъ лицахъ и случаяхъ, чертъ нравовъ, хронологическія данныя и цѣнный матеріалъ для Исторіи Малороссіи. Впрочемъ, записки эти изданы не въ подлинномъ ихъ видѣ.

Статья объ этой книгѣ: 1) М. Семеваго, въ Библіотекѣ для чтенія, т. 158 (1860, N. 4); 2) въ Современникѣ, т. 81 (1860, N. 5).

МАТВѢЕВЪ Графъ Андрей Артамоновичъ (р. 1766, у. 1728).

Объ немъ и его запискахъ см. въ статьѣ П. Пекарскаго въ Современникѣ, т. 51 (1855, N. 5), II, 38—50. Объ нихъ также сообщены свѣдѣнія въ книгахъ: 1) Труды Общества Исторіи и Др. Росс (статья Малиновскаго), ч. 6, стр. 33—99 и 261—275; 2) Терещенка Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностр. дѣлами въ Россіи, ч. I (Спб. (1837), стр. 71—121 и 237—252; 3) Исторія о невинномъ заточеніи боярина Артамона С. Матвѣева, стр. 392—397; 4) Бантыша-Каменскаго Словарь, ч. 3 (М. 1836), стр. 287 — 300; 5) С. Н. Глинки Русскій Вѣстникъ, 1808, N. 1, и 1809, N. 5.

Записки его о Стрѣлецкомъ бунтѣ напечатаны были: 1) Тунавскимъ въ Собраніи разныхъ записокъ и сочиненій о Петрѣ Великомъ, ч. I. (Спб. 1787), стр. 110 — 229, и ч. VI; 2) Сахаровымъ въ книгѣ: Записки Русскихъ людей, Спб. 1841. и 3) въ журналѣ Маякъ ч. XIV и XV (1841 г.), безъ имени автора.

МЕДВѢДѢВЪ Сильвестръ, монахъ (у. 1690).

Записки его, относящіяся до Стрѣлецкаго бунта, напечатаны Сахаровымъ въ книгѣ, изданной въ 1841 въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: Записки Русскихъ людей. Событія временъ Петра Великаго, въ тип. Сахарова, 8. Есть списки болѣе полные, нежели напечатанный.

МЕНШИКОВЪ Князь Александръ Даниловичъ (р. 1673, у. 1729).

Въ Отеч. Запискахъ, Свинына, т. 6 (1821), стр. 364 сказано: «Въ Моск. Архивѣ Государственной Коллеги Иностранныхъ Дѣлъ хранится въ оригиналѣ журналъ Князя А. Д. Меншикова, веденный разными приближенными къ нему особами, какъ то можно полагать по разности рукъ, въ немъ примѣчаемыхъ. Онъ состоитъ изъ осьми большихъ книгъ, начатъ въ 1716 году и продолжается до 8 числа Августа 1727 года, т. е., оставленъ только за мѣсяць до паденія сего знаменитаго вельможи.»

Для образчика сообщена выписка изъ трехъ послѣднихъ дней журнала, стр. 365—366.

МИНИХЪ Баронъ Бурхардтъ Христофоръ (р. 1683, у. 1766).

Въ Раутѣ, кн. 3 я, сборникъ, изд. Н. В. Сушковымъ (М. 1854, стр. 201—203), изъ бумагъ Храповицкаго напечатана выписка, сдѣланная имъ для И. Екатерины, о содержаніи или главнѣйшихъ предметахъ дневника, веденнаго Минихомъ съ 1-го Генваря 1733 по 1741. Изъ этого краткаго перечня видно, что эти записки очень важны и любопытны. Но гдѣ онѣ теперь?

Дневникъ его похода въ Крымъ въ 1735—1736 г. изданъ подъ его именемъ въ книгѣ: *Beiträge zur Geschichte des Russ. Reichs, von Hergmann, Leipzig, 1843, 8.* Если это точно дневникъ Миниха, на что нѣтъ положительныхъ указаній, то это, можетъ быть, часть рукописи, указанной въ Раутѣ. По извѣстію же, сообщенному мнѣ Академикомъ А. А. Куникомъ, дневникъ этотъ веденъ былъ Юнкеромъ, членомъ Спб. Академіи Наукъ.

МИНИХЪ Графъ Іоаннъ Эрнестъ Д. Т. Сов. (р. 1707, у. 1788).

Записки Графа Миниха, сына Фельдмаршала; писанныя имъ для дѣтей своихъ. Спб. 1817. Въ тип. Н. Греча, 8, 233 стр.

**МУСИНЪ-ПУШКИНЪ Алексѣй Ивановичъ (р. 1744,
у. 1817 г.).**

Графъ, служившій въ молодости въ военной службѣ, потомъ при Дворѣ Церемоніймейстеромъ, бывшій Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода (съ 1791 г.), Президентомъ Академіи (1796), Сенаторомъ, извѣстный собиратель древностей, издатель нѣсколькихъ историческихъ памятниковъ, по указанію К. Ѳ. Калайдовича, велъ дневникъ. Вотъ это указаніе: *

«Со времени увольненія его въ чужіе края, то есть, съ 1772 года, началъ онъ повседневною записку о всемъ, гдѣ былъ и что любопытнаго замѣтилъ, а особливо касательно художествъ, которую и продолжалъ до возвращенія своего въ отечество. Потомъ вторично началъ со вступленія его къ Высочайшему Двору въ должность Церемоніймейстера, то есть, съ 1775 года, вносилъ въ оную всѣ, до свѣдѣнія его доходившія, историческія и политическія происшествія и анекдоты.»

Собраніе рукописей и книгъ Графа почти все сгорѣло въ 1812 году, въ Москвѣ. Въ статьѣ Калайдовича ничего не сказано о судьбѣ его записокъ.

НАЦОКИНЪ Василій Александровичъ (р. 1707, у. 1761).

Записки В. А. Нацокина (1712—1759). Спб. Въ тип. Академіи Наукъ, 1842, 8, 384 стр.

Издаль Д. Языковъ, писаны официальнымъ тономъ, законически; въ нихъ находимъ подробности о семействѣ Нацокина, извѣстія иностранныя, реляціи о движеніяхъ войскъ. Въ приложеніяхъ нѣсколько актовъ и любопытныхъ примѣчаній издателя.

МОРДВИНОВЪ Семень Ив. Адмиралъ (р. 1700, у. 1777).

Оставилъ Записки о своей жизни и службѣ, хранящіяся въ Библиотекѣ Гидрографическаго Департамента подъ N. 10,792. Это указано въ Запискахъ Департамента ч. 6, стр. 429, въ біографіи Мордвинова.

* Изъ статьи: Записки для біографіи Графа М. П. въ Вѣстникѣ Европы (1813 г. N. 21 и 22), стр. 77.

НЕВЗОРОВЪ Максимъ Ивановичъ (р. 1762 или 1763, у. 1827).

Отрывокъ Записокъ его (1817 года), по О. А. Поздѣву, о Московскомъ масонствѣ и опроверженіе книги Блуменека о свободн. каменщицествѣ, напечатанъ былъ въ Библиографическихъ Запискахъ, т. I, (1858 г. N. 21), стр. 643 и слѣд. Подробная біографія Невзорова сообщена П. А. Безсоновымъ въ Русск. Бестѣдѣ, т. III (1856 г.).

НЕПЛЮЕВЪ Иванъ Ивановичъ (р. 1693, у. 1773).

Записки Неплюева о Петрѣ Великомъ напечатаны: 1) въ Дѣянiяхъ Петра Великаго, Голикова, изд. 2-е, т. XV, стр. 248—270) сокращенно, и 2) Свиньимъ въ Отеч. Запискахъ части XV, XVI, XIX, XX, XXI, XXII, XXIV и XXV (1823 — 1826 годовъ).

Объ нихъ говоритъ Пекарскій въ статьѣ: «Русскіе мемуары XVIII вѣка», въ Современникѣ, т. 50 (1855, N. 4), отд. II, стр. 63—66. На стр. 65 онъ замѣчаетъ: «Не смотря на увѣреніе Свиньина, что онъ напечаталъ ихъ безъ перемѣнъ, можно сомнѣваться въ этомъ, какъ по тому, что нѣкоторые мѣста, помѣщенные у Голикова, не сходны по складу и манерѣ съ тѣми, которые читаемъ въ Отеч. Запискахъ, такъ и по тому, что языкъ записокъ у Свиньина, за исключеніемъ немногихъ Славянскихъ словъ и нѣкоторыхъ выраженiй, мало напоминаетъ время, въ которое жилъ ихъ авторъ.»

ПЕТРОВЪ М. М.

1. Черта изъ войны 1812 года. Изъ записокъ М. М. Петрова Въ Москвитянинѣ 1844, т. I, стр. 269 — 270.

2. Разказы стараго война о его службѣ (Извлеченіе изъ записокъ Воронежскаго дворянина М. Петрова). Въ Москвитянинѣ 1843 г. (ч. III), кн. V, стр. 126 — 160, и кн. VI, стр. 442 — 500.

П. И Бартеневъ, въ своемъ Указателѣ къ Москвитянину (во Временникѣ Общества Ист. и Др. Росс., кн. 21, 1855 года), такъ обозначаетъ содержаніе записокъ: «О службѣ предковъ и родственниковъ. Подробности о Генералѣ Львѣ Антиповичѣ Тургеневѣ (1828), о Лейбъ-Медикѣ Вилье, объ Александрѣ Яковлевичѣ Сукинѣ, Комендантѣ Спб. крѣпости, о Денисѣ Васил. Давыдовѣ, о Генералѣ Карпенковѣ и проч.»

И. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Журналъ или подневная записка блаженный и вѣчностойныя памяти Государя Императора Петра Великаго 1698 года даже до заключенія Нейштатскаго мира. Напечатанъ съ обрѣтающихся въ Кабинетной архивѣ спискахъ, правленныхъ собственною рукою Е. И. Величества Спб. въ тип. И. Акад. Наукъ. Ч. I (1770) неполн. и 430 стр. Ч. II (1772), 191 стр. и «Приложенія или оправдательныя 3 тома,» съ предувѣдомленіемъ до 763 стр. Объ нихъ см. Петарскаго статью: «Русскіе мемуары XVIII вѣка», въ Современникѣ т. 51 (1855, N. 5), отд. II, стр. 57 — 62; на стр. 54 читается «По повелѣнію Государя, Кабинетъ-Секретарь Макаровъ составилъ изъ черновыхъ записокъ Государя и доставленныхъ отъ разныхъ лицъ документовъ, Сборникъ извѣстій о войнѣ съ Швеціею, и внесъ его на разсмотрѣніе Петра. Шестъ разъ трудъ Макарова подвергался собственноручнымъ передѣлкамъ Императора и въ такомъ видѣ остался въ бумагахъ послѣ смерти его. При Екатеринѣ I эта часть Журнала, обнимающая событія съ 1698 по 1715 г. приготовлялась къ печати, но, неизвѣстно по чему, не была издана. Наконецъ Щербатовъ, по порученію Екатерины II, разобралъ бумаги въ Кабинетѣ покойнаго Государя и издалъ какъ эту часть, такъ и другую, съ прибавленіями, съ 1715 г. до Нейштатскаго мира, т. е. 1721 года.» Смотри объ этомъ весьма важномъ историческомъ источникѣ въ 1 т. Исторіи царствованія Петра Великаго, Устрялова. Въ статьѣ его же объ историч. трудахъ Петра Великаго, помѣщенной въ книгѣ: «Годичный актъ въ И. Спб. Университетѣ, бывшій 1 Феврала, 1845,» стр. 41 — 60.

ПЛАТОНЪ Митрополитъ (р. 1737. у. 1812).

1. Записки Митрополита Платона находились у М. П. Вегодина и поступили въ И. Публичную Библиотеку. См. Отчетъ за 1852 г., стр. 52.

2. Въ Москвитинѣ 1849 года, книга IV, стр. 27 — 40; XIII, 1 — 24. XVIII, 31 — 41; XXIV, 69 — 79 напечатана: Жизнь Платона, Митрополита Московскаго. Это есть собственныя его записки, начинающіяся съ рожденія и до 25 марта 1799 года.

3. Путешествіе Высокопреосвященнѣйшаго Платона, Митрополита Московскаго и разныхъ орденовъ Кавалера, въ Кіевъ и по другимъ Россійскимъ городамъ въ 1804 году.

собственною рукою съ замѣчаніями его писанное. Издѣніемъ бывшаго при особѣ его Кол. Секретаря и Кавалера Г. Новосильскаго. Спб. въ Медіц. тип. 1843, 8, 76 стр.

ПОРОШИНЪ Семень Андреевичъ (р. 1741, у. 1769).

Семена Порошина Записки, служащія къ Исторіи Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, Наслѣдника Престола Россійскаго. Спб. Въ тип. К. Крайя 1844, 8, 563 и XVIII стр., съ портретомъ автора, спискомъ съ автографа Павла Петровича и двухъ писемъ Митрополита Платона.

Семень Андреевичъ Порошинъ, Дворянинъ, уроженецъ Кунгура, воспитанникъ Кадетскаго Корпуса, Флигель-Адъютантъ И. Петра III-го, 28 Іюня, 1762, назначенъ былъ Кавалеромъ или Дядькою при В. К. Павлѣ Петровичѣ, и, намѣреваясь писать біографію Государя, велъ краткій дневникъ съ 20 сент. 1764 по 13 Января 1766 года. Въ 1768 году онъ былъ назначенъ Командиромъ Старооскольскаго пѣхотнаго полка и на походѣ въ Турцію умеръ на 29 году жизни.

Отрывокъ изъ его записокъ былъ въ Вѣстникѣ Европы ч. 52, (1810 г., N. 15), стр. 193.

Записки изданы В. Порошинымъ, Профессоромъ Спб. Университета и писателемъ (Спб. Въ т. Крайя 1844, 8), съ немногими пропусками, если сравнить ихъ съ рукописью, хранящеюся въ Московскомъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

ПУЩИНЪ Иванъ Ивановичъ (р. 1798, у. 1859).

Въ Библиографическихъ Запискахъ, т. II (1859 г., N. 8), стр. 251 Е. Якушкинъ впервые повѣстилъ, что «послѣ покойнаго остались записки, большая часть которыхъ посвящена воспоминаніямъ о Лицеѣ и о Пушкинѣ. Симпатическая личность автора, его трагическая судьба, безпристрастіе и теплота разсказа, даютъ этимъ запискамъ особенное значеніе.»

Отрывокъ изъ нихъ, о дружественныхъ связяхъ его съ Пушкинымъ, былъ напечатанъ въ Атенѣ 1859 г., т. II, стр. 500—537.

РАСТОПЧИНЪ Графъ Ѳедоръ Васильевичъ (р. 1765, у. 1826).

Путешествіе по Пруссіи, отрывокъ изъ Записокъ, напечатанъ въ Москвитинѣ 1849, N. 1, 10, 13, 15. Въ сочиненіяхъ Графа, изд. А. Смирдинымъ, нѣтъ его.

Подлинникъ находится въ числѣ рукописей И. Публичной Библиотеки (См. Отчетъ ея 1852, стр. 52).

По свидѣтельству А. Я. Булгакова, * Графъ оставилъ Записки о своей жизни. Можетъ быть, извѣстіе о смерти И. Екатерины II, напечатанное въ Лейпцигѣ и въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Истор. и Древ. Росс. 1860 года, отд. V, стр. 165 — 166, кн. 3 «подъ заглавіемъ: «Послѣдній день Императрицы Екатерины II-й и первый день царствованія Императора Павла 1-го,» есть отрывокъ изъ нихъ.

ТАРАКАНОВА.

Въ краткой описи предметовъ, составляющихъ Русскій музей П. Свинына (въ его Отеч. Запискахъ, т. 39-й, 1829 г. N. 111) на стр. 68 упомянуты:

Записки такъ называвшейся Принцессы Таракановой.

Это, вѣроятно, не что иное, какъ извѣстія о ней, взятая изъ иностранныхъ печатныхъ источниковъ и хранившіяся во многихъ собраніяхъ рукописей. Въ Русск. Бесѣдѣ 1839 г., кн. 6-я, напечатана записка и письма объ ней Графа Орлова, а за тѣмъ статья о ней М. Н. Лонгинова въ Русск. Вѣстникѣ 1860, N. 2.

ТАТИЩЕВЪ.

Въ Отеч. Запискахъ, П. Свинына, ч. 39 (1829 г.), стр. 65, сказано о Запискахъ Капитанъ-Командора Татищева, время Анны Ивановны, которыя были въ музеѣ Свинына. Куда они дѣвались?

Это могли быть записки Алексѣя Даниловича Татищева (1760), бывшаго при Аннѣ Ивановнѣ Д. Каммергеромъ и устроившаго памятный ледяной домъ, а при Елисаветѣ Петровнѣ назначеннаго Генералъ-Поручникомъ и Генералъ-Полиціймейстеромъ и наконецъ Генералъ-Аншефомъ (См. Словарь Бантышъ-Каменскаго, Петерб. изданія, ч. III, стр. 394).

ТИМКОВСКІЙ Илья Ѳедоровичъ.

Мое опредѣленіе въ службу. Въ Москвитинѣ 1852 года.

«Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны драгоценныя во всѣхъ отношеніяхъ, и особенно для Исторіи нашего просвѣщенія, Записки Директора Новгородъ-Сѣверской Гимназіи, Ст. Сов. Ильи Ѳед. Тимковскаго»

* См. Отеч. Записки, т. 26 (1826 г.), стр. 79.

ковскаго. Они состоятъ изъ трехъ частей. Въ 1-ой описано первоначальное дѣтство и ученіе въ Переяславской Семинаріи; во 2-й пребываніе въ Кіевской Академіи и въ Моск. Университетѣ; въ 3-й поступленіе на службу въ С. Петербургѣ, при посредствѣ И. И. Шувалова. Въ послѣдней части изложены подробности о частной жизни Шувалова. Разказы Шувалова о Ломоносовѣ, о Моск. Университетѣ, о пребываніи своемъ за границею, о Екатеринѣ и пр. и объ его обществѣ (Державинѣ). Дмитріевѣ, Козодавлевѣ, Шишковѣ, Оленинѣ и друг.). Каждое слово тутъ драгоцѣнно, какъ чистое историческое золото. Записки писаны справедливо и ясно, прекраснымъ стариннымъ слогомъ. Авторъ, недавно умершій, писалъ ихъ уже въ преклонной старости, въ 1850 и 1857 годахъ, въ Малороссійской деревнѣ своей, Турановкѣ. Въ дополненіе къ 3 части (самой любопытной) находится особая замѣтка объ Александрѣ Борисовичѣ Куракинѣ, при которомъ авторъ служилъ Секретаремъ.» Записки помѣщены въ Москвит. 1852, кн. XVII, стр. 1—26 и XVIII, 27—69. Изъ Указателя къ Москвитянину, изданному П. И. Бартеневымъ при Временникѣ Общества Ист. и Др. Росс. т. 21, на стр. 42). Памятникъ Ивану Ивановичу Шувалову, основателю и первому Куратору Импер. Моск. Университета. Въ Москвитянинѣ 1851 г., кн. 9 и 10 (Май), стр. 1—49). Разказы о Моск. Профессорахъ и Университетѣ, продолженіе записокъ Ильи Ѳ. Тимковскаго.

ФОНЪ-ВИЗИНЪ Денисъ Ивановичъ (р. 1744, у. 1792).

Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помысленіяхъ. Въ его сочиненіяхъ. изд. Смирдина. Спб. 1846, стр. 479—516.

Прежде было напечатано въ Спб. Журналѣ 1798 г.

ХАНЕНКО Николай Давиловичъ, Генеральный Хоружій (у. 1760 г.).

Извѣстіе о семейномъ Архивѣ Господъ Ханенковъ, въ Москвит. 1852 г., N. XIX, стр. 96. Здѣсь говорится о Дневникѣ Николая Давиловича Ханенка, который оставилъ собственно два Дневника; одинъ изъ нихъ:

Діаріушъ или Журналъ, т. е., повседневная записка случающихся при дворѣ Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра Гетмана Іоанна Скоропадскаго, оказій и церемоній, съ Генваря 1722 по 6 Іюня того же года, веденный Войсковою

Канцеляріи Старшимъ Канцеляристомъ Николаемъ Ханенкомъ, напечатанъ въ 1 кн. Чтеній въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Россійск. 1858 г., въ V отд. (и отдѣльно), съ Историч. свѣдѣніемъ о сочинителѣ издателя (О. М. Бодянского), XXI и 74 стр. О другомъ Діаріушѣ или Журналѣ, веденномъ подъ именемъ Партікулярнаго Журнала или для памяти повседневной записки съ 9-го Ноября 1719 по 29 Генваря 1754 г., сказано въ этомъ же свѣдѣніи, что онъ содержитъ въ себѣ много чрезвычайно любопытныхъ извѣстій, хотя и меньше обработанъ перваго Діаріуша, и готовится къ печатанію въ Чтеніяхъ тѣмъ же самымъ издателемъ.

ХРАПОВИЦКІЙ Александръ Васильевичъ (р. 1749, у. 1801).

Его Записки (съ 18 Генваря 1782 по 1 Августа, 1786), писанныя имъ, когда онъ былъ Статсъ-Секретаремъ при И. Екатеринѣ II, помѣщены въ Отечественныхъ Запискахъ, П. Свиньина, 1821 — 1828 годовъ, части 7, 18, 20, 21, 24, 27, 31 и 33.

Записки эти напечатаны неполнѣ.

Въ предисловіи помѣщено краткое біографич. извѣстіе о Храповицкомъ. Біографія его есть также въ Словарѣ достоп. людей Бантыша-Каменскаго, т. III (1849); кромѣ того статья о немъ, съ отрывками изъ его бумагъ (стихи и проза), писанная его племянникомъ, Н. В. Сушковымъ, напечатана въ изданномъ имъ сборникѣ: Раутъ, книга III (М. 1854), стр. 125 — 162. Въ Москвитинѣ 1844 г., N. 11, помѣщено извѣстіе о сохранившихся у Н. В. Сушкова бумагахъ Храповицкаго. О напечатанныхъ запискахъ Храповицкаго см. также Указатель статей въ Отечеств. Запискахъ, составл. А. Н. Аванасьевымъ, въ Архивѣ, изд. Калачовымъ, книга II, половина II (М. 1854), приложение II, стр. 35 — 37. Старчевскій, въ своемъ Очеркѣ литературы Русской Исторіи (Спб. 1845), на стр. 258, пишетъ, что подлинныя записки Храповицкаго, въ 2 ч., поднесены были Н. В. Сушковымъ Государю Наслѣднику. Списки ихъ находятся у многихъ, но вѣрнѣйшіе, по увѣренію самаго Сушкова, были у А. И. Тургенева и у Свиньина. Этому послѣднему онъ доставлены П. П. Дмитриевымъ, получившимъ ихъ въ подарокъ отъ Храповицкаго.

Копіи съ этихъ записокъ есть у А. Д. Черткова (См. его Всеобщая Библіотека Россіи, прибавленіе 2-е, N. 1845), стр. 438, и бібліотекѣ Графа А. С. Уварова. Изъ послѣдняго списка нѣсколько

мѣсть сообщены въ Атеней 1858, N. 26, въ Библиографич. Запискѣхъ т. II (1859, N. 5 и 19), въ Русской Рѣчи 1861 г. N. 39, стр. 565 — 568.

ЧИЧАГОВЪ Василій Яковлевичъ, Адмиралъ.

Военныя дѣйствія Россійскаго флота противъ Шведскаго, въ 1788, 89 и 90 годахъ, почерпнутыя изъ дневныхъ записокъ и донесеній Главноначальствовавашаго надъ онымъ, Адмирала Чичагова. Издавъ съ примѣчаніями своими А. Ш. (А. С. Шишковъ). Спб. 1826, 8, 291 стр.

Издатель говоритъ въ началѣ книги, что, по неимѣнію никакихъ подробныхъ о первой кампаніи (1788) свѣдѣній, я опишу оную кратко. Вторая почерпнута изъ записокъ Адмирала Чичагова. Третья тоже, но съ подробнѣйшими обстоятельствами, поелику въ оной былъ я самъ дѣйствующимъ лицомъ и свидѣтелемъ всѣхъ происшествій. Подъ заглавіемъ: Дѣйствіе Россійскаго корабельнаго флота, во время трехъ военныхъ кампаній противъ Шведскаго. Эти записки были напечатаны П. Свиньинымъ, въ его Отеч. Записк. ч. 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24 и 25 въ N. 46, 1824 года, а конецъ въ N. 69 1826 года).

ЧИЧАГОВЪ Павелъ Васильевичъ (у. въ Парижѣ 1 сентября 1849 г., 84 лѣтъ).

1. Relation du passage de la Bérésina par un officier présent à l'affaire l'écrite d'abord en anglais et traduite en français par un anonyme 1814, in 8°; см. Quérard, France litt. t. 9, p. 589. Tzitchagoff. Изъ Bibliotheque russe-anglaise, С. Д. Полторацкаго I, стр. 19.

2. Inedited memoirs of the admiral Chichagoff, въ Foreign quarterly Review. N. 53, Апрель. 1841, vol. 27, стр. 38 — 56.

Отрывокъ на Французскомъ въ Esprit des Revues anglaises, redigé à Paris par Constantin, N. 1, Juillet 1841. I (8), p 12 — 21.

L'Incendie de Moscou et le comte Rostopschine, par l'amiral Tchitschagoff (Extrait de l'Histoire inédite de la campagne de Russie). D'Athenacum Français. de 1855, N. 1.

4. Les mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff. Campagne de la Russie en 1812 contre la Turquie, l'Autriche et la France. Publiés par M. Ch. du Bouzet. Dans la Revue contemporaine. C. XVIII (15 et 31 Mars, 1855).

Перепечатано въ Лейпцигѣ отдѣльною брошюрою.

ШАХОВСКОЙ Князь Яковъ Петровичъ (р. 1705, у. 1777).

Записки Князя Якова Петровича Шаховскаго, писанныя имъ самимъ. 2 ч. М. Въ Т. Всеволожскаго 1810, 8, 259 и 251 стр.; 2 изданіе 2 ч. Спб. Въ Т. Н. Глазунова 1821, 8, 183 и 187 стр. съ портретомъ.

Изданы Ник. Серг. Всеволожскимъ. Есть также жизнь Кн. Я. П. Шаховскаго. М. Въ тип Селивановскаго, 1810, въ 12 д. 1., съ портретомъ. Изданіе Матушкина. Въ Каталогъ Черткова, I (М. 1838) стр. 50 сказано, что это сочиненіе Радищева.

ШИШКОВЪ Александръ Семеновичъ (у. въ 1841 году. 87 лѣтъ).

Краткія записки Адмирала А. Шишкова, веденныя пль во время пребыванія его при блаженной памяти Государь Н. Александръ Первомъ въ бывшую съ Французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну. Изданіе второе. Спб. въ тип. Росс. Академіи, 1832, 8, 12 неп., 299 и II стр.

1 изд. тамъ же, 1831, 8.

Нѣмецкій переводъ: *Memoiren des Admirals Chichkoff... aus dem russ. von Karl Goldhammer. Leipzig. 1832, 8.*

«Пятнадцать памятныхъ тетрадей А. С. Шишкова» неизвѣстнаго содержанія, упомянуты въ числѣ пріобрѣтеній И. Публичной Библіотеки, въ Отчетѣ ея за 1852 г., стр. 53.

ЩЕРБАТОВЪ Князь Михайло Михайловичъ (р. 1733. у. 1790).

Оставшіяся отъ извѣстнаго нашего историка бумаги, между которыми были разныя статьи о Россіи и историческія записки его (о поврежденіи нравовъ въ Россіи), открыты были и частію изданы М. П. Заблочкимъ (у. 1859 г.). Нѣкоторыя изъ этихъ статей напечатаны въ Библиографич. Запискахъ, т. I (1858, N. 13) и II (1859, N. 12 — 15), въ Отеч. Запискахъ 1859 (N. 12), выписки въ статьѣ М. П. Щепкина, въ Моск. Вѣдом. 1859, N. 142, 143, 154, 172 и 177, также въ статьѣ С. В. Ешевскаго, въ Атеней 1858, N. 3; но почти всего, именно, почти всѣ его неизданныя сочиненія напечатаны, съ предисловіемъ, О. М. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторія и Древн. Россійск. 1860, кн. 3, отд. II: Статистика въ разсужденіи Россіи, стр. 96, и 1860, кн. 1, отд. II: Разныя сочиненія

Кн. М. М. Щербатова (10-тъ), 140 стр., и отдельно оттуда же; неизданными осталось только два, изъ коихъ одно, говорятъ, напечатано гдѣ-то за границей.

По указанію Князя П. В. Долгорукова, въ его Росс. родосл. книгѣ (I, 119), Князь Щербатовъ «собранные имъ документы и бумаги оставилъ зятю своему, Сенатору Матвѣю Григорьевичу Спиридову.»

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ Левъ Николаевичъ (р. 1766, у. 1836).

Записки Льва Николаевича Энгельгардта. М. Въ тип. Каткова и К. 1860. 8, II и 180 стр. (Изъ Русскаго Вѣстника).

Авторъ этихъ записокъ. Смоленскій дворянинъ, Курляндскаго рода, служилъ въ Преображенскомъ полку Адъютантомъ у Потемкина (съ 1783 г.). Секундъ-Майоромъ въ иррегулярныхъ войскахъ (1785), участвовалъ въ походѣ въ Турцію и въ Польской кампаніи 1792, въ 1798 пожалованъ въ Полковники, въ 1799 въ Генералъ-Майоры и вышелъ въ отставку; въ 1806 служилъ въ ополченіи. Записки его, въ которыхъ онъ рассказываетъ не только свою жизнь, но и отгадываетъ современныя ему происшествія и лица, особенно интересны съ 1779 до царствованія Павла Петровича. Особенно весьма любопытны рассказы о Потемкинѣ и Турецкой войнѣ.

Открылъ и издалъ ихъ Н. В. Путята, съ объяснительными примѣчаніями М. Н. Лонгинова.

ЯЗЫКОВЪ Дмитрій Ивановичъ Академикъ (р. 1773, у. 1845).

П. Пекарскій. въ своей статьѣ: «Русскіе Мемуары XVIII вѣка,» въ Современникѣ, т. 50 (1855 г., N. 4), отд. II, на стр. 82 говоритъ: «Бантышъ-Каменскій, въ біографіи Дмитрія Ивановича Языкова (Словарь достоп. людей, т. 3 (Спб. 1847), стр. 574—603), приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ Записокъ покойнаго Академика. веденныхъ имъ съ 1839 по 1844 годъ.» (Гдѣ теперь эти записки, и какое будетъ сдѣлано изъ нихъ употребленіе, къ сожалѣнію, неизвѣстно).

ЯКОВЛЕВЪ А. А.

Походный журналъ 1711 года, съ описаніемъ сраженія подъ Прутомъ. въ Отеч. Запискахъ Свиньина, ч. XIX, XX и XXIII.

СБОРНИКЪ.

Записки Русскихъ людей. Событія времени Петра Великаго. Спб. Въ тип. И. Сахарова, 1841. 8. неп. VIII, 94, 128, 116, VIII и 126 стр.:

1. Записки гр. Андрея Артамоновича Матвѣева (р. 1666, у. 1728) о первомъ Стрѣльцкомъ бунтѣ 1682.

2. Записки Петра Никифоровича Крекшина (р. 1684, у. 1763, первая часть, отъ рожденія Петра до сент. 1694 года.

3. Записки Ивана Аванасьевича Желябужскаго (р. 1638, у....) о времени отъ 1682 по 2 Юля 1709 г.

4. Записки монаха Сильвестра Медвѣдева (у. 1690).

5. Записки Петра Ивановича Гордона (р. 1638, у. 1699) — отрывокъ 1684 и 1685 г., февраля 28, переведенный съ копіи подлинныхъ записокъ.

Кромѣ записокъ Крекшина, все это было напечатано *Θ. Туманскимъ* въ его Собраніи записокъ... но *И. П. Сахаровъ* передалъ ихъ по другимъ спискамъ и снабдилъ біографическими свѣдѣніями, примѣчаніями, указателями и приложеніями.

Дѣльную рецензію на этотъ сборникъ см. въ *Отеч. Запискахъ* т. X (1840 г.), отд. V.

Соревн. Г. Гекнади.

Д В А А К Т А

О СПОРѢ ШУЯНЪ СЪ КРЕСТЬЯНАМИ СЕЛЪ ИВАНОВА И ВАСИЛЬЕВСКАГО О ПЕРВЕН-
НЫХЪ ПОШЛИННЫХЪ ДЕНЬГАХЪ ЗА РАЗНЫЕ ТОВАРЫ И ПРОДУКТЫ ВЪ 1666 ГОДУ.

Представляемые при семъ акты, какъ единственно рѣдкіе остатки старинныхъ торговыхъ свѣдѣній о селѣ Ивановѣ, Шуйскаго уѣзда, я съ своей стороны нахожу интересными по тому, что они указываютъ намъ торговое и промышленное значеніе въ старину селѣ Васильевскаго и въ особенности Иванова, въ которомъ въ настоящее время значительно развита торговля и мануфактурно-ситцевое производство. Споръ Ивановцевъ съ Шуянами за торговые и промышленные интересы, продолжавшійся за двѣсти лѣтъ до сего времени, повторился нынѣ вновь и продолжается съ большею силою и настойчивостью. Враждебныя отношенія Иванова къ Шуѣ, а особливо ко вновь возникшему Вознесенскому посаду, и обратно, пзвѣстны читающей и торговой публикѣ изъ разныхъ газетъ и журналовъ, особенно видно изъ перваго номера «Промышленнаго Вѣстника» за 1860 годъ.

А К Т Ы.

1.

Государю Князю Якову Куденетовичу (Черкасскому) холопъ твой
Лука Ялагинъ * челомъ бьетъ. Нынѣшняго, Государь, 174 году Іюня

* Составитель сей отписки, Лука Ялагинъ, по всей вѣроятности, былъ управляющимъ Ивановскимъ Князя Черкаскаго крестьянами; таковое жъ лице представляетъ и Борисъ Шалыевъ надъ крестьянами с. Васильевскаго, какъ видно изъ словъ акта. Въ настоящее время село Васильевское въ числѣ промышленныхъ селъ Шуйскаго уѣзда занимаетъ послѣ Иванова последнее мѣсто,

въ 14 день прислана ко мнѣ, холопу твоему, твоя, Государева, грамота, по челобитью Шуянъ, посадскихъ людей, Ивана Лисина да Гаврила Карпова съ товарищи, а въ грамотѣ написано, что писалъ къ тебѣ, Государю, къ Москвѣ Борисъ Шалыевъ села Васильевского и деревень крестьянъ челобитную на Шуянъ, посадскихъ людей, на него, Ивана Лисина, да на Петра Зубкова и на всѣхъ посадскихъ людей, въ переемныхъ пошлинныхъ деньгахъ, да въ помѣрномъ въ уличномъ хлѣбѣ, да во брани и въ побоѣхъ. И по твоему, Государеву, челобитью, прислана Великаго Государя грамота зазывная въ Шую, къ Воеводѣ Семену Степановичу Ушакову; велѣно ему Суздальскихъ твоихъ, Государевыхъ, вотчинъ, села Васильевского и села Иванова про разоренье и про обиды сыскать большимъ повальнымъ обыскомъ, а изъ Шуянъ, посадскихъ людей, выбравъ одного человѣка, ково они излюбятъ, въ твоёмъ Государевѣ, яску, въ дву стахъ семидесятъ рублехъ, давъ на поруку съ записью, велѣно выслать къ Великому Государю, къ Москвѣ, къ суду, къ отвѣту. И на Москвѣ тебѣ, Государю, Шуяне, посадскіе люди, Иванъ Лисинъ да Гаврило Карповъ и всѣ посадскіе люди, били челомъ, чтобъ ты, Государь, велѣлъ въ тѣхъ обидахъ своимъ, Государевымъ, крестьяномъ съ ними, посадскимъ людьми, сыскаться домашнимъ сыскомъ, и которые твои, Государевы, крестьяне въ томъ на нихъ будутъ челобитчики, чтобъ имъ дѣли съ ними очную ставку, и съ очныхъ ставокъ раздѣлка учинить, и раздѣлка, принести бѣ въ Шую, въ сѣзжнюю избу, мировую челобитную, и мнѣ бѣ, холопу твоему, свѣстася съ Борисомъ Шалыевымъ, ѣхать въ Шую и говорить Шуяномъ, посадскимъ людямъ, чтобъ они въ обидахъ твоихъ, Государевыхъ, крестьянъ села Иванова и села Васильевского сыскались въ правду и во всемъ раздѣлались. Да буде Шуяна, посадскіе люди, сыщутся въ правду и твоимъ, Государевымъ, крестьяномъ убытки заплатятъ, и мнѣ, холопу твоему, написать мировую челобитную и подать въ сѣзжей избѣ, и на чомъ Шуяна, посадскіе люди, и съ твоими, Государевыми, крестьяны раздѣлаются и каковы мировые челобитные подадутъ, и о томъ бы мнѣ, холопу твоему, отписать къ тебѣ, Государю, къ Москвѣ. И по указу Государеву, указу и по грамотѣ сказывалъ я, холопу твоему, что на деревень пашеннымъ и непашеннымъ крестьяномъ, а на часту въ Шую съ торженцомъ волочатны, а на то, что если кому отъ Шуянъ, посадскихъ людей, въ переемныхъ пошлинныхъ деньгахъ и въ помѣрномъ хлѣбѣ, во брани и побоѣхъ

какая въ томъ обида и налога, и мнѣ, Государь, холопу твоему, села Иванова и деревень крестьяня, старосты и цѣловальники и всѣ крестьяня, и которые съ товаренкомъ * въ Шую почасту таскаются, сказывали на сходахъ, что отъ Шуянъ, де, посадскихъ людей, имъ, крестьянамъ, обиды и налоги нѣтъ, и никою не бранивали и не бивали, и въ таможи, де, пошлину съ нихъ емлютъ пососѣдски, и лишнева ничево не емлютъ, и съ людьми, де, ихъ сторонними не верстаютъ, для ради твоего, Государева, имени и на нихъ, де, на Шуянъ, посадскихъ людей, въ обидахъ и въ переемныхъ пошлинахъ тебѣ, Государю, не били челомъ, и Борису Шалыеву про обиды на Шуянъ, посадскихъ людей, не говорили, и жалобы, де, къ нему отъ нихъ не бывало. А что до села Васильевского и деревень крестьяномъ отъ Шуянъ, посадскихъ людей, какая обида и налоги есть ли, или нѣтъ, того, де, они не вѣдаютъ и не слышали. И я, холопъ твой, по твоему, Государеву, указу, свѣтась съ Борисомъ Шалыевымъ, въ Шую вѣдиль, и Борисъ Шалыевъ въ Шуѣ при мнѣ, холопѣ твоемъ, съ Шуяны, съ посадскими людьми, села Васильевского крестьянъ къ очной ставкѣ никою не тавиль, и Шуяномъ объ роздѣлкѣ ничего не говорилъ, и впредь нѣ, Борисъ Шалыевъ, поставилъ ли ково къ очной ставкѣ исцовъ, ли нѣтъ, того я, холопъ твой, не вѣдаю. А мнѣ, Государь холопу твоему, съ посадскими людьми сдѣлка чинить было не въ чемъ, потому что твоихъ, Государевыхъ, крестьянъ исцовъ ни въ какомъ мѣстѣ на Шуянъ, посадскихъ людей, нѣтъ, и я, холопъ твой, въ Шуѣ съ съзжей избѣ села Иванова и деревень отъ крестьянъ подалъ челобитную въ томъ, что твои, Государевы, села Иванова крестьяня на Шуянъ, посадскихъ людей, не челобитчики; а какову, Государь, я, холопъ твой, въ Шуѣ въ съзжей избѣ подалъ челобитную, и съ той челобитной списокъ слово въ слово послалъ къ тебѣ, Государю, къ Москвѣ, подъ сею отпискою Іюня въ 24 день.

2.

Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу бьютъ челомъ сироты

Изъ одной челобитной 1691 года, хранящейся у меня, крестьянина села Иванова Трифона Григорьева, видно, что родъ промысла его былъ продажа въ Холую холстовъ.

твой Суздальскаго уѣзду, вотчины Боярина Князя Якова Куденетовича Черкаскаго, села Иванова крестьянишки, старостишко Андрюшка Игнатьевъ, да цѣловальничишко Клишко Левонтьевъ крестьянишка Игошка Панфиловъ, Андрюшка Ѳедоровъ, Ивашко Самсоновъ, Якушка Акинѣевъ, Елька Ивановъ, Митька Купріяновъ, Ивашко Исаковъ, Трошка Ивановъ, Ивашко Кормиловъ, Логинко Лукьяновъ, Ивашко Андреевъ, Лучка Ѳедотовъ, Сенька Анкиндиновъ, Андрюшка Антипьевъ, Васька Антоновъ, Емелька Еремеевъ, Игошка Семеновъ, и всѣ крестьяне села Иванова и деревень. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 174 году, Марта въ 5 день, по челобитью Государя нашего, Князя Якова Куденетовича, прислана твоя, Великаго Государя, грамота зазывная въ Шую, къ Воеводѣ къ Семену Степановичу Ушакову, по Шуянь, посадскихъ людей, по Ивана Лясина съ товарищи, что велѣно ихъ выслать къ тебѣ, Великому Государю, къ Москвѣ, въ нашихъ общихъ и въ переемныхъ пошлинныхъ деньгахъ и въ удишномъ помѣрномъ хлѣбѣ, и въ брани, и въ побойхъ къ суду, къ отвѣту въ иску въ двухъ стахъ семедесяти рубляхъ. И мы, сироты, съ ними, Шуяны, посадскими людьми, въ ссорахъ своихъ сыскались, что намъ, сиротамъ твоимъ, отъ нихъ, отъ Шуянь, посадскихъ людей, большихъ обидъ нѣтъ, и нынѣ мы, сироты твои, тебѣ, Великому Государю, на нихъ, Шуянь, посадскихъ людей, не челобитчики и не истцы. А буде, Государь, намъ, сиротамъ, отъ нихъ, Шуянь, посадскихъ людей, какая въ чемъ обида и налога будетъ, тогда тебѣ, Великому Государю, и челобитышко наше будетъ. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожалуй. Государь, насъ, сиротъ, вели челобитышко наше въ Шуѣ, въ сѣзжей избѣ, принять и записать; Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

А позати подлинной челобитной:

Села Иванова Воздвиженской попъ Михайло, по ихъ мірскому велѣнью, сиротъ и крестьянъ, руку приложилъ.

174 году въ 25 день записано челобитие.

Оба подлинныя акта (списки) писаны на столбцахъ и хранятся у меня.

Соревн. Влад. Борщевъ.

О П Ы Т Ъ
ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ
И ОТНОШЕНІЕ ЕГО КЪ БЫТУ И ЯЗЫКУ
РУССКАГО НАРОДА. 1

Эту пѣснь мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь отдаемъ,
Слава!

Первоначальная, полудикая жизнь почти всякаго народа раздѣляется на два главные періода, быта кочеваго и пастушьяго и быта ѣдлага, земледѣльческаго, и эти два періода оставляютъ слѣды не только въ филологическомъ изученіи языковъ, но и въ языскихъ вѣрованіяхъ всѣхъ народовъ. Къ первой эпохѣ относятся оготворенія неба и свѣтилъ, по преимуществу; извѣстно, что первыми нашими Астрономическими свѣдѣніями мы одолжены пастухамъ.

Главными основами къ этой статьѣ послужили: V глава Исторіи Нѣмец. языка Гримма и статья Профессора Бѣльева: «Нѣсколько словъ о земледѣліи въ древней Россіи» (Временникъ кн. 22). Въ филологическомъ же отношеніи пользовался: Русск. и вообще Слав. язык. Словарями Рейфа, Шимкевича, Алексѣева, древ. Словар. Нѣмец. въ Сказан. Русск. народа, Словаремъ Областныхъ нарѣчій, Сербск. Словар. Рука Стефановича и Волгиджи, Французск. Voiste, Лат.-Франц. часть, Латышск. Stender, Нѣмец. Heise и 10-ю первыми выпусками Словаря Братьевъ Гриммовъ.

Съ введеніемъ хлѣбопашества, обоготвореніе земли, какъ матер кормилицы, беретъ верхъ надъ богами неба, или сливается съ нимъ въ символическомъ всеоплодотворяющемъ бракѣ, творческой силъ мужа (неба) и производительной силы женщины (земли).

Всѣ народы почитали хлѣбъ Божиимъ даромъ; Нѣмцы называютъ его *gottes gave, gottes gabe*. Какъ у насъ Божій хлѣбъ и ¹ богатствъ имѣвшіе, вѣроятно, смисля, подобно Чешскому *zboží*, хлѣбное значеніе, урожай, почему у насъ и пословицы: «У кого хлѣбъ родится, тому и веселиться (тому и жениться); все добро хлѣбомъ: дорогій товаръ изъ земли растеть; животинки водятся, гдѣ хлѣбъ родится,» и проч., указывающія на то, что въ хлѣбѣ и богатство. При жатвѣ хлѣба оставалось и въ Германіи нѣсколько колосьевъ въ честь *Frau Gode* (или *gute Frau*) и тотъ же обычай повторяется въ Литвѣ въ честь *Rugia* баба (*Rugia*, рожь), а у насъ въ честь Волота или Волоса. ² У южныхъ Славянъ сохранились донынѣ дѣвичьи пляски и игры, при наступленіи жатвы, гдѣ одна дѣвушка, убранная колосьями и помытыми цвѣтами, разыгрываетъ роль какой-то царицы, или богини земныхъ плодовъ; ее зовутъ Додола, Драгайка, Пополуга (Шлуга?).

У насъ, въ Россіи соответствуетъ сему обычаю обрядъ — убранъ послѣдній сноплъ, такъ называемымъ, имянинникомъ, разодѣтымъ цвѣтными лентами, или наряжать въ сарафанъ и кокошникъ, и танцевать такимъ образомъ съ плясками по деревнѣ, или на господскомъ дворѣ, съ поздравленіемъ объ оконченной жатвѣ. ³

Кромѣ сего обычая, не встрѣчается на Руси особыхъ жатвенныхъ празднествъ; но вѣроятно, что они перешли вмѣстѣ съ Новымъ Годомъ и осеннимъ праздникомъ Овсена на Васильевъ день и слились съ Колядами. Такъ встрѣчается 1-го Января обрядовое зерненіе первой гречневой каши изъ новыхъ крупъ, съ приговорами и замѣчаніями на будущій урожай; въ этотъ же день въ Великой и Малой Руси обрядъ обсыпанія яровымъ хлѣбомъ: дѣти ходятъ изъ избъ съ поздравленіями и обсыпаютъ избы и самихъ хозяевъ новымъ хлѣбомъ съ пѣснями и приговорами:

¹ *Journal de Savants* 1824, page 467.

² Grimm, *Mithologie*, S. 1211.

³ Снегирева, *Русс. Празд.* IV, стр. 84.

Ходить Илья
 На Васяля,
 Носить пугу
 Жатяную:
 Де замахне —
 Жито росте;
 Родѣ, Боже,
 Жито, пшееницю
 Всяку пашвицю,
 Въ погѣ ядро,
 А въ домѣ добро!

Хозяйки бережливо сохраняютъ эти разбросанныя зерна на будущей заставѣ. Тотъ же обрядъ совершается и у Южныхъ Славянъ полажайникомъ въ Бадный вечеръ (канунъ Рожд. Хр.); при чемъ замѣчательно, что когда у насъ предвѣщается хозяину одно хлѣбное изобиліе, у Сербовъ, отъ пастушьяго періода, сохранилось и предвѣщаніе на изобиліе скота; и именно: полажайникъ, взявши кочергу, бьетъ ею чурбанъ догорающаго въ печи бадняка, такъ, чтобы искры летѣли, и, исчисляя всѣ роды скота домашняго, предвѣщаетъ хозяину ихъ по стольку, по скольку искръ съ бадняка по каждомъ ударѣ. Въ нашихъ свадебныхъ обрядахъ осыпаютъ также деньгами и хлѣбомъ новобрачныхъ, а также кладутъ ихъ на ржаные снопы, въ знакъ богатства и плодородія: «и постели слать, какъ завелось изстари, брать ржанныхъ сноповъ тридевятъ (Свадьба Василія Ивановича). Самый обычай поднесенія хлѣба-соли, какъ и разныя обычныя печенія хлѣбовъ и караваевъ, имѣютъ, вѣроятно, всѣ одинакое символическое значеніе, хотя временемъ оно частію вовсе утратилось.

Мы сказали выше о гречневой кашѣ 1-го Января; тотъ же обычай встрѣчается и въ, такъ называемыя, овинныя именины, въ день Феклы Заревницы: когда начинаютъ молотьбу новаго хлѣба, молотильщики угощаются въ овинѣ¹ новой кашей: «Хозяину хлѣба ворошокъ, молотильщикамъ каши горшокъ.

¹ У язычниковъ служили овины мѣстомъ молитвы: «и огнви молятся подѣ овини»; или же: «молятся подѣ овини». Откуда, вѣроятно, и пословица: «Церковь не овинь.» Но эти факты скорѣе относятся къ обоготворенію огняща и очага, чѣмъ къ земледѣльческому значенію овина, ибо овинь не что иное, какъ печь, и въ происхожденіи своемъ имѣетъ близкое сродство съ Нѣмец. oven или Ofen, печь. См. ст. Бусл. о Русск. послов., стр. 26.

Какъ прежде, такъ и донинѣ, Русскій человѣкъ не любитъ опредѣленное астрономическое времяисчисленіе, и скорѣе означаетъ разныя времена года явленіями природы, или церковными праздниками и постами. Замѣчательно при этомъ то, что пожинки, дожинки или сножинки, т. е., жатва, падая у насъ на Успенскій постъ, приняла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ честь Богоматери, названіе Госпожинки.

Такъ, вѣроятно, и Древне-Славянскія названія мѣсяцовъ относились не столько къ тому или другому мѣсяцу, какъ къ извѣстному времени года, время травъ, цвѣтовъ, жатвы, поспѣва ихъ, что объясняется тѣмъ, что, на пр., имена: травень, цвѣтенъ, серпенъ относятся къ двумъ мѣсяцамъ, и по сему должны были различаться въ послѣдствіи прилагательнымъ малъ, или великъ травень, или серпенъ. Точно также и нынѣ нашъ крестьянинъ время малаго и великаго серпена, называетъ страдой или сножинками, время наибольшаго труда (страданія) и жатвы. Точно также принялъ у насъ Сентябрь имя бабьяго дѣта, праздника бабьихъ работъ, потому что съ этимъ мѣсяцемъ оканчиваются отчасти земледѣльческія работы мужчинъ, а начинаются работы женскія: заготовленіе льна, пряжи, рубка капусты, вареніе пива, соленье и прочія приготовленія зимнихъ припасовъ, возлагаемыхъ на дѣятельность домохозяйки.

Почти каждое занятіе имѣетъ, въ нашемъ сельскомъ быту, свои опредѣленные дни, и какъ для болѣе удобной памяти означается частію церковными праздниками, а частію и самими сельскими работами, то отъ этого въ народѣ многіе дни соединяють въ себѣ имя Святаго Угодника Православной Церкви съ наименованіемъ чисто земледѣльческаго происхожденія; такъ, на примѣръ:

Алѣна — львица.

Іеремія — запрягальникъ или зашашникъ (запрягаютъ соху и начанаютъ пашню).

Ееодосія — колосница (начинають хлѣба колоситься).

Акилина — гречишница (поспѣвъ гречи).

Наталя — овсянница (поспѣваетъ овесъ).

Ескла — заревница (начало молотбы и топка овиновъ).

Вообще, нѣтъ дня въ году нашего земледѣльца, съ которыхъ бы не связывались разныя примѣты, замѣчанія и суевѣрія относительно хлѣбовъ и урожая, и наши народныя приговорки и пословицы, если намъ дозволено такъ выразиться, содержатъ въ себѣ полный курсъ

льскаго хозяйства, съ совѣтами и предостереженіями, обрѣтенными долгимъ опытомъ и выраженными въ эпической формѣ пронароднаго поэтическаго и вѣрнаго взгляда Русскаго человѣка к природу. ¹

Первое свидѣтельство о земледѣліи въ Россіи встрѣчаемъ мы у естора, при осадѣ Древлянскаго города Коростеня, гдѣ Ольга говоритъ осажденнымъ Древлянамъ: «а вси грады ваши предашася гѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя, а вы хотите измрети садомъ.»

«На Благовѣщенье дождь, родится рожь.

Идетъ дождь, несетъ рожь.

Пришелъ бы на Егорья морозъ, то будетъ просо и овесъ. Коли на Егорьевъ день морозъ, то и подъ кустомъ овесъ.

Коли Мартъ сухъ, да мокръ Май, будетъ каша и коровай.

Майская трава и голоднаго кормить.

Сѣи два тягла послѣ Егорья, а другой сѣи послѣ Іеремія.

Раннее яровое сѣи, когда вода сойдетъ, а позднее, когда кална въ цвѣтъ взойдетъ.

Лягушка квацеть, овесъ скачетъ.

Соха ябедница, а борона праведница.

Когда яровое сѣю, тогда съ отлышкою и на сторовы погляжу, а ржаной хлѣбъ сѣю, шанка съ головы свалится и той не подыму.

Сѣи подъ погоду, будешь хлѣбъ ѣсть годъ отъ году.

Сѣи хоть въ ненастье, а собирай въ ведро.

Кто сѣетъ рожь на Флоровъ день, тому родятся флорки.

Овесъ говорить: топчи меня въ грязь, и я буду Князь.

Сѣи овесъ, когда дубъ развернется въ заячье ухо.

Не сѣи пшеницы прежде дубоваго листа.

Сѣи пшеницу въ день Симона Злата, родится она яко злато.

Въ день Св. Алены принимайся и за лѣны.

Рожь двѣ недѣли зеленѣеть, двѣ колосится, двѣ отцвѣтаетъ, двѣ наливаєтъ и двѣ засыхаетъ.

Въ день Θεодосія Колосницы и рожь колосится.

Если на Петровъ день просо въ ложку, то будетъ и на ложку.

Красное лѣто — зеленый покось.

Одна пора сѣно косить.

Гречиху сѣи, когда рожь хороша.

Сударыня гречиха ходитъ барыней, а какъ хватитъ морозу, веди на колесичій дворъ.

Не вѣрь гречихѣ по цвѣту, а вѣрь по закрому.

По всей вѣроятности, въ Россіи, какъ и въ прочей Европѣ, въ первыя времена земледѣльческаго періода, земли было много и хлѣбопалецъ завоевывалъ, такъ сказать, шагъ за шагомъ подъ нивы свои землю дикихъ лѣсовъ и степей и, не дорожа землею, поднималъ нови почти ежегодно.

Позднѣе человекъ сталъ болѣе цѣнить свой трудъ, и по мѣрѣ, какъ земледѣліе болѣе и болѣе распространялось, онъ уже не рѣшался навсегда покидать распаханныя поля, но, давъ имъ отдохнуть нѣсколько лѣтъ, снова возвращался на нихъ съ плугомъ и сохою. а наконецъ уже при недостаткѣ земли сократилъ этотъ срокъ перелога на одинъ годъ, и сталъ искусственнымъ удобреніемъ замѣнять долгій отдыхъ прежняго времени. Вотъ почему древнѣйшія названія отдыхающаго поля¹ носятъ въ себѣ смыслъ труда, ломки, чистки при подъемѣ новыхъ починокъ, какъ, на пр.: Нѣмец. brachfeld, отъ brachen (ломать), Француз. terre en friche, отъ Латинск. frangere, и наше древнее притереба или притереба; быть можетъ,

Овесъ въ кафтанѣ, а на гречихѣ рубахи нѣтъ.

До Ильина дня дождь — въ закромѣ, а послѣ Ильина — изъ закрома.

Послѣ Петрова дня сѣно черное, хлѣбъ бѣлый (мокрое время).

Что посеешь, то и пожнешь.

Мужики работаютъ плачучи, а хлѣбъ собираютъ скачучи.

Не топоръ кормитъ мужика, а Іюльская работа.

Не поле кормитъ, а нива.

Тамъ и хлѣбъ не родится, гдѣ кто въ полѣ не трудится.

Горька работа, да сладокъ хлѣбъ.

Агей — пшеницу сѣй, у Игната широка допата.

Арсенія ждаты съ дорогимъ горохомъ.

Жатва послѣла и серпъ изострѣнь.

Цѣпь въ рукахъ, такъ и хлѣбъ въ зубахъ.

Новый хлѣбъ на Ильинъ день.

Ильинская соломка — деревенская перинка.

Батюшка Августъ крушитъ, да поле тѣшатъ.

Овсы и льны къ Натальину дню смотри.

Стогъ глубокъ, а хлѣбъ хорошъ.

См. Послов. Снегирева и Приб. къ нимъ Буслаева, въ Архив. Казанск.

¹ Наше выраженіе паръ и соответствующее ему Чешское aňot и ůňot принадлежатъ уже позднѣйшему времени плодотворѣншаго хозяйства, которое, какъ замъ г. Бѣльева, является у насъ на Руси не ранѣе XV вѣка.

сюда относится и самое слово пахать. ¹ Всѣ эти выраженія носятъ въ себѣ смыслъ трудной работы, а земледѣліе есть работа по преимуществу; не даромъ зоветъ нашъ крестьянинъ время земледѣльческой работы страдой, временемъ страданія и труда, откуда и поговорка: «Не топоръ кормить мужика, а Іюльская работа. Горька работа, а сладокъ хлѣбъ. Тамъ и хлѣбъ не родится, гдѣ кто въ полѣ не трудится. Батюшка Августъ крушить (работой также, какъ и жаромъ), а поле тѣпить.» Французск. *labouge* (пахавіе) прямо указываетъ на *labore*, работа; Древне-Норманское же *ag* означаетъ и работу и хлѣбопашество; Нѣмец. *Arbeit, Erbeit* (Готск. *arbeits-areit*) употреблялось прежде въ томъ же смыслѣ: «*Wenn du deine erbeit ein gesamlet hast vom felde.*» Здѣсь должно замѣтить, что слова *arbeit, labor, работа*, принадлежать одному и тому же корню *ag*, ² быть можетъ, отъ Санскр. *iga*, земля, откуда и Нѣмец. *erde* (Готск. *aigra*), ³ какъ обработка земли, откуда, съ одной стороны, понятіе владѣнія и наслѣдства въ Готскомъ *arbia*, Древне-Сакс. *arfi* (*heres, filius*), Нѣмец. *Erbe* (наслѣдникъ), а съ другой стороны понятіе рабства, въ Русскомъ *рабъ, работа*, въ смыслѣ господской работы — барщины, работы по преимуществу земледѣльческой; на то указываетъ и самое наше прозвище крестьянъ, называемыхъ древле ролейными закупами, соотвѣтствующее Чешскому *ратай* (работникъ, хлѣбонашецъ, *racht-knecht*). Древнѣе, чѣмъ пахать и пашня, глаголь орать: *роля* (роля), *орало* (илугъ); его встрѣчаемъ мы не только во всѣхъ другихъ Славянскихъ языкахъ, но несомнѣнно узнаемъ его и въ Древне-Нѣмецкомъ, ⁴ Финскихъ и Литовскихъ нарѣчійхъ; въ Латинскомъ соотвѣтствуютъ этимъ словамъ *aratio, aratum* и *arare*; въ Нѣмец. языкѣ исчезъ древній корень, за исключеніемъ сложныхъ словъ *artacker artfeld*, т. е., запашанное поле.

Кромѣ имени роли, засѣянная земля называется и *Несторомъ* уже нивой. Это слово хотя и встрѣчается во всѣхъ Славянскихъ нарѣчійхъ,

¹ Гриммъ утверждаетъ, что Русск. пахать имѣетъ смыслъ *arare* — *laborare*.

² Deut. Wört. Братъевъ Гриммовъ, часть I, 538 стр.

³ Гримма Deut. Mithol. 229 стр.

⁴ Древ. Норм. *ar-art-aratio-arton-arare*, Готск. *arjan-arida*. Древ.-Нѣм. *erida-arta*, Литовск. *arti*, Латышск. *arkes-art-argajs-arkls*; Ирланд. *ar-arach*; Валійс. *arad-ara-*

одного вездѣ находится въ совершенномъ одиночествѣ и филологическомъ сиротствѣ, если такъ можно выразиться, за исключеніемъ двухъ или трехъ прямыхъ производныхъ словъ, какъ, на пр., ниваръ у Беринды поселянинъ. Также нельзя и въ прочихъ Европейскихъ языкахъ отыскать никакого родства съ словомъ нива. Большею частію на всѣхъ Европейскихъ языкахъ перенесено на понятіе нивы древнѣйшее выраженіе пастушьяго періода, означающаго собственно безлѣсное, травяное пространство, пастбище, поле.

Дѣйствительно, наше слово поле содержитъ въ себѣ понятіе обширнаго, открытаго пространства, въ противоположность лѣса, и только въ переносномъ смыслѣ означаетъ ниву; доказательство тому выраженіе поляны, поле битвы, полевые цвѣты, и эпитеты: широкое или чистое, придаваемые полю нашими сказками и пѣснями. Въ грамотахъ же выраженіе—польскіе города, въ смыслѣ стениныхъ городовъ. Наконецъ рѣшаютъ дѣло пословицы: «Не поле кормить, а нива:» и: «Плугъ кормить, а лугъ портить,» гдѣ эти два понятія поставляются въ явномъ противорѣчьи другъ къ другу. Этому понятію поля соотвѣтствуетъ не только филологически тождественное ему Нѣмецк. *feld*, но и Латин. ¹ *campus* и *ager*, ² Франц. *champ* и *aspe*, Нѣмец. *acker*, *akker*, наконецъ Нѣмец. *todesacker*, поле смерти, т. е., кладбище, явно указываетъ, что *acker* въ точномъ смыслѣ своемъ ни сколько не нива, и нуждается, какъ и *feld*, для точнаго опредѣленія пашни, прибавленія древняго затеряннаго названія нивы *art* въ сложныхъ выраженіяхъ *artfeld*, *artacker*. Такой же смыслъ пастбища или поля имѣютъ, по самому происхожденію именъ своихъ, Литовско-Латышскія названія нивъ *laukas*—*lauks*, явно Латинск. *lucus*, Русскій лугъ. Наконецъ, если принять въ соображеніе, что по Сербски и Малорусски наша означаетъ пастбище, то и самое наше Русское пашня и пахать не произошли ли отъ понятій пасти и пастбище, отъ быта пастушьяго къ быту земледѣль-

dar; Эстон. *adder-ahra*, *aura* (плугъ); Финск. *atra*; Польск. *orać-orać-radło-rolnik-rataj* (хлѣбопашный работникъ); Серб. *оратар-ратар-ралина* (плугъ, оранье и др.

¹ Русск. поле, Финск. *pelto*, Эстонск. *põld*, Латыш. *pāldo*, Валам. *helda* Древне-Сакс. *folda*, Англо-Сакс. *folde*, Древ.-Нѣм. *fold*.

² Готск. *akrs*, Древне-Нѣмецк. *aschar-akr*, Англо-Сакс. *æser*, Швед. *åker*.

тескому? Такое, при первомъ взглядѣ, странное предположеніе могло бы, однако же, найти отчасти свое подтвержденіе въ томъ, что, какъ увидимъ дальше, самая мысль обработыванія земли подана человѣку скотомъ: въ Египтѣ, на пр., послѣ постова пускался на поля ¹, еще покрытыя мягкою грязью отъ наводненія, всякій мелкій скотъ, для того, чтобы ногами глубже втоптать въ землю разсыпанныя по ней зерна.

Важнѣйшее изъ всѣхъ орудій земледѣльчества есть то, которое употребляетъ человѣкъ для подъема и распашки земли подъ хлѣбный засѣвъ, какова бы ни была его форма, устройство и названіе. Это орудіе встрѣчается у всѣхъ народовъ древняго и новаго міра, и у насъ, на Руси, названіе плуга упоминается уже въ Русской Правдѣ: «даль ему господинъ плугъ и борону;» имя же сохи не встрѣчается прежде XIV вѣка; также находимъ мы въ древности слова рола, орала и рогаля въ смыслѣ плуга или сохи. Геродотъ рассказываетъ о Скивахъ, что, по ихъ преданію, зологой, еще горячій, плугъ упалъ съ неба; младшій изъ сыновей царскихъ одинъ въ силахъ былъ поднять его, почему и наследовалъ всему Скиѣскому царству, а плугъ сдѣлался принадлежностью Царской власти. Точно также и въ Египетскихъ іероглифахъ въ рукахъ боговъ и царей встрѣчается плугъ, и въ Древне-Французскомъ романѣ представленъ Король Угонъ (Hugon) своеручно пахущимъ золотымъ плугомъ. Когда вождь призывается народомъ на диктаторство, послы находятъ его пахущимъ свое поле; такъ, на пр., Римскій Цинциннатъ, ² такъ Чешскій Премысль, и Марко Королевичъ въ Сербской пѣснѣ вѣшаетъ плугъ на гвоздь, отправляясь на войну: «Узе Марко рало за крчало.»

Въ древнемъ Нѣмецкомъ правѣ означалась граница владѣнія бросаніемъ плуга, или топора: также испытывалась правда въ Божіихъ судахъ хожденіемъ по раскаленнымъ углямъ; у насъ соответствуетъ сему обычаю наше юридическое выраженіе для обозначенія какого нибудь владѣнія: «Куда топоръ, коса и соха ходили по старинѣ.» ³

¹ Henri, Egypt. Pharaonig. tom. 2, pag. 91.

² Plin. 18, 4. «Aranti quatuor sua jugera in Vaticano, quae Prata Quinctia appellantur, Cincinnato viator attulit dictaturam, et quidem, ut traditur, nudo plenoque pulveris etiamnum ore.»

Liv. 3, 26. Quinctius ab aratro ad dictaturam accessit.

³ Относительно значенія плуга, для обозначенія границы, замѣчательно народное преданіе о Троянскомъ валу: Огненный змѣй (постоянное олицетвореніе въ на-

Замѣчательно также, что у насъ, на Руси, встрѣчается каменное существо Плуги: кликали наканунѣ Богоявленія. «Вечери Рождества Христова и Богоявленія Коледаъ. Плугъ и Усой (Овсенъ) не кликати:» а въ другомъ мѣстѣ: «На вечери Богоявленія кликали Плугу.»¹

Первую мысль о плугѣ, подава челоѣку, по словамъ Плугари свиныйя, роющая землю² рыломъ своимъ, а быть можетъ и другіе животныя, копавшія землю то лапами, то рогами. Санскритское званіе волка *vṛka* означаютъ раздирателя, а плугъ *godāgana*, землераздиратель. Нѣмецкія сказки упоминаютъ о землероющемъ борю въ Сербскихъ о пашущей свиный, во Французскихъ преданіяхъ о лисицѣ (*roman de renard*) встрѣчается пашущій волкъ; у Латышей та загадка про плугъ: «медвѣдь сидитъ на полѣ въ желѣзныхъ башкахъ» (копытахъ): наконецъ, въ Малороссіи загадка о плугѣ, гдѣ представляется онъ съ ногами: «стоитъ на дорожѣ, разложилъ онъ ношѣ.» Латинское *rogca*, борозда, явно совпадаетъ съ *rogcus*, *rogca* бороздъ, свиныйя, какъ и Русское борозда, быть можетъ, имѣетъ отишеніе съ бороздомъ. Въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ Германіи называютъ легкой плугъ (*soxa*) *Schweinsnase*, по Англійски *pigs-nose*.

У насъ существовало древле-земледѣльческое орудіе—рогалие: «и же пристроихъ 7 дній рогалие, ими же копати землю» (говоритъ Несторъ). Въ Нѣмец. *saḡ* встрѣчаемъ выраженіе: *dem pfluc* *bede*

шихъ сказкахъ набѣговъ и враждебной силы всѣхъ Нехристовъ вообще) не жила дакъ на мирныхъ Задунайскихъ жителей, состоящую изъ живыхъ жертвъ которыхъ приводилъ къ границѣ. Очередь напала разъ на молодого Царевича который, ожидая на назначенномъ мѣстѣ грознаго врага, обливался горячи слезами; но прохажывая старушка, смазывавшая надъ нимъ, дала ему совѣтъ ѣздить отъ змѣя, безпрестанно читая громко молитву Господню. Царевичъ, вѣчно, послушалъ совѣта, но уже ноги его стали подкашиваться и голосъ задыхался, и чувствовалъ онъ уже палящій жаръ змѣиной пасти, когда уже вдали кузницу и благополучно скрылся въ ней отъ преслѣдующаго врага: этой кузницѣ ковали Борисъ и Глѣбъ огромный плугъ; взявши Царевича въ свое покровительство, они полонили змѣя, припрягли его еще къ горячему мгу и заставляли провести имъ огромную борозду (Трояскій валъ), чрезъ которую, съ тѣхъ поръ, никакая вражая сила не могла болѣе переступить.

¹ Прибавл. къ II т. Соловьева Ист. Русск. Госуд., стр. 32.

² Сравни слова рыть и рыло.

hi dom hogn:» наконецъ, самое Латинское слово agator было въ первоначальномъ смыслѣ своемъ не что иное, какъ taugus, быкъ.

Рогъ, а отъ него и всякій рогатый скотъ, былъ во всѣхъ космогоніяхъ древности постояннымъ символомъ свѣта и его плодотворной силы, а позднѣе и земледѣлія; въ особенности получила корова это иионическое олицетвореніе не только самаго материка земли, но и ея произрастательной силы.

Ганск. go (сохранившееся въ Русскомъ говида), въ тоже время обозначаетъ и корову и землю; всѣ богини земли и хлѣбопашества имѣютъ въ своихъ принадлежностяхъ и корову: такъ Египетская Изида представляется нерѣдко съ коровьей головой. Быкъ или, точнѣе сказать, волъ, встрѣчается также какъ аллегорическое изображеніе земледѣлія; такъ, на пр., Ванкъ представляется иногда съ бычачьей ногой, какъ изобрѣтатель хлѣбопашества; Варронъ называетъ вола нѣрнымъ спутникомъ земледѣльца, и во всѣхъ іероглифическихъ изображеніяхъ хлѣбопашества въ Египтѣ встрѣчаются и волы волѣ изображеніи Египетскаго плуга, hoc. ¹ Наконецъ, намъ нечего напоминать здѣсь о пользѣ воловъ и скота вообще въ дѣлѣ хлѣбопашества, но это объясняетъ отчасти, почему у насъ на Руси богъ скота, Волось, въ періодѣ земледѣлія, принялъ, по видимому, и покровительство надъ хлѣбами, если судить по обычаю завивать Волоткѣ бородку, или оставлять въ полѣ нѣсколько несжатыхъ колосьевъ Волотку на бородку. Замѣчательно, что древле человекъ нашелъ какое-то средство въ понятіяхъ плуга и корабля; оба вѣрзываются и пересѣкаютъ они землю, или воду, обоимъ присвоиваются принадлежности носа, хвоста и прочихъ частей животныхъ, и, вѣроятно, подобно Норманскимъ кораблямъ, и древніе плуги украшались иногда изображеніями животныхъ. Поэты и донынѣ сравниваютъ нивы съ морскими волнами, и самая стихія воды и маги имѣютъ въ себѣ плодотворное вліяніе на земную произрастательность (на прим., наводненіе Нила въ Египтѣ). Наши древнія пѣсни выразили эту мысль въ эпическомъ названіи «мать-сыра земля,» которое подтверждается не только Малоруской поговоркой: «Де ма лугу, тамъ росте,» т. е., «гдѣ мокренько, тамъ и растеть,» но и многими нашими пословицами, какъ, на пр.: «Овесъ говорить: сѣи въ воду и въ пору,» или: «Сѣи меня въ грязь, и я буду Князь.» Наконецъ, на-

¹ Recherches sur le culte de Bacchus.

ходимъ мы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, вмѣсто обще-Европейскаго суевѣрнаго обряда, опахиванія полей и селъ отъ заразы и засухи, — обычаи обвозить (вмѣсто плуга) вокругъ селъ и городовъ корабли и лодки. Тоже сближеніе корабля съ плугомъ замѣчаетъ Гриммъ и въ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ податяхъ и даянхъ, платившихся серебряными корабликами и плужками.

Теперь намъ отчасти и понятно будетъ, почему самое слово плугъ,¹ Нѣмец. Pflug, имѣетъ свое начало отъ Санскр. plava, корабль, и связывается, такимъ образомъ, происхожденіемъ своимъ съ глаголомъ плавать, плыть, подобно какъ по Латыни sulcus, борозда, и sulcare плавать.

Понятіе сѣмени и посѣва во всѣхъ языкахъ Европы имѣютъ общее однозвучное происхожденіе semen-saat-semer и проч. У Краицовъ называется время посѣва Сейвиной, т. е., именемъ языческой богини хлѣбопашества Sieva;² въ Санскр. ситія есть жито, откуда и Сита, Индійская богиня хлѣбопашества, и Греческ. сѣтъ; въ то же время и жито и прозвище Деметры. Хлѣбное сѣмя—зерно, Нѣмец. korn (Готск. kairn), Латинск. granum въ Литовско-Латышск. нарѣчіяхъ žirnis, žirnis переходитъ въ значеніе гороха, и точно также, какъ Латинское pisum (горохъ) сродственно съ понятіемъ pinso — piso — толочь, молоть, откуда и pinsog — хлѣбникъ, также и Литовск. žirnis, Славянск. зерно, Нѣмецк. Korn и Романск. grain переходитъ въ понятіе ручныхъ мельницъ (mola), въ выраженіяхъ Литовск. girna (множеств. girnos), Славянск. жорна (жорновъ), Нѣм. gvögn и Англосакс. gridon молоть; ³ въ Санскр. dźrī значитъ молоть, откуда-и слово dźirna, терка (tritrus), которое, по видимому, осталось не безъ вліянія на образованіе Славянск. жорна и Литовск. girna. Какъ зерно въ то же время и плодъ хлѣбнаго растенія, то Нѣм. korn, Француз. grain, Итал. grano (въ особенности во множествен. числѣ), какъ плодъ, значеніе еще не моло-

¹ Готское rfluos, древне-Нѣм. pluge, Шведск. plog, Датс. plough, Англо-Сакс. plou.

² Те во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, соответствующее Русскому ѣ, у Краицевъ переходитъ часто въ ie.

³ Чеш. žegna, Польс. żegna, Литовск. girna, Готск. qairnus, Древне-Нѣм. quign, Древне-Сакс. quegn, Англо-Сакс. sveogn, Англ. quegn, Древ.-Сѣв. quogn. Шведск. quagn.

ченшаго, на полѣ стоящаго, какъ и сжатаго хлѣба, словомъ, вообще хлѣбъ или жито: подобно Нѣмец. *traide-getreide* (Древне-Нѣм. *getragidi*), отъ *tragen*, *tragen*, носить, т. е., приносить, приплодъ; Латинск. *frumentum* имѣетъ свое начало отъ *frux*, плодъ, а Итал. *biada* и Французск. *bled*, *blé*, также не что иное, какъ плодъ (Англо-Сакс. *bloed*). Не относится ли сюда и Нѣмец. *Brod* или *Brot*, получившее понятіе печенаго хлѣба, хотя Гримумъ производитъ его отъ *bröchen*, ломать; но при постоянномъ переходѣ l въ g и g въ l легко также могло *brod* или *prod* образоваться изъ *bloed*, плодъ, подобно какъ Санскр. *vrkas* переходитъ у насъ въ волкъ, или *lab-og* въ работа.

У всѣхъ народовъ вообще почитали хлѣбъ Божьяго благодатью и лучшимъ благомъ земли, отъ чего и выраженіе, какъ видѣли выше, «Божій хлѣбъ», *Gottes gave* и *das liebe brot*, Чешское *zboží*, обиліе, и наша пословица: «Все добро за хлѣбомъ», и эпитетъ честный, придаваемый хлѣбу, въ особенности овсу, Латышское *labība* (жито), отъ *labs*, добро. Наконецъ, Славянск. жито (отъ Санскр. *дживъ*, *живана*, живу — жизнь) и хлѣбъ, Готск. *hlaiþ*. Нѣм. *laib*, *laibbrot*, (печеный хлѣбъ), носятъ въ себѣ понятіе жизнь, и Славянск. жито, животъ и жизнь, совершенно соотвѣтствуютъ Нѣмец. словамъ *laib*, *leib* и *leben*, и наше Русское слово хлѣбъ, созвучное съ *hlaiþ*, является точнымъ синонимомъ жита.

Съ понятіями Божьяго дара, добра, богатства и жизни соединяются въ названіяхъ пшеницы, какъ хлѣба по преимуществу, и сродныя имъ понятія чистоты и свѣта. На всѣхъ Нѣмецкихъ и Литовскихъ нарѣчіяхъ зовется пшеница *hweitis-hwait*, *wezen*, отъ Санскр. *śveta*, бѣлый (наше свѣтъ), Древне-Нѣм. *hweits*, Нѣмец. *weiss*; ¹ тому же понятію соотвѣтствуетъ и наше народное эпическое вы-

¹ Хлѣбъ у Грековъ назывался золотыми дарами Цереры, и у насъ эпитетъ золотой часто приписывается ячменю; у Чеховъ же *ruť* — и горячій уголь и пырей, (вѣроятно, прежде болѣе благородное хлѣбное растеніе, судя по родству съ Латыш. *ruņģi*, озимая пшеница, и пыра, — жито, або просо, у Павлы Беринды), откуда и нашъ пирогъ, самое Латинск. название пырея *triticum repens*, указывается на нѣкоторое сродство его съ *frumentum triticum*, т. е., пшеницей и, такимъ образомъ, другое значеніе Чешскаго *ruť*, можетъ легко сойтись съ значеніемъ эпитета пшеницы — ярая. Сюда же принадлежитъ, по видимому, Сербская пословица: «радо и мотика свѣтъ кормя», т. е., соха и заступъ кормятъ свѣтъ.

раженіе: «бѣлая ярица и яряя пшеница». ¹ Здѣсь явно, что слово яряя, ярица не принимается только въ смыслѣ весенней, ибо тогда и всѣ прочіе яровые хлѣба имѣли бы право на это выраженіе, присвоенное единственно пшеницѣ, въ смыслѣ сѣва, отъ древняго ярь — жарь, названіе бога — весенняго солнца и производительной силы земли Яра, Яровита (Harowit) или Ярилы.

Пшеница по самому своему свойству, преимущественно бѣлый хлѣбъ, чистый хлѣбъ, какъ называетъ его Несторъ въ житіи Θεодосіа Печерскаго: «Потрудившимся (инокамъ) въ ту недѣлю, тѣмъ уставлено бысть Преподобнымъ Отцемъ Нашимъ Θεодосіемъ, въ питокъ той недѣли (первой Великаго Поста), да бываютъ имъ хлѣбы чисты зѣло.» Это мѣсто показываетъ намъ, что въ то время пшеница на Руси была еще рѣдкимъ лакомствомъ: такъ говорить и пословица: «Матушка рожь кормить всѣхъ дураковъ, а пшеничка по выбору.» И дѣйствительно, ея имена и свойства явно указываютъ намъ, что ярица растеніе юга: вотъ чѣмъ, можетъ быть, и объясняется чужеземное происхожденіе слова пшеницы, въ которомъ Рейфъ и Гримъ видятъ отголосокъ Латинское rapicum, Древне-Нѣм. reuick, reuich, fench, т. е., хлѣбъ вообще, подобно какъ Латинск. frumentum, хлѣбъ, перешло въ Франц. froment въ имя пшеницы, какъ хлѣба по преимуществу. Чисто Русскимъ сѣвернымъ хлѣбомъ является, напротивъ, наша рожь; такъ въ томъ же житіи Θεодосіа говорится про скудную пищу первыхъ иноковъ Печерскихъ: «и ядь ихъ бѣ ржанъ хлѣбъ токмо и вода.» Самое названіе этого рода хлѣба. перешедшее къ Нѣмецкимъ, Финскимъ и Литовскимъ пломенамъ (roskenrog-rhug-ruggei) ² осмысливается въ одномъ Славянск. рожь, отъ корня родъ (родить, рожать, урожай), Латинск. vesica, Франц. seigle. а другія, связанная съ ними, названія ржи Южныхъ народовъ происходятъ отъ vesica, рѣзать, очень неопредѣлительное названіе, относящееся ко всякому роду хлѣба, и приложенное. вѣроятно, къ обозначенію ржи, когда ее узнали въ Римѣ, что было довольно поздно, и гдѣ она очень мало употреблялась.

¹ Древне-Нѣм. hweizi, Старо-Сакс. huēt, Англо-Сакс. hwaete, Древне-Нѣм. hweiti, Древ.-Слѣ. waizen, Англ. wheat, Датск. hwede.

² Древне-Нѣм. rocco, roggo, Англо-Сакс. ruge, Англ. rye, Древ.-Слѣ. ruggi, Шведск. rog, rag, Датск. rug, Литовск. ruggei, Русск. рожь, Чех.-Слѣ. rži, gen. rži, Польск. roż, rży, Венг. rozs, Финск. ruis, ruvis, ragg, rozz.

Послѣ пшееницы и ржи занимаетъ первое мѣсто въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ овесъ, но сѣется уже не для пропитанія человека, а для кормленія домашнихъ животныхъ (такъ въ одномъ Сербскомъ преданіи упоминается о сѣменахъ людскомъ и скотскомъ), въ особенности лошадей и птицъ, въ Швеціи овесъ называется *hestakorn*, лошадиное зерно.

Замѣчательно, что, кромѣ сего названія, овесъ находится въ постоянномъ филологическомъ сродствѣ съ козломъ и бараномъ: Нѣмецкая пословица говоритъ: «*Den bock auf die haberkiste setzen,*»¹ какъ будто бы къ кормленію этой породы животныхъ по преимуществу относился посѣвъ овса. Сербское названіе овса *зобъ*, откуда *зобанье*, *зобати*, *зобленье*, *кормъ*, *кормить*, и *зоблица*, *овсяный мѣшокъ*)² означало не только овесъ, но и всякій зернистый кормъ, даваемый лошадямъ. По Русски соответствуетъ тому же слову *птичій зобъ* и *зобать*, *клевать кормъ* (о птицахъ), но въ областныхъ нарѣчіяхъ *зобня* встрѣчается въ смыслѣ *торбы*, и глаголь *зобать*, бѣтъ что нибудь мелкое разсыпашееся, на пр., ягоды, горохъ и проч. Изъ всѣхъ этихъ словъ принимаетъ Сербское *зобъ* значеніе всякаго мелкаго зерна, почему это слово и приложено по преимуществу къ овсу, какъ главный кормъ лошадей и птицъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно и въ Латинскомъ языкѣ сходство *avena* (овесъ) и *avis* (птица).

Значительное мѣсто въ нашемъ хозяйствѣ занимаетъ греча, гречиха, хотя объ ней до XV вѣка нигдѣ не упоминается и, вѣроятно, что, подобно рису (Сарачинское мшено) и кукурузѣ, она явилась весьма поздно, не только у насъ, но и во всей Европѣ: какъ растительное ея свойство, такъ и названіе, указываютъ намъ на Восточное ея происхожденіе.

¹ Древне-Нѣм. *haraго*, Нѣмецк. *hafer-haber-howago-hafri* и проч., соответствуютъ не только Древне-Нѣм. *hafer* и *haraг*, но и Латин. *sarag* и *sarga*, Финск. *kauri*, козель, *hauga*, овесъ, Эстон. *kaга*, козель, *kaev*, овесъ, Ирланд. *kaug*, овца, *coige*, овесъ, Литов. *awizos*, овесъ, *awis*, овца, Латышск. *ausas*, овесъ, *aus*, овца, Латин. *avena*, овесъ, *avis*, птица, Славян. овесъ, овень (баранъ, овца), Санскр. *avis*, овца.

² Имена овса имѣютъ почти на всѣхъ языкахъ одинъ и тотъ же слогъ *ав* или *ов*, *ows*, и Нѣмецк. названіе овса *hafr*, *haft*, *hauf*, не дѣлаютъ адѣсь исключенія. Но переходъ отъ *avena* къ *haraго* указываютъ Франц. *avoine* и *aveгон*. Замѣчательно также Франц. *haufre-sac*, *дамъ* происшедшее отъ Нѣмецк. имени овса.

Въ Европу она, вѣроятно, занесена изъ Аравіи и зовется по Французски *blé sarrasin*, а по Нѣмецки *Heidekorn*, *Heidenkraut* (отъ *Heide*, изычникъ), откуда и Сербское ея имя хайда или хайдина, подобно какъ кукуруза носить имя Турецкаго хлѣба, *blé de Turquie*, *Türkischkorn*, и рисъ въ Древне-Нѣмецкомъ языкѣ называется *arawes*, *arawez* (собственно горохъ).

Замѣчательно также, что какъ первый юго-восточный хлѣбъ, иршедшій въ Европу, есть пшеница, то и при появленіи другихъ зернистыхъ растений того же края постоянно придавалось имя пшени, какъ прозвище всѣхъ полуденныхъ растений; такъ наше Русское: Сарачинское пшено (рисъ), и Малороссійская пшеничка (кукуруза), и Нѣм. *araweiz*, рисъ, *Buchweizen*, греча, и *Türkischweizen* (кукуруза), Латышск. *Turky kweeshi*.

Русское греча, гречиха (Латышское *grikki*) прямо указываетъ на то, что это растеніе принесено къ намъ изъ Греціи, почему и въ народномъ приговорѣ о гречи упоминается о Царѣградѣ: «звали, позывали, нашу гречу во Царѣградъ побывать со Князьями, со Боярами, съ честнымъ овсомъ, съ золотымъ ячменемъ.» По другому народному преданію вывезена она изъ Татарскаго полона: «Крупничка Княжна убогой старушкой подъ оборотомъ крупичетаго зерна, и то зерно схоронила старуха на святой земли Русской, на широкомъ полѣ привольномъ, и учало то зернышко въ ростъ итти, и уродилась отъ него греча въ 77 зернахъ, повѣяли вѣтры буйны со всѣхъ 4-хъ сторонъ и разнесли тѣ 77 зерень на 77 полей, и съ той поры на святой Руси распространилась греча.»¹

Въ изученіи нашихъ отечественныхъ древностей, тамъ, гдѣ Историческія свѣдѣнія скудны и недостаточны, является намъ на помощь народное преданіе и исторія языка. Такъ въ Исторіи Русскаго земледѣлія историческіе акты сообщаютъ намъ самыя скудныя извѣстія о томъ, что у Древянъ были нивы, и что въ такомъ-то вѣкѣ сѣялись такіе-то хлѣба, когда, напротивъ, путемъ филологическимъ мы видимъ постепенное развитіе земледѣльческаго быта и связанныхъ съ нимъ, или изъ него истекающихъ, понятій права, собственности, богатства и честнаго труда.

¹ См. Сказанія Руск. народа, у Сахарова. въ Народ. Дневникѣ.

Съ появленіемъ хлѣбопашества разомъ измѣняется и направленіе народной промышленности, если можно назвать этимъ словомъ тѣ способы пропитанія и обогащенія дикихъ кочующихъ племя. Первая основа новаго быта есть добываніе себѣ пищи собственноручнымъ, честнымъ и, слѣдовательно, безгрѣшнымъ трудомъ; агословеннымъ Богомъ, въ противоположность грабежа и звѣрства кочеваго быта. Въ представленіяхъ добра и богатства хлѣбъ занимаетъ первое мѣсто: «Все добро отъ хлѣба,» и скотоводство является уже на второмъ планѣ: «Скотинушка водится, гдѣ хлѣбъ роется.» Самое слово товаръ ¹ (отъ Лат. *taugus*), означавшее и по нѣ въ областныхъ нарѣчіяхъ гурть скота, изъ земли родится, е., означаетъ хлѣбъ.

И какъ земледѣліе содержитъ въ себѣ зерна развитія всѣхъ искусствъ и ремеслъ, то и слова, выражающія трудъ земледѣльца (бота, *arbeit*) и, главное его вспомогательное средство, орачъ (орачъ, переходитъ въ обозначеніе труда и инструмента (работы и орудія) всѣхъ ручныхъ ремеслъ вообще.

Съ осѣдлостію появляется и понятіе собственности въ болѣе широкъ смыслѣ землевладѣнія, и опредѣляется граница—межа, разграничивающая земли одного владѣтеля отъ другаго; Домовой геній сѣнаго очага, дѣдушка Чуръ или Пращуръ (панъ-чуръ) переходитъ пограничный столбъ (чурбанъ), и въ словѣ черезъ-чуръ явно становится синонимомъ межи.

Какъ символъ владѣнія, плугъ, переходитъ и въ обозначеніе грады, какъ далеко человекъ въ силахъ забросить плугъ, или куда оръ, коса и соха ходятъ, до того мѣста распространяется и владѣніе; почему и въ старину земля дѣлилась на плуги и сохи, точно же, какъ на Западѣ она дѣлилась на запаханные поля (Латинск. *ag*, Нѣмецк. *Asker*, Французск. *асге*, мѣра земли). Появленіе ора возлѣ сохи указываетъ на постоянное завоеваніе земледѣлія дикою лѣсной природой, почему и появляется границей владѣнія лѣсъ; въ немъ, какъ въ рамѣ, помѣщается пашня, почему отъ лѣсье (лѣсъ) зарамье — граница и самая рама.

При первомъ появленіи земледѣлія раздѣляется общество на владѣющихъ и невладеющихъ землей, и послѣдніе дѣлаются рабами,

¹ Гурть рогатаго скота въ областныхъ нарѣчіяхъ Воронежской, Орловской и Курьской губерній, гдѣ живутъ Малороссіяне, или ихъ потомки, донывъ зовется варомъ.

работниками (въ первоначальномъ смыслѣ сего слова), ролейными закупами землевладѣтелей, и юридическій актъ закупа совершается въ передачѣ работнику господскаго плуга и бороны: «еже дагъ ему господинъ плугъ и борону, отъ него же купу емлетъ, то ему погубивше платити.»

Слово рабство, имѣя одно коренное значеніе труда, работы, стоитъ уже въ земледѣльческомъ трудѣ ступенью выше того рабства кочеваго періода, гдѣ холопъ считался личной принадлежностью его побѣдителя, какъ будто физическими узами привязанный къ своему господину, въ знакъ чего и носили на Западѣ рабы кольца и ошейники, подобно домашнимъ животнымъ.

Съ другой стороны плугъ становится принадлежностью землевладѣльца, господина, слѣдовательно, и цѣлаго племени покорителей, племени Царскаго, владѣющаго землей, почему плугъ бываетъ символомъ Царства: Чехи выбираютъ себѣ въ Государи того, кто обѣдаетъ на желѣзномъ столѣ (плугѣ), Цинциннатъ покидаетъ плугъ свой на диктаторство и побѣды.

Соревн. Д. Шеннингъ.

ЗАПИСКИ

О КИЗЛЯРЪ.

За Моздокомъ, по пути къ Кизляру, Кавказскія стени примѣтно понижаются къ Каспійскому морю и принимаютъ видъ болѣе дикій пустынный. На лѣво отъ дороги мелькаютъ вышки кордонныхъ заковъ съ часовыми при маякахъ, ¹ а на право, въ синей дали, гуть грядами Кавказскія горы, которыхъ свѣжныя вершины бѣютъ на горизонтѣ, какъ облака, озаренные солнцемъ.

Въ Наурѣ почтовая дорога расходится на двѣ стороны: на юго-токъ вѣтся она по прибрежнымъ станицамъ до Аляръ-Аджиюрской переправы, ² а на сѣверовостокъ идетъ къ Кизляру, какъ въ песчаныхъ степей «Буруновъ». Солончаки, такъ называемыя «убокія», облѣпленные солью, ямы, разбросаны по степи, какъ что бы пустыя чаши. Желтыя ковыли, бурьяны и сѣдой ковыль пе-лѣютъ по сторонамъ дороги, а вдали чернѣютъ дымящіяся кибитки Караногайцевъ. Лѣтній зной въ безводныхъ пустыняхъ, ко-ры и другія насѣкомыя дѣлаютъ дорогу по пескамъ чрезмѣрно

какъ называютъ высокій шестъ, на которомъ навязанъ смоляной боченокъ, или олома, ушитаяя дегтемъ, или же пукъ сухаго хвороста. Сторожевой Козакъ, увидя хищниковъ, зажигаетъ маякъ. Этотъ сигналъ передается быстро отъ пикета къ пикету, и Козаки спѣшатъ на защиту къ пункту тревоги.

о этой дорогѣ, учрежденной со времени послѣдняго возмущенія въ Чечнѣ, въ 838 году, происходитъ сообщеніе съ отрядными войсками нашими, находящимися на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. Станціи содержатся на счетъ казны. Министертвомъ Внутреннихъ Дѣлъ вмѣнено въ обязанность Областному Начальству закрыть ихъ, когда, по военнымъ обстоятельствамъ, не будетъ въ нихъ надобности.

утомительную. Съ приведеніемъ въ настоящее время въ болые устройство почтовыхъ станцій, по крайней мѣрѣ проѣзжающіе в встрѣчаютъ, говорятъ, тѣхъ остановокъ, какія случались тамъ прежде. Бывало, арканомъ въ степи поймавъ дикихъ бѣгуновъ, Ногаецъ посиѣбно запрягаетъ ихъ подъ проѣзжающаго. Въ это время тамъ Ногайцевъ становится передъ лошадьми и держитъ ихъ за гривы. Потомъ, когда почтарь и путникъ едутъ по мѣстамъ, тогда ругаются въ стороны, и лошади мчатъ цѣлкомъ по бугристой степи. Ногаецъ ни мало ихъ не удерживаетъ, кричитъ «гайда!» и свиститъ, стараясь править къ дорогѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ сторону, гдѣ слѣдующая станція. Такъ проѣзжавъ нѣсколько верстъ по песку, въ жаркій полдень, лошади падали, или, усталыя, шли медленнымъ шагомъ до мѣста. Были случаи, что отъ полной ѣзды ломались, опрокидывались экипажи, и проѣзжающіе поднимали замертво, засыпанныхъ пескомъ, покрытыхъ насквозь знойной степи.

У Карагаглинки, Грузинской деревни, въ 9-ти верстахъ отъ Кизляра, устроена царская переправа черезъ Прорву. ¹ Обиліе въ изображеніи произведеній южной природы очень замѣтно за этимъ широкимъ и быстрымъ рукавомъ Терека. Тучныя стада рогатого скота и овецъ покрываютъ сочныя долины, рисныя посѣвы, «штутки», и виноградники зеленѣютъ повсюду. Огнистыя фазаны и желтые стрепеты летятъ къ вамъ на встрѣчу; куропатки выбѣгаютъ на дорогу; дикими голубями и куликами разныхъ видовъ покрыто побережье; журавли и цапли бродятъ стаями по болотамъ, лебеди плаваютъ по заливамъ; простыя дикія утки и красныя утки, «сары», красныя чапуры, дикіе гуси, каравайки, колпицы, чайки, веровники съ чернымъ ошейникомъ и другія птицы и птачки, шумомъ наполняя воздухъ, летаютъ передъ вами, надъ вами. Множество различныхъ племенъ и поколѣній, черные, бѣлые, оливковые, въ буркахъ, пестрыхъ халатахъ, чухахъ, ергакахъ, черкескахъ, панахъ, съ такимъ же разнообразіемъ шапокъ, встрѣчаются вамъ, ежeminутно, то верхомъ, то пѣшіе, то въ арбахъ.

¹ Надъ Терекъ, въ 7-ми верстахъ выше Кизляра, прорыли канаву для орошенія сѣверныхъ городскихъ садовъ и полей. Канавы эта, сильными въ нее струями воды Терека, образовала рѣку Борозду, изъ которой въ 1813 году вытекаетъ, въ направленіи къ сѣверу, быстрый и большой потокъ, который впадаетъ въ Каспійское море. Потокъ этотъ назвали Прорвою.

За 7 верстъ отъ Кизляра начинаются сады. Это не дорога, это какъ ароматная аллея, отбѣнная по обѣимъ сторонамъ высокими ройными рянами и орошаемая глубокими, проведенными изъ Тека «татаулами», канавами, изъ которыхъ вода съ шумомъ разливается по садамъ и виноградникамъ. Персики, абрикосы, винныя оды, бѣлыя сливы, грецкіе орѣхи, между тутовыми и черешневыми деревьями выглядываютъ изъ за колючей ограды.

Выѣхавъ изъ этой превосходнѣйшей аллеи, минувъ Грузинское кладбище, вы видите вдали Кизляръ, раскинувшійся на широкой равнинѣ, по лѣвую сторону Терека, въ дельтѣ между Бороздою и рекомъ. Винная, душная атмосфера начинаетъ обдавать васъ, когда вы подъѣзжаете къ городу; скворцы поднимаются съ дороги такимъ множествомъ, что затмѣваютъ надъ вами свѣтъ солнца.

Кизляръ составляютъ: городъ, крѣпость, солдатская слобода и Шовое строеніе, называемое Татарами Кирды-ауль. Кизляръ въ настоящее время обведенъ землянымъ валомъ съ глубокимъ ровомъ.

Городъ составляютъ: 1. Армянское отдѣленіе или слобода, «Арнтиръ»; 2. Грузинская слобода, «Курце-ауль», 3. Станица Терскихъ Козаковъ; 4. Новокрещенцы, «Кристи-ауль»; 5. Татарское отдѣленіе, населенное Персіянами, «Тезикъ-ауль», Ногайцами и Куликами, «Окочиръ», и Казанскими Татарами, «Казанте-ауль».

Земляныя валы крѣпости возвышаются уединенно на широкой равнинѣ, между солдатскою слободою и городомъ. Въ ней помѣщаются, кромѣ казармъ и другихъ военныхъ принадлежностей, окруженныя казначейство, острогъ, провіантскій и соляной магазины. Внутренній и наружный видъ крѣпости наводитъ уныніе: пустота и измѣняемая однообразность. Каменная соборная церковь, во имя Казанской Божіей Матери, бѣлѣетъ по срединѣ площади; подлѣ глубокаго колодезя, осыпанный двумя ивами, по времени почти россыпями крѣпостными валамъ. Сѣверныя и южныя ворота крѣпости забиты наглухо, а прочія подъемными мостами на чугунныхъ опорахъ напоминаютъ времена, когда пароль и лозунгъ были въ Кизлярской крѣпости не простымъ повтореніемъ военнаго артикула. Чужныя пушки, не стрѣлявшія со времени нашего вѣдѣнія на Кизляръ (ихъ Мансура до набѣга Казы-Муллы, лежатъ на стѣнахъ многія съ лафетовъ; вода кругомъ крѣпости подернулась зеленью, заросла камышемъ, въ которомъ раздаются по ночамъ пронзительный крикъ кулика и дикой утки, когда часовые заведутъ свое протажаніе «Слушай!»

Солдатская слобода, «Слободка», лежит не далеко отъ крѣпости, на западъ. Отставные и служащіе, военные и гражданскіе чыновники, приказные присутственныхъ мѣстъ, инвалиды и жены солдатскія и многіе мѣщане живутъ въ этой отдаленной части города. Русскіе и проѣзжающіе имѣютъ пріютъ по большей части въ слободкѣ, потому что Армяне и Грузины, да и прочіе жители Кизляра, выключая, разумѣется, Русскихъ, по непринятому обыкновенію, инородца, особенно Русскаго, пускаютъ неохотно къ себѣ въ домъ на квартиру. Въ Слободкѣ помѣщается наймомъ Почтовая Контора со станціей.

Кирды-юлеръ широкимъ пустыремъ отдѣленъ отъ всего города. Тамъ множество виноградниковъ, садовъ и огородовъ, принадлежащихъ разнымъ жителямъ Кизляра.

Церквей Православныхъ въ Кизлярѣ 5: Соборъ въ крѣпости, Крестовоздвиженскій мужской монастырь, Грузинская церковь живоноснаго Источника, Станичная и Кладбищенская «Николы». Двѣ первыя изъ нихъ каменныя.

Армянскихъ церквей 4: одна во имя Апостоловъ Петра и Павла, каменная и замѣчательна по своей величинѣ и богатству; другая во имя Успенія Божіей Матери, самая древняя въ Кизлярѣ; остальная Кладбищенская.

Въ Грузинской церкви служба совершается на Славянскомъ языкѣ, а Евангеліе читается на Грузинскомъ. Грузинки занимаютъ въ церквахъ мѣсто назади.

У бывшаго Станичнаго Атамана, Мещерякова, хранилась копія съ челобитной Терскихъ Козаковъ о построеніи у нихъ храма. По своему изложенію и древности, она достойна замѣчанія. Вотъ списокъ съ этой копіи:

«Государю, Преосвященному Иларіону, Астраханскому и Терскому, Пензенскому, Саратовскому, Тамбовскому, Козловскому и Корсунскому, бьютъ челомъ холопы и сироты Великаго Государя, Терскіе Козаки: Спирька Топоръ, Ивашка Саунъ, Егорка Нечаевъ, Гришка Носъ, Сидорка Ивановъ, и всѣ Козаки, холопы и сироты Великаго Государя. Въ прошломъ, Государь, въ 1740 году, напали на насъ, холопей и сиротъ Великаго Государя, бусурмане Татары, сожгли св. церковь, увели у насъ, холопей и сиротъ Великаго Государя, Попа Лавра и великое разореніе причинили. Великій Господинъ, Преосвященный Иларіонъ, Астраханскій и Терскій, Пензенскій, Саратов-

И, Тамбовскій, Козловскій, Корсунскій! пожалуй насъ, холопей зироть Великаго Государя, вели церковь новую во имя Николая дотворца построить, и пришли намъ, холопамъ и сиротамъ Велико Государя, другаго попа за Лавра. Вели, Государь, смилуйся пожалуй!»

Въ Армянскихъ храмахъ, во время священнодѣйствія, многіе моляся предстоятъ въ шапкахъ, особенно старики; нѣкоторые сѣгъ на полу, поджавъ подъ себя ноги и перебирая въ рукахъ ки, женщины, закутанныя въ чадры, ¹ изъ подъ которыхъ видѣть только ихъ носъ и свѣтятся черные глаза, сидятъ на заднемъ стѣнѣ церкви.

Старыя Армянки богомольны, молодыя напротивъ. Очень не мно- изъ нихъ грамотны. Есть Армянки въ Кизлярѣ, которыя не вають даже никогда въ церкви, и имѣють объ ней понятіе лишь слышкѣ отъ другихъ. Причины такому жалкому ихъ со- янію ревность мущинъ и невѣжество духовенства, которое, за- гаясь своими чалтуками и виноградниками, мало радить о паствѣ: ность къ приобрѣтенію, если не у всѣхъ, то у многихъ изъ нихъ терпима и отвратительна.

Мечетей Татарскихъ, «мечгидъ», въ Кизлярѣ 5: всѣ деревянныя. икъ муллъ протяжнымъ напѣвомъ раздается утромъ и вечеромъ минаретовъ. Положа голову на лѣвую ладонь, они кричатъ во горло: «Проснитесь, вставайте, Правовѣрные! Молитва лучше . Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, Мугамедъ Его пророкъ. Проснитесь, звайте!» . . .

Вдѣлавъ дома умовеніе, скинувъ туфли или чевяки у дверей ме- на, Мусульманинъ робко вступаетъ въ сей домъ молитвы. Съ трубъ въ зубахъ, въ косматой шапкѣ, сидитъ онъ на полу мечети, иело вздыхая въ сокрушеніи сердечномъ и, порою, звучно уда- себя въ грудь ладонью. Не можно равнодушно смотрѣть на ди- о Кумыка, когда онъ, простершись на голомъ полу, болѣе по- аса лежитъ безмолвенъ и слезы ручемъ текутъ въ щели помо- изъ закрытыхъ глазъ его. Сердечная исповѣдь и мольбы его агодочны. Онъ не подалъ милостыни; ему хочется коня, кото- і уносилъ бы его отъ пули Русскаго солдата, отъ тоски сидѣть

ное покрываю, окутывающее Армянокъ и Грузиннокъ съ головы до ногъ.

долго дома; у него же умираетъ слѣпой отецъ, томяся долгою жизнью; онъ боится, чтобъ лицо любимой его жены не пришла портить злая осна. А то, что онъ у сосѣда украсть вчера лошадей Армянина за Терекъ и тамъ его продалъ, или зарѣзалъ, фякшлыкъ аллага», это добрыя Богу вѣсти.

При мечетяхъ заведены школы, гдѣ дѣти Магометанъ съ утра вечера читаютъ на распѣвъ «Коранъ»¹ и выписываютъ отъ правой руки къ лѣвой тростниковымъ перомъ, обмакиваемымъ въ тукъ Арабскія буквы ت ت ا ب ت ا ашфъ, би, ти, си, и проч. Мушьяншамающіе въ этомъ случаѣ мѣста учителей, получаютъ за труды родителей учащихся довольно значительную плату. Говорятъ, что въ одной изъ Кизлярскихъ мечетей училъ дѣтей знаменитый въ слѣдствіи своими разбоями Казы-Мулла.

Большая часть Магометанъ Кизлярскихъ Шинты.² Принимая такъ какъ и Сунни, въ основныя начала вѣры: ученіе о Богѣ, «фарифтула», вѣра въ правосудіе Божіе, «адалетула», въ пророчествѣ «небуветъ», въ воскресеніе, «меадъ», въ намѣстниковъ пророка, «аметъ», и кромя этого принимая, за одно съ Сунни, умовенія, шастыню, поклоненіе Меккѣ, «намазъ», ежедневную молитву, «дари», празднованіе пятницы и постъ Ремезанъ, они имѣютъ свой «арузъ», новый годъ, 9 Марта, при равноденствіи, и празднуютъ и чальные дни «сухарема», своего луннаго года, когда произошла мученическая смерть сына Алиева.

Подражая Дагестанцамъ, Кизлярскіе Шинты очень вѣрятъ пьсманамъ, приписывая имъ разныя цѣлебныя свойства. Это снъ Корана, зашитые въ шелковые мѣшочки, или земля съ могилъ

¹ Коранъ у Магометанъ составляетъ каноническую книгу, въ которой изложены правила вѣры, и богослуженія, и законы гражданскіе, и правила нравственныя. Кораномъ называлъ эту книгу Абубекеръ, вочимъ Магомета. Коранъ часто «читай». Онъ раздѣленъ на 114 главъ. Есть главы болѣе 60-ти страницъ, другіе не болѣе 4 строкъ. Главы стоятъ подъ странными названіями, и имѣютъ: муха, корова, паукъ, милосердіе, желѣзо и проч.

² Алиі, зять и двоюродный братъ Мугамеда, и Абубекеръ, вочимъ его, считали преимущественно власти пророка, толкуя при томъ ученіе его по своему. Поэтому Абубекера и единомышленниковъ его, Омара и Османа, всѣ признали за Алиа. Признающіе Мугамедовыми наследниками Абубекера, Омара и Османа называются Сунни, а послѣдователи Алиа—Шинты.

пей, прославившихся на Востокъ. Земля съ могилы Сайгара легъ, будто бы, отъ тоски, съ могилы Дадагната лечитъ сумасшедхъ, съ могилы Сафгяида отъ укушенія змѣй. Есть талисманы я рогатаго скота и для лошадей. Мѣшечекъ со стихами Корана пиваютъ въ одежду на спину, или на грудь, а землю пьютъ съ сою, окуриваются ею и также зашиваютъ въ одежду.

Въ Кизлярѣ, выключая казенныхъ каменныхъ зданій въ крѣпости, нѣтъ ни одного каменнаго дома; деревянныхъ же на каменномъ фундаментѣ очень много, и есть даже большіе и красивые. Въ Аршевыхъ со львами на воротахъ, Калустова, Калантарова, ребрякова, Баяндурова, Ходжаева, Буржалова, Адакова и проч., устыдились бы стать на ряду съ хорошими домами городовъ бернскихъ.

Домы богатыхъ Армянъ построены, по большей части, съ двумя дворъ крыльцами, соединенными галереєю съ большимъ навѣсомъ. Одну половину дома занимаетъ женское отдѣленіе, которое наружности отличается отъ мужскаго окнами съ желѣзными рѣшетками краснаго цвѣта. Эти рѣшетки на окнахъ въ настоящее время дѣлаются, кажется, въ предосторожность отъ воровъ. Ворота всякое время на замкѣ. Для прислуги, быть которой ожидаетъ особеннаго вниманія Правительства, поставлены сакли по обѣ стороны широкаго двора, гдѣ также помѣщается домашній скотъ, птица, амбары и проч.; четвертую сторону квадрата занимаетъ огромное деревянное строеніе, водочный заводъ, изъ за котораго выглядываетъ суковатый цеберъ колодезя. Заводъ при домѣ не во многихъ. За заводомъ слѣдуетъ виноградный садъ, разбѣзымаемый во южныхъ мѣстахъ ручьями изъ Татаула, проведеннаго въ городъ изъ река, для напоенія виноградниковъ. Аллеи сада приводятъ къ ухъ-атажной бесѣдкѣ, освѣщенной абрикосовыми и тузовыми деревьями. Въ отдаленныхъ углахъ двора стоятъ пустыя бочки, ингоказгири и другія садовыя орудія, послѣ работы еще не прибранна въ сакли.

Домы бѣдныхъ жителей, которыхъ первостатейные заводчики называютъ презрительно «парцаць», что, по буквальному переводу, значитъ «чистый», строятся изъ плетня, обмазаннаго глиною, смѣшанною съ рубленою соломой и шелухой, или кладутся изъ нежженаго крупнаго кирпича; или же для стѣнъ ставятъ два плетня и называютъ пространство между ними землею и пескомъ. Крыши плоскія,

земляныя, поросшія травой. Они служатъ лѣтомъ убѣжищемъ отъ духоты, а иногда на нихъ пасутся козы и овцы. Жилища изъ нежженого кирпича извѣстны подѣ названіемъ турлучныхъ строеній, а дѣлаемыя изъ плетня, подѣ названіемъ саклей. Какъ тѣ, такъ и другія непрочны, и по сырой почвѣ земли вредны для здоровья.

Большая улица въ Кизлярѣ одна. Начинаясь отъ площади, окружающей крѣпость, она идетъ прямою линіею до площади каменной Армянской цѣркви, откуда поворачиваетъ подѣ нрямыхъ угломъ направо, и далеко тянется въ направленіи къ Тереку до Татарскаго базара. Чистота на улицахъ, особенно глухихъ, совершенно Азіатская. Лѣтомъ отъ сору, выносиваго изъ домовъ и со дворовъ, нѣтъ свободнаго проходу, а весною и осенью ни прохода, ни проезда отъ грязи, которая въ Декабрѣ и Генварѣ замерзаетъ волнами. Горе неопытному, если онъ, не предузнавъ оттепели, пойдетъ чрезъ улицу. Часто случается, что арбы, встрѣтившись въ переулкахъ Арментира, не могутъ, по тѣснотѣ и глубокой грязи, разѣхаться, загрузаютъ и остаются такъ до весны, или до самаго лѣта. Татаулы, какъ называютъ въ Кизлярѣ узкія канавы, проведенныя изъ Терекъ въ сады, проходя въ нѣсколькихъ мѣстахъ по городу, не принимаютъ стоковъ уличныхъ, что необходимо должно было устроить для пользы города. Если бъ провести изъ Терекъ еще одну татауль и соединить его поперечно съ прочими канавами, тогда можно было бъ ожидать большей опрятности въ многолюдномъ городѣ и свѣжести воздуха среди нестерпимыхъ лѣтнихъ жаровъ. Кромѣ неопрятности и грязи, «чапра» (дрожжи съ водочныхъ заводовъ), которою наполнены глубокіе рвы, заражаетъ гниlostью воздухъ. Вотъ причины упорныхъ болѣзней и большой смертности въ Кизлярѣ, прибавляя къ тому обжорство незрѣлыми плодами, усобенно персиками, абрикосами, виноградомъ, дынями и проч. Окрестныя болота, образуемыя разливами Терекъ, также имѣютъ вліяніе на климатъ Кизлярскій.

Лавки, при значительной торговлѣ Кизляра, находятся въ жалкомъ положеніи. Ихъ два отдѣленія: красныя лавки съ сукнами и разными матеріями и лавки овощныя. Галантерейныя вещи, стекло, фарфоръ, желѣзо и проч. находятся въ овощныхъ лавкахъ. Запрещиваютъ на товарахъ очень мало. Дукановъ, какъ называютъ тамъ лавочки, множество: они разбѣяны по разнымъ частямъ города, болѣе въ кварталахъ Татарскихъ и Армянскихъ. Въ одномъ изъ тат-

дукановъ продается «чихирь», красное вино, въ другомъ, кромѣ чидаря, сѣрные спички, Персидскій табакъ и махорка, со всѣми принадлежностями куренія, и тутъ же рядомъ, на отворенномъ окнѣ лукана, хлѣбъ и кислое молоко.

Вся торговля такого лукана идетъ не болѣе какъ на 30 руб. серебромъ. Лѣнь и праздность, по туземной дешевойжъ жизненныхъ потребностей, довольствуется и этимъ, и кафтанъ изъ горскаго сукна, «чуха», исцещренная кожными заплатами, не имѣеть моды. Парццъ не знаетъ приличія, по которому у насъ стыдно Русскому мужичку «выйти въ люди» безъ пояса, или купцу въ кучерской шапкѣ.

Кромѣ означенныхъ лавокъ и дукановъ, находятся въ Кизлярѣ, за городомъ, лавки и балаганы для ярмарки, которая собирается тамъ въ день Троицы и 12 Октября.

Базаровъ два: Татарскій и Армянскій. Первый помѣщается у большой мечети, въ сосѣдствѣ Терецкихъ дукановъ, а другой отъ овощныхъ лавокъ и Терека идетъ вдоль по татаулу, занимая площадь противъ крѣпости. Армянскій базаръ разнообразностию своею и смѣшеніемъ языковъ напоминаетъ священное преданіе о Вавилонскомъ столпотвореніи.

Въ осеннее время, когда бываетъ рѣзка винограда, весною при торкалахъ и лѣтожъ при зеленой подвязкѣ, ¹ вся площадь между городомъ и крѣпостью усѣяна толпами горцевъ, которые изъ своихъ ауловъ приходятъ толпами въ Кизляръ на работу. Каждое племя располагается на площади отдѣльнымъ кружкомъ, сидитъ на ногахъ, въ зубахъ съ коротенькими трубками, большая часть безъ рубахъ, закрывая черную грудь лоскутомъ косматой бурки. По овчиннымъ шапкамъ разныхъ цокроевъ назовешь имена и мѣста ауловъ, откуда пришли дидаря. Въ ожиданіи нанявателя, они говорятъ, или, выражаясь по тамошнему, «лапочуть» безъ умолку, скаля бѣлые зубы. Воровство, разбой, пшеничный хлѣбъ и порохъ, хлѣбъ, какъ млочайшее ихъ лакомство, а порохъ, какъ вся надежда будущности, составляютъ предметъ ихъ разговоровъ. Смѣхъ порою карика-

¹ Весною вынимаютъ виноградныя лозы изъ грядъ, куда онѣ бывають зарываемы до зиму, для сбереженія отъ морозовъ, и ставятъ при каждой лозѣ толкіе кольца, которые называются торкалами. Потомъ, когда лозы поднимутся и разовьются, подвязываютъ ихъ на тѣхъ же торкалахъ, что дѣлается нѣсколько разъ въ лѣто и называется зеленою подвязкою.

турить ихъ усатыя лица, на которыхъ ясно выраженъ смыслъ души каждаго. Кто всматривался въ эти лица внимательно, тотъ читалъ на нихъ: «Дай хлѣба мнѣ сего дня; я голодень . . послѣдній листъ положилъ въ трубку . . . жена босыя ноги разрѣзала о камни . . а завтра, гяуръ, не попадайся мнѣ на встрѣчу за Терекомъ»

Эти полулюди извѣстны въ Кизлярѣ подъ общимъ именемъ Горцевъ или Тавлинцевъ; т. е., горныхъ жителей, принимая, что слово «тау», по переводу съ Татарскаго, значить гора. Кумыки разныхъ колѣнъ, Кисты, Чеченцы, Осетинцы, Лезгины и другія племена идутъ въ названіи подъ одну категорію, а въ самой сущности похожи одинъ на другаго, какъ арбузъ на огурецъ. У каждаго свой обликъ, свои обычаи, свои преданія, свои повѣрья. Но объ этомъ послѣ.

Между толпами, сидящими, стоящими, колеблющимися, бродящими по площади, вы видите Осетина, продающаго сыръ и бурки, Черкеса съ зелеными сотами дикихъ пчелъ, Лезгина съ мѣдною посудой, Киста и Чеченца съ ружьями и шашками, Караногайца съ овцами, козами, Калмыцкими тулупами, ергаками, мерлушками, а Терскаго Козака съ оружіемъ и рыбой. Костюковскій Кумыкъ привезъ дрова и торкалы, Аксаевецъ кожи и овечью шерсть и проч. Армяне и Грузины предлагаютъ ягоды, овощи, фрукты. А тамъ ближе къ Тереку, румяныя Козачки Дубовской, Червленной, Наурской и другихъ станицъ Терскихъ, сидятъ на арбахъ, навьюченныхъ арбузами, дынями, огурцами, свеклой, капустой и проч. Солдаты вынесъ своей работы сапоги, стрѣляныхъ дрофъ, стрепетовъ и фазановъ. Слободская солдатка кричитъ о бубликахъ; подлѣ Армянинъ хвалить чуреки,¹ патражаны и канеры, а Русскій торговецъ отвѣшиваетъ пшеничный хлѣбъ отъ пудовой ковриги. Ржаной хлѣбъ за диквинку тамъ. Верблюды, качая Трухменца на двугорбыхъ навьюченныхъ хребтахъ своихъ, возвышаются между толпами. Послушные продѣтой сквозь ноздрю волосяной веревкѣ, они покорно

¹ Пшеничныя тонкія небольшія лепешки. Въ Аліи нашихъ хлѣбовъ не умѣли дѣлать. Армяне пекутъ и такіе чуреки, которые бывають болѣе двухъ аршинъ въ поперечникѣ. Они не скоро портятся и довольно вкусны. Патражаны (или патиссонъ melongena) имѣють цвѣтъ фіолетовой, переходящій въ зеленой, а форма похожи на огурецъ. Эти плоды составляютъ любимое кушанье Армянъ. Ихъ маренуютъ, варять въ сахарѣ и въ мясныхъ похлебахъ. Въ послѣднемъ случаѣ употребляютъ несозрѣвшими.

ожатся на землю, подгибая подъ себя ноги, чтобъ опустить чело-
вѣка съ хребта, или снова поднять его на себя. Вершники уви-
ваются въ народѣ, повторяя безпрестанно Татарское слово «качь»,
ѣги, или «тай», посторонись! По сторонамъ базара, за татауломъ,
уканы, изъ которыхъ въ однихъ продають чихирь, въ другихъ
еготь; въ иныхъ дуканахъ кують оружіе, жаряють шишлыкъ, шьють
шапки и чевяки, работаютъ пояса, седла, уздечки, и проч., и проч.
Табакки и харчевни, по малочисленности своей, едва замѣтны на пло-
щади. У первыхъ толпятся въ особенности Татары, большіе охот-
ники до «Русской араки», какъ они называютъ хлѣбное вино, и
ондари; а послѣднія, т. е., харчевни, посѣщаютъ лишь любители
двѣнадцати паръ чаю» и солянки со ржавой осетриной. Говоръ,
крикъ, стукъ, дѣлають этотъ базаръ шумнѣе берега Каспійскаго моря.

Говоря о базарахъ Кизлярскихъ, невольно вспоминаешь рассказы о
Ясырь-базарѣ, который, за нѣсколько десятковъ лѣтъ, помѣщался на
той же площади. Сюда Горцы выводили своихъ плѣнниковъ вся-
каго пола и возраста, изъ Русскихъ, Горцевъ барантовыхъ,¹ Гру-
зинъ, а болѣе изъ Армянъ.

Блѣдные, желтые, тощіе, покрытые грязными лохмотьями, боси-
сомъ, бывало стоять плѣнники, жалобно смотря на проходящихъ и
нами напрашиваясь на купцовъ. Часто здѣсь сынъ находилъ отца
подъ доскутами бурки и въ женскихъ шалварахъ; мужъ встрѣчалъ
свою жену, наряженную въ солдатскіе рейтузы, закрывающую во-
лосами остальныя части тѣла; мать узнавала ребенка, который тутъ
же въ толпѣ выглядывалъ изъ стараго сапога Русскаго извозчика.

Когда, по покореніи Джаръ, затруднилось сообщеніе Горцевъ
въ Анаюю, куда Турки пріѣзжали для покупки людей, то торгъ
плѣнниками преимущественно оставался въ Андреевской Кумыцкой
деревнѣ, находящейся за Терекомъ, въ 90 верстахъ отъ Кизляра, и
въ самомъ Кизлярѣ. Торгъ этотъ допустило Правительство, чтобъ
облегчить освобожденіе Христіанъ изъ плѣна. Андреевцы получали
большія выгоды. Вымѣнявъ плѣнныхъ у Чеченцевъ, Лезгинъ и дру-
гихъ горцевъ, по большей части на порохъ, хлѣбъ, соль, рѣдко на
деньги, они, за продажею ихъ въ своей деревнѣ, гдѣ славился ясырь-
базаръ на всѣ угорья и удоля Кавказскіе, остальныхъ приводили

¹ Барантою называется между Горцами похищеніе людей и скота за подобное же похищеніе. Баранта переходитъ иногда изъ рода въ родъ; убійства и пожары со провождаютъ нерѣдко это удалство.

въ Кизлярѣ. Кизлярца, осмотрѣвъ «двуногій товаръ», покупалъ плѣнниковъ на деньги. Не уводя плѣнника съ базара домой, онъ долженъ былъ прежде записать въ Полицію свое и его имя и объявить число заплаченныхъ за него денегъ. Обыкновенно за простаго плѣнника платили до 60 цѣлковыхъ. Другой монеты Горцы и теперь не принимаютъ. Но случалось (дѣло прошлое), что заплативъ 30 цѣлковыхъ, объявляли 50 и болѣе, для того, чтобъ отдалить день свободы плѣнника, которую получалъ онъ по заработкѣ заплаченнаго за него выкупа. Положено было зачитать въ годъ 24 руб. на асс., съ пищей и одеждой отъ хозяина.

Много жалкихъ анекдотовъ разсказываютъ про этихъ несчастныхъ страдальцевъ. Не одинъ изъ нихъ, доживая послѣдній годъ до своей свободы, умеръ съ кацгаремъ въ рукахъ, на грядкахъ виноградниковъ. Нѣкоторые сварились на водочныхъ заводахъ, а другіе изныли въ тоскѣ. У одного плѣнника вырѣзали сердце, для лѣкарства какой-то больной старой Армянки. Это преданіе подтверждено въ послѣдствіи подобнымъ злодѣйствомъ надъ мертвымъ рабомъ.

Окрестности Кизяра очаровательны. Съ двухъ сторонъ сады, съ третьей Топольская роща, съ четвертой Терекъ, и за нимъ дѣвственные степи.

Топольская роща осыпаетъ лѣвый берегъ Терека на пространствѣ около 19 верстъ. Отъ Астрахани до Кизяра и далѣе вверхъ по Тереку нѣтъ другаго лѣса. Многіе Ногайцы, кочуя всю свою жизнь въ песчаныхъ степяхъ, не видали лѣса. Эти номады, пріѣзжая въ первый разъ въ Кизлярѣ, съ невольною робостью подходятъ къ Топольской рощѣ, дивясь на нее, какъ на чудо.

Дѣйствительно роща прекрасная. Съ незапамятныхъ Кизлярцами время она дремлетъ въ первобытной простотѣ своей. Названіе получила, вѣроятно, отъ тополей, которые когда-то росли въ ней. Теперь же изъ деревьевъ растутъ тамъ преимущественно ивы, вяза, лосни, бѣлая и черная шелковица, а изъ кустарниковъ кизилъ, баярышникъ, крушина и проч. Отъ чащи деревьевъ и кустарниковъ, перевитыхъ цвѣтами и травами, въ глубинѣ рощи иногда бываетъ такъ тихо, что слышно, какъ гусеница ѣстъ шелковицу, между тѣмъ какъ вокругъ горлицы воркуютъ, жалобно поетъ иволга и шумно плещется волнами Терекъ.

На одномъ концѣ рощи, къ берегу, находится небольшая, но красивая, Армянская церковь во имя Побѣдоносца Георгія, съ живо-

граднымъ садомъ при ней. По воскреснымъ днямъ, съ ранняго утра и до ночи, народъ толпится у дверей церкви. Не только Христіане, но даже Кизлярскіе Тезвкы, «Деджидъ», приходятъ въ нее съ приношеніями. Армяне служатъ частыя молебны и не далеко отъ церкви «приносятъ жертвы», зарѣзывая, по обѣщанію, коровъ и барановъ. Эту «жертву», раздѣливъ на части, они раздають, «по обѣщанію», нищимъ, оставляя лучшую часть себѣ на «пшшлыкъ», который, посыпавъ перцомъ и сжаривъ на деревянномъ вертелѣ, съѣдаютъ въ рошѣ, запивая чихиремъ, съ обычными своими тостами: «Алла верды! яхшіюль!» По «обѣщанію», Армянки ходятъ долгое время вокругъ церкви, другія же ползають на колѣнахъ, дѣлая по 10, 30 и болѣе круговъ; многія приходятъ изъ домовъ своихъ въ рошу босикомъ, что дѣлають Армянки даже въ зимнее время. На святыхъ Буграхъ, какъ называютъ близъ церкви находящіяся могильныя холмы какихъ-то Армянскихъ праведниковъ, ставятъ въ землю восковыя свѣчи. Въ темныя вечера эти могилы кажутся облитыми пламенемъ.

На другомъ концѣ Топольской роши стоитъ ветхая Русская часовня, съ образомъ Пророка Іліи. 21 іюля въ часовнѣ служатъ молебны. Стеченіе народа бываетъ болѣе отъ Солдатской слободки и Станцы.

Кизлярскіе жители, съ дѣтьми, женами и рабами, въ Топольской рошѣ встрѣчаютъ весну, провожаютъ лѣто. Тогда въ рошѣ шумная оргія кипитъ до поздней ночи. Пѣсни и пляски Грузинскія, Татарскія, Армянскія, Русскія, хлопанье въ ладоши, крики и выстрѣлы оглашаютъ лѣсъ. Подъ однимъ деревомъ гудитъ скрипка, подъ другимъ играетъ сазъ,¹ далѣе стучитъ бубенъ, между тѣмъ какъ на полянахъ происходитъ борьба, джигитованье и бѣганье въ заууски, на коняхъ и пѣшкомъ. Одинъ Армянинъ кувыржается, а другою удивляетъ своихъ, перекатываясь черезъ дорогу въ видѣ бревна. Эти штуки имъ нравятся не безъ причины. Были случаи, что многіе Армяне такимъ способомъ ускользали отъ Чеченскаго ильба, когда, на походномъ начлегѣ, въ глухой степи, хищники, отправляясь за другою добычей, оставляли ихъ однихъ, связавъ арканомъ руки и ноги. Преданіе часто повторяетъ подвигъ одного

¹ Музыкальный инструментъ на подобіе торбана. На сазѣ играютъ не пальцами, а тоненькою тросточкою, сдѣланною на подобіе пшщика въ кларнетѣ.

Моздоцкаго Армянина, Хачатура Тавакалова, которой въ лѣтнюю ночь прокатился отъ собачьяго болота до Лашуринскаго карантинна, что составитъ, глазомѣрно, около двухъ верстѣ. Часовой на валу карантинномъ, принявъ Армянина за крадущагося хищника, выстрѣлилъ по немъ. Счастіе, что часовой въ утреннемъ туманѣ далъ промахъ и тревога скоро подняла съ постели Коммисара, знавшаго по Армянски, а то бы Русскій штыкъ навѣки лишилъ Хачатура удовольствія рассказывать про необыкновенное свое путешествіе.

Прекрасны и дики виды береговъ Терека, этого благодѣтеля Кавказской области. Онъ досыта поитъ сады города, быстротою движетъ крыла мельницъ и приноситъ съ Черныхъ горъ дубовые плиты прибережнымъ питомцамъ своимъ. Осетры, севрюги, лососи, шемая, сазаны, карпы, щуки, судаки, усачи и другія большія и малыя рыбы, живутъ и множатся въ его глубокихъ омутахъ. Зимомъ Терекъ извилистымъ ручьемъ пробирается отъ берега къ берегу по широкому руслу. Сайгакъ тогда перепрыгиваетъ его и Чеченецъ съ арканомъ идетъ въ Кизляръ за добычей. За то весною, когда солнце растопитъ снѣга родимыхъ его горъ, онъ мчится выше береговъ. «Каюки», длинныя лодки рыболововъ, снуютъ по его сѣдой, выпоющей кольцами поверхности, нестрыя толпы гуляющихъ съ берега любятъ его быстрымъ, величественнымъ токомъ, который тогда бываетъ выше площади города. Въ послѣднемъ случаѣ лишь фашишники и земляные валы лѣваго берега, идущіе на большое пространство, спасаютъ Кизляръ отъ потопленія. Вода въ Терекѣ мутна, но отстоянная, чиста и легка.

Говоря о Терекѣ въ смыслѣ торговомъ, нельзя не пожалѣть, что онъ не судоходенъ. Судоходство по этой большой рѣкѣ принесетъ значительную пользу для Кавказскаго края.

При судоходствѣ Терека, Кизлярцы, сообщая Россіи свои произведенія славомъ къ устью Терека, а оттуда моремъ до Астрахани, избавились бы неудобства доставлять ихъ до моря на арбахъ. Тогда и товары, получаемые Армянами въ Нижегородской ярмаркѣ для себя и для торгу съ Кавказскими народами и частью съ Персіей, шли бы въ Кизляръ воднымъ путемъ, а не по пустыннымъ и песчанымъ степямъ Каспійскимъ. При томъ полученіе отъ моря строеваго лѣсу, перевозка котораго на арбахъ отъ Шендруковской пристани нынѣ обходится очень дорого, произведетъ реформу въ построеніи домовъ въ Кизлярѣ, и тѣмъ уничтожитъ безобразіе въ

родѣ и уменьшитъ болѣзни, развиваемыя сырыми турлучными строе-
ныи и сажьяи. Наконецъ, судоходство это вполне уничтожило бы:

1-хъ, большую половину издержекъ казны по доставкѣ провіанта
и продовольствія войскъ Кавказскихъ, который въ прежнее время
правлялся моремъ изъ Астрахани до пристани Шендруковской,
жащей отъ Кизляра въ 60 верстахъ, а нынѣ, по признаніи этой
истани неудобною, отправляется къ пристани Серебряковской, от-
ящей отъ Кизляра около 150 верстъ и тоже признаваемой не-
обною; во 2-хъ, злоупотребленія по сей операціи, и въ 3-хъ, са-
ю пристань, содержаніе которой требуетъ отъ казны значитель-
ныхъ суммъ.

Для сдѣланія Терека судоходнымъ, стоило бы только углубить не
юго какое нибудь русло рукавовъ его. Въ настоящее время, при
дѣствіи Грауртова водоотводнаго крыла, ¹ искусственное углубле-
е рукава Терека, при которомъ находится Кизляръ, представляетъ
лье удобства для вѣженера и пользы для жителей города. Что
е касается до издержекъ на этотъ предметъ, то, во 1-хъ, денеж-
ий единовременный сборъ съ Ногайцевъ, на повинности которыхъ
жить тяжесть перевозки низоваго хлѣба отъ пристани по мно-
имъ магазинамъ Кавказской Линіи; во 2-хъ, срочная раскладка по
рговымъ производствамъ и ремесламъ Кизлярскихъ жителей, про-
ирающихся ежегодно на сумму около 590 т. рублей серебромъ, до-
аточны были бы на приведеніе въ исполненіе этого предположенія.

О названіи Кизляра нѣтъ историческихъ свѣдѣній, а живетъ о
мъ въ народѣ два преданія.

Какой-то Персидскій Шахъ, услышавъ, что бунтовщики выхва-
ютъ его брата, созвалъ на пиръ враждебныхъ Хановъ. По окон-
чѣніи пира, Шахъ приказалъ ослѣпить гостей, на которыхъ падали
о подозрѣнія. Увидѣвъ поднесенныя къ нему на золотомъ блюдѣ
аза брата, онъ облилъ ихъ слезами и засыпалъ червонцами, го-
оря: «Несчастный братъ, я буду любить тебя . . . ты Шаху боль-
е не соперникъ!» Но слѣпецъ не остался на родинѣ, а пошелъ

Въ 1834 году, подъ надзоромъ чиновника Корнуса Штейнъ сообщенія, Граурта,
устроено водоотводное крыло, для удержанія воды Терека, которая, сильно стре-
мясь ить него въ рукавъ Борозду и вытекающую изъ оной Прорву, наводняли
прибрежныя поля и виноградники. Дѣйствіемъ этого крыла вода замѣтно устре-
мляется въ Терекъ и быстрою очищаетъ его русло, засоренное иломъ въ про-
долженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.

молить Кумыковъ о мщениі. Кумыцкій Ханъ, его «кунакъ», дру́гъ созвалъ Горцевъ на жестокаго Шаха. Берега Терека уже стояли отъ съѣхавшихся къ набѣгу панцырниковъ. Уздени Чечни, Къбарды и Башилбая, Кумыки, Казы-Кумыки, дѣлили заранѣ Персію, оставляя слѣпцу, по желанію его, глаза брата. Вдругъ истребителя не стало. За чашкою шафраннаго плову съ фазаномъ страелецъ скончался въ мученіяхъ. Не сомнѣвались, что Шахъ подослалъ отравить брата, что подтверждалось бѣгствомъ одного изъ вукеръ служившихъ при столѣ слѣпцу въ часъ его смерти. Вѣрные пирры, похоронивъ своего «падишаха» на берегу Терека; подлѣ Кумыцкаго аула, сами не возвратились въ Персію, страшась преслѣдованія Шаха. Они раздѣлили сокровища покойника поровну и жили торговлей, поселившись подлѣ той же самой Кумыцкой деревни, гдѣ схоронили слѣпца. Съ тѣхъ поръ, будто бы, мѣсто и называлось отъ Кумыковъ кызыларъ и кюзларъ.¹ Первое и званіе, означая по переводу съ Кумыцкаго красные, имѣеть основаніемъ красныя бороды Персіянъ, а второе, означая глаза, по переводу съ того же языка, имѣеть основаніемъ страшную пашу слѣпомъ братѣ Персидскаго Шаха.

Преданіе не помнитъ именъ этихъ братьевъ-враговъ. Изъ исторіи Персидской видно, что Фетъ-Али Шахъ приказалъ вынуть глаза своему брату, Гуссейну-Хану. Преданіе это очень близко къ вѣстиямъ о Кизлярскихъ Тезикахъ, которые считаются давними жителями города и нѣкогда бывшими богатыми купцами.

Другое преданіе о названіи Кизляра говоритъ, что въ рукавѣ Терека, при которомъ стоитъ городъ, бросились двѣ Русскихъ дѣвушки плѣнницы какого-то Хана Кумыцкаго, предпочитая смерть неслѣды быть женами Татарина. Съ того времени, будто бы, мѣсто гибели красавицъ названо Кумыками кызларъ. По переводу съ Татарскаго на Русскій, кызларъ значитъ дѣвки. Преданіе, описывая красоту одной изъ этихъ плѣнницъ, украденныхъ Кумыкомъ изъ «Сары-тар» Саратова, говоритъ, что она имѣла волосы на головѣ длиннѣе своего роста.

По низовью Терека живетъ съ незапамятныхъ дней народъ Татарскаго поколѣнія, называемый Кумыками, Казы-Кумыками, Къ-

¹ Ларъ прибавляется къ словамъ Татарскаго языка, для образованія множественнаго числа, на прим.: кюзъ, глазъ, кюзларъ, глаза; башъ, голова, башларъ головы.

лами. Ни исторія, ни народныя преданія не означаютъ определенно этого времени. Птоломей, въ свое время, писалъ, что приморскимъ рукавомъ Терека живетъ народъ Ками или Каманъ. Кумыки называютъ себя дѣтьми Золотой Орды, «Киччакъ-ауль», о очень вѣроятно, судя по употребляемому ими Татарскому языку, личному отъ Ногайскаго нарѣчя.

Обращаясь ко временамъ поселенія на Терекѣ Татаръ, т. е., Кулковъ, можно видѣть, что у мыса Аграханскаго былъ Греческій родъ Ставрополь, жители котораго, Христіане, по вторженіи Исламизма въ страны Каспійскія, были истреблены, или удалены добровольно. Дѣйствительность существованія въ давнія времена этого города доказывается тѣмъ, что мѣста у Аграханскаго мыса и теперь называются тамошними жителями Хуть и Учъ, что значитъ земля, и что Епископы Астраханскіе, около 1716 года, назывались гѣсть и Ставропольскими. Нынѣшній же Ставрополь, областной родъ Кавкаской области, не могъ въ то время входить въ составъ астраханской Епархіи, потому что основаніе его относится къ 1777 году, времени учрежденія Кавкаской Линіи.

Поселенія Русскихъ по низовью Терека начались послѣ завоеванія Астрахани, въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго. Когда оляжскіе разбойники, страшась наказанія Царя, разбѣжались «по сѣмъ концамъ», великая дума повела Ермака въ Сибирь, а атаманъ Андрей съ многочислениѣйшею шайкою удался по Каспійскому орю къ Кавказскимъ горамъ, гдѣ онъ «засѣлъ» на Сунджѣ, въ одномъ укрѣпленномъ городкѣ, вырѣзавъ, въ кровопролитномъ рукоашномъ бою, всѣхъ его жителей. Здѣсь долго управлялся онъ огнемъ и мечемъ съ Горцами и Татарскими мурзами, не хотѣвшими, по гдѣхъ Астрахани, покориться Россіи и блуждавшими въ Заволжѣхъ степяхъ Терскихъ. Въ награду за такіе подвиги, Царь простилъ Козакамъ прежніе разбои по Волгѣ и, стараясь усилить народонаселеніемъ и защитою Каспійскій край, перевелъ ихъ съ Сунджи на стѣе Терека, гдѣ былъ уже Кумыцкій городокъ Терки, съ деревянными стѣнами и башнями. Оставленное же Козаками укрѣпленіе на Сунджѣ и понынѣ называется Андреевою деревней, по имени ихъ удалаго атамана. Въ смутныя времена Россіи, при Самозванцахъ, Терскіе Козаки, въ соединеніи съ Волжскими и Донскими, помогали Самозванцамъ. Принимая охотно къ себѣ всякаго, приходившаго къ нимъ на удалое житье, Терскіе Козаки вскорѣ такъ раз-

множились, что городъ Терки, заселенный прежде Кумыками, Армянскими купцами, небольшимъ числомъ Московскихъ Стрѣльцовъ и другихъ Русскихъ, сдѣлался большимъ городомъ, далеко растянувшимся надъ самымъ моремъ.

Въ царствованіе Годунова Русскіе строили крѣпости въ Едирѣ на Койсу рѣкѣ, около Тарковъ, но, отбиваемые Горцами, болѣе Іаковскими Дагестанцами, не имѣли успѣха. Въ 1722 году, Петр Великій, возвращаясь изъ Персіи, на земляхъ Шамхала Тарковского, давшего присягу на вѣрноподданничество Россіи, построил около рѣки Сулаки, въ 35-ти верстахъ отъ моря, правильную цѣпость Св. Креста. Онъ назвалъ ее такъ въ память древняго Греческаго города Ставрополя, находившагося по теченію той же рѣки. Для защиты же этой крѣпости, называемой въ просторѣчій Сулаками, онъ перевелъ въ нее Козаковъ и гарнизонъ изъ Терковъ, въ которыхъ, вскорѣ послѣ сего, мстительными Дагестанцами срыты были до основанія всѣ башни и укрѣпленія, а море потопило на мое мѣсто, гдѣ, въ ежедневной брани съ Дагестаномъ, Кумыками и Ногайцами, кипѣла жизнь буйной вольницы.

Въ 1725 году Шамхалъ Тарковскій, Адиль-Гирей, по вѣнцѣ «Стамбула», съ 30,000 Горцевъ напалъ на новую крѣпость, но, разбитый Генераломъ Маіоромъ Кропотовымъ, былъ взятъ въ плѣнъ за измѣну отправленъ въ Колу, въ заточеніе, а Тарки, его резиденція, разорены до основанія. Чеченцы и Кисты, возвращаясь домой изъ подъ крѣпости безъ славы, и не получа обѣщанной Адыл-Гиреемъ добычи, разграбили и сожгли Кизляръ, это торговое поселеніе Персіянъ и Армянъ, слившееся въ одно съ Кумыцкою деревней подлѣ которой, по преданію, похороненъ сдѣпецъ и утонувшій Русскій дѣвонецъ. Торговля этой колоніи съ Горцами, съ Персією, съ Тифлисомъ и сношеніе ея съ Астраханью, не могли укрыться отъ дальновидныхъ взоровъ Петра I. Жалѣя о разореніи Кизляра, онъ въ защиту его на будущее время, повелѣлъ подлѣ него строить крѣпость, что было исполнено въ 1730 году, откуда и должно считать время настоящаго основанія Кизляра. Смертность отъ нездороваго климата въ крѣпости Св. Креста, а главное мирный и союзный трактатъ, заключенный въ 1735 году при Ганжѣ съ Персією были поводомъ, что гарнизонъ изъ нея переведенъ въ Кизлярскую крѣпость, а Терскіе Козаки поселены подлѣ Кизляра. Съ этого времени городъ началъ распространяться.

Выгодный торгъ съ Кумыками, Ногайцами и другими народами. Лбныя ловля по Тереку и Каспійскому морю и близкое сосѣдство ѣбности, въ которой, при набѣгахъ хищниковъ, можно было скрыться съ своимъ, по крайней мѣрѣ, цѣннымъ имуществомъ, все это въ скоромъ времени умножило городъ новыми поселенцами и сдѣлало его складочнымъ мѣстомъ товаровъ для торговли съ Кавказскими народами и Персією. Армяне и Грузины селились въ немъ преимущественно, убѣгая непостоянства и деспотства властителей рана. Казанскіе Татары пришли послѣ чумы, постигшей ихъ годъ. Окочирцы, Черкесы и другіе Горцы, привлекаемые базарами изларскими, селились одинъ за другимъ въ сосѣдствѣ съ Армянами. При томъ еще съ давнихъ временъ Персіане и Индѣйцы, не воря уже объ Армянахъ, прокладывали себѣ по степенямъ Тернимъ дорогу въ торговую Астрахань, гдѣ богатѣла тогда извѣстная востоку и Западу Джульфинская Компанія. ¹ Увлекаемые большими выгодами, они охотно оставались въ Россіи. Русское Правительство, дозволяя имъ селиться въ Кизлярѣ и Астрахани, дало, въ поѣздствіи, секретное повелѣніе о склоненіи ихъ къ принятію вѣрноподданничества. Садоводство, винодѣліе, шелководство, оружейничество, скорнячество и другія рукодѣлія и ремесла, кромѣ торговли рыболовства, сдѣлались привычными занятіями поселенцовъ. Кромѣ торговыхъ оборотовъ на Джульфинской Компаніи, многіе Кизляры участвовали въ Персидской торговой Компаніи, ² которая учрежденіемъ своимъ оживила мысль Преобразователя Россіи о нашей восточной торговлѣ. По таможеннымъ выводамъ видно, что въ 1760 году, при существованіи этой Компаніи, привозъ и отпускъ въ Астрахани и Кизлярѣ цѣнился до 390 т. рублей на ассигнаціи. Льготы Петра I и Екатерины II, дававшіяся вообще Армянамъ, селившимся въ Россіи, и заключающіяся, между прочимъ, въ малыхъ пошлинахъ по торговлѣ, и даже беспошлинности во многихъ случаяхъ, и наконецъ долговременная безподатность Кизляра, ³ рѣшительнѣйшьяясняють быстрое распространеніе этого разноплеменнаго и разнхарактернаго города.

Торговое Армянское общество, основавшееся въ Астрахани около 1672 года. Общество, учрежденное около 1755 года въ Астрахани, для поддержанія Русской промышленности.

Въ 28 день Октября, 1799 года, дарованы грамоты Армянамъ: 1-я, города Григоріополя, 2-я, Общества Дербентскаго и Маскурскаго, 3-я, города Старого

Крѣпость Кизлярская не всегда могла защищать горожанъ отъ нападеній Горцевъ, тѣмъ болѣе, что набѣги были, по большой части, нечаянные. Въ 1770 году Кисты напали на Кизляръ во время самой рабочей поры въ садахъ, и увели въ плѣнъ много Армянъ и

Крыма, 4-я, городовъ: Астрахани, Кизляра и Моздока. Въ первыхъ трехъ грамотахъ изображено между прочимъ: «Всемилюстивѣйше увольняемъ всѣхъ Армянъ отъ Государственныхъ податей и службъ, какого бы они званія ни были, на 10 лѣтъ.» Подобнаго содержанія привилегія утверждена за Армянами Нахичеванскими. Въ грамотѣ же, дарованной Армянамъ Кизлярскимъ, Моздоцкимъ и Астраханскимъ, срока льготы не опредѣлялось, почему они и не были обложены никакимъ окладомъ ни по мѣщанскому, ни по поселенному званіямъ, тогда какъ прочіе Армяне, по окончаніи срока ихъ льготамъ, вносили въ казну подати, на основаніи указовъ, приведенныхъ Свода Законовъ т. V устава о податяхъ въ ст. 533, 536, 538 и 540.

Главноуправляшіе Грузією, Генералъ Ермоловъ и Князь Варшавскій, Графъ Паскевичъ Эриванскій, представляли Министерству Финансовъ о необходимости прекратить преимущества, доставленныя Армянамъ Кавказской Области и Астраханской Губерніи, прибавляя въ своихъ представленіяхъ то обстоятельство, что Армяне Грузіяскіе и областскіе, присоединенныхъ отъ Персіи къ Россіи, пользуются никакими исключительными привилегіями.

Министръ Финансовъ представлялъ объ этомъ Комитету Гг. Министровъ, въ журналъ котораго, въ 29 день Марта 1827 года, послѣдовало собственноручное Высочайшее повелѣніе: «Дѣло объ Армянахъ передать въ Государственный Совѣтъ съ тѣмъ, чтобы рѣшенъ былъ вопросъ: справедливо ли дать пришельцамъ вѣчныя преимущества предъ коренными Русскими?»

Государственный Совѣтъ мнѣніемъ, Высочайше конфирмованнымъ 17 Февраля, 1828 года, призналъ, что никакія привилегіи безсрочными быть не могутъ.

Въ послѣдствіе этого Комитетомъ Гг. Министровъ, Высочайше утвержденнымъ 2 Юня, 1831 года, постановлено: предоставить, на основаніи грамоты 1799 года, льготу тѣмъ изъ Кизлярскихъ, Моздоцкихъ и Астраханскихъ Армянъ, которые, во время состоянія той грамоты, находились въ своихъ городахъ: Кизлярѣ, Моздокѣ и Астрахани, и также не распространяя на ихъ потомство. Всѣмъ же прочимъ Армянамъ, считающимся какъ въ Кизлярскомъ, такъ Моздоцкомъ и Астраханскомъ обществахъ, пользующимся льготою, предоставлено на волю, или въ теченіи шести мѣсяцевъ вступить въ вѣчное подданство Россіи, на общемъ основаніи, или быть въ качествѣ не торгующихъ иностранцевъ. Потомъ Армяне Кавказской области и Астраханскіе, исключенные изъ привилегіи 1799 года, признаны Россійскими подданными, и наконецъ, по Высочайшему указу Правительствующаго Сената, отъ 21 Мая, 1836 года, въ которомъ указъ основаны 536 и 540 ст. Продолженія Свод. Зак. тѣмъ V о податяхъ, они уравниваются постепенно въ платежѣ Государственныхъ податей съ прочими Россійскими подданными, съ которыми пользуются одинаковыми льготами.

енщинъ. Наказанные нашимъ отрядомъ, Кисты возвратили часть бѣглыхъ, «замирились», и дали въ Кизлярскую крѣпость аманатовъ. Но спустя годъ, аманаты бѣжали изъ крѣпости, и новое наденіе Кистовъ на Кизляръ было ужаснѣе, потому что они, забывая достояніе жителей, не брали ихъ въ плѣнъ, а убивали, не щадя ни пола, ни возраста. Въ 1773 году, Апунгутевской Кумыцкій князь Али-Султанъ, переправясь осенью черезъ Терекъ, ниже Кизляра, на разсвѣтъ ударилъ на городъ. Пока распространилась тревога и помощь Терскаго войска и крѣпости пришли на защиту, крайняя часть Арментира пылала, и половина хищниковъ, обремененныхъ бѣглыми и добычею, успѣла переправиться за Терекъ. Въ 1777 году Чеченцы отъ Сунджи, переправясь черезъ Терекъ, тоже ниже Кизляра, сдѣлали подобное опустошеніе въ кварталѣ Кизлярскихъ Тезиковъ. Въ 1785 году былъ набѣгъ Чеченцовъ, памятный столько по разоренію, сколько по ужасу, наведенному на Кизляръ и его окрестности. Много подробностей разсказываютъ въ Кизлярѣ объ этомъ набѣгѣ.

Около 1785 года явился между Чеченцами нѣкто Шихъ-Мансуръ. неизвѣстно достоверно, былъ ли онъ Турокъ, подосланный враждебною тогда намъ Портою, для утвержденія въ Кавказскихъ горахъ Корана и поднятія ихъ на Русскихъ, или онъ былъ, по преданію, Чеченскій пастухъ. Но какъ бы то ни было, а Горцы признали его пророкомъ, вооружались по его призыву и шли за нимъ, какъ кровавый хвостъ за своею кометою. Онъ до того успѣлъ заечь фанатизмъ въ дикихъ сынахъ горъ, что одно слово его, одно званіе, заставляло ихъ безъ сопротивленія, безъ ропота, бросаться на желѣзныя стѣны Русскихъ штыковъ и подъ картечнымъ градомъ устилать трупами поля жестокихъ битвъ. Для примѣра силы вѣрованія въ этого необыкновеннаго человѣка, довольно привесть слѣдующій случай. По разгроменіи одной станицы на Терекѣ, нѣсколько Башилбайцевъ утаили часть добычи, которую они должны были послѣ набѣга принести къ Шихъ-Мансуру, въ ожиданіи обѣтаго дѣлежа. Шихъ-Мансуръ сказалъ имъ, будто бы, слѣдующуюразу: «Смерть за ложь пророку, или идите въ свои горы стругать вижалами палочку.» Башилбайцы, эти разбойники, славящіеся на Кавказѣ воровствомъ и варварствомъ, молча, сложили къ ногамъ Мансура солдатскіе патроны и мѣдную посуду, и, вышедъ изъ толпы, астрѣлились одинъ за другимъ.

Окруженный грохотом тысячами таких послушных воинов, Шихъ-Мансуръ приближался къ Кизляру, въ намѣреніи сдѣлать его жителей Магометанами, или, истребивъ ихъ, въ случаѣ сопротивленія, сравнять городъ и крѣпость съ степями. Недалеко отъ Кизляра, за Тереконъ, остановился лжепророкъ шумнымъ станомъ.

Вотъ рукопись очевидца «О нашествіи Чеченскаго пастуха-волка. Шиха», сложенная какимъ-то Грузиномъ. Брань и проклятія на а пастуха-волка Шиха» встрѣчаются на каждой страницѣ. Здѣсь выписывается главное содержаніе рукописи, которое, сколько помнится, заключалось въ слѣдующемъ:

Кизлярцы трепетали, какъ листъ на шелковицѣ. Всякъ, кто только могъ вооружиться и сѣсть на коня, вызывался на защиту. Стариковъ, женъ и дѣтей приняли въ крѣпость, куда помѣстили Присутственныя Мѣста и казенныя вещи. Чиновники гражданскіе вооружались. Армяне, Грузины, Персіане и другіе жители зарывали все цѣнное въ землю. Не зная пункта нападенія, Терскіе Козаки, Русскіе, Грузины, Армяне, Окочирцы, Кристиаульцы и прочіе жители Кизляра, собирались вооруженными толпами къ Тереку въ разныхъ мѣстахъ. Въ крѣпости подняли мосты. Фитили дымилась у пушекъ. Съ большою осторожностію выпускали въ крѣпость, еще съ большею выпускали. Но часто вкатываемымъ въ крѣпость арбамъ съ виномъ, печенымъ хлѣбомъ и баранями, можно было догадываться, что Комендантъ замышлялъ долгую оборону.

Въ этомъ мѣстѣ сказанія, Грузинъ, упоминая о чихирѣ, взятомъ въ крѣпость изъ его бочекъ, такъ озлобился на «Чеченскаго пастуха-волка», что даже называлъ его сыномъ собаки и мыши.

По ночамъ видѣлись пожары окрестныхъ деревень и станицъ. слышались выстрѣлы и пѣсни бузаира,¹ приносимые по вѣтру быстрымъ токомъ вѣтвистаго Терека. Внимая этимъ звукамъ, крѣпость принимала оборонительное положеніе, болѣе нечаяннаго на-

¹ Бражная пѣсня. Буза значитъ, по переводу, просо, изъ котораго Горцы готовятъ хмѣльную брагу, а иръ — пѣсня. Сваренная съ Башкирскимъ медомъ пчелъ, имѣющая сильное одуряющее свойство, буза считается лучшею. Отправляясь въ набѣгъ и на безопасныхъ привалахъ, Горцы пьютъ излишествомъ бузу, стрѣляя изъ ружей и распѣвая перекидывающимся хоромъ бузаваръ, котораго напѣвъ дикъ и протяженъ, а содержаніе по большей части пошлости какогонибудь удалца и разбойника.

паденія. При пробѣ крѣпостныхъ орудій, Армянки отъ страха падали десятками, и въ этой суматохѣ открылось, что подъ женской чадрой пришелъ въ крѣпость мужчина. Опасаясь измѣны, Комендантъ сдѣлалъ смотръ. Женщины, молодыя и старыя, проходили мимо его безъ чадры, вопреки обычаямъ Востока. Въ слѣдствіе этого смотра, болѣе десяти молодыхъ Армянъ, скрывшихся подъ женскими чадрами, принуждены были оставить убѣжище, огражденное стѣнами и обставленное пушками.

Утромъ рано, на другой день ожиданія, тучи пыли взвились за Терекомъ. Крѣпость оцетинилась, Козаки переправлялись за рѣку на встрѣчу врагу, заклиная другъ друга не выдать аркану и шашкѣ жень и дѣтей, не дать огню саблей родныхъ и падать «спиною въ Терекъ,» если не одолѣютъ «пастуха-волка.» Татары, Кристіаульцы и Окочирцы стали стѣной на нашемъ берегу. Всѣ прочіе залегли въ Топольской рощѣ. Комендантъ, бѣгая съ Плаць-Маіоромъ по валамъ крѣпости, смотрѣлъ въ подзорную трубку. Женщины плакали, дѣти кричали, старики молились. Священники Русскіе и Армянскіе, ходя съ образами по стѣнамъ, пѣли молитвы и кропили Христіанъ святою водою. Все суетилось, шумѣло и бѣгало. Одни Русскіе солдаты, молча, стояли рядами, посматривая на ружья свои и привинчивая покрѣпче штыки.

Безъ пищи и чихиря весь день дожидали «пастуха-волка», всю ночь безъ сна, и потомъ разошлись по домамъ, не дождавшись Шиха, который, ограбивши двѣ станицы на Терекѣ и сжегши нѣсколько деревень, внезапно отъ Кизляра бѣжалъ въ горы. Наконецъ сочинитель досадуетъ, что всѣ военныя привготовленія Кизлярцевъ кончились «пфей», ничѣмъ, и изъ пушекъ Комендантъ выстрѣлилъ только одинъ разъ.

Но этотъ очевидецъ нашествія на Кизляръ Шихъ-Мансура, вѣроятно, забылъ сказать, что авангардъ Шиха, или отдѣльная толпа его скопищъ, переправилась черезъ Терекъ далеко ниже Кизляра, разграбила и сожгла сабли на виноградникахъ, гдѣ нынѣ находится садъ Тавакелова, и что при этомъ случаѣ одинъ Армянинъ, уходя отъ Горцевъ изъ садовъ въ городъ, упалъ съ лошади и умеръ, какъ говоритъ Армянское преданіе, на дорогѣ, со страху.

О Шихъ-Мансурѣ, объясняя внезапное его отступленіе отъ Кизляра, рассказываютъ въ народѣ, будто бы всѣ Горцы, подходившіе съ нимъ къ городу, потонули въ ~~болотахъ~~ Затерскихъ, которыхъ

высокіе камыши показались ночью разбойникамъ за Кизляръ, и что каждая камышина издавала голосъ человѣческой и, наклонясь въ стороны, забивала въ трясину храбрыхъ панцырниковъ. Оружіемъ, будто бы, шлемами и башлыками были послѣ нѣутро покрыты болота за Терекомъ.

Объясняя эту сказку естественнымъ ходомъ вещей, можно думать, что белать, ¹ подводя толпы къ городу скрытнымъ путемъ, чтобъ ударить съ неожиданной стороны, былъ обмануть своею памятью и темною ночью. Легко могло случиться, что онъ зашелъ въ болота, часто непроходимыя при разлитіи Терека, который, при таяніи льдовъ и снѣговъ Кавказскихъ, не однажды въ годъ выходитъ изъ береговъ своихъ, образуя въ степяхъ озера и топи. Въ 1768 году Генералъ Потаповъ, для защищенія Кизляра отъ нападешя Черкесовъ, нарочно пустилъ воду изъ Терека, разрушивъ плотину, удерживавшую стремленіе рѣки въ каналъ Борозду, сдѣланный для напоенія чалтуковъ и виноградуниковъ. Но, вѣроятноже, внезапное и быстрое отступленіе Шихъ-Мансура объясняется полученнымъ извѣстіемъ о прибытіи на Сунджу Полковника Перси съ трехъ-тысячнымъ отрядомъ. Горцы должны были бѣжать отъ Кизляра на защиту своихъ ауловъ. Нѣсколько Горцевъ могли и утонуть въ болотахъ, а оружіе этихъ разбойниковъ, находимое послѣ за Терекомъ, могло быть потеряно, или даже брошено, въ послѣднемъ ихъ обратномъ слѣдованіи.

Полковникъ Перси, завлеченный въ лѣсистыя дефилеа, погавъ со всѣмъ своимъ отрядомъ въ жестокой сѣчѣ съ Горцами. Турція увлекла потомъ Шиха на защиту Анапы, гдѣ онъ былъ взятъ Русскими въ плѣнъ и отравленъ, по повелѣнію Екатерины II. въ Соловецкій монастырь. Между Чеченцами ходитъ преданіе, что Шихъ-Мансуръ возвратился въ горы: но то, вѣроятно, былъ или самозванецъ, или подобный фанатикъ.

Въ 1831 году Кизляръ очень пострадалъ отъ другаго фанатика Казы-Муллы. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, подъ предводительствомъ егд толпы Горцевъ переправились въ одно время въ трехъ мѣстахъ черезъ Терекъ. Одна толпа устремилась на Татарскую, другая на горскую, а третья на Топольскую рощу, гдѣ тогда ходило много гуляющихъ. Самъ же Казы-Мулла съ главными силами оставался за Терекомъ.

¹ Вожатый. Отъ опытности его и расторопности зависить успѣвъ набѣда. Всегда впередъ, то на конѣ, то пѣшіи. Удача набѣда зависитъ ему отъ коня.

Это было въ Воскресенье. Спокойно возвращались домой Армяне, церковей отъ обѣдни, а Терскіе Козаки и Крестіаульцы, въ приѣздѣ которыхъ литургія оканчивается ранѣе прочихъ церковей, сѣли за обѣдомъ. Ружейная пальба и гиканье Горцевъ вдругъ разнись въ Кизлярѣ и смѣшались съ отчаяннымъ воплемъ испуганныхъ жителей. Все встревожилось, бросилось къ оружію, закипѣло рукопашномъ бою. На улицахъ и въ домахъ забирали въ плѣнъ оруженныхъ, дѣтей и женщинъ. Въ ближнихъ къ Тереку сакляхъ огие не успѣвали встать отъ обѣда, и падали съ царь подъ шапками хищниковъ. Одинъ несовершеннолѣтній Козакъ, отстрѣливаясь саклѣ, убилъ шесть Горцевъ, пока его успѣли «достать». Побѣднѣй отиоръ былъ общій въ станицѣ. Жители, бросая дома и имущество, бѣжали въ крѣпость. Священникъ и Діаконъ Успенской Армянской церкви, выходяшіе послѣдними изъ храма, были грѣчены княжалами. Священникъ, съдой старичекъ, послѣ тревоги былъ найденъ стоящимъ у стѣны на паперти.

Не болѣе двухъ часовъ продолжался этотъ набѣгъ. Хищники ограбили Русскій монастырь, двѣ Армянскія церкви, Успенскую въ годѣ и Георгіевскую въ Топольской роцѣ, многія лавки и дома, и, времененные добычею, плѣнниками и убитыми своими товарищами, торыхъ Горцы, по обычаю, уносятъ съ собою, шумно переправились за Терекъ. Многіе изъ Кизлярцевъ и до сихъ поръ находятся въ плѣну.

Пожара не было. Грузинская слобода и вообще части города, даленныя отъ Терека, не потерпѣли вреда. Набѣгъ былъ такъ неожиданъ, рѣшителенъ и скоръ, что Кизлярцы до вечера не могли юмниться отъ испуга, и только трупы въ домахъ и по улицамъ, слѣды ужасной суматохи, разувѣряли ихъ въ томъ, что это было не страшный сонъ, не видѣніе. Число хищниковъ одни полагаютъ до 800, а другіе до 2,000. Въ маѣ мѣсяцѣ того же года, при нападѣніи на Тарки и крѣпость Бурную, отстоящую отъ Кизляра не далѣе, какъ на 120 версть, съ Казы-Муллою было 8,000 Горцевъ.

Хищничества въ маломъ видѣ, состоящія въ уводѣ двухъ, трехъ словѣкъ, въ угонѣ скота, происходили въ Кизлярѣ очень часто, собенно въ прежнія времена, когда Линія была менѣе устроена въ военномъ отношеніи.

Вотъ для примѣра одинъ изъ множества подобныхъ случаевъ, живущихъ въ памяти Кизлярцевъ и рассказываемыхъ ими вмѣсто анекдотовъ.

Въ одномъ саду, которыми окруженъ Кизляръ на нѣсколько верстъ, Армянинъ, по прозванью Сокуръ, позднимъ вечеромъ дождался своего пріятеля къ ужину. Предъ нимъ на нарахъ, покрытыхъ худымъ коврикомъ, въ длинной тычкѣ стоялъ чихирь, между деревянными чашками съ чурекомъ и бишлякомъ.¹ Послышавъ стукъ у дверей, которыя для предосторожности были заперты изнутри деревяннымъ засовомъ, Сокуръ посмотрѣлъ въ желѣзное окно, и спросилъ: «Ты, Аствацатуръ?» Услышавъ голосъ пріятеля, онъ успѣшилъ отодвинуть засовъ. Дверь со стукомъ отворилась. Въ саклю вошли два Чеченца и за ними на арканѣ, съ распоркою въ зубахъ, «тыль», и со связанными назадъ руками, Аствацатуръ, котораго они, рыская по садамъ, взяли недалеко отъ Сокурова жилища. Одинъ Чеченецъ бросился снимать оружіе, висѣвшее на стѣнѣ, а другой накинулъ арканъ на шею хозяина, связалъ руки и, чтобъ скорѣе прервать отчаянный крикъ его, заложилъ ему распоркою ротъ. Безмольные мольбы Армянъ и слезы ихъ не тронули Горцевъ. Хищники ограбили саклю, потушили въ ней огонь и повели плѣнниковъ въ сосѣдній садъ. Подъ деревьями стояли уединенно двѣ сакли, и въ одной свѣтился огонекъ. Хищники тихо подошли къ мерцавшему во тмѣ окошку и, устремивъ обнаженные кинжалы на своихъ плѣнниковъ, шопотомъ предложили имъ на выборъ: или умереть въ ту же минуту, или вызвать сосѣда изъ сакли. Тогда разбойники освободили ихъ зубы отъ распорки и снова угрожали. Животолюбивые пріятели предпочли предательство смерти. Сосѣдъ, какъ онъ, попалъ на арканъ; жилище его было разграблено. Околоною тропой потащили Чеченцы троихъ къ Тереку, вѣшая на плечи ихъ тяжелую добычу. У берега смирно стояли сбатованные кони хищниковъ. Посады съ собою позади сѣдла по одному Армянину, а остальныхъ привязавъ къ хвосту лошади, Чеченцы переплыли быстрый Терекъ. Сокуръ, потерявши балансъ подъ тяжестью мѣдныхъ кувшиновъ, нацѣпленныхъ на него вѣстѣ съ боченкомъ кизлярки, свалился съ коня и канулъ въ Терекъ. Остальные плѣнники отданы въ Андреевскомъ базарѣ за соль и порохъ. Долго переходя изъ рукъ въ руки, они попали на Русской Мѣновой Дворъ, гдѣ куплены были знакомыми Моздоцкими Армянами за полшанки серебра.

Въ настоящее время подобныя происшествія въ Кизлярѣ бывають очень рѣдки.

¹ Бишлякомъ называютъ Кизлярцы горской сыръ. Осетинскій почитается ~~лучше~~

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КНЯЖЕСТВЪ

МОЛДАВІИ И ВАЛАХІИ,

ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ, ОТЪ ОБРАЗОВАНІА ОНЫХЪ ВЪ КНЯЖЕСТВА
ДО ПОЛОВИНЫ 1831 ГОДА.

Первое время Княжествъ.

Съ того самаго времени, когда Молдавія и Валахія, образовавшись въ Княжества, и подъ симъ именемъ содѣлались извѣстными, хотя и имѣли Князей или Господарей своихъ, но никогда не пользовались въ политическомъ отношеніи отдѣльною самостоятельностью своею. Географическое положеніе оныхъ, можетъ быть, было одною изъ главныхъ причинъ сему: находясь между Россією, Гетманами, Польшею, Австрією, Венгрією, Сербією, Турками, положившими завоеваніями своими твердое основаніе въ Болгаріи, и наконецъ Татарами, послѣ Чигринской битвы поселившимися въ Буджакѣ, оба Княжества сіи служили, можно сказать, сборнымъ мѣстомъ, на которое стекались различные племена и народы, чтобы рѣшать распри свои кровопролитными битвами.

Въ продолженіи безирерывныхъ раздоровъ сихъ, Молдавія и Валахія, по необходимости, должны были принимать ту или другую сторону и, не будучи въ состояніи, иногда по причинѣ взаимныхъ и внутреннихъ беспорядковъ, твердо воспротивиться частымъ вторженіямъ симъ, безирестанно переходили отъ союза однихъ подъ покровительство другихъ. Венгрія, Сербія и Польша, въ первыя времена сіи, взаимно раздѣляли и распространяли владычественное

вліяніе надъ обоими Княжествами сими. Но, не взирая на то, конечно, время сіе было одною изъ блистательнѣйшихъ эпохъ самостоятельности обоихъ Княжествъ, имѣвшихъ тогда собственную оруженную силу свою.

Счастливые успѣхи Турецкаго оружія въ Европѣ, смирили ихъ, покоривъ другихъ, и постепенно пріобрѣтая владычествомъ обитателями праваго берега Дуная, скоро распространили оное на лѣвый берегъ рѣки сей. Оутошительныя вторженія Турковъ въ началѣ уподоблялись таковымъ Гуновъ. Молдавія и Валація содѣлавшись сосѣдственными съ сими грозными завоевателями, и будучи во время и достаточно вспомошествоемы союзниками, и владыками своими, Венгерцами и Поляками, устрашили и смѣшили искать покровительства Турецкой Имперіи, а въ слѣдъ симъ вступили и въ подданство оной.

Покореніе Княжествъ Турками.

Въ первое время Турки ограничивались взиманіемъ вытоки дани и построеніемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цаланокъ, но и въ нѣкоторые изъ Государей, или движимые религіею, или обаянные сосѣдями и изъ собственныхъ видовъ своихъ, начали время отъ времени ополчаться противъ Оттоманской Имперіи. Хотя скорое, жестокое и достойное наказаніе и было всегда плодами вѣроломства и Княжества сохранили прежнюю тѣнь самостоятельности, а народъ подъ тяжкимъ игомъ Турковъ, утвердившихся уже въ крѣпости на Дунаѣ, пользовался дикою свободою своею; но народная оруженная сила Княжествъ съ сего самаго времени постепенно и начала искореняться, а за симъ естественно послѣдовала постепенная утрата и воинственнаго духа. Не взирая, однако, на сіе, мы видимъ въ послѣднее уже время существованія Государей сихъ, Бранкована и Кантемира, въ головѣ народнаго и довольно еще сильнаго ослѣпленія своего.

Назначеніе Фанаріотовъ въ Господари.

Назначеніе Государей изъ Фанаріотовъ нанесло рѣшительный ударъ обоимъ Княжествамъ во всѣхъ совершенно отношеніяхъ, преимущественно же нравственности, болѣе или менѣе вообще всѣхъ классовъ.

Господарь Фанаріотъ, какъ откушникъ богатаго и заселеннаго края, на нѣкоторое время преданнаго ненасытимой алчности его,

являлся въ оный съ многочисленной стаей голодныхъ и голыхъ родственниковъ, долженствовавшихъ занимать мѣста подъ владычествомъ его. Въ предначертанной цѣли своей, онъ не могъ полагаться на искреннюю къ себѣ преданность, особенно народной массы; и посему, сначала для личной своей безопасности, а потомъ для приведенія корыстолюбивыхъ своихъ видовъ въ дѣйство, окружалъ себя (сверхъ нѣкотораго числа въ началѣ приводимыхъ съ собою Турковъ), наемною стражею, извѣстною въ землѣ подъ общимъ наименованіемъ Арнаутъ, составленныхъ изъ Суліотовъ, Албанцевъ, Грековъ, Македонскихъ и другихъ нагорныхъ Болгаръ, Сербовъ и проч. ¹

При вступленіи Фанаріотовъ на княженіе, имъ необходимо было усыпить или обольстить Бояръ и обуздать народъ. Въ отношеніи къ первымъ, они, съ одной стороны, истощали коварство, ехидство, самыя адскіе козни и всѣ отличительныя черты характера своего; съ другой, съ знатнѣйшими и богатѣйшими вступали въ родство, и связями сими взаимно угнѣтали и преслѣдовали прочихъ, до того, что Бояры обоихъ Княжествъ, прежде уже переищпанныя связями родства съ Венгерцами и Поляками, а многіе были и происхожденія сего, окончательно слились съ Фанаріотами и другими Греками, въ продолженіе болѣе вѣка владычества сихъ Князей, такъ что имена Рэковичъ, Дабижей и другихъ славныхъ древнихъ Бояръ, едва нынѣ извѣстны, и слѣды ихъ должно отыскивать въ классѣ Мазилъ, куда были низринуты съ множествомъ другихъ игомъ, наложеннымъ новыми припельцами и связями родства съ губительными властелинами своими, Фанаріотами. ² И потому нынѣ несравненно большая часть

¹ Сие послѣднее обстоятельство составляетъ предметъ нашего разсужденія, и о чемъ мы будемъ говорить далѣе.

² Сие-то и есть истинная причина безконечныхъ тяжбъ, въ Княжествахъ и самой Бессарабіи понынѣ существующихъ. Ибо Бояры сии, насильственно овладѣвъ имуществомъ сихъ, нынѣ въ классѣ бѣднѣйшихъ Мазилъ находящихся, снабжались новыми документами отъ Господарей, тогда какъ настоящія оставались въ рукахъ истинныхъ владѣтелей, но по бѣдности и утѣшенію не допускаемыхъ предъявить законныя права свои. Не только въ Молдавіи и Валахіи, но и въ Бессарабіи, гдѣ также еще земли не размежеваны, нѣтъ ни одного помѣщика, который бы не имѣлъ споровъ о границахъ, или о самыхъ помѣстьяхъ, которыя переходятъ изъ рукъ въ руки, такъ что одинъ не успѣваетъ доказать свои истинныя права на имѣніе, какъ другой вновь оспариваетъ у него владѣніе, и потомъ самъ теряетъ опое пѣ тяжбѣ съ третьимъ, и такъ далѣе. Конечно, въ

первоклассныхъ Болръ Молдавіи и Валахіи суть происхожденія иноземнаго, преимущественно Греческаго, Венгерскаго и частію Польскаго и Сербскаго: Бранкованы, Стурдзы, Балши, Гики (обонхъ Княжествъ), Роскеты (Разнованы), ¹ Кантакузины (Пашканы), ² Канты, Филипески, Филипы, Романети, Башоты, Маврокордаты, Баланески, Василики, Бѣло, Суцы, Палади, Гречаны, Балачаны, Конаки, Бельдеманы, Вилары, Ралеты, Мано, и пр. и пр. служатъ сему примѣромъ. ³

Второй разрядъ Болръ, менѣе перемѣшанный съ иноземцами, особенно съ Греками, казался въ началѣ также опаснымъ для Фанариотовъ, ибо классъ сей занималъ большую часть должностей по цынутамъ (уѣздамъ) и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Главнаго Управленія. Что касается до сихъ послѣднихъ, то Фанариоты не встрѣчали большаго труда, подъ разными предлогами, смѣщать и замѣнять ихъ своими родственниками и другими Греками. Со властями же въ уѣздахъ они поступали ухищреннѣе и осторожнѣе: сначала къ Исправникамъ назначали по одному помощнику изъ Грековъ, потомъ назвали свихъ послѣднихъ товарищами, чрезъ нѣсколько времени дали имъ титулъ вторыхъ Исправниковъ, а наконецъ и оба Исправники назначались изъ Грековъ.

Чтобы болѣе еще усыпить и прекратить начинавшійся ропотъ, ⁴ по причинѣ удаленія туземныхъ отъ должностей, Фанариоты при-

отношеніи Бессарабіи, если Правительство обратитъ на сіе вниманіе, то или большая часть помѣстьевъ будетъ возвращена и утверждена у законныхъ владельцевъ, или поступитъ въ казну, особенно въ Хотинскомъ цынутѣ, гдѣ вѣтъ почти документовъ, и большая часть онаго по всему праву принадлежитъ казнѣ, какъ существовавшая рая. Бужакъ представляетъ сему примѣръ, и шр. и проч.

¹ Часть фамиліи Роскетовъ именуется съ недавняго времени Разнованами, отъ имени помѣстья Разнова, купленнаго отъ Князей Морузи. Съ 1821 года нѣкоторые изъ Роскетовъ, производятъ фамилію свою отъ Розети, но это ложно. Фамилія Роскетовъ слишкомъ извѣстна въ обонхъ Княжествахъ.

² Нѣкоторые изъ Кантакузиныхъ именуется Пашканами отъ имени помѣстья Пашканъ.

³ Въ Молдавіи фамилія Морузи, а въ Валахіи Караджи, издавна имѣють огромныя помѣстья и суть нынѣ Болрами Княжествъ, нося ихъ чины.

⁴ Нѣсколько разъ приносима была отъ нихъ жалоба Цортѣ, но всѣ ихъ домогательства были тщетны. Все подавалось мѣшками золота въ Константинуполь, а на мѣстѣ въ Консулатахъ.

скали способъ, въ послѣдствіи нанесшій рѣшительный ударъ благосостоянію края: въ обоихъ Княжествахъ, каждое мѣсто имѣло большее или меньшее число приписанныхъ поселянъ къ одному, извѣстныхъ подъ названіемъ Сокотельниковъ, Бреслашей и Служей; Бояръ, оставляя должность, терялъ и право пользоваться оными; Господари-Фанаріоты придумали оставлять Сокотельниковъ и прочимъ Боярамъ, которыхъ удаляли отъ мѣстъ, а заступающимъ назначать другихъ. Отъ сего-то произошли и чины, ибо прежде Бояръ, наприимѣръ, въ званіи Ворника, Гетмана и пр., пользовался титуломъ только до тѣхъ поръ, доколѣ онъ занималъ должность, оставляя же оную, самъ онъ назывался Мазиломъ, — которые въ послѣдствіи составили многочисленный классъ, нынѣ подъ симъ именовъ и извѣстный. Сіе злоупотребленіе власти въ послѣднее время не имѣло уже болѣе границъ — и возрастающее число Сокотельниковъ, Бреслашей и Служей, ежедневно размножаясь, обременяло налогами другую часть народа, долженствовавшую нести всѣ повинности. ¹

Вотъ вкратцѣ способъ, употребленный Фанаріотами къ совершенному преобразованію нравственности сего класса обитателей. Методическое и постоянное ихъ дѣйствіе, въ продолженіи не съ большимъ одного вѣка, сдѣлало необыкновенно быстрые успѣхи, череродивъ въ основаніи своемъ Бояръ обоихъ Княжествъ въ Фанаріотовъ: робость заступила мѣсто мужества; козни, пронырство, лицемѣріе и происки—прямодушіе; ехидство и ухищреніе—великодушія; самоприверженность, тщеславіе и корыстолюбіе—чистоты нравовъ и пр. и пр.

Господарь Фанаріотъ, при назначеніи своемъ, вѣзжалъ въ Княжество, окруженный наемной стражей, состоящей, какъ мы упомя-

¹ Сверхъ того, что всѣ приписанные поселяне избавлялись отъ всякой общественной повинности, но и за каждаго такового въ Молдавіи Бояръ вималъ извѣстную сумму, ежемѣсячно взыскиваемую съ тѣхъ, кои не были ни къ кому приписаны. Нѣкоторые изъ Князей произвели изъ сего гнусную торговлю и раздавали Сокотельниковъ не только вдовамъ, но и людямъ, никогда не служившимъ, и иностраннымъ подданнымъ: нѣкоторые Консулы-Пероты имѣли извѣстную пользу также симъ выгодами. Словомъ, по заключеніи Бухарестскаго мира, Молдавія имѣла не болѣе 12-ти т. Сокотельниковъ и проч. При открытіи же кампаніи въ 1828 году, таковыхъ было около 50-ти т. , т. е., почти половинна всего населенія Княжества, считая одни только семейства поселянъ, именуемыхъ въ землѣ Царанами.

нули выше, изъ людей, извѣстныхъ подъ общимъ наименованіемъ Арнаутъ. Вначалѣ главнѣйшая цѣль состояла въ обезпеченіи лично себя отъ могущаго быть какого либо покушенія со стороны народа, еще недавно оставившаго оружіе. Остатки казармъ, для помѣщенія отъ пяти до восьми сотъ тѣлохранителей сихъ, и помѣнны видны еще при разрушенныхъ дворцахъ Греческихъ Государей обоихъ Княжествъ. Своекорыстные виды ихъ требовали въ сѣвѣтственнаго сему предначертанію управленія; стража сія въ короткое время служила имъ, вмѣстѣ съ предназначеніемъ своимъ защищать стѣны дворцовъ, и единственной исполнительной властью, съ помощію коей они и приступили къ преобразованію, или разоренію, края, которой новыми введеніями постепенно лишая древнихъ правъ своихъ, уничтожали и народный воинственный духъ. Въ достиженіи сей послѣдней цѣли не мало способствовало и умноженіе (какъ упомянуто выше) Сокотельниковъ, что, раздѣливъ выгоды народной массы, ¹ ввело и установило необходимое равновѣсіе между порывами страстей и другихъ внутреннихъ побужденій.

Такимъ образомъ, мало по малу Господари, съ назначеніемъ въ уѣзды товарищей или вторыхъ Исправниковъ изъ Грековъ, первоначально давали имъ по нѣскольکو человекъ изъ стражи своей съ однимъ Капитаномъ, предназначая ихъ для поимки разбойниковъ. Но скоро послѣ Капитанівъ сіи были увеличены, и тогда они исполняли уже власть полицейскую въ городахъ и мѣстечкахъ, какъ равно на нихъ возлагалась и экзекуція по селеніямъ. Въ слѣдъ за симъ въ Букарестѣ и Яссахъ, Спатарія, Гетманія и Хаджинъ исключительно составились изъ силъ же Арнаутъ. Предоставляемая выгода, хорошая плата и проч. скоро наполнила оба Княжества большимъ количествомъ различныхъ воинственныхъ народовъ. По духу и образу управленія Фанаріотовъ, люди сіи пользовались большею довѣренностію противъ коренныхъ жителей края, и постепенно завладѣли вообще всѣ исполнительной власти мѣста; изъ нихъ назначались Булюкъ-Баши, Капитаны де Тыргъ (родъ Полиціймейстеровъ по мѣстечкамъ и уѣзднымъ городамъ); на границѣ, при мостахъ, на почтахъ, на дорогахъ для поимки разбойниковъ и проч., главный изъ таковыхъ Капитановъ могъ имѣть отъ 20 до 50 Арнаутъ, или собранныхъ имъ самимъ, или присланныхъ властью, отъ которой онъ зависѣлъ.

¹ О семъ слишкомъ бы пространно было разсуждать здѣсь.

Большая часть людей сихъ въ Княжествахъ вступали въ родство и селились тамъ; другіе, нажившись, брали посессіи, держали откупа, занимались торговлею и разными другими промыслами, какъ то: завели большое число кофеенъ, шинновъ, оружейныхъ и другихи мастерствами, множество служило у Бояръ ѣдовыми лакеями для экипажей, ¹ привратниками и пр. и проч. Полуосѣдлая жизнь сія не мѣшала имъ, въ случаѣ нужды, братья опять за оружіе, что и переходило отъ отца къ сыну.

Такимъ образомъ Фанаріоты, въ продолженіи не съ большимъ вѣка владычества своего въ Княжествахъ, нечувствительно передавъ всѣ отличительныя черты характера своего. Боярамъ, а народъ совершенно лишивъ воинственнаго духа, изгладивъ изъ самой памяти онаго о существованіи собственнаго ополченія своего, вручили всю исполнительную власть наемникамъ, составленнымъ изъ разныхъ воинственныхъ племенъ и народовъ. Въ послѣднее время количествомъ ихъ было весьма велико, преимущественно же въ Валахіи во время Княженія Караджи и въ Молдавіи Калишахи. На сихъ-то самыхъ людей въ 1821 году Князь Александръ Иисиланти, предначертавъ смѣлое предпріятіе свое, полагалъ всѣ надежды.

Обычай стражи сей соблюдаемъ былъ по необходимости Гикой въ Бумарестѣ, а Стурдзою въ Яссахъ, до 1828 года. При вступленіи нашихъ войскъ въ Княжества, порядокъ сей не могъ измѣниться и, исключая собственной стражи Господарей, всѣ прочія остались при мѣстахъ своихъ. Малая же часть Плаяшей, коренныхъ жителей Княжествъ и живущихъ въ горахъ по границѣ съ Австріею, хотя и предназначены къ содержанію сей линіи, но также находятся въ Валахіи, въ вѣдѣніи Спатаря, а въ Молдавіи Гетмана, которые назначаютъ отъ себя во всѣ Плаи и другія мѣста Капитановъ изъ Арнаутъ, на коихъ и возлагается поимка разбойниковъ и проч. Служиторы же (также коренные жители) въ обоихъ Княжествахъ не вооружены; они служатъ по Исправничествамъ для разноса приказаній по селеніямъ; они состоятъ также подъ начальствомъ Арнаутскихъ Капитановъ, находящихся при Исправникахъ; одна Малая Валахія имѣетъ часть своихъ жителей вооруженными, кои и извѣстны подъ именемъ Пандуръ.

¹ И нынѣ они существуютъ въ полномъ вооруженіи въ сихъ должностяхъ и живутъ общинами своимъ именемъ Арнаутами.

Пандуры сіи, преимущественно живущіе въ цыгутахъ: Горженскомъ, Мегединскомъ и Вильченскомъ, большею частію вооружены и вообще имѣютъ къ сему способность. Они обязаны въ сѣмъ (сверхъ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ) какъ мѣстоположенію своему, такъ и тому, что въ первые времена владычества Фанариотовъ, они, будучи управляемы Банами, имѣвшими пребываніе свое въ Краіовѣ, не разъ возставали подъ предводительствомъ ихъ противъ Государей. Когда же сіи послѣдніе успѣли отдалить Бана изъ Краіовы, назначивъ ему предсѣдательствовать въ Верховномъ Диванѣ всего Княжества, не отнимая отъ него званія Бана Краіовскаго, а на мѣсто его, для управленія Малой Валахіею, назначали Каймакана, всегда изъ Грековъ, то и тогда народъ не разъ покушался, подъ предводительствомъ частныхъ своихъ начальниковъ, поколебать его, на ихъ налагаемое. Сверхъ сего Пандуры, во время сосѣдственныхъ войнъ, служили при Арміяхъ Россійскихъ, Австрійскихъ, самихъ Турецкихъ и проч. и проч.; все сіе и способствовало имъ къ сохраненію нѣкотораго воинственнаго духа въ томъ родѣ войны, къ которому они пріобыкли. Но и тутъ необходимо замѣтить, что и самыя Пандуры всегда почти находились по частямъ въ командѣ Арнаутскихъ Капитановъ, которыхъ назначали имъ или Верховное ихъ Управленіе, или они сами себѣ избирали таковыхъ, какъ болѣе храбрыхъ и отважнѣйшихъ и пользовавшихся молвою. Сверхъ всего этого, при каждомъ ополченіи Пандуръ, всегда находился особенный отрядъ Арнаутъ, и обыкновенно при самомъ началникѣ ополченія. Отрядъ сей, вмѣстѣ съ предназначеніемъ своимъ, быть первымъ всегда въ бою, служилъ ему и исполнительной силой, для побужденія къ повиновенію ослушающихся Пандурскихъ Капитановъ. Въ такомъ составѣ и состояніи Пандуры извлекали иногда предполагаемую пользу, и съ успѣхомъ были употребляемы. Отдѣльно же, одни, не заслуживаютъ (кромѣ разбоя) никакого вниманія. Въ чемъ не только я самъ сіе не разъ испыталъ въ 1829 году, но могъ бы привести и безчисленное множество примѣровъ.

И такъ изъ всего сего явствуетъ, что, по стеченію обстоятельствъ и по духу управленія, въ продолженіи болѣе вѣка въ Княжествахъ существовавшего, народный воинственный духъ совершенно исчезъ, а вся сила и слѣпая довѣренность народа въ какихъ либо обстоятельствахъ, находится совершенно въ рукахъ сихъ Арнаутскихъ Капитановъ и имъ подобныхъ, сдѣлавшихся уже ослѣдыми жителями

нхъ Княжествъ, и конхъ мнѣніе и дѣйствіе имѣеть необъяснимое яніе на главную массу народа, приобыкшаго въ каждомъ изъ нихъ дѣть непобѣдимаго героя.

Чтобъ яснѣе достигнуть до предначертанной нами цѣли въ семъ аткомъ изложеніи, мы слегка упомянемъ въ особенности о всѣхъ стояніяхъ, въ Княжествѣ находящихся, о настоящемъ оныхъ по- ній, расположеніи политическихъ и другихъ вліяній и проч.

Новый Регламентъ Княжествъ.

Прежде чѣмъ приступить къ сему, необходимо упомянуть вкратцѣ нововведенномъ Регламентѣ или образованіи Княжествъ.

По существующему порядку вещей въ обоихъ Княжествахъ, по ху обитателей оныхъ и по степени ихъ просвѣщенія, новый Рег- ментъ сей представляетъ нѣкоторыя выгоды единственно однимъ ярамъ перваго класса, но и то только тѣмъ, которые имѣють мльшія помѣстья. Что же касается до прочихъ состояній, то во ѣхъ почти отношеніяхъ онъ имъ предосудителенъ. Конечно, вве- ніе подобныхъ уложеній въ землѣ, болѣе просвѣщенной, при- быкшей хотя къ тѣни основательнаго законодательства, общество могло бы приобрѣсть отъ того пользу. Но здѣсь совсѣмъ против- ре: народъ пользовался и управлялся обычаями, превратившимися въ послѣдствіи въ законы, дополненные (особенно въ тяжбахъ) нѣ- торыми уложеніями Римскихъ Императоровъ, преимущественно Юстиніановыми. Обычай сіи, къ которымъ народъ приобыкъ, были росты и во многихъ отношеніяхъ, въ основаніи своемъ, весьма зрощи. Верховная власть Господаря и Митрополита, какъ предсѣ- ателя общаго собранія Дивана, во многихъ случаяхъ была свыше сякаго закона: двѣ спорящія стороны, въ присутствіи ихъ, дока- ывали каждая свои права; — тутъ же, на основаніи существующихъ бычаевъ, отдавали справедливость одной и обвиняли другую; тяжбы ѣи не подвергались долготѣннымъ процессамъ, не истощали издерж- ами, не давали повода къ клязамъ, къ криводушію судей и пр., пр. Словомъ, сей образъ судопроизводства и управленія вполне оотвѣтствовалъ степени просвѣщенія всѣхъ классовъ, ¹ тѣмъ болѣе

Несоотвѣтственная всеобщему народному просвѣщенію, конституція, давая Гре- камъ, представляетъ разительный примѣръ и урокъ для тѣхъ, кои, будучи дви-

что въ землѣ, подобной Княжествамъ, благоразуміе и воля одного чаще приносятъ болѣе пользы, чѣмъ плоды многочисленнаго Дивана, составленнаго изъ людей болшею частію невѣждъ, безъ правилъ, и въ коемъ болшинство голосовъ невѣжественныхъ, пристрастныхъ и своекорыстныхъ Бояръ, возметъ всегда перевѣсъ противъ несоразмѣрно меньшаго числа благоразумныхъ и безпристрастныхъ, если бы таковыхъ и можно было найти въ обонхъ Княжествахъ сихъ.

Нѣкоторые только изъ злоупотребленій были иногда тягостными поселянамъ въ существовавшемъ прежде порядкѣ вещей; но кто можетъ ручаться, чтобы и новый Регламентъ сей не былъ искаженъ оными, тогда, какъ и гораздо совершеннѣйшіе законы бываютъ во зло употребляемы тѣми, которые имѣютъ въ рукахъ исполненіе по онымъ? Хорошими Уложеніями стараются по возможности отнимать средства къ злоупотребленіямъ, но искоренить оныхъ не возможно, доколѣ представлены къ онымъ всѣ способы. Такъ и въ Княжествахъ всѣ злоупотребленія происходили отъ принятаго Фанариютами правила, смѣщать ежегодно всѣхъ чиновниковъ и замѣнять ихъ новыми, правила, имѣвшія одну только пагубную для края цѣль: своекорыстіе сихъ откупщиковъ Господарей, которые раздавали на годъ мѣста за большую или меньшую сумму. ¹ Слѣдственно, Бояръ, получившій какое либо мѣсто, всячески старался въ продолженіи года выбрать съ барышемъ сумму, заплаченную имъ за оное; насильственное средство, часто симъ послѣднимъ употребляемое, должно было быть терпимо Правительствомъ, извлекавшимъ изъ сего личныя выгоды свои.

Что же касается до ограниченія симъ новымъ Регламентомъ самоуправства Господаря, то врядъ ли онъ будетъ болѣе обузданъ Княжескимъ своимъ Диваномъ, имѣющимъ однѣ съ нимъ выгоды — раззореніе народа, какъ былъ онъ прежде сего ограниченъ въ своевольствѣ трактатами и личными блюстителями оныхъ, Консулами

жизны духомъ нынѣшняго времени, мечтаютъ вводить то усовершенствованіе нравственныхъ законовъ въ народѣ, еще не готовомъ принять таковыя, которое должно предоставлять одному только времени.

¹ Въ послѣднее время Гетманія и Вистарія продавались болѣе, какъ за 4000 червонцевъ; Михалаки Стурза давалъ за послѣднюю сію сумму, но не могъ получить таковой, ибо она была продава дороже другому.

нашими, которые въ семъ отношеніи удобооблались болѣе Прокуро-
ранъ, чѣмъ носящему ими званію. Память о Северинѣ, Малиновскомъ,
Жерве и Балкановѣ, до сихъ поръ благословляется въ краѣ: они
были истинными и достойными представителями Державы, покров-
рительствующей оба Княжества сіи. Но послѣ Бухарестскаго мира,
когда Пероты заступили мѣста Консуловъ и Драгомановъ, тогда
все измѣнилось. Родившись Турецкими же подданными и получивъ
воспитаніе и образованіе, свойственное духу Фанаріотовъ, они, часто
прежде назначенія своего еще въ Константинополь, уже тѣсно сое-
дѣненные или узамъ родства, или интригъ и интереса съ княжив-
шими фамиліями Фанара, могли ли потому, Пероты сіи, основы-
ваясь на трактатахъ (особенно на Бухарестскомъ, послѣ котораго
они исключительно занимали мѣста сіи), обуздывать алчность Фана-
ріотовъ, съ коими они дѣлились? При томъ же ихъ имущество, ихъ
родственники, ихъ друзья, связи, все находилось въ Константи-
нополѣ; благосостояніе ихъ зависѣло болѣе отъ благосостоянія Ту-
рецкой Имперіи, чѣмъ отъ той Державы, которая помѣщала ихъ въ
сіе званіе для отклоненія угнѣтеній и пр. и пр. Словомъ, пребыва-
ніе сихъ Консуловъ-Перотовъ въ Княжествахъ имѣло самыя пагуб-
ныя послѣдствія, о коихъ здѣсь нѣтъ мѣста распространяться.

Не позволяя себѣ разбирать въ подробности выгоды и неудобства
Регламента, я замѣчу только то, что одна весьма малая часть пер-
воклассныхъ Бояръ равнодушно снеситъ введеніе оного, но вообще
всѣ классы остаются недовольными; онъ поставитъ ихъ въ поло-
женіе, совершенно противоположное прежнему—ощущеніе новое и
для нихъ непостижимое. Послѣдствія, отъ сего произойти могущія,
заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ въ политическомъ, такъ и
во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Первоклассные Бояры.

Вредное и недостойное поведеніе Консуловъ-Перотовъ, по заклю-
ченіи Бухарестскаго мира, не могло не только усилить преданность
сего класса къ Россіи, но и сохранить существовавшую прежде сего.
Агенты и Консулы Австрійской Имперіи, лучше постигая цѣль и
напрѣненія своего Правительства, воспользовавшись симъ, начали раз-
личными средствами уловлять въ сѣти Бояръ обоихъ Княжествъ и,
дѣйствуя благоразумно и постоянно въ семъ духѣ въ продолженіи
18 лѣтъ, успѣли тонко и нечувствительно отклонить къ себѣ весь

классъ сей. Предметъ обширный къ объясненію какъ поведеніи Консуловъ-Перотовъ, такъ и всѣхъ средствъ, употребленныхъ Австрійскими Агентами и коимъ частію я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ.¹

Отклоненію сему Бояръ много способствовало и присоединеніе къ Россіи Бессарабіи. Въ области сей Бояры не могли сохранять нѣкоторыхъ правъ, которыми гордятся они въ отечествѣ своемъ, но которые противны были благоустройству Государства нашего. Вообще, по свойству Бояръ сихъ, каждое Правительство, слящаеся весте хотя тѣнь какого либо порядка, кажется губительнымъ въ глазахъ ихъ. Они чужды всѣхъ благородныхъ понятій просвѣщеннаго разсудка, всѣмъ постояннымъ правиламъ чистой нравственности: добродѣтель, совѣсть, честь, стыдъ и добрая молва для нихъ слова безъ значенія: только физической страхъ обуздываетъ ихъ страсти. Словомъ, они привыкли къ духу Турецкаго Правительства, они любятъ его, они достойны онаго.

Конечно, расположеніе мнѣній и искренняя преданность обоихъ Княжествъ къ Россіи, не заслуживаетъ вниманія; но это разсужденіе многихъ можетъ быть только допущено въ отношеніи одной физической силы, ибо во всѣхъ другихъ оно особенно важно. Не говоря уже о томъ, что по обстоятельствамъ (о коихъ упомянемъ въ другомъ мѣстѣ) они составляютъ ключъ къ мнѣніямъ всѣхъ сосѣднихъ имъ Славянскихъ народовъ, видимо отъ насъ въ семъ отношеніи похищаемыхъ, но и съ небольшимъ двадцать лѣтъ тому назадъ, какъ Бояры обоихъ Княжествъ, полагали еще всѣ надежды свои на Россію, изъявляли свою довѣренность, при угрожающихъ буряхъ удаляясь на время или навсегда въ оную, отсылали собираемый капиталъ къ намъ, многіе въ предѣлахъ нашихъ покупали нѣдви; дѣти ихъ воспитывались въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и проч. и проч. Теперь все противоположно: Бояры предпочитаютъ уже искать личнаго покровительства въ Австрійской Имперіи;² тамъ по-

¹ Во время Етеріи, находясь въ Бессарабіи, я не только нѣтъ случай быть въ частыхъ сношеніяхъ съ Боярами, удалившимися въ сію область, но и бывая въ Черновцахъ (въ Буковинѣ), мнѣ всѣ подробности многихъ обстоятельствъ были тогда уже извѣстны; предъ открытіемъ же кампаніи, во время отсутствія посланниковъ изъ Константинополя, я, будучи въ Княжествахъ, могъ вышкнутъ во все съ подробностію, но о чемъ здѣсь нѣтъ мѣста распространяться.

² Поведеніе Бояръ обоихъ Княжествъ, во время эмиграцїи ихъ съ 1821 по 1827, по случаю Етеріи, въ подробностяхъ своихъ представляетъ любопытнѣйшую эпоху для наблюдателей характеровъ и проч. и проч.

купаютъ помѣстья; тамъ воспитываютъ всѣхъ дѣтей своихъ; драгоценныя вещи, при малѣйшемъ переворотѣ, отправляютъ въ Австрію; всѣ капиталы Бояръ обоихъ Княжествъ находятся въ рукахъ Австрійскихъ Банкировъ; между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ, имѣя помѣстья въ Бессарабіи, извлекаютъ изъ оной милліоны звонкой монеты и проживаютъ оную въ Княжествахъ, или отсылаютъ на сохраненіе въ Австрію же; стараются продавать имѣнія въ области сей, и покупаютъ таковыя въ Буковинѣ и Трансильваніи и проч. и проч.

Сверхъ всего сего, предъ открытіемъ послѣдней съ Турками кампаніи, съ какими трудностями сопряжено было полученіе нѣкоторыхъ необходимыхъ свѣдѣній, отъ малаго числа бывшихъ тогда еще преданными Россіи! Какіе для сего надо было употреблять средства къ обольщенію ихъ обѣщаніями! Нѣкоторые будучи уловлены оными, или по внутреннему убѣжденію, предались къ пользѣ нашей и подверглись всѣмъ видимымъ опасностямъ, въ тогда существовавшихъ обстоятельствахъ, и способствовали намъ во всемъ. Но едва кампанія открылась, не только что обѣщанія сіи были не выполнены, но и сами они были забыты, какъ болѣе уже не нужныя, и должны были уступить предъ интригами и людьми вредными, дѣйствовавшими предъ открытіемъ кампаніи противу выгодъ Россіи, а при началѣ оной умѣвшими снискать различными средствами къ себѣ вниманіе и проч. Такимъ образомъ теряется довѣренность въ краѣ, и теряется безвозвратно, или, по крайней мѣрѣ, на долгое время. Наконецъ, какъ робко дѣйствовали и какъ неохотно споспѣшествовали вообще первоклассные Бояры обоихъ Княжествъ, преимущественно въ Валахіи, въ продолженіи всей войны сей по предмету распоряженій и заготовленій! Холодное участіе, ими принимаемое, набрасывало тѣнь сомнѣнія на самую благонамѣренность въ расположенія и наводило подозрѣніе на постороннее ихъ соучастіе и проч.

Введеніе Регламента открыло Боярамъ сего класса новое и пространное поприще къ интригамъ: они всѣ имѣютъ цѣль—пронскаки достичь въ Господари; Яссы и Букарестъ обращены въ гнѣздо пронырствъ и ухищреній; всякое средство, всякое преступленіе, кажется позволительнымъ въ глазахъ искателей—соперниковъ, алчущихъ сего достоинства. Михалаки Стурдза въ Молдавіи, а Георгій Филиппеско въ Валахіи, особенно отличаются отъ прочихъ преступными и пронырливыми дѣйствіями своими.

Прочіе Бояры сего класса, особенно тѣ, которые, по состоянію своему и другимъ отношеніямъ, не имѣютъ основательныхъ надеждъ быть избранными въ Княжеское достоинство, искреннѣе желаютъ продолженія хаоса, прежде или даже нынѣ существующаго, чѣмъ видѣть одного изъ своихъ соотечественниковъ повелителемъ своимъ, и быть принужденными пресмыкаться и цѣловать его кафтаны и руку, хотя все сіе всегда охотно выполняютъ, преимущественно съ иноземцами, отъ коихъ льстятся получить иногда одну только надежду къ минутной личной выгодѣ: нѣтъ жертвы, которая бы не приносилась въ такомъ случаѣ.

Вообще сей классъ Бояръ, даже и тѣ, которые пріобрѣтаютъ какія либо выгоды отъ Регламента (исключая только преимущества нѣкоторыхъ быть избранными въ Господари), недовольны онымъ. Они истощаютъ всѣ возможныя интриги (о чемъ упомянуто будетъ въ другомъ мѣстѣ) и, криво толкуя многіе статьи онаго, вселяютъ въ низшихъ Боярахъ, а сіи еще легче въ народѣ, вредныя мнѣнія о неудобствахъ сего новаго введенія.

Время пребыванія Консуловъ-Перотовъ для первоклассныхъ и богатѣйшихъ Бояръ было временемъ, достопамятнѣйшимъ и благопріятнымъ; ибо за деньги они могли давать полное стремленіе всѣмъ ухищреніямъ въ кругу своемъ, и легко достигать своихъ шлюдовъ и при Дворѣ Князя, и у Консуловъ сихъ. Слѣдственно, классъ сей Бояръ только и былъ предосудителенъ благосостоянію края, и сей-то самый классъ съ новымъ Регламентомъ получилъ еще многія другія преимущества!

Бояры втораго класса.

Бояры втораго разряда были болѣе равнодушными къ преданности Россіи; они охотно пользовались ея покровительствомъ, но искренно боялись ея вліянія, угрожаваемаго имъ участіемъ Бессарабіи. Они всѣ безъ изыятія преданы были всегда Турецкому Правительству, и съ отчаяніемъ соблазняются объ измѣненіи существовавшаго порядка вещей, вспоминая объ ономъ, какъ о дняхъ блаженства своего. Введеніе лучшаго устройства въ управленіе, ясное истолкованіе правъ и обычаевъ, не можетъ никогда согласоваться съ личными видами самоприверженности, тщеславія, корыстолюбія и самоуправства, которое они раздѣляли съ Боярами перваго класса.

Втораклассные Бояры обоихъ Княжествъ, хотя въ нѣкоторыхъ отщепеніяхъ и не пользовались тѣми же преимуществами, которыя, такъ сказать, исключительно принадлежали Боярямъ перваго разряда; какъ равно и власть ихъ нѣсколько ограничивалась, но они также надѣялись рано или поздно достигнуть первой степени, т. е., безотвѣтственнаго права угнѣнять и разорить, въ свою очередь, тѣхъ, которые достанутся въ удѣлъ имъ. По врожденнымъ свойствамъ, по воспитанію и по самой привычкѣ, они отнюдь не великодушнѣе первыхъ — и слишкомъ убѣждены, что никогда столько не приобретутъ отъ защиты прямаго закона, сколько утратятъ свободы къ злоупотребленіямъ, въ смыслѣ просвѣщенныхъ народовъ; ибо то, что у другихъ называется симъ именемъ, въ Княжествахъ часто есть обычай, который весьма равнодушно и безъ ропота сносится всѣми. Кривеннисала или право на незаконное приобретение, которымъ пользовались нѣкоторые изъ первоклассныхъ Бояръ, врѣщаетъ всякаго. Тотъ, кто получалъ оную, гордился симъ преимуществомъ и почитался другими сильнымъ и могущественнымъ при Дворѣ.

Вообще всѣ Бояры, принадлежащіе къ сему второму классу, противны введенію Регламента, который нѣкоторыми положеніями отдѣляетъ ихъ еще болѣе отъ первостепенныхъ Бояръ. Сверхъ сего, они лишаются и нѣкоторыхъ старинныхъ своихъ преимуществъ, которыя первоклассные не только что сохраняютъ, но богатѣйшіе приобретаютъ еще и новыя.

Итакъ преданность къ Туркамъ всего сего класса утвердилась еще болѣе: новый Регламентъ усилилъ врожденную взаимную ихъ зависть; поселилъ негодованіе къ Правительству, подъ руководствомъ коего люди недостойные совершили его въ предосудительность своимъ соотечественникамъ.

Бояры третьяго разряда и Чокон.

Третьяго разряда Бояры и такъ называемые Чоконъ есть классъ, служащій во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, у всѣхъ Бояръ въ должностяхъ Секретарей, Логофетовъ (писарей), Ватавовъ (управителей) и тому подобныхъ. Они обыкновенно управляютъ не только всѣми дѣлами ихъ, но, имѣя неограниченное вліяніе, даютъ наравненіе самымъ умамъ и дѣйствіямъ большей части первоклассныхъ Бояръ. Чтобъ убѣдиться въ семъ и постигнуть сіе послѣднее об-

стоятельство, надо находиться долгое время въ Княжествахъ и въ частыхъ сношеніяхъ, наблюдая необыкновенный образъ жизни Бояръ сихъ.

Въ послѣднія 20 лѣтъ классъ сей много усовершенствовался въ способностяхъ разнаго рода и справедливо почестся можетъ Тіерсъ-Этá обоихъ Княжествъ. Онъ есть одинъ, на которомъ жить вся тягость общественныхъ дѣлъ; ибо никто, кромѣ ихъ, имѣетъ точнаго понятія объ отечествѣ своемъ и вообще о ихъ дѣлахъ, до онаго относящихся. Люди сіи пользуются большими льготами на поселянъ, къ которымъ они ближе и съ которыми, различными занятіями своимъ, имѣютъ болѣе случаевъ обращаться имѣть сношенія и связи; они суть единственные путеводители всѣхъ мѣстныхъ поселянъ, которымъ часто передаютъ справедливо мысли неблагонамѣренныхъ и боязливыхъ Бояръ, къ которымъ принадлежатъ. ¹ Дробные мѣстные откупа и т.д. только содержались ими и были однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ ихъ существованія. ²

Весь классъ сей Бояръ и Чокоевъ болшею частію, будучи издавна преданнымъ Туркамъ, но находясь подъ покровительствомъ Россіи, могъ прибѣгать подъ защиту Консулата, въ случаѣ если бъ кто изъ онаго претерпѣвалъ частныя гоненія, и потомъ рождалъ всегда онымъ. Но нынѣ они всѣ безъ изъятія недомогаютъ Регламентомъ, который лишаетъ ихъ въ существѣ болѣе всѣхъ преимуществъ, способа существованія и проч. и, отнимая надежды, обращаетъ нѣкоторымъ образомъ въ совершенное рабство.

Конечно въ благоустроенномъ Государствѣ общественная жизнь должна предпочитаться частнымъ выгодамъ, но не въ Княжествахъ, еще не созрѣвшихъ и не готовыхъ принять Европейскія

¹ Въ Княжествахъ каждый первоклассный Бояръ имѣетъ болѣе или менѣе чуждыхъ людей, коимъ онъ или предки его доставили чины; почему всѣ и называются принадлежащими къ тому дому и пр.

² Княжества не имѣютъ ни одного Банка, въ которой можно бы какъ тамъ; съ другой стороны ограниченность торговли и другія неудобства не позволяютъ дѣлать никакихъ оборотовъ тѣмъ, кто имѣетъ какой либо видъ Поссессіи, а преимущественно сей откупъ, былъ единственное средство къ наличнымъ деньгамъ. Регламентомъ все сіе прекращается.

учрежденіе, которое, при всей благодати своей, будетъ болѣе отягчительнымъ и несноснымъ, преимущественно для нижнихъ классовъ, какъ нѣкоторые и изъ самыхъ злоупотребленій. При томъ же и въ отношеніи знатнаго числа таковыхъ, особенно въ Молдавіи, составляющихъ едва ль не двадцатую часть всего народонаселенія, ихъ личныя способности, способъ существованія, влияние и проч. должно было обратить особенное на себя вниманіе законодателей, если они хотѣли приспособить оныя къ порядку вещей, образу мыслей и къ другимъ отношеніямъ, которые неотмѣнно должны входить въ основаніе хорошихъ и прочныхъ узаконеній; но, къ несчастію, они руководимы были или совершеннымъ незнаніемъ собственнаго своего отечества, или личными выгодами и видами, въ многосложныхъ отношеніяхъ... преступными.

Весь классъ сей нынѣ находится въ взволнованномъ броженіи умовъ. Будучи подстрекаемы Боярами втораго разряда и многими изъ первыхъ классовъ, даже и самыми участниками въ составленіи Регламента, которые, или увидѣвъ ошибку, ими сдѣланную, или справедливо опасаясь послѣдствій и желая сохранить каждый въ свою пользу избирательное сословіе, лицемѣрнымъ, боязливымъ и бездушнымъ поведеніемъ своимъ способствуютъ еще болѣе утвердить и усилить негодованіе сихъ классовъ къ Россіи. Съ одной стороны, пользуясь довѣренностію начальства, преклоняющаго слухъ къ обманчивымъ увѣреніямъ ихъ, они представляютъ все, куда относящееся, въ превратномъ видѣ, . . . приписывая всеобщее неудовольствіе и негодованіе малой части неблагонамѣренныхъ. Съ другой, въ глазахъ сихъ недовольныхъ соотечественниковъ своихъ стараются оправдываться въ упрекахъ, имъ дѣлаемыхъ, и сложить съ себя всю отвѣтственность предъ народомъ, имъ приписываемую. Они дерзко распускаютъ слухъ и утверждаютъ въ кругу, имъ преданныхъ, что всѣ статьи Регламента составлены были въ Петербургѣ, а они не что иное были, какъ переводчики на свой языкъ; что и самый переводъ сей совершался подъ предсѣдательствомъ Русскихъ и проч.

Михалаки Стурдза, по свойствамъ своимъ, болѣе всѣхъ распространяетъ сіе преступное и вредное впечатлѣніе. Алчущій Княжескаго достоинства, и узнавъ о намѣреніи всѣхъ классовъ (исключая нѣкоторыхъ изъ первыхъ), вступить съ прошеніемъ, за общую ихъ подписью, на счетъ нѣкоторыхъ статей Регламента, онъ всячески

старался отклонить ихъ, представляя, что такъ какъ Регламентъ долженъ будетъ быть препровожденъ въ общее собраніе на разбирательство, то гораздо легче исправить можно все сіе въ ономъ. Когда же Регламентъ прямо потребованъ былъ въ С.-Петербургѣ, тогда хитрый интригантъ сей взялся передѣлать все, относящееся къ сему классу въ С.-Петербургѣ: онъ тайно принималъ Депутатовъ къ себѣ отъ всѣхъ почти уѣздовъ и успѣлъ усыпить однихъ обольщеніями, другихъ угрозами послѣдствій и проч.

По возвращеніи изъ Столицы, онъ опять прибѣгъ къ средствамъ, весьма обыкновеннымъ въ тѣхъ краяхъ: онъ говорилъ, что, не успѣвъ ничего измѣнить въ ихъ пользу, и долженствуя съ Регламентомъ отправиться въ Константинополь, ручается за успѣхъ. Но въ сей разъ онъ былъ не такъ счастливъ, какъ прежде: онъ въ глазахъ самыхъ даже Молдаванъ открылся, и всѣ постигли замыслы его, и потому соединились препятствовать избранію его въ Господари. Дѣло Сіона въ началѣ 1831 года въ Яссахъ и общее броженіе умовъ сего класса по Цынутамъ, было плодами его лицебрнаго поведенія вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ его сообщниковъ.

Кто близко не знаетъ Молдаванъ и Валаховъ, тотъ никогда представить себѣ не можетъ духъ интригъ, пронырствъ и ухищреній, приводимыхъ въ подобныхъ случаяхъ въ дѣйство; это все отличается особеннымъ характеромъ, свойственнымъ исключительно только нѣкоторымъ изъ первоклассныхъ Боярь обоихъ Княжествъ. М. Стурдза, Алеко и Георгій Филипеско, конечно, занимаютъ первое мѣсто на семъ поприщѣ.

Между тѣмъ М. Стурдза не поѣхалъ въ Константинополь. Но мысль его о возможности передѣлать Регламентъ въ сей столицѣ Оттомановъ, быстро сообщилась и оживила недовольныхъ. Въ Февралѣ 1831 года, они отправили въ Константинополь, къ сыну бывшаго Господаря, Стурдзы, ¹ подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, прося его войти въ положеніе ихъ. ² Слухъ носился, что таковая же просьба отдана была Ариѣ-Агѣ, находившемуся

¹ Сынъ Господаря сего, въ продолженіи всего княженія отца своего, находился въ Константинополѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ; по открытіи кампаніи югъ-авъ и получилъ свободу выѣхать, но оставался тамъ, и нынѣ есть тайный представитель и ходатай недовольныхъ и проч.

² Просьба сія послана была чрезъ нѣкоего монаха, Исканта.

да въ Яссахъ; но достовѣрно есть то, что многіе Бояры, особливо втораго и третьяго классовъ, гласно изъявляли ему свое недовѣріе, и когда Турокъ сей изъ Бухареста проѣзжалъ чрезъ кеу и Романъ въ Яссы, всѣ спѣшили быть у него. ¹ М. Стурдза имѣлъ многія съ нимъ тайныя свиданія въ домѣ Георгія саки и сдѣлалъ ему значительныя подарки. ² Въ концѣ сего года М. Стурдза назначенъ Вистіаромъ, предметъ всегдашнихъ ланій сего корыстолюбивѣйшаго изъ всѣхъ Молдаванъ, но до того онъ никогда во время самыхъ Государей достигнуть не могъ, взирая на знатныя суммы, за сіе мѣсто имъ предлагаемыя: сами министры и Государь Стурдза не хотѣли подвергнуть современному разграбленію Княжества ненавидимому всѣми вообще классами, ухищренному сребролюбцу сему.

Все вышесказанное, происшествія Января и Февраля 1831 года въ Яссахъ, и многія другія обстоятельства, ясно изображаютъ всеобщее волненіе умовъ противъ Регламента и даютъ заключать, каковыя послѣдствія и какихъ ужасовъ должно будетъ ожидать съ ступленіемъ нашихъ войскъ, единственно только ихъ и обуздывающихъ.

Поселяне.

Одно изъ главнѣйшихъ отягощеній поселянина въ Княжествѣ состояло въ неопредѣленіи точныхъ его обязанностей въ отношеніи къ помѣщику, на землѣ котораго онъ имѣетъ осѣдлость свою. Въ Молдавіи, можно сказать, умышенное законодательство, или обычай, совершенно въ пользу помѣщиковъ соблюдаемый, давалъ естественно каждому изъ сихъ послѣднихъ преимущество, чаще выигрывать непрерывные процессы съ поселянами своими, къ сему уже прикипши. Сей родъ управленія, конечно, во всѣхъ другихъ земляхъ нестерпимый, былъ, такъ сказать, врожденный поселянамъ Кня-

¹ Составилъ для Генераль-Адъютанта Киселева подробную о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ записку, и въ Мартѣ изъ Скулянскаго карантинна отправилъ.

² Около сего же времени перехвачено было письмо отъ Маріалы Стурдзы, жены сына Государя, находящагося понынѣ въ Константинополѣ, къ Секретарю Испанскаго Посланника; въ письмѣ семь она спрашиваетъ скорѣйшаго увѣдомленія, черезъ кого можно ходатайствовать объ назначеніи М. Стурдзы въ Государя, и что для сего можно располагать 20 т. червонцевъ. Нужно замѣтить, что письмо было сочинено самими М. Стурдзою, съ коимъ она находится въ связи.

жествъ, которые полагали себя уже и тогда счастливыми, когда могли съ Боярами вести тяжбу и отнюдь не отчаявались въ худшій оборотъ оной. Другой предметъ, столь же отяготительный, состоялъ въ притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ чиновниками Исправничества, во время какихъ либо нарядовъ или поборовъ. Но гдѣ, въ подобныхъ случаяхъ, не бываетъ оныхъ? И настоящий Регламентъ не только въ силахъ истребить, а съ приумноженіемъ властей, конечно, еще болѣе увеличить ихъ.

Всѣ выгоды сіи замѣнялись дикою свободою, которою пользовались поселяне въ Княжествахъ, и совершенно соответствующимъ его нравственнымъ и умственнымъ способностямъ, несложная работа въ управленіи, свободная торговля и проч., соединяло ихъ счастливымъ положеніемъ ихъ края, лежащаго между тремя морскими періями, и во всѣхъ отношеніяхъ богатаго природою, легко вело его въ цвѣтущее состояніе и скоро заставляло забывать о своихъ отношеніяхъ, коихъ непрерывно, и преимущественно въ продолженіи послѣднихъ 25 лѣтъ, онъ былъ свидѣтелемъ.

Сей образъ управленія, столь свойственный поселянамъ въ Молдавскихъ Княжествахъ, столь приспособленный къ степени ихъ просвѣщенія, съ ихъ нуждами, привычками и обычаями, еще на долгое время останется для нихъ удобнѣйшимъ. Истина сія оправдывается тѣмъ, что изъ Бессарабіи, гдѣ поселянинъ болѣе обезпеченъ отъ казенныхъ притязаній, множество таковыхъ перебѣгали на правый берегъ Прута, между тѣмъ какъ, не взирая на всѣ угнѣтенія (въ нашемъ смыслѣ), имъ дѣлаемыя въ Княжествахъ, трудно найти нѣсколько противныхъ сему примѣровъ. Итакъ одно только мнѣніе нѣкоторыхъ своевольствъ Правительства, и точное опредѣленіе обязанностей поселянъ, содѣлало бы ихъ счастливейшими въ цѣлой Европѣ. ¹

¹ Пусть узнаютъ отъ поселянъ и другихъ классовъ (исключая нѣкоторыхъ классовъ Бояръ) въ Валахіи о благоденствіи, которымъ они пользуются при послѣднемъ Государѣ Гикѣ, не взирая на всѣ затруднительныя тогда всѣхъ отношеніяхъ, обстоятельства: твердость Государя и строжайшее мнѣніе за справедливостію, обузданіе своевольствъ первостепенныхъ Бояръ и истинная причина ихъ негодования), не измѣняя коренныхъ и свойственныхъ имъ массѣ законовъ; всѣ почитали себя счастливейшими, о чемъ и они не перестаютъ соблаговолать, какъ о счастливейшемъ для нихъ времени.

Носеляне обохъ Княжествъ (исключая Пандуръ) свойствами своими совершенно отличаются отъ Боярѣ и другихъ классовъ. Валахской и Молдавской мужикѣ робокѣ и безпеченѣ, но покоренѣ, терпѣливѣ, кротокѣ и отнюдь несроденѣ къ злодѣянію. Доказательствомъ и сему можетъ служить Бессарабія; въ ней уголовныя преступленія между Молдаванами столь рѣдки, что если сравнить число подсудимыхъ простолюдиновъ съ числомъ Молдавско-Бессарабскихъ Дворянъ, едва ли количество послѣднихъ не превзойдетъ.

Нововведенный Регламентъ въ нѣкоторыхъ основаніяхъ своихъ имѣетъ самую благонамѣренную цѣль въ отношеніи къ поселянамъ, и кто не знаетъ въ совершенствѣ всего, относящагося къ существу сихъ послѣднихъ въ Молдавіи и Валахіи, тотъ будетъ полагать, что мужикѣ въ обоихъ Княжествахъ сихъ достигнетъ до точки своего благоденствія. Но, напротивъ, уничтоженіе Сокотельниковъ есть только идеальное; они существуютъ, но не подъ симъ, а подъ другимъ, именемъ; правда, количество оныхъ въ общей сложности болѣе ограничено (преимущественно въ Молдавіи), но за то въ ограниченія сего пріобрѣтаютъ пользу исключительно одни только богатѣйшіе, а бѣдные Бояры и Чоком, существовавшіе ими, лишаются оныхъ. Уничтоженіе разныхъ сборовъ, какъ то: съ овецъ, ульевъ, вина и проч., и проч., имѣетъ самый благовидный предлогъ, потому что способъ, употребляемый для частныхъ сборовъ сихъ, сопровождался злоупотребленіями и взыскивалась четвертая, а иногда и третья, часть (подъ разными предлогами), болѣе въ пользу мелкихъ сборщиковъ; но это неудобство измѣнялось также, смотря по правиламъ Господарей; оно могло бы быть приведено въ большой порядокъ, не уничтожая сего кореннаго обычая, къ которому мужикѣ уже привыкъ и который еще долго останется свойственнымъ образу его существованія и проч.

Десятина (Дижма). Сборъ сей отдавался казною на откупъ, и потому выручаемая за сіе сумма, будучи взятою изъ сложности нѣсколькихъ лѣтъ среднюю, распределена была составителями Регламента на поселянъ, т. е., на Биръ, или прямую ихъ подать. Бѣднѣйшіи мужикѣ¹ платитъ прибавку, на его наложенную, за овецъ, сады и прочее имущество, принадлежащее не ему, а Боярамъ, помѣщикамъ, посессорамъ и богатѣйшимъ поселянамъ.

¹ Въ Княжествахъ мужики по числу плуговъ только раздѣляются на три класса.

Ибо прежде сіи первые классы не были изъяты отъ платежа десятины сей, какъ равно подвергались и всѣмъ сборамъ; слѣдственно, каждый возносилъ въ казну извѣстную часть съ сихъ предметовъ; тотъ же, кто, кромѣ плуговъ своихъ, ничего болѣе не имѣлъ, избавленъ отъ платежа за овецъ, ульи, вино и проч.

Въ замѣнъ отнятыхъ отъ Бояръ Сокотельниковъ, сверхъ того, что изъ принадлежащихъ имъ помѣстьевъ нѣкоторая часть мужиковъ, какъ сказано выше, подъ другимъ только названіемъ, назначается новымъ Регламентомъ въ подобную же первымъ обязанность, ¹ каждый мужикъ еще обязанъ ему работать болѣе прежняго. И самая обязанность сія столь же въ новомъ Регламентѣ неопредѣленна и неясна, какъ было въ законахъ и обычаяхъ, и прежде существовавшихъ; почему и притязанія помѣщиковъ къ мужикамъ удвоятся; и сей послѣдній никогда не найдетъ справедливости, ибо это подлежать будетъ разбирательству помѣщиковъ же, составляющихъ почти всѣ нижнія власти, а исключительно Верховный Княжескій Диванъ. Въ прежнемъ родѣ управленія находятъ много примѣровъ, гдѣ Господари, виѣщая въ себѣ верховную власть, не прибѣгали въ подобныхъ дѣлахъ къ Княжескому своему Дивану, а имѣли право обвинять сихъ Бояръ притѣснителей и отдавать справедливость поселянамъ; и до сего въ тѣхъ краяхъ не иначе можно достигнуть, какъ средствами, употребляемыми въ сихъ случаяхъ Турецкимъ Правительствомъ, а не общимъ совѣщаніемъ Помѣщиковъ-Судей, имѣющихъ одни взаимныя между собою выгоды, основанныя на раззореніи поселянъ.

Благосостояніе поселянина въ Княжествахъ обезпечено было самымъ Адрианопольскимъ трактатомъ, въ силу котораго Турки потеряли всѣ частныя права на оныя: Ран уничтожены: пребываніе Турецкихъ Чиновниковъ воспрещено; безпрерывные сборы различныхъ продуктовъ и проч. взимаемые съ поселянъ въ видъ реквизиціи, которую они должны были и свозить въ различныя крѣпости, въ силу помянутого же договора, теперь срытыя, слѣдственно, и утомительная работа и безпрестанной народъ поселянъ

¹ Вообще всѣ первоклассные Бояры имѣли право только на 80 Сокотельниковъ. Нынѣ же, такъ какъ они богачише, то по числу поселянъ въ ихъ помѣстьяхъ находящихся, число назначеннаго имъ въ обязанности Сокотельниковъ, у нѣкоторыхъ простирается до трехъ и четырехъ сотъ вмѣсто 80-ти

для поправки оныхъ прекратились. ¹ Адрианопольской же трактатъ совершенно уничтожилъ подать въ натурѣ, извѣстную подъ названіемъ Бейлика, какъ равно различныя другія преимущества, которыя Порта сохраняла на счетъ торговли, и всѣмъ другимъ поборамъ положенъ рѣшительный конецъ.

Слѣдственно, неруководимымъ личными выгодами сочинителямъ Регламента, надо было только обратить вниманіе на образованіе порядка вещей, отъ совершеннаго измѣненія политическихъ обстоятельствъ воспослѣдовавшихъ, и на ограниченіе нѣкоторыхъ частныхъ злоупотребленій, и не помышляя, кромѣ какъ о благоденствіи своего отечества, составить Уложенія, которыя бы были сообразны съ настоящимъ порядкомъ вещей, и тѣмъ сохранили бы и спокойствіе въ краѣ, который, будучи вообще недоволенъ, по ограниченности умственныхъ способностей обитателей своихъ, подстрекаемыхъ различными посторонними вліяніями, приписываетъ все сіе дѣйствію Россіи и ропщетъ на оную. Но затѣйливость, своекорыстные виды, непостоянство, надменная самонадѣянность, готовая на все необъяснимое, и неблагодарность, исключительно составляютъ основаніе правъ вообще всѣхъ Бояръ, а преимущественно въ частности составившихъ Регламентъ сей; они предпочитаютъ всегда неотложное исполненіе своекорыстныхъ видовъ своихъ въ настоящемъ, не заботясь объ отдаленной личной пользѣ въ будущемъ, и никогда не помышляя объ общемъ благѣ ихъ отечества и проч.

Симъ же трактатомъ предположено въ Княжествахъ составить собственную народную стражу. Мѣра необходимая, чтобъ со временемъ упрочить внутреннее благосостояніе и замѣнить наемниковъ, которые хоть и немного стоили Правительству, но могли угрожать оному подобнымъ 1821 года происшествіемъ. Регламентъ долженъ былъ положить правила, коими долженствовало собрать опре-

¹ Хотя и большая часть сборовъ и нарядовъ сихъ были прогнаны уже и предшествовавшимъ Адрианопольскому трактатомъ, но тутъ Господарь извлекалъ свою пользу, и потому всѣ таковыя совершались по тайнымъ самого его предложеніямъ Портѣ, подъ видомъ искренней преданности своей; ему не представлялось большаго затрудненія усыпить вниманіе Консуловъ-Черотовъ, могущихъ воспротивиться сему. Такимъ образомъ и многія статьи, ясно уничтоженныя Букарестскимъ трактатомъ, выскмывались иногда вдвое, но подъ другими только названіями и проч.

дѣленное для сего число людей: тутъ, вмѣсто того, чтобъ поступить съ тою осмотрительностію и съ тою осторожностію, которая была необходима, дабы новымъ симъ введеніемъ, столь ужаснымъ для народовъ непросвѣщенныхъ, не сдѣлать перваго непріятнаго впечатлѣнія, которое въ послѣдствіи весьма трудно, а чаще и невозможно встребить, приняты были мѣры необдуманныя и ложныя, и будучи сопутствуемы различными слухами, распускаемыми недовольными, возстановили жителей противъ онаго: слово рекруты, наборъ и тому подобное, не могло никакъ согласоваться съ ихъ понятіемъ; благонамѣренность цѣли не была имъ растолкована и проч. Правительство, убѣдясь въ неправильности предписаннаго къ сему порядка, отмѣнило оный и издало другой; подстрекаемый негжественный народъ, приписывая это своему сопротивленію, или по крайней мѣрѣ слабости Правительства, ободрился, почему и сіе второе распоряженіе не могло быть приведено въ дѣйство; и такъ какъ оно сопряжено было также съ большими или меньшими неудобствами, то и было причиной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опять сопротивленія, оказаннаго Правительству жителями. Наконецъ, прибѣгли къ третьему средству, но и оно не было удачнѣе первыхъ: непріобыкшіи къ сему поселянинъ ужасался одной мысли надѣть мундиръ, ходить мѣрными шагами и проч. Къ тому же распущенъ былъ слухъ, что войско сіе, по сформированіи, поступить въ составъ Русскихъ полковъ и проч. — негпость, которую до сихъ поръ нельзя разрушить. Строгость, съ каковою поступали съ новобранцами, для выправки ихъ совершенно на образецъ Русскаго солдата, подтвердила это и довершила остальное.

Между тѣмъ недовольные введеніемъ новаго Регламента, продолжали распускать различные слухи въ народѣ, всегда и вездѣ расположенномъ и готовомъ приклонить слухъ къ обманчивымъ уврєніямъ неблагонамѣренныхъ; толковали оному всѣ статьи Регламента въ противную сторону, указывали двусмысленности, заключающіяся въ ономъ и т. п. Словомъ, нетрудно было имъ пробудить сперва его подозрительность, а между Боирами зависть другъ к другу, потомъ посѣять всеобщее и взаимное неудовольствіе между ними, и наконецъ породить и негодованіе противъ существующаго Правительства.

Около сего же времени, или нѣсколько прежде (въ началѣ 1830 года), учреждены были многія Комиссіи, составленныя изъ избран-

ныхъ Полномочнымъ Предсѣдателемъ Боярь и по одному при каждой изъ нихъ Русскому чиновнику въ званіи Прокурора. Главнѣйшая цѣль Коммиссіи сихъ состояла въ открытіи злоупотребленій предшествовавшихъ управленій. Каждая изъ сихъ Коммиссій, раздѣлая по Уѣздамъ, ей назначеннымъ, распрашивала поселянъ объ угнѣте-ніяхъ, имъ чинимыхъ частнымъ начальствомъ, незаконныхъ поборахъ, съ нихъ сдѣланныхъ и т. п. Въ многихъ мѣстахъ, Коммиссіи сіи, снабженныя большою властію, смѣняли Исправниковъ, отдавали ихъ и другихъ чиновниковъ подъ судъ, заставляли многихъ самыхъ мелкихъ чиновниковъ (Зобчій), родъ нашихъ Бессарабскихъ Олокашей, платить, въ присутствіи, мужикамъ (по ихъ только показанію) за самые съѣстные припасы, ими съѣденные, во время проѣзда чрезъ селеніе и проч. Обстоятельство сіе представило странное поле къ доносамъ всякаго рода, къ удовлетворенію личностямъ, къ услажденію въ мести, и наконецъ произвело всеобщее волненіе. Мелкіе чиновники сначала опасались послѣдствій и уплачивали безпрекословно требуемое поселянами; чиновники изъ Боярь и нѣсколько возвышенные, имѣли или связи родства, или другими средствами избавлялись всякой отвѣтственности. Поселянинъ, который всегда былъ покоренъ власти, открылъ невѣжественные глаза свои и началъ разсуждать по своему о правѣ властей и несправедливостяхъ; симъ непостижимымъ для его впечатлѣніемъ предоставленъ былъ ему способъ предъявлять ничтожныя свои претензіи за угнѣтевія, которыя съ незапамятныхъ временъ въ обычаѣ существовали, и если были и неправильными, то, по крайней мѣрѣ, всегда терпимыми. Сверхъ сего, подстрекаемый людьми беспокойными, возматъ о всегдашнемъ правѣ сопротивляться, по мнѣнію его, противузаконностямъ. Между тѣмъ чиновники, на коихъ они приносили жалобы, многіе оставались на мѣстѣ, или на время только были удаляемы, а чаще всего перемѣщались. Сіи послѣдніе, видя опасность только на бумагѣ и строгость дѣйствія Коммиссій постепенно уменьшающеюся, въ отищеніе начали брать вдвое, притязаться къ тѣмъ, кого полагали главнѣйшими обвинителями и проч.

Такимъ образомъ Коммиссіи сіи, не открывъ совершенно ничего, заслуживающаго малѣйшаго вниманія, ¹ развѣ только то,

¹ Одна изъ сихъ Коммиссій, составленная и дѣйствовавшая въ духѣ Инструкціи со всею строгостію, наша въ Фокшанскомъ, Бузовскомъ и другихъ Цы-

что и прежде оныхъ можно было сказать циркулярно, и вообще были поводомъ безчисленныхъ интригъ и личностей, а поселянцъ научили клеветѣ, руководимой мстью и завистью, кляузамъ и разсужденію о законномъ и незаконномъ дѣйствіи чиновниковъ, которымъ, при малѣйшемъ исполненіи ихъ должности, угрожали. Словомъ, слѣдственныя Коммиссіи сіи, поселивъ въ нижній, совершенно необразованный, классъ ложное понятіе о правахъ своихъ, открыли поселянамъ то, что бы, по степени просвѣщенія ихъ, по самому образу долженствовавшагося учредиться управленія, и даже по политическимъ отношеніямъ, надо было предоставить времени... Пагубное впечатлѣніе сіе глубоко врѣзалось въ 'безразсудную необразованность людей, почти полудикихъ, могущихъ легко быть увлеченными и поставленными въ остервененное состояніе.

Народъ обоихъ Княжествъ всегда былъ преданъ Россіи, не столько по единству закона, сколько по уованіямъ на защиту отъ Турковъ и отъ алчности Фанаріотовъ, обуздываемыхъ Консулами нашими. Сверхъ всего, многіе еще помнятъ кампаніи Потемкина, а нѣкоторые и Румянцова, которые, вмѣсто истощенія края, всегда почти неразлучнаго съ войною, благоразумнымъ управленіемъ обогативъ оный, умѣли привлечь къ себѣ мнѣніе и любовь жителей, изъ коихъ многіе послѣдовали за войсками; селенія ихъ нынѣ существуютъ по большей части на берегахъ Днѣстра, въ Херсонской, Подольской, а также и Екатеринославской Губерніяхъ. ¹

Кампанія 1806 и 1812 годовъ не столь была благоприятна для нихъ, но по роду тогда существовавшаго управленія, они болѣе приписываютъ собственнымъ своимъ Боярамъ угнѣтеніе и раззореніе, имъ причиненныя. Пребываніе Консуловъ-Перотовъ и нѣ-

путяхъ, которые болѣе имѣли возможности, по обстоятельствамъ дѣлать злоупотребленія, всего только около 30 т. левовъ въ самомъ большемъ (12 т. руб.) въ два года; въ числѣ сихъ злоупотребленій были и съѣстные припасы, съѣденные развѣзжавшими чиновниками. Что же это тамъ, гдѣ, безъ всякихъ формъ, въ царствующемъ хаосѣ, взято было, можетъ быть, на 500 т. въ два года продуктовъ, подводъ, квартированія и проч.? Другія же Коммиссіи болѣею частью ничего не пашли, и стояли болѣе.

¹ Конечно, обстоятельства нынѣ измѣнились, и самые Турки, столь страшные оупотребленіями своими въ тѣ времена, уже не тѣ нынѣ: что доказано происшествіемъ 1821 года и въ 1828 году въ Малой Валахіи.

которыя проясствія въ Валахіи, во время коихъ всегдашняя готовность Австрійскихъ Консулатовъ выискивать и хвататься за случаи, чтобъ оказывать покровительство, въ которомъ отказывалъ Консуль-Пероть, начало охлаждать Поселянъ къ Россійскому Консулату. Присоединеніе Бессарабіи, въ которой они лишались той дикой свободы своей, которая не можетъ быть терпима въ благоустроенномъ Государствѣ, и столь ирельщаетъ поселянъ обоихъ Княжествъ, начало устрашать ихъ.

Послѣдняя кампанія по обстоятельствамъ (о коихъ здѣсь нѣтъ мѣста распространяться) была разрушительна для поселянъ обоихъ Княжествъ, особенно въ первый годъ; но, не взирая на раззорительное изнеможеніе, подъ хаосомъ, тогда существовавшимъ, и на частыя злоупотребленія, это ни въ чемъ не измѣнило существовавшей до сего расположенности ихъ еще къ Россіи. ¹

По окончаніи кампаній, хотя всѣ почти требованія для войскъ прекратились, но народъ содѣлался недовольнымъ. Причина весьма видимая: поселянъ обоихъ Княжествъ не могутъ столько устрашить дѣлаемые съ нихъ поборы, изнуреніе и тому подобное: они пріобыкли къ сему со временъ Турковъ и Фанаріотовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и избалованы богатой почвою и другими неистощимыми выгодами отечества своего. Но ихъ устрашаютъ новыя введенія, искорененіе ихъ обычаевъ; карантинныя для нихъ несносны; обязанность вступать въ регулярное войско, строгостію своею напугавшее ихъ съ самаго начала, и проч. Будучи близкими сосѣдями Турковъ и подъ игомъ ихъ, они заняли характерическую черту всѣхъ Восточныхъ: — недовѣрчивость, и мнительность, которыми воспользовались неблагонамѣренныя и недовольныя Регламентомъ, дали имъ мѣсто распустили слухи и взволновать головы поселянъ. Въ слѣдъ же за симъ присоединились Комиссіи (о коихъ было упомянуто выше), и

¹ На слѣдующій годъ, во время управленія Генераль-Лейтенанта Желтухина, который, не взирая на всѣ трудности, представлявшіяся отъ совершеннаго раззоренія, преимущественно большей части Валахіи, на чуму и необходимость въ самое короткое время доставить всѣ потребности для арміи, изготовлявшейся снова къ открытію военныхъ дѣйствій, успѣлъ, къ удивленію всѣхъ, извлечь достаточное изъ совершенно истощеннаго края, сохранивъ при всемъ томъ поселянъ благонаумными, безпристрастными и строгими мѣрами своими.

въ семь-то расположеніи необразованныхъ умовъ и полудикихъ нравовъ и обычаевъ, предоставили и открыли имъ средства, къ гласному обнаруженію своихъ неудовольствій.

Между тѣмъ, верховное управление дѣйствовало, не принаравливаясь къ духу и обычаямъ края, учредило множество Комитетовъ, слѣдственныхъ, разбирательныхъ и другихъ Комиссій, большое количество чиновниковъ по особымъ порученіямъ, подъ разными наименованіями и проч., и проч., словомъ, все, что необходимо было для управленія образованнымъ во всѣхъ отношеніяхъ краемъ, гдѣ всякая вещь разсматривается не однимъ, и гдѣ начальникъ складываетъ съ себя отвѣтственность, быть и разбирателемъ и судьей вмѣстѣ. Но въ Княжествахъ это неудобноисполнительно, потому что прежде не существовало и не было введено никакого на сей предметъ предварительнаго учрежденія, необходимаго для основанія, на которомъ бы Комитеты и Комиссії могли дѣйствовать, и потому послѣдствіемъ сего была только одна исправность канцелярскихъ дѣлъ и соблюденіе формъ. Къ сему присоединились также частныя вниманія и покровительства, и потому происки и интриги, коимъ болѣе всѣхъ способствовали два Фанаріота, находившіеся при Полномочномъ Предсѣдателѣ, ¹ ни кѣмъ нетерпимые и всѣмъ въ краѣ издавна извѣстные вредными правилами своими, во зло употребляя довѣренность начальства, въ кругу лицемѣрныхъ и ухищренныхъ Бояръ и проч. Нѣкоторые другіе чиновники, пользующіеся полною довѣренностію въ важнѣйшихъ дѣлахъ, дающихъ направленіе умамъ, по неопытности, по характеру и по другимъ видамъ своимъ, были главнѣйшей причиною происшествій въ Мартѣ 1831 года, въ Яссахъ, и вреднымъ дѣйствіемъ своимъ, возбудившихъ опасеніе и подозрительность всѣхъ классовъ. Словомъ, изъ самаго легкаго и простаго управленія содѣлали хаосъ, отозвавшійся болѣе всего на поселянахъ.

¹ Коллежскій Совѣтникъ Маврасъ и Коллежскій Ассесоръ Суццо, получившіе чины сіи прямо, не имѣвши никакого; онъ представителъ былъ, какъ Ага Молдавскій, къ переименованію, но онъ никогда не имѣлъ сего чина. Первый изъ сихъ Фанаріотовъ опасенъ въ отношеніи къ Портѣ, другой къ Австріи, по связямъ и взаимному родству ихъ, равно какъ и по связямъ родственнымъ же и другимъ, въ Княжествѣ находящимся. Правила обихъ Фанаріотовъ сихъ слишкомъ извѣстны во многихъ Европейскихъ Государствахъ и проч.

Утвержденіе Регламента довершило все и поставило поселянъ въ возмутительное состояніе; подстрекаемые высшими классами и, въ свою очередь, неосторожнымъ дѣйствіемъ, они поставлены въ сомнительное положеніе. На нѣкоторыхъ возложено было тайно узнать мнѣнія Молдавскихъ Бояръ о Регламентѣ, дабы составить общее собраніе изъ таковыхъ, которые бы не дѣлали никакихъ возраженій на оный, но тайна сія была скоро гласною для всѣхъ и возбудила неосторожнымъ дѣйствіемъ опасеніе; мнительность породила новыя интриги и какъ будто давала понимать, что и само Правительство сомнѣвается въ возможности ввести новый Регламентъ, и должно было прибѣгнуть къ дѣйствию, оказывающему слабость онаго и проч. ¹ Неблагонамѣренные толковали поселянамъ о рекрутахъ, о прибавленныхъ дняхъ работы, о прибавкѣ Бира, о раскладкѣ на нихъ подати съ овецъ, садовъ и проч. принадлежащихъ не имъ, а богатымъ Сокотельникамъ; говорили, что они лишены защиты Бояръ, къ коимъ были приписаны; другимъ толковали, что они назначены, какъ подданные, для работы Боярамъ; представляли неудобства размноженія властей и проч. и проч., изъясняя все сіе въ превратномъ видѣ, не отымали отъ нихъ надеждъ къ исправленію всего сего.

Въ началѣ 1831 года слухъ распространился въ невѣжественныхъ классахъ сихъ, что Султанъ не утверждаетъ Регламента, потому что народъ и большая часть Бояръ не желаютъ сего; пророчили за сіе новую войну и, воспользовавшись проѣздомъ Бимъ-Баши Ариѣ-Аги чрезъ Букарестъ въ Яссы, ² гдѣ предъ кампаніей онъ былъ Башъ-Бешли-Агой и имѣлъ множество знакомыхъ, что будто онъ посланъ былъ Портою удостовѣриться, въ какомъ положеніи на-

¹ Въ составленной запискѣ о происшествіи въ Мартѣ 1831 г., въ Молдавіи, посланной мною изъ карантина Генералъ-Адъютанту Киселеву, подробно изложены многія изъ сихъ обстоятельствъ.

² Ариѣ Ага, тонкій и пронырливый Турокъ, чисто говорящій по-Молдавански, проѣздомъ изъ Букареста, повернулъ на Бакеу и Романъ, гдѣ тотчасъ всѣ мелкіе Бояры посѣщали къ нему. Хотя сія и неумышленная повѣдка его, но по духу обитателей, изъ оной выведены были большія послѣдствія. Я писалъ о семъ подробно Генералъ-Адъютанту Киселеву изъ Скулянскаго карантина. Ариѣ Ага сей есть тотъ самый, который, при вступленіи моемъ въ Яссы въ 1828 году, съ 60-ю Турками ускакалъ и вступилъ въ Австрію, откуда отправленъ въ отечество. Въ 1829 году онъ командовалъ аванпостами изъ Шумы: я хорошо зналъ его лично, до открытія кампаніи и послѣ.

ходятся ея вѣрноподданцые и довольны ли Регламентомъ и проч. и проч. Они прибѣгали ко всѣмъ средствамъ, свойственнымъ краю, чтобъ глубоко доселить сѣмена взаимнаго раздора и негодования на Правительство и на первоклассныхъ Бояръ, которыхъ не разъ подбрасываемыми насквѣлами угрожали истребленіемъ. Весною же многие Цынуты отказались дать рекрутъ: ихъ брали насильно; но едва доводили до Яссы, какъ они опять исчезали; нагорные Цынуты сдѣлали болѣе: они не только изгнали отъ себя чиновниковъ, но совершили многіе смѣртоубійства, убивали Козаковъ нашихъ, посылаемыхъ съ разными Офицерами и Арнаутами. для введенія порядка. Остервененіе ихъ и упорство дошло, наконецъ, до того, что должно было послать противъ нихъ Козачій, а изъ Букареста пѣхотный полкъ, для прекращенія безпорядковъ.

Не есть ли это необыкновенное политическое явленіе? Кроткій и робкій Молдавскій мужикъ, съ отдаленнаго времени управлявшійся однимъ невооруженнымъ Каларашемъ, спокойно являвшимся въ селеніе и вытягивавшій (еще съ небольшимъ три года тому назадъ), вмѣстѣ съ имуществомъ, и душу его, мужикъ, позволившій десяти, или двадцати, Етеристамъ, въ удобное къ сопротивленію время, ограблять цѣлые Цынуты; словомъ, поселяне, которые и понынѣ въ числѣ 50 человекъ не рѣшаются напасть на одного разбойника и проч., и сіи-то самые люди, не только что оказали упорство въ послушаніи и невинности Правительству, постановленному надъ нами Державой, всегда покровительствовавшей имъ, но и отважились вступить въ перестрѣлку съ пѣхотою и Козаками побѣдоносной арміи, смирившей притѣснителей ихъ, и не только что навсегда освободившей оба Княжества отъ тяжелаго ига новобранныхъ, но благодарными побѣдами своими исторгшей изъ мрака забвенія ить древнія права, своихъ Господарей и народную стражу?

Стража.

Собранное нынѣ войско или стража въ обоихъ Княжествахъ искиваетъ случая къ побѣгу. Выправка и строгость, которую можетъ еще согласоваться съ обычаями поселенъ. Вызываемое Офицерамъ первыми классами во всѣхъ селеніяхъ, и неприемъ ихъ въ дома свои, поселеніе, желаніе мести, столь свойственной имъ, и проч., чему уже были

1831 года, въ Яссахъ: все это даетъ заключать, что вооруженная сила сія, если она и не обратится вся противъ Бояръ, то разбредется по домамъ и увеличитъ неминуемый безпорядокъ, котораго оба Княжества неотвѣнно должны ожидать скоро послѣ выступленія нашихъ войскъ.

Заключеніе.

Таковы были плоды неосторожнаго и худо обдуманнаго дѣйствія въ управленіи Княжествами, послѣ Адрианопольскаго мира, управленія, не обратившаго никакого вниманія ни на расположеніе умовъ, ни на политическія отношенія въ будущности, ни на сохраненіе миѣнній, хотя одного класса въ пользу Россіи, которая была руководима чистѣйшими намѣреніями къ благосостоянію всѣхъ народовъ, коихъ участь зависѣла отъ ея вліянія и высокаго покровительства.

Уложеніе, сообразное съ обстоятельствами, соответствующее степени просвѣщенія, принаровненное къ нравамъ и обычаямъ, согласное съ нуждами и предоставляющее способъ промышленности и существованія каждому сословію, сохраняя при томъ и частныя взаимныя отношенія и обязанности, Уложеніе, которое вразумительнымъ, чистымъ и для каждаго удобопонятнымъ изложеніемъ своимъ, опредѣляетъ какъ общую, такъ и частную пользу, приобретаемую каждымъ отъ нововводимаго порядка, ниспровергающаго древніи законы и обычаи, такое Уложеніе было бы спасительно для Княжествъ. Но и въ такомъ случаѣ, для сохраненія спокойствія и предостереженія отъ замысловъ и ухищреній, которые могутъ быть приведены въ дѣйство неблагонамѣренными, необходима та прозорливая осторожность, безъ которой и самыя простыя измѣненія могутъ быть пагубными. Тогда, конечно, малая часть лишившихся личныхъ выгодъ своихъ, никогда не могла быть въ силахъ противостоять общей массѣ, приобретающей народныя выгоды, и несомнѣнно, подобное Уложеніе, сопровождаемое благоразумнымъ дѣйствіемъ Правительства, само бы собою ввелось безъ всякихъ усилій, всегда въ подобныхъ случаяхъ неумѣстныхъ.

Но въ Княжествахъ все было противоположно: Регламентъ не только во многихъ отношеніяхъ несовершенъ, но онъ упреждаетъ въ комъ степень всеобщаго просвѣщенія, и никто не въ состояніи достигнуть благости онаго: тамъ будущее считается за ничто; одно

настоящее служить основаніемъ всего, и гдѣ, не взирая на всѣ претерпѣнныя бѣдствія, прошедшее считается временемъ блаженства, по обыкновенному расположенію болѣе или менѣе каждаго человека. Словомъ, тамъ, гдѣ ни одинъ классъ не созрѣлъ принять какое либо Европейское учрежденіе, хотя бы съ самыми благотворными его предначертаніями, и гдѣ власть одного долго еще останется необходимою, для содержанія всеобщаго спокойствія, въ необузданномъ сословіи совершенно всѣхъ классовъ, въ такой землѣ, конечно, трудно и почти невозможно, безъ необыкновенныхъ усилій, ввести подобное учрежденіе, а еще труднѣе упрочить оное навсегда. Не служитъ ли сему примѣромъ Греція, получившая Конституцію образованныхъ Швейцарцевъ? Плоды мечтаній сихъ видимы. Неосторожное дѣйствіе заставило большую часть народа жалѣть о прежнемъ Правительствѣ своемъ, противу варварства коего они, въ продолженіи болѣе семи лѣтъ, боролись, и нынѣ начинаютъ обращаться частями опять къ оному и проч. и проч. Молдавія и Валахія, коихъ внутреннее благосостояніе нынѣ тѣсно связано съ политическими отношеніями, можетъ повлечь за собою послѣдствія особенной важности и гораздо сложнѣе.

Зная совершенно оба Княжества, людей всѣхъ классовъ, ихъ расположеніе умовъ и постороннія вліянія в надежды и имѣя связи и проч., я утвердительно могу сказать, что Регламентъ сей, вводимый частнымъ соблазномъ оболъщенія, внушеніемъ страха ссылки въ Силистрію, и поддерживаемый силою оружія, можетъ существовать до тѣхъ только поръ, доколѣ онъ сопутствуемъ подобными убѣжденіями. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что едва Княжества будутъ оставлены нашими войсками, какъ они превратятся въ позорища, еще ужаснѣйшія, нежели тѣ, коимъ были свидѣтелями во время Тодора Владимиреска и Етеристовъ, въ 1821 году. Если же до сихъ поръ въ Валахіи не было никакого гласнаго безпорядка, то единственно по причинѣ квартированія тамъ Дивизіи. Молдавія же, едва оставленная пѣхотою, и въ недалекомъ отъ оной разстояніи еще находившеюся, какъ мы видѣли выше, подняла было уже знамя бунта.

10 Августа, 1831.

Тульчинъ.

М Н Ъ Н І Е

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО СТАТСКАГО СОВѢТНИКА МАГНИЦКАГО,

о Науѣ Естественнаго Права.

Оставаясь при моемъ мнѣніи противъ общаго заключенія Главнаго Правленія Училищъ, въ разсужденіи необходимости пріостановленія во всѣхъ нашихъ Университетахъ преподаванія Естественнаго Права, доколь разсмотрятъ требуемая отъ нихъ тетради онаго и составитъ наука сія не на правлахъ разрушительныхъ, но согласныхъ съ ученіемъ Евангельскимъ, я почитаю себя обязаннымъ объявить причины, къ сему упорству въ моемъ мнѣніи меня принуждающія; онѣ суть слѣдующія: 1. Наука Естественнаго Права, безъ которой обходился древній Римъ, будучи Королевствомъ, Республикою и Имперію, и не менѣе того оставившій намъ образцы совершеннѣйшаго гражданскаго законоположенія, безъ которой обходилась Франція въ теченіи 800 лѣтъ, безъ которой обходятся и нынѣ всѣ Университеты Англій и Италіи, и которые, однако жъ, славятся отличнѣйшими Юристами; наука Естественнаго Права, сія метафизика правъ, несопредѣльная къ народному, публичному и положительному праву, есть изобрѣтеніе невѣрія новѣйшихъ временъ Сѣверной Германіи. 2. Она всегда была опасна; но когда Кантъ посадилъ въ преторы, такъ называемый, чистый разумъ, который спросилъ истину Божію: что есть истина? и вышелъ вонъ, тогда наука Права Естественнаго сдѣлалась умозрительною и полною системою всего того, что мы видѣли въ революціи Французской на самомъ дѣлѣ, опаснѣйшимъ подмѣномъ Евангельскаго Откровенія, ибо не опровергаетъ его, но переходитъ въ молчаніи, начинается съ предложенія, что его никогда не было, исторгаетъ изъ руки Божіей на-

чальное звено златой цѣпи законодательства и бросаетъ его въ язь своихъ лжемудрствованій, и наконецъ, опровергнувъ олтаре Христовъ, наноситъ святотатственные удары престоламъ Царей, властямъ и таинству супружескаго союза, подлиливаетъ въ основаніи сіи три столба, на коихъ лежитъ сводъ общественнаго зданія.

3. Опасность Науки Естественнаго Права доказана во вчерашнемъ, незабвенномъ въ исторіи нашей, засѣданіи Главнаго Правленія Училищъ: а. Христіанскими сильными и, какъ свѣтъ, ясными мнѣніями Гг. Членовъ Правленія; б. Разсмотрѣніемъ и осужденіемъ разрушительной системы Профессора Куницѣва и самаго лица его; в. Сильнѣйшею рѣчью Г. Ректора здѣшняго Университета, который съ извѣстнымъ его благочестіемъ, съ обширнымъ просвѣщеніемъ, съ краснорѣчіемъ мужа ученаго, свободно излагая, при общемъ молчаніи въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, систему того Естественнаго Права, которое, по мнѣнію его, можетъ преподаваться безвредно, не могъ уладить сей науки съ вѣрою Христіанскою и долженъ былъ признаться, что а. Она не предполагаетъ Окровенія, ибо преподается въ началахъ, цѣлому человѣческому роду общихъ, т. е., Христіанину, Брамину и идолопоклоннику; б. Она не предполагаетъ паденія; в. Она не предполагаетъ власти Царской отъ Бога, но почитаетъ ее вѣренною одному лицу, для безопасности общественной; г. Она полагаетъ бракъ договоромъ.

Я осмѣливаюсь спросить и съ сей лучшей стороны: можетъ ли быть сія наука безвредною? Можно ли согласить ее съ наставленіемъ, Ученому Комитету даннымъ, въ коемъ именно сіи начала въспрещаются? Можно ли опасаться пріостановить повсемѣстное ея преподаваніе, когда безъ всякаго опасенія утвердить можно, что ни въ одномъ изъ нашихъ Университетовъ не выбраны изъ ста и болѣе классическихъ ея авторовъ ни Мартини, ни Бурламаки, сочинители, ежели не совершенно Христіанскіе, то, по крайней мѣрѣ, упоминаящіе о Евангеліи, и изъ которыхъ первый, по имянному повелѣнію Императора, исключительно допускается въ Австрійскихъ Университетахъ? Должно ли опасаться, что Университеты наши не могутъ обойтись безъ сей науки, положимъ годъ, когда жили безъ нея и обходились древній Римъ 500, а Франція 800 лѣтъ? Наконецъ, признаюсь, что я трепещу предъ всякимъ систематическимъ вѣтривомъ Философіи, сколько по непобѣдимому внутреннему къ нему отвращенію, столько и особенно по тому, что въ исторіи XVII и XVIII

столѣтій, ясно и кровавыми литерами читаю, что сначала поколебалась вѣра, потомъ взволновались мнѣнія переменною значенія и подвижною словъ, и отъ сего непремѣннаго и какъ бы литературнаго подкопа, алтарь Христовъ и тысящелѣтній тронъ древнихъ Государей взорваны! Кровавая шапка свободы оскверняетъ главу помазанника Божія и вскорѣ повергаетъ ее на плаху! Вотъ ходъ того, что называли тогда только Философією и Литературою, и что называется нынѣ уже Либерализмомъ.

Р Ъ Ч Ъ

КЪ ИМПЕРАТОРСКОМУ КАЗАНСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПОПЕЧИТЕЛЕМЪ ОНАГО МАГНИЦКИМЪ,

15 Сентября, 1825 года. *

Послѣ краткаго вступленія, Попечитель представляетъ картину ученаго состоянія Казанскаго Университета и, обращаясь къ Членамъ, говоритъ:

«Въ то самое время, какъ лжеименная Философія, отравляя всѣ Науки и даже Словесность и самыя Искусства тлетворнымъ своимъ ядомъ, обѣснуетъ умы на Бога и Царей, въ Университетѣ нашемъ самый ядъ сей претворяется въ цѣлительное средство противъ буйной гордости разума. Воспитанники Ваши, путеводимые благочестивымъ Несторомъ Вашего сословія, твердо изучили всѣ возраженія на недѣльные положенія Естественнаго Права и, съ улыбкою пренія къ возмутительнымъ его бреднямъ, изоощряютъ природное свое остроуміе на счетъ славнѣйшихъ его апостоловъ.

Вмѣсто тѣхъ буйныхъ мечтаній нѣкоторыхъ Германцевъ, кои возникли съ своевольствомъ Лютеровой реформы, и такъ лживо называются нынѣ Философіею, мечтаній, въ углу Сѣверной Германіи распространенныхъ такими людьми, коихъ и именъ на другомъ краю Европы никто не знаетъ, вмѣсто сихъ мечтаній принята у Васъ та здравая, истинная, беззатѣйная Философія, которая прямитъ и изоощряетъ умы, съ которою жили счастливо отцы наши, вѣрные Богу и Царямъ, въ которой воспитаны и образовались отличнѣйшіе мужи нашего Отечества, Свѣтила нашей Церкви.

* Рѣчь сія была уже напечатана въ М. Т. 1826, N 6, III, стр. 142—143, и здѣсь помѣщается снова по связи съ предыдущимъ.

Въ преподаваніи Исторіи Всеобщей былъ я обрадованъ тѣмъ, чего всегда желалъ, не предвидя возможности исполненія, чего даже не смѣлъ и надѣяться. Извѣстная Рѣчь Боссюэта, безсмертный памятникъ сего Христіанскаго генія, удивленіе потомства, представляя общій взглядъ ума необыкновеннаго, взирающаго съ неба на судьбы, движеніе и паденіе царствъ земныхъ, была дана въ руководство преподавателю Всеобщей Исторіи; но что онъ сдѣлалъ съ нею? Онъ изъ простаго очерченія Боссюэтова сдѣлалъ картину всемірныхъ происшествій, освѣтилъ ее тѣмъ незаходимымъ свѣтомъ, внѣ котораго всякое просвѣщеніе человѣческое тма густая. Онъ исполнилъ въ преподаваніи своемъ то, что въ Высочайше утвержденной Инструкціи Ректору нашего Университета предписано; онъ смѣлою рукою свергнулъ тѣ идолы языческаго величія, предъ которыми весь ученый міръ, преклоня колѣна, стоитъ уже двѣ тысячи лѣтъ. Въ житіяхъ Святыхъ Церкви Православной показалъ онъ тѣ высокіе примѣры всѣхъ добродѣтелей, предъ которыми меркнетъ и исчезаетъ, какъ тѣнь, слава Брутовъ и Лукрецій. Онъ сорвалъ вѣнцы съ гордаго чела героевъ языческой древности и почтительно положилъ ихъ на окровавленномъ прахѣ Колизея, къ стопамъ Святыхъ Мученическихъ ликовъ.»

ОТНОШЕНІЕ

ПОПЕЧИТЕЛЯ КАЗАНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА КЪ МИТРОПОЛИТУ НОВГОРОДСКОМУ,
С.-ПЕТЕРБУРСКОМУ, ЭСТЛЯНДСКОМУ И ФИНЛЯНДСКОМУ,

отъ 24 Мая, 1824 года.

Ваше Высокопреосвященство изволите, я думаю, припомнить, что въ засѣданіяхъ Библейскаго Комитета два раза была рѣчь о богохульномъ выраженіи, поставленномъ въ Персидскомъ переводѣ Новаго Завѣта, котораго не смѣю и произнести. Въ первый разъ просилъ я, чтобы важное дѣло сіе было основательно изслѣдовано, а во второй, чтобы всѣ оставшіеся экземпляры сего перевода были сожжены.

Первое мнѣніе мое оставлено безъ вниманія; не знаю, той же ли участи подвержено и второе; но знаю то, что чѣмъ болѣе воспоминаю странное дѣло сіе, тѣмъ сильнѣе тревожитъ меня совѣсть слѣдующими разсужденіями:

1. Заключающій въ себѣ богохульное выраженіе, Персидскій переводъ распространенъ въ Персіи и официально поднесенъ Шагу. Какъ увѣрить теперь Персіянъ, что въ подлинникѣ выраженія сего нѣтъ, а въ переводѣ ошибка?

2. Ежели въ предложеніи на Персидскій языкъ, одинъ изъ классическихкихъ Восточныхъ, могло проскользнуть, по ошибкѣ, богохульство, то чего не можетъ быть въ тѣхъ торопливыхъ переводахъ на многіе языки дикихъ, у коихъ нѣтъ еще и письменъ?

3. Послѣ сего, величайшаго на землѣ несчастія для Библейскаго Общества, можно ли еще думать, чтобы на дѣлѣ его было Божіе благословеніе?

4. Каждый Членъ Общества не будетъ ли отвѣчать предъ Богомъ за всѣ дѣла его, участвуя въ нихъ и деньгами и согласіемъ?

По всѣмъ симъ неоспоримымъ, по чувству моему, уваженіямъ обличающей меня совѣсти, готовился я просить увольненія меня отъ Библейскаго Общества, но удержанъ былъ тѣмъ только, что надѣялся видѣть скорое его паденіе отъ другихъ причинъ.

Нынѣ Правленіе Императорскаго Казанскаго Университета, представляя мнѣ о раздачѣ книгъ Св. Писанія ученикамъ, въ награду за успѣхи, упоминаетъ и о Евангеліи на Персидскомъ языкѣ, изъ чего вижу я, что книга сія не только не уничтожена, но еще и распространяется Библейскими Отдѣленіями.

Почитая сей случай вызовомъ меня, согласно съ чувствомъ совѣсти моей, на то дѣствие, отъ котораго одно благоприличіе доселѣ меня удерживало, приѣмлю я смѣлость покорнѣйше просить Ваше Высокопреосвященство принять торжественное отреченіе мое отъ всѣхъ богопротивныхъ, по моему разумѣнію, дѣйствій Библейскаго Общества, и благоволить исходатайствовать мнѣ совершенное отъ онаго увольненіе.

ПИСЬМО

АДМИРАЛА МОРДВИНОВА КЪ СТАТСЪ-СЕКРЕТАРЮ ОЛЕНИНУ,

отъ 21 Мая, 1825 года.

Ваше Превосходительство, пріѣхавъ ко мнѣ сегодня прямо отъ Князя А. Б. Куракина, показывали полученное Вами Отношеніе и Записку, для внесенія въ Журналь Общаго Собранія Государственнаго Совѣта, по дѣлу Графа Каменскаго съ поваромъ его, Французомъ Карономъ; при томъ Вы спрашивали у меня, не будетъ ли съ моей стороны какого либо дополнительнаго заключенія по сему дѣлу, для помѣщенія онаго въ Журналь, который составляется къ будущему засѣданію Общаго Собранія Государственнаго Совѣта.

Подписавъ Журналь Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ по сему предмету, и имѣя на моей сторонѣ всѣхъ Членовъ Общаго Собранія, кромѣ Предсѣдательствующаго и Графа Моркова, я не нахожу инаго дополненія нужнымъ, какъ только то, что не могутъ существовать два рода правосудія: одно, для повара Карона, другое для Графа Каменскаго: что побочныя обстоятельства къ сужденію дѣлъ законами воспрещены; что судья не можетъ быть ни доносителемъ, ни свидѣтелемъ; что оскорбительныя слова не совмѣстны съ равнодушіемъ праведнаго судьи; что они тѣмъ менѣе дозволятельны, когда отнесены могутъ быть къ судьямъ противнаго мнѣнія; ибо когда дѣло Графа Каменскаго гнусно, то единогласное рѣшеніе Правительствующаго Сената, мнѣніе какъ Департамента, такъ и Общаго Собранія Государственнаго Совѣта, подходитъ подъ то же наименованіе; что приговоръ Палаты основанъ на ложномъ

толкованіи закона, требующаго доказательствъ отъ истца, а не отъ отвѣтчика; что, допустивъ въ Государственномъ Совѣтѣ такое искаженіе закона, откроется слѣдъ ко всѣмъ обманамъ и несправедливымъ требованіямъ и не будетъ въ Россіи законовъ.

За тѣмъ, какъ я вижу изъ Отношенія къ Вашему Превосходительству, что Князь Алексѣй Борисовичъ оскорбился, въ лицѣ Предсѣдателя, замѣчаніемъ моимъ, что онъ напрасно назвалъ дѣло Графа Каменскаго гнуснымъ, когда въ дѣлѣ, подлежащемъ сужденію, никакія обстоятельства не изображаютъ его въ семъ видѣ, честь мнѣю объяснить:

Государственный Совѣтъ есть, въ моемъ разумѣ, не что иное, какъ совѣщаніе людей Государственныхъ, опредѣленныхъ, по особой Высочайшей волѣ, дабы дѣла, рассмотрѣнію сего сословія поручаемыя, въ истинномъ ихъ достоинствѣ Государю Императору представлены были.

Никакое совѣщаніе по дѣламъ безъ взаимныхъ примѣчаній въ разсужденіяхъ, по обстоятельствамъ оныхъ, существовать не можетъ.

Ни мало не желая оскорбить Господина Предсѣдательствующаго и будучи въ чистомъ благонамѣреніи, я старался замѣчаніемъ моимъ обратить вниманіе Его Сіятельства на то токмо извѣстное и признаное общее правило, что въ дѣлахъ, къ сужденію предложенныхъ, не возможно назвать дѣло гнуснымъ, когда обстоятельства онаго такимъ его не открываютъ, и что самое выраженіе сіе, могущее оскорбить тѣхъ, которые были противнаго мнѣнія, не позволительно въ Верховномъ Собраніи. Личное же убѣжденіе Господина Предсѣдательствующаго, что извѣстный ему родъ жизни Графа Каменскаго невыгоденъ въ его мнѣніи, не перемѣняетъ, смѣю сказать, существа дѣла, а обнаруживаетъ только обстоятельство, которое все дѣлу непричастно.

Позвольте повторить Вашему Превосходительству, что, по совѣсти моей, ни какого намѣренія къ оскорбленію Господина Предсѣдательствующаго не имѣлъ я, и въ доказательство того, самое замѣчаніе мое сдѣлалъ со всею скромностію, произнеся оное весьма тихо, такъ, что мои слова едва ли кому были слышны.

Впрочемъ, руководствуясь Высочайшимъ Образованіемъ Государственного Совѣта, я не вижу той статьи, которая бы запрещала Члену сего Верховнаго Сословія прибѣгнуть къ приличному замѣчанію, для обращенія вниманія Предсѣдателя Государственного Совѣта на

истинное положеніе дѣла, потому болѣе, что въ § 10 сего Образованія именно повелѣвается: «Всѣ разсужденія Членовъ обращать къ лицу Предсѣдателя.»

Въ заключеніе сего моего объясненія, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, въ случаѣ нужды, довести сіе Отношеніе до свѣдѣнія Государя Императора, предъ которымъ всегда открыта душа моя.

П. П. Я долженъ въ заключеніе сего повторить, что я отнюдь не возражалъ на мнѣніе Кн. А. Б. Куракина, но единственно ему замѣтилъ, изъ уваженія къ Его Сіятельству, что слово гнусное не можетъ быть употреблено безъ ясныхъ на то доказательствъ.

О ГРАФѢ О. В. РАСТОПЧИНѢ

И О СОБЫТІЯХЪ

1812 ГОДА ВЪ МОСКВѢ.

Свѣдѣнія о событіяхъ 1812 г. въ Москвѣ и о дѣйствіяхъ Графа О. В. Растопчина, помѣщенные во II-й кн. «Чтеній» («Разсказъ Москвича, неизвѣстнаго, статья Бестужева-Рюмина и другія, какъ въ этой, такъ и въ другихъ книгахъ «Чтеній»), вызвали нѣсколько указаній въ повременныхъ изданіяхъ на происшествія и лица того времени. На главное же тогда лицо въ Москвѣ, на Растопчина, страшная отвсюду поднялась буря.

Съ нѣкотораго времени въ нашей полугласной, порой смѣлой, порой робкой, и такъ далѣе, Литературѣ господствуетъ духъ всеотрицанія и всепорицанія, какъ прежде, и не очень еще давно, въ ней преобладалъ духъ всевосхваленія и всеумиленія. И та и другая крайность, затмѣвая истину, никогда не доведетъ никакой задачу до справедливаго разрѣшенія. Пусть патриоты-Демокриты на все глядятъ съ веселой улыбкой, а патриоты-Гераклиты сквозь слезы; пусть одни всему радуются, или надо всѣмъ смѣются, а другіе обо всемъ плачутъ или на все негодуютъ; мы постараемся пройти между ними среднюю чертою. Не поднимая никого на пьедесталъ кумиромъ, и не бросая ни въ кого грязью, мы будемъ говорить спокойно и безпристрастно. Начинаю.

«Разсказъ Москвича» (неизвѣстнаго), какъ и «Воспоминанія о 1812 и 1813 г., Кононова (кн. III «Чтеній» 1860) не лишены, въ связи съ

прочими статьями, нѣкоторой занимательности, но въ сущности это элегическія воспоминанія какого-то страдальца: «Дщерь несчастія! богиня плача и рыданія! приди и устрой гласъ мой, подкрѣпи меня, слабого и пораженнаго печалію, да. . . и т. д.» Разказы Бестужева-Рюмина несравненно любопытнѣе. Они обнимаютъ все теченіе времени, отъ увольненія Фельдмаршала Графа Гудовича (25 Мая, 1812 г.) и назначенія, вмѣсто его, Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ Графа Ростоцина (29 Мая), до выхода непріятеля изъ Москвы. ¹

А. Д. Бестужевъ Рюминъ служилъ въ Вотчинномъ Департаментѣ Ассессоромъ, подъ начальствомъ Графа М. А. Дмитріева-Мамонова, который устроилъ, въ 1812 г., собственными средствами, конный полкъ и перешелъ въ военную службу. Патріотъ-жертвователъ много лѣтъ уже томится, лишенный разсудка, въ своей Подмосковной. Перелъ занятіемъ города Французами, всѣ товарищи Бестужева успѣли удалиться изъ Москвы: оставаясь, при нѣсколькихъ чиновникахъ, старшимъ и, просто сказать, единственнымъ Членомъ Департамента, снѣ не рѣшился воспользоваться бывшимъ у него въ рукахъ отпускомъ, полагая священнымъ долгомъ своимъ охранять дѣла Архива и казенныя суммы. Съ этой цѣлью онъ обратился къ Наполеону—и почти всѣ дѣла сбережены. Между тѣмъ воинъ-деспотъ учредилъ «Отеческое городовое правленіе» (*municipalité paternelle*), въ которое опредѣлялъ его (21 Сентября) Членомъ, съ званіемъ помощника Мера Московскоіи общины (*adjoint du maire de la commune de Moscou*). Муниципальный Совѣтъ обязанъ былъ защищать обывателей отъ обидъ, грабежа, насилій, и т. п. Бестужеву велѣно было носить на лѣвой рукѣ красную узкую ленточку и красную же перевязь съ

¹ Странно, какъ иногда совпадаютъ на разстояніи вѣковъ знаменательныя дни или числа: 29 Мая 1737 г. пожаръ, называемый Троицкимъ, потому что случился въ Троицынъ день, почти опустошилъ Москву; 29 Мая 1812 г., Москва поручена Ростоцину, виновнику историческаго въ ней пожара (Смегаревъ). Еще страннѣе, какъ порой встрѣчаются событія, такъ сказать, одного настроенія, одно на другомъ отражающееся, одно отъ другаго зависящее, словно по сочувствію, по влеченію одного къ другому. Такъ, на примѣръ, въ томъ же 1737 г., въ Москвѣ упалъ колоколъ (въ 12 т. пуд.) съ Ивана Великаго, а въ тоже время въ Петербургѣ треснула, на колокольнѣ Воскресенскоіи церкви двѣнадцатипудовая модель его (Рубанъ).

праваго плеча. Это было знакомъ права его заступаться за Русскихъ на улицахъ. Въ домѣ Румянцева, на Покровкѣ, гдѣ помѣщался Муниципальный Совѣтъ, отысканъ въ послѣдствіи именной списокъ всѣхъ Русскихъ, бывшихъ на службѣ у непріятеля. Гдѣ теперь этотъ списокъ, въ какомъ архивѣ искать его? А любопытно бы узнать, кто куда изъ нихъ тогда попалъ, волею, неволею, какія были обязанности того, или другаго, чѣмъ кончилась судьба каждаго, остался ли еще кто изъ нихъ въ живыхъ? Подвиги Бестужева увѣнчались причисленіемъ его къ Герольдіи. Оскорбленный такимъ распоряженіемъ начальства, онъ, въ смѣломъ письмѣ своемъ къ Министру-Поэту, отъ 10 Іюля, 1813 г., между прочимъ, сказалъ Ивану Ивановичу: «Въ поруганіи чести и имени моего Вы непремѣнно должны сказать причину такого поступка Вашего.» Но причина ему не объявлена, а объявлено, чрезъ Управу Благочинія, чтобъ впредь, въ сношеніяхъ своихъ съ начальствомъ, былъ «осторожнѣе въ выраженіяхъ и наблюдалъ должное почтеніе». Въ заключеніи этого письма онъ намекаетъ на одинъ непріятный случай въ жизни самаго И. И. Дмитріева. Сколько знаю изъ рассказовъ одного почтеннаго и краснорѣчиваго повѣствователя о старинѣ (Гр. Д. Н. Б.), вотъ это какой былъ случай: Дмитріевъ, покинувъ гвардію, помѣстился въ одномъ домѣ съ Лихачовымъ, родственникомъ, или пріятелемъ, своимъ, также отставнымъ гвардейцемъ. Почти каждый вечеръ, одни, или съ двумя, тремя посѣтителеми, посвящали они задушевнымъ разговорамъ, чтенію, преніямъ. Бесѣды ихъ продолжались иногда за полночь. Кто-то изъ домашней прислуги (не Дмитріева, а его пріятеля), въ надеждѣ ли получить увольненіе отъ крѣпостной зависимости, или же въ мечтахъ (въ тѣ времена часто быточныхъ) выйти въ большіе люди, подалъ доносъ, въ такомъ смыслѣ, что его господинъ и Дмитріевъ, записавшись по ночамъ, замышляютъ заговоръ противъ Императора. Послѣдствія понятны: тревожно-гнѣвное состояніе души оскорбленнаго, заточеніе обвиняемыхъ, распросы и розыски о всей ихъ жизни, сборъ гвардіи и объявленіе ей о мнимомъ заговорѣ. Дружный отзывъ гвардейцевъ, что они не измѣнятъ присягѣ и готовы на смерть за Государя, утишили сбиравшуюся бурю. Между тѣмъ, собранныя свѣдѣнія объ оклеветанныхъ обнаружили ихъ невинность. Павелъ Петровичъ призвалъ ихъ къ себѣ, разговоръ съ Дмитріевымъ расположилъ его къ нему и узникъ, Штабъ-Офицеръ, сталъ Оберъ-Прокуроръ Сената.

Вѣрнѣйшія подробности этого происшествія должны быть извѣстны племяннику его (также бывшему Сенатскимъ Оберъ-Прокуроромъ и также писателю) М. А. Дмитріеву. Можетъ быть, онъ и печатаетъ когда нибудь вполнѣ Записки своего дяди.

Нелюбовь Бестужева къ Дмитріеву понятна; но жаль, что она обнаруживается пристрастными о немъ сужденіями. Не отыскавъ ничего такого, чѣмъ бы можно было упрекнуть Министра, онъ поставилъ ему въ укоръ опредѣленіе за Оберъ-Прокурорскій Столъ своего роднаго брата, Д. И. Дмитріева, переименованіе его изъ отставныхъ Маіоровъ Коллежскимъ Ассессоромъ и повышеніе, черезъ нѣскольکو мѣсяцевъ, въ чинъ Надворнаго Совѣтника. Хорошо было бы на бѣломъ свѣтѣ, если бы только такіе упреки падали на сильныхъ міра сего! Счастливъ Государственный Сановникъ, когда ему только и можно поставить въ вину, что родство его съ подчиненнымъ, которому, впрочемъ, не дано имъ ни силы, ни значенія, ни видной должности! Числится за Оберъ-Прокурорскимъ Столомъ почти тоже, что и числится при Герольдіи. Вся разница въ томъ, что тутъ нѣтъ жалованья, а тамъ положенъ окладъ, довольно скудный, особенно 49 лѣтъ назадъ.

Такъ, усиливаясь опрокинуть народное, преданіемъ, исторически составившееся, мнѣніе о Растопчинѣ, Бестужевъ, при описаніи всего, съ нимъ лично случившагося въ Москвѣ, прицаетъ всѣ его дѣяствія, безъ изытія.

«Сердце облилось у меня кровью (воскликаетъ онъ, узнавъ о назначеніи Растопчина) въ ожиданіи чего-то очень непріятнаго!... И вотъ откуда этотъ ужасъ: Графъ Ѳелоръ Васильевичъ, будучи въ царствованіе Павла I Вице-Канцлеромъ, исключилъ изъ службы какого-то пріятели его, П. П. Дубровскаго, который, по возвращеніи своемъ изъ за границы, былъ высланъ изъ Петербурга. Обвинить человѣка въ несправедливости, во лжи, въ жестокости, и не молвить словца о томъ, въ чемъ и какъ было дѣло, это и несправедливо и жестоко.

Я отнюдь не приписываю Растопчину папской непогрѣшимости, но нельзя же признать его и за сына погибели. Историкъ, прежде всего, долженъ вооружиться безпристрастіемъ и спокойствіемъ: какъ ненависть, такъ и любовь, затемняетъ истину. Разсмотримъ же все прицаемое (не однимъ уже Бестужевымъ) по порядку: не отвергалъ и не утверждая ничего собственными сужденіями, я постараюсь

выводы мои извлечь изъ самыхъ событій; съ этой цѣлью расскажу все, что я видѣлъ, слышалъ, читалъ тогда и позже о 1812 годѣ, о Московскихъ провсшествіяхъ, о Растопчинѣ и т. д.

1. Растопчинскія афиши.

«Это (какъ сказано въ Историч. Статист. и Географ. Журналѣ 1812 г., издававшемся Профессоромъ М. Г. Гавриловымъ) — бесѣды Градоначальника съ обывателями Москвы; дружескія посланія Главнокомандующаго къ жителямъ.» — «Его афиши, говоритъ Н. С. Тихонравовъ, брошенные среди разгара политическихъ событій, должны были имѣть къ массѣ читателей особенно живое отношеніе, затрогивать въ ней самые дорогіе интересы и приводить къ результатамъ чисто-практическимъ.» Вотъ какъ смотрѣли, за полвѣка почти до насъ, на «грамотки Растопчина, и какъ еще недавно, въ 1854 г., взглянулъ на нихъ г. Профессоръ Тихонравовъ, чуждый по лѣтамъ своимъ тому времени и, стало быть, свободный отъ вліянія личныхъ впечатлѣній и воспоминаній. Въ афишахъ не всегда сказана правда, какъ не всегда и изъ арміи доставлялись вѣрныя свѣдѣнія. Много въ нихъ хвастовства, пересоленнаго патріотизма, замѣтна въ нихъ и поблажка простонародью: но здѣсь должно имѣть въ виду цѣль, виолнѣ достигнутую, цѣль ободрить робкіе и успокоить взволнованные умы, поддержать въ народѣ вѣру и управлять стремленіями духа его, удовлетворять всеобщему любопытству извѣстіями о военныхъ дѣйствіяхъ и обуздывать самоуправство ожесточенной толпы, при ея столкновеніяхъ съ Нѣмцами (собственно Французы и подданные Франціи были удалены изъ Москвы), обуздывать не страхомъ наказанія, что усилило бы злобу Русскихъ на иностранцевъ вообще, а насмѣшкой, острымъ словомъ, что такъ любятъ наши простолюдины. Шутками да прибаутками, пословицами да поговорками, удержанъ народъ отъ буйства, неизбежнаго при его намѣреніи никого не выпускать изъ Москвы. Здѣсь сила не имѣла бы силы; тутъ сильно было убѣжденіе, а не приказъ: народъ почувалъ свою собственную физическую силу, и нужно было осторожно ладить съ нимъ, чтобъ онъ не осварѣпѣлъ на торопливо покидавшихъ городъ купцовъ, дворянъ, чиновниковъ, съ женами и дѣтьми; сдержанный до поры до времени, онъ сбросилъ съ себя узду, какъ только разнеслась вѣсть о скорой сдачѣ Москвы Наполеону, и пустился грабить кабаки. «31 ч. (Августа)

вечеромъ, получилъ я (Тутолминъ) рапортъ, что скотный дворъ нашими передовыми Козачьими войсками разграбленъ.... 1 Сентября наши войска, вошедши въ городъ, разбили нѣсколько питейныхъ домовъ, изъ которыхъ рабочіе люди обоего пола и караульщики тащили вино ведрами, горшками и кувшинами и перепились...» Такъ сказано въ «Донесеніи отъ 11 Ноября, 1812 г., Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ Главнаго Надзирателя Воспитательнаго Дома, И. А. Тутолмина,» который, оставшись въ Москвѣ, сохранилъ вѣренность ему сиротъ отъ грабежа, пожара, голода. Донесеніе почтеннаго Ивана Акинѣевича (имя его должно остаться въ Исторіи) помѣщено во II кн. «Чтеній» 1860 въ слѣдъ за «Исторіей Императорскихъ Воспитательныхъ Домовъ», Исторіей одного изъ тѣхъ безчисленныхъ памятниковъ, которые воздвигла себѣ Екатерина II въ столькихъ учрежденіяхъ, узаконеніяхъ, изреченіяхъ. Сколько добра принесли благотворительныя заведенія Воспитательныхъ Домовъ, отъ основанія своего, съ 1763 (второй годъ по воцареніи Императрицы)!

Либераль, когда еще не знали слова либерализмъ, гуманный, когда еще не заимствовали изъ Латинскаго языка этого слова, Иванъ Ивановичъ Бецкій, пламенный, восторженный, неутомимый, всею душою преданъ высоко Христіянскому дѣлу. По его соображеніямъ все здѣсь возникло и развивалось. Въ «Исторіи» указаны удачи и неудачи, добро и худо. Много должно быть любопытнаго въ бумагахъ послѣ Бецкаго. Переписку его съ Екатериной и разными лицами И. Е. Б. пожертвовалъ Опекунскому Совѣту Московскаго Воспитательнаго Дома. Долго ли то она пролежитъ подъ спудомъ?

Возвращаюсь къ Растопчинскимъ афишамъ. Бестужевъ смѣется надъ ихъ содержаніемъ, находя слогъ Растопчина пошлымъ и площаднымъ. Слогъ, литературные приемы, убѣжденія и юморъ его давно были знакомы неученому люду, какъ изъ тетрадки, еще въ 1807 г. напечатанной: «Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ,» такъ и изъ комедіи: «Вѣсти или убитый живой.» Здѣсь вопросъ въ томъ. достигъ ли онъ предположенной цѣли? Отвѣтъ коротокъ: народъ былъ спокоенъ, послушенъ и готовъ на смерть за матушку Москву. Притомъ, благодатное вліяніе Растопчинскихъ афишъ (первый опытъ гласности на Руси) отражалось на всѣхъ концахъ Государства. Вездѣ, съ каждой почтой, ожидали ихъ, читали съ довѣріемъ, затверживали наизусть, вездѣ списки съ нихъ ходили по рукамъ. Последняя была отъ 20 Октября, 1812, уже не собственно къ Москвѣ.

, а къ крестьянамъ, похищавшимъ, что ни попадалось на пепель. и грабившимъ дома помѣщиковъ по деревнямъ. Первое, чуть не полное, собраніе этихъ важныхъ для Исторіи матеріаловъ. южено къ соч. И. М. Снегирева: «Очерки жизни Московскаго епископа Августина.» Отсюда они перешли въ Смирдинское изда- «Соч. Графа Растопчина.»

Такъ, современное и историческое значеніе его афишъ или лотокъ неоспоримо, худо ли, хорошо ли онѣ писаны, на сколько въ нихъ правды и прикрасъ, по достоинству ли своему, или по дубѣжденію читателей, онѣ высоко цѣнились тогда и менѣе ува- отся нынѣ.

2. Жестокости Графа Растопчина.

Бываютъ, къ несчастію рода человѣческаго, времена диктаторскія, мена безотвѣтственной силы и безнаказанности властителей, време- ужаса и кары. Таково могло быть время въ 1812 г. Наполеонъ упиль въ Россію. Нашъ Фабій-Медлитель отступаетъ. Народъ, да и народъ, не понимаетъ оправданныхъ послѣдствіями намѣреній и довъ Барклай де Толи. Въ героѣ, полномъ самоотверженія и любви отечеству, всѣ видятъ измѣнника. Въ Москвѣ жили не одни триоты и храбрецы. Были въ ней и малодушные, и легковѣрные оди, и себялюбцы, готовые поклониться въ поясъ побѣдителю, лишь и сберечь свое достояніе и свою бесполезную жизнь; были въ ней и идѣвшіеся, по пристрастію своему къ чужестранцамъ, всего луча- аго для себя, при завоеваніи Россіи Французами. Въ народѣ ходи- и всевозможные толки и слухи. Однихъ они приводили въ трепеть, ругихъ въ искушеніе. Графъ Растопчинъ хорошо зналъ и доброе худое настроеніе умовъ въ Москвѣ. Потому-то, когда была пу- цена по рукамъ одна возмутительная рукопись, онъ распорядился емедленнымъ розыскомъ: откуда она взялась, и при этомъ от- рылъ переводчика двухъ Наполеоновыхъ бумагъ. Это былъ сынъ упца-пивовара, Верещагинъ. Какъ онъ, такъ и переписывавшій его ереводы, Губернскій Секретарь Мѣшковъ, были преданы суду, въ- оятно, военному. Объявленіе о такомъ распоряженіи отняло охоту вѣстовщиковъ распространять такія и подобныя рукописи. Между ѣтъ, какъ выходки Наполеона противъ «Варваровъ, презирающихъ го дружбу», противъ «потомковъ Чингисъ-Хана», получены были

изъ за границы по почтѣ, а Почтъ-Директоръ не удержалъ ихъ и онѣ, по неосторожности его, стали извѣстны Москвитчамъ, среди которыхъ встрѣчались и явные Бонапартисты, Растопчинъ рѣшился отравить его (Почтъ-Директора) въ Воронежъ. Тогда и самъ Императоръ, также по какимъ-то недоразумѣніямъ, удалилъ изъ Петербурга М. М. Сперанскаго и М. Л. Магницкаго. Бестужевъ негодуетъ на то, что поручено арестовать О. П. Ключарева Полціеймейстеру Брокеру, а не другому. Причина его негодованія здѣсь та, что Брокеръ, съ давнихъ лѣтъ приверженный къ Графу Растопчину, и самый короткой человѣкъ въ его домѣ, служилъ, до назначенія его Полціеймейстеромъ, въ Почтамтѣ, и такъ недавно еще былъ подчиненнымъ почтеннаго старца (одного изъ Членовъ Дружескаго Общества) Кроме того, что кому бы ни было это поручено, отвѣтственность за распоряженіе начальства не падаетъ на исполнителя, не Брокеръ арестовалъ Ключарева, а Оберъ-Полціеймейстеръ Швакинъ (Моск. Вѣд. 1860, N. 28).

Но оставимъ мелочи. Вотъ уже тяжкое обвиненіе въ свирѣости, которую невозможно извинить даже и диктаторствомъ.

2 Сентября (день вступленія въ Москву непріятельскихъ войскъ) привели Верещагина изъ временной тюрьмы (ямы) и Графъ, взявъ его за руку, вскричалъ народу (толпившемуся на его дворѣ): «Онъ измѣнникъ! отъ него погибаетъ Москва!» Тутъ ординарецъ Бурлаевъ «ударилъ его саблею въ лицо: несчастный палъ, испуская стоны: народъ сталъ терзать его и таскать по улицамъ.» Ужасно! и гнѣвъ еще ужаснѣе и отвратительнѣе, что, по словамъ Бестужева, «Растопчинъ, воспользовавшись этимъ смятеніемъ, сошелъ съ крыльца и въ заднія ворота дому своего выѣхалъ изъ Москвы на дрожкахъ.» Въ «Русской Старинѣ» (годъ III, изданіе 1852) И. М. Снегиревъ вотъ какъ упоминаетъ объ этомъ происшествіи: «Тамъ, на дворѣ (Растопчинскаго дома), при стеченіи народа, собиравшагося въ ожиданіи Графа на Три Горы, произнесенъ и конченъ судъ надъ съномъ пивовара, переводившимъ и распространявшимъ прокламацию Наполеона». Далѣе, о выѣздѣ Растопчина изъ Москвы: «Когда чернь устремилаcь за виновнымъ, тогда, въ 10 часовъ утра достопамятнаго понедѣльника, Растопчинъ выѣзжаетъ верхомъ (а не спускается на дрожкахъ) изъ своего дома; у Яузскаго моста встрѣчается съ Фельдмаршаломъ Кутуловымъ, который отвѣчалъ на вопросы его молчаемъ.»

Слова: «произнесенъ и конченъ судъ» конечно, указываютъ на что-то трагическое. Чингисъ-Ханское; но авторъ не приводитъ источниковъ, изъ которыхъ почерпнулъ это неясное свѣдѣніе. Вѣроятно, онъ былъ стѣсненъ препятствіями, отъ него не зависѣвшими, чтобы выразиться рѣшительнѣе. А онъ многое знаетъ, какъ пріятель Правителя Генераль-Губернаторской Канцеляріи, А. П. Рунича, и жившаго въ домѣ Графа Растопчина, А. П. Павлова, который въ послѣдствіи служилъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ. Чуть ли не проходили порой и самыя афиши черезъ его рецензію. По крайней мѣрѣ, Руничъ и Павловъ показывали ему ихъ иногда до обнаруженія. Притомъ, онъ былъ и лично извѣстенъ Растопчину. Въ послѣдній разъ онъ былъ у Графа, не задолго до кончины его, для врученія ему Диплома на званіе Почетнаго Члена Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Дождемся же достовѣрныхъ фактовъ, подлиннаго дѣлопроизводства Слѣдственной Коммиссіи и Уголовнаго, или Военнаго, Суда, что рано ли, поздно ли, выйдетъ же изъ тѣмъ Архивной на Божій свѣтъ, дождемся какихъ нибудь еще записокъ о томъ времени, безпристрастнаго голоса очевидцевъ ужаснаго событія. Тогда только, по раскрытіи и соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, всѣхъ подробностей дѣла, всѣхъ данныхъ къ смягченію, или къ усиленію, приговора, Исторія можетъ произнести свой судъ надъ тѣмъ и другимъ, не останавливаясь на разказахъ, подобныхъ помѣщенному въ Моск. Вѣд. (2 Окт., 1852, N. 234, изъ Allgemeine Zeitung). Варнгагенъ фонъ Энзе, между прочимъ, произвелъ Верещагина въ Капитаны, а отца его переселилъ въ какое-то Польское мѣстечко, куда привелъ и Императора Александра (чтобы устроить драматическую сцену). Но слова, выписанныя М. А. Дмитриевымъ изъ письма къ И. И. Дмитриеву Графа Растопчина (Моск. Вѣд., N. 258), тяжело лягутъ на вѣсахъ правосудія: «Преступникъ преданъ мною народу, который слѣлалъ изъ него жертву справедливой своей ярости.» Это уже собственное признаніе. Чему же приписать такой поступокъ Градоначальника? Не ужь ли онъ хотѣлъ, передъ вступленіемъ неприятеля въ покидаемую имъ Москву, дать пищу мести народной, восплаять ненависть къ врагу въ ожесточенныхъ толпахъ, вызвать со dna души звѣрскія въ человѣкѣ стремленія и, какъ ставъ дикихъ звѣрей, вынустить остававшихся въ городѣ на борьбу съ войсками всѣми средствами злобы и отчаянія?

3. Воздушный шаръ и пожары.

На дачѣ «Воронцово» было устроено заведеніе для приготовленія зажигательныхъ снарядовъ. Чтобъ скрыть до времени намѣреніе, предать ее огню, въ случаѣ занятія Наполеономъ Москвы, Растопчинъ объявилъ, что въ Воронцовѣ строятъ воздушный шаръ, который поднимется съ людьми надъ вражьими войсками и истребитъ ихъ. Шаръ съ зажигательной машиной, дѣйствительно, строился. Это развлекало и ободряло простой народъ. Объ этомъ упомянуто и въ слѣдствіи, по распоряженію Наполеона произведенномъ о зажигательствахъ, и въ Донесеніи Туттолмина: «Какой шаръ (спросилъ его Наполеонъ) Англичанинъ Шмитъ дѣлалъ на пагубу его арміи и его самага? Такое варварство просвѣщенному народу непростительно.» Эти слова, если онѣ такъ были сказаны, очень забавны: не вѣрившій силѣ вседвижущихъ паровъ, повѣрилъ губительности воздушнаго шара.

Что до пожаровъ, то ихъ было два: Растопчинскій и Наполеоновскій. Первый возникъ при вступленіи «Двадцати языкъ» въ древнюю столицу, послѣдній при выступленіи ихъ изъ нея. Растопчинъ отрекся отъ этого подвига, но его «Правда о Московскомъ пожарѣ» оказывается неправдой: она опровергается собственными распоряженіями и письмами его къ Александру I и Кн. Багратиону, повѣствованіями Михайловскаго-Данилевскаго и Бутурлина, наконецъ Слѣдственнымъ Дѣломъ. Дѣло это напечатано въ «Москвитинѣ» 1813 г. на Французскомъ и Русскомъ языкахъ, но не вполнѣ. Издатель, видно, забылъ, что оно помѣщено въ «Московскомъ Телеграфѣ» еще въ 1820 г. (Декабрь, N. 27, ч. XXIV, стр. 385—40). Статья, въ которой оно приведено: «Историческія извѣстія о пожарѣ Московскомъ 1812 г.» тогда же напечатана и отдѣльной тетрадкой.

Растопчинъ сжегъ и своихъ два дома, чтобъ не досталось врагу; одинъ на дачѣ (нѣкогда Брюсовой, Катинскій), другой въ селѣ Вороновѣ. Московскій же домъ его спасли помѣщавшіеся въ немъ Французы, повыкидавъ открытій ими порохъ изъ печей, чердака и т. д. Чтобы Бестужевъ ни говорилъ, я помню, какъ тогда превозносили этотъ подвигъ! Въ немъ видѣли что то великое Римское, и вообще въ ту пору величали Растопчина Римляниномъ. «Предпріятіе это (сожженіе Москвы), достойное древняго Римлянина, приведено имъ въ дѣйство съ совершеннымъ искусствомъ» (Бутурлинъ).

Теперь трудно рѣшить, на сколько было правды и увлеченія въ судѣ и впечатлѣніяхъ современниковъ. Между ими и нами почти столѣтіе, историческая почва еще колеблется подъ ногами писателей, еще не всѣ источники открыты, не всѣ дѣла на лице.

Вотъ все, что мы могли сказать и рассказать согласно или несогласно съ повѣствованіемъ Бестужева. Теперь обсудимъ вновь недавно возникшія, съ легкой руки его, на Растопчина обвиненія.

Въ 1809 г., въ Вильнѣ появилось сочиненіе Графа Валеріана Стройновскаго (въ переводѣ съ Польскаго В. Анастасевича): «О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами.» Прекрасный по цѣли трудъ, съ которымъ изложены предположенія касательно освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, надѣлалъ шуму и возбудилъ въ комъ сочувствіе къ сочинителю, а въ комъ негодованіе на него. Въ III кн. «Чтеній» за 1859 г., напечатано «Возраженіе Графа Растопчина на книгу, сочиненную Графомъ Стройновскимъ: «О условіяхъ съ крестьянами.» Въ слѣдъ за этимъ возраженіемъ помѣщены: «Отвѣтъ сочинителю рѣчи о защищеніи права Дворянъ на владѣніе крестьянами», а два Мнѣнія (1818 и 1833) Графа Мордвинова: «Одна изъ мѣръ освобожденія крестьянъ отъ зависимости», и «По рабству крестьянъ.»

Чтобы судить объ этихъ двухъ «Мнѣніяхъ», нужно указать на третье, то же Мнѣніе: «О продажѣ людей безъ земли.» (кн. II «Чтеній» 1860). Всѣ они проникнуты однимъ духомъ. Связь между ими очевидна. Поборникъ правосудія и врагъ произвола, при возникшемъ вопросѣ «О продажѣ людей», взглянулъ на крѣпостное состояніе, увѣ! видливчески: «Предъ законами нашими крестьяне, въ отношеніи помѣщиковъ ихъ, суть домочадцы. Никакого уязвленія, никакого нравственнаго оскорбленія дѣлать имъ недозволительно. Жалобамъ ихъ открыты суды; чиновники гражданскіе поставлены имъ покровителями, и за поступки, противныя благонравію, за нерадѣніе о ихъ благосостояніи, помѣщикъ лишается права власти надъ подчиненными ему крестьянами.»—«Скажутъ, что мы продаемъ и даримъ человѣка, равнымъ образомъ, какъ и вещь... Но продажа или дарованіе человѣка другому не даютъ купившему онаго, или получившему въ даръ, иныхъ правъ, какъ тѣ только, коими продавецъ пользовался... Самое благосостояніе продаваемыхъ требуетъ (иногда) продажи ихъ.» Опираясь на то, что «въ Англии дѣти зависятъ отъ родителей своихъ до 21 года, жены зависятъ отъ мужей своихъ по смерти ихъ; мужъ можетъ наказывать жену свою, по «безъ пре-

ломленія костей ея: можетъ ее продать, но на рынкѣ, въ торговый день и съ веревкою на шеѣ;» а что все таки «жена не признается собственностію мужа, но именуется зависимою отъ мужа», почтенный законовѣдъ углубляется въ разсужденія о правѣ собственности и о правѣ владѣнія, о неограниченномъ правѣ владѣльца на вещи и объ ограниченномъ правѣ на людей. Отсюда выводитъ онъ различіе въ сущности значенія словъ: собственность и зависимость, и находитъ, что у насъ «зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ должна быть для общаго благосостоянія, въ высшей мѣрѣ, нежели существуетъ она въ Англіи, Швейцаріи, Итали!»

Непонятно, какъ могъ такой человекъ, какъ Мордвиновъ, не найти ничего предосудительнаго въ продажѣ людей, съ землей или безъ земли, количественно, или по одиначкѣ! И тѣмъ непонятнѣе его заблужденія, что этотъ вопросъ возникъ уже въ 1820 г., послѣ учрежденія въ Россіи вольныхъ хлѣбопашцевъ — первый шагъ къ освобожденію крестьянъ, покуда еще только помѣщичьихъ, и къ улучшенію ихъ быта.

Въ 1818 г. въ Мнѣніи: «Одна изъ мѣръ освобожденія крестьянъ отъ зависимости», Мордвиновъ соглашался хотъ на постепенное освобожденіе крестьянъ, посредствомъ выкупа, полагая, впрочемъ, цѣны невозможныя: отъ 100 р. до 2000 асс. Но легко ли было бы выкупать по этой лѣстницѣ людей отъ 2 до 60 лѣтъ? Въ этомъ мнѣніи онъ не принимаетъ и слова рабъ въ его дѣйствительномъ смыслѣ, видя въ немъ сокращеніе слова работникъ: «Переходъ съ мѣста на мѣсто работниковъ (или, по краткому изреченію, рабовъ) не можетъ быть безъ вреда и растройства сельскихъ хозяйствъ.»

Всего же удивительнѣе, что онъ, уже въ 1833, ссылаясь на Мнѣнія свои въ 1818 и 1820, оттягиваетъ уничтоженіе крѣпостнаго права до перерожденія, такъ сказать, Россіи. Вотъ какъ трудно иногда и необыкновенному даже человеку вполне отрѣшиться отъ понятій, всосанныхъ съ молокомъ кормилицы, отъ обычаевъ своего времени, отъ господствующихъ правилъ, нравовъ, порядка и т. д.

Не то бы заговорилъ теперь Графъ Мордвиновъ въ наше многообщающее время движенія, надеждъ, преобразованій. Правда, въ сущности еще мало сдѣлано; еще многіе вопросы только на очереди; еще нѣкоторые колеблются между да и нѣтъ, между за и противъ; даже главнѣйшіи, альфа и омега, хотъ нынѣ окончателъно

рѣшенъ, да все же не вполне разъясненъ, не взирая на всѣ толки, изысканія, предложенія ученыхъ и литераторовъ, помѣщиковъ и чиновниковъ, мечтателей и Государственныхъ людей.

Жаль, что Рѣчь защитника Дворянскихъ правъ не предпослана Отвѣту Россіянина (отъ 4 Апрѣля, 1818 г.) «древнему Россійскому Дворянину, старцу, служившему въ войскѣ и судѣ, вѣрноподданному Государя». Этотъ Отвѣтъ возбуждаетъ вопросъ: не Растопчинъ ли, если не Мордвиновъ, сказалъ ту недостойную рѣчь?

Въ V кн. Русскаго Вѣстника за 1860 г., Графъ А. О. Растопчинъ, опровергая приписанное отцу его письмо къ Императору Александру I противъ Сперанскаго (Р. В. кн. 19 и 20, въ статьѣ М. Н. Лонгинова: «Графъ Сперанскій»), утверждаетъ, что не имъ писано и возраженіе на книгу Стройновскаго. Во II кн. «Чтеній» 1860 г. А. Н. Аванасьевъ, въ своей замѣткѣ, наводитъ еще и сомнѣніе въ искренности политическихъ и соціальныхъ убѣжденій его: доселѣ онъ былъ извѣстенъ черезъ чуръ патріотическими, строго Православными и отчасти Славянофильскими, стремленіями; но вотъ въ 1859 появилась въ Парижѣ книга непреклоннаго поборника Іезуитовъ, Графа Местра: «Quatre chapitres sur la Russie» и въ ней приведены мнѣнія Графа Р., не сообразныя съ понятіемъ, какое составилось у насъ о Графѣ Федорѣ Васильевичѣ понынѣ. Г. Аванасьевъ спрашиваетъ: «Кого здѣсь разумѣть подъ буквой Р?» Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1860, N. 159 и N. 205, г. Лонгиновъ и Николай Книжничъ доказываютъ, что подъ нею скрывается имя Графа А. К. Разумовскаго (Министра Народнаго Просвѣщенія), а не Растопчина. Въ слѣдъ за замѣткой Г. Аванасьева помѣщены: «Возраженіе неизвѣстнаго, и «Замѣчаніе Графа Растопчина на книгу Стройновскаго». Далѣе, въ той же II кн. «Чтеній» 1860 г. напечатано «Мнѣніе одного Украинскаго помѣщика, выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями о Указѣ 23 Мая, 1816 г., и объ Эстляндскихъ постановленіяхъ.» Это полу-либеральное, полу-патріархальное мнѣніе, столько же обнаруживающее въ сочинителѣ передоваго человека, сколько и охранителя существующаго порядка (консерватора), подписано В. Н. Каразиньмъ.

Итакъ намъ остается обсудить три вопроса: 1. Писалъ ли Графъ Растопчинъ противъ Графа Сперанскаго, и былъ ли онъ одинъ изъ виновниковъ его опалы? 2. Можно ли подъ буквой Р. въ книгѣ Местра разумѣть Растопчина? и 3. Имъ ли написано одно изъ возраженій на книгу Стройновскаго?

1. О письмѣ къ Государю и о паденіи Сперанскаго.

Существовало ли еще это письмо, и если существовало, то въ какой силѣ оно написано, въ духѣ ли личной вражды сочинителя къ обличаемому, или въ спокойномъ желаніи патриота (не рьянаго, конечно, нововводителя, но, однако жъ, и не старовѣра) противопоставить свой образъ мнѣній стремленіямъ, несогласнымъ съ его взглядами? Здѣсь недостаточно указанія на Словарь Бантыша-Каменскаго, ни даже какого нибудь списка; здѣсь нужно подлинное письмо, черновое ли, почерка сочинителя, или поданное, за его подписью, въ собственные руки Императора. Последнее, вѣроятно, отыщется когда нибудь въ дѣлахъ и бумагахъ, подлежащихъ тайнѣ.

Что до ссылки Сперанскаго, то откуда нѣтъ еще данныхъ къ положительному заключенію: былъ ли онъ жертвою политики? былъ ли заподозрѣнъ въ направленіи, вредномъ для Россіи? былъ ли онъ, словомъ, правъ, или виноватъ?

Что у него были завистники, враги, клеветники, это понятно: да столько же понятно и то, что были же люди, говорившіе, писавшіе, дѣйствовавшіе честно, по своимъ понятіямъ, не лично противъ и, еще меньше, на пагубу Сперанскаго, а собственно противъ его мнѣній, видовъ, стремленій; таковы: Карамзинъ, Троицкинскій и другіе. Довольно уже несогласія съ нимъ этихъ двухъ, чтобъ не поставить въ упрекъ Растопчину его несочувствіе къ нововводителю.

2. Его ли мнѣнія приведены въ книгѣ Местра?

Сверхъ замѣтокъ Лонгинова и Книжника, прочтите все, что когда либо было написано и сказано Растопчинимъ и о Растопчинѣ: его «Путешествіе по Пруссіи, Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ», комедію: «Вѣсти или убитый живой», его «Я», переведенное на нѣсколько языковъ, и проч., прочтите все, выраженное въ похвалу и порицаніе ему въ журналахъ, прочтите Михайловскаго-Данилевскаго и Бутурлина, биографическія о немъ статьи А. Я. Булгакова и Профессора Тихонравова, переписку Растопчина съ разными лицами, особенно съ Суворовымъ Италійскимъ, и вы убѣдитесь, что не его имя скрывается подъ буквою Р. у Местра.

3. О замѣчаніяхъ на книгу Графа Стройновскаго.

Не вхожу въ разборъ приведенныхъ изъ «Чтеній» статей въ порицаніе и въ защиту крѣпостнаго права. Въ каждой изъ нихъ есть своя доля правды и неправды. А «что есть истина?» Нѣтъ задачи въ жизни народовъ, которая не разрѣшалась бы на всѣ лады и каждымъ по своему, доколѣ не рассмотрится со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ точекъ. Нѣтъ и справедливости осуждать людей за ихъ мнѣнія, убѣжденія, направленія. Можно, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ должно, опровергать ихъ, а не позорить. Въ настоящемъ вопросѣ мы видимъ, на примѣръ, что передовой человѣкъ, Мордвиновъ, былъ не за освобожденіе крестьянъ, Карамзинъ тоже. Карамзинъ и самъ Сперанскій предлагали на первый разъ только полуосвобожденіе. Наконецъ Лопухинъ, желавшій, чтобы не было въ Русской землѣ ни одного не свободнаго человѣка, если бъ только то безъ вреда для нея возможно было» («Записки И. В. М.») поддерживалъ, не скажу правъ, а произволъ помѣщика, до такой степени, что возставалъ противъ благодѣтельнаго Указа Павла I, которымъ предоставлено крестьянамъ три дни въ недѣлю работать на господина, а три дни на себя. Нападая на этотъ Указъ, какъ ограничивающій власть помѣщиковъ, онъ сказалъ, что будто бы «въ Россіи ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самаго нашествія непріятельскаго и не въ настоящемъ положеніи вещей» («Чтенія» к. III, 1860).

Возраженіе Стройновскому, приписанное Раstopчину въ книгѣ III «Чтеній» за 1859 г., въ кн. II за 1860 отнесено уже къ неизвѣстному. Въ послѣднемъ, второй редакціи, прибавлено только одно примѣчаніе, да въ концѣ нѣсколько отдѣльныхъ опроверженій на нѣкоторыя мѣста въ трудѣ Стройновскаго. Г. Аванасевъ не сказалъ, кто же сочинитель возраженія обѣихъ редакцій, Раstopчинъ, или неизвѣстный? За то ужъ третья статья: «Замѣчаніе Гр. Ѳ. В. Раstopчина на книгу Г. Стройновскаго,» дѣйствительно и безъ малѣйшаго сомнѣнія имъ написана: «Въ сосѣдствѣ моемъ (сказано въ ней), въ деревняхъ Графа Остермана, я самъ видѣлъ и проч. у своячины моей, Княгини Голицыной и проч.» По старой Калужской дорогѣ, за Пахрой (имѣніе Князей Дадьяновыхъ), и къ сторонѣ отъ Чирикова (село Каковинскаго, нынѣ Кн. Урусовыхъ), гдѣ были стычки въ 1812 г. нашихъ отрядовъ съ непріателемъ, находится извѣстное

«Вороново» въ сосѣдствѣ съ «Покровскимъ», принадлежавшимъ Остерману. Княгиня же Голицына (по рожденію Протасова), родная сестра Графини Растопчиной, своячина Графа Федора Васильевича.

Г. Аванасьевъ заключилъ свою замѣтку такъ: «Мы глубоко убѣждены, что многія изъ современныхъ записокъ, безобразно отсталаго направленія, хоть авторы ихъ, не токмо не скрываются, но, съ торжествомъ героевъ, сами указываютъ на себя, лѣтъ черезъ 50 будутъ заподозрѣны и отвергнуты, какъ что-то нечистое и оскорбительное. сынами и внуками тѣхъ самыхъ, чье перо трудилося надъ ихъ сочиненіемъ.»

Мы скажемъ на это, что мнѣнія, убѣжденія, направленія, какъ въ челоѡкѣ (съ лѣтами и обстоятельствами), такъ и въ народахъ, съ вѣками и событіями, не рѣдко измѣняются; что все въ свое время кста-ти; что жизнь и нужды поколѣнія выработываютъ современные мысли и стремленія; что кажущаяся истина въ одну пору признается заблужденіемъ въ другую, и наоборотъ. Давно ли, на прим., были въ ходу соціалисты, коммунисты, фаланстеры? Теперь о нихъ и не заботятся. А религіозныя истины, ученія, иренія между всѣми Христіанскими вѣроисповѣданіями? Нѣтъ, несправедливо было бы метать камнями въ людей за ихъ взгляды, понятія, сужденія, лишь бы источникъ ихъ былъ чистъ и цѣль была честная, челоѡчная, безкорыстная.

РЪЧЬ ДАШКОВА.

ЧИТАВНАЯ ВЪ БЕСѢДѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ,

14 марта, 1812 года.

(Извлечено въ дѣлѣ Общества.)

Нынѣшній день пребудетъ всегда незабвеннымъ въ лѣтописяхъ нашего Общества. Нынѣ въ первый разъ возсѣдаетъ съ нами краса и честь Россійскаго Парнасса, счастливой любимецъ Аонидъ и Феба, гений, единственный по быстрому своему паренію и по разнообразію многочисленныхъ произведеній. Тщетно мрачныя облака скрывали на время сіяніе солнца. Оно расторгнуло ихъ и снова озарило землю. Такъ и зависть, тщетно старалась помрачить блистательный полетъ почтеннѣйшаго сочлена нашего, Его Сіятельства Графа Д. И. Хвостова. Труды его необъятны. Единый взоръ на нихъ утомляетъ память и воображеніе; а знаменія побѣдъ его изумляютъ насъ, поражаютъ. Онъ вознесся превыше Пиндара, унижилъ Горація, посрамилъ Лафонтена, побѣдилъ Молиера, уничтожилъ Расина. При чтеніи драматическихъ его произведеній, смѣхъ и жалость поперебнѣнно наполняютъ душу читателей, и справедливый успѣхъ оныхъ на сценѣ ни мало не завистѣлъ отъ игры превосходной актрисы. Пусть весьма не многіе изъ нашихъ писателей, стремясь за безсмертіемъ, получаютъ его въ награду за произведенія, обработанныя съ величайшимъ тщаніемъ и содѣлавшіяся образцамъ точности въ мысляхъ, красоты слога и силы выраженій. Но почтеннѣйшій сочленъ нашъ

и кромѣ того увѣнчанъ зарею безсмертія, единымъ блескомъ природныхъ своихъ дарованій. Пусть другіе снискиваютъ себѣ имя въ Словесности происками и услаждаются наемными рукоплесканіями: но его путеводителями были всегда скромность и униженіе самого себя. Академія Россійская, Московскій, Харьковскій и Виленскій Университеты, Вольное Экономическое Общество, Бесѣда Любителей Россійскаго Слова, наконецъ и наше Общество, гордятся его именемъ; а хранилища Россійскихъ книгопродавцевъ, наполнены безцѣнныхъ его твореній, служатъ основаніемъ его славы. Таковъ, любезные сочлены, мужъ, избранный нами въ Почетные Члены сего Общества. Всей Россіи, что говорю я? Всей ученой Европѣ извѣстны его заслуги, но, къ стыду нашему, никто еще не воздвигнулъ ему достойнаго литературнаго памятника изданіемъ его твореній съ приличными замѣчаніями, между тѣмъ, какъ Французы имѣютъ множество коментаріевъ на Расина, столь униженнаго переводами почтеннѣйшаго Графа. Сколько бы новыхъ красотъ, неизвѣстныхъ Аристотелю, открылись глазамъ внимательнаго читателя! Сколько бы усмотрѣлъ онъ новыхъ изображеній, новыхъ картинъ, коими одолжены мы генію нашего поэта! Въ его твореніяхъ самая простая описанія оживлены волшебною кистию воображенія и превышаютъ всѣ возможныя описанія другихъ стихотворцевъ. Раскроемъ ли неподражаемыя его притчи: разумъ нашъ пораженъ прелестями басень: Ботъ, Двое плѣшивыхъ, Старикъ и трое молодыхъ, Два голубя и проч. ¹ Какая кисть, какія описанія..... какая простота! Раскроемъ ли громкія его оды, элоги, посланія? Вездѣ видимъ пламенный восторгъ, возносящійся надъ предѣлами видимаго міра и часто исчезающій отъ глазъ въ неизмѣримомъ пространствѣ; либо наглые и бѣжвыя чувствованія при гробѣ друга, близкаго, или знаменитаго вельможи, нагнія, пренебреженныя глубочайшей, таинственной философій. Вдругъ шумная радость заступаетъ мѣсто унынія, невольная улыбка прогоняетъ вздохъ и мы вмѣстѣ съ Греками храбрѣцами вкушаемъ ибнящееся Шампанское изъ огромной бутылки! О сила поэзіи! о могущество воображенія!

¹ Въ сей послѣдней басни Русской Лаврентъ очевидно превзошелъ Француза, издѣлавъ своего голубка острыми зубками для разгрызенія сѣтей, въ которыхъ онъ заутался. Вотъ истинная Поэзія, творящая новый міръ, новую природу

Кто изчислитъ всѣ мастерскія произведенія почтеннѣйшаго поэта? Кто покажетъ намъ все ихъ достоинство? Вотъ, любезные сочлены, обширное поприще, которое осмѣливаюсь я въ сей достопамятный день предложить для вашихъ занятій. Трудъ сей неизмѣримъ, но за то какую славу оный вамъ обѣщаетъ! Вы обогатите Словесность нашу превосходными сочиненіями, принесете вѣчное, никогда неувядаемое, удовольствіе читателямъ и соорудите знаменитому нашему сочлену достойный его памятникъ. Если Обществу угодно будетъ принять мое предложеніе, если рвеніе мое заслужитъ одобреніе ваше, то я за величайшее счастье поставляю себѣ быть соучастникомъ вашимъ въ трудахъ, толико похвальныхъ, и заранѣ беру на себя часть драматическую. Я здѣлаю по возможности эстетической, грамматической и даже критической разборъ каждаго дѣйствія, каждаго явленія; обращаю вниманіе читателей на всѣ образцовые стихи въ роуѣ прекрасно-трогательной Андромахи, и докажу неоспоримо, сколь много почтеннѣйшій переводчикъ отличился передъ Расиномъ: но при всемъ томъ, я буду безпристрастенъ, если только возможно удержаться отъ внезапнаго энтузіазма при чтеніи его твореній. Я покажу и немногія его ошибки, разсѣянные между необъятными его красотами, и тѣмъ надѣюсь еще болѣе доказать пламенное усердіе мое къ его славі. На примѣръ, въ третьемъ явленіи, въ 4 дѣйствіи, слова Герміоны къ Оресту:

. Пой! куда Орестъ спѣшагъ,
 Не мысля далеко такихъ нести обидъ,
 И я ль, вѣнчая здѣсь всю наглость вражьей мести,
 Рѣшусь въ другихъ мѣстахъ медлительной ждать вѣсти?
 Предамся ль дерзостно я жребію побѣдъ,
 Которой, можетъ быть, мнѣ мечь не принесетъ?
 Отстрочка малая въ отказъ мнѣ обратится,
 За Герміону мечь чрезъ часъ должна свершиться.
 Коль я отправлюся, пусть стонетъ весь Эпиръ,
 Лети во храмъ; хочу чтобъ въ храмъ палъ.

Орестъ.

Кто?

Герміона.

Пирръ.

Орестъ.

Какъ Пирръ? и проч.

Стихи сіи, говорю я, при всей ихъ красотѣ и силѣ, не много тѣны и неправильны! Во 2 выраженіи: Далеко нести такіе обвды, не совсѣмъ хорошо; въ 3 и 4 вѣнчая здѣсь всю наглость вражьей мести, рѣшусь въ другихъ мѣстахъ медлительной ждать вѣсти, слишкомъ сбивчиво, и при томъ сіи стихи тяжелы для произношенія; предаться жребію побѣдъ, сказано не хорошо и т. д; но что значать сіи маловажныя ошибки предъ неизмѣримостью красотъ сего перевода, ясно показывающаго намъ единственный, неподражаемый геній поэта? Такимъ образомъ, занимаясь каждое засѣданіе разборомъ нѣсколькихъ страницъ изъ Андромахи, и сравнивая переводъ съ подлинникомъ, мы откроемъ, можетъ быть, глаза многимъ изъ соотечественниковъ нашихъ, которые до сихъ поръ имѣютъ слабость предпочитать Расина Русскому переводчику, потому только, что первый писалъ по Французски.

СЕЛО НИКОЛО-ГОСУНСКОЕ

СЪ ЕГО ДРЕВНОСТЯМИ.

Еще въ 1840 годахъ, въ одномъ изъ журналовъ, при чтеніи статьи шего извѣстнаго Археолога И. П. Сахарова, о родномъ его городѣ, Бѣлевѣ, обратили мое вниманіе слѣдующія слова: «Южная часть города, — пишетъ онъ, — примыкаетъ къ полямъ, за которыми ачизняется граница Орловской губерніи, гдѣ находится забытый археологами памятникъ Царя Михаила Ѳеодоровича и матери его, вдовицы Марьи Ивановны, село Николо-Гостунское * съ своими древностями.»

Съ тѣхъ поръ родилось во мнѣ желаніе посѣтить Гостунь, но по словицѣ: «Человѣкъ располагаетъ, а Богъ опредѣляетъ,» лишь въ сентябрѣ 1861 году, 5 Мая, удалось исполнить давнее мое намѣненіе. Простоявъ около ¼ часа на берегу Оки, въ ожиданіи, пока подали съ того берега расшиву, я имѣлъ довольно времени полюбоваться красивымъ мѣстоположеніемъ села, привольно раскинувшись на правомъ нагорномъ берегу красавицы Оки: съ правой и съ лѣвой сторонъ села, какъ два крыла, виднѣлся сосновой лѣсъ, а въ центрѣ самаго селенія выстроился храмъ во имя Святителя Николая, съ шатровою колокольней.

Переѣхавъ на Гостунскій берегъ, и оставя заботу о переправѣ лошадей на паромѣ (который, по отзыву перевозчика, будетъ готовъ «черезъ часъ мѣста») своему возницѣ, я, въ сопровожденіи одного изъ перевозчиковъ, направился къ храму.

По дорогѣ мой проводникъ успѣлъ разсказать мнѣ, что у нихъ строятся балаганы къ имѣющей быть 9 числа, въ день праздника

* Это очевидно ошибка, ибо село Гостунь находится на сѣверо-востокъ отъ Бѣлева, въ 17 верстахъ отъ него вверхъ по теченію Оки, и отъ Лихвина въ 18 вер. внизъ по теченію той же рѣки.

перенесенія мощей Св. Николая, ярмаркъ; что старая теплая церковь, по ветхости, недавно разобрана, и будетъ строиться новая; что старинные каменные ворота (означающіе крайнюю границу церковной земли съ запада) тоже починаются, и, наконецъ, что батюшка ихъ, отецъ Стефанъ, человѣкъ хорошій, въ чемъ я скоро убѣдился и самъ.

И такъ, вотъ онъ, думаю я, смотря на храмъ Св. Николая, этотъ забытый, по словамъ И. П. Сахарова, археологическій памятникъ временъ Михаила Ѳедоровича и его матери, великой инокини, Марѣы Ивановны, и почти первымъ моимъ вопросомъ, послѣ знакомства съ отцемъ Протоіереемъ Стефаномъ, было: «Когда построенъ храмъ?» — «Положительно не извѣстно, — отвѣчалъ онъ, — но мѣстное преданіе относитъ построеніе его ко времени Царя Ивана Васильевича Грознаго.» — «А бывший теплый храмъ кѣмъ построенъ?» спросилъ я у отца Стефана, и получилъ въ отвѣтъ: «Первоначально теплая церковь была построена коштомъ матери Михаила Ѳедоровича, великой инокини Марѣы Ивановны, * а каменная, недавно разобранная по ветхости, какъ можно съ достовѣрностію позагать, построена ея сыномъ (Михаиломъ Ѳедоровичемъ, или внукомъ, Алексѣемъ Михайловичемъ)». Не смотря на увѣренія отца Стефана, что въ сломанной церкви не было ничего древняго, кромѣ стѣнъ, я не могъ не сожалѣть, что не пришлось взглянуть самому на этотъ памятникъ временъ Михаила Ѳедоровича, и, въ утѣшеніе себѣ, посидѣвши осмотрѣть, счастливо пережившій его, памятникъ Царя Ивана Грознаго, соборъ Никольскій, радуясь мысленно, что найду хотя здѣсь древности, «забытыя археологами». Храмъ этотъ, по своей Византійско-Русской архитектурѣ, походитъ на многіе древніе храмы XV и XVI столѣтій. Квадратъ его съ двухъ сторонъ (съ сѣверной и южной) раздѣленъ лопатками на четыре части; соединеніе лопатокъ образуетъ вверху три арки, выемки между коими, очевидно, были названы

* Въ вышнихъ пѣхъ Бѣлевскихъ Писцовыхъ Книгъ 136, 137 и 138 (1628, 28 и 30) годовъ значится: «Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ соборная церковь каменная великаго Чудотворца Николы, да церковь теплая Преподобныхъ Отецъ Афанасія и Кирилла Александрійскихъ, и Преподобнаго Отца Онуфрія Великаго древяна клѣтка, а строилъ тое церковь Никольскій Протопопъ Андрей Артемьевъ, по приказу Великія Государыни иноки Марѣы Ивановны, Ея Великія Государыни казною; а въ церкви образа, и свѣчи, и книги, и ризы и все церковное строеніе Великія Государыни иноки Марѣы Ивановны».

я священныкъ изображеній; подъ карнизомъ тянется вокругъ всездавія широкой поясъ или платбантъ съ сухариками, зубчиками полсками. Кровля, желѣзная на четыре ската, увѣнчана пятью рдцевидными главами на трибунахъ; осьмиконечные кресты имѣютъ подножія полулуныя и прикрѣплены къ главамъ цѣпями. Окна въ а свѣта, по четыре на каждую изъ двухъ сторонъ (сѣверную и южную): верхнія узкія и длинныя, а нижнія, по обѣимъ сторонамъ коввыхъ дверей, почти квадратныя; тѣ и другія съ дугообразными ремычками и такими же сандриками и съ колонками по сторонамъ.

По вступленіи въ трансезу, отецъ Стефанъ объявилъ мнѣ, что она построена въ началѣ текущаго столѣтія (въ 1805 году). Въ иконостасѣ, прислоненномъ къ стѣнѣ, отдѣляющей трапезу отъ настоящей церкви, помѣщена одна изъ трехъ иконъ Св. Николая, большаго измѣра, не стараго, но довольно искусства, писъма (безъ оклада); на нлхъ изображены чудеса его. Настоящая церковь во имя Св. Нилы: въ ея-то иконостасѣ, противъ праваго клироса, въ особомъ отѣ, помѣщается явленная икона Чудотворца Святителя Николая, обственно такъ называемая Гостунская. Мѣстное преданіе, относя явленіе иконы Святителя Николая къ глубокой древности, говоритъ о немъ двояко: по словамъ, однихъ, икона эта явилась первоначально на ркчкѣ Гостункѣ, протекающей близъ деревни и ющонъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ села Николо-Гостуни, гдѣ удто бы и была первоначально деревянная церковь, построенная о сему случаю; а другое преданіе повѣствуетъ, что икона эта явилась на озерѣ, находящемся близъ теперешней церкви (на восточной сторонѣ), близъ усадьбы Священно-служителей. Икона эта была только извѣстна въ древнія времена, по причинѣ истекавшихъ отъ ея съ вѣрою приходящимъ чудесъ, что Великій Князь Василій Ивановичъ, въ началѣ своего царствованія, пожелалъ перенести ее въ царствующій градъ Москву, гдѣ построилъ съ сею цѣлю каменную церковь въ Кремлѣ. Извѣстіе это записано современными * лѣтописцами; въ документахъ бывшаго Московскаго Николо-Гостунскаго лобора оно читается такъ:

«Лѣта 7014 (1506), повелѣніемъ Великаго Князя Василя Іоанновича всея Россіи, въ градѣ Москвѣ заложилъ церковь кирпичную

* См. первую Соф. Лѣтоп. П. С. Р. Л., стр. 58; Кар. УИ томъ, прим. 366.

святаго и великаго Чудотворца Николая Гостунскаго, и дѣже стояла церковь деревянная старая Николая Чудотворца, по реклу Николая Льянаго, и совершиша тоя церковь кирпичную въ девятую недѣлю 7015 года, Октомврія, въ 1 день, а освящена бысть церковь святая во имя великаго Чудотворца Николая во градѣ Москвѣ Пресвященнымъ Симономъ, Митрополитомъ Московскимъ и всея Россіи, въ царство Благочестиваго и Христолюбиваго Великаго Князя Василія Ивановича всея Россіи, въ первое лѣто Государства его, и постави Князь Великій Василій Ивановичъ въ ту церковь икону святаго и великаго Чудотворца Николая Гостунскаго, которая принесена съ Гостунки рѣчки, и украсивъ ю каменіемъ драгимъ, отъ нея же много исцѣленія тогда быша, и бываютъ и доннынъ съ вѣрою приходящимъ». Одно изъ этихъ чудесъ записано лѣтоисцами по слѣдующему частному случаю. «Въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго, въ 1553 году, когда объявилась на Москвѣ ересь Матюшки Семенова сына Башкина и его единомыслениковъ, бывшаго Игумена Троицкаго Артемія и Перфила Малаго въ Савашахъ и иныиъ. Царь же Великій Князь и Митрополитъ сыскали про нихъ и отъ нихъ усть слышали, что всѣхъ Чудотворцевъ, вѣрующихъ во Христа и чудеса творящихъ, похулили, а правила всѣ церковныя и Соборы въ басни вмѣняли, и осудиша ихъ неисходными быти, да не съюгы злобы своея роду человѣческому, и утвердиша истинный законъ Христіанскій, изъясня Святымъ Евангеліемъ и Апостоломъ правды Св. Апостоль, а прелестныхъ посрамиша. И въ которое время у Митрополита (Макарія) истязалися съ Перфиломъ о Чудотворцахъ. еже глаголють святаго Николу проста мужа, и въ то время Николу Гостунскій Чудотворецъ въ храмѣ своемъ у своего образа простилъ (т. е., исцѣлилъ) сына Боярскаго, разслабленна руками и ногами, Тулянина, Григорія Сухотина, на молебнѣ: во единъ часъ сталъ здравъ, яко же ничимъ вредимъ, и прииде Протопопъ Никольскій Аммосъ, и того Григорья прощенного привелъ къ Митрополиту на Соборъ, и увѣдавъ все отъ самаго прощенного чудо, збывшееся Богомъ и Его Угодникомъ, и прославиша Бога, истиннаго Христа нашего, и Угодника Его, Николу, иже не оставляетъ рабовъ своихъ, уповающихъ на Бога, и богохульныхъ еретиковъ злѣ посрамиша.»

* См. «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскія», годъ 3-й, N. 9, Царствованіе Ивана Васильевича Грознаго, В. Н. Татищевъ, стр. 389 и 930.

Это случилось въ 1553 году, а черезъ два года (какъ записано имъ же). т. е., «въ 1555 году, мѣсяца Октября въ 7-й день, послѣ возвращенія изъ Казанскаго похода, священа бысть Церковь великаго Чудотворца Николая Гостунскаго того же ради, что подпisha ю и украсила всякими потребами церковными, а священа бысть Макаріемъ, Митрополитомъ всея Россіи. Бѣ же на освященіи Благовѣрный Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Руси. и съ братомъ своимъ, съ Княземъ Юріемъ, и съ Болары и ножествомъ народа.» *

Выше было замѣчено, что мѣстное преданіе относитъ построение нынѣ существующаго въ селѣ Николо-Гостуни собора ко временамъ Ивана Васильевича Грознаго; нѣтъ ничего неправдоподобнаго предположить, что храмъ этотъ обратилъ на себя вниманіе Царя въ виду изъ него поѣздокъ по своей отчинѣ (опричинѣ). Въ Синодикѣ праздненнаго Перемышльскаго Успенскаго Шаровкина монастыря написано, что онъ ѣздилъ въ Бѣлевъ (къ уѣзду котораго тогда принадлежало село Николо-Гостунское) въ 7053 (1564) году, а на престольный крестъ (о которомъ будетъ упомянуто ниже), относящійся, по надписямъ, къ 1562 году, подтверждаетъ предположеніе, то соборъ села Николо-Гостунскаго построенъ именно въ 1560 г.

Мѣстная храмовая, также знаменоносная, икона сельскаго Николо-Гостунскаго собора есть, по всѣмъ вѣроятіямъ, точная копія съ иконой, поставленная въ здѣшней Церкви, при взятіи изъ нея подлинника въ Москву, въ 1506 году. Она мѣрою въ длину 1 аршинъ 12 вершковъ, написана на липовой доскѣ древнимъ Греко-восточнымъ пошибомъ. Ликъ Чудотворца выразителенъ и величественъ.

* Смотр. тамъ же, стр. 418. Московскій Гостунскій соборъ сломанъ, по повелѣнію Императора Александра Павловича, въ 1816 году, а часть мощей Св. Николая, хранившаяся въ немъ съ 1714 года, иконы и утварь перенесены на колокольню Ивана Великаго въ Николаевскую церковь, обращенную тогда изъ древняго собора Рождества Христова. Гостунскій храмъ былъ вздратье предметомъ особаго благоговѣнія невѣсты и жениховъ Русскихъ: отцы и матери приходили сюда съ дочерьми своими послѣ сговора и, по совершениіи молебствія предъ иконою Чудотворца, записывали имена невѣсты и жениха въ книгу, хранившуюся подъ названіемъ Синодика въ церкви, какъ бы поручая черезъ то новообрученныхъ ходатайству и заступленію великаго Угодника. При этой церкви, въ концѣ XV вѣка, былъ Дьякономъ Иванъ Федоровъ, первый Московскій типографщикъ.

На иконѣ сребропозлащенная чеканная риза съ травами. Надпись въ клеймѣ: «Сдѣлана сія риза 1769 года мѣсяца Генваря въ Бѣлевской уѣздѣ, въ Соборъ Николая Чудотворца Гостунскаго, при Протопопѣ Алексѣи Андреевѣ;» вѣсу серебра 20 фунтовъ 32 золотника; вѣнецъ съ короною низанъ жемчугомъ среднимъ и мелкимъ по фольгѣ и убранъ простыми разноцвѣтными камушками. На поляхъ, по сторонамъ, изображены вверху Спаситель и Божія Матерь, ниже Богоотцы Іоакимъ и Анна. Эту ризу дѣлалъ Калужской серебряникъ Н. М. Золотаревъ, въ послѣдствіи извѣстный богачъ. Разсказъ о бывшемъ съ нимъ при этомъ событіи, характеризуетъ достаточно ту эпоху. Я слышалъ его отъ Козельскаго Протоіерея В. О. Сахарова, племянника бывшаго Гостунскаго Протоіерея Алексѣя Андреева, при которомъ сдѣлана риза на икону Святителя. Дорога, идущая черезъ Гостунь въ Лихвинѣ, еще въ половинѣ прошедшаго столѣтія, была небезопасна: въ ней гнѣздились шайка разбойниковъ, и если рѣдко убивали, то весьма не рѣдко обирали проѣзжихъ. Дѣло было въ 1763 году; разбойники, узнавъ, что Калужскому серебрянику И. М. Золотареву заказана риза на Гостунскую икону Св. Николая, сколько дано ему задатку, и сколько по счету слѣдуетъ получить денегъ, и когда именно будетъ возвращаться изъ Гостуни, остановили Золотарева въ упомянутомъ мѣстѣ, отобрали деньги и накрѣпко запретили ему, подъ угрозой преслѣдованія и смерти, сказывать кому либо о семъ происшествіи, а въ особенности помѣщику ближняго села Кипети, черезъ которое пролегаетъ дорога въ Калугу. Эта предосторожность основана была на извѣстномъ имъ усердіи владѣльца села Кипети къ Гостунскому собору и его Протоіерею Алексѣю Андрееву, котораго всѣ крестьяне села Гостуни и окрестныхъ деревень уважали и боялись, какъ недавняго своего владѣльца (ибо Гостунь и нѣсколько окрестныхъ деревень до 1764 года принадлежали къ собору) и строгаго карателя зла. Но Золотаревъ, добравшись до Кипети, разсказалъ о случившемся съ нимъ тамошнему помѣщику, и тотъ немедленно подъ конвоемъ препроводилъ его обратно въ Гостунь къ отцу Протоіерею. Начались негласные розыски, вѣрно было задерживать всѣхъ подозрительныхъ людей. Однажды, когда народъ находился въ полѣ, замѣтили неизвестнаго человѣка, пробиравашагося стороною изъ лѣса. Условившись между собою, крестьяне составили родъ облавы, и тѣмъ отрѣзали

оброму молодцу дорогу къ лѣсу, успѣли схватить его. Къ судамъ тогда не любили обращаться безъ крайней необходимости, а потому начали дѣло съ домашняго дознанія, состоявшаго въ томъ, что юйчанному придорожнику окрружили вокругъ головы бичевку и начали стягивать ее, побуждая сказать «сущую правду» о его товарищахъ; такимъ домашнимъ средствомъ скоро дознались, что онъ точно принадлежитъ къ шайкѣ разбойниковъ, укрывшихся въ ближайшемъ лѣсу, что ихъ болѣе 50 человекъ, что они ограбили И. М. Юлотарева; въ заключеніе разбойникъ, подъ угрозою смерти, обѣдалъ молча довести крестьянъ до самаго притона своихъ товарищей. Подъ предводительствомъ самаго отца Протоіерея, крестьяне, идя по указанію связаннаго разбойника, добрались до страшнаго и глубокаго лѣснаго оврага и сквозь чащу лѣса замѣтили въ немъ огоньки; но когда стали окружать притонъ, разбойники всполошились; однако успѣли переловить до 30 человекъ, остальные разбѣжались. Удачный поискъ былъ приписанъ особому заступленію Святителя и Чудотворца Николая. Пойманные были преданы въ руки правосудія и, грабительства въ Гостунскомъ лѣсу съ тѣхъ поръ прекратились. Сыщики и всѣ участвовавшіе въ этомъ походе были награждены богатою добычею, найденною въ лѣсномъ притонѣ. Между жителями села Гостуни и доселѣ сохранилась память о безстрашномъ и строгомъ Протоіерей Алексѣй Андреевъ, а самъ рассказчикъ этого событія въ малолѣтствѣ видѣлъ у своего дяди часть отобранныхъ во время оно отъ разбойниковъ бердышей.

Иконостасъ настоящей церкви, столярной работы XVIII столѣтія, по бѣлому полю украшенъ позлащенной рѣзбой; остальные мѣстные иконы Спасителя, Федоровской Божіей Матери и Св. Троицы * въ серебрянныхъ окладахъ. За лѣвымъ клиросомъ, на особомъ аналоѣ, поставлена другая, также мѣстнотимая, икона Св. Николая Чудотворца; писана на липовой декѣ длиною 10, шириною 7 $\frac{1}{2}$ вершковъ, стараго Русскаго письма на празелени. По преданію, она была походною иконою Царя и Великаго Кнзя Ивана Васильевича, и пожалована имъ въ сію Церковь въ память побѣды, одержанной на семь мѣстѣ надъ Литовцами. На поляхъ сей иконы изображены, на правой

* Риза на сію икону сдѣлана изъ привѣсовъ съ добавкою серебра и платою работою помѣщика Бѣлевскаго уѣзда сельца Иванова, П. Д. Кавелина.

сторонѣ: Святители Василиій Великій и Григорій Богословъ; на лѣвой Иоаннъ Предтеча и Иоаннъ Златоустъ, вверху: Апостолъ Петръ, Велюмученикъ Георгіи, Пресвятая Троица, Великомученикъ Дмитрій, Апостолъ Павелъ; внизу: Великомученикъ Никита, Мученикъ Мина, Апостолъ Іаковъ, Преподобномученица Евдокія, Святитель Кириллъ Александрійскій, Святитель Леонтій и Св. Андроникъ. Икона обложена серебropозлащеннымъ окладомъ, закрывающимъ лишь поля между изображеніями. На створцахъ (дверцахъ), которыя, судя по письму, придѣланы позже, изображены нѣкоторыя черты изъ житія и Святителя Николая и пять святыхъ лицъ: Благовѣрные Князья Борисъ и Глѣбъ, Св. Мученица Марія, Св. Мученикъ Феодоръ, Св. Феодоръ Стратилать и Пр. Ксенія. Это, очевидно, изображенія ангеловъ семейства Бориса Феодоровича Годунова, почему и можно съ достовѣрностію предположить, что створцы, также обложенные по просвѣтамъ и полямъ окладами, пожертвованы симъ Государемъ. При обѣихъ сихъ иконахъ было не мало привѣсовъ, кои въ разныя времена употреблены на оклады мѣстныхъ иконъ. Въ числѣ этихъ привѣсовъ были три деревянныхъ рѣзныхъ креста, шесть каменныхъ и одинъ стеклянный, облѣпанные серебромъ, которые, въ 1814 году, были представлены къ бывшему тогда Архіерею Пресвященному Евгению, Калужскому и Боровскому, но обратно въ церковь не поступали.

Крестъ на престольный осьмиконечный Русскаго дѣла, изъ липоваго дерева, обложенный серебромъ: лицевая сторона вызолочена: къ ней прикрѣплено серебряное, литое съ позолотою, распятіе; вверху онаго нерукотворенный образъ и два херувима литые, обращенные къ распятію, по сторонамъ распятія предстоящіе Божія Матерь и Иоаннъ Богословъ, а внизу Святитель и Чудотворецъ Николай. На концахъ креста вдѣланы въ гнѣздахъ семь разноцвѣтныхъ камней (достокановъ); какъ лицевая, такъ и задняя сторона истинны, первая рельефными, а вторая рѣзными къ глубь. Стяжками надписями, заключающими въ себѣ разныя прощанія и церковныя мѣсли въ похвалу честному и животворящему Кресту Господню. Въ концѣ надписи, съ задней стороны, находится слова, означающее время построения сего креста: «Сіе древо, честный крестъ, сдѣланъ дѣла 7070 года (1562 г.) Мая въ 1 день, при Царѣ Государѣ Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Россіи при Владимірскомъ, црѣ

Московскомъ, и Новгородскомъ, и Псковскомъ, Тверскомъ, и Смоленскомъ, и Югорскомъ, и Болгарскомъ, и при благовѣрныхъ Царевичахъ, Князѣ Иванѣ и Феодорѣ, и при благовѣрныхъ Князяхъ Георгіи и Владимірѣ, при Преосвященномъ Архіепископѣ Митрополитѣ Макаріи Московскомъ и всея Россіи, и Тимофѣѣ Сарскомъ и Подонскомъ, и произволеніемъ и замышленіемъ Священныхъ Іереевъ Святаго Николая Гостунскаго Попа Афонасія Петровича и Попа Филлимона и Дьякона....»

Сосуды служебные серебряные, мѣстами позлащенные, вѣсомъ въ 2 фунта; на поддонѣ потира надпись: «Повелѣніемъ Благовѣрныхъ Государыни Царицы Великой Княгини Евдокіи Лукіановны сдѣланы сіи сосуды; дала по дочери своей, благовѣрной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Иринѣ Михайловнѣ въ Бѣлевской уѣздѣ, къ церкви Чудотворца Николая Гостунскаго, лѣта 7150 (1642 г.).»

Ковшъ для теплоты серебряный, внутри позолоченный, вѣсомъ въ 56 золотниковъ; на немъ надпись по краямъ: «Повелѣніемъ Великаго Государя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, сдѣлана сія чарка въ соборную Церковь Николая Чудотворца Гостунскаго, что въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, въ лѣто 7177 (1669 года) Сентября въ 1 день.»

Евангеліе напрестольное листовое, Московской печати 1681 года: Верхняя дска обложена вся серебро-позлащеннымъ окладомъ. На срединѣ укрѣплено серебро-позлащенное изображеніе Воскресенія Христова, а по угламъ Евангелисты съ ихъ символическими знаками. На задней дскѣ наугольнички серебро-позлащенные безъ жуковъ. Застежки литыя съ изображеніемъ херувимовъ. Кругомъ дски сдѣлана рѣзными словами слѣдующая надпись. «Лѣта 7193 года (1685) Генваря въ 28 день, при Державѣ Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей, Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, и при Святѣйшемъ Іоакимѣ Патріархѣ Московскомъ и всея Россіи, и Преосвященномъ Варсонофіи Митрополитѣ Сарскомъ и Подонскомъ, построено сіе Евангеліе въ Бѣлевской уѣздѣ, въ Соборную Церковь Николая Чудотворца Гостунскаго, изъ мѣлкихъ мірскихъ прикладовъ, тоя жь Соборныя Церкви отъ Чудотворнаго образа Николая Чудотворца; а строилъ сіе Евангеліе Николаевской Пратополь Іоаннъ Феодоровъ съ братією, по благословенію Преосвященнаго Варсонофія Митрополита Сарскаго и Подонскаго.»

Въ церкви, какъ видно изъ одного документа, принадлежащаго къ 1814 году, хранились прежде три старыя антимины съ слѣдующими надписями: 1) «Освятися олтарь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа въ церкви лѣта 7177 (1669), мѣсяца Мая въ 4-й день, при Благовѣрномъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Алексѣи Михайловичѣ всей Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и при Великомъ Господинѣ Святѣйшемъ Іоасафѣ Патріархѣ Московскомъ и всея Россіи, и при Митрополитѣ Павлѣ Сарскомъ и Подонскомъ.» 2) «Освятися олтарь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа въ церкви лѣта 7178 (1670) мѣсяца Ноеврія въ 14 день, при Благовѣрномъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Алексѣи Михайловичѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и при Великомъ Господинѣ Святѣйшемъ Іоасафѣ Патріархѣ Московскомъ и всея Россіи, и при Митрополитѣ Павлѣ Сарскомъ и Подонскомъ;» и 3) «Сей антимины, си есть трапеза священная на приношеніе безкровныя жертвы въ Божественной Литургіи, освятися благодатию пресвятаго и животворящаго Духа, сего ради имѣеть власть священнодѣйствовать во храмѣ Николая Чудотворца, повелѣніемъ Благочестивѣйшія, Самодержавнѣйшія, Великія Государыни Нашей Императрицы Елизаветы Петровны всея Россіи, и благословіемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода; священнодѣйствованъ Преосвященнымъ Платономъ Епископомъ Сарскимъ и Подонскимъ, лѣта мірозданія 7250, отъ Рождества же Христова 1742, Индикта (не показано) мѣсяца (не показано) въ день (не показано).»

Книгъ богослужебныхъ древнихъ иѣтъ, а есть Синодикъ XVII столѣтія въ листъ, писанъ полууставомъ.

Въ общемъ поминовеніи упоминаются между прочимъ: иже побиты отъ Татаръ и отъ Литвы и отъ Нѣмецъ и отъ всякихъ языкъ иновѣрныхъ, побитыхъ Православныхъ Христіанъ, частныя роды: 1) Родъ Старицы Марѣы Ивановны (матери Царя Михаила Ѳеодоровича), Царицы Маріи, Царевны Пелагіи, Царевны Софіи, Царевны Евдокіи, Царевны Марѣы, монахини Марѣы; 2) Родъ именитыхъ Господъ Бароновъ Строгоновыхъ; 3) Родъ Князей Юрія Юрьевича и Князя Ивана Юрьевича Трубецкихъ; 4) Князя Ивана Андреевича Львова; 5) Маіора Афонасія Никифоровича Юшкова; 6) Князя Доконскаго; 7) Стольника Петра Ивановича Восейкова; 8) Заводчикъ Пелагіи Ивановны дочери Истомина; 9) Москвитина купецкаго чина Кудашевской слободы Ивана Дорофѣевича Мамонтова; 10) Па-

колаевскаго Священника Василя Дмитріера; 11) Села Дѣдинова крестьянина Шустова; 12) Родъ Николаевскаго Пона Θεодора Алексѣва; 13) Θεодора Дементьевича Воейкова; 14) Родъ Григорія Сафонова; 15) Родъ Артемія Осиповича Тевашевыхъ; 16) Родъ Сомовыхъ. что въ селѣ Князищевѣ; 17) Родъ Василя Желябужскаго; 18) Θεодора Щенотева; 19) Дмитрія Полонскаго; 20) села Сныхова, Кондыревыхъ; 21) Наума Никифоровича Мельгунова; 22) Андрея Аристова; 23) Дьяка Андрея Галкина; 24) Никиты Готовцева; 25) Симеона Сухотина; 26) Никифора Алексѣевича Давыдова; 27) Спафарьева; 28) Родъ Зыбиныхъ; 29) Афанасія Ивановича Левшина; 30) Родъ Григорія Матѣевича Кирѣевскаго; 31) Некраса Лавровича Кирѣевскаго; 32) Князя Юрія Михайловича Сонцева; 33) Книгини Ульяны Васильевны Троекуровой и Прозоровской; 34) Ивана Ивановича Чичерина; 35) Стольника.... Прокофьевича Щербачева и нѣкоторыхъ другихъ.

Бывшую теплую церковь, какъ выше было замѣчено, сломали не задолго до моего прїѣзда; я засталъ уже, какъ рыли рвы для закладки фундамента новой. На вопросъ мой у работниковъ, не попадалось ли имъ въ землѣ старыхъ монеть, одинъ отвѣтилъ: «Въ кабакѣ равно принимаютъ старыя и новыя.» А дьячекъ принесъ найденную копѣйку 1756 года; но какъ это не составляетъ особой рѣдкости, то я и возвратилъ ему оную обратно.

Колокольня, къ которой примыкала теплая церковь, стоитъ пока одиноко: низъ ея квадратный; второй этажъ, гдѣ помѣщаются колокола, осмерикъ съ пролетами, накрытъ шатровымъ верхомъ съ голосниками.

Кругомъ церкви ограды нѣтъ, но на западной сторонѣ цѣлы каменные тяжелые ворота, показывающіе предѣлъ церковной земли; они тоже починаются и будетъ строится ограда. На восточной сторонѣ домики и усадьбы Священника и церковно-служителей; тутъ же и небольшое озеро, на которомъ, по преданію, явилась икона Святителя Николая. 9 Мая издревле бываетъ довольное стеченіе богомольцевъ къ празднику Святителя и около церкви устраивается ярмарка, на которую прїѣзжаютъ мѣстные купцы (красноградцы) изъ Бѣлева и Лихвина, а окрестные помѣщики и крестьяне присылаютъ и приводятъ лошадей.

Торговые базары строятся на церковной счетъ и поземельными деньгами поступаютъ въ церковную сумму.

Изъ всего сказаннаго видно, что соборъ Николо-Гостунскій въ настоящемъ своемъ видѣ служитъ болѣе памятникомъ времени Царя Ивана Васильевича Грознаго, нежели Михаила Федоровича Романова. Осмотрѣвъ все, въ немъ заключающееся, самымъ тщательнымъ образомъ, надѣмся, что послѣ нашего описанія уже не будетъ никому повода сказать, что это памятникъ, «забытый археологами».

И. А.

9 Мая, 1861 года.

Д Ъ Л О

О ПРОФЕССОРѢ МЕЛЬМАНѢ.

Читано въ Засѣданіи Общества 4-го Ноября.

Дневная записка объ исключеніи Мельмана изъ Университета, 31 Генваря 1795 года.

«Иоганъ Мельманъ, Экстраординарный Профессоръ и Ректоръ Греческихъ и Латинскихъ классовъ въ Университетской Гимназіи, предъ недавнимъ временемъ въ бытность свою у Его Высокопреосвященства Московскаго Митрополита Платона, обнаружилъ хульные и оскорбительныя свои мысли противъ Христіанской Религіи; а какъ по поводу сего его отзыва, дошедшаго по общему слуху до свѣдѣнія господина Куратора, Михаила Матвѣевича Хераскова, призванъ былъ онъ приватно къ Его Превосходительству, для испытанія его системы и образа мыслей, и въ присутствіи старшихъ четырехъ Профессоровъ не только явно обнаружилъ развратныя свои мысли противъ самаго основанія Откровенной Религіи, но даже торжественно сказалъ, что онъ долгомъ своимъ считаетъ сообщать сіе и другимъ, то въ предупрежденіе всякаго, могущаго изъ того произойти, разврата для обучающагося у него, Мельмана, юношества, господа Кураторы приказали Мельману изъ Университета исключить немедленно.»

Донесеніе (по запросу) Митрополита Платона Генераль-Прокурору Графу Самойлову о МельманѢ, 10 Марта 1795.

«Сіятелыѣйшій Графъ, Милостивой Государы! Полученнымъ мною Вашего Сіятельства писаніемъ изволите требовать, чтобъ я доставилъ Вашему Сіятельству свѣдѣніе о бывшемъ въ Университетѣ Профессорѣ МельманѢ, какія, въ бывшихъ двухъ его меня посѣщеніяхъ, были его отношенія ко мнѣ о Христіанской Религіи, и какія точно были его о сечь мысли и выраженія. На сіе Вашему Сіятельству имѣю донести. Оный Мельманъ до нынѣшняго году былъ мнѣ совсемъ невзвѣстенъ. Въ прошедшемъ Генварѣ мѣсяцѣ былъ онъ у меня въ домѣ по случаю. Я принялъ ево, какъ человека ученаго; и по многихъ, бывшихъ между нами двуия о разныхъ обыкновенныхъ матеріяхъ, разговорахъ, по случаю дошло слово до Религіи Христіанской. Мельманъ на сіе вызвался, что Религія Христіанская

основываться на разсудкѣ человѣческомъ и на философіи: я, напротивъ, не опровергая разсудокъ человѣческій, утверждаю, что паце, или единственно, надлежитъ утверждаться на словѣ Божіемъ. Но Мельманъ, напротивъ, хотя не казался совсѣмъ отвергать слово Божіе, однако не иначе, какъ если оно сходно съ разсудкомъ и философіею, при чемъ утверждалъ, что просвѣщенія къ нравоученію можно болѣе почерпнуть изъ языческихъ писателей, нежели изъ Церковныхъ Учителей. И симъ нѣкотораго рода диспутомъ, яко чрезъ часть между нами двумя только продолжавшимся, по многихъ взаимныхъ возраженіяхъ и рѣшеніяхъ, разговоръ сей кончился. И при отъѣздѣ ево отъ меня, не оставилъ я ему напомянуть, чтобы онъ о Религіи старался мыслить и разсуждать съ лучшимъ основаніемъ. Послѣ сего, какъ чрезъ недѣлю, прислалъ ко мнѣ оный Мельманъ письмо, коимъ объявляетъ, что ему отказываетъ Университетъ продолжать болѣе свою должность, развѣ съ условіемъ, чтобы онъ до нравовъ и Религіи нимало не касался; но что онъ такового условія принять не можетъ, развѣ съ нѣкоторыми ограничиваніями: притомъ, въ бывшемъ между нами разговорѣ, ежели въ чемъ онъ меня оскорбилъ, испрашиваетъ прощенія, и чтобы все то причестъ его неблагоразумію, невѣдѣнію и младости. А сверхъ всего того проситъ, чтобы исходатайствовать у Университета, дабы онъ оставленъ былъ при должности по прежнему. По полученіи мною такового письма, скоро и самъ Мельманъ ко мнѣ явился, и началъ свой разговоръ тѣмъ же самымъ, что въ письмѣ ево было. Я на сіе ему отвѣтствовалъ, что условіе, Университетомъ предлагаемое, есть справедливо, и что ему надлежитъ на принятіе его согласиться, доказывая то возможнымъ образомъ. Но Мельманъ ни какъ на сіе не согласился. Съ чѣмъ я его и отпустилъ, соболѣзнул о ево жребіи, и признавъ ево человѣкомъ сожалѣнія и снисходительнаго исправленія достойнымъ. Въ семъ состояло все мое съ Мельманомъ дѣло.»

Въ Тайной Экспедиціи Мельманъ объявилъ, что онъ Кантистъ и въ преподаваніи древнихъ писателей не можетъ не касаться нравственности и Религіи. Съ нимъ говорилъ Митрополитъ Евгеній и отзывался, что по Гречески знаетъ онъ недостаточно, а по Латини очень хорошо. Рѣшено: «выслать за границу, за рѣку Мемель.» Мельманъ выѣхалъ изъ Россіи въ сильнѣйшей меланхоліи и величайшей слабости, и умеръ въ городѣ Георгенбургѣ, въ 10 миляхъ отъ Кенигсберга.

Сообщилъ Д. Ч. С. Соловьевъ.

ПРОТОКОЛЬ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ,

1861 года, ~~Апрѣль 15-го дня.~~ ^{Мая 27-го}

1861 года, Мая 27-го дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Вукола Михайловича Ундольскаго, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ Графа М. В. Толстаго, И. Е. Забѣлина, А. Н. Леонасьева и Секретаря Общества Д. Чл. О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное свое засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи протокола послѣдняго засѣданія Общества 15-го Апрѣля, 1861 года, происходило слѣдующее. Читаны были

А. Отношенія:

1. Конторы Университетской Типографіи отъ 8-го Октября, 1860 года, за № 7344, комъ извѣщаетъ Общество о полученіи въ уплату: 1) за напечатаніе 4-хъ книгъ «Чтеній» 1859 года 1478 руб. 1¼ коп.; 2) 10-го Марта, 1861 года, за № 2024, за напечатаніе въ 1853 году дипломовъ на 26 руб., и въ 1856-мъ бланковы на 8 руб. 90 коп., всего же 1907 руб. 91¼ коп. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

2. Прокурора Московской Синодальной Конторы, отъ 18-го Мая, пол. 20-го, № 482, объ отсрочкѣ возвращенія двухъ рукописей подъ №№ 997 и 216 до Октября текущаго года. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

Б. Предложенія:

3. Д. Чл. А. П. Зернина, отъ 9-го Апрѣля, получ. 15-го, письмо къ Секретарю Общества о спискѣ съ одной Малороссійской лѣтописи, принесенной въ даръ библиотекѣ Харьковскаго Университета Профессоромъ онаго Калиниченкомъ. Лѣтопись эта находится въ одномъ сборникѣ, писанномъ въ прошломъ столѣтїи и принадлежавшемъ Генеральному Подскарбію Якубовичу; этотъ сборникъ кромѣ того заключаетъ въ себѣ еще нѣсколько Малороссійскихъ бумагъ. Определено: снести съ Харьковскимъ Университетскимъ Начальствомъ.

В. Приношенія

а. Матеріалами:

4. Профессора Московскаго Университета Н. А. Попова, 28-го Апрѣля: «Хронологіонъ Бѣжецкаго Верха, писанный Петромъ Воиновымъ въ половинѣ XVIII-го вѣка».

5. Соревнователя П. И. Бартенева, 14-го Мая: «Письма Царя Алексѣя Михайловича къ П. С. Хомякову, 1656—1657».

6. П. К. Щебальскаго, при письмѣ къ Д. Чл. и Секретарю Бодянскому, пол. 22-го Мая: «Дѣло о Байронѣ». Определено: означенныя въ §§ 4, 5 и 6 рукописи передать г. Бодянскому для разсмотрѣнія.

б. Статьями:

7. В. В. Мстиславскаго, отъ 14-го Мая, статья: «Что такое Славно? Топографическая замѣтка изъ исторїи древняго Новгорода».

8. А. Х—ва, получ. 22-го Мая: «Характеристика Русскихъ богатырей по былинамъ». Возвращена для пополненія.

9. Профессора Харьковскаго Университета, П. А. Лавровскаго, отъ 9-го Мая, 1861 г., пол. 15-го: «Стихотвореніе Хорватскаго поэта, Павла Витезовича, о Петрѣ Великомъ».

10. И. Е. Бецакаго: «Рѣчь Дашкова, читанная въ Бесѣдѣ любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, 14-го Марта, 1812 г.» получ. 15-го. Определено: передать означенныя въ §§ 7, 8, 10 статьи г. Д. Чл. Бодянскому для разсмотрѣнія.

в. Книгами:

1. Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, 9-го Апрѣля, получ. 21-го, изданія его: 1. «Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества. Томъ 2-й. Спб. 1859—61», «Сказанія о Святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ, по Сильвестровскому къ XIV вѣка. Спб. 1860».
2. Управленія Императорской Публичной Библиотеки, отъ 9-го Апрѣля, № 409, пол. 21-го: «Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1860 годъ. Спб.»
3. Соревнователя К. Тихонравова, отъ 14-го Апрѣля, пол. 21-го, особый оттискъ изъ № 14-го неофициальной части Владивскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1861 года: «Наперсный каменный зѣвъ въ Суздальскомъ Рождественскомъ соборѣ», на одной страницѣ.
4. Ректора С.-Петербургскаго Университета, отъ 13-го Мая, пол. 20-го: 1) «Актъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ по истеченіи 1860 года. Спб. 1861, и 2) Объявленіе Публичномъ преподаваніи наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ на 1860—61 годъ. Спб. 1861.»
5. Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ, пол. 20-го Мая: «Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg, VII serie, tome III, №№ 1—9. S.-Petersbourg 1860.»
6. Д. Чл. С. М. Соловьева: «Исторія Россіи. Томъ XI. Спб. 1861.» Пол. 23-го Мая.
7. Сгорѣальскаго (Герлицкаго) Общества Наукъ въ Верхней Лужицахъ, отъ 16-го Сентября, 1860 г. н. ст. «Neues Lausitzisches Magazin, 37 Band, 1—2 Doppelheft. Görlitz, 1860.» Пол. 26-го Мая, 1861 года.
8. Сербской Матицы въ Будинѣ: «Сербскій лѣтопись 1860 г.» Пол. 10-го Мая.
9. Комиссіи печатанія Государственныхъ грамотъ и договоровъ, отъ 25-го Мая, 1861 г., № 200, получ. 26-го, изданія ея: «Письма Русскихъ Государей и другихъ особъ Царскаго Двора. I. Переписка Петра I съ Екатериною Алексѣевною. II. Переписка Царицы Прасковьи Федоровны и дочерей ея, Екатерины и Анны Федоровны. М. 1861.»

20. Д. Чл. Графа М. В. Толстаго: «Святѣныя и древности Пскова. М. 1861» Пол. 27-го Мая.

21. Дм. П. Сонцева, отъ 26-го Мая, пол. 27-го, его сочиненіе: «Деньги и пулы древней Руси и пр. М. 1860». Определѣно: всѣ, поименованная въ §§ 11—21. книги и брошюры сдать въ бібліотеку Общества.

г. Вещамъ:

22. Кандидата коммерціи Николая Онисимовича Никулина, изъ Углича, отъ 26-го Апрѣля, письмо къ Д. Члену А. О. Вельтману: въ немъ посылаетъ для Общества въ даръ 7-мь Русскихъ старинныхъ ассигнацій, изъ коихъ 6-ть пятирублевыхъ (№ 707725, 1793 г.; 1205600, 1797 г.; 765877, 1804 г.; 1324396, 1807 г.; 5300606, 1810 г.; 1636645, 1811 г.) и одна 25 рублевая (№ 2686241, 1809 г.), да Финляндскаго Банка въ 50 коп. (№ 85995, 1839 г.). Выѣстъ съ тѣмъ общаетъ изъ своего собранія монеты Китайскихъ, Татарскихъ, Римскихъ и Русскихъ, выслать замѣчательнѣйшія изъ Русскихъ, на прим.: полуполушку, серебряную Псковскую денюгу и разныя серебряныя и мѣдныя, также жетоны и медали. Пол. 14-го Мая. Определѣно: благодарить.

23. Д. Членъ и Секретарь Общества О. М. Бодянской, на основаніи Устава Общества, предложилъ въ Дѣйствительные Члены Его Превосходительство, г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Николая Васильевича Исакова. Предложеніе было одобрено единогласно. Затѣмъ Его Превосходительство, Н. В. Исаковъ, былъ избранъ единогласно же въ Вице-Президенты Общества. Определѣно: вновь избранному Члену изготovitъ дипломъ на сіе званіе и просить его представить г. Министру Народнаго Просвѣщенія на утвержденіе избраніе его въ Вице-Президенты, на основаніи § 58 Устава Общества.

Въ концѣ засѣданія Общества Секретарь онаго представилъ только что отпечатанную 2-ую книгу «Чтеній» на сей 1861 годъ. Содержаніе оной слѣдующее:

I. Исслѣдованія. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи; VII, IX, X; соч. Вл. Милютинъ. (Окончаніе.) II. Матеріалы Отечественныя. Пословицы Русскаго народа. Сборникъ В. И. Даля. III. Матеріалы Славянскіе. Обзоръне древнихъ руб.

писей и книгъ церковныхъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, Д. Ч. Архим. Макарія. IV. Матеріалы Иностранныя. Записки Англійскаго Резидента Рондо о нѣкоторыхъ Вельможахъ Русскаго Двора въ 1730 году, Ю. Толстаго. V. Смѣсь. Описи дѣламъ по Секретной Коллегіи относительно Принца и Принцессы Брауншвейгъ-Люнебургскихъ и ихъ семейства. Мнѣніе Ген.-Аншефа, Малороссійскаго Генералъ-Губернатора и К. Графа Румянцева, о скуплѣ въ Малой Россіи Козачьихъ имѣній и проч. Краткое изложеніе предметовъ, взятое изъ правъ, въ Малой Россіи употребляемыхъ, по которому слѣдуетъ изобразить тѣ права, согласно праву, Высочайше подтвержденному. Мнѣніе, на какомъ бы основаніи завести порядокъ въ дачѣ чиновъ Армейскихъ Малороссійскимъ Старшинамъ. Записка изъ дѣла, произведеннаго въ Комитетѣ, Высочайше утвержденномъ при Правительствующемъ Сенатѣ, касательно правъ на дворянство бывшихъ Малороссійскихъ чиновъ. Мнѣніе Князя А. Б. Куракина по поставкѣ вина въ откупное содержаніе. Голосъ Сенатора И. П. Елагина о раздѣлѣ имѣнія Графовъ Воронцовыхъ съ ихъ невѣсткою, Графинею Анною Карловною Воронцовою жъ, урожденною Скавронскою. Мнѣніе Сенатора И. С. Захарова по дѣлу Англичанина Гоя, въ выпискѣ изъ за моря запрещенныхъ товаровъ. О цѣли предполагаемаго Общества вспоможенія Гражданскихъ чинамъ. Мнѣніе о истребленіи въ Москвѣ нищихъ. Графъ Ржевускій и его вопросы для рѣшенія. Лампада Царя Бориса Федоровича Годунова въ Ревелѣ, со снимкомъ, Д. Чл. Н. В. Закревскаго. О бракосочетаніи Петра Великаго съ Екатериною, сообщ. Соревн. Вл. Борисовъ. Письмо Адмирала Мордвинова къ Государю Императору объ увольненіи. Дозволеніе одной запрещенной книги. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 15-го Апрѣля, 1861 года. Определено: 2-ую книгу «Чтеній» раздать Г. Членамъ присутствующимъ и разослать отсутствующимъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

	Стран.
О Русскихъ школьныхъ книгахъ XVII-го вѣка; Д. Мордовцева	1 — 102

II

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Пословицы Русскаго народа; Сборникъ В. И. Дзля.	289 — 638
---	-----------

III

МАТЕРІАЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Путьшаствіе къ граду Іерусалиму Іероева, Іеромонаха Рачанинскаго, въ лѣто отъ бытія 7212, а отъ Р. Х. 1704, месеца Іюліа 3; съ предисловіемъ О. Бодянскаго	1 — 34
--	--------

ОГЛАВЛЕНІЕ.

IV

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

	Стр.
Путешествіе Венеціанца Марка Поло въ XIII столѣтіи, съ объясненіями А. Бюрка, и проч. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Н. Шемакина. Книги I-ой главы 1 — 21.	28 — 104

V

СМѢСЬ.

Реестръ Козацкихъ дѣлъ въ Польской Метрикѣ въ С.-Петербургѣ при 3-мъ Департаментѣ Сената.	1 — 3
Акты, до Русской и Польской Исторіи относящіеся, въ нѣкоторыхъ Архивахъ Швеціи, сообщ. Соревнователь А. Чумиковъ.	39 — 3
Записки Русскихъ людей. Библиографическія указанія Соревнователя Г. Геннади.	51 — 76
Два акта о спорѣ Шумль съ крестьянами селъ Иванова и Васильевского о переемныхъ пошлинныхъ деньгахъ за разные товары и продукты въ 1666 году, сообщ. Соревнователь Вл. Борисовъ.	77 — 84
Опытъ первоначальной исторіи земледѣлія и отношеніе его къ быту и языку Русскаго народа; Соревнов. Д. Шѣппинга.	81 — 94
Записки о Кизлярѣ	99 — 124
Краткое обзорніе Княжествъ Молдавіи и Валахіи въ политическомъ отношеніи, отъ образованія оныхъ въ Княжества до половины 1831 года	125 — 134
Мнѣніе Д. С. С. Магницкаго о наукѣ естественнаго права.	157 — 158
Его же: Рѣчь къ Императорскому Казанскому Университету, произнесенная 15 Сентября, 1825 г. . . .	160 — 161
Отношеніе Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа къ Митрополиту Новгородскому, С.-Петербургскому, Эстляндскому и Финляндскому, отъ 24 Мая, 1824 г.	162 — 164

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Письмо Адмирала Мордвинова къ Статсъ-Секретарю Оленину, отъ 21 Мая, 1825 года	164 — 166
О Графѣ Ѳ. В. Растопчинѣ и о событіяхъ 1812 года въ Москвѣ.	167 — 182
Рѣчь Дашкова, читанная въ Бесѣдѣ любителей Словесности, наукъ и художествъ 14 Марта, 1812 года.	183 — 186
Село Николо-Гостунское съ его древностями; I. Л.	187 — 198
Дѣло о Профессорѣ Мельманѣ, сообщ. Д. Чл. С. Соловьевъ	199 — 200
Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Апрѣля 15 дня, 1861 года.	201 — 205

ПОПРАВКА.

Въ статьѣ: «Село Николо-Гостунское съ его древностями», на стр. 191, строк. 21 и слѣд. сказано: «Мѣстная храмовая, также знаменосная, ~~являющаяся~~ сельскаго Николо-Гостунскаго собора есть, по всеѣмъ вѣроятіямъ, точная копія съ явленной, поставленная въ здѣшней церкви, при взятіи изъ нея подлинника въ Москву, въ 1506 году». Это надобно исправить такъ: «Жители села Гостуны, ~~привезшіи~~ ваяти въ Москву ихъ родной святыни, перенесли чествованіе свое оной иконой ~~на~~ другую икону того же сватителя, бывшую въ ихъ храмѣ. Икона эта носитъ ~~на~~ себѣ признаки глубокой древности, а письмо лучше Московской. Существенная разница въ изображеніяхъ на этихъ двухъ иконахъ состоитъ въ томъ, что въ Московской явленной на поляхъ изображены въ кѣтъкахъ чудеса изъ жизни Святителя, а на Гостунской Чудотворной (находящейся въ селѣ Гостуни) на поляхъ изображены по сторонамъ: Спаситель, Божія Матерь и Богоотецъ Іоакимъ и Анна».
